

ВОЛОГДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

**МАТЕРИАЛЫ VII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ**

28 марта – 1 апреля 2022 года

ВОЛОГДА • 2022

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

*Материалы VII международной научно-практической
интернет-конференции
(г. Вологда, 28 марта – 1 апреля 2022 г.)*

Вологда
2022

УДК 316.1:316.43

ББК 60.524:60.59

Г52

Публикуется по решению Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

Редакционная коллегия:

А.А. Шабунова, доктор экономических наук, директор ФГБУН ВолНЦ РАН;

О.Н. Калачикова, кандидат экономических наук, зам. директора, зав. отделом ФГБУН ВолНЦ РАН,

М.А. Груздева, кандидат экономических наук, зам. зав. отделом ФГБУН ВолНЦ РАН,

Г.В. Леонидова, кандидат экономических наук, зав. лабораторией ФГБУН ВолНЦ РАН,

О.В. Третьякова, кандидат филологических наук, зав. отделом ФГБУН ВолНЦ РАН

Г52 **Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений:** материалы VII международной научно-практической интернет-конференции (г. Вологда, 28 марта – 1 апреля 2022 г.) / Вологодский научный центр Российской академии наук; [редакционная коллегия: А.А.Шабунова (ответственный редактор) и др.]. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2022. – 730 с.: ил., табл. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Текст: электронный.

ISBN 978-5-93299-547-1

В сборнике представлены доклады участников VII международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», проходившей на площадке Вологодского научного центра РАН с 28 марта по 1 апреля 2022 года.

В конференции приняли участие социологи, экономисты, демографы, юристы и представители смежных наук из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. Диалог исследователей был нацелен на поиск эффективных форм адаптации общества и государства к новой социальной реальности в контексте современных глобальных вызовов, в том числе сформированных в период пандемии коронавирусной инфекции. Обсуждение вопросов конференции проходило в пяти тематических секциях: «Современные демографические вызовы в условиях пандемии», «Гуманитарная политика государства в новой социальной реальности: опыт пандемии COVID-19», «Экономика регионов и глобальные вызовы: уроки пандемии», «Проблемы и перспективы развития рынка труда и занятости населения в эпоху глобальной нестабильности», «Гражданская самоорганизация в условиях пандемии COVID-19: новые вызовы и возможности».

Материалы конференции будут полезны для научных работников, социологов, экономистов, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся вопросами социально-экономического развития России.

УДК 316.1:316.43

ББК 60.524:60.59

ISBN 978-5-93299-547-1

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022

Содержание

<i>Предисловие</i>	11
Пленарное заседание	
<i>Гужавина Т.А., Ясников Н.Н.</i> Включенность в общественную жизнь, или где возникает социальный капитал	15
<i>Доудоу Я.</i> Бывшие китайские «оставленные дети» как нынешние субъекты родительского труда: представления о числе детей и затратах на их образование	22
<i>Замятина М.Ф.</i> Межсекторное взаимодействие как инструмент развития территории в контексте современных глобальных вызовов	28
<i>Титаренко Л.Г.</i> Трансформация высшего образования в Республике Беларусь в условиях цифровизации и пандемии	35

Часть первая

Секция 1. Современные демографические вызовы в условиях пандемии

<i>Батыркаев Р.Р., Зеленин Л.А., Паначев В.Д., Вербицкий А.С., Оплетин А.А.</i> Здоровьесбережение личности студента средствами физической культуры и спорта	42
<i>Бражина Е.И., Шляпникова Ю.О.</i> Современная ковидная конфигурация в мире и в России	48
<i>Власова Н.В., Липатова К.В.</i> Демографические процессы 2018–2021: естественное движение и миграция	54
<i>Галкина Е.П., Егорова Э.В.</i> Некоторые аспекты проблем сферы здравоохранения в России во время пандемии COVID-19	59
<i>Галкина Е.П., Крашенинникова Н.А.</i> Актуальные проблемы мирового общественного здоровья в 2020–2021 гг.	63
<i>Денисов М.И.</i> Влияние пандемии COVID-19 на миграционную ситуацию в Российской Федерации	69
<i>Дорошенко Т.А., Ли Е.Л., Самсонова Н.А.</i> О необходимости включения сценария «кризис» в модель прогнозирования демографических процессов	72
<i>Короленко А.В.</i> Влияние пандемии COVID-19 на продолжительность жизни населения регионов Северо-Запада России	78
<i>Кузьмина Л.К.</i> Пространство здравоохранения в национальном проекте «Здравоохранение»	84
<i>Линейцева А.А.</i> Гендерное неравенство в период глобальной нестабильности	88

<i>Милаева Т.В.</i> Влияние ненадёжности трудовой занятости во время пандемии COVID-19 на психическое здоровье и благополучие населения	92
<i>Митрофанова С.Ю.</i> Дружба как коммуникативная практика детей	99
<i>Мосиенко О.С.</i> Самооценка состояния физического здоровья медицинских работников в период пандемии COVID-19	104
<i>Нацун Л.Н.</i> Влияние некоторых психологических факторов на установки в отношении продолжительности жизни	111
<i>Парахонская Г.А.</i> Миграционные установки студенческой молодежи малых городов российской провинции	115
<i>Пивоваров А.М.</i> Два подхода в формировании сексуального общественного здоровья	119
<i>Попова Л.А.</i> Уровень и структура смертности населения России в условиях пандемии	123
<i>Разварина И.Н.</i> Психологические проблемы родителей и детей 7 лет в период пандемии COVID-19 в вологодской области	128
<i>Салахутдинова Р.Х.</i> К вопросу о необходимости перехода к решению демографических вопросов как к многофакторному процессу	136
<i>Спанкулова Л.С., Чуланова З.К.</i> Современные тренды демографических процессов: влияние пандемии COVID-19 и прогноз будущего развития	142
<i>Черняк Ю.Г., Шкурова Е.В., Кудревич М.А.</i> Практики сохранения здоровья населением Беларуси в условиях распространения COVID-19	149
<i>Чистякова Н.Е.</i> Смертность населения регионов Северо-Западного округа Российской Федерации: современная ситуация	155
<i>Шабунин Д.М.</i> Демографические вызовы региональному социуму	160
<i>Шматова Ю.Е.</i> 17-летние подростки и их родители в стрессовой ситуации пандемии COVID-19	165

Секция 2. Гуманитарная политика государства в новой социальной реальности: опыт пандемии COVID-19

<i>Архипова В.А.</i> Социальная зрелость студентов вузов как основной фактор успешности учебной деятельности в период вынужденного дистанционного обучения	173
<i>Башкуева Е.Ю.</i> Управление системой здравоохранения в условиях пандемии COVID-19: опыт Республики Бурятия	178
<i>Богдан Д.И., Власова О.В.</i> Качество высшего образования в период пандемии: социологический аспект	184
<i>Верецкая А.И., Довейко А.Б., Квасова А.А., Стеценко А.И.</i> Вузовские руководители о специфике функционирования высших учебных заведений региона в период пандемии	188

<i>Груздева М.А., Калачикова О.Н.</i> Проект «Пушкинская карта» как ответ на новые и системные вызовы в развитии региональной сферы культуры	195
<i>Захаров Н.Г.</i> Субъективное благополучие в научном дискурсе	200
<i>Космакова А.С.</i> Обеспечение доступности и качества высшего образования в условиях пандемии	205
<i>Ласточкина О.С.</i> Комфортная городская среда как инструмент регулирования миграционных процессов муниципалитетов Вологодской области	209
<i>Леонидова Г.В.</i> Реформирование образования продолжается	216
<i>Морев М.В.</i> Реакция населения на действия органов власти в период первой волны коронавирусной инфекции (март – апрель 2020 г.)	220
<i>Некрасова М.Н., Хохлова И.С.</i> Социальная поддержка населения в условиях COVID-19: сравнительный анализ	227
<i>Пугачев А.А.</i> Справедливость налогообложения и равенство: ретроспектива экономической мысли и новая социальная реальность России	232
<i>Саакян А.С., Авдалян Л.Н.</i> Проблемы анализа бедности в Армении: статистический подход	238
<i>Скворцова М.Б.</i> Риски цифровизации социальных услуг	244
<i>Смолева Е.О.</i> Стресс и стратегии его преодоления в оценках населения Вологодской области	250
<i>Фатхуллина Л.З.</i> Финансовый потенциал домашних хозяйств региона ...	255

Секция 3. Экономика регионов и глобальные вызовы: уроки пандемии

<i>Агафонова Д.Ю., Худякова Ю.</i> Влияние ковидной конфигурации на состояние агропромышленного комплекса	261
<i>Андрианова Е.В., Давыденко В.А.</i> Всеобъемлющие вызовы новой реальности эпохи глобальной нестабильности (факторы ковида и «специальной военной операции») для сельских территорий России и Украины	266
<i>Анохина Е.М.</i> Особенности формирования комплекса предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в регионах в низком уровне социально-экономического развития	272
<i>Богатырёв Х.А., Аптекарев А.Н., Проскуракова С.И.</i> Информационные войны в период пандемии: причины и социальные последствия	276
<i>Бримбетова Н.Ж.</i> Последствия пандемии и новая социальная реальность в регионах	281
<i>Вещагина В.Л., Карасева Е.А., Радкевич А.Д.</i> Развитие туризма в постковидный период: опыт Шотландии	287

<i>Волкова Р.С.</i> Реализация стратегий агрессивной рекламы в современной интернет-среде	293
<i>Вопиловский С.С.</i> Источники энергии, определяющие курс современной энергетики	296
<i>Гринчель Б.М.</i> Оценка влияния COVID-19 на экономическое развитие регионов России	302
<i>Грузан А.В.</i> Глобализация или регионализация: новая управленческая модель	308
<i>Джанелидзе М.Г., Шестакова Н.Н.</i> Российская экономика в условиях сочетанных шоков: поиск путей выхода	314
<i>Джанелидзе М.Г. Шестакова Н.Н.</i> Социальный контекст цифровой трансформации	320
<i>Жигалина М.В.</i> Девиантное поведение в сфере ЖКХ как фактор, влияющий на устойчивое развитие региона	326
<i>Иванов В.А.</i> Состояние и перспективы развития оленеводства на Европейском Севере	332
<i>Кадырова В.Ю.</i> Трансформация социальной солидарности в городском пространстве в условиях глобальной нестабильности	337
<i>Кузнецова Ю.А.</i> Развитие инноваций как ключевое требование в условиях пандемии	340
<i>Кукушкин В.Л., Ухов А.Е.</i> Проект Федерального Закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления» как итог 30-летнего реформирования местного самоуправления	344
<i>Курушина Е.Г.</i> Основные тенденции развития малого бизнеса в крупных городах России в условиях пандемии	350
<i>Леонов С.Н., Барабаш Е.С.</i> Особенности и пространственная специфика межмуниципального сотрудничества в Российской Федерации	356
<i>Макаренков Д.А., Цедилин А.Н., Беренгартен М.Г., Афлятунова Г.Р.</i> Экологические принципы устойчивого развития химической и смежных отраслей промышленности в условиях планетарных вызовов	362
<i>Мальшиев М.К.</i> Ключевые финансовые показатели холдинга ПАО «Северсталь» и их влияние на доходы бюджетной системы	368
<i>Назарова Е.А.</i> Устойчивость конкурентной привлекательности экономического развития регионов Северо-Западного федерального округа под воздействием глобальных вызовов и рисков	374
<i>Никитина Т.Н.</i> Малое предпринимательство в ситуации социальных рисков	380
<i>Нурланова Н.К.</i> Региональные дисбалансы в экономике страны и принципы инклюзивного развития (на примере Казахстана)	386
<i>Пашкевич О.А.</i> Развитие сельских территорий в республике Беларусь: проблемы, тенденции, регулирование	391

<i>Русакевич П., Садоха В.Е.</i> Рейтинг сайтов образовательных организаций Беларуси, предлагающих обучение на английском языке	397
<i>Самутина М.А.</i> Государственные закупки в условиях пандемии COVID-19	402
<i>Сахапова Э.М., Громова Л.П., Мубаракшина А.Н.</i> Состояние и тенденции развития малого и среднего бизнеса в период пандемии	406
<i>Соловьева Т.С.</i> Возможности социального предпринимательства в решении проблем устойчивого развития территорий	410
<i>Тарасов В.Т.</i> Как изменилась структура денежных доходов населения России в разрезе макрострат за прошедшие 20 лет	416
<i>Тернер Е.Ю.</i> Тенденции развития финансовой системы: банковские технологии	422
<i>Тихомирова В.В.</i> Реальный сектор экономики: конкуренция на внутреннем рынке социальных услуг в Республике Коми	428
<i>Туранова М.В.</i> Управление отходами производства и потребления в условиях глобальной пандемии COVID 19	433
<i>Усов В.В.</i> Правосознание, правовое поведение предпринимателей и социальная аномия в сфере малого и среднего бизнеса в период пандемии: взаимосвязи явлений	437
<i>Фесенко Р.С.</i> Влияние пандемии COVID-19 на потребительское поведение в регионах СЗФО РФ	443
<i>Чернова О.А.</i> Оценка резилиентности малого и среднего бизнеса Ростовской области в условиях коронакризиса	450
<i>Шашкин Д.И., Щетина В.И.</i> Судьбы сельских территорий и жизненные миры активных селян	455
<i>Шелгинская В.А.</i> Ивент-деятельность в условиях пост-пандемии: новые вызовы	460
<i>Широкова Е.Ю.</i> Влияние пандемии и геополитики на развитие высокотехнологичного сектора России	465
<i>Шень Сьюмин.</i> Пандемия как катализатор развития железнодорожного сообщения КНР	469
<i>Шень Сьюмин, Гринцевич Л.В.</i> Методы антикризисного управления проектом «Один пояс, один путь» в условиях напряжения в мировой экономике	474
<i>Шолина Е.А., Родин А.В.</i> Внедрение бережливых технологий как инструмента реабилитации экономики в постпандемийный период ..	479
<i>Щербакова А.С.</i> Переход сельского хозяйства на новые подходы функционирования	484

Секция 4. Проблемы и перспективы развития рынка труда и занятости населения в эпоху глобальной нестабильности

<i>Батыршина Э.И., Бикмаева А.Д.</i> Анализ уровня молодежной безработицы в Российской Федерации	491
<i>Белехова Г.В.</i> Гендерная специфика качества трудовой жизни занятого населения: региональный срез	494
<i>Гирфанова Е.Ю.</i> Проблема востребованности финансовых менеджеров на рынке труда	500
<i>Грабельных Т.И., Саблина Н.А.</i> Современная модель высшего образования в условиях мирового кризиса: новые сферы взаимовлияния институтов образования, труда и занятости	504
<i>Железко Б.А., Синявская О.А.</i> Дуальное обучение: опыт внедрения и особенности в условиях пандемии	510
<i>Ивановская А.Л.</i> Анализ социально-экономических показателей трудовой жизни занятого населения Российской Федерации	516
<i>Исупов А.М., Мартышкин С.А., Прохоров Д.В.</i> Занятость населения Самарской области в эпоху глобальной нестабильности	521
<i>Кадничанская М.И., Пондякова Е.А.</i> Развитие нестандартных форм занятости в период пандемии	527
<i>Кройтор С.Н.</i> Трансформация труда и занятости под воздействием пандемии COVID-19	531
<i>Михайлов В.А.</i> Успешный руководитель в гендерном измерении: социологический аспект	538
<i>Морозов А.А.</i> Современные проблемы занятости в Российской Федерации	543
<i>Морозова Л.Р.</i> Актуальные тренды в развитии системы здравоохранения: нарастающий дефицит медицинских кадров	548
<i>Плотникова Е.Б., Маркова Ю.С.</i> Коллективистские ценности как основа культуры доверия на российских промышленных предприятиях	552
<i>Романович Н.А.</i> Пять уроков пандемии для российских предпринимателей	557
<i>Соловьев А.К.</i> Эффективность государственной пенсионной системы России в условиях радикальной трансформации рынка труда	565
<i>Соловьева Т.С., Попов А.В.</i> Обеспеченность организаций г. Вологды трудовыми ресурсами: социологический аспект	569
<i>Терехова Ю.С., Терехов А.М.</i> Статистический анализ динамики уровня безработицы в России в период пандемии COVID-19	575
<i>Тетеринец Т.А.</i> Национальная система квалификаций как инструмент повышения качества человеческого капитала	579
<i>Тутик Е.С.</i> Отношение к трудовым мигрантам со стороны населения г. Твери	583

<i>Хоткина З.А.</i> Бифуркации российского рынка труда: 2020-2022 годы	589
<i>Хузахметов Р. Р., Ромашкина Г.Ф.</i> Активная самостоятельность в структуре человеческого капитала	594
<i>Шатунова Т.Е., Герасимова И.С., Нестерова А.Е.</i> Проблема актуальности гендерной асимметрии в менеджменте современных организаций в условиях VUCA-мира	599
<i>Яковлева Н.И.</i> Технологизация в сфере труда: тенденции, перспективы ...	603

Секция 5. Гражданская самоорганизация в условиях пандемии COVID-19: новые вызовы и возможности

<i>Балабейкина О.А., Болотова А.А.</i> Роль мажоритарной религиозной организации в борьбе с последствиями пандемии COVID-19: кейс римско-католической церкви Филиппин	609
<i>Власова Н.В., Слипченко В.А.</i> Добровольческая деятельность в новой социальной реальности	615
<i>Дементьева И.Н.</i> Потенциал протеста городских жителей в условиях пандемии	623
<i>Дмитриева А.А., Попова А.В., Федченко А.Е.</i> Трансформация институтов социальной поддержки населения в ответ на актуальные эпидемиологические вызовы (на примере домашнего насилия)	630
<i>Каргаполова Е.В., Алексеева С.А.</i> Духовные практики как элемент социального капитала личности	634
<i>Косыгина К.Е.</i> Формирование институтов развития третьего сектора: региональные практики	638
<i>Кошкина А.А., Терентьев А.В.</i> Региональная идентичность в условиях пандемии COVID-19	644
<i>Кулакова А.Б.</i> Медиаволонтерство как инструмент гражданского воспитания школьников	649
<i>Кульминская А.В.</i> Самоорганизация студентов Уральского государственного медицинского университета в период пандемии COVID-19	653
<i>Ластовкина Д.А.</i> Социальный капитал и пандемия COVID-19	657
<i>Морошкина М.В., Утицына М.Н.</i> Оценка степени доступности и инклюзивности культурных сервисов и продуктов	663
<i>Нерсисян С.А.</i> Социально-экономическое участие диаспоры в кризисных ситуациях на родине	669
<i>Полюшкевич О.А.</i> Просоциальные практики волонтеров общественных организаций	675
<i>Рангин В.Ю., Большина Я.А.</i> Оценка эффективности социальных и политических инноваций в развитии органов власти и населения в период пандемии COVID-19	679

<i>Розанова Л.И.</i> Информационный изоляционизм как фактор деформации сознания.....	684
<i>Рыбак Н.С.</i> Общественное мнение в технологиях социального творчества в условиях глобализации и цифровизации	689
<i>Сахарова Е.В.</i> Волонтерство как адаптационная практика в условиях пандемии COVID-19	692
<i>Смирнова Н.С.</i> Поиск путей взаимодействия и баланса государства, бизнеса и гражданского общества в Вологодской губернии на примере взаимодействия Городской Думы и Вологодского городского общественного банка во второй половине XIX– начале XX века	697
<i>Соколова Т.Л.</i> Методы федерального государственного контроля (надзора) в области производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции в условиях пандемии COVID-19	702
<i>Тазиева Г.М., Юнусова А.А., Истиева Э.И.</i> Влияние COVID-19 на развитие добровольческого движения в России	707
<i>Тлеубердинова А.Т.</i> Междисциплинарный подход регулирования экономического поведения социума	711
<i>Уханова Ю.В., Айрапетян Э.М.</i> Национальные сообщества как субъект гражданского участия (на материалах общественной организации «союз армян Вологодчины»)	717
<i>Хохлова А.М.</i> Защита городских зеленых зон в период пандемии: между оспариваемой территорией и цифровыми платформами	724

Предисловие

С 28 марта по 1 апреля 2022 года на базе Вологодского научного центра РАН состоялась VII международная научно-практическая интернет-конференция «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений». Организаторами мероприятия выступили Вологодский научный центр РАН, отделение общественных наук Российской академии наук, Институт социологии НАН Беларуси, Ереванский государственный университет. В уже традиционном и зарекомендовавшем себя формате онлайн-дискуссии приняли участие молодые ученые и уже состоявшиеся специалисты из 28 регионов России, а также Армении, Беларуси, Казахстана и Донецкой Народной Республики.

Пандемия коронавируса COVID-19 испытала на прочность человеческую цивилизацию и показала высокую адаптивность современного общества к глобальным вызовам. Однако она не сбавляет оборотов: появляются новые штаммы вируса, регистрируются новые волны заболевания. Государства предпринимают ответные шаги: меняются подходы к контролю заболеваемости, не прекращается прививочная кампания, вводятся и отменяются карантинные мероприятия. На фоне развернувшейся борьбы разные социальные группы вынуждены формировать собственные стратегии адаптации к новым условиям и вызовам.

Для достижения Россией национальных целей народосбережения актуальными остаются вопросы выявления и прогнозирования отложенных эффектов пандемии в сфере демографического развития, функционирования систем здравоохранения и социальной защиты. Существенные трансформации претерпевают меры социальной поддержки населения и экономической поддержки бизнеса. Происходит переосмысление перспектив развития нестандартных форм занятости, в том числе, рисков и преимуществ удаленной занятости. Несмотря на существенный экономический ущерб и демографические потери, которые принесла пандемия, у пережитого кризиса есть и положительные эффекты. Так, пандемия активизировала процессы цифровизации в экономике и социальной сфере, послужила стимулом для развития гражданского общества.

Весь накопленный практический опыт государственного регулирования социальной сферы и преодоления последствий кризисных явлений последних лет требует систематизации и оценки с применением инструментария общественных наук. На пике актуальности остаются исследования, направленные на проведение международных сравнений практик государственного управления для выявления наиболее эффективных приёмов и инструментов преодоления и нивелирования последствий кризисной ситуации, связанной с пандемией. Выявляемые различия в региональной политике властей могут стать отправной точкой для дискуссии по поводу территориальных различий в последствиях пандемии коронавирусной инфекции для

экономики, отраслей социальной сферы, естественного и миграционного движения населения, неравенства в отношении здоровья и продолжительности жизни. Предметом пристального внимания исследователей также становится изучение текущего состояния и прогнозирование развития социума с учётом выработанных населением приёмов адаптации и влияния новых мер социальной политики.

Поэтому центром внимания исследователей на конференции стали вопросы поиска эффективных форм адаптации общества и государства к новой социальной реальности в контексте современных глобальных вызовов, в том числе сформированных в период пандемии коронавирусной инфекции. Работа интернет-конференции была организована по пяти научным секциям: «Современные демографические вызовы в условиях пандемии», «Гуманитарная политика государства в новой социальной реальности: опыт пандемии COVID-19», «Экономика регионов и глобальные вызовы: уроки пандемии», «Проблемы и перспективы развития рынка труда и занятости населения в эпоху глобальной нестабильности», «Гражданская самоорганизация в условиях пандемии COVID-19: новые вызовы и возможности». Всего в конференции 2022 года приняли участие более 190 человек из 35 научных и образовательных организаций. На интернет-форум конференции поступило более 500 сообщений.

Итоги мероприятия были подведены 1 апреля 2022 года на пленарном заседании, модератором которого выступила заместитель директора, заведующий отделом исследования уровня и образа жизни населения ВолНИЦ РАН к.э.н. О.Н. Калачикова. В режиме онлайн представили результаты научных исследований по актуальным социально-экономическим проблемам докладчики из Санкт-Петербурга, Екатеринбург, Вологды и Республики Беларусь (Минск).

Доктор социологических наук, профессор Белорусского государственного университета Титаренко Лариса Григорьевна обратила внимание на основные аспекты трансформации высшего образования в Республике Беларусь в условиях цифровизации и пандемии. Доклад главного научного сотрудника Института проблем региональной экономики РАН, доктора экономических наук профессора Маргариты Федоровны Замятиной был посвящен рассмотрению межсекторного взаимодействия как инструмента развития территории, много внимания было уделено реальным примерам конструктивного диалога представителей власти, бизнеса, общества для решения проблем развития региона. Большой интерес вызвал доклад аспиранта Уральского Федерального Университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина из Китайской Народной Республики (провинция Сычуань) Янь Доудоу, посвященный феномену «оставленных детей» как субъектов родительского труда. На основе данных массового опроса и глубинных интервью с китайскими семьями автор прослеживает влияние нахождения в статусе «оставленного ребенка» на репродуктивные планы и планирование затрат на образование детей. В заключение пленарного заседания к.ф.н. ведущий научный сотрудник Вологодского научного центра РАН Татьяна Анатольевна Гужавина рассказала об аспектах включенности в общественную жизнь и трансформациях социального капитала населения региона, в том числе под влиянием эпидемиологической неустойчивости и связанных с ней ограничениями и возможностями.

По итогам проведения интернет-конференции участникам традиционно были выданы именные сертификаты, лучшие доклады отмечены дипломами I, II, и III степени.

Следует сказать, что наметившиеся по итогам прошлых лет тенденции расширения географии участников конференции и охвата рассматриваемых вопросов, высокий уровень представленных докладов и качество обсуждения свидетельствуют о необходимости продолжения организации подобной дискуссионной площадки.

Настоящим и будущим участникам конференции хотелось бы пожелать столь же активного и заинтересованного участия, обсуждения актуальных вопросов современной повестки в рамках будущих конференций. Мы будем рады видеть среди участников нашего научного мероприятия теоретиков, методологов, практиков, управленцев и всех лиц, заинтересованных в развитии отечественной и мировой социогуманитарной науки, а также поиске практических решений, направленных на нивелирование основных социальных и экономических проблем.

*Шабунова А.А., д.э.н.,
директор ФГБУН «Вологодский научный центр РАН»*

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ВКЛЮЧЕННОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ, ИЛИ ГДЕ ВОЗНИКАЕТ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Аннотация. В данной работе показано различие в вовлеченности жителей Вологодской области в формальных и неформальных практиках общественного участия. Методом факторного анализа выделены две категории участников, ориентированных на мероприятия различного уровня.

Ключевые слова: общественная жизнь, социальное участие, формы участия, социальный капитал.

Введение. Современная жизнь требует от человека осознанной и активной включенности в различные сферы общественной жизни. Бурные общественные события современности не позволяют индивиду остаться в стороне. Это ведет к тому, что граждане все в большей степени превращаются в субъектов общественной жизни. Они включаются в различные формы общественной активности, среди которых сохраняются традиционные формы участия, но все большее распространение получают новые, с использованием современных цифровых технологий. Значительно расширяется репертуар применяемых практик. Иными словами, наблюдается существенное изменение общественного пространства.

Включение в общественную жизнь происходит через участие в деятельности формальных и неформальных структур [5]. К формальным структурам, например, можно отнести разнообразные организации и объединения политического, экологического, молодежного, ветеранского, профессионального характера, имеющие устойчивую структуру, фиксированное в той или иной мере членство, уставные и целевые документы и опирающиеся на правовые нормы в своей деятельности, взаимодействующие с властными структурами. Неформальными структурами становятся соседские и дружеские объединения, объединения по интересам, сетевые сообщества и др. По утверждению И. Скалабан общественное участие оказывает непосредственное влияние на текущие социальные и политические процессы, подвергается воздействию государственных структур, общественных объединений с целью регулирования [4]. Включенность в деятельность подобных сообществ создает **возможности** для **самореализации**, для формирования расширенного **локуса контроля** в социальном пространстве индивида. Включенность помогает преодолевать изолированность, ориентирует на совместные или коллективные действия. Важным результатом становится формирование **социального капитала** [3].

Исследовательский интерес связан со стремлением показать как включенность в функционирование формальных и неформальных сетей взаимодействия горизонтального плана влияет на формирование социального капитала как отдельного индивида, так и территориального сообщества в целом. В этом состоит цель данного исследования.

В анализе имеющихся эмпирических данных мы основываемся на следующих тезисах. Во-первых, социальный капитал трактуется нами как сеть социальных отношений, основанных на доверии, общих нормах и ценностях. Во-вторых, включенность в сети отношений обеспечивает актору доступ к ресурсам участников сети.

В-третьих, включение в сетевое взаимодействие происходит через формализованные (институционализированные: семья, образование, организация) и неформализованные структуры (сообщества в социальных сетях, круг друзей, единоверцы, соратники по интересам, соседи, земляки и т.д.). В-четвертых, участие актора во взаимодействии приводит к росту радиуса доверия, к расширению зоны слабых связей, к возможности доступа к ресурсам других индивидов, входящих в сети, что может рассматриваться как формирование социального капитала. В-пятых, процесс формирования социального капитала наталкивается на целый ряд препятствий как институционального, так и социального характера [1]. Сдерживающими факторами могут выступать нехватка ресурсов, знаний, опыта коллективной работы, общественное мнение, отсутствие поддержки со стороны МСУ и т.д.

Информационная база и методы. В качестве информационной базы исследования использованы результаты опросов общественного мнения, проведенных ВолНЦ РАН в 2020-2021 году на территории Вологодской области¹. В работе использована индикаторная модель измерения социального капитала, позволяющая оценить уровень его накопления у носителей [3]. Кроме построения интегральных индексов и переменных, использовался метод факторного анализа с вращением Варимакс, для вычисления переменных с максимальной нагрузкой на каждый отдельный фактор, что позволило выделить группы респондентов по ориентации на участие в общественно-полезной деятельности.

Опрос осуществлялся согласно формализованной анкете по месту жительства респондентов. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS версия 25 (статистический пакет для социальных наук). Для достижения поставленной цели применялись как общенаучные методы исследования: дискурс-анализ, сравнение, синтез, обобщение, индукция/дедукция и т. д., так и специальные методы работы с массовыми социологическими данными: построение и анализ линейных (одномерных) и парных (двумерных) частотных распределений и таблиц. В исследовании использованы два практических индикатора, соответствующих методике ESS. Индикаторами служат вопросы: «В каких формальных организациях Вы состоите» и «Какие дела Вы делали в последнее время». Все респонденты были разделены на группы в зависимости от форм активности, что позволило показать дифференциацию ответов самой инертной массы населения, которая не состоит и не участвует, активной, которая состоит в двух и более организациях или принимает участие в четырех и более практиках.

Результаты эмпирического анализа. *Включенность в формальные практики.* По данным Вологдастата в области официально зарегистрировано 1652 организации самой разной направленности². Это создает институциональные возможности для включения в различные виды деятельности и на различном уровне начиная от случайного участника и до руководителя организации. Однако такие ресурсы используются населением не в полной мере. Фактически мы имеем по результатам опросов общественного мнения данные о том, что доля граждан не участвующих в деятельности ни одной общественной организации и не включенная в практики

¹ Объем выборочной совокупности данного опроса составил в 2020 г. 1918 респондентов старше 18 лет, в 2021 г. 1550 чел. Выборка репрезентативная, квотированная по полу и возрасту.

² Общественные организации и объединения области // Вологдастат. URL: https://vologda-oblast.ru/obshhestvo/obshchestvennye_organizatsii_i_obedineniya_oblasti (дата обращения 21.03.22).

общественного участия через них составляет 82%. Общероссийские исследования дают примерно ту же картину [2]. Наиболее популярными формами институционального участия являются профсоюзные (3,8%) и ветеранские (2,8%) организации. Их популярность может быть связана с тем, что данные структуры имеют многолетние устойчивые традиции в практиках привлечения участников, обладают прочными связями с властными структурами, имеют необходимые ресурсы для достижения своих целей, умеют достичь результата и их деятельность касается базовых жизненных вопросов. В то же время объединения общественно-политической и правовой направленности наименее востребованы среди вологжан. Доля участников составляет около 1% и 0,5% соответственно. К категории новых и более современных форм можно отнести благотворительные практики (3,3%), деятельность по организации территориального самоуправления (2,8%), экологические практики, защиту животных (2,3%), популярность приобретают практики ЗОЖ (2,2%). Распределение респондентов по критерию количества используемых практик, что связано с участием в деятельности организаций, позволяет выделить группы неучаствующих (82%), состоящих в одной организации (12%) и состоящих в двух и более (6%).

Включенность в неформальные практики. Практики неформального участия показали достаточно большую распространенность среди населения. Наиболее популярны практики общественных работ по месту жительства (53%), работа в родительских комитетах детских садов и школ (19%), благотворительная деятельность (17%). В неформальных практиках значительно шире представлены практики общественно-политического характера. 13% респондентов принимали участие в подписании обращений и петиций в органы власти. Широкое распространение получает волонтерская работа (11%). Современные технологии создают возможности для новых практик. Так почти 13% респондентов включены в деятельность инициативных групп, встречающихся только через Интернет. О распространении неформальных практик среди населения области говорят и следующие данные: 35% за последнее время использовало хотя бы одну общественную практику, 22% две, 10% три, 5% четыре и 2% пять практик и более. В то же время 26% жителей Вологодской области не принимали участие ни в одном из перечисленных в списке мероприятий. Среди респондентов, как и в предыдущем случае, можно выделить по критерию количества используемых практик: неучаствующих (26%), вовлеченных в одну практику (35%), вовлеченных в две и более практики (37%). В последней группе наблюдается значительное разнообразие по количеству используемых практик в сравнении с вовлеченными в деятельность формальных организаций. Так в двух практиках участвовали 22% респондентов, в трех - 10% и в четырех и более 7%.

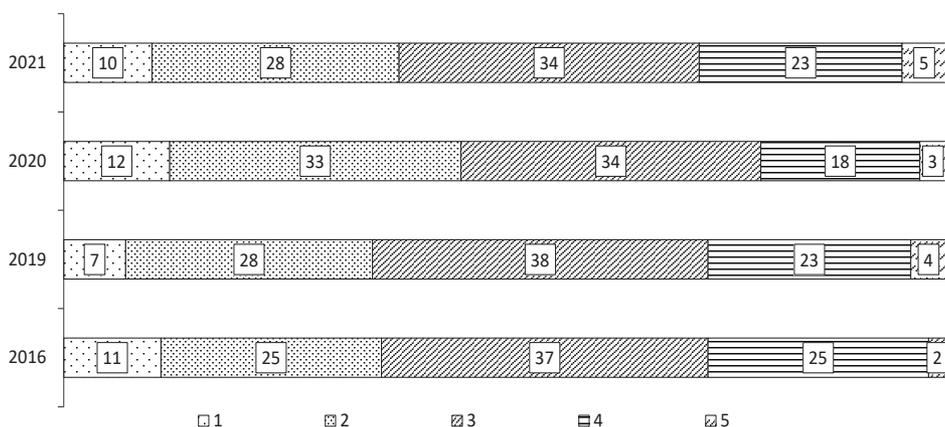
Анализ полученных данных с применением факторного анализа позволил выделить среди респондентов две категории. Одна – это группа людей, ориентированных на преодоление проблем более масштабного характера (борьба с пандемией, ликвидация последствий стихийных бедствий и т.п.) и вторая, это те, кто готов заниматься практическими делами местного характера (помощь животным, самоуправление домом и т.д.) (табл. 1).

Таблица 1. Результаты факторного анализа практик включенности в общественную жизнь

Практики включенности в общественную жизнь	Компонента	
	глобалисты	местные
Участвовать в самоуправлении домом, подъездом	0,182	0,816
Обустройства территории проживания (дом, двор, город)	0,264	0,839
Помогать нуждающимся людям	0,385	0,73
Заботиться о бездомных животных	0,383	0,663
Бороться с преступностью, пьянством, наркоманией	0,625	0,392
Протестовать против неправильных действий властей	0,533	0,42
Защитить свои права	0,457	0,563
Провести досуг (пойти на массовое мероприятие, проведение культурных мероприятий)	0,554	0,449
Принять участие в ликвидации последствий стихийных бедствий	0,751	0,342
Включиться/поддержать в экологическое движение (раздельный сбор мусора...)	0,717	0,393
Преодолевать последствия пандемии COVID-19	0,848	0,198
Разрешать трудовые споры (незаконное увольнение и т.п.)	0,816	0,212
Метод выделения: Анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера.		

Мало кто готов участвовать в политической деятельности, особенно протестного характера. Как показал анализ данных причинами неучастия могут быть как опасение оказаться в оппозиции к местной власти, так и нехватка ресурсов, опыта, неверие в возможность достижений, отсутствие лидеров и информации об успехе. Немало и тех, кто может быть определен в терминах теории коллективных действий (М. Олсон) как «безбилетники». Они считают, что можно воспользоваться тем, что сделали другие. Таким образом значительны и барьеры для включения населения в общественную жизнь

Включенность и социальный капитал. Включенность в общественные практики имеет одним из своих последствий формирование социального капитала участников. Используемая в исследовании индикаторная модель измерения социального капитала позволяет увидеть его накопление в динамическом аспекте. Первые замеры были проведены в 2016 году. Данные показывают нам как изменения в «красной зоне», вбирающей в себя носителей минимального социального капитала, так и изменения в «зеленой зоне», символизирующей социальный капитал высокого уровня. Сравнение данных за 2019, 2020 и 2021 годы показывают влияние кризисного периода, связанного с пандемией на падение социального капитала. Доля носителей высокого и относительно высокого уровня сократилась с 27% в 2019 г. до 21% в 2020 г. Именно в этот период были ограничены инвестиции в социальный капитал, свернуты коммуникации, были ограничены возможности прежде всего для институционализированного участия. Но получили распространение неформальные практики, особенно реализуемые через интернет. А 2021 год, когда локдаун был отменен и коммуникации стали восстанавливаться, когда общество в определенной степени адаптировалось к условиям пандемии, можно считать временем восстановления социального капитала.

Распределение респондентов по уровню накопленного социального капитала в Вологодской области (в %, по годам)

О процессе формирования социального капитала в процессе включенности в общественно-полезную деятельность можно судить по тому, как сохраняются у людей контакты, возникшие в процессе взаимодействия. 13% участников общественных практик продолжают поддерживать свое общение со многими, 25,5 % общаются с некоторыми, 6% сохраняют связи с организаторами. Оставшиеся, более 50% не сохраняют свои связи.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Если вы участвовали ранее в общественно-полезных делах, то сохранилось ли у вас общение с другими участниками?» (в %, в зависимости от уровня социального капитала)

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Не участвовал	31	24	18	10	8
Общение часто и со многими	3	9	13	24	41
Общаюсь с некоторыми (1- 4 чел.)	12	18	30	41	23
Только с организаторами	7	3	8	8	9
Не общаюсь ни с кем	49	46	32	18	20

В итоге обладатели социального капитала высокого, относительно высокого и среднего уровня (уровни 3, 4, 5) усиливают свои «инвестиции» в социальные отношения (табл. 2).

Выводы. Исследование показывает, что включенность человека в общественную жизнь прямо связана с уровнем его социального капитала. Стабильно низкий показатель общей вовлеченности в деятельность общественных организаций раскрывается с новой стороны если анализировать его в разрезе социального капитала. Участие в общественной деятельности позволяет сформировать прочные узы, дающие помимо прочего доступ к ресурсам всех участников сети, которые в противном случае были бы закрыты для человека. Выявлены основные мотивы отказа от участия в политической деятельности, связанные со страхом оказаться в оппозиции, общим неверием в возможность положительного исхода и реализацией т.н. роли «безбилетника», когда человек претендует на общественные блага, не вкладываясь в их производство. Ежегодный мониторинг социального капитала показал падение его уровня

в результате ограничительных мероприятий связанных с борьбой с коронавирусом, однако отмена наиболее жестких мер (локдауна) позволила обществу в определенной степени адаптироваться и вновь начать его накопление. Таким образом можно заключить, что негативные эффекты пандемии в Вологодской области начинают ослабевать, социальный капитал постепенно выходит на доковидный уровень и всё это в совокупности даёт возможность предполагать будущий рост активности граждан в вопросах включенности в общественную жизнь региона.

Благодарность

Тезисы подготовлены при поддержке РФФИ, грант «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе». Проект № 20-011-00326.

Список литературы

1. Косыгина К.Е. Барьеры гражданского участия в деятельности некоммерческих организаций: региональное измерение // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 2.
2. Петухов В. В., Петухов Р. В. Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 1. С. 16–38.
3. Региональный социальный капитал в условиях кризиса: монография / Т.А. Гужавина, Д.В. Афанасьев, И.Н. Воробьева и др. Череповец. гос. ун-т. Череповец: ЧГУ, 2018. 220 с.
4. Скалабан И.А. Общественное участие или кризис модернистского проекта? // Идеи и идеалы. 2015. № 2 (24). С. 78-87.
5. Уханова Ю.В. Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23(3). С. 25–50.

Информация об авторах

Гужавина Татьяна Анатольевна (Россия, Вологда) – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ВолНИЦ РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул Горького, 56а, e-mail: tanja_gta@mail.ru).

Ясников Николай Николаевич, магистр социологии, инженер (Россия, Вологда) – исследователь ВолНИЦ РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, 56а, e-mail: nyasnikov94@mail.ru).

Guzhavina T.A., Yasnikov N.N.

INCLUSION IN PUBLIC LIFE OR WHERE SOCIAL CAPITAL ARISES

Abstract. *This paper shows the difference in the involvement of the inhabitants of the Vologda region in formal and informal practices of public participation. The method of factor analysis identified two categories of participants focused on events at various levels.*

Key words: *public life, civic participation, forms of participation, social capital.*

Information about authors

Guzhavina Tatiana A. (Russia, Vologda) – Leading Researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (St. Gorky 56a, 160014, Vologda, Russia. E-mail: tanja_gta@mail.ru).

Yasnikov Nikolay N. (Russia, Vologda) – Research Engineer, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (St. Gorky 56a, 160014, Vologda, Russia. E-mail: nyasnikov94@mail.ru).

Bibliography

1. Kosygina K.E. Barriers to civic participation in the activities of non-profit organizations: a regional dimension // Issues of territorial development. 2020. Vol. 8. No. 2.
2. Petukhov V.V., Petukhov R.V. Socially active groups of the Russian society: formation of a request for democratic participation // Bulletin of the Institute of Sociology. 2021. Vol. 12. No. 1. C. 16–38.
3. Regional social capital in a crisis: monograph / T.A. Guzhavina, D.V. Afanasiev, I.N. Vorobyov and others: Cherepovets. state university. Cherepovets: ChSU, 2018. 220 p.
4. Skalaban I.A. Public participation or the crisis of the modernist project? // Ideas and ideals. 2015. No. 2 (24). Vol. 2. pp.78-87.
5. Ukhanova Yu.V. The phenomenon of civic participation in scientific discourse: theoretical and methodological foundations of the study. Journal of Sociology and Social Anthropology. 2020. No. 23(3). pp. 25–50. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.2>

БЫВШИЕ КИТАЙСКИЕ «ОСТАВЛЕННЫЕ ДЕТИ» КАК НЫНЕШНИЕ СУБЪЕКТЫ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧИСЛЕ ДЕТЕЙ И ЗАТРАТАХ НА ИХ ОБРАЗОВАНИЕ

Аннотация. *Анализируются данные опроса двух типов субъектов родительского труда – имеющих детский опыт пребывания среди оставленных детей и не имеющих его. Показано, что опыт пребывания родителей в статусе оставленных детей не влияет на число детей и на восприятие важности образования для детей.*

Ключевые слова: *субъект родительского труда, оставленные дети, количество детей, доля расходов, связанных с детьми, Китайская национальная республика.*

Чтобы активно реагировать на феномен старения населения и низкий уровень рождаемости, в 2021 году Китай объявил о введении «политики трех детей» [1]. Субъекты родительского труда – реальные и потенциальные – являются ключевыми фигурами в реализации этой политики. Для понимания возможного отклика на новую политику в отношении рождаемости необходимо изучать разные категории субъектов родительского труда – выделенные по возрасту, месту проживания, роду занятий, уровню образования и т. д. Однако, в Китае существует уникальный феномен, влияние которого также нельзя не учитывать при оценке потенциальной эффективности политики трех детей. Это – феномен «оставленных детей», возникший в результате изменения структуры населения и разрыва между городскими и сельскими районами, а также миграции рабочей силы из сельских районов. Сельские дети не могли мигрировать со своими родителями, что приводило к тому, что дети оставались под длительным присмотром бабушек и дедушек, родственников или друзей. Это специфическое для Китая социально-экономическое явление – феномен «оставленных детей» – также может оказывать влияние на репродуктивные намерения, родительское поведение тех взрослых, которые в прошлом были оставленными детьми. Сравнительный анализ субъектов родительского труда, которые были раньше среди оставленных детей, и субъектов родительского труда, которые не были таковыми, поможет выяснить, связан ли опыт пребывания в статусе оставленных детей с числом имеющихся у них детей, с восприятием важности образования для развития человеческого капитала уже их собственных детей.

В основе нашего эмпирического анализа лежат данные анкетного опроса, проведенного нами в наиболее представительной для исследования феномена оставленных детей китайской провинции – Сычуань – в 2021 г. Полученные данные количественных (n=637) и качественных индивидуальных глубинных интервью (n=20, в том числе 10 – субъекты родительского труда, которые имеют опыт пребывания в роли оставленных детей, 10 – субъекты родительского труда без опыта пребывания в роли оставленных детей).

Как видно из таблицы 1, большинство семей, отнесенных к двум разным типам субъектов родительского труда, в настоящее время имеют только одного ребенка; далее в каждой категории следуют респонденты, имеющие двух детей, и лишь очень небольшое число семей имеют трех и более детей.

Таблица 1. Количество детей у респондентов-родителей

Количество детей	Тип респондентов-родителей	
	имеют опыт пребывания в статусе оставленных детей, %	не имеют опыта пребывания в статусе оставленных детей, %
1	61,0	52,4
2	38,5	45,1
3	0,5	1,5
3 и более	-	1,0
Среднее	1,41	1,45

Источник: составлено автором.

Причины этого, на наш взгляд, заключаются в следующем:

- во-первых, макрорегулирование политики рождаемости в Китае. Тот факт, что большинство респондентов были в возрасте 30–40 лет, предопределил, что существовавшая ранее политика «позднего брака и позднего деторождения» [2] повлияла на молодых китайцев (отметим, что Китай начал проводить «всеобъемлющую политику двух детей» [3] только в 2016 г.);

- во-вторых, происходящее в китайском обществе усиление понимания важности рождения детей «более высокого качества». Снижение рождаемости было вызвано быстрой индустриализацией и урбанизацией, которые привели к значительному снижению затрат на воспитание детей и уменьшению выгод от воспитания большого количества детей [4]. Кроме того, высокообразованные люди склонны заменять количество воспитания детей их качеством [5]. За последние 40 лет в Китае произошли быстрые изменения в экономической, социальной и демографической сферах. В связи с постоянным повышением уровня урбанизации, индустриализации и модернизации Китая, популяризацией высшего образования и улучшением социального обеспечения меньшее количество детей при более качественной рождаемости стало основным направлением концепции социальной фертильности;

- в-третьих, ослабление желания у китайской молодежи в принципе иметь детей. Репродуктивное намерение играют ключевую роль в принятии решений о фертильности. Китай сталкивается с быстрым ростом численности стареющего населения, а также – с высокими социальными и экономическими издержками, связанными с резким сокращением предложения молодой рабочей силы и тяжелыми последствиями высокой нагрузки работающего населения пожилыми и детьми. Эти очевидные явления привели к тому, что молодым субъектам родительского труда приходится брать на себя больше социальных обязанностей, которые, в свою очередь, влекут за собой низкие репродуктивные намерения молодых работников;

- в-четвертых, стремление молодежи (потенциальных субъектов родительского труда) наращивать собственный человеческий капитал. В настоящее время такая тенденция очень распространена у молодых китайцев, и особенно у женщин. Исследования показывают, что высокообразованные женщины менее склонны к материнству или рождению следующего ребенка; что менее образованные китайские женщины чаще пользуются изменениями в политике, чтобы завести второго ребенка; что высокообразованные женщины более склонны к независимости и самореализации. В силу всех этих причин они сталкиваются с более высокими альтернативными издержками деторождения и воспитания детей и большей ролевой несовместимостью [6]. Стоит отметить, что угрозы общественному здоровью (например, COVID-19) также могут сыграть свою роль во влиянии на репродуктивные намерения людей:

согласно имеющимся китайским исследованиям, снижение числа рождений в Китае в 2020 году ускорится из-за COVID-19, причем наиболее сильно пострадают молодые люди в возрасте до 30 лет [7].

Подтверждением высоких расходов на детей в Китае служат данные таблицы 2: большинство семей в двух изучаемых типах субъектов родительского труда тратят от 20 до 40% своего семейного дохода на уход за детьми, причем существует прямая взаимосвязь между числом детей и долей расходов.

Таблица 2. Доля расходов, связанных с детьми, в разрезе двух типов респондентов-родителей

Доля расходов, связанных с детьми, в семейном бюджете	Тип респондентов-родителей	
	имеют опыт пребывания в статусе оставленных детей, %	не имеют опыта пребывания в статусе оставленных детей, %
не более 20%	21,1	20,9
20–30%	32,7	29,1
30–40%	24,4	27,2
40–50%	11,8	11,2
более 50%	10,0	11,7
Итого	100,0	100,0

Источник: составлено автором.

Ответы, полученные нами в ходе интервью, показывают значительные траты родителей на образование своих детей. Приведем высказывания двух информантов:

«По моим подсчетам, плата за его [ребенка – прим. авт.] обучение в течение 1 года составляет более 20000 юаней, расходы на проживание – около 20000 юаней, так что самые большие расходы для него — это, вероятно, образование, а если добавить сюда путешествия или что-то другое, то это почти все равно 1/3 дохода всей нашей семьи» (жен., 41 год, была раньше оставленным ребёнком).

«Старшая дочь – это в основном ежегодная плата за обучение и подготовительные курсы; младшая дочь ходит в частный детский сад, я думаю, 1/3 расходов на двоих детей точно есть» (муж., 32 года, не был раньше оставленным ребёнком).

Наш аргумент также подтверждается данными «Обзора инвестиций китайских семей в образование детей в 2019 году» [8]. Данный опрос в основном охватывал группы учащихся дошкольного, начального, младшего и старшего школьного возраста. Данные показали, что 38,8% китайских семей в 2019 году тратили на образование 20–30% своего семейного дохода. Мы считаем, что есть по крайней мере три причины, по которым китайские родители придают большое значение образованию своих детей:

- во-первых, национальная концепция образования. Глубоко укоренившаяся концепция «образования, ориентированного на результат» (ООР), все еще оказывает заметное влияние на образование в Китае. Основной целью, заложенной в этой концепции, является повышение квалификации, а не выращивание талантов [9, с. 8]. Это явление связано с китайской культурой, обществом, политикой и экономикой. Такое восприятие привело к тому, что большинство субъектов родительского труда в Китае вкладывают значительные средства в образование своих детей, чтобы иметь возможность продвигать их к высшему образованию, до такой степени, что существует явление, когда субъекты родительского труда бросают свою профессиональную деятельность, чтобы – например – сопровождать своих детей в школу;

- во-вторых, конкуренция в сфере образования. С всеобщим распространением образования в Китае новой проблемой стало равенство в образовании, а оно, в свою очередь, является фундаментальным фактором, ведущим к конкуренции в этой сфере. Например, существует большой разрыв между городскими и сельскими районами по качеству образования, инфраструктуре и количеству учителей. Для того, чтобы дети имели доступ к лучшим образовательным ресурсам, многие китайские родители покупают дополнительные курсы у репетиторов, и эти дополнительные курсы могут требовать значительных затрат;

- в-третьих, образовательные ожидания семьи. Образовательные ожидания оказывают непосредственное влияние на инвестиции и расходы семьи на образование, что, в свою очередь, влияет на формирование человеческого капитала детей. Обычно чем лучше экономические условия жизнедеятельности семьи, тем выше образовательные ожидания родителей в отношении своих детей. Более высокие образовательные ожидания семьи заставляют семьи вкладывать больше финансовых ресурсов и энергии в развитие человеческого капитала, тем самым увеличивая вероятность того, что их дети смогут достичь более заметных образовательных успехов и иметь более высокие доходы [10]. Конечно, существуют различия в образовательных вкладах и результатах семей из разных социокультурных слоев [11]. По всем этим причинам инвестиции в образование являются самой важной статьёй расходов в процессе развития человеческого капитала детей.

Таким образом, независимо от того, были ли опрошенные раньше оставленными детьми или не были таковыми, существенные различия в количестве детей, оценке важности образования для развития их человеческого капитала и стоимости образования как основной статьи расходов по уходу за ребенком отсутствуют. Другими словами, опыт пребывания в статусе оставленных детей не влияет на количество рожденных детей у людей (преобладает один ребенок) и на восприятие важности образования для развития человеческого капитала детей (в любом случае – затраты на образование детей остаются очень существенными).

Список литературы

1. Решение Государственного совета Центрального комитета Коммунистической партии Китая об оптимизации политики рождаемости для долгосрочного сбалансированного развития народонаселения. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-07/20/content_5626190.htm (дата обращения: 01.03.2022).
2. Политика поздних браков и позднего деторождения. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%99%9A%E5%A9%9A%E6%99%9A%E8%82%B2%E6%94%BF%E7%AD%96>. (Дата обращения: 09.01.2022).
3. Всеобъемлющая политика двух детей. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%85%A8%E9%9D%A2%E4%B8%A4%E5%AD%A9?fromtitle=%E5%85%A8%E9%9D%A2%E4%BA%8C%E5%AD%A9%E6%94%BF%E7%AD%96&fromid=18144732> (дата обращения: 09.01.2022).
4. Davis K. The world demographic transition. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1945. Vol.237. №.1. P. 1–11. DOI: 10.1177/000271624523700102.
5. Becker. G.S., & Lewis H.G. On the interaction between the quantity and quality of children. *Journal of Political Economy*. 1973. Vol.81. №.2. P.279-288.
6. Niu J., Qi Y. The educational differential in fertility in transitional China: Temporal and regional variation. *Demographic research*. 2020. P.657-687. DOI: 10.4054/DemRes.2020.42.22.

7. Чжан С.Л., Ли Ю., Ян В.З., Чжан С.Ю. Влияние COVID-19 на рождаемость в Китае // Исследования населения. 2021. Вып. 45. № 3. С. 88-96.
8. Исследование инвестиций в образование детей в домашних семьях 2019 г. Новости Соху. URL: https://www.sohu.com/a/316949601_120154811 (дата ращения: 13.12.2021).
9. Гу М.Ю., Цай Ц.М., Чжан Х.Ш. Вчера, сегодня и завтра реформы образования и развития Китая. Исследования Чунцинского высшего образования. 2019. № 7. С. 5-11.
10. Sewell W.H., Shah V.P. Parents' education and children's educational aspirations and achievements. *American Sociological Review*. 1968. Vol. 33. № 2. P. 191-209.
11. Coleman J.S. Social capital in the Creation of human capital. *American journal of sociology*. 1988. № 94. P. 95-120.

Информация об авторе

Янь Доудоу (Китайская Народная Республика, Сычуань) – аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, ул. Ленина, 13б, e-mail: yandoudoulinweiei@yandex.ru).

Doudou Yan

FORMER CHINESE “LEFT BEHIND CHILDREN” AS CURRENT SUBJECTS OF PARENTAL LABOR: PERCEPTIONS ON THE NUMBER OF CHILDREN AND THE EXPENDITURE OF THEIR EDUCATION

Abstract. *The data of a survey of two types of the subjects of parental labor are analyzed - those who have and do not have children's experience of being among left behind children. It is shown that the experience of parents being in the status of left behind children does not affect the number of children and the perception of the importance of education for children.*

Key words: *The subjects of parental labor, left behind children, number of children, share of child-related expenses, experience, People's Republic of China.*

Information about the author

Yan Doudou (China, Sichuan) – postgraduate student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, st. Lenina, 13b, e-mail: yandoudoulinweiei@yandex.ru).

Bibliography

1. Decision of the State Council of the Central Committee of the Communist Party of China on optimizing the birth rate policy for long-term balanced development of the population. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-07/20/content_5626190.htm (date of access: 03.01.2022).
2. The policy of late marriages and late childbearing. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%99%9A%E5%A9%9A%E6%99%9A%E8%82%B2%E6%94%BF%E7%AD%96> (date of access: 09.01.2022).
3. Comprehensive two-child policy. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%85%A8%E9%9D%A2%E4%B8%A4%E5%AD%A9?fromtitle=%E5%85%A8%E9%9D%A2%E4%BA%8C%E5%AD%A9%E6%94%BF%E7%AD%96&fromid=18144732> (date of access: 09.01.2022).
4. Davis. K. The world demographic transition // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1945. Vol.237. No.1. P.1–11. DOI: 10.1177/000271624523700102.

5. Becker G.S., & Lewis H. G. On the interaction between the quantity and quality of children // Journal of political economy. - 1973. - Vol.81. - No.2. - P.279-288.
6. Niu J., Qi Y. The educational differential in fertility in transitional China: Temporal and regional variation // Demographic research. 2020. P.657-687. DOI: 10.4054/DemRes.2020.42.22.
7. Zhang S.L., Li Yu., Yan V.Z., Zhang S.Y. The impact of COVID-19 on fertility in China. Population studies. 2021. Vol. 45. No. 3. P.88-96.
8. Home Families Education Investment Study 2019. Sohu News. URL: https://www.sohu.com/a/316949601_120154811 (date of access: 12.13.2021).
9. Gu M.Y., Cai C.M., Zhang H.S. Yesterday, today, and tomorrow China's education reform and development // Chongqing Higher Education Research. 2019. No. 7. P.5-11.
10. Sewell W.H., Shah V.P. Parents' education and children's educational aspirations and achievements // American Sociological Review. 1968. Vol. 33. No. 2. P. 191-209.
11. Coleman J.S. Social capital in the Creation of human capital // American journal of sociology. 1988. No. 94. P. 95-120.

МЕЖСЕКТОРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. В статье обосновывается актуальность межсекторного взаимодействия в условиях современных глобальных вызовов XXI века, включая медико-эпидемиологический, обусловленный пандемией COVID-19, и современный геополитический, результатом которого стали жесткие санкции. Межсекторное взаимодействие рассматривается как составляющая шокоустойчивости и жизнестойкости региона, как инструмент развития территории.

Ключевые слова: межсекторное взаимодействие, вызов, шокоустойчивость, пандемия COVID-19, санкции.

В последние годы перспективы развития России в значительной степени определялись ее способностью преодолевать современные глобальные вызовы в условиях политической турбулентности; нестабильности мировой экономической системы.

Традиционно в числе глобальных вызовов отмечают:

- *Технологический* – исчерпание возможностей экономического роста России, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, на фоне формирования цифровой экономики и появления ограниченной группы стран-лидеров, обладающих новыми производственными технологиями и ориентированных на использование возобновляемых ресурсов;
- *Экологический* – возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду до масштабов, угрожающих воспроизводству природных ресурсов, и связанный с их неэффективным использованием, рост рисков для жизни и здоровья граждан;
- *Климатический* – глобальные и региональные изменения климата (частота и интенсивность климатических аномалий, ускорение динамики изменения климата и т.д.), которые становятся угрозой для устойчивого развития регионов, безопасности и условий жизнедеятельности населения.

К современным глобальным вызовам, влияющим на процесс развития России и ее регионов, относится и медико-эпидемиологический кризис, обусловленный пандемией COVID-19, с которым мировое сообщество столкнулось в 2020-2021 году и оказалось, что его готовность противостоять этому вызову находится на низком уровне.

По существу, для большинства стран, включая Россию, для этого периода характерен экономический шок. Песоцкий А.А. на основе анализа определений этого понятия в мировой научной и отечественной среде определяет его как возмущающее кратковременное воздействие, главным образом, деструктивного характера, способное радикальным образом изменить состояние экономической системы. При этом устойчивость к экономическому шоку, обусловленному пандемией COVID-19, по регионам России существенно дифференцирована и может быть выделена группа субъектов РФ, которым нанесен наибольший и наименьший урон. [6]

Преодоление этого шока потребовало серьезных, и даже радикальных изменений в экономической, финансовой, социальной, медико-эпидемиологической политике, системе здравоохранения, и важная роль в преодолении пандемии

COVID-19 принадлежит шокоустойчивости регионов. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Морача В.Г. рассматривают шокоустойчивость регионов как их способность противостоять шокам, включая способность предвидеть, предотвращать, сопротивляться, абсорбировать, реагировать, адаптироваться и восстанавливаться, в том числе способность с наименьшими потерями возвращаться на траекторию устойчивого развития после относительно кратковременных шоков. Важной характеристикой шокоустойчивости является жизнестойкость, которую авторы рассматривают как способность системы в любых условиях сохранять системообразующие качества, удерживая ключевые социально-экономические характеристики в допустимом диапазоне значений благодаря высокой шокоустойчивости [3].

Представляется, что важным инструментом повышения шокоустойчивости, жизнестойкости регионов является межсекторное взаимодействие в системе «власть – бизнес – общество». I сектор (государство), II сектор (бизнес) являются системообразующими, их задача своевременно и быстро реагировать на происходящие изменения внутри страны и за ее пределами. Однако мировая и отечественная практика свидетельствуют, что решения, принимаемые во властных структурах и бизнесе, не всегда являются гарантией того, что интересы ведущих участников социального, экономического, политического процессов, включая интересы населения, будут учтены в должной мере. Безусловно, механизм согласования интересов каждого сектора очень сложен. Включение в межсекторное взаимодействие III сектора (совокупность общественных, неправительственных, некоммерческих организаций и институтов), представляющего интересы местного сообщества различных групп населения, и обладающего конкретной информацией о реальных потребностях населения является важным фактором эффективности межсекторного взаимодействия.

Важно, что в этих условиях решение проблем развития территории является задачей не только бизнеса и власти, но и самого территориального сообщества и его представители становятся активными субъектами управления.

Повышение эффективности межсекторного взаимодействия в современных условиях актуально для России и ее регионов в силу следующих причин.

Первое. Власть, бизнес, общество, в том числе некоммерческий сектор, в постпандемийный период самоопределяются в сложных геополитических, экономических, жестких санкционных условиях. Каждый из секторов имеет не только свои интересы, но и обладает специфическими ресурсами и возможностями, что позволяет при взаимодействии секторов повысить качество управленческих решений (например, проблемы вакцинации, лечения постковидного синдрома реализация нацпроектов, проблемы импортозамещения; поддержки малого и среднего бизнеса, семей с низким уровнем доходов; сохранение рабочих мест и т.д.).

Объединение ресурсов и возможностей трех секторов может быть важным интеграционным ресурсом развития региона в этих сложных условиях. Речь идет не только о финансовых ресурсах, но и интеллектуальном капитале, которым обладает каждый сектор.

Второе. Социальный капитал является важным фактором эффективности межсекторного взаимодействия. Известно, что большая часть исследователей в качестве важной составляющей, лежащей в основе социального капитала, выделяют степень взаимного доверия в обществе: доверие бизнеса к власти, доверие населения к власти и бизнесу, доверие по горизонтали (между сотрудниками общественных

и коммерческих структур, между подразделениями во властных структурах). В последнем случае низкий уровень доверия становится причиной внутрисекторальных конфликтов, что негативно влияет на результаты межсекторного взаимодействия.

Социальный капитал является не только необходимой предпосылкой для развития межсекторного взаимодействия (I и II сектор, I – III сектор, II и III сектор), но и его результатом, поскольку эффективное межсекторное взаимодействие повышает уровень взаимного доверия его участников.

Третье. Важной задачей России и ее регионов является переход к устойчивому развитию, современная концепция которого основана на трех взаимосвязанных составляющих: экономическая, социальная, экологическая, а регион рассматривается как социо-эколого-экономическая система. Именно концепция устойчивого развития стала ответом мирового сообщества на отмеченные выше современные глобальные вызовы. В 2015 году была опубликована «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», приняты 17 целей устойчивого развития (ЦУР) и Парижский саммит по изменению климата.

В числе ЦУР, в частности, ЦУР 17, которая формулируется следующим образом: укрепление средств достижения устойчивого развития и активизация работы механизма глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

Что касается глобального партнерства, то в современных условиях оно вряд ли реализуемо, в частности, со странами ЕС и США. Но на национальном, региональном, местном уровнях оно необходимо, поскольку, по сути, межсекторное взаимодействие это есть социальное партнерство как форма взаимодействия государственного, коммерческого и некоммерческого секторов общества (в отличие от пред-юнистического подхода, когда социальными партнерами выступают работодатели, работники, чаще в лице профсоюзов, и государство). Роль такого партнерства усиливается в связи с необходимостью ответа на новый глобальный вызов, обусловленный распадом глобальной мировой системы, переходом к новому миропорядку, формированием в России новой модели экономического развития, обеспечивающей ее экономический суверенитет.

Рассматривая межсекторное взаимодействие, социальное партнерство как инструмент развития территории, необходимо ответить, что в числе основных принципов Социальной хартии российского бизнеса (II сектор) включены такие как участие в развитии местных сообществ, партнерство в бизнесе и взаимодействие с заинтересованными сторонами.

Для развития бизнеса на территории присутствия важен консенсус в системе «государство – бизнес – общество», необходимо общее понимание с местной властью и местным сообществом проблем, которые являются наиболее важными для развития территории и видение перспектив ее развития.

В условиях пандемии COVID-19 руководство регионов совместно с крупными компаниями, присутствующими на их территории, проводили совместные работы по нераспространению COVID-19 с целью снижения коронавирусной инфекции. Бизнес выделял средства для закупки оборудования, медицинской продукции, необходимых в регионе для отрасли здравоохранения в условиях пандемии коронавируса, прежде всего по тем позициям, по которым не хватало федеральных и региональных ресурсов.

В России уже накоплен позитивный опыт взаимодействия бизнеса с региональной и местной властью [5].

Так интегрированная нефтехимическая компания «Сибур-холдинг» представлена в 22 регионах России. Компания выступает как партнер руководства регионов (соглашение о социально-экономическом сотрудничестве с руководством Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Амурской области). В Тюменской и Амурской областях функционируют общественные советы, организуются регулярные опросы населения и обсуждение результатов реализации проектов и программ компании, направленных на развитие территории, а общественность вовлекается в планирование и реализацию таких проектов. В 2019 году ПАО «Сибур-холдинг» разработало и утвердило Стратегию устойчивого развития до 2025 года, в которой в числе пяти ключевых направлений выделено «общество и партнерство».

Компания «Металлоинвест» (Белгородская область) активно участвует в развитии общественных пространств в городах присутствия, вкладывая необходимые средства (Новотроицк, Железногорск, Губкин), развивает корпоративное волонтерство (программа «Мы вместе»), направляет большие средства на экологическую модернизацию, что способствует оздоровлению окружающей природной среды в регионе.

Компания «Северсталь» имеет соглашение о сотрудничестве с руководством восьми регионов присутствия. В Вологодской области компания «Северсталь» является соавтором проекта «Синергия роста» (цель – увеличение доли закупок товарно-материальных ценностей и услуг у мелкого и среднего предпринимательства). В городе Череповец компанией создан единственный в России Музей металлургической промышленности, реализуется программа «Дорога к дому (цель – решение проблем социального сиротства и правонарушений несовершеннолетних), проводится активная экологическая политика, направленная на сокращение загрязнений окружающей природной среды.

В феврале 2020 года компания «Segezha-групп», крупный российский лесопромышленный комплекс организовала диалог с общественностью, в результате которого был принят меморандум по экологии. В этом же году Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) оценил Стратегию устойчивого развития «Segezha-групп» до 2025 года как лучшую российскую практику. В число ключевых направлений работы компании входит «создание комфортной жизни в местных регионах России», цель которой – содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работы для всех сотрудников.

Безусловно, как участники межсекторного взаимодействия, наибольшее влияние на развитие регионов оказывают крупнейшие компании – лидеры российского бизнеса, которые являются важным звеном глобальной производственной системы, реализуют свою деятельность на принципах устойчивого развития, в числе которых принципы устойчивого (ответственного) инвестирования с учетом ESG-факторов (E-environment – экологические критерии, S-social – социальное развитие, G-government – корпоративное управление). [4]

Тренд на устойчивое развитие первоначально внес изменения в работу бизнеса и его влияние на развитие регионов, поскольку реализация идеологии ESG-факторов в деятельности компаний способствует снижению негативных воздействий на окружающую природную среду и здоровье населения, решению социальных проблем развития региона. Вслед за зарубежными инвесторами крупнейшие российские банки (ВЭБ, РСХБ, ВТБ, Сбербанк, Центр-инвест и др.) стали движущей силой

ESG-трансформации, финансируя крупные инвестиционные проекты, разработанные с учетом ESG-факторов, по более низкой процентной ставке.

Развивается рынок услуг, представленный различными международными и отечественными рейтинговыми (рэнкинговыми) агентствами, использующими собственный методический подход к определению места компании в ESG-рейтинге. Так агентство RAEX-Europe, с 2016 года работающее в России, по состоянию на 16.09.21 составило ESG-рэнкинг 145 российских компаний, разработав шестиуровневую шкалу рейтинга: RESG 1 – высший уровень раскрытия информации об устойчивом развитии в отчетах (95,3 – 80 баллов), RESG 6 – недостаточный уровень раскрытия информации об устойчивом развитии в отчетах (19,9 – 0 баллов) [1].

Однако в настоящее время идеология ESG-факторов становится объектом межсекторного взаимодействия, когда бизнес, имеющий позитивный опыт использования в практике управления ESG-факторов, передает соответствующие технологии во властные структуры региона. Примером такого социального партнерства может быть Липецкая область [7].

Отмеченное выше Европейское рейтинговое агентство RAEX-Europe составило ESG рейтинг российских регионов.

В таблице представлены данные ESG-рейтинга российских регионов СЗФО, отдельно по составляющим E, S, G и в целом по совокупности ESG-факторов [2].

ESG-рейтинг российских регионов Северо-Запада России

Регион / Позиция	E	S	G	ESG
Ленинградская область	18	9	17	8
Новгородская область	8	45	19	11
Ненецкий автономный округ	81	1	13	21
Санкт-Петербург	70	6	18	23
Вологодская область	13	48	41	29
Мурманская область	78	14	20	53
Калининградская область	67	22	47	54
Архангельская область	73	41	66	71
Республика Карелия	80	40	42	76
Республика Коми	82	42	48	78
Псковская область	66	70	79	80

Как видно из таблицы, в первую десятку регионов входит только Ленинградская область (8 место) и близко к ней Новгородская область (11 место). Во вторую группу входят 3 региона, которые занимают в общероссийском рейтинге от 20 до 30 места (Ненецкий автономный округ – 21 место, Санкт-Петербург – 23 место, Вологодская область – 29 место), затем регионы Мурманская область – 53 место, Калининградская область – 54 место, а остальные субъекты СЗФО занимают места с 71 по 80 (Архангельская область, Республика Карелия, Республика Коми, Псковская область).

Следует отметить, что наибольшее значение в период пандемии коронавируса имела компонента S, что связано с изменениями в социальной политике региона, в том числе и на основе социального партнерства.

Таким образом, в процессе межсекторного взаимодействия важно организовать конструктивный диалог представителей власти, бизнеса, общества для решения

проблем развития региона, для понимания населением тех целей и задач в тактическом и стратегическом плане, которые стоят перед регионом в современных сверхсложных условиях.

Недостаток конструктивного диалога может стать серьезным фактором усиления социальной напряженности, протестной активности, конфликтов в регионе. Для эффективности такого диалога в межсекторном взаимодействии необходима прозрачность деятельности и информационная открытость участников каждого сектора, профессионализм и компетентность участников, их коммуникативность, умение «слышать и понимать друг друга». Особенно важно качество региональных элит, выступающих наряду с другими участниками инициаторам процесса межсекторного взаимодействия.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИПРЭ РАН «Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к устойчивому развитию» (ГР: АААА-А21-121011190093-2).

Список литературы

1. ESG рэнкинг российских компаний RAEX-Europe (по состоянию на 16.09.2021) / RAEX-аналитика. URL: https://raex-a.ru/rankingtable/ESG_ranking_companies/16/09/2021 (дата обращения 15.03.22).
2. Ежегодный ESG-рейтинг субъектов РФ (2018–2021 гг.) Рэнкинг: ESG-рэнкинг субъектов РФ. URL: https://raex-rr.com/pro/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/ (дата обращения 20.03.2022).
3. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Морача В.Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3 (69).
4. Замятина М.Ф. Менеджмент организации в контексте ESG-факторов // Экономические и управленческие технологии XXI века: теория и практика, подготовка специалистов. Материалы Всероссийской методической и научно-практической конференции. СПб. СПбГУПТД, 2021.
5. Замятина М.Ф. Менеджмент организации в контексте глобальных современных вызовов // Экономические и управленческие технологии XXI века: теория и практика, подготовка специалистов. Материалы методической и научно-практической конференции. СПб.: СПбГУПТД, 2020.
6. Песоцкий А.А. Устойчивость к экономическому шоку на региональном уровне в условиях пандемии COVID-19 // Проблемы преобразования и регулирования социально-экономических систем. Вып. 49. ГУАП. 2021.
7. Стратегическая сессия «Принципы ESG и устойчивого развития регионов в ОЭЗ «Липецк». URL: <https://sezlipetsk.ru/news/strategicheskaya-sessiya-printsipy-esg-i-ustoychivogo-razvitiya-regionov-v-oez-lipetsk/> (дата обращения 01.03.2022).

Информация об авторе

Замятина М.Ф. (Россия, Санкт-Петербург) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (190013, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38; rita.zamyatina@yandex.ru).

INTER-SECTOR INTERACTION AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY IN THE CONTEXT OF MODERN GLOBAL CHALLENGES

Abstract. *The article substantiates the relevance of intersectoral interaction in the context of modern global challenges of the 21st century, including medical and epidemiological, caused by the COVID-19 pandemic, and modern geopolitical, which resulted in tough sanctions. Intersectoral interaction is considered as a component of shock resistance and resilience of the region, as a tool for the development of the territory.*

Key words: *Intersectoral interaction, challenge, shock resistance, COVID-19 pandemic, sanctions.*

Information about author

Zamyatina M.F. (Russia. St. Petersburg) – Doctorate of Science (economics), professor, Chief researcher, Institute for regional economic studies RAS, (190013, Serpukhovskaya st., 38, St. Petersburg; rita.zamyatina@yandex.ru).

Bibliography

1. ESG ranking of Russian companies RAEX-Europe (as of September 16, 2021) / RAEX-analytics. URL: https://raex-a.ru/rankingtable/ESG_ranking_companies/16/09/2021 (date of access 03/15/22).
2. Annual ESG-rating of subjects of the Russian Federation (2018-2021) Ranking: ESG-ranking of subjects of the Russian Federation. URL: https://raex-rr.com/pro/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/ (accessed 03/20/2022).
3. Zhikharevich B.S., Klimanov V.V., Moracha V.G. Shock resistance of the territory: concept, measurement, management // Regional studies. 2020. No. 3 (69).
4. Zamyatina M.F. Management of the organization in the context of ESG-factors// Economic and management technologies of the XXI century: theory and practice, training of specialists. Materials of the All-Russian methodical and scientific-practical conference. SPb. SPbGUPTD. 2021.
5. Zamyatina M.F. Management of the organization in the context of global modern challenges // Economic and management technologies of the XXI century: theory and practice, training of specialists. Materials of the methodical and scientific-practical conference. SPb. SPbGUPTD. 2020.
6. Pesotsky A.A. Resilience to economic shock at the regional level in the context of the COVID-19 pandemic // Problems of transformation and regulation of socio-economic systems Issue 49. SUAI. 2021.
7. Strategic session “Principles of ESG and sustainable development of regions in the SEZ “Lipetsk”. URL: <https://sezlipetsk.ru/news/strategicheskaya-sessiya-printsipy-esg-i-ustoychivogo-razvitiya-regionov-v-oez-lipetsk/> (date of access: 03/01/2022).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПАНДЕМИИ

Аннотация. *Рассматривается проблема влияния цифровизации и пандемии COVID-19 на трансформацию системы высшего образования в Республике Беларусь как национальном регионе.*

Ключевые слова: *высшее образование, цифровизация обучения, дистанционное обучение, пандемия.*

С 2020 г. Беларусь, как и весь мир, отражает глобальный вызовы пандемии. Их особенность заключается в том, что нынешняя пандемия разворачивалась на фоне быстро развивающихся процессов четвертой промышленной революции, которая связана с цифровизацией не только экономики, но и других сфер жизнедеятельности общества. Эта революция означала вызов развитию всех стран, заставляя их быстро трансформироваться. В условиях пандемии COVID-19 данная трансформация стала, с одной стороны, еще более востребованной, а с другой – на ее пути появились новые препятствия (закрытие бизнесов, переход на удаленные методы работы, необходимость адаптации к новым условиям и т.п.). В то же время, по мнению идеолога «индустрии 4.0» К. Шваба, пандемия предоставила «узкое окно возможностей для перезагрузки нашего мира, чтобы создать более здоровое, справедливое и процветающее будущее» [9]. Сможет ли та или иная страна (или целый регион) воспользоваться «окном возможностей», зависит от множества условий, однако только успешная трансформация основных сфер общества позволит стране остаться в группе современных развитых стран. Бесспорно, такую задачу поставили и Россия, и Белоруссия, когда приняли государственные программы по развитию цифровизации.

Ускоренная цифровизация поставила новые задачи и в сфере образования как одной из ключевых в обществе. Актуальной задачей становится продвижение цифровизации высшего образования в условиях продолжающейся пандемии. Ее решение предполагает не просто успешную адаптацию к ограничениям, связанным с пандемией, но и реформирование сферы высшего образования с акцентом на рост его инновационности, инклюзивности, мобильности, ориентированности на реализацию потенциала каждого студента [4, с. 29–42]. Рост инновационности непосредственно связан с более широким внедрением информационно-коммуникационных технологий, тогда как гибкое использование форм дистанционного обучения способствует росту инклюзивности и мобильности обучения.

Республика Беларусь уже в конце 2020-х гг. разработала концепцию модернизации образования, которая была ориентирована на его содержательное обновление и адаптацию к новым глобальным вызовам. Данная концепция была положена в основу нового «Кодекса об образовании». В конце 2021 г. белорусское правительство утвердило этот Кодекс, который призван быть руководящим документом в этой сфере до 2030 года. В Кодексе определены цели, принципы, задачи и направления образования для каждого его уровня. Кодекс ориентирован на то, чтобы образование по-прежнему совмещало функции обучения и воспитания и предоставляло необходимые, равные для всех условия для успешного формирования молодых людей

как граждан и как профессионалов Дистанционные формы обучения получили в Кодексе полную легитимность.

Пандемия не могла не повлиять на практическую реализацию программы реформ образования. В Белоруссии эта практика отличается от ряда других стран, включая Россию. В эмпирическом плане изучение влияния пандемии на ускоренное внедрение в высшее образование цифровых методов обучения, включая информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и дистанционное обучение (ДО), изучалось белорусскими социологами не с весны 2020, как в России, а лишь в следующем учебном году. Причина в том, что в стране вообще не было локдауна и обязательного перехода на ДО: и весной 2020 г., и в следующем учебном году дистанционные методы использовались частично, в зависимости от ситуации. Поэтому изучение влияния пандемии на сферу высшего образования началось позднее, когда институт образования уже адаптировался к переменам, и первый стресс от перемен прошел. В марте 2021 г. под нашим руководством был проведен репрезентативный республиканский онлайн-опрос студентов ($n = 1733$). В ряде вузов администрация также проводила локальные опросы, начиная с зимы 2021 г. Судя по результатам проведенных исследований, пандемия оказала двойственное воздействие пандемии и цифровизации на сферу образования [6, с. 1217–1219].

В рамках опроса были изучены уровень цифровых знаний и компетенций студентов (анализировались в сравнительном плане ответы как тех, кто переходил на ДО, так и тех, кто не был задействован в этой форме обучения). Студенты давали самооценку наличных (на момент опроса) знаний и навыков владения цифровыми технологиями и устройствами, которые в той или иной степени могли быть задействованы в процессе ДО, а потом задали вопрос относительно того, насколько уровень их компетенций использования этих же цифровых технологий изменился за последний год (т.е. во время пандемии). По первому вопросу студенты могли выбрать ответы по 5-балльной шкале от 5 – «Свободно владею» до 1 – «Не имею никаких навыков». При анализе данных был подсчитывался средний балл ответов по каждой технологии (владение цифровыми технологиями и устройствами, персональным компьютером/ноутбуком, смартфоном, пакетом Microsoft Office, поисковыми системами, электронной почтой, приложениями для видеоконференций). Полученные средние баллы были от 4.2 до 4.8.

Наиболее высокие оценки уровню своих умений и знаний ИКТ студенты поставили работе с поисковиками, знанию персонального компьютера и электронной почте. Видимо, эти технологии чаще всего использовались ими в обучении.

При ответе на вопрос, использование каких технологий улучшилось за год пандемии, студенты выше всего оценили рост своих навыков работы с персональным компьютером, пакетом Microsoft Office, а также с приложениями для видеоконференций. В среднем, этот рост был оценен студентами в 85 %. При этом некоторые студенты жаловались, что в их вузах часто бывают сбои в подключении к образовательным платформам, низкая скорость интернета. Многие жаловались на отсутствие собственной технической базы для пользования ДО. Очевидно, что без перехода на ДО последней технологии могли вообще не быть задействованы студентами. В целом, на наш взгляд, полученные данные демонстрируют существенный рост студенческих знаний и умений работать с ИКТ за год, связанный с пандемией и переходом на ДО. Можно предположить, что при наличии в учебных заведениях и у самих студентов первоклассных технологий для ДО этот уровень мог быть еще более

высоким (именно технические неполадки образовательного портала вузов вызывал больше всего критики у студентов).

На основании полученных данных исследований было выявлено, что в Белоруссии, как и в других странах мира, чем более высокий технико-технологический уровень имело учреждение высшего образования, тем успешнее и безболезненнее проходил переход обучения на ДО. И наоборот: в тех случаях, когда технологический уровень вуза (используемые образовательные платформы, скорость и стабильность интернет-подключений) были недостаточными, участники образовательного процесса (и студенты, и преподаватели) жаловались на недостатки внедрения цифровизации и оценивали весь этот процесс менее позитивно. Очевидно, что совершенствование технологии цифрового обучения требует вложения финансов, разработки новых методик обучения, переобучения преподавателей [7, с. 86–95].

Оценки студентами возможностей перевода обучения в дистанционный формат после завершения пандемии были довольно позитивными: до 70 % считали, что лекции и консультации можно полностью перевести в этот формат, около 50 % считали, что семинары также могут проводиться дистанционно. Меньше оптимизма высказывали студенты технических специальностей: среди них только треть соглашалась на дистанционные семинары и практические занятия. В целом, однако, оценки были более чем позитивные, даже завышенные, так как студенты видели в ДО много достоинств: экономия времени, гибкость обучения, рост его инклюзивности независимо от состояния здоровья и места нахождения студента.

Что касается оценки преподавателями цифровизации обучения (в этом вопросе мы ориентируемся на данные локальных опросов преподавателей, неоднократно проводимых в Белорусском государственном университете в 2021 г.), их позиции были более сдержанными. Около половины соглашались на перевод лекций и консультаций в дистанционный формат, но не более трети поддерживали идею перевода других форм обучения в ДО. Они особенно беспокоились о качестве обучения и считали, что при переходе на ДО качество скорее ухудшается, чем улучшается (мнение студентов было в три раза более позитивным).

Опросы выявили еще один аспект: студенты склонны абсолютизировать возможности цифровизации в целом, недооценивать технологические угрозы гуманитарной составляющей образования. Эти ограничения дигитальной трансформации образования проанализированы многими экспертами [2, с. 3–7]. В нашем опросе также было выявлено, что более трех четвертей студентов приписывают цифровизации огромные возможности не только в сфере труда и обучения, но и развития личности, роста творческих возможностей и свободы в обществе при недооценке потенциального вреда безудержного технологического развития для окружающей среды, социальных коммуникаций и т.п. [5, с. 62–65]. Можно предположить, что преувеличение студентами возможностей воздействия ИКТ и цифровизации в целом на социальную жизнь появилось непреднамеренно – как следствие их широкого распространения в условиях пандемии и проявления гносеологических особенностей процесса познания молодежью этого нового феномена.

В сфере образования такая абсолютизация ИКТ тоже может иметь место, если полагать, что их широкое использование в обучении тождественно росту качества обучения. На практике, например, это преклонение перед ИКТ проявлялось в позитивной оценке студентами только тех преподавателей, которые широко использовали новые технические средства и методы, и недовольстве теми педагогами (обычно

более старшего возраста), которые продолжали следовать традиционным представлениям о сущности и методах обучения и не увлекались презентациями [1, с. 9–30].

Тем не менее, выявленные угрозы имеют потенциальный характер. Если направить цифровизации образования в контролируемое русло, она может внести позитивный вклад в подготовку современных специалистов. В то же время абсолютизация возможностей цифровизации в высшем образовании вряд ли возможна, учитывая разный уровень развития модернизации регионов.

Подведем итоги нашего анализа.

Пандемия стала стимулом цифровизации высшей школы и выявила ее проблемы, решение которых требует ряда реформ. В новом «Кодексе об образовании» Белоруссии дистанционные методы обучения получили легитимацию, что позволит использовать их в будущем в зависимости от целесообразности и независимо от пандемии. Содержание образования и методы обучения также потребовали существенных изменений, которые продолжаются.

Цифровая трансформация высшего образования более позитивно оценивается студентами, которые поддерживают дистанционные формы обучения больше, чем преподаватели. Позитивное отношение белорусских студентов к цифровизации обучения и расширению форм онлайн-обучения можно рассматривать как показатель их готовности принять цифровизацию, т.е. успешно адаптироваться к новой ситуации.

С учетом того, что преподавательский корпус в целом противоречиво оценивает цифровые методы обучения и широкое использование дистанционного обучения, наиболее оптимальным на будущее представляется смешанное обучение.

В тех случаях, когда вуз технически недостаточно оснащен, цифровая трансформация обучения вызывает много проблем, требующих применения комплекса финансовых, методических, психологических мер.

Цифровизация обучения создала возможности быстрого продвижения вперед в использовании ИКТ и формирования соответствующих компетенций у студенчества. Однако она же создала угрозы новых технологических рисков, а также рост возможностей манипулирования сознанием молодежи через сетевые технологии.

Сохраняется разрыв в цифровой культуре студенческой молодежи и общества в целом; в наиболее динамично развивающихся городах этот разрыв меньше, чем в других регионах. Если в Минске молодые специалисты легко могут найти работу, которая соответствует их подготовке, то в малых и средних городах это проблематично, что вызывает отток молодежи. Тем самым ускоренная цифровизация обостряет проблему дифференциации в модернизации регионов и требует дополнительного финансирования для более сбалансированного развития [8, с. 58–68].

Стремительное расширение ДО в условиях пандемии создало реальные риски искаженного восприятия ИКТ. Такое восприятие на уровне индивидуального сознания может привести к недооценке роли и значения других форм знания, не связанных с технологиями напрямую, а в своей крайней форме – к отрицанию необходимости изучения социально-гуманитарных наук.

Список литературы

1. Болгова В.В., Гаранин М.А., Краснова Е.А., Христофорова Л.В. Образование после пандемии: падение, или подготовка к прыжку? // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 7. С. 9–30.

2. Голякова И.В., Карпиевич В.А., Сергеев В.Н. Дистанционное обучение в условиях COVID-ограничений глазами преподавателей и обучающихся вузов // Высшая школа. 2021. № 5. С. 3–7.
3. Добродородный Д.Г. Дистанционное обучение как глобальная перспектива и вызов для классического университета // Высшая школа. 2019. № 5. С. 6–39.
4. Крокинская О.К. Образование постиндустриальной эпохи: настройка на индивида и интеллект // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 7. – С. 29–42.
5. Кузьмин С.В., Савчук А.А. Цифровая трансформация высшего образования в восприятии белорусских студентов // Известия БГПУ. 2021. Сер. 2(3). С. 62–65.
6. Титаренко Л.Г. Двойственное влияние COVID-19 на цифровизацию высшего образования // Сб. материалов XV Международной научной конференции «Сорокинские чтения: Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности». 04.03.2021. Москва, МГУ, 2021. С. 1217–1219.
7. Титаренко Л.Г. Цифровизация обучения: движущая сила модернизации системы высшего образования или гуманитарная угроза? // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 1. С. 86–95.
8. Титаренко Л.Г. Адаптация к ускоренной цифровизации в условиях пандемии: сравнительное исследование систем высшего образования России и Беларуси // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 3. С. 58–68.
9. Schwab K. The Great Reset. 2020. Mode of access: <https://www.weforum.org/agenda/2020/06/now-is-the-time-for-a-great-reset/>. Date of access: 25.08.2020.

Информация об авторе

Титаренко Лариса Григорьевна (Республика Беларусь, Минск) – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, д. 4, e-mail: larissa@bsu.by).

Titarenko L.G.

TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION AND PANDEMIC

Abstract. *The article analyses the impact of digitalization of higher education under conditions of pandemic in the Republic of Belarus.*

Key words: *higher education, digitalization of education, distance learning, pandemic.*

Information about the author

Titarenko Larisa G. – DSc in Sociology, Professor, Professor, Department of Sociology, Belarusian State University, (4 Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus, email: larissa@bsu.by).

Bibliography

1. Bolgova, V.V., Garanin, M.A., Krasnova, E.A., Khristoforova, L.V. (2021). Post-Pandemic Education: Falling or Preparing for a Jump? Vyssee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. Vol. 30. No. 7. P. 9–30.
2. Dobrodorny D.G. Distance learning as a global perspective and challenge for a classical university // Higher School. 2019. No. 5. P. 6–39.

3. Golyakova I.V., Karpievich V.A., Sergeev V.N. Distance learning in conditions of COVID-restrictions through the eyes of teachers and students of universities // Higher School. 2021. No. 5. P. 3–7.
4. Krokinskaya O.K. Education of the post-industrial era: attunement to the individual and intelligence // Higher education in Russia. 2019. Vol. 28. No. 7. P. 29–42.
5. Kuzmin S.V., Savchuk A.A. Digital transformation of higher education in the perception of Belarusian students // Izvestiya BSPU. 2021. Ser. 2(3). P. 62–65.
6. Schwab K. The Great Reset [Electronic resource] / K. Schwab. 2020. Mode of access: <https://www.weforum.org/agenda/2020/06/now-is-the-time-for-a-great-reset/> Date of access: 25.08.2020.
7. Titarenko L.G. Digitalization of education: the driving force of modernization of the higher education system or a humanitarian threat? // Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2022. No. 1. P. 86–95.
8. Titarenko L.G. The dual influence of COVID-19 on the digitalization of higher education // Collection of materials of the XV International Scientific Conference “Sorokin readings: Modern society in conditions of socio-economic uncertainty”. 04.03.2021. Moscow, MSU, 2021. P. 1217–1219.
9. Titarenko L.G. (2022). Adaptation to Accelerated Digitalization in the Context of a Pandemic: Comparative Study of Higher Education Systems in Russia and Belarus. Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. Vol. 31. no. 3. P. 58–68.

СЕКЦИЯ 1
СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Батыркаев Р.Р., Зеленин Л.А., Паначев В.Д.,
Вербицкий А.С., Оплетин А.А.

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

***Аннотация.** Рассматриваются проблемы формирования, развития и внедрения в учебно-воспитательный процесс вуза современной системы здоровьесбережения средствами физической культуры и спорта. Такая система отражает воплощение в практику социального заказа по становлению современной парадигмы образования на формирование конкурентной, физически, нравственно и духовно здоровой личности.*

Ключевые слова: личность, здоровьесбережение, физическая культура.

Социально-экономические преобразования последнего десятилетия в мире и в Российской Федерации привели к переосмыслению роли и функций физической культуры студентов, способствующей формированию человеческого потенциала студенческой молодежи. Функции физической культуры в новых условиях специальной военной операции России на Украине выходят за традиционные рамки формирования физических качеств и обучения двигательным действиям, становясь социальным фактором воспроизводства одного из элементов производительных сил – трудовых ресурсов и воспитания патриотизма. Стать субъектом собственной жизни значит осознать её смысл, быть способным к самоопределению, саморазвитию и самосовершенствованию. Сформированная современная педагогическая система саморазвития личности средствами физической культуры позволяет студентам: достигнуть высокого уровня осознанности механизма собственного роста в области здоровьесбережения не только на учебных занятиях, тренировках, соревнованиях, вечерах, на праздниках, но и в условиях повседневной жизнедеятельности. Сформированная современная система здоровьесбережения личности средствами физической культуры ориентирована на формирование следующих качеств личности: уравновешенность; целеустремлённость; самостоятельность; уверенность в себе и собственных силах; внимательность к окружающему миру; стремление к здоровому образу жизни, к физическому совершенству, красоте и гармонии; повышение интеллектуального, нравственного, физического и культурного уровня; ответственность за свои поступки; готовность к рациональному самоограничению; толерантность. Новая парадигма здоровьесбережения личности ставит перед учеными всего мира новые стратегические задачи компетентностного подхода к становлению и развитию всего общества и каждой отдельной личности социума. Бурное развитие техники и технологии во всех отраслях промышленности требует не только обширных знаний, накопленных во время обучения, но и формирование профессиональных компетенций молодежи. Для этого и разрабатывалась специализированная педагогическая система профессионального здоровьесбережения личности с помощью современных технологий физической культуры и спорта. Практика компетентностного подхода к данной системе показала положительные результаты во время педагогического эксперимента со студентами.

На основе модели разрабатывалась экспериментальная программа по физической культуре и технология её реализации. В задачи экспериментальной программы входит усиление функции воспитывающего обучения и перестройка организационных

форм физического воспитания, как на занятиях, так и во внеучебной деятельности студентов. Для решения этих задач была организована экспериментальная работа. В качестве контрольной группы (45 чел.) выступали студенты первого курса, занимающиеся по традиционной программе обучения. Контрольную группу составили студенты (46 чел.), занимающиеся по экспериментальной программе. Эксперимент проводился в течение учебного года. В конце были сделаны контрольные срезы.

Цель: приобщение студентов к регулярным занятиям физической культурой и спортом, двигательной активности, повышение функциональных возможностей организма через введение в учебный процесс студентов педагогической системы, направленной на здоровьесбережение личности занимающихся.

В процессе учебно-воспитательной работы вуза при функционировании педагогической системы решаются следующие задачи: совершенствование физического развития студентов, достижение высокого уровня тренированности, функционального состояния, и закалки организма; воспитание нравственной, эстетической, двигательной культуры, стремление к здоровью, красоте, любви и гармонии; духовное, нравственное развитие, корректировка шкалы ценностей; интеллектуальное, умственное развитие, формирование мировоззренческих конструкций и представлений.

Сформированная современная педагогическая система здоровьесбережения личности средствами физической культуры предусматривает: воздействие на осознаваемую и неосознаваемую сферу психики; осознание студентами своего физического и нравственного «Я» через самодиагностику, самоанализ, самоопределение, самообучение, самоуправление и рефлекссию физкультурно-спортивной деятельности в ходе освоения и развития в среде вуза физкультурно-спортивных идеалов, ценностей и традиций; применение традиционных и нетрадиционных методик направленных на коррекцию психофизических кондиций студентов, раскрытие личностного потенциала, развития рефлексивного мышления, индивидуальности и самости личности, проявления характера самоуважения, выстраивания Я-концепции личности, рождение новой самооценки; привитие навыков психогигиены, самомассажа, правильного дыхания, применение в повседневной жизни элементов йоги, методик физического развития и оздоровления; приобретение дополнительных знаний в области философии здоровьесбережения, биологии, физиологии, психологии, педагогики, физической культуры; оказание первой медицинской помощи, безопасности жизнедеятельности в экстремальных ситуациях. За время эксперимента у студентов, занимающихся в экспериментальной группе, произошли более отчетливо выраженные статистически достоверные сдвиги в показателях физического развития, физической подготовленности, здоровьесбережения и физической работоспособности, чем в контрольной группе. Достоверные различия между экспериментальной и контрольной группами девушек после проведения эксперимента подтверждены в восьми из девяти тестов, а именно: в беге на 30 м, на 1000 м; ходьбе на 3000 м, прыжках на скакалке, наклоне туловища вперед, поднимании туловища; сгибании, разгибании рук в упоре лежа, тесте Руфье. Таким образом, результативность качества прироста и улучшения показателей по новой предложенной системе и технологии реализации составляет 89%. Достоверные различия между экспериментальной и контрольной группами юношей после проведения эксперимента подтверждены в шести из девяти тестов, а именно: в ходьбе на 3000 м, прыжках на скакалке, наклоне туловища вперед, поднимании туловища; сгибании, разгибаний рук в упоре лежа, теста Руфье. Таким образом, результативность качества прироста и улучшения показателей по новой предложенной системе составляет 67%. Анализ по-

лученных данных засвидетельствовал положительную тенденцию эмоционального благополучия студентов. Так, в психогигиеническом аспекте у 14% студентов экспериментального курса снизился процент пограничного состояния тревожности. Соответственно у 6% от общего числа студентов увеличился показатель нормы и у 9% студентов увеличился показатель области педагогической коррекции. В контрольной группе, где занятия шли по традиционной программе, тенденция к улучшению показателей почти не прослеживается. Анализ экспериментального материала, полученного по методу САН (самочувствие, активность, настроение), зафиксировал улучшение эмоционального благополучия студентов. Самочувствие улучшилось у 54% студентов (от исходного 32%), неудовлетворительное значительно снизилось у 22% (вместо исходного 36%). Однако 24% студентов по-прежнему чувствовали себя на занятиях физического воспитания неуютно. Возросла активность студентов от 48% низкого уровня до 43% среднего, то есть удовлетворительного. В контрольной группе самочувствие улучшилось, но незначительно – от 51% низкого до 45%, активность почти не возросла. Анализ сравнительных данных свидетельствует о том, что в экспериментальной группе изменилось отношение студентов к физической культуре, повысилась мотивация к данному виду деятельности в ее здоровьесберегающей направленности. Почти в три раза снизился процент студентов, имевших низкий уровень отношения к занятиям физического воспитания (от 34% до 12%). Значительно увеличилось число студентов, имеющих относительный уровень (от 64% до 76%). Зафиксировано повышение числа студентов, имеющих достаточно высокий уровень (от 2% до 8%). У отдельных студентов проявился высший уровень (4%). Это означает, что ввод нетрадиционных методов физической культуры в целом положительно принят студентами. Повысился интерес к занятиям физической культуры. Студенты стали проявлять интерес к здоровьесбережению, к себе как к личности способной реализовать себя в избранной профессии. Это подтвердили данные по выявлению способности студентов к здоровьесбережению. Отмечена значительная положительная динамика проявления способности студентов к здоровьесбережению: доминирует относительный уровень, возрос достаточный – высокий (от 8% до 22% от числа всей группы). У небольшой группы студентов (4%) зафиксирован высший, который в исходных данных не был выявлен. Приведенные данные позволяют считать педагогическую эффективность в области здоровьесбережения за счет введения нетрадиционных методов, т.к. в контрольной группе положительные проявления в этой направленности едва заметны и единичны. Особо следует отметить некоторую положительную динамику проявления в экспериментальной группе здоровьесберегающей активности как важнейшего показателя в работе над собой. Показатель уровней здоровьесберегающей активности для выявления эффективности новой программы особенно важен, т.к. отражает многоплановое проявление «самости» личности. В процентном отношении положительная динамика отмечена в показателях всех уровней. Значительно снизилось число студентов с низким уровнем (с 54% до 30%). Однако доминирует относительный, и очень небольшой процент роста у студентов с достаточно-высоким уровнем (от 9% до 11%). Вместе с тем перевес количества студентов с показателем относительного уровня по сравнению с теми, кто имел низкий, говорит об определенной активизации достаточной части студентов в области здоровьесбережения. В ходе эксперимента особое внимание уделялось показателям, фиксирующим динамику роста социально-нравственных качеств личности, определяющих содержательную сущность и направленность здоровьесбережения. В этом плане рост устойчивости нравственного выбора в обеих группах ока-

зался небольшим. Несколько уменьшилось число студентов с показателем низкого уровня (на 7%), почти не изменилось количество занимающихся с показателем достаточно высокого уровня. Доминирует по-прежнему – относительный. Показатель высшего уровня не зафиксирован совсем. Приведенные данные свидетельствуют об индифферентном отношении студентов к выбору цели и содержательности социально-нравственного здоровьесбережения. В экспериментальной группе зафиксирована некоторая динамика проявления силы личности: снизился показатель количества участвующих в эксперименте, имеющих низкий уровень на 10%, увеличилось число студентов, имеющих средний уровень, на 1 %, отдельные студенты проявили высокий уровень (9%). В ходе анализа полученных данных отмечена динамика в проявлении личностных свойств. Так, по данным метода Р. Кэттелла в характеристике интеллектуальных особенностей у довольно большой группы студентов (61%) произошли изменения в проявлении абстрактного мышления, у некоторой части группы (49%) несколько расширилось воображение. У большей части (63%) отмечено положительное отношение к новым введениям. Наблюдалась некоторая положительная динамика в эмоционально-волевой сфере студентов. У достаточно большой части группы (39%) возросла эмоциональная устойчивость, несколько увеличилось количество студентов (47%), владеющих самоконтролем. Больше, чем у половины группы (65%) возросла сдержанность, у значительной части студентов (59%) увеличилась самостоятельность. Многие студенты (49%) стали более гибкими в общении. Анализ комплекса полученных данных позволил сделать некоторые выводы:

Введение педагогической системы, новых нетрадиционных методов оптимизировал процесс физического воспитания студентов. Результативность эксперимента проявилась, прежде всего, в повышении мотивации к занятиям физической культурой, в нормализации у значительной части студентов психических состояний. Зафиксирован достаточный уровень физического развития личности, проявляющийся в укреплении здоровья (снизилась заболеваемость). Отмечено оптимальное развитие и укрепление органов дыхания студентов, повышение жизнедеятельности тонуса организма, учащиеся овладели раскованностью двигательных навыков, у них заметно укрепились мышцы тела, подвижность суставов и позвоночника, зафиксировано овладение способами сохранения и укрепления здоровья посредством растяжек, суставной гимнастики и самомассажа. Отмечено более активное отношение к здоровому образу жизни. Существенно снизилась заболеваемость студентов и улучшилась посещаемость учебных занятий. В течение учебного года учащиеся экспериментальной группы реже болели острыми респираторными заболеваниями (ОРВИ, грипп, болезни уха, горла и носа), чем учащиеся контрольной группы. За период исследования на студентов экспериментальной группы приходилось 596 случаев простудных заболеваний, а в контрольной группе – 1007. Средняя длительность одного случая в экспериментальной группе составляла 7,1 дня, а в контрольной – 9,9 дня. Число студентов, часто и длительно болеющих острыми респираторными заболеваниями (3-4 раза в год), в экспериментальной группе наблюдалось на 29,1% меньше, чем в контрольной. Педагогические наблюдения: улучшение отдельных черт характера у студентов, занимающихся в экспериментальной группе. У студентов исчезли боязливость, нерешительность, стеснительность, пассивность и неуверенность. Улучшилась дисциплина и появилась организованность и самостоятельность. Появился интерес к занятиям физическими упражнениями и желание студентов заниматься в спортивных секциях.

Список литературы

1. Новосёлова А.С., Оплетин А.А. Саморазвитие личности студента нетрадиционными методами физической культуры: учеб. пособие для самостоятельной работы студентов и преподавателей вузов. Пермь: ИВЭСЭП, 2007. 140 с.
2. Оплетин А.А. Педагогические основы социально-нравственного саморазвития личности студента (на материале физического воспитания): монография. Пермь: СПб ИВЭСЭП, 2008. 224 с.
3. Оплетин А.А. Система универсальной разминки на занятиях по физической культуре в контексте саморазвития личности студентов: учеб.-метод. пособие. Пермь: ПГПУ, 2009. 110 с.
4. Зеленин Л.А. Научно-теоретические и методологические нетрадиционные оздоровительные гимнастические дыхательные технологии, влияющие на состояние здоровья студентов института культуры // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. мат-лов V Междунар. научн.-практ. конф., 4-6 апреля 2018 г. Пермь. 2018. С. 401–404.
5. Паначев В.Д. Компетенции саморазвития в образовательном процессе средствами физической культуры // Проблемы и перспективы развития науки и образования в XXI веке: сб. статей по мат-лам V Междунар. научн.-практ. конф. (май 2017 г.) Уфа, 2017. № 3 (5). С. 61–66.

Информация об авторах

Батыркаев Ренат Равильевич (Россия, Пермь) – тренер-преподаватель, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Россия, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29).

Зеленин Леонид Александрович (Россия, Пермь) – доктор педагогических наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Россия, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29).

Паначев Валерий Дмитриевич (Россия, Пермь) – доктор социологических наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Россия, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29; e-mail: panachev@pstu.ru).

Вербицкий Александр Сергеевич (Россия, Пермь) – тренер-преподаватель, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Россия, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29).

Оплетин Анатолий Александрович (Россия, Пермь) – заведующий кафедрой, кандидат педагогических наук, доцент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (614990, Россия, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29).

Batyrkaev R.R., Zelenin L.A., Panachev V.D.,
Verbitsky A.S., Opletin A.A.

HEALTH-SAVING OF THE STUDENT'S PERSONALITY BY MEANS OF PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS

Abstract. *The problems of formation, development and introduction of a modern health-saving system by means of physical culture and sports into the educational process of the university are considered. Such a system reflects the implementation into practice of a social order for the for-*

mation of a modern educational paradigm for the formation of a competitive, physically, morally and spiritually healthy personality.

Key words: *personality, health-saving, physical education.*

Information about authors

Batyркаev Renat R. (Russia, Perm) – trainer-teacher, Perm National Research Polytechnic University (614990, Russia, Perm, Komsomolsky prospekt, 29).

Zelenin Leonid A. (Russia, Perm) – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Perm National Research Polytechnic University (614990, Russia, Perm, Komsomolsky prospekt, 29).

Panachev Valery D. (Russia, Perm) – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Perm National Research Polytechnic University (614990, Russia, Perm, Komsomolsky prospekt, 29; e-mail: panachev@pstu.ru).

Verbickiy Alexander S. (Russia, Perm) – trainer-teacher, Perm National Research Polytechnic University (614990, Russia, Perm, Komsomolsky prospekt, 29).

Opletin Anatoliy A. (Russia, Perm) – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department, Perm National Research Polytechnic University (614990, Russia, Perm, Komsomolsky prospekt, 29).

Bibliography

1. Novoselova A.S., Opletin A.A. Self-development of a student's personality by non-traditional methods of physical culture : studies. manual for independent work of students and university teachers. Perm: IFEREL, 2007. 140 p.
2. Opletin A.A. Pedagogical bases of social and moral self-identity of the student (on the basis of physical education): monography. – Perm: St. Petersburg IFEREL, 2008. 224 p.
3. Opletin A.A. system universal workout at the lessons of physical culture in the context of self-development of students: Ucheb. method. Allowance. Perm PGPU, 2009. 110 p.
4. Zelenin L.A. Scientifically-theoretical and methodological netradicionnyh sanitary gymnastic respiratory technologies, influencing upon picture of health student of the institute of the culture // Penitenciarnaya system and society: experience of the interaction: Collection material V International scientifically-practical conference of the April 4-6 2018. Perm. 2018. P. 401–404.
5. Panachev V.D. The Competencies self-development in educational process facility physical culture // Problems and prospects of development of science and education in the XXI century: Collection article on material V international scientifically-practical conference, May 2017. Ufa, 2017. № 3 (5) P. 61–66.

СОВРЕМЕННАЯ КОВИДНАЯ КОНФИГУРАЦИЯ В МИРЕ И В РОССИИ

Аннотация. *Цель статьи – определить, как экстремальные условия COVID-19 повлияли на демографические показатели, какие вызовы пандемия бросает современному обществу. Демографическую проблему значительно усугубляет пандемия коронавируса и социально-экономические последствия, вызванные ею.*

Ключевые слова: *демографические процессы, коронавирусная инфекция, пандемия, Росстат, кризис.*

Проблемой статьи является бросаемый пандемией вызов на изменение демографических показателей. Авторы показывают, с какими проблемами столкнулось современное общество в это непростое время.

Пандемия существенно затормозила многие процессы во всех сферах жизни, как следствие, общество будет еще долго восстанавливать потери, которые произвело заболевание.

Объектом нашей статьи стали демографические вызовы в условиях пандемии. Предметом статьи стало влияние феномена пандемии как глобальной угрозы для демографических показателей.

Демографическая ситуация всегда была острой проблемой для правительства России, а пандемия COVID-19 сделала ее еще более критической. В результате появились риски, которые отрицательно влияют на демографическую ситуацию: увеличивается смертность, более видна естественная убыль населения, причем это наблюдалось не только в карантинный период, но и после отмены особого режима.

До пандемии были попытки увеличить рождаемость с помощью закона о материнском капитале. Однако влияние этой меры сошло на нет с появлением инфекции. Демографический показатель смертности резко возрос.

Вспышка заболевания, вызванного коронавирусом, началась в Китае в середине декабря 2019 года в городе Ухань, провинция Хубэй. Власти Китая проинформировали Всемирную организацию здравоохранения о вспышке болезни 31 декабря 2019 года. Заболевание получило свое название нового коронавирусного заболевания (COVID-2019) 11 февраля 2020 года. Из-за высокого уровня глобализации болезнь распространялась быстро, и уже 11 марта 2020 года ВОЗ объявила вспышку заболевания пандемией, а 13 марта центром ее распространения стала Европа.

В России первые случаи заболевания были выявлены 31 января (двое больных были гражданами Китая, получили лечение в России и были выписаны здоровыми), параллельно было приостановлено сообщение с КНР, однако, 2 марта было выявлено заболевание в Москве у российского туриста, вернувшегося из Италии [3, с. 2]. Пандемия коронавируса бросила вызов всему человечеству, к которому люди были совершенно не готовы.

По данным Росстата, смертность в 2020 году только в России возросла на 18%, что означает примерно 323,8 тысяч умерших. Естественная убыль населения за данный период составила более 510 тыс. человек и стала рекордной за последние сто лет [4, с. 1091].

Росстат выделяет такие группы смертей, как:

- COVID-19 как основная причина смерти;
- COVID-19 предполагается как основная причина смерти, но результаты не подтверждены;

- COVID-19 поспособствовал появлению новых осложнений и болезней, тем самым, став катализатором смерти;
- COVID-19 диагностирован, но не повлиял на наступление смерти [4, с. 1091].

Уникальным стал для России 2020 год: к пандемии совместно с тяжелой экономической ситуацией в мире добавилось ухудшение внешнеполитической обстановки из-за событий в Беларуси и Закавказье. Это ограничило правительство страны в поддержке внутренней экономической и социальной жизни.

Правительство предпринимало попытки сгладить шок от последствий пандемии и ввело массовую вакцинацию, к которой многие граждане России отнеслись с ощутимым недоверием. Даже по прошествии достаточного времени становится понятно, что мировой кризис от COVID-19 далек от завершения и будет приносить новые проблемы, поэтому многие люди не ощущают уверенности в своем будущем и будущем своих стран.

В этом случае очень важно понимать реакцию населения на сложившуюся ситуацию. Исследователи говорят об огромных изменениях в психическом состоянии людей: широко распространилось чувство тревожности от сложившейся ситуации.

Психическое самочувствие людей отражается и на демографических процессах. Это рост смертности, вызванный алкоголизмом, бытовыми ссорами, возрастающей депрессией. Малоподвижный образ жизни и закрытость в замкнутом пространстве на длительный период являются катализаторами различных заболеваний, как физических (малоподвижность приводит, к примеру, к ожирению), так и психологических (возрастают случаи стрессового состояния у людей).

Социологи также приводят неутешительный факт того, что в период пандемии был отмечен резкий рост случаев домашнего насилия.

Наиболее уязвимыми в период пандемии являются пожилые люди, не имеющие социальной опоры в виде семьи или друзей. Они уязвимы не только с позиции заболевания, но и с позиции социальной поддержки – для них оказывается затруднительной даже покупка продуктов, а также они имеют сложности с освоением интернет-технологий. Эта уязвимость может привести к сокращению численности людей старшего поколения и вынужденному «омолаживанию населения».

Но под удар попадает не только старшее поколение. Социальное напряжение дает толчок для создания различных молодежных протестантских субкультур, обилие информации в интернете создает путаницу у молодого поколения, они в силу возраста рискуют стать жертвами провокаций. Также не исключено и ощущение неопределенности и безысходности у молодого поколения, что в свою очередь усиливает случаи суицидальных проявлений.

Для демографического прорыва и возвращения устойчивого естественного прироста населения необходимо увеличение поддержки рождения третьего ребенка и многодетных семей.

Поддержка многодетных семей оказывает стимулирующий эффект не только на появление третьего и последующих детей, но и на рождение первого и второго ребенка, поскольку значительная часть тех, кто рождает первого ребенка, думает и о рождении последующих.

На фоне продолжающейся пандемии можно прогнозировать значительное уменьшение численности рождений и повышение смертности. Есть вероятность, что все наладится и вернется в нормальное русло, и численность населения будет возрастать, однако когда это произойдет, пока сложно сказать в частности из-за обострившихся социальных и экономических проблем.

Рассмотрим состояние в мире в связи с коронавирусной инфекцией COVID-19 в период с апреля 2020 года по декабрь 2021 года.

Для анализа были выбраны десять стран с самыми высокими показателями заболеваемости на последний (декабрь 2021 г.) из рассматриваемых периодов. Данные брались за 9-е число каждого месяца. Источником является Университет Джона Хопкинса. На графиках представлена численность населения выбранных стран по оценкам на 2020–2021 гг.¹

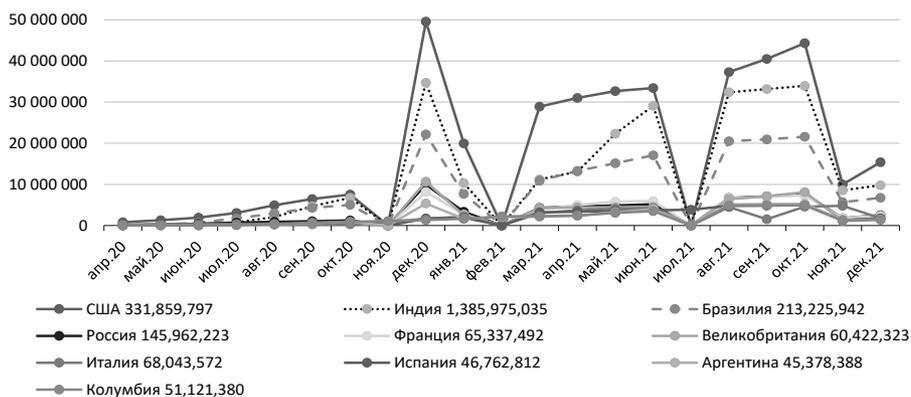

Рис. 1. Заболевшие в период апрель 2020 – декабрь 2021 г.²

Смотря на рисунок 1, мы можем наблюдать ярко выраженные волны заболеваемости. Это как раз и есть периоды распространения штаммов вируса «Альфа», «Бета» и «Омикрон». Показано, что во всех трех волнах лидируют США, Индия и Бразилия. В период ноября и декабря 2021 г. наблюдается рост заболеваемости и можно предположить, что это начало новой волны COVID-19. Также можно обратить внимание, что у большинства рассмотренных стран в один период, а именно в первую волну (декабрь 2020) и во вторую волну (июнь 2021), и в третью волну – октябрь 2021 года – наблюдаются пики заболеваемости.

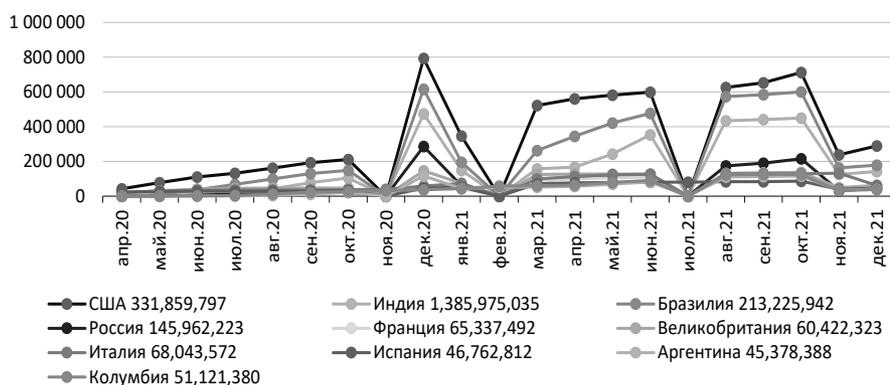

Рис. 2. Умершие в период апрель 2020 – декабрь 2021 г.³

¹ Всемирная книга фактов // Центральное разведывательное управление. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook>

² Хранилище данных о новом коронавирусе COVID-19 (2019-nCoV) Университета Джона Хопкинса со ссылкой на отчеты Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://github.com/CSSEGISandData/COVID-19>

³ Там же.

Анализируя рисунок 2, видно, что большая смертность от коронавирусной инфекции наблюдается в таких странах, как США, Бразилия и Индия. Пиками смертности у большинства стран можно назвать следующие периоды: октябрь 2020, декабрь 2020, июнь 2021 и октябрь 2021 г.

Перейдем к рассмотрению ситуации в Тюменской области.

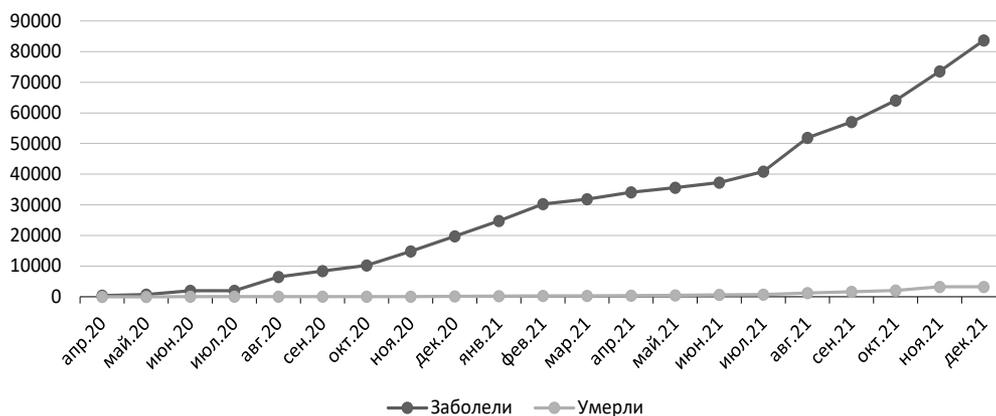

Рис. 3. Распределение заболевших и умерших от коронавирусной инфекции в период апрель 2020 – декабрь 2021 г. по Тюменской области⁴

Можно наблюдать рост заболеваемости с июля по декабрь 2021 г. Этот период как раз совпадает с распространением штамма коронавирусной инфекции «Омикрон». Относительная стабильность наблюдается в период с февраля по июнь 2021 г., что совпадает с второй волной COVID-19. Смотря на рисунок 3, можно говорить о том, что рост заболеваемости происходит не скачкообразно.

Мы приходим к выводу, что пандемия COVID-19 сильнее всего повлияла на демографические показатели как России, так и всего остального мира. К сожалению, пока сложно разглядеть конец изменениям, негативно повлиявшим на демографическую ситуацию. Если обращаться к работам Ф. Броделя, можно увидеть, что эпидемии часто предшествуют или сопровождают глобальные изменения в обществе, такие как революции и вооруженные действия. Что можно сказать точно, так это то, что пандемия COVID-19 еще будет привносить новые изменения в мировые процессы, в том числе и демографические показатели. Также можно сказать, что в Тюменской области рост заболеваемости идет постепенно, не волнообразно, как это происходит в странах, рассмотренных выше, такая же ситуация обстоит и с показателем смертности. Также, можно сказать, что наибольшее количество заболевших в мире наблюдается в период с декабря 2020 года, в то время как в Тюменской области это наблюдается в декабре 2021 года.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087.

⁴ Хранилище данных о новом коронавирусе COVID-19 (2019-nCoV) Университета Джона Хопкинса со ссылкой на отчеты Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://github.com/CSSEGISandData/COVID-19>

Список литературы

1. Сиднева И.А. Социально-демографические вызовы для России в эпоху пандемии // Человек и его социальная жизнь в ожидании конца пандемии: к 30-летию факультета социологии РГСУ: Мат-лы XXVI Социологических чтений. Москва. 8 апреля 2021 г. М.: Российский государственный социальный университет, 2021. С. 234-237.
2. Скалябина А.Ю. Пандемия COVID-19 и её влияние на демографию // Мат-лы Международ. демограф. форума «Демография и глобальные вызовы». Воронеж. 30 сентября – 2 октября 2021 г. Воронеж: Общество с ограниченной ответственностью «Цифровая полиграфия». 2021. С. 1066-1068.
3. Чекалина А.А. Демографические последствия пандемии COVID-19 // Мат-лы Международ. демограф. форума «Демография и глобальные вызовы». Воронеж. 30 сентября – 2 октября 2021 г. Воронеж: Общество с ограниченной ответственностью «Цифровая полиграфия». 2021.С. 1090-1094. DOI: 10.12731/978-5-907283-71-8.
4. Шабунова А.А. Здоровье и самоохранительное поведение населения в контексте COVID-19 // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 3. С. 1.
5. Alexander Jeffrey C. & Smith Philip (2020). COVID-19 and symbolic action: global pandemic as code, narrative, and cultural performance. American Journal of Cultural Sociology. Vol. 8. P. 263–269.

Информация об авторах

Бразина Елизавета Игоревна (Россия, Тюмень) – магистрант кафедры общей и экономической социологии, менеджер 2 категории, Научно-исследовательский центр Финансово-экономического института, Тюменский государственный университет (625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6, e-mail: e.i.brazhina@utmn.ru).

Шляпникова Юлия Олеговна (Россия, Тюмень) – магистрант кафедры общей и экономической социологии, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6, e-mail: jsh_99@mail.ru).

Brazhina E.I., Shlyapnikova J.O.

THE MODERN COVID CONFIGURATION IN THE WORLD AND IN RUSSIA

Abstract. *The purpose of the article is to determine how the extreme conditions of Covid-19 have affected demographics and what challenges the pandemic poses to modern society. The demographic problem is one of the most acute problems of our time.*

Key words: *demographic processes, coronavirus infection, pandemic, Rosstat, crisis.*

Information about the authors

Brazhina Elizaveta Igorevna (Tyumen, Russia) — Master-Student of the Department of General and Economic Sociology, manager of the 2nd category of Research Center of Financial and Economic Institute, FSAEI HE «University of Tyumen» (6 Volodarskogo Street, 625003, Tyumen, email: e.i.brazhina@utmn.ru).

Shlyapnikova Julia Olegovna (Russia, Tyumen) — Master-Student of the Department of General and Economic Sociology, FSAEI HE «University of Tyumen» (6 Volodarskogo Street, 625003, Tyumen, email: jsh_99@mail.ru).

Bibliography

1. Sidneva I.A. Sociodemographic challenges for Russia in the pandemic // Man and his social life pending the end of the pandemic: the 30th Anniversary of the Faculty of Sociology

- at RGSU: Proceedings of XXVI Sociological readings, Moscow, 08 April 2021. - Moscow: Russian State Social University, 2021. P. 234-237 (In Russian).
2. Skalyabina A.Y. Pandemic COVID-19 and its impact on demography // International Demographic Forum “Demography and Global Challenges” Forum Proceedings, Voronezh, 30 September - 02 October 2021. Voronezh: Limited Liability Company “Digital Printing”. 2021. P. 1066-1068. DOI: 10.12731/978-5-907283-71-8 (In Russian).
 3. Chekalina A.A. Demographic consequences of Covid-19 pandemic // International demographic forum ‘Demography and global challenges’: Proceedings of the Forum, Voronezh, September 30 - October 02, 2021. - Voronezh: Limited Liability Company “Digital Printing”, 2021. P. 1090-1094. DOI: 10.12731/978-5-907283-71-8. (In Russian).
 4. Shabunova A.A. Health and self-preservation behavior of population in the context of COVID-19 // Social Area. 2020. T.6. № 3. P. 1. DOI: 10.15838/sa.2020.3.25.1 (In Russian).
 5. Alexander Jeffrey C. & Smith Philip (2020). COVID-19 and symbolic action: global pandemic as code, narrative, and cultural performance. American Journal of Cultural Sociology volume 8, P. 263–269. DOI:10.1057/s41290-020-00123-w. (In English).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 2018–2021: ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И МИГРАЦИЯ

***Аннотация.** Демографические и миграционные процессы в России на современном этапе представляются особо актуальными, поскольку в последние годы наметилась тенденция снижения численности населения. Рассмотрены основные статистические показатели. Особое внимание уделяется миграционным процессам в России и основным современным тенденциям, определяющих процесс рождаемости.*

Ключевые слова: миграция, демографические процессы, смертность, рождаемость, естественная убыль населения, социальная политика, пандемия COVID-19.

К основополагающим показателям демографической статистики относятся прежде всего показатели численности и состава населения, числа родившихся, умерших, браков, разводов, численности прибывших в страну и выбывших из нее, а также числа прибытий и выбытий внутри страны и ее регионов. На их основе формируются производные и расчетные показатели, позволяющие всесторонне охарактеризовать структуру и движение населения, социально-демографические процессы [4].

Вспышка пандемии COVID-19 изменила мир в мгновение ока. Это было проверкой для системы здравоохранения и системы социального обеспечения, а также для экономической и социальной устойчивости. Естественная численность населения, рассчитанная на основе зарегистрированных смертей и рождений без учета влияния миграции, сократилась на 997 тысяч человек в период с октября 2020 года по сентябрь 2021 года. Россия была одной из стран, наиболее сильно пострадавших от пандемии. Правительственные отчеты показали, что убыль населения России в 2020 году была в 11 раз больше, чем в допандемическом 2019 году.

По оценке, численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2022 г. составила 145,6 млн человек. С начала года численность населения сократилась на 612,8 тыс. человек, или на 0,42% (за аналогичный период предыдущего года – уменьшилась на 582,2 тыс. человек, или на 0,40%). Миграционный прирост на 41,2% компенсировал естественную убыль населения [2].

После распада СССР в России на основе демографических наблюдений продолжают складываться негативные тенденции касательно естественного движения населения. После 90-х естественный прирост сменился естественной убылью. Население – это главный ресурс каждой страны, ведь без населения страна – попросту часть местности с очерченными границами. Естественное движение населения – это глубинные, стихийные процессы, воздействовать на которые не просто. Россия – самое большое государство, которое населяет все меньшее число людей.

Естественный прирост населения определяется соотношением рождаемости и смертности. В этом случае в условиях минимизации угрозы старения населения ключевую роль относят к рождаемости. Рождаемость – важный фактор формирования и поддержание человеческого капитала, необходимого для развития экономики, особенно в условиях увеличения уровня производительности труда.

Таблица 1. Показатели естественного движения населения

Показатели	Тысяч			На 1000 человек населения	
	2021 г.	2020 г.	прирост	2021 г.	2020 г.
Родившихся	1402,8	1435,8	-33,0	9,6	9,8
Умерших	2445,5	2124,5	+321,0	16,8	14,5
из них детей в возрасте до 1 года	6,5	6,5	+0,07	4,6	4,5
Естественный прирост (+), убыль (-)	-1042,7	-688,7		-7,2	-4,7
Браков	923,6	770,8	+152,8	6,3	5,3
Разводов	644,2	564,0	+80,2	4,4	3,9

В 2021 г. по сравнению с 2020 г. в России отмечалось снижение числа родившихся (в 77 субъектах Российской Федерации) и увеличение числа умерших (в 84 субъектах). В целом по стране в 2021 г. число умерших превысило число родившихся в 1,7 раза (в 2020 г. – в 1,5 раза), в 66 субъектах Российской Федерации это превышение составило 1,5-3,1 раза¹.

Основные современные тенденции, определяющие процесс рождаемости

Низкий уровень рождаемости беспокоит Россию многие годы, данная тема как никогда актуальна для рассмотрения. Процесс рождаемости в России обусловлен рядом тенденций, которые мы рассмотрим далее.

Под рождаемостью в демографии понимают частоту рождений живыми на конкретной территории за определенный период времени. В демографии рождаемость рассматривается как массовое явление, как совокупность единичных актов рождения детей, как режим воспроизводства населения [1].

В июне 2020 года Росстат зафиксировал снижение рождаемости. За первое полугодие 2020 года рождаемость снизилась на 5,4%. А если рассматривать оперативные данные Росстата за январь 2021 года от 05.03.2021, то рождаемость снизилась на – 12217 в отношении к аналогичному периоду 2020 года, что говорит о том, что уровень рождаемость продолжает падать². Во многом процессы рождаемости определяются социально-экономическими факторами. Например, когда в 2007 года государство стало вводить социальную и материальную поддержку, стимулируя рождения детей, это, несомненно, привело к всплеску рождений. Но не для всех семей это являлось определяющим фактором для рождения, т.к. ситуация в стране все еще являлась не стабильной и продолжает оставаться такой и по сей день.

Главными причинами малодетности семей для нашей страны являются неблагоприятная экономическая ситуация и низкий уровень заработной платы, не позволяющий обеспечить достойное существование семьи.

Множество факторов влияют на рождаемость, например, наличие дошкольных и школьных учреждений, вовлечение девушек и женщин в процессы общественного производства, занятость членов семьи, стоимость образования, медицины, миграция населения, и главным из которых является уровень развития экономики.

Основной тенденций, определяющей процесс рождаемости, является изменение семейного уклада.

¹ Социально-экономическое положение России / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2022.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

² Социально-экономическое положение России / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2022.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

Тенденция культурного и профессионального образования женщин. Все большее количество молодых девушек отдают предпочтение своему образованию, профессиональному развитию как специалистов. Поэтому такие девушки склоняются к тому, чтобы иметь одного ребенка или не иметь их вообще. Женщины стремятся расширить свои функции и повысить социальный статус.

Тенденцией, определяющей процесс рождаемости является религия, а конкретнее – ислам. Влияние на процессы рождаемости заключается в том, что в соответствии с исламом главной функцией женщин и девушек является рождение и воспитание детей, именно поэтому в России представители глубоко верующих этнических групп традиционно отличаются повышенными показателями рождаемости, то есть процессы рождаемости в таких семьях естественные – никак не регулируются.

Тенденция, спада брачной рождаемости. Значительно уменьшается количество детей, рожденных в браке, потому что все наибольшее распространение находит новая форма совместного хозяйства – сожительство. Брак замещается сожительством.

Таким образом, важным следствием снижения рождаемости является постарение населения, наблюдающееся в России. Можно сказать о том, что демографические процессы в России во многом обуславливаются структурой населения, и есть тенденции, которые мы не можем изменить, например, старение населения. В этом плане общество должно осуществить ряд мер, направленных на возможно большее ослабление ряда негативных последствий этого процесса, поскольку ликвидировать его нельзя.

Миграция

Миграция – это демографический процесс, который перемещает людей между местами и, таким образом, способствует изменению численности населения наряду с рождаемостью и смертностью. Миграция – это перемещение отдельных лиц, домохозяйств и групп между местами жительства или местами проживания. Резиденции или жилые районы до переезда называются местами происхождения, а места жительства или жилые районы после переезда помечаются как пункты назначения.

За 2021 г. число мигрантов, переселившихся в пределах России, увеличилось на 68,8 тыс. человек, или на 1,9% по сравнению с предыдущим годом. Миграционный прирост населения России вырос на 323,4 тыс. человек, или в 4,0 раза, что произошло в результате увеличения числа прибывших в Российскую Федерацию, особенно иммигрантов из государств-участников СНГ, и сокращения числа выбывших из нее. Число прибывших в Российскую Федерацию увеличилось на 73,8 тыс. человек, или на 12,4%, в том числе за счет иммигрантов из государств-участников СНГ – на 70,3 тыс. человек, или на 13,1%. Число выбывших за пределы России сократилось на 249,7 тыс. человек, или на 51,2%, в том числе в государства-участники СНГ – на 206,7 тыс. человек, или на 49,6%³.

В 2021 г. в обмене населением со всеми государствами-участниками СНГ отмечается увеличение миграционного прироста.

В 2021 г. по решению территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации получили временное убежище 4008 человек, статус беженца – 14 человек, статус вынужденного переселенца предоставлен не был, (в 2020 г.

³ Социально-экономическое положение России / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2022.pdf> (дата обращения 15.03.2022).

соответственно получили временное убежище 5568 человек, статус беженца – 28 человек, статус вынужденного переселенца предоставлен не был).

Практически во всех субъектах Российской Федерации было предоставлено временное убежище: 1,7 тыс. человек (15,9% от общей численности имеющих временное убежище) в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (суммарно), 1,3 тыс. человек (12,6%) в Калужской области, от 1,0 тыс. до 0,5 тыс. человек (от 9,3% до 4,3%) в Москве, Воронежской области, Республике Саха (Якутия), Ростовской области, Краснодарском крае. Наибольшее число беженцев проживает в Москве – 238 человек, или 71,9% от их общей численности. Вынужденные переселенцы расселены практически по всем субъектам Российской Федерации: 0,3 тыс. человек находятся на территории Республики Северная Осетия – Алания, 0,1 тыс. человек – Республики Ингушетия, 0,1 тыс. человек – Санкт-Петербурга и Ленинградской области (суммарно)⁴.

Таким образом, можно говорить о том, что Россию беспокоит проблема низкой рождаемости, в то же время высокой смертности населения. Государственная политика направлена на поддержание молодых семей и предлагает новые национальные проекты, в том числе проект «Демография», направленный на поддержание семьи, стимулирование рождаемости, для выравнивания демографической ситуации в стране [3]. Статистические данные говорят о высокой смертности, что в первую очередь связано с пандемией COVID-19, многие решения, принятые во время пандемии, не оправдали себя и усугубили ситуацию. Так, например, в стране наблюдалось сокращение койко-мест в больницах, что привело к тому, что в самый ответственный момент не было места для больных людей, что несомненно повлияло на качество предоставляемых услуг системой здравоохранения. А закрытые границы между странами вызвали значительное сокращение миграционного прироста: число въездов сократилось, в то время как выездов увеличилось. Можно сказать о том, что демографические процессы в России во многом обуславливаются структурой населения, и есть тенденции, которые мы не можем изменить, например, старение населения. О влиянии пандемии COVID-19 на рождаемость утверждать сложно, но влияние на семейные связи очевидно. Режим самоизоляции активизировал негативные, иногда деструктивные процессы в семьях: домашнее насилие, усиление эмоционального климата и связей между супругами, родителями и детьми. Миграция среди государствами практически полностью остановилась. строгие меры, инициированные государствами по предупреждению распространения COVID-19, являлись толчком для мощнейшего кризиса в экономике и затронули все сферы быденной жизни людей вне зависимости от их социального положения и статуса. Главные ограничения коснулись особенно миграции, потому основной целью стран являлась минимизация взаимодействий населения лично и контроль за распространением COVID-19. Данные усилия привели к значимым изменениям мировых миграционных процессов, так как многие государства закрыли свои границы, то множество мигрантов столкнулись с такими проблемами как нехватка денежных средств и увольнение.

Список литературы

1. Прикладные демографические исследования: сборник статей / под ред. И.А. Даниловой, В.В. Елизарова, Н.Г. Джанаевой. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018. 190 с. (серия «Демографические исследования». Вып. 28).

⁴ Социально-экономическое положение России / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2022.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

2. Социально-экономическое развитие России. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 397 с.
3. Стоюшко Н. Ю. Общая характеристика трудовых ресурсов по г. Большой камень: демографическая ситуация // Вологдинские чтения. 2004. № 45-1. С. 20–22.
4. Ткаченко А.А. Государственная политика и национальный проект «Демография» // Народонаселение. М., 2018. Вып. 21. № 4. С. 23–35.

Информация об авторах

Власова Наталья Владимировна (Россия, Ульяновск) – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет» (Россия, 432010, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42, e-mail: vla-nataly@yandex.ru).

Липатова Ксения Владиславовна (Россия, Ульяновск) – студентка 3-го курса направления подготовки «Социология», ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет» (Россия, 432010, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42, e-mail: ksu666li@mail.ru).

Vlasova N.V., Lipatova K.V.

DEMOGRAPHIC PROCESSES 2018-2021: NATURAL MOVEMENT AND MIGRATION

Abstract. *Demographic and migration processes in Russia at the present stage seem to be particularly relevant, since in recent years there has been a trend of population decline. The main statistical indicators are considered. Special attention is paid to migration processes in Russia and the main modern trends that determine the birth rate process.*

Key words: *migration, demographic processes, mortality, fertility, natural population decline, social policy, COVID-19 pandemic.*

Information about the authors

Vlasova Natalia V. (Ulyanovsk, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Ulyanovsk State University, (42, L. Tolstogo str., Ulyanovsk, 432010, Russia, e-mail: vla-nataly@yandex.ru).

Lipatova Ksenia V. (Ulyanovsk, Russia) – is a 3rd-year student of the Sociology course. Ulyanovsk State University (42, L. Tolstogo str., Ulyanovsk, 432010, Russia, e-mail: ksu666li@mail.ru).

Bibliography

1. Applied demographic research: a collection of articles / edited by I.A. Danilova, V.V. Elizarova, N.G. Dzhanava. M.: Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, 2018. 190 p. (the series “Demographic research”. Issue 28).
2. Socio-economic development of Russia, 2020: Stat. sat. / Rossat. M., 2022. 397 p.
3. Stoyushko N.Y. General characteristics of labor resources in the City of Bolshoy Kamen. demographic situation // Vologdinskije chtenija. 2004. no. 45-1. pp. 20–22.
4. Tkachenko A.A. State policy and the national project “Demography” // Population. M., 2018. Issue 21, No. 4. pp. 23–35.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В статье рассматривается ряд проблем в сфере здравоохранения в период пандемии. Анализируются последствия реформы системы здравоохранения в России с целью сохранения устойчивости и стабильности функционирования отрасли и ряд демографических показателей, изменяющих общую ситуацию в стране.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, здравоохранение, реформа здравоохранения, проблемы здравоохранения.

Изменения, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции, затронули все социальные процессы, протекающие в мире. Население вынуждено пересматривать свои модели поведения и адаптироваться к новым условиям взаимодействия [1]. Пандемия обнажила проблемы в системе здравоохранения как в Российской Федерации, так и во многих других развитых странах, а именно: нехватка больничных коек, медицинского персонала и средств индивидуальной защиты; неповоротливость систем, которые финансируют медицинское обслуживание.

Неопределенность со сроками окончания пандемии (появление новых штаммов, количество новых локдаунов и других ограничений) делает невозможным оценить ее реальные последствия для экономики России. Совершенно точно, что эти последствия будут влиять на экономику достаточно длительное время [2].

В результате реформы в системе здравоохранения в России с 2012 по 2018 г. численность практикующих врачей в государственных и муниципальных медицинских организациях сократилась на 12% (46 тыс. человек). Количество больничных коек сократилось на 15% (160 тыс. коек) в период с 2012 по 2018 год, что означает, что коек было на 15% меньше, чем в Германии. Особенно тяжелое положение сложилось в сельской местности, малых и средних городах и в первичном звене медико-санитарной помощи, где врачей в 1,5 раза меньше, чем необходимо; в 1,8 раза меньше среднего медперсонала и в 1,9 раза меньше фельдшеров.

В 2018 году государственные расходы на здравоохранение в России составили 3,3% ВВП. Это в 1,5 раза ниже, чем в странах ЕС, сопоставимых с Россией по уровню экономического развития.

Но главной проблемой отечественного здравоохранения был и остается статус медицинских работников. Это проявилось в низкой заработной плате, на которую трудно прожить, что привело к массовому оттоку кадров из отрасли и впоследствии легло тяжелым бременем на оставшихся там специалистов. В подавляющем большинстве регионов оклады работников (т.е. без льгот и стимулирующих выплат) для врачей в 2019 году составляли от 12 000 руб. до 35 000 руб., для медицинских сестер — от 10 000 руб. до 20 000 руб. [3]. Многие сотрудники профессионально «выгорают» на работе. Ситуацию усугубляет всплеск притеснений медицинского персонала, вызванный жалобами больных за низкий уровень обслуживания; бесконечные проверки со стороны контролирующих органов и судебные преследования; постоянно растущее количество чрезмерных требований, часто несоответствующих и невозможных для удовлетворения в ситуации нехватки персонала и ресурсов, что приводит к возрастанию бумажной работы и трате времени, которое можно было бы использовать с большей пользой на лечение пациентов.

И, несмотря на все это, подавляющее большинство медицинских работников, как и все медицинские работники на передовой, самоотверженно и героически продолжают выполнять свои обязанности, неся дополнительное бремя борьбы с этой эпидемией. 220 из них это уже стоило жизни [4]. Все это вынуждает власти изменить политику реформирования медицинской сферы.

Учитывая затяжной характер пандемии и снижение реальных доходов большинства населения России, эти новые обстоятельства требуют немедленной разработки программы управленческой и финансовой реформы с целью сохранения устойчивости отрасли здравоохранения, исправления несостоятельной ситуации для медицинских работников и тем самым обеспечивают социальную стабильность.

Не менее серьезные последствия пандемия коронавируса оказала на демографические показатели России. Спрогнозировать ее последствия для численности населения, даже на ближайшее будущее, довольно сложно.

Сведения о составе и численности населения критически важны для всех отраслей экономики без исключения. Без населения, производство материальных, духовных ценностей и услуг невозможно. Это особенно актуально для России, так как она занимает 13% площади территории земного шара и имеет только 2% населения мира.

Демографические факторы оказывают сильное влияние на стратегию внешней и внутренней политики. С одной стороны, они тесно связаны с вопросами ограниченности и истощаемости природных ресурсов. С другой, они определяют социально-экономическое развитие страны. Сейчас Россия находится в стадии депопуляции. Коэффициент рождаемости находится ниже критической отметки 1,5 ребенка на одну женщину [5]. Депопуляция приведет к сокращению рабочей силы, снижению экономического роста и технологического уровня производства. Возникают и социальные проблемы. Нужно будет увеличивать социальную поддержку и медицинскую помощь пожилым людям. Это потребует дополнительных расходов бюджета, а пополняемость его снизится, так как снизится численность работоспособного населения.

COVID-19 влияет на демографию прямо – в результате смертности заболевших, и опосредованно, – в результате увеличения смертности от других заболеваний.

С точки зрения медицины, необходимо различать «летальность» и «смертность». Летальность – представляет собой количество умерших людей от конкретного заболевания, к общему количеству заразившихся этой болезнью. А смертность – является общепопуляционным показателем, который отражает число умерших за год к среднегодовой численности населения умноженное на сто тысяч (число умерших на сто тысяч населения). Летальность от COVID-19 определяется на установлении первоначальной причины смерти (ППС). Но на фоне имеющихся сопутствующих заболеваний, существующих у большинства заболевших, очень сложно определить ППС. Например, если у заболевшего хроническая сердечная недостаточность, то COVID-19 – это причина, способствующая смерти. А если у больного сахарный диабет, с которым он мог бы прожить много лет, то COVID-19 – это ППС, а сахарный диабет – заболевание, способствующее смертности [7].

Согласно официальной статистике, с начала пандемии в России зарегистрировано 16,5 млн. случаев заражения. Умерло от ППС или сопутствующих заболеваний 352 тысячи человек¹. В то же время, некоторые демографы, считают, что летальность от коронавируса значительно занижена. Даже по официальной статистике смертность в России достигла рекордного уровня за последние, по крайней мере, 10 лет. Если пандемия не будет остановлена в ближайшее время, с учетом появления новых штаммов вируса, SARS-CoV-2 может значительно снизить численность населения. Уже в этом году смерт-

¹ Коронавирус РФ. URL: <https://coronavirusstat.ru/> (дата обращения: 01.03.2022).

ность может стать рекордной с 1947 года. Естественная убыль населения составит 600-650 тысяч человек, а избыточная смертность (временное увеличение смертности людей по сравнению с ожидаемой) – 250-330 тысяч человек [6].

Пандемия способствовала более активному внедрению в повседневные практики медицинских услуг Интернет технологии. Большинство больных практически в принудительном порядке стали использовать современные технические возможности. Это относилось как к покупке медицинских изделий и лекарств, так и онлайн получение медицинской помощи. На данном этапе общество готово к потреблению электронных услуг более широкого спектра в медицинской сфере от напоминания о приеме лекарств до поддержания связи с лечащим врачом.

На сегодняшний день сложно в полной мере оценить все возможные последствия пандемии COVID-19 на российское общество. Они многогранны и многообразны. Пандемия заставляет пересматривать многие вопросы, стоящие перед здравоохранением страны. С одной стороны, она простимулировала и вывела на новый уровень многие тенденции развития медицинской сферы. С другой стороны, были выявлены ошибки в ее реформировании, которые в настоящее время требуют незамедлительного решения, так как они приводят к негативным последствиям в обществе. Неизвестно время продолжительности пандемии, ее течение в плане появления новых штаммов вируса. С уверенностью можно сказать только то, что последствия пандемии не пройдут бесследно, и российское общество уже не будет таким, как до пандемии.

Список литературы

1. Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Регион в период пандемии: состояние и проблемы (на примере Ульяновской области) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: мат-лы VI международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда: ВолНИЦ РАН, 2021. С. 109–114.
2. Крунтяева, Е.Д. Последствия пандемии COVID-19 для российской экономики // Молодой ученый. 2020. № 35 (325). С. 44–46.
3. Соколов А. Деньги не лечат: к чему ведет реформа здравоохранения // Ведомости. 2020. 15 октября. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0875/gazeta011.php> (дата обращения: 01.03.2022).
4. Список памяти. URL: <https://sites.google.com/view/covid-memory/home> (дата обращения: 01.03.2022).
5. Щербакова Е. Демографические итоги I полугодия 2021 года в России. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/barom05.php> (дата обращения: 01.03.2022)
6. «Это будет очень печальный год». Демограф посчитал реальные показатели смертности от коронавируса в России // URL: <https://www.fontanka.ru/2020/11/15/69547148/> (дата обращения 01.03.2022).
7. COVID-19: неотложные вопросы оценки заболеваемости, распространенности, летальности и смертности / О.М. Драпкина, И.В. Смородская, М.Г. Сивцева, Е.П. Какорина, Н.И. Брико, С.Н. Черкасов, В.А. Цирзерлинг, П.Г. Мальков // Профилактическая медицина. 2020. Т. 23. № 1. С. 7–13. URL: http://www.almazovcentre.ru/wp-content/uploads/Drapkina_Prof_2020_01-1.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

Информация об авторах

Галкина Елена Петровна (Россия, Ульяновск) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государ-

ственный университет (432017, Российская Федерация, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; e-mail: contact@ulsu.ru).

Егорова Элеонора Валериевна (Россия, Ульяновск) – магистрант, Ульяновский государственный университет (432017, Российская Федерация, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; e-mail: contact@ulsu.ru).

Galkina E.P., Egorova E.V.

SOME ASPECTS OF HEALTHCARE PROBLEMS IN RUSSIA DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. *The article discusses a number of problems in the field of healthcare during the pandemic. The article analyzes the consequences of the reform of the healthcare system in Russia in order to preserve the stability and stability of the functioning of the industry and a number of demographic indicators that change the overall situation in the country.*

Key words: *pandemic, COVID-19, healthcare, healthcare reform, healthcare problems.*

Information about the authors

Galkina Elena P. (Ulyanovsk, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ulyanovsk State University”. (42 L. Tolstoy str., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation. E-mail: contact@ulsu.ru).

Egorova Eleonora V. (Ulyanovsk, Russia) – 1st year master’s student of the direction 39.04.01 “Sociology”, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ulyanovsk State University”. (42 L. Tolstoy str., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation. E-mail: contact@ulsu.ru).

Bibliography

1. Kadnichanskaya M.I., Galkina E.P. Region during the pandemic: state and problems (on the example of the Ulyanovsk region) // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. Materials of the VI International scientific and practical Internet conference. in 2 parts. Vologda. Publisher: VolSC RAS (Vologda). 2021. p. 109–114.
2. Kruntuyaeva E.D. Consequences of the COVID-19 pandemic for the Russian economy / E.D. Kruntuyaeva // Young Scientist. 2020. № 35 (325). Pp. 44–46.
3. Sokolov A. Money does not cure: what is the health care reform leading to // Vedomosti. 2020. October 15, 2020. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0875/gazeta011.php> (accessed: 01.03.2022).
4. Memory list. URL: <https://sites.google.com/view/covid-memory/home> (accessed: 01.03.2022)
5. Shcherbakova E. Demographic results of the first half of 2021 in Russia. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/barom05.php> (accessed: 01.03.2022)
6. «It’s going to be a very sad year». Demographer calculated the real mortality rates from coronavirus in Russia. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/11/15/69547148> (accessed: 01.03.2022).
7. COVID-19 urgent issues of assessing morbidity, prevalence, mortality and mortality / O.M. Drapkina, I.V. Smorodskaya, M.G. Sivtseva, E.P. Kakorinaz, N.I. Briko, S.N. Cherkasov, V.A. Cirzerling, P.G. Malkov // Preventive medicine 2020. Vol. 23. No. 1. Pp. 7–13. URL: http://www.almazovcentre.ru/wp-content/uploads/Drapkina_Prof_2020_01-1.pdf (accessed: 01.03.2022).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ В 2020–2021 ГГ.

Аннотация. С того момента как Всемирная организация здравоохранения объявила коронавирус пандемией, COVID-19 превратился в основную проблему общественного здоровья. Однако другие болезни не исчезли, они, наоборот, усугубились из-за негативного воздействия коронавируса на организм человека. В статье рассматриваются основные проблемы общественного здравоохранения в 2020-2021 гг.

Ключевые слова: коронавирус, COVID-19, пандемия, смертность, сердечно-сосудистые заболевания, проблемы здравоохранения.

Здоровье является главным богатством каждого человека. Неудивительно, что оно всегда расценивалось как благо и абсолютная ценность. Качество здоровья населения напрямую влияет на экономику страны, а, следовательно, и ее мощь. Именно поэтому здоровью населения придается первостепенное значение при планировании и осуществлении экономической политики любого государства [1].

Федеральное агентство министерства здравоохранения США определяет общественное здоровье как науку об охране и улучшении здоровья людей и общества в целом¹. Всемирная организация здравоохранения определяет общественное здравоохранение как «науку и практику предупреждения болезней, продления жизни и укрепления здоровья посредством организованных действий, предпринимаемых обществом»².

С начала 2020 года наш мир борется с разрушительной глобальной пандемией. Распространение COVID-19 унесло около 5,9 миллионов жизней по всему миру (данные на 26.02.2022)³. В России по данным на 26.02.2022 число заразившихся COVID-19 составляет более 16 млн. человек⁴. В самые критические моменты медицинские учреждения были переполнены и практически весь персонал был брошен на борьбу с пандемией. Эксперты по инфекционным заболеваниям продолжают выявлять новые штаммы и варианты лечения, и все согласны, что пандемия COVID-19 является главной проблемой общественного здравоохранения в 2020-2021 годах, однако она не единственная.

Многие проблемы общественного здравоохранения обострились во время пандемии, поскольку при COVID-19 обостряются все сопутствующие заболевания.

По данным Центров по контролю и профилактике заболеваний США (CDC) и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) основными проблемами общественного здравоохранения в 2020-2021 годах являются следующие⁵.

COVID-19. Продолжающаяся пандемия остается в центре внимания специалистов в области общественного здравоохранения. CDC продолжает давать рекоменда-

¹ What is Public Health? URL: <https://www.cdcfoundation.org/what-public-health> (дата обращения 26.02.2022).

² Службы общественного здравоохранения. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/Health-systems/public-health-services/public-health-services> (дата обращения 26.02.2022).

³ Коронавирус в мире: данные по странам и регионам. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51706538> (дата обращения 26.02.2022).

⁴ Коронавирус в России. URL: <https://tass.ru/infographics/8897> (дата обращения 26.02.2022).

⁵ 10 Public Health Problems of 2021. URL: <https://www.goodwin.edu/enews/modern-public-health-concerns/> (дата обращения 26.02.2022).

дации по соблюдению всех мер предосторожности: ношение масок, социальное дистанцирование и другие профилактические меры. Благодаря усердной работе ученых и исследователей в области общественного здравоохранения было разработано несколько вакцин, которые помогают сдерживать уровень заражения.

Психическое здоровье. Ухудшение состояния психического здоровья является одним из очевидных побочных эффектов пандемии. Карантин, удаленная работа и дистанционное обучение оказали негативное влияние на людей всех возрастов. Из-за жестких ограничений на проведение массовых мероприятий или локдауна многие люди испытывают сильное чувство стресса. Действительно, показатели депрессии и тревожности растут на протяжении 2020-2021 гг. Так, по данным Forbes, в 2021 г. 70% подростков отмечали проблемы, связанные с психическим здоровьем. В то же время 60% процентов взрослого населения и молодежи указали на отсутствие необходимого необходимой им помощи в лечении психических расстройств. Приведенные данные позволяют сделать вывод, что в ближайшее время можно ожидать рост спроса на специалистов в области психиатрии.

Злоупотребление алкоголем, наркотиками и психотропными веществами. Данная проблема была очень острой для общественного здравоохранения, а самоизоляция привела к ее усилению. Проведенные ВОЗ исследования показывают, что в 2020 г. с момента принятия решений о вынужденной самоизоляции число случаев передозировки увеличилось на 18%. По данным CDC, 40% взрослого населения США сообщают о проблемах с алкоголем или наркотиками.

Заболевания сердечно-сосудистой системы и инсульт. По данным Американской кардиологической ассоциации, болезни сердца остаются основной причиной смерти во всем мире. По данным Росстата болезни системы кровообращения были первой причиной смертности и в Ульяновской области в 2020 г.⁶ Эксперты прогнозируют, что, поскольку COVID-19 оказывает сильное отрицательное воздействие на сердечно-сосудистую систему, смертность от данного вида заболеваний еще долго будет занимать первое место в рейтинге причин смертности. В частности, специалисты в сфере здравоохранения ожидают, что число сердечно-сосудистых заболеваний будет расти в геометрической прогрессии в течение следующих нескольких лет в связи с долгосрочными последствиями коронавируса. Это еще раз подчеркивает, что здоровье сердечно-сосудистой системы является одной из важнейших проблем общественного здравоохранения.

ВИЧ. В последнее время были достигнуты значительные успехи в лечении и профилактике ВИЧ, но миллионы людей по-прежнему ежегодно умирают от ВИЧ/СПИДа. Как известно, до сих пор не существует вакцины, которая могла бы предотвратить вирус или лечить инфицированных. По данным ВОЗ, с момента начала эпидемии инфекцией заразились более 79,3 миллиона человек, около 36,3 миллиона человек умерли от связанных со СПИД болезней. При этом около 16% больных людей не знают свой статус. Несмотря на значительные цифры, смертность от СПИДА постоянно снижается. Наряду с этим необходимо отметить, что ВИЧ-инфицированные пациенты имеют более тяжелые исходы при заражении COVID-19⁷.

Дорожно-транспортные происшествия. По данным Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения, невнимательное вождение, вождение

⁶ Ульяновская область в цифрах. 2021: Крат. стат. сб. Ульяновск, 2021 130 с.

⁷ Глобальная статистика по ВИЧ. URL: <https://www.unaids.org/ru/resources/fact-sheet> (дата обращения 26.02.2022).

в нетрезвом виде и безопасность транспортных средств являются одними из главных проблем безопасности на дороге. Вопросы, касающиеся использования ремней безопасности, правильной установки и использования детских кресел, по-прежнему входит в число главных проблем общественного здравоохранения.

Питание, физическая активность и ожирение. Питание и физическая активность – еще одна проблема общественного здравоохранения, которая только усугубилась в связи с пандемией COVID-19. CDC сообщает, что ожирение подвержены 93,3 миллиона взрослых американцев и более 13,7 миллиона детей. Вероятно, эти цифры, значительно вырастут в ближайшем будущем. Глобальное исследование, опубликованное в журнале *Obesity*, показало, что ограничения, связанные с пандемией, привели к резким изменениям в поведении в отношении здоровья, побуждая людей во всем мире сокращать физическую активность и есть больше нездоровой пищи. Это очень серьезная проблема для специалистов в области общественного здравоохранения, поскольку ожирение увеличивает риск хронических заболеваний, таких как диабет, артериальное давление и болезни сердца. Ожирение также считается фактором высокого риска для COVID-19.

Больничная инфекция. Мы знаем, что в больницах пациентам оказывается помощь, но мы не всегда думаем об инфекциях, которые могут возникнуть в результате лечения. Они могут быть вызваны устройствами, используемыми в медицинских процедурах, например, катетерами или возникать в местах хирургических вмешательств. По данным CDC ежедневно у 1 из 31 пациентов диагностируется больничная инфекция.

С 3 августа по 20 сентября 2021 г. специалисты в области общественного здравоохранения провели онлайн-опрос по всему миру, в котором респондентам необходимо было ответить на вопрос: «Какие из следующих проблем, если таковые имеются, вы считаете основными проблемами в области общественного здоровья в вашей стране?». Всего в опросе участвовало 21 513 респондентов из 30 стран в возрасте от 16 до 74 лет⁸.

Данные распределились следующим образом: коронавирусная инфекция (COVID-19) – 70%, онкологические заболевания – 34%, психическое здоровье – 31%, стресс – 22%, ожирение – 19%, диабет – 13%, злоупотребление алкоголем – 11%, сердечно-сосудистые заболевания – 11%, курение – 9%, деменция – 4%, заболевания, передающиеся половым путем – 2%, больничная инфекция – 2%, другое 1%.

Приведенные данные показывают, что население и специалисты в области здравоохранения выделяют практически идентичные проблемы, угрожающие современному обществу.

В России мы наблюдаем почти аналогичную ситуацию. Реформирование здравоохранения и пандемия коронавируса заставили по-иному взглянуть на проблемы, с которыми сталкивается население. В настоящее время общественное здоровье населения России оценивается как неблагоприятное. Медленный рост продолжительности жизни, низкие коэффициенты рождаемости, высокая смертность (особенно у мужчин трудоспособного возраста), высокая младенческая смертность, убыль населения, рост общей и детской заболеваемости, низкая продолжительность здоровой

⁸ Percentage of adults worldwide who stated select issues were the biggest health problems facing people in their country as of 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/917148/leading-health-problems-worldwide/> (дата обращения 26.02.2022).

жизни, рост инвалидности населения, в том числе детской, – все эти факторы придали общественному здоровью статус угрозы национальной безопасности.

Статистические данные показывают, что снижается продолжительность жизни россиян. В 2021 году средняя продолжительность жизни в Ульяновской области достигла 69,68 года, это на 1,3 года меньше, чем в 2020 году. Коэффициент общей смертности вырос и за 2021 год составил 19,6 на 1000 населения, что на 16,7% больше, чем за 2020 год. Умерло 23768 человек, что на 3143 человека больше, чем за 2020 год. Показатель общей смертности, в Старокулаткинском и Инзенском районах Ульяновской области превышает среднеобластной в 1,5 раза; в Базарносызганском, Кузоватовском, Майнском, Павловском, и Старомайнском районах превышает более чем на 30%.

К сожалению, на фоне снижения численности женщин репродуктивного возраста на 1,6% произошло и снижение коэффициента рождаемости на 1,2%, показатель составил 8,3 на 1000 населения (в 2020 году – 8,4). На 332 человека родилось меньше. В рейтинге ПФО область занимает девятое место. Демографическая ситуация в области характеризуется снижением рождаемости и повышением смертности. Тенденция к снижению коэффициента рождаемости наблюдается как по РФ, так и по ПФО, соответственного на 2,0 и 2,2%.

Население Ульяновской области за прошедший год уменьшилось на 11,5 тыс. человек. В структуре причин всех случаев смерти занимают:

- первое место – болезни системы кровообращения – 44,4%;
- второе место – COVID-19 – 20,6%;
- третье место – новообразования – 11,5%;
- четвертое место – симптомы и признаки, не классифицированные в других рубриках – 7,9%;
- пятое место - внешние причины смерти – 6,1%.

Показатель младенческой смертности остался на уровне прошлого года и составил 4,2 на 1000 родившихся живыми, в РФ этот показатель - 4,6, в ПФО - 4,5. Ульяновская область занимает восьмое место в рейтинге ПФО. В возрасте до 1 года умерло 42 ребёнка, что на 2 ребёнка меньше, чем за 2020 год.

Были выявлены причины роста смертности:

- Отдаленные последствия перенесенной новой коронавирусной инфекции в виде декомпенсации уже имеющихся хронических заболеваний привели к резкому увеличению смертности от основных нозологий.

- Приостановление и ограничение плановой работы в части проведения диспансеризации и профилактических осмотров.

- Перепрофилирование ряда учреждений здравоохранения под оказание помощи пациентам с COVID-19, что привело к вынужденному сокращению плановой госпитализации пациентов с хроническими заболеваниями по профилям кардиология, неврология, реабилитация. Дополнительно в течение периода эпидемии возникала необходимость закрытия отдельных отделений на карантинные противоэпидемические мероприятия при возникновении внутрибольничных вспышек COVID-19.

- Дефицит кадров в первичном звене.

Необходимо отметить, что причинами роста смертности от COVID-19 стали:

- низкая приверженность населения к иммунизации;
- позднее обращение за медицинской помощью;

- перебои с обеспечением лекарственными препаратами пациентов на амбулаторном лечении (дефицит финансовых средств);
- дефицит медицинских кадров, в том числе по причине заболеваемости среди медицинских работников.

Следует отметить, что для оказания медицинской помощи пациентам с COVID-19 в стационарных условиях в 2021 году было задействовано 473 врача всех специальностей, в том числе 11 врачей – пульмонологов, 72 врача – анестезиолога-реаниматолога. К работе для лечения больных с COVID-19 привлечено 1098 средних медицинских работников и 742 младших медицинских работника. В амбулаторном звене отмечается дефицит врачей: терапевтов участковых, врачей – педиатров участковых (укомплектованность – 75%); средних медицинских работников (укомплектованность – 78,8%). При этом в ряде районов области укомплектованность врачами составляет от 39 до 54,6%⁹.

Таким образом, проблемы общественного здоровья имеют мировые тенденции. Но, к сожалению, в России они носят более глубокий обостренный характер.

Список литературы

1. Самутин К.А. Здоровье населения как составной элемент экономической политики государства // Российское предпринимательство. 2012. № 11 (109). С. 131–136.

Информация об авторах

Галкина Елена Петровна (Россия, Ульяновск) – кандидат социологических наук, доцент, Ульяновский государственный университет (432017, Российская Федерация, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; e-mail: pyh2000@mail.ru).

Крашенинникова Наталья Александровна (Россия, Ульяновск) – студентка 1 курса магистратуры направления 39.04.01 «Социология», Ульяновский государственный университет (432017, Российская Федерация, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; e-mail: kna.73@mail.ru).

Galkina E.P., Krasheninnikova N.A.

ACTUAL PROBLEMS OF GLOBAL PUBLIC HEALTH IN 2020-2021

Abstract. *Since the World Health Organization declared coronavirus a pandemic, COVID-19 has become a major public health problem. However, other diseases have not disappeared, on the contrary, they have worsened due to the negative impact of the coronavirus on the human body. The article discusses the main problems of public health in 2020-2021.*

Key words: *coronavirus, covid-19, pandemic, mortality, cardiovascular diseases, health problems.*

Information about the authors

Galkina Elena P. (Ulyanovsk, Russia) – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ulyanovsk State University” (42 L. Tolstoy str., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation. E-mail: pyh2000@mail.ru).

⁹ Итоги деятельности отрасли здравоохранения Ульяновской области в 2021 году. URL: <https://opuo.ru/wp-content/uploads/2022/03/Otchet-zamestitelya-Predsedatelya-Pravitelstva-Ulyanovskoj-oblasti-S.S.Kuchica-za-2021-god.pdf> (дата обращения 26.02.2022).

Krashennikova Natalia A. – 1st year student of the master's degree in the direction 39.04.01 "Sociology", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ulyanovsk State University" (42 L. Tolstoy str., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation. E-mail: kna.73@mail.ru).

Bibliography

1. Samutin K.A. Public health as an integral element of the state's economic policy // Russian entrepreneurship. 2012. № 11 (109). Pp. 131–136.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА МИГРАЦИОННУЮ СИТУАЦИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Контекстом написания данной статьи послужила ситуация со стремительным продвижением пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 с малопредсказуемыми последствиями в мире. По мнению автора, пандемия COVID-19 оказала большое влияние на миграционную ситуацию в РФ. Из-за введения локдауна, закрытия границ в тяжелой ситуации оказались трудовые мигранты, которые остались без средств на свое существование.*

Ключевые слова: *миграция, трудовые мигранты, проблемы мигрантов, пандемия COVID-19, локдаун.*

В конце 2019 года жизнь человечества разделилась на «до» и «после». 31 декабря 2019 года Всемирная организация здравоохранения была проинформирована о вспышке нового вируса, теперь известной как COVID-19. Спустя месяц стало известно, что вспышка COVID-19 была признана чрезвычайной ситуацией, а в марте 2020 – пандемией. Пандемия коронавируса оказала очень большое влияние на жизнь общества, кто бы мог подумать, что в первой половине 2020 года наша жизнь кардинально изменится. В начале это все казалось какой-то шуткой, разговором, мало кто действительно верил, что эта зараза способна настолько сильно повлиять на все сферы общества. Но со временем стало ясно, что это вовсе не шутки, а все очень серьезно. В связи с жесткими ограничениями, которые были введены во многих государствах, в частности в России, очень сильно пострадала экономика. Малый и средний бизнес понесли огромные потери, ведь никто не мог предвидеть, что в 21 веке, в развитых странах может случиться что-то подобное. Особенно пострадала сфера сервиса и туризма, так как она направлена на работу с людьми. Многие государства, которые существовали за счет туризма, оказались в тяжелой ситуации с закрытием границ и введением полной самоизоляции. Разумеется, пандемия оказала влияние и на миграционные процессы в России. Закрытие границ, прекращение авиаперелетов с другими странами привели к снижению миграционных потоков в России, причем как внутренних, так и внешних. В первую очередь пострадали трудовые мигранты, они оказались очень в тяжелой ситуации из-за потери работы, лишившись заработка у многих не хватало средств даже на существование, а из-за закрытия границ, они не могли вернуться к себе домой.

Если заглянуть в статистику, то за 2014-2018 год в Россию ежегодно въезжали около 600 тысяч мигрантов, в основном из стран СНГ. Около трети въезжающих граждан прибывало из Украины, которая, таким образом, за последние годы вышла в лидеры среди стран-доноров, что обусловлено политической обстановкой в этой стране. Около 45 % мигрантов приходятся на Узбекистан, Таджикистан, Казахстан причем практически в равных долях [1, с. 107].

По данным Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел, с января по октябрь 2020 года на миграционный учет встало 8,3 миллиона иностранцев, тогда как за такой же срок прошлого года 16,4 миллиона¹. Аналогич-

¹ ГУВМ МВД России. URL: <https://gu.spb.ru/orgs/190237/?from=c> (дата обращения: 22.03.22).

ные показатели – по оформлению трудовых патентов и разрешений на работу, в том числе для высококвалифицированных специалистов. Эксперты и аналитики в области экономики дают весьма неблагоприятные прогнозы. В период пандемии спад ВВП составил 6%, а восстановление докризисного уровня возможно лишь через несколько лет после окончания пандемии и нормализации ситуации. Но в связи с последними событиями в мире тяжело давать какие-то точечные прогнозы, так как ситуация в мире, а в частности в России похожа на американские горки, все быстро и молниеносно меняется [3].

Российские ученые отмечают, что нынешние миграционные проблемы, не похоже на те, что случались в 2008-2010, 2015 годах. Современный кризис имеет совершенно другую этимологию. В предыдущие кризисы произошло сокращение не столько абсолютной численности трудовых мигрантов, сколько соотношение их легальной и нелегальной занятости на российском рынке труда [2], что объяснялось как стремлением работодателей к экономии за счет теневого найма рабочей силы, так и не удачной политикой по регулированию трудовой миграции российского правительства. Следует отметить, что действия правительств развитых стран и России во время предыдущих кризисов характеризовались попытками использовать дискриминационные практики против мигрантов для защиты национального рынка труда для своих граждан. Исследователи отмечают, что традиционное популистское поведение правительств во время кризисов – избавиться от мигрантов, занимающих потенциальные местные рабочие места – характерно как для западных стран, так и для России. Во время пандемии COVID-19 наблюдается иная картина - либерализация миграционной политики как в ЕС, так и России. Попытки массового замещения иностранных работников российскими не увенчались успехом ни во время кризиса 2008-2010 годов, ни в 2014-2016 годах, ни в настоящее время.

Для России плохая новость в том, что из-за коронакризиса наметился дефицит рабочих рук низкой и средней квалификации в строительстве, торговле, транспорте и складском хозяйстве, а также средней и высокой квалификации – в сферах помощи в домашних хозяйствах, персональных услугах – видах экономической деятельности, в которых доля расходов на труд максимальна и где труд мигрантов особенно заметен.

Отчасти это наблюдалось уже на дне кризиса: на транспорте и в складских хозяйствах, в домашних хозяйствах и строительстве оплата труда опрошенных мигрантов возросла соответственно на 10%, 4,8% и 2,9% в апреле по сравнению с пиковым февралем. Об этом сигнализирует и Росстат: средняя зарплата россиян в транспортировке и хранении возросла в феврале – апреле на 10,3%, в строительстве – на 0,8%². Это означает, что, с одной стороны, часть «мигрантских» рабочих мест может быть занята россиянами – как местными, так и внутрироссийскими мигрантами. С другой – неизбежен рост стоимости товаров и услуг в тех видах экономической активности, где мигранты занимают или занимали значимые позиции.

В условиях экономического спада и сокращения спроса на труд уменьшение предложения иностранной рабочей силы выглядит в России, как и в других странах, естественным и ожидаемым. Однако в регионах и отраслях с высокой концентрацией мигрантов недостаток иностранной рабочей силы может осложнить процесс экономического восстановления. Постковидная российская экономика нуждается в мигрантах так же, как и в допандемическом прошлом.

² Федеральная служба государственной статистики: Росстат. Рынок труда, занятость и заработная плата 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 20.03.2022).

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087.

Список литературы

1. Сивоплясова С.Ю. Женская трудовая миграция в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 107.
2. Тюрюканова Е.В., Зайончковская Ж.А. Миграция и демографический кризис в России. 2010. С. 62–66.
3. Хасанова Р.Р., Малева, Т.М., Мкртчян, Н.В., Флоринская, Ю.Ф. Проактивная демографическая политика: 10 лет спустя // Эффекты, инструменты, новые цели: научные доклады (19/1). 2019. С. 10.

Информация об авторе

Денисов Михаил Игоревич (Россия, Тюмень) – магистрант кафедры общей и экономической социологии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6, тел: +79523474421, email: stud0000195374@study.utmn.ru).

Denisov. M.I.

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE MIGRATION SITUATION IN RUSSIA

Abstract. *The context for writing this article was the situation with the rapid advancement of the COVID-19 coronavirus pandemic with little predictable consequences worldwide. According to the author, the Covid-19 pandemic has had a major impact on the migration situation in the Russian Federation. Due to conducting lockdown and closing the borders, labor migrants found themselves in a difficult situation and were left without means for their livelihood.*

Key words: *migration, migrant workers, problems of migrants, COVID-19 pandemic, lockdown.*

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the project no. 20-011-00087.

Information about the author

Denisov Mikhail I. (Tyumen, Russia) – Master-Student of the Department of General and Economic Sociology, FSAEI HE «University of Tyumen» (6 Volodarskogo str., Tyumen, Russia, 625003, tel.: +79523474421, email: stud0000195374@study.utmn.ru).

Bibliography

1. Sivoplyasova S.Yu. Women's Labor Migration during the COVID-19 Pandemic // Scientific Review. Series 1: Economics and law. 2020. № 3. С. 107.
2. Tyuryukanova E.V., Zayonchkovskaya, J.A. Migration and the demographic crisis in Russia. 2010. С. 62–66.
3. Khasanova R.R., Maleva T.M., Mkrтчyan N.V., Florinskaya, Y.F. Proactive Demographic Policy: 10 Years Later // Effects, Tools, New Goals: Scientific Reports (19/1). 2019. С. 10.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ СЦЕНАРИЯ «КРИЗИС» В МОДЕЛЬ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы агент-ориентированного моделирования демографических процессов на Дальнем Востоке. Показана необходимость включения сценария «Кризис» в контексте пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) и его реализация посредством использования корректирующих коэффициентов.

Ключевые слова: макрорегион, Дальний Восток, демография, агент-ориентированное моделирование.

Население региона является уникальным демографическим объектом, который имеет свои особенности и заслуживает пристального наблюдения. Развитие территорий Дальневосточного федерального округа (ДФО) с его специфическими особенностями проживания стало одним из национальных приоритетов государственной политики в ближайшие десятилетия. Моделирование и прогнозирование демографических процессов в данном макрорегионе выступает одним из основных инструментов для формирования системы принятия управленческих решений.

На начало 2021 года численность населения ДФО составила 8 124,1 тыс. человек. Система расселения жителей имеет очаговый характер с преимущественным размещением вдоль транспортных линий и на их пересечениях. Большая часть населения проживает в южной части (Приморский край, Амурская область, Хабаровский край, Еврейская автономная область).

За 1990–2020 годы среднегодовая численность населения макрорегиона сократилась на 2 277 тыс. человек, или на 0,8% (в среднем по России – на 1 509 тыс. человек или 0,9%) (рис. 1).

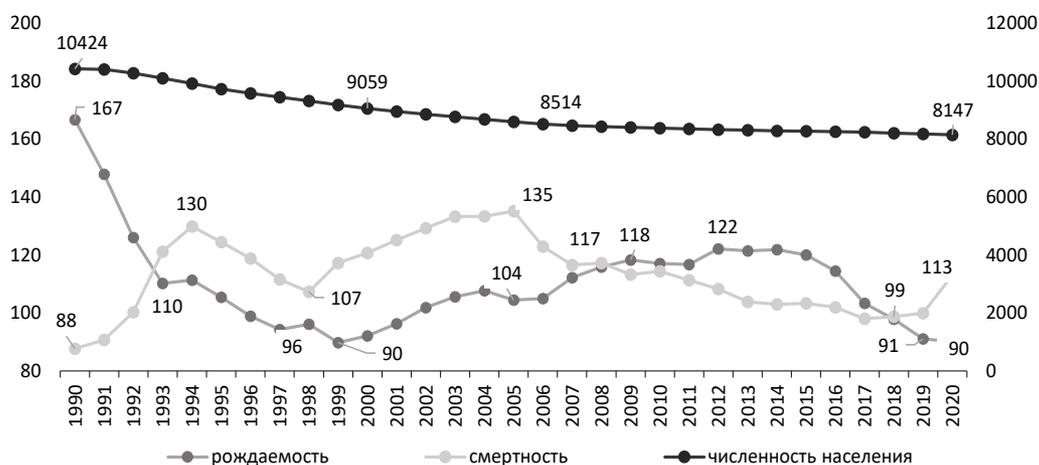

Рис. 1. Среднегодовая численность населения в ДФО¹, тыс. чел.

Источник: <https://www.fedstat.ru/indicator/31606>; <https://www.fedstat.ru/indicator/31556>; <https://www.fedstat.ru/indicator/31617>

¹ С учетом Забайкальского края и Республики Бурятия.

Суммарно с 1990 года естественная убыль населения Дальнего Востока составила 90 тыс. человек (родилось 3 422 тыс. человек, умерло – 3 512, на 2,5% больше).

В ходе исследования разрабатывается агент-ориентированная демографическая модель Дальнего Востока, в рамках которой имитируется искусственное общество, состоящее из взаимодействующих между собой агентов-людей, обладающих набором личностных характеристик и закономерностей поведения с учетом возможностей их изменения под действием внутренних и внешних факторов. Важно отметить, что агент-ориентированный подход нашел широкое применение в области демографии как в трудах российских [1; 2], так и зарубежных [3] ученых.

В основе модели лежит концептуальная схема, в рамках которой демографические процессы структурированы с учетом этапов жизненного цикла среднестатистического жителя макрорегиона, его половозрастных, социально-экономических характеристик, а также параметров среды (рис. 2).

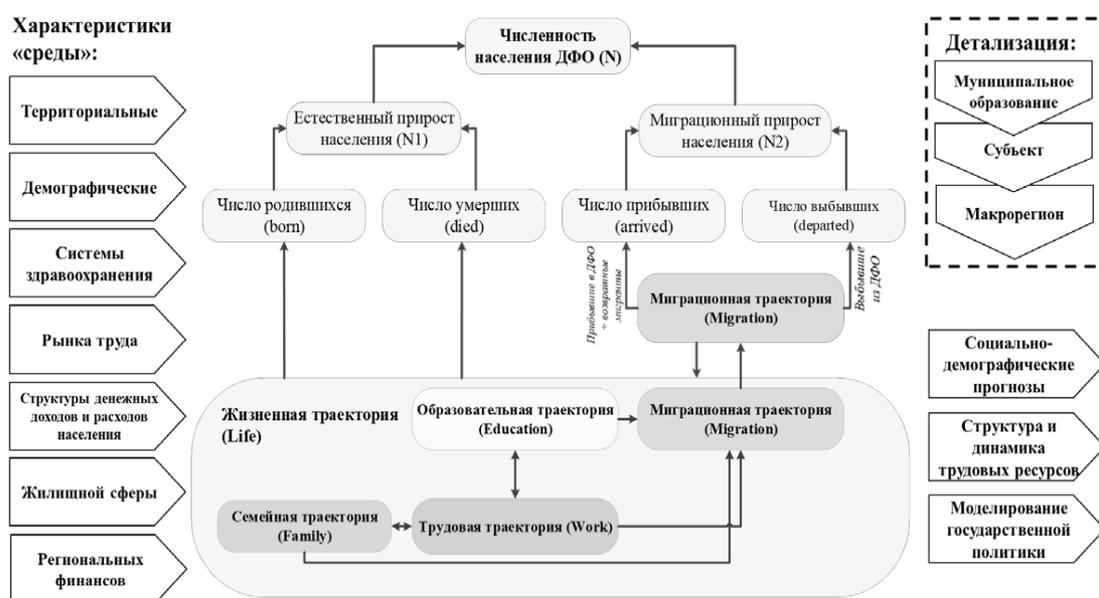

Рис. 2. Схема взаимосвязей жизненных траекторий в рамках демографической модели

Источник: составлено авторами.

Компонентами изменения численности и структуры населения в естественно-демографическом блоке моделирования выступают: рождаемость, смертность, брачность. Основные количественные взаимосвязи переходов между состояниями агента по соответствующим жизненным траекториям установлены на основе данных Федеральной службы государственной статистики, Российской экономической школы и научных трудов ученых Центрального экономико-математического института РАН, Московского государственного университета, Высшей школы экономики, опросов ВЦИОМ.

Имитационная модель основана на воспроизводстве социально-экономических процессов населения с учетом его структуры и основных закономерностей поведения и взаимодействия с окружающей средой. В модели формируется исходная по-

пуляция агентов по параметрам, соответствующим статистическим распределениям на год начала моделирования (2015 год).

Значения исходных параметров загружаются в модель из базы данных, расположенной в облачном хранилище, либо загружаемой пользователем модели в качестве исходного сценария моделирования.

Популяция агентов распределяется по полу, возрасту, месту жительства (муниципальное образование-субъект ДФО) по фактическим статистическим данным по состоянию на 1 января года, выбранного за отчетную точку моделирования. Масштаб популяции (соотношение агента к реальным моделируемым людям) задается в качестве управляемого параметра при инициализации модели.

На основании половозрастных и географических характеристик агента распределяются следующие параметры популяции:

- количество детей, рожденных женщинами репродуктивного возраста;
- интергенетические интервалы в зависимости от числа рожденных детей у женщины;
- количество несовершеннолетних детей у женщин;
- средний возраст матери при рождении ребенка;
- общее число рождений женщиной за репродуктивный период (суммарный коэффициент рождаемости);
- доля состоящих в браке женщин в зависимости от количества детей;
- доля состоящих в браке мужчин в зависимости от возрастных групп;
- разница в возрасте между супругами, состоящими в браке;
- уровень образования женщин в зависимости от возрастных групп и количества рожденных детей;
- уровень образования мужчин в зависимости от возрастных групп;
- статус участия в рабочей силе (занятый, безработный, экономически неактивный) в зависимости от пола, возраста и уровня образования;
- для занятых: вид экономической деятельности (в соответствии с ОКВЭД-2) и занимаемая должность (в соответствии с классификацией ОКЗ);
- уровень доходов с учетом разделения на виды доходов.

На основании данных параметров воспроизводится структура населения по состоянию на год начала моделирования.

Изменение численности и половозрастной структуры населения в естественно-демографическом блоке модели реализовано посредством моделирования процессов рождаемости, смертности и старения.

Одним из результатов моделирования является ретроспективный прогноз рождаемости на примере Хабаровского края (пилотный регион), который показывает сходимость расчетных и фактических значений к 2019 году. На основании текущих демографических тенденций оценено перспективное число рождений детей до 2025 года (рис. 3).

Рис. 3. Динамика рождения детей в Хабаровском крае до 2025 года
(фактические данные и результаты ретроспективного прогнозирования)

Источник: расчет ФАНУ «Востокгосплан» с использованием имитационной модели. Расчет ФАНУ «Востокгосплан» по данным Центра демографических исследований. URL: http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data

Наибольшее отклонение выявлено в 2016 году – 15%, далее наблюдается сходимость значений и к 2019 году отклонение составило 0,9%, что подтверждает высокий уровень корректности моделирования. Прогноз рождаемости на основании сложившихся естественно-демографических процессов в Хабаровском крае при предположении их сохранения показывает снижение общего числа рождений к 2025 году.

Помимо этого, при построении базовой демографической модели и в ходе дальнейшей ее разработки необходимо учитывать внешние факторы, которые напрямую влияют на качество и условия жизни населения, а следовательно, и на естественно-демографические процессы. С 2018 года на Дальнем Востоке начался очередной этап естественной убыли населения, обусловленный снижением уровня рождаемости (вследствие демографических потерь 90-х годов) и повышением показателей смертности, преимущественно в 2020 – 2021 годах в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) (рис. 1).

Учет кризисных ситуаций, происходящих на уровне региона, страны, мира в агент-ориентированном подходе возможен с помощью внедрения дополнительных сценариев. В рамках работы предлагается универсальный сценарий «Кризис», посредством которого происходит корректировка демографического прогноза через дополнительные коэффициенты влияния на компоненты рождаемости, смертности, миграции, социально-экономические составляющие.

В рамках кризисного сценария, связанного с COVID-19, предлагается введение следующих параметров:

- корректирующий коэффициент влияния на возрастные коэффициенты смертности;
- корректирующий коэффициент миграционной активности;
- корректирующий коэффициент принятия решения о рождении ребенка;
- корректирующий коэффициент занятости/безработицы.

Данный перечень является базовым, так как затрагивает основные процессы, на которые повлияла пандемия с 2019 года, и может дополняться новыми параметрами. Послабление ограничений, связанных с пандемией, а также полная их отмена в перспективе может частично или полностью исключить их применение в модели. Расчет корректирующих коэффициентов может быть произведен как для макрорегиона в целом, так и детализирован по субъектам или муниципальным образованиям.

Таким образом, в ходе построения агент-ориентированной демографической модели Дальнего Востока был реализован естественно-демографический блок с высоким уровнем корректности. На основе анализа данных доказана необходимость включения сценария «Кризис» с целью построения более реалистичного прогноза в условиях нестабильной ситуации на разных территориальных уровнях.

Список литературы

1. Макаров В.Л. [и др.] Суперкомпьютерные технологии в общественных науках: агент-ориентированные демографические модели // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 5. С. 412–421.
2. Сушко Е.Д. Мультиагентная модель региона: концепция, конструкция и реализация: препринт. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. 54 с.
3. Agent-Based Computational Demography: using simulation to improve our understanding of demographic behavior / F.C. Billari, A. Prskawetz. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2003. 210 p.

Информация об авторах

Дорошенко Татьяна Андреевна (Россия, Москва) – ведущий эксперт-аналитик, Восточный центр государственного планирования (127025, г. Москва, ул. Новый Арбат, д. 19, оф. 2204; t.doroshenko@vostokgosplan.ru).

Ли Елена Львовна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, руководитель направления «Качество жизни и человеческий потенциал», Восточный центр государственного планирования (127025, г. Москва, ул. Новый Арбат, д. 19, оф. 2204; e.lee@vostokgosplan.ru).

Самсонова Наталья Александровна (Россия, Москва) – главный эксперт, Восточный центр государственного планирования (127025, г. Москва, ул. Новый Арбат, д. 19, оф. 2204; n.samsonova@vostokgosplan.ru).

Doroshenko T.A., Lee E.L., Samsonova N.A.

ON THE NEED TO INCLUDE THE «CRISIS» SCENARIO IN THE MODEL FOR FORECASTING DEMOGRAPHIC PROCESSES

Abstract. *The article touches upon the issues of agent-based modeling of demographic processes in the Far East. The need to include the «Crisis» scenario in the context of the coronavirus infection (COVID-19) pandemic and its implementation through the use of adjustment factors is shown.*

Key words: *macroregion, Far East, demography, agent-based modeling.*

Information about the authors

Doroshenko Tatyana A. (Russia, Moscow) – Leading Expert Analyst, Federal Autonomous Scientific Institution «Eastern Center of State Planning» (127025, Moscow, Novy Arbat, 19, office 2204, t.doroshenko@vostokgosplan.ru).

Li Elena L. (Russia, Moscow) – PhD in Economics, Head of the direction «Quality of life and human potential», Federal Autonomous Scientific Institution «Eastern Center of State Planning» (127025, Moscow, Novy Arbat, 19, office 2204, e.lee@vostokgosplan.ru).

Samsonova Natalya A. (Russia, Moscow) – Chief Expert, Federal Autonomous Scientific Institution «Eastern Center of State Planning» (127025, Moscow, Novy Arbat, 19, office 2204, n.samsonova@vostokgosplan.ru).

Bibliography

1. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D., Vasenin V.A., Borisov V.A., Roganov V.A. Supercomputer technologies in social sciences: agent-based demographic models // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2016. V. 86. No. 5. P. 412-421.
2. Sushko E.D. Multi-agent model of the region: concept, design and implementation / Preprint # WP/2012/292. M.: CEMI RAN, 2012. 54 p.
3. Agent-Based Computational Demography: using simulation to improve our understanding of demographic behavior / F.C. Billari, A. Prskawetz. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2003. 210 p.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Аннотация. В статье проведена оценка влияния смертности от коронавирусной инфекции на продолжительность жизни при рождении населения регионов Северо-Запада России. Метод исследования – расчёт ожидаемой продолжительности жизни при рождении с учётом элиминирования смертности от основных классов причин, в т. ч. от COVID-19.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, пандемия, коронавирусная инфекция, Северо-Западный федеральный округ.

Введение

В 2020 году общая убыль населения России составила 577 575 человек, что было обусловлено превышением масштабов естественной убыли (-702 072 человека) над миграционным приростом населения (124 497 человек)¹. Новым вызовом на пути демографического развития страны выступила пандемия коронавирусной инфекции. В ряде исследований уже доказана высокая летальность COVID-19 и значительные масштабы избыточной смертности вследствие данного заболевания. Так, например, в работе С.Ф. Иванова делается вывод о том, что в очагах пандемии уже состоявшиеся всплески смертности сопоставимы или превышают эффект абсолютного большинства всплесков смертности (за исключением войн) за предшествующие 100 лет [2]. В исследовании Н.В. Горошко и С.В. Пацала методом пятилетнего среднего осуществлена оценка избыточной смертности населения России, в ходе которой установлено, что в 2020 году масштабы избыточной смертности вследствие коронавирусной инфекции достигли 144,7 тыс. человек, что составляет 7% от общего количества умерших и около 60% от общего числа избыточных смертей [1]. Кроме того, в работе подтверждено, что коронавирусная инфекция COVID-19 явилась не только непосредственной причиной роста смертности, но и усилила проявление факторов, которые уже не первый год определяли динамику этого процесса в стране, таких, как неинфекционные заболевания (в первую очередь сердечно-сосудистые, увеличивающие риск тяжелого течения COVID-19, а также обострившиеся ввиду задержки или отсрочки необходимой медицинской помощи во время пандемии) и внешние причины смертности (депрессия, алкогольные отравления и потребление наркотических средств).

Как известно, интегральным показателем смертности населения выступает ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ). Данный показатель является ключевым целевым ориентиром нацпроекта «Демография», согласно которому его значение для населения России должно увеличиться до 78 лет к 2024 году. ОПЖ россиян ежегодно росла в период с 2004 по 2019 годы, достигнув к его концу значения 73,3 года. Однако в 2020 году продолжительность жизни по сравнению с 2019 годом снизилась на 1,8 года и составила 71,5 года. Подобная тенденция вызывает опасения в части достижения целевого показателя нацпроекта «Демография» и актуализирует изучение трансформации ожидаемой продолжительности жизни

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283>

населения России под влиянием новых эпидемиологических условий. Выраженная региональная дифференциация смертности в стране обуславливает необходимость изучения параметров продолжительности жизни в разрезе субъектов РФ.

Цель данного исследования заключалась в оценке влияния коронавирусной инфекции COVID-19 на продолжительность жизни при рождении населения регионов Северо-Запада России. При анализе большое внимание уделялось половым различиям в параметрах продолжительности жизни ввиду значительного разрыва в её величине у мужчин и женщин, что объясняется феноменом мужской сверхсмертности.

Методология и информационная база исследования

Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики и её территориальных органов. Метод исследования – расчёт ожидаемой продолжительности жизни при рождении с учётом элиминирования смертности от основных классов причин, в т. ч. от COVID-19 (таблицы смертности при полном исключении изучаемой причины смерти).

Основные результаты

Согласно расчётам таблиц смертности, в 2020 году ожидаемая продолжительность жизни при рождении в среднем по регионам СЗФО составила 72,0 года (табл. 1), что на 1,7 года меньше, чем в 2019 году (73,7 года). Самое высокое значение показателя среди регионов СЗФО отмечается в г. Санкт-Петербурге (74,0 года), самое низкое – в Псковской области (69,0 года).

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность жизни населения регионов СЗФО с учетом элиминирования смертности от основных классов причин, 2020 год (число лет)

Регион	ОПЖ	ОПЖ без смертности от ...						
		COVID-19	БСК	НО	ВП	БОП	БОД	ИПЗ
Северо-Западный ФО	72,0	73,2	82,3	74,3	73,8	72,9	72,5	72,3
Республика Карелия	69,6	70,0	77,0	71,7	71,6	70,7	70,4	69,8
Республика Коми	70,2	71,0	78,2	72,2	72,6	71,4	70,8	70,4
Архангельская область (без АО)	71,3	72,3	85,8	73,6	73,5	72,1	71,9	71,5
Ненецкий АО	70,8	71,4	87,1	73,8	73,9	72,7	71,6	70,9
Вологодская область	70,6	71,2	80,0	72,7	72,3	71,6	71,2	70,8
Калининградская область	72,8	73,6	81,7	75,2	74,2	73,6	73,2	73,1
Ленинградская область	71,5	72,6	78,3	73,6	73,9	72,9	72,0	72,0
Мурманская область	69,8	70,7	81,9	71,8	71,7	70,7	70,1	70,0
Новгородская область	69,5	70,0	78,7	71,4	71,6	70,8	70,2	69,8
Псковская область	69,0	69,3	92,0	71,2	71,1	70,2	69,9	69,2
г. Санкт-Петербург	74,0	76,1	86,3	76,7	75,4	74,7	74,3	74,3

Источник: рассчитано автором.

Продолжительность жизни мужчин наибольшего значения достигла в г. Санкт-Петербурге (69,4 года), тогда как наименьшего – в Республике Карелия (63,6 года; рис. 1). Самая высокая ОПЖ женщин зафиксирована в Ненецком АО (78,7 года), самая низкая – в Псковской области (74,3 года). Во всех регионах Северо-Запада РФ, как и в целом по стране, ожидаемая продолжительность жизни женщин превышает аналогичный показатель у мужчин. Наибольший разрыв в величине ОПЖ мужского и женского населения наблюдается в Ненецком АО (14,7 года), наименьший – в г. Санкт-Петербурге (8,8 года).

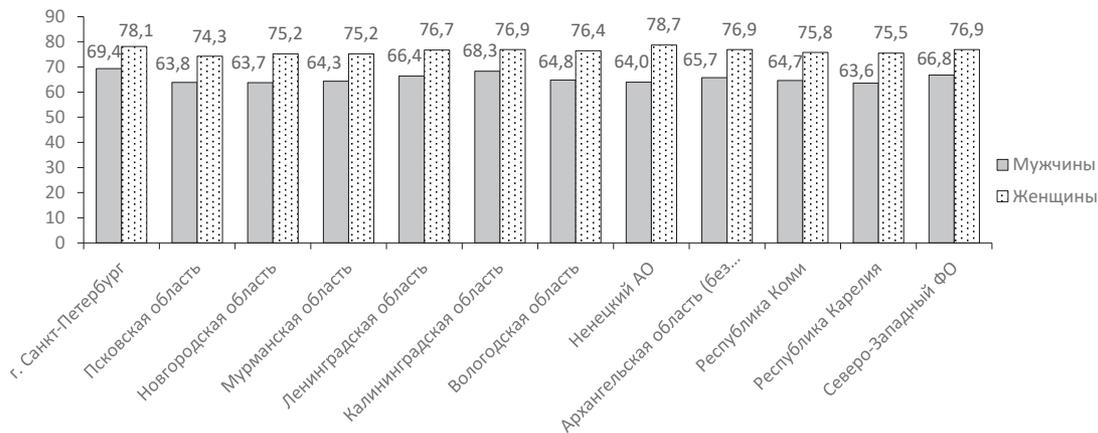

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни мужского и женского населения регионов СЗФО в 2020 году (лет)

Источник: рассчитано автором.

Расчёты ожидаемой продолжительности жизни при рождении с учётом элиминирования отдельных причин смерти, в том числе коронавирусной инфекции COVID-19, показали, что в среднем по регионам Северо-Запада величина ОПЖ при условии исключения смертности от данной причины смерти составила бы 73,2 года (для мужчин – 63,0 года, для женщин – 78,0 года). Таким образом, в 2020 году коронавирусная инфекция «отняла» 1,2 года от продолжительности жизни населения СЗФО (1,2 года у мужчин и 1,1 года у женщин), что больше чем в случае элиминирования смертности от таких классов причин, как инфекционные и паразитарные заболевания (0,3 года), болезни органов дыхания (0,5 года) и болезни органов пищеварения (0,9 года; табл. 2; рис. 2). При этом, важно понимать, что внутри класса «болезни органов дыхания» могут быть скрыты и сочетанные с COVID-19 причины смерти, например, пневмония [3].

Среди регионов Северо-Запада России наибольший вклад смертности от COVID-19 в снижение ожидаемой продолжительности жизни наблюдается в г. Санкт-Петербурге (на 2,1 года). Наименьшее сокращение показателя ОПЖ вследствие смертности от коронавирусной инфекции отмечается в Псковской области (на 0,3 года). Однако, важно понимать, что население Санкт-Петербурга имеет самую высокую среди субъектов СЗФО продолжительность жизни при рождении, тогда как Псковской области, напротив, – самую низкую. Данный факт говорит о том, что даже небольшой вклад COVID-19 в продолжительность жизни населения Псковской области на фоне в целом её низкого уровня в регионе говорит о необходимости мониторинга ситуации и существования реальной угрозы снижения показателя в последующие годы.

Кроме того, существует проблема региональных различий в статистическом учете смертности от COVID-19. Так, например, в исследовании А.Ю. Смирнова показано, что региональные различия в смертности от коронавирусной инфекции имеют столь большой масштаб, что их невозможно объяснить влиянием внешних социально-экономических факторов (разной плотностью населения, различиями в доле городского населения, более высокой квалификацией медицинского персонала в Москве) [4]. Автор заключает, что как минимум эти расхождения могут быть

обусловлены различной методикой фиксации смертности. Влияние данного фактора нельзя исключать и в нашем исследовании. Качество статистики смертности от COVID-19 потенциально может отличаться в крупном городе Санкт-Петербурге и провинциальном регионе.

Таблица 2. Снижение ожидаемой продолжительности жизни населения регионов СЗФО вследствие смертности от COVID-19 в 2020 году (число лет)

Регион	Снижение ОПЖ вследствие смертности от ...						
	COVID-19	БСК	НО	ВП	БОП	БОД	ИПЗ
Северо-Западный ФО	1,2	10,3	2,3	1,8	0,9	0,5	0,3
Республика Карелия	0,4	7,4	2,1	2,0	1,1	0,8	0,2
Республика Коми	0,8	8,0	2,0	2,4	1,2	0,6	0,2
Архангельская область (без АО)	1,0	14,5	2,3	2,2	0,8	0,6	0,2
Ненецкий АО	0,6	16,3	3,0	3,1	1,9	0,8	0,1
Вологодская область	0,6	9,4	2,1	1,7	1,0	0,6	0,2
Калининградская область	0,8	8,9	2,4	1,4	0,8	0,4	0,3
Ленинградская область	1,1	6,8	2,1	2,4	1,4	0,5	0,5
Мурманская область	0,9	12,1	2,0	1,9	0,9	0,3	0,2
Новгородская область	0,5	9,2	1,9	2,1	1,3	0,7	0,3
Псковская область	0,3	23,0	2,2	2,1	1,2	0,9	0,2
г. Санкт-Петербург	2,1	12,3	2,7	1,4	0,7	0,3	0,3

Источник: рассчитано автором.

В г. Санкт-Петербурге и Мурманской области наблюдаются наиболее заметные половые различия в снижении показателя ОПЖ, проявляющиеся в выраженном преобладании «потерь» ОПЖ у мужчин по сравнению с женщинами: 2,4 года у мужчин против 1,8 года у женщин в Санкт-Петербурге и 1,1 года у мужчин против 0,8 года у женщин в Мурманской области. В остальных регионах снижение ожидаемой продолжительности жизни вследствие смертности от COVID-19 практически равнозначно и у мужского, и у женского населения.

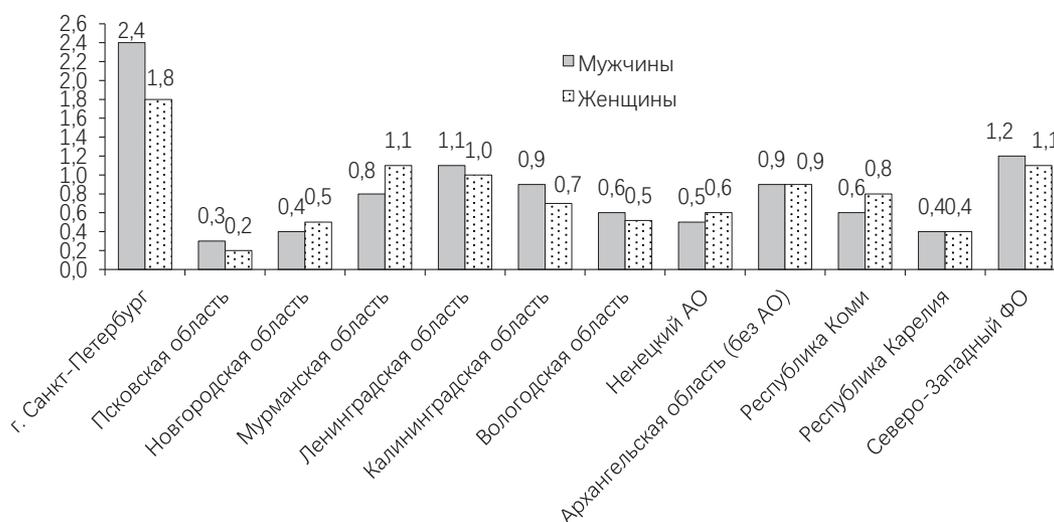

Рис. 2. Снижение ожидаемой продолжительности жизни мужского и женского населения регионов СЗФО вследствие смертности от COVID-19 в 2020 году (лет)

Источник: рассчитано автором.

Выводы

Пандемия коронавирусной инфекции неизбежно повлияла на показатели продолжительности жизни населения Северо-Запада России: в 2020 году показатель ОПЖ сократился на 1,7 года по сравнению с предшествующим годом и составил 72 года. Вклад смертности от COVID-19 в снижение продолжительности жизни составил 1,2 года. В ходе исследования обнаружены заметные различия в параметрах продолжительности жизни как среди субъектов СЗФО, так и в половом разрезе. Наиболее выраженный вклад пандемии коронавирусной инфекции в снижение продолжительности жизни наблюдается в г. Санкт-Петербурге, особенно среди мужского населения. Однако следует учитывать тот факт, что Санкт-Петербург является лидером по продолжительности жизни населения СЗФО, тогда как Псковская область, напротив, имеет самое низкое значение показателя ОПЖ. Кроме того, влияют и региональные различия в качестве сбора статистики смертности от COVID-19.

Выявленные тенденции подтверждают неизбежное влияние пандемии как на текущую демографическую повестку, так и на перспективы её развития в будущем, что подчеркивает важность подобного рода исследований для мониторинга региональной демографической ситуации.

Благодарность

Работа выполнена в рамках темы государственного задания № FMGZ-2022-0001 «Социально-экономические детерминанты демографического и социокультурного развития современной России».

Список литературы

1. Горошко Н.В., Пацала С.В. Основные причины избыточной смертности населения в России в условиях пандемии COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. № 6 (67). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1315/30/lang.ru/> DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-6-1 (дата обращения: 23.03.2022)
2. Иванов С.Ф. Смертность от COVID-19 на фоне других всплесков смертности XX века // Демографическое обозрение. 2020. № 7 (2). С. 143–151. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11141
3. Короленко А.В. Смертность населения Вологодской области: долговременные тренды и новые трансформации // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: материалы VIII Всероссийской (с междунар. уч.) научно-практической конференции (7–8 декабря 2021 г.). Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 384–390.
4. Смирнов А.Ю. Анализ смертности от коронавирусной инфекции в России // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 2. С. 76–86. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.7

Информация об авторе

Короленко Александра Владимировна (Россия, Вологда) – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru).

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE LIFE EXPECTANCY OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF THE NORTH-WEST OF RUSSIA

Abstract. *The article evaluates the impact of mortality from coronavirus infection on the life expectancy at birth of the population of the North-West regions of Russia. The research method is the calculation of life expectancy at birth, taking into account the elimination of mortality from the main classes of causes, including COVID-19.*

Key words: *life expectancy at birth; pandemic; coronavirus infection; North-Western Federal District.*

Information about the author

Korolenko Aleksandra V. (Russia, Vologda) – research assistant, Federal State Budgetary Institution of Sciences “Vologda research center of Russian academy of sciences” (160014, Gorkogo Str., 56A, Vologda, Russia; e-mail: coretra@yandex.ru).

Bibliography

1. Goroshko N.V., Patsala S.V. (2021) Main causes of excess mortality in Russia in the context of the COVID-19 pandemic. *Social aspects of population health*, vol. 67, no 6. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1315/30/lang,ru/>. DOI: <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2021-67-6-1> (In Russ)
2. Ivanov S.F. (2020) Mortality from COVID-19 against the backdrop of other twentieth century mortality bursts. *Demographic Review*, vol. 7, no 2, pp. 143–151. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11141> (In Russ)
3. Korolenko A.V. (2021) Mortality of the Vologda Oblast population: long-term trends and new transformations. *Actual problems of human potential development in modern society: materials of the VIII All-Russian (with international academic) scientific and practical conference (December 7-8, 2021)*. Perm: Perm State National Research University, pp. 384-390. (In Russ)
4. Smirnov A.Y. (2021) Analysis of mortality from the coronavirus infection in Russia. *Population*, vol. 24, no. 2, pp. 76-86. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.7> (In Russ)

ПРОСТРАНСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы деятельности сферы здравоохранения. Рассматривается состояние здравоохранения по итогам реализации национального проекта «Здравоохранение», показана необходимость широкого внедрения цифровизации для достижения национальных целей развития здравоохранения, повышения эффективности её деятельности.

Ключевые слова: здравоохранение, пространство здравоохранения, развитие, стратегия.

Происходящие в последнее время структурные сдвиги в экономике страны, связанные с распространением коронавируса, выявили комплекс новых содержательных процессов, серьёзных проблем, существенным образом повлиявших на ситуацию в социально-экономическом пространстве, обозначили новые тренды развития сферы здравоохранения и её инфраструктуры.

Решение этих задач нашло отражение в государственных программах развития здравоохранения, медицинской науки, фармацевтической промышленности. Национальный проект «Здравоохранение» разработан в рамках реализации Президентского Указа «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», реализация которого началась в 2019 году [1]. Национальный проект включает федеральные проекты «Развитие системы оказания первичной медицинской помощи», «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами», «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой информационной системы здравоохранения ЕГИЗ». Одной из главных задач государственной политики в здравоохранении является обеспечение доступности и качества медицинской помощи, обеспечение лекарственными средствами, оказание помощи согласно передовым достижениям науки.

В рамках национального проекта «Здравоохранение» определены цели и целевые показатели развития здравоохранения в динамике 2019-2024 гг. [3]:

- снижение смертности людей трудоспособного возраста с 484,5 до 350 случаев на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от болезней системы кровообращения с 547,6 до 450 случаев на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от новообразований с 200, до 185 случаев на 100 тыс. населения;
- снижение младенческой смертности с 5,6 до 4,5 случаев на 100 человек;
- устранение кадрового дефицита в оказывающую первичную помощь – до 95% (укомплектованность);
- обеспечение профосмотрами, не реже 1 раза в год – с 39,7 до 70%;
- обеспечение доступности медицинской помощи – 100%;
- оптимизация оказания первичной медицинской помощи – в 73% (в поликлиниках);
- увеличение экспорта медицинских услуг с 250 млн до 1 млрд долларов;

- ежегодные медицинские осмотры – с 3,97% до 75%.

В качестве первоочередных мер обозначено формирование мотивации здорового образа жизни.

На исполнение национального проекта планируется потратить: 1725,8 млрд рублей:

- федеральный бюджет – 1366,7 млрд рублей;
- бюджеты субъектов РФ – 265 млрд рублей;
- государственные внебюджетные фонды – 94 млрд рублей;
- внебюджетные источники – 0,1 млрд рублей.

Из общей совокупности расходов:

- 969 млрд руб. – борьба с онкологическими заболеваниями;
- 211,2 млрд руб. – развитие детского здравоохранения;
- 177,6 млрд руб. – создание единого цифрового контура;
- 166,1 млрд руб. – развитие кадрового сектора;
- 75, 2 млрд руб. – сердечно-сосудистые заболевания;
- 63,9 млрд руб. – научные исследования;
- 62,5 млрд руб. – первичная медико-санитарная помощь;
- 0,2 млрд руб. – экспорт медицинских услуг.

Национальный проект «Здравоохранение» предусматривает реализацию мероприятий по реконструкции и капитальному ремонту поликлиник, стационаров, медицинских организаций, расположенных в сельских районах. За время исполнения нацпроекта пространство здравоохранения пополнилось новыми медицинскими организациями в различных регионах России (1751 медицинский пункт: фельдшерские, фельдшерско-акушерские, врачебные амбулатории).

О результатах деятельности системы доложил министр здравоохранения М. Мурашко в своем отчете по итогам выполнения нацпроектов «Здравоохранение», «Демография», госпрограммы «Развитие здравоохранения» [2]. В отчете представлена информация, касающаяся не только инфраструктурных преобразований, но, и показателей деятельности системы: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, общая заболеваемость, общая смертность. Ожидаемая продолжительность жизни составляла 71,5 года. Она снизилась на 1,84 года (в 2019 году – 73,34 года), недостижение плановых показателей произошло, в том числе, вследствие влияния пандемии. В 2020 году отмечается некоторое снижение общей заболеваемости (5,3%), на 2,8% снизилась заболеваемость с диагнозом установленным впервые. На 6,7% снизилась заболеваемость системы кровообращения, а вот заболевания органов дыхания выросли на 2,7%. За отчетный период отмечен рост общей смертности на 17,9% (в 2019 г он составлял 12,3, а в 2020 – 14,5 случаев на тысячу населения).

В отчете министр отметил рост заработной платы врачей и младшего медицинского персонала (у врачей – на 13%, медицинских сестер на 18%, младшего персонала – 14,2%).

Радикальные изменения в деятельность здравоохранения внесла цифровизация. Около 30 млн граждан России получили те или иные услуги через «Личный кабинет», программу «Мое здоровье» на Едином портале госуслуг. Так, более 1 млн автоматизированных рабочих мест подключены к информационным системам медицинского профиля в различных регионах России. Выросло число телемедицинских консультаций (проведено более 5 000 по стране). Свыше 50 тысяч лабораторных исследований существенно усилили диагностику. Использование цифровых технологий позволило также в

кратчайшие сроки усилить кадровую составляющую здравоохранения: более четверти миллиона специалистов окончили курсы повышения квалификации, что позволило существенно улучшить диагностику заболеваний и ускорить процесс лечения.

Внедрение компьютерных и телемедицинских технологий позволяет оказывать медицинскую помощь удаленно, что создает возможность поддержки принятия врачебных решений при установке диагноза и назначении лечения. Использование технологий позволяет выявлять патологии на ранних стадиях и предотвращать развитие заболевания.

Учитывая действующие тенденции и риски развития самой отрасли, а также макроэкономическую ситуацию в стране и мире, необходимо осуществить анализ факторов развития региона и медорганизаций и факторы, которые могут стать опорой дальнейшего развития здравоохранения.

В национальном проекте в качестве одного из приоритетов указано повышение доступности социальных услуг и повышение их качества, в том числе в сфере медицинского образования. Однако включенные в нее мероприятия отражают скорее общие требования к системе образования, сформулированные на уровне федерального министерства, чем подходы к решению конкретных задач по оптимизации профессионального образования как инструмента обеспечения здравоохранения трудовыми ресурсами.

Недостижение целей национального проекта «Здравоохранение» связано с влиянием институциональных, инфраструктурных, организационно-экономических, технологических факторов. К общим проблемам относится низкий жизненный уровень (почти половины населения), проблемы доступности и качество образовательных, медицинских услуг, рост их платности, а их слабая решаемость свидетельствует об их сложности. Вопросы выравнивания степени доступности платных и бесплатных медицинских услуг можно решить при разработке региональных стратегий развития. Главная роль принадлежит национальным проектам, в которых предусмотрены мероприятия по реализации национальных целей развития Российской Федерации.

Список литературы

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102468157> (дата обращения 10.03.2022).
2. Минздрав отчитался об итогах работы за 2020 год. Главное. URL: <https://vademec.ru/news/2021/04/27/snizilis-pokazateli-smertnosti-ot-razlichnykh-bolezney-ne-schitaya-covid-19/> (дата обращения 10.02.2022).
3. Национальный проект «Здравоохранение». Режим доступа: <https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2018/7/25/1532512237.26174-1-15781.pdf?ysclid=l0tk7hniy/> (дата обращения 16.03.2022).

Информация об авторе

Кузьмина Лидия Кузьминична (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38; e-mail: kuzmina.l@iresras.ru).

HEALTHCARE SPACE IN THE NATIONAL PROJECT «HEALTHCARE»

Abstract. *The article discusses the issues of the health sector. The state of health care is considered based on the results of the implementation of the national project “Healthcare”, the need for the widespread introduction of digitalization to achieve national goals for the development of healthcare, to increase the efficiency of its activities is shown.*

Key words: *healthcare, healthcare space, development, strategy.*

Information about the author

Kuzmina Lidiya K. (Russia, Saint Petersburg) – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Regional Economics of the Russian Academy of Sciences (190013, Serpukhovskaya str., 38, Saint Petersburg, Russia; e-mail: kuzmina.l@iresras.ru).

Bibliography

1. On National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation No. 204 dated May 7, 2018 Access mode: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102468157> (Date of appeal: 10.03.2022).
2. The Ministry of Health reported on the results of work for 2020. The main thing. Access mode: <https://vademec.ru/news/2021/04/27/snizilis-pokazateli-smertnosti-ot-razlichnykh-bolezney-ne-schitaya-covid-19/> / (Accessed: 10.02.2022).
3. National project «Healthcare». Access mode: <https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2018/7/25/1532512237.26174-1-15781.pdf?ysclid=l0tk7hniy> (Accessed 03/16/2022).

ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются формы проявления гендерного неравенства и их специфика в период глобальной нестабильности. Обоснована необходимость применения традиционных и новых подходов к их изучению. Акцентировано внимание на проблеме гендерных стереотипов и их влиянии на современное общество.

Ключевые слова: гендерное неравенство, глобальные вызовы, глобальная нестабильность, COVID-19, телесные практики, мужчины, женщины.

В современный период мировое сообщество переживает общесистемный кризис, вызванный глобальными и региональными вызовами. В связи с этим, социальная система лишена устойчивости и испытывает ограничение в реализации ресурсов для своевременного развития и адаптации к окружающей среде. Нарастание угроз национальной безопасности привело к понижению эффективности компонентов и элементов социальной системы.

Белорусский социолог А.Н. Данилов в своих работах подчеркивает, что современное общество существует в условиях анонии, где «...до предела усложняется и заметно ускоряется социокультурная динамика, парадоксальность общественного сознания становится нормой» [5, с. 22]. Значительный вклад в формирование методологических основ изучения глобальных и региональных воздействий внесла российский социолог Т.И. Грабельных. В своих исследованиях автор, используя диалектические методы, выделяет новые циклы в социальном развитии пандемического общества, а также предлагает типологию глобальных и региональных воздействий и классифицирует их [3, с. 29]. Другой российский социолог Н.Л. Смакотина в своей статье «Социальные трансформации в контексте глобальных процессов и проблем» отмечает, что «...особенным катализатором и индикатором «отката» глобализации стала пандемия COVID-19» [9, с. 36]. Таким образом, текущая глобальная нестабильность, которая выражается посредством пандемии COVID-19 и сопутствующими социальными катаклизмами, является предметом исследования многих ученых, которые изучают ее влияние на различные сферы человеческой жизнедеятельности с разных точек зрения.

Проблема гендерного неравенства также существенно обострилась на фоне расширения сфер социальной нестабильности. Она является комплексной социальной проблемой, которая отражает в том числе и вопросы социальной дискриминации. Организация Объединенных Наций определяет проблему неравноправия полов как глобальную и дает рекомендации для государств по трансформации ныне существующих гендерных конструкций, которые несут в себе систему неравных ценностей и двойных стандартов [1]. Необходимо отметить, что качество социальной среды, в которой существует гендерное неравенство, оказывает значительное влияние на его состояние. Есть основание сделать вывод, что, если общество функционирует в условиях мировой стабильности, достижение гендерного равенства является более реальным, поскольку благоприятный социальный климат облегчает данный процесс. Под влиянием различного рода факторов, которые сопутствуют изменению социальной реальности, динамика преобразований в обществе может способствовать снижению или повышению уровня гендерного неравенства [7]. Заместитель испол-

нительного директора структуры «ООН-женщины» А. Бхатия подчеркивает, что «... есть реальный риск возврата к гендерным стереотипам 1950-х годов» [8]. Следует отметить, что на сегодняшний день пандемические процессы и глобальные вызовы, в связи с которыми происходит активная трансформация социальной реальности и всех ее структурных компонентов, оказывают значительное влияние на динамику усиления гендерного неравенства в современном обществе, а также на повышение уровня неоднородности половых ролей мужчин и женщин.

Посредством влияния глобальных вызовов и социальной неопределенности, проблематика гендерного неравенства стала носить комплексный характер, и возникла потребность в определении новых и традиционных подходов к ее изучению. Одним из сторонников традиционной практики является российский экономист И. Е. Калабахина. В своей работе «Система факторов гендерного неравенства» она подчеркивает, что с потерей мужских трудовых ресурсов в периоды войн и репрессий, российские женщины начали занимать их вакантные места, однако в силу существования определенных гендерных стереотипов и предрассудков, низкая оценка женщин на рынке труда способствует замедлению достижения гендерного равенства и «консервирует» его [6]. Иркутские социологи Т.И. Грабельных и Н.А. Саблина в своих исследованиях приводят данные статистики о том, что в системе высшего образования «...женщины занимают более низкие должности по сравнению с мужчинами, несмотря на их преимущественный состав» [4, с. 49]. Также следует обратить внимание на утверждение исследователей о том, что во всех сферах деятельности человеческой жизни средняя заработная плата женщин ниже, чем у мужчин, что является проявлением существования гендерного неравенства [4].

Одной из новых точек зрения на вопросы гендера является рассмотрение аспектов конструирования телесности. Телесный опыт женщин, сопровождающийся гендерными стереотипами и предрассудками, становится объектом стигматизации. Е.А. Гольман утверждает, что современной российской культуре, которая имеет патриархальный тип, характерно отождествлять женщину с ее телом, однако на западе, в связи с уходом патриархальной культуры на задний план, сексуальный образ женского тела преобладает над моделью женщины как ресурса воспроизводства населения [2]. В связи с этим социальные нормативы и гендерные стереотипы влияют на конструирование женской телесности.

Отмечая влияние гендерных стереотипов на жизнедеятельность мужского и женского пола, следует обратить внимание на интегральный показатель, разработанный ООН в 2020 г. Индекс гендерных норм помогает отследить влияние социальных норм на гендерное равенство в политике, образовании и культуре [10]. Исходя из данных доклада ООН «О перспективах человеческого развития», следует, что в политической сфере с ростом концентрации власти количество мужчин значительно превышает число женщин, хотя оба пола имеют практически идентичный уровень участия в голосовании [10].

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что проблемы гендерного равенства под влиянием глобальных и региональных вызовов лишь прогрессируют в своем влиянии на все сферы человеческой жизнедеятельности. Гендерные стереотипы, которые имеют постоянное распространение в обществе, обуславливают многочисленные процессы во взаимоотношениях между полами, в том числе телесные практики, и становятся одними из главных катализаторов усиления неравенства мужчин и женщин.

Список литературы

1. Гендерное неравенство на современном этапе развития общества // Республиканский совет студентов и аспирантов URL: <http://urssa.ru/page/gendernoe-neravenstvo-na-sovremennom-etape-razvitija-obshhestva> (дата обращения 03.20.2022).
2. Гольман Е.А. Телесные практики женщин в зеркале феминистской дискуссии // Логос. 2018. Т. 28. № 4(125). С. 129–156. DOI: 10.22394/0869-5377-2018-4-129-152.
3. Грабельных Т.И. Диалектика глобальных и региональных воздействий в системе современных обществ: концептуальные основания // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. научн. трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 27-30. DOI: <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463>
4. Грабельных Т.И., Саблина Н.А. Трансформация системы ресурсобеспечения семьи в России // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 12. С. 47-51. DOI: 10.20339/AM.12-21.047
5. Данилов А.Н. Глобальная нестабильность сегодня рождает новый мир грез // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сборник научных трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 22-26. DOI: <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463>
6. Калабихина И.Е. Система факторов гендерного неравенства // Вестник Московского университета. Серия б: Экономика. 2009. № 4. С. 64-73.
7. Линейцева А.А. Трансформация социальных ролей мужчин и женщин в условиях новой социальной реальности в аспекте глобальных воздействий // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сборник научных трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : ИГУ, 2021. С. 436–440. DOI: <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463>
8. Пандемия повлияла на гендерное неравенство, заявили в ООН // Новости Казахстана. URL: <https://www.nur.kz/health/coronavirus/1886575-pandemia-povliala-na-gendernoe-neravenstvo-zaavili-v-oon/> (дата обращения: 20.03.2022).
9. Смакотина Н.Л. Социальные трансформации в контексте глобальных процессов и проблем // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сборник научных трудов / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 30-38. DOI: <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463>
10. Tackling social norms: A game changer for gender inequalities 2020// United Nations Development Programme: Human Development Reports. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hd_perspectives_gsn.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

Информация об авторе

Линейцева Арина Александровна (Россия, Иркутск) – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология», Институт социальных наук, Иркутский государственный университет (664025, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 3; e-mail: a.lineytseva@yandex.ru).

Lineytseva A.A.

GENDER INEQUALITY IN A PERIOD OF GLOBAL INSTABILITY

Abstract. *The article examines the forms of gender inequality and their specifics in the period of global instability. The necessity of applying traditional and new approaches to their study*

is substantiated. Attention is focused on the problem of gender stereotypes and their impact on modern society.

Key words: *gender inequality, global challenges, global instability, COVID-19, body practices, men, women.*

Information about the author

Lineytseva Arina A. (Russia, Irkutsk) – 4th year student of the direction of training 39.03.01 “Sociology”, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University (664025, Irkutsk, Lenin str., 3; e-mail: a.lineytseva@yandex.ru).

Bibliography

1. Gender inequality at the present stage of society development // Republican Council of Students and Postgraduates URL: <http://urssa.ru/page/gendernoe-neravenstvo-na-sovremennom-etape-razvitiya-obshchestva> (accessed: 03.20.2022).
2. Golman E.A. Women’s bodily practices in the mirror of feminist discussion / E. Golman // Logos. 2018. Vol. 28. № 4(125). Pp. 129-156. DOI: 10.22394/0869-5377-2018-4-129-152.
3. Grabelnykh T.I. Dialectics of global and regional impacts in the system of modern societies: conceptual foundations // Global and regional impacts in the system of modern societies: a collection of scientific papers / FGBOU VO “IGU” ; [scientific ed. T. I. Grabelnykh]. – Irkutsk : IGU, 2021. Pp. 27–30. DOI: <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463>
4. Grabelnykh T.I., Sablina N.A. Transformation of the family resource support system in Russia // Alma mater (Bulletin of the Higher School). 2021. No. 12. Pp. 47-51. DOI 10.20339/AM.12-21.047.
5. Danilov A.N. Global instability today gives birth to a new world of dreams // Global and regional impacts in the system of modern societies: a collection of scientific papers / IGU; [scientific ed. by T. I. Grabelnykh]. Irkutsk : IGU, 2021. Pp. 22–26. URL: <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463> .
6. Kalabikhina I.E. The system of gender inequality factors / I. E. Kalabikhina // Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics. 2009. No. 4. Pp. 64–73.
7. Lineytseva A.A. Transformation of the social roles of men and women in the conditions of a new social reality in the aspect of global impacts / A. A. Linitseva // Global and regional impacts in the system of modern societies: a collection of scientific papers / FSBEI VO “IGU”; [scientific ed. T. I. Grabelnykh]. Irkutsk : IGU, 2021. Pp. 436–440. DOI: <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463> .
8. The pandemic has affected gender inequality, the UN said/ / News of Kazakhstan. URL: <https://www.nur.kz/health/coronavirus/1886575-pandemia-povliala-na-gendernoe-neravenstvo-zaavili-v-oon/> (date of address: 03.20.2022).
9. Smakotina N.L. Social transformations in the context of global processes and problems // Global and regional impacts in the system of modern societies : a collection of scientific papers / FGBOU VO “IGU”; [scientific ed. by T. I. Grabelnykh]. Irkutsk : IGU, 2021. Pp. 30-38. DOI: <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463>
10. Tackling social norms: A game changer for gender inequalities 2020 // United Nations Development Program: Human Development Reports. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hd_perspectives_gsni.pdf (accessed: 03.20.202).

ВЛИЯНИЕ НЕНАДЁЖНОСТИ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются негативные изменения в занятости населения, происходящие в результате пандемии COVID-19. Они представляют собой сложную жизненную ситуацию для огромного количества работающих людей и являются факторами, ухудшающими благополучие и психическое здоровье населения.

Ключевые слова: COVID-19, социальные изменения, неопределенность, безработица, ненадежная работа, занятость, психологическое благополучие, психическое здоровье.

Распространение коронавируса COVID-19 вызвало серьезные изменения в экономике практически всех стран мира. Ограничительные меры по борьбе с COVID-19 повлияли на образ жизни людей и на экономику, и как следствие – на трудовую занятость населения. По данным 2021 г. 93% работников в мире проживали в странах, где сохранялся ограничительный режим с закрытием или ограничением деятельности предприятий [13]. Люди со своей стороны также предпринимали меры с целью избежать заражения, что привело к изменению характера занятости и индивидуальных стратегий на рынке труда.

По данным Международной организации труда отмечается сохранение негативных тенденций в сфере занятости населения: сокращение мирового рабочего времени на 8,8%, что равняется потере 225 млн. рабочих мест [13]. Несмотря на увеличение спроса на специалистов в некоторых отраслях, на пример в телекоммуникационном обеспечении, финансовом и страховом обслуживании, сохраняется общая тенденция экономической нестабильности и неопределенности. Категориями граждан, которые пострадали более других, являются женщины, молодёжь до 25 лет, самозанятые, а также люди со средним или низким уровне квалификации [13; 2], т. к. они были в наибольшей степени задействованы в пострадавших от пандемии отраслях. Подобная ситуация наблюдается и в российской экономике. Ещё более усугубит проблему рынка труда резкое сокращение доступных рабочих мест из-за массового ухода зарубежных компаний на фоне санкций из-за ситуации на Украине.

Республика Коми и до пандемии находилась в аутсайдерах по созданию новых рабочих мест. Основной причиной сокращения рабочих мест являются демографические процессы, в том числе миграция населения. В связи с этим обеспечение благополучия и сохранение качества жизни населения приобретает высокую актуальность.

Классический подход к изучению проблем занятости и неравенств рассматривал человека как экономического агента, не принимая во внимание его социальные отношения и субъективные ощущения. Концепция благополучия (wellbeing) учитывает также и особенности субъективного восприятия людьми своей жизни [8; 15]. В рамках данного подхода рассматриваются не только изменения в занятости, но и их субъективное отражение, в том числе в том, как человек себя ощущает физически и психологически.

Исследование К.Ю. Ерицян, М.М. Русаковой, А.А. Александровой и Н.М. Усачевой [4], посвящённое изучению изменений в занятости в период пандемии и связи этих изменений с психологическим благополучием на примере Санкт-Петербурга,

показало, что уже в самом начале периода самоизоляции у многих петербуржцев произошли серьезные изменения в занятости: за короткий период времени они столкнулись с негативными последствиями, связанными либо с потерей работы, либо с переменой условий труда. На момент начала пандемии только каждый пятый житель мегаполиса имел устойчивое положение на работе. Большинство изменений, произошедших в трудовой деятельности, можно определить как «мягкие» формы безработицы, когда происходит сокращение количества рабочих часов и уменьшение заработной платы. Т. е., преобладающее большинство петербуржцев столкнулось с негативными трансформациями как формата работы, так и условий труда.

В России произошёл восьмикратный рост удалённой занятости по сравнению с допандемийным уровнем. По результатам опроса ВЦИОМ и SBG, проведенного 30 апреля 2020 г. на удаленную работу перешли полностью или частично 16% граждан, в том числе 9% полностью, а 7% – частично. В основном это специалисты с высшим образованием в бюджетной и коммерческой сферах, а также жители Москвы, Санкт-Петербурга и городов-миллионников. Большинство сотрудников, перешедших на удаленную работу, согласно опросу, не пришлось осваивать для этого какие-либо новые навыки (81%) [6]. Однако такой перенос трудовой деятельности в онлайн для человека, который является существом социальным по своей природе, в дополнение к озабоченности сохранением здоровья, вызывают психологический дискомфорт, страх и чувство неуверенности.

Перевод всей возможной трудовой занятости в цифровой формат привёл к обострению противоречий между офлайн и онлайн работниками. Работники офлайн сферы труда, которые по характеру трудовой деятельности не смогли перейти на удаленную работу и столкнулись с прямой угрозой потери работы, оказались в более затруднительном положении по сравнению с работниками на дистанционной работе.

Также появилось так называемое цифровое неравенство, которое проявляется в обладании специальными знаниями и навыками работы с информационно-телекоммуникационными технологиями и в доступности информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) для различных слоев населения. Части населения покупка современного цифрового оборудования для бытового использования недоступна из-за низкого уровня доходов. Неравенство между создателями интеллектуальных продуктов и технологий, профессионалами, управленцами и потребителями увеличивается. Соответственно, во время пандемии в силу неравных условий организации рабочего пространства усиливается неравенство между онлайн и офлайн работниками. [1]

Из вышесказанного можно заключить, что основным риском работника на современном рынке труда является безработица. Риски работника при этом растут под влиянием цифровизации и расширения масштабов распространения ИКТ, в частности риски потери дохода, его части, а также самого рабочего места в результате изменения требований к компетенциям работников.

При этом риски на рынке труда соискателя увеличиваются тем быстрее, чем менее специфичным человеческим капиталом он обладает, чем он менее склонен к адаптивности, мобильности, смене профиля деятельности, постоянному самообразованию и обучению. [7]

Постоянное переживание сотрудниками угроз лишения места работы получило название ненадёжности работы. Смысл этого явления состоит в том, что человек,

работая, боится потери места или изменений других значимых параметров в своей занятости – её объёмов, оплаты труда, его режима или интенсивности, смены должностной позиции. В одних случаях опасения человека подтверждаются, в других нет.

В зарубежных исследованиях феномен ненадёжности работы рассматривается в контексте ощущения чувства беспомощности при попытке поддержания желаемой стабильности своей работы; несоответствием между желаемым и реальным уровнем переживания безопасности; постоянным ожиданием изменений параметров занятости в худшую сторону [10; 12].

Некоторые исследователи считают ненадёжность и нестабильность работы одним из самых стрессовых явлений в трудовой жизни человека [14]. Данное мнение согласуется с концепцией психологического стресса, согласно которой ожидание угроз может быть таким же стрессовым событием, как и непосредственная встреча с угрозой.

Негативное влияние ненадёжности занятости на психическое здоровье и благополучие подтверждают и последние исследования ученых из Барселонского института (Barcelona Institute), которые выявили, что нестабильное начало трудовой карьеры у молодых людей связано с ухудшением психического здоровья в будущем. Авторы статьи отметили, что в целом люди с более стабильной трудовой жизнью обычно имеют более благоприятное будущее, чем люди, у которых была нестабильная трудовая жизнь. Ученые также отметили, что работа в крупных надёжных компаниях в начале трудовой жизни определяет улучшение психического здоровья в будущем. Отсутствие гарантий занятости среди молодежи можно увидеть по темпам временного отсутствия работы и безработицы, которые ярко проявляются в период пандемии с COVID-19. Результаты исследования показывают, что нестабильный рынок труда может определять будущее психическое здоровье молодого работающего населения [9].

Потеря работы переживается человеком особенно остро, т.к. как относится к ряду случайных, не всегда ожидаемых и трудно прогнозируемых критических ситуаций.

К настоящему времени за рубежом проведено достаточно много эмпирических исследований безработицы и изменений, происходящих в психической сфере человека и обусловленных данным явлением (А. Buessing, 1987, 1993; J. Cwetanovski, S.M. Jex, 1994; P. Eisenberg, P.F. Lasarfeld, 1938; D. Fryer, 1990; P.Kelwin, J.E. Jarret, 1985; T. Kieselbach, 1997; A. Wacker, 1989; М. Аргайл, 1990; К. Леана, Д.Фельдман, 1995; С. Манила, Э. Лахельма, 1988).

При этом до сих пор часть вопросов остаются неразрешенными. В частности, к каким конкретно изменениям в психической сфере индивида приводит выбывание из поля профессиональной занятости? По мнению большинства авторов, психическое здоровье в ситуации отсутствия профессиональной занятости подвергается серьёзным изменениям.

Психическое здоровье – это сложный феномен, находящийся в поле исследовательского интереса с древних времен (Алкмеон, Цицерон, Платон, Гиппократ и др.). Но, несмотря на длительную историю, вопрос о его определении в контексте профессионального развития человека остается не до конца изученным.

Всемирная организация здравоохранения определяет психическое здоровье (духовное или душевное, ментальное здоровье, (англ. mental health)) как состояние благополучия, при котором человек способен реализовывать свой потенциал, справ-

ляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно работать, а также вносить вклад в жизнь своего сообщества.

С психологической точки зрения работа – это не только источник финансовой стабильности, но и важнейшая часть Я-концепции, источник мотивации, личностных смыслов и социальной поддержки [11]. Следовательно, потеря работы может быть связана со значительными психологическими издержками. Помимо этого, именно объективные потери в большей степени, чем иные изменения, негативно влияют на благополучие человека.

Ситуация потери работы является критической для профессионального развития личности, поскольку профессиональное развитие – длительный и динамичный процесс включения человека в профессиональную сферу, который может сопровождаться случайными событиями, изменяющими его траекторию. Потеря рабочего места является одним из таких событий, она воспринимаемая как критическое событие и как переломный момент в профессиональной жизни.

Отечественными эмпирическими исследованиями также подтверждается, что потеря работы несёт за собой много негативных последствий, но, прежде всего, страдает психическое здоровья, особенно если в последующем происходит длительное отсутствие трудовой занятости. [5]

Когда человек оказывается вытесненным из поля профессиональной занятости, у него повышается уровень тревожности, фрустрации, ригидности, снижается самооценка, растет неудовлетворенность собой и окружающим миром.

На данный момент существуют и продолжают разрабатываться программы психологического сопровождения людей, оставшихся без работы. При работе с такими людьми необходимо учитывать, что безработный это взрослый трудоспособный человек, который до определенного времени имел удовлетворяющее его социальное положение в обществе, в корне изменившееся не по его собственной воле. В настоящее время он не имеет четких представлений о своей социальной роли, не знает, как себя вести в этом качестве, осознает и воспринимает себя негативно, теряет позитивный взгляд на жизнь, уверенность в своих силах и концентрируется на поиске причин сложившегося положения. В комплексе это вызывает глубокие личные психологические проблемы, характер которых нельзя не учитывать в процессе психологического сопровождения безработных.

Изменения в психологическом состоянии населения в кризисный период являются результатом не только объективных изменений, но также и субъективного отношения к происходящему. Тревога за будущее, недовольство принимаемыми в регионах мерами и в целом оценка пандемии как угрожающего события представляет собой фактор, который негативно связан с психологическим благополучием людей независимо от реально происходящих событий.

Исследования демонстрируют, что ухудшение психического здоровья может быть как следствием проблем с трудоустройством, так и независимым фактором дальнейших сложностей в данной сфере жизни [16], поэтому меры, направленные на снижение стресса от социальных изменений, уже сами по себе могут способствовать сохранению трудовой занятости.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022-2024 гг.).

Список литературы

1. Алексеева О.А., Бестужева О.Ю., Вершинская О.Н., Скворцова Е.Е. Влияние цифровой трансформации на современный социально-экономический уклад // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 3. С. 36–47. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.4
2. Аналитическая записка: сфера труда и COVID-19 // Организация Объединенных Наций. 2020. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_world_of_work_and_covid_19_russian.pdf (дата обращения: 19.03.2022).
3. Дёмин А.Н., Петрова И.А. Психологические эффекты угрозы потери работы // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. с. 38–49.
4. Ерицян К.Ю., Русакова М.М., Александрова А.А., Усачева Н.М. Пережить локдаун: изменения в занятости и психологическое благополучие населения в эпоху пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 250–270. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1893>.
5. Печеркина А.А. Влияние трудовой занятости на психическое здоровье человека на этапах профессионализации: дис. ... канд. психолог. наук. Екатеринбург, 2005. URL: <https://www.dissercat.com/content/vliyanie-trudovoi-zanyatosti-na-psikhicheskoe-zdorove-cheloveka-na-etapakh-professionalizats>
6. Цифровая грамотность и удаленная работа в условиях пандемии. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Social Business Group. 15 Мая 2020 года. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10280> (дата обращения 18.03.2022.).
7. Янченко Е.В. Рынок труда в условиях цифровизации: возможные риски субъектов трудовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. № 51 С. 110–128. DOI: 10.17223/19988648/51/6
8. Allin P., Hand D. The Wellbeing of Nations: Meaning, Motive and Measurement. Chichester: Wiley. 2014. URL: <https://www.wiley.com/en-us/The+Wellbeing+of+Nations:+Meaning,+Motive+and+Measurement-p-9781118917046>
9. Amaya Ayala-Garcia, Laura Serra, Monica Ubalde-Lopez Association between early working life patterns, in publicly and privately owned companies, and the course of future sickness absence due to mental disorders: a cohort study in Catalonia (Spain). URL: <https://bmjopen.bmj.com/content/11/2/e040480>
10. Ashford S., Lee C., Bobko P. Content, causes, and consequences of job insecurity: A theory-based measure and substantive test // Academy of Management Journ. 1989 V. 32 P. 803–829.
11. Crayne M.P. The Traumatic Impact of Job Loss and Job Search in the Aftermath of COVID-19. Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. Vol. 12. No. S1. P. 180–182. DOI: <https://doi.org/10.1037/tra0000852>
12. Greenhalgh L., Rosenblatt Z. Job Insecurity: towards conceptual clarity // Academy of Management Review. 1984 V. 9 P. 438–448.
13. ILO Monitor: COVID-19 and The World of Work. Seventh Edition Updated Estimates and Analysis. 2021. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/briefingnote/wcms_767028.pdf (accessed: 15.03.2022).
14. Job insecurity: coping with jobs at risk / Eds. Hartley, D. Jacobson, B. Klandermans, T. van Vuuren. London: Sage, 1991.
15. OECD. (2011) How's Life? Measuring Well-Being. Paris: OECD.
16. Olesen S.C., Butterworth P., Leach L.S., Kelaher M., Pirkis J. Mental Health Affects Future Employment as Job Loss Affects Mental Health: Findings From a Longitudinal Population

Информация об авторе

Милаева Татьяна Васильевна (Россия, Сыктывкар) – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН (167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: Tasha20012001@inbox.ru).

Milaeva T.V.

THE IMPACT OF JOB PRECARIOUSNESS DURING THE COVID-19 PANDEMIC ON THE MENTAL HEALTH AND WELL-BEING OF THE POPULATION

Abstract. *The article deals with the negative changes in employment that occur as a result of the COVID-19 pandemic. They represent a difficult life situation for a huge number of working people and are factors that worsen the well-being and mental health of the population.*

Key words: *COVID-19, social changes, uncertainty, unemployment, unreliable work, employment, psychological well-being, mental health.*

Information about the author

Milaeva Tatiana V. – Ph. D. of Psychological Sciences, Associate Professor, senior researcher, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26 Kommunisticheskaya str., GSP-2, Syktyvkar, Republic of Komi, 167982. E-mail: Tasha20012001@inbox.ru).

Bibliography

1. Alekseeva O.A., Bestuzheva O.Yu., Vershinskaya O.N., Skvortsova E.E. The impact of digital transformation on the modern socio-economic way of life // Population. - 2020. - Vol. 23. - No. 3. - pp. 36-47. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.4
2. Analytical note: the sphere of labor and COVID-19//The United Nations. 2020. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_world_of_work_and_covid_19_russian.pdf (publication date: 03/19/2022).
3. Demin A.N., Petrova I.A. Psychological effects of the threat of job loss // Psychological Journal, 2010, volume 31, No. 6, pp. 38-49
4. Yeritsyan K.Yu., Rusakova M.M., Alexandrova A.A., Usacheva N.M. Survive lockdown: changes in employment and psychological well-being of the population in the era of the pandemic //Monitoring public opinion: economic and social changes. 2021. No. 3. pp. 250-270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1893>
5. Pecherkina A.A. The impact of employment on a person's mental health at the stages of professionalization // Dissertation for the degree of Candidate of Psychological Sciences Yekaterinburg 2005 <https://www.dissercat.com/content/vliyanie-trudovoi-zanyatosti-na-psikhicheskoe-zdorove-cheloveka-na-etapakh-professionalizats>
6. Digital literacy and remote work in a pandemic. Joint analytical report of VTSIOM and Social Business Group. May 15, 2020. Access mode: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10280> (accessed: 03/18/2022.)

7. Yanchenko E.V. Labor market in the conditions of digitalization: possible risks of subjects of labor relations // Bulletin of Tomsk State University. Economy. 2020. No. 51 pp. 110-128. DOI: 10.17223/19988648/51/6
8. Allin P., Hand D. Well-being of nations: meaning, motive and measurement. Chichester: Wiley. 2014. <https://www.wiley.com/en-us/The+Wellbeing+of+Nations:+Meaning,+Motive+and+Measurement-p-9781118917046>
9. Amaya Ayala-Garcia, Laura Serra, Monica Ubalde-Lopez The relationship between early working life patterns in public and private companies and the absence of illness in the future due to mental disorders: a cohort study in Catalonia (Spain) <https://bmjopen.bmj.com/content/11/2/e040480>
10. Ashford S., Lee S., Bobko P. Content, causes and consequences of absence workplace safety: a theoretical measure and a substantive check // Academy of Management Journal. 1989, Vol. 32, pp. 803-829.
11. Crane M.P. Traumatic consequences of job loss and job search after COVID-19. Psychological trauma: theory, research, practice and policy. 2020. Volume 12. No. S1. pp. 180-182. <https://doi.org/10.1037/tra0000852>
12. Greenhalgh L., Rosenblatt Z. Unreliability of work: towards conceptual clarity // Review of the Academy of Management. 1984. vol. 9. pp. 438-448.
13. ILO Monitoring: COVID-19 and the World of Work. The seventh edition has updated the estimates and analysis. (2021) URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/briefingnote/wcms_767028.pdf (accessed: 03/15/2022).
14. Lack of workplace safety: how to cope with work at risk / ed. Hartley, D. Jacobson, B. Klandermans, T. van Vuuren. London: Sage, 1991.
15. OECD. (2011) How's life? Measuring well-being. Paris: OECD.
16. Olesen S.S., Butterworth P., Leach L.S., Kelaher M., Pirkis J. Mental Health Affects Future Employment, as Job Loss Affects Mental Health: Results Of A Longitudinal Study Of The Population. BMC Psychiatry. 2013. Volume 13. No. 1. Article 144. <https://doi.org/10.1186/1471-244x-13-144>

ДРУЖБА КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА ДЕТЕЙ

Аннотация. В данной статье анализируем дружбу как форму коммуникативной практики в основном на основе работ зарубежных ученых, где дружба рассматривается в контексте этничности и миграции, также учитываются факторы расы, религиозности, класса, территории проживания, пола, возраста.

Ключевые слова: коммуникативная практика, дружба детей, этничность, миграция, событийность детства.

Актуальность исследования дружбы связывается нами с тем, что эта форма неформальной коммуникации, является субъективным опытом и важной составляющей социального, психологического, эмоционального и даже физического самочувствия детей. Зарубежными учеными дружба рассматривается в контексте миграции, этничности, религиозности, социального класса, территориальной сегрегации, гендера, возраста.

В самом общем виде коммуникативные практики вслед за В.А. Сергодеевым рассматриваем как «вид социальных практик, связанных с получением и передачей информации, а также воспроизводством коммуникации» [2].

D. Sime и R. Fox выяснили, что на начальных этапах после миграции дети использовали сложные стратегии для поддержания отношений с друзьями из той страны, откуда они уехали (письма по почте, Интернет и прочее). Однако со временем эти дружеские узы ослабевали. Ученые отметили, что девушки больше стремились к дружбе, оставшейся позади, однако в конечном итоге приходили к пониманию того, что старые дружеские отношения исчезнут из-за отсутствия регулярных контактов. Подростки также осознавали, что они сами изменились в силу приобретенных новых навыков, что означало отсутствие общего опыта со своими «старыми» друзьями и необходимость двигаться дальше [6, с. 385]. Что касается «новых» друзей, авторы отмечают, что многие школы поощряли детей развивать дружеские отношения с детьми той же этнической принадлежности [6, с. 385]. Что же касается самих детей, то они хотя изначально и думали, что общий язык помогает в установлении связей, однако ученые выяснили, что этого было недостаточно для создания новых дружеских взаимоотношений. Авторы статьи помимо значения школы подчеркивают роль диаспор, которые через дополнительное образование и церкви также создают возможности для внутриэтнических связей. Исследователи констатировали, что родители рассматривали эти институции как важные места для того, чтобы дети могли познакомиться с культурными нормами и завязать дружеские отношения. Однако посещаемость этих мест детьми была выбором скорее их родителей, и не всегда самих детей, которые активно участвовали в развитии новых сетей на местном уровне, основанных на атрибутах, отличных от общей этнической принадлежности [6, с. 386]. D. Sime и R. Fox выяснили, что дети младшего возраста легче налаживали связи, несмотря на свои ограниченные знания английского языка, в отличие от детей постарше, которые были гораздо более избирательны. D. Sime и R. Fox отмечают, что налаживание межэтнических дружеских отношений было для детей непростым делом, и такие факторы, как культурные различия, стереотипы и принадлежность к социальному классу оказывали значительное влияние на тип и силу дружеских свя-

зей. Вместе с тем, ученые утверждают, что дружба детей стала ключевым аспектом их миграционного опыта и, хотя в процессе миграции факторы общей этничности, языка были значимы для установления дружеских связей на начальном этапе, но более важными условиями для формирования «новых» дружеских уз оказались принадлежность к социально-экономическому классу и интересы самих ребят [6, с. 388].

H. Iqbal, S. Neal, C. Vincent поднимают проблему идентичности детей в этнически разнообразных сообществах. Они выявили, что дети договариваются о различиях, чтобы создать идентичность, отличающуюся с их точки зрения высоким статусом. Исследователи отмечают динамичность как ключевую характеристику идентичности детей, что было выявлено через анализ религиозной идентичности и самих процессов идентификации, в которых участвуют дети, что дает возможность развивать эмоциональные отношения с разными сверстниками. Так, ребята из ближайшего круга общения одной из девочек, состоящего из мусульман, подтвердили ее идентичность как мусульманки, но «не совсем правильной» мусульманки. Ученые выяснили, что обмен различными мнениями между детьми по поводу идентичности может позволить им справиться со стигматизацией и этническими стереотипами и создать более инклюзивную идентичность [5, с. 139]. Тем самым доказывается, что дети способны хотя бы частично участвовать в процессе формирования идентичности и управления ею, отмечается, что дети не обладают здесь полной свободой. Способность детей договариваться о разных идентичностях в зависимости от обстановки и контекста позволила налаживать дружеские отношения, несмотря на различия между ними [5, с. 140].

H. Iqbal, S. Neal, C. Vincent выяснили, что почти у всех детей были близкие дружеские отношения с учениками своего класса, которые принадлежали к другой этнической группе и близкие друзья в их окружении – первой пятерке, – которые имели другое социальное происхождение, нежели они сами [5, с. 134]. Исследователи пришли к выводу о том, что идентификация по принадлежности к классу в школе, музыкальным предпочтениям, практикам компьютерных игр, а также развлечений на игровых площадках была источником сплочения и означала, что членство в различных группах дружбы не было полностью закреплено, а скорее характеризовалось текучестью [5, с. 134].

H. Iqbal, S. Neal, C. Vincent отмечают, что дети, участвовавшие в исследовании, признавали и осознавали высокий уровень культурного, этнического, религиозного, лингвистического разнообразия, который был частью их повседневного мира. Исследователи подчеркивают, что все школы поощряли явно праздничное отношение к такому разнообразию, положительно отзывались о двуязычии детей, организовывали различные фестивали, в каждой школе проводились Международные вечера для семей, на которые поощрялось привозить еду из страны происхождения родителей [5, с. 135]. Таким образом, дети из разных социальных, религиозных, этнических и расовых групп рассматривали такое разнообразие как обычную часть своей повседневной жизни, и в то же время как нечто, что является праздничной составляющей их школы [5, с. 140]. Вместе с тем ученые заметили, что в отношениях между детьми существует напряженность, связанная с расой, и она может проявляться в дружбе детей под влиянием внешних факторов (например, под влиянием группы детей старшего возраста) [5, с. 136].

D. Bergner, O. Aronson, S. Enell в своем исследовании отмечают, что любая семья обеспечивает человеку социальные отношения (желаемые или нет), которые спо-

способны как помочь, так и препятствовать его отношениям с другими людьми. Через свои личные связи родители могут как дать возможность своим детям встречаться и находить друзей, так и ограничить их в этом своими идеалами, заботами, финансовыми ресурсами, а также воспитательными нормами и стратегиями. Исследователи пришли к выводу о том, что друг может быть другом в школе, а может быть другом и близкий родственник, хотя другом и другого типа. Они оба друзья, но разные; они не исключают друг друга, а скорее дополняют. Дружба в школе может быть чем-то иным, чем дружба с родственниками. Исследование показывает, что дружба с членами семьи может представлять собой более интимные отношения, чем дружба в школе. Сверстники в школе могут даже быть определены как лживые сплетники, что подчеркивает потенциал конфликта и власти в дружеских отношениях [3, с. 538-539]. Также исследователи отметили роль внешкольных мероприятий в формировании возможности для установления межэтнических дружеских отношений и роль семьи, ее финансовых ресурсов, которые могут ограничивать участие ребенка в этих мероприятиях [3, с. 539-540].

Таким образом, в исследовании D. Bergner, O. Aronson, S. Enell предпринята попытка понять субъективный опыт дружбы девочек-подростков-беженцев на стыке пола, этнической принадлежности, статуса беженца, экономической депривации.

В отличие от предыдущих исследований, где практики дружбы рассматривались через призму этничности, Ch. Edling и J. Rydgren акцентируют внимание на исследовании дружбы в контексте городской сегрегации, изучается дружба и соседство девятиклассников в трех школах Стокгольма [4]. Исследование сосредоточено на «эффектах» соседства и уделяет особое внимание негативным последствиям взросления в бедном районе. Ученые спрашивали девятиклассников о том, как устроено окружение их близких друзей, их пол, этническая принадлежность, школьный класс и район проживания [4, с. 1]. Так, авторы выяснили, что в двух из трех школ, которые они обследовали, у большинства подростков было лишь меньшинство друзей в их собственном районе. Это подтверждает тот факт, что дружеское окружение девятиклассников не ограничивается их ближайшими соседями [4, с. 6]. Ученые узнали, что во всех трех школах наблюдается тенденция к тому, что большинство друзей девятиклассника имеют одинаковое этническое происхождение. Однако эта тенденция особенно ярко выражена среди девятиклассников одной из школ, где 70% сказали, что все их друзья были того же этнического происхождения, что и они, по сравнению примерно с 38% в двух других школах [4, с. 7].

Что касается отечественного опыта исследования дружбы, выделим исследование под руководством С.Н. Майоровой-Щегловой по событийности детства, проведенное в 2018 г. научным коллективом (опрашивались онлайн те, кому 18±2 года). Как было выяснено, юноши и девушки отметили, что впервые самостоятельно стали выбирать себе друзей в среднем в 6,8 лет, в 10,2 появились личные фотографии со своими друзьями, своя компания – в 11,9 лет, а в 13,4 лет впервые остался/осталась на ночь у друзей. Были проанализированы также ряд других событий в разрезе пола, возраста, принадлежности к социально-экономическому классу и проживания на определенной территории [1].

Выводы и обсуждения. Сделаем два замечания относительно полученных зарубежными учеными данных о дружбе детей.

Первое. Во всех рассматриваемых исследованиях, так или иначе, поднимается вопрос дружбы между мигрантами и местными жителями, поскольку считается, что такая дружба может быть выгодна мигрантам, однако это предположение требует проверки.

Второе. Сбор данных, касающихся темы дружбы мигрантов, беженцев осуществляется в основном в школах, в то время как роль других институтов в формировании дружбы детей изучена меньше. Хотя школа, безусловно, является важной площадкой для формирования дружбы, другие социальные пространства (семья, родственники, церкви, досуговые организации) также необходимо исследовать.

Подводя итог, отметим, что проблематика дружбы детей сквозь социологические линзы требует дальнейшей проработки, понимания ее специфики в условиях российского общества, особенно в аспекте принадлежности детей к различным социально-экономическим классам, влияния на нее пандемии и трансформации коммуникативных форматов практик детей.

Список литературы

1. Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А., Губанова А.Ю. Событийность детства: к вопросу об эмпирических доказательствах теории генераций // Социологические исследования. 2020. №3. С. 3-15.
2. Сергодеев В.А. Коммуникативная культура интернет-сообществ: специфика и возможности операционализации // Европейский журнал социальных наук 2014. Т. 1. № 6. С. 382-388.
3. Bergner D., Aronson O., Enell S. Friends through school and family: Refugee girls' talk about friendship formation // Childhood. 2020. Vol. 27(4). Pp. 530–544.
4. Edling Ch., Rydgren J. Neighborhood and Friendship Composition in Adolescence // SAGE open A peer-reviewed open access journal published by SAGE. 2012. October-December. Vol.2. Iss.4 . Pp. 1-10.
5. Iqbal H., Neal S., Vincent C. Children's friendships in super-diverse localities: Encounters with social and ethnic difference // Childhood. 2017. Vol. 24(1). Pp.128–142.
6. Sime D., Fox R. Home abroad: Eastern European children's family and peer relationships after migration // Childhood. 2015. Vol.22(3). Pp. 377–393.

Информация об авторе

Митрофанова Светлана Юрьевна (Россия, Самара) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Российская Федерация, 443011, г. Самара, ул. Ак. Павлова, д. 1; e-mail: mit_s@mail.ru).

Mitrofanova S.Yu.

FRIENDSHIP AS A COMMUNICATIVE PRACTICE OF CHILDREN

Abstract. *Friendship as a form of communicative practice are analyzed in this article, mainly based on the works of foreign scientists. Friendship is considered in the context of ethnicity and migration, and factors of race, religiosity, class, territory of residence, gender, age are also taken into account.*

Key words: *communicative practice, friendship of children, ethnicity, migration, the eventfulness of childhood.*

Information about the author

Mitrofanova Svetlana Yu. (Samara, Russia) – Candidate of sociological Sciences, associate Professor, Department of sociology and cultural studies Samara National Research University after S. P. Korolev. (Russian Federation Samara, 443011, Ac. Pavlov street, 1; e-mail: mit_s@mail.ru).

Bibliography

1. Mayorova-Shcheglova S.N., Kolosova E.A., Gubanova A.Yu. The eventfulness of childhood: on the question of empirical proofs of the theory of generations // Sociological research. 2020. No.3. C. 3-15.
2. Sergeev V.A. Communicative culture of the Internet community: specifics and possibilities of operationalization // European Journal of Social Sciences 2014. Vol. 1. No. 6. pp. 382-388.
3. Bergner D., Aronson O., Enell S. Friends through school and family: Refugee girls' talk about friendship formation // Childhood. 2020. Vol. 27(4). Pp. 530–544.
4. Edling Ch., Rydgren J. Neighborhood and Friendship Composition in Adolescence // SAGE open A peer-reviewed open access journal published by SAGE. 2012. October-December. Vol. 2. Iss.4, Pp. 1-10.
5. Iqbal H., Neal S., Vincent C. Children's friendships in super-diverse localities : Encounters with social and ethnic difference // Childhood. 2017. Vol. 24(1). Pp. 128–142.
6. Sime D., Fox R. Home abroad: Eastern European children's family and peer relationships after migration // Childhood. 2015. Vol. 22(3). Pp. 377–393.

САМООЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. *Статья посвящена анализу самооценки состояния физического здоровья медицинских работников (врачей и представителей среднего медицинского персонала) в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 на материалах серии глубинных интервью в Ростовской области.*

Ключевые слова: *физическое здоровье, медицинский работник, профессиональное медицинское сообщество, пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-2019, глубинное интервью.*

В настоящее время наблюдается значительный рост научного интереса к вопросам взаимодействия профессиональной деятельности, поведения людей и их здоровья. Оценка условий труда медицинских работников позволила Управлению Роспотребнадзора выявить основные факторы профессионального риска, оказывающие пагубное влияние на их физическое здоровье:

- контакт с инфицированными биологическими средами (слюна, кровь, мокрота и др.) и с инфекционными больными;
- пребывание в вынужденном рабочем положении, подъем и перенос тяжестей приводят к развитию функциональной недостаточности опорно-двигательного аппарата, утомляемости, болям, заболеваниям нервной и сосудистой систем;
- химические вещества, лабораторные реагенты, дезинфицирующие моющие средства, акрилаты, латекс, которые могут стать причиной профессиональных аллергозов, системных токсических явлений;
- контакт с лекарственными средствами, высокоактивными медикаментами, инструментарием в ходе проведения манипуляций и процесса обработки;
- небезопасность на рабочих местах (нападения на медиков и пр.);
- работа с лабораторными, операционными микроскопами, недостаточная освещенность рабочих мест могут приводить к ухудшению зрительных функций [5].

Вследствие резкого увеличения темпа и интенсивности трудовой деятельности медицинских работников в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-2019, повышения психологической нагрузки на врачей и медсестер, возрастания потребностей в более качественной работе в короткие сроки при экономически ограниченной обеспеченности лечебно-профилактических учреждений, исследование физического здоровья и заболеваемости медицинских работников приобретает все большее научное и практическое значение. Низкая заработная плата медицинских работников бюджетных медицинских учреждений вынуждает их работать, часто пренебрегая временем для восстановления физического и эмоционального состояния. Увеличение объема информации, необходимость постоянной концентрации внимания, принятия экстренных решений, высокий уровень профессиональной ответственности создают основу для возникновения профессиональных и общих заболеваний медицинских работников.

В рамках социологического проекта «Социальное самочувствие профессионального медицинского сообщества в сложной эпидемиологической ситуации», который в 2020-2022 гг. реализуется по гранту РФФИ [2] коллективом ученых

Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону (далее г. РнД)), одним из критериев социального самочувствия медицинских работников заложена самооценка состояния их собственного физического здоровья. Объектом исследования стали медицинские работники (лица, получившие высшее или среднее специальное образование медицинского профиля) бюджетных лечебных учреждений г. Ростова-на-Дону и других населенных пунктов Ростовской области. На первом этапе проекта сбор информации осуществлялся посредством серии из 40 глубинных интервью с медицинскими работниками, оказывающими медицинскую помощь пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 и подозрением на нее, а также медиками, не работающими с ковид-пациентами (серия интервью проводилась в период октябрь 2020 г. – февраль 2021 г.). 50% интервью проведено оффлайн face-to-face и 50% – онлайн с помощью дистанционных технологий видео- и аудио-звонков приложений Skype, WhatsApp, Zoom. Опрошено 32% информантов в возрасте 20-29 лет, 32% – в возрасте 30-39 лет, 16% – в возрасте 40-49 лет и 20% – в возрасте 50-63 года.

На основании полученных результатов 40 глубинных интервью медиков Ростовской обл. (далее РО) можно сказать, что примерно поровну разделились информанты в оценке состояния собственного физического здоровья, причем вне зависимости от пола и возрастной группы. Так, на вопрос: «Как изменилось Ваше состояние здоровья, в том числе физическое самочувствие с началом пандемии?» чуть более половины наших информантов указали на ухудшение своего физического самочувствия (например, по части перенесенной коронавирусной инфекции и ее последствий, усталости, недосыпа и переутомления (вплоть до потери сознания), болей в спине из-за увеличенных нагрузок и регулярного подъема тяжестей, ОРВИ на фоне ослабленного иммунитета, повышения артериального давления, резкой потери веса, невнимательности и рассеянности в процессе работы, расстройств желудочно-кишечного тракта, прерванной беременности в период пандемии, гипоксии после частого и длительного ношения респираторов и пр.): *В начале было довольно тяжело, потому что нужно было привыкнуть к экипировке, к ритму работы, а в экипировке было очень жарко, очень тяжело. Силы тратились большие, энергозатратная работа* (жен., 24 года, врач в ковидном госпитале, г. РнД). *С желудком проблемы небольшие, но пока молодые, все терпимо* (жен., 24 года, врач в ковидном госпитале, г. РнД). *Я заболела ковидом после контакта на работе... Заболел мой муж. И как раз у меня была беременность, но она прервалась как выяснилось до этого, за три недели. Мы об этом не знали даже* (жен., 28 лет, фельдшер скорой помощи, РО). *В начале я похудела очень сильно, тяжелые месяцы были* (жен., 22 года, медсестра в ковидном госпитале, г. РнД). *Приходится поднимать тяжести и иногда спина дает о себе знать* (жен., 22 года, медсестра в ковидном госпитале, г. РнД). *Есть элемент усталости, которая накопилась. Иногда я упускаю из вида какие-то мелочи, в основном в бумажной работе* (жен., 25 лет, врач в ковидном госпитале, г. РнД). *После ношения респираторов наступает состояние гипоксии* (муж., 27 лет, врач в ковидном госпитале, РО). *Один раз сознание теряла, наверное, переутомление после бессонных ночей* (жен., 24 года, врач в ковидном госпитале, г. РнД). *Я переболел сам, переболел тяжело, еще полностью не восстановился, здоровье ухудшилось после этого* (муж., 36 лет, фельдшер скорой помощи, РО). *Усталости стало больше гораздо* (муж., 35 лет, врач невролог, г. РнД). *ОРВИ бывает, от детей хватаешь, потому что в контакте постоянно* (жен., 28 лет, инструктор ЛФК, г. РнД). *Эти маски с утра до ночи и на-*

копившаяся усталость дали мне сбой, я чуть-чуть разболелась (жен., 63 года, врач ЛФК, г. РнД). *Физически я больше устала, потому что был намного сложнее график* (жен., 38 лет, акушерка роддома, РО). *Напряженность, загруженность, у меня спина больная, возраст всё-таки, давление* (жен., 45 лет, медсестра в роддоме, РО). *Состояние здоровья ухудшилось после перенесенной коронавирусной инфекции* (муж., 61 год, врач невролог, РО).

Вторая половина информантов, наоборот, отметили отсутствие видимых изменений в состоянии своего физического здоровья в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-2019, например: *Никак на мне это не отразилось* (жен., 29 лет, медсестра неврологии, г. РнД); *Абсолютно как было, так и осталось* (жен., 37 лет, врач эндокринолог, РО); *Лично я очень быстро втянулась. Коллеги, некоторые не смогли и быстро уходили* (жен., 49 лет, медсестра педиатрии, г. РнД); *Все нормально. Спасибо, не дождетесь! (смеется)* (жен., 47 лет, медсестра педиатрии, г. РнД); *Какое было [физическое самочувствие], такое и осталось* (муж., 32 года, врач гинеколог, г. РнД); *Никак не изменилось* (муж., 38 лет, врач в ковидном госпитале, г. РнД); *Особо не изменилось. Да, я в числе тех, кто переболел в легкой форме. Была слабость в восстановительный период, а больше никак не изменилось* (жен., 40 лет, фельдшер скорой помощи, РО); *Учитывая, что я перенесла в легкой форме, каких-то нарушений постковидного синдрома я не заметила* (жен., 38 лет, врач офтальмолог, РО); *Никак. Не болела, антител нет (смеется)* (жен., 38 лет, врач скорой помощи, г. РнД); *Никак физически это не отразилось на мне* (жен., 28 лет, врач анестезиолог-реаниматолог, г. РнД); *Да никак. Из-за малоподвижного образа жизни только вес прибавился* (муж., 22 года, медбрат, г. РнД); *Как было, так и осталось, ничего не изменилось* (жен., 50 лет, медсестра стоматологии, РО); *Наверное, никак на мне это не отразилось* (жен., 29 лет, медсестра неврологии, г. РнД); *Не могу сказать, что я стала чувствовать себя хуже, чем до* (жен., 60 лет, врач оториноларинголог, г. РнД).

А некоторые информанты отметили даже признаки улучшения собственного физического здоровья в пандемических условиях профессиональной деятельности. Данная тенденция характерна для медицинских работников и женского, и мужского пола среднего возраста, оказывающих медицинскую помощь пациентам с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 и подозрением на нее, например, *Нормальное самочувствие, похудел на 10 кг!* (муж., 28 лет, фельдшер скорой помощи, РО); *Я чувствую себя отлично* (муж., 38 лет, медбрат в ковидном госпитале, РО); *Состояние здоровья улучшилось. Из-за напряженного рабочего графика, несмотря на то, что очень тяжело, на ногах целые сутки, и когда домой приходишь – всё, отключаешься, выспался и опять на работу, т.е. движение – сила!* (жен., 47 лет, медсестра в ковидном госпитале, г. РнД).

Уровень удовлетворенности опрошенных медицинских работников состоянием своего физического здоровья на момент проведения серии глубинных интервью так же зафиксирован разный. Те информанты, которые оказались не удовлетворены состоянием своего физического здоровья, обращали наше внимание не только на многочисленные осложнения после перенесенной новой коронавирусной инфекции COVID-19 и сложности трудовой деятельности в условиях пандемии (например, *Обоняние недавно появилось* (спустя 4 месяца после заболевания коронавирусом), *до этого плохо запахи ощущал* (муж., 27 лет, врач в ковидном госпитале, РО); *У меня здоровье очень испортилось за этот год [2020]. Из-за постоянных нагрузок мы постоянно болели, иммунитет видимо ослаб из-за того, что ты постоянно находишься в*

холоде (жен., 28 лет, фельдшер скорой помощи, РО); Сейчас я уже восстановилась, но инфекция тяжелая. Конечно, ударило по здоровью (жен., 55 лет, участковая медсестра, РО); Иногда спина побаливает, но это ерунда (муж., 28 лет, фельдшер скорой помощи, РО). А также говорили и об обострении хронических полиэтиологических заболеваний, при которых большое значение имеют условия труда. Более того, неосведомленность или недостаточная информированность данного контингента о профессиональных факторах риска увеличивает количество случаев хронической заболеваемости (У меня есть хроническое заболевание, варикозное расширение вен, хотелось бы подлечиться (жен., 38 лет, акушерка в роддоме, РО). Это абсолютно не имеет никакого отношения к пандемии. Есть небольшая проблемка, которая тянется давно-давно и до настоящего времени. Но ничего! Скоро исправим (муж., 32 года, акушер-гинеколог, г. РнД). Хочется быть абсолютно здоровым, но, перешагнув возраст за 30 лет, это подразумевает у всех наличие хронических инфекций, их никто не отменял. Это не жалоба – это жизнь (жен., 38 лет, врач офтальмолог, РО). Давление, голова иногда болит (жен., 45 лет, медсестра в роддоме, РО). Сейчас занимаюсь протезированием зубов (жен., 38 лет, акушерка в роддоме, РО).

Степень полной или частичной удовлетворенности своим физическим здоровьем зафиксирована почти у половины опрошенных информантов в г. Ростове-на-Дону и других населенных пунктах Ростовской области как среди мужчин медицинских работников, так и среди женщин разных возрастов, вне зависимости от занятости в работе с ковид-пациентами (Ничего не беспокоит. Всё хорошо, всё нормально (муж., 28 лет, фельдшер скорой помощи, РО). Удовлетворен состоянием здоровья в настоящий момент (муж., 20 лет, медбрат в ковидном госпитале, г. РнД). Здоровьем удовлетворен (муж., 35 лет, врач невролог, г. РнД). Здоровьем удовлетворена. Я вообще по жизни позитивный человек (жен., 38 лет, врач педиатр, г. РнД). В целом да, удовлетворена (жен., 29 лет, медсестра неврологии, г. РнД). Оцениваю, как хорошее [физическое самочувствие] (муж., 20 лет, медбрат в ковидном госпитале, г. РнД)).

В числе профессиональных рисков, которые наибольшим образом беспокоят опрошенных медицинских работников Ростовской области, чаще всего был назван риск заражения себя и в особенности членов своей семьи новой коронавирусной инфекцией COVID-2019: Риск заражения конечно беспокоит, потому что переболели мы уже полгода назад. Это не может не беспокоить (жен., 28 лет, фельдшер скорой помощи, РО). Сначала я боялась заболеть, а сейчас понимаю, что у меня достаточно сильный иммунитет (жен., 22 года, медсестра в ковидном госпитале, г. РнД). Риск заражения, да, беспокоит. Я пока одна из немногих, кто не заражается уже почти год (жен., 49 лет, медсестра педиатрии, г. РнД). Риск заражения себя или семьи (муж., 36 лет, фельдшер скорой помощи, РО). Я больше боюсь заражения себя и членов своей семьи, это на первом месте (муж., 38 лет, медбрат в ковидном госпитале, РО). Беспокоит риск заражения себя и кого-то из семьи. Даже если я сама заболею, ладно, это я сама заболела, это мое решение было, я знала куда шла. Но когда заболеет кто-то из членов семьи, я, наверное, буду чувствовать себя виноватой (жен., 47 лет, медсестра в ковидном госпитале, г. РнД). Был небольшой страх, не то, чтобы страх, а понимание того, что ты можешь заразиться и заразить свою семью. Это переживание и чувство ответственности за свою семью, здоровье своей семьи (жен., 40 лет, фельдшер скорой помощи, РО). Риск заражения родственников есть (муж., 35 лет, врач невролог, г. РнД). Мне бы не хотелось из города им [родителям] что-то притащить и не хотелось бы в город приехать с чем-то, потому что родители тоже работают, тоже контактиру-

ют (жен., 29 лет, медсестра неврологии, г. РнД). Беспокоят риски заболеть инфекцией, риски возрастают, потому что контакт с больными увеличивается в больнице, а случаи повторных заражений имеют место (муж., 61 год, врач невролог, РО). Беспокоит то, что на осмотре я могу заразиться, не именно коронавирусом, даже просто пневмонией (жен., 24 года, врач в ковидном госпитале, г. РнД). Стресс остался, ты сам принес инфекцию, от которой умер твой близкий родственник... вот это было очень тяжело морально (жен., 50 лет, врач скорой помощи, РО). Важную роль в возрастании уровня стресса почти у всех медицинских работников играют естественная тревога, обострившееся чувство вины и ответственности за семью, страх заражения, ухудшения здоровья, гибели близких людей при условии, что риск заражения после 65 лет и у лиц, имеющих хронические заболевания, увеличивается.

Также, медицинские работники подвергаются повышенному риску заражения гемоконтактными инфекциями, в том числе вирусами гепатита В и С, вирусом иммунодефицита человека. Это происходит при попадании инфицированной биологической жидкости больного на слизистые оболочки медицинского работника, например, при заборе крови из вены, внутривенных инъекциях, а также при случайном уколе или порезе использованным острым медицинским инструментом. Риск заражения ВИЧ инфицированной иглой составляет около 0,3%, гепатитом С – 10%, гепатитом В – 30%. В медицинской практике проколы перчаток при операциях встречаются в 30% случаев, ранения кисти иглой или другим острым предметом – в 15-20% случаев [3, с.33]. Около 350 медицинских работников во всем мире были официально зарегистрированы как инфицированные ВИЧ. Что касается вирусных гепатитов В и С, то число инфицированных медицинских работников составляет десятки тысяч человек [4, с.70]. В России чаще всего в группу профессионального риска заражения ВИЧ, гепатитами В и С входят процедурные медицинские сестры, работающие в больницах и отделениях по уходу за инфицированными больными, хирурги и операционные медицинские сестры, акушеры-гинекологи, реаниматологи и патологоанатомы. Однако доказано, что в группу риска заражения гемоконтактными гепатитами в лечебно-профилактических учреждениях входят не только лица, имеющие непосредственный контакт с кровью больных, но и врачи, средний медперсонал терапевтических специальностей, периодически проводящие парентеральные процедуры, практически не имеющие противоэпидемических мер предосторожности. Так, высокий риск профессионального заражения медицинских работников гемоконтактными инфекциями (ВИЧ, сифилис, гепатиты В и С), т.е. передающимися через кровь, туберкулезом в лечебно-профилактических учреждениях отметили информанты в своих суждениях: *ВИЧ, гепатит... Если я буду аккуратно работать, то не заражусь, но уколоться... это постоянно происходит, невозможно этого избежать. Туберкулез повсеместный. Меня больше сопутствующие заболевания больных беспокоят, не сам ковид (жен., 22 года, медсестра в ковидном госпитале, г. РнД). Это же работа с биологическим материалом пациента, заражение ВИЧ или гепатитом тоже присутствует. У нас бывают пациенты, которые приходят с подобными болячками (муж., 21 год, медбрат в ковидном госпитале, г. РнД). Любой медик приходит на работу, и он может заразиться чем угодно, это же работа (жен., 50 лет, медсестра стоматологии, РО). Самый большой риск – заразиться! Начиная от самых серьезных инфекционных, все-таки работаю с кровью. И врачам, и медсестрам тоже достается, вот так можно получить СПИД, сифилис, все что угодно, любые кожные заболевания, это первый риск (жен., 50 лет, врач терапевт, г. РнД).*

Лишь единицы информантов продемонстрировали нейтральное или фаталистическое отношение к профессиональному риску заражения себя и своих близких: *Отношусь к этому спокойно* (жен., 24 года, врач в ковидном госпитале, г. РнД). *Риск заражения не беспокоит, потому что уже все переболели, только ребенок не болел на удивление* (жен., 50 лет, врач скорой помощи, РО). *Сейчас уже не беспокоит* (жен., 63 года, врач ЛФК, г. РнД). *Здесь уже как повезет* (жен., 38 лет, врач педиатр, г. РнД).

Таким образом, в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 вопросы укрепления и поддержания физического здоровья медицинских работников, а также изучения их самооценки собственного физического самочувствия становятся крайне актуальными и важными в связи с резко возросшими темпами и интенсивностью рабочей активности, повышенными требованиями к качеству труда, высоким нервно-эмоциональным напряжением. Существующие сегодня уровень и структура заболеваемости медицинских работников во многом обусловлены характерными особенностями данной профессиональной группы такими, как нервно-эмоциональное напряжение, эмоциональное выгорание, высокий уровень ответственности, необходимость быстрого принятия решения, дефицит времени, наличие хронических заболеваний, вероятность совершения медицинской ошибки, отсутствие времени и желания корректировать факторы риска, ненормированный рабочий день, и пр. Кроме этого, из-за контакта с больными людьми медицинские работники входят в группу риска развития многих профессиональных и общих заболеваний.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60466.

Список литературы

1. Гатиятуллина Л.Л. Состояние здоровья медицинских работников // Вестник современной клинической медицины. 2016. Т. 9. Вып. 3. С. 69-75. DOI: 10.20969/VSKM.2016.9(3).
2. Косарев В.В. Гемоконтактные инфекции у медицинских работников: факторы риска инфицирования, диагностика, профилактика // Терапевт. 2010. № 7. С. 31-37.
3. Куракова Н. Инфекционная безопасность медперсонала и пациентов в ЛПУ: пути достижения // Менеджер здравоохранения. 2011. № 10. С.70-71.
4. Ларина В.Н., Глибко К.В., Купор Н.М. Состояние здоровья и заболеваемость медицинских работников // Лечебное дело. 2018. № 4. С. 18-25.
5. Роспотребнадзор. Медики: их труд и здоровье. URL: <http://13.rospotrebнадzor.ru/content/mediki-ih-trud-i-zdorove> (дата обращения 20.03.2022)
6. Серова И.А., Ягодина А.Ю., Костенко С.А. Самочувствие медицинских работников в период пандемии: этико-социологический анализ // Биоэтика. 2021. Т. 27. № 1. С. 59-62. DOI: 10.19163/2070-1586-2021-1(27)-59-62

Информация об авторе

Мосиенко Ольга Сергеевна (Россия, Ростов-на-Дону) – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42; e-mail: mosienko.olga@mail.ru).

SELF-ASSESSMENT OF THE PHYSICAL HEALTH OF MEDICAL WORKERS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. *The article is devoted to the analysis of self-assessment of the state of physical health of medical workers (doctors and representatives of nursing staff) during the pandemic of a new coronavirus infection COVID-19 based on a series of in-depth interviews in the Rostov region.*

Key words: *physical health, medical worker, professional medical community, COVID-2019 pandemic, in-depth interview.*

Information about the author

Mosienko Olga S. (Russia, Rostov-on-Don) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University (344006, Rostov-on-Don, B. Sadovaya St., 105/42; e-mail: mosienko.olga@mail.ru).

Bibliography

1. Gatiyatullina L.L. State of health of medical workers // Bulletin of modern clinical medicine. 2016. Vol. 9, no. 3. P. 69-75. DOI: 10.20969/VSKM.2016.9(3).
2. Kosarev V.V. Hemocontact infections in medical workers: risk factors for infection, diagnosis, prevention // Therapist. 2010. No. 7. P.31-37.
3. Kurakova N. Infectious safety of medical staff and patients in healthcare facilities: ways to achieve // Health Manager. 2011. No. 10. P. 70-71.
4. Larina V.N., Glibko K.V., Kupor N.M. State of health and morbidity of medical workers // Medical business. 2018. No. 4. P. 18-25.
5. Rospotrebnadzor. Medics: their work and health - URL: <http://13.rospotrebnadzor.ru/content/mediki-ih-trud-i-zdorove> (Accessed 20.03.2022)
6. Serova I.A., Yagodina A.Yu., Kostenko S.A. The well-being of medical workers during a pandemic: ethical and sociological analysis // Bioethics. 2021. V. 27. No. 1. P. 59-62. DOI: 10.19163/2070-1586-2021-1(27)-59-62.

ВЛИЯНИЕ НЕКОТОРЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА УСТАНОВКИ В ОТНОШЕНИИ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ

Аннотация. *Важнейшую роль в достижении активного долголетия играет субъективное восприятие значимости своей жизни. На данных социологического опроса показано, что ощущение собственной полезности для государства, общества в целом, семьи и окружающих положительно влияет на установки в отношении продолжительности жизни.*

Ключевые слова: *установки в отношении долголетия, субъективная оценка желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, активное долголетие, психологические факторы долголетия.*

Активное долголетие – концепция, завоевавшая популярность в свете обострения социально-экономических последствий демографического старения населения в развитых странах. Увеличение доли пожилых в составе населения актуализирует разработку путей активизации их ресурсного потенциала, в том числе, создание благоприятных условий для участия в социальной и трудовой сфере [3; 4]. Это предполагает необходимость полного пересмотра укоренившихся негативных представлений о старости, как периоде, сопряжённом с потерей здоровья и продуктивности, одиночеством и утратой интереса к жизни [2].

Исследователи отмечают, что портрет пожилого российского населения претерпевает значительные изменения и прогнозируют его дальнейшую трансформацию, связанную с увеличением распространённости высшего образования, более высоких ожиданий в отношении уровня дохода и потребления [1]. Поэтому важно учитывать влияние психологических и социально-демографических факторов на установки и мотивы людей в отношении долголетия. Так, одиночество в пожилом возрасте сопряжено с более низкими значениями субъективных оценок респондентами предстоящей и идеальной продолжительности собственной жизни [5].

В данном исследовании мы остановились на выявлении и оценке взаимосвязи между установками в отношении желаемой продолжительности жизни и субъективными представлениями респондентов о собственной нужности близким людям, обществу и государству в целом.

Основой для проведения анализа послужили распределения ответов респондентов на следующие вопросы:

1. Скажите, пожалуйста, ощущаете ли Вы свою полезность ... (Государству, обществу в целом / Семье (родственникам, детям, внукам) / Окружающим людям (друзья, коллеги, соседи))?

2. Если бы у Вас была возможность выбора, то до какого возраста Вы хотели бы прожить при самых благоприятных условиях? (напишите число лет).

3. Как Вы думаете, если взвесить всё: Ваше здоровье, условия и образ жизни, до какого примерно возраста Вам удастся дожить? (напишите число лет).

Проведено сопоставление средних значений субъективных оценок ожидаемой (ОПЖ) и желаемой продолжительности жизни (ЖПЖ) в восьми группах респондентов, по-разному оценивших собственную полезность для государства и общества, семьи и окружающих.

Установлено, что максимальные средние значения ожидаемой продолжительности жизни наблюдаются среди респондентов, которые чувствуют собственную полезность государству, семье и окружающим (82 года; 47% опрошенных) или только государству (83 года; 0,5% опрошенных). В этих же группах наблюдаются и максимальные средние значения желаемой продолжительности жизни: 87 и 89 лет, соответственно. Обращает на себя внимание малочисленность пятой группы опрошенных, которые ощущают свою полезность лишь для государства (только 4 респондента из числа ответивших на вопросы о желаемой и ожидаемой продолжительности жизни). Это обстоятельство повышает вероятность искажения полученных для них данных под влиянием других факторов, поэтому намного более достоверным представляются результаты для первой группы опрошенных. Примерно одна четверть из числа респондентов отметили, что ощущают свою полезность только семье и окружающим (группа № 3). Среди них и желаемая, и ожидаемая продолжительность жизни были ниже, чем среди респондентов первой группы. Более значительным был и разрыв между этими величинами. Только семье считают себя полезными 12% респондентов (группа № 6). Для этой категории характерны более высокие средние значения желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, чем в третьей группе респондентов, но более низкие, чем в первой группе. Среди тех 13% респондентов, которые не ощущают собственной полезности ни для кого, значение средней оценки ожидаемой продолжительности жизни заметно ниже, чем в первой, третьей и шестой группе. В то же время, среднее значение желаемой продолжительности жизни среди них несколько выше, чем среди респондентов, ощущающих свою полезность для семьи и окружающих. Но при этом наблюдается более выраженный разрыв между желаемой и ожидаемой продолжительностью жизни (таблица).

Распределение средних значений субъективных оценок респондентами желаемой (ЖПЖ) и ожидаемой (ОПЖ) продолжительности своей жизни, лет *

№ группы	Ощущают свою полезность ...	ОПЖ	№ 1	ЖПЖ	№ 2	Разрыв ОПЖ и ЖПЖ
1	государству, семье, окружающим	81,6	47,3	86,8	47,9	5,16
2	государству и семье	70,5	0,7	81,6	0,6	11,10
3	семье и окружающим	76,6	26,0	83,8	25,4	7,21
4	государству и окружающим	66,7	0,3	68,3	0,3	1,66
5	только государству	83,0	0,5	89,0	0,5	6,00
6	только семье	78,1	11,9	85,6	12,1	7,52
7	только окружающим	78,6	0,6	86,8	0,6	8,20
8	никому	76,1	12,7	83,9	12,7	7,75

Обозначения: № 1 – доля респондентов среди 863 человек, ответивших на вопрос о предполагаемой продолжительности своей жизни, в %; № 2 – доля респондентов среди 875 человек, ответивших на вопрос о желаемой продолжительности своей жизни, в %.

* Источник: Данные социологического опроса взрослого населения Вологодской области, проведённого в 2021 году. Объём выборки – 1500 человек. Выборка репрезентативная, квотная. Опрос проведён методом письменного анкетирования респондентов по месту проживания.

Таким образом, проведённый анализ подтверждает, что социальная активность является важным компонентом и фактором активного долголетия, т.к. наличие у человека ощущения собственной полезности для государства, общества в целом, семьи и окружающих положительно влияет на его установки в отношении желаемой и ожидаемой продолжительности жизни. Учитывая, что 47% опрошенных ощущали

собственную полезность и имели относительно высокие установки в отношении желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, то можно говорить о существовании в Вологодской области благоприятных предпосылок для внедрения концепции активного долголетия.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения».

Список литературы

1. Варламова, М.А. Портрет пожилого населения России / М.А. Варламова, О.В. Синявская // Демоскоп Weekly. 2015. № 627-628. С. 1-8.
2. Григорьева, И.А. Архаические стереотипы и новые сценарии понимания старения / И.А. Григорьева, В.Н. Келасьев // Успехи геронтологии. 2017. Т. 30. № 2. С. 243-247.
3. Григорьева, И.А. Инвестирование в пожилых как часть политики активного старения // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2019. № 17. С. 13-20.
4. Григорьева, И.А. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения / И.А. Григорьева, Ю.В. Уханова, Е.О. Смолева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 124-140. DOI 10.15838/esc.2019.5.65.8.
5. Короленко, А.В. Влияние одинокого проживания на установки пожилых в отношении долголетия // Старшее поколение современной России: материалы международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 13–14 октября 2021 года. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 561-565.

Информация об авторе

Нацун Лейла Натиговна (Россия, Вологда) – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru).

Natsun L.N.

THE INFLUENCE OF SOME PSYCHOLOGICAL FACTORS ON ATTITUDES TOWARDS LIFE EXPECTANCY

Abstract. *The most important role in achieving active longevity is played by the subjective perception of the significance of one's life. Based on the data of a sociological survey, it is shown that the feeling of one's own usefulness to the state, society as a whole, the family and others has a positive effect on attitudes towards life expectancy.*

Key words: *attitudes towards longevity, subjective assessment of desired and expected life expectancy, active longevity, psychological factors of longevity.*

Information about the author

Natsun Leila N. (Russia, Vologda) – researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru).

Bibliography

1. Varlamova, M.A. Portrait of the elderly population of Russia / M.A. Varlamova, O.V. Sinjavskaja // Demoskop Weekly. 2015. № 627-628. P. 1-8.
2. Grigor'eva I.A. Archaic stereotypes and modern approaches for understanding of aging / I.A. Grigor'eva, V.N. Kelašev // Advances in Gerontology. 2017. T. 30. № 2. P. 243-247.
3. Grigor'eva I.A. Investing in the elderly as a part of the active aging policy / I.A. Grigor'eva // Social'noe obsluzhivanie semej i detej: nauchno-metodicheskij sbornik. 2019. № 17. P. 13-20.
4. Grigor'eva I.A., Ukhanova Yu.V., Smoleva E.O. Transformation of social policy in Russia in the context of population ageing. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 124–140. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.8
5. Korolenko, A.V. The impact of living alone on the attitudes of the elderly regarding longevity // Starshee pokolenie sovremennoj Rossii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii, Nizhnij Novgorod, 13–14 oktjabrja 2021 goda. – Nizhnij Novgorod: Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N.I. Lobachevskogo, 2021. P. 561-565.

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Аннотация. *Рассматриваются миграционные установки выпускников вузов из районных центров российской провинции. Приводятся данные о том, что большинство студентов - выпускников не планируют возвращаться в родной город. Основными причинами данной тенденции являются трудности с трудоустройством, отсутствие перспективы карьерного роста, неразвитость социально-культурной и транспортной инфраструктуры.*

Ключевые слова: *студенты-выпускники, миграционные установки, малые города, трудоустройство.*

Миграционные процессы – неотъемлемая черта современного мира. Они оказывают существенное влияние на социально-экономическое и демографическое развитие различных территорий. Отток населения зачастую оказывает негативное влияние на развитие региона.

В миграционном потоке значительная доля приходится на молодое поколение, которое является наиболее мобильной частью населения. Особенно высока мобильность у молодых людей с высшим образованием.

Подобного рода процессы можно наблюдать во многих регионах страны, что подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями. Есть общие причины межрегиональной и внутрирегиональной миграции. К ним относятся продолжающаяся урбанизация, использование новейших технологий, что влечет изменение структуры производства, и, как следствие, изменение социальной структуры населения. Отток молодёжи из депрессивных регионов, депопуляции провинций во многих случаях негативно сказывается на экономическом развитии страны в целом снижая уровень освоения территории и запустение огромных пространств. Таким образом стоит проблема смягчения негативных последствий миграционных процессов и более равномерного заселения территории страны.

Каждый регион имеет свои особенности, влияющие на характер миграционных процессов. Спецификой Тверской области является расположение между двумя столицами – Москвой и Петербургом – двумя «магнитами», притягивающими значительную часть экономически активного населения. Жители сельских поселений и малых городов отправляются в Тверь (областной центр), а молодежь Твери – в крупные города. За 2020 год на 1 января 2021 население области сократилось на 14710 человек как за счет миграции, так и за счет естественной убыли [1]. Данная тенденция имеет устойчивый характер.

Миграционные настроения зависят от экономического положения в месте проживания и имеющихся перспектив дальнейшей жизнедеятельности. Миграционные перемещения связаны прежде всего с образовательной и трудовой деятельностью. В миграционном потоке значительную часть занимает наименее укорененное и, следовательно, наиболее мобильное молодое поколение. Это прежде всего люди с высшим образованием, обладающие высокими культурными запросами и наибольшими возможностями трудоустройства на новом месте жительства.

Первоначально миграция имеет маятниковый характер. Работающая молодежь и студенты поддерживают связь с местом постоянного проживания, но через некоторое время уже окончательно переселяются в населенный пункт, где находится место работы или учебы.

Интервьюирование студентов ТвГУ, проводимое на протяжении последних лет, показало, что выпускники из малых городов и сельской местности, как правило, не намерены возвращаться в родной город. Наблюдается устойчивая тенденция миграционных потоков специалистов после завершения образования в областной центр из районов и в соседние мегаполисы из областного центра.

Среди причин миграции в областной центр, указываемых выпускниками из малых городов и сельских поселений, лидирующие позиции занимает невозможность устроиться на работу по месту жительства. Вторая позиция по степени значимости принадлежит уровню оплаты труда в районе, третье место занимает жилищная проблема: невозможность получить квартиру или улучшить условия проживания.

Схожие ответы с некоторыми коррективами дают уроженцы Твери, желающие выехать в Москву или Петербург. Выпускники основной причиной переезда в более крупный населенный пункт называют возможность трудоустройства и интересную работу. Что конкретно понимается под интересной работой респонденты объяснить затрудняются. Примечательно, что в ответах респондентов не упоминается желание работать по специальности или данный фактор не является определяющим.

Анализ ответов позволяет сделать вывод о том, что мегаполис для жителей областного центра и областной центр для жителей района видится как предоставляющий более широкие возможности для карьерного роста, самоутверждения, самореализации. Подобные устремления – характерные черты молодежной социальной группы.

Среди факторов, влияющих на миграционные установки студенческой молодежи, следует назвать социально-психологические, не всегда осознаваемые и признаваемые самими респондентами. Проживание в течении 4-6 лет обучения в крупном населенном пункте с более широкими возможностями общения с ровесниками, проведения досуга, посещения культурных мероприятий приводит к привыканию к более динамичной социальной среде по сравнению с условиями жизни на прежнем месте. По окончании учебы, когда встает проблема выбора дальнейшего жизненного пути, для многих психологически труден возврат к стилю жизни малого города, поселка или села, для которых характерен более узкий круг общения с людьми того же уровня образования и культурных запросов. В подобного рода поселениях значительно меньше центров проведения досуга, учреждений культуры, чем в более крупном населенном пункте.

Демографическая ситуация – один из важнейших факторов развития региона. Задача региональной социально-экономической политики состоит в том, чтобы сделать регион привлекательным для молодежи. Часть проблем может смягчить развитие информационных технологий, позволяющих получать образование и работать в дистанционном формате.

Удовлетворение потребности в общении – один из основных мотивов использования сети Интернет. Информационные технологии в какой-то степени решают проблему удовлетворения культурных запросов. Но мобильной молодежи этого недостаточно. Большие города и областные центры – это также место непосредственного личного общения и широкого выбора возможностей проведения досуга. Представляется перспективной организация кустовых культурно-развлекательных и образовательных многофункциональных центров.

Серьезную обеспокоенность вызывает деградация дорожно-транспортного сообщения. Для молодежи важное значение имеет свобода передвижения, возможность выехать в любой населенный пункт. Уровень жизни в районах не позволяет в настоящее время большей части населения иметь личный транспорт. Поэтому для удовлетворения бытовых, культурных и социально-экономических потребностей важна налаженная работа общественной транспортной сети.

По результатам исследования выявлено, что, с одной стороны, в основе миграционных настроений студенческой молодежи лежит индивидуально-прагматическая направленность в поиске места будущего трудоустройства, а с другой – идеалистическое представление не только о будущей работе, но и затрудненность в осознании и артикуляции своих предпочтений.

Ситуация требует проведения продуманной комплексной региональной политики по возрождению и развитию районных центров: средних и малых городов, сельских поселений. Деятельность Тверского центра развития экономики малых городов направлена на разработку и реализацию проектов по благоустройству общественного пространства населенных пунктов области [2]. Однако, работа центра ограничивается разработкой отдельных проектов, между тем как проблему малых городов необходимо решать комплексно и системно.

Региональные и муниципальные власти, опираясь на результаты социологических исследований, должны разработать комплексную программу поддержки молодежи и молодых семей с целью изменить миграционные тенденции

Список литературы

1. Тверская область: вымираем или оптимизируемся. URL: <https://tver24.com/2021/08/tverskaya-oblast-vymiraem-ili-optimiziruemsya-na-primere-kesovogorskogo-rajona>
2. Тверской центр развития экономики малых городов возник не в самое позитивное время. URL: <https://www.tver.kp.ru/daily/21712090/4326724/>

Информация об авторе

Парахонская Галина Анатольевна (Россия, Тверь) – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, Тверской государственной университет (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33; e-mail: parakhonskaya@gmail.com).

Parakhonskaya G.A.

MIGRATION ATTITUDES OF STUDENTS OF SMALL TOWNS OF THE RUSSIAN PROVINCE

Abstract. *Migration attitudes of university graduates from regional centers of the Russian province are considered. The data shows that the majority of graduate students do not plan to return to their hometown. The main reasons for this trend are difficulties with employment, lack of career prospects, underdevelopment of socio-cultural and transport infrastructure.*

Key words: *graduate students, migration attitudes, small towns, employment.*

Information about the author

Parakhonskaya Galina A. (Russia, Tver) – Philosophy Doctor in History, Associate Professor, Department of Sociology, Tver State University (170100, Tver, Russia; e-mail: parakhonskaya@gmail.com).

Bibliography

1. Tver Region: dying out or optimizing. URL: <https://tver24.com/2021/08/tverskaya-oblast-vymiraem-ili-optimiziruemsya-na-primere-kesovogorskogo-rajona>
2. The Tver Center for the development of the economy of small towns did not arise at the most positive time. URL: <https://www.tver.kp.ru/daily/21712090/4326724/>

ДВА ПОДХОДА В ФОРМИРОВАНИИ СЕКСУАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ

Аннотация. В докладе сексуальное здоровье рассматривается как область общественного здоровья, в оценке которого выделяются два подхода: персоналистский - доминирующий сегодня, и альтернативный ему – популяционный. Особое значение в их анализе имеют различия в направлении государственной политики.

Ключевые слова: сексуальное здоровье, общественное здоровье, государственная политика, брачно-семейные отношения.

Тяжелая демографическая ситуация в нашей стране заставляет вспомнить о том, что сексуальное и являющееся его частью, репродуктивное, здоровье [3, р. 2] являются не только индивидуальным, но и коллективным (общим) благом, а также частью той обширной коллективной практики, которая носит название «общественное здоровье» (“public health”)¹.

Наиболее комплексное определение того, что это такое, можно найти в работе Б. Тарнока [5], согласно которому, «общественное здоровье представляет собой <...> широкое социальное предприятие («enterprise»), больше похожее на социальное движение, которое <...> прежде всего, представляет собой коллективные усилия по выявлению и устранению тех реалий, которые приводят к неприемлемым результатам в отношении здоровья и качества жизни» [5, р. 13-14]. Б. Тарнок указывает общественные группы (сообщества), медиа, сферу образования, бизнес, медицинские организации в качестве компонентов этой системы, а также особо отмечает, что область общественного здоровья является глубоко политизированной, поскольку она основана на конкурирующих представлениях о социальной справедливости, свойственных разным социальным группам и слоям общества, что неизбежно стимулирует политический конфликт. Роль арбитра в разрешении противоречий, возникающих при осуществлении этого «социального предприятия», играет (должно играть) правительство, осуществляющее государственную политику в области здоровья населения и ограничивающее личные и имущественные права отдельных лиц и корпораций. Концепция общественного здоровья обращает внимание на роль культурных ценностей, определяющих критерии, согласно которым регулируется, главным образом субъектами государственной политики, общественная среда, влияющая на здоровье индивидов.

Проведенный нами анализ позволяет говорить о существовании двух полярных нормативистских подходов к формированию общественного здоровья. Первый из них можно назвать *персоналистским*. В соответствии с ним общественное здоровье – это совокупность свойств общества (его норм и институтов), определяющих физическое, психологическое, социальное и духовное благополучие отдельного человека.

Противоположный подход к поддержанию общественного здоровья можно назвать *популяционным*, поскольку его основания можно усмотреть в той области знания, которая называется «здоровье популяции» («population health»), и которая

¹ Подробнее затронутые в этом тексте вопросы рассматриваются в статье «Сексуальное общественное здоровье: популяционный подход», которая находится на экспертизе в редакции «Социологического журнала».

получила признание в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в области медицины, здравоохранения и эпидемиологии [2]. Ее целью является объяснение того, почему одни популяции имеют более высокий уровень здоровья, чем другие, а также разработку вытекающих из этого объяснения, политик, повестки исследований и распределения ресурсов.

Сторонником популяционного подхода является основатель отечественной научной школы общественного здоровья И.Н. Гурвич, утверждавший, что основной миссией «всех социально-структурных элементов общества и происходящих в обществе процессов является *благополучие популяции*, под которым понимаются «максимально благоприятные при имеющемся технологическом и экономическом уровне развития общества предпосылки жизнедеятельности, способствующие достижению и поддержанию оптимальной для данной территории численности популяции» [1, с. 144]. Здоровье общества в этой модели тесным образом связано с контролем тех девиаций, которые «непосредственно угрожают биологическому состоянию популяции. Особо тяжкие и тяжкие преступления – это те, которые угрожают жизни и здоровью людей либо приводят (или могут приводить) к снижению репродуктивного потенциала индивида...» [1, с. 145].

При ближайшем рассмотрении можно заметить, что персоналистская и популяционная концепции общественного здоровья во многих случаях не противоречат друг другу, диктуя сходные ограничения. Однако делают они это с разных позиций: персоналистская – с позиции прав личности, популяционная – с позиции контроля над девиациями. Тем не менее существует критерий, по которому эти два подхода существенно разнятся – это понимание справедливости и ответственности.

Перенесем сказанное выше на область *сексуального общественного здоровья* - части усилий, предпринимаемых в обществе, направленных на «выявление и устранение тех реалий, которые приводят к неприемлемым результатам» [5, р. 13] в сексуальной жизни людей. Его важнейшим компонентом является государственная политика в сфере сексуального, в том числе репродуктивного, здоровья.

На уровне документов ВОЗ, формирующих сегодня глобальную повестку и влияющих на политику государств в области сексуального здоровья, полностью доминирует *персоналистский* дискурс. Его оформление в начале 1990-х годов произошло на волне роста популярности социальных движений, объединявших борцов за права женщин, представителей ЛГБТКИ-сообществ, ВИЧ-активистов и пр. Подход к сексуальному здоровью с точки зрения сексуальных прав является одним из наиболее популярных и среди исследователей (Lottes, 2018). «Правозащитный» взгляд на сексуальное здоровье выразился в нескольких перечнях сексуальных прав, в числе которых наиболее полным является список из 16 пунктов, представленный экспертами Международной ассоциации сексуального здоровья (WAS) в рамках соответствующей декларации [6].

Персоналистский подход предлагает считать важнейшим критерием сексуального здоровья общества способность последнего обеспечивать «позитивный, и уважительный подход к сексуальности и сексуальным отношениям, а также к возможности иметь приятный и безопасный сексуальный опыт, свободный от принуждения, дискриминации и насилия» [6]. Эксперты ВОЗ делают акцент на том, что «для достижения и поддержания сексуального здоровья необходимо уважать, защищать и соблюдать сексуальные права всех людей <...> при должном уважении прав других и в рамках защиты от дискриминации» [7, р. 3].

Персоналистский подход ограничивает индивида на уровне его ответственности за самого себя, ограничивая самовыражение его сексуального потенциала лишь необходимостью уважать права других людей: «лицо, демонстрирующее ответственное сексуальное поведение, характеризуется отсутствием намерений причинять вред и воздерживается от эксплуатации, домогательств, манипуляций и дискриминации» [6, с. 8].

Важнейшая задача государственной политики при выборе персоналистской модели, заключается в поддержке и обеспечении прав носителей разных сексуальных ориентаций, а также любых скрыто или явно дискриминируемых групп, поскольку ущемление общих прав во многих случаях означает в той же мере и ограничение сексуальных прав.

С позиции *популяционного* подхода, ответственное сексуальное поведение предполагает не только отсутствие дискриминаций и намерений причинения вреда кому-либо из участников сексуальных отношений, но и этическую ориентацию индивидов на установление долговременных интимных связей, реализующихся в той или иной форме брачно-семейных отношений. «Побочным» эффектом такой установки является участие индивидов в организации благополучия популяции т.е. вклад в регуляцию численности населения на оптимальном уровне.

Популяционный подход придает демографическим проблемам приоритетное значение. Соответственно, можно сделать вывод о том, что при выборе популяционной модели важнейшая задача государственной политики в области сексуального здоровья заключается во всесторонней (материальной, административной, информационной и иной) поддержке семей, в особенности молодых и многодетных, для того, чтобы способствовать устойчивому и качественному воспроизводству и при необходимости увеличению численности популяции.

Список литературы

1. Гурвич И.Н. Социальное здоровье // Психология здоровья: учебник для вузов / под ред. Г.С. Никифорова. СПб., Питер, 2003. С. 143-175.
2. Kindig D. Understanding Population Health Terminology. The Milbank Quarterly. 2007. Vol. 85. No. 1. pp. 139–161.
3. Lottes I. Sexual Health. The Blackwell Encyclopedia of Sociology. Edited by G. Ritzer and C. Rojek., John Wiley & Sons. 2018 pp. 1–5.
4. PAHO/WHO. Promotion of sexual health: recommendations for action. Proceedings of a regional consultation convened by the PAHO/WHO in collaboration with the World Association for Sexology (WAS) in Antigua Guatemala, May 19 –22. 2000.
5. Turnock B.J. Public Health: What It Is and How It Works. Boston: Jones and Bartlett. 2004.
6. World Association for Sexual Health (WAS). Declaration of Sexual Rights. 2014. Retrieved from http://www.worldsexology.org/wp-content/uploads/2013/08/declaration_of_sexual_rights_sep03_2014.pdf
7. World Health Organization. Sexual health and its linkages to reproductive health: an operational approach. Geneva, Switzerland: World Health Organization. 2017.

Информация об авторе

Пивоваров Александр Михайлович (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9 подъезд; e-mail: a.pivovarov@spbu.ru).

TWO APPROACHES TO FORMING OF SEXUAL PUBLIC HEALTH

Abstract. *The report considers sexual health as an area of public health, in the assessment of which two approaches are singled out: personalistic, dominating today, and alternative, population. Of particular importance in their analysis are differences in the direction of public policy.*

Key words: *sexual health, public health, public policy, marriage and family relations.*

Information about the author

Pivovarov Alexander M. (Russia Saint-Petersburg) – candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University (191060, St. Petersburg, Smolny st. 1/3, entrance 9; a.pivovarov@spbu.ru).

Bibliography

1. Gurvich I.N. Social'noe zdorov'e // Psihologija zdorov'ja: Uchebnik dlja vuzov / Pod red. G.S. Nikiforova. SPb., Piter, 2003. C. 143-175.
2. Kindig D. Understanding Population Health Terminology. *The Milbank Quarterly*. 2007. Vol. 85. No. 1. pp. 139–161.
3. Lottes I. Sexual Health. *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Edited by G. Ritzer and C. Rojek., John Wiley & Sons. 2018 pp. 1–5.
4. PAHO/WHO. Promotion of sexual health: recommendations for action. Proceedings of a regional consultation convened by the PAHO/WHO in collaboration with the World Association for Sexology (WAS) in Antigua Guatemala, May 19 –22. 2000.
5. Turnock B.J. *Public Health: What It Is and How It Works*. Boston: Jones and Bartlett. 2004.
6. World Association for Sexual Health (WAS). Declaration of Sexual Rights. 2014. Retrieved from http://www.worldsexology.org/wp-content/uploads/2013/08/declaration_of_sexual_rights_sep03_2014.pdf
7. World Health Organization. *Sexual health and its linkages to reproductive health: an operational approach*. Geneva, Switzerland: World Health Organization. 2017.

УРОВЕНЬ И СТРУКТУРА СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. *Оценивается изменение ситуации со смертностью российского населения в первый год пандемии COVID-19. Рассматриваются межпоселенческие, гендерные и региональные особенности динамики ожидаемой продолжительности жизни населения, изменение структуры смертности по причинам смерти.*

Ключевые слова: *ожидаемая продолжительность жизни населения, различия между городским и сельским населением, гендерная дифференциация, региональная конвергенция, причины смерти, пандемия, Россия.*

Уровень смертности населения наиболее адекватно отражает показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Для условного поколения года наблюдения он показывает, до какого возраста в среднем доживут лица, родившиеся в данном календарном году, если на протяжении их жизни сохранятся неизменными возрастные коэффициенты смертности, наблюдаемые в указанном году. Этот показатель служит важнейшей интегральной характеристикой смертности, измеряющей уровень преждевременной смертности и позволяющей судить об изменениях во времени и пространстве¹, т.е. делать динамические и межрегиональные сравнения. Ожидаемая продолжительность жизни рассчитывается отдельно для городской и сельской местности, для женщин и мужчин, т.е. дает возможность корректно оценивать межпоселенческую и гендерную дифференциацию уровня смертности. Она рассматривается как один из главных индикаторов качества жизни населения, уровня развития системы здравоохранения и благополучия общества в целом, т.е. может использоваться для межстрановых транзитологических исследований уровня и качества жизни населения.

После сложного периода, характеризовавшегося разнонаправленными тенденциями продолжительности жизни населения с фиксацией в 1994 и 2003 гг. минимальных после завершения в России первого этапа эпидемиологической революции показателей, на протяжении 16 лет с 2004 по 2019 г. в стране наблюдался рост продолжительности жизни (рис. 1). Ожидаемая продолжительность жизни россиян увеличилась за 2003-2019 гг. на 8,5 года: с 64,8 до 73,3 лет – с достижением максимальных в истории страны значений. Однако в 2020 г. в условиях пандемии COVID-19 произошло заметное повышение уровня смертности. Общий коэффициент увеличился до 14,6 на 1000 человек населения по сравнению с 12,3‰ в 2019 г. Продолжительность жизни населения сократилась почти на два года – до 71,5 лет².

¹ Демографическая энциклопедия. М., 2013. 944 с.

² Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 20.03.2022).

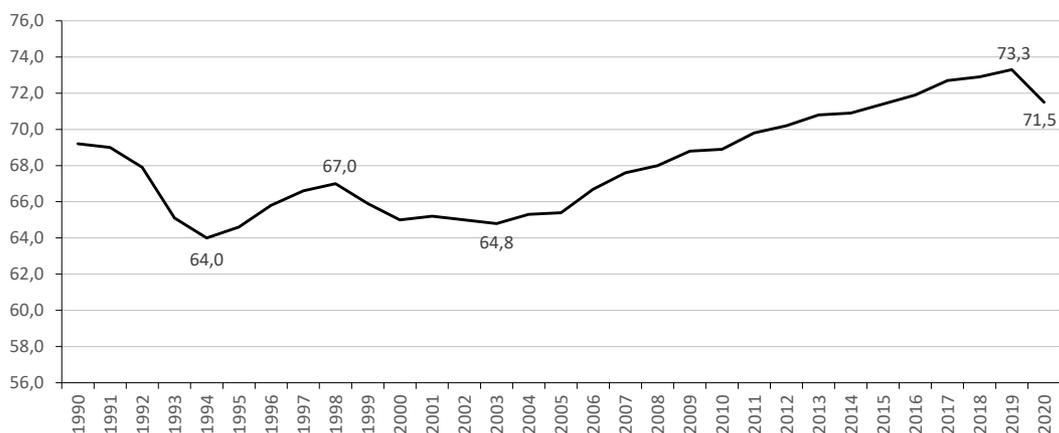

Рис. 1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения России в 1990-2020 гг., лет³

При этом произошло довольно заметное сокращение дифференциации показателя по типам поселений. Более значительно уменьшилась в 2020 г. продолжительность жизни населения в городской местности на 1,9 года по сравнению с 1,5 года в сельской (рис. 2). Очевидно, в условиях быстрого распространения новой коронавирусной инфекции негативную роль в городах сыграли факторы высокой плотности населения и значительной частоты контактов людей даже в условиях ограничительных мер. В целом по России непосредственно диагноз коронавирусная инфекция, вызванная COVID-19, стал в 2020 г. причиной 144691 избыточных смертей (что составляет 6,8% всех смертных случаев за год): 119679 в городской местности (7,6% всех смертей в городах), 25012 – в сельской (4,4%)⁴. В результате межпоселенческие различия в продолжительности жизни населения, нараставшие практически до конца нулевых годов, достигнув в 2009 г. 2,9 лет, и сократившиеся за последующее десятилетие почти в два раза, до 1,5 года, в 2020 г. уменьшились еще на 0,4 года, составив 1,1 года.

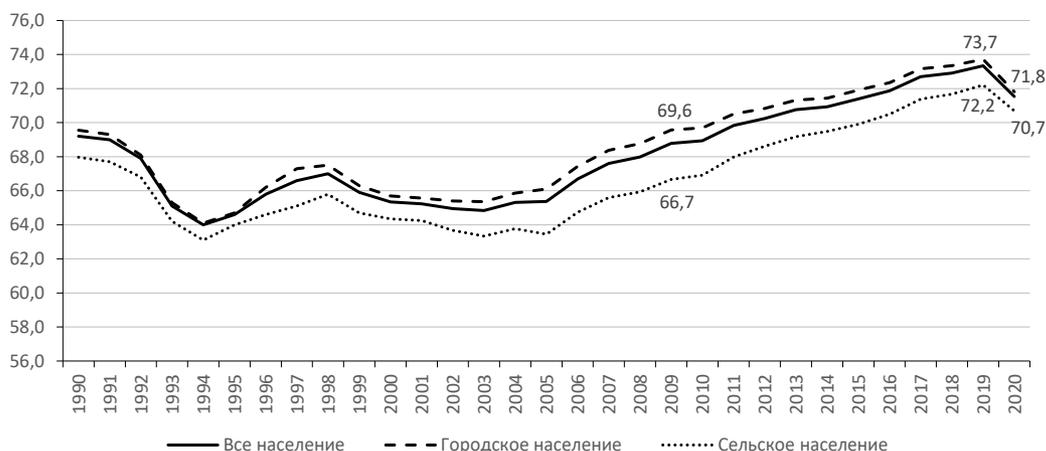

Рис. 2. Динамика ожидаемой продолжительности жизни городского и сельского населения России в 1990-2020 гг., лет⁵

³ Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 20.03.2022).

⁴ Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 20.03.2022).

⁵ Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 20.03.2022).

Несколько более значительно уменьшился в 2020 г. показатель ожидаемой продолжительности жизни женщин: на 1,8 лет против 1,7 лет у мужчин (рис. 3). Вероятно, в условиях пандемии COVID-19 определенную роль сыграла заметно более старая возрастная структура женщин: на начало 2021 г. в возрастах от 60 до 70 лет женщин в полтора раза больше, чем мужчин, в возрасте старше 70 лет – в 2,3 раза⁶. При этом на основе статистики заболеваемости и смертности от коронавируса SARS-CoV-2 еще в первые месяцы эпидемии было установлено, что в группу людей с самым высоким риском тяжелого течения болезни и смерти входят лица старше 60 лет и с хроническими (гипертония, диабет, сердечно-сосудистые заболевания, заболевания респираторного тракта) и онкологическими заболеваниями. Смертность от коронавируса увеличивается с возрастом, самая высокая – среди людей старше 80 лет (коэффициент летальности – 21,9%)⁷. В результате произошло дальнейшее сокращение гендерной дифференциации ожидаемой продолжительности жизни, которая в 2005 г. (так же, как и в самом кризисном с точки зрения смертности российского населения 1994 г.) достигала в стране 13,6 лет и впоследствии постепенно уменьшалась. В 2020 г. различия между женской и мужской продолжительностью жизни составляют 9,9 года. Впервые за последние три десятилетия они опустились в России ниже 10 лет.

В процессе анализа изменения региональной дифференциации ожидаемой продолжительности жизни населения России в условиях роста начала 2000-х годов было установлено, что в течение 2003-2017 гг. в стране произошла заметная региональная конвергенция показателя, о чем свидетельствует уменьшение среднеквадратического отклонения с 3,2 до 2,3 [1]. При сокращении темпов роста продолжительности жизни региональная конвергенция сменилась наметившейся дивергенцией: к 2019 г. среднеквадратическое отклонение увеличилось до 2,4. Повсеместное снижение продолжительности жизни населения России в 2020 г. опять сопровождалось уплотнением регионов к среднему значению показателя: среднеквадратическое отклонение сократилось до 2,2.

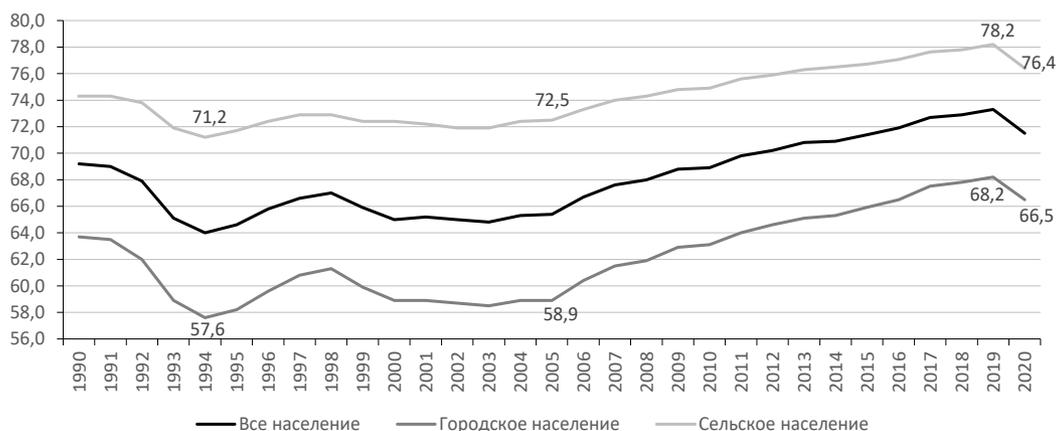

Рис. 3. Динамика ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в России в 1990-2020 гг., лет

С применением одинакового по отношению к среднероссийскому уровню принципа группировки на однолетние по диапазону продолжительности жизни группы – для 2003, 2017, 2019 и 2020 гг. было выделено по девять групп регионов с услов-

⁶ Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 20.03.2022).

⁷ Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/> (дата обращения 24.04.2020).

ными названиями: очень высокий уровень продолжительности жизни; высокий уровень; существенно выше среднероссийского уровня; выше среднероссийского уровня; среднероссийский уровень; ниже среднероссийского уровня; существенно ниже среднероссийского уровня; низкий уровень; очень низкий уровень (табл. 1). Анализ данных таблицы 1 показывает, что региональная конвергенция продолжительности жизни в 2003-2017 гг. имела догоняющий характер: уплотнение регионов произошло за счет крайних групп и прежде всего за счет подтягивания отстающих регионов, что свидетельствует о том, что в этот период в стране были хорошо использованы относительно легко реализуемые резервы повышения продолжительности жизни, которые характерны для регионов с низкой величиной показателя, а в регионах с высоким уровнем темпы роста были незначительными. Намечившаяся в 2017-2019 гг. региональная дивергенция продолжительности жизни также произошла за счет «полюсов» – при продолжающемся сближении регионов, тяготеющих к среднероссийскому уровню показателя. Заметное увеличение в этот период количества субъектов федерации с очень низким уровнем показателя подтвердило, что легко реализуемые резервы повышения продолжительности жизни, характерные для регионов-аутсайдеров, в основном уже достигли предела – соответственно, дальнейший рост продолжительности жизни населения представляет значительную трудность во всех регионах России: и регионах-лидерах, и регионах-аутсайдерах. Региональная конвергенция на фоне снижения продолжительности жизни в 2020 г. произошла в большей степени за счет регионов с очень низким и низким уровнем показателя, т.е. из-за не очень сильного уменьшения показателя в некоторых регионах-аутсайдерах с низкой плотностью и относительно молодой возрастной структурой населения и перехода их на более благополучный уровень.

И, наконец, рассмотрим изменение в первый год пандемии COVID-19 структуры смертности по причинам смерти. Как известно, основные причины смерти даются Росстатом по следующим шести группам: болезни системы кровообращения; новообразования; внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы, убийства, самоубийства и прочие неестественные причины); болезни органов пищеварения; болезни органов дыхания; инфекционные и паразитарные болезни (группы перечислены по убыванию уровня смертности в последние годы). На эти шесть классов причин до 2012 г. в России приходилось свыше 90% случаев смерти, в до 2019 г. – более 80%, в 2020 г. – около 75% (рассчитано на основе данных Росстата⁸). Т.е. несмотря на уменьшение их удельного веса за счет остальных причин, они по-прежнему определяют уровень смертности и продолжительности жизни населения.

Таблица 1. Изменение группировки регионов России по величине ожидаемой продолжительности жизни населения в 2003-2020 гг.

№	Группа	2003 г.		2017 г.		2019 г.		2020 г.	
		Диапазон показателя	Количество регионов						
1	Очень высокий уровень	68,3 лет и выше	7	76,2 лет и выше	3	76,8 лет и выше	3	75,0 лет и выше	3
2	Высокий уровень	67,3-68,2 лет	6	75,2-76,1 лет	4	75,8-76,7 лет	5	74,0-74,9 лет	4

⁸ Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 20.03.2022).

№	Группа	2003 г.		2017 г.		2019 г.		2020 г.	
		Диапазон показателя	Количество регионов						
3	Существенно выше среднероссийского уровня	66,3-67,2 лет	5	74,2-75,1 лет	3	74,8-75,7 лет	3	73,0-73,9 лет	3
4	Выше среднероссийского уровня	65,3-66,2 лет	14	73,2-74,1 лет	13	73,8-74,7 лет	10	72,0-72,9 лет	10
5	Среднероссийский уровень	64,3-65,2 лет (РФ – 64,8 лет)	11	72,2-73,1 лет (РФ – 72,7 лет)	12	72,8-73,7 лет (РФ – 73,3 лет)	20	71,0-71,9 лет (РФ – 71,5 лет)	19
6	Ниже среднероссийского уровня	63,3-64,2 лет	8	71,2-72,1 лет	25	71,8-72,7 лет	20	70,0-70,9 лет	24
7	Существенно ниже среднероссийского уровня	62,3-63,2 лет	8	70,2-71,1 лет	13	70,8-71,7 лет	9	69,0-69,9 лет	14
8	Низкий уровень	61,3-62,2 лет	12	69,2-70,1 лет	8	69,8-70,7 лет	8	68,0-68,9 лет	4
9	Очень низкий уровень	до 61,2 лет	14	до 69,1 лет	4	до 69,7 лет	7	до 67,9 лет	4

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата*
* Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 20.03.2022).

Ранее мы уже рассмотрели изменения в структуре причин смертности за 1990-2019 гг., характеризующиеся разнонаправленной динамикой ожидаемой продолжительности жизни населения [2]. В целом за период общая смертность увеличилась в России почти на 10% (табл. 2). Самый значительный рост – более чем в 2,3 раза – характерен в 1990-2019 гг. для смертности от болезней органов пищеварения, которая во многом обусловлена характером питания населения и употреблением алкогольной продукции. Она имела тенденцию к увеличению даже в условиях общего снижения 2003-2019 гг. На 85% вырос уровень смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний, почти на 5% – от новообразований. Новообразования и болезни органов пищеварения ухудшили ранговые позиции в структуре причин смертности, поднявшись, соответственно, на второе и четвертое места. По остальным основным классам причин смерти за 1990-2019 гг. произошло снижение уровня. Смертность от болезней органов дыхания сократилась на 32%, от внешних причин – на 30%, болезней системы кровообращения – на 7%. Внешние причины и болезни органов дыхания в 2006 г. улучшили позиции в структуре смертности по причинам, опустившись, на третье и пятое места.

Таблица 2. Темпы прироста коэффициентов смертности населения России по основным причинам смерти в разные периоды 1990-2020 гг., %

Период	Все причины	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Болезни системы кровообращения	Внешние причины	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования
В целом за 1990-2019 гг.	9,5	-32,2	133,4	-7,4	-30,0	85,1	4,7
2019-2020 гг.	19,2	63,5	9,4	11,8	1,6	-8,0	-0,7
В целом за 1990-2020 гг.	30,5	10,9	155,4	3,6	-28,9	70,2	3,9

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата*
 * Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 20.03.2022).

В 2020 г. общий коэффициент смертности увеличился в России на 19%. Наиболее значительный рост (на 64%) характерен для болезней органов дыхания. На 12% увеличилась смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, на 9% – от болезней органов пищеварения, на 1,6% от несчастных случаев. Произошло незначительное снижение смертности от новообразований. Хотя специалисты утверждают, что коронавирус приводит к обострению всех инфекционных заболеваний и усугубляет течение болезни, смертность от инфекционных и паразитарных болезней также сократилась, и довольно заметно: на 8%. Смертность непосредственно от коронавируса сравнивать не с чем. Коронавирусная инфекция, вызванная COVID-19, обозначенная в Краткой номенклатуре причин смерти под номером 320 [3], вошла в состав прочих причин, составив в целом по стране 6,8% смертей. С ее включением в состав остальных причин смерти, доля которых в России с 2016 г. уступает только доле основной причины смертности – болезни системы кровообращения, их удельный вес достиг почти 25%.

Таким образом, снижение продолжительности жизни россиян в условиях пандемии COVID-19 сопровождалось сокращением межпоселенческой и гендерной дифференциации показателя и его региональной конвергенцией, в основе которых лежат различия в плотности и возрастной структуре населения, а также резким увеличением доли остальных причин смерти с включением в их состав смертности от коронавирусной инфекции SARS-CoV-2.

Список литературы

1. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 228-242. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.13
2. Попова Л.А. Смертность российского населения по причинам смерти на пороге пандемии // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы VI междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 29 марта – 2 апреля 2021 г.): в 2-х частях. Ч. 1. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. 363 с. С. 193-199.
3. Краткая номенклатура причин смерти 2010 г., основанная на Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, X пересмотра. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781#> (дата обращения 20.03.2022).

Информация об авторе

Попова Лариса Алексеевна (Россия, Сыктывкар) – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; popova@iespn.komisc.ru).

Popova L.A.

THE LEVEL AND STRUCTURE OF MORTALITY OF THE RUSSIAN POPULATION IN A PANDEMIC

Abstract. *The author assesses the change in the mortality situation of the Russian population in the first year of the COVID-19 pandemic. Examines inter-settlement, gender and regional features of the dynamics of life expectancy of the population, changes in the structure of mortality due to causes of death.*

Key words: *life expectancy, differences between urban and rural populations, gender differentiation, regional convergence, causes of death, pandemic, Russia.*

Information about the author

Popova Larisa Alekseevna (Russia, Syktyvkar) – Doctor of Sciences in Economics, associate Professor, Deputy Director for Science, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (26 Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, Komi Republic, Russia, 167982 ;popova@iespn.komisc.ru).

Bibliography

1. Popova L.A., Zorina E.N. Regional reserves for raising life expectancy in the conditions of convergence of its level. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast.* 2019. vol. 12. no. 6. pp. 228–242. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.13
2. Popova L.A. Mortality of the Russian population by causes of death before the pandemic // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions: materials of the VI International Scientific and Practical Internet conference (Vologda, March 29 – April 2, 2021): in 2 parts.* P. 1. Vologda: FSBIS VolRC RAS, 2021. 363 p.
3. Brief nomenclature of causes of death in 2010, based on the International Statistical Classification of Diseases and Health-Related Problems, X revision. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781#> (accessed 20.03.2022).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ 7 ЛЕТ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Рассмотрено влияние пандемии COVID-19 на семьи с детьми 7 лет, представлен обзор проблем, с которыми столкнулись родители и дети во время самоизоляции в 2021 году. Исследование представляет практическую значимость для разработки мер поддержки семей с детьми в постковидный период, для профилактики снижения уровня психического здоровья детей.

Ключевые слова: дети, родители, пандемия, самоизоляция, психологические проблемы, психическое здоровье.

Развитие России в значительной степени предопределяется здоровьем, образованием, социальной адаптацией подрастающего поколения. На здоровье детского населения оказывают влияние множество факторов: информационная доступность, трансформация семейных отношений, социальные и экономические преобразования, чрезвычайные ситуации [2].

В январе 2020 года Всемирной организацией здравоохранения ситуация в связи с распространением коронавируса 2019-нCoV была объявлена международной. Чрезвычайная ситуация всегда связана с риском для жизни и здоровья человека. Это закономерно вызывает чувство страха, растерянности. Эмоциональные реакции, возникающие в связи с опасениями за свою жизнь и жизнь близких людей, способствуют нарушению адаптации. Могут быть отсроченные реакции на стрессовые ситуации, негативные последствия для психического здоровья ребенка, которые проявятся в старшем возрасте. «Это были чрезвычайно долгие полтора года для всех нас, особенно для детей. Учитывая общенациональные режимы изоляции и ограничения свободы передвижения в связи с пандемией, дети проводят самые незабываемые годы жизни вдали от своих семей, друзей, одноклассников, товарищей по играм – ключевых составляющих самого детства» [3]. Поэтому, особую значимость представляет изучение проблем психологического характера для детей и их родителей в условиях родительской депривации, или, наоборот, длительном совместном нахождении в период самоизоляции. Подтверждается важность изучения и материалами Доклада Организации Объединенных Наций (ООН) от 13 мая 2020 г., в котором детский возраст отнесен к «группам, вызывающим озабоченность» во время пандемии [6].

Экспертами ООН по проблемам здоровья детей в связи с вспышкой коронавирусной инфекции определены также автономные группы риска детей младенческого, дошкольного и младшего школьного возраста [7].

Учеными доказано, что существует связь с негативными установками взрослых членов семьи и причиной неврозов у детей [5]. С другой стороны, научными исследованиями подтверждено, что возросла роль родителей в профилактике нарушений детской психики (тревожности, беспокойства, чрезмерного погружения в социальные сети и др.) во время пандемии [1]. Поэтому важно изучение детско-родительских отношений, психологического климата семьи для выявления причин, обоснования психотерапевтического воздействия, повышения воспитательного потенциала родителей, разработки рекомендаций по здоровьесбережению детского населения в «постковидный период».

Исходя из этого, целью данного исследования стало изучение мнения матерей детей 7-летнего возраста о психологических проблемах у родителей и детей в период пандемии в 2021 году.

Информационную базу исследования составили материалы когортного мониторингового наблюдения «Изучение условий формирования здорового поколения», проводимого ФГБУН ВолНЦ РАН с 1995 года [4] В данной статье проведен анализ выборочных результатов опроса 2021 года. Выборка составила 111 семей с детьми 7-летнего возраста, проживающих на территории Вологодской области в городах областного значения Вологде и Череповце, районных центрах: Кириллове и Великом Устюге и поселке городского типа Вожега.

В анкеты для опроса родителей наряду с такими блоками, как: состав семьи, трудовая деятельность и образ жизни родителей, питание ребенка, воспитание, отношения в семье, жилищные условия были включены вопросы о материальных, психологических трудностях, проблемах физического и психического здоровья родителей и детей во время карантина и самоизоляции¹.

Характеризуя выборку исследования, нужно отметить, что в 91,0% – это полные семьи; 4,5% одиноких матерей, в разводе – 4,5%, 1,8% – семьи, где мать-вдова. По количеству детей: с одним ребенком – 23,4 %, с двумя – 55,9, с тремя – 18,0%, с четырьмя – 2,7%.

Состояние здоровья отца и матери респонденты оценивают, как хорошее и удовлетворительное (в 69 и 76% соответственно). Половина из них занимаются регулярно спортом и физкультурой.

Оценивая материальное положение и несмотря на то, что в основном взрослые члены семьи работают, только 11,7% считают свое финансовое положение достаточно благополучным, чтобы ни в чём себе не отказывать; 12,6% отметили трудности материального характера и возможность приобретать только продукты питания. Доля затрат на питание составляет достаточно большой процент, почти половину семейного бюджета (42%), расход на питание ребенка в месяц 46,8%.

Имеют благоустроенное жилье 92% респондентов, 73% характеризуют жилищные условия, как хорошие и удовлетворительные.

Здоровье ребенка в возрасте 7 лет родители оценивают как хорошее и удовлетворительное (57,7 и 40,5%), только 1,0%, по их мнению, имеет серьезные проблемы. Аналогичные данные представляют и участковые педиатры. Мы можем предположить, что у родителей данной выборки достаточно высокий уровень медицинской активности, так как они достаточно грамотно оценивают актуальное состояние физического и нервно-психического развития своих детей. Важно, что 82% из них своевременно обращаются за врачебной помощью и начинают лечение своевременно.

¹ – Столкнулись ли Вы с новой коронавирусной инфекцией?

– Испытываете ли Вы страх снижения доходов и потери работы членами Вашей семьи вследствие коронавируса?

– С какими значимыми для Вас проблемами психологического характера Вы столкнулись в период вспышки новой коронавирусной инфекции, карантина и самоизоляции?

– Если Вы испытывали повышенный страх и/или тревогу, вызванные коронавирусом, какие способы их преодоления Вы использовали?

– Как изменились отношения в Вашей семье в период пандемии?

– Как изменилось физическое здоровье и психологическое самочувствие Ваше и Вашего ребёнка за последний год?

Медицинским обслуживанием детей родители в большем проценте случаев удовлетворены, но основной проблемой считают дороговизну лекарств – 36%, что еще раз подтверждает приоритетность финансовых проблем семей.

Несмотря на то, что по основным показателям выборку семей с 7-летними детьми можно назвать «благополучной», в период вспышки коронавирусной инфекции у детей и родителей возникали серьезные психологические проблемы.

По данным исследования три четверти респондентов испытали лично воздействие коронавирусной инфекции (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: Столкнулись ли Вы с новой коронавирусной инфекцией?

Вариант ответа	Среднее
Да, я сам переболел	16,2
Некоторые или все члены моей семьи переболели	18,9
Да, в кругу моих знакомых есть такие люди	45,9
Нет, лично не коснулось ни меня, ни моих знакомых	25,2
Здесь и далее. Источник: мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения», 2021 г.	

В основном межличностные отношения в семьях с детьми остались на прежнем уровне, только в 5,4% ухудшились (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Как изменились отношения в Вашей семье в период пандемии?»

Вариант ответа	Среднее
Остались прежними	88,3
Ухудшились	5,4
Улучшились	2,7

Физическое и психическое здоровье, по мнению респондентов, осталось неизменным (88,3%). Воздействие пандемии у 18,0% матерей и 11% детей ухудшило психическое состояние (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Как изменилось физическое здоровье и психологическое самочувствие Ваше и Вашего ребёнка за последний год?» (вариант ответа: «скорее ухудшилось» и «значительно ухудшилось»)

Вариант ответа	%
Физическое здоровье матери	17,1
Физическое здоровье ребенка (детей)	8,1
Психическое здоровье матери	18,0
Психическое здоровье ребенка (детей)	10,8

По мнению родителей легко перенесли время карантина и самоизоляции дети 7 лет 28,8%, тяжело – 10%, крайне тяжело 4,5% (табл. 4). По сравнению с взрослыми членами семьи, дети перенесли легче. Учитывая, что они находились длительное время с близкими людьми, которые страдали, априори это отразилось на их психологическом состоянии (табл. 5).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, насколько тяжело Вы и Ваша семья пережили (переживаете) время пандемии COVID-19, используя 5-балльную шкалу (вариант ответа 5 баллов «крайне тяжело»).

Вариант ответа	Очень легко	Тяжело	Крайне тяжело
Мать	18,0	11,7	2,7
Отец	18,0	14,4	3,6
Дети	28,8	9,9	4,5
Пожилые родственники	7,2	19,8	7,2

Основными проблемами, которые испытали семьи во время пандемии стали рекреационные и материальные: взрослые и дети не смогли провести совместный отпуск, у каждой пятой семьи ухудшилось материальное положение. В 8% семей чаще стали происходить ссоры, конфликты, нарушились межличностные отношения, 7% отметили, что они тяжело перенесли режим самоизоляции (табл. 5).

Более трети родителей отметили страх заражения коронавирусом, недовольство режимом самоизоляции, введением жестких мер контроля, штрафных санкций. Пятая часть респондентов отметила ухудшение психоэмоционального состояния, повышение тревожности, беспокойства, 18% испытывали чувство вины за дефицит времени для общения с ребенком, у 4% респондентов умерли родственники или близкие люди, 2% испытали психологическое и физическое насилие.

Здоровье детей 7-летнего возраста за время пандемии, по мнению родителей, ухудшилось как в физическом, так и психологическом плане. У 25% снизилась двигательная активность, у 18% отмечается набор лишнего веса, 40% испытывают повышенное увлечение гаджетами, у 22% появились проблемы в период дистанционного обучения, 20% испытывали страх за здоровье (свое, родных), 6% – психоэмоциональное напряжение.

Таблица 5. Проблемы семьи, родителей и детей 7-летнего возраста в период карантина и самоизоляции в 2020–2021 гг.

Вариант ответа	Среднее, %
Семья	
Мы не смогли совместно провести отпуск	27,9
Материальное состояние нашей семьи ухудшилось	21,6
Мы реже стали видеться с членами семьи, совместно заниматься	14,4
В семье чаще стали происходить ссоры, конфликты, непонимание	8,1
Моя семья тяжело переносит (перенесла) режим самоизоляции	7,2
Мать	
Ограничение моей свободы, введение жестких мер контроля (в т.ч. штрафов) за соблюдением режима самоизоляции	38,7
Очень боялся/боюсь заразиться сам(-а) и/или что заболеют мои близкие	31,5
Повышение уровня тревоги, беспокойства и/или появление симптомов депрессии	21,6
Однообразие, ощущение «дня сурка», невозможность получить новые впечатления	19,8
Я чувствую вину, что уделяю слишком мало внимания своим детям, у меня не хватает на них времени и сил	18,0
Неверие в опасность вируса; ощущение, что нас обманывают	16,2
Я боюсь потерять доход или работу	12,6
Одиночество и невозможность личного общения с близкими мне людьми и/или разрыв отношений	7,2
Нечем заняться, скука	6,3
Гибель близкого человека и/или пациента и/или коллеги от коронавируса	3,6

Вариант ответа	Среднее, %
Недоступность профессиональной психологической помощи	3,6
Домашнее психологическое и/или даже физическое насилие	1,8
Ребенок	
Мой ребенок (дети) испытывал(-ет) в период пандемии повышенное увлечение гаджетами	39,6
Мой ребенок (дети) испытывал(-ет) в период пандемии снижение двигательной активности	25,2
Мой ребенок (дети) испытывал(-ет) в период пандемии проблемы в период дистанционного обучения	21,6
Мой ребенок (дети) испытывал(-ет) в период пандемии страх за здоровье (своё, моё и родных)	20,3
Мой ребенок (дети) испытывал(-ет) в период пандемии набор лишнего веса	18,0
Мой ребенок (дети) испытывал(-ет) в период пандемии психоэмоциональное напряжение	6,3

Выявленные негативные проявления у детей во время карантина и самоизоляции могут привести в будущем к посттравматическому стрессовому расстройству, что в свою очередь увеличит количество детей с низким уровнем психического здоровья. Полученные данные могут быть использованы при разработке мероприятий в сфере региональной демографической и семейной политике, а также в практике работы специалистов учреждений здравоохранения, образования и социального обслуживания населения региона в постковидный период.

Список литературы

1. Ермолова Т.В. COVID-19 и психическое здоровье учащихся: зарубежные исследования // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 1. С. 79–91. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100108>
2. Медведева Е.И. Современное детство и социально-экономические вызовы // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 3. С. 358-371. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.3.6
3. Психическое состояние: стимулирование, защита и забота о психическом здоровье детей. URL: https://www.unicef.org/reports/state-worlds-children-2021?utm_source=referral&utm_medium=media&utm_campaign=sowc-web
4. Шабунова А.А., Нацун Л.Н. «Дети пандемии»: здоровье младенцев, рожденных в 2020 году // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 5. DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.1 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28765>
5. Юнг К.Г. Божественный ребенок. М.: Олимп, 1997. С. 23.
6. Policy Brief: COVID-19 and the Need for Action on Mental Health // United Nations. NY: United Nations, 2020. 17 p. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/un_policy_brief-covid_and_mental_health_final.pdf
7. Policy Brief: Impact of COVID-19 on children / United Nations. New York: United Nations, 2020. 17p. URL: https://unsdg.un.org/sites/default/files/2020-04/160420_Covid_Children_Policy_Brief.pdf

Информация об авторе

Разварина Ирина Николаевна (Россия, Вологда) – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: irina.razvarina@mail.ru).

PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF PARENTS AND CHILDREN 7 YEARS OLD DURING THE COVID-19 PANDEMIC IN THE VOLOGDA REGION

Abstract. *The impact of the COVID-19 pandemic on families with children of 7 years old is considered, an overview of the problems faced by parents and children during self-isolation in 2021 is presented. The study is of practical importance for the development of support measures for families with children in the post-COVID period, for the prevention of a decrease in the level of mental health of children.*

Key words: *children, parents, pandemic, self-isolation, psychological problems, mental health.*

Information about the author

Razvarina Irina N. (Russia, Vologda) – Researcher of the Federal state budgetary institution of science «Vologda scientific center of the Russian Academy of Sciences», (56A Gorky street, 160014, Vologda; e-mail: irina.razvarina@mail.ru).

Bibliography

1. Ermolova T.V. Covid-19 and mental health of students: foreign studies // Modern foreign psychology. 2021. Volume 10. No. 1. C. 79–91. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100108>
2. Medvedeva E.I. Modern childhood and socio-economic challenges // Living standards of the population of regions of Russia. 2021. Vol. 17. No. 3. S. 358-371. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.3.6
3. Mental Health: Promoting, Protecting and Caring for Children’s Mental Health URL: https://www.unicef.org/reports/state-worlds-children-2021?utm_source=referral&utm_medium=media&utm_campaign=sowc-web)
4. Shabunova A.A., Natsun L.N. “Children of the pandemic”: the health of babies born in 2020 // Social space. 2020. V. 6. No. 5. DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.1 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28765>.
5. Jung, K.G. “Divine child” Moscow. Olympus, 1997. pp. 23.
6. Policy Brief: COVID-19 and the Need for Action on Mental Health // United Nations. NY: United Nations, 2020. 17 p. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/un_policy_brief-covid_and_mental_health_final.pdf
7. Policy Brief: Impact of COVID-19 on children / United Nations. New York: United Nations, 2020. 17p. URL: https://unsdg.un.org/sites/default/files/2020-04/160420_Covid_Children_Policy_Brief.pdf

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕХОДА К РЕШЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ КАК К МНОГОФАКТОРНОМУ ПРОЦЕССУ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме воспроизводства населения как социально-демографической категории. Анализируются основные факторы демографического поведения и необходимость его учета в демографической политике. Рассматривается содержание демографического потенциала в контексте демографической политики.*

Ключевые слова: демография, демографическое поведение, рождаемость, воспроизводство населения, демографическая политика.

Актуальность. Тенденция снижения рождаемости наблюдалась в нашей стране на протяжении около 100 лет. Можно говорить о совокупности факторов объективного и субъективного характера, воздействующих на состояние демографии. В любом случае, воспроизводство населения как сущность демографии не столько стихийный, сколько управляемый процесс, результат которого зависит от адекватно принятых мер по повышению рождаемости. То, что демография является междисциплинарной категорией, указывает на ее многоаспектность, многозначность, сложность как социального процесса. В этом контексте, стимулирование рождаемости в России в статусе чисто экономической категории, ограничивает весь потенциал административных и иных возможностей по улучшению демографических показателей. Да и практика показывает, что экономические рычаги не имеют желаемого эффекта, когда речь идет о воспроизводстве населения. Не оправданность чисто экономического подхода подтверждается и недалеким опытом прошлого советского периода.

Содержание. Уже к началу 60-х годов наблюдался устойчивый переход из многодетной семьи (5-6 детей) в семью с 1-2, редко – с 3 детьми. Надо понимать, что снижение количества детей в семье происходило в условиях, когда политика государства была направлена на создание благоприятных условий по поддержанию семей с детьми дошкольного и школьного возраста. Были открыты ясли, круглосуточные детские сады, продленные группы в школах; в учебных заведениях была налаженная система питания; гибкий график работы для женщин-матерей. Осуществлялось качественное медицинское обслуживание и, главное – была обеспечена безопасность детей.

Что касается финансового вопроса (бюджета семьи) – он всегда был достаточно скромным, компенсировался доступностью (бесплатной) всех сфер организации жизнедеятельности детей и семьи в целом.

Преобразования в эпоху перестройки сопровождалась катастрофическим снижением численности населения. *Смертность превышала рождаемость в 1,5 раза.* Ситуация изменилась в лучшую сторону (наблюдалось незначительное повышение рождаемости, увеличение населения за счет мигрантов) в середине 2000-х. Прогнозные оценки относительно демографического роста к 2025 г. подвела под сомнение пандемия с непредсказуемыми последствиями и возможностью своего продолжения¹.

Причина высокой смертности начала периода перестройки все же видится в неспособности населения адаптироваться к новым перспективным реалиям, инте-

¹ К вопросу о необходимости в демографической политике учитывать факторы риска.

грироваться в социум с разрушенной экономикой, народным хозяйством, производством, соответственно безработицей, голодом, разрухой и т.д. Так называемая новая жизнь приводила к уходу немалой части населения в различные виды девиации (наркомания, суицид, алкоголизм, криминал). Исследователи отмечают, что основной причиной высокой смертности по состоянию здоровья в эти годы были сердечно-сосудистые заболевания.

В последующие годы, по мере стабилизации жизни с перспективой в более благоприятную сторону, стали меняться и модели поведения молодых людей – выросла мотивация иметь 3 и более детей. Тем не менее, проблема численности населения в контексте динамики ее сокращения не потеряла своей актуальности. Пандемия лишь ухудшила эту ситуацию – смертность по сравнению с доковидным 2019 годом в среднем выросла, что на фоне невысокой рождаемости демографически стало ощутимо.

В этих условиях представляется целесообразным сосредоточить внимание на двух направлениях: первое – сохранение численности населения за счет сокращения смертности путем профилактики заболеваемости, формирование самосохранительного поведения и второе – повышение рождаемости. При системном подходе, каждое из указанных направлений требует выделения системных элементов, обуславливающих эти процессы, которые могут быть общими и специфическими. Общим и основополагающим для обоих случаев является здравоохранение, ее состояние, способность перестроиться на новые задачи, обусловленные демографическими проблемами.

Следует отметить, что коэффициент суммарной рождаемости (КСР) на конец 2021 года составил 1,504 ребенка на одну женщину. По словам экспертов-демографов, чтобы население просто не убывало, нужно чтобы КСР составлял не менее 2,1. Согласно данным Росстата, на конец октября с начала года ушли из жизни 1 млн 661 тысяча человек, а родились всего 1 млн 193 тысячи детей. С учетом, что репродуктивная функция семьи отчасти относится к формируемому субъективному фактору, наиболее эффективным может стать управление повышением рождаемости, так как наибольший человеческий потенциал воспроизводства населения (на данном этапе хотя бы простого воспроизводства) представляет подрастающее поколение и молодежь. Именно эта категория населения должна быть объектом работы по формированию ценностного отношения к семье, к детям, формированию мотивационных установок на создание семьи, рождение детей, тем самым реализация себя как супруг(а), мать, отец.

На данном этапе необходим критический анализ информационной политики, которая годами внушала потенциальным будущим мамам и папам, что главное в жизни карьера, развлечение, жизнь для себя, удовлетворение потребностей, помехой чему являются семья и дети. Сегодня среди девушек немало сторонников и идеологии чайлдфри, которые сознательно не желают иметь детей.

Отход от традиционной семьи сопровождался на протяжении всего периода формированием многообразия форм, т.н. семейных отношений. Является ли это состоянием кризиса семьи (А.И. Антонов, В.А. Борисов, В.М. Медков и др.) или модернизацией (А.Г. Вишневский, А.И. Левин, Л.В. Левина, С.И. Голод.)? Возможно, это адаптация молодежи к изменившимся социально – экономическим условиям в сфере семейно-брачных отношений, основанных на удовлетворении различного рода потребностей психологического, физиологического, эмоционального и экономиче-

ского порядка? Однако по сравнению с институтом семьи, предназначением которого является выполнение конкретных, свойственных семье функций, в том числе репродуктивной, свободные формы отношений в контексте демографии не несут никакой функциональной нагрузки.

Опираясь на комплексный социолого-демографический подход, репродуктивное социально-демографическое поведение можно определить как систему действий и отношений, определяющих рождение детей. Структура репродуктивного поведения включает репродуктивные нормы и ценности, установки и мотивы, которые носят экономический, социально-культурный и личностно-психологический характер [2].

Воспроизводство и семья два непосредственно связанных между собой процесса. Рождение нового человека в любом случае предполагает мужское и женское начало, союз мужчины и женщины, оформленный в брачно-семейные отношения.

Выбор брачного партнера – сложный процесс, обусловленный множеством критериев выбора. Существуют разнообразные концепции, каждая из которых предлагает собственные признаки, характеристики и психосоциальные механизмы, лежащие в основе осуществления брачного выбора.

Что касается современных теорий, то они в большинстве своем пытаются объяснить брачный выбор потребностями, которые есть у индивида в настоящем и влиянием на него социальных условий, в которых он находится.

К комплексной теории, которая отражает и учитывает разнонаправленные факторы брачного выбора, можно отнести теорию В. Мурштейна. Согласно этой теории, при выборе брачного партнера действуют три фактора: побуждение, достоинство, роль [3].

Обобщающий характер носит концепция С.И. Голода, который предлагает выделить пять разновидностей брачного выбора: создание семейно-брачных отношений «по любви, по духовной близости (общность интересов), по материальному расчету (материальная обеспеченность, наличие жилой площади у предполагаемого супруга и т.п.), по психологической адекватности (чувство одиночества), по моральным соображениям (вероятность скорого рождения ребенка, из чувства сострадания и т. п.)» [4, с. 26].

На основании анализа теорий выбора партнера следует, что в основе формирования системы брачных предпочтений каждого конкретного человека лежат определенные факторы – критерии выбора партнера. Условно их можно разделить на внутренние (эмоции, сходство ценностей и интересов) и внешние (материальный фактор, удобство).

Не секрет, что молодой человек ориентируется на создание семьи, основанной на чувствах, на любви. И эта потребность во взаимных чувствах является стержневым во взаимоотношениях с противоположным полом. Для немалого процента молодежи ожидания встречи, знакомства, наконец – создание семьи, рождение ребенка, – так и остаются в мечтах, не реализованные в реальности. Советская система работы с молодежью тем и отличалась и, была хороша многообразием мероприятий, которые становились территорией встреч, знакомств, в перспективе – создания супружеских пар.

Как правило, после завершения учебы современная молодежь теряет площадки общения, не имея подобной альтернативы в процессе дальнейшего взросления. И остается одно – как героиня фильма В.В. Меньшова «Москва слезам не верит», использовать библиотеку для поиска второй половины. В контексте рассматриваемого вопроса это тот демографический потенциал, который остается не реализованным

в демографических процессах через участие в создании семьи, деторождении. Это одна сторона вопроса.

Обращает на себя внимание и тот факт, что социальная политика направлена, прежде всего, на поддержку многодетной малообеспеченной семьи. В этой ситуации, живущая в кредит немалая часть свободной молодежи, понимая степень дополнительной ответственности с созданием семьи, рождением ребенка стоит перед вопросом о возможности обеспечить необходимыми условиями свою семью. Таким образом, отсутствие стартовой площадки, политики поддержки молодежи, вступающей в жизнь, – вторая сторона проблемы не реализованного демографического потенциала.

Издержки демографической политики проявляются в его узком подходе к решению демографических задач: как правило, к констатации статистических показателей вместо реальной деятельности, направленной на выявление причин демографического спада, в том числе и растущего количества разводов, поиска способов, управленческих технологий изменения существующей неблагоприятной ситуации.

Указанные выше два аспекта являются принципиальными и с точки зрения возраста вступления в брак / создания семьи. Так, например, в Ленинградской области в 2020 г. большинство невест были в возрасте 35 лет и старше (41,0%.); в возрасте 25-34 лет (35,4% от всех вступивших в брак); с 18 до 24 лет (23,2%); младше 18 лет (0,4%). Всего лишь пять лет назад в 2016 году, больше всего невест в регионе было в возрасте 25-34 лет (41,8%).

Отмечается, что тенденция к вступлению в брак в относительно старшем возрасте началось в 2019 г., в 2020 г. она сохранилась.

По мнению экспертов, в Ленинградской области самый низкий «показатель брачности» в стране, при этом пандемия не оказала серьезного влияния на заключение браков. Так, в 2020 году в Ленобласти было зарегистрировано 6 638 браков, что на 14,8% меньше, чем в 2019 г. (7 796 браков). При этом разводов в 2020 г. было меньше (6 426) по сравнению с 2019 г. на 15,8%. Согласно статистике Петростата, в 2021 г. по сравнению с 2020 годом увеличилось число заключенных браков на 25,5% (8 256), а число разводов возросло на 17-18% (7 267)².

Заключение. Демографические вопросы объективно требуют комплексного подхода к их решению. Сознание, прежде всего молодежи, сформировавшееся под воздействием массовой культуры, насаждения лжеценностей, прочно закрепившись, проникнув во все сферы жизни человека в 2000-х, стали определяющими и в формировании демографического поведения. Большую роль в этом процессе сыграли СМИ, образование, в целом – отсутствие концепции человека, целостной работы по формированию здорового отношения к жизни.

Таким образом, спустя три столетия вновь актуализируется понимание Ломоносовым М.В. демографических проблем России, изложенных в трактате «О размножении и сохранении российского народа» [6], ключевая мысль которого в том, что рост численности населения, его здоровье и воспроизводство, – являются вопросами первостепенной государственной важности.

Список литературы

1. Кемеров И. Что говорит статистика российских ЗАГСов о ковиде и избыточной смертности. Август, 2021. URL: https://fishki.net/anti/3884305-что-govorit-statistika-rossijskih-zagsov-o-kovide-i-izbytochnoj-smertnosti.html?utm_source=aab&sign=6200937637672226%2C783695070053602

² «Основные показатели демографических процессов в Ленинградской области в 2020 году». Статистический сборник / Петростат. СПб, 2021. 100 с.

2. Хайруллин Р.Р. Демографическое поведение населения в современных условиях (на материалах Республики Татарстан): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2012. URL: /http://dissers.ru/1sotsiologiya/demograficheskoe-povedenie-naseleniya-sovremennih-usloviyah-na-materialah-respubliki-tatarstan-specialnost-22-00-03-ekonomicheskaya-sociologiya.php
3. Кратохвил С. Основные типы семейных проблем // Психология и психотерапия семейных конфликтов / под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2003. С. 135.
4. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1984.
5. Ломоносов М.В. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747—1764 гг. // Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 6. С. 381–403. URL: http://www.zasn.ru/documents/pismo_lomonosova

Информация об авторе

Салахутдинова Резида Халяфутдиновна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, доцент, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (199178, Санкт Петербург, Средний пр. В.О., д.57/43; e-mail: rezeda_soc@mail.ru).

Salakhutdinova R.H.

ON THE NEED TO ADDRESS DEMOGRAPHIC ISSUES AS A MULTIFACTORIAL PROCESS

Abstract. *The article deals with the problem of population reproduction as a socio-demographic category. The main factors of demographic behaviour and the need to take it into account in demographic policy are analysed. The content of demographic potential in the context of demographic policy is considered.*

Key words: *Demography, demographic behaviour, fertility, population reproduction, demographic policy.*

Information about the author

Salakhutdinova Rezida H. (St. Petersburg, Russia) – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg) (199178 St. Petersburg, Sredny prospect V.O., d.57/43; e-mail: rezeda_soc@mail.ru).

Bibliography

1. Kemerov I. What Russian registry office statistics say about covid and excess mortality August, 2021/ https://fishki.net/anti/3884305-chto-govorit-statistika-rossijskih-zagsovo-kovide-i-izbytochnoj-smertnosti.html?utm_source=aab&sign=620093763767226%2C783695070053602
2. Khairullin R.R. Demographic behaviour of the population in contemporary conditions (on the materials of the Republic of Tatarstan. Author's abstract of the thesis for the degree of candidate of sociological sciences. Saratov – 2012 /http://dissers.ru/1sotsiologiya/demograficheskoe-povedenie-naseleniya-sovremennih-usloviyah-na-materialah-respubliki-tatarstan-specialnost-22-00-03-ekonomicheskaya-sociologiya.php

3. Kratochvil C. The main types of family problems //Psychology and psychotherapy of family conflicts. / Edited by D.Y. Raigorodsky. Samara: Bakhrakh-M.: 2003. C. 135.
4. Hunger S.I. Family stability: sociological and demographic aspects. SPb, TOO TK «Petropolis», 1984.
5. Lomonosov M.V. Works on Russian history, socio-economic issues and geography 1747–1764. The complete works in 11 vol. Vol. 6. Pp. 381–403. URL: http://www.zasn.ru/documents/pismo_lomonosova

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 И ПРОГНОЗ БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются тенденции современных демографических процессов в Казахстане. Отмечаются такие вызовы, как первые признаки старения населения, а также изменения в развитии основных демографических показателей, возникающие вследствие пандемии. Авторами представлен прогноз основных параметров движения населения в городской и сельской местности, полученный методом экстраполяции.*

Ключевые слова: демография, Казахстан, пандемия, миграция, регионы, прогноз.

С момента обретения суверенитета демографические процессы в Казахстане отличались большой динамичностью. В начале 1990-х годов они складывались на фоне социально-экономического кризиса и носили негативный характер. Основной причиной уменьшения численности населения стали в первую очередь миграционные факторы, связанные с широкомасштабной эмиграцией. Только в 1991-1999 гг. страну покинули более 2,6 млн человек, на 38,5% произошло снижение рождаемости, на 9,75% вырос уровень смертности, естественный прирост населения снизился с 218,8 тыс. в 1991 году до 72 тыс. человек в 1999 году или в 3 раза. С 1991 года по 2001 год отрицательное сальдо миграции не только полностью поглотило естественный прирост населения, но и превысило его более чем в 2 раза, так как естественный прирост населения в 1990-х годах сократился почти вдвое за счет резкого снижения числа родившихся и увеличения числа умерших по сравнению с предыдущим десятилетием [1].

В период 2003-2014 гг. улучшение социально-экономических условий и рост благосостояния населения обусловили повышение рождаемости и снижение смертности в целом. Экономический подъем в Казахстане и связанное с этим расширение возможностей рынка труда привели к сокращению темпов отъезда населения из республики. Стремительно сокращающееся в 2003 г. сальдо миграции в 2004 г. впервые показало положительные результаты. В течение 2004-2011 годов число иммигрантов, прибывающих в республику, превышало число эмигрантов. На протяжении 2004-2007 годов – периода быстрого экономического роста в Казахстане наблюдалась самая большая чистая иммиграция – почти 70 тыс. человек.

В последующие годы важным приоритетом государственной политики страны стало поддержание устойчивых демографических показателей и интенсивности воспроизводства. К 2021 году численность населения уже достигла 19 млн человек.

Вместе с тем, в настоящее время Казахстан сталкивается с новыми демографическими вызовами, требующими все более эффективных решений со стороны государства. За последние 10 лет в структуре населения происходит сокращение доли населения трудоспособного возраста при увеличении доли старше и особенно моложе трудоспособного возраста. Другими словами, страна находится на начальной стадии демографического старения. При этом, рост доли пожилых людей будет сопровождаться сокращением доли детского населения, в частности, к 2050 году ожидается уменьшение этого показателя с 29 до 23%.

Совершенно очевидно, что уже сегодня необходимо предусматривать и те изменения тенденций демографических процессов, которые произойдут вследствие

пандемии COVID-19. В мировой науке в настоящее время исследуется множество вопросов о ее влиянии. Ученые говорят о появлении демографического феномена как «постпандемическое население» или «поколение короны». Исследуется влияние пандемии на дальнейшую продолжительность жизни, миграцию, развитие городов и поселений, этносов [5], социальное неравенство и бедность [4], возможности получения образования для молодежи, психическое здоровье, поведение, доступ к здравоохранению, на медико-демографические процессы в разных возрастных группах, избыточной смертности [2,3] и др.

Пандемия COVID-19 нанесла значительный демографический и гуманитарный ущерб человечеству в целом и отдельным странам в частности. Реальные последствия пандемии могут быть оценены по прошествии определенного времени и при условии доступности и прозрачности данных. Очевидно, что пандемия затронула многие важнейшие аспекты жизни человечества – образ жизни, поведение в социуме, жизненные ценности, представление о безопасном жизненном пространстве.

Первые случаи COVID-19 в Казахстане были подтверждены в марте 2020 года, а к концу года зафиксировано 201196 случаев, умерло 1761 человек. Введение жесткого локдауна во всех регионах Казахстана позволило несколько отсрочить рост заболеваемости, однако вызвало ряд негативных социально-экономических последствий: потери рабочих мест, ухудшения условий работы для малого бизнеса, ограничение доступности важных социальных услуг, в том числе здравоохранения. Летом 2020 года, ставшим одной из наиболее драматичных страниц в развитии пандемии в Казахстане, в результате резкого всплеска заболеваемости страна столкнулась с нехваткой медицинского персонала, больничных коек, медицинских препаратов и специального оборудования. Потребовалось повторное введение жестких карантинных мер, что привело к стабилизации ситуации с сентября до конца 2020 года. Очередной рост заболеваемости отмечен в марте 2021 года с распространением новых штаммов вируса. С июня по сентябрь в стране фиксировалось ежедневно около 8000 случаев заражения. Всего с начала пандемии заболели 1,39 млн. человек, 18989 с летальным исходом. Согласно данным Worldometers, Казахстан занимает 38 позицию из 223 стран по заболеваемости COVID-2019, что говорит о чрезвычайно высоком уровне заболеваемости для страны с низким уровнем плотности населения. При этом 44% заболевших приходится на два мегаполиса – города Алматы и Нур-Султан, а также на Карагандинскую область (Рисунок 1). Среди городского населения 50,2% смертей приходилось на 5 регионов – г. Алматы (14,4%), Карагандинскую (12,7%), Восточно-Казахстанскую области (10,3%), г. Шымкент (6,7%), г. Нур-Султан (6,1%). В сельской местности 45% смертей пришлось на три области – Алматинскую (19%), Туркестанскую (16%), Восточно-Казахстанскую (10%; рис. 1).

Пандемия сильно отразилась на многих демографических показателях Казахстана. Снизился коэффициент естественного прироста населения, коэффициент брачности, однако снизилась детская смертность (7%), разводимость (63%). Изменилась динамика миграционных процессов: впервые за последние семь лет отмечено сокращение количества выезжающих. Эксперты отмечают, что пандемия коронавируса могла стать причиной отложенной миграции.

Сложившаяся ситуация диктует необходимость научно обоснованных прогнозов основных параметров движения населения с целью использования для анализа перспектив развития в самых разных сферах, поскольку население является как основным производителем товаров и услуг, так и основным потреби-

телем всех ресурсов. Прогнозирование направлений развития демографических процессов дает основания для определения «узких мест» в социальной сфере и экономике.

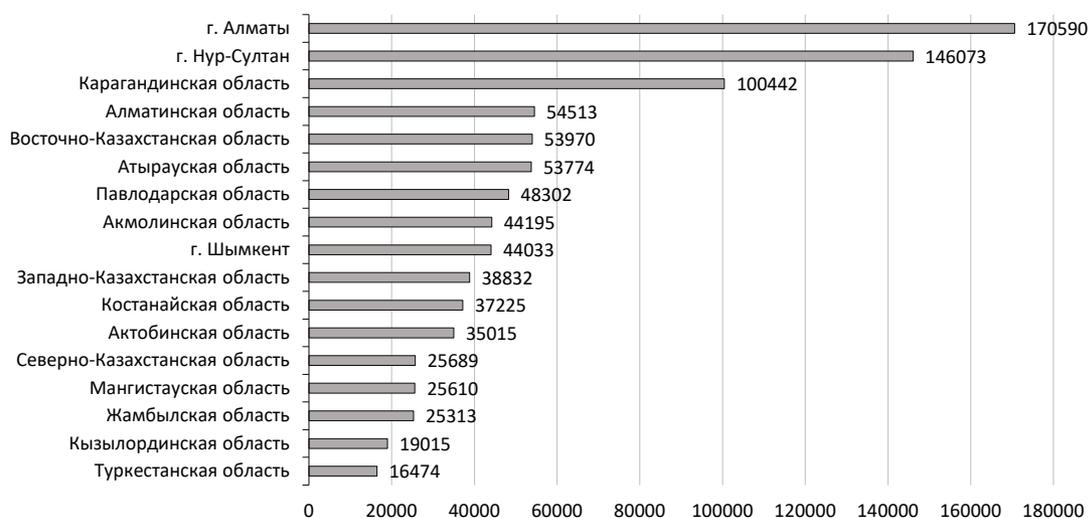

Рис. 1. Заболеваемость COVID-19 по регионам, человек

Источник: составлено по данным www.ourworldindata.org

В Казахстане за последнее десятилетие наметилась тенденция,стораживающая специалистов, в части замедления рождаемости, причиной которых являются следующие факторы.

1. Последние годы характеризуются снижением показателей в связи с низкой рождаемостью в 1991-2003 годах, так как после одного поколения не произошла замена материнских поколений дочерьми. Данная тенденция может продолжаться до 2050-х годов. В соответствии с уменьшением числа женщин фертильного возраста, число детей, родившихся по очередности первыми и вторыми, уменьшилось. Эта тенденция продлится до 2025 года, а число детей, родившихся по очередности третьими, будет сокращаться с 2025 года. С 2030 года произойдет сокращение численности детей, рожденных четвертыми, пятыми и более, по очередности. Из этих тенденций следует, что сейчас в стране наблюдается незначительный рост рождаемости, связанный с увеличением рождаемости третьего ребенка и более по очередности.

2. Влияние сложившейся этнодемографической ситуации в северных регионах и г. Алматы способствует высокой тенденции роста населения за счет внутренней миграции. В связи с чем в перспективе следует предусмотреть вышеуказанный фактор, благоприятно влияющий на увеличение численности населения г. Алматы с повышением показателей рождаемости.

3. Продолжается внутренняя миграция со всех регионов в два крупных города – Алматы и Нур-Султан, то есть миграция типа село-город. В результате в селах уменьшилась численность женщин фертильного возраста, хотя спрос на многодетность в селе выше, чем в городе, так разница в спросе в 2014-2019 годах соста-

вила два раза. В результате изучения демографических процессов в Казахстане в целом нами установлено, что в перспективе демографический рост возможен только за счет четырех и более детей, рожденных по очередности. Поэтому, поскольку тренд демографического роста может быть достигнут только за счет сельского населения, необходимо более детально изучить причины миграции из села в город и сложившуюся социальную ситуацию в сельских территориях в контексте демографической тенденции.

Оценку динамики и региональных различий рождаемости позволяет получить использование суммарного коэффициента рождаемости, характеризующего среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю ее жизнь при сохранении существующих уровней рождаемости в каждом возрасте. Он представляет собой число детей, которое может родить женщина, если она проживет до конца своего детородного возраста и будет рожать детей в соответствии с действующим возрастным коэффициентом рождаемости. Величина суммарного коэффициента рождаемости существенно различается по областям и городам Казахстана (рис. 2).

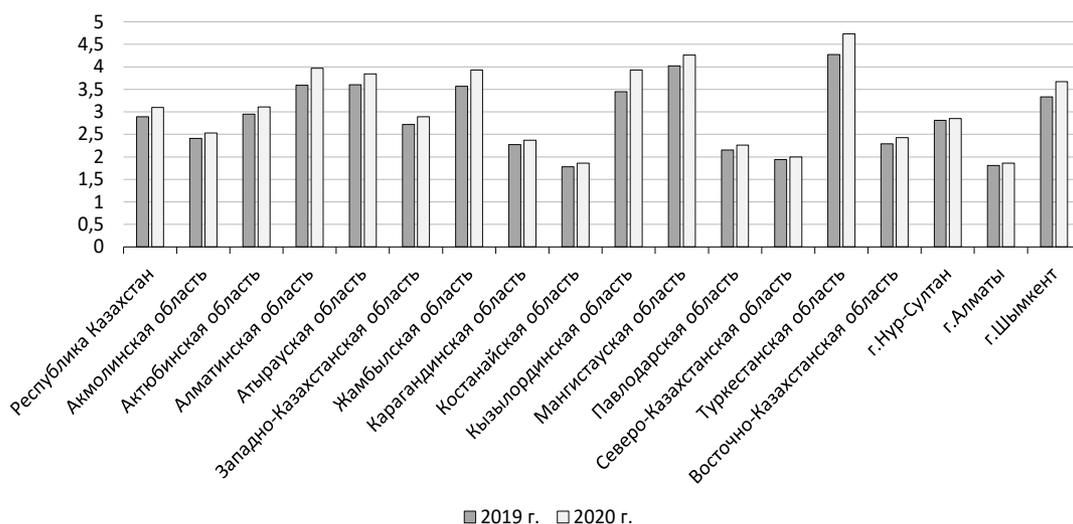

Рис. 2. Суммарный коэффициент рождаемости в регионах Казахстана

Источник: составлено по данным <https://countrymeters.info/ru/Kazakhstan>

Анализ суммарного коэффициента рождаемости в областях и городах Казахстана в 2020 году показал, что наибольшая его величина зафиксирована в Туркестанской области (4,73). Почти в два раза меньше она в Костанайской области (1,86), Северо-Казахстанской области (2,00) и городе Алматы (1,86), т.е., северные регионы отличаются наименьшими значениями суммарного коэффициента рождаемости, в то время как наибольшие его значения отмечаются также в Мангистауской, Алматинской, Кызылординской, Жамбылской, Атырауской областях и в городе Шымкент, где величина суммарного коэффициента рождаемости значительно превышает среднереспубликанское значение.

В условиях низкой смертности для простого замещения поколений суммарный коэффициент рождаемости должен быть на уровне 2,33. При этом, важно учитывать, что суммарный коэффициент рождаемости выше 2,4 считается высоким, а ниже 2,15 низким.

Коэффициент суммарной рождаемости в среднем по Казахстану составил в 2020 году 3,13, достигнув наибольшего значения за период с 1999 года, и увеличившись за этот период на 1,74. Величина этого индикатора подтверждает наблюдаемый в Казахстане естественный прирост населения.

Наиболее приближенные оценки будущей численности населения с помощью метода экстраполяции можно получить посредством обобщающих показателей динамики: среднего абсолютного прироста, среднего темпа роста и среднего темпа прироста.

Прогнозирование численности населения на перспективу можно определить по формуле:

$$НП=НФ+ПСП\times t\pm m \quad (1)$$

где: НП – прогнозируемая численность, населения, чел; НФ – численность населения на начало планируемого периода, чел.; ПСП – средний абсолютный прирост, чел; t – число лет, на которые прогнозируется расчет; m – ошибка прогноза каждого года (1%).

При прогнозировании численности населения в качестве исходных были использованы данные Бюро по национальной статистике за 2019 и 2020 годы. Методом экстраполяции были произведены расчеты численности населения на перспективу в городской и сельской местности. Расчеты прогнозирования численности населения на перспективу представлены в таблице.

Прогнозирование численности населения на перспективу

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
2022	18962828±189628	11211073±112111	7751756±77518
2025	19212658±768506	11390163±455607	7822495±312900
2030	19629040±1766614	11688646±1051978	7940394±714635
2035	20045423±2806359	11987129±1678198	8058293±1128161
2040	20461805±3887743	12285613±2334266	8176192±1553477
2045	20878188±5010765	12584096±3020183	8294091±1990582
2050	21294570±6175425	12882580±3735948	8411990±2439477

На численность населения также могут повлиять внутренние и внешние политические решения, социально-экономическая ситуация и т.д., что может увеличить или уменьшить численность населения Казахстана.

Решение демографических проблем требует разработки государственных программ на новой научной основе. При этом для улучшения демографической ситуации в стране следует повысить интерес к селу через развитие сельской территории городского типа с развитой внутренней инфраструктурой, развитие агломераций без ориентации населения в целом на крупные города. В условиях современного инновационного развития важно развивать все поселения, входящие в агломерацию, таким образом, чтобы стихийное, движение ресурсов с периферии уступило место целенаправленному возвращению ей возможности социально-экономического и культурного прогресса. Только при грамотном управлении процессами развития территорий можно добиться положительного эффекта и обеспечить высокий уровень качества жизни и благосостояния населения, создать комфортную среду для ведения бизнеса, что обеспечит конкурентоспособность как регионов, так и страны в целом.

Благодарность

Исследование проведено в рамках Программы целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан ИРН BR10965247 «Исследование факторов, особенностей и динамики демографических процессов, миграции, урбанизации в Казахстане, разработка цифровых карт и прогнозов».

Список литературы

1. Чуланова З.К. Внешняя миграция населения Казахстана за годы независимости // The scientific heritage (Budapest, Hungary). 2021. Vol 2. No 76. С. 37-45. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-76-2-37-45
2. Arnault L., Jusot F. Renaud T. Social Inequalities in Access to Healthcare among the Population Aged 50+ years During the COVID-19 Pandemic in Europe. SHARE Working Paper Series 58-2021. Munich Center for the Economics of Aging (MEA). Munich, 2021. DOI: 10.17617/2.3289765
3. Balbo N., Kashnitsky I., Melegaro A., Meslé F., Mills M.C., Valk D. Demography and the Coronavirus Pandemic. Population and Policy. Brief No25, May 2020. URL: population-europe.eu
4. Dasgupta S, Emmerling J. COVID-19 lockdown led to an unprecedented increase in inequality. Research Square, 2021. DOI: 10.21203/rs.3.rs-191155/v1
5. Li G., Wang F., Quan S.S. The impact of COVID-19 on the protection of rural traditional village. // Journal of Intelligent & Fuzzy Systems. 2020. № 39(6). P. 8685-8693. DOI: 10.3233/JIFS-189264

Информация об авторах

Спанкулова Лазат Сейткадиевна (Казахстан, Алматы) – доктор экономических наук, доцент, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71; e-mail: spankulova@mail.ru).

Чуланова Зауре Казбековна (Казахстан, Алматы) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики КН МОН РК (050010, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29, e-mail: zaure.ch@mail.ru).

Spankulova L.S., Chulanova Z.K.

MODERN TRENDS IN DEMOGRAPHIC PROCESSES: THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC AND THE FORECAST FOR FUTURE DEVELOPMENT

Abstract. *The article discusses the trends of modern demographic processes in Kazakhstan. Challenges such as the first signs of an aging population are noted, as well as changes in the development of key demographic indicators arising from the pandemic. The authors present a forecast of the main parameters of the movement of the population in urban and rural areas, obtained by extrapolation. The study was carried out within the framework of Program-targeted BR10965247 funding by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan “Research of factors, features and dynamics of demographic processes, migration, urbanization in Kazakhstan, development of digital maps and forecasts”.*

Key words: *demography, Kazakhstan, pandemic, migration, regions, forecast.*

Information about authors

Spankulova Lazat S. (Kazakhstan, Almaty) – Doctor of Economics, Associate Professor, Al-Farabi Kazakh National University (050040, Republic of Kazakhstan, Almaty, 71 Al-Farabi Ave., e-mail: spankulova@mail.ru).

Chulanova Zaure K. (Kazakhstan, Almaty) – Ph.D., Leading Researcher, Institute of Economics, CS MES RK (050010, Kazakhstan, Almaty, 29 Kurmangazy Str., e-mail: zaure.ch@mail.ru).

Bibliography

1. Chulanova Z.K. (2021). External migration of the population of Kazakhstan during the years of independence. *The scientific heritage*, Vol 2, No 76, 37-45. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-76-2-37-45
2. Arnault L., Jusot F. and Renaud T. (2021). Social Inequalities in Access to Healthcare among the Population Aged 50+ years During the COVID-19 Pandemic in Europe. *SHARE Working Paper Series 58-2021*. Munich Center for the Economics of Aging (MEA). Munich. DOI: 10.17617/2.3289765
3. Balbo N., Kashnitsky I., Melegaro A., Meslé F., Mills M.C., Valk D. (2020). Demography and the Coronavirus Pandemic. *Population and Policy*. Brief No25, May 2020 /population-europe.eu
4. Dasgupta S, Emmerling J. (2021). COVID-19 lockdown led to an unprecedented increase in inequality. *Research Square*, 2021. DOI: 10.21203/rs.3.rs-191155/v1.
5. Li G., Wang F., Quan S.S. (2020). The impact of COVID-19 on the protection of rural traditional village. *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*, 39(6), 8685-8693. DOI: 10.3233/JIFS-189264

Черняк Ю.Г., Шкурова Е.В, Кудревич М.А.

ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЕМ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19

Аннотация. В статье приводятся данные социологического исследования по вопросам реализации профилактических мер, направленных на борьбу с распространением COVID-19. Рассматривается динамика интенсивности выполнения профилактических мер населением и представителями разных стратегий социальной адаптации.

Ключевые слова: социальные практики, COVID-19, социальная адаптация, социальная установка, профилактические меры, вакцинация.

Мировая пандемия COVID-19 как вызов благосостоянию и здоровью человечества породила ряд ответных феноменов. Несмотря на попытки локализации коронавирусной инфекции, предпринимаемые субъектами государственного управления, учеными и медиками, население вынуждено адаптироваться к изменившимся условиям социальной среды. Усиливающееся необходимость следовать профилактическим мерам приводит к появлению новых форм «антиковидных» практик и их закреплению в общественном сознании. В этой связи научный анализ степени их принятия и особенности реализации приобретает особый интерес.

В ходе социологических замеров, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в марте и ноябре 2021 года¹ по вопросам распространения COVID19, которые и явились эмпирической базой данной работы, были выявлены стратегии социальной адаптации населения Беларуси к пандемии. Методологической основой их дифференциации является разработанная ранее модель типологии приспособления социальных субъектов к COVID19 [1]. В структуре полученной модели выделяются следующие стратегии: COVID-паническая, COVID-нормальная и COVID-диссидентская.

Результаты проведенных замеров показывают, что наиболее распространенной стратегией среди населения (71,4 % от числа всех респондентов в марте, 69,7 % – в ноябре) является COVID-нормальная адаптация (группа N). Основными ее характеристиками являются умеренный (чаще рационализированный) уровень тревожности, относительно регулярное отслеживание информации о COVID19, выполнение основных норм и мер профилактики, а также осознанное отношение к проблеме распространения инфекции. Второй по величине (18,8 % опрошенных и 17,9 % соответственно) стала COVID-паническая стратегия (группа P), которой свойственны повышенный или максимальный уровень тревожности, регулярное отслеживание информации о COVID19, часто избыточные выполнение норм и мер профилактики, а также неосознанно высокий страх перед COVID19. Наименьшую по величине группу (9,8 % респондентов и 12,4 % соответственно) составили представители COVID-диссидентской стратегии (группа D), для которой характерно преимущественное отсутствие тревожности и страха перед распространением инфекции, редкое обращение или прямой отказ от отслеживания информации о коронавирусе, пренебрежение или выполнение самых необходимых мер профилактики, а также осознанное игнорирование проблемы его распространения.

¹ Опросы проводились с использованием компьютеризированной системы CATI ASSO. Объем выборочной совокупности в каждом из замеров составил 1050 респондентов. Ошибка выборки составляла $\pm 3\%$.

Одной из форм успешной социальной адаптации к распространению коронавирусной инфекции является реализация профилактических мер. К их числу можно отнести ношение защитных (медицинских) масок; использование антибактериальной защиты (мытьё рук и использование антисептиков); ограничительные практики, включающие сокращение частоты посещения общественных мест и мест большого скопления людей, снижение регулярности встреч с социальным окружением и, в частности, с наиболее уязвимой в плане пандемии группы – пожилыми людьми; антиковидные медицинские практики (вакцинация).

Проведенное исследование показывает, что наиболее распространенными мерами профилактики COVID-19 среди белорусов являются защитные практики (табл. 1): ношение медицинских масок (в ноябре 2021 г. их реализовывали 85,4 % населения) и антибактериальная гигиена (82,7 % соответственно). Менее популярными являются ограничительные меры: сокращение частоты посещения общественных мест (46,0 %) и пользования общественным транспортом (38,5 %), снижение регулярности встреч с родственниками и друзьями (35,4 %) и пожилыми людьми (31,5 %). В рамках полугодовой динамики наблюдается значительное (в среднем порядка 10 процентных пунктов) снижение интенсивности выполнения указанных профилактических мер, что является следствием постепенного снижения актуальности проблемы распространения COVID-19 в оценках населения. Подобная динамика ставит вопрос о жизнеспособности данных практик в ситуации пост-COVID.

Нельзя не отметить, что практики антибактериальной гигиены, так же, как и ношение медицинских масок, несмотря на возможное игнорирование самосохранительных моделей поведения, по-прежнему реализуются подавляющим большинством населения. В первую очередь применение профилактических мер присуще представителям группы Р, в меньшей мере – представителям группы N. Для группы D, в сравнении с другими, характерна меньшая интенсивность использования защитных и антибактериальных практик и практически полное игнорирование ограничительных.

Таблица 1. Реализация профилактических мер населением Беларуси, %

	Март 2021				Ноябрь 2021			
	Население Беларуси	Группа Р	Группа N	Группа D	Население Беларуси	Группа Р	Группа N	Группа D
Регулярно мою руки, использую антисептик	91,7	99,8	94,7	54,5	82,7	98,3	84,0	53,1
Ношу медицинские маски в общественных местах	93,9	99,0	95,1	75,6	85,4	97,2	86,8	60,7
Ограничил(а) посещение торговых центров и досуговых мест	55,5	88,0	53,8	5,1	46,0	83,8	42,6	10,7
Реже пользуюсь общественным транспортом	39,7	67,4	36,6	9,1	38,5	70,3	34,6	14,3
Ограничил(а) общение с пожилыми людьми	46,1	80,1	43,2	1,7	31,5	68,5	26,5	5,8
Ограничил(а) встречи с друзьями/родственниками	48,2	87,4	43,2	9,5	35,4	77,1	30,2	4,1

При анализе механизмов закрепления тех или иных социальных практик среди населения важным аспектом является формирование социальной установки на их реализацию. Одним из факторов формирования социальной установки является конструирование моральной позиции в отношении какого-либо процесса или фе-

номена. В частности, для анализа возможности закрепления самосохранительных практик респондентам предлагалось ответить на вопрос об отношении к людям, пренебрегающим ношением масок и социальной дистанцией в общественных местах (табл. 2). Результаты исследования показывают, что более половины белорусов (ноябрь 2021 г. – 55,8 %) осуждало позицию пренебрежения защитными мерами со стороны других людей, еще 15,5 % респондентов – относилось безразлично, на отсутствие осуждения указало 26,6 % респондентов, а затруднились ответить – 1,3 %. В полугодовой динамике можно наблюдать незначительный рост доли тех респондентов, которые не выражают осуждение (на 4,3 %) и безразличие (на 3,1 %), а также снижение общественного порицания данного феномена на 8,2 %. Среди приверженцев различных типов стратегий высокая степень осуждения стабильно присуща представителям группы Р. Для представителей группы D, напротив, характерны индифферентность и игнорирование проблемы выполнения профилактических мер. При этом представители группы N демонстрируют приверженность идее порицания невыполнения профилактических мер, но нельзя не отметить тенденцию к росту отсутствия осуждения внутри группы.

Таблица 2. Оценка отношения к лицам, пренебрегающим ношением медицинской маски и соблюдением социальной дистанции, %

	Март 2021				Ноябрь 2021			
	Население Беларуси	Группа Р	Группа N	Группа D	Население Беларуси	Группа Р	Группа N	Группа D
Осуждаю	64,0	86,1	62,2	34,9	55,8	83,9	53,2	29,8
Безразлично	12,4	3,4	14,2	17,0	15,5	7,5	15,6	26,8
Не осуждаю	22,3	8,7	22,5	47,2	26,6	7,1	29,2	40,6
Затрудняюсь ответить	1,3	1,8	1,1	0,9	2,1	1,5	2,0	2,8

Одной из важнейших мер профилактики распространения COVID19 выступает вакцинация, отношение населения к которой является значимым показателем оценки взаимодействия с медицинской сферой. С апреля 2021 г. в Республике Беларусь началась массовая вакцинация населения российской и китайскими вакцинами. По данным пресс-центра Министерства здравоохранения Республики Беларусь по состоянию на март 2022 г чуть менее двух третей жителей Беларуси (5 382 тыс. человек) прошли полный курс вакцинации от коронавируса². Тем не менее, по-прежнему важными остаются вопросы формирования доверия к этой процедуре, позволяющей сформировать активный защитный иммунитет.

Результаты социологического замера, проведенного в ноябре 2021 г., указывают на в целом положительное отношение населения страны к вакцинации (табл. 3). В рамках полугодичного периода отношение белорусов к вакцинации существенно улучшилось: доля позитивных оценок увеличилась на 19,0 %, а негативных снизилась на 14,6 %. При этом даже у представителей группы D преобладание негативных оценок сменилось преобладанием позитивных.

² Более 5,38 млн белорусов прошли полный курс вакцинации против COVID-19 / БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/society/view/boleee-538-mln-belorusov-proshli-polnyj-kurs-vaktsinatsii-protiv-covid-19-492306-2022/> (дата доступа 25.03.2022).

Таблица 3. Оценка отношения к вакцинации от COVID19, %

	Март 2021				Ноябрь 2021			
	Население Беларуси	Группа Р	Группа N	Группа D	Население Беларуси	Группа Р	Группа N	Группа D
Положительно	43,7	47,2	45,2	26,4	62,7	69,9	63,9	45,6
Отрицательно	42,8	28,5	43,6	64,8	28,2	17,7	29,4	36,0
Затрудняюсь ответить	13,5	24,3	11,2	8,8	9,1	12,4	6,7	18,4

Несмотря на принимаемый в Республике Беларусь комплекс мер, в белорусском обществе присутствуют негативные настроения в отношении вакцинации от коронавирусной инфекции (в данном случае речь идет о так называемых «антиваксерах»). Следует отметить, что отказ от вакцинации обусловлен не только внутренними убеждениями против прививок. Спектр мотивационных причин в данном случае несколько шире. Так, среди респондентов, нежелающих проходить вакцинацию, основными причинами отказа являются опасения вероятности ухудшения здоровья (47,9 %), недоверие к доступным для белорусов вакцинам (35,7 %), наличие медицинских противопоказаний (26,1 %), уверенность в неэффективности вакцинации (22,8 %).

Показательной с точки зрения закрепления установки на прохождение вакцинации является оценка отношения к людям, ее избегающим (табл. 4). На положительное отношение указали 9,5 % респондентов, на отрицательное – 24,0 %. В свою очередь большинству населения страны присуще нейтральное отношение (59,0 %). При этом отрицательное отношение к отказу от вакцинации в большей степени присуще представителям групп Р и N, положительное – группы D.

Таблица 4. Оценка отношения к людям, нежелающим проходить вакцинацию, %

	Ноябрь 2021			
	Население Беларуси	Группа Р	Группа N	Группа D
Положительно	9,5	7,3	8,2	20,4
Нейтрально	59,0	52,9	61,5	53,7
Отрицательно	24,0	29,9	24,3	13,5
Затрудняюсь ответить	7,5	9,9	6,0	12,4

Результаты проведенного исследования показывают, что в качестве общей тенденции адаптации населения к распространению коронавирусной инфекции выступает снижение интенсивности применения защитных и ограничительных практик. В первую очередь это относится к посещению общественных мест и взаимодействию с социальным окружением. При этом соблюдение масочного режима и антисептической гигиены сохраняет актуальность до сих пор. Этим, вероятно, обусловлено и формирование относительно устойчивой негативной моральной оценки в отношении лиц, пренебрегающих защитными мероприятиями.

В наибольшей степени выполнение профилактических мер присуще представителям COVID-панической адаптационной стратегии, в несколько меньшей – последователям COVID-нормальной стратегии, которая по преимуществу отражает социальную норму поведения населения в целом. Для приверженцев COVID-диссидентской стратегии характерны меньшая интенсивность использования защитных практик и игнорирование ограничительных мер.

Как правило, белорусы придерживаются мнения о том, что сохранение собственного здоровья является личной проблемой каждого, в связи с чем доминирующей при оценке отношения к людям, нежелающим проходить вакцинацию, является нейтральная позиция. При этом наблюдается общий рост доверия к вакцинации как форме предотвращения заболеваемости коронавирусной инфекцией. Систематизация мотивационных механизмов отказа от вакцинации позволяет говорить о том, что основными формами стимулирования положительного отношения к вакцинированию являются повышение доверия к прививкам как медицинской процедуре, а также «развенчание мифа» о том, что вакцинация наносит вред здоровью.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г21КО-ВИД017 «Стратегии социальной адаптации населения Республики Беларусь в условиях распространения инфекции COVID-19»

Список литературы

1. Кудревич М.А. Стратегии социальной адаптации населения Республики Беларусь в условиях распространения COVID-19 // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 4–5 ноября 2021 г.) / НАН Беларуси, Институт социологии; ред.кол. : Безнюк Д.К. (гл. ред.) [и др.]. Минск: Медисонт, 2021. С. 349–352.

Информация об авторах

Черняк Юрий Геннадьевич (Республика Беларусь, Минск) – кандидат социологических наук, заместитель директора по научной и инновационной работе, Институт социологии НАН Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, к. 2; e-mail: sociologist@tut.by).

Шкурова Елена Валерьевна (Республика Беларусь, Минск) – кандидат социологических наук, заведующий Центром оперативных исследований, Институт социологии НАН Беларуси (220072 г. Минск, ул. Сурганова, 1, к. 2, e-mail: vogel_82@mail.ru).

Кудревич Максим Александрович (Республика Беларусь, Минск) – младший научный сотрудник, сектор аналитического обеспечения Центра оперативных исследований, Институт социологии НАН Беларуси (220072, г. Минск, Сурганова ул., 1, к. 2, e-mail: tsmok21@gmail.com).

Chernyak Yu., Shkurova A., Kudrevich M.

HEALTH PRESERVATION PRACTICES OF BELARUSIAN POPULATION IN THE CONDITIONS OF SPREADING THE COVID-19

Abstract. *The article presents sociological data on the implementation of preventive measures aimed at combating the spread of COVID-19. The dynamics of the intensity of implementing the preventive measures by the population and representatives of various strategies for social adaptation is considered.*

Key words: *social practices, COVID-19, social adaptation, social attitude, preventive measures, vaccination.*

Information about the authors

Chernyak Yury (Minsk, Republic of Belarus) – Candidate of Sociological Sciences, Deputy Director for Science and Innovation, Institute of Sociology, National Academy of

Sciences of Belarus (220072 Minsk. Surganova st., 1, building 2, room 503, tel. +37517-358-27-17, e-mail: sociologist@tut.by).

Shkurova Alena (Minsk, Republic of Belarus) – Candidate of Sociological Sciences, Head of Operational Research Center, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (220072 Minsk. Surganova st., 1, building 2, room 501, tel. +37517-275-03-18, e-mail: vogel_82@mail.ru).

Kudrevich Maxim (Minsk, Republic of Belarus) – junior researcher, Analytical Support Sector of the Operational Research Center, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (220072 Minsk. Surganova st., 1, building 2, room 501, tel. +37517-275-03-18, e-mail: tsmok21@gmail.com).

Bibliography

1. Kudrevich, M.A. Strategies for social adapting the population of the Republic of Belarus in the context of the spread of COVID-19 // Social knowledge in modern society: problems, patterns, prospects: materials of the II Intern. scientific-practical. conf. (Minsk, November 4–5, 2021) / National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Sociology; ed.col. : Beznyuk D.K. (editor-in-chief) [and others]. Minsk: Medisont, 2021. P. 349–352.

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ

Аннотация. Современное возобновление роста смертности регионов СЗФО происходит под влиянием деформаций возрастной структуры, старения населения и пандемии COVID-19. Отмечается негативная динамика показателей смертности населения от болезней органов кровообращения и органов дыхания.

Ключевые слова: население, смертность, причины смерти, регион, Северо-Западный федеральный округ.

Мероприятия по снижению смертности являются главной задачей государственной демографической политики в Российской Федерации. Перепады в численности умерших на протяжении полувека определялась старением населения регионов и повышением интенсивности смертности в разные периоды времени. С 2003 года в стране наметилась тенденция снижения показателей смертности. Она действовала в течение 16 лет, несмотря на незначительные повышения их уровней в отдельные годы. В 2019 году в России было зарегистрировано наименьшее число смертей, начиная с 1992 г. Эта благоприятная тенденция была прервана в 2020 году. Так, в Северо-Западном Федеральном округе в 2020 году резко повысились значения коэффициентов смертности населения всех его регионов (рис. 1). В 2019 году по сравнению с 2020 годом это увеличение составило от 1,4 умерших на 1000 человек в Калининградской области до 2,6 умерших в Санкт-Петербурге.

Рис. 1. Общие коэффициенты смертности населения регионов Северо-Западного федерального округа в 2000-2020 гг. (на 1000 человек населения)¹

¹ Центральная база статистических данных. Росстат. <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>. Естественное движение населения Российской Федерации; Статистический бюллетень / Росстат. М., 2011-2021. С. 9.

Частично наблюдаемое возобновление роста смертности объясняется старением населения и действием деформаций возрастной структуры: в старшие возрастные группы вступило многочисленное поколение родившихся в 1950-е годы. При этом регионы, в наибольшей степени затронутые процессом старения, имеют высокие уровни показателей смертности. В СЗФО к ним относятся Псковская и Новгородская области (рисунок 1). Псковская область неизменно лидирует в Российской Федерации по значению коэффициента смертности населения: в 2020 году он составил 19 умерших на 1000 человек населения.

Значительное влияние на рост смертности в 2020 году оказала пандемия COVID-19. В целом по России на долю умерших от коронавирусной инфекции за этот год пришлось 6,8 % от общего числа умерших². Отметим, что в настоящее время наблюдаются большие различия в публикуемых данных по этой причине смерти в разработках нескольких официальных источников. Так, по оперативным статистическим данным за январь-декабрь 2020 года, доля умерших с установленным диагнозом COVID-19 колебалась от 0,5 % в Башкортостане до 19,6 % в Санкт-Петербурге [1]. По официальной публикации Петростата, эта доля в Санкт-Петербурге составила за год 15,5 %³.

Материалы 2020 года фиксируют значительные различия в смертности от коронавирусной инфекции по полу и возрасту. Так, подавляющее число умерших составляли лица пожилого возраста. В целом по России в 2020 году 71,7 % умерших приходилось на возрастные группы старше 65 лет⁴.

Мужская смертность от данной причины выше, чем женская. В Санкт-Петербурге в 2020 году от коронавирусной инфекции, вызванной COVID-19, на 100 тысяч мужчин умерло 229,7 мужчин, а на 100 тысяч женщин 195,8 человек⁵. В трудоспособном возрасте уровень смертности был ниже, но различия по полу выражены более резко. В Санкт-Петербурге в этой возрастной группе число умерших мужчин от COVID-19 было в 3,4 раза выше числа умерших женщин. На 100 тысяч человек в трудоспособном возрасте в 2020 году у мужчин-петербуржцев приходилось 72,3 умерших, а у петербурженок – 22,1 умерших от коронавирусной инфекции⁶.

Поскольку действие пандемии продолжается до настоящего времени, окончательные выводы о ее последствиях можно будет сделать на статистических материалах за 2020-2022 годы. Помимо официальных публикаций Росстата, для анализа данных и расчета показателей нужно будет привлекать материалы Всероссийской переписи населения 2021 года, по которым будет уточнена численность населения страны и ее отдельных частей.

В 2020 году снижение числа умерших отмечено только в возрасте до 1 года. Позитивная тенденция динамики младенческой смертности очень важна, поскольку ее показатели являются характеристикой благополучия государства.

² Рассчитано по: Естественное движение населения Российской Федерации. Статистический бюллетень / Росстат. М., 2021. С. 34.

³ Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Статистический сборник / Петростат. СПб., 2021. С. 37.

⁴ Рассчитано по: Естественное движение населения Российской Федерации. Статистический бюллетень / Росстат. М., 2021. С. 34.

⁵ Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Статистический сборник / Петростат. СПб., 2021. С. 39-40.

⁶ Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Статистический сборник / Петростат. СПб., 2021. С. 43-44.

Изменение в структуре смертности по другим причинам в 2020 году происходило в населении регионов разнонаправленно. Отметим негативную динамику показателей смертности населения по двум причинам – болезней органов кровообращения и органов дыхания. Болезни органов кровообращения являются лидирующей причиной смерти населения страны. Уровень смертности 7 из 11 регионов СЗФО превышают общероссийские показатели.

В 2020 году по сравнению с 2019 годом значения коэффициента смертности от болезней системы кровообращения выросли во всех регионах СЗФО (кроме Республики Карелия, где они не изменились). Наибольшие значения увеличились в Псковской области с 1070,1 в 2019 до 1213 умерших на 100 тысяч человек населения в 2020 году и в Новгородской области соответственно с 815 до 913,6 умерших. Наименьшие показатели отмечались в Ленинградской области. Они также увеличились с 504,3 в 2019 году и 566,7 умерших на 100 тыс. чел. в 2020 году (рис. 2).

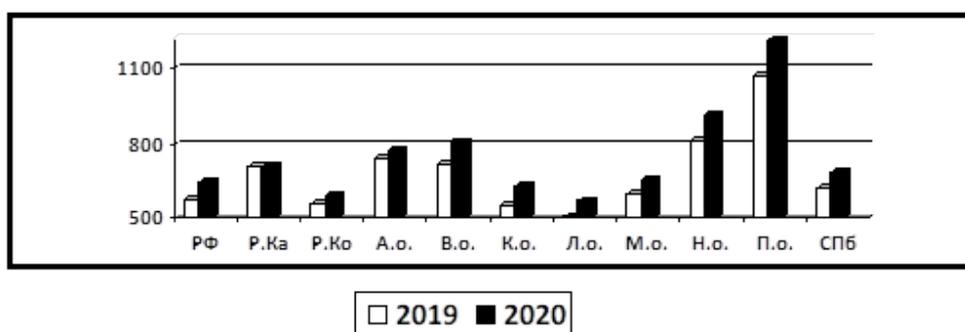

Рис. 2. Коэффициенты смертности населения регионов СЗФО от болезней системы кровообращения в 2019 и 2020 гг. (на 100 тысяч населения)⁷

Обозначения: **РФ** – Российская Федерация, **Р.Ка** – Республика Карелия, **Р.Ко** – Республика Коми, **А.о.** – Архангельская область, **В.о.** – Вологодская область, **К.о.** – Калининградская область, **Л.о.** – Ленинградская область, **М.о.** – Мурманская область, **Н.о.** – Новгородская область, **П.о.** – Псковская область, **СПб** – Санкт-Петербург.

Смертность от болезней органов дыхания также выросла в регионах СЗФО. Общероссийский уровень в 2020 году превышали показатели трех регионов – Республики Карелия, Новгородской и Псковской областей. Причем, в Новгородской области коэффициент смертности от болезней системы кровообращения в 2020 году по сравнению с 2019 годом почти не изменился, а в двух других регионах он вырос значительно. В Республике Карелия он увеличился за период с 2019 по 2020 год с 50,6 до 93,5 умерших на 100 тысяч человек, а в Псковской области с 65,9 до 105,4 умерших на 100 тыс. населения. Наименьшие показатели смертности по этой причине зафиксированы в Санкт-Петербурге: 19,2 в 2019 году и 25,9 умерших на 100 тыс. человек населения в 2020 году (рис. 3).

⁷ Естественное движение населения Российской Федерации. Статистический бюллетень / Росстат. М., 2020-2021. С. 25.

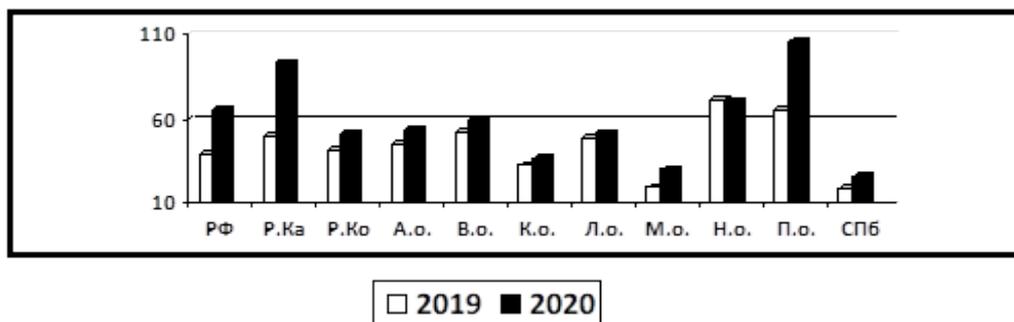

Рис. 3. Коэффициенты смертности населения регионов СЗФО от болезней органов дыхания в 2019 и 2020 гг. (на 100 тысяч населения)⁸

Отмеченные тенденции в изменении структуры и величины смертности должны найти адекватные меры в социальной, экономической и демографической политике регионов. Недопущение дополнительных потерь населения вследствие изменившейся эпидемиологической обстановки и долговременных воздействий сложившейся возрастной структуры поможет сохранить накопленный региональный человеческий капитал.

Благодарность

Статья подготовлена в ИПРЭ РАН в рамках исследований по Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2021-2023 годы. Тема НИР «Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к устойчивому развитию» АААА-А21-121011190093-2.

Список литературы

1. Щербакова Е. Предварительные демографические итоги 2020 года в России // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0891/barom01.php>

Информация об авторе

Чистякова Наталия Евгеньевна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская 38; e-mail: nat@nt1924.spb.edu).

Chistyakova N.

MORTALITY IN THE REGIONS OF THE NORTH-WESTERN DISTRICT OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE PRESENT SITUATION

Abstract. *The current resumption of mortality growth in the NWFD regions is influenced by age structure deformations, population aging and the COVID-19 pandemic. There is a negative dynamics of mortality rates from diseases of the circulatory and respiratory organs.*

Key words: *population, mortality, causes of death, region, North-Western Federal District.*

⁸ Естественное движение населения Российской Федерации. Статистический бюллетень / Росстат. М., 2020-2021. С. 25.

Information about author

Chistyakova Nataliia E. (Russia, Saint Petersburg) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher at the Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences (38 Serpukhovskaya str., Saint Petersburg, 190013; nat@nt1924.spb.edu).

Bibliography

1. Shcherbakova E. Preliminary demographic results of 2020 in Russia // Demoscope Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0891/barom01.php>

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОМУ СОЦИУМУ

Аннотация. *Состояние демографических показателей в Самарской области свидетельствует, что внутренние и внешние резервы увеличения численности населения в Самарской области исчерпаны. Меняются и репродуктивные установки населения. Наметилась устойчивая тенденция на рождение одного ребенка в семье.*

Ключевые слова: *регион, численность населения, рождаемость, смертность, миграция, репродуктивные установки.*

Демографическое состояние населения является важнейшим ресурсным потенциалом страны и ее регионов. Динамика численности населения, его состав, расселение оказывают существенное влияние на экономическое и социокультурное развитие страны и регионов, одновременно является отражением их состояния и направления развития. Народонаселение – индикатор социально-экономических, демографических, социокультурных и геополитических процессов, происходящих в стране и жизни общества.

В XX в. Россия во всех ее территориально-политических измерениях понесла катастрофические демографические потери в двух мировых войнах, гражданской войне и репрессиях 20-30-х гг.

Первая перепись населения 1897 г. зафиксировала численность населения России в 67 473 тыс. человек. Городское население составляло 15%. До 1914 г. население устойчиво росло и составило 89 902 тыс. человек с долей городского населения 17%. I Мировая и последующая за ней Гражданская война оказали существенное влияние, как на численность населения, так и на его расселение. По данным 1923 г. численность населения России составила 87 775 тыс. чел. с уровнем урбанизации 15%. После окончания I Мировой и Гражданской войны численность населения росла и к 1941 г. составила 111 359 тыс. чел. Доля городского населения – 35%. II Мировая война оказала существенное влияние на демографическое состояние страны. Так по данным 1950 г. численность населения составила 101 438 тыс. чел. с долей городского населения 43%¹.

Начиная с 1946 г по 1992 г. численность населения в Российской Федерации устойчиво росла. Население России за этот период увеличилось почти на 45 млн человек. Основным источником роста населения в 1946–1975 гг. был естественный прирост и это при том, что со второй половины 50-х гг. XX в. наблюдается миграция населения за пределы Российской Федерации связанная с большими стройками в национальных республиках, С конца 70 х гг. XX в. начинается обратный процесс.

К 1957 г. население России составило 114 017 тыс. чел. Городское население сравнялось с сельским населением. Наивысший показатель численности населения России достиг к 1992 г. – 148 704 тыс. чел. при уровне урбанизации 74%.

В течение данного периода произошли существенные изменения в составе самого населения. Становление индустриального технологического уклада оказало кардинальное влияние на расселение населения. Городское население и городской образ жизни стали преобладающими. Существенно улучшились уровень жизни и

¹ Население России за 100 лет (1897-1997): стат. сб. / Госкомстат России. М., 1998. 22 с. С. 31.

жилищные условия населения. Вырос уровень образования. Произошли изменения и в самой семье: переход от патриархального к современному нуклеарному типу. С 60-х гг. XX в. сформировалась двухдетная модель семьи.

В начале 90-х гг. XX в. Россия вступила в полосу острейшего демографического кризиса. Естественная убыль населения обусловлена несколькими причинами: основная причина – радикальные экономические преобразования, следствием которых стало снижение уровня и качества жизни населения, потеря уверенности в будущем и социокультурный шок. В 1990-е годы в детородный (репродуктивный) возраст вступило малочисленное поколение детей тех, кто родился в 1940-е годы (второе «эхо войны»).

Несмотря на снижение всех социально-экономических показателей естественный прирост сохранился только в Дагестане, Чечне, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Ингушетии, Калмыкии, Туве, Якутии, Республике Алтай, в Тюменской области и в некоторых северных автономных округах.

Начиная со второй половины XX в. в России происходит устойчивое сокращение уровня рождаемости. Внутрисемейное регулирование деторождения получает всеобщее распространение, превращается в неотъемлемую часть образа жизни людей и становится главным фактором, определяющим уровень рождаемости. Начало этого процесса приходится на послевоенные годы и продолжается в наши дни, причем с начала 90-х годов XX в. на рождаемость также оказывают влияние резкие сдвиги в политической и социально-экономической жизни страны.

Снижению уровня рождаемости 50-х годах XX в. в немалой степени способствовала отмена в 1955 г. запрета на искусственное прерывание беременности. В следующее десятилетие динамика показателей рождаемости отражала продолжение перехода к новому типу репродуктивного поведения.

С конца 60-х годов XX в. в России модель семьи, имеющая 2 детей, стала преобладающей. Рождаемость снизилась до уровня немного более нижнего, чем необходимо для обеспечения в будущем простого воспроизводства населения (для простого воспроизводства населения суммарный коэффициент рождаемости должен составлять 2,14–2,15). При этом суммарный коэффициент рождаемости городского населения был в пределах 1,7–1,9. В сельской местности уровень рождаемости был более высоким: от 2,4 до 2,9 рождения на 1 женщину.

С 1995 по 2009 гг. в стране происходит устойчивая убыль численности населения до 142737,2. На численность населения на фоне отрицательного естественного прироста активно влияют миграционные процессы, которые в определенной степени компенсируют естественную убыль. С 2009 г. начинается медленный устойчивый рост численности населения до 146780,7 к 2019 г. за счет миграции, замедлении темпов естественной убыли населения и геополитического реформирования территории страны. Предпринятые государством меры по стимулированию рождаемости привели к тому, что в 2013-2015 гг. наблюдался положительный естественный прирост населения. Однако с 2016 г. опять начинается естественная убыль населения: -2,3 в 2016, -135,8 в 2017 и -224,6 в 2018 г. [1]

Аналогичные процессы происходят и в Самарской области. Численность населения Самарской области в XX веке постоянно росла. За 30 лет (с 1959 по 1988 гг.) общая численность населения возросла в среднем на 334 850 человек за десятилетие. Однако темпы прироста сокращались. Если в 1959 г. численность населения области составляла 2 258,4 тыс. человек, то в 1989 г. она выросла до 3 262,9 тыс. человек и

продолжала расти вплоть до 1996 г., когда население области достигло максимума – 3 306,8 тыс. человек.

Главной причиной роста населения в Самарской области в пореформенные 90-е годы XX в. была миграция населения из других регионов России и стран СНГ.

В 90-е гг. XX в. наибольший прирост населения в области был в 1995 г. – 21 946 человек. Начиная с 1997 г. наблюдается устойчивая тенденция убыли населения области вплоть до 2010 г., когда численность населения составила 3 170,1 тыс. человек.

Наибольшая убыль населения была в 2002 г. – 21 768 человек. Только с 2011 г. наблюдается положительная динамика. Население за этот год выросло на 45,4 тыс. человек.

Население Самарской области на 1 января 2011 г. составляло 3 215,5 тыс. человек. В дальнейшем наблюдается устойчивая тенденция сокращения численности населения. На 1 января 2015 г. – 3212,7 тыс. чел., 2016 г. – 3206 тыс. человек, 2018 г. – 3193 тыс. человек, 2019 г. – 3183 тыс. человек, 2020 г. – 3179 тыс. человек, 2021 г. – 3154 тыс. человек.

Численность населения Самарской области с 1990 по 2021 гг. сократилось на 93 тыс. человек. Такое небольшое значение сокращения численности населения обусловлено достаточно высоким уровнем миграции в Самарскую область, потенциал которой в настоящее время практически исчерпан. Данная тенденция сохранится и в будущем. Происходит сокращение численности населения и в двух крупнейших городах Самарской области – Самара и Тольятти. Причем темпы сокращения численности населения Тольятти значительно выше, чем Самары. Это обусловлено сложной социально-экономической ситуацией в Тольятти. Так если в 2011 г. население Тольятти составляло 720 тыс. человек, то в 2021 г. только 693 тыс. Это только данные официальной статистики, которые не учитывают трудовую миграцию за пределы г. Тольятти.

На протяжении последних 25 лет коэффициент рождаемости в Самарской области ниже среднего по Приволжскому Федеральному округу. Самарская область из 14 субъектов ПФО занимает на протяжении двадцати лет последние места. Наибольший спад рождаемости наблюдается в 2000 году, когда коэффициент рождаемости составил 7,9. В 2014 г. Самарская область достигла и даже превысила уровень 1990 г. по данному показателю. Наилучший коэффициент рождаемости в ПФО в Республике Башкортостан – 14,8 и, как следствие, 19-е место в Российской Федерации. Наихудший коэффициент рождаемости в Республике Мордовии – 10,0, и, как следствие, 82-е место в Российской Федерации.

По уровню смертности Самарская область также на протяжении 20 лет показывает результаты выше среднего по ПФО, кроме 2005 г., когда коэффициент смертности в Самарской области был ниже, чем в среднем ПФО. Наибольший уровень смертности Самарская область показала в 2000 году. До сих пор по данному показателю Самарская область, как, впрочем, и остальные субъекты ПФО, не может приблизиться к показателям 1990 г.

Одним из важнейших показателей развития страны является коэффициент младенческой смертности. Он показывает уровень развития медицины и социальных условий жизни человека. По данному показателю Самарская область, впрочем как и все регионы ПФО, демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению. Снижение произошло практически в 3 раза по отношению к 1990 г. Самый низкий показатель младенческой смертности среди регионов ПФО в Кировской области и Чувашской

республике – 4,3 и 4,4 и как следствие 2 и 3 места в Российской Федерации. Самый высокий показатель детской смертности в Оренбургской области (9,7) – 75-е место в Российской Федерации.

Население Самарской области уверено, что росту численности населения препятствуют низкие доходы, плохие жилищные условия, отсутствие поддержки со стороны государства семей с детьми и сложившееся мнение, что достаточно иметь одного ребенка.

Результаты по Самарской области сопоставимы с социологическими данными по другим регионам и отражают общую тенденцию. В Тюменской области в 2009 г. 47% респондентов в качестве препятствий, мешающих росту численности населения, назвали низкие доходы, 38% плохие жилищные условия и 29% считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка [5, с. 291]. В Тульской области в 2009 г. 65,3% респондентов в качестве препятствий, мешающих росту численности населения, назвали низкие доходы, 35,5% плохие жилищные условия и 30,6% считают, что государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми [4, с. 35]. В Чувашской республике в 2012 г. 67,1% респондентов в качестве препятствий, мешающих росту численности населения, назвали низкие доходы, 39,7% плохие жилищные условия и 24,3% считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка [3, с. 45]. В Курской области в 2012 г. 66,3% респондентов в качестве препятствий, мешающих росту численности населения, назвали низкие доходы, 33,7% плохие жилищные условия и 29,7% считают, что государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми [2, с. 39].

Снижение рождаемости и увеличение смертности в Самарской области компенсировалось за счет мигрантов. Наибольший миграционный рост в области наблюдался в 1995 г. – 81 мигрант на 10 000 человек. В дальнейшем миграционный процесс замедлился и в 2010 г. составил 19 мигрантов на 10 000 человек, а в 2014 г. – 24.

Состояние демографических показателей (рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, миграция) и их тенденции изменения показывают, что внутренние и внешние резервы увеличения численности населения в Самарской области или хотя бы даже его стабилизации исчерпаны. Меры государственной поддержки (материнский капитал) дали кратковременный эффект, вследствие чего произошел небольшой всплеск рождаемости и увеличения численности населения региона с возвращением на понижающий тренд развития. Ухудшение социально-экономических показателей, снижение уровня и качества жизни, социально-психологическая неопределенность и нарушение экзистенциальных базовых принципов жизни вследствие геополитических вызовов усилит тенденцию снижения численности населения региона. Данная тенденция сохранится и в дальнейшем, как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективе.

Список литературы

1. Демографический ежегодник России. 2019: стат. сб. / Росстат. М, 2019.
2. Курская область на социокультурной карте России: монография. Курск: МУП «Курская городская типография», 2015.
3. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой. Чебоксары. 2015.
4. Социокультурный портрет Тульской области: моногр. / В.И. Мосин, М.А. Загибалова, Ю.В. Назарова, А.В. Романов. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2009.

5. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / научн. ред. Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011.

Информация об авторе

Шабунин Дмитрий Михайлович (Россия, Самара) – кандидат социологических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королева.

Shabunin D.M.

DEMOGRAPHIC CHALLENGES TO REGIONAL SOCIETY

Abstract. *The state of demographic indicators in the Samara region shows that the internal and external reserves of an increase in population in the Samara region are exhausted. Reproductive attitudes of the population are changing. There has been a steady tendency for the birth of one child in the family.*

Key words: *region, population, birth rate, mortality, migration, reproductive attitudes.*

Information about author

Shabunin Dmitry M. (Russia, Samara) – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Samara National Research University named after S.P. Korolev.

Bibliography

1. Demographic Yearbook of Russia. 2019: Stat.sb / Rosstat. M, 2019.
2. Kursk region on the socio-cultural map of Russia: monograph. - Kursk: MUP "Kursk City Printing House", 2015.
3. Sociocultural evolution of Russian regions: Chuvash Republic / Ed. I.I. Boyko, V.G. Kharitonova. - Cheboksary. 2015.
4. Sociocultural portrait of the Tula region: Monograph. / V.I. Mosin, M.A. Zagibalova, Yu.V. Nazarova, A.V. Romanov. Tula: Publishing House of Tul. state ped. un-ta im. L.N. Tolstoy, 2009.
5. Sociocultural portrait of the Tyumen region: collective monograph / scientific. ed. G.F. Romashkina, V.A. Yudashkin. Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2011.

17-ЛЕТНИЕ ПОДРОСТКИ И ИХ РОДИТЕЛИ В СТРЕССОВОЙ СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В исследовании представлены выборочные результаты мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения Вологодской области». Рассмотрены проблемы и переживания, с которыми столкнулись подростки 17 лет и их родители в период пандемии. Показаны различия в психологическом восприятии пандемии между детьми и взрослыми.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, подростки, психологическое напряжение, дистанционное обучение, страх, тревога, противоэпидемические меры.

Методология. В работе представлены результаты опроса участников мониторинга когорты 2004 г.р. (34 семнадцатилетних подростка и их родители). В 2021 г. в стандартные анкеты как для самого ребенка, так и для его родителя был добавлен блок вопросов по теме пандемии COVID-19. Статистический анализ данных был осуществлен с использованием пакета статистической программы SPSS.

Результаты исследования. Хотя медицинская литература показывает, что дети минимально восприимчивы к заболеванию COVID-19, они сильнее всего страдают от психосоциального воздействия этой пандемии. Неблагоприятные последствия вызваны влиянием самоизоляции и физическим дистанцированием [11; 12]. Э. Дюркгейм подчеркивал, что социальные связи являются критическим фактором эмоционального здоровья [8]. В результате карантинных мероприятий закрылись детские сады, школы, организации дополнительного образования. Родители перешли на дистанционный формат работы, что полностью изменило жизнь миллионов семей с детьми [10]. Введенные требования самоизоляции нарушили сложившиеся в семьях привычную организацию взаимодействий между ее членами. Большая часть семей оказалась в ситуации вынужденного повышения частоты и степени близости коммуникаций друг с другом, находясь длительное время на одной территории. Родители вынуждены были по-новому организовывать образование и досуг своих детей. Все эти внезапные, незапланированные перемены могут усиливать действия стресса, связанного с угрозой распространения и заражения COVID-19, изменять внутрисемейные отношения, «обнажать» в них скрытые трудности и проблемы [5]. К тому же закрытие школ, отсутствие активного отдыха, увлечение гаджетами, неправильное питание, нарушение режима сна привели к изменению привычного образа жизни детей, что потенциально может способствовать развитию некоторых психоневрологических проявлений. По данным Всемирной организации здравоохранения, в период распространения новой коронавирусной инфекции растет число случаев домашнего насилия, жестокого обращения с детьми, фальсифицированного контента в интернете.

В результате проведенного нами опроса было выявлено, что 35% молодых респондентов сообщили о том, что пандемия никак не повлияла на их самочувствие, не спровоцировала новых проблем. Среди их матерей оценки менее оптимистичны (их доля 2 раза меньше – 18%), что вызвано большей ответственностью взрослых и родителей за здоровье и будущее своих детей, благосостояние семьи в сложный кризисный период.

Страх потери работы и/или основного источника дохода в связи с ограничениями в экономической жизни в период распространения COVID-19, стал более ак-

туальными. Согласно нашему исследованию, 15% семей со старшими подростками признались, что их материальное положение за период пандемии ухудшилось (табл. 1), причем среди череповчан показатель значительно выше и составил 27%. Лишь каждый четвертый родитель 17-летних детей оставался уверен в стабильности своей работы и доходов. Около 6% опрошенных, к сожалению, уже лишились работы в 2020 г., а еще 15% (в г. Череповец – 20%) – опасались остаться без нее. Отметим, что резко возросший уровень неопределённости во всех сферах жизни часто переносится людьми тяжелее, чем уже имеющаяся уверенность в наступлении плохого варианта [7], и увеличивает суицидальный риск не только у людей с уже имеющимся психиатрическим диагнозом, но и у людей со сниженной стрессоустойчивостью [11].

Таблица 1. Изменения материального положения семей с 17-летними детьми в период пандемии, %

Утверждения	Доля родителей, согласных с утверждением
Материальное состояние нашей семьи ухудшилось	14,7
Я потерял(-а) работу и/или доход (его часть)	5,9
Я боюсь потерять доход и/или работу	14,7
Я немного переживаю насчет работы и дохода, но надеюсь на лучшее	41,2
Я уверен в стабильности работы и доходов	26,5

Также респонденты-родители испытали в период пандемии страх заражения (44%; табл. 2), тяжело перенесли введение жестких мер по сдерживанию вируса (каждый третий), испытали психоэмоциональное напряжение по причине дистанционного формата обучения ребенка (27%), а также столкнулись с проблемой одиночества (9%).

Таблица 2. Новые проблемы психологического характера, с которыми столкнулись родители 17-летнего подростка в период вспышки новой коронавирусной инфекции, карантина и самоизоляции, %

Проблемы психологического характера	Доля родителей, испытавших проблему
Очень боялся/боюсь заразиться сам(-а) и/или что заболеют мои близкие	44,1
Ограничение моей свободы, введение жестких мер контроля (в т.ч. штрафов) за соблюдением режима самоизоляции	32,4
Психоэмоциональное напряжение по причине дистанционного формата обучения ребенка, ухудшение качества его образования, невозможность получать дополнительное образование	26,5
Одиночество и невозможность личного общения с близкими мне людьми и /или разрыв отношений	8,7
Неверие в опасность вируса; ощущение, что нас обманывают	8,8
Повышение уровня тревоги, беспокойства и/или появление симптомов депрессии	5,8
Однообразие, ощущение «дня сурка», невозможность получить новые впечатления	5,9

Интересен тот факт, что в отличие от опрошенного ВолНЦ РАН в 2021 г. населения региона в целом, ни одна мама-участница мониторинга не выбрала такие варианты проблем психологического характера, как «гибель близкого», «домашнее насилие», «скука, нечем заняться» и «недоступность психологической помощи».

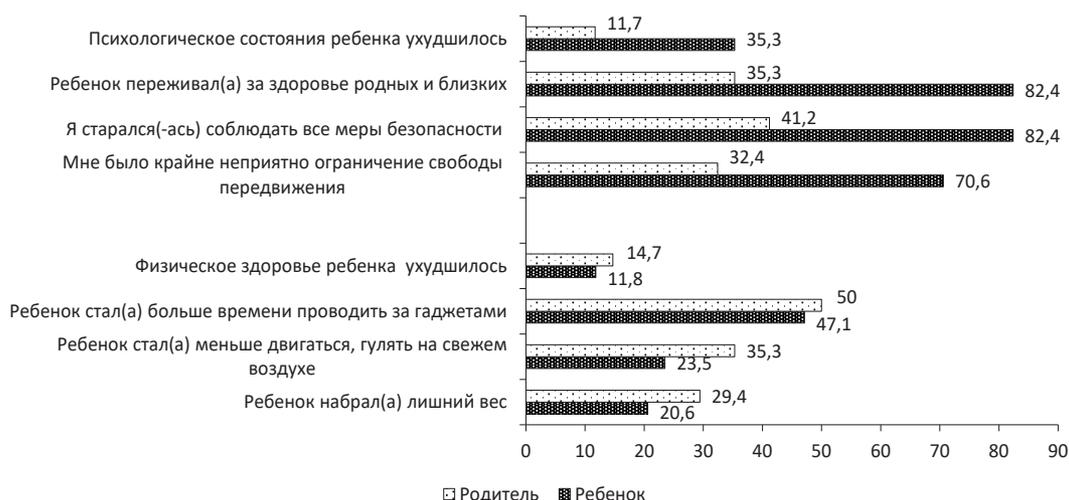
Испытывая повышенный уровень страха, тревоги по поводу распространения коронавируса, около 40% родителей 17-летних подростков пытались справиться с помощью защитного поведения (мыли руки, соблюдали дистанцию, носили маски и т.п.) и погру-

жения в домашние дела, каждый шестой – занимался творчеством, читал или смотрел художественные фильмы. Ни одна мама не выбрала такую деструктивную форму преодоления стресса, как употребление алкоголя и/или запрещенных препаратов, чтобы расслабиться и отвлечься. Каждая десятая мама в период дистанционного обучения сына или дочери помогала ему/ей получить более качественное образование посредством интернет-уроков, репетиторов и т.п., либо самостоятельно занималась с ребенком.

Известно, что стресс оказывает сильное влияние не только на эмоциональное состояние и психологическое благополучие человека (вплоть до депрессии и суицида) [2; 4; 6; 9;], но и на продолжительность и качество близких отношений. А дистресс, переживаемый в отношениях, становится причиной их разрыва [2; 3; 5]. Радует, что отношения в семье, по мнению подавляющего большинства опрошенных нами родителей (более 85%), за время пандемии остались прежними. Ни одна мама 17-летнего респондента не выбрала вариант ответа, что они «ухудшились» или что «в семье чаще стали ругаться». Также никто не смог охарактеризовать ситуацию пережитого семьей карантина, как «тяжелая» (в отличие от семей с более младшими детьми). Однако практически каждый четвертый опрошенный признался, что реже стали видеться друг с другом и совместно проводить время, в т.ч. отпуск. Каждая пятая мама чувствует вину за недостаток внимания к своему 17-летнему ребенку, что на 10% чаще, чем мамы первоклашек (18%) и в 2,7 раза чаще, чем мамы детей в возрасте 1 года (3,6%).

Рассмотрим, что думают о пандемии сами дети. Три четверти семнадцатилетних участников мониторинга считают, что первый год пандемии был тяжелым в моральном и/или материальном, и/или психологическом плане для большинства людей. Особенно пострадали, по их мнению, пожилые люди (с этим согласны 82%), учителя (65%) и родители (59%). Четыре из десяти подростков сочли 2020 г тяжелым для себя.

Что касается психологического здоровья детей в период пандемии, то они оценивают его хуже, чем родители. Так лишь 12% матерей считали, что психика детей пострадала. Среди же подростков 35% заметили ухудшение своего психоэмоционального состояния 35% (рисунок). По мнению каждой третьей мамы, ее сын или дочь очень сильно переживали за здоровье близких, а среди детей в этом признались 82%. Столько же подростков сообщили, что соблюдали все меры безопасности: социальное дистанцирование, дезинфекция рук, маски и т.п. Родители были менее осторожны.

Оценка изменений состояния здоровья, переживаний и привычек в период пандемии с точки зрения ребенка и родителя, %

Значительно болезненнее дети восприняли ограничение свободы, вызванное противоэпидемическими мерами (71% против 32% из родительской группы респондентов; рис. 1). По-видимому, преимущественно это вызвано резким сокращением личных контактов, возможностей прогулок и встреч с друзьями, от чего страдали, по данным опроса, двое из трех детей. Три четверти не хотели бы пережить пандемию снова. Отметим, что, по мнению ученых, повышенная чувствительность к имеющимся ограничениям и невозможность принять возникшие ограничения (свойственно подросткам), являются значимым суицидогенным фактором [13].

В оценках же своего физического самочувствия, напротив, подростки демонстрируют больший, чем их родители, оптимизм. Матери чаще отмечают, что за время пандемии их ребенок стал: (1) значительно больше времени проводить за компьютером, в планшете, телефоне, (2) меньше двигаться и, как следствие, (3) набрал лишний вес и, соответственно, (4) ухудшил состояние своего физического здоровья (рис. 1).

По мнению каждого третьего родителя, их 17-летние дети столкнулись с различными проблемами, вызванными дистанционным форматом обучения в период пандемии. Четыре из десяти подростков признались, что испытывали психоэмоциональное напряжение, в связи с этим, а каждый седьмой столкнулся с техническими трудностям организации онлайн-обучения. Каждый второй вынужден был тратить больше времени на обучение, в результате 29% – стали больше уставать. Практически половина учеников призналась, что качество получаемых знаний упало, но их оценки повысились. Лишь у 9% отметки ухудшились.

Заключение. В результате проведенного опроса можно сделать следующие выводы.

Отвечая на прямой вопрос, лишь 18% родителей 17-летних детей сообщили о том, что не испытали никаких новых психологических проблем в связи с пандемией и ничего в их жизни существенно не изменилось, 9% – вообще не чувствовали страха и тревоги в этот период. Среди самих подростков таковых закономерно больше (в 2 раза) в силу их меньшей ответственности за принятие решений в кризисной ситуации. Несмотря на это, дети более драматично, чем кажется родителям, оценили свое психологическое состояние в 2020 г. (35% детей отмечают его ухудшение). Оценивая же изменения своего физического состояния в пандемию, дети более лояльны, чем их матери, и не замечают его ухудшения, как и возросшей зависимости от гаджетов и интернета, снижения двигательной активности и набора лишнего веса. Говоря же о проблемах психологического характера, подростки, напротив, ощущают больший вред пережитой стрессовой ситуации, нежели кажется их родителям. Особенно актуальны для них переживания за здоровье своих родных, проблема введенных ограничений передвижения, сокращения контактов, дистанционное обучение. Последнее, однако, позволило каждому второму улучшить свои отметки, несмотря на упавшее качество полученных знаний. Каждая четвертая мама отметила, что в период пандемии стала реже видеться с ребенком и совместно проводить время, каждая пятая – испытывала чувство вины за недостаточное внимание, оказываемое своему выросшему ребенку.

Пандемия COVID-19, кроме ее угрозы здоровью каждого отдельного человека и всей системе здравоохранения в целом, имеет выраженное негативное влияние на психическое состояние людей в целом, семей с детьми, в т.ч с подростками. Для снижения отсроченных последствий длительно действующего стрессогенного фактора необходимо принятие мер как в индивидуальной психологической работе, так и в об-

ласти психопросвещения [1]. Родители, педиатры, психологи, педагоги, социальные работники, управленцы в сфере здравоохранения и образования, правительственные и неправительственные организации должны играть важную роль в смягчении психосоциальных негативных последствий COVID-19 для детей и подростков.

Список литературы

1. Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 70. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.03.2022).
2. Екимчик О.А. Стресс в близких гетеросексуальных отношениях // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 49. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/424/620> (дата обращения 23.03.2022).
3. Крюкова Т.Л. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях / Т.Л. Крюкова, О.А. Екимчик, Т.П. Опекина. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. 340 с.
4. Куфтяк Е.В. Семейная устойчивость как психологический феномен // Сибирский психологический журнал. 2010. № 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynaya-ustoychivost-kak-psiologicheskij-fenomen> (дата обращения: 23.03.2022).
5. Опекина Т.П., Шипова Н.С. Семья в период самоизоляции: стрессы, риски и возможности совладания. // Вестник КГУ. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 3. С 121-128.
6. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*, 2020; 395: 912-920. DOI: [http://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)3046008](http://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)3046008).
7. Berker A.O., Rutledge R.B., Mathys C. et al. Computations of uncertainty mediate acute stress responses in humans. *Nat Commun.* 2016; 7: 10996. DOI: 10.1038/ncomms10996
8. Durkheim E. *Le suicide; étude de sociologie.* Paris: F. Alcan, 1897. XII, 462 p.
9. Everett J.A.C., Colombatto C., Chituc V., Brady W.J., & Crockett M. (2020). The effectiveness of moral messages on public health behavioral intentions during the COVID-19 pandemic. URL: <https://psyarxiv.com/9yqs8/> (дата обращения 23.03.2022)
10. Ghosh R., Dubey M.J., Chatterjee S., Dubey S. Impact of COVID -19 on children: special focus on the psychosocial aspect. *Minerva Pediatr.* 2020. 72(3):226-235. doi: 10.23736/S0026-4946.20.05887-9
11. Sher L. The impact of the COVID-19 pandemic on suicide rates. *QJM*, 2020. 113(10), 707-712. DOI: 10.1093/qjmed/hcaa202
12. Yao H., Chen J.H., Xu Y.F. Patients with mental health disorders in the COVID-19 epidemic. *Lancet Psychiatry*, 2020. 7 (4): e21. DOI: 10.1016/S2215-0366(20)30090-0
13. Zhang J. Теория суицидального напряжения. Сообщение I. Суицидология. 2020. 11 (2): 118-134. DOI: 10.32878/suiciderus.20-11-02(39)-118-134

Информация об авторе

Шматова Юлия Евгеньевна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, научный сотрудник ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д.56а; e-mail: ueshmatova@mail.ru).

17-YEAR-OLDS AND THEIR PARENTS IN A STRESSFUL PANDEMIC SITUATION WITH COVID-19

Abstract. *The study presents selected results of the monitoring “Study of the conditions for the formation of a healthy generation of the Vologda Oblast”, conducted in 2021 by the VolRC RAS. The problems and experiences faced by 17-year-olds and their parents during the pandemic are considered. The differences in the psychological perception of the pandemic between children and adults are shown.*

Key words: *COVID-19 pandemic, adolescents, psychological stress, distance learning, fear, anxiety, anti-epidemic measures.*

Information about the author

Shmatova Yulia E. (Russia, Vologda) – candidate of economic sciences, Researcher of the Laboratory for Research of Social Sphere Management Problems of the Department for Research of the Level and Lifestyle of the Population, Federal state budgetary institution of science «Vologda research center of Russian academy of sciences» (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia; e-mail: ueshmatova@mail.ru).

Bibliography

1. Boiko O.M., Medvedeva T.I., Enikolopov S.N., Vorontsova O.Yu., Kazmina O.Yu. The psychological state of people during the COVID-19 pandemic and the targets of psychological work // *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2020. V. 13, No. 70. URL: <http://psystudy.ru> (date of access: 03/23/2022)
2. Ekimchik O.A. Stress in intimate heterosexual relationships // *Psychological research*. 2016. V. 9, No. 49. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/424/620> (Accessed 23.03.2022)
3. Kryukova T.L. Psychology of coping with difficulties in close (interpersonal) relationships / T.L. Kryukova, O.A. Ekimchik, T.P. Opekina. Kostroma: Kostroma Publishing House. state un-ta, 2019. 340 p.
4. Kuftyak E.V. Family stability as a psychological phenomenon // *Siberian psychological journal*. 2010. No. 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynaya-ustoychivost-kak-psihologicheskiy-phenomen> (date of access: 03/23/2022)
5. Opekina T.P., Shipova N.S. Family during the period of self-isolation: stresses, risks and opportunities for coping. // *Bulletin of KSU. Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2020. No. 3. P 121-128.
6. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L.E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G.J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*, 2020; 395: 912-920. DOI: [http://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)3046008](http://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)3046008).
7. Berker A.O., Rutledge R.B., Mathys C. et al. Computations of uncertainty mediate acute stress responses in humans. *Nat Commun*. 2016. 7: 10996. DOI: 10.1038/ncomms10996
8. Durkheim E. *Le suicide; étude de sociologie*. Paris: F. Alcan, 1897. XII, 462 p.
9. Everett J.A.C., Colombatto C., Chituc V., Brady W.J., & Crockett M. (2020). The effectiveness of moral messages on public health behavioral intentions during the COVID-19 pandemic. URL: <https://psyarxiv.com/9yqs8/> (дата обращения 23.03.2022)

10. Ghosh R., Dubey M.J., Chatterjee S., Dubey S. Impact of COVID -19 on children: special focus on the psychosocial aspect. *Minerva Pediatr.* 2020. 72(3):226-235. doi: 10.23736/S0026-4946.20.05887-9
11. Sher L. The impact of the COVID-19 pandemic on suicide rates. *QJM*, 2020. 113(10), 707-712. DOI: 10.1093/qjmed/hcaa202
12. Yao H., Chen J.H., Xu Y.F. Patients with mental health disorders in the COVID-19 epidemic. *Lancet Psychiatry*, 2020. 7 (4): e21. DOI: 10.1016/S2215-0366(20)30090-0
13. Zhang J. The theory of suicidal tension. *Message I. Suicidology.* 2020. 11 (2): 118-134. DOI: 10.32878/suiciderus.20-11-02(39)-118-134

СЕКЦИЯ 2
ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА
В НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
ОПЫТ ПАНДЕМИИ COVID-19

СОЦИАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР УСПЕШНОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД ВЫНУЖДЕННОГО ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования успешности учебной деятельности студентов вузов в период вынужденного дистанционного обучения. Рассмотрены основные факторы, влияющие на качество образовательного процесса в период пандемии COVID-19. Изучены показатели социальной зрелости студентов.

Ключевые слова: социальная зрелость, успешность обучения, студенты, образование, пандемия.

В последнее время произошли изменения в стратегиях развития современного высшего образования в связи с распространением коронавирусной инфекции. В условиях пандемии коронавируса COVID-19 вопросы, связанные с обеспечением доступности, качества образования и трансформации учебного процесса, остро стоят в период вынужденного дистанционного обучения. В связи с этим особенно актуальным является изучение проблемы успешности учебной деятельности студентов вуза в новых условиях. Проблема академической успешности студентов вузов интересуют многих ученых во всем мире (Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова, О.С. Вендекер, З. Бойович, З.Х. Негаби, С.М. Рафи и др.). Ранее нами было показано, что успешность учебной деятельности включает в себя не только объективные показатели успеваемости, но и субъективные факторы.

Мы считаем, что важной характеристикой учащихся, способствующей успешному обучению в различных условиях, является их социальная зрелость. Так как именно социальная зрелость личности лежит в основе формирования важных социальных качеств и стремления к познавательной деятельности. Вместе с тем, феномен социальной зрелости студентов достаточно сложен и не определен. Однако, ряд авторов выделяют следующие основные показатели социально зрелых студентов: ответственность, саморегуляция, стремление к развитию и достижению целей, самостоятельность [1, 5, 6, 8]. На наш взгляд влияние такого фактора, как социальной зрелости существенно, особенно в условиях неопределенности.

С одной стороны, весна 2020 года была беспрецедентной и непредсказуемой. Студенты были вынуждены учиться дистанционно. В этих условиях на первый план выходят субъективные факторы академической успешности, которые могут существенно повлиять на поддержание прежнего уровня успеваемости и субъективного благополучия. С другой стороны, ситуация с вынужденным дистанционным обучением, как и любой кризис, имеет свои положительные последствия. В частности, ранее мало кто решался перейти на дистанционное обучение, поэтому можно было только предполагать наличие негативных и позитивных эффектов. Многие школы, колледжи и университеты уже опробовали различные технологии, которые облегчают дистанционное обучение и максимально повышают его эффективность.

Мы предполагаем, что неожиданный переход на дистанционное обучение в условиях самоизоляции влияет на субъективные составляющие учебной успешности, но существенно не влияет на успеваемость. Несмотря на принудительное дистанционное обучение, основным предиктором сохранения академической успеваемости яв-

ляется социальная зрелость студентов. Анализируя особенности социальной зрелости студентов, ряд авторов считают, что ее формирование следует рассматривать в тесной связи с обучением и трудоустройством. Профессиональная компетентность и образование в современных условиях приобрели инструментальное значение и рассматриваются подрастающим поколением как залог получения престижной должности и обретения независимости (Берзин Б.Ю. [3, с.4], Руткевич М.Н. [7, с.46], Хернандес [9, с.13]. Зубок Ю.А. [4, с.25]). Таким образом, и в психологической, и в социологической традициях понимание феномена «социальная зрелость» исходит из определенного набора характеристик.

Данная статья основана на материалах исследования, проведенных в 2020–2022 году. Для изучения социальной зрелости использовался опросник «Самооценка социальной зрелости» (оценка таких качеств, как, например, социальная активность, целеустремленность, контроль, ответственность, целеустремленность в разных условиях. А именно в нормальном состоянии, в стрессовых ситуациях и конкретно в ситуации дистанционного обучения (из-за COVID-19). Чтобы оценить взаимосвязь психологических и социально-экономических факторов с успеваемостью, мы запросили ежегодные отчеты об успеваемости вуза с 1 курса по текущий год. Выборку составили 350 студентов вузов (150 юношей и 200 девушек) различных специальностей в возрасте 18–22 лет.

Надежность и достоверность результатов оценивались на основании методов математической статистики: корреляционный анализ Спирмена и линейный регрессионный анализ в программе. Для статистической обработки данных использовалась программа Statistica 17.0.

В ходе анализа данных нами была выявлена средняя успеваемость за период обычного и дистанционного обучения (табл. 1).

Таблица 1. Динамика успеваемости (средний балл по 100-балльной системе)

	Осенний семестр (обычные условия)	Весенний семестр (дистанционное обучение)	F	p
1-й курс	70.93	75.35	1.66	0.19
2-й курс	63.47	62.44	4.25	0.04
3-й курс	70.10	75.25	2.95	0.08
4-й курс	81.63	87.57	13.20	0.00
Все студенты	71.42	74.10	0.62	0.42

Из данных, представленных в таблице 1, видно, что общая успеваемость осталась на прежнем уровне. Более подробный анализ показывает, что динамика есть, но она зависит от курса обучения. Таким образом, успеваемость студентов первого курса во время принудительного дистанционного обучения снизилась, в то время как у студентов других курсов, наоборот, возросла. Мы полагаем, это связано с опытом обучения и выбранных стратегий освоения материала в высших учебных заведениях. Студенты отметили, что в контексте дистанционного обучения они стали менее активными, вовлеченными, целеустремленными и ответственными. Примечательно, что уровень субъективного благополучия несколько снизился, но в целом остался выше среднего.

По данным опросника «Самооценка социальной зрелости», студенты отметили, что в контексте дистанционного обучения они стали более ответственными и склонными к контролю. Они не чувствовали себя беспомощными, хотя и отметили, что

чувствовали себя менее счастливыми, чем обычно, в период дистанционного обучения. Общая самооценка как уверенного в себе человека была надежным предиктором повышения академической успеваемости при дистанционном обучении.

Также приведены результаты корреляционного анализа между объективными и субъективными показателями социальной зрелости. Но в данном случае испытуемых просили ответить не только о себе. А нужно было: 1) представить себя в стрессовой ситуации, 2) отметить, что изменилось в условиях дистанционного обучения (табл.2).

Таблица 2. Корреляции между показателями социальной зрелости студентов и финансовым положением, условиями жизни (дистанционное обучение, n=350)

	В стрессовой ситуации									Дистанционное обучение
	Активный – пассивный	Вовлеченный – безразличный	Неудачный – успешный	Контролирующий – беспомощный	Рискованный – осторожный	Спокойный – встревоженный	Определенный – неопределенный	Доминирующий – управляемый	Целеустремленный – плывущий по течению	
Финансовое положение	-0.31**	-0.25*	0.17*	-0.24*	-0.10	-0.11	-0.23**	-0.12	-0.20*	-0.11
Условия жизни	-0.20*	-0.11	0.28*	-0.22*	-0.19*	-0.17*	-0.25**	-0.29**	-0.14	-0.21**

* $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$.

Интенсивность показателей активности, вовлеченности, успеха, контроля, уверенности и решимости в стрессовой ситуации указывает на более независимое финансовое положение студента. В свою очередь, чем более независимым живет студент, тем больше он чувствует себя более активным, успешным, контролирующим, рискованным, спокойным, уверенным и доминирующим в стрессовой ситуации. Студенты, которые живут самостоятельно, с большей вероятностью заметят, что они стали более рискованными с точки зрения дистанционного обучения. Данные о социальной зрелости во время дистанционного обучения на ранней стадии недоступны.

По данным регрессионного линейного анализа было выявлено влияние социальной зрелости студентов на их академическую успеваемость в рамках дистанционного обучения (табл. 3).

Таблица 3. Предикторы академической успеваемости: результаты регрессионного анализа (итоговая модель), n=350

Показатели	β	t	p
Ответственность в стрессовых ситуациях	0.35	3.84	0.02
Тревожность в повседневной жизни	0.21	3.47	0.01
Ответственность во время дистанционного обучения (из-за COVID-19)	0.22	2.71	0.01
Мотив «Получение знаний, которые позволят вам управлять людьми»	-0.17	-2.44	0.03
Условия жизни	0.24	3.31	0.00
Внимание во время дистанционного обучения (из-за COVID-19)	0.19	2.27	0.03
Мотив «Удовлетворить любопытство»	-0.14	-1.76	0.04
R ² = 0.34; скорректированный R ² = 0.25; F = 8.56; (p=0.01).			

Регрессионный анализ показывает, что на успеваемость влияет степень тревожности учащихся в нормальном состоянии ($p=0,01$), ответственность в стрессовой ситуации ($p=0,02$) и во время дистанционного обучения ($p=0,01$), а также внимание во время дистанционного обучения ($p=0,03$). Также, согласно нашей модели, предикторами академической успеваемости являются условия жизни студента ($p=0,00$), желание удовлетворить любопытство ($p=0,04$) и получить знания, которые позволят управлять другими людьми в будущем ($p=0,03$). Данные нашего исследования подтверждают тезисы З. Баумана [2, с. 28]. Автор отмечает, что молодым людям нашего времени свойственны сугубо деловые и обывательские черты потребителей, что порождает рост безответственного отношения к гуманистическим ценностям и острому нехватку предметных качеств.

Как видно из результатов исследования, основными характеристиками социально зрелых студентов являются ответственность, целеустремленность, стремление к активности, самостоятельность в выборе жизненных ориентиров и принятии решений. Однако эти качества являются личностно-ориентированными. Мы считаем это обстоятельство следствием реформы высшего образования. Кроме того, ситуацию усугубляет пандемия COVID-19, из-за которой студенты вынуждены учиться дистанционно. Показатели академической успеваемости в период дистанционного обучения существенно не изменились. Вместе с тем практика дистанционного обучения повлияла на субъективные факторы успешности учебной деятельности студентов. В дальнейшем мы видим в этом риски, связанные с опасностью инфантилизации подрастающего поколения. Так как именно социальная зрелость студентов является одним из основных компонентов формирования стабилизации базовых социальных качеств, необходимых для достижения успехов как в учебе, так и в профессиональной самореализации.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2007. 363 с.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. 185 с.
3. Берзин Б.Ю. Психологическое благополучие личности: к вопросу о сущности понятия // Известия Уральского федерального университета. Серия «Проблемы образования, науки и культуры». 2018. Т. 24, № 4 (180). С. 74-81.
4. Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. №4. С. 42-51.
5. Коган Л.Н. Всестороннее развитие личности и культура. М.: Знание, 1981. 63 с.
6. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 254 с.
7. Руткевич М.Н. Социология образования и молодежи: [Избранное (1965-2002)]: Сб. ст. М.: Гардарики, 2002. 539 с.
8. Harre R. "Positioning theory. New ideas in psychology," Oxford. 2005.vol. 5. no. 1. P. 32-52.
9. Hernández-Sánchez B.R., Cardella G.M., Sánchez-García J.C., "Psychological factors that lessen the impact of COVID-19 on the self-employment intention of Business Administration and Economics' students from Latin America," International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. vol. 17.

Информация об авторе

Архипова Виктория Александровна (Россия, Екатеринбург) – аспирант кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, v.arkhipova95@mail.ru).

Arkhipova V.A.

SOCIAL MATURITY OF UNDERGRADUATE STUDENTS AS THE MAIN SUCCESS FACTOR IN EDUCATIONAL ACTIVITIES DURING THE FORCED PERIOD OF REMOTE LEARNING

Abstract. *In the article discussed results of a research about successful educational activities of undergraduate students during the forced period of a remote learning. In the paper there are discussed and examined the main factors during the COVID-19 period influencing the quality of the educational process. Furthermore, the indicators of social maturity of students are studied.*

Key words: *social maturity, education, success of educational, students, pandemic.*

Information about the author

Arkhipova Viktoria Aleksandrovna (Russia, Yekaterinburg) - graduate student of the Department of Management Theory and Sociology, Ural Institute of Management - Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Ekaterinburg, 8 Marta st., 66, 620144, v.arkhipova95@mail.ru).

Bibliography

1. Andreeva G.M., "Social psychology: Textbook of higher educational institutions" M.: Aspekt press. 2007. 363 p.
2. Bauman Z. "Globalization. Consequences for people and society" - M.: Ves' Mir. 2004. 185 p.
3. Berzin B.Yu., "Psychological well-being of the individual: to the question of the essence of the concept," *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta, Problemi obrazovaniya, nauki i culture.* 2018. no. 4 (180). P. 74-81.
4. Zubok Y.A., "Problems of social development of youth at risk" *Sociologicheskie Issledovaniya.* 2003. P. 42-51.
5. Kogan L.N., "Comprehensive development of personality and culture" Moscow, Znanie, 1981. 63 p.
6. Kon I.S., "Psychology of early youth" Moscow, Prosveshchenie. 1989. 256 p.
7. Rutkevich M.N., "Sociology of education: Applied research" *Sotsiologicheskie Issledovaniya.* 2002. no. 12. P. 138-140.
8. Harre R., "Positioning theory. New ideas in psychology" Oxford. 2005. vol. 5. no. 1. P. 32-52.
9. Hernández-Sánchez B.R., Cardella G.M., Sánchez-García J.C., "Psychological factors that lessen the impact of COVID-19 on the self-employment intention of Business Administration and Economics' students from Latin America," *International Journal of Environmental Research and Public Health.* 2020. vol. 17.

УПРАВЛЕНИЕ СИСТЕМОЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Аннотация. *Выполнен SWOT-анализ системы здравоохранения Республики Бурятия в период пандемии. Выявлено на основе экспертных оценок своевременное принятие управленческих решений в сфере организации работы амбулаторно-поликлинических и стационарных служб, финансирования, кадровой и информационной политики. Обозначены направления повышения модернизации региональной системы здравоохранения в условиях пандемии.*

Ключевые слова: *здравоохранение, Министерство здравоохранения, управление, пандемия, COVID-19, Республика Бурятия.*

Третий год мир живет в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции, которая оказывает значительное негативное влияние на социально-экономическое положение всех государств. Наибольшую нагрузку в этой ситуации несут системы здравоохранения, причем их первостепенной задачей является грамотная организация и управления противоэпидемическими мероприятиями и всеми отраслевыми ресурсами.

Российские ученые и организаторы здравоохранения уже приступили к анализу системных проблем здравоохранения, которые обнажились вследствие пандемии [1; 2; 3; 4; 5],

Настоящее исследование проведено на базе министерства здравоохранения Республики Бурятия и подведомственных медицинских организаций в течение 2020-2021 г.г.

Материалы и методы:

1) ведомственная статистика и данные министерства здравоохранения Республики Бурятия (2020-2021 г.г.); 2) данные экспертного опроса «Управление системой здравоохранения в Республике Бурятия в условиях пандемии» (октябрь 2021 г.), который включал 20 открытых вопросов, в нем приняли участие сотрудники министерства здравоохранения Республики Бурятия, медицинские работники городских и республиканских поликлиник и больниц; 3) данные фокус-групповой дискуссии «Пандемия COVID-19 в Республике Бурятия: уроки для системы здравоохранения» (декабрь 2021 г.) с участием сотрудников министерства здравоохранения Республики Бурятия, медицинских работников городских и республиканских поликлиник и больниц.

Методы: аналитический, нормативно-правовой, статистический, социологические (экспертный опрос и фокус-групповая дискуссия), SWOT- анализ.

Для системы здравоохранения Республики Бурятия до пандемии COVID-19 были характерны следующие основные проблемы: 1) кадровый дефицит; 2) низкое качество медицинской помощи; 3) слабая материально-техническая база; 4) несовершенства в системе управления здравоохранением; 5) снижение доступности медицинской помощи на селе (сокращение больниц и ФАПов); 6) низкий уровень внедрения современных цифровых технологий.

Связи с пандемией региональной системе здравоохранения потребовалось реализовать комплекс серьезных институциональных и управленческих преобразований, с целью сохранения жизни и здоровья населения региона.

Институциональные нововведения на уровне управления здравоохранением и в медицинских организациях. Эксперты отметили, что пандемия COVID-19 потребовала создания новых институтов управления. В феврале 2020 г. был создан Оперативный штаб по предупреждению завоза и распространения COVID-19 на территории Российской Федерации – координационный орган Правительства Российской Федерации, а в субъектах РФ – региональные штабы. По настоящее время Республиканским оперативным штабом по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции дано почти 4000 поручений, исполнение которых отслеживает Секретариат оперштаба. В целом, эксперты высоко оценили деятельность федерального и республиканского штабов по координации работы в связи с распространением COVID-19.

В целях мониторинга за ситуацией с распространением COVID-19 и оперативного взаимодействия с гражданами по вопросам COVID-19 создан Ситуационный центр при Министерстве здравоохранения Республики Бурятия по мониторингу ситуации с коронавирусом. Его сотрудниками осуществляется мониторинг, сбор отчетности и анализ оперативной информации по коронавирусу. Организована круглосуточная работа горячей линии Минздрава, также гражданам представлена возможность обращаться по номеру 112 и 122.

В 2020-2021 гг. проведена большая работа по мобилизации системы здравоохранения, при этом многие задачи решались в крайне сжатые сроки. Для лечения больных коронавирусом в оперативном режиме за всё это время было перепрофилировано почти 3 000 коек, что выше первоначально установленного норматива почти в 6 раз (*норматив – 493 койки*). На уровне медицинских организаций созданы амбулаторные центры для пациентов с симптомами ОРВИ и COVID-19, где с легкой формой коронавируса проходят тестирование, получают назначения врача и медикаменты. Развернуты пункты вакцинации.

Управление финансами. По отчетным данным Минздрава Республики Бурятия, на реализацию мероприятий по снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции из средств республиканского и федерального бюджетов направлено около 3 миллиардов рублей, в т.ч. из федерального бюджета 2,1 млрд. рублей, из республиканского бюджета – 909,2 млн. руб. Средства направлены на перепрофилирование коечного фонда, на приобретение медицинского оборудования и организацию кислородоснабжения, оснащение лабораторий, приобретение лекарственных препаратов, СИЗов, ИВЛ, КТ-аппарата, стимулирующие выплаты медицинским работникам.

Особое значение для снижения заболеваемости играет своевременное выявление ковида, за короткое время была организована работа 7 ПЦР – лабораторий. За весь период исследовано более 750 тысяч человек, за последние сутки проведено исследование у 1 582 человек. Для приобретения тестов из республиканского выделено 147,0 млн. руб. Также из средств республиканского бюджета выделено 179,9 млн. руб. на выплаты работникам, должности которых не вошли в перечень должностей, имеющих право на выплаты из федерального бюджета в том числе работникам обсерваторов, водителям неотложной помощи, прочему персоналу, работающему в стационарах, в т.ч. 109,8 млн. руб. – на соцвыплаты за ноябрь и декабрь. В целях развития службы скорой медицинской помощи в 2020 году поступили 29 автомобилей скорой медицинской помощи класса «В» и «С», приобретенных за счет средств федерально-

го бюджета. В настоящее время для оказания скорой медицинской увеличено число бригад с 60 до 94. Внедрена служба «ковидного такси», на организацию которой выделено 7,2 млн. руб.

Управление кадровыми ресурсами. В медицинских организациях для лечения пациентов с COVID-19 задействовано 3 047 медицинских работников, в том числе в круглосуточных стационарах работают 362 врача, 699 средних медицинских работников и 492 младшего медицинского персонала. В амбулаторно-поликлиническом звене оказывают медицинскую помощь 293 врача, 615 среднего медицинского персонала и 5 младшего медицинского персонала. Скорую медицинскую помощь оказывают 26 врачей, 484 средних медицинских работников и 71 санитар. Укомплектованность составляет 100%. Для ускоренной подготовки младшего персонала в медицинских колледжах организованы курсы. Эксперты отметили, что все медики Бурятии, а также помогавшие им студенты, проявили высокую социальную ответственность, лучшие профессиональные и человеческие качества в период борьбы с пандемией.

Управление в области лекарственного обеспечения. Эксперты отметили, что особое внимание уделяется обеспечению населения лекарственными препаратами. По данным экспертных интервью, в связи с дефицитом на фармацевтическом рынке и высокой потребностью на всей территории Российской Федерации лекарственных препаратов, поставка в регионы осуществляется небольшими партиями под заключенные контракты государственных заказчиков через уполномоченную государственную оптовую организацию от производителей. В целях устранения дефицита лекарств в медицинских и аптечных организациях республики Главой Республики Бурятия, полномочным представительством в г. Москва, Бурятфармацией и Минздравом Бурятии предпринимаются исчерпывающие меры по ускоренной поставке лекарственных препаратов в республику, проводится активная работа с производителями лекарственных препаратов, Минпромторгом и Минздравом России. Благодаря принятым мерам снята напряженность по поставкам в республики лекарственных препаратов, дальнейшая работа по своевременным поставкам лекарственных препаратов продолжается.

Управление в области информационной политики. Эксперты отметили, что Правительством Республики Бурятия проводится системная и эффективная работа по информированию населения о мерах профилактики новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Для координации работы создана рабочая группа из представителей пресс-служб Комитета по информационной политике Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Бурятия, Министерства здравоохранения Республики Бурятия. Привлечены ресурсы телевизионных, печатных, интернет-средств массовой информации, социальные сети и мессенджеры.

На основании проведенного исследования выполнен SWOT-анализ системы здравоохранения Республики Бурятия в период пандемии COVID-19 (табл. 1).

Таблица 1. SWOT-анализ системы здравоохранения Республики Бурятия в период пандемии COVID-19

Сильные стороны:	Слабые стороны:
Своевременная разработка и внедрение нормативно-правовой базы	Высокий износ медицинского оборудования
Своевременные инфраструктурные изменения (создание амбулаторных центров, перепрофилирование стационаров в ковидные госпитали)	Финансово-экономические проблемы в медицинских организациях в связи с высокими расходами на лечение больных, невыполнением плана платных услуг, рост дебиторской задолженности
Высокий уровень сплоченности и командный дух медицинского персонала	Дефицит медицинских кадров, особенно врачей-терапевтов, инфекционистов.
Наставничество, тиражирование лучших практик	Высокий уровень эмоционального выгорания медицинских кадров, рост числа конфликтов в медицинских организациях
Открытая информационная политика, усиление информационной работы с населением в социальных сетях	Рост жалоб населения на доступность и качество медицинской помощи
Развитие волонтерское движение	Высокие показатели летальности от COVID-19
Возможности	Возможные угрозы
Развитие профессиональных компетенций медицинского персонала	Нарастающий дисбаланс медицинских кадров в связи с их оттоком в ковидные госпитали и другие регионы
Материальная и нематериальная мотивация персонала, рост престижа профессии врача в обществе	Возможный выход медицинского оборудования из строя из-за высокого износа в условиях роста обращений и госпитализаций
Строительство новых учреждений здравоохранения: отдельных корпусов Республиканской клинической инфекционной больницы	Сохранение недостаточного финансирования медицинских организаций в условиях нестабильного экономического положения в стране
Внедрение международных стандартов качества и безопасности медицинской деятельности	Возможное снижение качества оказания медицинской помощи в условиях роста обращений и госпитализаций
Внедрение новых цифровых технологий	Длительность процесса нового строительства медицинских учреждений
Совершенствование работы по обмену опытом с ведущими медицинскими организациями страны	Рост числа запущенных патологий в связи с несвоевременной диагностикой и лечением, рост общей заболеваемости и смертности

Таким образом, пандемия COVID-19 потребовала серьезной мобилизации всей отрасли здравоохранения Республики Бурятия, своевременного принятия управленческих решений в сфере организации работы амбулаторно-поликлинических и стационарных служб, финансирования, кадровой и информационной политики.

В ходе проведенного исследования определены основные направления модернизации системы здравоохранения Республики Бурятия в условиях пандемии COVID-19:

- 1) назрел вопрос комплексного решения проблемы с кадрами – привлечение кадров, повышение их компетенций, подъем престижа медицинских работников в отрасли;
- 2) необходимо усиление безопасности медицинской деятельности в медицинских организациях (в связи со вспышками коронавирусной инфекции в крупных медицинских стационарах: РКБ Семашко, ГБ № 4);
- 3) целесообразно широко осваивать новые информационные технологии диагностике, лечению и организации медицинской помощи (онлайн консультирование, использование ботов в колл-центрах, использование мессенджеров для консультирования);
- 4) следует совершенствовать информационную политику в сфере здравоохранения с использованием лучшего мирового и российского опыта.

Список литературы

1. Аксенова Е.И., Безымянный А.С., Гавриленко О.Ф. COVID-19: Анализ лучших управленческих практик. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2021. 150 с.
2. Борисова Д.Е. Управление здравоохранением регионов в условиях распространения новой коронавирусной инфекции // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 4. С. 19-24.
3. Перхов В.И., Калиев М.Т., Гриднев О.В. Пандемия COVID-19: реализованные решения и предстоящие задачи в сфере общественного здравоохранения // Менеджер здравоохранения. 2020. № 7. С. 12–16.
4. Стародубов В.И., Кадыров Ф.Н., Обухова О.В., Базарова И.Н., Ендовицкая Ю.В. Оценка государственной политики в отношении отдельных вопросов функционирования здравоохранения в период распространения коронавируса COVID-19 // Менеджер здравоохранения. 2020. № 6. С. 71–78.
5. Переходов С.Н., Родюкова И.С., Чаус Н.И., Сницарь А.В. Многопрофильный стационар: организация перепрофилирования при пандемии COVID-19 // Кремлевская медицина. Клинический вестник. 2021. № 3. С. 98-104.
6. «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 336 с.

Информация об авторе

Башкуева Елена Юрьевна (Россия, Улан-Удэ) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН (670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 8, e-mail: frombear@mail.ru).

Bashkueva E.Yu.

HEALTH SYSTEM MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF COVID-19 PANDEMIC: EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Abstract. *SWOT-analysis of the health care system of the Republic of Buryatia during the pandemic was performed. On the basis of expert evaluations the timely adoption of management decisions in the organization of outpatient and inpatient services, financing, human resources and information policy has been revealed. The directions for improving the modernization of the regional health care system in the conditions of the pandemic were outlined.*

Key words: *Health care, Ministry of Health, management, pandemic, COVID-19, Republic of Buryatia.*

Information about the author

Bashkueva Elena Yu. (Ulan-Ude, Russia) – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of Regional Economic Research, Buryat Scientific Center, Siberian Branch of RAS (670047, Ulan-Ude, Sakhyanova St., 8, e-mail: frombear@mail.ru).

Bibliography

1. Aksenova E.I., Bezmyannyi A.S., Gavrilenko O.F. COVID-19: Analysis of the best management practices. Moscow: NIIOZM DZM, 2021. 150 p.

2. Borisova D.E. Regional Health Care Management in Conditions of New Coronavirus Infection Spread // Problems of Socio-Economic Development of Siberia. 2020. № 4. P. 19-24.
3. Perkhov V.I., Kaliev M.T., Gridnev O.V. COVID-19 pandemic: realized solutions and forthcoming tasks in public health // Healthcare manager. 2020. № 7. P. 12-16.
4. Starodubov V.I., Kadyrov F.N., Obukhova O.V., Bazarova I.N., Endovitskaya Yu.V. Assessment of public policy with regard to certain issues of public health functioning during the spread of coronavirus COVID-19 // Health manager. 2020. № 6. P. 71-78.
5. Perekhodov S.N., Rodiukova I.S., Chaus N.I., Snitsar A.V. Multiprofile hospital: organization of re-profiling during COVID-19 pandemic // Kremlin Medicine. Clinical Herald. 2021. № 3. P. 98-104.
6. «Black Swan» in the White Mask. Analytical Report of National Research University Higher School of Economics on the Anniversary of Pandemic COVID-19 / M. Plaksin, A.B. Zhulin, S.A. Farizova; National Research University «Higher School of Economics». Moscow: The Higher School of Economics, 2021. 336 p.

КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы, с которыми столкнулись российские вузы в период пандемии коронавируса при переходе на дистанционное обучение. Особое внимание уделено проблемам качества высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование, качество высшего образования, пандемия.

Качество образования является актуальной темой исследования ученых всего мира. Однако события последних нескольких лет (период пандемии коронавирусной инфекции и последовавший вынужденный переход на полностью дистанционный формат работы всех образовательных организаций) внесли существенные изменения во все сферы жизни человека, не обойдя стороной и высшее образование [3, 5, 7, 8].

Более чем полугодовой удаленный формат работы и обучения создал новые вызовы системе образования: необходимость быстрой перестройки на непривычный режим работы вузов, возросшая нагрузка на профессорско-преподавательский состав и обучающихся, необходимость освоения новых форм взаимодействия между участниками образовательного процесса. Важнейшим вопросом на этом этапе остается обеспечение качества высшего образования.

О влиянии пандемии на высшее образование опубликовано достаточно много работ. Между тем, многие авторы отмечают одни и те же основные проблемы, которые вызвало распространение коронавирусной инфекции:

1. Необходимость цифровой трансформации системы высшего образования.
2. Увеличение учебной и психологической нагрузки на преподавателей и обучающихся.
3. Трудности взаимодействия участников образовательного процесса при дистанционном формате обучения.
4. Возможное снижение качества высшего образования.

Действительно, еще в первые дни резкого перехода к удаленной работе и обучению на российском рынке резко увеличился спрос на компьютерную технику (а в последующем – её дефицит) и программы для проведения видеоконференций. В совокупности с некачественным интернет-соединением это привело к неравному доступу студентов и педагогов к виртуальному образовательному процессу [8, с. 34].

Как отмечает Г.С. Остапченко, особенностью работы преподавателя в период пандемии является его трансформация из «источника знаний» в консультанта и инструктора по поиску нужной информации в Интернете, учебных и научных изданий и выполнению заданий [7, с. 29]. Сами же учащиеся также испытывали трудности с поиском информации и самостоятельным изучением материала, количество которого в рассматриваемых условиях возросло в значительной мере.

В июне 2020 года был опубликован доклад, подготовленный рабочей группой ректоров вузов, «Уроки стресс-теста: вузы в условиях пандемии» [9]. В нем отмечается, что более половины преподавателей (60%) сомневаются в качестве образования, полученного в режиме «онлайн» и после возвращения к привычному графику работы, не планируют его продолжать [9, с. 15]. Но существует группа педагогов (около

25%, а в ведущих вузах – до 40%), которая готова использовать дистанционные технологии и считает, что качество образования не снижается при такой форме обучения [9, с. 16].

Вузы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры также столкнулись с обозначенными трудностями.

Так, в Сургутском государственном педагогическом университете результаты опроса, проведенного в июне 2020 среди 1121 обучающихся, показали, что большая часть респондентов (70,2%) достаточно хорошо адаптировалась к новым условиям. Однако только для 26,5% дистанционный формат оказался удобным, 50,8% испытывали некоторые сложности, а для 22,2% респондентов дистанционное обучение оказалось трудным процессом. Почти 83% респондентов отметили увеличение учебной нагрузки. Также обучающиеся отмечали такие трудности, как проблемы восприятия материала (54,6%), технические проблемы (48,8%) и проблемы поиска источников получения информации по теме (39,9%) [4].

Также вузами округа был проведен ряд небольших исследований по отдельным вопросам дистанционного обучения.

Например, в Нижневартовском государственном университете были выявлены основные проблемы студентов при организации удаленного обучения: отсутствие возможности проведения практических занятий, технические проблемы с Интернет-ресурсами и сложности с усвоением материала [2, с. 359]. Другое исследование в этом вузе было посвящено психоэмоциональному состоянию обучающихся. Стоит отметить, что результаты позволяли сделать вывод о благоприятном психоэмоциональном состоянии у большинства опрошенных студентов, но отдельные высокие показатели (результаты исследования ситуативной и личностной тревожности) говорят о возможности негативных эмоциональных проявлений [1, с. 109-110].

Обучающиеся Сургутского государственного университета также столкнулись со схожими проблемами: отсутствие прямого контакта с преподавателем и личностного подхода, проблемы с постоянным доступом в интернет, проблемы с проведением практических занятий [6].

Таким образом, пандемия коронавирусной инфекции и последующий переход на дистанционное обучение выявил ряд проблем. Вынужденный переход на новые методики преподавания, недостаточное материально-техническое оснащение вузов, возросшая учебная и психологическая нагрузка на преподавателей и обучающихся, ограниченная возможность по организации и контролю качества освоения компетенций могут привести к снижению качества высшего образования.

Список литературы

1. Акутина Е.А., Погонышева И.А. Исследование психоэмоционального состояния студентов в условиях дистанционного обучения // XXIII Всероссийская студенческая научн.-практ. конф. Нижневартовского государственного университета, Нижневартовск, 06–07 апреля 2021 года. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет. 2021. С. 107-112.
2. Атакова А.М., Сторчак Т.В. Отношение студентов к дистанционному // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 12. С. 356-359.
3. Грунт Е.В., Беляева Е.А., Лисситса С. Дистанционное образование в условиях пандемии: новые вызовы российскому высшему образованию // Перспективы науки и образования. 2020. № 5(47). С. 45-58.

4. Исследование удовлетворенности студентов качеством дистанционного обучения в БУ «Сургутский государственный педагогический университет». URL: http://www.surgpu.ru/media/uploads/2021/01/05/mon_omko5.pdf (дата обращения 23.03.2022).
5. Клячко Т.Л., Синельников-Мурылев С.Г. Российское высшее образование и воздействие на него пандемии коронавируса // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 4. С. 9-21.
6. Муллер О.Ю., Волощук О.С. Достоинства и недостатки дистанционного обучения // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 73-6. С. 105-108.
7. Остапченко Г.С. Дистанционное обучение в вузе в период пандемии: проблемы и возможные риски // Теория и практика общественного развития. 2021. № 5(159). С. 28-30.
8. Полозков М.Г. Цифровая трансформация системы высшего образования: два года пандемии // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 2. № 9(117). С. 32-36.
9. Уроки «стресс-теста» вузы в условиях пандемии и после нее: аналитический доклад // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

Информация об авторах

Богдан Дарья Ивановна (Россия, Сургут) – аспирант, Сургутский государственный педагогический университет (628417, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10, корп. 2; e-mail: office@surgpu.ru).

Власова Ольга Владимировна (Россия, Сургут) – кандидат социологических наук, доцент кафедры, Сургутский государственный педагогический университет (628417, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д.10, корп. 2; e-mail: office@surgpu.ru).

Bogdan D.I., Vlasova O.V.

THE QUALITY OF HIGHER EDUCATION DURING THE PANDEMIC: A SOCIOLOGICAL ASPECT

Abstract. *The article discusses the main problems faced by Russian universities during the coronavirus pandemic when switching to distance learning. Special attention is paid to the problems of the quality of higher education.*

Key words: *higher education, quality of higher education, pandemic.*

Information about the authors

Bogdan Darya I. (Russia, Surgut) – postgraduate student of the direction of training 39.06.01: Sociological sciences BU Surgut State Pedagogical University (628417, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, Surgut, 50 let VLKSM, d. 10/2; office@surgpu.ru).

Vlasova Olga V. (Russia, Surgut) – candidate of sociological sciences, associate professor of the department of socio-economic education and philosophy of Surgut State Pedagogical University (628417, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, Surgut, 50 let VLKSM, d.10 / 2; office@surgpu.ru).

Bibliography

1. Akutina E.A., Pogonysheva I.A. Issledovanie psihojemocional'nogo sostojanija studentov v uslovijah distancionnogo obuchenija // XXIII Vserossijskaja studencheskaja nauchno-praktičeskaja konferencija Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta, Nizhnevartovsk, 06–07 aprlja 2021 goda. – Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet, 2021. P. 107-112.
2. Atakova A.M., Storchak T.V. Otnoshenie studentov k distancionnomu // Bjulleten' nauki i praktiki. 2021. T. 7. № 12. P. 356-359.
3. Grunt E.V., Beljaeva E.A., Lissitsa S. Distancionnoe obrazovanie v uslovijah pandemii: novye vyzovy rossijskomu vysshemu obrazovaniju // Perspektivy nauki i obrazovanija. 2020. № 5(47). P. 45-58.
4. Issledovanie udovletvorennosti studentov kachestvom distancionnogo obuchenija v BU «Surgutskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet». URL: http://www.surgpu.ru/media/uploads/2021/01/05/mon_omko5.pdf (accessed date: 23.03.2022).
5. Kljachko T.L., Sinel'nikov-Murylev, S.G. Rossijskoe vysshee obrazovanie i vozdejstvie na nego pandemii koronavirusa // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2020. T. 24. № 4. P. 9-21.
6. Muller O.Ju., Voloshhuk, O.S. Dostoinstva i nedostatki distancionnogo obuchenija // Tendencii razvitija nauki i obrazovanija. 2021. № 73-6. P. 105-108.
7. Ostapchenko G.S. Distancionnoe obuchenie v vuze v period pandemii: problemy i vozmozhnye riski // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2021. № 5(159). P. 28-30.
8. Polozkov M.G. Cifrovaja transformacija sistemy vysshego obrazovanija: dva goda pandemii // Jekonomika i upravlenie: problemy, reshenija. 2021. T. 2. № 9(117). P. 32-36.
9. Uroki «stress-testa» vuzy v uslovijah pandemii i posle nee: analitičeskij doklad // Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf (accessed date: 23.03.2022).

ВУЗОВСКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ О СПЕЦИФИКЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РЕГИОНА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Аннотация. В статье приводится анализ результатов экспертного опроса администраторов высших учебных заведений, входящих в Ассоциацию вузов Центра России относительно восприятия ими дистанционного обучения в условиях антивирусной самоизоляции и возникающих при этом управленческих проблем.

Ключевые слова: социальная ситуация, организация образовательного процесса, дистанционное обучение, управление.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между массовым переходом российской системы высшего образования на дистанционный формат обучения и недостаточной готовностью участников образовательного процесса к работе в условиях новых требований, вызванных пандемией COVID-19. Преподаватели, студенты и администраторы высших учебных заведений в России столкнулись с целым рядом трудностей, анализ которых позволит выделить объективные и субъективные факторы их возникновения и разработать рекомендации по дальнейшей организации удалённого обучения в его сочетании с традиционным форматом.

В отличие от всех предыдущих модернизаций и реформ данная ситуация характеризуется, во-первых, охватом всей системы образования страны на всех уровнях её функционирования; во-вторых, неожиданностью, отсутствием какой-либо специальной предварительной подготовки к такому переходу; в-третьих, одномоментностью перевода на качественно иной формат обучения.

Опыт перехода к дистанционному способу обучения студентов 2020-21 гг. представляет ценность для всех субъектов университетского пространства. Управленческой команде он полезен осознанием факторов и механизмов оперативного управления экстремальными изменениями, позволившим в короткие сроки в ситуации неопределённости обеспечить успешное решение поставленной задачи. Для преподавателей и студентов важным результатом стало резкое качественное приращение компетенций применения дистанционных технологий в учебном процессе [1, 105].

В управлении университетами в условиях экстремальных изменений была задействована технология обратной связи от субъектов образовательного процесса (студентов и преподавателей), что позволило управленческой команде получать информацию о промежуточных результатах и своевременно вносить коррективы для принятия адекватных управленческих решений при переходе на последующие этапы. В качестве инструмента получения обратной связи во многих вузах, в том числе Воронежском госуниверситете были организованы экспресс-опросы студентов и преподавателей. [2, с. 28].

Несомненно, что опыт перехода к дистанционному способу обучения студентов представляет ценность для всех субъектов университетского пространства. Управленческой команде он полезен осознанием факторов и механизмов оперативного управления экстремальными изменениями, позволившим в короткие сроки в ситуации неопределённости обеспечить успешное решение поставленной задачи. Для преподавателей и студентов важным результатом стало резкое качественное приращение компетенций применения дистанционных технологий в учебном процессе.

Руководителям и управленческим командам образовательных организаций будет полезно для рефлексии и сравнительного анализа подобных изменений в своих вузах проводить мониторинг ситуации среди различных субъектов образовательного процесса. Оценка эффективности используемых механизмов и принимаемых решений, а также проработка обратной связи помогут предупредить возникновение негативных последствий и работать на дальнейшее развитие организации даже в неблагоприятных в глобальном смысле условиях.

Важен этот опыт и в контексте осознания значимости гуманитарной составляющей управленческого процесса. В частности, целесообразно использование на всех этапах экстремальных изменений обратной связи и реализации наряду с директивной моделью модели консультативно-партнерской, что обеспечивает поддержание внутренней мотивации профессорско-преподавательского состава университета – операционного ядра организации, реализующей образовательный процесс [3, с. 88]

В начале марта 2021 г. по заказу ректората ВГУ были опрошены представители четырёх уровней управления высших учебных заведений Воронежской области и других регионов, входящих в Ассоциацию вузов Центра России. В экспертную группу вошли ректоры, проректоры, деканы факультетов и заведующие кафедрами.

Цель исследования – получить представление о позиции руководства вузов относительно последствий переживаемого периода самоизоляции.

Задачи исследования: 1) определить основные уроки, полученные из напряженной, практически годичной работы в условиях пандемии; 2) выявить организационные проблемы, которые необходимо решать для оптимизации перехода вузовской системы к стандартным условиям функционирования после выхода из самоизоляции; 3) обозначить проблемы коммуникации, которые возникли у преподавателей и студентов в условиях самоизоляции; 4) оценить роль межвузовского сотрудничества и взаимодействия в период пандемии, после нее. Соответственно экспертам было задано 4 полуоткрытых вопроса.

Начнем с основных уроков, которые можно извлечь из работы вузов в условиях пандемии. Главный из них: необходимость учитывать отношения участников (студенчества, педагогов, администрации и обслуживающего персонала) к коммуникации в виртуальном пространстве. В этом качестве его называют все участники опроса, независимо от должностного статуса.

Таблица 1. Какие основные уроки удалось усвоить Вам и Вашим коллегам из напряженной работы в условиях пандемии? (ранги ответов)

	Ректоры	Проректоры	Деканы	Заведующие кафедрой	Итого
Сформировалась потребность в познании социальной психологии основных групп вузовского сообщества, оперативного реагирования на возникающие проблемы	1	3	3	3	2
Необходимость учитывать отношения студенчества, педагогов, администрации и обслуживающего персонала к коммуникации в виртуальном пространстве	1	1	1	1	1
Осознана значимость прогнозирования, обнаружения и предотвращения социальных конфликтов, вызываемых ситуацией угрозы заболевания и длительной изоляции	3	4	3	4	4
Определелись параметры понятия «мобилизационное высшее образование в период пандемии»	2	5	4	2	4

Окончание таблицы 1

	Ректоры	Проректоры	Деканы	Заведующие кафедрой	Итого
Приходится констатировать неготовность отдельных вузовских подразделений к критическим условиям функционирования	0	6	5	2	5
Оказался полезным опыт ознакомления с идентичными процессами в стране и в мире, необходимость формирования готовности к целенаправленному формированию у участников образовательного процесса морально-психологических качеств, необходимых для успешной адаптации сообществ к пост пандемическому периоду	3	2	2	4	3

На втором месте оказалась потребность в познании социальной психологии основных групп вузовского сообщества, причем у ректорского корпуса даже на первом месте. Третье место занял опыт ознакомления с подобными процессами в стране и в мире. Кроме ответов, которые видны в таблице, респонденты добавляли свои формулировки. Так, один из ректоров отмечает, что стала очевидной необходимость использования сценарного анализа и иных инструментов стратегического планирования – осознанная значимость ответственности вуза перед сотрудниками, обучающимися, партнерами в т.ч. и работодателями. Необходимость изменения логики управления образовательным процессом, способность использовать цифровую среду не только для обучения, но и для управления процессом отмечает один из проректоров.

На необходимость и важность развитых компетенций для работы в цифровом пространстве и качественного методического оснащения онлайн образовательных программ указывают деканы и заведующие кафедрами. Практикующие преподаватели, к которым гораздо ближе находится заведующий кафедрой, на ходу осваивая расширенные объемы ранее частично привлекаемых цифровых технологий, достаточно взвешенно оценивают существующие недоработки и новые ресурсные возможности, высказываясь о необходимости взаимно дополнительных классических аудиторных и инновационных цифровых образовательных технологий в период после завершения пандемического кризиса в социуме [4, с. 130].

Какие организационные проблемы нужно решить для оптимизации перехода вузовской системы к стандартным условиям функционирования после выхода из самоизоляции?

Здесь на первом месте проведение межвузовского сравнительного исследования субъективного восприятия участниками образовательного процесса эффективности деятельности в условиях до пандемии, в период пандемии, и после нее с целью определения «слабых мест».

На втором месте организация для сотрудников администрации вузов кратких курсов по изучению особенностей функционирования системы в критических условиях и рисках с привлечением психологов, а также консультации специалистов для студентов и преподавателей.

Третье место – включение в учебные планы специализированных разделов дисциплин – социологии медицины, социальной психологии молодёжи в нестандартных условиях обучения. Кроме того, предлагается оказать организационную и материальную поддержку молодым вузовским ученым и студентам, вовлеченным в исследовательские и социальные проекты, разработать

систему, комплексно обеспечивающую формирование и постоянное расширение цифровых компетенций преподавателей и студентов, увеличить финансирование с целью решения потребностей вуза в приобретении технических и программных средств для обеспечения дистанционного обучения.

Таблица 2. Какие проблемы коммуникации, на Ваш взгляд, возникли у преподавателей и студентов в условиях самоизоляции? (ранги ответов)

	Ректоры	Проректоры	Деканы	Заведующие кафедрой	Итого
Проблема оперативности обновления информации на портале и сайтах вуза	3	5	5	4	6
Неясность тенденций в организации процесса обучения	3	4	4	2	5
Постоянная напряжённость в ожидании ухудшения обстановки	2	2	1	2	2
Взаимные «наложения» приказов и распоряжений вышестоящих организаций, их противоречивость	4	0	5	4	8
Страх заболевания	3	3	2	4	4
Связи с коллегами	0	0	4	0	9
Разрастание чувства социальной изолированности, одиночества	4	1	3	3	3
Проблемы технического обеспечения процесса обучения	1	4	1	1	1

Как видно из таблицы, почти единодушно приоритет отдается проблемам технического обеспечения процесса обучения. Постоянная напряжённость в ожидании ухудшения обстановки также отрицательно влияет на коммуникации. Особенно этот фактор выделяют деканы. На третьем месте разрастание чувства социальной изолированности, одиночества. Кроме того, неясность тенденций в организации процесса обучения больше волнует заведующих кафедрами. При анализе особого мнения можно выделить различный уровень ИТ-компетенций и различные материальные возможности обеспечения использования дистанционных технологий (ректоры), использование многими студентами в качестве главного информационного-коммуникационного средства смартфонов, что существенно ограничивает полноценную образовательную коммуникацию; нарушения режима жизнедеятельности (деканаты). Заведующие кафедрами отмечают большой объем электронной документации, требующий дополнительного времени и ресурсов и сложность в реализации некоторых аспектов обучения (объективный текущий контроль) в силу особенностей онлайн обучения, а также технических проблем коммуникации.

В период пандемии и после нее, роль межвузовского сотрудничества и взаимодействия должна возрасти – считают все опрошенные ректоры и проректоры, но только 40% деканов и 30% заведующих кафедрами. Очевидно, последние цифры могут свидетельствовать о недостаточной вовлеченности руководителей этих уровней

Проведенное исследование показало, что во мнениях вузовских руководителей различного уровня много общего. Все испытывают трудности, связанные с краш-тестом перехода на дистанционное обучение. Одно из самых больших опасений для вузов в период пандемии – падение качества высшего образования. Из-за неравномерной готовности преподавательского состава и кафедр к переходу в онлайн-пространство, недостаточного технического оснащения и других сложностей многие студенты получают совсем другой образовательный опыт в онлайн-среде, и вузам

важно идентифицировать слабые места и выработать корректные методы мониторинга в новых условиях. Качественный переход в онлайн-формат во многих случаях предполагает наличие курсов повышения квалификации, индивидуальной работы с преподавателями, переработки содержания курсов и пр., что также требует дополнительных ресурсов. Во время самоизоляции весьма важно получать обратную связь от студентов и сотрудников вуза. Как показывает опрос, поддержку студентов и преподавателей руководители университетов видят главным приоритетом среди краткосрочных задач.

Пандемия коронавируса дает возможность пересмотреть принципы организации сети высшего образования и науки в России. Очевидно, что назрел переход от слабо взаимодействующей совокупности университетов и научных институтов к развитию сети высшего образования. Необходимо преодолевать цифровое и технологическое неравенство, повышать доступность образования в регионах и устойчивость сети высшего образования. Время диктует необходимость формирования новых форматов научного сотрудничества, расширения сетей кооперации и включения в них новых участников. Необходимо повышать конкурентоспособность академической карьеры для молодых специалистов, выработать единые подходы к формированию индивидуальных образовательных траекторий с учетом специфики организации учебного процесса в каждом регионе, вузе и при методической поддержке ведущих региональных университетов [5, 6].

Необходимо также поставить вопросы о том, насколько функционирование и алгоритмы цифровых образовательных технологий соответствуют педагогическим задачам и научно обоснованным моделям обучения и преподавания, какие ограничения они накладывают на образовательный процесс, какие свойства и функции нужно изменить или добавить и т.д. [6, 52].

Список литературы

1. Гафуров И.Р., Ибрагимов Г.И., Калимуллин А.М., Алишев Т.Б. Трансформация обучения в высшей школе во время пандемии: болевые точки // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 101-112.
2. Верецкая А.И., Квасова А.А., Стеценко А.И. Преподаватели и студенты Воронежского университета о дистанционном обучении в условиях антивирусной самоизоляции // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2020. № 4. С. 28-31.
3. Казак М.А., Белинская Т.В., Краснощеченко И.П. Управление переходом к дистанционному способу реализации образовательного процесса: опыт Калужского государственного университета // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 2. С. 75-91.
4. Ладъжец Н.С., Неборский Е.В., Богуславский М.В., Наумова Т.А.. Социально-образовательные аспекты форсмажорной актуализации теории и практики цифрового университета в условиях пандемии COVID-19. // Вестник Удмуртского университета. Серия: Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. Вып. 2. С. 129–130.
5. Кокшаров В.А. Пандемия – шанс пересмотра принципов организации сети высшей школы. // Университетское управление: практика и анализ. 2020. № 24(3). С. 5–6.
6. Пашков М.В., Пашкова В.М. Проблемы и риски цифровизации высшего образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 3. С. 40–57.

Информация об авторах

Верецкая Алла Ивановна (Россия, Воронеж) – кандидат философских наук, доцент, Воронежский государственный университет (394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1; e-mail: allaver@bk.ru).

Довейко Александр Борисович (Россия, Воронеж) – кандидат социологических наук, доцент, Воронежский государственный университет (394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1; e-mail: modest0909@yandex.ru).

Квасова Анастасия Александровна (Россия, Воронеж) – старший преподаватель, Воронежский государственный университет (394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1; e-mail: socguly@gmail.com).

Стетенко Анатолий Иванович (Россия, Воронеж) – кандидат исторических наук, доцент, Воронежский государственный университет (394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1; e-mail: stetsenko_a@list.ru).

Veretskaya A.I., Doveiko A.B., Kvasova A.A., Stetsenko A.I.

UNIVERSITY LEADERS ON THE SPECIFIC FUNCTIONING OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE REGION DURING THE PANDEMIC

Abstract. *The article analyzes the results of an expert survey of administrators of higher educational institutions that are members of the Association of Universities of the Center of Russia regarding their perception of distance learning in the conditions of anti-virus self-isolation and the managerial problems that arise in this case.*

Key words: *social situation, organization of the educational process, distance learning, management.*

Information about the authors

Veretskaya Alla I. (Russia, Voronezh) – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Voronezh State University (394018, Russia, Voronezh, Universitetskaya Square, 1, allaver@bk.ru).

Doveiko Alexander B. (Russia, Voronezh) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (394018, Russia, Voronezh, Universitetskaya Square, 1, modest0909@yandex.ru).

Kvasova Anastasia A. (Russia, Voronezh) – Senior Lecturer, Voronezh State University (394018, Russia, Voronezh, Universitetskaya Square, 1, socguly@gmail.com).

Stetsenko Anatoly I. (Russia, Voronezh) – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (394018, Russia, Voronezh, University Square, 1, stetsenko_a@list.ru).

Bibliography

1. Gafurov I.R., Ibragimov G.I., Kalimullin A.M., Alishev T.B. Transformation of education in higher education during a pandemic: pain points // Higher education in Russia. 2020. V. 29. No. 10. Pp. 101-112.
2. Veretskaya A.I., Kvasova A.A., Stetsenko A.I. Teachers and students of the Voronezh University about distance learning in the conditions of anti-virus self-isolation // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education. 2020. No. 4. Pp. 28-31.
3. Kazak M.A., Belinskaya T.V., Krasnoshchechenko I.P. Management of the transition to the remote method of implementing the educational process: the experience of Kaluga State University // University management: practice and analysis. 2020. V. 24, No. 2. Pp. 75-91.

4. Ladyzhets N.S., Neborsky E.V., Boguslavsky M.V., Naumov T.A. Social and educational aspects of force majeure actualization of the theory and practice of the digital university in the context of the COVID-19 pandemic // Bulletin of the Udmurt University. Series: Sociology. Political science. International relationships. 2020. Vol. 4. No. 2. Pp. 129-130.
5. Koksharov V.A. Pandemic – a chance to revise the principles of organizing a network of higher education // University Management: Practice and Analysis. 2020; 24(3): pp. 5–6.
6. Pashkov M.V., Pashkova V.M. Problems and risks of digitalization of higher education // Higher education in Russia. 2022. V. 31. No. 3. Pp. 40-57.

ПРОЕКТ «ПУШКИНСКАЯ КАРТА» КАК ОТВЕТ НА НОВЫЕ И СИСТЕМНЫЕ ВЫЗОВЫ В РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. *Рассматривается влияние реализации проекта «Пушкинская карта» в Вологодской области для развития региональной сферы культуры и повышения культурной активности молодежи. Рассчитаны потенциальные объемы привлеченных средств, изменение структуры потребительских расходов.*

Ключевые слова: *Пушкинская карта, культурные услуги, финансирование, Вологодская область.*

В июне 2021 года инициирована федеральная программа господдержки «Пушкинская карта», которая призвана повысить доступность учреждений культуры для молодежи. В рамках проекта каждый житель России в возрасте от 14 до 22 лет (включительно) может получить специальную банковскую карту, которой сможет оплачивать билеты в музеи, театры, концертные организации и другие учреждения культуры по всей стране. Программа «Пушкинская карта» охватила все 85 субъектов Российской Федерации, к проекту присоединились почти 1,5 тыс. федеральных, региональных и муниципальных учреждений культуры. Номинал «Пушкинской карты» на 2021 год составляет 3000 рублей, на 2022 год запланировано увеличение до 5000 рублей. Их можно будет потратить исключительно на приобретение билетов в учреждения культуры и на услуги, отобранные Министерством культуры (критерий отбора – качество оказываемой услуги).

Данная инициатива крайне актуальна в современных условиях и решает ряд важных задач. Во-первых, это стимулирование культурной активности, что востребовано в условиях ограничения массовых мероприятий в период пандемии, невозможности перевода большей части традиционных культурных услуг в онлайн-формат без потери качества, восприятия и смысла [1, 4]. Во-вторых, дополнительное финансирование и повышение привлекательности услуг учреждений культуры. Данная отрасль социальной сферы ощутила на себе сильное влияние последствий коронакризиса, несмотря на успешные практики присутствия и оказания услуг в онлайн-формате, так или иначе многие учреждения потеряли часть своих посетителей, снизили доходность в условиях невозможности оказания платных услуг.

Целью исследования явилась оценка объема потенциально привлеченных программой «Пушкинская карта» финансовых средств в отрасль культуры региона в 2021 году. Объект исследования – Вологодская область. Исследование проведено на данных Вологодской области. Информационную базу составили данные официальной статистики о численности населения в определенных возрастах, информация о бюджетах Российской Федерации и Вологодской области, данные социологического опроса населения Вологодской области «Социокультурный портрет региона», проведенного в 2021 году (выборка 1500 человек в возрасте старше 18 лет, из 2 городов и 8 муниципальных районов области, квотная по полу и возрасту, ошибка не превышает 3%, метод получения данных – раздаточное анкетирование).

Переходя к результатам исследования, стоит определить основные параметры культурно-досуговой активности молодежи Вологодской области. Для этого обратимся к данным социологического опроса и изучим характеристики наиболее близкой группы к получателям карты – молодым людям региона в возрасте 18-24 лет (нижняя граница опережается тем, что опрос проводится только среди совершеннолетних людей.). В силу возраста и образа жизни для данной группы молодёжи важны условия для проведения досуга и получения культурных услуг. Так, наблюдаются разрывы между важностью данных характеристик для качественной жизни и удовлетворенностью ими в месте проживания. Важность полноценного досуга весьма высока (так ответили 90% молодых вологжан), а вот удовлетворены им в той или иной степени только 56%. С доступностью культурной инфраструктуры ситуация похожая: 83% отмечают ее несомненную важность, удовлетворены ею 53%. Данные несоответствия могут быть детерминированы неудовлетворенностью качеством услуг, их низкой доступностью, отсутствием временных или финансовых ресурсов. Вместе с тем неудовлетворенность сферой досуга и развлечений становится важным фактором миграционных настроений молодежи наряду с такими незыблемыми детерминантами, как образование и трудоустройство [3, 5]. Однако стоит отметить несколько более оптимистичный настрой молодых людей региона по сравнению с другими возрастными группами: оценивают обеспеченность жителей своего населённого пункта услугами культуры и эстетику городской среды как отличную и хорошую 46% молодых людей в возрасте 18-24 лет, как плохую и неудовлетворительную – только 17%. Для представителей старших возрастов число положительных оценок ниже на 10-14 п.п.

Кроме того, представители данной возрастной группы являются наиболее частыми посетителями всех традиционных учреждений культуры, среди них меньше всего тех, кто никогда не обращался за тем или иным видом услуг по сравнению с представителями других возрастных групп. Однако чаще они посещают кинотеатры, реже – музеи, театры и библиотеки, для этих учреждений одна из возможностей развития как раз заключается в трансформации культурных практик молодежи посредством материального стимулирования в рамках проекта «Пушкинская карта».

Таким образом, стоит заключить что молодые люди региона могут быть потенциально заинтересованы в дополнительных инструментах стимулирования культурной активности, что должно положительно влиять на их социальное самочувствие, самооценку качества жизни, территориальную идентичность с местом проживания и снижение установок на горизонтальную мобильность. Для отрасли культуры также очевидно положительное влияние привлечения дополнительных источников финансирования. Так, расходы бюджета Вологодской области на сферу культуры и кинематографию за последние 5 лет не превышали 2% всех расходов. В период с 2017 по 2021 гг. они увеличились на 72% (при расчетах в сопоставимых ценах), однако их доля в общих расходах бюджета практически не изменилась. Согласно плану на 2022 год, финансирование снизится еще на 14%, очевидно, что в данных условиях отрасль нуждается в дополнительных источниках привлечения финансовых средств, оказание платных услуг – это жизненно необходимый ресурс для развития учреждений.

Для оценки потенциала экономического эффекта программы «Пушкинская карта» используем следующие допущения: примем за условие то, что вся молодежь региона в возрасте 18-22 лет станет участником программы и реализует выделенные деньги в

учреждениях региона. На это потенциально может сыграть новизна проекта, ранний возраст выдачи карты, а также необходимость дополнительных затрат на получение услуг в других регионах (транспортные и иные) может способствовать тому, что большая часть услуг по программе все же будет получена внутри Вологодской области.

Так расчеты показывают, что возможные финансовые вливания в сферу культуры составят более 299 млн. рублей (табл. 1). В данном варианте потенциальные вливания в сферу культуры и кинематографии региона к запланированным расходам бюджета увеличатся на 23%.

Таблица 1. Потенциальный объем привлеченных средств в рамках программы «Пушкинская карта»

Характеристики	Вологодская область
Численность людей в возрасте 14-22 лет на 1 января 2021 года	99946
Номинал «Пушкинской карты» в 2021 году, руб.	3000
Потенциальный объем привлеченных средств в рамках программы «Пушкинская карта», млн. руб.	299,838
Источник: рассчитано автором с использованием: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года. Стат. Бюллетень. М.: Росстат. 2021., Численность населения Вологодской области по полу и возрасту на 1 января 2021 года. Стат. бюллетень. Вологда.: Вологдастат, 2021.	

Также участие в программе «Пушкинская карта» способно влиять на изменение структуры потребительских расходов домохозяйств. Традиционно в бюджете российских домохозяйств строка расходов на оплату услуг учреждений культуры остается незначительной. Как показывают исследования, расходы на культуру и отдых более эластичны и подвержены большим колебаниям в ответ на изменение доходов [2]. Это та статья, на которой можно сэкономить, отложить «на потом», в бюджетах домохозяйств в Вологодской области она снизилась в 2020 году по сравнению с 2019 годом на 2,4 п.п (таблица 2). В период с 2017 года расходы на данные услуги снизились на 40% в денежном выражении, и на 1,7 п.п. уменьшилась их доля. Так, в 2020 году в среднем на потребление услуг учреждений культуры в расчете на одного члена домохозяйств в регионе тратилось 366 рублей. Еще в период до начала пандемии коронавирусной инфекции и локдауна данная сумма составляла вдвое больше – 780 руб.

Таблица 2. Потребительские расходы на услуги учреждений культуры в домохозяйствах Вологодской области, на одного члена домохозяйства в руб.

Наименование	2017	2018	2019	2020	Тем прироста 2021 к 2017, %
Потребительские расходы в сопоставимых ценах (на 2020 год), руб.	17392,5	18442,6	18237,7	19010,0	9,3
Расходы на услуги учреждений культуры в сопоставимых ценах, руб.	622,4	767,0	780,1	366,0	-41,2
В % от общей суммы расходов	3,6	4,2	4,3	1,9	-1,7
Источник: составлено автором с использованием: Доходы и расходы домохозяйств. стат. сборник. Вологдастат. Вологда, 2021.					

Участие в программе способно значительно трансформировать структуру потребительских расходов домохозяйств, в которых проживают молодые люди. В сред-

нем по стране средний чек оплат по Пушкинской карте составляет 700 рублей¹. Для региональных пользователей возможности шире, так как цена услуг ниже. В аккредитованных учреждениях региона цены на билеты варьируются от 60 рублей (выставки, экспозиции) до 600 рублей (концерты Филармонии, театральные спектакли), средний чек более низкий – 300-350 рублей². Используя возможности программы в рамках региона, участник может посетить до 10 различных мероприятий.

Заключая, стоит отметить, что рассматриваемая программа обладает высокой значимостью для развития региональной сферы культуры и повышения культурной активности молодых людей. Существует также потенциал сохранения традиционных форм производства и потребления культурных благ, что особенно значимо для приобщения молодого поколения к культурному наследию, формированию культурной самоидентичности. При условии включенности всех потенциальных участников в Вологодской области финансовые влияния в культуру могут увеличиться на 23% в сравнении с планируемыми расходами бюджета региона. Кроме того, потребительские расходы домохозяйств участников на услуги культуры могут вырасти и способствовать более частому и качественному культурному потреблению. Безусловно данная программа является примером новых форм социальной политики, решающих сложные многокомпонентные задачи, и современной формой ответа управления на вызовы неопределенности.

Список литературы

1. Музычук В.Ю. Культурная повестка в формировании качества народонаселения России // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. № 2. С. 178–191. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.2.2
2. Неравенство в потреблении домохозяйств стран ЕС // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Март 2020. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/%D0%BC%D0%B0%D1%80_2020_web.pdf
3. Сергиенко А.М., Иванова О.А. Миграция сельской молодежи в аграрном регионе: тенденции и регуляторы. Регион: экономика и социология. 2018. № 1 (97). С. 116–141.
4. Скульмовская Л.Г., Кудинова О.С., Гауч О.Н. Социокультурный портрет современной учащейся молодежи провинциального города // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (71). С. 156-163.
5. Шафоростова С.Н. Мотивы миграции молодежи из сельской местности в города // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2020. № 12. С. 162-164. URL: <http://journal.asu.ru/smw/article/view/7831>

Информация об авторах

Груздева Мария Андреевна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru).

Калачикова Ольга Николаевна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, заместитель директора, заведующий отделом, Вологодский научный центр РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, e-mail: onk82@yandex.ru).

¹ Почти две тысячи учреждений культуры участвуют в «Пушкинской карте» // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20210929/karta-1752276588.html>

² Информация с сайта Культура.рф. Раздел «Пушкинская карта. URL: <https://www.culture.ru/pushkinskaya-karta>

THE PROJECT “PUSHKINSKAYA KARTA” AS A RESPONSE TO NEW AND SYSTEMIC CHALLENGES IN THE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL SPHERE OF CULTURE

Abstract. *Considered the impact of the implementation of the project “Pushkinckaya karta” in the Vologda region for the development of the regional sphere of culture and increasing the cultural activity of young people. Calculated potential volumes of attracted funds and changes in the structure of consumer spending.*

Key words: *project «Pushkinckaya karta», cultural services, financing, Vologda region.*

Information about authors

Gruzdeva Mariya A. (Russia, Vologda) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Head of the Laboratory of the «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (160014, Vologda, Gorky Street, 56A, mariya_antonovarsa@mail.ru).

Kalachikova Ol'ga N. (Russia, Vologda) – Candidate of Economics, Deputy Director, Head of the Department of the «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (160014, Vologda, Gorky Street, 56A, onk82@yandex.ru).

Bibliography

1. Muzychuk V.Yu. Cultural agenda in shaping the quality of the population of Russia // The level of life of the population of regions of Russia. 2021. Volume 17. No. 2. pp. 178–191. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.2.2
2. Inequality in household consumption in EU countries // Bulletin on current trends in the world economy. March 2020. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/%D0%BC%D0%B0%D1%80_2020_web.pdf
3. Sergienko A.M., Ivanova O.A. Migration of rural youth in the agricultural region: trends and regulators. Region: economics and sociology. 2018. No. 1 (97). pp. 116–141.
4. Skulmovskaya L.G., Kudinova O.S., Gauch O.N. Sociocultural portrait of modern student youth of a provincial town // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2021. No. 2 (71). pp. 156-163.
5. Shaforostova S.N. Motives for youth migration from rural areas to cities // Sociology in the modern world: science, education, creativity. 2020. No. 12. P. 162-164. URL: <http://journal.asu.ru/smw/article/view/7831>

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В исследовании представлен краткий обзор литературы, посвящённой проблеме субъективного благополучия. Производится контент-анализ научной литературы. В работе также затрагиваются такие вопросы как экономическая теория счастья, индекс счастья и терминальные ценности.

Ключевые слова: субъективное благополучие, уровень жизни, субъективные показатели уровня жизни, экономика счастья.

Субъективное благополучие населения выступает важнейшим показателем социально-экономического развития на страновом и региональном уровнях. Между тем, научный интерес к обозначенному феномену сформировался сравнительно недавно. В зарубежном и российском исследовательском поле при разработке экономических теорий, а также проведении эмпирического анализа развития экономики приоритет всегда отдавался объективным данным, основанным на статистическом измерении. Следует согласиться с позицией ученых-экономистов, что население как основной объект экономического анализа оценивает качество своей жизни, основываясь не столько на объективных показателях, а сколько на личном восприятии. Это восприятие может быть обусловлено различными аспектами: удовлетворенностью трудом, доходами, социальным статусом, качеством окружающей среды, миграционной ситуацией, атмосферой в семье, уровнем доверия в социуме, политическим климатом в стране и мире и т.д. Все перечисленное формирует субъективное благополучие [3].

Цель настоящего исследования состоит в попытке анализа степени изученности понятия субъективного благополучия в зарубежной и отечественной экономической науке. Ключевым методом, используемым в данной работе, является контент-анализ текстов научных публикаций.

Понятие субъективного благополучия появилось в 80-х годах XX века и было сформулировано Э. Динером как оценка людьми своей жизни посредством эмоциональных реакций, настроений и суждений. В литературе довольно часто можно встретить отождествление понятий «субъективное благополучие» и «психологическое благополучие», однако сам Динер считал первое компонентом второго. В дальнейшем центральное понятие, предложенное ученым, стало активно использоваться в экономической науке как неотъемлемый атрибут в оценке уровня жизни населения [5].

Серьезный вклад в теоретическое и эмпирическое осмысление понятия «социальное благополучие» вносят исследования американского экономиста Р. Истерлина. В своих трудах автор приходит к выводу, что уровень богатства страны не влияет на долю людей, которые считали себя счастливыми. Это наблюдение получило название «парадокса Истерлина» и привело к развитию в экономической теории направления – «экономика счастья» [7]. Р. Истерлин в статье «Приведёт ли всеобщее повышение доходов к всеобщему повышению уровня счастья?» утверждает, что суждения о личном благополучии делаются путем сравнения объективного социального статуса с субъективной нормой уровня жизни, на которую существенное влияние оказывает средний уровень жизни общества в целом. Отвечая на ключевой

вопрос, обозначенный в названии статьи, ученый приходит к выводу, что увеличение доходов всех людей не увеличит всеобщий уровень счастья. Это связано с тем, что материальные нормы, на которых базируются суждения о благополучии, возрастут в тех же пропорциях, что и фактические доходы общества [10].

В современном зарубежном дискурсе проблематика, связанная с ролью субъективного благополучия в экономических процессах, становится все более востребованным объектом изучения. Исследование А. Штутцера и Б.С. Фрея «Последние разработки в экономике счастья: выборочный обзор» посвящено новым возможностям в экономической науке эмпирического изучения субъективного благополучия. Основываясь на подробном обзоре литературы по измерению и взаимосвязи исследований счастья, экономики и благосостояния, авторы приходят к выводу о том, что «экономика счастья» стала одной из самых процветающих областей в современных экономических исследованиях. По мнению ученых, следует остановиться на четырех ключевых детерминантах счастья в экономике: доходе, занятости, социальном капитале и здоровье. Кроме того, авторы поднимают спорный вопрос о связи субъективного благополучия политического развития современного общества. А. Штутцер и Б.С. Фрей в своем исследовании также подробно останавливаются на инструментах измерения субъективного благополучия. Одно- и многоэлементные опросные вопросы об удовлетворенности своей жизнью охватывают более оценочные аспекты благосостояния отдельных лиц. Более эмоциональные аспекты охватываются вопросами об аффекте [11].

В работе авторов, Долан П., Писгуд Т. и Уайт М., «Действительно ли мы знаем, что делает нас счастливыми? Обзор экономической литературы по факторам, связанным с субъективным благополучием» представлен обширный анализ литературы по проблематике субъективного благополучия. Авторы приходят к выводу о широте факторов благополучия, к примеру таких, как пол, возраст, этническая принадлежность, тип работы, свободное время и т.д. [9]

Проблема социального благополучия активно рассматривается и российскими экономистами. В монографии Н.В. Гоффе и Г.А. Монусовой «Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах» субъективное благополучие определяется авторами как функция восприятия социальной среды, которая преломляется в человеческом сознании, генерируя далекие от действительности образы. Данная работа посвящена видению людьми европейских государств социально-экономической ситуации в их странах. В частности, респондентов опрашивают на темы неравенства доходов, безработицы, миграции. Авторы проанализировали данные различных мониторингов: International Social Survey Programme, European Social Survey, World Value Survey. На основе сравнения данных социологических опросов с объективными показателями уровня жизни (например, коэффициентом Джини) авторы выводят наличие или отсутствие зависимости между реально происходящими социально-экономическими процессами и восприятием этих процессов обществом. По сути, целью данной монографии и является обращение внимания на связь субъективного благополучия людей с их восприятием, а уже потом – статистическими оценками [3].

Важным направлением в российских научных кругах для понятия субъективного благополучия также является экономика счастья, которая рассматривает как экономический феномен удовлетворение человеком своей жизнью. О.В. Антипина в статье «Экономическая теория счастья как направление научных исследований» приходит

к выводу, что ключевым фактором, который влияет на эмоциональное благополучие человека, считается работа, а точнее – её наличие или отсутствие. Автор уточняет, что экономическая теория счастья базируется на ординалистском подходе и «модели упорядочивания субъективных оценок, согласно которой человек должен указать уровень своего счастья по заранее заданной шкале. Для этого опрашиваемые должны иметь схожее представление о счастье и уметь соотносить свои эмоциональные переживания с порядковым номером, который будет отображён на шкале [1].

Различные аспекты социального благополучия населения поднимаются в трудах экономистов на региональном уровне. Данные социологических опросов наряду с объективными статистическими данными при изучении социально-экономических процессов в регионе успешно используются в исследованиях ВолНЦ РАН в рамках научных школ под руководством В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, Т.В. Усковой.

В работе «Уровень жизни населения: опыт региональных исследований», выпущенной на базе ИСЭРТ РАН в 2015 году, во второй и третьей главах продемонстрированы результаты социологического опроса «Социальная дифференциация населения», проводившегося с 2007 по 2013 годы, и опроса «Качество жизни», проведённого в 2014 году. Кроме того, в работе задействованы данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения. Основные выводы состоят в том, что экономическое неравенство нарастает по мере повышения денежных доходов населения, в Вологодской области группа «малообеспеченного» населения остаётся преобладающей, кредитная и сберегательная активность населения снижается [4].

В монографии Е.О. Смолевой «Удовлетворённость жизнью и уровень счастья: взгляд социолога» субъективное благополучие населения рассматривается через призму таких факторов как терминальные ценности и индекс счастья. Кроме того, в работе затронута тема удовлетворённости жизнью в целом, данные о которой в свою очередь отображают рациональную составляющую субъективного благополучия населения. Для характеристики удовлетворённости жизнью

в русле обозначенных проблем интерес представляет статья А.А. Шабуновой и А.И. Россошанского «Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения». В работе описывается теория и методология исследования качества жизни старшего поколения и предоставляются результаты социологического исследования «Качество жизни», ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области в 2016 году. Результаты опросов говорят о том, что представители пенсионного и предпенсионного возраста склонны давать более сдержанные субъективные оценки касательно своего благосостояния. По мнению авторов, старшее поколение по большей части заботят вопросы здоровья, в отличие от молодёжи, для которой высокий уровень жизни тесно связан с высоким материальным достатком и достойной работой [8].

Статья Г.В. Белеховой и А.И. Россошанского «Уровень жизни в оценках населения», посвящена выявлению динамики изменений в уровне жизни населения Вологодской области. Информационной базой статьи являются социологические опросы «Социальная дифференциация населения», «Исследование сберегательного поведения населения», «Качество жизни», мониторинги общественного мнения населения Вологодской области и экономического положения и социального самочувствия населения регионов СЗФО. Авторы выявили существенную дифференциацию покупательной способности по доходному и территориальному критериям. Что касается таких базовых вопросов для определения уровня жизни как питание, жильё и

обеспеченность населения предметами длительного пользования, то доля положительных субъективных оценок к середине 2010-х постепенно росла. Но, пожалуй, основным выводом работы является утверждение о необходимости разработки единого методологического подхода к уровню жизни на основе объективных (статистических) и субъективных данных. В заключении авторы приходят к выводу, что проблемы уровня жизни являются предметом исследования не только экономической науки, но и многих других дисциплин, это создаёт путаницу при выработке и реализации государственного планирования и социальных программ [2].

Таким образом, проблема субъективного благополучия, поднятая Э. Донером в конце XX века, активно изучается и в новом тысячелетии. Сбор актуальных данных об оценках населением своего материального и психологического самочувствия остаётся важной задачей экономики. Субъективные критерии оценки уровня жизни населения по-прежнему остаются наиболее неопределёнными и неоднозначными и требуют более тщательного изучения.

Список литературы

1. Антипина О. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики, 2012. С. 94-107.
2. Белехова Г.В., Россошанский А.И. Уровень жизни в оценках населения // Проблемы развития территории. 2015. №5 (79) С. 77-96.
3. Гоффе Н.В., Монусова Г.А. Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 166 с.
4. Ильин В.А., Шабунова А.А., Россошанский А.И., Белехова Г.В. Уровень жизни населения: опыт региональных исследований. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 64 с.
5. Орлова Д.Г. Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки, 2015. С. 28-36.
6. Смолева Е.О., Морев М.В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога / под науч. рук. д.э.н. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 164 с.
7. Чинакова Н.В. Экономика счастья: современные исследования и дискуссии // Мир экономики и управления, 2016. Т. 16, № 1. С. 101-115.
8. Шабунова А.А., Россошанский А.И. Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 7-19.
9. Dolan P., Peasgood T., White M. (2008) Do we really know what makes us happy? A review of the economic literature on the factors associated with subjective well-being. *Journal of Economic Psychology*. P. 94-122.
10. Easterlin R.A. (1995) Will raising the incomes of all increase the happiness of all. *Journal of Economic Behavior and Organization*. P. 35-47.
11. Stutzer A., Frey B.S. (2012) Recent Development in the Economics of Happiness. A Selective Overview. IZA DP No. 7078.

Информация об авторе

Захаров Никита Геннадьевич (Вологда, Россия) – инженер-исследователь, Вологодский научный центр РАН (160014, Вологда, ул. Горького 56а, e-mail: zaharoff.nikita@yandex.ru).

SUBJECTIVE WELL-BEING IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Abstract. *The study provides a brief review of the literature on the problem of subjective well-being. The content analysis of scientific literature is carried out. The work also touches upon such issues as the economic theory of happiness, the index of happiness and terminal values.*

Key words: *subjective well-being, standard of living, subjective indicators of standard of living, economics of happiness.*

Information about the author

Zaharov Nikita G. (Vologda, Russia) – research engineer, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (160014, Russia, Vologda, st. Gorkova 56A, zaharoff.nikita@yandex.ru).

Bibliography

1. Antipina O. Economics of happiness as a direction of scientific research. *Voprosy ekonomiki*. 2012. P. 94-107.
2. Belehova G.V., Rossoshanskii, A.I. (2015) Standard of living as assessed by the population. *Problemy razvitiia territorii*. 2015. No. 5. P. 77-96.
3. Goffe N.V., Monusova, G.A. Perception of social reality and subjective well-being in developed countries. Moscow: IMEMO. 2020.
4. Ilyin V.A., Shabunova A.A., Rossoshanskiy A.I., Belehova G.V. Living standards of the population: experience of regional studies. Vologda: ISERT RAN. 2015. 64 p.
5. Orlova D.G. Psychological and subjective well-being: definition, structure, researches (review of current publications) *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. Seria № 1. Psihologicheskie i pedagogicheskie nauki. 2015. 28-36 p.
6. Smoleva E.O. Life satisfaction and the happiness level: the view of a sociologist. Vologda: ISERT RAN. 2016. 164 p.
7. Chinakova N.V. Economics of happiness: current research and discussion. *Mir ekonomiki i upravleniia*. 2016. P. 101-115.
8. Shabunova A.A., Rossoshanskii A.I. Assessment of subjective quality of life by the older generation. *Problemy razvitiia territorii*. 2018. No. 3 (95). P. 7-19.
9. Dolan P., Peasgood T., White M. Do we really know what makes us happy? A review of the economic literature on the factors associated with subjective well-being. *Journal of Economic Psychology*. 2008. P. 94-122.
10. Easterlin R.A. Will raising the incomes of all increase the happiness of all. *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1995. P. 35-47.
11. Stutzer A., Frey B.S. Recent Development in the Economics of Happiness. A Selective Overview. *IZA DP*. 2012. No. 707

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ И КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В статье рассматриваются положительные и отрицательные стороны дистанционного образования. Автор анализирует, как доступность образования во времена пандемии COVID-19 и вызванное этим неравенство влияют на качество обучения. В заключение автор указывает тенденции, которым сейчас следуют вузы РФ.

Ключевые слова: высшее образование, дистанционное обучение, информационные технологии, пандемия, неравенство.

Пандемия коронавируса повлияла на многие сферы общественной жизни людей, не осталось практически ни одной структуры, которая не была бы трансформирована последствиями COVID-19. Так, данная проблема не обошла стороной и систему высшего образования, которая оказалась наиболее устойчива ко всем трансформациям существующей реальности. Предложенная тема исследования является достаточно актуальной, поскольку последствия влияния пандемии на качество получаемого образования до сих пор прослеживаются в образовательных структурах высших учебных заведений. По настоящее время многие университеты используют цифровые технологии для осуществления образовательного процесса.

Вопрос о получении качественного образования приобрел особую актуальность во времена пандемии, поскольку смешанное образование вызывает у людей противоречивое отношение. Данный вид образования предполагает серьезную подготовку как преподавателей, так и студентов. Образование с применением дистанционных технологий затрагивает картину будущего всего университетского образовательного процесса, в том числе соответствие получаемого образования требованиям рынка труда, а также сами ожидания абитуриентов от желаемого качества образования.

Также важно отметить, что пандемия коронавируса обострила такую проблему, как неравенство в получении высшего образования. Некоторые обучающиеся не имели возможности сразу приобрести необходимую для дистанционного обучения технику, что замедляло их учебный процесс. У студентов, живущих за городом, не всегда был в открытом доступе интернет или хорошее качество связи, что точно также оказывало негативное влияние на обучение в новых условиях жизни. С другой стороны, дистанционное образование обеспечило одинаковые возможности получения образования, которое не зависело от места нахождения обучающегося. Так, качество образования напрямую зависит от его доступности в совершенно непривычных и новых реалиях. «Уже первый месяц работы в дистанционном режиме показал высокую степень дифференциации образовательных учреждений по уровню адаптации к пандемическим реалиям и опасность расслоения университетов по степени их включенности в дистанционное образование» [3, с. 74].

С того момента, как коронавирусная инфекция начала набирать темпы в своем распространении, все университеты были вынуждены принять решение о приостановлении обучения на неопределенное время или о переходе к дистанционным технологиям. Второй метод оказался более эффективным для ведения образовательных процессов, но в то же время более проблематичным, так как ранее, до начала пандемии, цифровые технологии использовались лишь в ряде высших, престижных учебных за-

ведений. Здесь как у преподавателей университетов, так и у правительства возникла новая проблема: как обеспечить получение качественного образования студентам и проследить за усвоением ими материала, не имея при этом с ними личного контакта. «Одновременно в ходе вынужденной изоляции стали появляться и новые подходы к использованию уже известных цифровых и нецифровых технологий коммуникации. Педагоги, учащиеся и представители широкой общественности начали обмениваться своими оригинальными идеями и находками по использованию тех или иных решений для дистанционного обучения» [1, с. 54]. По исследованию, проводимому Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, почти 60% университетов без особых проблем смогли перейти на дистанционную форму обучения, около 27% вузов столкнулись с рядом проблем, которые не позволяли качественно проводить свои занятия, и более 10% учебных организаций высшего образования не были готовы к переходу на другой цифровой формат обучения, что вызвало серьезные проблемы в доступности образования своим студентам.

Следует обозначить положительные и отрицательные стороны дистанционного обучения в высших учебных заведениях. Преимуществом такого вида обучения является рациональное распределение времени (студент может совмещать работу с учебой, что позволяет ему менее проблематично оплачивать свое обучение в случае его нахождения на коммерции), из этого вытекает следующее положительное свойство – изучение студентом учебного материала, а также подача информации преподавателем из удобного места пребывания, то есть мобильность образовательного процесса. Также увеличилось использование в образовательных процессах новейших цифровых изобретений и их изучение, что позволило найти инновационный подход к обучению. Внедрение в систему образования смешанного обучения позволило разработать наиболее эффективные педагогические практики, которые отражают основную специфику образования в современном, развивающемся обществе.

Несмотря на то, что процесс внедрения дистанционного обучения в связи с пандемией позитивно сказывается на цифровизации общества, существует ряд ограничений, к которым российская система высшего образования была готова не в полной мере. Так, самой главной отрицательной стороной такого явления стала резкая необходимость оснащения студентов и преподавателей цифровыми технологиями, что могли позволить себе не все субъекты образовательного процесса. В связи с данной ситуацией издается Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 (с изменениями на 30 декабря 2021 года) № 273-ФЗ, в котором содержится следующее положение: «При реализации образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий в организации, осуществляющей образовательную деятельность, должны быть созданы условия для функционирования электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя информационные технологии, технические средства, электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, которые содержат электронные учебно-методические материалы, а также включающей в себя государственные информационные системы в случаях, предусмотренных частью 3.1 настоящей статьи, и обеспечивающей освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся» [5]. Наличие у каждого студента необходимого технического оборудования, а также незнание преподавателями всех интернет-платформ для дистанционного обучения и неумение ими пользоваться в силу своего

возраста, вызвало на начальном этапе пандемии недоступность, а, следовательно, и ухудшение качества образования. Немаловажное влияние на качество образования также оказал такой фактор, как отсутствие очного, личного контакта между обучающимся и педагогом, то есть отсутствие контроля, что вызывает необходимость самодисциплины студентов. «Ряд ученых полагают, что существует угроза в формализации процесса обучения в дистанционном режиме, поскольку считают необходимым поддерживать личный и эмоциональный контакт между учителем и учеником. Урок, проводимый в традиционной форме, способствует формированию эмоциональной и личной связи между учеником и учителем, при дистанционном обучении отсутствует данная связь, сам процесс подготовки к уроку занимает много времени, электронные издания содержат много технических ошибок» [2, с. 157]. Также из-за низкого качества связи, связанного с перегруженностью сети Интернета, возникал ряд проблем в подаче необходимого материала студентам, а также в проверки их знаний относительно усвоенной информации.

За время перехода университетов на смешанное обучение с применением дистанционных технологий появился ряд методик, помогающих уменьшить негативное влияние пандемии на учебный процесс. Среди них можно отметить такие, как снабжение высших учебных заведений необходимым техническим оборудованием, увеличение степени технической подготовки преподавателей, а также использование иных методов подхода к ведению образовательного процесса, среди которых находятся различные формы обучения (дистанционный формат для проведения лекций и тех дисциплин, которые не требуют особой технической поддержки, смешанный формат для занятий, которые предполагают непосредственное взаимодействие преподавателя с обучающимся). Так, в мае 2020 года ВЦИОМ проводили опрос о качестве дистанционного образования, в котором учувствовало 800 респондентов: «Важным критерием оценки качества дистанционного образовательного процесса является оснащение учебных заведений необходимым оборудованием. 38% студентов оценили его как высокий или скорее высокий, среднюю оценку дали 38%, а низким или скорее низким назвали техническое оснащение 19% опрошенных студентов» [4]. По данным РОССТАТа, в сравнении с 2015 годом распределение компьютеров и иной техники по учебным организациям высшего образования для осуществления качественного обучения в 2019 году увеличилось на несколько тысяч единиц.

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что традиционное образование будет считаться качественнее до тех пор, пока российская система образования полностью не будет готова доступно предоставить каждому студенту необходимую информацию в заочной форме обучения, а для этого потребуется не один год. Однако в настоящее время наблюдается тенденция перехода высших учебных заведений на смешанный формат обучения, которая предполагает использование цифровых технологий в разных видах, для чего требуется отойти от стандартизированного, традиционного подхода к обучению. Только благодаря соблюдению этих факторов можно будет утверждать о качестве образования того или иного университета.

Список литературы

1. Зенков А.Р. Образование в условиях пандемии: возможности и ограничения цифрового обучения. Анализ и прогноз. // ИМЭМО РАН. 2020. №3. С. 51-64.
2. Оборин М.С. Влияние пандемии COVID-19 на образовательный процесс // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т.14. № 5. С. 153-163.

3. Штыхно Д.А., Константинова Л.В., Гагиев Н.Н. Переход вузов в дистанционный режим в период пандемии: проблемы и возможные риски // Открытое образование. 2020. С. 72-81.
4. Студенты оценили качество дистанционного обучения / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=21576 (дата обращения 21.03.2022).
5. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 (с изменениями на 30 декабря 2021 года) № 273-ФЗ с изм. и дополн. в ред. от 01.03.2022 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/727701815?marker=7DE0K8>

Информация об авторе

Космакова Анна Станиславовна (Россия, Иркутск) – студентка, Иркутский государственный университет (e-mail: annkosmakova02@gmail.com).

Kosmakova A.S.

ENSURING THE ACCESSIBILITY AND QUALITY OF HIGHER EDUCATION IN THE CONDITIONS OF THE PANDEMIC

Abstract. *The article discusses the positive and negative aspects of distance education. The author analyzes how the availability of education during the COVID-19 pandemic and the resulting inequality affect the quality of education. In conclusion, the author points out the trends that Russian universities are now following.*

Key words: *higher education, distance learning, information technology, pandemic, inequality.*

Information about authors

Kosmakova Anna S. (Russia, Irkutsk) – student, Irkutsk State University (annkosmakova02@gmail.com).

Bibliography

1. Zenkov A.R. Education in a pandemic: opportunities and limitations of digital learning. Analysis and forecast. // IMEMO RAN. 2020. № 3. P. 51-64.
2. Oborin M.S. Impact of the COVID-19 pandemic on the educational process // Service in Russia and abroad. 2020. V. 14. No. 5. Pp. 153-163.
3. Shtykhno D.A., Konstantinova L.V., Gagiev N.N. Transition of Universities to Remote Mode During the Pandemic: Problems and Possible Risks // Open Education. 2020. Pp. 72-81.
4. Students assessed the quality of distance learning // Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=21576 (date of access 03/21/2022).
5. Federal Law of the Russian Federation “On Education in the Russian Federation” dated December 29, 2012 (as amended on December 30, 2021) No. 273-FZ // Official Internet portal of legal information. With rev. and add. in red. dated 03/01/2022 - <https://docs.cntd.ru/document/727701815?marker=7DE0K8>

КОМФОРТНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассмотрено, как комфортная городская среда влияет на темпы миграции населения Вологодской области. Проанализированы города областного и муниципального значения, входящие в группу с высоким баллом индекса качества городской среды.

Ключевые слова: качество жизни, городская среда, индекс комфортной городской среды.

Улучшение качества жизни населения – важнейшая задача государства. Тема формирования комфортной городской среды как составляющей качества жизни привлекает к себе внимание специалистов различных сфер. Для нашей страны характерен феномен неравномерности социально-экономического развития регионов и муниципальных образований, что также обуславливается и различиями в том, какую степень комфорта имеет среда проживания человека. Цель данной работы – анализ влияния комфортной городской среды на миграционные процессы в городах областного и муниципального значения Вологодской области. Результаты могут быть применимы в работе органов региональной и муниципальной власти.

Решением вопроса качественной городской среды в последние годы занимаются на государственном уровне, о чем говорит возросшее число федеральных и региональных программ¹. Комфортной городской среде уделяется внимание и в Стратегии пространственного развития на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019г. №207-р) – декларируется «содействие развитию малых и средних городов и крупных сельских населенных пунктов как межмуниципальных обслуживающих центров для сельских территорий, обеспечивающих население и предпринимателей различными видами услуг (отраслей социальной сферы, сервисного обслуживания сельскохозяйственной техники и оборудования, информационно-консультационных услуг, услуг в области хранения и переработки местного сельскохозяйственного сырья и других услуг». Оставшийся по наследству советский опыт формирования городской среды, рассматриваемой как территория под размещение объектов общественного назначения, не актуален. И если государство ставит перед собой такие цели как сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии регионов и в качестве жизни населения Российской Федерации, то необходим поиск альтернативных методов и инструментов для их достижения.

Активные исследования городской среды в России (А.В. Иконников, А.В. Крашенинников, С. Ситар, Е.Г. Трубина, А.Г. Раппопорт, Е.В. Асс, Л.Б. Коган и др. [3]) ведутся с конца XX века, уже после распада Советского Союза. Один из ведущих исследователей городской среды Глазычев В.Л. говорит о необходимости создания

¹ Паспорт приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» утвержден на заседании президиума Совета при Президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам 21 ноября 2016 года.

в городе публичных пространств для людей, не занятых производственной деятельностью [1]. Сценарии использования подобных пространств различны, главное требование – люди, наполняющие их, не должны там работать. Б. Гройс отмечает, что современное городское пространство вышло за рамки архитектуры, оно определяется медиа и туризмом [2], добавляя к пользователям данного пространства не только местных жителей, но и потенциальных гостей города. Все исследователи сходятся во мнении о необходимости создания такой среды, где человек будет проводить свой досуг.

Пространства		Критерии оценки	
Жилье и прилегающие пространства - многоквартирные жилые дома, - индивидуальный жилой сектор	Озелененные пространства - парки, - скверы, - озелененные набережные, - сады и др.	Безопасность Определение безопасности определенных пространств и оценка параметров среды, способствующих причинению вреда жизни и здоровью человека	Идентичность и разнообразие Оценка своеобразия и узнаваемости городских территорий, а также определение вариативности пространственных решений и функционального разнообразия городской среды
Общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства - объекты сервисов и услуг, - общественное питание, - административные учреждения и др.	Социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства - образовательные учреждения, - медицинские учреждения, - спорт, досуг и рекреация, - учреждения культуры и др.	Комфортность Помогает оценить удобство и доступность городских пространств	Современность и актуальность среды Измерение параметров города с точки зрения возможностей, которые он предоставляет жителям, и соответствия городских пространств международным принципам формирования городской среды
Улично-дорожная сеть - улицы, - проезды, - набережные	Общегородское пространство - вся территория в городских границах	Экологичность и здоровье Определяет, в какой мере использование инфраструктуры города соответствует принципу сохранения и улучшения окружающей среды, а также измеряет состояние экологии на момент оценки	Эффективность управления Отражает параметры, которые непосредственно характеризуют работу муниципальных органов власти по созданию условий, необходимых для формирования качественной городской среды

Рис. 1. Матрица индикаторов индекса качества городской среды

В современной России оценка комфортности среды проживания производится на основе расчета индекса качества городской среды, который регламентирован приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 31 декабря 2017 г. № 1494/пр «Об утверждении методики определения индекса качества городской среды муниципальных образований Российской Федерации»². Индекс построен на основе индикаторов, которые будут описаны более подробно ниже. Начисление баллов осуществляется по показателям: развитие общественно-деловой инфраструктуры; улично-дорожной сети; озеленение пространства;

² Об утверждении Методики определения индекса качества городской среды муниципальных образований Российской Федерации: Приказ Минстроя России от 31 октября 2017 г. № 1494/пр. URL: <http://www.minstroyrf.ru/docs/15538/> (дата обращения 29.02.2021).

досуговая инфраструктура и прилегающие пространства; жилье и прилегающие пространства; социально- и общегородское пространство. На основе суммы баллов выделяют города с благоприятной и неблагоприятной городской средой. Максимальное количество баллов (360 баллов), в группу с благоприятной городской средой можно отнести города, набравшие более 180 баллов. Сам метод построен на учете генерального индекса привлекательности городов и показателя комфортности городской среды. Пространства, участвующие в оценке и ее критерии, отражены в матрице индикаторов индекса комфортной городской среды на рисунке 1. Оценка, присваиваемая городу, строится на основе выделения для каждого типа пространства по каждому из критериев одного ключевого индикатора. В итоге матрица включает 36 индикаторов.

Индекс рассчитывается с 2018 года и прирост городов с высоким качеством городской среды по области в целом составил +7% к ожидаемому показателю, а в 2020 году +4%³. По поручению Президента РФ перед администрацией городов поставлена задача к 2024 году повысить индекс качества городской среды на 30% и сократить количество городов с неблагоприятной городской средой в два раза, таким образом, ожидается, что в 2024 году 60% городов Российской Федерации будут обладать качественной городской средой. Подразумевается, что данный индекс не предназначен для дифференциации городов по уровню развития среды, он не позволяет сравнивать между собой крупные и малые города, но дает муниципальным властям информацию об аспектах развития городской среды, на основе которой будут приняты управляющие решения и разработаны программы, призванные сделать жизнь в том или ином населенном пункте более комфортной, безопасной и интересной. В работе осуществлен анализ влияния качества городской среды на заинтересованность населения в месте проживания на примере городов областного и муниципального значения Вологодской области.

В последнее десятилетие данные статистики фиксируют интенсивную миграцию населения России. На это влияют показатели социально-экономического развития регионов, к которым можно отнести и уровень преступности, развитие и доступность социальной инфраструктуры, а также уровень жизни населения⁴. Государственная политика направлена на оптимизацию внутренней миграции, в том числе за счет выравнивания различий в развитии социальной инфраструктуры, доступности объектов и предоставляемых ими социальных услуг. Рассмотрим миграцию населения в Вологодской области, стоит учесть, что методика расчета индекса комфортной городской среды работает только с городами как эпицентрами экономической и социальной жизни, не учитывая сельские территории. Несмотря на постепенное сокращение численности населения, в Вологодской области в 2020 году проживало 1160445 чел., из них 79 7274 городские жители и 36 3171 сельские⁵. Таким образом, около 30% проживают в населенных пунктах, игнорируемых при расчете индекса.

³ Индекс качества городской среды – инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий её формирования. Вологодская область. URL: <https://xn----dtbcccdtsypabxk.xn--p1ai/#/methodology> (дата обращения 21.02.2022).

⁴ Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения: Доклад аналитического центра при Правительстве РФ от 11 мая. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/16766.pdf> (Дата обращения 23.03.2022).

⁵ Вологдастат. Официальная статистика. Демография. URL: <https://vologdastat.gks.ru/folder/27015> (дата обращения 20.02.2020).

Для оценки качества среды в сельских территориях целесообразна разработка собственного инструментария. В регионе 15 городов, из которых 13 малые (численность менее 50000 чел.) и 2 крупные (численность свыше 250000 чел.). В 2020 году 70% от общей численности населения области – жители городов, из которых 80% проживают в двух крупных – г. Вологде и г. Череповце. Миграционный прирост и убыль населения области представлены в таблице. Число уехавших в целом по области превышает число прибывших на постоянное место жительства, и динамика замедляется. Миграционный прирост фиксируется только в 6 городах и муниципалитетах, только 3 из них имеют высокий показатель развития качества городской среды. Наиболее высокие показатели убыли населения в обоих крупных городах.

Движение населения по городам и районам Вологодской области, 2018-2020 годы, человек

	Миграционный прирост/убыль	2018	2019	2020	Изменение 2020, %	
					к 2018	к 2019
	Все население	-4445	-2074	-1967	-56	-5
1	г. Вологда	-1008	-1594	-1128	12	-29
2	г. Череповец	-775	-794	-1342	73	69
3	Бабаево	-156	79	-23	-85	-129
4	Белозерск	-110	-25	-82	-25	228
5	Великий-Устюг	-193	-140	144	-175	-203
6	Вытегра	-173	-27	33	-119	-222
7	Грязовец	-19	9	120	-732	1233
8	Кириллов	-86	47	-55	-36	-217
10	Никольск	-157	-96	-12	-92	-88
11	Сокол	-142	-65	-85	-40	31
12	Тотьма	-39	5	29	-174	480
13	Устюжна	-102	-59	-63	-38	7
14	Харовск	-193	-23	-4	-98	-83
15	Шексна	124	121	-151	-222	-225

Источник: Данные сборника Вологдастат. Официальная статистика. Демография. URL: <https://vologdastat.gks.ru/folder/27015>(дата обращения 20.02.2020).

Данные индекса качества городской среды по городам Вологодской области представлены на рисунке 2. Максимальный балл среди городов Вологодской области у областного центра – 210 из 360 возможных, хотя значение индекса 2020-го к 2018-му году изменилось незначительно. Вторым крупным городом области – г. Череповец, в 2020 году набрал 205 баллов (разница с 2018 годом +12 баллов). Таким образом, оба крупных города областного значения с начала расчета индекса имеют комфортную городскую среду для проживания. В 2018 г. высокие баллы получил и г. Харовск, его показатели с нашей точки вызывают сомнения, более подробно они будут проанализированы ниже. В 2019 году г. Сокол стал третьим населенным пунктом, набравшим более 180 баллов (192 балла), и это единственный город области, имеющий нестабильные показатели за три года расчета индекса. В 2020 г. к городам с высоким индексом присоединился Великий Устюг, набрав 205 баллов против 176-ти в 2018 г., и это самая существенная динамика (прирост 16%) среди населенных пунктов Вологодской области. Следовательно, с 2020 года все 4 города областного значения полу-

чили высокий индекс качества городской среды и во всех четырех городах наблюдается миграционный отток населения в анализируемом периоде. Имеются и города с низкими показателями, в 2020 году минимальные баллы у г. Никольска и г. Бабаево (по 148 баллов), и для обоих городов это максимальные баллы за весь период расчета индекса. При этом из г. Бабаево за прошедшие три года не было миграционного оттока, и даже наблюдается небольшой прирост населения. То же самое в г. Грязовце и в г. Кириллове. Таким образом, к 2020 году из 15 городов Вологодской области 40% имеют высокие баллы по индексу качества городской среды. К 2024 году показатель должен достичь 60%, что вызывает сомнения.

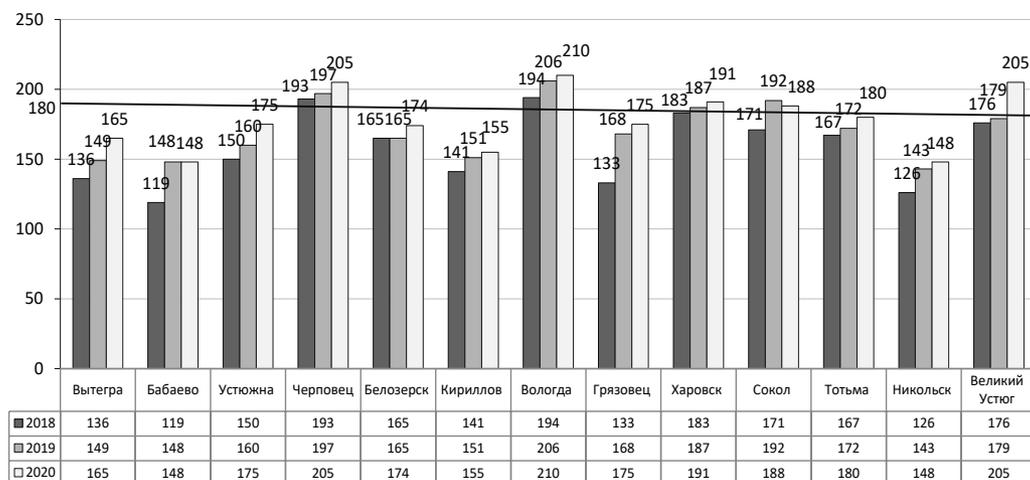

Рис. 2. Показатели индекса качества городской среды по Вологодской области 2018-2020 годы

Источник: составлено автором⁶.

На рисунке 3 представлена разбивка показателей индекса качества городской среды по матрице для 5-ти городов Вологодской области, набравших более 180 баллов в 2020 году. Хорошо видно, что у городов противоречивые показатели. Череповец, лидируя по индикатору «Жилье и прилегающие территории» имеет самый низкий балл среди всех городов по «Озелененным пространствам», при этом необходимую сумму баллов индекса г. Сокол набрал, возглавляя последнюю категорию (48 баллов). А г. Харовск и г. Великий Устюг не занимают ведущих мест ни по одному из критериев, и показатели г. Харовска по индикатору «Жилье и прилегающие территории» являются самыми низкими среди всех городов. По нашему мнению, низкие баллы по критериям «социально-досуговая инфраструктура и общегородские пространства», а также «общественно-деловая инфраструктура» говорят о низкой доступности и качестве данных услуг в населенных пунктах, что может быть важным мотивом для смены места жительства. И действительно, миграция из г. Харовска одна из самых высоких среди всех муниципальных районов области, не смотря на высокий индекс качества городской среды в целом.

⁶ Индекс качества городской среды – инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий её формирования. URL: <https://индекс-городов.рф/#/> (дата обращения 20.03.2021).

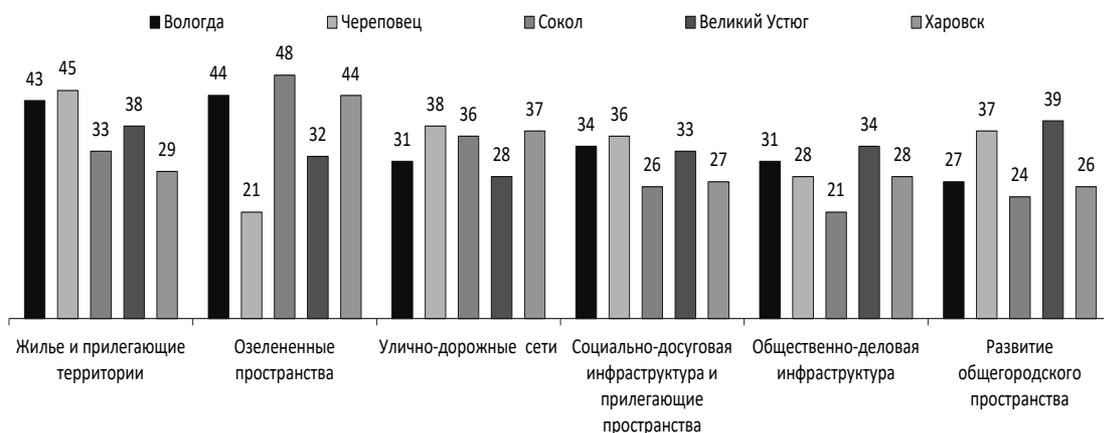

Рис. 3. Показатели индекса качества городской среды по критериям матрицы по Вологодской области, 2020 год

Источник: составлено автором.

Сопоставление данных позволяет проанализировать миграционные процессы в городах с высокими значениями индекса качества среды (более 180 баллов). К ним относятся г. Вологда и г. Череповец – культурные и промышленные центры региона с численностью жителей более 300 тыс. человек, которые, несмотря на комфортную среду проживания теряют население, значит либо горожане не видят изменения в качестве городской жизни, либо они не достаточны. Также не стоит забывать и о влиянии других миграционных факторов, в том числе связанных с более высоким уровнем притязаний населения. Что косвенно подтверждает г. Харовск, с 2018 года имеющий высокий индекс качества городской среды, например, за счет, если можно так выразиться, «эстетского» показателя «Озелененные пространства», с численностью жителей около 9000 человек, которая за три анализируемых года сократилась на 4%. Недостаточное развитие показателей, «общественно-деловой инфраструктуры» и «социально-досуговой инфраструктуры и прилегающих пространств» ограничивает население в выборе досуга и трудоустройства, получении образования и др. Таким образом, высокие показатели индекса качества городской среды влияют на отток населения с территорий несущественно. Но при этом, потребность в более высоком качестве жизни и низкие показатели индекса качества городской среды могут мотивировать на смену места жительства.

Список литературы

1. Глазачев В.Л. Городская среда. Технология развития: Настольная книга. М.: Лодья, 1995. 239с.
2. Гройс Б. Публичное пространство: от пустоты к парадоксу. М.: Strelka Press. 2012.
3. Лагодина Е.В. Настоящее и будущее российских общественных пространств // Российский психологический журнал. 2013. № 4. С. 61-69.

Информация об авторе

Ласточкина Оксана Сергеевна (Россия, Вологда) – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160000, Вологда, ул. Горького, 56а, e-mail: Lasto4kina543@yandex.ru).

COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT AS A TOOL FOR REGULATING MIGRATION PROCESSES OF VOLOGDA OBLAST MUNICIPALITIES

Abstract. *Recently, in Russia, special attention has been paid at the state level to the development of a comfortable urban environment, which is one of the indicators of the quality of life of the population, the increase of which should make the territory of residence more attractive for living.*

Key words: *quality of life, urban environment, index of comfortable urban environment.*

Information about the author

Lastochkina Oksana S. (Vologda, Russia) - Junior Researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, 56a Gorky Str., 160000, Vologda, e-mail: Lasto4kina543@yandex.ru).

Bibliography

1. Glazychev V.L. Urban environment. Development technology: Table book. Moscow: Ladya Publishing House. 1995. 239 p.
2. Groys B. Public space: from emptiness to paradox. Moscow: Strelka Press. 2012.
3. Lagodina E.V. The present and the future of Russian public spaces // Russian Psychological Journal. No. 4. 2013. pp.61-69.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Аннотация. В исследовании анализируется сфера общего образования РФ с точки зрения проводимых здесь реформ. Показаны существующие проблемы в оплате труда педагогов и их социальном самочувствии, в отношении учительского сообщества к проводимым реформам и т.д. Показаны эффекты от внедрения инноваций в образовательный процесс.

Ключевые слова: образование, реформирование, учитель, оплата труда, образовательный стандарт.

Система образования является одной из важнейших подсистем общества, обеспечивающих сохранение и накопление человеческого капитала. Роль образования в современном обществе неуклонно возрастает, поскольку сегодня конкурентоспособность стран на мировой арене определяется в первую очередь конкурентоспособностью систем образования. Сфера образования становится важным подразделением развивающейся экономики знаний. По мнению Капицы С.П., «образование в целом и есть экономика знаний, передача которых следующему поколению – неограниченная система, обеспечивающая развитие общества»¹, поскольку она проектирует и воспроизводит социальное будущее².

Российское образование в конце XX – начале XXI века оказалось перед новыми вызовами: рост социальной динамики, миграции населения; «информационный бум» (резкое увеличение скорости обращения информации в обществе); информатизация общества (заметное увеличение массовых источников информации) и, как следствие, несогласованность знаний, полученных в школе, со знаниями, полученными из СМИ; функциональная неграмотность (неспособность граждан эффективно выполнять свои профессиональные обязанности в условиях развития и смены технологий, структурных изменений в экономике, трансформации социально-культурного контекста); динамичное устаревание традиционных знаний и компетенций и т.д.

В рамках задачи укрепления человеческого капитала в начале XXI в. в России было проведено масштабное реформирование сферы образования: введение нормативного финансирования образования (2001 г.); новой системы оплаты труда (2008 г.); реализация национального проекта «Образование» (2010 г.); продвижение IT-технологий в практику образовательной сферы по Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа» (2010 – 2015 гг.); модернизация региональных систем общего образования (2011 – 2013 гг.); переход на Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) второго поколения (2011 г.); принятие нового закона «Об образовании» (2012 г.); повышение размера заработной платы педагогов до средней по экономике региона согласно Указам Президента РФ (2012 г.); внедрение Национальной системы учительского роста (2017 г.); Национальный проект «Образование» (2019 г.); внедрение дистанционных форм обучения, вызванное пандемией новой коронавирусной инфекцией (2020 г.) и т.д.

¹ Капица С.П. Экономика знаний: контекст российских проблем // Россия в глобальном контексте: цикл публичных дискуссий. Вып. 15. URL: www.nikitskyclub.ru

² Овсянников А.А. Единый государственный экзамен: кто и как его сдал // Народнонаселение. 2010. № 2. С. 46–66

Все эти преобразования так или иначе касаются сферы общего образования и, соответственно, отражаются на положении и социальном самочувствии учителей. Следует отметить в связи с этим, что несмотря на такое активное внедрение различных нововведений в функционировании школьной системы, результаты исследований свидетельствуют, что сфера образования не является привлекательной с точки зрения профессиональной деятельности. По данным Росстата, в 2021 г. средняя зарплата учителя составила 43 821 руб. Это составляет 97,6% от уровня среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций в целом по экономике РФ. При этом самая низкая средняя зарплата у учителей Республики Ингушетия (23 835 руб.), самая высокая – на Чукотке (118 072 руб.).

В последние годы учителя часто жаловались на излишнюю работу с бумагами, «бумажный геноцид», по меткому выражению А.М. Осипова³. Исследования показывают, что в среднем около 50% рабочего времени учителя уходит на внеурочную и «бумажную» работу⁴.

Проведенное сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН в 2020 г. социологическое исследование социального самочувствия педагогов Вологодской области⁵ показало, что у учительского корпуса не сложилось ни удовлетворения от окружающей их рабочей обстановки, ни того состояния, при котором можно говорить о неудовлетворительном отношении. Наибольшее неудовлетворение относится к оплате труда (особенно размеру зарплаты и ее справедливостью по отношению к трудовому вкладу). Сетования педагогов отражают и ожидание «достойной оплаты труда», и предложения «поработать чиновникам в школе за зарплату учителя», и «попробовать «продержаться», и тревогу в отношении омоложения кадров («молодой специалист в школе зарабатывает 12-13 тыс. за 1,5-2 ставки», «повысить зарплаты начинающим педагогам» и т.д.). Учителя дают понять, что «рост зарплат учителей происходит только за счёт увеличения нагрузки».

Дело в том, что зарплата учителя – это оклад, который привязан к минимальному размеру оплаты труда, и целый воз разных надбавок и выплат, которыми в регионах распоряжаются по своему усмотрению.

С нового учебного года (сентябрь 2022 г.) по решению Правительства РФ в шести пилотных регионах (Белгородская, Кировская, Нижегородская, Ярославская, Сахалинская области и Республика Мордовия.) будет проходить апробация новой системы оплаты труда (в который раз!). Согласно этому решению, оклады, т.е. гарантированную часть зарплаты, должны привести к «общему знаменателю» и четко прописать схему начисления дополнительных выплат. С переходом на новую систему должен вырасти размер ставки, что будет более привлекательным для молодых специалистов. Должны появиться единый перечень выплат и обоснованная дифференциация по уровням квалификации.

³ Осипов А.М. Учительство в контексте социологии образования: теоретические подходы и приоритеты исследования // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 45-52.

⁴ Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона: монография / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева; под науч. рук. чл.-корр. РАН В.А. Ильина; под ред. д.э.н. А.А. Шабуновой, к.э.н. О.Н. Калачиковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 178 с.; Российские педагоги в зеркале международного сравнительного исследования педагогического корпуса (TALIS 2013) / под ред. Е. Ленской, М. Пинской. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 36 с.

⁵ В качестве информационной базы использованы результаты социологического опроса учителей общеобразовательных школ Вологодской области, проведенного Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН) с использованием платформы Google Forms в апреле-мае 2020 года. Объем выборки определялся уровнем доверительного интервала ошибки (5%). В ходе исследования были опрошены 272 педагога.

2022 год станет и годом обновленных федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), которые вступят в силу 1 сентября. ФГОС – это свод правил для всех образовательных учреждений России, на основе которых создаются методические пособия, учебные материалы и другая профильная литература. Обновленные стандарты коснутся детей, которые пойдут в первые и пятые классы в сентябре 2022 года. Актуальные ФГОС фокусируются на практических навыках детей: они должны понимать, как связаны предметы и как помогают в реальной жизни. Среди новшеств выделяются: вариативность, функциональная грамотность, единство воспитания и обучения и необязательность второго иностранного языка.

Изменения произойдут и в экзаменационных процессах. Так, в 2022 году у выпускников, не собирающихся поступать в вузы, больше не будет возможности сдавать ГВЭ вместо ЕГЭ, как это было в 2021 году. Теперь ГВЭ будет доступен только для школьников с ОВЗ. Также в программу ЕГЭ возвращен обязательный экзамен по математике, который можно сдавать в одном из двух вариантов – базовом или профильном⁶.

Также с 1 января 2023 г. вступит в силу закон о госэкспертизе электронных образовательных ресурсов. «До сих пор электронные информационные ресурсы, которыми пользовались в школе, государство никак не регулировало»⁷. Эксперты готовят перечень ресурсов, которые будут разрешены к использованию в школах. Это будет не рекомендация, а жесткая норма: использовать ресурсы, не указанные в перечне, будет запрещено.

Таким образом, реформы в школе продолжают. Каков будет результат от их внедрения, будем изучать и анализировать. На первый взгляд, все они направлены на улучшение положения учительской страты. При этом они всего лишь хотят большего к школе и себе внимания со стороны государства и, в частности, снизить частоту реформирования образования (так высказались педагоги (5%) в открытых вопросах анкеты). Вот их слова: «Разработать такую программу проведения реформ в образовании, чтобы все участники знали, по какому пути идет развитие», «мы из новостей узнаём, какие изменения грядут в будущем», «новый министр [образования] – новые правила игры», «проводить меньше экспериментов в образовании», «дать образованию передохнуть от введения новых стандартов, реформ. Научиться работать с теми новшествами, что уже введены», «дать возможность школе работать стабильно», «изменения не должны внедряться поспешно (как было с итоговым сочинением в 11-м классе – ввели через полгода после президентского пожелания); изменения в итоговой аттестации должны быть известны минимум как за 2 года до того как они вступят в силу»; ввести единую образовательную программу (5%). «создать единые линии учебников по всем предметам, пересмотреть стандарты», «навести порядок с учебниками, программами, минимизировать количество учебников по предметам до 3-х».

Список литературы

1. Капица С.П. Экономика знаний: контекст российских проблем // Россия в глобальном контексте: цикл публичных дискуссий. Вып. 15.

⁶ Что изменится в 2022 году: запись к врачу без полиса, возвращение ОГЭ, новые МРОТ и ФГОС. URL: <https://mel.fm/zhizn/povestka/594732-zapis-k-vrachu-bez-polisa-vozvrashcheniye-oge-novyye-mrot-i-fgos-chto-zhdet-semyu-i-shkolu-v-2022-go> (дата обращения 30.03.2022).

⁷ Ольга Казакова: В России появится перечень разрешенных в школе электронных ресурсов. URL: <https://rg.ru/2022/02/08/kazakova-v-rossii-poiavitsia-perechen-razreshennyh-v-shkole-elektronnyh-resursov.html> (дата обращения 30.03.2022).

2. Овсянников А.А. Единый государственный экзамен: кто и как его сдал // Народонаселение. 2010. № 2. С. 46–66.
3. Осипов А.М. Учителство в контексте социологии образования: теоретические подходы и приоритеты исследования // Социологические исследования. 2018. №3. С. 45-52.
4. Российские педагоги в зеркале международного сравнительного исследования педагогического корпуса (TALIS 2013) / под ред. Е. Ленской, М. Пинской. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 36 с.
5. Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона: монография / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева; под науч. рук. чл.-корр. РАН В.А. Ильина; под ред. д.э.н. А.А. Шабуневой, к.э.н. О.Н. Калачиковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 178 с.

Информация об авторе

Леонидова Галина Валентиновна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: .galinaleonidova@mail.ru).

Leonidova G.V.

EDUCATION REFORM CONTINUES...

Abstract. *The study analyzes the sphere of general education of the Russian Federation from the point of view of the reforms carried out here. The existing problems in the remuneration of teachers and their social well-being, in the attitude of the teaching community to the ongoing reforms, etc. are shown. The effects of the introduction of innovations in the educational process are shown.*

Key words: *education, reformation, teacher, remuneration, educational standard.*

Information about author

Leonidova Galina V. (Russia, Vologda) - Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher Head of the Laboratory of the «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (160014, Vologda, Gorky st., 56a, galinaleonidova@mail.ru).

Bibliography

1. Kapitsa S.P. Knowledge economy: the context of Russian problems // Russia in a global context: a cycle of public discussions. Issue 15.
2. Ovsyannikov A.A. Unified State Exam: who passed it and how // Population. 2010. No. 2. P. 46-66.
3. Osipov A.M. Teaching in the context of the sociology of education: theoretical approaches and research priorities // Sociological research. 2018. No.3. P. 45-52.
4. Russian teachers in the mirror of the international comparative study of the pedagogical corps (TALES 2013) / edited by E. Lenskaya, M. Pinskaya. M.: HSE, 2015. 36 p.
5. Teacher and educational reform: a view from the region: a monograph / G.V. Leonidova, M.A. Golovchin, T.S. Solovyova; under the scientific hand of the corresponding member. RAS V.A. Ilyin; edited by Doctor of Economics A.A. Shabunova, Candidate of Economics O.N. Kalachikova. Vologda: FGBUN VolSC RAS, 2018. 178 p.

РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ВОЛНЫ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (МАРТ – АПРЕЛЬ 2020 Г.)

Аннотация. В материалах анализируется реакция российского общества на первую волну коронавирусной инфекции в марте – апреле 2020 г. Дается оценка тенденциям общественного мнения о деятельности органов власти. Проводятся параллели с общественно-политической ситуацией в феврале – марте 2022 г.

Ключевые слова: общественное мнение, пандемия COVID-19, социальное настроение, общественно-политическая ситуация, социальная стабильность.

Пандемия коронавируса, с которой столкнулось человечество в 2019–2020 году, стала «моментом истины, высветившим критическое развитие мировой цивилизации» [2, с. 35]. Ее последствия носят глобальный характер, который на десятилетия вперед будет определять общие условия жизнедеятельности и взаимодействия на всех уровнях организации социума: международном и национальном; групповом и индивидуальном.

Дискуссии в научном и общественно-политическом пространстве об особенностях, возможностях и угрозах нового, «постпандемического» мироустройства по-прежнему остаются актуальными (хотя и несколько «отошли» на второй план в связи с масштабными геополитическими трансформациями, начавшимися в 2022 году). Тем не менее, в данных материалах мы бы хотели затронуть более «точечный», тематический вопрос, связанный с реакцией российского общества на первую волну распространения коронавирусной инфекции.

Известно, что это было тяжелое испытание не только для государства, бизнеса, гражданского общества (для оценки степени готовности всех их субъектов и организационных структур мобилизоваться в условиях кризисных социально-экономических и противоэпидемиологических ограничений), но и для простых граждан, которые, пожалуй, впервые в своей жизни столкнулись со столь неопределенной ситуацией, ставившей под угрозу их собственное здоровье, здоровье близких, источники доходов, привычный образ жизни.

Вопрос о том, как отреагировало общество именно на первую волну пандемии COVID-19, мы считаем важным в связи с тем, что с сопоставимыми (хотя и совершенно иного рода) «форс-мажорными» условиями оно сталкивается сегодня, в 2022 году, когда в своей повседневной жизни начинает ощущать ограничения, вызванные перипетиями на большой политической арене.

На начало 2020 г. в обществе сохранялся достаточно устойчивый фон эмоционального настроения. Как отмечали эксперты Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), «пандемия не заставит россиян унывать» [1]. По данным ВЦИОМ индекс общественных настроений в целом по стране в феврале – марте 2020 г. возрос с 49 до 50 пунктов. По данным Левада-Центра¹ индекс личного положения в начале года возрос со 120 до 124 п.

Устойчивый и достаточно позитивный уровень психологического самочувствия населения отмечался и по результатам региональных социологических исследований. Так, по данным мониторинга общественного мнения, проводимого ФГБУН

¹ Включен в реестр иностранных агентов.

ВолНЦ РАН на территории Вологодской области² в феврале 2020 г., большинство жителей региона характеризовали свое эмоциональное состояние, как «нормальное, прекрасное» (67%); для сравнения, отмечали, что «испытывают напряжение, раздражение, страх, тоску» лишь 27% опрошенных.

Результаты специальных опросов³, проведенных ВолНЦ РАН в марте – апреле на базе интернет-платформ, показали, что если в конце марта – начале апреля положительные оценки своему эмоциональному состоянию давали 42% россиян, то к концу апреля их доля увеличилась до 56%.

Главными негативными факторами, влияющими на настроение людей, были терминальный страх («страх потерять жизнь и потерять близких») и страх экономический (потеря работы, источника дохода). Такие данные на начало 2020 г. приводил ВЦИОМ⁴, что коррелировало с динамикой индекса потребительских настроений (ИПН), измеряемого в мониторинговом режиме специалистами Левада-Центра⁵: за январь – март 2020 г. ИПН в целом по стране снизился с 84 до 68 п.

Вследствие карантинных ограничений мы не имели возможности провести очередную волну мониторинга на территории Вологодской области в апреле 2020 г., однако схожесть динамики за предыдущий период с результатами исследований Левада-Центра позволяет предположить, что и на территории региона имело место снижение ИПН. Мониторинг общественного мнения, реализуемый ВолНЦ РАН, был возобновлен в августе 2020 г., и за этот период (с февраля по август 2020 г.) индекс потребительских настроений на территории Вологодской области снизился с 91 до 86 п.

Отметим также, что ИПН отражает ожидания людей относительно будущего развития экономики и своего личного материального положения. При этом значение индекса менее 100 пунктов означает преобладание пессимистических прогнозов.

Несмотря на то, что многим людям приходилось сталкиваться с беспрецедентными трудностями и опасениями по поводу своего материального положения, возможности заработка и т.д., в обществе по-прежнему сохранялся стабильный и достаточно высокий уровень поддержки главы государства, а также реализуемого им курса политического развития (табл. 1):

- По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента в марте 2020 г. составлял 64%, в апреле – 66% (для сравнения, за этот же период доля негативных оценок снизилась с 27% до 24%).

² Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН проводится с 1996 г. с периодичностью 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

В марте 2020 г. мониторинг был временно приостановлен в связи с карантинными мероприятиями на территории Вологодской области.

³ В марте – апреле 2020 г. ФГБУН ВолНЦ РАН проводил 2 опроса на базе интернет-платформы GoogleForms. Опрос на тему «Внесение поправок в Конституцию РФ» проводился в период с 26 марта по 8 апреля 2020 г. (объем выборки – 449 чел.). Онлайн-опрос «Коронавирус и общество» был запущен 20 апреля 2020 г. и продолжается до сих пор (по данным на 28 апреля в опросе приняло участие 934 чел.).

⁴ Интервью с руководителем ВЦИОМ В. Федоровым 26.04.2020. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/04/26/69112339/>

⁵ Включен в реестр иностранных агентов.

- По последним данным Левада-Центра⁶ (на март 2020 г.), доля положительных суждений о работе главы государства составляет 63%, отрицательных – 36%.
- По данным региональных исследований ВолНИЦ РАН, уровень одобрения деятельности главы государства с апреля 2019 г. стабильно составляет 54-55% (доля негативных суждений – 30-31%).

Таблица 1. Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2017	2018	2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Апр. 2020*	Изменение (+/-), апр. 2020 по отношению к...	
											фев. 2020	апр. 2019
Оценка деятельности Президента по данным ВЦИОМ*												
Одобрю	83,5	71,0	64,1	65,2	64,2	63,1	66,0	63,0	65,2	66,1	+1	+1
Не одобряю	10,3	20,1	27,2	26,4	27,5	28,0	25,6	28,2	25,9	24,2	-2	-2
Оценка деятельности Президента по данным Левада-Центра**												
Одобрю	82,2	73,3	66,8	66	68	67	70	68	69	63	-6	-3
Не одобряю	16,8	25,7	31,9	33	31	31	29	31	30	36	+6	+3
Оценка деятельности Президента по данным ВолНИЦ РАН												
Одобрю	67,3	66,4	55,6	55,9	55,7	55,8	54,1	53,6	53,6	н.д.	–	–
Не одобряю	20,0	21,7	29,8	31,2	27,6	29,4	29,7	30,9	31,0	н.д.	–	–
* Данные ВЦИОМ – среднее за 5 – 19 апреля 2020 г.; данные Левада-Центра** – за март 2020 г. ** Включен в реестр иностранных агентов. Источники: База данных ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyh_institutov/ ; База данных Левада-Центра**. URL: https://www.levada.ru/indikator/ ; данные ВолНИЦ РАН.												

Также важно отметить, что россияне с пониманием отнеслись к мерам, предпринимаемым органами власти, а также руководителями хозяйствующих субъектов по борьбе с вирусной инфекцией: 75% граждан (по данным ВЦИОМ) положительно оценивали действия региональных властей по предупреждению распространения коронавируса (удельный вес тех, кто придерживался противоположного мнения, составлял 13%) [4]. По данным опроса⁷ ВолНИЦ РАН, 53% людей говорили о том, что положительно относятся к действиям своих работодателей в сложившейся обстановке (для сравнения, доля негативных отзывов составила 9,7%).

В целом люди достаточно организованно соблюдали карантинные мероприятия; 60% россиян выступали за жесткие ограничительные меры, направленные на профилактику вирусной инфекции [6], 83% говорили о том, что будут соблюдать карантинные предписания в полном объеме или по мере своих возможностей⁸. Как показывают результаты специального опроса, проведенного ВолНИЦ РАН⁹, 86% россиян в марте – апреле 2020 г. применяли средства индивидуальной защиты и личной гигиены, 78% избегают массовых скоплений людей, 68% граждан ограничили свои социальные контакты.

Еще один показательный момент заключается в том, что россияне, в целом, по-

⁶ Включен в реестр иностранных агентов.

⁷ Результаты онлайн-опроса ФГБУН ВолНИЦ РАН «Коронавирус и общество» (объем выборки 934 чел.).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

ложительно оценивали то, как ситуацию с коронавирусом освещают средства массовой информации: 86% граждан (по данным ВЦИОМ), говорили о том, что им вполне «достаточно информации о ситуации с распространением коронавируса в мире, путях передачи вируса и методах профилактики» (для сравнения, иной точки зрения придерживается лишь 11% россиян) [5].

По данным опросов ВолНЦ РАН, более 67% людей были удовлетворены объемом информации в СМИ о ситуации с коронавирусом в мире, стране и регионе (противоположного мнения придерживались от 16 до 28% респондентов). Но самое главное заключается в том, что доля людей, считающих эту информацию достоверной, значительно (в 1,5–2 раза) превышала удельный вес тех, кто считает иначе (35-45 против 15-20% соответственно; табл. 2).

Следует также отметить, что подавляющее большинство россиян (94%) знали о деятельности волонтеров, оказывающих безвозмездную помощь гражданам, находящимся на карантине, и 45% были готовы сами принять участие в этом альтруистическом деле.

Таблица 2. Оценка деятельности СМИ по освещению ситуации с коронавирусом

Варианты ответов	В мире	В стране	В области
Достаточно или недостаточно лично вам сегодня информации в СМИ о ситуации с распространением коронавируса, путях передачи вируса, методах профилактики? (в % от числа опрошенных)			
Скорее достаточно	77,8	73,5	67,5
Скорее недостаточно	16,4	21,7	27,9
Затрудняюсь ответить	5,8	4,7	4,6
Доверяете ли вы официальной информации о ситуации с коронавирусом, которая распространяется в СМИ? (в % от числа опрошенных)			
В полной и значительной мере доверяю	44,4	35,0	38,9
Доверяю лишь отчасти	37,0	41,2	38,9
Совершенно не доверяю	14,5	20,1	19,1
Затрудняюсь ответить	4,1	3,6	3,3
Формулировки вопросов: «Достаточно или недостаточно лично вам сегодня информации в СМИ о ситуации с распространением коронавируса, путях передачи вируса, методах профилактики?»; «Доверяете ли вы официальной информации о ситуации с коронавирусом, которая распространяется в СМИ?»			
Источник: результаты онлайн-опроса ФГБУН ВолНЦ РАН «Коронавирус и общество» (объем выборки 934 чел.).			

Таким образом, в начале 2020 г., столкнувшись с комплексными (прежде всего, психологическими и социально-экономическими) последствиями пандемии коронавирусной инфекции, российское общество проявило себя достаточно консолидировано, в том числе и по отношению к деятельности органов власти, оказавшихся в тяжелой ситуации, требующей принятия срочных мер фактически в ежедневном режиме.

Напомним, что в этот же период Президент РФ выступил с инициативой по изменению Конституции РФ, и этот фактор, на наш взгляд, сыграл важную роль в сохранении политической и социальной стабильности в стране.

Сегодня, спустя 2 года большинство россиян, согласно данным ВЦИОМ, проявляют такую же консолидированную позицию в отношении специальной военной операции на Украине и деятельности органов власти по поддержке населения в условиях массовых санкций, принимаемых странами «коллективного Запада» против нашей страны (табл. 3, рисунок).

Приведенные данные позволяют с осторожным оптимизмом рассчитывать на то, что воспроизводимый опыт переживания кризисных ситуаций будет способствовать сохранению политической и социальной стабильности в стране на фоне масштабных трансформаций, происходящих на геополитической арене. Ключевой вопрос остается по поводу продолжительности начавшихся в 2022 году процессов, а также относительно способности действующей системы государственного управления в максимально сжатые сроки переориентировать основные принципы развития отечественной экономики на первоочередные нужды национального развития. Тем не менее, факт того, что на протяжении многих лет (особенно после событий «крымской весны») в российском обществе формировалось осознание того, что «Россия никогда не станет частью западного мира, ибо мы религиозный и цивилизационный антипод англо-саксонского единства» [3], отрицать сложно. И это обстоятельство может сыграть решающую роль в относительно успешном прохождении достаточно трудного, но, возможно, необходимого этапа защиты права на национальное суверенное развитие.

Список литературы

1. Индекс счастья на фоне коронавируса: Аналитический обзор ВЦИОМ № 4219 от 23.04.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10249>
2. Пандемия COVID-19: вызовы, последствия, противодействие: монография / А.В. Торкунов, С.В. Рязанцев, В.К. Левашов [и др.]; под ред. А.В. Торкунова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова. М.: Издательство Аспект Пресс, 2021. 248 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021
3. Одинцов А.В. 30 лет реформ: как капитализм уничтожает Россию / Центр Сулакшина. 25.12.2020. URL: <https://rusrand.ru/analytics/30-let-reform-kak-kapitalizm-unichtojaet-rossiyu>
4. Режим самоизоляции: ожидания, мотивы, оценка введенных ограничений: Аналитический обзор ВЦИОМ № 4222 от 27.04.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10256>

5. Россияне: информации о коронавирусе достаточно: Аналитический обзор ВЦИОМ № 4216 от 20.04.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10240>
6. Россияне о мерах борьбы с вирусом и прогнозе выхода с карантина: Аналитический обзор ВЦИОМ № 4224 от 28.04.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10258>
7. Специальная военная операция: мониторинг // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 23.03.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-monitoring>

Информация об авторе

Морев Михаил Владимирович (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук; заместитель заведующего отделом, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: common@volnc.ru).

Morev M.V.

THE REACTION OF THE POPULATION TO THE ACTIONS OF THE AUTHORITIES DURING THE FIRST WAVE OF CORONAVIRUS INFECTION (MARCH - APRIL 2020)

Abstract. *The materials analyze the reaction of Russian society to the first wave of coronavirus infection in March – April 2020. The assessment of the trends of public opinion about the activities of the authorities is given. Parallels are drawn with the socio-political situation in February - March 2022.*

Key words: *public opinion, COVID-19 pandemic, social mood, socio-political situation, social stability.*

Information about the author

Morev Mikhail V. (Russia, Vologda) – PhD in economics, deputy Head of the department, leading researcher. Federal State Budgetary Institution of Sciences “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (FSBIS VolRC RAS) (56A, Gorky St., Vologda, 160014, Russia. E-mail common@volnc.ru).

Bibliography

1. Happiness index against the background of coronavirus / VIOM Analytical Review No. 4219 dated 04/23/2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10249>
2. The COVID-19 pandemic: Challenges, consequences, counteraction: monograph / A.V. Torkunov, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov [et al.]; edited by A.V. Torkunov, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov. M.: Aspect Press Publishing House, 2021. 248 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021
3. Odintsov A.V. 30 years of Reforms: How Capitalism is Destroying Russia / Sulakshin Center. 25.12.2020. URL: <https://rusrand.ru/analytics/30-let-reform-kak-kapitalizm-unichtojaet-rossiyu>
4. Self-isolation mode: expectations, motives, assessment of the imposed restrictions / Analytical review of VTsIOM No. 4222 of 27.04.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10256>
5. Russians: there is enough information about coronavirus / Analytical review of VTsIOM No. 4216 dated 04/20/2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10240>

6. Russians on measures to combat the virus and the forecast of release from quarantine / Analytical review of VTSIOM No. 4224 of 28.04.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10258>
7. Special military operation: monitoring / VTSIOM Press Release 23.03.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-monitoring>

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ COVID-19: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

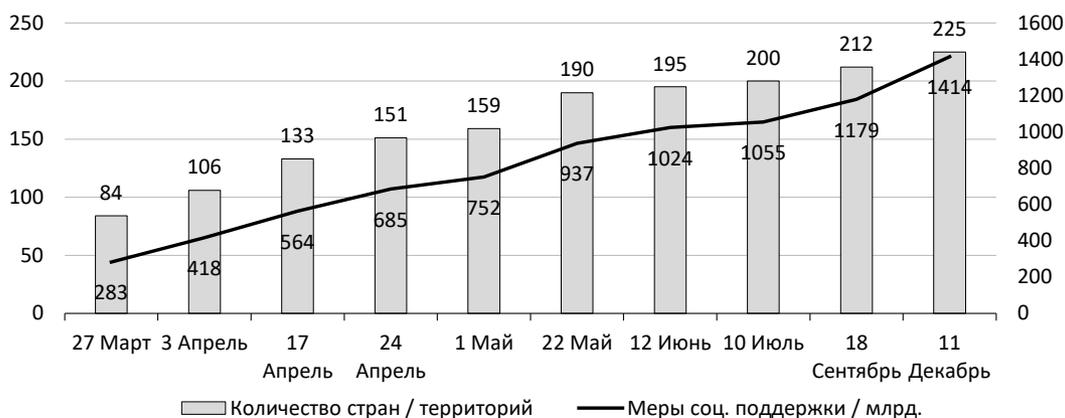
Аннотация. В статье анализируются меры социальной поддержки населения в условиях коронавирусной инфекции в разных странах. Определены уязвимые слои населения в период пандемии. Проведен обзор мер социальной поддержки граждан России, которые позволяют отвечать на новые вызовы в период COVID-19.

Ключевые слова: COVID-19, социальная поддержка, эпидемиологическая обстановка, уязвимо социальные группы, коронавирусная инфекция, социальные выплаты.

Возникшая коронавирусная инфекция в обществе, повлияла на рост уровня заболеваемости и смертности, затронув все сферы жизни населения. В связи с этим государства пересмотрели ориентиры стратегического развития, а граждане изменили жизненные приоритеты. В особенности разрушительно COVID-19 повлиял на самые уязвимые социальные группы, такие как: пожилые люди, малообеспеченные слои населения, люди с ограниченными возможностями. Пандемия COVID-19 поставила под угрозу экономику всех стран. Не стала исключением и Россия, которая включилась в работу по сдерживанию негативных последствий в сложной эпидемиологической обстановке [3, с. 94].

Правительства стран предложили экстренные меры, которые способствовали поддержке граждан в трудной жизненной ситуации. Успех борьбы с негативными последствиями COVID-19 во многом зависит от своевременного принятия государством мер, направленных на социальную поддержку населения. Государственные органы власти совместно с общественными организациями стали оперативно разрабатывать нормативно-правовые акты, которые направлены на поддержку экономики в целом, а также на социальную поддержку граждан [2, с. 75].

В своём докладе Уго Джентилини привел данные по распространению мер социальной поддержки населения в мире¹ (рисунок).

Распространение мер социальной поддержки в мире

¹ Gentilini, Ugo; Almenfi, Mohamed; Orton, Ian. 2020. Social Protection and Jobs Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Measures. World Bank, Washington, DC.

Уго Джентилини ведущий специалист Всемирного банка по вопросам практики социальной поддержки, в своём докладе отметил, что «денежную помощь в мире получили 1,3 млрд. человек, в отдельных странах – почти все жители. При этом общий объём социальной помощи за период спада по расчетам экспертов банка вырос вдвое, в нынешнем году он может составить 8,7% мирового ВВП» [5, 50].

В связи с пандемией коронавируса в 2020 году правительствами зарубежных стран были реализованы меры в различных направлениях внутренней политики – финансовой и социальной. Меры носили чрезвычайный характер, и предусматривали решение в комплексе таких задач, как сохранение бизнеса, социальная защита и охрана здоровья населения².

Рассмотрим меры социальной помощи в зарубежных странах (таблица).

Социальная поддержка населения в зарубежных странах в условиях COVID-19

Франция	США
<ul style="list-style-type: none"> • Из 45 миллиардов евро, выделенных государством на стабилизацию экономики после вторжения в жизнь людей коронавируса, большая часть суммы пошла на выплаты тем, кто остался без работы. • Самозанятые, предприниматели малого бизнеса и владельцы небольших компаний могли при первом обращении получить выплату в размере почти 128 000 рублей на поддержку бизнеса с правом обратиться повторно и получить еще большую сумму. • Правительство выдало кредиты предприятиям на общую сумму до 300 млрд. евро. 	<ul style="list-style-type: none"> • Правительство внесло ряд законов, которые помогли минимизировать финансовые потери страны. Сумму в размере 500 миллиардов долларов Трамп направил предприятиям, пострадавшим больше всего, например, авиакомпаниям. • Люди, потерявшие работу исключительно из-за пандемии, получали в течение нескольких месяцев по 600 долларов еженедельно. • Малые предприятия получили возможность взять кредиты под 1%, чтобы выплатить зарплату работникам. • Американцы получили единовременные выплаты на себя и на каждого ребенка.
Испания	Китай
<ul style="list-style-type: none"> • Минимальный размер пособия по безработице, которое установили в Испании, приравнивался к 80 000 рублей. • Государство с пониманием отнеслось к самозанятым и объявило, что они могут претендовать на пособия по безработице. • Работники предприятий, потерявшие работу из-за пандемии, получали пособия в размере до 70% от оклада. И чем больше в семье детей, тем больше сумма пособия. 	<ul style="list-style-type: none"> • Малообеспеченным и семьям с низким уровнем дохода удвоили сумму выплат. Однако граждане получили пособие не деньгами, а ваучерами на продовольствие и товары. • Снизили ставки по налогам и кредитам для тех, кто еще их не брал и не платил. А для тех, у кого уже были кредиты – отменили пеню за просрочку платежа и отсрочили даты платежей.
Австралия	Казахстан
<ul style="list-style-type: none"> • Поддержка доходов частных лиц: по ставке 550 долларов за 2 недели. • Выплаты в поддержку домашних хозяйств: две отдельные выплаты в размере 750 долл. • Временное досрочное высвобождение пенсионных накоплений: лица, пострадавшие от коронавируса, могут получить доступ к накоплению пенсионных накоплений в размере до 10 000 долл. • Временное снижение минимальной просадки по пенсионным картам на 50%. 	<ul style="list-style-type: none"> • За период действия чрезвычайного положения Президент Республики Казахстан поручил приступить к ежемесячным выплатам лицам, потерявшим доходы в результате чрезвычайного положения, в размере 1 заработной платы (42,5 тыс. тенге). • Государственная комиссия расширила круг получателей социальных пособий, в том числе самозанятых, потерявших работу, а также некоторые группы социально уязвимых слоев населения. • Всего поддержку получили около 3 млн. жителей в размере 42,5 тыс. тенге.

² Социальная политика в зарубежных странах в условиях пандемии // Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. 2020. С. 1-37.

В нашей стране также приняты значимые меры в плане социальной поддержки населения. При этом, следует отметить, что эти меры расширяются³.

Первоначально были введены следующие мероприятия:

- Объявлен недельный оплачиваемый отпуск (карантин);
- Выданы единовременные выплаты ветеранам по 75 тыс. руб.;
- На каждого ребенка возрастом до трех лет государство выплачивало 5 000 рублей ежемесячно;
- Пособие безработным увеличили до уровня МРОТ (12 130 руб.);
- Предоставление кредитных каникул россиянам, испытывающим сложности в связи с последствиями коронавируса.

В своем третьем выступлении Президент страны объявил об усилении мер поддержки:

- В ближайшие три месяца врачи, которые работают с больными коронавирусом, будут ежемесячно получать из федерального бюджета выплаты до 80 000 руб., врачи скорой помощи – 50 000 руб. в месяц, фельдшеры, водители – 25 000 руб.
- Для врачей установили дополнительные страховые гарантии, как для военнослужащих.
- Для малого и среднего бизнеса ввели отсрочку на полгода для уплаты страховых взносов.
- Дополнительно выплачивали еще по 3000 руб. в месяц на каждого несовершеннолетнего ребенка тем семьям, в которых родители остались без работы.

Сравнивая меры социальной поддержки населения, предусмотренные российским антикризисным пакетом, с мерами, принятыми в зарубежных странах, можно отметить, что формы оказываемой помощи были аналогичны⁴. Это:

- ежемесячные и единовременные новые социальные выплаты;
- увеличение размеров существующих социальных выплат;
- изменение условий или порядка назначения мер, чтобы упростить доступ к получению помощи или увеличить охват ею [1, с. 36].

Выводы:

1. Пандемия коронавируса охватила весь мир и до сих пор ущерб, причиненный миру, сложно определить. Коронавирус поставил государство в ту ситуацию, когда в сжатые сроки в условиях финансового кризиса и снижения уровня доходов населения пришлось принимать действенные меры по борьбе с пандемией, по поддержке населения, по ликвидации последствий коронавируса.

2. Многие страны внедрили национальную политику социальной защиты в ответ на кризис, который охватил широкий круг областей. Они распространили пособия по болезни, финансируемые из общего налогообложения, на работников, которые иначе не имели бы права; использовали свои схемы защиты от безработицы для поддержки предприятий в удержании работников с помощью схем краткосрочной работы, предоставляли пособия по безработице уволенным работникам, включая тех, кто в противном случае не имел бы права на страхование по безработице, и обеспечивали поддержку доходов для семей.

³ О государственной социальной поддержке в 2020–2021 годах: Постановление Правительства Российской Федерации от 30.10.2020 № 1762.

⁴ Gentilini, Ugo; Almenfi, Mohamed; Orton, Ian. 2020. Social Protection and Jobs Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Measures. World Bank, Washington, DC.

3. Изменению подверглись большинство институтов права социального обеспечения, произошел ощутимый рост размеров отдельных пособий, появились новые виды выплат, внедрены новые формы взаимодействия граждан с органами социальной защиты. Нововведения позволили получить дополнительную поддержку наиболее уязвимым категориям граждан, что подтверждает социальную направленность деятельности российских властей.

4. Меры, направленные на поддержку населения в период пандемии, в различных странах свидетельствуют об особой заботе о гражданах и способствуют реализации гражданами своих конституционных прав.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087.

Список литературы

1. Андреева Е.И., Бычков Д.Г., Феоктистова О.А. COVID-19 и антикризисная социальная поддержка // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 1. С. 28–38. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-1-28-38.
2. Григорьев И.В. Влияние распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 на изменение законодательства о социальном обеспечении // Право и политика. 2020. № 7. С. 74-85. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.7.33.218
3. Калмыкова А.Д. Социальная защита граждан РФ в период пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 2. С. 92-95. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-2-1-92-94
4. Лютов Н.Л. Защита населения, работодателей и рынка труда в условиях пандемии: Россия в глобальном контексте // Актуальные проблемы российского права. 2020. №8. С. 108-117.
5. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: [колл. монография] / Осипов Г.В. и др.; под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА». 2020. 532 с.

Информация об авторах

Некрасова Маргарита Николаевна (Россия, Тюмень) – магистрант кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6, e-mail: ritan333@rambler.ru).

Хохлова Ирина Сергеевна (Россия, Тюмень) – магистрант кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6, e-mail: irahohlova04@gmail.com).

Nekrasova M.N., Khohlova I.S.

SOCIAL SUPPORT OF THE POPULATION DURING COVID-19: A COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. *The article analyzes the measures of social support for the population in the context of coronavirus infection in different countries. Vulnerable segments of the population during the pandemic have been identified. A review was made of measures of social support for Russian citizens, which allow responding to new challenges during the COVID-19 period.*

Key words: COVID-19, social support, epidemiological situation, vulnerable social groups, coronavirus infection, social payments.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the project no. 20-011-00087.

Information about the author

Nekrasova Margarita N. (Tyumen, Russia) – Master-Student of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen (6 Volodarskogo Street, 625003, Tyumen, e-mail: ritan333@rambler.ru).

Khohlova Irina S. (Tyumen, Russia) – Master-Student of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen (6 Volodarskogo Street, 625003, Tyumen, e-mail: irahohlova04@gmail.com).

Bibliography

1. Andreeva E.I., Bychkov D.G., Feoktistova O.A. COVID-19 and anti-crisis social support // Financial Journal. 2021. V. 13. No. 1. S. 28–38. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-1-28-38
2. Grigoriev I.V. The impact of the spread of a new coronavirus infection COVID-19 on changes in social security legislation // Law and Politics. 2020. No. 7. S. 74-85. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.7.33.218
3. Kalmykova A.D. Social protection of citizens of the Russian Federation during the pandemic caused by a new coronavirus infection // Economics and business: theory and practice. 2021. №2. pp. 92-95. DOI:10.24412/2411-0450-2021-2-1-92-94
4. Lyutov N.L. Protection of the population, employers and the labor market in a pandemic: Russia in a global context // Actual problems of Russian law. 2020. No. 8. pp. 108-117.
5. Russian society and the state in a pandemic: socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020: [Collective monograph] / Osipov G.V. and etc.; ed. G.V. Osipova, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashova, T.K. Rostov; resp. ed. VC. Levashov. M.: ITD “PERSPECTIVE”. 2020. 532 p.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ И НЕРАВЕНСТВО: РЕТРОСПЕКТИВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ РОССИИ

***Аннотация.** Вопросы справедливости налогообложения и его влияния на неравенство остаются дискуссионными. Наиболее ярко они проявляются в рамках подоходного налога. С XVIII века экономическая наука продолжает поиск аргументов как для сторонников плоской, так и прогрессивной шкалы подоходного налога. Сегодня в России уровень социального расслоения остается высоким. Это актуализирует анализ потенциала налоговых инструментов в сглаживании неравенства. Дана оценка с позиций влияния на неравенство внедрению прогрессивной шкалы НДФЛ, а также отмене НДФЛ с процентов по вкладам в 2021–2022 гг. и материальной выгоды по кредитам в 2022–2023 гг.*

Ключевые слова: налог, налоговая политика, неравенство, справедливость, коэффициент Джини, НДФЛ.

Определение справедливости в налогообложении своими корнями уходит глубоко в ретроспективу экономической мысли. Не погружаясь в исследование эволюции научных взглядов на категорию справедливости применительно к налогообложению, ограничимся ключевыми, на наш взгляд, позициями.

Адам Смит сформировал подход, который впоследствии назвали принципом справедливости налогообложения: «Подданные государства должны, по возможности, соответственно своей способности и силам участвовать в содержании правительства, то есть соответственно доходу, каким они пользуются под покровительством и защитой государства» [7, с. 341]. Классик не говорит о справедливости, но принцип был назван именно так, поскольку подчеркивается соответствие уровня налогообложения способности налогоплательщика уплатить налог, то есть платежеспособности, и соответствие объему полученного дохода.

Французский представитель классической школы Ж.Б. Сэй был сторонником прогрессивного налогообложения: «Я не боюсь утверждать, что справедлив только прогрессивный налог», вместе с тем французский экономист П. Ленруа-Болье обосновывал справедливость пропорционального налога тем, что государство оказывает бедным услуг больше, чем богатым [3, с. 74-75]. Марксистская политическая экономия рассматривала прогрессивный налог как средство сглаживания социального неравенства в обществе, отстаивая справедливость прогрессивного налогообложения. Неоклассики также считали справедливым прогрессивное налогообложение, например, А. Маршалл писал: «Счастье, которое приносит шиллинг бедняку несравнимо больше, чем то, что дает тот же шиллинг богачу» [5, с. 118]. Кейнсианская школа предлагала использовать позитивную роль налогов в перераспределении, изъятии излишков и сверхдоходов с помощью налогов и их трансформации в государственные инвестиции, для чего необходимо обложение высоких доходов по прогрессивной шкале. Монетаристы отмечали риски дестимулирования экономической активности и риски налогового администрирования при введении прогрессивных налоговых ставок. Так, М. Фридман писал: «Во-первых, их воздействие частично привело к тому, что доналоговое распределение стало просто-напросто более неравным. Это обычное явление при распределении налогового бремени. Отталкивая

людей от занятий, облагаемых высокими налогами, – в данном случае от занятий, сопряженных с крупным риском и неудобствами нефинансового характера, они увеличивают прибыльность этих занятий. Во-вторых, они способствовали появлению в налоговом законодательстве и в других областях «лазеек», позволяющих уклоняться от уплаты налогов» [10, с. 122].

В рамках концепции справедливости Джона Ролза допускается определенное неравенство в налогообложении, если оно способствует повышению благосостояния менее обеспеченных слоев общества. Под неравенством здесь понимаем распределение не поровну. В частности, Ролз писал: «То, что некоторые должны иметь меньше, чтобы остальные процветали, может быть и рационально, но не справедливо. Но нет никакой несправедливости в больших преимуществах, заработанных немногими, при условии, что менее удачливые тем самым улучшают свое положение» [6, с. 28].

В отечественной финансовой науке дореволюционной эпохи единства взглядов на справедливость налогообложения также не сформировалось. Экономист, декабрист Н.И. Тургенев считал справедливым одинаково соразмерное распределение налогов, соответствующее доходам граждан [9, с. 134]. Представитель казанской школы финансового права Д.М. Львов справедливым определял налоговое распределение, учитывающее платежеспособность налогоплательщика. При определении «Pro et Contra» пропорционального и прогрессивного налогообложения ученый признавал дифференциацию подхода: «Налог распределяется ... по величине дохода, при том в прямых и косвенных налогах он должен распределяться по масштабу пропорциональному (преимущественно, но не исключительно), а в общеподоходном налоге – по масштабу прогрессивному и с допущением Existenzminimum^а» [2, с. 304]. Ординарный профессор Московского университета по кафедре финансового права И.И. Янжул считал несправедливым предоставление налоговых освобождений для отдельных лиц или сословий [11, с. 247] и выступал за применение на практике прогрессивного налогообложения [11, с. 377].

Примечательно, что в русском фольклоре в отношении налогообложения также затрагивается справедливость. О справедливости налога в русских народных сказках свое представление, справедливо не значит поровну. Русская сказка, вообще-то отрицающая прогрессивную шкалу, принимает и ее, если уплата налога сопровождается остроумным комментарием, утверждающим существующий миропорядок [4, с. 64].

Сегодня в Налоговом кодексе РФ принцип справедливости заложен ст. 3, п. 1 «При установлении налогов учитывается фактическая способность налогоплательщика к уплате налога», п. 2 «Налоги и сборы не могут иметь дискриминационный характер».

Вопрос справедливости налогообложения к настоящему времени наукой не разрешен однозначно, и в рамках многообразия течений экономической мысли разрешен он быть не может, то есть останется дискуссионным. Проявлениями дискуссионности справедливого подоходного налогообложения являются вариации всеобщности, равенства, платежеспособности, источника облагаемого дохода (труд, капитал), системы налогообложения (пропорциональное, прогрессивное). Особо значимый вопрос – о выборе между прогрессивной и плоской шкалой.

Прежде всего, отметим, что *пропорциональная или плоская шкала* предполагает применение единой постоянной налоговой ставки вне зависимости от величины налоговой базы, то есть постоянство доли налога по отношению к налоговой базе, а абсолютная сумма налога при этом изменяется пропорционально изменению нало-

говой базы. *Прогрессивная шкала* предполагает возрастание налоговой ставки при увеличении налоговой базы, то есть с увеличением налоговой базы доля налога в ней растет, а абсолютная сумма налога при этом растет прогрессивно относительно увеличения налоговой базы. *Регрессивная шкала* налогообложения противоположна прогрессивной – налоговые ставки снижаются при увеличении налоговой базы, то есть с увеличением налоговой базы доля налога в ней снижается, а абсолютная сумма налога при этом растет медленнее относительно роста налоговой базы. Таким образом, в абсолютном выражении сумма налога с ростом налоговой базы растет при любом варианте налоговой шкалы, но вот в относительном – в долях от налоговой базы – изменяется по-разному: при прогрессивной – растет, при пропорциональной – не изменяется, при регрессивной – снижается.

Прогрессивная шкала имеет несколько вариантов исчисления:

- простая поразрядная прогрессия: налоговая база подразделяется на разряды, и для каждого них устанавливается твердая абсолютная сумма налога;
- простая относительная прогрессия: налогооблагаемая база делится на разряды, используемые для определения ставки налога, которая затем применяется ко всей сумме;
- сложная прогрессия: для каждого разряда устанавливается отдельная ставка; суммы налога, определяемые для каждого разряда, складываются, и определяется итоговая сумма.

В настоящее время в мире порядка 30 стран применяют плоскую шкалу подоходного налога. В основном это государства бывшего Советского Союза и социалистического лагеря. С 2021 г. Россия перешла в число абсолютного большинства стран с прогрессивной ставкой НДФЛ. Эта прогрессия является мягкой – двухступенчатой: 13% и 15%. Повышенная ставка 15% установлена для доходов граждан более 5 млн руб. в год. Исчисляться НДФЛ по этой ставке будет как 650 тыс. руб. и 15% с доходов, превышающих 5 млн руб. в год. При этом доходы от продажи и дарения имущества, а также страховые выплаты независимо от суммы продолжают облагаться по ставе 13%.

Шкала подоходного налога оказывает непосредственное воздействие на уровень неравенства. В России сократить уровень неравенства не удастся на протяжении 30 лет, фактически с начала рыночных реформ, когда сформировался высокий уровень неравенства. До настоящего времени, несмотря на предпринимаемые Правительством меры, снизить уровень неравенства не удастся. Оно усугубляется также высоким уровнем бедности.

Подтверждением высокой степени социального расслоения по доходам в России являются показатели распределения денежных доходов по 20-ти процентным группам населения. С 1990-х гг. эти метрики остаются стабильными – доходы I группы 20% населения с наименьшими доходами составляют 5-6% общего объема доходов населения, а V группы с наибольшими доходами – 46-48%. Таким образом, 20% наиболее обеспеченных граждан имеют доходы в общей сложности в 8-10 раз больше доходов 20% самых бедных. Этот показатель, по данным Статистического комитета СНГ, в России выше, чем в странах СНГ и ЕС: в Беларуси, Украине, Казахстане, Узбекистане – 4, как и в Австрии, Дании, Нидерландах, Польше, Франции, Чехии, в Германии, Эстонии – 5, но на сопоставимом уровне с США, и ниже чем в Бразилии (18) и ЮАР (28)¹.

¹ Мониторинг показателей качества жизни населения в странах Содружества Независимых Государств 2015-2018. Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2019. С. 11-13.

Неравенство является существенным и в территориальном разрезе. В 2019 г. коэффициент Джини по субъектам Федерации различался на 0,1: от 0,33 до 0,43². Среднедушевые денежные доходы населения в регионах России в 2020 г. различаются до 6 раз: 15,6 тыс. руб. на человека в месяц в Республике Тыва, в то время как в автономных округах они достигли 87 тыс. руб. – в Чукотском, 82,7 – в Ямало-Ненецком, 81,1 – Ненецком и 75,7 – в Москве³.

Задача преодоления неравенства и бедности поставлены сегодня на самом высоком государственном уровне. 16 марта 2022 года Президент РФ на совещании по социально-экономической поддержке субъектов РФ особо отметил: «даже в текущей непростой ситуации по итогам года нам необходимо добиться снижения уровня бедности и неравенства». [8] В условиях сложившейся ситуации геоэкономической неопределенности, обуславливающей турбулентность экономического развития России, Правительством принят ряд мер, направленных на сокращение монетарного неравенства и преодоление бедности. Правительством РФ представлен законопроект №84984-8 [1], который направлен на поддержку экономики в условиях рестрикций экзогенного макроэкономического шока. Он принят Государственной Думой и Советом Федерации и по состоянию на 24.03.2022 направлен на подписание Президенту РФ. Отдельного внимания заслуживают меры в области налогообложения граждан. Законопроект предусматривает:

- освобождение от НДФЛ доходов в виде материальной выгоды, полученные в 2022 и 2023 гг. от экономии на процентах за пользование заемными (кредитными) средствами;

- освобождение от НДФЛ доходов в виде процентов, полученные в 2021 и 2022 гг. по вкладам (остаткам на счетах) в банках;

- применение повышающего коэффициента по транспортному налогу к транспортным средствам стоимостью выше 10 млн руб. вместо 3 млн руб. (налог «на роскошь»).

В основном они нацелены на снижение налогового бремени у среднего класса в связи с повышением ключевой ставки до 20% и резким ростом цен на автомобили. Полагаем, что данные инициативы не окажут существенного воздействия на уровень неравенства. Это обусловлено тем, что на наиболее богатых и наименее обеспеченных граждан эти меры существенного влияния не окажут. У наименее обеспеченных граждан нет активов на счетах и вкладах в банках в объеме, который подпадал бы под условия налогообложения, а также и дорогостоящих автомобилей. Богатые граждане в основном размещают активы в иных финансовых инструментах, освобождение процентов по вкладам вряд ли окажет влияние на их инвестиционные решения. Дорогостоящие транспортные средства наиболее богатых граждан и ранее подпадали под повышающий коэффициент по транспортному налогу, когда он применялся к стоимости свыше 3 млн руб. Освобождение от НДФЛ доходов в виде материальной выгоды, полученные в 2022 и 2023 гг. от экономии на процентах за пользование заемными (кредитными) средствами. Таким образом, именно средний класс получает основные выгоды от снижения налоговой нагрузки. Поскольку налоговая нагрузка на наименее и наиболее обеспеченных граждан не изменится, то и на уровень неравенства эти меры существенного влияния не окажут.

² Коэффициент Джини / ЕМИСС [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31165> (дата обращения 17.03.2022).

³ Уровень жизни населения / Росстат [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397?print=1> (дата обращения 17.03.2022).

Проблема неравенства не будет решена посредством введения двухступенчатой прогрессивной шкалы 13% и 15% с доходов свыше 5 млн ₽ в год. Наиболее обеспеченные граждане такой разницы практически не ощутят. Однако, это первый шаг на пути к социальной справедливости НДФЛ. Далее требуется увеличение прогрессии и введение необлагаемого минимума. Не окажет влияния на неравенство и рассмотренный пакет мер по смягчению налогообложения граждан в части доходов по процентам по вкладам, материальной выгоды по кредитам, повышению стоимости автомобилей, подходящих под повышающий коэффициент транспортного налога.

Изучив эволюцию научных подходов к оценке справедливости подоходного налогообложения, рассмотрев аргументы сторонников прогрессивной и пропорциональной шкалы, полагаем, что социально справедливой является прогрессивная шкала с необлагаемым минимумом.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых №МК-2397.2022.2.

Список литературы

1. О внесении изменений в пункт 4 статьи 75 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Законопроект №84984-8 от 22.03.2022 Проект федерального закона // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/84984-8> (дата обращения 24.03.2022).
2. Львов Д. Курс финансового права. Казань: тип. Ун-та, 1887. 521 с.
3. Майбуров И.А., Ушак Н.В., Косов М.Е.. Теория и история налогообложения: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 423 с.
4. Панюшкин В. Русские налоговые сказки. М.: Альпина Паблишер, 2014. 199 с.
5. Пушкарева В.М. История финансовой мысли и политики налогов. М.: Финансы и статистика, 2005. 256 с.
6. Ролз Д. Теория справедливости / науч. ред. В.В. Целищев [пер. с англ. В.В. Целищева при участии В.Н. Карповича и А.А. Шевченко]. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. 534 с.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 684 с.
8. Совещание о мерах социально-экономической поддержки регионов // Официальный сайт Президента РФ. 16.03.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67996> (дата обращения 17.03.2022).
9. Сперанский М.М., Тургенев Н.И., Орлов М.Ф. У истоков финансового права. М.: Статут, 1998. –427 с.
10. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.
11. Янжул И.И. Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах. М.: Статут, 2002. 553 с.

Информация об авторе

Пугачев Андрей Александрович (Россия, Ярославль) – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (150003, г. Ярославль, ул. Советская, 14, e-mail: andrxim@yandex.ru).

TAX FAIRNESS AND INEQUALITY: A RETROSPECTIVE OF ECONOMIC SCIENCE AND THE NEW SOCIAL REALITY OF RUSSIA

Abstract. *The issues of tax fairness and its impact on inequality remain debatable. They are most clearly manifested in the framework of income tax. Since the XVIII century, economics has continued to search for arguments for both supporters of a flat and progressive income tax scale. Today in Russia, the level of social stratification remains high. This actualizes the analysis of the potential of tax instruments in smoothing inequality. An assessment is given from the standpoint of the impact on inequality of the introduction of a progressive personal income tax scale, as well as the abolition of personal income tax from interest on deposits in 2021-2022 and material benefits on loans in 2022-2023.*

Key words: *tax, tax policy, inequality, fairness, Gini coefficient, personal income tax.*

Information about authors

Pugachev Andrey A. (Russia, Yaroslavl) – Doctor, Associate Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University (150003, Yaroslavl, Sovetskaya st., 14, e-mail: andrxim@yandex.ru).

Bibliography

1. Draft Law No. 84984-8 of 22.03.2022 Draft Federal Law „On Amendments to Paragraph 4 of Article 75 of Part One and Part Two of the Tax Code of the Russian Federation // Legislative activity support system. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/84984-8> (accessed 24.03.2022).
2. Lvov, D. Course of Financial law. - Kazan: type. Un-ta, 1887. 521 p.
3. Maiburov, I.A. Theory and history of taxation: studies. manual / I.A. Maiburov, N.V. Ushak, M.E. Kosov. 2nd ed., reprint. and additional - M.: UNITY-DANA, 2010. 423 p.
4. Panyushkin, V. Russian tax tales / V. Panyushkin. M.: Alpina Publisher, 2014. 199 p.
5. Pushkareva, V.M. History of financial thought and tax policy. M.: Finance and Statistics, 2005. 256 p.
6. Rolz, D. Theory of justice / scientific ed. V.V. Tselishchev [trans. from the English by V.V. Tselishchev with the participation of V.N. Karpovich and A.A. Shevchenko]. - Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk University, 1995. 534 p.
7. Smith, A. Research on the nature and causes of the wealth of peoples. - M.: Sotsekgiz, 1962. 684 p.
8. Meeting on measures of socio-economic support of regions - Text: electronic // Official website of the President of the Russian Federation. 16.03.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67996> (accessed 17.03.2022).
9. At the origins of financial law / M.M. Speransky, N.I. Turgenev, M.F. Orlov. M.: Statute, 1998. 427 p.
10. Friedman, M. Capitalism and freedom. - M.: New Publishing house, 2006. 240 p.
11. Yanzhul, I.I. The basic principles of financial science: The doctrine of state revenues. - M.: Statute, 2002. 553 p.

ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА БЕДНОСТИ В АРМЕНИИ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. В сложившейся социально-экономической ситуации в Армении перво-степенное значение приобрела проблема преодоления бедности. С целью решения этой задачи в Армении разработана и действует автоматизированная система оценки уровня нуждаемости домохозяйств. Система определяет степень нуждаемости каждого отдельного домохозяйства (семьи) и, при определённых условиях, устанавливает право на назначение семейного пособия. Настоящий доклад посвящён проблеме адресности указанной системы с точки зрения анализа данных целевых статистических обследований.

Ключевые слова: бедность, адресная система помощи, статистический подход.

В качестве оценки уровня бедности в Армении рассматриваются несколько вариантов, из которых наибольший интерес для нас представляют два – нижняя черта бедности (или линия крайней бедности), при которой ежедневный подушевой уровень потребления составляет менее \$1.9, и черта бедности, при которой ежедневный подушевой уровень потребления составляет не более \$3.0. Согласно статистическим данным в 2020 году (без учёта назначенных семейных пособий по бедности) за чертой крайней бедности находилось 3,8 %, а за чертой бедности – 25,2 % населения Армении.

С начала 1999 года в Армении действует система оценки степени нуждаемости домохозяйств, в которой используется некоторый набор факторов (критериев), с большой степенью вероятности способных оказать влияние на уровень бедности. Каждому из этих факторов присваивается *вес* – число, характеризующее степень бедности данного фактора. Подбор факторов и их весов построен на основе интуитивных экспертных оценок и, фактически, носит субъективный характер. Сами факторы и их веса с течением времени менялись и уточнялись. В настоящее время их насчитывается 26¹. В таблице ниже, в качестве примера, приведена часть из них.

Таблица 1. Оценка степени нуждаемости домохозяйств

Наименование социальной группы	Вес
Инвалиды I группы	48
Инвалиды II группы	39
Инвалиды III группы	28
Инвалиды с детства	45
Односторонние сироты	43
Круглые сироты	50
Одинокие матери	26
Пенсионеры до 75 лет	36
Пенсионеры старше 75 лет	39
Безработные	22
Дети до 5 лет	35
Студенты	22

¹ См. [1] и [2].

Каждый член домохозяйства получает свой вес. При этом некоторые из них могут принадлежать более, чем к одной социальной группе. Например, пенсионер и, одновременно, инвалид III группы. Допускается иметь до трёх социальных групп. В таких случаях веса социальных групп суммируются, причём главная (имеющая максимальный вес) группа суммируется с коэффициентом 1.0, вторая – с коэффициентом 0.3 и третья – с коэффициентом 0.1.

Вслед за этим берётся среднее арифметическое от набранных весов всех членов домохозяйства и на полученное число «навешивается» целый ряд коэффициентов. Это – коэффициент географических условий (высокогорные и приграничные районы, зона землетрясения), коэффициент жилища (собственный дом, квартира, общежитие, временка), коэффициент собственности (автомобиль, роскошная мебель, современная бытовая техника), коэффициент дохода (зарплата, пенсия, земельный участок) и др.

Полученное в результате всех этих действий число объявляется степенью нуждаемости домохозяйства и, если это число больше 28.0, то сроком на 1 год домохозяйству назначается пособие, в противном случае – отказ, либо, в отдельных случаях – единовременное трёхмесячное пособие. По истечении года и в зависимости от возможных изменений в домохозяйстве, проводится перерасчёт степени нуждаемости и назначается (или – нет) пособие на следующий период времени.

Размер пособия складывается из базовой части – приблизительно \$35 на всю семью плюс по \$10-14 на каждого ребёнка (в зависимости от количества детей).

Критика системы оценки нуждаемости домохозяйств сводится к следующим позициям:

- Выбор групп социального риска и их весов проводится на основе *субъективной экспертной оценки*, хотя и со стороны весьма компетентных специалистов – социальных работников и математиков. Между тем, если выбор групп социального риска вполне объясним и закономерен, то подбор весов каждой из этих групп представляется сомнительным. Именно эти «кругленько» подобранные целые числа формируют окончательный показатель бедности, при котором, однако, отнюдь не «кругленькая» разница всего лишь в 0.01 решает вопрос назначения пособия – набравший 28.01 баллов признаётся бедным, а набравший 28.00 – нет.
- В системе используется коэффициент, учитывающий доход домохозяйства. Однако, если, например, доходы от пенсий учитываются однозначно и в полном объёме, то доходы от самозанятости не поддаются эффективному учёту. Таким образом семьи с пенсионерами оказываются в невыгодном положении.

В качестве альтернативного подхода к оценке степени нуждаемости домохозяйств Институтом труда и социальных исследований прилагаются методы анализа, основанные на данных статистических обследований.

В «статистической» системе адресации формула и веса переменных определяются на основе статистических обследований части домохозяйств (выборки). Посредством анализа данных подбирается адекватная формула, веса переменных которой определяются методами математической статистики (корреляционного, дисперсионного и регрессионного анализов). Подобным способом получаемые формулы носят объективный характер и, в отличие от экспертных оценок, не допускают субъективных поправок. В этом подходе за показатель благосостояния семьи берётся (заранее специально просчитанный) уровень душевого потребления ее членов.

Применение методов статистического, в частности, регрессионного анализа позволяет, с одной стороны, уточнять в действующей системе оценки бедности используемые группы социального риска и корректировать их веса, а с другой стороны, – работать над разработкой альтернативной формулы определения уровня бедности. Основу анализа составляют данные интегрированных обследований условий жизни домохозяйств, начиная с 2004-го ежегодно проводимых Комитетом по статистике Армении².

Отметим несколько наиболее значимых и интересных с нашей точки зрения результатов статистического анализа.

- Благодаря семейным пособиям уровень крайней бедности снизился на 2,6%, а уровень общей бедности – на 0,2%. В двух (из 11) областях Армении крайняя бедность полностью искоренена. Пособия благотворнее сказались на селе.
- Вероятность того, что семья, состоящая из двух членов, может быть крайне бедной, в 10-15 раз ниже, чем в семьях с иным количеством членов.
- 20,9 %-ам крайне бедных семей пособие назначено не было – ошибка исключения, 15,5 % не бедных получили пособия – ошибка включения.
- Средняя продолжительность получения семейного пособия составила 5,8 лет.
- Матерей одиночек в Армении оказалось несколько меньше, чем зарегистрировано в системе семейных пособий, а одиноких пенсионеров зарегистрировано в системе аж в 3 (!) раза больше, чем есть на самом деле.
- Среднемесячные (за год) расходы на газ и электроэнергию составляют около 10 % общих доходов домохозяйства. Исходя из этой пропорции легко подсчитать подушевой месячный доход домохозяйства. При этом следует учитывать, что число членов домохозяйства «приводится» к числу его совершеннолетних членов посредством формулы $N = (n + 0.65 \times m)^{0.87}$, где n – число членов домохозяйства старше 14 лет, а m – число членов до 14 лет. Для подсчёта «приведённого» числа членов домохозяйства можно руководствоваться ниже приведённой таблицей.

Таблица 2. Расчёт «приведённого» числа членов домохозяйства

		Число детей до 14 лет						
		1	2	3	4	5	6	
Число членов старше 14 лет	0	0,00	0,69	1,26	1,79	2,30	2,79	3,27
	1	1,00	1,55	2,06	2,56	3,05	3,52	3,99
	2	1,83	2,33	2,83	3,30	3,77	4,23	4,68
	3	2,60	3,08	3,56	4,02	4,48	4,93	5,37
	4	3,34	3,81	4,27	4,72	5,16	5,60	6,04
	5	4,06	4,51	4,96	5,40	5,84	6,27	6,70
	6	4,75	5,20	5,64	6,07	6,50	6,93	7,35

Пример регрессионного анализа, основанного на данных [3] за 2020 год приведен ниже.

Таблица 3. Результаты регрессии

	Нестандартные коэффициенты	
	B	Std. Error
(Constant)	10.803	0.007
Город (кроме Еревана)	-0.157	0.001
Село	-0.076	0.002

² Демо-версии баз данных см. [3]

		Нестандартные коэффициенты		
		B	Std. Error	
Тип жилья		-0.037	0.001	
Место нахождения водопровода		-0.061	0.002	
Основной метод обогрева жилья		0.027	0.001	
Метод освобождения от мусора		-0.016	0.001	
Жилищные условия		-0.106	0.001	
Пол главы домохозяйства		-0.093	0.002	
Уровень образования главы домохозяйства		0.065	0.001	
Семейное положение главы домохозяйства		-0.098	0.002	
Ребёнок до 5 лет		-0.201	0.001	
Ребёнок до 6-14 лет		-0.186	0.001	
Ребёнок до 15-18 лет		-0.140	0.001	
Инвалид 1-ой группы		-0.084	0.004	
Инвалид 2-ой группы		-0.029	0.002	
Инвалид 3-ой группы		-0.019	0.002	
Инвалид с детства		-0.103	0.006	
Пенсионер (всех видов)		-0.039	0.001	
Работодатель		0.184	0.004	
Зарегистрированный работник		0.002	0.001	
Незарегистрированный работник или самозанятый		-0.030	0.001	
Логарифм подушевого расхода энергии		0.061	0.001	
Логарифм подушевого расхода воды		0.006	0.000	
Model Summary				
Model	R	R Square	Adjusted R Square	Std. Error of the Estimate
1	.588a	.345	.345	.41723

Важно отметить, что получаемые посредством регрессионного анализа факторы риска и их веса носят объективный характер и полностью исключают возможность корректировки или иного внешнего вмешательства со стороны экспертного сообщества и/или исходя из политической конъюнктуры.

Общий вид формулы линейной регрессии имеет следующий вид:

$$\ln(S) = C + \sum_{i=1}^n (k_i \times g_i),$$

где:

S – зависимая переменная – подушевое месячное потребление членов домохозяйства ($\ln(S)$ его натуральный логарифм),

n – общее число факторов бедности, использованных в регрессии,

g_i – коэффициент i -ой переменной (i -го фактора),

k_i – независимая переменная – численность i -го фактора в домохозяйстве (например, 3 ребёнка или 2 пенсионера, или 1 инвалид и т.д.),

C – постоянная величина регрессии.

Посредством полученной формулы подсчитывается среднемесячный подушевой расход каждого конкретного домохозяйства и, если эта величина меньше установленной черты бедности, то домохозяйству должно быть назначено семейное пособие.

Список литературы

1. Сборник законодательных актов для социальных работников. Ереван, 2014.
2. Постановление Правительства Республики Армения № 841 от 13.07.2017.
3. Базы данных Интегрированных обследований бюджетов домохозяйств 2004-2020 гг. URL: <https://www.armstat.am/en/?nid=205>
4. Бедность и социальная панорама Армении. 2021. URL: <https://www.armstat.am/am/?nid=82&id=2438>
5. Рэвельон М. Сравнительные оценки бедности. 1996.
6. Грош М., Бейкер Дж. Использование балльной системы оценки доходов для обеспечения адресности программ социальной защиты населения. 1996.
7. Грош М., Глинская Е. Балльная система оценки доходов и социальная помощь в Армении. Всемирный банк. 1997.
8. Саакян А. Адресность социальной помощи: система семейных пособий в Армении: доклад на конференции «Реформа системы социальной защиты в странах СНГ». М., 2000.
9. Braithwaite J., Grootaert Ch., Milovic B. Poverty and Social Ressistance in Transition Countries. 2000.

Информация об авторах

Саакян Армен Саркисович (Армения, Ереван) – заведующий отделом статистической оценки бедности, Национальный институт труда и социальных исследований Министерства труда и социальных вопросов РА (e-mail: armen.saak@yandex.ru).

Авдалян Лилит Нориковна (Армения, Ереван) – ведущий аналитик отдела Статистической оценки бедности, Национальный институт труда и социальных исследований Министерства труда и социальных вопросов РА (e-mail lilitavdalyan@mail.ru).

Sahakyan A.S., Avdalyan L.N.

PROBLEMS OF POVERTY ANALYSIS IN ARMENIA - STATISTICAL APPROACH

Abstract. *Armenia has an automated system for assessing the level of need of households. The system determines the degree of need of each individual household and, under certain conditions, gives the right to assign a family allowance. This report is devoted to the problem of the targeting of this system from the point of view of statistical survey data.*

Key words: *poverty, targeted assistance system, statistical approach.*

Information about the authors

Sahakyan Armen S. (Armenia, Yerevan) – Head of the Statistical Poverty Assessment Department, National Institute of Labor and Social Research of the Ministry of Labor and Social Affairs of the Republic of Armenia (e-mail armen.saak@yandex.ru).

Avdalyan Lilit N. (Armenia, Yerevan) – leading Analyst of Statistical Poverty Assessment Department, National Institute of Labor and Social Research of the Ministry of Labor and Social Affairs of the Republic of Armenia (Yerevan, Ulnetsu str. 68; e-mail lilitavdalyan@mail.ru).

Bibliography

1. Collection of legislative acts for social workers, Yerevan, 2014.

2. Resolution of the Government of the Republic of Armenia No. 841 dated 13.07.2017.
3. Databases of Integrated Household Budget Surveys 2004-2020. URL: <https://www.armstat.am/en/?nid=205>
4. Poverty and Social Panorama of Armenia. 2021 URL: <https://www.armstat.am/am/?nid=82&id=2438>
5. Ravellion M. Comparative estimates of poverty. 1996.
6. Grosh M., Baker J. The use of a point-based income assessment system to ensure the targeting of social protection programs of the population. 1996.
7. Grosh M., Glinskaya E. The point system of income assessment and social assistance in Armenia. World Bank. 1997.
8. Sahakyan A.S, Targeting of social assistance: the system of family benefits in Armenia, Report at the conference “Reform of the social protection system in the CIS countries». Moscow. 2000.
9. Braithwaite J., Grootaert Ch., Milovic B. Poverty and Social Resistance in Transition Countries. 2000.

РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье обозначены задачи, которые могут быть решены при переводе социальных услуг в цифровую среду. Приведены риски цифровизации социальных услуг, с которыми сталкиваются и государство, и граждане страны.

Ключевые слова: цифровизация, риски, социальные услуги, социальная политика, население.

Современную жизнь уже тяжело представить без использования цифровых технологий, которые прочно охватывают все больше областей в нашей повседневной жизни и социальная сфера здесь не исключение. Наоборот, можно говорить, что цифровизация услуг и сервисов становится главным трендом социальной сферы.

Правительства различных стран используют цифровые технологии и наращивают объемы по переводу различных услуг в цифровую среду. Надо отметить, что сейчас идет десятилетие действий по устойчивому развитию, направленного на активизацию усилий по достижению Целей устойчивого развития (ЦУР) до 2030 года. Основное внимание в рамках этого десятилетия уделяется усилиям по ликвидации бедности и улучшению экономического роста, социальной защиты, здравоохранения (включая ответные меры на пандемию), образования, энергетики, водоснабжения и санитарии, устойчивого транспорта и инфраструктуры, а также доступа к Интернету.

В исследовании, проведенном ООН, отмечается, что «страны сталкиваются с конкретными препятствиями, связанными с такими вопросами, как цифровая инклюзивность, конфиденциальность данных и кибербезопасность. Цифровая трансформация должна быть направлена на поощрение цифровой интеграции и обеспечение того, чтобы все люди, включая уязвимые группы, могли получить доступ к новым технологиям для повышения своего благосостояния. Люди и их потребности должны быть на первом месте» [3].

Социальная сфера это в первую очередь работа с людьми. Чтобы она происходила на качественном уровне и с использованием адресной поддержки в наши дни не обойтись без современных цифровых технологий. Именно они позволяют проводить более качественный сбор и обработку огромных массивов информации, что в свою очередь приводит к оказанию более качественных услуг. Также к преимуществам цифровизации можно отнести снижение стоимости социальных услуг

Перевод социальных услуг в цифровую среду позволит решить ряд задач:

- 1) обеспечить налоговую и имущественную прозрачность каждого гражданина;
- 2) осуществить адресность социальной поддержки в зависимости от дохода (та проблема, о которой очень много говорят и пишут);
- 3) повысить эффективность расходования бюджетных средств;
- 4) разгрузить органы исполнительной власти от непрофильной деятельности и избыточных функций;
- 5) вести наблюдение/контроль за гражданином в плане выполнения им взятых на себя обязательств (погашение в срок кредитов, своевременная оплата налогов, информирование органов социального обеспечения о изменении доходов и т.д.).

Можно выделить два этапа цифровизации социальной защиты и социального обслуживания.

Первый этап цифровизации начался в 1990-е годы и был ориентирован условно «внутри системы» социальной защиты и социального обслуживания, на ее сотрудников. Он состоял в разработке и внедрении автоматизированных информационных систем (АИС), позволяющих в электронной форме вести реестры льготополучателей и получателей социальных услуг, осуществлять учет и анализ предоставленных гражданам мер социальной помощи и социальных услуг [1].

Затем были созданы Государственный банк данных о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, Единая государственная информационная система социального обеспечения, Федеральная государственная информационная система «Федеральный реестр инвалидов» и др. [2, с. 200–223].

Второй этап цифровизации сферы социальной защиты и социального обслуживания, ориентирован на население.

В 2017 году Пенсионный фонд России завершил создание ЕГИССО, а с 1 января 2018 года ввел систему в постоянную эксплуатацию. Основанием для создания ЕГИССО является Федеральный закон от 29 декабря 2015 года № 388-ФЗ и Постановление Правительства РФ от 14 февраля 2017 года № 181.

ЕГИССО – это федеральная государственная информационная система, созданная в целях обеспечения граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также предоставляющих меры социальной поддержки и социальные услуги организаций, информацией об этих мерах и услугах, иных социальных гарантиях и выплатах, предоставляемых гражданам за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов.

Система создана в целях автоматизации процессов и предоставления государственных услуг в электронной форме.

В перечень собираемых по Положению о ЕГИССО сведений включен достаточно большой перечень конфиденциальных данных: СНИЛС, ФИО, пол, дата рождения, место рождения, телефон, гражданство, данные документа, удостоверяющего личность, реквизиты записи акта о рождении, адрес места жительства (пребывания), сведения о выплатах и иных вознаграждениях, полученных лицом в связи с осуществлением трудовой деятельности, сведения о периодах трудовой деятельности и (или) иной деятельности, сведения о сумме пенсии, сведения о периоде назначения и предоставления меры социальной защиты (поддержки), страховые номера индивидуальных лицевых счетов (СНИЛС) всех членов семьи или домохозяйства, учитываемых при назначении мер социальной защиты (поддержки), предоставляемых семье или домохозяйству, размер занимаемой площади жилого помещения для мер социальной защиты (поддержки) по оплате жилищно-коммунальных услуг и др.

Важнейшим шагом на пути цифровизации социальной защиты населения стало утверждение в феврале 2021 г. Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года [4].

В ноябре 2021 г. М. Мишустин своим распоряжением утвердил стратегическое направление в области цифровой трансформации социальной сферы [6]. Предусмотренные в её рамках проекты направлены на цифровое развитие социальной сферы.

1. «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» обеспечит возможность простого и быстрого начисления мер поддержки без предоставления справок и бумажных документов.

2. «Единый контакт-центр взаимодействия с гражданами» предусматривает развитие механизмов обратной связи с людьми по вопросам получения государственных и муниципальных мер социальной поддержки.

3. «Электронный кадровый документооборот» создаст условия для работодателей и сотрудников в части обмена информацией в форме электронных документов.

4. «Модернизация государственной службы занятости населения» сделает процесс поиска работы ещё более быстрым и удобным для граждан, а также обеспечит всех участников рынка труда качественными аналитическими сервисами.

Проекты, как утверждает документ, синхронизированы с госпрограммами и нацпроектами, затрагивающими вопросы цифровизации.

Необходимо отметить положительный опыт беззаявительного начисления социальных выплат и оказания ряда социальных услуг в условиях пандемии COVID-19 (2020-2021 гг.). Ряд министерств и ведомств (Министерство труда и социальной защиты РФ, Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, а также учреждения медико-социальной экспертизы и службы занятости) в короткие сроки перевели целый спектр осуществляемых ими функций и предоставляемых населению услуг в онлайн.

Также интерес к цифровым социальным услугам растет не только в государственной, но и в частной среде. По словам директора по развитию Фонда развития интернет-инициатив (ФРИИ) Е. Борисова «Сейчас в нашей базе данных 22,5 тыс. цифровых стартапов, и все большее число из них ориентируются на предоставление социальных сервисов. Например, проект «Кнопка жизни», созданный для экстренной связи с пожилыми и детьми (сейчас у проекта 40 тыс. клиентов), проект «Сурдо онлайн» – сурдоперевод для глухих с помощью видеосвязи» [8].

Тем не менее цифровизация несет в себе определенные серьезные риски, нивелирование которых необходимо осуществлять уже сегодня.

К рискам цифровизации социальных услуг следует отнести:

- Не достаточную надежность и безопасность информационных систем и инфраструктуры.
- Низкую надёжность хранения цифровых данных.
- Высокую зависимость от иностранного оборудования и программного обеспечения.
- Зависимость от технического оснащения (hardware) и программного обеспечения (software).
- Достоверность и точность информации, переводимой в электронный формат.
- Исчезновение в ближайшем будущем ряда профессий.
- Цифровое неравенство как минимум по четырем направлениям:
 - недостаточно высокий уровень цифровой грамотности населения (особенно среди старших возрастных групп);
 - использование персональных данных для цифровой дискриминации;
 - различный уровень цифровой продвинутой различных сфер бизнеса;
 - различный уровень доступа к интернету в различных регионах.
- Сложность цифровой среды и невозможность на сегодняшний день контролировать ее.
- Использование персональных данных для противоправных действий.
- Возможность тотального контроля со стороны государства за гражданами страны.

В качестве примера, характеризующего один из рисков, можно привести следующую информацию. В марте 2022 г. «Росавиация (Федеральное агентство воздушного транспорта) подверглась масштабной кибератаке, в результате которой потеряла десятки терабайтов информации. Хакеры уничтожили около 65 ТБ данных Росавиации. Это в первую очередь весь без исключения документооборот, а также электронная почта за последние полтора года. Помимо этого, хакеры удалили все файлы на серверах ведомства и заодно систему госуслуг» [5].

Другой пример. Статья 2 (часть 8) Федерального закона от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» гласит: «формирование сведений о трудовой деятельности лиц, впервые поступающих на работу после 31 декабря 2020 года, осуществляется в соответствии со статьей 66.1 Трудового кодекса Российской Федерации, а трудовые книжки на указанных лиц не оформляются» [7].

Другими словами, для граждан, впервые приступающих к работе с 2021 года и далее, предусмотрен только электронный формат учёта сведений о трудовой деятельности. Комментарии излишни.

Помимо проработки каждого обозначенного риска требуется серьёзная и системная законодотворческая деятельность в области регулирования цифровой среды.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках темы НИР «Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к устойчивому развитию» (№ г.р. ААА-А-А21-121011190093-2).

Список литературы

1. Гасумова С.Е., Карпунина А.В. Новые тренды цифровизации социальной защиты и социального обслуживания в России // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 3. С. 41-49. DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-3-41-49
2. Гасумова С.Е. Социальная информатика: учебник и практикум для вузов. 6-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 284 с.
3. Исследование ООН: Электронное правительство 2020. Цифровое правительство в десятилетия действий по достижению устойчивого развития. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. Нью-Йорк, 2020. URL: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2020/10/eGov2020.pdf>
4. Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 февраля 2021 №431-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/i2keGFnJGgf832zbAW9tQ7yDDLuEe3Ru.pdf>
5. Росавиация после хакерской атаки перешла на бумажный документооборот и отправку писем через «Почту России». URL: https://safe.cnews.ru/news/top/2022-03-29_rosaviatsiya_posle_hakerskoj
6. Стратегическое направление в области цифровой трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ. Утверждено распоряжением Правительства РФ от 6 ноября 2021 г. No 3144-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/Rlc35PPvCP7TZlA968CdCPuk916nh8WX.pdf>

7. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде: Федеральный закон от 16 декабря 2019 г. № 439-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/73219991/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/>
8. Цифровизация социальных услуг – интерес растет. Рамблер. URL: https://news.rambler.ru/other/40819112/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/other/40819112/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Информация об авторе

Скворцова Маргарита Борисовна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, С.-Петербург, ул. Серпуховская, 38; e-mail: margit07@mail.ru).

Skvortsova M.B.

RISKS OF DIGITALIZATION OF SOCIAL SERVICES

Annotation. *The article outlines the tasks that can be solved when transferring social services to the digital environment. The risks of digitalization of social services that both the state and citizens of the country face are given.*

Key words: *digitalization, risks, social services, social policy, population.*

Information about author

Skvortsova Margarita B. (Russia, Saint-Petersburg) – candidate of economics, researcher, Institute for Regional Economic Problem of the Russian Academy of Science (190013, Russia, St. Petersburg, Serpukhovskaya st., 38; e-mail: margit07@mail.ru).

Bibliography

1. Gasumova S.E., Karpunina A.V. New trends in digitalization of social protection and social services in Russia // Social policy and sociology. Volume 19. N 3, 2020. P. 41-49. DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-3-41-49
2. Gasumova S.E. Social informatics: textbook and workshop for universities. 6th ed., ispr. and add. M.: Yurayt, 2020. 284 p.
3. UN Study: E-Government 2020. Digital Government in the Decade of Action to Achieve Sustainable Development. UN Department of Economic and Social Affairs. New York, 2020 [Electronic resource]. Access mode: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2020/10/eGov2020.pdf>
4. The concept of digital and functional transformation of the social sphere, related to the sphere of activity of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, for the period up to 2025. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 431-r dated February 20, 2021 [Electronic resource]. Access mode: <http://static.government.ru/media/files/i2keGFnJGgf832zbAW9tQ7yDDLuEe3Ru.pdf>
5. After the hacker attack, Rosaviation switched to paper document management and sending letters through the Russian Post [Electronic resource]. Access mode: https://safe.cnews.ru/news/top/2022-03-29_rosaviatsiya_posle_hakerskoj
6. Strategic direction in the field of digital transformation of the social sphere related to the sphere of activity of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation.

Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 3144-r dated November 6, 2021 [Electronic resource]. Access mode: <http://static.government.ru/media/files/Rlc35PPvCP7TZlA968CdCPuk916nh8WX.pdf>

7. Federal Law No. 439-FZ of December 16, 2019 “On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation regarding the formation of information on labor activity in electronic form” [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/73219991/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/>?
8. Digitalization of social services - interest is growing. Rambler [Electronic resource]. Access mode: https://news.rambler.ru/other/40819112/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/other/40819112/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylin

СТРЕСС И СТРАТЕГИИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье даны оценки населения Вологодской области о наличии ситуаций стресса в их жизни. Выявлены различия по этому критерию в демографических группах. Приведены данные об используемых стратегиях совладания со стрессом: разрешение проблем, поиск социальной поддержки, избегание проблем.

Ключевые слова: стресс, копинг-стратегии, общественное мнение, население региона.

Пандемия COVID-19, оказав сильное негативное влияние на психическое здоровье населения, вызвала всплеск интереса к этой тематике среди представителей различных наук. Уже в апреле 2020 г. появляются научные сообщения о психологическом стрессе, связанном с изоляцией от COVID-19. Основная проблематика касалась роста распространенности психических расстройств с акцентом на депрессивные и тревожные расстройства, проявлений стресса, отчуждения. Мониторинг причин, проявлений и последствий стресса важен как на личностном уровне, так и на уровне государства, что обусловлено последствиями воздействия стресса в виде роста показателей болезненности депрессиями, неврозами, тревожными расстройствами и др. психическими заболеваниями, проявлений суицидального поведения и употребления психоактивных веществ.

Чтобы справиться с проявлениями стресса – ухудшением психического и физического состояния, снижением результативности и успешности в профессиональной деятельности и т.д. – необходимы знания о природе и факторах стресса, конструктивном копинге, эффективном использовании всех имеющихся у индивида ресурсов. Поэтому, кроме мониторинга распространения стрессовых состояний, представляется достаточно важным знание о совладающем поведении населения.

В связи с этим целью проведенной нами работы стало исследование общественного мнения населения Вологодской области о наличии стресса в их жизни в ситуации пандемии COVID-19 и выявление стратегий совладания. Метод – социологический опрос населения (выборка квотная, N = 1500). Анкетирование проведено в октябре 2021 года. Для сравнения оценок частоты стрессовых ситуаций взяты данные социологического опроса ВолНИЦ РАН за 2018 год.

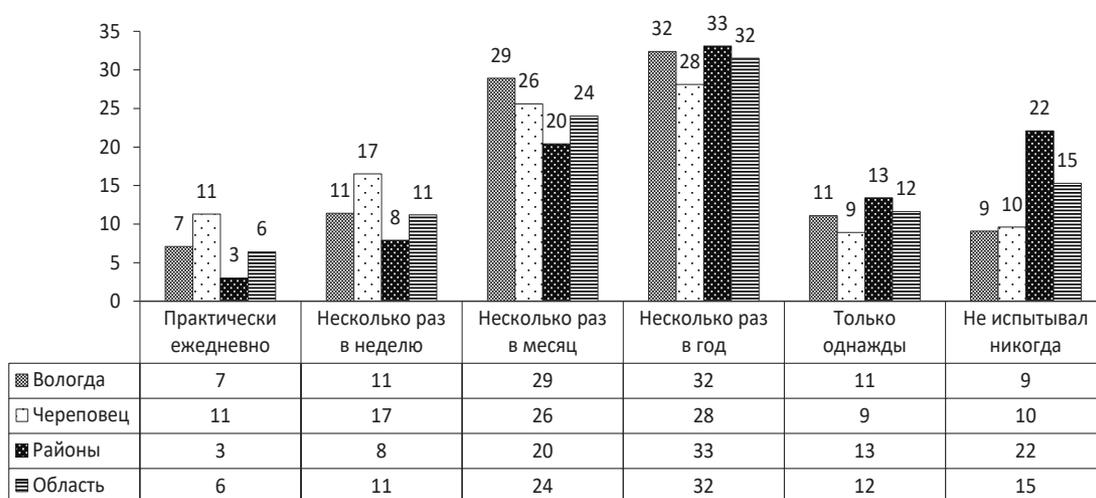
С понятием «копинг» связывают «процессы, направленные на возможно лучшее решение личностных, межличностных или профессиональных проблем, адаптацию человека к требованиям ситуации, вызывающей стресс, позволяющую овладение ею, ослабление или смягчение этих требований и восстановление психологического благополучия» [1, с. 84]. В механизмах преодоления стресса большая роль отводится социальной интеграции и социальной поддержке. Являясь «буфером», она снижает патологические следствия стрессовых событий для человека с помощью таких механизмов, как «переоценка стресса», предоставление большего диапазона решений проблемы, уменьшение значимости стрессора и поддержка здорового образа жизни [2].

Изначально Р. Лазарус и С. Фолкман предложили выделять среди копинг-стратегий фокусированные на решении проблемы и фокусированные на эмоциях (цель последних – минимизировать дистресс, вызванный стрессором) [3]. С точки зрения направленности действий человека рассматриваются стратегии, ориентированные

либо на саму ситуацию, либо на себя, либо что-то иное [4]. Дж. Амирхан выделял три группы копинг-стратегий: разрешение проблем, поиск социальной поддержки и избегание [5]. Э. Фрайденберг рассматривает совладающее поведение в зависимости от успешности разрешения возникших проблем и предлагает три категории копинг-стратегий: обращение к другим, которое не может однозначно оцениваться как продуктивное или непродуктивное; эффективный копинг, проявляющийся в когнитивном анализе проблемы, сохранении оптимистического настроения; неэффективный копинг, выражающийся в стратегии избегания [6].

Инструментарий исследования копинг-стратегий представлен более чем двумя десятками опросников и методик. Общими методологическими проблемами построения инструментария являются следующие: отсутствие однозначной классификации совладающего поведения; выбор между ситуативным и диспозиционным характером копинг-стратегий, ретроспективность инструментария [7]. Для апробации нами выбрана методика Д. Амирхана «Индикатор копинг-стратегий преодоления стресса» в адаптации В.М. Ялтонского по параметрам «выделенные копинг-стратегии» и «количество вопросов».

По субъективным оценкам, в 2018 году испытывали регулярно стрессовые ситуации 30% жителей области, из них 3% – практически ежедневно, 9% – несколько раз в неделю, 18% – несколько раз в месяц. В 2021 году уже 42% респондентов регулярно находились в ситуации стресса, из них 6% – практически ежедневно (рисунок). Наиболее часто ситуации воспринимаются как стресс населением крупных городов региона. Так, ежедневно испытывает стресс каждый десятый житель г. Череповца (11%) и только 3% среди жителей районов. Регулярно в течение года находились в ситуации стресса практически каждый второй среди населения крупных городов области (47% в г. Вологде, 54% в г. Череповце) и каждый третий районный житель (31%). Также среди жителей районов в два раза выше число респондентов, которые, по их мнению, в 2021 г. не испытывали стресс: 22% против 9% жителей г. Вологды и 10% жителей г. Череповца.

Распределение ответов на вопрос: «За последний год как часто Вы испытывали стрессовые ситуации?», территориальный разрез (в % от числа ответивших на вопрос)

Источник: данные опроса общественного мнения ВолНЦ РАН, 2021 г.

Для сравнения частоты попадания в стрессовые ситуации различных групп населения мы рассчитали средние баллы по ответам на вопрос «За последний год как часто вы испытывали стрессовые ситуации» по 6-балльной шкале, где ответу «не испытывал никогда» присуждался 1 балл, а ответу «практически ежедневно» – 6 баллов. Полученные в 2018 г. результаты (табл. 1) свидетельствовали об отсутствии гендерных различий и наличии возрастных: наиболее подвергалось стрессу население средней возрастной категории. В 2021 г., напротив, более выражены гендерные различия: женщины чаще сталкивались с ситуацией стресса (средний балл равен 3,30 против 3,15 у мужчин, различия статически значимы на уровне $p < 0,05$).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «За последний год как часто Вы испытывали стрессовые ситуации?» в демографических группах (средний балл)

Наличие в жизни ситуации стресса	Область	Пол		Возраст		
		Муж.	Жен.	до 30 лет	от 30 до 55(60) лет	старше 55 (60) лет
2018	2,86	2,84	2,86	2,78	2,92	2,79
2021	3,23	3,15	3,30	3,18	3,25	3,23

Рассчитано автором: данные опросов общественного мнения ВолНЦ РАН, 2018 и 2021 гг.

Также явно выражено большее присутствие стресса в жизни населения региона в 2021 году, что отражено и в общих показателях по региону (3,23 балла в 2021 г. против 2,86 балла в 2018 году), так и показателях по демографическим группам.

В качестве преобладающей стратегии борьбы со стрессом население Вологодской области выбирает «разрешение проблем» (65% респондентов со средним и высоким уровнем применения стратегии; табл. 2). На втором месте находится стратегия «поиска социальной поддержки» (58%). Достаточно редко жители региона прибегают к стратегии «избегания проблем» (13%).

Таблица 2. Уровни применения копинг-стратегий населением Вологодской области (в % от числа опрошенных)

Уровень	Виды копинг-стратегий		
	Разрешение проблем	Поиск социальной поддержки	Избегание проблем
Очень низкий	5	13	25
Низкий	30	29	62
Средний	58	50	5
Высокий	7	8	8

Рассчитано автором: методика Д. Амирхана, данные опроса общественного мнения ВолНЦ РАН, 2021 г.

Для преодоления негативных последствий стресса население региона выбирает преимущественно стратегии «разрешения проблем» и «поиска социальной поддержки». Среди 10 наиболее распространенных действий по разрешению сложной ситуации и вызванных ею негативных эмоциональных реакций респонденты выбирают следующие: «Стараюсь все сделать так, чтобы иметь возможность наилучшим образом решить проблему» (средний балл 2,14 по трехбалльной шкале¹), «Очень

¹ Рассчитано автором по данным за 2021 год. Ответ «Полностью согласен» оценивается в 3 балла, ответ «Согласен» – 2 балла, ответ «Не согласен» – 1 балл.

тщательно взвешиваю возможности выбора» (2,11), «Пытаюсь решить проблему» (2,10), «Осуществляю поиск всех возможных решений, прежде чем что-то предпринять» (2,08), «Позволяю себе поделиться чувством с другом» (2,07), «Думаю о том, что нужно сделать, чтобы исправить положение» (2,06), «Пытаюсь различными способами решать проблему, пока не найду подходящий» (2,04), «Иду к другу, чтобы он помог мне лучше почувствовать проблему» (2,03), «Обдумываю про себя план действий» (2,02), «Ставлю для себя ряд целей, позволяющих постепенно справляться с ситуацией» (2,01). Таким образом, восемь из десяти принимаемых жителями области мер относятся к стратегии «разрешения ситуации».

Стратегия «избегания проблем» не представлена среди наиболее применяемых населением способов справиться с ситуацией стресса. В неё входят такие мероприятия как «Делаю все возможное, чтобы не дать окружающим увидеть, что мои дела плохи» (средний балл составляет 1,93), «Пытаюсь отвлечься от проблемы» (1,90) до «Избегаю общения с людьми» (1,49) и «Сплю больше обычного» (1,48).

Таким образом, ситуация пандемии COVID-19 сопровождалась усилением восприятия наличия стресса среди населения региона. При этом образ жизни жителя крупного города ассоциируется с большим стрессом, чем жизнь в небольших городах. Как положительный момент следует отметить более активный выбор населением Вологодской области конструктивных действий по преодолению стресса, что в целом складывается в картину преобладания стратегий разрешения проблем и обращения за социальной поддержкой. Полученные знания на практике будут востребованы специалистами в области психического здоровья населения для поддержания психологического благополучия и успешности различных видов деятельности.

Список литературы

1. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.
2. Cohen S., Wills T.A. Stress, social support, and buffering hypothesis. *Psychological bulletin*. 1985. Vol. 98 (2). P. 310–357.
3. Lazarus R.S., Folkman S. *Stress, Appraisal and Coping*. New York: Springer, 1984. 444 p.
4. Weber H. Breaking the rules: Personal and social responses to coping norm-violations. *Anxiety, Stress and Coping. An International Journal*. 2003. Vol. 16 (2). P. 133–153.
5. Amirkhan J.H. Seeking person-related predictors of coping: Exploratory analyses. *European Journal of Personality*. 1999. Vol. 4. P. 13–30.
6. Frydenberg E. Coping competencies. *Theory into Practice*. 2004. Vol. 43 (1). P. 14–22.
7. Смолева Е.О. Измерение социального стресса: анализ методик и опыта исследований // Социально-гуманитарные технологии. 2020. № 3 (15). С. 70-79.

Информация об авторе

Смолева Елена Олеговна (Россия, Вологда) – научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, e-mail: riolenas@rambler.ru).

STRESS AND COPING STRATEGIES IN THE ASSESSMENTS OF THE VOLOGDA OBLAST POPULATION

Abstract. *The article gives estimates of the Vologda region population on the presence of stress situations in their lives. Differences in this criterion in demographic groups were revealed. Data on the strategies used to cope with stress are given: problem solving, seeking social support, avoiding problems.*

Key words: *stress, coping strategies, public opinion, population of the region.*

Information about the author

Smoleva Elena O. (Russia, Vologda) - Research Fellow of the Laboratory for the Study of Social Processes and Public Administration Efficiency, Federal State Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (160014, Vologda, Gorky Str., 56a, riolenas @ rambler.ru).

Bibliography

1. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O., Osin E.N. Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: psychometric characteristics and the possibility of using the COPE methodology [Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: psychometric characteristics and possibilities of using the COPE methodology] // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2013. V. 10. No. 1. S. 82–118.
2. Cohen S., Wills T.A. Stress, social support, and buffering hypothesis. *Psychological bulletin*. 1985. Vol. 98 (2). P. 310–357.
3. Lazarus R.S., Folkman S. *Stress, Appraisal and Coping*. New York: Springer, 1984. 444 p
4. Weber H. Breaking the rules: Personal and social responses to coping norm-violations. *Anxiety, Stress and Coping. An International Journal*. 2003. Vol. 16 (2). P. 133–153.
5. Amirkhan J.H. Seeking person-related predictors of coping: Exploratory analyses. *European Journal of Personality*. 1999. Vol. 4. P. 13–30.
6. Frydenberg E. Coping competencies. *Theory into Practice*. 2004. Vol. 43 (1). P. 14–22.
7. Smoleva E.O. Izmerenie social'nogo stressa: analiz metodik i opyta issledovaniy [Measurement of social stress: analysis of methods and research experience] // *Social'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2020. № 3 (15). S. 70-79.

ФИНАНСОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ РЕГИОНА

Аннотация. Домохозяйство включает в себя группу лиц, ведущих совместное хозяйство, обеспечивая свои потребности. В условиях нестабильности в экономике страны актуальным является изучение положения домохозяйств, поведение во время кризиса, причины, которые усугубляют их положение.

Ключевые слова: домашние хозяйства, доход, финансовый потенциал, экономическое сознание, качество жизни.

Возросший интерес современных социологов к исследованию домохозяйств, обусловлен несколькими причинами: они обеспечивают уровень спроса, необходимый для рыночной экономики; домохозяйства – источник накоплений; их можно рассматривать в качестве субъектов предпринимательской деятельности; они являются основой для раскрытия человеческого потенциала; они способны организовать семейный бизнес, что позволит повысить уровень и качество жизни [2]. Социологическое исследование проводилось в рамках теории об общности и обществе Ф. Тенниса, теории обмена Дж. Хоманса, сетевого подхода и структурного функционализма Т. Парсонса. В работе также использовались классические теории экономической социологии Дж. Кейнса, А. Маслоу, Т. Заславской.

Финансово-экономический кризис всегда сказывается на жизни людей: у семей возникают материальные затруднения, трудности с оплатой обязательных счетов, кредитов, возникают затруднения при покупке продовольствия, лекарств и т.д. В современной истории Россия «пережила» три финансово-экономических кризиса: в 1998, 2008 и 2014-2016 годах [5]. По мнению исследователей НИУ ВШЭ [1], последний кризис приобрел длительный характер, этому способствовала неблагоприятная ситуация в российской экономике и постепенный рост негативных процессов. Если первые два кризиса развивались на основе мировых социально-экономических кризисов, то последний связан не только с низкими ценами на нефть, но и экономическими санкциями против России.

Проанализировав данные, представленные на сайте ВЦИОМ¹, можно сделать следующие выводы:

- в городе доля малоимущих домохозяйств выросла на 6,7 %, в сельской местности наблюдается обратная тенденция;
- среди больших домохозяйств, состоящих из 5 и более человек, количество малоимущих увеличилось за рассматриваемый период на 5,9 % (с 29% до 34,9%); среди небольших домохозяйств (1 или 2 человека) наблюдается обратная тенденция: их доля уменьшилась на 3,2 % и 3,1 % соответственно;
- на 8,8 % увеличилось доля домохозяйств, которые в составе имеют детей до 18 лет, особенно семьи, в составе которых 3 и более детей.

Исследования ФОМ², также выявили, что, по мнению россиян, кризис проявляется:

- в снижении уровня жизни людей и их доходов (27%);

¹ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 15.03.2022).

² Фонд Общественное мнение (ФОМ). URL: <https://fom.ru/> (дата обращения: 15.03.2022).

- инфляции, росте цен и тарифов (24%);
- безработице и сокращениях на работе (11%);
- повышении пенсионного возраста и других социальных проблем (5%);
- спаде экономики, слабом развитии промышленности и сельского хозяйства (5%).

Ответы респондентов на вопрос «Стоит ли сейчас готовиться к новому экономическому кризису?» распределились следующим образом:

- «мы уже в кризисе» – 43 %;
- «мы из кризиса еще не выходили» – 33%;
- «дальше будет только хуже, готовиться бесполезно» – 11%;
- «не стоит, так как все равно терять нечего» – 8%;
- «надеюсь, кризиса в ближайшее время не будет» – 3%.

Можем сказать, что восприятие социально-экономической ситуации в определенной степени влияет на социальное самочувствие не только конкретной личности, но всего домохозяйства. Вышеописанные варианты ответов могут указывать на неустойчивое положение домохозяйств в условиях финансово-экономического кризиса. В условиях трансформаций российской экономики проблема изучения восприятия и оценки респондентами происходящих изменений является актуальной исследовательской задачей.

Объективным индикатором положения домохозяйств является уровень доходов, который позволяет удовлетворять потребности и отображает эффективность экономических отношений в российском обществе. Как показало проведенное исследование, материальное положение у большинства семей, начиная с 2015 г., не изменилось (68%), 17% и 10% респондентов соответственно отметили «ухудшение» и «значительное ухудшение» материального положения. Предполагаем, что это связано с тем, что в период кризиса заработная плата сокращается, а цены на товары и услуги повышаются, то есть наблюдается обратная зависимость. Поэтому большинство опрошенных домохозяйств не ощущают изменений в положительную сторону.

Отметим, что экономические и социальные изменения люди измеряют через свое субъективное восприятие, то есть удовлетворенностью различными сторонами жизни. Вывели, что 28% респондентов «полностью не удовлетворены» доходами, 44% «скорее удовлетворены», полностью удовлетворены только 10% опрошенных. Нельзя сказать, что субъективная оценка не всегда отражает реальный уровень благосостояния населения. Уровень притязаний определяется имеющимися представлениями в сознании личности: если для одних характерен принцип «довольствоваться малым в жизни, то для других – критическое оценивание своего положение и постоянное стремление улучшить свое благосостояние.

В ходе опроса также выяснили, что 48% респондентов исключают возможность остаться без работы в настоящее время, 11 % такую возможность считают маловероятной. Эта уверенность, на наш взгляд, внушает оптимизм в членов домохозяйств и смягчает последствия финансово-экономического кризиса. 38% респондентов могут оказаться без работы (15% отметили, «что вероятность имеется», 14% – «скорее всего, останусь без работы», 9% – «такая вероятность велика»). По полученным данным можем сказать, что 59% занятого населения не испытывают обеспокоенности угрозой потери работы. Возможно, это связано с тем, что в последнее время наблюдалось улучшение на рынке труда и появление вакансий.

Можем констатировать, что подавляющее большинство опрошенных предпочитает иметь стабильную заработную плату по основному месту работы, т.е. ориентируются на государственные гарантии и это наводит на мысль о традиционализме трудового поведения.

Соотношение доходов/расходов также является важной характеристикой стратегии поведения домохозяйств в условиях кризиса (рис. 1).

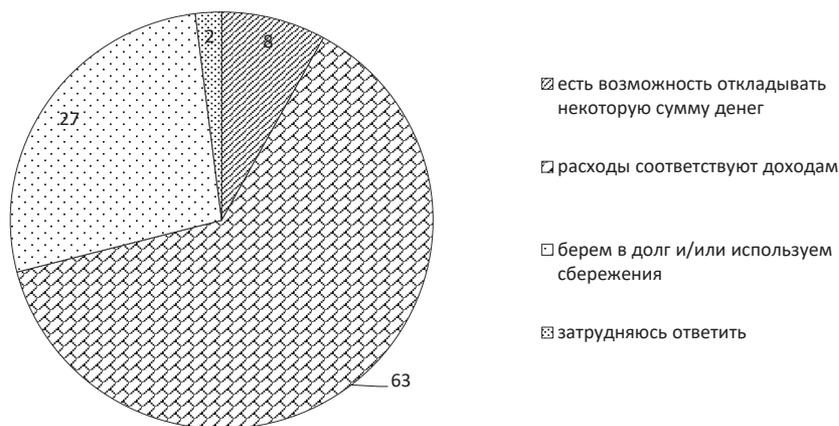

Рис. 1. Соотношение доходов и расходов семьи, %

Получается, что большинство опрошенных (63%) живет от зарплаты до зарплаты; почти треть респондентов вынуждена брать в долг или использовать сбережения.

Один из важных факторов, характеризующих положение домохозяйств в период кризиса, – это доля совокупного дохода, затрачиваемая на питание. Предположение о том, что большая часть доходов населения уходит на покупку продуктов питания, получило подтверждение в результате опроса. 58% респондентов тратят на питание свыше 50% своих доходов, 16% опрошенных – от 25 до 50%.

Вышесказанное подтвердилось ответами респондентов на следующий вопрос анкеты. В целом большая часть домохозяйств сталкивается с материальными затруднениями (рис. 2):

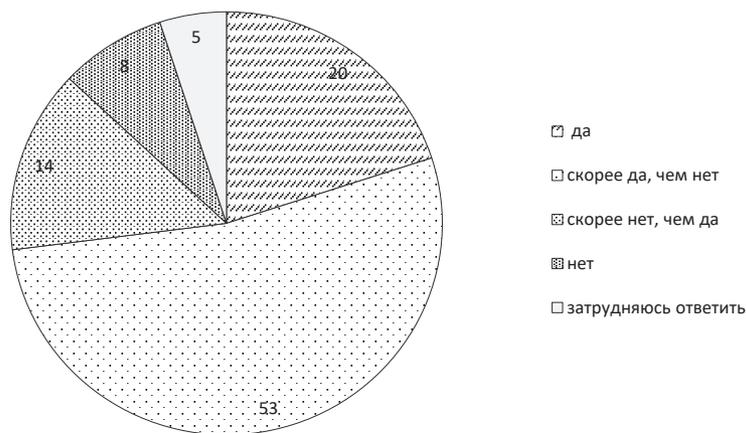

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Испытываете ли Вы материальные затруднения?»

Для того чтобы решить материальные проблемы, более половины опрошенных (52%) ищут дополнительную работу по совместительству, 18% респондентов пытаются сменить работу на более высокооплачиваемую, 11% – трудятся в личном подсобном хозяйстве с целью продажи излишних продуктов и 6% хотят организовать свой бизнес. Отрадным является тот факт, что большинство людей выбирают активную стратегию поведения, а не выжидательную, надеясь на помощь государства. Однако есть и негативные последствия дополнительной работы:

– дополнительная физическая и социальная нагрузка может отрицательно сказаться на здоровье;

– длительное неудовлетворение материальных потребностей может привести к внутриличностным конфликтам [4];

– дополнительная работа отнимает много времени, это может сказаться на семейных взаимоотношениях [3].

Это вполне объяснимо, так финансово-экономический кризис всегда создает напряженную стрессовую ситуацию, с которой не все могут справиться самостоятельно.

Таким образом, проведенный анализ указывает на то, что кризисные явления оказывают негативное влияние на основные сферы жизнедеятельности домохозяйств. Несмотря на небольшие позитивные изменения в посткризисные годы, доходы домохозяйств в лучшем случае равны расходам, большинство людей вынуждены экономить не только на крупных покупках, но и продуктах питания. Основная часть доходов домохозяйств уходит на обязательные платежи (налоги, страховые платежи, проценты по кредитам) и текущее потребление. Так как заработная плата является базой повышения уровня большинства опрошенных, то необходимо рассматривать ее как основной источник жизнедеятельности домохозяйств. При этом 48 % респондентов исключают возможность остаться без работы в настоящее время, 11 % такую возможность считают маловероятной. Эта уверенность, на наш взгляд, внушает оптимизм в членов домохозяйств и способствует финансовой устойчивости.

В России ведущие позиции в организации экономической жизни, да и всей общественной системы принадлежат государству. Реализация комплекса задач, связанных с повышением уровня доходов, призвана создать благоприятные условия для жизнедеятельности домохозяйств. Таким образом, основная задача государства заключается в определении направленности экономического развития, в итоге – повышение уровня доходов домохозяйств, которое обеспечит высокое качество жизни.

Список литературы

1. Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMSHSE). Вып. 7: сб. науч. ст. / отв. ред. П.М. Козырева. М.: Нац. исслед. ун-т «ВШЭ», 2017. С. 7.
2. Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Исследование домохозяйств в качестве социально-экономического субъекта // Управление устойчивым развитием. 2021. № 2. С. 39-44.
3. Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Финансовое положение домохозяйств в период социально-экономического кризиса // Управление устойчивым развитием. 2021. № 1. С. 47-56.

4. Конфликтология сфер социальной жизни: учеб. пособие / С.А. Сергеев [и др.]. Казань, 2014. 146 с.
5. Три российских кризиса 1998/2008/2014: что пора учесть чиновникам? URL: <https://zen.yandex.ru/media/statruss/tri-rossiiskih-krizisa-199820082014-chto-pora-uchest-chinovnikam-5daf5eb2e4fff000ad0f2c61> (дата обращения: 12.03.2022).

Информация об авторе

Фатхуллина Лилия Зинуровна (Россия, Казань) – кандидат социологических наук, доцент кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет (420015, г. Казань, ул. К. Маркса, 68; e-mail: lialfa@rambler.ru).

Fatkhullina L.Z.

FINANCIAL POTENTIAL OF REGIONAL HOUSEHOLDS

Abstract. *A household includes a group of people who run a joint household and provides for their needs. In conditions of instability in the country's economy, it is relevant to study the situation of households, behavior during a crisis, and the reasons that aggravate their situation.*

Key words: *households, income, financial potential, economic consciousness, quality of life.*

Information about the author

Fatkhullina Liliya Z. (Russia, Kazan) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Innovative Entrepreneurship, Law and Financial Management, Kazan National Research Technological University (420015, Kazan, st. K. Marks, 68, lialfa@rambler.ru).

Bibliography

1. Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population NRU Higher School of Economics (RLMS HSE). Issue. 7: Sat. scientific Art. / resp. ed. P. M. Kozyreva. M.: Nat. research University "Higher School of Economics", 2017. P. 7.
2. Zinurova R.I., Nikitina T.N., Fatkhullina L.Z. Research of households as a socio-economic entity // Management of sustainable development. 2021. №2. P. 39-44.
3. Zinurova R.I., Nikitina T.N., Fatkhullina L.Z. Financial situation of households during the socio-economic crisis // Management of sustainable development. 2021. №1. P. 47-56.
4. Conflictology of spheres of social life / Sergeev S.A., Salagaev A.L., Fathullina L.Z., Luchsheva L.V., Belousova A.B., Galanina O.N., Kuznetsova A.V., Lovchev V.M., Kashtanova O.V., Akhmadullin I.R. Tutorial. Kazan, 2014. 146 p.
5. Three Russian crises of 1998/2008/2014: what should officials take into account? URL: <https://zen.yandex.ru/media/statruss/tri-rossiiskih-krizisa-199820082014-chto-pora-uchest-chinovnikam-5daf5eb2e4fff000ad0f2c61> (date of access: 03/12/2022).

СЕКЦИЯ 3
ЭКОНОМИКА РЕГИОНОВ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ:
УРОКИ ПАНДЕМИИ

ВЛИЯНИЕ КОВИДНОЙ КОНФИГУРАЦИИ НА СОСТОЯНИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация. В данной работе основное внимание уделяется агропромышленному комплексу России и влиянию COVID-19 на его развитие. Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях пандемии COVID-19 возрастает роль продовольственных систем, отвечающих за снабжение продуктами питания населения.

Ключевые слова: COVID-19, сельские территории, сельское хозяйство, животноводство, растениеводство, развитие хозяйств.

Инфекционное заболевание, вызванное новой формой коронавируса (SARS-CoV-2), было впервые обнаружено в декабре 2019 года. Пандемия коронавируса (COVID-19) является определяющим глобальным кризисом в области здравоохранения в современном столетии. С момента своего появления в последнюю неделю декабря 2019 года вирус распространился на все континенты, кроме Антарктиды. Для понимания проблемы по странам мира имеют значения приведённые ниже данные (табл. 1). Случаи заболевания ежедневно растут в Южной Америке, Европе, США, Индии и России. В настоящее время каждый день регистрируется все больше случаев смертей.

Таблица 1. Структура данных Coronavirus на 13 марта 2022 Университета Джона Хопкинса

№	Страна	Итого случаев	Всего смертей	Смертность на 1 млн. чел.	Всего тестов	Тесты / на 1 млн.	Население
1	США	81,169,534	993,693	2,973	964,154,387	2,884,236	334,273,557
2	Индия	42,990,991	515,850	368	778,520,151	554,921	1,402,865,413
3	Бразилия	29,350,379	654,993	3,045	63,776,166	296,476	215,105,573
4	Франция	23,453,722	140,080	2,138	246,629,975	3,764,325	65,516,925
5	Великобритания	19,530,485	162,738	2,376	489,876,300	7,152,637	68,486,963
6	Россия	17,335,186	360,811	2,471	273,400,000	1,872,086	146,039,921
7	Германия	17,027,215	126,077	1,497	104,701,826	1,242,945	84,235,426
8	Турция	14,534,239	96,349	1,122	148,217,550	1,726,006	85,868,167
9	Италия	13,323,128	156,782	2,600	192,230,588	3,187,295	60,311,992
10	Испания	11,223,974	101,135	2,162	471,036,328	10,068,020	46,785,298

Источник: университет Джона Хопкинса. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus> (дата обращения 14.03.2022).

В таблице 1 представлены структурные данные по количеству случаев пандемии по первым десяти странам мира на 13 марта 2022, указано количество летальных случаев от ковида, смертность на 1 млн. чел. по каждой стране, всего тестов на ковид, тесты на 1 млн. человек, и население страны. Не углубляясь в анализ медицинских параметров ковида, важно отметить, что двухлетний ковид в мире (2020-2022) означает «эпоху глобальной нестабильности», сопряжённую с многочисленными ограничениями. Мир научился с ним бороться, и если в начале периода было 4% смертей от заражённых, то сейчас – около 2%.

В России первые случаи заболевания были подтверждены 31 января 2020 года в Тюменской области и Забайкальском крае¹. По данным на март 2022 года в России количество случаев заражения достигает 17 млн, в Тюменской области всего подтверждено заболеваний более 177 тысяч². Пандемия COVID-19 вызвала широко-масштабные сбои в социально-экономической деятельности, включая сектор сельского хозяйства. Несколько стран мира, включая Россию, ввели ограничения на поездки и локдаун для борьбы с COVID-19. Таким образом, пандемия COVID-19 оказала значительное негативное влияние на большинство предприятий, включая сельское хозяйство. Как воздействие ковида негативно влияет заболеваемость тружеников села (часто просто переносимая «на ногах») и как следствие – снижение их рабочего состояния, спад как предпринимательской, так и инвестиционной активности сельского бизнеса, со всеми остальными вытекающими негативными последствиями (рост себестоимости и снижение рентабельности агропромышленного производства). Пандемия COVID-19 обнаружила слабости глобальной агропромышленной системы [1]. Так, карантинные меры привели к недостатку работников в сельском хозяйстве; многие цепочки поставок были разорваны; перерабатывающие заводы остановились; транспортные сети стали работать со сбоями. Глобальная продовольственная система зависит от связей всех субъектов и от способности доставлять семена, удобрения, оборудование и топливо фермерам, а продовольствие – потребителям³. Хотя фермы по своей природе являются местными, большая часть остальной пищевой промышленности является глобальной. Поставки семян, удобрений, техники и топлива, в которых нуждаются фермеры, поступают издалека. Компании, которые связывают систему вместе – гигантские посредники.

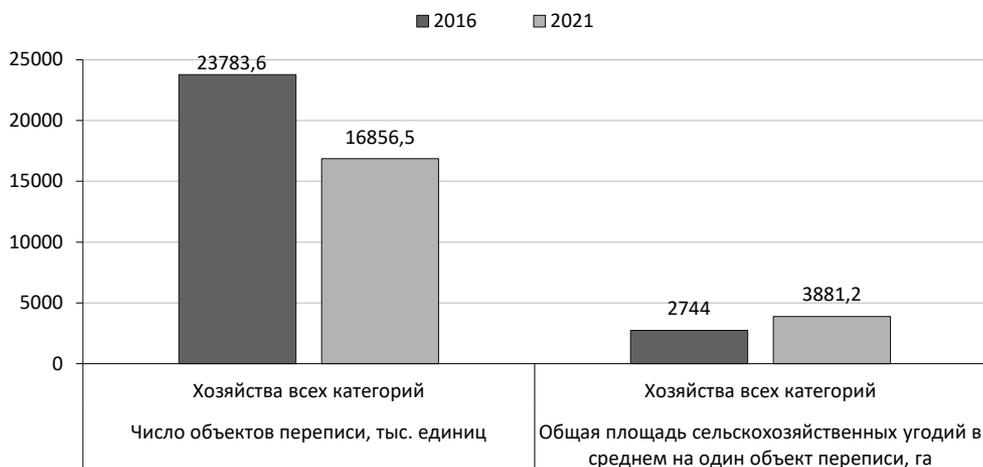
В условиях продолжающейся пандемии COVID-19 аграрные секторы, такие как сельское хозяйство, рыболовство и животноводство, являются жизненно важными аспектами продовольственных систем, непосредственно затронутых COVID-19. Цель исследования – оценка влияния COVID-19 на сельское хозяйство Тюменской области. АПК Тюменской области занимает важное место в структуре экономики страны: 1,3 доля в объёме сельского хозяйства России (28 место); 4,7% доля агропромышленного комплекса (АПК) в валовом региональном продукте области; производство сельскохозяйственной продукции на душу населения (тыс. руб.) в 1,3 раз больше, чем в среднем по России [по данным департамента АПК Тюменской области]. По данным проведенной в 2021 году сельскохозяйственной переписи (микрореперись) нужно отметить следующую резко выраженную тенденцию: значительно выросли показатели общей площади сельскохозяйственных угодий в среднем на один объект переписи в сравнении с 2016 годом, но при этом сократилось число объектов переписи в 2021 году (рисунок).

Как видим из рисунка 1, наблюдается парадоксальная тенденция: число хозяйств всех категорий сократилось в 2021 году на 29,1%, но при этом выросли показатели общей площади сельскохозяйственных угодий в среднем на одно хозяйство всех категорий за 5 лет (на 41,4%).

¹ РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/01/2020/5e341f929a7947d43c9aa308>

² Коронавирус. URL: https://coronavirusstat.ru/country/tyumenskaya_oblast/1839477/ (дата обращения 13.03.2022)

³ The Tables Not Yet Turned. 2020. Economist. URL: <https://www.economist.com/briefing/2020/05/09/the-worlds-food-system-has-so-far-weathered-the-challenge-of-covid-19>

Число хозяйств всех категорий и общая площадь сельскохозяйственных угодий в среднем на одно хозяйство всех категорий в Российской Федерации.

Источник: Федеральная служба государственной статистики: Росстат. Оперативные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года⁴.

Для анализа сельскохозяйственных отраслей в Тюменской области необходимо выявить некоторые тенденции его развития (табл. 2). В Тюменской области за анализируемые четыре года с 2018 по 2021 гг. можно наблюдать отрицательную динамику производства основных сельскохозяйственных культур по хозяйствам всех категорий. Так, производство зерновых и зернобобовых культур в 2021 году составило 1128,3 тыс. тонн, что в 1,3 раза ниже, чем в 2019. В производстве картофеля наблюдается устойчивая тенденция снижения, в 2021 году составило 319,7 тыс. тонн., что в 1,4 раза ниже, чем в 2018 году. Производство овощей открытого и закрытого грунта в 2021 году составило 81,7 тыс. тонн, что в 1,5 раза ниже, чем в 2018.

Таблица 2. Производство основных сельскохозяйственных культур по категориям хозяйств, тыс. тонн

Сельскохозяйственные культуры	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Хозяйства всех категорий				
Зерновые и зернобобовые культуры (в весе после доработки)	-	1481,6	1357,1	1128,3
Картофель	435,3	410,1	321,7	319,7
Овощи открытого и закрытого грунта	125,1	132,0	126,8	81,7

Источник: Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу

Основываясь на этих данных, можно рассчитать динамику снижения производства сельскохозяйственных культур с 2018 по 2021 года в процентном соотношении (рис. 2). Так, производство зерновых и зернобобовых культур упало на 23,8% (с 2019 г.), картофеля на 26,6%, овощей открытого и закрытого грунта 34,7%. Несмотря на то, что показатели общей площади сельскохозяйственных угодий уве-

⁴ Федеральная служба государственной статистики: Росстат. Оперативные итоги сельскохозяйственной микропереписи 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oper_itogi_S. (дата обращения: 11.02.2022).

личились в 2021 году, производство основных сельскохозяйственных культур значительно сократилось.

Животноводство. В сельскохозяйственных организациях за анализируемый период (2018-2021 гг.) наблюдается увеличение на конец декабря 2018 г. по сравнению с соответствующей датой 2017 г. поголовья свиней на 7,8%, птицы на 3,6%, коров – на 2,0%, но снизилось поголовье крупного рогатого скота на 0,2%, овец и коз – на 7,2%. На конец сентября 2019 г. в сравнении с концом сентября 2018 г. увеличилось поголовье птицы на 2,8%, крупного рогатого скота на 0,3% (несмотря на увеличение КРС уменьшилось поголовье коров на 0,2%), произошло снижение поголовья свиней на 1,3%, овец и коз на 5,4%. На конец сентября 2020г. в соответствии с сентябрём 2019 г. увеличилось поголовье овец и коз на 34,5%, свиней – на 10,5%, произошло падение поголовья крупного рогатого скота на 1,3% (поголовье коров не изменилось, осталось на уровне аналогичного периода 2019 г.), птицы – на 2,4%. На конец сентября 2021 г. по сравнению с идентичной датой 2020 г. увеличилось поголовье птицы на 24,2%, овец и коз на 8,5%, свиней – на 3,7%, сократилось поголовье крупного рогатого скота на 3,6% (поголовье коров снизилось на 6,3%). К началу октября 2021 г. обеспеченность скота кормами в расчете на 1 условную голову скота в сельскохозяйственных организациях (без субъектов малого предпринимательства) стала ниже на 34,5%, чем на аналогичную дату предыдущего года. В 2021 году индекс производства продукции сельского хозяйства (в хозяйствах всех категорий) оценивается в 98,5 % к уровню 2020 года. В растениеводстве из-за сложившихся в 2021 году неблагоприятных климатических условий годовой показатель составил 90,0 %. В 2021 году посевные площади сельскохозяйственных культур составили 1 029,1 тыс. га, это на уровне 2020 года. В животноводстве индекс производства оценивается на уровне 105,0 %. Отмечается рост продуктивности животных.

Выводы:

1. Пандемия COVID-19 позволила на мировом уровне обнаружить уязвимые места глобальной агропромышленной системы, которая зависит от связей всех субъектов и от способности доставлять семена, удобрения, оборудование и топливо фермерам, а продовольствие – потребителям.

2. Пандемия COVID-19 и карантинные меры мало повлияли на сельское хозяйство Тюменской области, поскольку по воспроизводственным процессам натуральных показателей практически ничего не изменилось. В агропромышленной отрасли наблюдается рост в животноводстве, снижение показателей в растениеводстве объясняется неблагоприятными природно-климатическими условиями

3. Последствиями пандемии в сельском хозяйстве должно быть продолжающийся тренд на снижение предпринимательской и инвестиционной активности предприятий, работающих на сельских территориях. Следует отметить, что крупный агробизнес более устойчив к отрицательному влиянию кризиса, вызванного пандемией, и существенно не должен повлиять на результативность. Малый бизнес в АПК, в большинстве своем, не обладает аналогичным запасом прочности, в получении государственной поддержки сильно ограничен и нуждается в разработке пакета специальных мер поддержки. При этом важно подчеркнуть, что необходимо обеспечивать поддержку именно малому бизнесу в целях дальнейшего развития сельской территории.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087.

Список литературы

1. Вегрен С.К., Троцук И.В. Устойчиво ли промышленное сельское хозяйство в условиях климатических изменений и экологических угроз? // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 5. С. 12-38.

Информация об авторах

Агафонова Дарья Юрьевна (Россия, Тюмень) – магистрант, Тюменский государственный университет (625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6, e-mail: dashaagafonova744@gmail.com).

Худякова Юлия (Россия, Тюмень) – магистрант, Тюменский государственный университет (625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6, e-mail: y.khudyakova@utmn.ru).

Agafonova D.Yu., Khudyakova Yu.

THE INFLUENCE OF THE COVID-19 CONFIGURATION ON THE STATE OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Abstract. *This paper focuses on the agro-industrial complex of Russia and the impact of COVID-19 on its development. The relevance of the topic is due to the fact that in the conditions of the COVID-19 pandemic, the role of food systems responsible for the supply of food to the population is increasing.*

Key words: *COVID-19, rural areas, agriculture, animal husbandry, crop production, farm development.*

Information about authors

Agafonova Daria Yu. (Tyumen, Russia) – Master-Student of the Department of General and Economic Sociology, FSAEI HE «University of Tyumen» (6 Volodarskogo Street, 625003, Tyumen, e-mail: dashaagafonova744@gmail.com).

Khudyakova Yulia (Tyumen, Russia) – Master-Student of the Department of General and Economic Sociology, Clerk of the Department of General and Economic Sociology of the Institute of Finance and Economics, FSAEI HE «University of Tyumen» (6 Volodarskogo Street, 625003, Tyumen, e-mail: y.khudyakova@utmn.ru).

Bibliography

1. Wegren S., Trotsuk I. (2020) Ustojchivo li promyshlennoe sel'skoe hozyaystvo v usloviyakh klimaticheskikh izmeneniy i ekologicheskikh ugroz? [Is Industrial Agriculture Sustainable During Climate Change and Ecological Threats?]. Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya, vol. 21, no 5, pp. 12–38. DOI: 10.17323/1726-3247-2020-5-12-38.

ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЕ ВЫЗОВЫ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ ЭПОХИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ (ФАКТОРЫ КОВИДА И «СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ») ДЛЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ И УКРАИНЫ

***Аннотация.** Если пандемия COVID-19 нанесла тяжёлый удар по мировой экономике, которая, как ожидается, в 2022-2024 гг. стремится к глубочайшей рецессии, то кризис, созданной «специальной военной операцией» в Украине и последующими тотальными санкциями в отношении к России, ведёт к пагубным последствиям в продовольственном и сельскохозяйственном секторах Украины и России. В статье на основе объективных статистических данных предприняты попытки понять и объяснить те всеобъемлющие вызовы новой реальности глобальной нестабильности, которые основаны на детерминантах воздействия ковида и «специальной военной операции» для сельских территорий России и Украины.*

Ключевые слова: вызовы новой реальности, ковид, «специальная военная операция», сельские территории России и Украины.

О многом властями России говорить запрещено, а то, что делается в настоящее время (март, 2022) на территории Украины, предписано называть «специальной военной операцией». Вместе с тем, мы исходим из того, что непредвзятый взгляд на социальную реальность пока что никто не отменял, в то время как актуальные вопросы новой эпохи глобальной нестабильности требуют своего вдумчивого переосмысления. Цель данной статьи – на основе объективных статистических данных попытаться понять и объяснить те всеобъемлющие вызовы новой реальности нашей эпохи глобальной нестабильности, которые основаны на детерминантах действия ковида и «специальной военной операции» в целом и для сельских территорий России и Украины в частности.

Хорошо известно, что пандемия COVID-19 с пугающей скоростью нанесла тяжёлый удар по мировой экономике, которая, как ожидается, стремится к глубочайшей рецессии, несмотря на беспрецедентную политическую поддержку во всех странах. В январском 2022 г. обзоре «Глобальные экономические перспективы» аналитики Всемирного Банка снизили прогноз мирового ВВП в 2022 г. до 4,1%; в 2023 г. до 3,2%. Главные причины этого торможения, по их мнению: сохранение пандемии, включая риски, связанные с неясными перспективами расширения популяции «омикрона» на фоне сворачивания мер государственной поддержки и новых логистических проблем в глобальной торговле.

Прогнозируется, что рост развитых экономик в целом замедлится с 5,0% в 2021 г. до 3,8% в 2022 г.; в США с 5,6% до 3,7%; в зоне евро с 5,2% до 4,2%. Для развивающихся экономик торможение будет ещё жёстче – в целом с 6,3% до 4,6%; в Китае – с 8,0% до 5,1%. Из крупных развивающихся стран ускорение ВВП в 2022 г. ожидается лишь у Индии с 8,3% до 8,7% и у Индонезии с 3,7% до 5,2% [1].

Росстат оценивал годовые темпы роста ВВП РФ в январе – сентябре 2021 г. 4,6%, что совпало с опубликованной ранее оценкой Минэкономки. Согласно оценке Росстата, в 2021 году ВВП РФ, вырос на 4,7%. Текущие прогнозы по динамике ВВП РФ на 2022 год Минэкономразвития (ожидало рост на 3%) и ЦБ РФ (ожидало рост на 2-3%) в текущей реальности стали не актуальны. Прогнозов экспертных служб Правитель-

ства и Банка России на момент написания статьи ещё нет (их обновление ожидается 29 апреля 2022), но опрошенные ЦБ в начале марта 2022 г. аналитики предсказали, что ВВП РФ в конце 2022 г. может упасть на 8% (опрос проводился с 1 по 9 марта 2022)¹. Очевидно, что в этом прогнозе учтён не только фактор пандемии, но и возможные экономические последствия «специальной военной операции»). Говоря в целом, глобальная рецессия в России может быть более глубокой, если потребуется ещё времени, чтобы взять пандемию под контроль, если финансовый стресс не приведет к дефолту, и, если долгосрочные последствия для фирм и домохозяйств не будут очень тяжёлыми. Считалось, что экономические сбои, вероятно, будут наиболее серьёзными и продолжительными в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах с более крупными всплесками ковида внутри страны и со слабыми системами медицинского обслуживания; подверженности международным вторичным эффектам через торговлю, туризм, товарные и финансовые рынки; в странах с наиболее слабыми макроэкономическими основами; с широким распространением бедности и неформальности. В то время как непосредственными приоритетами политиков развитых стран мира стали преодоление кризисов пандемии в области здравоохранения и смягчение экономических потерь, то вероятные долгосрочные последствия подчёркивают важность решительного проведения ими комплексных программ реформ для улучшения основных позиций для экономического роста после ковидного кризиса.

На постковидный кризис наложился кризис, созданной решением Президента РФ Владимира Владимировича Путина о начале 24 февраля 2022 г. «специальной военной операции» в Украине и последующими тотальными санкциями в отношении к России. Это решение выглядит парадоксально, поскольку всё началось без каких-либо консультаций с представителями привилегированного класса, а ударило по всем. Как известно, в любом персоналистском режиме всё решает один человек – вождь, не обязанный оглядываться ни на формальные учреждения, ни на свои самые ближние круги. Можно предположить, что исполнители различной степени высокопоставленности вовсе не стремились в эту новую реальность, понимая уровни тяжести убытков и безвозвратных потерь. Все они возражали против наложенных на них санкций, ссылаясь на свою непричастность к «специальной военной операции». Однако мы должны понять смыслы решений бывших системных либералов, остающихся на своих высоких постах и выполняющих важнейшее поручение – приспособить российскую экономику к новой реальности в глобальной нестабильности.

Последние сводки с продовольственных фронтов говорят о приближении кризиса возможного голода. Власти Украины заявили о решении двукратного сокращения своих посевных площадей с 14 млн. га до 7 млн. га [2]. Россия и Украина входят в число крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции в мире, являясь чистыми экспортёрами, играя ведущую роль в поставках на мировых рынках продуктов питания и удобрений, когда экспортные поставки сосредоточены в разных странах. В связи со «специальной военной операцией», такая концентрация может подвергнуть эти рынки повышенной уязвимости к потрясениям и волатильности. Глава Минсельхоза Дмитрий Патрушев заявил, что в текущем 2022-м сельхозгоду будет собрано около 123 млн. тонн зерна. Но на фоне оптимистичных прогнозов по урожаю представители отрасли просят правительство утвердить особый порядок ввоза в Россию семян, посадочного материала, удобрений и агрохимикатов с тем, чтобы не сорвать весеннюю посевную кампанию [2].

¹ Интерфакс. Экономика, 24 марта 2022. <https://www.interfax.ru/business/830982>

Имеется много стран мира, сильно зависящих от импорта продуктов питания и удобрений, в том числе группы наименее развитых стран (Least Developed Country) и стран с низким уровнем дохода и дефицитом продовольствия (Low-Income Food-Deficit Country). Для удовлетворения своих потребительских запросов эти страны полагаются на поставки продуктов питания из Украины и России. В Украине эскалация конфликта уже привела к закрытию портов, приостановке операций по переработке масличных культур, введению требований по экспортному лицензированию культур, что может сказаться на экспорте зерна и растительных масел на много месяцев вперед. Также неясно, сможет ли во время затяжного конфликта Украина собирать урожай. Ограничения на контейнерные перевозки, закрытие неба и финансовые ограничения в России также связаны со многими неопределенностями перспектив российского экспорта в будущем, учитывая трудности со сбытом, которые могут возникнуть в результате введенных против страны экономических санкций. Сельское хозяйство потребляет большое количество энергии напрямую, за счет использования топлива, газа и электричества, и косвенно, за счет использования агрохимикатов, таких как удобрения, пестициды и смазочные материалы. Россия также является ключевым игроком на мировом энергетическом рынке. Сельское хозяйство как высокоэнергоемкая отрасль, особенно в развитых регионах, неизбежно пострадает от резкого роста цен на энергоносители, которым сопровождался конфликт.

За период с 2016/2017 по 2020/2021 годы в совокупности Россия и Украина произвели в мировых долях: 52% – подсолнечного масла (sunflower oil); 19% – ячменя (barley); 14% – пшеницы (wheat); 6% – рапса (rapeseed); 4% – кукурузы (maize); 2% – сои (soybean) [3: 5]. Выдающееся положение двух стран на мировой торговой арене также заслуживает внимания на мировых рынках кукурузы, ячменя и рапса и даже в большей степени в секторе подсолнечного масла, где их значительная производственная база обеспечила им совокупную долю мирового экспортного рынка, близкую к 64%. В секторе пшеницы и меслина, где на семь крупнейших экспортеров в совокупности приходилось 79% международной торговли в 2021 году, Россия выделялась как ведущий мировой экспортер пшеницы, отгрузив в общей сложности 32,9 млн. тонн пшеницы и меслина (в весе продукта), что эквивалентно 18% мировых отгрузок. Украина была пятым по величине экспортером пшеницы в 2021 году, экспортируя 20 миллионов тонн пшеницы и меслина и занимая 10% мирового рынка [3: 6]. Высокая концентрация экспорта, характерная для рынков продовольственных товаров, отражается и в секторе удобрений, где Российская Федерация играет ведущую роль поставщика. В 2021 г. Россия занимала первое место по экспорту азотных (N) удобрений и второе место среди поставщиков калийных (K) и фосфорных (P) удобрений [3: 6]. Очень высокая вероятность перебоев с урожаем зерновых и масличных культур в Украине в сочетании с угрозой торговых ограничений на экспорт из России зерновых и других продуктов питания (что отражено либо в рекордных котировках базисных цен) поставят под угрозу продовольственной безопасности многих стран мира и, конечно же, многих экономически уязвимых стран. Согласно индексу цен на продовольствие ФАО (FAO Food Price Index), международные экспортные котировки основных продуктов питания практически непрерывно росли со второй половины 2020 г., а в номинальном выражении в феврале 2022 г. они достигли рекордно высокого уровня. Мировые рынки зерновых и растительных масел, на которых Украина и Россия играют важную роль, оказались в числе наиболее пострадавших. В течение 2021 г. мировые цены на пшеницу и ячмень выросли на 31% по сравнению с их соответствующими уровнями в 2020 г., чему способствовал высокий мировой спрос и нехватка экспортных товаров в

различных основных странах-экспортерах пшеницы и ячменя в результате сокращения производства, вызванного погодными условиями. В течение первой недели марта 2022 г. майские фьючерсы на пшеницу в США поднялись выше своих рекордных максимумов (2008 г.) котировки мягкой озимой пшеницы СВ0Т в Чикаго выросли до \$407,85 за тонну, учитывая риски экспорта из Черноморского региона из-за боевых действий на Украине. Рост цен на пшеницу влияют на котировки кукурузы, которые выросли на 44% по сравнению с уровнем 2021 г. Дальнейший рост рисков связан из-за неопределенности производственных и транспортных затрат, а также сбоев в работе портов в Южной Америке. В секторах рапсового масла и подсолнечного масла годовой рост цен, зарегистрированный в 2021 г., составил порядка 65% и 63% соответственно, что было вызвано затянувшейся нехваткой глобального предложения и устойчивым спросом, а в случае рапсового масла также со стороны сектора биодизеля. В настоящее время подсолнечное масло торгуется вблизи рекордных максимумов и достигли \$2250 за тонну по состоянию на 8 марта 2022 г. Если подсолнечное масло легко заменяется другими растительными маслами, то пшеничное – нет. Пшеница является основным продуктом питания для более чем 35 процентов населения мира, и отсутствие взаимозаменяемости и диетического разнообразия, вероятно, усугубит давление на цены на пшеницу [3: 13]. Таким образом, вызванные конфликтом перебои в экспорте продовольствия Россией и Украиной подвергают глобальные продовольственные рынки высоким рискам дефицита, неудовлетворенного спроса на импорт, повышения мировых цен на продовольствие. Из ведущих мировых импортеров пшеницы Египет, Турция, Бангладеш и Иран в среднем за 2016/17–2020/21 гг. получали более 60% своего импорта пшеницы из Украины и России. Основываясь на прогнозах импорта на 2021-2022 годы и фактическом импорте за первую половину маркетингового года, Египет, Турция, Бангладеш и Иран имеют примерно 6,6, 4,0, 3,7 и 1,7 млн. тонн соответственно непогашенного импорта для второй половины маркетингового сезона 2021/2022. Что касается кукурузы, то, исходя из прогнозов ФАО до конфликта и данных об экспорте, в оставшуюся часть сезона 2021/22 гг. Украина и Россия должны были экспортировать 14 млн. тонн и 2,5 млн. тонн кукурузы соответственно. Как и в случае с пшеницей, маловероятно, что этот экспорт, или, по крайней мере, большая его часть, будет реализован. Экспорт кукурузы из Украины в 2021/22 году составит 18% от мировой торговли зерном в 2021/22 году, что делало бы страну мировым лидером – как третьего по величине экспортёра кукурузы. Дефицит поставок кукурузы для импортеров может быть особенно актуален для Китая и ЕС (основное направление экспорта кукурузы из Украины), для Египта и Турции, которые в среднем (2016/17–2020/21) поставляют примерно на одну треть своей кукурузы импорта из Украины. Основываясь на прогнозах импорта на 2021/22 год и импорте за первую половину маркетингового года, Китай, ЕС, Египет и Турция имеют примерно 11,5, 3,7, 4,6 и 1,6 млн. тонн соответственно импорта на вторую 2021-2022 гг. Это означает, что данные страны должны будут удовлетворять свои потребности в импорте за счет других поставщиков [3: 15]. Что касается подсолнечного масла, то до эскалации конфликта улучшение ситуации с поставками позволило бы Украине и России увеличить экспорт этого продукта в 2021/22 году до 6,6 и 3,7 млн. тонн соответственно. По оценкам ФАО, около половины этих объёмов уже было отправлено странами с октября 2021 года по февраль 2022 года, а оставшиеся 3,3 и 1,9 миллиона тонн должны быть экспортированы соответственно Украиной и Россией в оставшиеся семь месяцев 2021/22 маркетингового года. Однако нынешние перспективы экспорта связаны с большой неопределенностью. В Украине отгрузки подсолнечного масла практически остановлены из-за вызванных конфлик-

том приостановки операций по переработке по всей стране и логистических узких мест в портах. Кроме того, с 5 марта 2022 г. экспорт подсолнечного масла из Украины подлежит лицензированию. Тем не менее, подробности о том, как будут выдаваться эти экспортные лицензии, еще не обозначены. В случае с Россией существуют серьезные вопросы относительно потенциального воздействия финансовых санкций на экспорт подсолнечного масла [3: 16].

Из-за многочисленных неопределенностей, связанных с конфликтом, в том числе его продолжительности и масштаба, с учетом того, что он может нанести долгосрочный ущерб производственным активам и вспомогательной инфраструктуре, в ФАО на базе использования системы моделирования Aglink-Cosimo были разработаны два отдельных сценария для оценки воздействия сокращения участия Украины и России в экспорте на пять лет сезона, до 2026/27 маркетингового года, а именно: 1) *умеренный шок*, при котором экспорт пшеницы и кукурузы из Украины и России вместе взятый сократится на 10 млн. тонн каждая, их экспорт прочих фуражных зерновых культур сократится на 2,5 млн. тонн, а других масличных – на 1,5 млн. тонн; и 2) *серьезный шок*, повлекший за собой сокращение их совокупного экспорта пшеницы и кукурузы на 25 миллионов тонн в 2022/23 гг., наряду с сокращением их поставок других фуражных зерен на 5 миллионов тонн и сокращением экспорта других масличных культур на 3 миллиона тонн.

Подводя итоги, подчеркнем, что в России, учитывая сравнительно широкое использование импортных ресурсов в сельском хозяйстве, наиболее заметные воздействия могут относиться к продукции с высокой себестоимостью. Международные санкции, введенные в ответ на конфликт, могут прямо или косвенно привести к экономическим потерям для сельскохозяйственного сектора. Доходы агрохолдингов, крестьян и фермеров в стране рискуют снизиться из-за потери экспортных рынков из-за ограниченного доступа к финансовым услугам, необходимым для совершения международных операций.

Если эти риски материализуются, а альтернативные механизмы не появятся или не будут расширены для обслуживания торговых потребностей в основных продуктах питания, то такие сбои могут негативно повлиять на будущие производственные решения. Если с ковидом субъекты РФ как-то справились (но рост нового «стелс-штамма» вновь накрывает США, Европу и Азию: смягчение антиковидных ограничений оказалось преждевременным; особенно тяжелое положение сегодня сложилось в Южной Корее, и грозит перекинуться в Россию), но теперь, похоже, российским территориям вновь грозит повысить политическую автономность с тем, чтобы решать соответствующие проблемы.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00087 по теме: «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий»).

Список литературы

1. Перспективы мировой экономики, январь 2022 года. Центральный отчет Группы Всемирного Банка. Финансирование для справедливого восстановления. Доклад о мировом развитии. 259 с.
2. Соловьева О. Между Россией и Европой разгорается битва за урожай. Отечественный агропром страдает от санкционной импортозависимости // Независимая газета. 2022. 23 марта. URL: https://www.ng.ru/economics/2022-03-23/1_8398_harvest.html

3. Значение Украины и Российской Федерации для мирового сельскохозяйственного рынка и риски, связанные с текущим конфликтом. Продовольствие и сельское хозяйство. Организация ООН. Рим. 2022. 41 с. (обновление информации по состоянию на 08 марта 2022 г.)

Информация об авторах

Андрианова Елена Владимировна (Россия, Тюмень) – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет; старший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (e.v.andrianova@utmn.ru).

Давыденко Владимир Александрович (Россия, Тюмень) – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет (v.a.davydenko@utmn.ru).

Andrianova E.V., Davydenko V.A.

COMPREHENSIVE CHALLENGES OF THE NEW REALITY OF THE ERA OF GLOBAL INSTABILITY (COVID FACTORS AND “SPECIAL MILITARY OPERATION”) FOR RURAL AREAS OF RUSSIA AND UKRAINE

Abstract. *If the covid-19 pandemic has dealt a heavy blow to the global economy, which is expected to reach the deepest recession in 2022-2024, then the crisis created by the “special military operation” in Ukraine and subsequent total sanctions against Russia leads to harmful consequences in the food and agricultural sectors of Ukraine and Russia. Based on objective statistical data, the article attempts to understand and explain the comprehensive challenges of the new reality of global instability, which are based on the determinants of the impact of covid and the “special military operation” for rural areas of Russia and Ukraine.*

Key words: *new reality challenges, covid, “special military operation”, rural territories of Russia and Ukraine.*

Information about authors

Andrianova Elena V. (Russia, Tyumen) – Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Head of Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen; Senior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (e.v.andrianova@utmn.ru).

Davydenko Vladimir A. (Russia, Tyumen) – Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Research Center, University of Tyumen (v.a.davydenko@utmn.ru).

Bibliography

1. Global Economic Prospects, January 2022. A World Bank Group Flagship Report. Finance for an equitable recovery. World development report. 259 p.
2. Solovyova, Olga. A battle for the harvest is raging between Russia and Europe. The domestic agro-industry suffers from sanctioned import dependence // The independent newspaper of March 23, 2022. https://www.ng.ru/economics/2022-03-23/1_8398_harvest.html
3. The importance of Ukraine and the Russian Federation for global agricultural markets and the risks associated with the current conflict. Food and Agriculture. Organization of the United Nations. Rome. 2022. 41 pages.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСА ПРЕДПРИЯТИЙ КРУПНОГО, СРЕДНЕГО И МАЛОГО БИЗНЕСА В РЕГИОНАХ С НИЗКИМ УРОВНЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье обосновано, что важнейшим фактором развития субъектов Российской Федерации с низким уровнем социально-экономического развития является структура комплекса предприятий крупного, среднего и малого бизнеса. Это должно быть учтено при формировании внутренней и внешней региональной политики, стратегий развития регионов.

Ключевые слова: регион, предприятие, крупный, средний и малый бизнес, комплекс предприятий региона, устойчивость комплекса предприятий региона.

В Российской Федерации наблюдается большая дифференциация субъектов Федерации по уровню социально-экономического развития. В 2020 году дифференциация регионов по душевому потреблению ВРП без учёта высокодоходных нефтегазодобывающих автономных округов составила 16 раз, с учётом автономных округов – 36 раз. С 1995 года практически не меняется перечень регионов РФ, имеющих душевые доходы ВРП и другие показатели социально-экономического развития в два раза ниже среднероссийского уровня (табл. 1).

Таблица 1. Показатели экономического развития в регионах с низким уровнем социально-экономического развития

Регион	Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения в 2020 г., руб.	Доля от среднероссийского уровня, %	Инвестиции в основной капитал в расчёте на душу населения в 2020 г., руб.	Доля от среднероссийского уровня, %	Доля малого и среднего бизнеса в ВРП в 2019 г., %	Доля от среднероссийского уровня, %
Российская Федерация	640 519,0	100,0	138624	100,0	22,5	100,0
Псковская область	325 659,6	50,8	61648	44,5	30,1	133,5
Костромская область	323 951,6	50,6	44874	32,4	34,9	154,7
Кировская область	315 153,9	49,2	54031	39,0	31,2	138,3
Республика Адыгея	309 184,1	48,3	95571	68,9	29,7	131,8
Ставропольский край	308 476,2	48,2	83046	59,9	34,0	150,8
Республика Бурятия	307 558,8	48,0	66104	47,7	23,6	104,9
г. Севастополь	295 304,9	46,1	56120	40,5	27,9	123,7
Курганская область	294 464,0	46,0	51821	37,4	27,2	120,5
Алтайский край	291 156,9	45,5	52871	38,1	36,4	161,3
Республика Марий Эл	290 803,3	45,4	52828	38,1	26,7	118,4
Чувашская Республика	287 210,3	44,8	46056	33,2	33,8	150,1
Республика Алтай	283 451,4	44,3	63421	45,8	27,5	122,1
Ивановская область	273 821,5	42,7	44742	32,3	42,3	187,8
Республика Крым	270 363,8	42,2	102673	74,1	34,2	151,7
Республика Северная Осетия-Алания	267 814,4	41,8	44854	32,4	29,6	131,5
Республика Тыва	251 799,9	39,3	58697	42,3	12,8	57,0

Регион	Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения в 2020 г., руб.	Доля от средне-российского уровня, %	Инвестиции в основной капитал в расчёте на душу населения в 2020 г., руб.	Доля от средне-российского уровня, %	Доля малого и среднего бизнеса в ВРП в 2019 г., %	Доля от средне-российского уровня, %
Республика Дагестан	239 640,7	37,4	87582	63,2	30,5	135,2
Кабардино-Балкарская Республика	210 674,1	32,9	56471	40,7	38,7	171,6
Карачаево-Черкесская Республика	207 471,5	32,4	48840	35,2	22,0	97,6
Чеченская Республика	171 029,5	26,7	51374	37,1	27,6	122,3
Республика Ингушетия	142 199,7	22,2	39807	28,7	24,2	107,4

Составлено автором на основе данных Росстата.

Среди факторов социально-экономического развития регионов важнейшим является потенциал размещённых на их территории предприятий крупного, среднего и малого бизнеса. Роль предприятий в социально-экономическом развитии регионов РФ рассматривается в многих исследованиях. Обоснована необходимость эффективного функционирования подсистемы предприятий региона как важнейшей составляющей региональной социально-экономической системы. Рассматривается роль предприятий в составе территориального капитала [Egyed I. Rácz S., 2020; Fratesi U., Perucca G., 2018; Camagni R., Capello R., 2010], анализируется роль предприятий как важнейшей составляющей экосистемы предпринимательства [Cohen B., 2006; Дорошенко С.В., Шеломенцев А. Г., 2017]. Большое количество исследований анализирует деятельность предприятий малого бизнеса в регионах, уделено внимание и оценке влияния крупного бизнеса на региональные социально-экономические процессы¹ [Кузнецова О.В. и др., 2017; Зубаревич Н.В., 2005]. Однако работы, исследующие комплекс предприятий крупного, среднего и малого бизнеса, его структуру, рациональные параметры в развитых регионах, влияние на развитие региона, отсутствуют.

В 2018-2019 гг. было проведено исследование по оценке стратегической устойчивости предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в регионах России, выполненное при поддержке гранта РФФИ (проект 18-010-01204 «Оценка стратегической устойчивости предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в депрессивных регионах России (на примере Псковской области)» [Стратегическая устойчивость..., 2020]. Исследование показало существование тесной взаимосвязи между уровнем развития комплекса предприятий и социально-экономическим развитием регионов. Регионы, имевшие низкий уровень социально-экономического развития в течение более чем 20 последних лет имели общие недостатки в развитии комплекса предприятий крупного, среднего и малого бизнеса: практически полное отсутствие предприятий крупного бизнеса, который является основным налогоплательщиком в бюджет региона, низкую долю предприятий среднего бизнеса при большой доле микропредприятий в структуре малого бизнеса, низкую инновационную активность предприятий, менее благоприятные процессы по демографии предприятий, существенно более низ-

¹ Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Аналитический доклад / Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2005; Кузнецова О.В., Кузнецов А.В., Туровский Р.Ф., Четверикова А.С. 2017. Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

кие показатели по финансам предприятий, доле налогов на прибыль предприятий в общей сумме налогов региона и т.д. Кластерный анализ регионов по уровню развития комплекса предприятий крупного, среднего и малого бизнеса позволил выявить наиболее рациональные параметры, характеризующие комплекс предприятий успешно развивающихся регионов РФ. Был сделан вывод, что комплекс предприятий регионов, имеющих низкий уровень социально-экономического развития, нельзя назвать стратегически устойчивым, поскольку он не обеспечивал в ретроспективном периоде и не может обеспечить в долгосрочном периоде темпы роста экономики региона, достаточные для обеспечения развития экономики и социальной сферы.

Выполненные исследования позволяют утверждать, что управление устойчивостью комплекса предприятий регионов должно стать важнейшим объектом стратегического управления на федеральном и региональном уровнях в условиях неопределённости развития экономики.

Список литературы

1. Соколов С.А. Социально-экономический анализ взаимодействия предприятия и региона: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. - Москва, 2002. 27 с.
2. Fratesi U, Perucca G. EU regional development policy and territorial capital: A systemic approach / *Papers in Regional Science*, 2018. V. 98. Issue 1.
3. Столбов В.А., Шарыгин М. Д. Региональный потенциал и региональный капитал: «возможное» – «реальное» – «необходимое» // *Экономика региона*. 2016. Т. 12. Вып. 4. С. 1014-1027. DOI: 10.17059/2016-4-4
4. Camagni R., Capello R. Macroeconomic and territorial policies for regional competitiveness: an EU perspective // *Regional Science Policy & Practice*. 2010. № 2. P. 1-19.
5. Cohen B. Sustainable Valley Entrepreneurial Ecosystems // *Business Strategy and the Environment*. Режим доступа: <http://www.interscience.wiley.com>). DOI: 10.1002/bse.428
6. Солодилова Н.З., Маликов Р.И., Гришин К.Е. Региональная система предпринимательства: параметры развития и потенциал реконфигурации // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1107-1122. DOI: 10.17059/2017-4-11
7. Дорошенко С.В., Шеломенцев А.Г. Предпринимательская экосистема в современных социоэкономических исследованиях // *Экономическая теория*. 2017. № 4. С. 212-221.
8. Bjornskov C., Foss N. J. Institutions, entrepreneurship, and economic growth: what do we know and what do we still need to know? // *Academy of Management Perspectives*. 2016. Vol. 30(3). P. 292-315.
9. Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Аналитический доклад / Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2005.
10. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В., Туровский Р.Ф., Четверикова А.С. 2017. Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов. М.: ЛИБРОКОМ.
11. Стратегическая устойчивость предприятий в регионах России: оценка и управление: монография / апод ред. Ю.В. Кузнецова. – М.: Проспект, 2020. 456 с.

Информация об авторе

Анохина Елена Михайловна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат географических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9).

FEATURES OF THE FORMATION OF A COMPLEX OF ENTERPRISES OF LARGE, MEDIUM AND SMALL BUSINESS IN REGIONS WITH A LOW LEVEL OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. *The article substantiates that the most important factor in the development of subjects of the Russian Federation with a low level of socio-economic development is the structure of a complex of enterprises of large, medium and small businesses. This should be taken into account in the formation of internal and external regional policy, strategies for the development of regions.*

Key words: *region; company; large, medium and small businesses, a complex of enterprises in the region; sustainability of the complex of enterprises in the region.*

Information about authors

Anokhina Anna M. (Russia, Saint-Petersburg) – candidate of geographical sciences, docent, St. Petersburg State University (Universitetskaya nab., 199034, 7–9, St. Petersburg).

Bibliography

1. Sokolov S.A. Socio-economic analysis of the interaction between the enterprise and the region: Abstract of the thesis. ... candidate of sociological sciences: 22.00.03 / Mosk. state un-t im. M. V. Lomonosov. - Moscow, 2002. 27 p.
2. Fratesi U., Perucca G. EU regional development policy and territorial capital: A systemic approach / Papers in Regional Science, 2018. V. 98. Issue 1.
3. Stolbov V. A., Sharygin M. D. Regional potential and regional capital: “possible” - “real” - “necessary” // Economics of the region. 2016. Vol. 12. no.4. P. 1014-1027. doi 10.17059/2016-4-4.
4. Camagni R., Capello R. Macroeconomic and territorial policies for regional competitiveness: an EU perspective // Regional Science Policy & Practice, 2010. No. 2. P. 1-19.
5. Cohen B. Sustainable Valley Entrepreneurial Ecosystems // Business Strategy and the Environment. Access mode: <http://www.interscience.wiley.com>). DOI: 10.1002/bse.428.
6. Solodilova N. Z., Malikov R. I., Grishin K. E. Regional business system: development parameters and reconfiguration potential // Economics of the region. 2017. Vol. 13, no. 4. P. 1107-1122. doi 10.17059/2017-4-11.
7. Doroshenko S. V., Shelomentsev A. G. Entrepreneurial ecosystem in modern socio-economic research // Economic theory. 2017. No. 4. P. 212-221.
8. Bjornskov C., Foss N. J. Institutions, entrepreneurship, and economic growth: what do we know and what do we still need to know? // Academy of Management Perspectives. 2016. Vol. 30(3). P. 292–315.
9. Zubarevich N.V. Big business in the regions of Russia: territorial development strategies and social interests. Analytical report / Independent Institute for Social Policy. – M.: Pomatur, 2005.
10. Kuznetsova O.V., Kuznetsov A.V., Turovsky R.F., Chetverikova A.S. 2017. Investment strategies of big business and regional economics. M.: Book house “LIBROKOM”.
11. Strategic sustainability of enterprises in the regions of Russia: assessment and management: monograph / ed. Yu.V. Kuznetsova. Moscow: Prospekt Publishing House, 2020. 456 p.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ПРИЧИНЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В данной статье исследуется проблема нового звучания понятия информационной войны в условиях пандемии COVID-19, изменения его в научном и информационном дискурсе. Выделяются интеграционная и разъединяющая роли социальных потрясений и влияния их на преобразования в государственной структуре, а также на сознание индивида.

Ключевые слова: пандемия, мировая экономика, информационная война, информационное поле, кибер-безопасность, fake news, дезинформация.

Информационная война – явление, которое появилось еще в середине XIX в. во время Крымской войны. Тогда английские газеты пытались осквернить честь русских солдат в связи с их победой и дискредитировать их, написав в газете о кровожадности и немилосердии последних по отношению к раненым туркам, тем самым обесценивая данную победу в глазах европейских граждан. Эта тенденция начала набирать обороты во взаимосвязи с глобализацией, с развитием технологий и вышла совсем на новый уровень в современном мире. Информационная война теперь относится не только к вражде государств на военном или политическом уровне, но и к противоборствующим компаниям-производителям, отдельным группам людей и индивидам. Все изменения и процессы, происходящие в современном мире, протекают под влиянием различных тенденций. На сегодняшний день одной из основных мировых проблем является пандемия COVID-19. Пандемия унесла жизни миллионов людей по всему миру, заставив сложить свои усилия многие государства, предприятия, общества, для решения общей проблемы, а, следовательно, приостановить или вовсе забыть свои противоборства. Отечественный социолог Т.М. Симонова связывает бодряровское «сжатие» мирового сообщества с субъективистским подходом к решению социальной проблемы, привлечением общественного внимания к существующей задаче, игнорированием объективных условий возникновения последней (Г. Блумер) [6]; в современной методологии социологии социальных проблем чаще всего используют именно субъективистский подход, т.к. он позволяет показать собственное видение ситуации, пускай и не всегда верное, перехватить инициативу, высказаться первым и таким образом привлечь массовую аудиторию.

Если до этого времени для мирового сообщества в большей степени были характерны захватнические, лоббистические настроения в информационном поле для насаждения левоверным умам идеологических убеждений, то, как показывает практика, в условиях нынешней постковидной реальности многие международные компании, особенно в области техносферной безопасности, приняли решение совместить усилия и работать на благо общества: так, российская компания «Лаборатория Касперского» в пандемию оказала масштабную поддержку медицинским организациям по всему миру, предоставив более 350 тысяч лицензий на корпоративные продукты [4]. Причинами межнациональной интеграции в области инновационных технологий в пандемийный период можно назвать также объединяющие сложности, особенно на международном рынке – закрытие границ из-за карантинных мер значительно снизило показатели экспорта как в европейских странах, так и

в российской экономической среде. Потребители потеряли возможность совершать вылеты за рубеж, однако, с другой стороны, открыли для себя рекреационные территории своего государства, сформировав, таким образом, тренд на регионализацию, являющийся основным в мировом развитии.

Американский журналист П. Баркер в своей статье, посвященной критическому анализу первых недель глобальной вспышки вируса, рассматривает насыщенную социальными потрясениями мировую историю начала XX в., находя параллели с нынешней ситуацией, и приводит факты положительных изменений в государственной структуре, в частности, тотальную эпидемию гриппа 1918 г., результатом которой стало учреждение национальных служб здравоохранения в ряде европейских стран [5]. В случае современного общества более половины стран, принимавших участие в опросе Всемирной организации здравоохранения, обязались включить оказание психологической и медицинской помощи в планы реагирования на COVID-19: согласно пресс-релизу марта 2022 г., уровень психических расстройств в первый год пандемии из-за повышенного стресса, тревожности и переутомления увеличился на 25%¹.

Кроме конструктивного толчка к развитию социальной политики в государстве, информационное общество, столкнувшееся с мировым кризисом 2020 г., обострило и ряд негативных феноменов, в частности, феномен т.н. «fake news», т.е. распространение через различные каналы коммуникации (в большей степени неформальное общение, поскольку этот метод обладает самой высокой степенью доверия реципиента) неподтверждённых данных об актуальных вопросах. Так, например, согласно данным опроса ВЦИОМ 2021 г. с погрешностью в 2,5%, в котором участвовали 1600 респондентов старше 18 лет, ключевым источником информации о происходящих в стране событиях является Интернет – новостные, аналитические и официальные сайты (23%), а также Интернет-блоги и личные страницы других людей (20%), причём среди представителей молодёжи от 18 до 24 лет число тех, кто потребляет одни медиа-материалы, составляет 82 %². Немаловажно, что эта возрастная группа в большей степени доверяет не национальным теле- и радиоканалам, а зарубежным СМИ и Интернет-ресурсам, т.е. уровень информационной избирательности среди молодых людей выше, чем среди старшего поколения, уровень доверия к центральному телевидению у которых достигает в среднем 67% (возраст от 45 лет). Возможность свободного распространения данных в онлайн-среде привлекает не только достоверные независимые СМИ, но и тех, кто желает использовать возникшую суматоху в корыстных целях, например, подорвать экономическое сотрудничество стран; в первый месяц начала коронавирусной пандемии Интернет взорвала новость об искусственной лабораторной природе вируса SARS-CoV-2, выставив его как один из видов биологического оружия [2]. Естественно, что подобное громкое заявление не могло остаться незамеченным и было тотчас подхвачено как новостными источниками, так и простыми пользователями сети, многие из которых восприняли данное заявление как непоколебимую истину. Однако впоследствии вышло подтверждённое международными деятелями науки и учёными из Национальной академии

¹ «На фоне пандемии COVID-19 во всем мире распространенность тревожных расстройств и депрессии выросла на 25%». // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/02-03-2022-covid-19-pandemic-triggers-25-increase-in-prevalence-of-anxiety-and-depression-worldwide> (дата обращения 22.03.2022).

² «Медиапотребление в России сегодня». // ВЦИОМ. URL: https://ok.wciom.ru/fileadmin/user_upload/2021_media.pdf (дата обращения: 22.03.2022).

наук, инженерии и медицины США опровержение о синтетическом происхождении упомянутого выше вируса. «Теории заговора создают только страх, слухи и предрассудки, которые ставят под угрозу наше глобальное сотрудничество в борьбе с этим вирусом» - сказано в статье [7]. Психологическая парадигма в политологии трактует информационную войну именно как скрытое и намеренное воздействие субъекта или группы лиц на сферу индивидуальных, групповых коммуникаций с целью подрыва существующего авторитета, а социально-коммуникативная – как занятие главенствующего положения в системе информационной иерархии [6].

Несмотря на существующую в нашем законодательстве Доктрину информационной безопасности РФ, утверждённую В. Путиным ещё в далёком 2000-м году и ориентированную на предоставление гражданам достоверных сведений о социально значимых событиях [1], как мы можем заметить из вышеописанного анализа, государственные СМИ не являются предпочтительным источником для значительной доли россиян; более того, среди молодёжи формируется пассивная абсентеистическая позиция. Это, в свою очередь, ведёт к снижению уровня политической и юридической грамотности граждан, формированию искажённого представления (благодаря fake news) о той или иной сложившейся ситуации и способно провоцировать конфликты на национальной, этнической или религиозной почве.

Стоит отметить, что в условиях политической и экономической нестабильности спекулировать на доверии мирных людей проще, ведь информационный поток в Интернете не регулируется, и каждый волен выбирать наиболее приглянувшуюся ему правду. Несмотря на все принимаемые специалистами кибер-безопасности усилия, информационная война по-прежнему является удобным инструментом управления групповой ментальностью граждан для пропаганды того или иного интереса, поскольку она позволяет развернуть цепочку фактов на 180 градусов или полностью опровергнуть казавшиеся ранее правдой события в другой части страны и уж тем более мира. Потому так важно сохранять критический настрой и подвергать сомнению каждое звено новостной ленты, активно выстраивая, таким образом, собственную гражданскую позицию, и сопоставлять её с точками зрения других представителей научного сообщества, ведь, как говорил известный политический деятель Н. Ротшильд, «кто владеет информацией, владеет миром».

Список литературы

1. «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 09.09.2000 N Пр-1895). URL: <https://legalacts.ru/doc/doktrina-informatsionnoi-bezopasnosti-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/> (дата обращения 23.03.2022).
2. Dr. Nalin Kumar View: COVID-19, China's bioweapon warfare strategy and global security // The Economic Times. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/view-covid-19-chinas-bioweapon-warfare-strategy-and-global%20security/articleshow/83321527.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (дата обращения 23.03.2022).
3. Кунакова Л.Н. Информационная война как объект и понятие научного анализа (основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования. 2012. С. 93-96. URL: <https://www.gramota.net/materials/1/2012/6/30.html> (дата обращения 23.03.2022).
4. Лаборатория Касперского. URL: <https://www.kaspersky.ru/about/company> (дата обращения 21.03.2022).

5. Peter C.B. «We can't go back to normal»: how will coronavirus change the world? // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/31/how-will-the-world-emerge-from-the-coronavirus-crisis> (дата обращения 22.03.2022).
6. Симонова Т.М. Социология социальных проблем и информационные войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. № 4. С. 346-350.
7. Statement in support of the scientists, public health professionals, and medical professionals of China combatting COVID-19 / Calisher Charles // The Lancet. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(20\)30418-9/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(20)30418-9/fulltext) (дата обращения 23.03.2022).

Информация об авторах

Богатырев Хусейн Алиевич (Россия, Иркутск) – студент 2 курса направления «Социология», Институт социальных наук Иркутского государственного университета.

Аптекарев Антон Николаевич (Россия, Иркутск) – студент 2 курса направления «Социология», Институт социальных наук Иркутского государственного университета.

Проскурякова Снежана Игоревна (Россия, Иркутск) – студентка 2 курса направления «Социология», Институт социальных наук Иркутского государственного университета.

Bogatyrev K.A., Aptekarev A.N., Proskuryakova S.I.

INFORMATION WARS DURING A PANDEMIC: CAUSES AND SOCIAL CONSEQUENCES

Abstract. *This article explores the problem of the new sound of the concept of information warfare in the context of the COVID-19 pandemic, its changes in scientific and informational discourse. The integration and disconnecting role of social upheavals and their influence on transformations in the state structure, as well as on the consciousness of the individual, is emphasized.*

Key words: *pandemic, world economy, information war, information field, cyber security, fake news, disinformation.*

Information about authors

Bogatyrev Khuseyn A. (Russia, Irkutsk) - 2nd year student of the direction “Sociology” of ISN ISU.

Aptekarev Anton N. (Russia, Irkutsk) - 2nd year student of the direction “Sociology” of ISN ISU.

Proskuryakova Snezhana I. (Russia, Irkutsk) - 2nd year student of the direction “Sociology” of the ISN ISU.

Bibliography

1. «Doctrine of information security of the Russian Federation» (approved by the President of the Russian Federation of 09.09.2000 N Pr-1895). URL: <https://legalacts.ru/doc/doktrina-informatsionnoi-bezopasnosti-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/> (date of access: 03/23/2022).
2. Dr. Nalin Kumar View: COVID-19, China's bioweapons strategy and global security // The Economic Times. URL: [https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/view-covid-](https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/view-covid-19-china-bioweapons-strategy-and-global-security)

- 19-chinas-bioweapon-warfare-strategy-and-global%20security/articleshow/83321527.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (date of access: 03/23/2022).
3. Kunakova L.V. Information war as an object and project of scientific analysis (main characteristics of information war) // Almanac of modern science and education. 2012. P. 93-96. URL: <https://www.gramota.net/materials/1/2012/6/30.html> (date of access: 03/23/2022).
 4. Kaspersky Lab. URL: <https://www.kaspersky.ru/about/company> (date of access: 03/21/2022).
 5. Peter C.B. «We can't go back to normal»: how will coronavirus change the world? / C.B. Peter. // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/31/how-will-the-world-emerge-from-the-coronavirus-crisis> (accessed 03/22/2022).
 6. Simonova T.M. Sociology of social problems and information wars // Bulletin of St. Petersburg University. 2008. No. 4. P. 346-350.
 7. Statement in support of the scientists, public health professionals, and medical professionals of China combatting COVID-19 / Calisher Charles // The Lancet URL. [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(20\)30418-9/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(20)30418-9/fulltext) (accessed 03/23/2022).

ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ И НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РЕГИОНАХ

Аннотация. Пандемия усугубила региональные социальные различия, поэтому нужны комплексные и реальные пути решения. В контексте улучшения качества жизни в постпандемийный период даны рекомендации. Рассмотрены проблемы модернизации системы оплаты труда, реформирования развития сельских территорий организации управления на региональном уровне.

Ключевые слова: регион, социальный потенциал, социальное неравенство, оплаты труда, сельские территории, пандемия, управление.

В условиях постпандемии в развитии национальной экономики важным является приумножение социального потенциала государства. Эффективное использование социального потенциала зависит от многих условий и факторов, в составе которых наиболее важную роль играют сложившаяся система ценностей, институциональное обеспечение, уровень социального расслоения общества и другие.

В настоящее время в центре внимания казахстанских исследователей и практиков оказались вопросы, связанные с управлением модернизируемой социальной системы, в т.ч. оценкой социального потенциала каждого региона, правильная организация которого в конечном итоге обеспечит качество жизни населения, проживающего на определенной территории.

Модернизация региональной социальной системы необходима для обеспечения развития личности, социальных групп и всего общества в увязке со степенью удовлетворения их потребностей. Низкое качество жизни предопределяет преобладание у населения забот о выживании, слабое проявление общественных институтов, авторитарных форм управления [6, с. 66].

Перемещение приоритетов в социуме с физических потребностей к реализации социальных, а далее интеллектуальных и духовных устремлений означает развитие личности и институтов гражданского общества, а также рост качества жизни, что немаловажно в экстремальных постпандемийных условиях.

Особое место в создании условий для модернизации социальной системы принадлежит государству и местным органам власти. И, конечно, акцент в настоящее время будет перемещаться на места, поскольку человек, занимающийся трудовой деятельностью, учебой, находящийся на пенсии, проживает на определенной территории. Поэтому социальная сфера – это самый сложный и важный сегмент в экономике, и говорить о модернизации не совсем просто, поскольку в конечном итоге надо ответить на вопрос «Удовлетворен ли человек своей жизнью?».

Ответ на данный вопрос достаточно сложен даже для развитого, цивилизованного общества, пережившего социально-экономические последствия пандемии. Обеспечение устойчивого развития регионов и страны в целом предполагает повышение качества жизни человека с точки зрения обеспеченности работой, жильем, достойной оплатой труда, качественным питанием и водой, образованием, здравоохранением, социальной защитой.

В настоящее время в системе государственного и местного управления Казахстана большое внимание уделяется проблемам инновационного развития в регионах. В

этом контексте возникает острая потребность в применении инновационных подходов и к управлению социальной сферой республики и ее регионов, в т.ч. социальной инфраструктурой. Это, конечно, предполагает разработку и применение социальных стандартов, которые соответствовали бы сложившимся новым рыночным отношениям, адаптированным к местным условиям. Исследования в этом направлении ждут своего решения, поскольку разработка новых стандартов важна для формирования социальной политики как на уровне страны, так и на местах в условиях создания новой модели модернизации территориального развития.

В государственном управлении и местном самоуправлении посредством социальных стандартов регулируется конкретная характеристика качества жизни населения, в частности, при формировании социального пакета, при определении пропорций между численностью той или иной группы населения и объемом ресурсов, направляемых на удовлетворение ее потребности.

Из вышесказанного следует, что систематизация социальных стандартов, содержащихся в нормативно-правовых актах всех уровней управления, представляет собой основу при выработке механизмов индустриально-инновационной модернизации экономики Казахстана.

Используя индексную оценку социального потенциала регионов Казахстана, выявлены проблемные зоны¹ в социальном развитии, которые и будут предпосылкой первоочередных шагов при формировании стратегических направлений [1].

Исследование показало, что весьма актуальна проблема недостающей развитости промышленного и сельскохозяйственного производства в 10-ти областях Казахстана, что непосредственно отрицательно влияет на последующие показатели социального развития, в частности, на низкую покупательную способность населения, связанную с их низкими доходами. При этом уровень покупательной способности в большей степени определяет доля сельского населения (43,0% от общей численности населения), имеющего очень низкие доходы и являющимся почти бедным. Из этого следует, что в процессе использования и развития социального потенциала регионов можно выделить основные приоритеты реализация которых в комплексе обеспечат социальное благополучие:

- модернизация политики оплаты труда,
- реформирование развития сельских территорий, ориентированного на улучшение благосостояния сельского населения,
- совершенствование организации управления на региональном уровне [2].

Приоритет 1 – Модернизация политики оплаты труда. Ситуация в системе оплаты труда в Казахстане в ходе реформирования экономики характеризовалась значительным углублением дифференциации уровней оплаты между работниками производственной и бюджетной сфер, различными отраслями и регионами. При этом тарифные ставки и должностные оклады определяются исходя их минимального размера заработной платы, являющейся основой всей системы формирования оплаты труда и тарифных коэффициентов Единой тарифной сетки (ЕТС).

Анализ отраслевых уровней оплаты труда свидетельствует о наличии значительной дифференциации, в частности, между промышленностью и сельским хозяйством. Зачастую низкая цена реализации сельхозпродукции и ее себестоимость не зависят от издержек производства и транспортных расходов, а причина кроется в

¹ Проблемные зоны – совокупность острых проблем, решение которых приоритетны на данном этапе развития регионов

отсутствии оборотных средств у сельского товаропроизводителя и средств для его жизнеобеспечения. Оплата труда сельских жителей не возмещает понесенных затрат и в целом направлена на пополнение потребительской корзины, используемой лишь на личное потребление.

Фактически оплата труда в отрасли зачастую ниже физиологически минимального потребительского бюджета. Неэквивалентная оплата труда закладывает экономическую основу деградации человеческого капитала, широкого распространения заболеваний (туберкулез, сердечно-сосудистые), отсутствия возможностей для получения образования (чрезмерно высокая оплата обучения в спецшколах, вузах), недоедания, что существенно снижает иммунную и нервную систему и в экологически неблагоприятных условиях способствует возникновению неизлечимых заболеваний и т.д. Быстро сокращается слой высококвалифицированных кадров на селе ввиду их невостребованности. Чрезмерно низкая оплата труда в отрасли подтверждает сохранение в ней кризисной ситуации и снижения покупательной способности населения.

Правильное определение политики оплаты труда, распределения доходов и механизмов ее реализации непосредственно влияет на позитивное изменение ситуации в социальном развитии регионов. Известно, что основным источником существования населения являются трудовые доходы, доля которых в общих доходах составляет почти 78%. Остальными источниками доходов выступают социальные трансферты, доходы от всех видов продаж, прочие денежные поступления. Отсюда, в политике оплаты труда существенным является правильное управление этими источниками [4]. Основным рычагом прямого государственного влияния на доходы является законодательное установление минимальной заработной платы, которая теоретически должна быть ниже прожиточного минимума (с учетом роста инфляции) в размере 19 966 тенге в 2020 г.

В настоящее время ослабевает связь между уровнем заработной платы и эффективностью деятельности предприятий и организаций. Особо выделяется проблема неустойчивости или отсутствия какой-либо связи между уровнем финансовой устойчивости предприятий и темпами роста заработной платы их руководителей. Заработная плата перестала выполнять свои основные функции – воспроизводства рабочей силы и стимулирования труда. Из-за малого размера она превратилась фактически в вариант социального пособия, не связанный с результатами трудовой деятельности. Удельный вес заработной платы в доходах населения растет низкими темпами, что снижает ее мотивационный потенциал. Такое положение влияет на ситуацию формирования того среднего слоя населения, укрепление которого призвано обеспечить проведение структурных реформ, рост инвестиционной активности, эффективную модернизацию производственной базы экономики.

Для нашей страны благоприятная ценовая конъюнктура на сырье пока поддерживает иллюзию хозяйственно-финансовой стабильности, опирающейся на экспорт топливно-сырьевых ресурсов. Однако эта стабильность имеет зыбкое основание в виде устаревших промышленных фондов, а также производственной и социальной инфраструктуры. Имеющиеся в стране стабилизационные фонды позволят компенсировать влияние неблагоприятной фазы на относительно непродолжительный период. Поэтому обеспечение устойчивого развития страны, формирование сильного среднего слоя общества связывается с достойной оплатой труда. Именно высокие технологии способны изменить к лучшему социальную и экономическую си-

туацию в нашей стране, обеспечить достаточную эффективность использования природного, инвестиционного и трудового потенциала. Следовательно, намечаемое инновационно-индустриальное развитие страны должно найти отражение в государственной политике оплаты труда, поскольку экономика – это не только природные и финансовые ресурсы, но и люди, которым нужно создать достойный уровень жизни.

Приоритет 2 – Реформирование развития сельских территорий, ориентированного на улучшение благосостояния сельского населения. Усиление связи между городами и селами, способствующее улучшению социального положения, прежде всего, сельчан, является одним из направлений совершенствования системы территориального развития. Такой механизм позволит на фоне развития крупных экономических центров сэкономить затраты на создание и развитие социальной инфраструктуры, которая предоставит качественные услуги сельскому населению и создаст тем самым благополучную среду жизни [3].

Ранее оговаривалось, что развитие ныне существующих сельских территорий и с учетом переселения городского населения потребует от правительства настойчивости и политической воли, поскольку эта проблема обусловлена, прежде всего, необходимостью национальной безопасности страны. В этой связи, одним из стимулов в укреплении сельских территорий должны стать достойная плата труда и гибкая пенсионная система. Имеется в виду, чтобы при назначении пенсии работникам аграрной сферы учитывалось количество выращенных детей. Далее в направлении облегчения воспитания детей может стать обеспечение их транспортом по доставке в школу из отдаленных мест, бесплатное предоставление учебной литературы, организация в школах бесплатного питания. Мерой организации качественного образования должна быть комплектация сельских школ высококвалифицированными специалистами. Этому может способствовать обеспечение сельских учителей бесплатным жильем, топливом и другими условиями проживания [4].

Таким образом, реализация второго приоритета обеспечения социального благополучия населения страны, на наш взгляд, может быть связана с:

- интегрированием программ городского и сельского развития в контексте обеспеченности населения услугами социальной инфраструктуры;
- организацией → местными органами власти обустройства жизнедеятельности кандалов на территории сельских населенных пунктов;
- разработкой программы переселения горожан в сельскую местность, включающей систему стимулов, делающих сельские территории притягательными для переселенцев (ввести гибкую пенсионную систему, «прожиточный минимум» заменить на «достойный уровень жизни», создать нормальные цивилизованные условия для специалистов образования, здравоохранения, культуры, производства);
- обеспечением жителей круглогодичной занятостью за счет организации производства сельскохозяйственной продукции и сырья их переработки.

Приоритет 3 – Совершенствование организации управления на региональном уровне.

На региональном уровне необходима комплексная системная увязка общегосударственных стратегических программ и приоритетных национальных проектов как между собой, так и с иными, реализуемыми в границах конкретных территорий преобразовательными мероприятиями с учетом имеющегося социально-экономического демографического и экономического потенциала. В противном случае не

только не удастся решить уже существующие проблемы, но могут возникнуть новые трудности и деформации в экономическом развитии страны [5].

Только комплексный, системный, территориально опосредованный подход к организации на местном уровне хозяйственного процесса способен ускорить его перевод на траекторию экономического роста, придать ему устойчивый поступательный характер. При этом важен и выбор наиболее эффективных способов освоения территориальных ресурсов, причем не только на основе рационального их распределения по видам и формам использования, но и за счет консолидированного включения в хозяйственном процессе ресурсного потенциала отдельных городских, сельских районов и конкретных предприятий, их объединения во взаимосвязанные группы, системы кооператива. В этом случае важно кадровое обеспечение местных органов власти.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках грантового финансирования КН МОН РК «Приоритеты и механизмы инклюзивного регионального развития в условиях преодоления спада экономики (ИРН АР 09259004)».

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. О применении научных методов при подготовке решений социально-экономических проблем // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 124-136.
2. Бримбетова Н.Ж. Модернизация территориального развития: методология и приоритеты. – Алматы: Институт экономики КН МОН РК. 2011. 229 с.
3. Коробейников М. Совершенствование социального управления – фактор развития сельских поселений // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 6. С. 19-23.
4. Саблук П.Т. Проблемы адаптации сельскохозяйственных территорий к условиям рыночной экономики и местного самоуправления. Украина. 2003. 23 с.
5. Цирель С. Влияние государственного вмешательства в экономику и социального неравенства на экономический рост // Вопросы экономики. 2007. № 5. С. 30-35.
6. Чистякова В. Социальные ресурсы модернизации // Экономист. 2013. № 5. С. 65-72.

Информация об авторе

Бримбетова Нурсауле Жанахметовна (Казахстан, Алматы) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики КН МОН РК (г. Алматы, Республика Казахстан; nbrimbetova@mail.ru, ул. Шевченко 28, 8(727)-261-01-75).

Brimbetova N.Zh.

THE CONSEQUENCES OF THE PANDEMIC AND THE NEW SOCIAL REALITY IN THE REGIONS

Abstract. *The pandemic has exacerbated regional social differences, so comprehensive and realistic solutions are needed. In the context of improving the quality of life in the post-pandemic period, recommendations are given. The problems of modernization of the wage system, reforming the development of rural areas of the organization of management at the regional level are considered.*

Key words: *region, social potential, social inequality, wages, rural areas, pandemic, management.*

Information about author

Brimbetova Nursaule Zh. – Candidate of Economics, Docent, Leading Researcher at the Institute of Economics of the CS MES RK, Almaty (Republic of Kazakhstan; nbrimbetova@mail.ru, Shevchenko St. 28, 8(727)-261-01-75).

Bibliography

1. Aganbegyan A. On the application of scientific methods in the preparation of solutions to socio-economic problems // Economic issues. 2013. № 9. P.124-136.
2. Brimbetova N.Zh. Modernization of territorial development: methodology and priorities. - Almaty: Institute of Economics of the CS MES RK. 2011. 229 p.
3. Korobeynikov M. Improvement of social management - a factor in the development of rural settlements // Problems of management theory and practice. 2007. № 6. P. 19-23.
4. Sabluk P.T. Problems of adaptation of agricultural territories to conditions of market economy and local self-government. Ukraine. 2003. 23 p.
5. Tsirel S. The impact of state intervention in the economy and social inequality on economic growth // Economic issues. 2007. № 5. P. 30-35.
6. Chistyakova V. Social resources of modernization // Economist. 2013. № 5. P. 65-72.

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В ПОСТКОВИДНЫЙ ПЕРИОД: ОПЫТ ШОТЛАНДИИ

Аннотация. *Статья посвящена туризму Шотландии в период COVID-19 и его последствия. В исследовании был проведен SWOT-анализ, который помог выделить сильные и слабые стороны, возможности и угрозы, появившиеся в результате мирового кризиса. В статье описаны меры, предпринимаемые для восстановления отрасли.*

Ключевые слова: Шотландия, туризм, COVID-19, постковидный период, государственная поддержка, ограничительные меры.

Шотландский туризм занимает важнейшую роль в экономике страны, а правительство активно поддерживает отрасль, разрабатывая стратегии и финансируя программы. В 2012 году при его поддержке Туристским Альянсом была разработана Национальная туристская стратегия Tourism Scotland 2020. В документе были выделены основные приоритеты развития туризма в регионе и основные цели – увеличение доходов от туризма до 5,5–6,5 млрд фунтов стерлингов к 2020 году; рост общей занятости в индустрии и т. д. [10].

В итоге 2019 год стал лучшим годом для Шотландии за последнее десятилетие по количеству посетителей туристов, остававшихся на ночь (17,5 млн человек), а доходы от туризма выросли до 5,74 млрд фунтов стерлингов, что на 6 % выше, чем в 2018 году. Согласно индексу путешественника, который рассчитывается как отношение количества прибывающих в страну людей к количеству местных жителей, на каждого жителя Шотландии в среднем приходится 27 туристов [7]. В 2019 году общее число занятых в сфере туризма было равно 219 тыс. человек. В целом данный показатель растет за счет увеличения количества работников ресторанов и фургонов, продающих еду, затем роста тур операторов и сотрудников парков развлечений и тематических парков.

После такого успешного года для туризма Шотландии, в 2020 году из-за пандемии коронавируса с середины марта по середину июля произошло практически полное прекращение международного туризма в/из Великобритании. 23 марта Правительством Шотландии было принято решение перейти в режим самоизоляции для замедления темпов распространения коронавирусной инфекции. Благодаря чему многим предприятиям, оказывающим услуги в сфере туризма, пришлось закрыться. Не весь бизнес смог пережить приостановление деятельности. Были отменены и все крупные мероприятия, например, в апреле должна была состояться выставка VisitScotland Expo в Абердине. В результате в Шотландии в 2020 году был зафиксирован самый высокий уровень безработицы по всему Соединенному Королевству – 4,9 % в июне 2020 года [7].

20 ноября 2020 г. правительство Шотландии опубликовало руководство по введению ограничений на поездки по стране. Была введена специальная система зон, согласно которой можно было узнать об уровне заболеваемости в регионе, был введен запрет на выезд из тех частей Шотландии, которые относятся к 3 и 4 зонам (высокий уровень заболеваемости). В конце ноября- начале декабря 2020 г. самые жесткие ограничения были распространены в таких округах, как Файф, Северный и Южный Ланаркшир, Восточный и Северный Эршир, Восточный и Западный Данбартоншир и др. Введенные меры запрещали выезжать из этих зон без уважительной причины [1]. 9 августа 2021 г. Шотландия полностью вышла из системы зон COVID-19, сняв все требования физического дистанцирования [2]. Прибывая из-за границы, необходимо было самоизолироваться на 14 дней. Путешествия по стране также временно

ограничивались. С 18 марта 2022 года снимаются все ограничения для посещения Шотландии иностранцами.

В качестве мер поддержки 17 ноября 2020 года Шотландской группой реагирования на чрезвычайные ситуации в сфере туризма (STERG) был опубликован Национальный план действий по COVID-19. Главной целью группы является не только борьба с нынешними проблемами в сфере туризма в рамках эпидемии коронавируса, но и возможность эффективного перезапуска отрасли. План действий соответствует приоритетам стратегии Scotland Outlook 2030. Благодаря STERG, с начала пандемии на поддержку сектора культуры и творчества было выделено 107 млн фунтов стерлингов, 97 млн стерлингов поступило от Правительства Великобритании. Только 15 млн фунтов было предоставлено Фонду по восстановлению культурных организаций и объектов [8].

Также был создан грант (от 1 400 до 15 000 фунтов стерлингов в зависимости от стоимости недвижимости и понесенных потерь), предназначенный для предприятий, на которые сильно повлияли последствия COVID-19. Финансирование имеют право получить те организации, которые вынуждены полностью закрыться или изменить свою деятельность из-за ограничений [3].

Для поддержания сферы гостеприимства и развлечений с 15 июля 2020 по 30 сентября 2021 г. ставка НДС была снижена с 20 % до 5 %. С 1 октября ставка НДС была увеличена до 12,5 % до 31 марта 2022 г., после чего она вновь вернется к своему стандартному значению в 20 % [9].

Совместно с VisitEngland, VisitWales и Tourism Northern Ireland VisitScotland был создан отраслевой стандарт и потребительский знак «WE'RE GOOD TO GO» для территории Великобритании, предназначенный для предприятий, работающих в сфере туризма и гостиничного бизнеса, которые, получив данную отметку, смогут оповещать туриста о том, что компания работает с соблюдением всех мер, которые определяет правительство [11].

Таблица 1. SWOT-анализ туристской отрасли Шотландии в постковидный период

Сильные стороны	Слабые стороны
1) Шотландия – перспективное направление туризма за рубежом; 2) Высокая занятость в туристской индустрии; 3) Высокий доход от внутреннего туризма; 4) Многообразие видов туризма; 5) Широко развитая туристская политика; 6) Второй по посещаемости иностранными туристами макрорегион Великобритании.	1) Увеличение уровня безработицы (4,9%); 2) Уменьшение внешнего (и внутреннего) туристского потока в Шотландию из-за введенных ограничительных мер; 3) Высокий уровень цен.
Возможности	Угрозы
1) Создание дополнительных рабочих мест; 2) Привлечение инвестиций; 3) Развитие новых направлений туризма; 4) Продвижение и развитие туристских сайтов для большего охвата; 5) Продвижение и маркетинг отрасли для увеличения потока туристов в регионы Шотландии; 6) Сотрудничество с государством и частными компаниями в сфере туризма; 7) Развитие неорганизованного туризма (проведение диджитализации, замена подходов к организации туризма); 8) Создание успешного территориального бренда.	1) Невозможность восстановления многих предприятий из-за пандемии; 2) Увольнение большого количества сотрудников в сфере туризма; 3) Введение жестких ограничительных мер для посетителей страны из-за пандемии коронавируса; 4) Банкротство туристских фирм.
Источник: Составлено авторами.	

Правительство Шотландии оказывает существенную поддержку предприятиям в сфере туризма, позволяя им оставаться на плаву в условиях пандемии. Полное прекращение работы туристских компаний в период с апреля по июнь 2020 г. плохо сказалось на их дальнейшем функционировании, было уволено много сотрудников, потеряны деньги. Но туризм в Шотландии постепенно начинает оживать, благодаря смягчению ограничительных мер в стране и финансовой помощи правительства. В 2021 году STERG по просьбе правительства Шотландии представила план по восстановлению индустрии туризма в регионе на период с 2022 по 2024 года [6]. Непрерывное восстановление отрасли – первоочередная задача группы реагирования.

В целом, восстановление туризма в Шотландии проходит в два этапа. Первый этап подразумевал под собой финансовую поддержку в краткосрочной перспективе. В течение 2021–2022 года реализовывались 10 проектов, направленных на восстановление индустрии. Правительство Шотландии выделило 25 млн фунтов стерлингов до марта 2022 года. В конце декабря 2021 года Правительство предоставило еще 9 млн фунтов стерлингов на поддержку предприятий сферы туризма, пострадавших от последствий Omicron. 23 марта 2022 года откроется новый Фонд, работа которого направлена на поддержание наиболее пострадавших бизнесов (хостелы, достопримечательности, туроператоры, продающие однодневные туры и автобусные туры и т. д.). Вторая фаза 2022–2024 года, включающая в себя 13 проектов, рассчитана на долгосрочную перспективу. В рамках нее будет сделан упор на восстановление туристской инфраструктуры, развитие сельских регионов, внедрение инноваций, обучение персонала, привлечение инвестиций и др. [6].

Поскольку шотландская индустрия туризма нацелена на то, чтобы в максимально короткие сроки восстановиться до уровня, который она имела до марта 2020 года, ее опыт может послужить примером для других стран и регионов. Среди успешных проектов можно выделить Scottish Tourism Observatory – проект, созданный в рамках деятельности STERG в условиях коронавируса [5]. Это веб-сайт, содержащий в себе все доступные данные о шотландском туризме, он находится на этапе разработки. Анализируя полученные данные, компании смогут лучше понять, в каком направлении двигаться, развивая туризм в регионе. Кроме того, в этом и следующем году в марте запланировано проведение «Месяца шотландского туризма. Будет организован ряд мероприятий, посвященных в том числе разным видам туризма», где представится возможность ближе познакомиться с шотландским туризмом. В рамках данного месяца в этом году запущена крупная маркетинговая кампания «Scotland is calling» [4]. Она нацелена на популяризацию Шотландии как перспективного направления, в частности, среди иностранных туристов. Кампания ориентирована в первую очередь на молодых людей. Создание качественного территориального бренда позволит не только быстрее восстановиться отрасли, но и привлечь большее количество туристов, а также представить Шотландию в качестве одного из самых привлекательных направлений для отдыха. Наконец, 2022 год – это год историй в Шотландии, уже обнародована программа из более чем 60 мероприятий [12]. Проект призван подтолкнуть туристов и местных жителей исследовать регион. Через мифы и легенды можно еще глубже погрузиться в историю региона и познакомиться с Шотландией ближе.

Внедренные Шотландией инструменты продвижения туризма могут быть использованы и российскими регионами. Наиболее доступным и реалистичным в реализации вариантом является повышение доступности и качества онлайн информации о регионе и его аттракций, направленной на более молодую аудиторию. Не

беря во внимание Москву, Санкт-Петербург и Сочи, являющихся лидерами в России по привлечению туристов всех возрастов, то чаще всего информация онлайн давно не актуальна для молодых людей. Также все полезные сайты и ресурсы сильно разрознены, что затрудняет планирование поездок и склоняет выбор туристов к более очевидным и популярным направлениям. С решением указанной проблемы мог бы справиться сайт с доступным интерфейсом и информацией о размещении, ресторанах, событиях, ограничениях и возможностях региона, затрагивающих людей возрастной группы от 16 до 34 лет. На уже существующих порталах, например, [russia.travel](#) или [visitrussia](#) представлена информация об ограниченном количестве городов или о национальных исторических культурных памятниках и мероприятиях, что не всегда привлекает туристов этого возраста. Так российский аналог проекта [Scottish Tourism Observatory](#) мог бы помочь разнообразному местному бизнесу более эффективно подстраиваться под интересы туристов, предоставляя нужные данные о людях, посещающих регион. Все это позволило бы начать формировать более позитивный опыт молодых путешественников, повышая интерес к региону и туристический поток в него. Данная проблема также подводит к вопросу об отсутствии территориальных брендов отдельных регионов России, который Шотландия и старается решить на своей территории в рамках маркетинговой кампании «Scotland is calling». Беря во внимание шотландские проекты, российские региональные агентства по туризму могли бы использовать этот успешный опыт для создания индивидуальных планов по улучшению инфраструктуры и привлечению туристов в регион.

Список литературы

1. Coronavirus (COVID-19): local protection levels. URL: <https://www.gov.scot/publications/coronavirus-covid-19-protection-levels/>
2. Coronavirus (COVID-19): Protection levels. URL: <https://spice-spotlight.scot/2021/08/09/coronavirus-covid-19-protection-levels/>
3. Coronavirus (COVID-19): Strategic Framework Business Fund. URL: <https://www.gov.scot/publications/coronavirus-covid-19-strategic-framework-business-fund/pages/eligibility/>
4. Scotland is calling. URL: <https://www.visitscotland.org/news/2022/scotland-is-calling-launch>
5. Scottish Tourism Observatory. URL: <https://www.visitscotland.org/research-insights/about-our-industry/scottish-tourism-observatory>
6. Scottish tourism two-year recovery recommendations. URL: https://www.visitscotland.org/binaries/content/assets/dot-org/pdf/supporting-your-business/sterg/recovery-programme/sta_report_accessible.pdf
7. Statista. URL: <https://www.statista.com/>
8. STERG COVID-19 National Action Plan. URL: <https://www.visitscotland.org/binaries/content/assets/dot-org/pdf/supporting-your-business/sterg/national-action-plan-17-nov-2020.pdf>
9. The changing indirect tax landscape. VAT, customs and other indirect taxes updates for 2022. URL: <https://www.bdo.co.uk/en-gb/insights/tax/vat-and-indirect-taxes/are-you-ready-for-2022-changes-in-vat-and-other-indirect-taxes#:~:text=The%20reduced%20rate%20of%205,20%25%20from%201%20April%202022>
10. Tourism Scotland 2020. URL: <https://scottishtourismalliance.co.uk/wp-content/uploads/2019/03/Tourism-Scotland-2020-final.pdf>

11. We're good to go. URL: <https://goodtogo.visitbritain.com/your-business-good-to-go-scotland>
12. Year of stories 2022 events revealed. URL: <https://www.visitscotland.org/news/2021/yos-events>

Информация об авторах

Вещагина Валентина Леонидовна (Россия, Санкт-Петербург) – студентка гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (e-mail: veschagina00@gmail.com).

Карасева Екатерина Андреевна (Россия, Санкт-Петербург) – студентка гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (e-mail: ketrynkar00@gmail.com).

Радкевич Алина Дмитриевна (Россия, Санкт-Петербург) – студентка гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (e-mail: aradkevich086@yandex.ru).

Veshchagina V.L., Karaseva E.A., Radkevich A.D.

THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE POST-COVID-19 PERIOD: THE EXPERIENCE OF SCOTLAND

Abstract. *The article is devoted to scottish tourism during COVID-19 and its consequences. The study carried out a SWOT-analysis that helped to highlight the strengths, weaknesses, opportunities and threats that appeared as a result of the global crisis. The article describes the measures taken to recover the industry.*

Key words: *Scotland, tourism, COVID-19, post-COVID-19 period, government support, restrictive measures.*

Information about the authors

Veshchagina Valentina L. (Russia, St. Petersburg) – student of the Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics (e-mail: veschagina00@gmail.com).

Karaseva Ekaterina A. (Russia, St. Petersburg) – student of the Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics (e-mail: ketrynkar00@gmail.com).

Radkevich Alina D. (Russia, St. Petersburg) – student of the Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics (e-mail: aradkevich086@yandex.ru).

Bibliography

1. Coronavirus (COVID-19): local protection levels. URL: <https://www.gov.scot/publications/coronavirus-covid-19-protection-levels/>
2. Coronavirus (COVID-19): Protection levels. URL: <https://spice-spotlight.scot/2021/08/09/coronavirus-covid-19-protection-levels/>
3. Coronavirus (COVID-19): Strategic Framework Business Fund. URL: <https://www.gov.scot/publications/coronavirus-covid-19-strategic-framework-business-fund/pages/eligibility/>
4. Scotland is calling. URL: <https://www.visitscotland.org/news/2022/scotland-is-calling-launch>
5. Scottish Tourism Observatory. URL: <https://www.visitscotland.org/research-insights/about-our-industry/scottish-tourism-observatory>
6. Scottish tourism two-year recovery recommendations. URL: https://www.visitscotland.org/binaries/content/assets/dot-org/pdf/supporting-your-business/sterg/recovery-programme/sta_report_accessible.pdf

7. Statista. URL: <https://www.statista.com/>
8. STERG COVID-19 National Action Plan. URL: <https://www.visitscotland.org/binaries/content/assets/dot-org/pdf/supporting-your-business/sterg/national-action-plan-17-nov-2020.pdf>
9. The changing indirect tax landscape. VAT, customs and other indirect taxes updates for 2022. URL: <https://www.bdo.co.uk/en-gb/insights/tax/vat-and-indirect-taxes/are-you-ready-for-2022-changes-in-vat-and-other-indirect-taxes#:~:text=The%20reduced%20rate%20of%205,20%25%20from%201%20April%202022>
10. Tourism Scotland 2020. URL: <https://scottishtourismalliance.co.uk/wp-content/uploads/2019/03/Tourism-Scotland-2020-final.pdf>
11. We're good to go. URL: <https://goodtogo.visitbritain.com/your-business-good-to-go-scotland>
12. Year of stories 2022 events revealed. URL: <https://www.visitscotland.org/news/2021/yos-events>

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ АГРЕССИВНОЙ РЕКЛАМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Аннотация. В статье рассматривается специфика реализации стратегий агрессивной рекламы в современной интернет-среде. Были аргументированы основные мотивы использования агрессии в рекламных сообщениях. Также проанализированы последствия влияния агрессивной рекламы на трансформацию ментальности современного общества.

Ключевые слова: цифровизация, трансформация общества, интернет-среда, агрессивная реклама.

В настоящее время продолжающийся процесс бурной цифровизации претерпевает значительные изменения в самой своей структуре. Трансформации подвергаются не только основные сферы жизни, но и более незначительные. Для рекламной деятельности данные процессы также стали началом новой ветки развития, направленной на ещё большее привлечение внимания общественности с целью смены ментальных установок и ориентиров. Известно, что реклама традиционно считается одним из самых эффективных способов воздействия на потребителя. Каждый вид рекламы может не только стимулировать покупку определенных товаров и услуг, но и формировать новые стандарты потребления, влияя на образ жизни представителей различных социальных групп. В свою очередь, Интернет в России стал одним из наиболее эффективных каналов распространения рекламных сообщений, его стремительное развитие повлекло за собой определенные трансформации в процессах социальной коммуникации и привело к появлению такого специфического вида рекламы, как реклама на Интернет-ресурсах. Современная реклама – эффективное средство формирования сознания и образа жизни общества. Рекламу часто используют как средство мощного идеологического воздействия на сознание людей и систему их ценностей, при этом важно, чтобы она мягко воздействовала на потребителя, незаметно диктуя ему поведение, необходимое создателю рекламы.

Н.Л. Смакотина в своей работе «Социальные трансформации в контексте глобальных процессов и проблем» пишет, что «...социальные изменения будут считаться трансформацией только тогда, когда они представляют более глубокие формы изменений на уровне систем ценностей и структур власти» [3, с. 32]. В связи с этим на передний план выходит феномен агрессивной рекламы, ставящий своей главной целью не только маркетинговый план, но и манипуляцию общественным сознанием. Именно вследствие этого мы можем считать данный феномен сопоставимым с социальной трансформацией. Также известно, что риски такой рекламы для компаний достаточно весомы, поэтому её стали использовать лишь в качестве вспомогательного инструмента в информационном поле. Процесс цифровизации вывел действие агрессивной рекламы на совершенно иной уровень, где рамки дозволенности снижаются, а её количество увеличивается.

В современном цифровом обществе рекламная деятельность уже охватывает большинство сфер нашей жизни. Наличие у общества некоторой устойчивости к рекламе в некоторой степени снижает риск удачной манипуляции, однако агрессивная реклама сейчас стала в разы изощреннее. В ход идут не только стандартные модели

размещения баннеров, но и совершенно новые – «скрытые» приёмы. Интернет пространство дало такой рекламе плодородную почву для развития. В работе Е.А. Лобовиковой «Реклама в управлении сознанием и поведением потребителя» указывается, что «реклама является важным информационно-коммуникационным каналом управления процессом становления системы ценностей в массовом сознании» [2, с. 345]. Для агрессивной рекламы всё становится немного иначе, ведь устоявшиеся ценностные ориентиры человека не так просто сломить, однако возможно поселить в сознание сомнение в собственных установках, которое понемногу, но вполне целенаправленно выведет человека на определённые действия. Именно в этом скрывается суть современной агрессивной рекламы.

Пандемия COVID-19 также внесла свой вклад в развитие агрессивной рекламы в интернете. В своей работе «Диалектика глобальных и региональных воздействий в системе современных обществ: концептуальные образования» Т.И. Грабельных утверждает, что «...в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 система современных обществ может находиться как на стадии распада, так и подъема социальных сил внутри системы» [1, с. 29]. В то время, пока общество находилось на самоизоляции, интернет-реклама процветала, так как люди стали больше времени проводить в сети. Тогда не требовалось особых стратегий размещения рекламных сообщений, так как общество, подверженное риску всегда более внушаемое, чем общество в состоянии покоя. Именно ситуация с новой коронавирусной инфекцией показала настоящее лицо большинства рекламных сообщений, а именно – агрессию, которой пестрели множество баннеров, статей и видеороликов. На данный момент ситуация не изменилась в лучшую сторону. В эпоху информационных войн используются всё те же принципы и стратегии агрессивной рекламы, которые работали и в ковидных, и в постковидных реалиях.

В заключение осталось отметить, что любая реклама в некотором роде манипулятивна. С рекламой невозможно бороться, однако, её можно изучать и направлять на изучение и последующее общественное просвещение особое внимание.

Список литературы

1. Грабельных Т.И. Диалектика глобальных и региональных воздействий в системе современных обществ: концептуальные образования // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сб. научн. трудов ФГБОУ ВО ИГУ. Издательство ИГУ, 2021. С. 27-31.
2. Лобовикова Е.А. Реклама в управлении сознанием и поведением потребителя / Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сб. научн. трудов ФГБОУ ВО ИГУ. Издательство ИГУ, 2021. С. 343-346.
3. Смакотина Н.Л. Социальные трансформации в контексте глобальных процессов и проблем / Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. научн. трудов ФГБОУ ВО ИГУ. Издательство ИГУ, 2021. С. 31-38.

Информация об авторе

Волкова Рената Сергеевна (Россия, Иркутск) – студентка 4 курса направления подготовки 39.03.01 «Социология», Институт социальных наук Иркутского государственного университета (664025, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 3; e-mail: v0lkova.renata@yandex.ru).

IMPLEMENTATION OF AGGRESSIVE ADVERTISING STRATEGY IN MODERN INTERNET ENVIRONMENT

Abstract. *The article discusses the specifics of the implementation of aggressive advertising strategies in the modern Internet environment. The main motives for the use of aggression in advertising messages were reasoned. The consequences of the influence of aggressive advertising on the transformation of the mentality of modern society are also analyzed.*

Key words: *digitalization, transformation of society, Internet environment, aggressive advertising.*

Information about the author

Volkova Renata S. (Russia, Irkutsk) – 4th year student of the direction of training 39.03.01 “Sociology”, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University (664025, Irkutsk, Lenin str., 3, E-mail: v0lkova.renata@yandex.ru).

Bibliography

1. Grabelnykh T.I. Dialectics of global and regional impacts in the system of modern societies: conceptual formations // Global and regional impacts in the system of modern societies : collection of scientific papers of the IGU. IGU Publishing House, 2021. P. 27-31.
2. Lobovikova E.A. Advertising in the management of consciousness and consumer behavior / Global and regional impacts in the system of modern societies : a collection of scientific papers of the IGU. IGU Publishing House, 2021. P. 343-346.
3. Smakotina N.L. Social transformations in the context of global processes and problems / Global and regional impacts in the system of modern societies : collection of scientific papers of the IGU2. IGU Publishing House, 2021. P. 31-38.

ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ КУРС СОВРЕМЕННОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Аннотация. Обозначена новейшая общемировая тенденция – отказ от ископаемого топлива и переход к возобновляемым источникам энергии. Рассмотрено, что «энергетический переход» претворяется в жизнь многими странами и подразумевает гармонизацию эколого-климатических и технологических характеристик.

Ключевые слова: экономика, энергетика, энергопереход, возобновляемые источники энергии, технологии, эффективность.

Мировая конструкция цивилизации требует для своего образования, поддержания и развития источники энергии, отвечающие требованиям эффективности, надежности и качества. Важным критерием во исполнение этих требований является ресурсообеспеченность, которая интерпретируется как основа для выживания и развития любой системы, и чем доступнее и мощней используемый энергетический источник, тем большими ресурсами можно обладать с его помощью. Дефицит энергоресурсов, вызванный рядом факторов, в том числе и отказ от ранее используемых, может привести к энергетическому кризису способному вызвать падение всей ресурсной базы мира.

Необходимую энергию для поддержания жизни надлежит извлекать используя прочие жизненные ресурсы, включая энергетическую составляющую. Количество энергии должно не только энергетически перекрыть затраты на свою добычу, но и восполнить все прочие ресурсы, которые были израсходованы на эту работу. Экономический коэффициент EROI – соотношение полученной энергии к затраченной определяет её энергетическую рентабельность. Данный коэффициент должен быть больше 1 (единицы), что определяет значительную доступность благ обществу. К примеру, для обеспечения современной образовательной системы требуется EROI, как минимум 7 единиц, здравоохранения – 12 единиц, культурной жизнедеятельности – 14 (четырнадцать) единиц.

Исследования европейских ученых показывают какими значениями EROI обладают современные и перспективные источники энергии [5]. В таблице 1 представлены значения EROI источника энергии с учетом его генерации, т.е. солнечные энергетические системы (СЭС) имеют EROI 14 единиц, EROI ветровой энергоустановки (ВЭУ) – 16 единиц, но учитывая затраты на выравнивание генерации такой энергии с помощью накопителей, конденсаторов, компенсаторов и др. их итоговый EROI становится равным: СЭС – 1,6 ед., ВЭУ – 3,9 ед.

Таблица 1. EROI современных источников энергии

Вид деятельности	EROI (единиц)
Атомные электростанции (АЭС)	75
Гидроэлектростанции (ГЭС)	35
Угольные теплоэлектроцентрали (УТЭЦ)	30
Газовые теплоэлектроцентрали (ГТЭЦ)	28
Ветровые энергоустановки (ВЭУ)	3,9
Солнечные энергетические системы (СЭС)	1,6
Источник. Составлено автором по результатам исследования	

Очевидно, что на современном этапе развития, традиционные источники энергии в виде АЭС, ГЭС и углеводородов способны обеспечить потребности общества и развивать научно-технический прогресс. Тем не менее, новейшая общемировая тенденция – отказ от ископаемого топлива и переход к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) – «зеленой» энергетики [7].

Энергетический переход анонсирован многими странами, и в перспективе он верный, т.к. отвечает запросу потребителей и общества. Выделяют значительное количество факторов, оказывающих влияние на скорость перехода к климатической нейтральности. Аналитики Международного Энергетического Агентства прогнозируют, что доля углеводородов к 2050 году по разным сценариям снизится до 70, 50 и 20 % (сегодня доля углеводородов 90%), верификация прогноза зависит от того как будут развиваться технологии.

Мировые IT гиганты, в частности Amazon, Google переходят на возобновляемую энергетику. Amazon – мировой IT гигант интернет торговли и облачных технологий является крупнейшим корпоративным покупателем возобновляемой энергии в мире. Компания закупает 8,5 ГВт мировой возобновляемой энергии и энергию с электростанций установленной мощностью 2,5 ГВт в Европе. В перспективе, к 2025 году перейти на 100 % снабжение от ВИЭ.

Компания Google – мировой гигант с капитализацией, превышающей 1,8 трлн долларов США полностью перешла на возобновляемые источники энергии. Google один из крупнейших в мире потребителей возобновляемой энергии. На текущем этапе, компания заключила контракты на покупку возобновляемой энергии от электростанций мощностью 6 ГВт. На зданиях Bay View и Charleston East, в своем кампусе в кремниевой долине, Google смонтировал солнечную крышу мощность 7 МВт, состоящую из 90 тыс. солнечных панелей SOLAR ROOF с гарантий производителя 30 лет.

В 2020 году мировые инвестиции составили 501,3 млрд долларов США (в 2019 году – 458,6 млрд долларов США), увеличение составило – 8,5%. На возобновляемые источники было инвестировано 303,5 млрд долларов США: солнечная энергия – 148,6 млрд долларов США; ветровая генерация получила – 142,7 млрд долларов США.

Очередной прагматический фактор энергоперехода связан с проблемой глобального потепления, причиной которого считается повышение в атмосфере концентрации парниковых газов (ПГ). Часть ПГ выбрасывается и в результате деятельности промышленности, тепловых электростанций, автомобилей с двигателями внутреннего сгорания (ДВС) и другими. Следовательно, главная идея – углеродная нейтральность – достичь таких результатов деятельности индустриального общества, которые бы не приводили к появлению в атмосфере дополнительных парниковых газов. Профессиональное сообщество из мира энергетики объявили углекислый газ (диоксид углерода, CO₂) злейшим врагом человечества [2]. Для борьбы с ним ввели «углеродные квоты» – методы исключая лишние выбросы и компенсация того, что уже выброшено в атмосферу. [4].

По заявлению Еврокомиссии, трансграничный сбор за углекислый газ, выделяемый при производстве товаров (продукции) призван защитить европейскую промышленность от зарубежных конкурентов, чья продукция не облагается сборами за выбросы углерода [3].

Широко обсуждаемый вопрос «утечки углерода» всецело не урегулирован, а анализ научных исследований не дает однозначного ответа. Выдвигаются следующие гипотезы:

- а) перенос бизнеса в «убежища для загрязнений» (pollution havens);

б) о возможном доминировании обратного эффекта от ужесточения экологического регулирования – ускорение инноваций и создание новых низкоуглеродных продуктов – стимулируют рост и увеличивают конкурентные преимущества предприятий [8].

Из всего «меню инструментов» по борьбе с «утечкой углерода» Евросоюз выбрал не требующий бюджетного и тарифного финансирования механизм СВAM [6]. Планируемая цена СВAM-сертификата будет привязана к средней за прошлую неделю цену единицы сокращения выбросов на европейском углеродном рынке (EU ETS), что на данный момент времени составляет около 50 – 55 Евро (€) за тонну сокращений CO₂-эквивалента.

России проявлять свое отношение на установление СВAM следует взвешенно и благоразумно, избегая кардинальных и необоснованных шагов, необходимо принципиально соблюдать цели и приоритеты развития энергетической стратегии РФ на период до 2035 года¹, Федерального закона №296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» ФЗ² и др.

Европейские страны, в свое время, для достижения углеродной нейтральности заявили о широкомасштабном переходе к «зеленой энергетике» с выходом на более высокую ступень в производстве декарбонизированной энергии [1]. В частности, в Германии вводятся новые мощности «зеленой энергетике» и так же активно выводятся атомная и угольная генерация. Закрытие угольных ТЭЦ, истощение газовых месторождений в Европе отрицательно влияют на ускорение процесса по дальнейшему активному продвижению возобновляемой энергетики в виду низкого коэффициента использования установленной мощности (КИУМ). К примеру, установленная мощность электростанций ЭЭС России на 01.01.2021 года составила 245313,25 МВт, в таблице 2 приведены данные, характеризующие использование установленной мощности электростанций ЭЭС России³.

Таблица 2. Коэффициент использования установленной мощности электростанций ЭЭС России в 2019 – 2020 гг. (%)

	2019 год					2020 год				
	ТЭЦ	ГЭС	АЭС	ВЭС	СЭС	ТЭЦ	ГЭС	АЭС	ВЭС	СЭС
ЭЭС России	45,68	43,85	79,82	19,91	14,14	41,34	47,33	81,47	27,47	15,08

Источник. Отчет о функционировании ЭЭС России в 2020 году.

Сильнейший энергетический кризис, текущего этапа, потрясший Европейские страны изменил отношение к «мирному атому». Научный центр Joint Research Centre (JRC) провел исследования по вопросам использования атомной энергии и полного цикла её экологичности, по результатам которого был представлен обширный и непредвзятый Отчет JRC «Наука для политики»⁴ с доказательствами экологичности АЭС.

¹ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения 01.03.2022).

² Об ограничении выбросов парниковых газов: Федеральный закон от 02.07.2021 г. № 296-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47013> (дата обращения 01.03.2022).

³ Отчет о функционировании ЭЭС России в 2020 году. URL: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/reports/disclosure/2021/ups_rep2020.pdf (дата обращения 01.03.2022)

⁴ JRC science for policy report. Technical assessment of nuclear energy with respect to the 'do no significant harm' criteria of Regulation (EU) 2020/852 ('Taxonomy Regulation'). Petten: European Commission, 2021. P. 387. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/business_economy_euro/banking_and_finance/documents/210329-jrc-report-nuclear-energy-assessment_en.pdf (дата обращения 02.03.2022).

По результатам проведенных исследований, научный центр Евросоюза постановил – атомные электростанции по экологичности (со всеми отработанными радиоактивными отходами) на ГВт*ч выработанной энергии существенно превосходит солнечную генерацию и не уступают ветроэнергетике, развитие которых поддерживается в рамках инициативы Таксономия (документ устойчивого развития экономики Евросоюза до 2050 года). Еврокомиссия, учитывая авторитетное мнение ученых и важность использования атомной энергетики и природного газа для развития экономики, а также перехода к климатической нейтральности, разработала проект Дополнительного делегированного закона о Таксономии. Как следствие, в рамках Таксономии в феврале 2022 года Еврокомиссия классифицировала газ и атомную энергетику как чистые источники энергии – «зеленые». Газовые электростанции в соответствии с Таксономией должны заменить объекты использующие уголь, нефть и другое тяжелое ископаемое топливо, и обеспечить содержание выбросов не более 270 г CO₂ на кВт/ч. Атомные станции получили разрешение на строительство до 2024 года, с учетом того, что будут использовать «наилучшие существующие технологии», соответствовать высоким стандартам безопасности, которые сведут к минимуму количество радиоактивных отходов. Источниками энергии с низкими эмиссионными выбросами признаны энергия ветра, солнечная энергия, геотермальная, гидроэнергетика, водород, и биоэнергетика. Своевременное, архиважное решение создаст новейший импульс в мировой энергетике, что предполагает вложения значительных инвестиций для увеличения производственных мощностей этих видов энергии.

Объявленный «энергетический переход» многими странами мира приведет к созданию совершенно новой структуры первичного энергопотребления, а в дальнейшем к новейшему состоянию мировой энергетической системы. Тенденция очевидна и обусловлена принципами установленными ведущими странами на традиционных рынках мировой экономики. В их основе, отказ от использования ископаемого топлива и переход к возобновляемым источникам энергии, с перспективой минимизировать «углеродный след». Согласно Энергетической стратегии ЕС к 2050 году доля ВИЭ должна составлять до 70%, а реализуя Программу КС по энергетике к 2030 году Евросоюз должен производить 27–32% возобновляемой энергии, а к 2050 году доля ВИЭ должна составлять от 70 до 100%.

Список литературы

1. Алехнович А.Н. Вредный ли экологически газ CO₂? // Энергетик. 2021. № 12. С. 36-38.
2. Башмаков И.А. Углеродное регулирование в ЕС и российский сырьевой экспорт // Вопросы экономики. 2022. № 1. С. 90–109.
3. Буяльский В.И. Повышение эффективности управления ветроэнергетической установкой на основе учета вибрационной нагруженности привода при разных условиях эксплуатации энергоагрегата // Энергетик. 2021. № 10. С. 41-45.
4. Acar S, Aşıcı A.A., Yeldan A.E. Potential effects of the EU's carbon border adjustment mechanism on the Turkish economy // Environment, Development and Sustainability. 2021. URL: <https://doi.org/10.1007/s10668-021-01779-1> (дата обращения 02.03.2022).
5. Eicke L., Wekoab S., Apergia M., Mariana A. Pulling up the carbon ladder? Decarbonization, dependence, and third-country risks from the European carbon border adjustment mechanism // Energy Research & Social Science. 2021. Vol.80. URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.102240> (дата обращения 02.03.2022).

6. Gielen D., Boshell F., Saygin D., Bazilianc M.D., Wagner N., Gorini R. The role of renewable energy in the global energy transformation // *Energy Strategy Reviews*. 2019. Vol.24. P.38-50. URL: <https://doi.org/10.1016/j.esr.2019.01.006> (дата обращения 02.03.2022).
7. Porter M.E., van der Linde C. Toward a new conception of the environment competitiveness relationship. // *Journal of Economic Perspectives*. 1995. Vol. 9. No. 4. P. 97-118. URL: <https://doi.org/10.1257/jep.9.4.97> (дата обращения 01.03.2022).
8. Weißbach D., Ruprechta G., Hukea A., Czerski K., Gottlieb S., Hussein A. Energy intensities, EROIs, and energy payback times of electricity generating power plants / Preprint submitted to *Energy*. 2013. № 6. P. 1-29. URL: https://festkoerper-kernphysik.de/Weissbach_EROI_preprint.pdf (дата обращения 01.03.2022).

Информация об авторе

Вопиловский Сергей Симонович (Россия, Апатиты) – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» (184209, г. Апатиты, Мурманская обл., ул. Ферсмана 24а; e-mail: simonovich.63@yandex.ru).

Vopilovskii S.S.

ENERGY SOURCES SET THE COURSE MODERN ENERGY

Abstract. *The latest global trend is outlined - the rejection of fossil fuels and the transition to renewable energy sources. It is considered that the “energy transition” is being implemented by many countries and implies the harmonization of environmental, climatic and technological characteristics.*

Key words: *economics, energy, energy transition, renewable energy, technology, efficiency.*

Information about author

Vopilovskii Sergey S. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Research Fellow at the Institute of Economic Problems named after G.P. Luzin - a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Center “Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (184209, Apatity, Murmansk region, Fersmana street 24a; e-mail: simonovich.63@yandex.ru).

Bibliography

1. Alekhovich A.N. Is CO2 environmentally harmful? // *Energetik*. №. 12. 2021. P. 36-38.
2. Bashmakov I.A. Carbon regulation in the EU and Russian raw materials export // *Issues of Economics*. 2022. № 1. P. 90–109.
3. Buyalsky V.I. Improving the efficiency of wind power plant control based on taking into account the vibration load of the drive under different operating conditions of the power unit / *Energetik*. 2021. № 10. P. 41-45.
4. Acar S, Aşıcı A.A., Yeldan A.E. Potential effects of the EU’s carbon border adjustment mechanism on the Turkish economy // *Environment, Development and Sustainability*. 2021. URL: <https://doi.org/10.1007/s10668-021-01779-1> (accessed 02.03.2022).
5. Eicke L., Wekoab S., Apergia M., Mariana A. Pulling up the carbon ladder? Decarbonization, dependence, and third-country risks from the European carbon border adjustment

- mechanism / Energy Research & Social Science. 2021. Vol.80. URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.102240> (accessed 02.03.2022).
6. Gielen D., Boshell F., Saygin D., Bazilianc M.D., Wagner N., Gorini R. The role of renewable energy in the global energy transformation // Energy Strategy Reviews. 2019. Vol.24. P. 38-50. URL: <https://doi.org/10.1016/j.esr.2019.01.006> (accessed 02.03.2022).
 7. Porter M. E., van der Linde C. Toward a new conception of the environment competitiveness relationship. // Journal of Economic Perspectives. 1995. Vol.9. №.4. P. 97-118. URL: <https://doi.org/10.1257/jep.9.4.97> (accessed 01.03.2022).
 8. Weißbach D., Ruprechta G., Hukea A., Czernski K., Gottlieb S., Hussein A. Energy intensities, EROIs, and energy payback times of electricity generating power plants / Preprint submitted to Energy. 2013. № 6. P.1-29. URL: https://festkoerper-kernphysik.de/Weissbach_EROI_preprint.pdf (accessed 01.03.2022).

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ COVID-19 НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

Аннотация. В работе анализируется влияние COVID-19 на экономическое развитие регионов России в зависимости от числа заболевших на 1000 человек населения. Предлагается в качестве результатов развития регионов 3 экономических показателя, которые возможно подвержены влиянию заболеваемости COVID-19.

Ключевые слова: экономическое развитие, регионы России, COVID-19, группировки регионов, показатели экономического развития.

Для эффективного управления социально-экономическим развитием страны и ее регионов необходимо изучать и понимать причинно-следственные связи между факторами и результатами. Классическая экономика на протяжении почти 300 лет изучала и оценивала влияние объемов ресурсов на экономический и социальный рост. При этом, как правило, принималось, что кроме ресурсов – количества труда, объема капитала, земли и природных ресурсов, а в последнее время научно-технических достижений и образования, другие случайного характера факторы не учитывались. В настоящее время на социально-экономическое развитие все чаще и сильнее воздействуют случайные или преднамеренные воздействия природы и человека. Это, например, колебания погодных условий на сельское хозяйство, масштабные и разрушительные землетрясения, техногенные катастрофы и т.д. и в последние годы это и вредоносное воздействия одних стран на другие путем санкций и торможения развития, пандемически значимые новые виды заболеваний. Эти факторы были и раньше, но их принимали как случайная данность и изучению их влияния не уделялось достаточного внимания.

В настоящее время, чтобы избежать чрезмерного и неуправляемого неблагоприятного воздействия случайных или целенаправленных факторов на примере COVID-19 или экономических санкций необходимо методически изучать и количественно оценивать воздействия такого рода факторов на экономику и социальное развитие [2, 3, 6, С. 450-452]. Этому и посвящена данная работа. В 2020-м году в мире разразилась масштабная пандемии COVID-19. Сотни миллионов людей почти во всех странах мира заражались этой опасной инфекцией, и российское население во всех ее регионах в том числе. Противодействие распространению инфекции заключалось в основном только в изоляции людей друг от друга и от больных. Для этого объявлялись локдауны на производстве, ограничения межстрановых, внутрирегиональных и внутригородских передвижений, туризма, зрелищных мероприятий, торговли. Несомненно, это сказалось на росте экономики по тем или иным показателям. Для изучения воздействия COVID-19 на регионы России мы использовали три показателя: изменение ВРП на одного занятого в регионе; изменение объема товаров и услуг обрабатывающих производств и изменение объема строительных работ на душу населения.

При этом изначально не было ясно какой или какие из этих показателей будут чувствительны к воздействию заболеваний населения и работающих, а какие подвержены влиянию рыночных колебаний цен на экспортные продукты, спрос и предложение отдельных продуктов на мировом рынке, санкционному и контрсанкционному влиянию [4, С. 130-131].

Кроме того, мы изначально предположили, что влияние COVID-19 на экономику регионов может зависеть от масштабности воздействия заболеваний в отдельных регионах. Для этого были проведены расчеты, числа первичных заболеваний в регионах на 1000 жителей (тем самым было нивелировано влияние числа жителей региона и допустимо более точное сравнение регионов подверженности пандемии). Оказалось что число заболевших на 1000 жителей региона распределилась на 31.12.2020 г. от 3 (Республика Татарстан) до 64 (г. Москва). Для выявления возможных различий экономических последствий рассмотрения заболеваний все 85 регионов России были ранжированные по числу заболевших на 1000 жителей и распределены на три группы в функции числа первичных заболеваний. Первая группа регионов охватила диапазон от 3 до 22 заболевших на 1000 человек населения, таких регионов оказалось 57. Вторая группа регионов охватила диапазон от 23 (Томская область) до 44 (Архангельская область – 40) заболевших, регионов в группе 19. Третья группа регионов имела показатели заболеваемости от 45 (г. Санкт-Петербург, республика Карелия, Республика Тыва) до 64 (г. Москва), регионов в группе 9. Результаты изменений экономических показателей по группам за первый год рассмотрение заболевания в территориальном пространстве России приведены в таблице 1.

Таблица 1. Изменение экономических показателей развития регионов по группам, функции числа заболевших на 31.12.2020 г.

Группа регионов	Диапазон заболевших	Число регионов	Изменение средневзвешенных показателей по группам, 2020 к 2019		
			ВРП на 1 занятого в экономике (тысяч рублей)	Объем товаров и услуг обрабатывающих производств на душу населения, тыс. руб. на человека	Объем строительных работ на душу населения, тыс. на чел.
1-я группа	3-22	57	1,16	0,98	1,01
2-я группа	23-44	19	1,17	1,05	1,00
3-я группа	45-64	9	1,16	1,06	1,09

Примечание. Рассчитано автором по [1,5]

Из данных таблицы можно сделать два вывода. Во-первых, что выбранные показатели в разной степени чувствительны к влиянию заболеваний в составе группы регионов. Так, по показателю ВРП нельзя констатировать, что в целом прослеживается какое-то влияние массовых заболеваний на рост производительности работающих по ВРП. В первой и третьей группах регионов ВРП на одного занятого в 2020-м году вырос на 16 %, а во второй группе – на 17 %. Это очень высокая динамика роста, которая не коррелирует с потерей многих секторов экономики, объемов производства и услуг от ограничений поездок, пользования общественным питанием, периодическим закрытием многих магазинов и предприятий. На показатель ВРП значительно влияют ценовые факторы, связанные с экспортом продукции, ценами на мировом рынке, общей инфляцией. Позитивное действие этих факторов в целом по группам регионов оказалась сильнее, чем негативное от COVID-19. Рост цен на нефть, черные и цветные металлы, удобрения и пшеницу позволили регионам с благоприятной экспортной структурой производства сильно нарастить ВРП, даже несмотря на потери от выбытия части работников и заболеваний. Так, например, ряд регионов второй и третьей групп со средней и повышенной заболеваемостью увеличили производительность работающих по ВРП за 2020 г. более, чем на 21 %. Это Магаданская область (+27 %), Амурская область (+39 %), Чукотский автономный округ

(+21 %), Санкт-Петербург, Московская область (+23 %). В то же время некоторые регионы показали понижение значений показателя ВРП в 2020-м году, чем в среднем по группе регионов. Это, например, Кемеровская область (-8 %), Липецкая область (-0,1 %), Еврейская автономная область (+0 1 %), Сахалинская область (0%), ЯНАО (+2 %). Не исключено, что в последних двух регионах на это повлияло ограничение на объем добычи нефти Россией в рамках договора с ОПЕК. Два других показателя результативности экономического развития (таблица 1), на наш взгляд, более точно отражает воздействие COVID-19, хотя они также подвержены дифференцированно в зависимости от отраслевой структуры экономики регионов влиянию других неблагоприятных и, напротив, благоприятных факторов.

Как видно из таблицы 1, оба показателя по первой группе регионов, а по объему строительных работ и по второй группе, остались практически неизменными в 2020-м г. по сравнению с 2019 г. Это сигнал о том, что многие регионы в этих группах имели спад в обрабатывающей промышленности, услугах, строительстве. Обратимся к таблице 2, в которую включены регионы по Центральному и Северо-Западному федеральным округам из групп с разными уровнями заболеваемости COVID-19 на 1000 человек населения. Из регионов Центрального федерального округа и Северо-Западного федерального округа наибольший спад производства товаров и услуг в 2020-м году наблюдался в Ленинградской, Калининградской и Костромской областях, республике Коми и г. Санкт-Петербурге. По объему строительных работ значительный спад также был в Ленинградской, Калининградской и Архангельской областях, Ненецком автономном округе и республике Карелия. Возможно, спад в строительстве в этих регионах может быть объяснен не только заболеванием или оттоком работников из-за пандемии, но и перераспределением финансовых ресурсов от строительства на здравоохранение и поддержку населения.

Таблица 2. Влияние заболеваемости COVID-19 на экономические показатели регионов, 2020 г.

Регион	Заболевших на 31.12.21, на тыс. чел.	ВРП на 1 занятого в экономике (тысяч рублей)			Объем товаров и услуг обрабатывающих производств на душу населения, тыс. руб. на человека			Объем строительных работ на душу населения, тыс. на чел.		
		2019 г.	2020 г.	2020 г. к 2019г.	2019 г.	2020 г.	2020 г. к 2019г.	2019 г.	2020 г.	2020 г. к 2019г.
Ленинградская область	13	1409,1	1564,7	1,1104	594,4	576,5	0,9698	133,8	109,3	0,8166
Владимирская область	14	692,9	868,8	1,2539	362,1	392,1	1,0829	31,6	34,3	1,0863
Белгородская область	14	1148,4	1271,4	1,1071	466,5	484,3	1,0383	76,5	82,3	1,0763
Липецкая область	14	1027,3	1025,9	0,9986	599,5	654,1	1,0912	59,5	72,3	1,2155
Тульская область	16	901,8	966,7	1,0719	505,4	587,1	1,1617	56,2	63,2	1,1258
Рязанская область	17	774,6	922,5	1,1909	294,1	310,9	1,0573	49,3	30,9	0,6270
Калининградская область	17	962,3	1099,2	1,1423	592,1	568,6	0,9603	71,0	70,2	0,9885

Окончание таблицы 2

Регион	Заболевших на 31.12.21, на тыс. чел.	ВРП на 1 занятого в экономике (тысяч рублей)			Объем товаров и услуг обрабатывающих производств на душу населения, тыс. руб. на человека			Объем строительных работ на душу населения, тыс. на чел.		
		2019 г.	2020 г.	2020 г. к 2019г.	2019 г.	2020 г.	2020 г. к 2019г.	2019 г.	2020 г.	2020 г. к 2019г.
Тамбовская область	18	730,3	789,1	1,0805	171,0	189,1	1,1064	30,6	31,9	1,0424
Тверская область	18	744,2	842,3	1,1319	273,0	274,1	1,0041	23,0	28,6	1,2433
Ненецкий АО	18	9751,2	10612,7	1,0883	35,2	38,9	1,1055	589,5	458,4	0,7776
Ярославская область	18	922,9	1015,6	1,1004	315,9	339,1	1,0736	33,3	42,4	1,2746
Смоленская область	19	760,5	854,8	1,1240	224,3	238,3	1,0626	28,2	29,6	1,0469
Курская область	19	847,6	1009,3	1,1909	178,9	191,6	1,0713	69,8	69,8	0,9998
Брянская область	20	646,5	797,8	1,2340	212,7	216,1	1,0161	25,4	39,3	1,5434
Воронежская область	20	852,9	921,4	1,0804	217,7	239,7	1,1010	58,9	58,1	0,9865
Московская область	20	1222,5	1498,4	1,2257	392,0	404,3	1,0316	67,6	87,6	1,2958
Вологодская область	20	1119,2	1217,4	1,0878	607,2	632,6	1,0418	93,6	98,2	1,0486
Калужская область	21	935,0	1101,2	1,1778	880,5	883,0	1,0028	66,9	74,5	1,1128
Ивановская область	22	446,3	582,7	1,3057	158,6	186,5	1,1759	40,2	45,7	1,1365
Костромская область	24	651,3	746,3	1,1459	227,3	218,9	0,9630	19,9	25,6	1,2862
Орловская область	29	772,4	904,3	1,1708	160,7	182,1	1,1338	36,8	47,0	1,2753
Новгородская область	31	942,1	1057,0	1,1219	339,6	351,8	1,0359	25,2	33,1	1,3114
Республика Коми	37	1660,2	1880,7	1,1328	242,7	233,6	0,9625	54,7	53,4	0,9769
Псковская область	38	583,0	724,7	1,2431	198,4	198,2	0,9991	46,0	44,7	0,9724
Архангельская область без АО	40	1072,9	1198,4	1,1170	176,8	239,3	1,3532	53,4	30,2	0,5650
г. Санкт-Петербург	45	1317,8	1621,1	1,2302	496,3	476,4	0,9598	86,9	81,2	0,9335
Республика Карелия	45	1051,5	1250,2	1,1890	206,4	207,3	1,0043	48,9	39,0	0,7979
Мурманская область	49	1331,9	1771,2	1,3298	433,3	1016,7	2,3465	81,9	102,7	1,2532
г. Москва	64	2014,8	2276,7	1,1300	571,8	595,0	1,0404	75,0	86,2	1,1489

Примечание. рассчитано автором по [1, 5].

В целом по результатам исследования можно сделать несколько выводов. Перспективен для использования для исследования влияния COVID-19 и других волатильных факторов развития метод дифференциального отбора показателей, наиболее чувствительных для анализа тех или иных воздействий на экономическую и социальную среду. Перспективен метод группировки регионов в зависимости от уровня неблагоприятных воздействий на них, как в данном исследовании по уровню заболеваемости COVID-19. Необходимо отбирать в отдельные группы и исследовать развитие регионов, на которые помимо, как в данном случае, пандемии, более значительно влияют и другие неблагоприятные факторы – санкционные противодействия, торговля и развитие, юридические и финансовые препятствия, бойкот ряда стран экспорту российских продуктов, природных ресурсов, ограничениям по предоставлению услуг, туризма и сервисного обслуживания техники.

Благодарность

В статье приведены результаты фундаментальных научных исследований, выполненных в ФГБУН ИПРЭ РАН в соответствии с программой фундаментальных научных исследований по теме «Механизмы формирования новых подходов к пространственному развитию экономики Российской Федерации, обеспечивающей устойчивое развитие и связанность ее территорий в условиях глобальных вызовов XXI века» № АААА-А21-12101129083-2.

Список литературы

1. Влияние COVID-19 на российскую экономику. URL: <https://docviewer.yandex.ru/> (дата обращения 12.05.2021)
2. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Использование преимуществ региона для усиления конкурентоспособности субъектов потребителей // Экономика и управление. 2011. № 4 (66). С. 129-132.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения 12.01.2022).
4. Рослякова Н.А., Митрофанова И.В., Дорофеева Л.В. Коронакризис и трансформация потребительского спроса в регионах России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 5. С. 448-468. DOI: 10.34670/AR.2020.46.64.052
5. Статистика заболевших COVID-19 на 31.12.2020 по регионам России. URL: <https://coronavirus-control.ru/koronavirus-v-rossii-na-31-dekabrya-2020-goda-skolko-zabolevshix-na-segodnya/> (дата обращения 21.03.2022).
6. COVID-19. Последствия для бизнеса и экономики. Приложение к докладу Президенту Российской Федерации уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей. URL: https://www.garant.ru/files/5/8/1376885/doklad_business_ombudsmen_covid_19.pdf (дата обращения 12.03.2022).

Информация об авторе

Гринчель Борис Михайлович (Россия, Санкт-Петербург) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, г. Санкт-Петербург, Серпуховская ул., д. 38; e-mail: boris.grinchel@mail.ru).

ASSESSING THE COVID-19'S IMPACT FOR THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

Abstract. *The paper analyzes the impact of COVID-19 on the economic development of Russian regions, depending on the number of cases per 1000 people of the population. It is proposed as the results of the development of the regions 3 economic indicators that may be affected by the incidence of COVID-19.*

Key words: *economic development, Russian regions, COVID-19, groupings of regions, indicators of economic development.*

Information about author

Grinchel Boris M. (Saint-Petersburg, Russian Federation) – Doctor of Sciences (Economic), Professor, Principal research scientist, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (Serpukhovskaya str., 38, Saint-Petersburg, Russian Federation, 190013; boris.grinchel@mail.ru).

Bibliography

1. Grinchel B.M., Nazarova E.A. Using the region's advantages to strengthen the competitiveness of consumer entities// Economics and Management. 2011. №4 (66). P. 129-132.
2. The impact of COVID-19 on the Russian economy. URL: <https://docviewer.yandex.ru/> (accessed 12.05.2021)
3. Regions of Russia. Socio-economic indicators. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (accessed 12.01.2022).
4. Roslyakova N.A., Mitrofanova I.V., Dorofeeva L.V. Crown crisis and transformation of consumer demand in the regions of Russia // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2020. Vol. 10. № 5. P. 448-468. DOI: 10.34670/AR.2020.46.64.052
5. Statistics of COVID-19 cases as of 31.12.2020 by regions of Russia. URL: <https://coronavirus-control.ru/koronavirus-v-rossii-na-31-dekabrya-2020-goda-skolko-zabolevshix-na-segodnya/> (accessed 21.03.2022)
6. COVID-19 Consequences for business and economy. Appendix to the report to the President of the Russian Federation of the Commissioner under the President of the Russian Federation for the Protection of the Rights of Entrepreneurs COVID-19. URL: https://www.garant.ru/files/5/8/1376885/doklad_bizness_ombudsmen_covid_19.pdf (accessed 12.03.2022)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ИЛИ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ: НОВАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Аннотация. *Изменение контуров и правил глобализованного мира с последующей общемировой нестабильностью может стать стимулом для новых интеграционных инициатив и поиска большей сплоченности перед угрозами. В международных отношениях преимущественно участвуют государства, способные создать соотношение между процессами глобализации и регионализации.*

Ключевые слова: *глобализация, управленческая парадигма, кризис, разрушение цепи поставок, регионализация.*

Возникновение глобального тренда неоиндустриализации было обусловлено принятием в последние годы рядом государств мер по обеспечению устойчивого развития национальных экономик. В самом общем виде неоиндустриализацию можно охарактеризовать как процесс построения экономических систем, отличающуюся высокой наукоёмкостью и пониженными по сравнению с традиционной индустрией трудо- и ресурсоёмкостью. Двумя основными линиями неоиндустриализации выступают промышленное возрождение в развитых странах и качественные преобразования в промышленности в наиболее передовых развивающихся странах. [3]

Важнейшей тенденцией последних десятилетий является взаимообусловленность процессов глобализации и регионализации, которые ранее традиционно рассматривались как противоположные друг другу.

В последнее время эксперты все больше и больше говорят о приближающемся конце глобализации, которому активно способствует пандемия. Эпидемия коронавирусной инфекции уже привнесла в мир немало перемен – жизнь приостановилась. Казалось бы, остановить глобализацию в современном мире уже невозможно, но сейчас, когда практически во всех странах бушует коронавирус, мы видим совершенно иную картину. Речь идет сегодня уже не о замедлении роста мировой экономики, а о значительном проседании, падении мирового ВВП. [5]

Одним из главных экономических последствий пандемии, вероятно, станет замена (полная или частичная) зарубежных поставщиков на внутренних. Международный опрос консалтингового общества EY показал, что почти половина всех фирм уже меняет схемы поставок из-за пандемии и сделает ставку на внутренние рынки, что приведет к концу глобализации в нынешнем виде. Международное разделение труда заменяет межрегиональное, залогом эффективности которого становится расширение прав и возможностей местных властей.

Компании находятся в зависимости друг от друга, строят цепочки поставок и зацикливаются на производстве чего-то одного, поскольку ни одна страна не может полностью контролировать все компоненты, необходимые её экономике. В обычное время это даже выгодно, так как можно обменять свой товар на другой. Действия стран во время пандемии коронавируса показали, что глобальная солидарность уступила место национальным интересам каждой страны. Глобализация работает на доверии: прежде производители могли позволить себе делать запасы расходных материалов, чтобы обезопасить себя в кризис, но в эпоху глобализации они привыкли полагаться на своевременные поставки. Проблема в том, что в разгар пандемии

поставки могут задерживаться. Ту роль, которую в мире до пандемии играли разные государства, теперь способны взять на себя города/регионы одной страны: в первую очередь, речь идет о специализации в производстве, выстраивании торговых цепочек. Самим регионам это позволит формировать стратегическую программу развития, ориентируясь не столько на государственную политику, сколько на собственные инфраструктурные и сырьевые возможности. Впоследствии такая стратегия способна привести к формированию горизонтальных контактов с зарубежными регионами. Пандемия продемонстрировала явное преимущество такой схемы, заключающееся в диверсификации вариантов поставок и снижении политического фактора (в случае закрытия границ, введения санкций и пр.).[1]

Основным инструментом должна стать знакомая нам специализация. По мнению некоторых отечественных учёных, разработанная теория экономического районирования и связанного с ней формирования хозяйственных региональных комплексов, работала. Суть данной теории состояла в выделении района либо выделенной специализированной территории внутри границ которой все экономические субъекты должны прямо или косвенно осуществлять функции специализации. Каждый такой район рассматривался как отдельный территориально производственный комплекс, объединяющий трудовые и природные ресурсы, промышленные предприятия и региональную инфраструктуру.[6]

Основу экономического потенциала каждого региона составляют предприятия тех видов экономической деятельности, на которых он специализируется они обеспечивают необходимой продукцией свой регион экспортируют её за пределами его территории другими словами участвуют в территориальном разделении труда комплексное развитие регионального промышленного производства предполагает укрепление экономических связей между отраслями рыночной специализацией и дополняющими отраслями.

Регионализацию необходимо рассматривать как часть глобальных процессов, а региональное управление – как часть системы глобального управления. В результате на практике мы можем применять большое разнообразие интеграционных форм на разных уровнях: от классических региональных организаций до интеррегиональных и трансрегиональных связей, формирующихся с учётом регионального и глобального контекстов. Одним из проявлений глобализации региональных процессов является расширение сферы деятельности региональных организаций. Пандемия выявила слабые стороны глобализированной производственной системы. На данный момент перед мировым сообществом стоит задача переосмысления архитектуры поставок, и в среднесрочной перспективе следует ожидать усиления процесса регионализации производственных цепочек. Регионализация может стать эффективным способом смягчения глобальных шоков. Этот процесс подразумевает укрепление сотрудничества между соседними странами, объединенными по региональному признаку, с целью создания эффективных и гибких цепочек поставок и снижения рисков чрезмерной зависимости от торговли с крупнейшими промышленно развитыми государствами и странами с формирующимся рынком [2].

Регионализация становится как никогда востребована, потому что исчезает глобальное доверие. Национальные государства вновь выступают в качестве гаранта безопасности и благосостояния граждан (эта роль была поставлена под сомнение во время экономической глобализации). Коронавирус хорошо показал недостатки зависимости от глобальной системы и, таким образом, открыл двери хозяйственной самообеспеченности.

Глобализация как концепция становится всё более конкурентной сферой, в которой различные регионы и страны начинают продвигать своё собственное видение того, как должен выглядеть мир.

Региональная теория обсуждается в экспертном сообществе уже достаточно давно, но нынешние эпидемиологические и политические обстоятельства позволяют направить на ее реализацию государственную поддержку.

В основании парадигмы глобального регионализма лежит представление о макрорегионе как об интегрированной социально-экономической, политической системе, обладающей гецивилизационной целостностью, социокультурной близостью и скрепленной рядом наднациональных политических институтов.

Глобальный регион, являясь самодостаточной системой, не является закрытой системой. Его специфическое свойство – открытость. Это открытая система, способная обмениваться ресурсами, энергией и информацией с внешней средой.

Регионализация, или регионализм, – весьма интересное и вместе с тем крайне сложное явление современного мира, имеющее множество различных аспектов, неудивительно поэтому, что универсального его определения не существует. В целом можно сказать, что регионализация представляет собой процесс интеграции локальных сообществ, расширения границ между территориально-социальными комплексами, сохранения этнических групп и создания самодостаточных экономических и политических образований.

В настоящее время меняется соотношение между глобальными и региональными составляющими мирового развития. Если ранее региональные проблемы находились в тени глобальных процессов, то сейчас регионализм оказывает все более заметное влияние на состояние системы международных экономических и политических отношений. Регионалистика исследует трансформацию территориальной организации производительных сил под воздействием внешних геополитических (геоэкономических) и внутренних факторов. Регионы способствуют защите общественных отношений от негативных вызовов глобализации и выступают в качестве самостоятельного субъекта международных отношений. Главной целью создания региональных союзов изначально было взаимовыгодное сотрудничество стран-участниц в общем русле глобализационных процессов. Но когда определились негативные последствия глобализации, одной из целей региональных сообществ стало противодействие этим негативным последствиям.

Вовлеченные в международную торговлю компании в интересах своей эффективности должны принимать максимально взвешенные и компромиссные решения по вопросам, связанным с трансформацией цепочек поставок. Форсированная трансформация несет высокие риски для финансовой устойчивости компаний и замедления темпов роста экономики на среднесрочном горизонте. Эти риски связаны прежде всего с высокими капитальными затратами на перемещение производств, а также возможным отвлечением ресурсов из других секторов экономики. Торговая политика стран может уменьшить сдерживающий эффект на рост потенциала экономики от перестройки цепочек поставок. Она должна быть ориентирована главным образом на снижение торговых барьеров при минимизации протекционистских мер, а также на развитие и извлечение максимальной выгоды от региональных торговых и таможенных союзов [4].

В условиях современных тенденций в глобальной экономике тема региональной интеграции, безусловно, сохраняет особую актуальность для подавляющего боль-

шинства государств. Региональная интеграция может способствовать смягчению последствий кризиса поставок, если она будет предполагать более низкие издержки по сравнению с ситуацией отсутствия такого вида взаимодействия между странами.

Регионализация может стать эффективным способом смягчения глобальных шоков. Этот процесс подразумевает укрепление сотрудничества между соседними странами, объединенными по региональному признаку, с целью создания эффективных и гибких цепочек поставок и снижения рисков чрезмерной зависимости от торговли с крупнейшими промышленно развитыми государствами и странами с формирующимся рынком.

Регионализация выступает как наиболее практически осуществимый формат многостороннего международного сотрудничества. Процесс складывания крупных региональных торгово-экономических партнерств набирает скорость, процесс формирования региональных политических и стратегических альянсов идет гораздо медленнее, но и здесь заметны сдвиги в направлении более глубокой интеграции.

Но регионализация содержит в себе и многочисленные риски – от институционализации конкуренции между региональными группировками до распада уже сложившихся глобальных технологических, информационных, финансовых и иных пространств. Жесткая регионализация способна создать препятствия для эффективного общемирового сотрудничества в решении глобальных задач безопасности и развития. Наконец, учитывая слабость многих региональных интеграционных проектов в Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке и на постсоветском пространстве, можно предположить, что регионализация окажется де-факто политически корректным эвфемизмом формирующейся биполярной структуры.

По всей видимости, очень важно добиться того, чтобы регионализация выступала не как альтернатива глобализации, но как необходимая ступень в процессе глобализации. Для этого, в свою очередь, нужно предусмотреть принципиальную совместимость отдельных региональных интеграционных группировок. Которые строятся на базе глубоких и устойчивых связей между экономическими субъектами стран-участниц. Формирование региональных интеграционных комплексов происходит не стихийно, а имеет договорно-правовую базу.

Локализация бизнеса – это путь к обновлению интеграционного взаимодействия между странами, «локализация не означает изоляцию отдельных сообществ друг от друга, а создание новой устойчивой основы для их взаимодействия. Локализация представляет собой важную стратегию устойчивости, которая направлена на сокращение тяжелого социально-экологического эффекта от экономической глобализации, что отражает адаптацию общества к усилению вызовов, создающих угрозу жизнедеятельности человека, таких как изменение климата. Этот процесс способствует росту самообеспеченности населения, улучшает социально-экологическую обстановку, снижает неравенство в доходах между различными слоями общества, устраняет несправедливо полученные отдельными странами преимущества в торговле и, в целом, способствует решению многих экономических и социальных проблем. И самое главное ведет к устойчивому развитию экономики региона.

Список литературы

1. Бойко И.В. Глобализация или локализация: новая управленческая парадигма XXI века // Управленческое консультирование. 2022. № 1. С. 64–75.

2. Дроздова Н.В. Территориально-производственные комплексы и региональные кластеры: преемственность и перспективы развития // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialno-proizvodstvennye-kompleksy-i-regionalnye-klastery-preemstvennost-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения 06.03.2022).
3. ЕАБР: Пандемия COVID19 усилит процессы регионализации производственных цепочек и придаст деглобализации дополнительный импульс. URL: <https://e-cis.info/news/566/88220/> (дата обращения 06.03.2022).
4. Ильиных Л.В. Эволюция форм территориальной организации промышленного производства // Успехи в химии и химической технологии. 2016. № 8 (177). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-form-territorialnoy-organizatsii-promyshlennogo-proizvodstva> (дата обращения 05.03.2022).
5. Конец глобализации: как коронавирус изменит мировую экономику. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/395669-konec-globalizacii-kak-koronavirus-izmenit-mirovuyu-ekonomiku> (дата обращения 15.03.2022).
6. Разрушит ли пандемия глобализацию? URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a5c7107830905c280ca4d92/razrushit-li-pandemiia-globalizaciiu-5eaa7a939f8dc519e867c598> (дата обращения 15.03.2022).
7. Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Аверьянова Ю.В. Трансформация глобальных цепочек создания стоимости России и стран Балтии вследствие эффектов пандемии COVID19: перспективы регионализации и следствия для экономической политики // Балт. рег. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-globalnyh-tsepochek-sozdaniya-stoimosti-rossii-i-stran-baltii-vsledstvie-effektov-pandemii-covid-19-perspektivy> (дата обращения 07.03.2022).

Информация об авторе

Грузан Андрей Владимирович (Донецкая Народная Республика, г. Донецк) – кандидат экономических наук, доцент, Донецкий национальный университет (ДНР, г. Донецк ул. Челюскинцев, д. 186; e-mail: gruzan_donnu@list.ru).

Hruzan A.V.

GLOBALIZATION OR REGIONALIZATION: A NEW MANAGEMENT MODEL

Abstract. *Changing the contours and rules of the globalized world, followed by global instability, can become an incentive for new integration initiatives and the search for greater cohesion in the face of threats. States that are able to create a correlation between the processes of globalization and regionalization are mainly involved in international relations.*

Key words: *globalization, management paradigm, crisis, destruction of the supply chain, regionalization.*

Information about author

Hruzan Andrey V. (Donetsk people's Republic, Donetsk city) – candidate of economic Sciences, associate Professor, Donetsk national University (DPR, Donetsk Chelyuskintsev str., 186. gruzan_donnu@list.ru).

Bibliography

1. Boyko I.V. Globalization or localization: a new management paradigm of the XXI century // Managerial consulting. 2022. № 1. P. 64-75.

2. Drozdova N.V. Territorial production complexes and regional clusters: continuity and development prospects // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialno-proizvodstvennye-kompleksy-i-regionalnye-klastery-preemstvennost-i-perspektivy-razvitiya> (accessed 06.03.2022).
3. EDB: The COVID–19 pandemic will strengthen the processes of regionalization of production chains and give deglobalization an additional impetus. URL: <https://e-cis.info/news/566/88220/> (date of address: 06.03.2022).
4. Ilyinykh L.V. Evolution of forms of territorial organization of industrial production // Successes in chemistry and chemical technology. 2016. № 8 (177). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-form-territorialnoy-organizatsii-promyshlennogo-proizvodstva> (accessed 03.05.2022).
5. The end of globalization: how the coronavirus will change the world economy. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/395669-konec-globalizacii-kak-koronavirus-izmenit-mirovuyu-ekonomiku> (accessed 03/15/2022).
6. Will the pandemic destroy globalization? URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a5c7107830905c280ca4d92/razrushit-li-pandemiia-globalizaciiu-5eaa7a939f8dc519e867c598> (accessed 03.15.2022).
7. Simachev Y.V., Fedyunina A.A., Averyanova Yu.V. Transformation of global value chains of Russia and the Baltic states due to the effects of the COVID–19 pandemic: prospects for regionalization and consequences for economic policy // Baltic Reg. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-globalnyh-tsepochek-sozdaniya-stoimosti-rossii-i-stran-baltii-vsledstvie-effektov-pandemii-covid-19-perspektivy> (accessed 07.03.2022).

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ СОЧЕТАННЫХ ШОКОВ: ПОИСК ПУТЕЙ ВЫХОДА

Аннотация. Рассмотрены следствия эксклюзии России из европейско-американского рынка. Совокупность политических, финансовых, социальных кризисных факторов охарактеризована посредством вводимой авторами категории «сочетанный экономический шок». Сформулированы приоритеты экономического развития и базовые рекомендации, направленные на преодоление сложившейся ситуации.

Ключевые слова: экономический кризис, санкционное давление, сочетанный экономический шок, поведенческая экономика, приоритеты экономического развития.

Сформулируем исходный для последующих рассуждений тезис: эксклюзия России из европейско-американского рынка стала свершившимся фактом. Экономика нашей страны в очередной раз оказалась на грани провала. О выходе из России заявили не только компании сектора B2C (например, крупные бренды одежды и косметики: H&M, Tommy Hilfinger, Levi's, L'Oreal, Sephora; ресторанная сеть McDonald's и проч.), но и производители высокотехнологичной продукции (хотя справедливости ради надо отметить, что и в потребительском секторе присутствуют множество высокотехнологичных продуктов), программного обеспечения, электроники (Apple, Microsoft, автопроизводители Volkswagen, Volvo, General Motors и т.д.) и проч.

Более того, сложившуюся ситуацию усугубляет и непродолжительность периода, отделяющего сегодняшний день от шока периода предшествующего: по состоянию на март 2022, с момента объявления о начале распространения в нашей стране эпидемии коронавирусной инфекции прошло всего три года. И сегодня народнохозяйственный комплекс ещё в должной степени не восстановился после этого шока. Да и, строго говоря, факт окончания пандемии ещё не установлен.

Кроме того, российская экономика с 2013 года функционирует в режиме непрерывно усиливающегося на нее внешнего давления. За этот период, по данным агентства РБК, в отношении российских физических лиц принято 525, а в отношении юридических лиц – 630 санкционных мер [1]. По данным же издания КоммерсантЪ со ссылкой на базу данных по отслеживанию санкций Castellum.ai, против России введено 5,5 тыс. санкций [7].

Поводом для последней волны санкционного давления стали события февраля текущего года. Согласно информации агентства Bloomberg [9], только за две недели (с 22 февраля по 8 марта 2022) под ограничения попали еще 2778 российских объекта. Общее число подсанкционных объектов превысило 553. Подавляющее большинство санкций – 2427 – введено против физических лиц; под ограничения попали также 343 юридических лица (компании или государственные учреждения). В приведенной статистике не учтены санкции секторального характера. Под ограничительные меры последнего рода попадают, по состоянию на середину марта 2022 банковско-финансовый, оборонный, энергетический, авиационный, автомобильный, IT сектора российской экономики и др. [8]. Изложенное позволяет утверждать, что в настоящее время экономика России находится в состоянии сочетанных шоков. По мнению авторов, именно эта привнесенная из медицинской терминологии категория наилучшим образом отражает ключевые условия функционирования отече-

ственного народно-хозяйственного комплекса. Очевидно, подобная совокупность обстоятельств свойственна не только текущей ситуации, но, очевидно, она останется актуальной и в среднесрочной, и в долгосрочной перспективе.

Под сочетанным шоком мы понимаем экономический кризис, осложненный накопившимися структурными, управленческими и социальными проблемами. При этом, кризисы и сами по себе являются наиболее драматическими фазами экономических циклов. Если возникновение кризисов нельзя свести к какой-то одной причине, то тем более это относится к сочетанным шокам. Хотя циклическое развитие экономики обусловлено объективными причинами, смена ожиданий и общественные настроения (тем более, такие как резкий переход от оптимизма/эйфории к пессимизму/панике), играют особую роль при сочетании шока.

В основе поведения экономических агентов, принятия ими решений лежит их понимание ситуации, а их оценки и психологические реакции могут существенно углубить или сгладить диспропорции, способствовать или препятствовать росту деловой активности, ускорить или задержать наступление новой фазы цикла и т. п.

Существенное влияние на шоковую реакцию оказывают социально-психологические факторы и, в частности, резкая смена экономических ожиданий, социальных настроений и планов, влияющих на поведение производителей, продавцов и потребителей. А сочетанный шок всегда связан с ошибками в предположениях, допущениях, планах и решениях политиков и предпринимателей.

Экономические кризисы порождаются множеством причин, причем в зависимости от исходного уровня развития экономики страны, фазы цикла и других факторов (политических и социальных) они могут быть прямо противоположными. Так, например, к кризисам могут приводить как избыток, так и недостаток товаров, капиталов и основных фондов.

Как известно, экономический цикл состоит из четырех фаз: оживления, когда после предшествующего падения производства и застоя начинается экономический рост; подъема – периода ускорения экономического роста, процветания, экономического бума; рецессии, во время которой бурный рост инвестиций сменяется кризисом и экономическим спадом; депрессии или застоя, во время которых спад прекращается, но роста еще нет.

Некоторые авторы выделяют только две основные фазы: подъема и спада, а кризисные моменты, возникающие на высшей и низшей точках цикла, рассматривают как точки перелома/перегиба [5]. Поведенческие экономические теории в качестве факторов, способствующих росту или падению объемов инвестирования, рассматривают оптимизм и пессимизм экономических агентов.

На фазе спада решаются проблемы выживания, а на фазе подъема переходят к планам долгосрочных вложений, расширения бизнеса и выходов на новые рынки. Для этой фазы характерен рост экономического оптимизма. Оптимизм характерен для фаз оживления и подъема, а пессимизм – для фаз рецессии и депрессии [3, с. 127].

Объективные обстоятельства преломляются восприятием человека, основанном на его предыдущем опыте. Поэтому экономическое поведение нельзя предсказать на основе лишь объективных данных (уровня ставки кредита, роста спроса, изменения технологии и т. п.). Особенно ярко это проявляется во время кризисов и, тем более, в условиях сочетанных шоков.

Шок обнажает структурные диспропорции и проблемы управления, накопившиеся за предшествующий период (и во многом переформатирует их). Политические

и социально-психологические факторы оказывают наибольшее влияние во время кризисной фазы экономического цикла. Особое значение этот аспект приобретает при сочетанных шоках.

При сочетанном шоке реакция на быстро изменившиеся негативные события, как правило, бывает нерациональной, а то и панической. Смена настроений во время шока не бывает плавной, решения принимаются в цейтноте, а количество ошибок и их масштаб возрастают под влиянием кризиса и необходимости быстро реагировать в тяжелой, сложной и быстро меняющейся ситуации.

Шоковая ситуация требует принятия быстрых решений в условиях высокой неопределенности, дефицита достоверной информации и времени - возрастает количество ошибок. Между тем на глобальных рынках разница между стоимостью правильного и почти правильного действия может составлять сотни миллионов долларов [5, с.404].

С позиций поведенческой экономики, восприятие экономических акторов, с одной стороны, отражает объективную кризисную ситуацию, а с другой, формирует ее. При экономической и социальной неустойчивости, опыт (позитивный или негативный) взаимодействия и доверие/недоверие к проводимой стратегии выхода из кризиса будет влиять как на его ход, так и на степень его разрушительности. От состояния общества - качества связей и взаимодействия экономических, социальных и государственных институтов, предпринимательства, правительства, гражданского общества, равно как и от выбранной стратегии выхода из кризиса будет зависеть и то, как он будет проходить и степень его разрушительности.

Выход из шокового состояния связан с улучшением ситуации и ростом деловой активности, а для него необходима смена пессимистических ожиданий на хоть сколько бы ни будь осторожный оптимизм. Возникает надежда, что худшее осталось позади – только так преодолевается шоковое состояние.

Таким образом, задача сохранения экономики на достигнутом/фактическом уровне стала в настоящее время ключевой. Дезагрегируя ее, можно выделить несколько блоков необходимых и во многом взаимосвязанных решений.

Первый из них относится к временному периоду. Представляется, что все меры, предпринимаемые в этом направлении, должны разделяться на краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные. К числу первых мы относим экстренные способы коррекции производственных цепочек (налаженных логистических связей и цепочек поставок) с ориентацией на доступные международные рынки. В первую очередь, это относится к высокотехнологической продукции импортного происхождения. Вне всяких сомнений параллельно следует разворачивать средне- и долгосрочную отечественную программу импортозамещения. Некоторые эксперты справедливо относят к числу экстренно нуждающихся в обеспечении пищевую и фармотрасли.

Второй блок заключается в выборе и принятии решений на основе секторального подхода. Меры в наиболее общем виде могут быть сведены к выделению приоритетных с точки зрения предоставления помощи в различном формате секторов и отдельных хозяйствующих субъектов.

Третий блок связан с субъектами принятия решений в части мер поддержки экономики. В этом контексте следует говорить о распределении ответственности между субъектами-участниками процесса: государством в лице федеральных и региональных властей; бизнес-сообществом и гражданским обществом.

Следует отметить, что государство в лице его федеральных и региональных органов достаточно оперативно отреагировало на изменение обстановки. Так, на федеральном уровне анонсирован План правительства по поддержке российской экономики. Этот план предусматривает расходы федерального бюджета в размере свыше 1 трлн руб., в т.ч. по мерам секторальной поддержки: транспортной отрасли - 275 млрд руб., строительной сферы и ЖКХ - 99,8 млрд руб. промышленности - 20 млрд руб., малого и среднего бизнеса - 23,3 млрд руб. [4]. Обозначены приоритетные направления импортозамещения. В их число Глава Минпромторга РФ Д. Мантуров включил авиастроение, радиоэлектронику, реабилитационную индустрию, фармацевтику и энергетическое машиностроение, отметив, что «основными задачами на сегодня является обеспечение работы фабрик и заводов, с акцентом на ускоренное импортозамещение» [6].

Следующим этапом импортозамещения он назвал «формирование независимости по биологическим и химическим субстанциям, сырью и оборудованию» [6].

Однако по этому поводу существуют и иные экспертные оценки. Согласно одному из них, в первую очередь необходимо наладить локальное производство в отраслях экономики как [2]: промышленное станкостроение (доля импортных станков более 50% в пищевой промышленности и более 60% в нефтедобывающей и тяжелой промышленности); электронная промышленность (доля импорта 80-90%); легкая промышленность (доля импорта 70-90%); медицинская промышленность (доля импорта 70-80%); тяжелое машиностроение (доля импорта 60-80%); машиностроение для пищевой промышленности (доля импорта 60-80%). фармацевтическая отрасль (доля импорта около 50%),

О продвижении регионов по вектору импортозамещения заявили главы регионов России (г. Москвы, Орловской области, Краснодарского края и др.), однако в качестве основных направлений такового обозначены и рассматриваются безусловно важные, но не ключевые с точки зрения инновационного развития отрасли: аграрная, строительная (фрагментарно), пищевая (общественное питание), туристическая, реже – IT (фрагментарно) и некоторые другие.

Можно найти и конкретные примеры успешного импортозамещения [2].

Экспертами называются следующие позиции, являющиеся, по их мнению, приоритетами развития [2]:

- для промышленности – диверсификация производства;
- для массовой продукции — обеспечение ценовой конкурентоспособности;
- для машиностроения — обеспечение технологического развития, в том числе завоевание новых рынков.

Помимо изложенного, к числу базовых рекомендаций, направленных на преодоление сложившейся ситуации, могут быть отнесены:

- нацеленность на удовлетворение спроса совокупного (B2B и B2C) внутреннего российского потребителя;
- переориентация на открытые для РФ азиатские и латиноамериканские рынки;
- выстраивание новых/замещающих технологических цепочек;
- использование любых доступных мер поддержки, и в первую очередь, государственной;
- поиск нестандартных методов и способов поддержания и ведения бизнеса;
- поиск путей сохранения кадров и накопленного человеческого капитала.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР ФГБУН Института проблем региональной экономики РАН на 2021-2023 гг.

Список литературы

1. Восемь лет санкций против России // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/10/2021/5bffb0f09a79470ff5378627?> (дата обращения 10.03.2022).
2. Глава Минпромторга РФ перечислил приоритетные направления для импортозамещения // Газета. RU. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/03/10/17407963.shtml?updatedd> (дата обращения 22.03.2022).
3. Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.
4. «Известия» узнали о плане потратить свыше ₽1 трлн на поддержку экономики // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/03/2022/622aa4149a7947a8b4895c0c> (дата обращения 22.03.2022)
5. Импортозамещение в России в 2022 году. URL: <https://emigrating.ru/20-03-2022-importozameshhenie-v-rossii-v-2022-godu-poslednie-novosti/> (дата обращения 22.03.2022)
6. Россия занимает первое место в мире по числу введенных санкций // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5249730> (дата обращения 10.03.2022)
7. Самуэльсон П., Нордхаус В. Макроэкономика. М.: Вильямс, 2009.
8. Удар по всем отраслям: главное о новых санкциях // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/239494/>
9. Хаберлер Г. Процветание и депрессия: Теоретический анализ циклических колебаний. Челябинск: Социум, 2008.
10. Bloomberg назвал Россию мировым лидером по количеству санкций // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/03/2022/6226867a9a7947db2e9e223b> (дата обращения 10.03.2022).

Информация об авторах

Джанелидзе Михаил Георгиевич (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38; e-mail: ipre-dj@yandex.ru).

Шестакова Наталия Николаевна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38; e-mail: nnshestakova@gmail.com).

Djanelidze M.G., Shestakova N.N.

THE RUSSIAN ECONOMY IN CONDITIONS OF COMBINED SHOCKS: FINDING WAYS OUT

Abstract. *The consequences of Russia's exclusion from the European-American market are considered. The totality of political, financial, and social crisis factors is characterized by the category "combined economic shock" introduced by the authors. The priorities of economic development and basic recommendations aimed at overcoming the current situation are formulated.*

Key words: *economic crisis, sanctions pressure, combined economic shock, behavioral economics, economic development priorities.*

Information about authors

Djanelidze Mikhail G. – candidate of economic science, associate professor, leading research fellow, Institute for Regional Economy Studies of the Russian Academy of Science (190013, Russia, Sankt-Petersburg, Serpukhovskaya st., 38. ipre-dj@yandex.ru).

Shestakova Natalia N. – candidate of technical science, associate professor, leading research fellow, Institute for Regional Economy Studies of the Russian Academy of Science (190013, Russia, Sankt-Petersburg, Serpukhovskaya st., 38. nnshestakova@gmail.com).

Bibliography

1. Eight years of sanctions against Russia // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/03/2022/6226867a9a7947db2e9e223b> (accessed 10.03.2022).
2. The Head of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation listed priority areas for import substitution // Gazeta.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/03/10/17407963.shtml?updatedd> (accessed 22.03.2022).
3. Greenspan A. The era of upheaval. Problems and prospects of the global financial system. Moscow: Alpina Business Books. 2009.
4. Izvestia learned about the plan to spend over P1 trillion to support the economy // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/03/2022/622aa4149a7947a8b4895c0c> (accessed 22.03.2022).
5. Import substitution in Russia in 2022 year - latest news. URL: <https://emigrating.ru/20-03-2022-importozameshhenie-v-rossii-v-2022-godu-poslednie-novosti/> (accessed 22.03.2022).
6. Russia ranks first in the world in terms of the number of sanctions imposed // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5249730> (accessed 10.03.2022)
7. Samuelson P., Nordhaus V. Macroeconomics. M.: Williams. 2009.
8. Blow to all industries: the main thing about new sanctions // Pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/story/239494/>
9. Haberler G. Prosperity and Depression: Theoretical analysis of cyclic oscillations. Chelyabinsk: Socium. 2008.
10. Bloomberg called Russia the world leader in the number of sanctions // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/03/2022/6226867a9a7947db2e9e223b> (accessed 10.03.2022).

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. Представлен авторский подход к исследованию процессов цифровизации с позиций рассмотрения их как социально-экономического контекста. Предпринята попытка с помощью SWOT-анализа систематизировать сильные и слабые стороны, потенциальные эффекты цифровизации и связанные с ней риски. Рассмотрены свойства и качества носителей человеческого капитала с точки зрения их вовлеченности в процессы цифровизации, а также с позиций овладения работниками совокупностью компетенций цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, инновационное развитие, производственные отношения, вовлеченность носителей человеческого капитала в процессы цифровизации, совокупность компетенций цифровой экономики.

В настоящее время цифровые технологии проникают, пронизывают и меняют все экономические, промышленные и социальные сектора – от здравоохранения до энергетики. Процессы цифровизации охватывают все больше сфер и отраслей экономики, и модернизируют большинство профессий, а также меняют образ жизни и повседневные практики большинства людей. Экономические и социальные следствия цифровизации многочисленны и разнообразны, некоторые из них бросаются в глаза, другие лишь намечаются. По сути, сейчас цифровизация стала основным технологическим драйвером и центральным звеном формирующегося технико-экономического уклада. По информации журнала Forbes, более половины компаний, еще недавно, в 2000 г., входивших в число 500 крупнейших корпораций мира по версии рейтинга Fortune, прекратили свое существование, поскольку не сумели адаптироваться к трансформирующимся условиям функционирования [1].

Очевидно, что процесс цифровизации протекает неравномерно как в отраслевом, так и в пространственном аспекте, а доступность цифровой инфраструктуры и сервисов становится одним из необходимых условий развития территорий и его значение неуклонно усиливается. Не случайно еще на Московском финансовом форуме (МФФ, 2017) особо были выделены две темы: «Новое качество государственного управления» и «Цифровизация экономики». Эти направления совершенно справедливо рассматривались в качестве тесно взаимосвязанных инфраструктурных условий, необходимых для развития экономики.

Но, нам представляется, вне поля зрения при этом остаются базовые социальные условия успешной имплементации цифровых технологий. И, с этой точки зрения, магистральным направлением исследований, по нашему мнению, должен стать анализ происходящей при цифровизации трансформации производственных и экономических отношений, лежащих в основе цифрового этапа инновационного развития. Потенциал развития при этом будет зависть не столько от использования возможностей управления, предоставляемых цифровизацией, сколько от состояния человеческого и социального капитала общества, формируемого как в рамках трудовых отношений, так и в более широком социально-экономическом контексте (т.е., другими словами, от развития производственных отношений, которые будут соответствовать новому состоянию производительных сил).

Обратимся к исследованию основных эффектов цифровой трансформации. Авторы предприняли попытку систематизировать таковые, используя распространенный метод SWOT-анализа (таблица).

Что же касается позиций Российской Федерации в международных сравнениях, то положение нашей страны весьма неплохо: по индексу развития электронного правительства в 2020 г. Россия занимала 36 место в мире [2, с. 31].

SWOT-анализ эффектов цифровой трансформации

S (Strengths) сильные стороны	W (Weaknesses) слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • возможность получения, хранения, копирования, переработки и передачи практически любой информации в цифровом виде; • появление цифровых платформ, обеспечивающих: <ul style="list-style-type: none"> - доступ к различным товарам и услугам; - развитие на этой основе новых форм бизнеса; • возможность организации занятости в удаленном доступе и возможность вовлечения в трудовую деятельность <i>традиционно исключенных из нее</i> групп населения; • ускорение и упрощение проведения финансовых транзакций; • снижение себестоимости: <ul style="list-style-type: none"> - продукции, услуг - рыночных транзакций; • появление цифровых двойников разного рода объектов и процессов, позволяющих принципиально экономить материальные и финансовые ресурсы 	<ul style="list-style-type: none"> • зависимость от возможных сбоев обеспечивающей (информационной и энергетической) инфраструктуры; • лавинообразный рост объемов поступающей информации; • высокая скорость устаревания и низкая степень достоверности информации, проблема релевантности информации в качестве следствия; • недостаток квалифицированных специалистов в области цифровизации; • рост зависимости от IT специалистов; • рост внешних рисков для национальных экономик; • глобальные финансовые риски; • турбулентность экономического развития
T (Threats) угрозы	O (Opportunities) возможности
<ul style="list-style-type: none"> • киберугрозы в части проблем защиты коммерческой информации и персональных данных; • проблема «цифрового рабства» на основе использования персональной информации в целях контроля поведения людей; • замена «живого» труда «искусственным» (ИИ, роботы, нейросети и проч.); • рост безработицы в связи с исчезновением определенных профессий; • переход части принимаемых решений к искусственному интеллекту и алгоритмизация принимаемых решений; • возникновение цифрового неравенства или цифрового разрыва, т.е. различий в доступе к цифровым технологиям: <ul style="list-style-type: none"> - разная степень проникновения цифровых технологий в различные отрасли и сферы деятельности; - неравномерность распространения цифровизации в пространственном аспекте; - межпоколенческое неравенство 	<ul style="list-style-type: none"> • рост производительности труда; • повышение конкурентоспособности экономических агентов; • снижение себестоимости продукции и услуг; • увеличение доступности товаров и упрощение их вывода на глобальные рынки; • повышение доступности и снижение стоимости услуг (как коммерческих, так и государственных); • повышение адресности удовлетворения запросов потребителей секторов B2B и B2C; • повышение скорости доработки предполагаемых продуктов под новые ожидания и потребности их потенциальных пользователей; • создание новых видов деятельности, отраслей, профессий, рабочих мест; • снижение социального и экономического неравенства; • совершенствование системы (государственного) управления на основе анализа «больших» данных.
<p>Источник: составлено авторами.</p>	

Цифровизация (и ее приложения) является не просто ключевой сквозной технологией, а тем технико-экономико-социально-культурным комплексным процессом, который преобразует в настоящее время все стороны жизни общества. Именно она лежит в основе формирующегося сейчас технологического уклада.

При этом более подробно исследованы технические аспекты цифровизации и в значительно меньшей степени ее социальные/гуманитарные и экономические аспекты. Последние, как правило, рассматриваются с точки зрения ее потенциальных выгод и угроз. Характеристики же социально-экономической среды, определяющих успешность ее имплементации, остаются практически вне поля исследования.

Возможности инновационного развития на цифровом этапе во многом определяются переходом от экономики ресурсов к экономике знаний. Если в первом случае власть и рычаги управления сосредоточены у собственников экономических ресурсов, то во втором – резко возрастает ценность знания, что ведет к росту значения человеческого и социального капитала и корреспондирующей с этим сменой модели управления.

Последний тезис предполагает исследование свойств и качеств носителей человеческого капитала с точки зрения их вовлеченности в процессы цифровизации и, в первую очередь, с позиций овладения работниками совокупностью компетенций цифровой экономики. Этот перечень описан различными документами. Приведем два из них.

Первый представляет собой описание «комплекса жестких, гибких и специальных цифровых компетенций», которыми должен обладать специалист. Он расположен на сайте электронного Правительства РФ и включает в себя [3]:

- глубокое понимание своей области, а также знания и опыт в смежных сферах («Т-образный специалист»);
- понимание возможностей и рисков, связанных с применением новых технологий;
- владение методами проектного управления;
- «цифровую ловкость»;
- владение инструментарием работы с большими данными и инструментами визуализации;
- понимание основ кибербезопасности;
- навыки работы с базами данных;
- системное мышление;
- эмоциональный интеллект;
- командную работу;
- способность к непрерывному обучению;
- умение решать задачи «под ключ»;
- адаптивность и работу в условиях неопределенности».

Обратим внимание: каких-либо пояснений к позиции «цифровая ловкость» не приводится.

Второй документ – Приказ Минэкономразвития России «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика РФ»» [4] – содержит строго формализованный перечень ключевых компетенций цифровой экономики, включающий:

- коммуникацию и кооперацию в цифровой среде;
- саморазвитие в условиях неопределенности;
- креативное мышление;
- управление информацией и данными;
- критическое мышление в цифровой среде.

В целом можно констатировать, что оба документа демонстрируют сходство подходов и вполне отвечают объективным требованиям времени. Однако очевидно, что – в любом случае – речь идет о достаточно сложном и взаимосвязанном конструкте.

Фактические же показатели овладения населением цифровыми навыками оказываются, по данным НИУ ВШЭ (2020), следующими [2, с. 163]: навыками, превышающими базовый уровень располагает 12,1% российского населения старше 15 лет; базовым уровнем – 26,1%; ниже базового уровня – 40,1%; у 1,6% жителей России эти навыки отсутствуют вовсе.

Согласно же информации Всемирного экономического форума, по Индексу цифровых навыков населения (*Digital skills among active population*), Россия в 2019 занимала 27 место из 129 стран, поднявшись за год на 10 позиций [2, с. 36-38].

Для целей анализа экономико-социальных условий и последствий цифровизации, важно понимать, что ее процессы имеют три различных стадии прохождения:

- оцифровки – перевода аналоговой информации на цифровой носитель;
- собственно цифровизации – использование цифровых технологий для связи (коммуникации), обработки и представления информации;
- цифровой трансформации – изменение производственного процесса и бизнес-модели на основе цифры.

Из этого следует вывод, что цифровая трансформация (в отличие от цифровизации) является даже не столько технико-технологическим процессом, сколько социально-экономическим. И, в соответствии с этим выводом, условия ее имплементации переходят из технико-технологической плоскости в значительно более широкий социально-экономический фрейм.

С позиций теории управления любая экономическая организация представляет собой систему, состоящую из частей, имеющих не только свои цели, но и собственные интересы. Одной из основных характеристик экономических систем является их сложность и вероятностная природа.

Сложность системы определяется количеством составляющих ее элементов и возможных связей между ними. Степень сложности измеряется разнообразием системы. Фундаментальным принципом управления, открытым У. Эшби, является закон необходимого разнообразия, в соответствии с которым уровень разнообразия управляющей системы должен соответствовать уровню разнообразия управляемой системы [5]. Отсюда, в частности, следует, что невозможно создать простую систему управления для управления сложными системами и процессами. Другая причина растущей сложности управления национальной экономикой связана с резко ускорившимися темпами изменения внешней среды, как под влиянием глобализации, так и инновационного развития. Закон же необходимого разнообразия управления определяет, что для успешного противостояния среде, сложность и быстрота решений должны соответствовать сложности и скорости изменений, происходящих во внешней среде.

Изложенное приводит нас к следующим выводам.

Экономическая эффективность цифровых технологий будет зависеть от трансформации системы управления, причем выйти на уровень цифровой трансформации (который и позволяет в полной мере использовать преимущества цифровизации) можно лишь на базе новых организационных и/или экономических моделей деятельности.

Безусловным требованием успешной имплементации цифровых технологий является наличие кадров, обладающих достаточным уровнем овладения цифровыми компетенциями.

Необходимым этапом цифровизации становится организационное проектирование и реорганизация управленческих и производственных процессов.

Список литературы

1. Обратная сторона цифровизации // Стратегия. URL: <https://strategyjournal.ru/innovatsii/obratnaya-storona-tsifrovizatsii/> (дата обращения 14.03.2022).
2. Индикаторы цифровой экономики: 2021: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 380 с.
3. Базовые компетенции цифровой экономики. URL: <https://digital.ac.gov.ru/poleznaya-informaciya/4166/> (дата обращения 14.03.2022).
4. Приказ Минэкономразвития России от 24 января 2020 г. № 41 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Приложение 2. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bd31fe31b5135c35e402b702c346f304/41_24012020.pdf (дата обращения 14.03.2022).
5. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М., 1959. 432 с.

Информация об авторах

Джанелидзе Михаил Георгиевич – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38; e-mail: ipre-dj@yandex.ru).

Шестакова Наталия Николаевна – кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38; e-mail: nnshestakova@gmail.com).

Djanelidze M.G., Shestakova N.N.

SOCIAL CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. *The author's approach to the study of digitalization processes is presented from the standpoint of considering them as a socio-economic context. An attempt was made to systematize the strengths and weaknesses, potential effects of digitalization and associated with it risks using SWOT-analysis. The properties and qualities of the carriers of human capital are considered from the point of view of their involvement in the processes of digitalization, as well as from the standpoint of mastering the set of competencies of the digital economy by employees.*

Key words: *digitalization, digital transformation, innovative development, industrial relations, involvement of human capital carriers in digitalization processes, set of competencies of the digital economy.*

Information about the authors

Djanelidze Mikhail G. – candidate of economic science, associate professor, leading research fellow, Institute for Regional Economy Studies of the Russian Academy of Science (190013, Russia, Sankt-Petersburg, Serpukhovskaya st., 38. ipre-dj@yandex.ru).

Shestakova Natalia N. – candidate of technical science, associate professor, leading research fellow, Institute for Regional Economy Studies of the Russian Academy of Science (190013, Russia, Sankt-Petersburg, Serpukhovskaya st., 38. nnshestakova@gmail.com).

Bibliography

1. The reverse side of digitalization // Strategy. URL: <https://strategyjournal.ru/innovatsii/obratnaya-storona-tsifrovizatsii/> (accessed 03.24.2022).
2. Indicators of the digital economy: 2021: statistical collection. M.: NRU HSE, 2021. 380 p.
3. Basic competencies of the digital economy. URL: <https://digital.ac.gov.ru/poleznaya-informaciya/4166/> (accessed 03.14.2022).
4. Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated January 24, 2020 No. 41 “On approval of methods for calculating the indicators of the federal project “Personnel for the Digital Economy of the National Program “Digital Economy of the Russian Federation” Appendix 2. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bd31fe31b5135c35e402b702c346f304/41_24012020.pdf (accessed 03.14.2022).
5. Ashby W. R. Introduction to Cybernetics. M., 1959. 432 p.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СФЕРЕ ЖКХ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

Аннотация. Работа посвящена одному из факторов, влияющих на устойчивое развитие региона – негативному девиантному поведению. Негативное девиантное поведение и виды его проявления рассматриваются на примере одного из важнейших сегментов социального сектора экономики – сферы ЖКХ.

Ключевые слова: устойчивое развитие региона, ЖКХ, девиантное поведение, коррупция, вандализм.

Главная, основная цель развития экономики региона – повышение качества жизни населения, проживающего на его территории. Устойчивое развитие региона как системы зависит от слаженного функционирования всех подсистем. Одной из важнейших подсистем является ЖКХ. От эффективного функционирования этой подсистемы зависит как количество, так и качество человеческого капитала региона. Регион, предоставляющий носителям человеческого капитала хорошие условия проживания, то есть широкие возможности выбора качественного жилья, а также обеспечение жилого фонда эффективной системой поддержания и ремонта и качественную инфраструктуру тем самым повышает свою конкурентоспособность в привлечении человеческого капитала на свою территорию.

Среди негативных факторов, непосредственно влияющих на функционирование ЖКХ в регионе можно отметить девиантное поведение, проявляющееся в различных формах.

Одной из самых вредоносных форм девиантного поведения в сфере ЖКХ является коррупция. Коррупционные преступления, встречающиеся в сфере ЖКХ это: присвоение и растрата, мошенничество, а также получение и дача взятки и посредничество во взяточничестве, злоупотребление полномочиями и некоторые другие. Такие преступления имеют повышенную общественную опасность и могут наносить достаточно крупный ущерб, как материального характера, так и нематериального характера в виде утраты доверия населения, подрыва авторитета и престижа власти.

Как отметил в своем выступлении на парламентских слушаниях первый зампред Комитета Государственной Думы по госстроительству и законодательству Юрий Синельщиков, 4 трлн. руб. – годовой оборот в сфере ЖКХ. При этом, в этой сфере за 2021 год было зарегистрировано 2154 преступления, а материальный ущерб составил 2,3 миллиарда рублей. [17] Наиболее часто встречающимися способами совершения преступлений в сфере ЖКХ являются хищения денежных средств, которые предназначены для обеспечения функционирования системы ЖКХ. [15] Так, например, в 2021 году в Московской области по результатам прокурорской проверки было возбуждено уголовное дело по факту хищения генеральным директором управляющей компании и его соучастниками денежных средств в размере более 30 млн. рублей, подлежащих перечислению в счет оплаты за коммунальные услуги. [8] В том же 2021 году в Волгоградской области был вынесен приговор по уголовному делу в отношении директора управляющей компании, который перевел на счет подконтрольной организации денежные средства жильцов, полученные в качестве оплаты за коммунальные услуги в размере около 1 млн. руб. [2] Одними из традиционных

для сферы ЖКХ коррупционных преступлений являются дача и получение взятки, а также посредничество во взяточничестве. Хотя эти преступления являются преступлениями высокой латентности, тем не менее, эффективная работа правоохранительных органов позволяет их выявлять. Так, например, в начале 2022 года при получении взятки был задержан начальник государственной жилищной инспекции по Приморскому краю [6], а в 2021 году при получении взятки в 2 млн. 5 тыс. руб. был задержан замминистра ЖКХ Новосибирской области (взятка была признана самой большой из полученных в Новосибирской области в 2021 году) [1].

Также, некоторые проявления девиантного поведения в сфере ЖКХ мы можем сгруппировать под условным названием «безответственное отношение граждан к жилью и необходимости оплачивать коммунальные услуги». Прежде всего, в эту группу мы включаем создание задолженности по оплате коммунальных услуг. Жилищный кодекс Российской Федерации к обязанностям собственников и нанимателей жилых помещений относит, в том числе и своевременную и полную оплату за жилые помещения и жилищно-коммунальные услуги. По данным Минстроя РФ, долги населения по жилищно-коммунальным услугам составили к началу октября 2019 года 570 млрд. руб., а к концу 2019 года – 615 млрд. руб. и в октябре 2020 года – 625 млрд. руб. [9; 11; 16]. Разумеется, задолженности такого рода могут образовываться по уважительным причинам, таким, например, как временная потеря работы или невозможность заплатить за жилищно-коммунальные услуги онлайн во время пандемии, однако, нередко задолженности образуются в результате принципиального нежелания платить (например, в качестве протеста против высоких с точки зрения человека тарифов или в случае с асоциальными личностями – из безразличия к своим обязанностям).

Во-вторых, мы можем выделить такой вид девиантного поведения в сфере ЖКХ как использование жилых помещений способом, приводящим их к повреждению, которое может выражаться в различных формах. Например, это может быть не осуществление своевременного ремонта занимаемого жилого помещения, содержание в квартирах чрезмерно большого количества животных при отсутствии должной уборки, использование квартиры в качестве хранилища для мусора, неосторожное обращение с огнем, осуществление незаконных перепланировок, и т. д. Наибольшую опасность из вышеперечисленного представляют незаконные перепланировки, а также нарушение правил безопасности при строительных работах при производстве перепланировок, поскольку они могут привести к разрушению жилого помещения и других помещений, расположенных в том же здании, а также привести к гибели людей. Из наиболее ярких примеров можно привести трагедию в Ярославле, когда гражданин приобрел квартиру на первом этаже многоквартирного дома и начал работы по перепланировке без каких-либо согласований и проекта перепланировки. В результате сноса внутренних перегородок и других действий в процессе перепланировки произошло обрушение подъезда из шести квартир и погиб человек [18]. В 2017 году, в Санкт-Петербурге в результате перепланировки квартиры в Петроградском районе произошло обрушение потолка и деформация межэтажных перекрытий на четырех верхних этажах [13]. Использование квартиры как хранилища мусора представляет реальную угрозу здоровью людей, проживающих в здании, поскольку способствует появлению мух, тараканов и крыс, в свою очередь разносящих инфекционные заболевания. Кроме того, подобные действия способствуют приведению в негодность жилищного фонда. Как правило, люди, в таких квартирах не доволь-

ствуются хранением собственного мусора, а приносят в квартиры мусор с помоек, видя в нем «предметы, представляющие ценность». Со временем, захламленность этих квартир может достигать просто огромных масштабов. В 2018 году в одном из российских городов из квартиры было вывезено семь КамАЗов мусора, а очистка квартиры заняла два дня [14]. Обычно такого рода девиантное поведение связано с наличием у человека психического расстройства. Это может быть как проявлением старческой деменции, так и последствием черепно-мозговых травм или проявлением шизофрении. Люди, страдающие патологическим накопительством, обычно не считают это проблемой и всячески противодействуют приведению помещения в порядок, поскольку испытывают дискомфорт от расставания со своими «запасами». Содержание в квартире чрезмерно большого количества животных при отсутствии должного ухода за ними и качественной уборки также способствует антисанитарии и приведению в негодность жилого фонда, не говоря уже о том, что само по себе такое содержание животных влечет за собой проблемы с их здоровьем, что фактически может трактоваться как жестокое обращение с животными. Так в Ижевске была обнаружена квартира, в которой в антисанитарных условиях проживали пятьдесят кошек [4]. И это, увы, не предел. В Москве женщина, злоупотреблявшая алкоголем держала в трехкомнатной квартире более сотни кошек. [5] В Екатеринбурге житель многоквартирного дома фактически использовал свою квартиру как «голубятню», приманивая окрестных птиц, от чего окна дома были покрыты следами помета, а жильцам приходилось мириться с неприятным запахом. В его квартире были обнаружены сотни птиц (голубей, сов и ястребов) [14].

Отдельно можно выделить вандализм в местах общественного пользования многоквартирных домов. Здесь особенно стоит отметить повреждение лифтового оборудования (в том числе поджог лифтов, выламывание дверей кабины лифта, оплавление и изъятие кнопок управления лифтом, уничтожение светильников, повреждение стен кабины лифта). Особенно прискорбно, что происходит это в том числе и там, где недавно было произведена замена лифтового оборудования [3]. Своими действиями вандалы не только приводят в негодность лифтовое оборудование, чем ухудшают для жильцов комфортность проживания, но и ставят под угрозу их жизнь и здоровье. Также, в эту группу мы можем отнести нанесение граффити и незаконных надписей на стены. Согласно исследованиям ВЦИОМа 24% россиян считают, что граффити не имеет ничего общего с искусством и является порчей объектов общественного назначения, а 45% также не относят такие работы к произведениям искусства, но предполагают, что такие рисунки в некоторых случаях могут быть уместны [7]. Нанесение граффити и незаконных надписей на стены наносит не только материальный ущерб (на восстановление первоначального вида стен могут быть затрачены значительные средства), но и моральный вред (например, от созерцания неприличных, оскорбительных надписей и рисунков жителями, особенно детьми, в подъезде которых были нанесены эти объекты). Говоря о вандализме нельзя не отметить, что спецификой таких городов как Санкт-Петербург является большое количество строений, являющихся объектами культурного наследия. Действия вандалов в отношении любого из таких объектов культурного наследия наносят значительный ущерб. Так, вышеуказанное обрушение в Петроградском районе Санкт-Петербурга произошло в так называемом доходном доме И.Д. Агафонова, который в 2001 году был включен КГИОП в «Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную

ценность» [10]. Илья Сотонин, директор по развитию компании «Лига ЖКХ» считает, что главная причина вандализма – это безразличие жильцов [12]. Там, где люди не проходят равнодушно мимо лиц, совершающих акты вандализма, где они предпринимают законные меры для предупреждения этих актов, ведут разъяснительную работу в среде молодежи, воспитывают в детях бережливое отношение к жилью – акты вандализма встречаются реже. Только совместные усилия правоохранительных органов, работников жилищно-коммунальной сферы и жильцов могут сделать борьбу с этим явлением эффективной.

Благодарность

Статья подготовлена по результатам научных исследований ИПРЭ РАН в 2022 году (тема НИР: «Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к цифровой экономике»).

Список литературы

1. Алексеева А. Взятку замминистра ЖКХ признали самой крупной в 2021 году в Новосибирской области. URL: <https://www.nsk.kp.ru/online/news/4546519/> (дата обращения 20.03.2022).
2. В Волгоградской области вынесен приговор по уголовному делу о мошенничестве в сфере ЖКХ // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epg.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=59913124> (дата обращения 20.03.2022).
3. В Выборге вандалы уродуют новые лифты. URL: https://piter.tv/event/V_Viborge_vandali_uroduyut_novie_lifti/ (дата обращения 20.03.2022).
4. В Ижевске нашлась квартира с 50 кошками. Ведомства бездействуют, животные сходят с ума. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/02/15/69768230/> (дата обращения 20.03.2022).
5. В квартире москвички развелось более сотни кошек. URL: <https://lenta.ru/news/2020/02/10/manycats/> (дата обращения 20.03.2022).
6. Глава жилищной инспекции Приморья задержан при получении взятки. Материалы информационно-аналитического портала SakhaNews. URL: <https://www.lsn.ru/277347.html> (дата обращения 20.03.2022).
7. Граффити: искусство или вандализм? Аналитический обзор // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/graffiti-iskusstvo-ili-vandalizm> (дата обращения 23.03.2022).
8. Дело возбудили после хищения директором управляющей компании более 30 млн. руб. у жильцов дома в Химках. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3120197> (дата обращения 19.03.2022).
9. Долги населения за ЖКУ выросли до 625 млрд. рублей. Комментарий И.В. Генцлер. URL: <https://urbanecomomics.ru/en/node/21029> (дата обращения 22.03.2022).
10. Жильцы дома Агафонова бьют тревогу. Им грозит капремонт. А некоторым – не грозит. URL: <https://gazeta.spb.ru/2279744-zhiltsy-doma-agafonova-byut-trevogu-im-grozit-kaipremont-a-nekotorym-ne-grozit/> (дата обращения 22.03.2020).
11. Мещерская И. Долги россиян по ЖКХ превысили 500 млрд. руб. URL: <https://secretmag.ru/news/dolgi-rossiyan-po-zhkhkhp-prevysili-500-mlrd-rublei-04-11-2021.htm> (дата обращения 22.03.2022).

12. Найти, доказать и наказать: три правила войны с подъездными вандалами. URL: <https://66.ru/realty/news/182905/> (дата обращения 20.03.2022).
13. Петербуржца признали виновным в частичном обрушении дома из-за ремонта в его квартире. URL: <https://www.interfax.ru/russia/655944> (дата обращения 20.03.2022).
14. «Проблема кроется в лобных долях мозга». Зачем россияне устраивают свинарники в своих квартирах и как с ними бороться. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/05/29/trashedcondos/> (дата обращения 20.03.2022).
15. Терюшов А.Е. Уголовная ответственность за преступления в сфере ЖКХ // Прокуратура Челябинской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_74/activity/legal-education/explain?item=35064508 (дата обращения 22.03.2022).
16. Трубилина М. Минстрой предложил ввести новый порядок взыскания задолженности по ЖКХ. URL: <https://rg.ru/2020/03/13/minstroj-predlozhil-vvesti-novuj-poriadok-vzyskaniia-zadolzhennosti-po-zhkh.html> (дата обращения 22.03.2022).
17. Шушкина А. Синельщиков назвал причины преступности в сфере ЖКХ. Материалы сайта Парламентской газеты. URL: <https://www.pnp.ru/economics/sinelshnikov-nazval-prichiny-prestupnosti-v-sfere-zhkh.html> (дата обращения 22.03.2022).
18. Экстремальный ремонт: 3 истории перепланировок, которые обернулись трагедией. URL: <https://realty.ria.ru/20161013/408044070.html> (дата обращения 20.03.2022).

Информация об авторе

Жигалина Мария Владиленовна (Россия, г. Санкт-Петербург) – младший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д.38; e-mail: bmvl1970@rambler.ru).

Zhigalina M.V.

DEVIANT BEHAVIOR IN THE HOUSING AND UTILITIES SECTOR AS A FACTOR, INFLUENCING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract. *The work is devoted to one of the factors influencing the sustainable development of the region - negative deviant behavior. Negative deviant behavior and its manifestations are considered on the example of one of the most important segments of the social sector of the economy - the housing and communal services sector.*

Key words: *sustainable development of the region, housing and utilities, deviant behavior, corruption, vandalism.*

Information about author

Zhigalina Maria V. (Russia, St. Petersburg) – junior research fellow, Institute for Regional Economic Studies RAS (190013, St. Petersburg, Serpuhovskaya St., 38; e-mail: bmvl1970@rambler.ru).

Bibliography

1. Alekseeva A. The bribe of the Deputy Minister of Housing and Communal Services was recognized as the largest in 2021 in the Novosibirsk region. URL: <https://www.nsk.kp.ru/online/news/4546519/> (accessed 20.03.2022).
2. In the Volgograd region, a verdict was passed on a criminal case of fraud in the housing and utilities sector // Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=59913124> (accessed 20.03.2022).

3. Vandals disfigure new elevators in Vyborg URL: https://piter.tv/event/V_Viborge_vandali_uroduyut_novie_lifti/ (accessed 20.03.2022).
4. There was an apartment with 50 cats in Izhevsk. Departments are inactive, animals are going crazy. URL: <https://www.fontanka.ru/2021/02/15/69768230/> (accessed 20.03.2022).
5. More than a hundred cats were divorced in the apartment of a Muscovite. URL: <https://lenta.ru/news/2020/02/10/manycats/> (accessed 20.03.2022).
6. The head of the housing inspectorate of Primorye was detained while receiving a bribe. Materials of the SakhaNews information and analytical portal. URL: <https://www.1sn.ru/277347.html> (accessed 20.03.2022).
7. Graffiti: art or vandalism? Analytical review // VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/graffiti-iskusstvo-ili-vandalizm> (accessed- 23.03.2022).
8. The case was initiated after the theft by the director of the management company of more than 30 million rubles. the residents of the house in Khimki. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3120197> (accessed 19.03.2022).
9. The debts of the population for housing and communal services increased to 625 billion rubles. Commentary by I.V. Genzler URL: <https://urbaneconomics.ru/en/node/21029> (accessed 22.03.2022).
10. Residents of Agafonov's house are sounding the alarm. They are threatened with major repairs. And some are not threatened. URL: <https://gazeta.spb.ru/2279744-zhiltsydoma-agafonova-byut-trevogu-im-grozit-kapremont-a-nekotorym-ne-grozit/> (accessed 22.03.2020).
11. Meshcherskaya I. The debts of Russians on housing and communal services exceeded 500 billion rubles. URL: <https://secretmag.ru/news/dolgi-rossiyan-po-zhkkh-prevysili-500-mlrd-rublei-04-11-2021.htm> (accessed 22.03.2022).
12. To find, prove and punish: three rules of war with access vandals. URL: <https://66.ru/realty/news/182905/> (accessed 20.03.2022).
13. The Petersburg was found guilty of partial collapse of the house due to repairs in his apartment. URL: <https://www.interfax.ru/russia/655944> (accessed 20.03.2022).
14. "The problem lies in the frontal lobes of the brain." Why do Russians arrange pigsties in their apartments and how to deal with them. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/05/29/trashedcondos/> (accessed 20.03.2022).
15. Teryushov A.E. Criminal liability for crimes in the sphere of housing and communal services // Prosecutor's Office of the Chelyabinsk region. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_74/activity/legal-education/explain?item=35064508 (accessed 22.03.2022).
16. Trublina M. The Ministry of Construction proposed to introduce a new procedure for debt collection for housing and communal services. URL: <https://rg.ru/2020/03/13/minstroj-predlozhil-vvesti-novyy-poriadok-vzyskaniia-zadolzhennosti-po-zhkh.html> (accessed 22.03.2022).
17. Shushkina A. Sinelshchikov named the causes of crime in the housing and utilities sector / Parliamentary Newspaper website. URL: <https://www.pnp.ru/economics/sinelshchikov-nazval-prichiny-prestupnosti-v-sfere-zhkkh.html> (accessed 22.03.2022).
18. Extreme repairs: 3 stories of alterations that turned into a tragedy. URL: <https://realty.ria.ru/20161013/408044070.html> (accessed 20.03.2022).

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ

Аннотация. Исследовано состояние оленеводства в дореформенный и рыночный периоды. Выявлены социально-экономические проблемы развития отрасли. Разработан прогноз долгосрочного развития отрасли. Обоснованы стратегические приоритеты развития оленеводства. Предложен механизм реализации стратегии.

Ключевые слова: оленеводство, тенденции, состояние, проблемы развития, стратегия, Арктический субрегион Евро-Северо-Востока.

В настоящее время разведением северных домашних оленей занимаются в России, Швеции, Норвегии, Финляндии, Канаде, США и Гренландии. По поголовью северных оленей Россия занимает первое место в мире (70% в мировом поголовье). В 2020 г. в стране насчитывалось 1649,5 тыс. голов оленей, в 1912 г. в России – 1799 тыс. голов оленей (без Финляндии) [1, с. 78]. По оленеёмкости пастбищ наша страна может содержать до 2,5 млн. оленей.

Оленеводство не только высокоэффективная и перспективная отрасль, но и является этнообразующей, обеспечивающей сохранность традиционного образа жизни коренных этносов. Утрата домашнего оленеводства приведет к потере этнокультурного наследия не только коренных народов Севера и Арктики, но и всего человечества [3, с. 131].

В практике содержания и разведения оленеводства известны вольное, вольно-лагерное (полувольное), изгородное, стадное содержание и разведение оленей. Вольное содержание оленей практиковалось на Аляске, куда в 1891 г. из Азиатской части России через Берингов пролив перебрались олени. Эта система содержания оленей не оправдала себя.

Наиболее распространенным является стадное содержание. Содержание оленей в изгородях издавна практикуется в горно-таежных районах Мурманской обл., в Эвенкии, Якутии и за рубежом [2, 4, 5].

Среди северных и арктических субъектов первое место занимает Ямало-Ненецкий АО (51% всего поголовья страны), второе – Ненецкий АО (10%), третье – Республика Саха (Якутия), шестое – Республика Коми (5%), седьмое место – Мурманская обл. (3%).

Анализ тенденций развития оленеводства показал, что для отрасли наиболее благоприятным был период, предшествовавший рыночным реформам. В 1990 г. по сравнению с 1980 г. поголовье оленей на Европейском Севере увеличилось на 6% (табл. 1).

Таблица 1. Поголовье домашних оленей во всех категориях хозяйств на конец года, тыс. гол.

Регион	1980	1990	2000	2005	2010	2015	2019	2020
Республика Коми	113,2	123,6	110,1	89,5	83,8	91,1	93,0	92,7
Архангельская обл.	188,3	190,7	125,0	149,6	166,4	163,7	175,2	170,7
В том числе Ненецкий АО		186,3	122,1	147,5	164,7	162,1	173,5	169,0
Мурманская обл.	66,0	77,3	61,3	59,8	58,9	56,2	58,3	58,7
Европейский Север	367,5	391,6	296,4	298,9	309,1	311,0	326,5	322,1
Зона Севера и Арктики	2267,6	2260,6	1196,4	1297,9	1625,8	1764,0	1733,9	1649,5
Источник: данные Росстата.								

В содержании оленей доминируют сельхозорганизации. В 2020 г. их доля в Мурманской обл. составила 94%, Республике Коми и Архангельской обл. – 71%, в 1980 г. – соответственно 95, 98, 88%.

Для социально-экономического развития оленеводства многое было сделано в 1960-1980 гг. Активно практиковалось авиационное обслуживание оленеводческих бригад, усилилась борьба с болезнями оленей, улучшилось культурно-бытовое и торговое обслуживание оленеводов, совершенствовались внутривладельческие отношения. В дореформенный период оленеводство за счет дотирования являлось высокодоходной отраслью. В 1990 г. уровень рентабельности мяса оленей в Мурманской обл. составлял 431%, Архангельской обл. – 424 и Коми – 324%.

Проведение рыночных реформ без учета специфики отрасли привело к снижению поголовья оленей на 18%.

Несмотря на то, что ситуация в оленеводстве Европейского Севера сравнению с другими северными и арктическими регионами выглядит стабильной, в отрасли накопилось немало проблем. К их числу относятся:

- отсутствие специального закона об оленеводстве в РФ;
- существенное сокращение господдержки, невозможность пользоваться льготными кредитами;
- сокращение площади и загрязнение оленьих пастбищ;
- тяжелые условия труда и быта, низкий уровень заработной платы;
- дефицит молодых кадров, зоотехнических и ветеринарных специалистов.

Цели и сценарный прогноз результатов долгосрочного развития оленеводства. Основными стратегическими целями социально-экономического развития оленеводства Европейского Севера являются:

- развитие оленеводства как этнообразующей отрасли, обеспечивающей сохранность традиционного образа жизни коренных народов Севера и Арктики;
- модернизация отрасли;
- приближение уровня жизни оленеводов к среднерегionalным показателям.

В качестве долгосрочного прогноза развития оленеводства выбраны два сценария: инерционный и оптимистический. Прогнозная оценка результатов на период до 2035 г. приведена в табл. 2.

Таблица 2. Прогноз целевых показателей на 2035 г. при разных сценариях развития оленеводства по регионам Европейского Севера

Регион	Поголовье оленей, тыс. гол.		Производство оленины, т		Производство мяса на душу населения, кг		Самообеспеченность олениной, %		Среднемесячная зарплата оленеводов, тыс. руб.	
	Инерционный	Оптимистический	Инерционный	Оптимистический	Инерционный	Оптимистический	Инерционный	Оптимистический	Инерционный	Оптимистический
Республика Коми	95	110	570	715	0,8	1,1	1,1	1,5	60	80
Архангельская обл.	177	182	1052	1105	1,1	1,1	1,4	1,5	59	78

Регион	Поголовье оленей, тыс. гол.		Производство оленины, т		Производство мяса на душу населения, кг		Самообеспеченность олениной, %		Среднемесячная зарплата оленеводов, тыс. руб.	
	Инерционный	Оптимистический	Инерционный	Оптимистический	Инерционный	Оптимистический	Инерционный	Оптимистический	Инерционный	Оптимистический
В том числе Ненецкий АО	175	180	1050	1095	23	25	31	34	60	80
Мурманская обл.	60	65	360	420	0,6	0,7	0,8	1,0	60	80
Европейский Север	332	357	1982	2240	0,9	1,0	1,2	1,3	60	0

Инерционный сценарий предполагает некоторый рост численности оленей и производства продукции отрасли. Наиболее приемлемым являются оптимистический сценарий развития оленеводства. Этот вариант основан на модернизации материально-технической базы, глубокой переработке продукции отрасли, активной протекционистской политике государства, формировании эффективных инструментов и механизмов стратегического развития, привлечении в отрасль квалифицированных специалистов, улучшении всех видов сельской инфраструктуры, существенном улучшении социально-бытовых условий, качества и уровня жизни оленеводов.

Для оптимистического сценария к 2035 г. намечены следующие целевые ориентиры: рост поголовья оленей на 10%, мяса – на 14%; увеличить заработную плату оленеводов в 2,5 раза и довести ее размер до 80 тыс. в месяц.

Стратегические приоритеты оленеводства. Ключевым стратегическим приоритетом развития является модернизация оленеводства, связанная со строительством убойных пунктов и холодильников с учетом стандартов Евросоюза, с глубокой переработкой пантов, ферментно-эндокринного сырья и крови оленей, оснащением оленеводческих хозяйств средствами связи, транспортом, созданием вдоль маршрутов выпаса оленей сети факторий, в которых разместятся электростанции, склады для хранения и подготовки к транспортировке продукции, магазины, фельдшерско-акушерские и ветеринарные пункты.

Важнейшим направлением достижения намеченных результатов является интенсивное развитие отрасли:

- оптимизация структуры стада, установление оптимальных размеров оленьих стад, улучшение племенной работы;
- сокращение непродуцируемых отходов животных, усиление борьбы с разными болезнями оленей;
- организация своевременного убоя оленей и рациональное использование субпродуктов;
- совершенствование организации труда и быта оленеводов;
- повышение материальной заинтересованности, привлечение, закрепление молодых кадров.

Достижение целей Стратегии социально-экономического развития оленеводства» предполагает создание эффективного правового, организационного и финансового

механизма стратегического управления устойчивым социально-экономическим развитием оленеводства. Правительствами Республики Коми, Мурманской обл. и Ненецкого АО очень важно инициировать принятие федерального закона об оленеводстве.

Организационный механизм обеспечивает методическую, консультационную и информационную поддержку, реализацию и мониторинг Стратегии, формирование маркетинговой стратегии. Важным направлением организационного механизма является отбор, господдержка и реализация социально значимых инвестиционных и инфраструктурных проектов.

Достижение целевых стратегических показателей будет возможно при финансовом обеспечении реализации Стратегии. В качестве основных финансовых инструментов ее реализации выступают:

- финансовые средства региональных бюджетов, укрепление и участие муниципальных бюджетов в субсидировании строительства факторий, современных убойных пунктов по переработке оленины, шкур, пантов, крови, биологических добавок, медицинских препаратов, господдержка туризма в традиционных видах деятельности (олeneводстве, рыболовстве, охоте);
- целевое софинансирование государственных программ развития оленеводства, приоритетных инвестиционных проектов за счет средств федерального бюджета;
- финансовые ресурсы промышленных предприятий региона, собственные средства оленеводческих хозяйств, доступные льготные кредиты банков.

Успех реализации Стратегии будет зависеть от повышения ответственности и способности региональных органов власти Европейского Севера решать проблемы отрасли оленеводства и существенно улучшать уровень и качество жизни оленеводов.

Список литературы

1. Бабушкин А.И. Большеземельская тундра. Сыктывкар: издание Коми обстатодела, 1930. 209 с.
2. Востряков П.Н. Зарубежный опыт северного оленеводства // Повышение продуктивности северного оленеводства. М.: Колос, 1975. С. 76-91.
3. Дьяченко Н.О., Мухачев А.Д., Аршавский С.А. Методические рекомендации по изгородному содержанию оленей. Норильск, 1974. 31 с.
4. Иванова Г.В., Машистова А.В., Гаврилова П.А. Изгороди на оленьих пастбищах Мурманской оленеводческой опытной станции // Сборник научных работ Мурманской оленеводческой опытной станции. Мурманск, 1973. Вып. 2. С. 97-103.
5. Южаков А.А. Северное оленеводство в XXI в.: генетический ресурс, культурное наследие и бизнес // Арктика: экология и экономика. 2017. № 2(26). С. 131-137.

Информация об авторе

Иванов Валентин Александрович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории экономики природопользования, Федеральный исследовательский центр, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, лаборатория экономики природопользования (167982, Россия, ГСП-2, Сыктывкар, Коммунистическая ул., д. 26; e-mail: ivanova@iespn.komisc.ru).

STATE AND PROSPECTS OF REINDEER HUSBANDRY DEVELOPMENT IN THE EUROPEAN NORTH

Abstract. *The state of reindeer husbandry in the pre-reform and market periods is investigated. The socio-economic problems of the industry development are revealed. A forecast of the long-term development of the industry has been developed. Strategic priorities of reindeer husbandry development are substantiated. A mechanism for implementing the strategy is proposed.*

Key words: *Reindeer, husbandry trends, state, development problems, strategy, the Arctic sub-region of the Euro-Northeast.*

Information about author

Ivanov Valentin A. (Syktyvkar, Russia) – Doctor of Economics, Professor, Main Research Associate, Federal Research Center, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the Komi North of the Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Environmental Economics (167982 Syktyvkar, Kommunisticheskaja Str.,26, ivanova@iespn.komisc.ru).

Bibliography

1. Babushkin A.I. Bolshezemelskaya tundra. Syktyvkar: edition of the Komi Statistical Department. 1930. 209 p.
2. Vostryakov P.N. Foreign experience of reindeer husbandry // Increasing the productivity of reindeer husbandry. Moscow: Kolos. 1975. P. 76-91.
3. Dyachenko N.O., Mukhachev A.D., Arshavsky S.A. Methodological recommendations for the hedge keeping of deer. Norilsk. 1974. 31 p

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен социальной солидарности в городском пространстве в условиях глобальной нестабильности. Выделены интегрирующие факторы современного городского пространства. Реализован исторический подход к изучению российской солидарности.

Ключевые слова: социальная солидарность, город, городское пространство, история, глобальная нестабильность.

Условия современной эпохи, безусловно, вызывают волнение и неопределенность у большинства людей, однако, кроме сомнений в уверенности стабильности будущего и настоящего, они также порождают интерес современного общества к исследованию этих новых условий.

Если говорить о социальной солидарности, важно подчеркнуть, что это один из важных критериев, который поддерживает стабильность в любом обществе. Изучение солидарности уже в XIX веке прослеживалось в творчестве французского ученого Эмиля Дюркгейма. На взгляд социолога необходимо рассматривать социальную солидарность как «принцип социального существования, предполагающий согласованность в действиях для достижения общих интересов и целей» [2, с. 41]. Исторический опыт показывает, что солидарность включает в себя активную социальную роль, как отдельного индивида, так и общества в целом. Можно проследить закономерность, что социальное явление солидарности наблюдается не так часто, однако, когда происходит какая-то общая социальная катастрофа, то можно сказать, что людей объединяет общая беда, хотя все зависит от обстоятельств.

Рассуждая о социальной солидарности в городском пространстве, хочется сказать о факторах, которые играют интегрирующую роль среди жителей определенного городского пространства. К таким факторам относятся: общая история города, общее культурное наследие, современные культурные достижения, развитие музеев и театров, сохранение памятных мест и др. Вышеперечисленное позволяет говорить о культуре городских пространств, отражающих основные принципы солидарности.

Говоря о динамике цивилизационных сдвигов в больших и малых социальных пространствах современных городов, важно упомянуть об основных принципах их организации, на которые обращает внимание российский социолог Т.И. Грабельных:

1. История каждого горожанина тесно сопряжена с общей историей всего города.
2. Достижения в цивилизации показывают движение цивилизационных изменений в социальных пространствах современных городов.
3. Каждый важный, с точки зрения истории, переход к новому типу взаимосвязей общества в пространстве города – это цивилизационный сдвиг.
4. Появление новых цивилизационных сдвигов провоцирует пересмотр как ранее известных, так и новых взаимосвязей в развитии города.
5. Явление цифровизации – это одна из ступеней в поступательном развитии современного информационного общества.

Можно сделать вывод о том, что изменение движения цивилизационных сдвигов в социальных городских пространствах современных городов открывает различные направления цивилизационного прогресса [1, с. 31].

Если обратиться к истории, то можно проследить некие закономерности. В менталитете русского народа с необходимостью присутствует феномен солидарности, пусть и не на протяжении всех периодов истории России, однако такое явление выступает характерной особенностью. Об этом свидетельствуют такие примеры истории, как Великая Отечественная война: блокада Ленинграда – когда город, отдавая все свои силы, боролся за освобождение, сохраняя свою культуру. Известны случаи строительства новых городов, создания комфортных в них городских пространств. Во все времена городские пространства выступали крупными промышленными центрами образования и науки, центрами коммуникаций, связующим звеном культуры и искусства, а торговые площади выступали объединяющим звеном городских экономик. Таким образом, социальная солидарность проявлялась в объединении усилий на создание благоприятной городской среды и высокого качества жизни горожан.

Сегодня российское общество и весь мир стоит на пороге глобальных трансформаций, которые неизбежно изменяют образ современного мира, а значит и мир повседневного человека. Речь идет и о мире человека как субъекта городских пространств. Глобальная нестабильность создает новую историю своего города, цивилизационных достижений в нем. Современные городские пространства, в стремлении достичь комфортности для горожан в условиях глобальной нестабильности, теряют эту комфортность т.е. культура современного города, благодаря потере социальной солидарности в условиях глобальной нестабильности обречена на понижение, и наоборот, чем выше социальная солидарность в городском пространстве, тем успешнее реализуются антикризисные стратегии в условиях глобальной нестабильности.

С началом специальной военной операции, которая началась 24 февраля 2022 на Украине [3], можно заметить, насколько повысился уровень патриотизма в государстве, как сплотились граждане России в борьбе за отстаивание чести своей Родины и обеспечения национальной безопасности. Здесь имеется в виду не только контекст прямой защиты Родины, но и отстаивание имиджа российского народа в информационной войне. Современный российский город наиболее чутко реагирует на все вызовы, которые предъявляются к российскому «городскому» государству. С далеких времен происходит яркое проявление социальной солидарности народа в эпоху нестабильности. Глобальная нестабильность явилась причиной развития социальной солидарности у россиян, проявляемой в том числе и в современных городских пространствах.

Список литературы

1. Грабельных Т.И. Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сборник научных трудов ИГУ. 2021. С. 29–31.
2. Попкова Т.В. Солидарность и солидаризм как социальная и научная проблема // Электронный информационный журнал «Новые исследования Тувы». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/solidarnost-i-solidarizm-kak-sotsialnaya-i-nauchnaya-problema/viewer> (дата обращения: 25.03.2022).
3. Владимир Путин объявил о начале специальной военной операции в связи с ситуацией в Донбассе. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-02-24/421583-vladimir_putin_ob_

yavil_o_nachale_spetsialnoy_voennoy_operatsii_v_svyazi_s_situatsiy_v_donbasse (дата обращения: 25.03.2022).

Информация об авторе

Кадырова Владислава Юрьевна (Россия, Иркутск) – студентка 4-го курса направления подготовки 39.03.01 «Социология», Институт социальных наук Иркутского государственного университета (664025, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 3; e-mail: vladakadyrova00@mail.ru).

Kadyrova V.Y.

TRANSFORMATION OF SOCIAL SOLIDARITY IN URBAN SPACE IN CONDITIONS OF GLOBAL INSTABILITY

Abstract. *The article examines the phenomenon of social solidarity in urban space in conditions of global instability. The integrating factors of modern urban space are highlighted. A historical approach to the study of Russian solidarity has been implemented.*

Key words: *social solidarity, city, urban space, history, global instability.*

Information about author

Kadyrova Vladislava Yu. (Russia, Irkutsk) – 4th year student of the direction of training 39.03.01 “Sociology”, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University (664025, Irkutsk, Lenin str., 3; e-mail: vladakadyrova00@mail.ru).

Bibliography

1. Grabelnykh T.I. Civilizational shifts in the development of a modern city: a collection of scientific papers. IGU. 2021. P. 29-31.
2. Popkova T.V. Solidarity and solidarism as a social and scientific problem // Electronic information journal “New studies of Tuva”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/solidarnost-i-solidarizm-kak-sotsialnaya-i-nauchnaya-problema/viewer> (accessed: 03/25/2022).
3. Vladimir Putin announced the start of a special military operation in connection with the situation in the Donbass. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-02-24/421583-vladimir-putin-ob-yavil-o-nachale-spetsialnoy_voennoy_operatsii_v_svyazi_s_situatsiy_v_donbasse (accessed: 03/25/2022).

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИЙ КАК КЛЮЧЕВОЕ ТРЕБОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В работе показано, что в период пандемии характеристики инновационной деятельности показали разнонаправленную динамику. На основе данных НИИЦ МИИРИС осуществлена оценка развития инновационной инфраструктуры Восточного макрорегиона России. Представлена группировка регионов по количеству и видам объектов ИИ.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, пандемия, Восточный макрорегион.

В период продолжающейся пандемии коронавируса возрастает требование к мезо- и микроуровню активизировать инновационную деятельность. Однако далеко немногие готовы принять этот вызов. Успешная инновация – это грамотное сочетание трех элементов: она должна стать приоритетом деятельности, в нее необходимо вложение инвестиций и талантов, вложенные инвестиции должны превратиться в результаты [3]. Согласно информации VCG, несмотря на негативные тенденции, сопровождающие COVID во всех областях и сферах жизни, в 2021 году количество компаний, в которых инновации входят в тройку приоритетов, увеличилось на 10% (это самый высокий показатель, начиная с 2005 года). Однако только половина таких компаний осуществляют инвестирование в инновации. Согласно результатам опроса компаний – преданных новаторов (тех, которые не только готовы внедрять инновации, но и инвестируют в них), 31% из них указали на главную трудность реализации инноваций – это отсутствие прочной связи («цикла благотворного сотрудничества») между разработкой продукта и выполнением функций по использованию и тиражированию инновационного продукта. Особые надежды возлагаются на инновационную инфраструктуру.

В результате опроса 529 высокотехнологичных предприятий России, проведенного в конце 2020 года НИУ ВШЭ, было выявлено, что в связи с пандемией COVID-19 они столкнулись с прямыми экономическими последствиями, изменением стратегий и бизнес-моделей, изменением приоритетов инновационной деятельности, структуры и интенсивности процессов кооперации в создании знаний и технологий [2]. Существенны территориальные отличия в последствиях для инновационной деятельности восточной и европейской частей России. Выявлено, что инновационные предприятия России успех своей деятельности также связывают с наличием эффективной инновационной инфраструктуры.

Инновационная инфраструктура Восточного макрорегиона России, объединяющего Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный экономические районы, включает 108 объектов (или 18,1% от всего их количества в России) [1]. Большая часть – это территории опережающего развития (31,3%), технопарки (16,2%), а также особые экономические зоны (15,9%). Однако наблюдается дифференциация и неоднородность их размещения на территории макрорегиона: от 13 видов объектов в Новосибирской области до 0 на трех территориях (Республика Тыва, Республика Алтай, Ямало-Ненецкий автономный округ). Группировка территорий Восточного макрорегиона по количеству объектов инновационной инфраструктуры (ИИ) позволила выделить следующие (табл. 1).

Таблица 1. Группировка территорий Восточного макрорегиона по количеству объектов ИИ (горизонтальный срез)

Наименование группы	Количество территорий	Количество объектов ИИ
Отстраненные	3	0
Устремленные	11	1-4
Ведущие	6	5-8
Лидеры	4	9 и более
Источник: составлено автором на основе данных [1].		

Отличительной характеристикой группы «Устремленные» является преимущественная ориентация на формирование территорий опережающего развития (48,3% из общего количества объектов в группе). Группу «Ведущие» составляют территории, нацеленные на развитие технопарков (за исключением Томской области), особых экономических зон (или кластеров). Территории данной группы осуществляют развитие 33,3% технопарков от их общего количества в макрорегионе. «Лидеры» нацелены на формирование сложной структуры объектов инновационной инфраструктуры (до 6 видов объектов на одной территории).

Анализируя насыщенность и вариативность объектов и их представленность на территориях Восточного макрорегиона, следует выделить следующие особенности:

1) наименее распространенными видами объектов ИИ являются: технологическая платформа, наукоград, нанотехнологический центр, локализованные на трех, граничащих друг с другом территориях (Томская область, Новосибирская область, Алтайский край), а также индустриальный (промышленный) парк (Хабаровский край и Чукотский АО). К наиболее распространенным видам относятся территории опережающего развития, кластеры, технопарки.

2) видовое разнообразие варьируется от 0 до 6 из 9 видов на одной территории Восточного макрорегиона. Условная группировка территорий макрорегиона по видовому разнообразию (горизонтальный срез) позволила получить следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2. Группировка территорий Восточного макрорегиона по видовому разнообразию объектов ИИ (вертикальный срез)

Наименование группы	Количество территорий	Количество объектов ИИ
Отстраненные	3	0
Устремленные	11	1-3
Ведущие	6	4-6
Лидеры	4	7 и более
Источник: составлено автором на основе данных [1].		

Как видно, в Восточном макрорегионе отсутствуют так называемые «лидеры» – территории, на которых представлены все виды объектов ИИ. Наложение вертикального и горизонтального срезов позволяет выявить следующую тенденцию:

– регионы-лидеры по количеству объектов ИИ концентрируют их в трех-пяти видах (например, в Кемеровской области – Кузбасс развиваются ТОР, кластеры и технопарк, Иркутской области в дополнение к указанным – особые экономические зоны). Иными словами, наблюдается количественное увеличение одного из уже существующих видов ИИ;

– в части «устремленных» по количеству объектов ИИ регионов зафиксировано «ведущее» положение по видовому составу (например, Красноярский край), причем их распределение – равномерно;

– большее видовое разнообразие объектов ИИ локализуется в западной части макрорегиона, тяготея к наиболее научно и технически развитым регионам, имеющим значимые достижения в инновационной деятельности.

3) примечательно, что с востока на запад Восточного макрорегиона увеличивается количество бизнес-инкубаторов.

4) следующие особенности можно выделить в разрезе типов субъектов (табл. 3).

Таблица 3. Количественный и видовой состав объектов ИИ Восточного макрорегиона в разрезе типов субъектов

Тип субъекта	Количество объектов ИИ	Видовой состав объектов ИИ	Виды отсутствующих объектов ИИ
Края	29	7	Технологические платформы. Нанотехнологические центры
Автономные области	4	2	(есть только технопарки и территории опережающего развития)
Области	56	8	Индустриальные парки
Республики	13	5	Индустриальные парки. Наукограды. Технологические платформы. Нанотехнологические центры
Автономные округа	6	4	Бизнес-инкубаторы. Наукограды. ОЭЗ. Технологические платформы. Нанотехнологические центры

Источник: составлено автором на основе данных [1].

Исследование показателей инновационной деятельности территорий Восточного макрорегиона в период воздействия пандемии (2019-2020 гг.) показало, что в данный период лишь у немногих из них зафиксировано снижение отдельных показателей. Например, в Амурской области выявлен рост уровня инновационной активности организаций (на 1,6 п.п.) при одновременном снижении затрат на инновационную деятельность в 2,13 раза. Напротив, в Кемеровской области, наряду с увеличением количества инновационных предприятий на 22 ед., в 3,34 раза возросли и затраты. В целом практически все территории Восточного макрорегиона сохранили устойчивую инновационную деятельность.

Список литературы

1. Инновационная инфраструктура и основные показатели инновационной деятельности субъектов Российской Федерации // Официальный сайт Федерального государственного бюджетного научного учреждения Научно-исследовательский институт – Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы. URL: <https://www.miiiris.ru>
2. Эффекты пандемии COVID-19 для инноваций в российском хайтеке: экспресс-информация НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/473020313.pdf>
3. Overcoming the Innovation Readiness Gap. Most Innovative Companies 2021 // Boston Consulting Group URL: <https://www.bcg.com/publications/2021/most-innovative-companies-overview>

Информация об авторе

Кузнецова Юлия Александровна (Россия, Новокузнецк) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Филиал Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева в г. Новокузнецке (654006, г. Новокузнецк, ул. Орджоникидзе, 8а; e-mail: nir@kuzstu-nf.ru).

Kuznetsova Yu.A.

DEVELOPING INNOVATION AS A KEY REQUIREMENT IN THE PANDEMIC CONDITIONS

Abstract. *The paper shows that during the pandemic, the characteristics of innovation activity showed multidirectional dynamics. Based on the data of the NIAC MIIRIS, an assessment was made of the development of the innovation infrastructure of the Eastern macroregion of Russia. A grouping of regions by the number and types of AI objects is presented.*

Key words: *innovations, innovation activity, pandemic, Eastern macroregion.*

Information about author

Kuznetsova Yulia A. – Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Branch of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev» in Novokuznetsk (8a, Ordzhonikidze st., Novokuznetsk, 654006, nir@kuzstu-nf.ru).

Bibliography

1. Innovative infrastructure and main indicators of innovative activity of the constituent entities of the Russian Federation // Official website of the Federal State Budgetary Scientific Institution Scientific Research Institute - Republican Research Scientific and Consulting Center for Expertise. URL: <https://www.miiris.ru/>
1. Effects of the COVID-19 Pandemic on Innovation in Russian High-Tech: Higher School of Economics Express Information. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/473020313.pdf>
1. Overcoming the Innovation Readiness Gap. Most Innovative Companies 2021 // Boston Consulting Group. URL: <https://www.bcg.com/publications/2021/most-innovative-companies-overview>

ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА № 40361-8 «ОБ ОБЩИХ ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ» КАК ИТОГ 30-ЛЕТНЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена новому этапу реформирования местного самоуправления. Авторами сделан вывод о наличии расхождений законопроекта с принципами Европейской Хартии местного самоуправления, концепцией гражданско-правового регулирования, что может привести в дальнейшем к свертыванию изначальной модели «самоуправления» (снизу) и расширению практики «администрирования» (сверху).*

Ключевые слова: *демократия, реформа местного самоуправления, Конституция Российской Федерации, «вертикаль власти», публичная власть.*

Местное самоуправление – это низовое звено демократической системы общества, точка, в которой власть соприкасается с обществом. Происходящая с момента крушения СССР реформа местного самоуправления (которое в советское время подменялось местными партийными органами) идет уже более 30 лет, и вот в 2022 году сенатор Российской Федерации А.А. Клишас и депутат Государственной Думы П.В. Крашенинников предложили проект нового федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления» [4]. Он дополнил закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Разрешив губернаторам работать бессрочно, настоящим законопроектом Государственная Дума выходит на финишную линию по выстраиванию системы публичной власти в Российской Федерации.

Основными нововведениями закона стали: переход на полностью одноуровневую систему организации местного самоуправления, сокращение не меньше чем в два раза количества муниципальных образований, формирование представительного органа происходит посредством выборов (как прямых, так и опосредованных), изменение статуса главы муниципального образования, когда он одновременно замещает государственную должность субъекта Российской Федерации и муниципальную должность, ответственность глав муниципалитетов и глав местных администраций главным образом перед губернатором.

Мы уже писали о недостатках действующего федерального закона № 131, который почти 19 лет регулирует деятельность органов самоуправления в России [3]. При этом основной причиной замены данного закона, по словам П. Крашенинникова, стало то, что «действующий закон об общих принципах организации местного самоуправления менялся 186 раз и превратился «в лоскутное одеяло» [6]. Проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления» вызвал неоднозначную реакцию не только в российском обществе, но и в среде парламентариев, что повлекло за собой доработку поправок к нему во втором чтении.

Из имеющихся проблем ни одна не находит свое решение в новом законопроекте. Отраженные в Европейской хартии (и ст. 131 Конституции РФ) особенности исторического и традиционного развития территорий не нашли в нем отражения. По словам А. Максимова («Союз российских городов»), «попытка унифицировать

структуру муниципалитетов неизбежно столкнется со сложностями»: в национальных районах, где вопросы локальной идентичности очень важны, и где есть «языковая специфика», «укрупнение может вызвать конфликты, связанные с потерей депутатского представительства» [5].

Развитие российского законодательства о местном самоуправлении не пошло в направлении признания муниципальных образований в качестве субъектов, обладающих правами юридических лиц. Так, если в действующем законе, хотя и подразумевается, но не проводится настолько явное отождествление муниципального образования с территорией в пределах которой осуществляется местное самоуправление, то в новой редакции части 1 статьи 131 Конституции и в новом проекте закона (статья 9) уже явно содержится такое определение. В этом смысле муниципальное образование с постоянно проживающим в нем населением представляется в большей степени не как субъект, а как объект осуществления публичной власти.

Такой подход не вполне согласовывается со сложившейся концепцией правового регулирования гражданско-правовых отношений. В соответствии со статьей 124 Гражданского кодекса РФ, к правовому статусу муниципальных образований применяются по аналогии нормы гражданского законодательства, регулирующие деятельность юридических лиц. Органы местного самоуправления, как следует из статьи 125 Гражданского кодекса, юридическими лицами не признаются, а только действуют от имени муниципальных образований в отношениях с другими лицами. По мнению О.В. Казаченковой, здесь просматривается аналогия со статусом органов управления юридического лица, которые тоже в отношениях с субъектами гражданского права действуют от имени своей организации [2, с.33].

Фактическая замена двухуровневой системы местного управления одноуровневой означает укрупнение подвластных территорий и ликвидацию уровня городов и поселений. Границы муниципальных образований должны быть не слишком крупными, чтобы людям не приходилось ездить по каждому вопросу за сотни километров. Кроме того, люди должны понимать механизм власти, как власть осуществляет свои обязанности, и по возможности контролировать ее. На больших территориях это окажется сделать сложнее. Любое укрупнение должно происходить с подачи местных сообществ, иначе оно «идет во вред», по словам бывшего муниципального депутата Тимирязевского района Москвы Ю. Галяминой, «Если вместо избранных глав поселений будут назначенные исполнители, это разрушает саму идею местного самоуправления. Ее суть в том, что именно местные сообщества управляют своей жизнью. «Назначенцы» не работают на развитие, они работают на отчеты перед начальством» [5].

Следующая неоднозначность законопроекта заключается в том, что в действующем законе «Об общих принципах организации местного самоуправления» законодатель наделил органы местного самоуправления статусом юридических лиц – казенных учреждений (статья 41). Данное положение закона выглядит весьма нелогичным, потому что казенное учреждение является субъектом частноправовых отношений, отличающихся от отношений, связанных с функционированием системы органов публичной власти. В Гражданском кодексе казенное учреждение относится к разновидности учреждений – унитарных некоммерческих организаций (статьи 123.21–123.22). В соответствии со статьей 123.21 Гражданского кодекса муниципальное казенное учреждение создается муниципальным образованием, которое, как уже отмечалось, не рассматривается в действующем законе и «Об общих прин-

ципах организации местного самоуправления» и новом законопроекте № 40361-8 в качестве субъекта правоотношений. В них учредителями органов местного самоуправления – казенных учреждений признаются другие органы местного самоуправления, собственники имущества казенных учреждений не являются учредителями органов местного самоуправления. Более того, представительные органы местного самоуправления наделены правом «самоучреждаться», принимая протокол заседания представительного органа муниципального образования, содержащий решение о наделении представительного органа правами юридического лица для последующей его регистрации (статья 41 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления»). В этом контексте муниципальные выборы нивелируется в правовом отношении до уровня второстепенной формальной процедуры, недостаточной для придания полноценного статуса получившему мандат доверия населения органу местной власти.

Концептуально правильным, соответствующим принципу публичности муниципальных органов, в законе «Об общих принципах организации местного самоуправления» следует признать отсутствие у органов местного самоуправления учредительных документов. Этот юридический признак сближает органы местного самоуправления с органами власти, позволяет им в своей деятельности руководствоваться непосредственно нормативными правовыми актами, уставами муниципальных образований. Положений учредительных документов, обязывающих должностных лиц местного самоуправления преследовать в своей деятельности частные интересы, нет. В целом по проблеме правосубъектности органов местного самоуправления следует согласиться с мнением О.В. Казаченковой об искусственно созданной законодателем коллизии, проявляющейся в неестественном сочетании в них положения органа публично-правового образования и статуса юридического лица-казенного учреждения [2, с. 39].

С момента принятия действующего закона 2003 г. прошло 18 лет, однако в проекте нового закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» № 40361-8 это противоречие по-прежнему не устранено. В свете принятого 21 декабря 2021 г. Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в РФ», в соответствии с которым органы государственной власти и органы местного самоуправления составляют единую систему публичной власти, возрастает потребность в сближении юридической природы муниципальных органов власти с органами государственной власти субъектов РФ в качестве публично-правовых образований. В новом федеральном законе органы государственной власти субъектов не признаются юридическими лицами, в связи с чем проект закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» должен быть приведен в соответствие с ним.

Развитие российского законодательства о местном самоуправлении не устранило двойственности в определении сущности муниципального образования. Так, определение в проекте закона № 40361-8 муниципального образования как «территории» не вполне согласуется с теми возможностями, которыми наделяет его тот же законопроект в качестве «субъекта» права. За муниципальным образованием признается право собственности на муниципальное имущество (статья 62), на средства местного бюджета (статья 64). По смыслу положений законопроекта муниципальные образования являются учредителями и членами объединений муниципальных образований (статья 75), межмуниципальных хозяйственных обществ (статья 76), некоммерческих организаций муниципальных образований (статья 77).

Итак, новый проект закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» на современной стадии законодательного процесса не содержит концептуально новых положений, касающихся трансформации юридической сущности органов местного самоуправления в связи с потребностью их интеграции в единую систему органов публичной власти. Не устранены коллизии в определении юридической природы органов местного самоуправления, сущности муниципальных образований, их правового положения, ответственности, что является препятствием для создания нормативной правовой базы эффективного реформирования местного самоуправления во благо российского общества. Буквальное следование законодателя положениям Европейской хартии местного самоуправления, которая определяет органы местного самоуправления в качестве основных субъектов муниципальных отношений, привело к трудноразрешимым противоречиям с нормами гражданского законодательства в части правового статуса муниципальных образований и органов местного самоуправления.

С одной стороны, законопроект уже закрепляет фактическое положение дел, когда губернаторы контролируют деятельность глав местного самоуправления и когда из-за слабости местных бюджетов и путаницы с компетенциями решение местных дел передают на районный уровень. С другой стороны, проект вводит новые, до этого никогда не существовавшие и не проверенные механизмы реализации власти на местах. При отсутствии практики применения этих конструкций возникают серьезные сомнения в их правовой дееспособности. Более того, «законопроект А.А. Клишаса и П.В. Крашенинникова резко снижает значение местного самоуправления по отношению к другим уровням власти. Это грозит превратить осуществление народом своей власти «в некую форму самоорганизации граждан, а из одной из основ конституционного строя Российской Федерации – лишь в признаваемую и гарантируемую Конституцией форму этой самоорганизации», когда происходит усиление «полицейского государства и уменьшения роли местного самоуправления» [1], приближении модели управления в России к восточным, деспотическим, ее формам.

В целом, предлагаемая модель – это еще один шаг по направлению к реанимации принципов унитарного государства (по примеру федеративной модели СССР, когда уничтожена норма, согласно которой местное самоуправление не входит в систему госвласти, нарушая тем самым принципы федерализма), сужающий возможности населения на местном уровне влиять на органы публичной власти и действительно решать насущные проблемы.

Список литературы

1. Аналитическая справка по законопроекту № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Общественный уполномоченный по защите семьи. ОУЗС. URL: <https://ouzs.ru/news/analiticheskaya-spravka-po-zakonoproektu-40361-8/> (дата обращения: 12.03.2022)
2. Казаченкова О.В. Особенности правового статуса органов местного самоуправления: проблемы законодательной и правоприменительной практики // Административное и муниципальное право. 2012. № 8. С. 31-41.
3. Ковров Э.Л. Кризис реформы местного самоуправления в России: опыт междисциплинарного анализа // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 185-202.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления: Проект Федерального закона № 40361-8: Внесен сенатором А.А. Клишасом, депутатом Государствен-

ной Думы П.В. Крашенинниковам: Принят в первом чтении 25 января 2022 г. URL: <https://base.garant.ru/77224618/> (дата обращения: 07.03.2022).

5. Сазонов Т. В России хотят упразднить низовой уровень местного самоуправления. Эксперты считают, что это отдалит власть от людей // BBC News. Русская служба. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-59759334> (дата обращения: 07.03.2022).
6. Шушкина А. Законопроект о реформе местного самоуправления приняли в первом чтении // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/zakonoproekt-o-reforme-mestnogo-samoupravleniya-prinyali-v-pervom-chtenii.html> (дата обращения: 07.03.2022).

Информация об авторах

Кукушкин Василий Леонардович (Россия, Вологда) – кандидат исторических наук, доцент, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина (e-mail: kukvasleo@yandex.ru).

Ухов Артем Евгеньевич (Россия, Вологда) – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина (uae893@yandex.ru).

Kukushkin V.L., Ukhov A.E.

THE PROJECT OF FEDERAL STATUTE № 40361-8 «ON GENERAL PRINCIPLES OF LOCAL SELF-GOVERNING ORGANIZATION» AS THE FINAL ANALYSIS OF 30-YEAR REFORM OF SELF-GOVERNMENT

Abstract. *The article is devoted to the next stage of reforms in Russian self-government system. Further discrepancies with European Charter of local self-government, the concept of civil law regulation were concluded which may later lead to the removal of the primary idea of “self-governing” in favor of idea of “administration”.*

Key words: *democracy, local self-government reform, Constitution of Russian Federation, “power vertical”, public authority.*

Information about authors

Ukhov Artem E. (Russia, Vologda) – senior Lecturer of Philosophy and History in Vologda State Dairy Farming Academy named by N.V. Vereshchagin (uae893@yandex.ru).

KukushkinVasiliy L. (Russia, Vologda) – PhD in History, associate professor, Vologda State Dairy Farming Academy named by N.V. Vereshchagin (kukvasleo@yandex.ru).

Bibliography

1. Analytical information on the draft law No. 40361-8 «On the general principles of the organization of local self-government in a single system of public authority.» // Commissioner for the Protection of the Family. OUZS. URL: <https://ouzs.ru/news/analiticheskaya-spravka-po-zakonoproektu-40361-8-/>
2. Kazachenkova O.V. Features of the legal status of local governments: problems of legislative and law enforcement practice // Administrative and municipal law. 2012. № 8. P. 31-41.
3. Kovrov E.L., Kukushkin V.L., Ukhov A.E. Crisis of local self-government reform in Russia: experience of interdisciplinary analysis // Social and humanitarian knowledge. 2020. № 5. P. 185-202.

4. “On the general principles of organizing local self-government”: Draft Federal Law No. 40361-8: Submitted by Senator A.A. Klishas, State Duma deputy P.V. Krasheninnikov: Adopted in the first reading on January 25, 2022. URL: <https://base.garant.ru/77224618/>
5. Sazonov T. In Russia, they want to abolish the grassroots level of local self-government. Experts believe that this will alienate power from the people // BBC News. Russian service. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-59759334>
6. Shushkina A. The bill on the reform of local self-government was adopted in the first reading // Parliamentary newspaper. URL: <https://www.pnp.ru/politics/zakonoproekt-o-reforme-mestnogo-samoupravleniya-prinyali-v-pervom-chtenii.html>

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В КРУПНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. *Рассматриваются тенденции развития малого бизнеса России в условиях пандемии коронавируса, позиция государства. Взгляд предпринимателей на основания для создания и развития своего бизнеса. Выделяется отдельная категория предпринимателей – самозанятые, перечислены особенности данного типа бизнеса.*

Ключевые слова: *предприниматель, малый бизнес, пандемия коронавируса, самозанятые, тенденции.*

С каждым годом жизнь в крупных городах становится динамичнее, появляются новые товары, услуги, профессии. Пандемия коронавируса, которая началась в 2020 году, охватила все слои населения и только усилила тенденции, которые уже намечались в развитии предпринимательства в России. Если 15 лет назад абсолютной нормой для населения считалась официальная работа по трудовому договору, то в настоящее время создание собственного бизнеса не уступает в привлекательности работе по найму, а иногда даже превосходит ее. Понимание причин, которые влияют на выбор создания и развития своего бизнеса, а также роль пандемии коронавируса в этом, обусловили актуальность темы.

Целью данной статьи является рассмотрение основных тенденций развития малого предпринимательства в крупных городах, а также получение ответа на вопрос, насколько пандемия коронавируса внесла свои коррективы в изменение поведения представителей малого бизнеса. Прежде чем обозначить основные тенденции развития малого предпринимательства в крупных городах России в условиях пандемии, следует сказать о том, что малое предпринимательство (малый бизнес) — предпринимательство, опирающееся на деятельность небольших фирм, малых предприятий, формально не входящих в объединения. Несмотря на то, что некоторые авторы отождествляют понятия «бизнес» и «предпринимательство», между ними есть определенные отличия. Главное отличие в том, что «бизнес» – деятельность, осуществляемая юридическими лицами, а «предпринимательство» – деятельность, осуществляемая физическими лицами [3, с.178]. Отметим, что на современном этапе развития экономики предпринимательство является одной из форм бизнеса и представлено индивидуальными предпринимателями, микроорганизациями и самозанятыми.

Если рассматривать историю становления малого бизнеса в России, то начало развития малого предпринимательства в нашей стране принято связывать с 80-ми гг. прошлого века – с принятием Закона о кооперации в СССР. Закон создал необходимую правовую базу, без которой функционирование предпринимательства было бы невозможным. Следует отметить, что развитие предпринимательства шло, что называется, «сверху». В этом кроется принципиальное различие развития предпринимательского сектора в целом в России в сравнении с капиталистическими странами [5, с.61]. Исходя из этого можно сделать вывод, что малый бизнес – явление относительно новое для российского менталитета. Кроме того, в развитии малого бизнеса в России с самого его становления ключевую роль играет государство. Именно государство оказывает значительное влияние на малое предпринимательство как с точки зрения его поддержки, так и введения определенных ограничений для его развития.

Одной из тенденций развития малого бизнеса в крупных городах России является увеличение количества предпринимателей, в том числе такого сегмента как самозанятые. Самозанятость можно отнести к разновидностям нетрадиционных, нестандартных для России типов занятости. В ее основе лежит инициатива гражданина взять в собственные руки решение задачи по обеспечению себя основным или дополнительным трудовым доходом [4, с. 173]. Данную форму регистрации бизнеса можно применять, пока ваш доход не превышает 2,4 миллиона рублей за год. В России данный режим ввели на 10 лет с 2019 года. В качестве особенностей самозанятости можно отметить льготные налоговые ставки на доход, простоту регистрации и ведения отчетности, возможность совмещения с официальной работой по трудовому договору, отсутствие необходимости платить страховые взносы в фонды.

В Самарской области режим налогообложения в виде налога на профессиональный доход введен с 2020 года и уже показал свою востребованность. По состоянию на февраль 2022 года в Самарской области зарегистрировано более 100 тыс. самозанятых, которые оказывают самые разнообразные услуги и реализуют товары собственного производства, при этом количество самозанятых граждан всего в России более 4 млн. человек. Как это ни странно, пандемия коронавируса, на наш взгляд, дала определенный толчок ряду граждан для создания собственного бизнеса взамен привычной сферы наемного работника. Почему именно статус «самозанятого»? На выбор именно данного типа предпринимательства влияет не только особый налоговый режим, относительная простота регистрации и ведения бизнеса. Поддержка самозанятых осуществляется в рамках национального проекта «Развитие малого предпринимательства и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Следует отметить, что органы государственной власти оказывают меры комплексной поддержки самозанятых, в числе которых консультационная, образовательная, финансовая, информационная поддержка, а также услуги по продвижению проектов. В частности, на базе проекта Министерства экономического развития Самарской области создан центр «Мой бизнес», который на регулярной основе проводит информационные мероприятия для собственников малого бизнеса, а также организует ярмарки-выставки различных товаров, произведенных самозанятыми региона. Информационные мероприятия Центра «Мой бизнес» способствуют повышению информационной грамотности предпринимателей. Комплексная поддержка самозанятых делает этот тип предпринимательства привлекательным, в том числе за счет существенной финансовой экономии денежных средств собственников бизнеса на оплате налогов, а также экономии времени на ведении отчетности. Ранее, до реализации пилотного проекта в секторе самозанятости, основной способ легальной работы в собственном небольшом бизнесе заключался в регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя. В силу того, что предпринимательский доход зачастую оказывался незначительным, а налоговое бремя высоко, как и бюрократические сложности с оформлением документов, то значительное количество граждан ушло в «тень» [4, с. 175-176]. Введение особого типа предпринимателей в виде самозанятых способствовало выведению из теневой сферы большого количества предпринимателей.

Несмотря на существенную поддержку малого бизнеса со стороны государства, нельзя не отметить тот факт, что государство также является и фактором, оказывающим существенное влияние на появление проблем, связанных с его развитием. Причиной, которая обусловила ряд проблем в развитии малого бизнеса в крупных

городах России в последние годы, является пандемия коронавируса, начавшаяся в 2020 году. С началом пандемии был введен ряд мер, которые вызвали существенные ограничения развития малого бизнеса, а именно «режим самоизоляции», перевод части сотрудников на удаленную работу, введение QR-кодов. Эти ограничения, введенные органами государственной власти, коснулись прежде всего предприятий малого бизнеса. Предприниматели столкнулись со снижением спроса на свою продукцию, в том числе по причине сокращения реальных доходов населения, увеличением затрат на закупку сырья, проблемами с поставкой готовых товаров, увеличением расходов на оплату коммунальных и арендных платежей. Эти проблемы в свою очередь повлекли за собой сложности с выплатой заработной платы сотрудникам, оплатой кредитов. Часть предприятий оказались на грани банкротства.

Главной тенденцией развития малого бизнеса в крупных городах России в условиях пандемии коронавируса следует назвать перевод части или всего малого бизнеса из сферы офлайн в онлайн, а именно взаимодействие с клиентами через мессенджеры, социальные сети, интернет-сайты, посредством видеосвязи и прочее. Если в первые месяцы пандемии многие собственники бизнеса только учились взаимодействовать с клиентами онлайн, то к 2022 году сфера онлайн реализации товаров и услуг прочно вошла в практики продвижения товаров и услуг малого бизнеса.

Важно понимать, что развитие малого бизнеса оказывает существенное влияние на экономику страны в целом. Малое предпринимательство в системе экономических и социальных отношений большинства государств выполняет важнейшие функции. К таким функциям относятся, например, такие как: инновационность, поддержание нормальной конкурентной среды, создание дополнительных рабочих мест для населения (одно из важнейших преимуществ, так как чем больше создается малых предприятий, тем быстрее идет сокращение безработицы в стране), противодействие монополизму, а также расширение потребительского спроса и повышение профессиональной активности [1, с. 2].

Как мы видим, создание собственного бизнеса привлекает все большее количество граждан. С социологической точки зрения становится важным понять, почему создание малого бизнеса становится привлекательнее, чем работа по трудовому договору. Для ответа на этот вопрос проводятся социологические исследования. В частности, в 2014 г. кафедрой социальных коммуникаций и социологии управления Новосибирского государственного университета экономики и управления было проведено социологическое исследование, целью которого являлось выявление мнения студенческой молодежи о развитии и проблемах предпринимательства в городе. В исследовании приняли участие студенты 4 крупных вузов города: Новосибирский государственный технический университет, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Сибирский институт управления РАНХиГС и Сибирский университет потребительской кооперации [2, с. 35]. Исследование проводилось в количественной методологии и позволило выявить проблемы, с которыми сталкивается молодежь при развитии малого бизнеса, а также определить основные факторы, которые влияют на привлекательность малого бизнеса среди молодежи. Результаты исследования показали заинтересованность и готовность студентов заниматься предпринимательской деятельностью. Они видят необходимость в ускорении ее развития и ожидают, что это произойдет в ближайшие 5–7 лет. Многие хотели бы попробовать свои силы в сфере малого бизнеса [2, с. 36]. Исследование проводилось в 2014 году, но актуальность вопроса сохранилась в настоящее время.

В настоящее время привлекательность создания и развития малого бизнеса как основного источника дохода с каждым годом растет. Поскольку зачастую бизнес создается без практических знаний о его развитии, становится актуальным вопрос информированности предпринимателей о методах продвижения товаров и услуг, мерах поддержки государства, а также причинах, побудивших конкретного человека создать свое предприятие. В связи с актуальностью проблемы развития малого бизнеса в России, в рамках кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева планируется провести исследование практик продвижения товаров и услуг в малом бизнесе городского округа Самары, используя при этом качественную методологию. Нами поставлены следующие исследовательские вопросы:

1. Какие факторы влияют на принятие решения о создании бизнеса и каким образом был сделан выбор в пользу конкретной отрасли?
2. С какими проблемами сталкиваются представители малого бизнеса в современных условиях?
3. Владеют ли представители малого бизнеса информацией о мерах поддержки, а также о методах развития малого бизнеса в крупных городах?
4. Какие практики продвижения своих товаров и услуг используют владельцы бизнеса в настоящее время, а также какие факторы влияют на выбор ими соответствующих практик?

Эти вопросы изучаются с точки зрения представителей малого бизнеса, поскольку несмотря на знание общих тенденций развития малого бизнеса в современных условиях, интерес представляют ценностные суждения конкретных людей – представителей малого бизнеса, на основании которых ими принимаются решения в отношении своего бизнеса. Метод сбора социологической информации на качественном этапе исследования – свободное интервью. Интервью позволяет в рамках разговора понять, на что опирается опрашиваемый в процессе принятия решений, что им движет, а также в процессе интервью есть возможно задать дополнительные, уточняющие вопросы.

В процессе авторского пилотажного исследования было проведено интервью с 9 представителями малого бизнеса в трех возрастных категориях: от 23 до 35 лет, от 36 до 50 лет, старше 50 лет. По его результатам был выявлен интересный факт. Среди самозанятых преобладают молодые люди до 30 лет, которые либо не имели опыта наемного трудоустройства, либо имеют небольшой трудовой стаж в качестве наемного работника, и люди от 31 до 40 лет, которые имели трудовой стаж в качестве наемного работника более 10 лет, но в силу определенных обстоятельств решили создать свой бизнес и реализовывать товары и услуги своего производства. Кроме того, существует отдельная категория предпринимателей, которые изначально были зарегистрированы как индивидуальные предприниматели, а с введением специального налогового режима изменили юридическую форму бизнеса и стали самозанятыми.

Если говорить о тех тенденциях, о которых речь шла в данной статье, то в процессе пилотажных интервью был получен взгляд самих предпринимателей на данный вопрос. Например, в части причин перехода с ведения бизнеса как ИП на режим самозанятого, предприниматели отмечают удобство расчетов, экономию времени и расходов.

«У меня был ранее ИП. Как самозанятая, я зарегистрирована уже как у нас появился режим НПД в России, и в принципе я могу сказать, что одна из первых, кто

перешла с ИП на этот режим. Почему? Наверное, потому что, ну, во-первых, это экономит и мое время, то есть по сдаче отчетов налоговых и так далее. Если в принципе я все время работаю официально, и что касается ИП, наверное, меня не устраивала оплата налогов – да, опять же в пенсионный фонд и прочее. Сейчас я сама решаю, сколько перечислять. То есть мне приходилось прибегать к услугам бухгалтера, но как раз-таки, наверное, ситуация с коронавирусом показала, что все эти отчетности можно сдавать самостоятельно в один клик. Ну и собственно, если смотреть в принципе – в год я не превышаю 2,4 миллиона, я пока в него укладываюсь, хотя по ИП бывало выходило, но за счет того, что да там, где-то у тебя проценты какие-то есть, это и НДС, и прочее. Вот, то есть так или иначе, я считаю, что мне сейчас работать намного выгоднее выходит для себя даже касаясь расходной части» (Наталья, 29 лет, PR, консультационные услуги).

Таким образом, тенденциями развития малого бизнеса в условиях пандемии являются увеличение числа предпринимателей, появление отдельного типа предпринимателей – самозанятых, существенная влияние государства на развитие малого бизнеса, как со стороны мер поддержки, оказываемых предпринимателям, так и ввода ограничений в связи с пандемией, которые коснулись большинства бизнесов, перевод части бизнеса из офлайн в онлайн в части взаимодействия с потребителями товаров и услуг.

Последние годы характеризуются высоким уровнем неопределенности, что оказывает большое влияние на развитие малого бизнеса. Если в прошлом веке мир бизнеса был относительно простым и понятным, то последнее десятилетие можно охарактеризовать как период нестабильности, сложности, изменчивости. Пандемия коронавируса поставила для предпринимателей совершенно новые задачи, выявив слабые места, и в то же время стала катализатором качественных и количественных изменений в малом бизнесе крупных городов России.

Однако события февраля 2022 года, а именно военная операция на Украине, введение большого количества экономических санкций, в том числе уход ряда иностранных организаций с российского рынка, диктуют малому бизнесу совершенно иные правила игры. Мир становится еще более неопределенным, но как показывает история, кризис – это своеобразный толчок к развитию и переменам.

Список литературы

1. Грицунова С.В., Лотарева К.М. Развитие малого предпринимательства в России // Мир науки. Педагогика и психология. 2015. № 2. С. 1 – 8.
2. Иноземцева А.В. Молодежь и малое предпринимательство: результаты социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 34–37.
3. Майданевич Ю.П., Бедрик К.А. Малый бизнес: понятие и преимущества // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т.6. №2 (19). С. 177 – 180.
4. Тонких Н.В., Бабинцева А.В. Исследование самозанятости населения в Российской Федерации: общие и частные проблемы // Вестник Омского университета. Серия Экономика. 2020. Т. 18. № 1. С. 172–183.
5. Шавров А.В. Социокультурные особенности малого предпринимательства в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. № 3. С. 60–62.

Информация об авторе

Курушина Елена Геннадьевна (Россия, Самара) – магистратура «Социология социальных изменений», Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34; e-mail: niagara-samara@yandex.ru).

Kurushina E.G.

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS IN LARGE CITIES OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC

Abstract. *The article contains the trends in the development of small business in Russia in the context of the coronavirus pandemic, including the position of the state. It includes the view of businessman on the reasons for the creation and development of their business. There is a separate category of businessman - self-employed, the characteristic of this type of business are listed.*

Key words: *businessman, small business, coronavirus pandemic, self-employed, trends.*

Information about author

Kurushina Elena G. (Russia, Samara) – magistrate «Sociology of social changes», Samara National Research University of Korolev S.P. (e-mail: niagara-samara@yandex.ru).

Bibliography

1. Gritsunova S.V., Lotareva C.M. Development of small business in Russia // World of science. 2015. № 2. P. 1–8.
2. Inozemtseva A.V. Youth and small business: results of sociological research // Theory and Practice of social development. 2014. № 19. P. 34–37.
3. Maidanovich Y.P., Bedrik K.A. Small business: concept and benefits // Azimuth of scientific research. 2017. № 2. P. 177–180.
4. Tonkikh N.V., Babintseva A.V. Research of population's self-employment in the Russian Federation: general and private problems // Herald of Omsk University. 2020. № 1. P. 172–183.
5. Shavrov A.V. Socio-cultural characteristics of small business in Russia // News of Saratov university. 2014. № 3. P. 60–62.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Не выявлено зависимости между уровнем экономического развития субъектов РФ и степенью участия их муниципальных образований (МО) в межмуниципальном сотрудничестве (ММС). Показано, что на уровне макрорегионов наиболее активно в деятельности межмуниципальных коммерческих организаций участвуют МО Северо-Западного, Южного и Дальневосточного федеральных округов.

Ключевые слова: муниципальные образования; межмуниципальное сотрудничество.

В условиях пандемии межмуниципальное сотрудничество является важным механизмом экономии бюджетных затрат и повышения эффективности предоставления общественных услуг органами местного самоуправления (МСУ). Право местных сообществ на сотрудничество зафиксировано в Европейской хартии местного самоуправления, а развитие механизмов ММС поддерживается государственными органами стран. При этом разработка механизма ММС предполагает не столько полное совпадение целей и моделей развития, сколько согласование интересов и отказ от дублирования функций и соперничества за ресурсы в отношениях между муниципальными образованиями [1].

В литературе подчеркивается, что в России межмуниципальное сотрудничество, с одной стороны, может стать важным фактором выживания и конкурентоспособности локальных территориальных образований в нестабильных финансовых и экономических условиях [5], а с другой, – отличается сложностью разработки механизма реализации ММС ввиду абсолютной открытости муниципальных социально-экономических систем [4] и отсутствия нормативно-законодательного определения самого понятия «вопросы местного значения межмуниципального характера» в основополагающем законе ФЗ-131¹.

Российские МО чаще всего сотрудничают в сферах экономики и торговли, культуры и туризма, сельского хозяйства и водоснабжения, сбора, вывоза и утилизации твердых бытовых отходов, транспортного обслуживания населения, поддержке малого и среднего предпринимательства и экологии (см. табл. 1).

Важным моментом является то, что, как отмечено в табл. 1, межмуниципальное сотрудничество возможно между муниципалитетами разных типов и из разных субъектов Федерации. Каких-либо нормативно-законодательных ограничений на это не установлено.

Выделяется три основных формы межмуниципального сотрудничества:

- ассоциативная,
- договорная,
- организационно-хозяйственная.

Каждая из названных форм сотрудничества имеет собственные инструменты реализации, достоинства и недостатки их использования, представленные в табл. 1.

Наиболее активно муниципалитетами используются ассоциативная и договорная формы ММС. Ассоциативная форма реализуется через образование советов, союзов и ассоциаций и охватывает, по данным Минюста РФ, свыше 17,8 тыс. МО². Советы муниципалитетов созданы во всех 85 российских субъектах федерации и концентрируются на защите прав и отстаивании общих интересов муниципалитетов-членов.

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: ФЗ-131 от 06.10.2003. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

² Материалы к заседанию на тему «Межмуниципальное сотрудничество: эффективные практики, проблемы и перспективы развития», М.: Совет по МСУ при Совете Федерации Федерального Собрания РФ. 2020. 110 с.

Таблица 1. Формы межмуниципального сотрудничества (ММС) российских муниципальных образований (МО)
(по состоянию на март 2022 г)

Форма ММС	Инструмент реализации ММС	Сфера деятельности	Особенности и достоинства формы ММС	Недостатки конкретной формы ММС	Примеры реализации
Ассоциативная	Советы, ассоциации и союзы МО	Защита прав и представление интересов МО-членов	Не преследует извлечение прибыли. Не позволяет вмешиваться в деятельность МО-членов	Не занимают решения хозяйственных вопросов, не имеют права законодательной инициативы	Советы МО созданы во всех 85 субъектах РФ Общероссийские объединения по типам МО Межрегиональные ассоциации Профильные ассоциации
Договорная	Договоры о ММС в пределах одного субъекта РФ или с МО других субъектов РФ	Культурный, информационный обмен. Обмен опытом	Договоры могут заключать муниципалитеты разного вида, например, поселение с муниципальным районом	МО не имеют возможности перечислять бюджетные средства на решение вопросов местного значения другого МО в рамках решения вопросов местного значения	Договорная форма ММС находит применение в решении жизненно важных вопросов для жителей МО
	Международные договоры и соглашения о пограничье и приграничье в сотрудничестве	Экономическая, образовательная, гуманитарная, научно-техническая, туризм	Договорная форма организации ММС, когда два и более МО эффективно решают конкретные вопросы развития местного хозяйства	Зарубежные связи часто могут лишь декларироваться в соглашениях, но оставаться фактически нереализованными	Соглашения о пограничных связях, заключены 354 российскими МО (в т.ч. 135 городскими округами, 182 муниципальными районами, 31 городским поселением и 6 сельскими поселениями)
Организационно-хозяйственная	Хозяйственные межмуниципальные общества: ЗАО и ООО	Совместное решение вопросов местного значения	Договор или соглашение позволяет МО совместно решать вопросы местного значения	Учредителем хозяйственного межмуниципального общества может являться несколько МО	Деятельность хозяйственных обществ направлена на получение прибыли и на решение частных задач. Это не характерно для ММС, цель которого – совместное решение публичных задач
	Некоммерческие межмуниципальные организации: автономные некоммерческие организации (АНО) и фонды	В 131-ФЗ не оговорен круг рассматриваемых вопросов и состав участников НКО	Статус НКО, создаваемых для целей межмуниципального сотрудничества, не отличается от статуса НКО, создаваемых не для целей ММС	Существует риск утери имущества МО при организации ММС в виде АНО или фонда. Т.к. учредители не сохраняют право на это имущество при ликвидации АНО или фонда	Для создания межмуниципальных НКО лучше подходит некоммерческое партнерство (НП) как организация, основанная на членстве. Члены НП вправе управлять делами партнерства, а при выходе из НП, – получить свое имущество (или его стоимость, в пределах вклада в имущество НП)

Источник: составлено по ст. 8, ст. 9, ч. 1 ст. 68-69 ФЗ-131 от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/); ст. 10 Европейской Хартии местного самоуправления (<https://rm.coe.int/168007a105>); часть 3 ст. 132 Конституции РФ (<http://kremlin.ru/acts/constitution>); ч. 1 ст. 123 Гражданского Кодекса РФ (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/)

Договорная форма ММС находит применение в сфере культурного и информационного обмена, обмена опытом ведения муниципального (городского) хозяйства, создания коллективных органов без образования юридического лица.

Если в 2020 г. в России число МО, участвующих в межмуниципальных некоммерческих организациях и объединениях стремилось к 100%, то число МО, задействованных в *коммерческих* межмуниципальных организациях, составляло в это время лишь 587 единиц и сильно различалось по субъектам РФ и федеральным округам (табл. 2).

Таблица 2. Характеристика МО в субъектах РФ по федеральным округам (ФО)
(на 1 января 2020 г.)

Регион	Число МО, участвующих в межмуниципальных организациях (ед.)			Доля МО, имеющих межмуниципальные коммерческие организации, в общем числе МО, участвующих в ММС, в конкретном ФО, %	Число субъектов РФ в ФО, в которых МО участвуют в коммерческих организациях, ед. / Число субъектов РФ в составе конкретного ФО, ед.
	всего	в том числе			
		в некоммерческих	в коммерческих		
РФ	20662	20075	587	2,8	39 / 85
Центральный ФО	3942	3881	61	1,5	7 / 18
Северо-Западный ФО	1427	1369	58	4,1	3 / 11
Южный ФО	1964	1820	144	7,3	3 / 8
Северо-Кавказский	1537	1536	1	0,07	1 / 7
Приволжский ФО	5418	5276	142	2,6	6 / 14
Уральский ФО	1287	1255	33	2,5	4 / 6
Сибирский ФО	3084	3034	50	1,6	4 / 10
Дальневосточный	2003	1904	99	4,9	3 / 11

Источник: рассчитано по Формирование местного самоуправления в Российской Федерации: стат. бюллетень / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13263> (выпуск статистического бюллетеня завершен в 2021 г.)

Анализ данных табл. 2 показал наличие трех типов моделей участия муниципалитетов на уровне федеральных округов в межмуниципальных *коммерческих* организациях.

Первая модель наблюдается в Северо-Западном, Южном и Дальневосточном округах, где доля МО, участвующих в межмуниципальных коммерческих организациях, выше среднероссийского уровня, а высокая концентрация числа подобных муниципалитетов фиксируется в ограниченном числе регионов федерального округа. Например, в Дальневосточном ФО 88 из 99 МО, участвующих в межмуниципальных коммерческих организациях, концентрируется в Хабаровском крае.

Вторая модель характерна для Центрального, Приволжского, Уральского и Сибирского федеральных округов. Здесь доля МО, участвующих в межмуниципальных коммерческих организациях, ниже среднероссийской, но в коммерческих организациях межмуниципального сотрудничества участвуют муниципалитеты свыше трети субъектов федерации округа. Так, муниципалитеты семи из восемнадцати субъектов РФ Центрального ФО, шести из четырнадцати субъектов Приволжского ФО, четыре из шести Уральского ФО и четыре из десяти Сибирского ФО имеют межмуниципальные коммерческие организации.

Третья модель характерна для Северо-Кавказского ФО, где единичный факт участия МО в коммерческих организациях в процессе ММС отмечается лишь в Кабардино-Балкарии.

При этом в ходе анализа не удалось обнаружить зависимости между уровнем экономического развития субъекта РФ и долей его муниципальных образований,

участвующих в процессах межмуниципального сотрудничества как в виде некоммерческих, так и в виде коммерческих организаций.

В целом ММС в РФ развито недостаточно, что обусловлено исторически более коротким периодом его становления, чем в странах Запада, и низкой активностью гражданского общества [2; 3].

Можно предположить, что развитию межмуниципального хозяйственного сотрудничества в форме хозяйственных обществ мешает несогласованность положений законодательства о МСУ с нормами гражданского законодательства. Законодательно установленные межмуниципальные хозяйственные общества, фонды и автономные НКО сложно рассматривать как приемлемые организационно-правовые формы. К приводимым в статистике Минюста данным об организации ММС в виде 4,5 тыс. муниципальных унитарных предприятий (МУП) и 6,2 тыс. муниципальных бюджетных учреждений (МБУ)³, следует относиться критически, так как, согласно ст. 113, 114, 123, 21 Гражданского кодекса, создание межмуниципальных МУПов и МБУ недопустимо (у таких организаций лишь один учредитель, а в межмуниципальной организации учредителей всегда не менее двух).

Необходимо внести изменения в ФЗ-131 и Гражданский кодекс, закрепив в ФЗ-131 понятие «вопросы местного значения межмуниципального характера», перечень этих вопросов и порядок их решения. Устаревшие формы межмуниципальных хозяйственных обществ (ЗАО и ООО) следует заменить на МУП и МБУ.

В современных условиях Правительство РФ пытается разрешить названные коллизии. В сентябре 2020 г. Минэкономразвития подготовило и разместило на федеральном портале проектов нормативно-правовых актов пакет законопроектов, направленных на правовое регулирование развития городских агломераций и совершенствование правовых механизмов межмуниципального сотрудничества⁴. В составе пакета - проект федерального закона «О городских агломерациях»⁵ и два законопроекта, которые корректируют смежные законы и вносят изменения в Гражданский кодекс РФ в связи с развитием межмуниципального сотрудничества в агломерациях⁶. Проект базового закона направлен на создание правовых и экономических условий для развития городских агломераций, а предусмотренная законопроектом модель управления городскими агломерациями основана на создании механизмов межмуниципального сотрудничества. И хотя многие вопросы законопроектов, требуют дальнейшей проработки и уточнения⁷, обсуждение и их принятие может снять часть проблем в развитии межмуниципального «хозяйственного» сотрудничества в России.

³ Материалы к заседанию на тему «Межмуниципальное сотрудничество: эффективные практики, проблемы и перспективы развития». М.: Совет по МСУ при Совете Федерации Федерального Собрания РФ. 2020. с. 23.

⁴ https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_razrabotalo_paket_zakonoproektov_o_razviti_i_gorodskih_aglomeracij_i_mezhmunicipalnogo_sotrudnichestva.html

⁵ <https://regulation.gov.ru/projects#npa=107906>

⁶ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части развития городских агломераций и межмуниципального сотрудничества», «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части развития городских агломераций и межмуниципального сотрудничества».

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части развития городских агломераций и межмуниципального сотрудничества: Заключение на проект федерального закона. URL: <https://opcrimea.ru/ekspertiza-zakonoproektov/zaklyuchenie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmenenij-v-otdelnyezakonodatelnye-akty-rossijskoj-federacii-v-chasti-razvitiya-gorodskih-aglomeracij-i-mezhmunicipalnogo-sotrudnichestva.html>

Список литературы

1. Барабаш Е.С. Межмуниципальное взаимодействие: потенциал и механизм реализации. Хабаровский государственный университет экономики и права. 2013. 188 с.
2. Ворошилов Н.В. Межмуниципальное сотрудничество в России: состояние, проблемы и перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 6. С. 141-159. DOI 10.15838/esc.2021.6.78.8
3. Леонов С.Н. Структурные и финансовые аспекты реформирования местного самоуправления в России. 30 лет поиска // Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31. № 2. С. 129-139. DOI 10.17150/2500-2759.2021.31(2).129-139
4. Леонов С.Н. Финансовые результаты реформы местного самоуправления. Опыт регионов Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 6. С. 160-175. DOI 10.15838/esc.2021.6.78.9
5. Печенская-Полищук М.А. Инструменты и принципы перераспределения бюджетных ресурсов в регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 71-88. DOI 10.15838/esc.2020.2.68.5

Информация об авторах

Леонов Сергей Николаевич (Россия, Хабаровск) – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (680042, г. Хабаровск, Тихоокеанская, 153; e-mail: Leonov@ecrin.ru).

Барабаш Евгения Сергеевна (Россия, Хабаровск) – кандидат экономических наук, заведующая кафедрой экономики и управления Тихоокеанской высшей школы экономики и управления (680000, г. Хабаровск, Тургенева, 48; e-mail: Jane_barabash@mail.ru).

Leonov S.N, Barabash E.S.

FEATURES AND SPATIAL SPECIFICITY OF INTER-MUNICIPAL COOPERATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *No relationship has been found between the level of economic development of the subjects of the Russian Federation and the degree of participation of the municipalities in the inter-municipal cooperation. It is shown that at the level of macro-regions, the municipalities of the North-Western, Southern and Far Eastern federal districts are most actively involved in the activities of inter-municipal commercial organizations.*

Key words: *municipal formations; inter-municipal cooperation.*

Information about authors

Leonov Sergey N. (Russia, Khabarovsk) – Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher at the Institute for Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, 680042, 153 Tikhookeanskaya str., Leonov@ecrin.ru).

Barabash Evgenia S. (Russia, Khabarovsk) – Candidate of Sciences (Economics), Head of the Department of Economics and Management of the Pacific Higher School of Economics and Management (Khabarovsk, 680000, 48 Turgeneva str., Jane_barabash@mail.ru).

Bibliography

1. Barabash E.S. Inter-municipal interaction: potential and implementation mechanism Khabarovsk State University of Economics and Law. 2013. 188 p.

2. Voroshilov N.V. Inter-municipal cooperation in Russia: state, problems and development prospects // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2021. T. 14. № 6. P. 141-159. DOI 10.15838/esc.2021.6.78.8
3. Leonov S.N. Structural and financial aspects of local self-government reform in Russia. 30 years of search // News of the Baikal State University. 2021. Vol. 31. № 2. P. 129-139. DOI 10.17150/2500-2759.2021.31(2).129-139
4. Leonov S.N. Financial results of the reform of local government. Experience of the regions of the Far East // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2021. Vol. 14. № 6. P. 160-175. DOI 10.15838/esc.2021.6.78.9.
5. Pechenskaya-Polishchuk M.A. Tools and principles of redistribution of budgetary resources in the region // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2020. T. 13. № 2. P. 71-88. DOI 10.15838/esc.2020.2.68.5

Макаренков Д.А., Цедилин А.Н., Беренгартен М.Г., Афлятунова Г.Р.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ХИМИЧЕСКОЙ И СМЕЖНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЛАНЕТАРНЫХ ВЫЗОВОВ

***Аннотация.** Важнейшим глобальным вызовом современности является противоречие между развивающейся техносферой и теряющей свою устойчивость экосферой. Обеспечение устойчивого развития сферы производства и услуг возможно при переходе на новые природоподобные технологии постиндустриального технологического уклада при доминировании жизнеобеспечивающих функций биосферы над ее материально-энергетическими ресурсами.*

Ключевые слова: вызовы, технобиосфера, технологический уклад, экологический принцип, природоподобные технологии, COVID-19.

В XXI веке цивилизация стремительно изменяется. Масштабы изменений приобретают планетарный характер, которые еще не получили в должной мере осмысления и адекватного отражения [5].

Экологический планетарный вызов является проявлением диалектического закона о единстве и борьбе противоположностей, где тождественные по сути противоположности (стремительно развивающаяся техносфера и теряющая свою устойчивость биосфера) вступают в результате внутреннего саморазвития в отношения полярности, взаимоотрицания друг друга, перерастающие в противоречия. Процесс формирования противоречий между техносферой и биосферой осуществлялся в доиндустриальных и индустриальных технологических укладах – от несущественных до антагонистических. Причиной антагонизма явилась техносферная деятельность 4-5-го индустриальных технологических укладов [10], базирующаяся на экономическом принципе и доминировании эксплуатации материально-энергетических ресурсов биосферы над ее жизнеобеспечивающими функциями, нарушившая механизм биосферного развития.

Индустриальные технологические уклады [2], формирование которых началось во время первой промышленной революции 1770-1830 гг., это целостные и устойчивые техносферные образования, в рамках которых осуществляется замкнутый производственный цикл, начинающийся с добычи и получения первичных материально-энергетических ресурсов и заканчивающийся выпуском набора конечных продуктов с последующей их утилизацией.

Структура технологических укладов включает в себя:

- ядро – ведущие отрасли и виды деятельности;
- ключевые факторы – технологические нововведения, благодаря которым возникло ядро;
- несущие отрасли – отрасли, интенсивно потребляющие ключевой фактор, играющие ведущую роль в распространении нового технологического уклада.

Целью ядра индустриального технологического уклада является максимальный рост капитала, вложенного в ключевой фактор и несущие отрасли. Ключевой фактор и несущие отрасли формируются в условиях доминирования эксплуатации материально-энергетических ресурсов биосферы над ее жизнеобеспечивающими функциями. В условиях ограниченности материально-энергетических планетарных

ресурсов и взрывного роста народонаселения нарушается соответствие возможностей производства и потребления товаров и услуг. В связи с этим начинается формирование принципов перехода к постиндустриальному технологическому укладу, в основе которого могут быть использованы следующие объективные факторы техносферного развития.

Изменение задачи ядра технологического уклада: Необходим переход от условий оптимального роста прибыли при производстве товарной продукции и услуг на обеспечение планетарной экологической безопасности для выживания и развития человечества как социобиологического вида при устойчивом развитии техносферы.

Изменение принципов техносферного развития: необходимо гуманитарное осознание, что живое вещество биосферы есть главное достояние Земли, способное увеличивать и накапливать действенные материально-энергетические ресурсы планеты [1]. Сохранение существующего планетарного экологического равновесия возможно при соблюдении экологического (вместо экономического) принципа техносферного развития, подразумевающего обеспечение оптимальных условий жизнедеятельности человека (в т.ч. с учетом возможностей жизнеобеспечивающих функций техносферы), производство необходимой продукции и услуг для разумного цивилизационного развития в условиях устойчивого состояния технобиосферы.

Изменение направленности научно-практических исследований, промышленных процессов и технологий. В индустриальном технологическом укладе научная и практическая деятельность человека обуславливалась, прежде всего, необходимостью эффективного использования материально-энергетических ресурсов биосферы при производстве товарной продукции и услуг. Постиндустриальный технологический уклад будет связан с доминированием поддержания и развития жизнеобеспечивающих функций биосферы (в т.ч. и техносферными средствами), что существенно изменит структуру научно-практических исследований. Приоритетными станут направления по экологической безопасности среды обитания человека (в т.ч. повышение продолжительности жизни и активного долголетия), альтернативной и возобновляемой энергетики, утилизации и рекуперации отходов различных видов для формирования техногенных ресурсов, оптимизации водо-воздухопотребления в промышленности и агрокомплексе и др.

Развитие цивилизационной глобализации. Цивилизационная глобализация это процесс планетарной экономической, политической, экологической, культурной интеграции и унификации. Основным следствием глобализации является создание инфраструктуры мирового разделения труда, оптимальной концентрации производительных сил, капиталов, природных и техногенных материально-энергетических ресурсов, стандартизация законодательства, экономических положений и принципов, технологий и оборудования в интересах большинства населения планеты. Этот объективный процесс, носящий системный характер и охватывающий все сферы цивилизационного развития, может способствовать скорейшему переходу к постиндустриальному технологическому укладу как ответу на планетарные экологические вызовы.

Формирование «общества разумного потребления. Главным вызовом «общества потребления», характерного для индустриального технологического уклада, является потребление излишних товаров и услуг, производство и утилизация которых начинает превышать планетарные возможности. Объективной опасностью для «общества потребления» является истощение материально-энергетических ресурсов

биосферы и потеря ею функций жизнеобеспечения и саморегулирования. Ведущей социальной составляющей нового технологического уклада может стать «общество разумного потребления» в интересах большинства населения планеты, основывающееся на оптимальном природопользовании, здоровом образе жизни, религиозно-этических устоях, фундаментальных природных законах и материально-энергетических возможностях биосферы планеты и ближнего космоса.

Трансформация среды обитания человека: Индустриальные технологические уклады сформировали техносферу как искусственную экологическую нишу человечества, в которой самонерегулируемая искусственная и природно-урбанизированная среды обитания человека доминируют над жизнеобеспечивающими функциями биосферы. При большой плотности и мобильности современного населения это явилось объективным фактором проникновения болезнетворных микроорганизмов (легионелла, листерия, SARS-CoV-2) в экологическую нишу человечества и активирование различных антропогенных эпидемий (легионеллез) и пандемий (различные формы гриппа, COVID-19). Формирование и развитие нового технологического уклада будет происходить в условиях мутации биологических факторов [12], способствующих быстрому распространению инфекционных заболеваний с различной летальностью. Поэтому, с учетом опыта пандемии COVID-19, наряду с совершенствованием системы здравоохранения, необходимо техносферными методами поддерживать жизнеобеспечивающие функции биосферы в различных типах среды обитания человека. При этом также необходимо учитывать влияние энергии ближнего космоса и активности Солнца на репродуктивность живого вещества биосферы [13].

Химическая и смежные отрасли промышленности, являющиеся несущими в индустриальных технологических укладах, используют, преимущественно, биосферные материально-энергетические ресурсы и экономически выгодные химические и физико-химические технологии их переработки. Подобный подход, наряду с увеличением производства продукции и услуг, приводит к загрязнению экосферы, препятствует реализации жизнеобеспечивающих функций технобиосферы.

Ключевым фактором (технологическим нововведением) при переходе в постиндустриальный технологический уклад, с учетом изложенных выше объективных факторов техносферного развития, должны стать формируемые на экологическом принципе природоподобные технологии техносферного развития производства и потребления [7]. Под этим следует понимать коэволюционные разработки, базирующиеся на фундаментальных законах природы, киберфизических системах, конвергенционном и логистическом подходах, сохраняющие жизнеобеспечивающие функции биосферы и сложившиеся материальные и энергетические циклы планетарного кругооборота, обеспечивающие при производстве необходимой продукции и услуг поддержание устойчивого равновесия между биосферой и развивающейся техносферой.

В индустриальных технологических укладах химические и смежные отрасли промышленности развивались в рамках классической линейной экономики – производство, использование, утилизация. Утилизация производилась по экономическим принципам, приводящим к рассеиванию невозобновляемых материально-энергетических ресурсов. При переходе на экологический принцип развития в постиндустриальном технологическом укладе предполагается формирование циклической экономики [4] производства и потребления, базирующейся на возобновляемых ресурсах.

В связи с этим, основным принципом перехода химической и смежных отраслей промышленности в постиндустриальный технологический уклад при традици-

онных физико-химических процессах должны стать внедрение природоподобных технологий на базе положений «зеленой химии» [8], формирование техногенного материально-энергетического ресурса, по аналогии с природным.

На переходной стадии к постиндустриальному технологическому укладу необходима адаптация существующих химических и смежных производств к экологическим принципам техносферного развития и их доработка [9] в соответствии с положениями «зеленой химии» и принципами жизнеобеспечения биосферы. Возможно внедрение производства электролизного водорода, биоэтанола второго поколения, фотохимических технологий, фотобиологических процессов, сверхкритической экстракции атмосферными газами [3,6,11] и др.

Переход химических и смежных отраслей промышленности (как и всей сферы производства и услуг) к постиндустриальному технологическому укладу обусловлен диалектическим развитием технобиосферы, но положительные эффекты и активные последствиями пандемии COVID-19 (цифровизация, нестандартные формы занятости, онлайн-обучение, онлайн-услуги, ускоренное развитие биологических направлений и пр.) могут способствовать скорейшему переходу к новому технологическому укладу, который позволит России стать экологическим, а, следовательно, политическим и экономическим лидером XXI века.

Список литературы

1. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 264 с.
2. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. № 2. С. 3-29.
3. Гумеров Ф., Яруллин Р. Сверхкритические флюиды и СКФ-технологии // The Chemical Journal. Химический журнал. 2008. № 10. С. 26-30.
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 320 с.
5. Колин К.К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке. Стратегические приоритеты. 2014. № 1. С. 6-30.
6. Корягин В.В. Процессы и аппараты для микробиологических производств. Биотехника-86. М., 1986. С. 10-11.
7. Макаренков, Д.А., Цедилин А.Н. Природоподобные технологии в рациональном природопользовании. Современные проблемы экологии: доклады XXVI всерос. науч.-практич. конференции. Тула: Инновационные технологии, 2021. С. 26-28.
8. Anastas P.T., Warner J.C., Green Chemistry: Theory and Practice. Oxford University Press. New York, 1998. P. 30.
9. Систер В.Г., Покровский Д.Д., Цедилин А.Н. Техничко-экологические аспекты разработки природоподобных технологий постиндустриального технологического уклада // Альтернативная энергетика и экология. 2020. № 25-27. С.147-154.
10. Систер В.Г., Цедилин А.Н. Постиндустриальный технологический уклад как основа глобального устойчивого развития. Сборник тезисов участников Международного научного конгресса «Глобалистика 2020: Глобальные проблемы и будущее человечества». С. 82-83.
11. Уэйн Р. Основы и применение фотохимии. М.: Мир, 1991. 304 с.
12. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: ФЗ от 30.03.1999 № 52.
13. Чижевский А. Л. Солнечный пульс жизни. М.: АЙРИС-пресс, 2015. 352 с.

Информация об авторах

Макаренков Дмитрий Анатольевич (Россия, Москва) – доктор технических наук, доцент, заместитель директора по науке, НИЦ «Курчатовский институт» – ИРЕА (107076, г. Москва, ул. Богородский Вал, д. 3; e-mail: makarenkovd@mail.ru).

Цедиллин Андрей Николаевич (Россия, Москва) – кандидат технических наук (e-mail: azedilin@yandex.ru).

Беренгартен Михаил Георгиевич (Россия, Москва) – кандидат химических наук, профессор, заведующий кафедрой, Московский политехнический университет (107023, г. Москва, ул. Б. Семеновская, д. 38; e-mail: berengarten@mail.ru).

Афлятунова Гузель Рауфовна (Россия, Москва) – стажер-исследователь, НИЦ «Курчатовский институт» - ИРЕА (107076, г. Москва, ул. Богородский Вал, д. 3, e-mail: guzel.aflyatunova13@yandex.ru).

Makarenkov D.A., Tsedilin A.N., Berengarten M.G., Aflyatunova G.R.

ENVIRONMENTAL PRINCIPLES FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE CHEMICAL AND RELATED INDUSTRIES UNDER THE CONDITIONS OF PLANETARY CHALLENGES

Abstract. *The most important global challenge of our time is the contradiction between the developing technosphere and the ecosphere losing its stability. Ensuring the sustainable development of the sphere of production and services is possible with the transition to new nature-like technologies of the post-industrial technological order with the dominance of the life-supporting functions of the biosphere over its material and energy resources.*

Key words: *challenges, technobiosphere, technological order, ecological principle, nature-like technologies, COVID-19.*

Information about authors

Makarenkov Dmitriy A. (Russia, Moscow) – doctor of engineering sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science, NRC “Kurchatov Institute” – IREA (107076 Moscow, Bogorodsky Val. 3, e-mail: makarenkovd@mail.ru).

Tsedilin Andrei N. (Russia, Moscow) – candidate of engineering sciences (e-mail: azedilin@yandex.ru).

Berengarten Mikhail G. (Russia, Moscow) – candidate of chemical sciences, professor, Department Chair of “Hardware Design and Automation of Technological Production named after Professor M.B. Generalova” Moscow Polytechnic University” (107023 Moscow, B. Semenovskaya st., 38, e-mail: berengarten@mail.ru).

Aflyatunova Guzel R. (Russia, Moscow) – Research Assistant, NRC “Kurchatov Institute” – IREA (107076 Moscow, Bogorodsky Val. 3, e-mail: guzel.aflyatunova13@yandex.ru).

Bibliography

1. Vernadsky V.I. Biosphere and noosphere. M.: Nauka. 1989. 264 p.
2. Glaziev S.Yu. National economy structures in the global economic development // Economics and mathematic methods. 2016. № 2. P. 3-29.
3. Gumerov F, Yarullin R. Super critical fluids and SCF technologies. // The Chemical Journal. 2008. № 10. P. 26-30.
4. Schwab K. The fourth industrial revolution Eksmo. 2016. 320 p.
5. Kolin K.K. Global threats to the development of civilization in the XXI century // Strategic Priorities. 2014. № 1. P. 6-30.

6. Koryagin B.B. Processes and apparatus for microbiological production. *Biotechnics-86*. M. 1986. P. 10-11.
7. Makarenkov D.A., Tsedilin A.N. Nature-like technologies in rational nature management. *Modern problems of ecology: reports of the XXVI All-Russia. scientific-practical. conferences*. Tula: Innovative technologies. 2021. P. 26-28.
8. Anastas P.T., Warner J.C., *Green Chemistry: Theory and Practice*. Oxford University Press. New York. 1998. P. 30.
9. Sister V.G., Pokrovsky D.D., Tsedilin A.N. Technical and environmental aspects of the development of nature-like technologies of the post-industrial technological order // *Alternative energy and ecology*. 2020. № 25-27. P.147-154.
10. Sister V.G., Tsedilin A.N. Post-industrial technological order as the basis of global sustainable development". Collection of abstracts of the participants of the International Scientific Congress "Globalistics 2020: Global problems and the future of mankind". P. 82-83.
11. Wayne R. *Fundamentals and application of photochemistry*. M.: Mir. 1991. 304 p
12. Federal Law of March 30, 1999 No. 52 "On the sanitary and epidemiological welfare of the population"
13. Chizhevsky A.L. *Solar pulse of life*. M.: AIRIS-press. 2015. 352 p.

КЛЮЧЕВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ХОЛДИНГА ПАО «СЕВЕРСТАЛЬ» И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ДОХОДЫ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В данном исследовании проведен анализ основных показателей финансовых результатов металлургического холдинга ПАО «Северсталь» за 2016–2021 гг. Выявлены причины изменений в динамике финансовых результатов. Продемонстрирована роль холдинга в формировании доходов бюджетной системы страны.

Ключевые слова: черная металлургия, бюджетная система, олигархический капитализм, влияние пандемии на спрос черных металлов, налог на прибыль, консолидированное налогообложение, офшорные уставные капиталы.

Особенность российской металлургии (как черной, так и цветной) заключается в том, что контрольный пакет акций корпораций находится в руках одного владельца. Так, например, богатейшими россиянами по версии Forbes на начало 2021 года стали: 1-е место – Алексей Мордашов (76% акций ПАО «Северсталь», черная металлургия); 2-е место – Владимир Потанин (35% акций ПАО «Норникель», цветная металлургия) и 3-е место – Владимир Лисин (79% акций ПАО «НЛМК»)¹. В середине 1990-х гг. нынешние миллиардеры в ходе различных залоговых аукционов, закрытых торгов и прочих манипуляций с акциями практически за бесценок приобрели ключевую долю в уставных капиталах металлургических корпораций, а государство фактически полностью потеряло контроль над металлургией [1].

Ровно так, как ключевым налогом в нефтегазовой отрасли является НДС от Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов – 2,3 и 1,1 трлн. рублей соответственно поступлений НДС в бюджетную систему страны за 2021 год, так и ключевым бюджетоформирующим налогом от металлургической отрасли являлся, и будет являться, налог на прибыль. Несмотря на достаточно большую сумму поступлений по НДС в бюджетную систему от металлургии – зачастую этот налог имеет отрицательное значение, то есть возмещает из федерального бюджета в пользу предприятий в связи с экспортными продажами.

Рассмотрим динамику финансовых результатов холдинга ПАО «Северсталь» за 2016–2021 гг. Как видно из таблицы 1, консолидированная выручка холдинга за период увеличилась в 2,2 раза. В большей степени на рост повлиял рост курса доллара, а также цены на металл на мировых рынках. После падения спроса и цен в 2020 году из-за пандемии коронавируса, в 2021 году в результате оживления предпринимательской активности, снятия ограничений и многократно увеличившимся спросе, выручка ПАО «Северсталь» за год выросла на +72% с 485,8 до 835,5 млрд. рублей. Себестоимость продукции увеличилась в 1,5 раза относительно 2016 года и на +28% относительно 2020 года. В связи с ростом выручки, опережающим рост себестоимости, валовая прибыль выросла в 3,2 раза. Общехозяйственные и административные расходы выросли на +37%, затраты на сбыт на +66%. В 6,6 раза увеличилась сумма налогов, отличных от налога на прибыль. Одним из самых важных показателей в финансовых результатах для налоговой службы и для социально-экономического развития является налоговая база. Так, прибыль до налогообложения холдинга за

¹ 200 богатейших бизнесменов России – 2021. Рейтинг Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/rating/426935-200-bogateyshih-biznesmenov-rossii-2021-reyting-forbes>

исследуемый период выросла со 108,8 до 369,4 млрд. рублей или в 3,4 раза, а прошлый год – в 3,9 раза. Поступления по налогу на прибыль выросли в 10,3 раза – с 6,8 до 69,8 млрд. рублей. Рост чистой прибыли составил 2,9 раза.

Таблица 1. Ключевые финансовые результаты металлургического холдинга ПАО «Северсталь» за 2016–2021 гг., руб.

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2021 к 2016, раз
Выручка	385262	450410	528108	517737	485750	835451	2,2
Себестоимость	236523	275698	307274	317535	283657	361667	1,5
Валовая прибыль	155621	181823	229856	210217	211112	493916	3,2
Общехозяйственные и административные расходы	18714	16697	19168	23079	22444	25662	1,4
Затраты на сбыт	30818	34855	36052	34423	47464	51099	1,7
Налоги за исключением налогов на прибыль и прочие отчисления	3633	4164	4328	3640	1990	22447	6,2
Прибыль до налога на прибыль	108781	169812	158442	144457	95951	369434	3,4
Расходы по налогу на прибыль	6751	23846	29764	30096	21327	69786	10,3
Прибыль за период	102030	145966	128678	114361	74624	299648	2,9

Источник: составлено автором по данным консолидированной финансовой отчетности (МСФО) холдинга ПАО «Северсталь»².

В связи с тем, что данный холдинг обладает высокой степенью вертикальной интеграции и контролирует все процессы от добычи сырья до сбыта и реализации продукции – себестоимость холдинга не так сильно зависит от курса доллара, а вот экспортные продажи в результате роста цен очень выгодны. Данные таблицы 2 говорят о росте производственной эффективности компании. Всего за период доля себестоимости в выручке сократилась с 61,4 до 43,3 п.п., а рентабельность валовой прибыли увеличилась на 18,7 п.п., такое сокращение затрат на производство несомненно благотворно повлияло на рост налоговой базы [2].

Таблица 2. Производственная эффективность металлургического холдинга ПАО «Северсталь» за 2016–2021 гг.

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2021 к 2016, +/- п.п.
Доля себестоимости в выручке, %	61,4	61,2	58,2	61,3	58,4	43,3	-18,1
Рентабельность валовой прибыли, %	40,4	40,4	43,5	40,6	43,5	59,1	+18,7

Источник: составлено автором по данным таблицы 1.

Помимо сокращения производительных затрат у холдинга снизились коммерческие и управленческие расходы, которые в стандартах МСФО отражаются как общехозяйственные и административные расходы, а также расходы на сбыт. Так, общехозяйственная и административная нагрузка сократилась на 1,8 п.п., а сбытовые расходы на 1,9 п.п. за период. Стоит сказать, что административные затраты, относящиеся к постоянным издержкам и независимым от объема производств имели темпы роста значительно ниже темпов роста выручки, а значит корпоративное управление не использует успешный финансовый результат от цен на внешних рын-

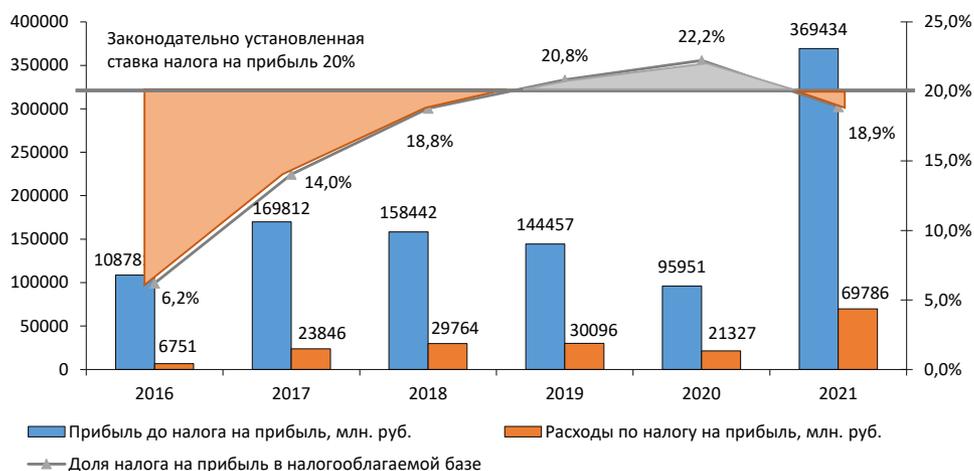
ках с целью обогащения ключевых менеджеров. Удельно-весовое сокращение общехозяйственных, административных и сбытовых расходов относительно выручки также положительно влияет на налогооблагаемую прибыль холдинга (табл. 3).

Таблица 3. Доля общехозяйственных, административных и сбытовых затрат в выручке холдинга ПАО «Северсталь» за 2016–2021 гг.

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2021 к 2016, +/- п.п.
Общехозяйственная и административная нагрузка, %	4,9	3,7	3,6	4,5	4,6	3,1	-1,8
Доля затрат на сбыт в выручке, %	8,0	7,7	6,8	6,6	9,8	6,1	-1,9

Источник: составлено автором по данным таблицы 1.

Как уже было сказано ранее, ключевым показателем для социально-экономического развития территорий в финансовой отчетности металлургических корпораций является налог на прибыль. Именно его величина, доля относительно налоговой базы и определяет роль компании в бюджетных доходах региона и страны в целом. Перейдя к анализу отчетности холдинга ПАО «Северсталь» можно сказать, что наблюдаются положительные изменения, заключающиеся в росте налоговой базы, налога на прибыль и налоговой нагрузки. Всего за 6 лет налоговая нагрузка выросла с 6,2% в 2016 году до 18,9% в 2021 году. В 2019 и 2020 году текущая ставка налогообложения прибыли составила 20,8 и 22,2% соответственно, что может быть связано с оплатой налога на прибыль предыдущих периодов. К причинам увеличения объема налога на прибыль от холдинга, помимо высоких цен на металлы, низкого курса рубля, снижения себестоимости, можно отнести: прибыльность дочерних компаний, которые в рамках консолидированного налогообложения не сократили налоговую базу материнской компании [3]; готовность ПАО «Северсталь» платить налоги. Основным владельцем «Северстали» Алексей Мордашов заявил о готовности платить более высокие налоги, если власти решат их повысить, однако такие решения должны быть очень взвешенными² (рисунок).

Графоаналитическая модель налоговой нагрузки (налог на прибыль) по налогооблагаемой базе холдинга ПАО «Северсталь» за 2016–2021 гг.

Источник: составлено автором по данным таблицы 1.

² Мордашов выразил готовность платить более высокие налоги. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4839605>

Естественно, что более чем 10-кратный рост налога на прибыль повлиял и на увеличение налоговой нагрузки по валовой прибыли и выручке. Доля налога на прибыль в валовой прибыли выросла на 9,8 п.п., а по выручке – на 6,6 п.п. за исследуемый период. Стоит сказать, что уровень налоговой нагрузки ПАО «Северсталь» в 2021 году схож с уровнем 2004–2007 гг., когда предприятие максимально наполняло бюджетную систему налогом на прибыль и имело очень значимую роль в формировании бюджетных доходов Вологодской области (табл. 4).

Таблица 4. **Налоговая нагрузка (налог на прибыль) по валовой прибыли и выручке холдинга ПАО «Северсталь» за 2016–2021 гг.**

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2021 к 2016, +/- п.п.
Доля налога на прибыль в валовой прибыли, %	4,3	13,1	12,9	14,3	10,1	14,1	+9,8
Доля налога на прибыль в выручке, %	1,8	5,3	5,6	5,8	4,4	8,4	+6,6

Источник: составлено автором по данным таблицы 1.

Что касается данных Федеральной налоговой службы, общая сумма ключевых налогов от металлургического производства Вологодской области, среди которых: налог на прибыль, НДС, НДФЛ и налог на имущество, выросла пятикратно – с 16 до 79,6 млрд. рублей. Больше все увеличился объём поступлений по налогу на прибыль с 4,4 до 43,5 млрд. рублей. В связи с этим роль налога в общей массе возросла с 27,6 до 54,7% или в 2 раза. Поступления НДФЛ выросли в 1,5 раза, а налог на имущество сократился на 36,7%. В бюджет региона в 2021 году от металлургического производства Вологодской области поступило 32,5 млрд. рублей, что является абсолютным рекордом за всю историю налоговых расчетов предприятия с бюджетом региона. В результате этого сумма доходов областного бюджета составила 142,4 млрд. рублей. Получается, что доля налога на прибыль ПАО «Северсталь», предназначенная для регионального бюджета в доходах области составила около 22,8%, что является достаточно высоким показателем (табл. 5).

Таблица 5. **Налоговые поступления от металлургического производства Вологодской области (ПАО «Северсталь»)**

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2021 к 2016, раз
Налог на прибыль, из него:	4404	11411	17831	16790	10826	43535	9,9
Удельный вес, %	27,6%	41,9%	43,5%	50,0%	75,2%	54,7%	2,0
в федеральный бюджет	1816	5942	4392	3881	2553	11037	6,1
в региональный бюджет	2588	5469	13439	12909	8273	32498	12,6
НДС	3524	462	1220	-3834	-11091	-11902	х
НДФЛ	2470	2764	2991	2979	3194	3680	1,5
Удельный вес, %	15,5%	10,2%	7,3%	8,9%	22,2%	4,6%	
Налог на имущество	1167	1158	1110	826	641	738	0,6
Удельный вес, %	7,3%	4,3%	2,7%	2,5%	4,5%	0,9%	0,1
Всего	15969	27206	40983	33551	14396	79586	5,0

Источник: составлено автором по данным сайта nalog.gov.ru³

Подводя итог исследованию, хочется отметить несомненно положительные сдвиги в системе налоговых отношений между металлургическим холдингом ПАО

«Северсталь» и бюджетом Вологодской области. Учитывая тот факт, что конвоированное налогообложение полностью прекращает свое существование в 2023 году, то ставки по налогу на прибыль в размере от 5 до 10-12% полностью уйдут в прошлое, так как убытки дочерних компаний не будут сокращать налоговую базу главной компании. Не будем прогнозировать выручку и налоговые поступления в 2022 году, поскольку, в связи с военной спецоперацией России в Украине, нет четкого представления о том, как будет переориентирована логистика и рынки сбыта.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНИЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Список литературы

1. Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Металлургические корпорации и государство: тенденции финансового взаимодействия последнего десятилетия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 150–166.
2. Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Особенности развития черной металлургии в России и мире в 2000-2019 гг. // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1 (190). С. 125-135.
3. Малышев М.К. Последствия от внедрения института консолидированных групп налогоплательщиков в сегменте черной металлургии // Экономическая безопасность. 2021. Т. 4. № 1.

Информация об авторе

Малышев Михаил Константинович (Россия, Вологда) – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mmk1995@mail.ru).

Malyshev M.K.

KEY FINANCIAL INDICATORS OF PJSC SEVERSTAL HOLDING AND THEIR IMPACT ON BUDGET SYSTEM REVENUES

Abstract. *This study analyzes the main indicators of the financial results of the metallurgical holding of PJSC Severstal for 2016-2021. The reasons for changes in the dynamics of financial results are revealed. The role of the holding in the formation of revenues of the country's budget system is demonstrated.*

Key words: *Ferrous metallurgy, the budget system, oligarchic capitalism, the impact of the pandemic on the demand for ferrous metals, income tax, consolidated taxation, offshore authorized capital.*

Information about author

Malyshev Mikhail K. (Vologda, Russia) – Research Engineer, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (160014, Vologda, Gorky str., 56a; mmk1995@mail.ru).

Bibliography

1. Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. Metallurgical corporations and the state: trends in financial interaction of the last decade // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2021. Vol. 14. № 3. P. 150-166.
2. Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. Features of the development of ferrous metallurgy in Russia and the world in 2000-2019. // Problems of forecasting. 2022. № 1 (190). P. 125-135.
3. Malyshev M.K. Consequences of the introduction of the institute of consolidated groups of taxpayers in the ferrous metallurgy segment // Economic security. 2021. Vol. 4. № 1.

УСТОЙЧИВОСТЬ КОНКУРЕНТНОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И РИСКОВ

***Аннотация.** В работе предлагается на основе методики оценки конкурентной привлекательности изучать устойчивость регионов России по фактору экономики. Анализируются изменения устойчивости регионов под воздействием различных вызовов и рисков, в частности пандемии COVID-19. Опробование методики проводится на регионах СЗФО. Показывается, какие первичные экономические показатели привели к неустойчивости регионов.*

***Ключевые слова:** конкурентная привлекательность, экономическое развитие, устойчивость регионального развития, экономические вызовы и риски, Северо-Западный федеральный округ.*

В настоящее время конкурентная привлекательность регионов имеет важное значение в связи с резко возросшей волатильностью различных факторов развития в глобальном социально-экономическом и политическом пространстве как и внутри страны, так и за ее пределами. В последние годы значительное неблагоприятное влияние оказывает политическое противостояние Западных стран с Россией, проявляющееся во введении различных торгово-экономических и финансовых санкций по отношению к нашей стране. Кроме того, волатильность может проявляться и из-за различных экстремальных неблагоприятных явлений внутри страны и в отдельных ее регионах, таких как, например, техногенные катастрофы и различные аварии, экстремальные природные катаклизмы, например, засухи, наводнения и т.д. В 2020-2022 гг. мы наблюдаем глобальное неблагоприятное воздействие пандемии COVID-19 на все страны и в том числе и Россию [1, 4, С. 5-8, 6, С. 28-29].

Повышение определенных свойств конкурентной привлекательности по актуальным для конкретного региона направлениям и востребованным в настоящее время внешними и внутренними потребителями территориального пространства, может быть обозначено и выбрано как цель развития регионов, достижение которых поддается контролю и мониторингу. Целеполагание посредством задач повышения свойств конкурентного пространства является долгосрочным и количественно устанавливаемым параметром.

Наш подход использования категории конкурентная привлекательность и выводов, следующих из анализа результатов мониторинга конкурентной привлекательности, заключается в возможности улучшения свойств социально-экономического пространства для привлечения ресурсов и потребителей, от чего выигрывают внешние инвесторы и местные субъекты жизнедеятельности территории, а также новые потребители территориального пространства. Под конкурентной привлекательностью мы понимаем повышенные по сравнению с другими регионами свойства социально-экономического пространства, востребованные потребителями и обеспечивающие им дополнительный эффект от пребывания или хозяйственной деятельности на территории. Для расчета конкурентной привлекательности экономического фактора используются 10 статистически учитываемых показателей, ко-

торые наиболее точно описываю изучаемое явление. Все показатели переводятся в единую безразмерную балльную форму, где 100 баллов присваивается максимальному значению показателя, а 1 – минимальному. Затем все показатели суммируются и делятся на десять используемых для расчета показателей [2, С. 19-22, 3, С. 4-8].

Мы предлагаем использовать конкурентную привлекательность и ее мониторинг для оценки факта и степени устойчивости экономической конкурентной привлекательности региона. Под устойчивостью конкурентной привлекательности экономического развития региона мы понимаем способность региона сохранять или повышать экономическую конкурентную привлекательность территории среди других в составе единого территориального пространства страны. Математически критерий неустойчивости, представленный в формуле 1, определяется на основе понижения балльных оценок и рангов места регионов в общем территориальном пространстве России. То есть, неустойчивым в экономическом развитии мы считаем регион, который понизил свою балльную оценку конкурентной привлекательности и ухудшил свои ранговые позиции в общем территориальном пространстве страны.

$$\left\{ \begin{array}{l} \Delta R < 0 \\ \Delta КП < 0 \end{array} \right. , \quad (1)$$

где КП = (КП_{t1} – КП_{t0}) – экономическая конкурентная привлекательность региона в начале и конце исследуемого периода;

R = (R_{t0} – R_t) – ранг региона по экономической конкурентной привлекательности в начале и конце исследуемого периода.

Все остальные варианты значения неравенств, представленные в формулах 2-4 мы считаем устойчивым развитием.

$$\left\{ \begin{array}{l} \Delta R \geq 0 \\ \Delta КП \geq 0 \end{array} \right. , \quad (2)$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \Delta R = < 0 \\ \Delta КП \geq 0 \end{array} \right. , \quad (3)$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \Delta R > 0 \\ \Delta КП < 0 \end{array} \right. . \quad (4)$$

При этом следует отметить, что основной областью устойчивости развития является ситуация, описанная формулой 2, когда балльные и ранговые позиции увеличиваются за исследуемый период. Но бывают варианты неравенств, представленные в формулах 3 и 4, когда значения изменений балльных и ранговых оценок имеют разнонаправленные значения. То есть, например, балльные оценки улучшились, а ранговые позиции понизились, или наоборот – балльные оценки понизились, а ранговые позиции улучшились. Это происходит при очень небольших изменениях приращений и высокой плотности расположения регионов на шкале балльных оценок. Данные варианты значения неравенств также считаются устойчивым экономическим развитием регионов.

Для анализа устойчивости и неустойчивости развития регионов Северо-Западного федерального округа, мы взяли период 2019-2020 гг. Согласно вышеназванным критериям мы выявляем регионы Северо-Западного федерального округа, которые в исследуемый период в большей или меньшей степени изменили свои позиции по экономической конкурентной привлекательности относительно всего территориального пространства страны. В этот период на экономику России воздействовали различные экономические, политические и другие виды вызовов и рисков. Среди наиболее значимых можно назвать снижение среднегодовой стоимости нефти и других полезных ископаемых, падение цен на некоторые металлы, рост курсов валют, продолжение действия санкций и контрсанкций, введенных в период с 2014 г. и позднее. Следует отметить, что действие этих вызовов и рисков было разнонаправленным. Эти факторы, в частности по ценовым характеристикам экспорта, курсы валют, объема продукции сельского хозяйства могут быть как позитивными, так и негативными и воздействуют на устойчивость комплексно [7, С. 26-27]. Дифференцированно количественно учесть позитивное и негативное влияние каждого фактора на обобщенную устойчивость не представляется возможным, но качественно учесть причинно-следственные связи можно. Кроме того, в 2020 г. появился новый мощный фактор, влияющий на экономику – это пандемия коронавирусной инфекции, введение карантинных мер, локдауна, остановка или ограничение деятельности некоторых предприятий. Такого масштаба возмущающее действие было весьма ощутимым для экономики регионов.

В таблице 1 представлены результаты расчетов устойчивости регионов Северо-Западного федерального округа по экономическому фактору за период 2019-2020 г.

Таблица 1. Устойчивость регионов Северо-Западного федерального округа по экономическому фактору в 2019-2020 г.

Регион	Разность баллов	Разность рангов	Устойчивость
Республика Карелия	0,0	-4	У
Республика Коми	-4,0	-9	Н
Ненецкий АО	5,3	4	У
Архангельская область без АО	1,3	-2	У
Вологодская область	5,9	2	У
Калининградская обл.	4,8	4	У
Ленинградская область	0,9	-1	У
Мурманская область	3,3	1	У
Новгородская область	-2,2	-10	Н
Псковская область	0,2	-11	У
г. Санкт-Петербург	-0,3	-1	Н

Источник: рассчитано автором по [5].

Неустойчивость в этот период проявили 3 региона. Наиболее сильная степень неустойчивости выявлена у республики Коми, которая понизила свои балльные оценки на 4 балла и на 9 ранговых позиций; Новгородская область понизила свои балльные оценки в меньшей степени, но на большее число рангов – 10. Очень незначительные признаки неустойчивости отмечаются у Санкт-Петербурга, где балльные оценки изменились всего на 0,3 балла, что привело к снижению на 1 ранг. Другие 8 регионов Северо-Западного федерального округа не смотря на возмущающие воз-

действия вызовов и рисков этого периода, в том числе и пандемию, сохранили свои позиции конкурентной привлекательности и даже улучшили их. Ненецкий автономный округ и Калининградская область усилили свою конкурентную привлекательность экономического развития на 4 позиции, Вологодская область – на 2 позиции.

На основе этих оценок устойчивости и неустойчивости для трех неустойчивых регионов мы проанализировали воздействие каких первичных экономических показателей ухудшили степень их экономической конкурентной привлекательности, что представлено в таблице 2.

Таблица 2. Причины неустойчивости регионов в 2020 г. по сравнению с 2019 г., снижение или замедление роста показателей

Показатели	Разность баллов	Разность рангов
<i>Республика Коми</i>		
Сальдированный финансовый результат деятельности предприятий на одного занятого в экономике (тысяч рублей)	-21	-42
Объем товаров и услуг обрабатывающих производств на душу населения, тыс. руб. на человека	-21	-42
<i>Новгородская область</i>		
ВРП на 1 занятого в экономике (тысяч рублей)	-2	-2
<i>г. Санкт-Петербург</i>		
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	-2	-1
Изменение среднегодовой численности занятых, в % к предыдущему году	-2	-1
Доля экспорта в продукции обрабатывающих и добывающих производств и сельского хозяйства	-2	-1
Объем строительных работ на душу населения, тыс. на чел.	-15	-4
Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.	-2	-1
Протяженность автомобильных дорог, соотнесенная с числом легкового автомобильного транспорта	-2	-1
Источник: рассчитано автором по [5].		

У Республики Коми привели к неустойчивости 2 резко понизившихся показателя – сальдированный финансовый результат деятельности предприятий на одного занятого в экономике и объем товаров и услуг обрабатывающих производств на душу населения, которые понизились на 21 балл и 42 ранга, что в значительной степени повлияло на общую экономическую конкурентную привлекательность региона. Здесь можно говорить о влиянии пандемии, так как большое число нерабочих дней и эпидемиологические ограничения предприятий отразились на производстве продукции и, соответственно, на финансовом результате их деятельности. В Новгородской области больше всего повлияло снижение ВРП на 1 занятого в экономике. Остальные показатели экономической конкурентной привлекательности не изменились или имели совсем незначительный рост, что в целом привело к общему снижению обобщенной балльной оценки по фактору. На изменение позиции Санкт-Петербурга наибольшее влияние оказал показатель объема строительных работ на душу населения. Остальные показатели снижались незначительно, но и их незначительное снижение вместе привело к понижению обобщенной оценки конкурентной привлекательности экономического развития Санкт-Петербурга на 1 ранг. Кроме показателя доли экспорта в продукции обрабатывающих и добывающих производств и

сельского хозяйства, где вероятно повлияло введение санкций и общее нарастание напряжения в экономике, связанное с ростом курсов валют, везде можно говорить о влиянии пандемии коронавирусной инфекции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что экономическая конкурентная привлекательность регионов подвержена значительному влиянию вызовов и рисков. На регионы Северо-Западного федерального округа возмущающие воздействия влияют по-разному. Для каждого региона необходимо вырабатывать свои меры противодействия на основе анализа показателей, которые наиболее сильно подвержены понижению и вызывают неустойчивость регионального развития.

Благодарность

В статье приведены результаты фундаментальных научных исследований, выполненных в ФГБУН ИПРЭ РАН в соответствии с программой фундаментальных научных исследований по теме «Механизмы формирования новых подходов к пространственному развитию экономики Российской Федерации, обеспечивающей устойчивое развитие и связанность ее территорий в условиях глобальных вызовов XXI века».

Список литературы

1. Андреев В.Е. Конкурентоспособность региона и методика ее оценки. URL: <http://www.reklama.rezultat.com/> (дата обращения 12.03.2022).
2. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Оценка конкурентоспособности и устойчивости социально-экономического развития Санкт-Петербурга в территориальном пространстве регионов России (2010-2015 гг.) // Экономика и управление. 2017. № 3 (137). С. 17-25.
3. Назарова Е.А. Измерение и анализ конкурентного потенциала регионов России: дис. ... канд. экон. наук / Институт проблем региональной экономики Российской академии наук. СПб., 2012.
4. Оценка влияния кризиса, связанного с пандемией COVID-19, на отрасли российской экономики и их посткризисное развитие : докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. М.: Изд. дом ВШЭ. 2021. 45 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021. Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения 12.01.2022).
6. Рослякова Н.А., Дорофеева Л.В. Новая Великая депрессия на фоне коронавирусной пандемии: проверка теории Кейнса для регионов России // Региональная экономика. Юг России. 2021. Т. 9. № 4. С. 26-36. DOI: 10.15688/re.volsu.2021.4.3
7. Третьякова Е.А., Осипова М.Ю. Оценка показателей устойчивого развития регионов России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2. С. 24–35.

Информация об авторе

Назарова Евгения Андреевна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, г. Санкт-Петербург, Серпуховская ул., д. 38; e-mail: jane.nazarova@mail.ru).

SUSTAINABILITY OF THE COMPETITIVE ATTRACTIVENESS OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF NORTH-WESTERN FEDERAL DISTRICT UNDER THE INFLUENCE OF GLOBAL CHALLENGES AND RISKS

Abstract. *The paper proposes to study the sustainability of Russian regions by the economic factor based on the methodology of assessing competitive attractiveness. The changes in the resilience of regions under the influence of various challenges and risks, in particular the Covid-19 pandemic, are analyzed. Testing of the methodology is carried out in the regions of the North-Western Federal District. It shows which primary economic indicators led to the instability of the regions.*

Key words: *competitive attractiveness, economic development, sustainability of regional development, economic challenges and risks, North-Western Federal District.*

Information about author

Nazarova Evgeniya A. (Saint-Petersburg, Russian Federation) – Candidate of economic sciences, Senior research scientist, Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (Serpukhovskaya str., 38, Saint-Petersburg, Russian Federation, 190013; jane.nazarova@mail.ru).

Bibliography

1. Andreev V.E. Competitiveness of the region and the methodology of its assessment. URL: <http://www.reklama.rezultat.com/> (accessed 12.03.2022).
2. Grinchel B.M., Nazarova E.A. Assessment of competitiveness and sustainability of socio-economic development of St. Petersburg in the territorial space of the regions of Russia (2010-2015) // Economics and management. 2017. № 3 (137). P. 17-25
3. Nazarova E.A. Measurement and analysis of the competitive potential of the regions of Russia/ Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences / Institute of Problems of Regional Economics of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg. 2012
4. Assessment of the impact of the crisis associated with the COVID-19 pandemic on the branches of the Russian economy and their post-crisis development: rep. on the XXII Apr. international Scientific Conference on problems of economic and social development, Moscow, 13-30 Apr. 2021. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 2021. 45 p.
5. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021. Stat. sat. // Rosstat. M.: Moscow. 2021. 1112 p. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (accessed 12.01.2022).
6. Roslyakova N.A., Dorofeeva L.V. The New Great Depression against the background of the coronavirus pandemic: a test of Keynes' theory for the regions of Russia // Regional economy. South of Russia. 2021. Vol. 9. № 4. P. 26-36. DOI: 10.15688/re.volsu.2021.4.3
7. Tretyakova E.A., Osipova M.Yu. Assessment of indicators of sustainable development of Russian regions // Problems of forecasting. 2018. №. 2. P. 24-35.

МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СИТУАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

Аннотация. В статье рассматривается ситуация с малым и средним бизнесом в России. Анализируются причины снижения численности малых предприятий в пандемию. Анализируются статистические сведения по малому предпринимательству. Представлены меры государственной поддержки малого предпринимательства на примере Республики Татарстан.

Ключевые слова: малое предпринимательство, карантинные мероприятия, государственная поддержка, региональная экономика.

Развитие малого и среднего предпринимательства имеет высокое значение для экономики любой страны мира, именно поэтому экономически развитые страны уделяют субъектам малого и среднего бизнеса очень большое внимание. Опыт развитых стран современного мира наглядно демонстрирует потребности в высокоразвитом и эффективном секторе малого бизнеса в каждой национальной экономике. Принимая активное участие в национальной экономике, малый бизнес влияет на экономический рост, ускоряет научно-технический прогресс, насыщает рынок товарами требуемого качества, создает новые дополнительные рабочие места, решает актуальные экономические проблемы.

В России небольшие компании играют значимую роль, обеспечивая стабильность рыночных отношений. По мнению экспертов, бизнес в России в 21-м веке становится более открытым, приобретает все большую общественную поддержку, способствует формированию гражданского общества. Креативная роль бизнеса, его конструктивное взаимодействие с государственной системой управления становятся мощными факторами реализации модернизационного проекта, улучшения социальной структуры общества [3, с. 3]. Поэтому современная экономическая сфера создает условия для привлечения граждан страны к открытию собственного бизнеса.

Также стимулом к открытию своего дела становится тот факт, что несмотря на небольшие позитивные изменения в посткризисные годы, доходы домохозяйств, в лучшем случае, равны расходам. Большинство людей вынуждены экономить не только на крупных покупках, но и продуктах питания. Основная часть доходов домохозяйств уходит на обязательные платежи (налоги, страховые платежи, проценты по кредитам) и текущее потребление. Основным источником жизнедеятельности домохозяйств остается заработная плата на основной работе [4, с. 55]. Наблюдается недостаток материальных средств на развлечения, на образовательные и медицинские услуги. В стране необходимо выработать стратегию эффективной социальной политики по улучшению социально-экономического положения домохозяйств. Выходом становится открытие собственного дела, малого предприятия, или самозанятость.

Положительной стороной малых предприятий является тот факт, что они адаптивны к внешним условиям. Благодаря гибкости и скорости принятия решений, малым предприятиям легче контролировать производственный процесс и быстро адаптировать его к изменениям рыночного спроса. Малые предприятия характеризует высокая маневренность производства по сравнению с крупными предприятиями, чуткое реагирование на потребительский спрос, возможность быстрого внедрения нового, а также способность быстро принимать решения и независимость.

Но малые предприятия сталкиваются со значительными трудностями в своей повседневной деятельности, многие из которых требуют внимания особенно в ситуации социальных рисков, связанных с карантинными ограничениями. В доковидные времена исследователи в ходе анализа проблем малого бизнеса говорили о различных видах административных и налоговых барьеров, высоких штрафах и коррупции, отсутствии инвестиций, отсутствии надежной системы финансовой поддержки в регионах. Современная ситуация, связанная с антиковидными ограничениями, усугубила имеющиеся проблемы и обусловила появление новых, еще более разрушающих малое предпринимательство. Речь идет о карантинных мероприятиях, необходимых с позиции санитарно-эпидемиологических служб, но губительных с точки зрения экономических выгод и затрат.

В настоящее время существует множество подходов к определению понятия «малый бизнес», но согласно Федеральному закону Российской Федерации № 209 от 24 июля 2007 года «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [29, 25с] малый бизнес считается сочетанием микро и малых предприятий, занимающихся предпринимательской деятельностью¹. В настоящее время в России зарегистрировано 224 105 малых предприятий, на которых работают 6 189 172 человек, ситуация с развитием малого и среднего бизнеса имеет отрицательную динамику. Если проанализировать статистические данные по малому и среднему бизнесу, можно отметить снижение численности малых предприятий, а это означает сокращение рабочих мест, реальных доходов населения и налоговых платежей в бюджет. В доковидный период важнейшей социальной функцией малого бизнеса являлась его способность трудоустроить большое количество безработных, что снижает безработицу и социальную напряженность.

Для проведения анализа воспользуемся данными из Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, размещенном на сайте Федеральной налоговой службы. На 10.01.2017 г. всего субъектов малых предприятий насчитывалось 268 488, на 10.01.2020 их число сократилось до 224 105². Во время пандемии малый бизнес снизил свой потенциал. Речь идет об использовании ресурсов, в период карантинных ограничений не было необходимости в закупке дополнительного оборудования, сырья и материалов, что повлекло за собой цепочку логистических изменений, не были привлечены дополнительные рабочие силы, службы занятости не были востребованы для поиска персонала, произошло частичное снижение заработной платы, в сложных случаях - увольнения и закрытия предприятий.

Согласно статистике, кризис затронул 6,05 млн. компаний и предпринимателей и до 67 % от общего числа предприятий в стране. По данным аудиторской компании FinExpertiza, за весну 2020 года более трети организаций оказались в убытке на 1,65 трлн рублей. Прибыль российского бизнеса составила 1,4 трлн рублей, это на 67 % меньше, чем весной прошлого года. По отдельным секторам экономики наибольший урон карантинные мероприятия нанесли туризму. Их потери были оценены в 500 млрд. рублей. Оборот общепита за время карантина снизился почти в два раза по сравнению с тем же периодом 2019 года. Агентство Fashion Consulting Group считает, что в 2020 году в Москве закроется до 50 % магазинов одежды, обу-

¹ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: ФЗ от 24 июля 2007 г. № 209. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения 22.03.2022).

² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 22.03.2022).

ви и аксессуаров, театры и музеи потеряли порядка 8 млрд рублей. Для того чтобы пережить кризис, многие малые предприятия сократили такие направления своей деятельности, как маркетинг и рекламу (на 42%), оплату труда работников (на 26 %) и аренда помещений (22 %). Многие стали осваивать интернет-технологии и развивать бизнес на электронных платформах. В период карантина аудитория интернет-магазинов весной увеличилась на 15–17 млн человек³.

Отдельно необходимо остановиться на категории самозанятых, которые в ситуации карантинных мероприятий оказались в сложной ситуации. К этой категории относятся как предприниматели, занимающие активную позицию и сознательно идущие на риски организации собственной занятости. Но также в эту категорию попали предприниматели, которые были вынуждены регистрироваться как самозанятые в период сложных экономических условий. В каждом из регионов существуют программы для самозанятых. В Республике Татарстан – это внедренный 1 января 2019 года наряду с Москвой, Московской и Калужской областями эксперимент по внедрению нового специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» для легализации деятельности самозанятых. Эксперимент предусматривал процентную ставку ежемесячного налога в размере 4% от дохода, полученного при реализации товаров и услуг для физических лиц, и 6% – для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Частные предприниматели освобождались от налога на доходы физических лиц на заработок, за который уплачивается налог на профессиональный доход. Необходимо отметить, что только в городе Казани по состоянию на 1 января 2021 года свою деятельность в качестве самозанятых начали 32 650 человек. В Казани работает Центр поддержки самозанятых, который занимается популяризацией проекта по внедрению налоговых сборов⁴. Кроме вышесказанных мероприятий, татарстанские самозанятые смогли получить субсидии до 100000 рублей на развитие своего дела. Для получения субсидии необходимо было пройти программу по грамотному и эффективно ведению бизнеса, финансовой грамотности.

Малый бизнес в России нуждается в создании и доработке существующих эффективных механизмов поддержки предпринимательства со стороны государства, необходима стабильная экономическая конъюнктура, малый бизнес нуждается в отлаженных механизмах поставки ресурсов и сбыта продукции с поддержкой государства, участия в государственных грантах и программах. Постоянное давление со стороны крупных компаний препятствует интенсивному развитию бизнеса в этом направлении – реализации продукции и конкурентоспособности в ценовой категории товаров и услуг. Это может быть компенсировано частично только субсидированием со стороны государства.

В России развитию малого бизнеса часто препятствуют многочисленные административные барьеры. Высокая монополия на рынке и чрезмерное участие государства не только в бизнесе, но и в других сферах жизни общества может иметь негативные последствия для расширения любой формы предпринимательской деятельности. Предприниматели нуждаются в конкретной помощи со стороны государства – это помощи с арендой жилых помещений, так как арендный фонд часто находится в пользовании муниципальных образований. Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, арендующих государственные помещения,

³ URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/poteri-rossijskogo-biznesa-ot-koronavirusa/ (дата обращения 22.03.2022).

⁴ URL: <https://kzn.ru/prinyat-uchastie/proekty/podderzhka-samozanyatykh/>

заклучалась в отсрочке по аренде государственного имущества за апрель-июнь 2020 года, для некоторых аренда была отменена. По данным на 1 июля 2020 года в Татарстане поддержку получили 91 юридическое лицо и ИП, включая 77 субъектов МСП по 126 договорам аренды на общую сумму 33,8 млн рублей⁵. Отсутствие долгосрочных условий аренды также создают риски для бизнеса. В ситуации пандемии предприниматели остались с обязательствами по выплате аренды помещений, что также негативно повлияло на сохранение бизнеса в карантинный период⁶.

Правительством были приняты правовые документы по следующим мерам поддержки: продление сроков уплаты налогов и продление срока предоставления отчетности; мораторий на налоговые санкции, снижение тарифов по страховым взносам; расширенная программа льготного кредитования малого и среднего предпринимательства, беспроцентные кредиты на выплату заработных плат, спецпрограммы по стимулированию предпринимателей, снижение требований к обеспечению государственных контрактов и кредитные каникулы. Институт анализа инвестиционной политики выделили наиболее актуальные направления и высокотехнологичные разработки, которые в условиях пандемии готовы предоставить ресурс для малых предприятий. К ним относятся медицинская сфера по профилактике распространения и диагностике заболеваемости и сфера цифровизации в экономических отраслях как оценка информации и анализ больших данных [1, с. 633].

Опыт карантинных мероприятий показал, что особое внимание необходимо уделять системе подготовки и переподготовки предпринимателей, формировать основы предпринимательства как в вузах, так и в службах занятости. Работать с населением, входящим в категории прекариата, а это, как правило, женщины и молодежь, безработные граждане. Цель таких мероприятий заключается не только в формировании профессиональных компетенций, но и социально-психологических качеств личности быть готовым к ситуации экономических изменений, сформировать стрессоустойчивость, стать готовым к переориентации бизнеса и внедрению инновационных технологий, проектов по его развитию.

В период карантинных мероприятий выяснилось, что в разных регионах недостаточно представлены агентства поддержки малого бизнеса и многофункциональные бизнес-центры. Показателен в этом плане положительный пример Республики Татарстан, где в период карантина продолжал функционировать на цифровой платформе Бизнес-инкубатор. Его основная задача – поддержка перспективных ИТ-стартапов и их продвижение на рынок. Бизнес-инкубатор способствует популяризации технологического бизнеса и создает благоприятные условия для эффективной предпринимательской, проектной и инновационной деятельности. В настоящее время более 600 предприятий являются резидентами Бизнес-инкубатора⁷.

Режим самоизоляции привел малые предприятия к снижению доходов. Когда ни субсидирование со стороны государства, ни уровень доходов не стали удовлетворять, в большинстве были отмечены нарушения режима самоизоляции и выход на работу. Сказалось и отсутствие конкретных сроков ограничений, даже жесткие штрафы за нарушение режима самоизоляции не стали препятствием для передвижения сотрудников малых и средних предприятий. Для подтверждения существующих проблем развития малого и среднего бизнеса приведем данные из Доклада российского союза

⁵ URL: <https://m.realnoevremya.ru/articles/179538-kak-sebya-chuvstvuet-rynok-kommercheskoy- nedvizhimosti-v-kazani> (дата обращения 22.03.2022).

⁶ URL: <https://решение-верное.рф/msp-covid-april-2020-support> (дата обращения 22.03.2022).

⁷ URL: <https://bi.itpark.tech/about.php?city=kazan> (дата обращения 22.03.2022).

промышленников и предпринимателей (РСПП) о ситуации в российских компаниях на фоне пандемии COVID19. Они показали, что 87,4% компаний продолжают работать в текущих условиях. В 29,3% все сотрудники остаются на рабочих местах (39,6% для крупных компаний и 19,5% для малого бизнеса), в то время как 14% полностью перешли на дистанционный формат. А доля компаний, которые находятся в критическом положении и которые не способны обслуживать основной долг или выплачивать платежи первой очереди (налоги, страховые взносы, зарплата), составляет 20,9%⁸.

Выход сотрудников малых предприятий на работу можно понять и объяснить, так как поддержка в тот же период крупных предприятий была существенной. Например, 15 апреля 2020 года руководством России было внесено предложение о выделении 23 млрд. рублей в качестве поддержки российским авиаперевозчикам, а для ряда системообразующих предприятий государством были предоставлены кредиты с государственным субсидированием в размере ключевой ставки Банка России, 3,5 млрд рублей выделены на возмещение затрат туроператоров, связанных с невозвратными тарифами по авиаперевозкам, а также с организацией вывоза туристов из иностранных государств.

Выводы на момент выхода предприятий из кризиса, вызванного пандемией, следующие. Безусловно, это закрытие ряда малых и средних предприятий либо снижение производительности труда, выпускаемого ассортимента продукции, как следствие снижение заработной платы. К проблемной области также относится падение спроса на некоторые группы производимых товаров и услуг, а также неразвитая инфраструктура оповещения класса предпринимателей о принимаемых государством мерах поддержки. Снижение доходов населения привело к значительному ухудшению структуры потребления, поскольку доходы граждан направляются в первую очередь на приобретение товаров первой необходимости, а именно на приобретение продуктов питания и оплату коммунальных услуг. Малый бизнес также вынужден ограничить производство продукции с длительным производственным циклом, вынужден работать в подавляющей мере на потребление. Отмечались серьезные негативные структурные изменения в малом бизнесе [2, с. 218].

Это обусловило общий спад экономики в стране и актуализировало потребность в усиленной государственной поддержке малого и среднего предпринимательства. Поиск информации и отсутствие обратной связи от предпринимателей повысили риски ведения малого и среднего бизнеса. Только 2,26% предпринимателей страны воспользовались мерами поддержки бизнеса со стороны государства. Характер развития кризиса сопровождался тревожными нестроениями из-за увеличения числа заболевших.

Таким образом, малый бизнес, особенно в сфере услуг является наиболее пострадавшей категорией. Многие предприятия пострадали, так как не имели достаточного запаса необходимых денежных средств, ресурсов для длительного ведения деятельности. Сюда также вошли необходимость выполнения обязательств по выплатам заработной платы, арендные платежи и дополнительные издержки, связанные с ростом курса валюты. Многие компании стали должниками, многие объявили себя банкротами. Для выживания потребовался переход малых предприятий в сеть Интернет для продвижения своей продукции. Но, малые предприятия – это необходимых экономический ресурс страны. Именно они удовлетворяют потребности населения в продуктах питания, предоставляют необходимые услуги, создают

⁸ Доклад РСПП о ситуации в российских компаниях на фоне пандемии COVID-19. URL: <https://media.rsp.ru/document/1/0/a/0a74470429f3dea0e8a73556494ff698.pdf> (дата обращения: 22.03.2022).

возможности для трудоустройства населения. В ситуации социальных рисков даже успешный бизнес нуждается в четко отлаженной системе финансовой, кредитной и инвестиционной поддержки со стороны государства. А также наличие обратной связи от предпринимателей для развития реальной системы поддержки предпринимательства в стране в ситуации социальных рисков.

Список литературы

1. Кокорев А.С. Влияние пандемии на малый и средний бизнес // Московский экономический журнал. 2021. №2. С. 628-642.
2. Петров Д.В., Хорольская Т.Е. Малое предпринимательство России: современное состояние и перспективы развития // ЕГИ. 2020. №2 (28). С. 215-219.
3. Поletaев В.Э. Бизнес в России: инновации и модернизационный проект: Монография. М.: НИЦ ИНФРА. 2019. 624 с.
4. Никитина Т.Н., Зинурова Р.И., Фатхуллина Л.З. Финансовое положение домохозяйств в период социально-экономического кризиса // Управление устойчивым развитием. 2021. №1 (32). С. 47-57.

Информация об авторе

Никитина Татьяна Николаевна (Россия, Казань) – кандидат социологический наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет (420015, Республика Татарстан, Казань, ул. К. Маркса, 68; e-mail: office@kstu.ru).

Nikitina T.N.

SMALL BUSINESS IN THE SITUATION OF SOCIAL RISKS

Abstract. *The article discusses the situation with small and medium-sized businesses in Russia. The reasons for the decline in the number of small businesses during the pandemic are analyzed. Statistical information on small business is analyzed. Measures of state support for small business are presented on the example of the Republic of Tatarstan.*

Key words: *small business, quarantine measures, state support, regional economy.*

Information about author

Nikitina Tatyana N. (Russia, Kazan) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University.

Bibliography

1. Kokorev A.S. The impact of the pandemic on small and medium business // Moscow Economic Journal. 2021. № 2. P. 628-642.
2. Petrov D.V., Khorolskaya T.E. Small business in Russia: current state and development prospects // EGI. 2020. № 2 (28). P. 215-219.
3. Poletaev V.E. Business in Russia: innovation and modernization project: Monograph // Poletaev V.E. M.: NITs INFRA. 2019. 624 p.
4. Nikitina T.N., Zinurova R.I., Fatkhullina L.Z. Financial situation of households during the socio-economic crisis // Management of sustainable development. 2021. № 1 (32). P. 47-57.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСБАЛАНСЫ В ЭКОНОМИКЕ СТРАНЫ И ПРИНЦИПЫ ИНКЛЮЗИВНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА)

Аннотация. В статье раскрыты негативные факторы, влияющие на увеличение региональных различий в уровне валового регионального продукта и в доходах населения в Казахстане, даны рекомендации по переводу государственного регулирования на принципы инклюзивного развития.

Ключевые слова: глобальные вызовы, региональные дисбалансы, экономика, социальное развитие, инклюзивное развитие.

Современные глобальные вызовы финансово-экономического, геополитического, эпидемиологического характера негативно влияют на национальные экономики. Санкции западных стран на Россию влияют и на социально-экономическое развитие стран Евразийского пространства, приводят к инфляции, снижению доходов населения и, как следствие, к социальной напряженности. Негативными факторами послужили также распространение коронавируса и террористические атаки в Казахстане в январе 2022 г., что создало дополнительные сложности и в совокупности с ухудшением благосостояния людей привело к значительному замедлению деловой активности, особенно малого и среднего бизнеса (МСБ). Здесь дело не только в больших затратах на здравоохранение, карантинные меры, восстановление разрушенных объектов МСБ и инфраструктуры в ходе массовых беспорядков, но и в упущенных выгодах от реализации транзитного потенциала Казахстана, нарушения технологических цепочек, в препятствиях для развития туризма и транспортных пассажиро- и грузопотоков. Все это, в свою очередь, обусловило снижение потребительского спроса, который, как известно, является двигателем экономического роста.

Другими проблемами казахстанской экономики, возникшими в последнее время, явились снижение объемов производства в традиционных отраслях сырьевого сектора вследствие нарушения внешнеэкономических связей; уменьшение объемов товарооборота и производств, ориентированных на потребительский спрос; сокращение притока инвестиций; увеличение региональных дисбалансов и неравенства в уровне и качестве жизни людей.

Таким образом, негативно влияющих факторов в этой ситуации становится все больше, что создает угрозы стабильному социально-экономическому развитию и региональной сбалансированности экономики Казахстана.

В этих условиях ведущей тенденцией развития казахстанской экономики является рост неоднородности экономического пространства Казахстана. Представление об этом дает изучение динамики показателей валового регионального продукта (ВРП) и ВРП на душу населения, которые свидетельствует о сохранении в течение длительного периода разрыва в уровне социально-экономического развития регионов страны. Анализ свидетельствует, что лидерами экономического роста на протяжении 2000-2020 гг. стабильно являлись Атырауская область и города Нур-Султан, Алматы. В числе аутсайдеров – Жамбылская, Туркестанская области (ранее Южно-Казахстанская), а также Северо-Казахстанская и Алматинская области, т.е. регионы традиционной аграрной специализации. Иначе говоря, в Казахстане происходит поляризованное развитие экономического пространства – на одном полюсе находятся регионы, имеющие показатель средне-

душевого ВРП на уровне Восточно-Европейских стран, а на другом – регионы, сопоставимые с отстающими странами.

Увеличился разрыв и в доходах населения по регионам страны: наибольшая доля бедных домохозяйств отмечена в Туркестанской (9,1%), Северо-Казахстанской (6,0%) и Мангистауской областях (5,8). В регионах-лидерах социально-экономического развития доля бедных домохозяйств в несколько раз ниже – в г. Нур-Султан всего 1,6%, Карагандинской области 2,0%, в Атырауской области 2,8%.

Для подтверждения вывода о региональных дисбалансах наиболее показательной является оценка региональных различий в уровне жизни по показателю среднемесячной заработной платы одного работника (таблица 1).

Таблица 1. Динамика среднемесячной заработной платы одного работника в регионах Казахстана, тенге¹

Регионы (области и города)	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2020 г. в % к 2019г.
Республика Казахстан	142 898	150 827	162 673	186 815	213 003	114,0
Акмолинская	104 816	110 776	121 361	140 272	168 302	120,0
Актюбинская	117 446	126 640	137 039	156 595	182 923	116,8
Алматинская	104 903	110 387	115 101	136 212	168 313	123,6
Атырауская	268 441	264 597	293 572	351 103	367 799	104,8
Западно-Казахстанская	136 675	144 175	153 782	183 914	195 410	106,3
Жамбылская	96 044	100 536	109 420	127 043	156 846	123,5
Карагандинская	125 705	134 494	149 916	172 239	203 806	118,3
Костанайская	107 997	116 640	125 995	145 890	171 319	117,4
Кызылординская	118 963	124 107	130 391	152 085	178 174	117,2
Мангистауская	250 787	259 672	275 679	294 099	317 611	108,0
Павлодарская	122 633	131 709	141 915	160 670	187 427	116,7
Северо-Казахстанская	97 344	104 139	110 686	130 233	157 497	120,9
Туркестанская	97 029	98 417	104 136	123 853	158 762	128,2
Восточно-Казахстанская	118 736	125 911	140 126	162 182	190 287	117,3
г. Нур-Султан	212 848	227 003	240 320	266 796	302 504	113,4
г. Алматы	178 678	190 875	200 919	224 158	247 951	110,6
г. Шымкент	101 825	108 933	115 574	136 995	161 329	117,8
Коэффициенты различий: max/min.	2,79	2,69	2,82	2,83	2,35	
Составлено и рассчитано по данным: Регионы Казахстана в 2020 году: стат. ежегодник / Бюро национальной статистики; глав. ред. Н.С. Айдапкелов. С. 207.						

Из приведенных данных видно, что в анализируемом периоде наблюдается номинальный рост среднемесячной заработной платы одного работника. В то же время, в уровне заработной платы имеются большие региональные различия, причем они только увеличиваются.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что так же, как и по уровню душевого ВРП, лидерами в оплате труда являются сырьевые регионы – Атырауская и Мангистауская области, а регионами с наиболее низкой в республике зарплатой остаются Жамбылская, Северо-Казахстанская и Туркестанская области. В целом следует отметить, что наряду с ростом региональных разрывов в оплате труда, ее повышение во многом нивелируется увеличением инфляции. Все это говорит об

¹ Для справки: средний курс тенге за 1 долл. США: в 2016 г. – 342,16; в 2017 г. – 326,00, в 2018 г. – 327,24; в 2019 г. – 381,25; в 2020 г. – 425,07. Источник: Официальные курсы иностранных валют. URL: <http://www.nationalbank.kz/?docid=763&switch=russian&showall>

увеличении неравенства уровней жизни не только в разных отраслях экономики и разных слоях населения, но и в региональном разрезе.

Для решения назревших в национальной экономике и обществе проблем в 2021 г. был принят Национальный план развития Казахстана до 2025 г., определивший главные национальные приоритеты страны, задачи и механизмы их реализации, направленные на нивелирование последствий пандемии и развитие факторов устойчивого экономического роста [1]. Главным механизмом регулирования становится стимулирование предпринимательской активности по реализации проектов, направленных на построение диверсифицированной и инновационной экономики, а также выравнивание региональных различий. Главным критерием выбора объектов государственной поддержки при этом становятся производства обрабатывающей промышленности с более высоким уровнем сложности, высокой долей добавленной стоимости производимой продукции, включенные в глобальные технологические цепочки. Развитие отстающих регионов планируется за счет технологической модернизации уже действующих предприятий, создания рабочих мест в обрабатывающем секторе, внедрения новых технологий, цифровизации основных сфер экономики.

Наряду с уточнением приоритетов, на наш взгляд, необходимо изменить общие походы государственного регулирования социально-экономического развития страны. В частности, решение проблемы регионального неравенства и обеспечение справедливого распределения ресурсов, благ и услуг возможно путем перехода Казахстана на модель инклюзивного регионального развития экономики и социальной сферы.

В последние годы в центре внимания многих исследователей находится концепция инклюзивного экономического роста (*Inclusive Growth*). Однако, несмотря на ее распространение в мировой экономической науке в экономическом, социальном и экологическом аспектах, среди ученых нет единой точки зрения на основные положения данной концепции. Многие считают, что инклюзивное развитие означает: повышение среднего уровня жизни населения; рост реальных доходов на душу населения; равный доступ всех слоев населения к государственным услугам и общественным благам; снижение степени имущественного расслоения; сокращение масштабов крайней нищеты [2]. Другие современные исследователи критично рассматривают возможность реализации концепции инклюзивного развития, считая, что данная теория является модным течением и носит декларативный характер. В ней отсутствуют четкие механизмы для достижения равномерного экономического роста и распределения социальных благ [3].

Обобщение мнений ученых позволило прийти к выводу, что теория инклюзивного развития должна означать преодоление неравенства не только доходов и уровня жизни отдельных слоев и групп населения, но и сокращение больших региональных различий в социально-экономическом развитии страны.

Экономические цели инклюзивного регионального развития должны быть реализованы на основе таких принципов, как:

- всеохватность роста во всех секторах экономики;
- устойчивый рост во всех секторах экономики;
- сбалансированность регионального развития;
- ресурсосберегающее развитие региона с учетом интересов будущих поколений.

Социальные цели инклюзивного регионального развития могут быть реализованы при соблюдении следующих принципов:

- справедливое распределение материальных и нематериальных благ в обществе;

- равенство всех слоев населения в доступе ко всем видам социально значимых благ;
- снижение степени имущественного расслоения населения в регионах всех типов;
- сокращение масштабов крайней нищеты на всем экономическом пространстве страны.

Реализация этой концепции потребует повышения роли государственной и местной власти в стимулировании создания эффективных рабочих мест, роста занятости и доходов населения, более равномерного участия его в экономических процессах. Для этого местные органы управления должны, прежде всего, ориентироваться на эффективное использование внутренних ресурсов, а не на безвозмездную государственную поддержку.

В условиях пост пандемийного периода, сложной геополитической обстановки и повышения рисков на финансовом рынке местные органы власти должны решать следующие задачи:

- стимулирование диверсификации экономической деятельности на основе создания новых производств обрабатывающей промышленности, развития малого и среднего бизнеса;
- увеличение объемов сельскохозяйственного производства и рост его продуктивности, а также создание новых производств по переработке сельскохозяйственного сырья, развитие народных ремесел и промыслов в сельской местности;
- формирование третичного сектора экономики – создание новых производств и рабочих мест в области информационных технологий, услуг, а также развитие приграничной торговли, транспортно-логистических операций, туризма и рекреации;
- повышение уровня и качества жизни населения за счет роста его занятости и доходов, увеличения комфортности проживания на основе жилищного строительства и развития коммунальных служб, роста обеспеченности жителей социальными услугами и социальной инфраструктурой (строительство новых детских садов, школ, колледжей, а в крупных городах вузов и их филиалов, больниц, поликлиник, домов культуры и т.п.)
- развитие транспортной инфраструктуры, коммуникаций и высокоскоростного интернета.

Для преодоления неравенства регионального развития в Казахстане необходимо совершенствование управления в следующих направлениях:

- вмешательство государства в развитие регионов должно быть ограничено только законодательством и формированием индикативных территориальных планов;
- основные функции по управлению развитием экономики и общества должны осуществляться местными властями – акиматами;
- общественность, представленная органами системы местного самоуправления, становится субъектом, принимающим решение, расширяется их самостоятельность в части формирования и расходования местных бюджетов;
- повышается ответственность органов власти за эффективность их деятельности;
- трансферты на выравнивание социально-экономического развития регионов должны осуществляться на основе такого критерия, как минимальный уровень расчетного показателя бюджетной обеспеченности по сравнению со средним показателем по стране.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке грантового финансирования Министерства образования и науки Республики Казахстан по проекту ИРН АР09259004 «Приоритеты и механизмы инклюзивного регионального развития Казахстана в услови-

ях преодоления спада экономики» и программно-целевого финансирования «Разработка концепции и механизмов сбалансированного территориального развития экономики и общества Казахстана».

Список литературы

1. Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 года. Стратегический план развития в редакции Указа Президента РК от 26.02.2021 № 521 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636> (Дата обращения 10.03.2021).
2. Inclusive Growth in Cities Campaign: A Roadmap for Action. The New York proposal for inclusive growth in cities // OECD. URL: <https://www.oecd.org/inclusive-growth/about/inclusive-cities-campaign/NY%20Proposal%20-%20English.pdf> (Дата обращения 01.06.2020).
3. Neil Lee. Inclusive Growth in cities: a sympathetic critique // Regional Studies. URL: <https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1476753> (дата обращения 05.03.2022).

Информация об авторе

Нурланова Наилия Капеновна (Республика Казахстан, Алматы) – доктор экономических наук, профессор, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки РК (050010, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; e-mail - n.k.nurlanova@gmail.com).

Nurlanova N.K.

REGIONAL IMBALANCES IN THE COUNTRY'S ECONOMY AND THE PRINCIPLES OF INCLUSIVE DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF KAZAKHSTAN)

Abstract. *The article reveals the negative factors affecting the increase in regional differences in the level of gross regional product and in the income of the population in Kazakhstan, recommendations are given on the transfer of state regulation to the principles of inclusive development.*

Key words: *global challenges, regional imbalances, economy, social development, inclusive development.*

Information about author

Nurlanova Nailya K. (Republic of Kazakhstan, Almaty) - Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (050010, Republic of Kazakhstan, Almaty, Kurmangazy str., 29; e-mail - n.k.nurlanova@gmail.com).

Bibliography

1. National Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025. Strategic Development Plan as amended by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated 02/26/2021 № 521. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636> (accessed 10.03.2021).
2. Inclusive Growth in Cities Campaign: A Roadmap for Action. The New York proposal for inclusive growth in cities. URL: <https://www.oecd.org/inclusive-growth/about/inclusive-cities-campaign/NY%20Proposal%20-%20English.pdf> (accessed 01.06.2020).
3. Neil Lee. Inclusive Growth in cities: a sympathetic critique // Regional Studies. URL: <https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1476753>. (accessed 05.03.2022).

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ, РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация. В статье проанализированы тенденции развития сельских территорий Республики Беларусь, установлены проблемные аспекты, показана системообразующая роль сельского хозяйства, систематизированы программные мероприятия, направленные на обеспечение их устойчивого социально-экономического развития.

Ключевые слова: сельские территории, сельское хозяйство, занятость, агрогородок, деревня будущего, система расселения.

Сельская территория выполняет ряд народнохозяйственных функций: производственную, демографическую, социальную, культурно-этническую, экологическую, рекреационную, нравственную. Кроме этого, сельские регионы выступают как перспективные объекты для развития видов экономической деятельности с целью диверсификации сельской экономики и повышения уровня благосостояния сельских жителей.

На сельских территориях проживает 22,1 % жителей республики, основная сфера занятости – сельское хозяйство, которая обеспечивает рабочими местами порядка 37 % сельского населения. Агропромышленный комплекс Республики Беларусь занимает особое место в экономике страны и относится к числу основных секторов народного хозяйства, определяющих условия поддержания жизнедеятельности общества и роста благосостояния его граждан. Значение АПК состоит не только в обеспечении людей продуктами питания, но и в существенном вкладе в решение вопросов занятости и эффективности национального производства. Роль сельского хозяйства в национальной экономике характеризуют следующие показатели: доля в ВВП – 6,8 %, в экспорте – 19,8 %, занято в отрасли в экономике в целом – 7,7 %. Структура производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств показывает, что основными производителями являются сельскохозяйственные организации – 81,1 % всего объема производимой продукции. Фермерские хозяйства составляют 2,6 % и хозяйства населения – 16,3 %¹.

Республикой Беларусь наработан передовой опыт по развитию сельского хозяйства и сельских территорий, который накоплен в результате реализации пятилетних государственных программ [1–4], Директивы Президента Республики Беларусь «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли» [5]. Экономические, социальные, демографические сферы села и сельскохозяйственного производства – одни из главных факторов в социально-экономическом развитии общества и укреплении безопасности страны. Их совершенствование обусловлено социально политической важностью и общегосударственным значением, так как Республика Беларусь выступает активным участником международной региональной интеграции в рамках ЕАЭС и СНГ и вносит свой вклад в решение мировой продовольственной проблемы.

¹ Сельское хозяйство Республики Беларусь: статист. сб. / Нац. статист. комитет Респ. Беларусь. Минск, 2021. 179 с.

В Государственной программе развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 гг. были предусмотрены меры по созданию новых рабочих мест на сельских территориях, поддержке предпринимательства, включая возможности для самостоятельной занятости, развития государственно-частного партнерства (подпрограмма 10). Такие меры продолжены и в подпрограмме 8 «Развитие и поддержка малых форм хозяйствования» Государственной программы «Аграрный бизнес» на 2021–2025 гг. в части увеличения объемов производства продукции сельского хозяйства в крестьянских (фермерских) хозяйствах.

Указанные программные мероприятия были нацелены на обеспечение устойчивого социально-экономического развития и улучшение демографической ситуации на основе повышения экономической эффективности АПК, сбалансированности внутреннего продовольственного рынка, повышения доходов сельского населения, укрепления престижности проживания в сельской местности. Безусловно, положительные результаты были достигнуты: сформирован 1481 агрогородок, представляющие собой населенные пункты, в которых создана производственная и социальная инфраструктура для обеспечения государственных минимальных социальных стандартов проживающему в них населению и жителям прилегающих территорий.

Социальный аспект – главный в функционировании белорусской социально-экономической модели развития. Одним из ключевых документов реализации государственной аграрной политики являлась Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 гг. [1]. Ее основой выступила концепция социального развития села, которая определяла стратегические цели и задачи, основные пути адаптации агропромышленного комплекса Беларуси к рыночным условиям хозяйствования. Этот документ предполагал в качестве первого шага вывод объектов сельской социальной инфраструктуры из-под юрисдикции колхозов и совхозов и передачу их в ведение местных органов исполнительной власти.

Согласно Госпрограмме «в целях устойчивого развития сельских территорий, мотивации проживания в сельской местности и эффективного использования государственных средств для обустройства села предусматривается формирование качественно новых типов сельских населенных пунктов – агрогородков» [1]. При этом принимались во внимание местные особенности и перспективы их развития. Основой создания агрогородка является градообразующее аграрное предприятие и наличие объектов социальной инфраструктуры.

В 2007 г. агрогородок был утверждён как отдельный тип сельских населённых пунктов. Данный тип поселений по жизнеобеспеченности населения не уступает условиям в городах, которые направлены на повышение комфортности проживания и привлекательности сельского уклада жизни. Наряду с этим получают развитие и прилегающие к агрогородкам сельские населенные пункты. Решаются вопросы газификации, водоснабжения, строительства жилья и развития транспортных коммуникаций, телефонной связи, обновляются учреждения образования, открываются амбулатории, почтовые отделения, торговые объекты.

Анализ показывает, что в результате реализации программных мероприятий по сравнению с 2000 г. в 2020 г. удельный вес малообеспеченного городского населения снизился в 10 раз, сельского – в 6 раз (табл. 1).

Таблица 1. Уровень малообеспеченности населения
(в % к общей численности населения соответствующей группы)²

Показатели	Годы				
	2000	2005	2010	2015	2020
Все население	41,9	12,7	5,2	5,1	4,8
в т.ч. проживающее в: городах и поселках городского типа	37,9	10,9	3,8	3,9	3,7
сельских населенных пунктах	50,8	16,7	8,9	8,7	8,1

Если сравнить численность малообеспеченного населения по месту их проживания, то из приведенных данных в таблице 2 следует, что из общей численности малообеспеченного населения в 2020 г. 43,1 % составляют жители сельских территорий.

Таблица 2. Структура и состав малообеспеченного населения
(в % к общей численности малообеспеченного населения)³

Показатели	Годы				
	2000	2005	2010	2015	2020
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в т.ч. проживающее в: городах и поселках городского типа	63,1	58,8	54,3	56,1	56,9
сельских населенных пунктах	36,9	41,2	45,7	43,9	43,1

В 2017 г. были анонсированы очередные меры, направленные на развитие села, в частности такие как реализация на базе агрогородков пилотных проектов по созданию «деревни будущего». Их целевая направленность – достижение оптимального для комфортной жизни в сельской местности уровня на основе уже реализованных социальных стандартов и созданных объектов социальной инфраструктуры.

Существенной новацией выступает решение проблемы занятости населения, которая должна увязываться не только с возможностью трудоустройства и работы на градообразующих предприятиях и производствах, но и созданием условий для развития частного бизнеса и индивидуального предпринимательства в сельской местности.

В 2018–2020 гг. был реализован комплекс мероприятий в рамках Года малой родины [9]. В концептуальном документе «Деревня будущего. Типовые проекты» приведен комплекс решений и варианты проведения реконструкции объектов различного функционального назначения и модернизации инфраструктуры в агрогородках и сельских населённых пунктах [7]. Согласно нему сельские населенные пункты поделены на административные районы 5 типов, в соответствии с факторами, определяющими их развитие (демографические тенденции, специализация занятости в отраслях экономики, наличие объектов социальной инфраструктуры и т.д.). В целом, типологизация сельских территорий и выработка управленческих решений, касательно перспектив их развития в Республике Беларусь, учитывает демографические, исторические, культурные, экологические особенности их функционирования.

В Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. [8] инициировано формирование списка объектов агро-

² Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь, 2021: стат. сб. / Нац. статист. комитет Респ. Беларусь. Минск, 2021. 250 с.

³ Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь, 2021: статист. сб. // Нац. статист. комитет Респ. Беларусь. Минск, 2021. 250 с.

культурного наследия Беларуси посредством организации участия Беларуси в Программе агрокультурного наследия мирового значения (учреждена ФАО в 2002 г. во время Всемирного саммита ООН по устойчивому развитию в г. Йоханнесбург, ЮАР), а также расширения международного партнерства для развития системы агрокультурного наследия в Беларуси.

Сельские регионы Беларуси обладают природным, историко-культурным потенциалом. В этой связи, создание благоприятных условий для их устойчивого развития выступает приоритетной задачей государственной аграрной политики, в которой с одной стороны, ориентация на повышение конкурентоспособности АПК на мировых агропродовольственных рынках, а с другой – достижение высокого качества жизни населения. Важным направлением также выступает увязка реализации в сельской местности инвестиционных проектов в АПК с сопутствующим развитием социальной инфраструктуры. Инициатива формирования списка объектов агрокультурного наследия Беларуси будет ориентирована на сохранение исторических форм аграрного природопользования на конкретной территории, практики формирования и функционирования агрокультуры, сельского быта и труда.

В целом программные мероприятия нацелены на обеспечение продовольственной безопасности Республики Беларусь [6]); ориентированы на сохранение исторических форм аграрного природопользования на конкретной территории, практики формирования и функционирования агрокультуры, сельского быта и труда; информирование общественности о национальном агрокультурном наследии страны; приобщение молодежи к культуре и вековым традициям народа Беларуси, укрепление уважительного отношения к сельскому труду; повышение престижа аграрных специальностей.

Пандемия привела к крайней уязвимости сельскохозяйственного сектора во всем мире. Перед правительствами большинства стран возникло множество проблем, касающихся социальной защиты населения, обеспечения источников средств к существованию. Для республики сложившиеся обстоятельства открывают новые возможности, так как ограничительные меры на передвижение людей между странами и внутри стран обусловили сокращение объемов производства сельскохозяйственной продукции. В сложившихся условиях появляются новые возможности для роста конкурентоспособности белорусских товаропроизводителей и экономические условия для продвижения большего объема отечественной сельскохозяйственной продукции на зарубежные рынки, роста экспорта. А это соответственно ведет к росту доходов и повышению мотивации труда аграрного товаропроизводителя.

Реализацией данных мероприятий сформирована основа для повышения привлекательности сельского образа жизни и труда в Республике Беларусь.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант по договору с БРФФИ № Г21-062 от 1 июля 2021 г., НИР «Теоретические основы программно-целевого метода развития сельских территорий Республики Беларусь»).

Список литературы

1. Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы. Минск: Беларусь. 2005. 96 с.

2. Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 гг. URL: <https://www.mshp.gov.by/programms/a868489390de4373.htm>.
3. Государственная программа «Аграрный бизнес» на 2021–2025 гг. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/C22100059_1612904400.pdf.
4. Государственная программа устойчивого развития села на 2011–2015 годы. URL: http://mshp.gov.by/prog/gosprog_ustrazvitsela2011_2015.pdf.
5. Директива Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли». URL: <https://mshp.gov.by/documents/apk/baa1ac234bde835a.html>.
6. Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года. URL: <https://mshp.gov.by/print/documents/animal/dccea377014340f4.html>.
7. Концептуальный документ «Деревня будущего. Типовые проекты». URL: <http://mas.gov.by/ru/tipovie>.
8. Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. URL: <https://minpriroda.gov.by/ru/news-ru/view/utverzhdennatsionalnyj-plan-dejstvij-po-razvitiju-zelenoj-ekonomiki-v-respublike-belarus-na-2021-2025-gody-3966/>.
9. О проведении Года малой родины: Указ Президента Республики Беларусь от 20 июня 2018 года № 247.
10. Об утверждении Республиканской программы мероприятий по проведению в Республике Беларусь 2018–2020 годов под знаком Года малой родины: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 июля 2018 г. № 547. URL: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-vospitatelnoy-raboty-i-molodezhnoy-politiki/upravlenie-raboty/god-maloy-radzimy/>.

Информация об авторе

Пашкевич Ольга Александровна (Республика Беларусь, Минск) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором трудовых и социальных отношений, Республиканское научное унитарное предприятие «Институт системных исследований в АПК Национальной академии наук Беларуси» (220108, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Казинца, 103, каб. 402; e-mail: o_lala@list.ru).

Pashkevich O.

RURAL DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS: PROBLEMS, TRENDS, REGULATION

Abstract. *Trends in the development of rural areas of the Republic of Belarus are analyzed in the article, problematic aspects are identified, the backbone role of agriculture is shown, program activities aimed at ensuring their sustainable socio-economic development are systematized.*

Key words: *Rural areas, agriculture, employment, agricultural town, village of the future, settlement system.*

Information about author

Pashkevich Olga A. (Republic of Belarus, Minsk) – PhD (Economics), Associate Professor, Head of Labour and Social Relations Department, Republican Scientific Unitary Enterprise “Institute for System Research in the Agroindustrial Complex of the

National Academy of Sciences of Belarus” (e-mail: o_lala@list.ru, 220108 Kazintsa str., 103, off. 402, Minsk, Republic of Belarus).

Bibliography

1. State program for the revival and development of the village for 2005–2010. Minsk: Belarus. 2005. 96 p.
2. State Program for the Development of Agricultural Business in the Republic of Belarus for 2016–2020. URL: <https://www.mshp.gov.by/programms/a868489390de4373.htm>.
3. State Program «Agricultural Business» for 2021–2025. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/C22100059_1612904400.pdf.
4. State Program for Sustainable Rural Development for 2011–2015. URL: http://mshp.gov.by/prog/gosprog_ustrazvitsela2011_2015.pdf.
5. Directive of the President of the Republic of Belarus dated March 4, 2019 No. 6 “On the development of the rural areas and improving the efficiency of the agricultural sector”. URL: <https://mshp.gov.by/documents/apk/baa1ac234bde835a.html>.
6. Doctrine of the national food security of the Republic of Belarus until 2030. URL: <https://mshp.gov.by/print/documents/animal/dccea377014340f4.html>.
7. Concept paper “Village of the future. Typical projects”. URL: <http://mas.gov.by/ru/tipovie>.
8. National Action Plan for the Development of the Green Economy in the Republic of Belarus for 2021–2025. URL: <https://minpriroda.gov.by/ru/news-ru/view/utverzhdennatsionalnyj-plan-dejstvij-po-razvitiju-zelenoj-ekonomiki-v-respublike-belarus-na-2021-2025-gody -3966/>.
9. Decree of the President of the Republic of Belarus dated June 20, 2018 No. 247 “On the Year of the Native Land”
10. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated July 18, 2018 No. 547 “On Approval of the Republican Program of Activities for Holding in the Republic of Belarus 2018–2020 under the sign of the Year of the Native Land. URL: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-vospitatelnoy-raboty-i-molodezhnoy-politiki/upravlenie-raboty/god-maloy-radzimy/>

РЕЙТИНГ САЙТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БЕЛАРУСИ, ПРЕДЛАГАЮЩИХ ОБУЧЕНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В условиях стремительно развивающейся пандемии появились сложности в выборе университета в удаленных условиях, в частности для иностранных англоязычных студентов. Было принято решение изучить веб-сайты учебных учреждений, предоставляющих обучение на английском языке, чтобы определить примерный уровень дистанционной привлекательности университетов для иностранных студентов. Исследование показало, что Витебская и Минская области оказались оснащены самыми эффективными веб-страницами с точки зрения выбранного рейтинга, что связано преимущественно с осложненными условиями конкуренции в данных регионах.

Ключевые слова: высшее образование, университет, вебсайт, рейтинг, образование на английском языке.

The traditions of Belarusian education, combined with constant development, as well as the use of modern approaches and attractive prices for education, contribute to the popularization of Belarusian education among foreign citizens. Foreigners are also attracted by the high level of safety in the country, friendliness of Belarusians, the opportunity to work in their specialty during their studies. In the academic year 2021/2022 about 27,000 foreign citizens from 109 countries of the world are studying in educational institutions of the Republic of Belarus. 25,12 thousand of them are studying in higher education institutions [1]. The largest number of students come to Belarus from Turkmenistan, China, Uzbekistan, Russia, Sri Lanka, Tajikistan, Lebanon, India, Iran, Kazakhstan and Azerbaijan [2].

This paper analyzed all of the websites of educational institutions in the country that provide education in English in order to examine whether there are any correlations between the degree of development of the institutions' websites with any of the statistics, such as GDP, number of institutions of higher education, and regional competitiveness rankings, using regional data as a basis. The state educational institutions that provide their educational services in English were selected for evaluation. Only the English-language versions of the websites were used for comparison in order to assess the degree of relevance of the information specifically for foreign applicants.

30 public institutions with the ability to teach disciplines in English were selected for evaluation. To calculate the rating, an index was used, which is calculated on the basis of the values of 2 micro indices: Content (C) and Usability (U) [3, c. 78]. The first micro index characterizes the quality of the content, the second - the usability of the site. The C and U micro indices are considered to be of equal value, i.e. the weight of each of them in the final index is 50%. It is calculated by the formula: $I = 0,5 * (C + U)$ [3, c. 78]. Micro indices are calculated based on the values of the indicators presented in Table 1.

Table 1. Value of the indicators. [3, c. 78]

Content		Usability	
Indicators	%	Indicators	%
General information about the university (C1)	20	The logic of structuring information (U1)	35
Contacts (C2)	30	Website search function (U2)	25
Information about faculties (C3)	30	Map of site (U3)	25
University News (C4)	20	Correct operation of links and other elements of the site (U4)	15

Each of the indicators is evaluated on a two-point scale and takes a value of 0 or 1. Indicators C1-C4, (U2, U3) are scored “1” if the corresponding information block or tool (search tool, map) is present on the site, otherwise it is scored “0”. The U1 index is “1” if the content of the sections of the site corresponds to the names of the sections, the names of the sections are perceived unambiguously, there is no duplication of information; otherwise it is “0”. If checking the correctness of the links on the home page, as well as top-level menu items were detected 1 or more errors, then the index U4 is exposed “0”, otherwise - “1” [3, c. 78]. Thus, after calculating the results, the two institutions with the strongest competitive websites for each region were identified, which are shown in Table 2 (An analysis of the websites of the region’s top universities).

Table 2. An analysis of the websites of the region’s top universities [Author’s calculations]

Region	University	C1	C2	C3	C4	C	U1	U2	U3	U4	U	I
Mogilev	Mogilev S Kuleshov U	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Mogilev	BSAA	1	1	1	1	1	0	1	1	0	0,5	0,75
Brest	Brest STU	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Brest	PSU	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0,85	0,925
Gomel	BSUT	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Gomel	Francisk Skorina Gomel SU	1	1	1	1	1	0	1	1	1	0,65	0,825
Minsk	BSU	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Minsk	BNTU	1	1	1	1	1	0	1	0	0	1	1
Vitebsk	VSMU	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Vitebsk	VSU of Masherov	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Grodno	GSAU	1	1	1	1	1	0	1	1	1	0,65	0,825
Grodno	GSMU	1	1	1	1	1	0	0	1	1	0,4	0,7

Then, an analysis of each of the regions was carried out, after which the percentage of areas according to the rating of websites was revealed, illustrated in Table 3.

Table 3. Percentage of ratings by region [Author’s calculations]

Region	Average for the region	Average for the region in %
Mogilev	0,875	15,87%
Brest	0,9625	17,46%
Gomel	0,9125	16,55%
Minsk	1	18,14%
Vitebsk	1	18,14%
Grodno	0,7625	13,83%
Total	5,5125	100,00%

When comparing the percentage of GDP by region and the ranking of websites by region, no explicit correlations were found (Figures 1, 2, 3, 4). It is worth bearing in mind that in the calculations the Minsk region was counted as Minsk, due to the absence of universities in the Minsk region outside of Minsk. A certain correlation was found: almost all regions were developed in proportion to the degree of website development.

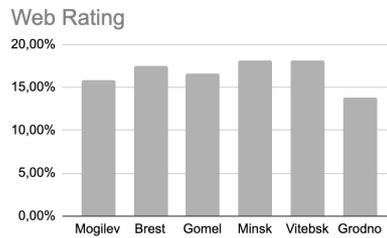

Figure 1. Web site rating of universities in the regions of Belarus [Author's calculations]

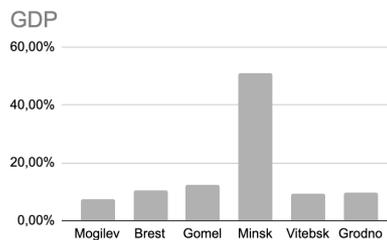

Figure 2. GDP of the regions of Belarus [Author's calculations]

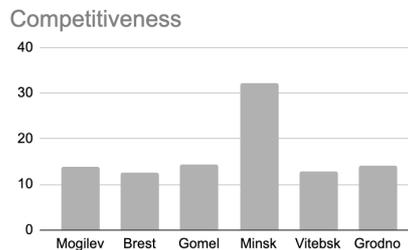

Figure 3. Competitiveness of the regions of Belarus [Author's calculations]

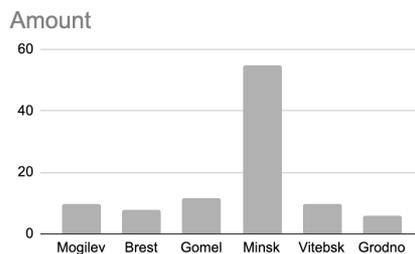

Figure 4. Amount of universities in the regions of Belarus [Author's calculations]

An independent study among foreign students in Belarus was conducted, which showed that more than 70% of foreign applicants use university websites when choosing a place to study [Author's study]. It can be assumed that due to the high competition between a large number of educational institutions per region a greater number of university resources are allocated specifically for the development of web pages. Therefore, in regions where the number of competitive institutions is much smaller, there is no great need to update the web pages. In conclusion, after analyzing the websites of Belarusian universities, we can conclude that English-language programs are developed everywhere in all regions of

Belarus. This is more pronounced in the regions with the largest number of universities in the region, due to the increased competitiveness and high conversion rate of websites when applicants search for a place of study. It was found that the degree of development of websites in the regions is in no way correlated with the data of GDP by region, nor with the competitiveness of the regions of the country.

Список литературы

1. В Беларуси обучается около 27 тыс. иностранных студентов. URL: <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-obuchaetsja-okolo-27-tys-inostrannyh-studentov-466181-2021/> (дата доступа: 20.03.2022).
2. Учиться в Беларуси. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/social/education/foreigners> (дата доступа: 20.03.2022).
3. Экономическая информатика. Лабораторный практикум. Минск: БГУ. 2015.

Информация об авторах

Русакевич Полина Дмитриевна (Беларусь, Минск) – студентка 3 курса специальности Бизнес-администрирование, Институт Бизнеса БГУ (г. Минск, ул. Обойная 7; e-mail: sbmt@bsu.by).

Садоха Валерия Евгеньевна (Беларусь, Минск) – студентка 3 курса специальности Бизнес-администрирование, Институт Бизнеса БГУ (г. Минск, ул. Обойная 7, e-mail: sbmt@bsu.by).

Железко Борис Александрович (Беларусь, Минск) – кандидат технических наук, доцент, Институт Бизнеса БГУ (г. Минск, ул. Обойная 7, e-mail: sbmt@bsu.by).

Rusakevich P.D., Sadokha V.E., Zhelezko B.A.

RATING OF WEBSITES OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN BELARUS OFFERING STUDIES IN ENGLISH

Abstract. *In the context of a rapidly developing pandemic, it has become difficult to choose a university in remote conditions, in particular for foreign English-speaking students. It was decided to study the websites of educational institutions providing education in English in order to determine the approximate level of distance attractiveness of universities for foreigners. The study showed that the Vitebsk and Minsk regions were equipped with the most effective web pages in terms of the selected rating, which is mainly due to the complicated conditions of competition in these regions.*

Key words: *higher education, university, website, rating, education in English.*

Information about authors

Rusakevich Polina D. (Belarus, Minsk) – 3rd year student of the major Business Administration, School of Business of Belarusian State University (7, Oboinaya St., sbmt@bsu.by).

Sadokha Valeria E. (Belarus, Minsk) – 3rd year student of the major Business Administration, School of Business of Belarusian State University (7 Oboinaya St., sbmt@bsu.by).

Zhelezko Boris A. (Belarus, Minsk) – candidate of technical sciences, Associate Professor, School of Business of Belarusian State University (7, Oboinaya St., sbmt@bsu.by).

Bibliography

1. V Belarusi obychaetsya okolo 27 tisyach inostrennih studentov. URL: <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-obuchaetsja-okolo-27-tys-inostrannyh-studentov-466181-2021/> (accessed: 20.03.2022).
2. Uchitsya v Belarusi. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/social/education/foreigners> (accessed 20.03.2022).
3. Ekonomicheskaya informatika. Laboratorniy practicum. Minsk: BGU. 2015.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В исследовании рассматриваются меры, принятые для обеспечения бесперебойной деятельности системы государственных закупок. В части исполнения обязательств по контрактам наблюдается незначительное увеличение расторгнутых контрактов и уменьшение количества заключенных контрактов (в т.ч. с СМП).

Ключевые слова: государственные закупки, пандемия, исполнение контракта.

Пандемия COVID-19 (коронавирусная инфекция) внесла коррективы во все сферы деятельности страны. Не осталась не затронутой и система государственных закупок. Так как государственные закупки играют важную роль в функционировании государственного сектора, то необходима была быстрая и эффективная проработка деятельности системы закупок в данных условиях. Правительством Российской Федерации был разработан перечень мер в отношении функционирования системы закупок, направленных на минимизацию последствий пандемии и бесперебойного обеспечения товарами (работами, услугами).

Первоочередной мерой, в связи с эпидемиологической ситуацией в Российской Федерации, было признание коронавирусной инфекции обстоятельством непреодолимой силы¹, что дала возможность учитывать пандемию в закупочной деятельности как форс-мажорные обстоятельства². Данная мера закреплена в ч. 9 ст. 34 Федерального закона о закупках³ и направлена на поддержку поставщиков (исполнителей, подрядчиков) в случае нарушения исполнения обязательств по заключенным контрактам (сроков поставки товара, оказания услуг, выполнения работ) с их стороны. Мера предусматривает освобождение поставщиков от освобождения неустойки (штрафа, пени) и работает в случае предоставления доказательств, что исполнение обязательств произошло вследствие непреодолимой силы. Списание неустоек отражено и в ч. 42.1 ст. 112 Федерального закона о закупках в случае попадания под условия постановление Правительства Российской Федерации № 783⁴. Основанием списания служит выполнение обязательств в полном объеме со стороны поставщика (исполнителя, подрядчика) и не выполнение обязательств в полном объеме (по независящим от него причинам).

Следующие меры отражены в п. 9 ст. 93 Федерального закона о закупках и направлены на профилактику, борьбу с коронавирусной инфекцией, ликвидацию чрезвычайных ситуаций. Эта мера позволяет осуществлять закупки у единственно-

¹ Об осуществлении закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) при введении режима повышенной готовности: Письмо Минфина России от 19.03.2020 года № 24-06-06/21324. URL: https://zakupki-gov.ru.com/documents/Minfin-covid19-24-06-06_21324.pdf

² Письмо ФАС России от 18.03.2020 года № ИА/21684/20. URL: <https://zakupki-gov.ru.com/documents/fas-covid-19.pdf>

³ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_144624/

⁴ О списании начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком сумм неустоек (штрафов, пеней) в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом: Постановление Правительства РФ от 4 июля 2018 г. № 783 (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/71981672/>

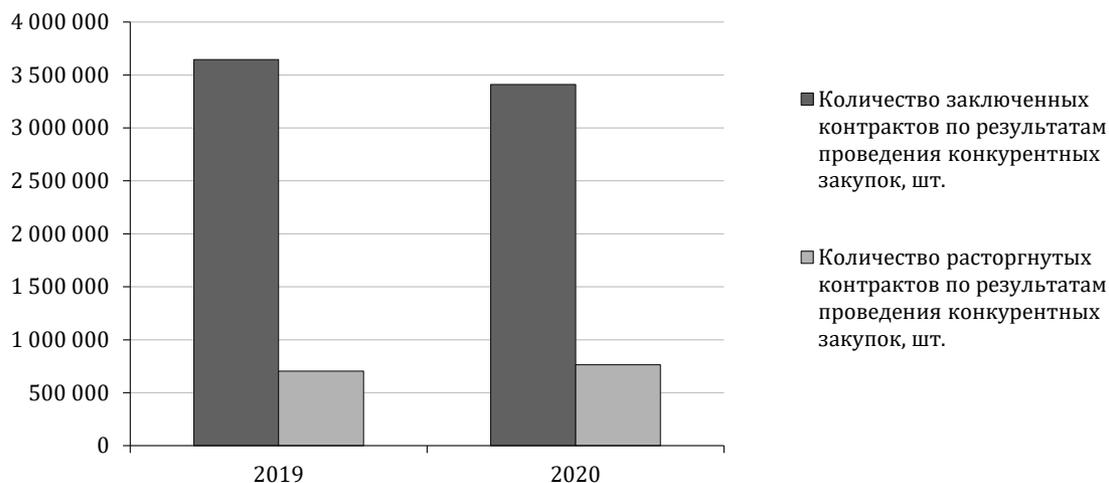
го поставщика без проведения конкурентных процедур. Закупка у единственного поставщика позволяет заказчикам облегчить поиск поставщика (исполнителя, подрядчика), упростить процедуру, сократить время на заключение контракта и получение необходимых ресурсов (медикаменты, средства индивидуальной защиты и т.д.).

Коснулись меры и поддержки малого и среднего предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций (СМП) в части обеспечения исполнения контрактов и гарантийных обязательств⁵.

Отмена проверок и рассмотрение заседаний комиссий по жалобам ФАС в дистанционном порядке позволила в большей степени быть максимально ориентированным на закупочный процесс.

Непредвиденные обстоятельства в большей степени затрагивают моменты исполнения обязательств по контракту, и в этой части были разработаны меры по изменению существенных условий контракта (срок⁶ и цена контракта). Основанием изменения существенных условий в 2020 году являются: письменное обоснование, решение высшего органа исполнительной власти и обеспечение исполнения контракта. По мнению автора, данная мера смогла смягчить последствия коронавирусной инфекции в закупочной деятельности.

Показатель «доля расторгнутых контрактов по результатам проведения конкурсных закупок» показывает, как смогли исполнить свои обязательства поставщики в условиях пандемии в сравнении с предыдущим периодом (рисунок). Данный показатель незначительно увеличился и составил 22,40 % от доли заключенных контрактов (в сравнении с 2019 годом – 19,28 %). А среди СМП доля расторгнутых контрактов в 2020 году незначительно снизилась и составила 13,4 % (в сравнении с 2019 годом – 16,7 %).

Показатели закупок по Российской Федерации

Составлено автором: по [1].

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080/

⁶ Об особенностях осуществления закупки в период принятия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции: Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 года № 443. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349466/

Количество заключенных контрактов с единственным поставщиком в 2020 показывает значительное увеличение (в 1,5 раза в сравнении с предыдущими периодами). Принятые меры оказали поддержку, но и обнажили риски в сфере закупок (коррупция, мошенничество, проблемы с персоналом и рынком поставок) [2, с. 45]. Федотов Д.А., Довбий И.П. к негативным последствиям в условиях пандемии, влияющих на процесс закупок, относят снижение качества товаров (работ, услуг), повышение цен поставщиками с целью повышения выгоды и др. [3, с. 35].

Особенности 2020 года показали, что система закупок была не готова к функционированию в чрезвычайных ситуациях. На федеральном уровне в сфере закупок ряд мер были разработаны и приняты своевременно. Рассматривая обе стороны, как участников закупочного процесса, можно сказать, что меры в большей степени касались сферу бизнеса, т.к. это наиболее подверженная сторона. Взаимодействие и поддержка сферы бизнеса, как участника сферы закупок, сформировала предпосылки для выполнения обязательств по заключенным контрактам и возможность участия в новых закупках в условиях пандемии. Для того, чтобы утверждать дали ли эти меры положительный или отрицательный результат необходим детальный анализ.

Список литературы

1. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год». URL:<https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf>
2. Дайджест. Государственные закупки в период пандемии COVID-19. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-procurement.PDF>
3. Федотов Д.А., Довбий И.П. Особенности осуществления государственных закупок в условиях чрезвычайных ситуаций // Управление в современных системах. 2021. №3. С. 29-40.

Информация об авторе

Самутина Марина Александровна (Россия, Вологда) – заместитель заведующего отделом правового обеспечения и кадровой политики, ФГБУН ВолНИЦ РАН (г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: samyrau1984@mail.ru).

Samutina M.A.

PUBLIC PROCUREMENT IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. *The study examines the measures taken to ensure the smooth operation of the public procurement system. Regarding the fulfillment of obligations under contracts, there is a slight increase in terminated contracts and a decrease in the number of contracts concluded (including with the NSR).*

Key words: *public procurement, pandemic, contract execution.*

Information about author

Samutina Marina A. (Vologda, Russia) – Deputy Head of the Department of Legal Support and Personnel Policy, Federal State Budgetary Institution of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Gorky str., 56A, samyrau1984@mail.ru).

Bibliography

1. Report on the results of the expert-analytical event “Monitoring the development of the system of state and corporate procurement in the Russian Federation for 2020”. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf>
2. Digest. Public procurement during the COVID-19 pandemic. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-procurement.PDF>
3. Fedotov D.A., Dovbiy I.P. Features of public procurement in emergency situations // Management in modern systems. 2021. №. 3. P. 29-40.

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению проблем малого и среднего предпринимательства в России во время пандемии коронавируса, перспектив дальнейшего развития и адаптации к текущей ситуации в мире. Рассматриваются различные исследования и данные статистики российского бизнеса в период 2020-2021 годов.*

Ключевые слова: экономика, малый и средний бизнес, пандемия, ограничения, кризис.

Малый и средний бизнес имеют огромную значимость в экономическом развитии страны. Многозначительный элемент рыночной экономики, без которого государству будет трудно развиваться. Малый бизнес во многом определяет темпы экономического роста. Пандемия COVID-19 оказала огромное воздействие как на мировую, так и на российскую экономику. Из-за начавшегося карантина многие компании были вынуждены закрыться, организации несли большие убытки, возросло количество безработных. Последствия коронавируса для российской экономики имеют длительный характер, следовательно, перед бизнесом по-прежнему стоит вопрос принятия решений в условиях кризиса.

Вспышка коронавирусной инфекции отрицательно повлияла на работу малого и среднего предпринимательства. Еще до того, как регионы начали уходить на режим полной самоизоляции вслед за Москвой, основной материальный удар пандемии взяли на себя парикмахерские, маникюрные салоны, студии танцев, фитнес-залы и т. д. Множество предприятий, фирм, учреждений разорвались, но те, кто смог найти выход из данной ситуации приобрели важный бизнес-опыт.

С появлением коронавируса, малый бизнес очутился на грани выживания. Рассмотрим некоторые исследования, чтобы изучить статистику деятельности малого и среднего бизнеса.

Согласно исследованию РБК, 62% предпринимателей отметили, что их фирма ощутила негативное воздействие пандемии на бизнес. Прежде всего это связано с новыми требованиями к безопасности работников, введенными государством ограничениями, необходимостью исполнения обязательств по выплатам заработной платы, аренды и другие издержки, связанные с ростом курса валюты.

Тинькофф-бизнес опросил больше 7000 тысяч российских предпринимателей и узнал, как себя ощущает малый и средний бизнес после года пандемии. Опросы проходили в феврале 2020 года и в марте 2021 года.

Чтобы совладать с влиянием карантина, 46% бизнесов перешли в онлайн, 8% начали продавать товары на маркетплейсах. Более чем у половины бизнесменов в 2020 и 2021 годах уменьшились обороты. У 20% анкетированных обороты в 2020 году, наоборот, выросли.

Власти России всячески старались оказывать помощь малому бизнесу, но этого было недостаточно. По данным Единого реестра малого и среднего предпринимательства на 2019 количество малых предприятий в России составило 250 758, на 10, 2021 – 214 972.

Таблица 1. Количество предприятий малого бизнеса в России, тыс.

2016	2017	2018	2019	2020	2021
268901	267630	251730	224898	217021	213024

Аналогичная ситуация наблюдается в Республике Татарстан, в последние годы наблюдается снижение количества предприятий малого бизнеса.

Таблица 2. Количество предприятий малого бизнеса в Республике Татарстан, тыс.

2016	2017	2018	2019	2020	2021
7294	7230	6718	6067	5984	5878

В условиях снижения спроса и перевода доли сотрудников на удаленный режим работы, предпринимателям необходимо было искать абсолютно новые пути развития своего дела. Из-за пандемии коронавируса ускорился процесс цифровизации экономики. В условиях ограничений в стране заметно подросла доля онлайн-торговли и безналичных платежей.

Пандемический кризис был тяжелым периодом и для страны, и для бизнеса. Гостиницы, транспорт, рестораны, сектор услуг и развлечений, туристические фирмы, организаторы мероприятий, строители, фитнес-центры – неполный перечень отраслей, особенно сильно пострадавших от коронавируса.

Государство как основной заинтересованный субъект уделяет развитию малого и среднего бизнеса в последние годы много внимания. Например, приняты долговременные программы и концепции, нацеленные на развитие малого и среднего предпринимательства, выделяются значительные финансовые средства.

Правительство запустило программы предоставления малому и среднему бизнесу кратковременных целевых займов и льготных кредитов. На эти цели из федерального бюджета было выделено 150 миллиардов рублей. В Татарстане большое внимание уделяется помощи управляющих компаний промышленных парков. Для них предусматривается пакетный комплекс мер поддержки, включающий в себя: субсидирование процентной ставки по кредитам, микрозаймы под 4,5 % годовых, субсидирование части затрат на электроэнергию.

Для малого и среднего бизнеса предусматриваются налоговые льготы: освобождение от уплаты транспортного налога и налога на имущество организаций, пониженные налоговые ставки по УСН «Доходы» – 1%, по УСН «Доходы-Расходы» – 5%, субсидирование процентной ставки.

Тем не менее, компании, пережившие этот кризис, смогут стать сильнее в будущем. Пандемия оказала и продолжает оказывать огромное воздействие на малый и средний бизнес в России.

Список литературы

1. Зимовец А.В., Сорокина Ю.В., Ханина А.В. Анализ влияния пандемии COVID-19 на развитие предприятий в Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Том 10. № 5. С. 1337-1350.
2. Исследование влияния пандемии COVID-19 на российский бизнес // РБК. URL: <https://roscongress.org/materials/issledovanie-vliyaniya-pandemii-covid-19-na-rossiyskiy-biznes/> (дата обращения 21.03.22)
3. Исследование Тинькофф Бизнеса: состояние малого и среднего бизнеса в России после года пандемии // Тинькофф. URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/28042021->

tinkoff-business-research-state-small-and-medium-sized-businesses-russia-after-year-pandemic/ (дата обращения: 21.03.22).

4. Морозко Н.И. Механизм формирования финансового потенциала малого бизнеса. М.: НИЦ ИНФРА-М. 2019. 314 с.
5. Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Семейный бизнес как средство профессиональной мобильности молодежи // Управление устойчивым развитием. 2021. №4. С. 79-88.
6. Сергеев С.А., Салагаев А.Л., Фатхуллина Л.З., Лучшева Л.В., Белоусова А.Б., Галанина О.Н., Кузнецова А.В., Ловчев В.М., Каштанова О.В., Ахмадуллин И.Р. Конфликтология сфер социальной жизни. Казань. 2014. 146 с.
7. Фатхуллина Л.З. Совершенствование взаимодействия власти и малого бизнеса // Управление устойчивым развитием. 2018. №1. С. 66-72.

Информация об авторах

Сахапова Эльвира Маратовна – студентка 2 курса факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, Казанский национальный исследовательский технологический университет (420015, Казань, ул. К. Маркса, 68; e-mail: elya_who3@gmail.com).

Громова Любовь Павловна – студентка 2 курса факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, Казанский национальный исследовательский технологический университет (420015, Казань, ул. К. Маркса, 68; e-mail: lyuba.gromova.2014@gmail.com).

Мубаракшина Айгуль Наилевна – студентка 2 курса факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, Казанский национальный исследовательский технологический университет (420015, Казань, ул. К. Маркса, 68; e-mail: music11158@gmail.com).

Sakhapova E.M., Gromova L.P., Mubarakshina A.N.

THE STATE AND TRENDS OF DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES DURING THE PANDEMIC

Abstract. *The article is devoted to the problems of small and medium-sized businesses in Russia during the coronavirus pandemic, prospects for further development and adaptation to the current situation in the world. Various studies and statistics of Russian business in the period 2020-2021 are considered.*

Key words: *economy, small and medium-sizes business, pandemic, restrictions, crisis.*

Information about authors

Sakhapova Elvira M. – 2nd year student of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration, the direction «Regional Studies of Russia», Kazan National Research Technological University (420015, 68 K. Marx Str., Kazan; elya_who3@gmail.com).

Gromova Lyubov P. – 2nd year student of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration, the direction «Regional Studies of Russia», Kazan National Research Technological University (420015, 68 K. Marx St., Kazan; lyuba.gromova.2014@gmail.com).

Mubarakshina Aigul N. – 2nd year student of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration, the direction «Regional Studies of Russia», Kazan National Research Technological University (420015, Kazan, K. Marx str., 68; music11158@gmail.com).

Bibliography

1. Zimovets A.V., Sorokina Yu.V., Khanina A.V. Analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on the development of enterprises in the Russian Federation // Economics, Entrepreneurship and Law. 2020. Vol. 10. № 5. P. 1337-1350.
2. Study of the impact of the COVID-19 pandemic on Russian business // RBC. URL: <https://roscongress.org/materials/issledovanie-vliyaniya-pandemii-covid-19-na-rossiyskiy-biznes> (accessed 21.03.22)
3. Tinkoff Business Research: the state of small and medium-sized businesses in Russia after the year of the pandemic // Tinkoff. URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/28042021-tinkoff-business-research-state-small-and-medium-sized-businesses-russia-after-year-pandemic/> (accessed 21.03.22).
4. Morozko N.I. The mechanism of formation of the financial potential of small business. M.: SIC INFRA-M. 2019. 314 p.
5. Nikitina T.N., Fatkhullina L.Z. Family business as a means of professional mobility of youth // Management of sustainable development. 2021. №. 4. P. 79-88.
6. Sergeev S.A., Salagaev A.L., Fatkhullina L.Z., Besteva L.V., Belousova A.B., Galanina O.N., Kuznetsova A.V., Lovchev V.M., Kashtanova O.V., Akhmadullin I.R. Conflictology of spheres of social life. Kazan. 2014. 146 p.
7. Fatkhullina L.Z. Improvement of interaction between government and small business // Management of sustainable development. 2018. № 1. P. 66-72.

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. В работе актуализируются вопросы влияния социального предпринимательства на устойчивое развитие территорий. Обозначена его роль в контексте преодоления последствий пандемии коронавируса.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, устойчивое развитие, цели устойчивого развития, пандемия.

Тематика устойчивого развития после публикации в 1987 году Всемирной комиссией ООН по окружающей среде и развитию доклада «Наше общее будущее»¹ является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых как на уровне органов власти, так и в академическом сообществе. В соответствии с данным документом устойчивое развитие должно «отвечать потребностям нынешнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности». Согласно Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, определено 17 соответствующих целей (ЦУР)², которые интегрируют в себе экономическую, социальную и экологическую составляющие, а также ряд институциональных аспектов.

В условиях пандемии COVID-19 появилась необходимость пересмотра Целей устойчивого развития в мире [11], поскольку распространение коронавируса поставило под угрозу сохранение имеющихся успехов по достижению целей устойчивого развития. Прогнозные оценки специалистов свидетельствуют о том, что в результате прямого влияния и последствий пандемии до 130 млн. человек в мире окажутся в крайней нищете; усилится гендерное и социально-экономическое неравенство; возрастет нагрузка на женщин, риски нехватки продовольствия в ряде стран и риски потери рабочих мест³ и т.д. Неслучайно среднемировой показатель индекса ЦУР за 2020 год по сравнению с предыдущим годом снизился впервые за все время измерений [15, с. 13]. Кроме того, отмечается, что полученные данные вероятно занижены, так как на момент подготовки отчета еще не были доступны некоторые индикаторы за 2020 год.

Значимую роль во время пандемии и в преодолении ее последствий сыграло социальное предпринимательство, которое направлено на решение тех или иных общественных проблем. Организации данной сферы были отмечены в качестве первых субъектов, которые отреагировали на проблемы, вызванные пандемией⁴. К примеру, в Великобритании более 30% всех медицинских услуг по уходу за больными и социальных услуг были предоставлены социальными предприятиями⁵.

¹ Доклад «Наше общее будущее» Всемирной комиссией ООН по окружающей среде и развитию // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).

² 17 целей // ООН. URL: <https://sdgs.un.org/ru/goals> (дата обращения: 11.03.2022).

³ Brief#2: putting the UN framework for socio-economic response to COVID-19 into action: insights. NY: UNDP, 2020. 19 p. URL: <https://www.undp.org/content/dam/undp/library/covid19/Brief2-COVID-19-final-June2020.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).

⁴ Social entrepreneurs are first responders to the COVID-19 crisis. This is why they need support // WEF. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/09/social-entrepreneurs-are-first-responders-to-the-covid-19-crisis/> (accessed: 15.03.2022).

⁵ Social Enterprise and COVID-19 // SEUK. URL: <https://www.socialenterprise.org.uk/wp-content/uploads/2020/05/Social-Enterprise-COVID-19-research-report-2020.pdf> (accessed: 15.03.2022).

Мировая практика показывает, что социальное предпринимательство вносит существенный вклад в достижение целей устойчивого развития по всем трем направлениям: экономическому, социальному и экологическому.

Экономический аспект. В данном отношении можно выделить два основания. Первое из них касается создания рабочих мест, в том числе для социально уязвимых категорий населения, второе – непосредственного вклада в ВРП (ВВП) территорий и экономии бюджетных средств вследствие ведения предпринимательской деятельности. Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) отмечается, что социальные предприятия выступают «промежуточным звеном между безработицей и открытым рынком труда» [7, с. 114], а интеграция социально уязвимых групп населения в трудовую деятельность выгодна как с финансовой, так и с социальной точки зрения [18, с. 50]. В целом организации социальной экономики в Европейском союзе (ЕС) обеспечивают оплачиваемую занятость около 6,5% трудоспособного населения [10, с. 37]. В разрезе стран масштабы занятости могут различаться: от 10% во Франции, Бельгии, Италии, Нидерландах, 5% в Великобритании до 2% в странах Восточной Европы⁶. Социальные предприятия оказывают влияние и на сокращение гендерного разрыва в показателях занятости, поскольку в них превалирует женская занятость. Так, доля женщин, работающих на социальных предприятиях, составляет порядка 70% в Бельгии и Франции; 61% рабочих мест (неполный рабочий день) в социальных кооперативах в Италии, и 14% руководящих должностей заняты также женщинами (по сравнению с 47% и 2,5% на других предприятиях соответственно) [5, с. 42; 16, с. 11]. С точки зрения достижения целей достойного труда расширение деятельности социальных предприятий является значимым направлением решения проблем сокращения масштабов неустойчивой и неформальной занятости [16, с. 4]. Также в этом плане стоит отметить важность рассматриваемого сектора для создания рабочих мест в сельской местности.

Вклад социального предпринимательства составляет около 45% ВВП Кении, 15% ВВП Италии, 10% ВВП Франции; 5% Германии, Канады, США; 3% ВВП Южной Кореи⁷. В Великобритании, которая является одним из мировых лидеров по поддержке социального предпринимательства, сектор социальных предприятий вносит в экономику в три раза больший вклад, чем сектор сельского хозяйства, а пять крупнейших кооперативов Великобритании платят больше налогов, чем компании Amazon, Facebook (в настоящее время – Meta), Apple, eBay и Starbucks вместе взятые [8, с. 4]. Кроме того, социальное предпринимательство, решая различные социальные проблемы, позволяет снизить государственные расходы, что делает их важным фактором роста социальной экономики [14]. К примеру, в России в 2017 г. только деятельность социальных предпринимателей, работающих в сфере дошкольного образования, в отдельных регионах привела к экономии бюджетных средств в размере 1 млрд. руб.⁸. Специалистами подчеркивается, что социальные предприятия способствуют экономическому росту и повышению конкурентоспособности территорий за счет оживления экономики и общественного прогресса [3; 13].

⁶ Social economy // Eurofond. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/industrial-relations-dictionary/social-economy> (accessed: 15.03.2022).

⁷ The Scale of Social Enterprise // British Council. URL: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/british-council_-_seuk_think_global_report_graph4.pdf (accessed: 15.03.2022).

⁸ Жохова А., Грошева В. Социальная разгрузка. Как в России развиваются импакт-инвестиции и социальное предпринимательство // Ведомости. 2018. № 12 (32). С. 4.

Социальный аспект. Социальное предпринимательство может оказывать влияние на достижение целей устойчивого развития через сокращение масштабов бедности и безработицы; повышение доступности образовательных, медицинских, социальных и иных услуг; расширение прав и возможностей населения; развитие социальной сплоченности и партнерства и т.д. В данном случае социальные предприятия покрывают неудовлетворенные потребности населения с учетом того, что они работают в непосредственной близости с сообществом. В результате повышается качество жизни населения. Так, в плане улучшения медицинской помощи они действуют в сферах преодоления проблем, связанных со старением, инвалидизацией, заболеваемостью ВИЧ-инфекцией, реализацией репродуктивных прав, психическим здоровьем, посттравматическим уходом и реабилитацией и др. В контексте повышения доступности образования социальные предприниматели работают с детьми-инвалидами и находящимися в сложной жизненной ситуации, людьми с ОВЗ, и в целом с теми категориями населения, для которых получение образования по тем или иным причинам (экономическим, инфраструктурным, социальным, политическим и т.д.) труднодоступно. Социальные предприятия также чаще, чем традиционный бизнес, инвестируют в обучение (81% и 43% соответственно) и предлагают гибкие формы занятости (83% и 68% соответственно)⁹.

В развитых странах социальное предпринимательство может дополнять имеющиеся инициативы по снижению бедности и вносить вклад в компенсацию сокращения социальных пособий [6], в то время как в регионах с высоким уровнем бедности влияние социального предпринимательства может быть значительным. В частности, в исследованиях взаимосвязи между развитием социального предпринимательства и сокращением бедности в Пакистане выявлено, что снижение бедности на 35% обусловлено функционированием социальных предприятий и при увеличении размеров сектора социального предпринимательства на 1% масштабы бедности сокращаются на 59,3% [2, с. 170].

Согласно Цели №17 в области устойчивого развития, необходимо активизировать глобальное партнерство в интересах устойчивого развития, в т.ч. между различными секторами общества. В данном контексте социальные предприятия выступают еще одним партнером в интенсификации усилий по достижению целей Повестки дня на период до 2030 года [18] в рамках различных направлений, в т.ч. решая проблемы посредством сотрудничества с заинтересованными сторонами, что приводит к устойчивым инновациям в сообществе [9].

Экологический аспект. Социальные предприятия, функционирующие в секторе сельского хозяйства, вносят вклад не только в обеспечение продовольственной безопасности, но и в устойчивую интенсификацию данной сферы за счет соблюдения принципов и методов биоразнообразия и агроэкологии [16, с. 6]. Ряд предприятий производят экологичные товары, занимаются услугами по рекуперации и переработке отходов, развивают альтернативную энергетику, агроэкотуризм, экопросвещение. 67% социальных предприятий в Великобритании решают или планируют в ходе своей деятельности решать проблемы, связанные с изменениями климата. Помимо этого, 30% из них (в сравнении с 13% МСП в целом) в течение последнего года установили энергосберегающие устройства, что говорит об их существенной роли в декарбонизации экономики [12, с. 39-40]. Проведенный ранее анализ проектов эко-

⁹ Small Business Survey // Department for Business, Energy and Industrial Strategy. URL: <https://data.gov.uk/dataset/efa5133a-ad72-47a3-ae9f-b4f8ab385a0c/small-business-survey> (accessed: 15.03.2022).

логической направленности также позволяет говорить, что рассматриваемый сектор играет значимую роль в развитии ответственного потребления и производства, защите/восстановлении экосистем и биоразнообразия, озеленения городов, реализации инновационных проектов устойчивого городского развития и т.д. [1].

Таким образом, с учетом ограниченности бюджетных ресурсов социальные предприятия являются важным партнёром в достижении целей устойчивого развития. Особую значимость данный сектор представляет и с точки зрения преодоления последствий пандемии COVID-19 и обострения геополитической обстановки. Поскольку социальное предпринимательство играет все большую роль в региональном развитии, его поддержка (в частности, инвестиции) имеет высокую значимость для обеспечения занятости, сокращения бедности, повышения доступности тех или иных услуг, и иных инициатив, ведущих к устойчивому развитию [4]. Это будет способствовать разработке новых проектов, а также содействию уже работающим социальным предприятиям в целях решения проблем развития территорий в различных сферах жизнедеятельности.

Список литературы

1. Соловьева Т.С., Попов А.В. Возможности социальных инноваций в преодолении экологических вызовов современности // Экология и общество: баланс интересов: сб. тезисов докладов участников Российского научного форума. 2020. С. 308-311.
2. Ahmad J., Rahman R. The Role of Social Entrepreneurship in Poverty Reduction // Journal of Business on Hospitality and Tourism. 2018. Vol. 4. P. 159-174.
3. Audretsch, D.B., Keilbach, M. Resolving the knowledge paradox: knowledge-spillover entrepreneurship and economic growth // Research Policy. 2008. Vol. 37(10). P. 1697-1705.
4. Bencheva N. et al. The Role of Social Entrepreneurship for Rural Development // Journal Agricultural Sciences. 2017. Vol. 9. P. 89-98. DOI: 10.4236/ojbm.2021.95141 2585.
5. Borzaga C. Galera G. Social enterprises and their eco-systems: developments in Europe. Brussels: European Commission, Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion. 2016. 50 p.
6. Choi N., Majumdar S. Social entrepreneurship as an essentially contested concept: opening a new avenue for systematic future research // Journal of Business Venturing. 2014. Vol. 29(3). P. 363-376. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2013.05.001.
7. Entrepreneurship and Local Economic Development: Programme and Policy Recommendations, Local Economic and Employment Development (LEED). Paris: OECD Publishing. 2003. 235 p. DOI:10.1787/9789264199798-en
8. Gregory D. et al. The Hidden Revolution. Size and scale of social enterprise in 2018. London: Social Enterprise UK. 2018. 16 p.
9. Kim M.G., Lee J.H., Roh T., Son H. Social Entrepreneurship Education as an Innovation Hub for Building an Entrepreneurial Ecosystem: The Case of the KAIST Social Entrepreneurship // Sustainability. 2020. Vol. 12. P. 9736. DOI:10.3390/su12229736
10. Monzon J.L., Chavez R. The social economy in the European Union. Liege: CIRIEC 2012. 67 p.
11. Naidoo R., Fisher B. Reset Sustainable Development Goals for a pandemic world // Nature. 2020. Vol. 583. P. 198-201. DOI: 10.1038/d41586-020-01999-x.
12. No Going Back. State of Social Enterprise Survey 2021. London: SEUK. 2021. 64 p.
13. Perić J., Delić A. Social entrepreneurship in Croatia: Do regional disparities influence young people's perception of social entrepreneurship as a potential career path? // Ekonomski

vjesnik: Review of Contemporary Entrepreneurship, Business, and Economic Issues. 2014. Vol. 27(1). P. 81-92.

14. Prasetyo P.E., Kistanti N.R. Human Capital Institutional Economics and Entrepreneurship as a Driver for Quality & Sustainable Economic Growth // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2020. Vol. 7. P. 2575-2589. DOI.org/10.9770/jesi.2020.7.4(1)
15. Sachs J. et al. The Decade of Action for the Sustainable Development Goals: Sustainable Development Report 2021. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 518 p. DOI: 10.1017/9781009106559
16. Social and solidarity economy and the challenge of sustainable development // Position Paper by the United Nations InterAgency Task Force on Social and Solidarity Economy. Geneva: United Nations. 2014. 42 p.
17. Social Enterprises. Paris: OECD Publishing. 1999. 72 p.
18. World youth report: Youth Social Entrepreneurship and the 2030 Agenda. New York: United Nations. 2020. 148 p.

Информация об авторе

Соловьева Татьяна Сергеевна (Россия, Вологда) – научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: solo_86@list.ru).

Soloveva T.S.

OPPORTUNITIES OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN SOLVING PROBLEMS OF SUSTAINABLE TERRITORIAL DEVELOPMENT

Abstract. *The paper focuses on the issues affecting the impact of social entrepreneurship on the sustainable territorial development. Special attention is paid to its role in the context of overcoming the consequences of the coronavirus pandemic.*

Key words: *social entrepreneurship, sustainable development, sustainable development goals, pandemic.*

Information about author

Soloveva Tatiana S. (Russia, Vologda) – researcher, Federal state budgetary institution of science “Vologda research center of Russian academy of sciences” (160014, Vologda, Gorky St., 56а; e-mail: solo_86@list.ru).

Bibliography

1. Soloveva T.S., Popov A.V. The possibilities of social innovation in overcoming environmental challenges of our time // Ecology and society: balance of interests. Book of abstracts of participants of the Russian Scientific Forum. 2020. P. 308-311.
2. Ahmad J., Rahman R. The Role of Social Entrepreneurship in Poverty Reduction // Journal of Business on Hospitality and Tourism. 2018. Vol. 4. P. 159-174.
3. Audretsch, D.B., Keilbach, M. Resolving the knowledge paradox: knowledge-spillover entrepreneurship and economic growth // Research Policy. 2008. Vol. 37(10). P. 1697-1705.
4. Bencheva, N. et al. The Role of Social Entrepreneurship for Rural Development // Journal Agricultural Sciences. 2017. Vol. 9. P. 89-98. DOI: 10.4236/ojbm.2021.95141 2585.
5. Borzaga, C. Galera, G. Social enterprises and their eco-systems: developments in Europe. Brussels: European Commission, Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion. 2016. 50 p.

6. Choi N., Majumdar S. Social entrepreneurship as an essentially contested concept: opening a new avenue for systematic future research // *Journal of Business Venturing*. 2014. Vol. 29(3). P. 363-376. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2013.05.001.
7. *Entrepreneurship and Local Economic Development: Programme and Policy Recommendations, Local Economic and Employment Development (LEED)*. Paris: OECD Publishing. 2003. 235 p. DOI:10.1787/9789264199798-en
8. Gregory D. et al. *The Hidden Revolution. Size and scale of social enterprise in 2018*. London: Social Enterprise UK. 2018. 16 p.
9. Kim M.G., Lee J.H., Roh T., Son H. Social Entrepreneurship Education as an Innovation Hub for Building an Entrepreneurial Ecosystem: The Case of the KAIST Social Entrepreneurship // *Sustainability*. 2020. Vol. 12. P. 9736. DOI:10.3390/su12229736
10. Monzon J.L., Chavez R. *The social economy in the European Union*. Liege: CIRIEC 2012. 67 p.
11. Naidoo R., Fisher B. Reset Sustainable Development Goals for a pandemic world // *Nature*. 2020. Vol. 583. P. 198-201. DOI: 10.1038/d41586-020-01999-x.
12. *No Going Back. State of Social Enterprise Survey 2021*. London: SEUK. 2021. 64 p.
13. Perić J., Delić A. Social entrepreneurship in Croatia: Do regional disparities influence young people's perception of social entrepreneurship as a potential career path? // *Ekonomski vjesnik: Review of Contemporary Entrepreneurship, Business, and Economic Issues*. 2014. Vol. 27(1). P. 81-92.
14. Prasetyo P.E., Kistanti N.R. Human Capital Institutional Economics and Entrepreneurship as a Driver for Quality & Sustainable Economic Growth // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2020. Vol. 7. P. 2575-2589. DOI.org/10.9770/jesi.2020.7.4(1)
15. Sachs J. et al. *The Decade of Action for the Sustainable Development Goals: Sustainable Development Report 2021*. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 518 p. DOI: 10.1017/9781009106559
16. *Social and solidarity economy and the challenge of sustainable development // Position Paper by the United Nations InterAgency Task Force on Social and Solidarity Economy*. Geneva: United Nations. 2014. 42 p.
17. *Social Enterprises*. Paris: OECD Publishing. 1999. 72 p.
18. *World youth report: Youth Social Entrepreneurship and the 2030 Agenda*. New York: United Nations. 2020. 148 p.

КАК ИЗМЕНИЛАСЬ СТРУКТУРА ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В РАЗРЕЗЕ МАКРОСТРАТ ЗА ПРОШЕДШИЕ 20 ЛЕТ

Аннотация. В статье на основе децильного распределения населения России по душевым доходам, рассчитанного с использованием новых подходов, предложенных в литературе, представлены изменения в структуре денежных доходов за 2001–2020 гг. в разрезе бедного, малообеспеченного, обеспеченного и богатого населения.

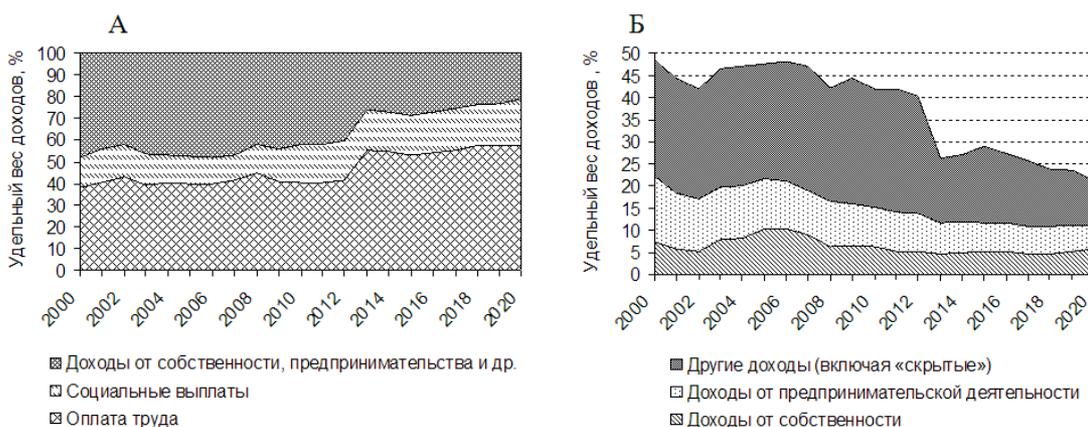
Ключевые слова: структура денежных доходов населения регионов, макростраты бедного, малообеспеченного, обеспеченного и богатого населения.

Введение. Денежные доходы населения, их уровень и структура источников формирования издавна привлекают внимание научного сообщества. Исследования, направленные на поиск направлений, способствующих совершенствованию управленческих механизмов социальной политики, особенно актуализировались в связи с усилением экономического неравенства во многих странах мира, в том числе и нашей стране. Заметный вклад в развитие методологии анализа доходов населения внесла работа недавно скончавшегося чл.-корр. РАН Н.И. Лапина совместно с сотрудниками Вологодского НИЦ РАН В.А. Ильиным и М.В. Моревым, в которой они предложили систему оценочных показателей в форме центильных коэффициентов неравенства доходов в разрезе обезличенных групп (макрострат) населения [3]. Авторы сочли целесообразным выделить макростраты малообеспеченного, обеспеченного и богатого населения в процентах к итогу всего населения страны в определенной пропорции: 50:40:10. Страту *малообеспеченного* населения образуют первые 5 децильных групп, страту *обеспеченного* населения – следующие 4 децильные группы (с шестой по девятую). Последняя (10-я дециль) характеризует наиболее доходную группу населения, названную стратой *богатого* населения. Также считаем целесообразным выделить нижний слой страты малообеспеченного населения (1-ю дециль распределения), охватывающий самые беднейшие слои (страта *бедного* населения).

Цель настоящей статьи состояла в том, чтобы с использованием новых информационных возможностей и инструментальных подходов сформировать представления об изменении уровня и структуры денежных доходов населения страны в разрезе вышеобозначенных макрострат в форме долговременных тенденций за 2001–2020 гг.

Методические пояснения. При восстановлении исходного распределения населения страны по душевым доходам в разрезе децильных (10-процентных) групп использовались методические положения, изложенные в [2, 6] и реализованные автором в экспериментальных расчетах в [7]. По этой методике, позволяющей восстановить исходное распределение хотя и приблизительно, но с приемлемой точностью, были рассчитаны показатели, относящиеся к 2000–2014 гг. Для показателей 2015–2020 гг. использовался подход, в точности соответствующий оценке логнормального распределения населения по душевым доходам, которые используют органы статистики. Поскольку Росстат опубликовал данные об уровне среднедушевого медианного дохода за 2015–2020 гг., отпадает необходимость в приближенном расчете параметров логнормального распределения, так как имеются официальные данные, достаточные для его аналитического восстановления [7].

Результаты расчетов и их обсуждение. Как показывают расчеты, реальные денежные доходы населения страны увеличились за 2001–2020 гг. в 2,6 раза, или на 4,8 % в среднегодовом выражении. Уровень и динамика доходов населения, формируя общие представления о благосостоянии населения, оставляют «за кадром» источники их формирования. В связи с этим были рассчитаны уровень и структура основных источников формирования среднедушевых денежных доходов населения страны, включающих: 1) оплату труда, 2) социальные поступления, 3) доходы от собственности, предпринимательской деятельности и другие доходы (включая «скрытые») (фрагмент «А» рис. 1). Особое внимание при этом было уделено составу третьего вышеназванного источника, формирующего, на наш взгляд, в значительной мере экономическую основу среднего класса¹ (фрагмент «Б» рисунок).

Динамика структуры суммарных доходов (А), доходов от собственности, предпринимательской деятельности и других доходов (включая «скрытые») (Б) населения России

В структуре денежных доходов населения России в 2001–2020 гг. произошли существенные изменения. Динамика удельного веса оплаты труда в общем итоге доходов в долгосрочном периоде имела неоднозначный характер. В частности, наблюдалась стационарная динамика показателя с небольшой пульсацией в интервале 38–41,5 %. В 2013–2014 гг. доля оплаты труда резко увеличилась на 10 п.п. до 55 % и затем с небольшими колебаниями повысилась до 57,5 % в 2020 г. В то же время удельный вес социальных выплат в общем итоге денежных доходов населения страны следовал повышательной тенденции с небольшой волнообразной пульсацией. В 2000 г. доля социальных выплат составляла 13,8 %, к 2010 г. она увеличилась до 18 %, а к 2020 г. – до 21,5 %. Третья часть доходов (от собственности, предпринимательской деятельности и другие, включая «скрытые») представляет особый интерес с точки зрения формирования экономической основы так называемого «среднего класса». Динамика удельного веса этого источника, к сожалению, приняла нежелательный характер, испытывая в целом понижающую тенденцию. Причем наибольший спад пришелся на период 2013–2020 гг., когда удельный вес рассматриваемого источника в целом по стране снизился с 40 в 2012 г. до 21% в 2020 г.

¹ Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели»: Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации (2000–2020). Раздел 3. Уровень жизни населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>. Расчеты автора.

Однако изменения в структуре третьего источника в разрезе его отдельных составляющих протекали с разной интенсивностью. Так, более всего снизилась доля доходов, включающих скрытую зарплату, поступления от продажи валюты, денежных переводов и пр. Доля этой доходной составляющей в 2000–2012 гг. пульсировала в интервале 25–28,5 %, после чего понизилась до 14,5 % в 2013 г., затем до 10 % в 2020 г. Между тем удельный вес доходов от предпринимательской деятельности снижался почти линейно на протяжении всего анализируемого периода: с 14,9 % в 2000 г. до 5,1 % в 2020 г. Менее всего снизилась доля доходов от собственности, которая также продемонстрировала неравномерную динамику: показатель сначала увеличился с 6 % (2000 г.) до 10 % (2005–2006 гг.), потом снизился до 5 % (2011 г.), после чего варьировал в диапазоне 5–6 %.

Итак, в 2001–2020 гг. в структуре источников, формирующих доходы населения страны, наблюдались две повышательные (по оплате труда и социальным выплатам) и одна понижательная тенденция – по доходам от собственности, предпринимательской деятельности и другим доходам (включая «скрытые»).

Представления о структурной динамике доходов можно существенно дополнить анализом изменений в структуре денежных доходов населения в разрезе обезличенных макрострат (таблица).

Структура денежных доходов в макростратах бедного, малообеспеченного, обеспеченного и богатого населения России

Страта	Источник дохода	2000	2003	2007	2009	2011	2013	2015	2017	2020
Бедная	Денежные доходы – всего, в том числе:	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	оплата труда	19,4	23,7	35,1	50,0	44,6	59,5	60,6	65,9	72,3
	доходы от собственности, предпринимательства и др.	22,2	16,4	15,4	18,4	17,1	11,6	13,0	12,2	8,6
	социальные выплаты	58,4	59,9	49,5	31,6	38,3	28,9	26,4	22,0	19,1
Малообеспеченная	Денежные доходы – всего, в том числе:	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	оплата труда	28,7	31,1	34,5	38,9	41,6	39,8	54,7	53,9	56,2
	доходы от собственности, предпринимательства и др.	39,1	37,1	36,3	34,6	32,4	29,6	17,4	19,4	17,1
	социальные выплаты	32,1	31,8	29,2	26,5	26,0	30,6	27,9	26,8	26,7
Обеспеченная	Денежные доходы – всего, в том числе:	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	оплата труда	36,4	37,3	37,9	39,2	38,3	37,5	51,6	49,5	51,2
	доходы от собственности, предпринимательства и др.	52,7	51,1	51,7	50,9	46,9	44,3	28,6	31,2	27,8
	социальные выплаты	10,9	11,6	10,4	9,9	14,8	18,2	19,8	19,3	21,0
Богатая	Денежные доходы – всего, в том числе:	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	оплата труда	47,6	49,1	46,6	44,2	44,3	61,0	57,4	60,6	64,9
	доходы от собственности, предпринимательства и др.	48,2	46,2	49,5	48,8	46,9	28,9	32,6	28,3	22,3
	социальные выплаты	4,2	4,7	4,0	7,0	8,8	10,1	10,0	11,0	12,8

Источники: Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели»: социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации (2000–2020). Раздел 3. Уровень жизни населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>; расчеты автора.

В предыдущих публикациях автор показал, как на основе доступной статистической информации определить показатели распределения 10-процентных групп населения по душевым денежным доходам с выделением в них рыночных и нерыночных составляющих [6]. Данное распределение позволяет сформировать представления о многочисленных аспектах социальной политики в области обеспечения достойного уровня жизни населения, например, рассчитать всевозможные коэффициенты (центильные, поляризации и др.) применительно к обезличенным макростратам населения.

Важный вывод исследования состоит в том, что из-за существенного снижения в структуре доходов населения их важной рыночной составляющей (доходов от собственности и предпринимательства), в анализируемом периоде сильно сузилась экономическая база среднего класса. На чем основан данный вывод? Опубликованы результаты многочисленных социологических исследований образа жизни среднего класса, в которых определены признаки и критерии этой категории населения [1, 4, 5]. Но только в одном из ранних исследований (1999 г.) приведены данные о структуре доходов среднего класса с выделением в его составе трех слоев: верхнего, среднего и нижнего [4, с. 20]. Согласно этому исследованию, доля дохода от собственности и предпринимательства в общем итоге денежных доходов населения, относящегося к среднему классу, составила 26,2 %. Причем в его верхнем слое – 42,7, среднем – 26,3 и нижнем – 9,6 %. Понимая, что данные наших расчетов (табл.) не в полной мере сопоставимы с данными социологического исследования, все же проведем их сравнение.

По нашим расчетам, доходный вес от собственности и предпринимательства в макрострате обеспеченного населения в 2000 г. составил 42,4 %, что соответствует показателю социологического исследования в верхнем слое среднего класса. Однако наше исследование зафиксировало понижательную тенденцию доли рассматриваемого источника доходов. Следуя данной тенденции, получаем интерполяционное значение показателя, соответствующее среднему слою среднего класса (26,3 %) на временном интервале 2012 г., тогда как показатель 2020 г. (15 %) оказывается лишь на 5,4 п. п. выше уровня показателя социологического исследования в нижнем слое среднего класса. Следовательно, в анализируемом периоде изменения в предпринимательском климате страны в целом не способствовали укреплению экономической основы среднего класса. Его выпадающие доходы от собственности и предпринимательства пришлось с нарастанием компенсировать социальными поступлениями, что, по-видимому, существенно снизило стимулирующую функцию предпринимательской деятельности.

Подводя итоги, сформулируем следующие выводы:

1. Расширение органами статистики информационной базы доходов населения путем публикации медианного среднедушевого денежного дохода и медианной заработной платы значительно обогащает возможности анализа, позволяет в точности восстановить децильное распределение населения по душевым доходам, формировать его обезличенные макростраты в различных вариантах.

2. В анализируемом долгосрочном периоде (2001–2020 гг.) в структуре денежных доходов страны обозначились повышательные тенденции по оплате труда и социальным выплатам. В то же время зафиксирована понижательная тенденция по доходам от собственности, предпринимательской деятельности и другим доходам (включая «скрытые»).

3. Вследствие снижения в структуре доходов населения важной рыночной составляющей (доходов от собственности и предпринимательства), в анализируемом периоде сильно сузилась экономическая база среднего класса, что, по-видимому, существенно ослабило стимулирующую функцию предпринимательской деятельности. Необходима разработка и скорейшее внедрение институционально-регулирующих воздействий, направленных на повышение душевых доходов, рационализацию их структуры и снижение экономического неравенства в их распределении.

Список литературы

1. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Средние классы в социальной структуре занятого населения в России // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 2. С. 58–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.576>
2. Колмаков И.Б. Методология расчета и анализа интегральных оценок показателей поляризации денежных доходов населения // Вопросы статистики. 2015. № 2. С. 23–36.
3. Лапин Н.И. Экстремальные неравенства и социальное государство // Социологические исследования. 2020. № 1. Ч. 1. С. 4–17. № 2. Ч. 2. С. 20–30.
4. Наличие среднего класса в Российской Федерации. Аналитическое исследование по заказу Европейского банка реконструкции и развития / Московский институт технологий бизнеса. М., 1999. 54 с.
5. Средний класс в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. ФГБУН Институт социологии Российской академии наук. 2014. 222 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22947690>
6. Суворов А.В. Проблемы оценки дифференциации доходов населения в современной России // Проблемы прогнозирования. 2008. № 2. С. 3–18.
7. Тарасов В.Т. Распределение рыночных и нерыночных доходов населения Чувашии в макростратах малообеспеченного, обеспеченного и богатого населения // Государство и рынок: новые векторы развития: мат-лы XIII Всерос. науч.-практ. конф. (11 февраля 2022 г.). Чебоксары: Новое время, 2022. С. 192–207.

Информация об авторе

Тарасов Владимир Тимофеевич (Россия, Чебоксары) – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: tarvlad2015@yandex.ru).

Tarasov V.T.

HOW THE STRUCTURE OF THE POPULATION'S INCOME CHANGED OF RUSSIA BY THE PAST 20 YEARS

Abstract. *Based on the decile distribution of the population of Russia by per capita income, calculated using the new approaches proposed in the literature, the article presents changes in the structure of cash income for 2001–2020 in the context of the poor, low-income, wealthy and rich population.*

Key words: *structure of monetary incomes of the population of the regions, macrostrata of the low-income, affluent and rich population.*

Information about author

Tarasov Vladimir T. (Russia, Cheboksary) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management of the Cheboksary Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (e-mail: tarvlad2015@yandex.ru).

Bibliography

1. Bobkov V.N., Odintsova E.V. Srednie klassy v sotsial'noy strukture zanyatogo na-seleniya v Rossii // Vestnik Instituta sotsiologii. 2019. vol. 10. № 2. P. 58–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.576>
2. Kolmakov I.B. Metodologiya rascheta i analiza integral'nykh otsenok pokazateley polarizatsii denezhnykh dokhodov naseleniya // Voprosy statistiki. 2015. № 2. P. 23–36.
3. Lapin N.I., Il'in V.A., Morev M.V. Ekstremal'nye neravenstva i sotsial'noe gosudarstvo // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2020. № 1. P. 4–17.
4. Nalichie srednego klassa v Rossiyskoy Federatsii // Presence of a middle Class in the Russian Federation. Analiticheskoe issledovanie po zakazu Evropeyskogo banka rekonstruktsii i razvitiya. M.: 1999. 54 p.
5. Sredniy klass v sovremennoy Rossii: 10let spustya // Analiticheskiy doklad. FGBUN Institut sotsiologii Rossiyskoy akademii nauk. 2014. 222 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22947690>
6. Suvorov A.V. Problemy otsenki differentsiatsii dokhodov naseleniya v sovremennoy Rossii // Problemy prognozirovaniya. 2008. № 2. P. 3–18.
7. Tarasov V.T. Raspredelenie rynochnykh i nerynochnykh dokhodov naseleniya Chuvashii v makrostratakh maloobespechennogo, obespechennogo i bogatogo naseleniya // Gosudarstvo i rynek: novye vektory razvitiya. Materialy XIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (11 fevralya 2022 g.). Cheboksary: Novoe Vremya. P. 192–207.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ: БАНКОВСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются условия и факторы, влияющие на развитие новых тенденций в финансовой сфере, технологические тенденции и примеры их реализации в банковской сфере, приведены рекомендации по повышению эффективности и производительности деятельности банковских учреждений в финансовой сфере.

Ключевые слова: технологические тенденции в банковской сфере, технологические инновации в банковской сфере, инновационный опыт.

В условиях пандемии 2020-2021 гг. многие банки приняли экономическую ситуацию как аксиому о том, что любой бизнес – это технологический бизнес. Благодаря адаптации этой технологии банки добились существенного прогресса в повышении эффективности работы как с клиентами, так и в проведении своих собственных внутренних операций. Можно утверждать, что в мире после ослабления пандемии некоторые клиенты неизбежно вернулись к нецифровым каналам, но несомненно то, что последние 18 месяцев навсегда изменили банковскую индустрию. В настоящее время технологическая зрелость является ключевым фактором, определяющим финансовые показатели в банковской отрасли. Внедрение и использование передовых технологий для развития и преобразования своего бизнеса являются важными финансовыми показателями получения высокого дохода.

В течение многих лет банки с оптимизмом оценивали свою цифровую готовность к переходу на новый уровень обслуживания клиентов и полагали, что они далеко продвинулись в своих облачных и цифровых преобразованиях. Для многих банков кризис COVID-19 резко акцентировал внимание на существующих негибких рабочих схемах, ручных операциях и процессах продаж и обслуживания клиентов, которые, безусловно, не были сквозными и цифровыми технологиями. Лидеры в банковской сфере ускорили разработку своих продуктов и технологических дорожных карт, а также импровизировали решения таким образом, чтобы изменить то, как они работали и обслуживали своих клиентов. Банки во всем мире эффективно направляли беспрецедентные уровни стимулирования государственного сектора, проявляли желанную гибкость в отношении платежных каникул и краткосрочных кредитов, а также разрабатывали инновационные решения для дистанционной связи, чтобы компенсировать отсутствие личного взаимодействия и были вынужденными в течение 2020 г. вносить многолетние изменения в технологии и бизнес-модели за считанные месяцы [1, с. 112].

Сейчас многие административные команды банков пытаются сохранить такой уровень инновационного реагирования. Основные изменения, которые, по прогнозам, должны были произойти через несколько лет, происходят уже сегодня: конвергенция отрасли, массовая виртуализация, появление новых инновационных продуктов и постоянно меняющиеся ожидания клиентов.

Проведенное исследование деятельности ведущих банков, учреждений в банковской сфере показало, что цифровые лидеры (топ – 10% компаний, вводящих технологические инновации в свой бизнес) достигают удвоения или утроения роста доходов по сравнению со своими конкурентами – растущего разрыва, который можно

назвать разрывом в цифровых достижениях. Те, кто по-прежнему придерживается четкой перспективы и уделяет пристальное внимание ускорению своих цифровых преобразований – переосмыслению всего, начиная с роли своих сотрудников и заканчивая данными, техническими архитектурами и экосистемами, – станут лидерами будущего. 99% руководителей банковских учреждений сообщают, что пандемия COVID-19 стала беспрецедентным стресс-тестом для их организации. Анализируя полученные ответы на вопрос: какие аспекты вашей организации подверглись наибольшему стресс-тестированию, можно их классифицировать следующим образом: 33% – технологическая архитектура; 26% – стратегия развития; 23% – коллектив сотрудников; 16% – процессы продаж и обслуживания клиентов, при этом можно отметить, что 68% руководителей банковских учреждений говорят, что темпы цифровой трансформации в их организации ускоряются и 93% – согласны с тем, что сотрудники их организации работают с обновленным чувством цели. Результаты, полученные в ходе опроса специалистов крупнейших банков, подтверждают, что в настоящее время происходит расширение определения понятия ценности, включив в него степень процветания людей, воздействие на окружающую среду, расширение инклюзивности и многое другое. Анализируя внедренные технологические инновации в банковскую сферу в мировом масштабе в течение 2020-2021 гг. можно сформулировать пять основных технологических тенденций, которые оказывают свое влияние на распространение инновационного опыта и повышение эффективности обслуживания клиентов и проведения операций в банковской сфере: проектирование лучшего будущего; увеличение массивных, интеллектуальных цифровых объемов данных; демократизация технологий; создание собственной среды; продвижение многопартийной системы.

Остановимся более подробно на каждой из них.

Тенденция 1: проектирование лучшего будущего. Мы вступаем в период, когда банки будут конкурировать не только по критериям характеристики продуктов, по уровню склонности к риску и ценообразованию, но также и по уровню сложности выстроенной технологической архитектуры. Реализация корпоративной стратегии будет в беспрецедентной степени обеспечиваться или ограничиваться техническими архитектурами. Создание и использование наиболее конкурентоспособного набора технологий означает иное восприятие роли технологий в банковском бизнесе. Большинство банковских руководителей, а именно 83%, считают, что бизнес- и технологические стратегии становятся взаимопроницаемыми, а технологическое лидерство становится необходимым, хотя и недостаточным критерием финансового успеха и 94% - предполагают, что по крайней мере половина данных их бизнеса будет находиться в облачном хранилище по истечении трех ближайших лет.

Развитие данной тенденции можно проиллюстрировать следующим примером. Банк «Banco Santander», который переместил 200 серверов в облачное хранилище в течение последних двух лет, то есть перенес 60% своей ИТ-инфраструктуры в облако, планируемый срок завершения информации 2023 г. Этот набор облачных технологий помог банку обслуживать 148 миллионов клиентов в Европе и Северной и Южной Америке и поддержать 100 000 сотрудников, работающих по удаленному доступу из дома в период пандемии.

Тенденция 2: увеличение массивных, интеллектуальных цифровых объемов данных. Растущие инвестиции в технологии обработки данных и искусственного интеллекта приводят к появлению новых способов взглянуть на реальный мир через

призму новых технологий. Объединяя данные из разных источников, банки могут создавать живые модели жизненного цикла продуктов, поездок клиентов, операционных процессов, рыночных сценариев и многое другое.

Поскольку все большая доля физического мира представлена в цифровом пространстве, открываются большие возможности для прогнозирования, оценки и удовлетворения потребностей клиентов способами, которые удивят и порадуют клиентов, привыкших думать о банковском деле как о реактивном и бюрократическом. Процессный подход также позволяет руководителям целостно рассматривать внутренние и внешние процессы, чтобы определить возможности для улучшения [2, с. 136]. Банковские лидеры смогут объединить данные и аналитические данные в беспрецедентном масштабе, задавать и отвечать на общие вопросы, имеющие решающее значение для их выживания и переосмыслить то, как они работают, сотрудничают и внедряют инновации. 23% руководителей банковских учреждений сообщают, что в 2020-2021 гг. их организации экспериментировали с системой цифровых двойников и 16% – расширяют масштабы внедрения систематизированной эталонной архитектуры и планируют увеличить инвестиции в систему интеллектуальных цифровых двойников в течение следующих трех лет. Предполагается, что банки будут внедрять комплексные и надежные методы обработки данных и работать над созданием в будущем бесшовного сотрудничества на основе данных между различными экосистемами.

Примеры практического решения проблем: использование цифровых двойников в бизнесе коммерческого кредитования для моделирования сквозных процессов в разрозненных системах. Это моделирование дало представление о том, когда и почему в некоторых процессах возникали задержки, выявило возможности для автоматизации и определило пути повышения прозрачности. После анализа этих данных организация смогла предпринять ряд действий, которые сократили время обработки бизнес-кредитов с 13 дней до двух дней.

Тенденция 3: демократизация технологий. В последние годы происходит сдвиг в развитии технологий: low-code платформы, автоматизация роботизированных процессов и многое другое предоставляют большие возможности людям, работающим в банке, что разрушает традиционный барьер между бизнесом и ИТ-структурами. В то время как ИТ-отдел по-прежнему будет заниматься основными внедрениями и работать с самыми передовыми технологиями, люди, наиболее близкие к повседневным бизнес-проблемам, получают все больше возможностей для самостоятельного создания технологических решений. Благодаря демократизированным технологиям каждый сотрудник может стать новатором, оптимизируя свой собственный рабочий процесс, устраняя болевые точки и поддерживая бизнес в соответствии с меняющимися потребностями. 88% руководителей банков считают, что демократизация технологий является важной для их способности внедрять инновации во всей организации; 91% руководителей согласны с тем, что банкам необходимо обеспечить обучение сотрудников в контексте демократизации технологий, акцентируя его на безопасности и управлении данными; 87% - согласны с тем, что их банк должен обучать своих сотрудников мыслить технологически, то есть использовать и настраивать технологические решения на индивидуальном уровне, при этом, не имея высокотехнических навыков.

Пример. Банк «Allied Irish Bank» хотел сделать искусственный интеллект неотъемлемой частью процесса принятия решений, для того чтобы бороться с неверными

данными или моделями, которые создают предвзятое отношение к некоторым клиентам, компания создала инструмент алгоритмического смещения.

Тенденция 4: создание собственной среды. В разгар пандемии банки спровоцировали крупнейшую смену формы работы в истории, отправив работать сотрудников домой с использованием удаленного доступа и удвоив использование технологических решений для поддержания их производительности. Это позволило сотрудникам работать не только дома, но и практически в любом месте. Многие банки обнаружили, производительность фактически повысилась. Сейчас ведущие банки рассматривают вопрос о том, как превратить удаленную работу из удобства в преимущество, создавая виртуализированную модель рабочей силы с полной занятостью в новых географических регионах. Лидеры банковских организаций разрабатывают стратегии, которые учитывают культурные последствия удаленной работы и проблемы безопасности, а также меняющееся назначение физических филиалов и офисных помещений. 86% считает, что удаленная рабочая сила позволяет нанимать больше талантливых сотрудников и расширяет конкуренцию среди организаций в этом сегменте рынка; 81% согласились, что сотрудники их организации столкнулись с крупнейшими и самыми быстрыми изменениями в поведении людей в истории в связи с пандемией COVID-19; 74% руководителей учреждений банковской сферы создают проекты, в которых 10–40% рабочей силы будут работать удаленно уже в следующем году.

Примеры. Банк «HSBC» сократил исполнителей лондонского офиса в рамках радикального плана по сокращению расходов на головной офис по всему миру на 40%.

«Credit Suisse» и «Deutsche Bank» входят в число других банков, внедряющих гибридные стратегии удаленной работы, поскольку Европа выходит из кризиса, связанного с пандемией COVID-19.

Тенденция 5: продвижение многопартийной системы. Внезапный спрос на отслеживание контактов, беспрепятственные платежи и новые способы укрепления доверия у клиентов привлекли особое внимание к тому, чего не было до этого в существующих экосистемах банков. Теперь лидеры банковской сферы готовятся к быстрым изменениям в потребностях клиентов, регулировании и многом другом в течение последующих трех лет. По мере увеличения числа сторонних поставщиков в банковской экосистеме банки будут переосмысливать то, как они работают в контексте многопартийных систем, открытого банковского регулирования и открытых данных. Те, кто выполняют все требования, смогут повысить устойчивость и адаптивность, открыть новые способы выхода на рынок и установить новые стандарты для отрасли, ориентированные на экосистему. 24% руководителей банковских учреждений сообщают, что в 2020-2021 гг. их организации экспериментировали с многопартийными системами; 91% согласились с тем, что многопартийные системы позволят их экосистемам создать более устойчивую, адаптируемую основу и создать новую ценность для партнеров; 90% согласились с утверждением о том, чтобы быть гибким и устойчивым, их банку необходимо ускорить цифровую трансформацию с использованием облачных технологий в своей основе.

Пример. В Сингапуре внедрение SGFinDex – Сингапурский обмен финансовыми данными, первой в мире инициативы открытого банковского обслуживания между государственным и частным секторами, объединяет финансовые учреждения для обеспечения эффективного, стандартизированного, безопасного и централизованного шлюза для эффективного обмена данными на основе общих

данных и стандартов API для поддержки цифровых инноваций, основанных на больших массивах данных.

Проанализировав общие тенденции развития финансовой системы и банковских технологий, в частности можно предположить, что внедрение уже имеющегося опыта приведет к повышению эффективности и производительности деятельности банковских учреждений в финансовой сфере. В связи с этим были разработаны рекомендации по внедрению технологических инноваций в банковскую сферу с целью повышения эффективности работы, как с клиентами, так и в проведении своих собственных внутренних операций:

- инвестировать средства в развитие облачных стратегий, создание облачных хранилищ и микросервисов, которые являются ключевыми компонентами адаптивной технологической основы для повышения эффективности инноваций в продуктах и партнерских отношениях, направленной на укрепление доверия со стороны клиента к внедрению новых технологий в банковской сфере;

- выявлять новые возможности для продуктов, услуг и клиентского опыта, основанных на цифровых технологиях и использовать эти бизнес-кейсы для обоснования инвестиций;

- внедрять комплексные и надежные методы обработки данных;

- создать поток аналитических данных для укрепления «цепи поставок информации»;

- инвестировать в решения, которые обеспечивают быстрый сбор, подготовку и анализ данных и которые способны масштабироваться и реагировать в режиме реального времени;

- разрабатывать стратегии, которые будут основываться на экосистемном мышлении;

- интегрировать возможности искусственного интеллекта с усилиями по созданию цифровых двойников;

- обучать своих сотрудников мыслить, как технологов для сокращения разрыва в их квалификации;

- разработать инструменты аналитики на рабочем месте и набор ключевых показателей эффективности;

- оптимизировать количество филиалов и офисов с учетом растущего числа удаленных сотрудников;

- пересмотреть стратегии набора персонала и привлечения талантливых сотрудников за пределами географически привычного рынка труда;

- улучшить взаимодействие с клиентами в областях, в которых они должны быть поставщиком продуктов или услуг для третьей стороны;

- развивать организационную культуру в контексте переосмысления общения сотрудников между собой и с руководством, одинакового признания достижений сотрудников независимо от формы их работы: дистанционно или лично;

- уделять приоритетное внимание конфиденциальности данных, этическому дизайну и непрерывному управлению организацией на основе процессного подхода.

Список литературы

1. Тернер Е.Ю. Понятие цифровой экономики в современном мире // Инженерные кадры – будущее инновационной экономики России. 2017. № 8. С. 112-114.
2. Гирфанова Е.Ю. Анализ опыта внедрения процессного подхода в кредитных организациях // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и

пути их решения : сб. науч. статей IX Международной научно-практической конференции. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 135-139.

Информация об авторе

Тернер Елена Юрьевна (Россия, Казань) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет (420015, Республика Татарстан, г. Казань, ул. К. Маркса, 68; e-mail: office@kstu.ru, elurmax@mail.ru).

Turner E.Yu.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE FINANCIAL SYSTEM: BANKING TECHNOLOGIES

Abstract. *The article examines the conditions and factors influencing the development of new trends in the financial sector, technological trends and examples of their implementation in the banking sector, provides recommendations for improving the efficiency and productivity of banking institutions in the financial sector.*

Key words: *technological trends in the banking sector, technological innovations in the banking sector, innovative experience.*

Information about author

Turner Elena Yu. (Russian Federation, Kazan) – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University (420015, Republic of Tatarstan, Kazan, K. Marx Street, 68, e-mail: office@kstu.ru, elurmax@mail.ru).

Bibliography

1. Turner E.Y. The concept of digital economy in the modern world // Engineering personnel are the future of Russia's innovative economy. 2017. №. 8. P. 112-114.
2. Girfanova E.Yu. Analysis of the experience of implementing a process approach in credit institutions // Management of socio-economic development of regions: problems and solutions: Collection of scientific articles of the 9th International Scientific and Practical Conference. Kursk: Southwest State University. 2019. P. 135-139.

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ: КОНКУРЕНЦИЯ НА ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ

Аннотация. Анализируется мониторинг удовлетворенности населения уровнем цен, качеством и возможностью выбора социальных услуг в динамике с 2015 по 2020 год. Определено, что жители региона в целом «скорее не удовлетворены» услугами рынка социального обслуживания населения по каждому из предложенных показателей, не смотря на наличие положительной динамики развития данного рынка.

Ключевые слова: реальный сектор экономики, конкуренция, рынок услуг, социальное обслуживание, мониторинг.

В настоящее время социальная сфера имеет легальное толкование в соответствии со «Стандартом развития конкуренции в субъектах РФ» где социальная значимость отраслей социальной сферы определяется с учетом сформированного перечня приоритетных и социально значимых региональных рынков, направленных на повышение уровня жизни населения [7].

Реальный сектор экономики России можно разделить на две части:

- отрасли, ориентированные на внешний рынок;
- отрасли, ориентированные на внутренний рынок;

Первая часть реального сектора невелика по числу занятых граждан (около 5%), но приносит более половины всей прибыли в стране.

Вторая часть реального сектора малорентабельна из-за своей невысокой конкурентоспособности [8].

В положении об органах исполнительной власти Республики Коми развитие конкуренции определено в качестве одного из основных приоритетов деятельности региона [4]. Государственная программа Республики Коми «Развитие экономики» расширила доступ субъектов малого и среднего предпринимательства к финансовой поддержке [3]. Утвержден перечень *приоритетных* и социально значимых рынков для содействия развитию конкуренции в республике с обоснованием их выбора [6].

В него включены социально значимые рынки по содействию развитию конкуренции, в том числе и рынок услуг в сфере социального обслуживания населения.

В рамках внедрения Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации предусмотрено проведение:

- мониторинга административных барьеров и оценки состояния конкурентной среды субъектами предпринимательской деятельности;
- мониторинга удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках региона и состоянием ценовой конкуренции;
- мониторинга удовлетворенности субъектов предпринимательской деятельности и потребителей товаров и услуг качеством (уровнем доступности, понятности, удобства получения и достаточности) официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг региона и деятельности по содействию развитию конкуренции в регионе.

Министерство экономического развития и промышленности Республики Коми совместно с органами местного самоуправления муниципальных образований городских округов и муниципальных районов, ГАУ РК «Многофункциональный центр

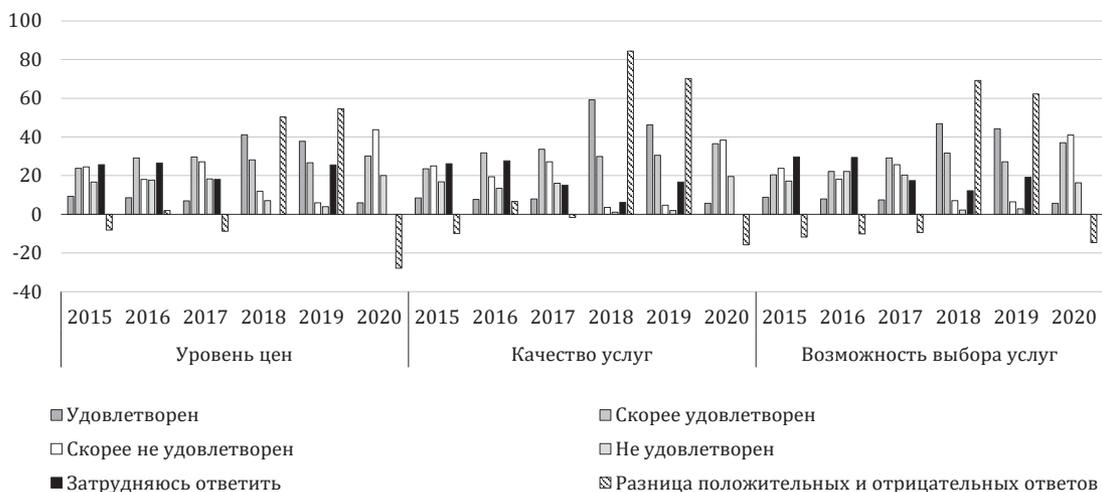
предоставления государственных и муниципальных услуг Республики Коми» ежегодно проводят опросы субъектов предпринимательской деятельности и населения.

Проведение опроса хозяйствующих субъектов с распределением организаций по категориям бизнеса (крупный, средний, малый) и в отраслевом разрезе осуществляли органы местного самоуправления. Выборка субъектов предпринимательской деятельности репрезентирует предпринимательское сообщество по критерию отраслевой принадлежности и месту регистрации бизнеса – пропорционально их доле в соответствующих показателях по республике. В 2020 году в опросе субъектов предпринимательской деятельности приняли участие 667 хозяйствующих субъектов, из них 338 индивидуальных предпринимателей (50,7%) и 329 юридических лиц (49,3%). Представителями предприятий, зарегистрированных в муниципальных образованиях городских округов, являлись 38,5% опрошенных и 61,5% были зарегистрированы в муниципальных образованиях муниципальных районов. Основным географическим рынком сбыта продукции (работ, услуг) предприятий, которые представляли респонденты, в 31,2% случаев являлся рынок Республики Коми, в 63,4% - локальный рынок муниципального образования.

Выборка населения была проведена по месту проживания (городской округ, муниципальный район). Опросом было охвачено 3250 человек. Опрос проводился во всех муниципальных образованиях городских округов и муниципальных районов республики.

Расчет квот для опроса был сделан на основе методических рекомендаций Министерства экономического развития Российской Федерации от 11.03.2020 № 130 «Об утверждении единой методики мониторинга состояния и развития конкуренции на товарных рынках субъекта Российской Федерации» [5].

В данной статье в целях определения уровня развития конкуренции в регионе мы рассмотрим удовлетворенность потребителей уровнем цен, качеством услуг и возможностью выбора услуг социального обслуживания населения в динамике за 2015–2020 гг. (рисунок).

Удовлетворенность респондентов характеристиками сферы услуг социального обслуживания населения, в % от числа опрошенных

Источники: Аналитический отчет «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг в Республике Коми», Сыктывкар, 2018. 212 с. [1]; Аналитический отчет «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг в Республике Коми», Сыктывкар, 2020. 502 с. [2].

В 2020 году по показателю «Уровень цен» 36,1% (2015г. – 49,0%, 2018г. – 75,8%) потребителей отметили, что «удовлетворены» и «скорее удовлетворены». За обозначенный период их число постоянно сокращается, особенно заметное снижение произошло по сравнению с 2018 годом (на 39,7%), на что повлияло распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Напротив, предпочли «скорее не удовлетворен» и «не удовлетворен» данным показателем 63,8% (2015г. – 41,3%, 2018г. – 19,0%) граждан, нуждающихся в социальном обслуживании. По сравнению с 2018 годом данный параметр поднялся на 44,8%. Разница положительных и отрицательных ответов составила (-) 27,8%.

По показателю «качество услуг» в 2020 году 42,2% (2015г. – 32,0%, 2018г. – 89,1%) респондентов отметили «удовлетворен» и «скорее удовлетворен». В сравнении с 2018 годом данный рейтинг опустился на 46,9%.

Показатель «скорее не удовлетворен» и «не удовлетворен» так же претерпел резкие изменения 57,9% (2015г. – 41,9%, 2018г. – 4,7%). По сравнению с 2018 годом уровень качества услуг снизился на 53,2%. Разница положительных и отрицательных ответов составила (-) 15,7%.

Возможностью выбора услуг «удовлетворен» и «скорее удовлетворен» – 42,7% (2015г. – 29,2%, 2018г. – 78,5%) потребителей. Обозначили «скорее не удовлетворен» и «не удовлетворен» 57,3% (2015г. – 41,0%, 2018г. – 9,3%) участников опроса. По сравнению с 2018 годом данный показатель вырос на 48,0%. Разница положительных и отрицательных ответов составила (-) 14,6%.

На вопрос «Какое количество организаций предоставляют услуги в сфере социального обслуживания населения в вашем районе (городе)?» 47,8% (2015г. – 49,0%, 2018г. – 75,8%) респондентов считает «Много» и «Достаточно». По сравнению с 2015 годом их число уменьшилось не значительно, лишь на 1,2%, однако в сравнении с 2018 годом эта доля существенно сократилась на 28,0% (таблица).

Распределение ответов на вопрос: «Какое количество организаций предоставляют услуги в сфере социального обслуживания населения в вашем районе (городе)?»
(в процентах от числа опрошенных)

год	Много	Достаточно	Мало	Нет совсем	Не ответили	Итого
2015	3,3	45,7	41,7	8,7	0,7	100,0
2016	1,4	32,7	58,4	6,9	0,6	100,0
2017	1,9	47,8	39,1	0,0	11,1	100,0
2018	1,5	74,3	11,8	0,8	11,7	100,0
2019	1,0	70,9	14,5	1,1	12,5	100,0
2020	6,8	41,0	34,6	6,4	11,2	100,0

Напротив, увеличилось количество респондентов (41,0%), которые считают, что данных организаций «Мало» и «Нет совсем» (2015г.–50,4%, 2018г.–12,6%). С 2018 года их число возросло на 28,4%. Так отметили большинство жителей МО ГО Ухта (74,0%), МО МР Корткеросский (63,4%), МО ГО Вуктыл (51,6%), МО ГО Воркута (48,2%). Таким образом, можно сделать вывод о том, что потребители рынка социальных услуг испытывают недостаток данных видов услуг и ограничены в возможности их выбора.

В целом по республике распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены уровнем цен, качеством услуг и возможностью выбора на рынке услуг

социального обслуживания населения вашего района (города)?» (0 – затрудняюсь ответить, 1 – не удовлетворен, 2 – скорее не удовлетворен, 3 – скорее удовлетворен, 4 – удовлетворен).

В разрезе городов и районов республики средний бал по уровню цен составил 2,2, по качеству услуг 2,3 балла и выбору услуг 2,3 балла, что говорит о том, что потребители рынка социального обслуживания населения «скорее не удовлетворены» уровнем цен, качеством услуг и возможностью выбора услуг.

Тенденция по снижению удовлетворенности потребителей ценовой конкуренцией, качеством и возможностью выбора услуг на рынке социальных услуг Республики Коми была охарактеризована потребителями распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Благодарность

Работа выполнена в рамках государственного задания НИОКТР «Реальный сектор экономики северных регионов России: проблемы и перспективы развития». Регистрационный номер 122031500421-1, НИР-2022-2024 гг.

Список литературы

1. Аналитический отчет «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг в Республике Коми». Сыктывкар. 2018. 212 с.
2. Аналитический отчет «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг в Республике Коми». Сыктывкар. 2020. 502с.
3. Доклад «Состояние и развитие конкуренции на товарных рынках Республики Коми по итогам 2020 года» / Министерство экономического развития и промышленности Республики Коми. Сыктывкар. 2021.
4. Об органах исполнительной власти в Республике Коми: Закон Республики Коми от 31 октября 1994 г. № 8-РЗ. URL: <https://law.rkomi.ru/>
5. Об утверждении единой методики мониторинга состояния и развития конкуренции на товарных рынках субъекта Российской Федерации: Методические рекомендации Министерства экономического развития Российской Федерации от 11.03.2020 № 130.
6. Об утверждении Перечня приоритетных и социально значимых рынков для содействия развитию конкуренции в Республике Коми от 14 декабря 2015 года № 360-р (с изменениями на 17 июля 2018 года). URL: <http://docs.cntd.ru/>
7. Стандарт развития конкуренции в субъектах РФ: Распоряжение Правительства РФ № 1738-р. URL: <http://www.consultant.ru/>
8. Реальный сектор экономики России: стратегии управления, инвестиции и инновации. М.: Перо, 2016. С. 8.

Информация об авторе

Тихомирова Валентина Валентиновна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (e-mail: tikhomirova@iespn.komisc.ru).

THE REAL SECTOR OF THE ECONOMY: COMPETITION IN THE DOMESTIC MARKET OF SOCIAL SERVICES IN THE KOMI REPUBLIC

Abstract. *The monitoring of population satisfaction with the level of prices, quality and choice of social services in dynamics from 2015 to 2020 is analyzed. It has been determined that the inhabitants of the region as a whole are “rather dissatisfied” with the services of the social services market for each of the proposed indicators, despite the presence of positive dynamics in the development of this market.*

Key words: *real sector of the economy, competition, service market, social services, monitoring.*

Information about author

Tikhomirova Valentina V. – Ph.D., Senior Researcher, Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (tikhomirova@iespn.komisc.ru).

Bibliography

1. Analytical report “The state and development of the competitive environment in the markets for goods and services in the Komi Republic”. Syktyvkar. 2018. 212 p.
2. Analytical report “The state and development of the competitive environment in the markets for goods and services in the Komi Republic”. Syktyvkar. 2020. 502p.
3. Report “The state and development of competition in the commodity markets of the Komi Republic in 2020”: Ministry of Economic Development and Industry of the Komi Republic. Syktyvkar 2021.
4. Law of the Republic of Komi of October 31, 1994 N 8-RZ “On executive authorities in the Republic of Komi”. URL: <https://law.rkomi.ru/>
5. Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated March 11, 2020 No. 130. Guidelines “On approval of a unified methodology for monitoring the state and development of competition in the commodity markets of a constituent entity of the Russian Federation”.
6. On approval of the List of priority and socially significant markets for the promotion of competition in the Komi Republic dated December 14, 2015 N 360-r (as amended on July 17, 2018). URL: <http://docs.cntd.ru/>
7. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1738-r “Standard for the development of competition in the constituent entities of the Russian Federation”. URL: <http://www.consultant.ru/>
8. The real sector of the Russian economy: management strategies, investments and innovations. M.: Pero Publishing House. 2016. P. 8

УПРАВЛЕНИЕ ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В докладе отмечены особенности управления отходами производства и потребления в условиях глобальной пандемии COVID-19. Рассматриваются международные и национальные инициативы по адаптации существующей системы обращения с отходами производства и потребления к новым условиям.

Ключевые слова: отходы производства и потребления, пандемия COVID-19, управление отходами производства и потребления.

В настоящее время в мире зарегистрировано более 480,1 млн подтвержденных случаев заболевания и 6,1 млн смертей по всему миру. В первую десятку стран с зарегистрированными случаями входят США (81 600 890 человек), Индия (43 018 032 человека), Бразилия (29 802 257 человек), Франция (24 779 882 человека), Великобритания (20 691 123 человека), Германия (20 018 465 человек) Россия (17 739 462 человека), Турция (14 775 634 человека), Италия (14 229 465 человек) [1]. Несмотря на то, что в ТОП-10 по заболеваемости COVID-19 входят как развитые, так и развивающиеся страны, пандемия выявила ряд недостатков и ограничений в существующих социально-экономической сфере, включая сферу здравоохранения и охраны окружающей среды, характерных для всех государств. Несмотря на то, что пандемия COVID-19 привела к снижению загрязнения воздуха и шума, а также к улучшению биоразнообразия и очистке туристических мест, тем не менее, влияние режима самоизоляции и превентивных мер для борьбы с вирусом негативно сказалось на управлении отходами производства и потребления. Из-за возросших объемов образования отходов и накопления в домашних хозяйствах и медицинских учреждениях перчаток, халатов, масок и другой защитной одежды, а также дополнительного медицинского оборудования возникла чрезвычайная ситуация с отходами производства и потребления. Отсутствие надлежащего обращения с отходами производства и потребления, образующимися в медицинских учреждениях и домашних хозяйствах, может привести к эскалации распространения COVID-19 посредством вторичной передачи. Неконтролируемый сброс, захоронение и сжигание отходов производства и потребления, включая медицинские отходы и потенциально инфицированные отходы, могут негативно сказаться на качестве воздуха и питьевой воды, способствовать распространению вируса COVID-19, и как следствие на здоровье населения. Таким образом, существует проблема устойчивого управления отходами производства и потребления, имеющими нетипичный, в сравнении с докоронавирусным периодом, морфологический состав, с использованием имеющихся объектов инфраструктуры по утилизации отходов при одновременном снижении загрязнения воздуха, предотвращении вторичной передачи вируса и снижении потенциального риска для здоровья.

В ряде стран с проблемами управления отходами производства и потребления сталкивались еще до пандемии COVID-19, тогда более двух миллиардов человек не имели доступа к сбору отходов, а более трех миллиардов человек не имели доступа к удалению отходов [2]. Следовательно, появление пандемии COVID-19 и меры, предпринимаемые для борьбы с ней, только усугубили уже существующие проблемы.

Повсеместное введение мер сдерживания распространения вируса COVID-19 (режим самоизоляции, социальное дистанцирование), спровоцировали население всех стран на совершение «панических» покупок продуктов питания, бытовой химии, гигиенических средств, средств индивидуальной защиты и дезинфицирующих средств на основе 70% спирта. Подобные необдуманные «панические» закупки продуктов питания привели к резкому увеличению количества пищевых отходов.

С началом пандемии значительно выросла популярность интернет-торговли, которая поспособствовала еще большему загрязнению окружающей среды пластиком. Многие товары упаковываются в пластиковые пакеты или пленку, а для повышения безопасности во время транспортировки делают это в несколько слоев. Такая же ситуация происходит в сфере доставки еды – она упаковывается в пластиковые пакеты и контейнеры и сопровождается одноразовыми приборами. До пандемии многие кофейни стимулировали посетителей приносить многоразовые кружки для кофе, предоставляя в таких случаях скидки, но ситуация коренным образом изменилась с началом пандемии и посетителям запретили приходить со своими кружками.

В странах с уже сформированной системой управления отходами производства и потребления, государственные органы рекомендовать временно приостановить раздельный сбор отходов. Связано это было с резким увеличением объемов образующихся отходов в домохозяйствах и необходимостью специальной обработки средств индивидуальной защиты перед их утилизацией. Роспотребнадзором также были изданы рекомендации о приостановке любых мероприятий по организации раздельного сбора отходов производства и потребления на время пандемии COVID-19. Такие меры негативно сказались на отходоперерабатывающей индустрии в целом. Перерабатывающие предприятия оказались в условиях нехватки вторичных ресурсов: бумаги, пластмасс и стекла.

По данным региональных операторов по обращению с отходами был существенный рост объемов образования и вывоза отходов твердых коммунальных отходов (ТКО). Так темпы роста объема ТКО в регионах России в марте-апреле 2020 г. составили: 150% – Республика Хакасия, 145% – Республика Башкортостан, 140% – Томская область, 135% – Тюменская область, 133% – Саратовская область, 125% – Московская область, 122% – Свердловская область, 115% – Архангельская область, 112% – Оренбургская область, 80% – город Москва. Такое резкое увеличение количества образованных ТКО оказало серьезную нагрузку на региональных операторов по обращению с отходами, наблюдалась нехватка мусорных контейнеров и повышенный спрос на вывоз ТКО. Ситуация осложнялась отказом коммерческих предприятий из-за отсутствия доходов и приостановки своей деятельности оплачивать услуги по вывозу отходов. Государственными органами Российской Федерации были введены меры поддержки региональных операторов: на поддержание их деятельности было выделено 10 млрд руб., перенесен срок уплаты обязательных платежей и установлена нулевая ставка НДС.

Российским законодательством не регулируются некоторые, оказавшиеся важными в период пандемии, вопросы обращения с ТКО (лицензирование деятельности по утилизации, контроль качества и тарифное регулирование в сфере обращения с опасными отходами), поэтому предлагается создание централизованной государственной системы учета, контроля, сбора и утилизации медицинских и биологических отходов [3].

Медицинские отходы в России не подлежат делению на классы опасности, но имеют свою классификацию, то есть делятся на категории в зависимости от влияния на здоровье человека и его среду обитания [4]:

- категория А – эпидемиологически безопасные отходы согласно СанПиН, обращение с которыми ведется как с ТКО (то есть шины, канцелярские отходы и т. д., то, что не имело контакта с пациентами. Их в данной статье не обсуждаем);
- категория Б – эпидемиологически опасные отходы (обычно это основная масса тех отходов, с которыми требуется особое обращение);
- категория В – чрезвычайно эпидемиологически опасные отходы, масса которых в условиях пандемии COVID-19 резко выросла: если раньше составляла 10–15 % объема категории Б, то теперь почти с ней сравнялась. Отходы категорий Б и В – это те отходы, с которыми непосредственно контактировали пациенты больниц;
- категория Г – токсикологически опасные отходы, к которым, например, относятся лекарства, не пригодные к применению, и отходы фармацевтических производств;
- категория Д – радиоактивные отходы, которые также образуются в некоторых больницах (с ними по особой технологии работает только Росатом, их мы здесь тоже касаться не будем).

Федеральный классификационный каталог не предусматривает выделение отдельной категории для средств индивидуальной защиты. Тем не менее возможно классифицировать их как малоопасные отходы с низкой степенью «негативного воздействия на окружающую среду». Однако, основываясь на информационных материалах Министерства здравоохранения России, средства индивидуальной защиты, собранные медицинскими учреждениями, относятся к классу опасности Б (эпидемиологически опасные отходы), т.е. подлежат отдельному сбору, централизованному или децентрализованному обеззараживанию и утилизации. Основываясь на вышесказанном, можно прийти к выводу, что в настоящее время способы утилизации одноразовых средств индивидуальной защиты и салфеток в быту и медицинских организациях принципиально отличаются. Если на самом деле рассмотренные отходы относятся к категории неопасных, то в условиях, когда медицинские отходы и средства индивидуальной защиты медицинских сотрудников, работающих с пациентами с COVID-19, подлежат отдельной утилизации, в период пандемии важно рассматривать вопрос о наличии достаточных мощностей для их утилизации.

Сдерживание распространения пандемии COVID-19 и ограничения на перемещения, ведение коммерческой деятельности и производственный сектор существенно повлияли на управление отходами. Управление отходами производства и потребления имеет важное значение для здоровья и качества жизни населения, особенно во время пандемии COVID-19. Грамотное управление отходами производства и потребления, позволяет избежать образования несанкционированных свалок и неконтрольного сжигания и складирования потенциально опасных отходов, которые представляют опасность для здоровья населения и могут способствовать эскалации распространения COVID-19. В странах, соблюдающих меру социального дистанцирования, количество отходов производства и потребления резко возросло. Интенсивное использование одноразовых товаров и «панические» покупки способствовало увеличению потребления, тем самым подорвав усилия по сокращению загрязнения пластиком. Тем не менее, несколько стран до сих пор ввели политику,

обеспечивающую устойчивое обращение с отходами при одновременной защите безопасности лиц, занимающихся обработкой отходов.

Список литературы

1. Коронавирус: статистика по странам / Минфин. URL: <https://index.minfin.com.ua/reference/coronavirus/geography/> (дата обращения 24.03.2022).
2. UN-Habitat. (2020). How to continue waste management services during the COVID-19 pandemic. URL: <https://buff.ly/3c5XC4h>.
3. О проведении эксперимента по организации и осуществлению централизованного обращения с медицинскими и биологическими отходами в Московской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Законопроект № 1006365-7.
4. Исмаилов Р.А., Соловьева В.Н. Как сделать рынок медицинских отходов управляемым. URL: <https://news.solidwaste.ru/wp-content/uploads/2022/02/Ismailov.pdf>

Информация об авторе

Туранова Мария Витальевна (Россия, Санкт-Петербург) – младший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская д. 36-38, info@iresras.ru).

Turanova M.V.

PRODUCTION AND CONSUMPTION WASTE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL COVID 19 PANDEMIC

Abstract. *The report highlights the features of production and consumption waste management in the context of the global COVID-19 pandemic. International and national initiatives to adapt the existing system of production and consumption waste management to new conditions are considered.*

Key words: *production and consumption waste, COVID-19 pandemic, production and consumption waste management.*

Information about author

Turanova Maria V. (Russian Federation, St. Petersburg) – Junior Researcher, Institute for Regional Economic Problems of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Serpukhovskaya st., 36-38, info@iresras.ru).

Bibliography

1. Ministry of Finance. Coronavirus: statistics by country. URL: <https://index.minfin.com.ua/reference/coronavirus/geography/> (accessed 03/24/2022).
2. UN-Habitat. (2020). How to continue waste management services during the COVID-19 pandemic. URL: <https://buff.ly/3c5XC4h>
3. On conducting an experiment on organizing and implementing a centralized treatment of medical and biological waste in the Moscow Region and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Draft Law No. 1006365-7.
4. Ismailov R.A., Solovyov V.N. How to make the medical waste market manageable. URL: <https://news.solidwaste.ru/wp-content/uploads/2022/02/Ismailov.pdf>

ПРАВОСОЗНАНИЕ, ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И СОЦИАЛЬНАЯ АНОМИЯ В СФЕРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ВЗАИМОСВЯЗИ ЯВЛЕНИЙ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются возможные предпосылки формирования социальной аномии в сфере малого и среднего бизнеса. Особый акцент в статье делается на том, что пандемия COVID-19 могла способствовать усилению данных проявлений. Сделано предположение, что стаж и возраст предпринимателей, а также их семейное положение будут иметь характеристику системообразующих и значимых факторов, которые оказывают влияние на развитие их правосознания и формирование правовых форм поведения.

Ключевые слова: пандемия, правовое сознание, правовое поведение, социальная аномия, малый и средний бизнес.

Социальная аномия характеризуется не только типами социальных отношений в обществе (в нашем случае – в малом и среднем бизнесе), но и поведением людей (предпринимателей как субъектов данной деятельности), что в значительной степени и определяет процесс их «выпадения» из сферы нормативного регулирования и в последующем, а значит – соответствующих санкций со стороны общества [1, с. 163].

В данной статье автором рассматриваются взаимосвязи правосознания и правового поведения в период пандемии для проверки гипотезы о системности данного явления [2, с. 44].

Теоретические предпосылки

Для изучения системы правосознания необходимо рассмотреть отношение к праву и закону различных социальных групп. Каждая такая группа занимает определенное положение в иерархической структуре общества от самого высокого (элита) до самого низкого (социальное дно – люмпен-пролетариат) [1, с. 131]. Можно предположить, что лучше всего осведомлены в правовых вопросах представители высших слоев деятельности – предприниматели, чиновники, интеллигенция. Они обладают правовыми знаниями как по причине высокого уровня образования, так и потому, что часто сталкиваются с правовыми нормами в процессе своей профессиональной деятельности. Прежде всего это относится к менеджерам и руководителям государственных и коммерческих предприятий, сотрудникам органов исполнительной власти. Роль, которую та или иная социальная группа играет в обществе, формирует ее правосознание. Например, предприниматели образуют отдельную группу, которой присущи представления о законе [2, 224]. Профессиональная деятельность побуждает менеджеров, бизнесменов получать юридическую подготовку как самостоятельно, так и на различных курсах, в институтах и академиях. Пандемия во многом замедлила данный процесс.

Помимо знаний о различных отраслях права, правосознание включает в себя и отношение субъектов к правовым нормам [см., например: 3, с. 166]. В советский период было присуще отношение к праву как системе оценки предприятия и его возможностей. Высшим авторитетом выступало государство, а точнее – правящая партия, а право занимало подчиненное положение.

На современном этапе развития России можно говорить, что большинство населения не смогло быстро изменить их отношения к праву, хотя в обществе было провозглашено господство права. Пандемия, по нашему мнению, внесла в данное отношение к праву свои коррективы [4, с. 166].

С опорой на литературные источники, мы можем выделить следующие компоненты правосознания: знание о праве как регуляторе общественных отношений, представление о правах и свободах, отношение к правовым явлениям и продвижению к праву в целом, оценка своего правового положения, действующего законодательства и внутренней возможности правовой активности [4, с.4].

Исследовательский вопрос состоял в том, чтобы выявить, связаны ли показатели правового поведения (как проявления уровня развития правового сознания) у представителей малого и среднего бизнеса с процессами проявления аномии в данной области в период пандемии COVID-19?

Гипотезами исследования выступала группа положений о том, что:

– показатели, отражающие правовое сознание предпринимателей малого и среднего бизнеса, будут взаимосвязаны с показателями проявления аномии в данной области деятельности (гипотеза 1);

– в период пандемии показатели проявления аномии в малом и среднем бизнесе в большей степени будут связаны с «социальными» показателями участников исследования (их возрастом, семейным положением, стажем деятельности в бизнесе) (гипотеза 2).

Организация исследования

Исследование было проведено в период 2020-2021 года (который приходится на период протекания пандемии в Российской Федерации и мире в целом).

В исследовании приняли участие предприниматели малого и среднего бизнеса в количестве 150 человек (130 человек мужского и 20 человек женского пола) в возрастном диапазоне от 25 до 56 лет. Основные области предпринимательства были связаны со сферой услуг, образования и мелкого производства. Опыт предпринимательства в малом и среднем бизнесе участников исследования от 2 до 25 лет.

Каждому участнику исследования (индивидуально) было предложено заполнить социальный опрос (с применением средств интернет-ресурсов (google-форма)). Затем полученные результаты опроса (состоящего из 40 вопросов, касающихся отношения предпринимателей к различным нарушениям в сфере малого и среднего бизнеса) были обработаны при помощи методов математической статистики (корреляционный (по Пирсону) анализ). В качестве переменных выступали показатели оценки предпринимателями (в баллах) тех или иных нарушений в малом и среднем бизнесе и допустимость для них данных нарушений в период протекания пандемии.

Ограничение исследования: пилотажное исследование было проведено на территории Свердловской области.

Результаты исследования

Нами были выявлены значимые корреляции между показателями семейного положения участников, областью предпринимательства и показателями проявления аномии в малом и среднем бизнесе. Было определено, что рассматриваемые нами показатели (относящиеся к критериям оценки правового сознания и поведения предпринимателей), а также процессы социальной аномии в малом и среднем бизнесе в рассматриваемый нами период взаимосвязаны между собой и представляют единую систему.

Согласно полученным нами данным, значимые положительные корреляции были выявлены между социальными показателями участников исследования, а именно: возраст участников исследования, стаж их деятельности в предпринимательстве и сфера предпринимательства (соответственно сфера услуг, деятельности и т.д.) ($p < .05 \div .01$). Это означает, что данные показатели представляют собой единую систему.

Значимые отрицательные корреляции были выявлены между показателем «семейное положение» (женат/не женат, замужем/не замужем) и показателями, характеризующими явление аномии и правовым поведением (как проявлением правового сознания) в малом и среднем предпринимательстве – отношении к выплатам «серой зарплаты» ($p < .01$), негативное отношение к нарушениям в сфере «налогового законодательства» ($p < .05$), отношения к нарушениям в области оформления бизнеса (по подложным документам) ($p < .01$), отношения в сфере нарушений кассовой дисциплины ($p < .01$) и степень негативного отношения к существующей налоговой системе в сфере малого и среднего предпринимательства ($p < .01$). Полученные результаты означают, что одним из возможных системообразующих факторов, влияющих на правовое сознание участников исследования, являются их семейные отношения. Участники исследования, чье семейное положение было обозначено как женаты/замужем, относятся к обозначенным нами типам проявления аномии в малом и среднем предпринимательстве с позиции более негативного отношения, чем участники, относящие себя к категории неженатых или незамужних.

Таким образом, в ходе проведенного нами корреляционного анализа мы выделили два показателя, которые взаимосвязаны с типом правового поведения предпринимателей в малом и среднем бизнесе: возраст и семейное положение участников исследования. Можно в дальнейшем их рассматривать как системообразующие факторы.

Кроме того, мы выявили взаимосвязи между показателями правового сознания предпринимателей и проявлением аномии в малом и среднем бизнесе.

Полученные нами результаты отражены в корреляционных плеядах на рисунке.

Корреляционная плеяда взаимосвязей показатели правового сознания, правового поведения и социальной аномии в сфере малого и среднего бизнеса (в период пандемии)

Обсуждение результатов

Полученные нами результаты позволяют выявить следующие особенности взаимосвязей между социальными показателями и показателями, отражающими процессы аномии и правового поведения (как отражения правового сознания) предпринимателей в малом и среднем бизнесе в период пандемии COVID-19.

Во-первых, выявленные нами показатели можно отнести к единой системе.

Во-вторых, участники исследования, которые состоят в семейных отношениях, относятся к проявлениям аномии в малом и среднем предпринимательстве в рассматриваемый нами период пандемии с позиции более негативного отношения, чем участники, относящие себя к категории неженатых или незамужних.

В-третьих, основные показатели развития правового сознания и правового поведения у представителей малого и среднего бизнеса взаимосвязаны с двумя системообразующими факторами, обладающими характеристикой социальных – семейное положение и стаж в бизнесе (т.е. характеристика опыта). Причем, показатель семейного положения коррелировал практически со всеми выделенными нами показателями развития правового сознания у предпринимателей, что согласуется с рядом результатов других авторов [см., например: 5; 6; 7]. Так, показатель «наличие у предпринимателей семьи и детей» на высоком уровне значимости отрицательно коррелировал с нарушением кассовой дисциплины, недовольством налоговой системой, нарушениями при оформлении бизнеса (подлогом документов), нарушениями налогового законодательства и отношением к «серой зарплате» (эмпирическое свидетельство в пользу выдвинутой группы гипотез). Иных корреляций показателей развития правового сознания у представителей малого и среднего бизнеса в период пандемии с выделенными нами социальными факторами выявлено не было.

Выделенные нами корреляционные связи позволяют вывести рабочую гипотезу для дальнейшего эмпирического исследования, которая заключается в предположении, что факторы стажа и возраста предпринимателей, а также их семейное положение будут иметь характеристику системообразующих и значимых факторов, которые оказывают влияние на развитие их правосознания и формирование правовых форм поведения. Повышенные, а не пониженные значения выявленных нами факторов будут оказывать влияние на повышенные значения показателей развития правового поведения (правосознания – вне зависимости от пандемии).

Эмпирической проверке нашего предположения будет посвящено дальнейшее исследование по настоящей проблеме.

Выводы

1. Правовое сознание предпринимателей и процессы аномии в малом и среднем бизнесе взаимосвязаны между собой и представляют единую систему. Данная система не претерпела значительных изменений в период протекания пандемии COVID-19.

2. К системе правового сознания можно отнести также и социальные факторы (возраст и семейное положение) предпринимателей в сфере малого и среднего бизнеса.

3. Процессы аномии в малом и среднем бизнесе с высокой долей вероятности могут быть детерминированы развитием правового сознания (через демонстрацию правового поведения) у предпринимателей.

4. Увлекательной перспективой нашего исследования может послужить сравнительный анализ развития правового сознания у представителей малого и среднего

бизнеса с другими регионами Российской Федерации, а также в сравнении периода протекания пандемии и вне данной ситуации в стране.

Список литературы

1. Вартанова И.И. Структура ценностей в системе мотивации старших подростков и юношей // Мир психологии. 2008. № 3. С. 131-142.
2. Абакумова И.В., Крутелева Л.Ю. Психологические особенности взаимосвязи направленности личности и смысложизненных стратегий студентов // Психологические проблемы смысла жизни и акме. Материалы XII симпозиума. М.: Изд-во ПИ РАО. 2007. 247 с.
3. Пономарев В. П. Психологические компоненты правосознания как жизненной ценности: этноконфессиональный аспект проблемы // Северо-Кавказский психологический вестник. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-komponenty-pravosoznaniya-kak-zhiznennoy-tsennosti-etnokonfessionalnyy-aspekt-problemy> (дата обращения 29.01.2022).
4. Усов В.В., Усова О.В. Аномия в современном российском обществе: формы проявления в предпринимательстве // Вопросы управления. 2021. № 2 (69). С. 163- 173. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anomiya-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve-formy-proyavleniya-v-predprinimatelstve> (дата обращения 16.07.2021).
5. Сандул Я.В. Развитие правового сознания студенческой молодежи в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М. 2011. 22 с.
6. Зарубаева Е.Ю. Правомерное поведение: подходы к определению дефиниции, социальная значимость и типология // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1. С. 44.

Информация об авторе

Усов Виктор Витальевич (Россия, Екатеринбург) – аспирант, УИУ РАНХиГС при Президенте РФ (г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: viktor1u@mail.ru).

Usov V.V.

LEGAL AWARENESS, LEGAL BEHAVIOR OF ENTREPRENEURS AND SOCIAL ANOMIE IN THE SPHERE OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES DURING THE PANDEMIC: INTERRELATIONS OF PHENOMENA

Abstract. *This article discusses the possible prerequisites for the formation of social anomie in the field of small and medium-sized businesses. Particular emphasis is placed in the article on the fact that the COVID-19 pandemic could have contributed to the intensification of these manifestations. It has been suggested, that the length of service and age of entrepreneurs, as well as their marital status, will have a characteristic of system-forming and significant factors that influence the development of their legal awareness and the formation of legal forms of behavior.*

Key words: *pandemic, legal consciousness, legal behavior, social anomie, small and medium business.*

Information about author

Usov Viktor V. (Yekaterinburg, Russian Federation) – postgraduate student of 3 years of study at the RANEPА University under the President of the Russian Federation (Yekaterinburg, ul. 8 Marta, 66, e-mail: viktor1u@mail.ru).

Bibliography

1. Vartanova I.I. The structure of values in the motivation system of older adolescents and young men // *The world of psychology*. 2008. №. 3. P. 131-142.
2. Abakumova I.V., Kruteleva L.Yu. Psychological features of the relationship between the orientation of personality and the meaning of life strategies of students // *Psychological problems of the meaning of life and acme. Materials of the X11 Symposium*. M.: Publishing House of PI RAO. 2007. 247 p.
3. Ponomarev V.P. Psychological components of legal consciousness as a vital value: ethno-confessional aspect of the problem // *North Caucasian Psychological Bulletin*. 2013. №.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-komponenty-pravosoznaniya-kak-zhiznenny-tsenosti-etnokonfessionalnyy-aspekt-problemy> (accessed: 29.01.2022).
4. Usov V.V., Usova O.V. Anomie in modern Russian society: forms of manifestation in entrepreneurship // *Management issues*. 2021. No.2 (69). P. 163 - 173. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anomiya-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve-formy-proyavleniya-v-predprinimatelstve> (date of address: 07/16/2021).
5. Sandul Ya.V. Development of legal consciousness of student youth in modern Russian society: abstract. dis. ... candidate of Philosophical Sciences. M. 2011. 22 p.
6. Zarubaeva E.Y. Lawful behavior: approaches to definition definition, social significance and typology // *Siberian Legal Bulletin*. 2012. №. 1. P. 44.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РЕГИОНАХ СЗФО РФ

Аннотация. В докладе рассматриваются основные тренды потребительского поведения в условиях карантинных ограничений и в период выхода из них по пяти кластерам регионов СЗФО РФ. Отдельно обсуждаются последствия глобального геополитического противостояния начала 2022 года для потребительского поведения.

Ключевые слова: потребление, регионы, пандемия, кластеры, СЗФО РФ.

Успешное развитие экономики любой страны во многом опирается на интенсивность потребительского сектора. Мировой кризис, связанный с пандемией новой коронавирусной инфекции в 2020 году, обнажил и обострил противоречия, проблемы социально-экономического развития на всех уровнях управления – от глобального до локального. Помимо этого, кризис оказал существенное влияние на общество и каждого человека, чья жизнь изменилась из-за внедрения карантинных мер. Глобальная угроза изменила условия общественного договора, сделав его универсальным для большинства стран, столкнувшихся с пандемией. В его основе вновь, как и ранее во времена потрясений заложена безопасность. Однако в настоящее время требования к безопасности со стороны общества не только возросли, но и качественно изменились. Государство должно оградить своих граждан от угрозы коронавирусной инфекции, но, помимо этого, гарантировать сохранение на приемлемом уровне доходов и занятости. В обмен граждане готовы пожертвовать свободой передвижения, в какой-то степени приватностью и, безусловно, комфортом. В целом, этот договор действует и, несмотря на ошибки, «перегибы на местах», недовольство отдельных групп населения он позволил пережить наиболее острую фазу кризиса в развитых странах.

На уровне индивида пандемия активировала приоритет безопасности в иерархии потребностей. После того как угроза неконтролируемого распространения коронавирусной инфекции взяла под контроль этот приоритет, значимость безопасности не снизится сразу, а оставит свой след, повлияв на потребительское поведение людей. Безопасность станет одним из критериев выбора, а это позволяет прогнозировать и новые магистральные направления развития потребления в новых условиях. Сокращение доходов населения, а, следовательно, повышение экономичности покупок станет сопутствующим изменением в потребительском поведении.

В целях оценки влияния пандемии COVID-19 на потребительское поведение в регионах СЗФО РФ авторами была проведена кластеризация регионов России, по итогам которой было выделено пять кластеров: кластер 1 («Сужающееся потребление»), кластер 2 («Ядро потребления товаров и услуг»), кластер 3 («Потребление товаров первой необходимости»), кластер 4 («Вахтовое потребление»), кластер 5 («Расширяющееся потребление услуг») (подробнее [3]).

Новая реальность потребления будет значительно отличаться для каждого кластера. Во многом каждому региону и даже городу придется выстроить свою собственную потребительскую модель с учетом остроты эпидемиологической обстановки и последствий выхода из пандемии. Наложение мер борьбы с инфекцией на экономический кризис приведет к потребности изменить привычный для большинства населения образ жизни.

«Ядро потребления товаров и услуг»

Ограничения, связанные с карантинными мерами, сами по себе способствовали снижению доходов предприятий, а, следовательно, и населения. Поскольку значительная часть экономики и трудовой силы данных регионов сконцентрирована в сфере предоставления услуг, стремительный рост безработицы стал фактором снижения доходов. Более того невысокая склонность к сбережению способствует ускоренному росту долговой нагрузки. Последнее обстоятельство делает данные регионы одними из основных реципиентов оглашённых мер государственной поддержки как в части поддержки малого бизнеса, так и поддержки занятости на крупных предприятиях.

Высокий уровень цифровизации позволяет на протяжении всего периода ограничительных мер беспрепятственно осуществлять торговлю, принципы которой после эпидемии могут существенно меняться. В первую очередь, из-за относительно высокой плотности населения и наивысшего риска осложнений эпидемиологической обстановки, что потребует наиболее строгих карантинных мер по социальной дистанции. С этой же целью из торговых объектов могут быть выведены сферы развлечений и общественного питания, что изменит привычные ТРЦ и сократит время пребывания в них.

Всё это стимулирует создание моделей локализованной торговли. Отказ от ТРЦ классического типа актуализирует вопрос о предоставлении качественных услуг в спальных районах городов. С одной стороны, получение услуг кафе и зон отдыха в немногочисленных местах в непосредственной близости от дома будет фактором дополнительного комфорта и развития городской среды. Однако сам факт социальной дистанции (невозможность максимизировать поток потребительского спроса) потребует от коммерческих структур новых бизнес-моделей, а от государства определения минимальных стандартов обеспечения социально значимых сервисов [1].

«Вахтовое потребление»

Учитывая особенности хозяйственной деятельности в регионах, связанных с добычей и транспортировкой различных ресурсных товаров, существенных изменений в характере локализации производства не предполагается. Это же стабилизирует динамику сбережений и доходов, которые сохраняются на высоком уровне. Поэтому регионы данной группы и дальше могут наращивать совокупный спрос. При сложившемся уровне цифровой инфраструктуры это наращивание может продолжаться только на основе ограниченной номенклатуры (товары повседневного спроса и обязательные услуги). Активное внедрение цифровых технологий позволит снизить транзакционные издержки и наполнить рынок товарами более широкого ассортимента. Именно с стремлением государства обеспечить доступ к цифровым технологиям на общероссийском уровне будет связано расширение инфраструктурной обеспеченности. Основные вектора государственного регулирования ориентируются на систему размещения объектов цифровой среды, стандарты и уровень качества оказания цифровых услуг, что косвенно будет способствовать развитию потребительского спроса. Государство будет поощрять инвестиции в развитие инфраструктуры доставки. Это может существенно трансформировать потребительскую модель в сторону роста количества заказов через интернет и онлайн-сервисы.

«Расширяющееся потребление услуг»

Данный кластер наиболее перспективная группа регионов для наращивания потребительского спроса. Это вызвано высокой устойчивостью экономики и

как следствие стабильным уровнем дохода. Более того, население регионов имеет источники дополнительных доходов, формируют сбережения, что играет в кризис стабилизирующую роль. Высокий уровень развития социально-экономической инфраструктуры важный элемент поддержки потребительского спроса. Его дальнейшее развитие может основываться на привлечении населения из других регионов. Поэтому перспективное развитие будет связано с ростом городов и формированием комфортной городской среды. Строительство новых населенных пунктов будет основываться на принципах социальной дистанции и локализации производства и потребления, когда возможно будет избегать транспортно-временных издержек, чреватых большим количеством контактов. Поэтому государственное регулирование в данном кластере может сконцентрироваться на выработке норм и стандартов поселений новых типов, принципов градостроительства (малозэтажная застройка), организация технопарков, формирование территориально-хозяйственных планов совместно с производственными компаниями. Перспективы развития потребуют от государства контроля за соблюдением норм обеспечения социальной инфраструктурой (достаточность мест в детских садах, школах, больницах).

«Сужающееся потребление»

Для регионов данного кластера может обостриться тенденция, связанная с оттоком населения. Как следствие даже при снижении доходов люди будут стремиться наращивать накопления, при высоких темпах падения потребления. Высокая доля населения старшего возраста актуализирует социальные гарантии (пенсии) как важный элемент поддержки спроса, основанном на модели консервативного потребления. Соответственно, критическое значение для населения будет иметь социальная, обеспечиваемая государством (в первую очередь, медицинская) инфраструктура. Для преодоления кризисных трендов государство может стимулировать самозанятость, которая будет направлена не столько на получение прибыли, сколько на поддержание уровня доходов и воспроизводственных возможностей регионов. Падение платёжеспособности населения приводит к уходу с рынка крупных торговых сетей, что может дать толчок к развитию МСП и росту локального потребления.

«Потребление товаров первой необходимости»

Данный кластер сочетает в себе регионы с наиболее неблагоприятной социально-экономической обстановкой, где кризис обострил вопросы доходов населения. Поэтому чрезвычайное значение для стабилизации доходов будут иметь социальные гарантии (в первую очередь направленные на детей). Как следствие в потребительской модели произойдёт усиление соответствующего вектора. Учитывая традиционно высокий потенциал роста численности населения инфраструктурные трансформации будут связаны с развитием образовательных, медицинских, социальных учреждений. Развитие цифровых технологии позволит ускорить и дополнить все эти сервисы за счёт цифровых двойников. Высокая предпринимательская активность, которая носит вынужденный характер, посредством специализированных мер государства может быть направлена на повышение уровня производства востребованных товаров в непосредственной близости, что будет способствовать снижению цен, росту доверия и расширению потребления.

Влияние пандемии COVID-19 стало основой для еще более глубоких изменений начала 2022 года, которые безусловно приведут к трансформации потребительского поведения и логики выстраивания бизнес-процессов. Следует понимать основные факторы, формирующие потребительское поведение в регионах России в целом и в СЗФО в частности. К ключевым можно отнести следующие:

1. Покупательная способность – формирует спрос на товары и услуги, определяя возможности к приобретению вещей выходящих за пределы товаров первой необходимости. Для описания различных состояний потребительского сектора следует учитывать дифференциацию в доходах (платежеспособности) и сбережениях населения (та часть ресурсов, которая может позволить увеличить спрос без возникновения обременений или поддержать спрос при падении платежеспособности).

- При высоком уровне доходов и сбережений, которые позволяют осуществлять инвестирование, потребление имеет тенденцию к расширению (любая возникающая потребность может быть удовлетворена). Использование кредитов меняет модели потребительского поведения.
- В случае, если при высоких доходах отсутствуют сбережения, модель потребления будет опираться на консервативный сценарий, предполагающий стабильно высокий уровень потребления в заранее заданных параметрах, отклонение от которых будет в большинстве своем кратковременным. Кредитные ресурсы используются в качестве инвестиций для повышения качества жизни (получение образования) и получения дополнительно дохода от вложений (покупка жилья для сдачи в аренду), долговая нагрузка стремится к уменьшению.
- Низкий уровень дохода при наличии сбережений свидетельствует об устойчивости удовлетворения базовых потребностей. При этом возникающие дополнительные потребности (часто вызванные непредвиденными обстоятельствами) могут покрываться ускоренным расходом накоплений или кредитом, что приводит к кратковременному сокращению спроса. Это стимулирует наращивать долю доходов, которая изымается из текущего потребления. Использование кредита ограничено низкой платежеспособностью и поэтому в основном направлено на потребительские товары с длительным сроком использования (верхняя одежда, мебель).
- В условиях низких доходов и отсутствии сбережений формируется модель потребительского поведения, основанная на невозможности за счет собственных средств удовлетворить базовые потребности. Это приводит к использованию кредитных инструментов, часто микрозаймов, которые имеют более низкие требования по обеспечению, но более высокие проценты, увеличивая долговую нагрузку на население, что в последствие сокращает потребление, а кредитная нагрузка имеет тенденцию к увеличению [2].

2. Локализация производства и потребления - модель международного разделения труда, как возможность получения дополнительной прибыли за счет сокращения издержек производства проявила свою уязвимость начиная с первой половины 2020 года. Закрытые границы частично остановили движение товаров между странами, особенно во время острой фазы роста заболеваемости. Это привело к потребности восстановления производственных цепочек внутри отдельных стран и регионов. В первую очередь это касается товаров первой необходимости, спрос на которые стабильно высокий. Сокращение маржинализации ряда бизнесов потребует от крупных игроков выстраивания вертикально интегрированных бизнес-процессов в которых будет включена работа непосредственно с потребителем продуктов или услуг, данный процесс исключит ряд посредников и приведет к пересмотру маркетинговых стратегий и розничных концепций продаж. Потребительское поведение тоже претерпело изменения, местные товары начинают быть более доступными и пользо-

ваться большим доверием ввиду большей прозрачности для покупателя их качества и процесса производства. Данный процесс дает шанс небольшим локальным производителям конкурировать с сетевыми брендами.

3. Изменение моделей потребления – сложившиеся модели потребления во многом опираются на характерные для мирового сообщества тренды, к которым можно отнести глобализацию, цифровизацию, переход на товары с ограниченным сроком употребления. Ключевым фактором роста объемов потребления в такой модели является его доступность (возможность потребителя приобрести тот или иной товар), соответственно возникает потребность постоянного снижения издержек особенно транзакционных. Это приводит производителей к необходимости организовывать места розничной торговли в логике торгово-развлекательных центров (далее – ТРЦ) то есть крупных объектов массового скопления населения с большой проходимостью. Вторым направлением является развитие цифровой торговли, а, следовательно, и инфраструктуры доставки. С ростом комфортности, прозрачности (безопасности), верифицируемости и скорости получения товаров и услуг все большее количество людей будет использовать онлайн торговлю для удовлетворения большинства своих потребностей. Пандемия безусловно внесет изменения в сложившуюся ситуацию, в первую очередь из-за необходимости соблюдения социальной дистанции. Массовые скопления людей становятся недопустимы как для государства из-за опасности вспышек заболеваемости, так и для отдельных людей из-за страха заболеть. Это приводит к трансформации сложившихся поведенческих моделей населения, большинство стремятся ограничить контакты с незнакомыми людьми переходя либо на онлайн покупки, либо на потребления в небольших специализированных магазинах в пределах района, когда невозможна дистанционная реализация. Страх подвергнуть себя опасности увеличивает готовность человека нести издержки по верификации товаров и услуг, в этом смысле возможен рост лояльности потребителя к уже известным для них производителям и представителям отдельных услуг.

4. Ответом на запрос о повышении безопасности и экономичности товаров и услуг может стать их экологичность.

Во-первых, ответственное потребление и в докризисное время было актуальным паттерном поведения, получившим большую популярность среди молодежи, и фактически является одним из способов экономии, но с идеологической надстройкой защиты окружающей среды.

Во-вторых, вопросы экологии и разрушительного влияния человека на природу получили широкий резонанс в связи с причиной появления коронавирусной инфекции. Вне зависимости от того какое именно животное обеспечило межвидовой перенос вируса, очевидно, что истребление дикой природы, использование диких животных для различных целей – от поедания до домашнего содержания усиливает риски возникновения новых эпидемий.

В-третьих, изменение пищевого поведения, все более выраженная ориентация на употребление «здоровой пищи» задает новый вектор развития агропромышленного комплекса, меняющего технологии производства и саму продуктовую линейку с учетом критерия экологичности. В России значительным импульсом развития этого направления стала законодательная поддержка производства органической продукции.

В-четвертых, скорость выпуска и обновления непродовольственных товаров достигла своего пика. Иллюстративным является изменение fashion-индустрии, в которой скорость появления новых коллекций стала некомфортной и экономически нецелесообразной как для производителей, так и для потребителей.

5. Современные либеральные экономические теории и модели столкнулись с очевидными сложностями интерпретации текущих условий, а решения, принимаемые на их основе, не дают желаемого результата. Мир от экономической глобализации и интернационализации экономического развития постепенно переходит к сепаратной экономике, в которой участие в глобальных цепочках добавленной стоимости и экономическая открытость более не являются условиями экономического роста, а на смену им идут экономическая независимость, самообеспечение и свобода от излишних международных обязательств. На более низких, локальных уровнях тоже происходят серьезные трансформации. Согласно многочисленным прогнозам, массовое тестирование удаленного режима работы в «боевых» условиях пандемии приведет к существенной реорганизации офисной жизни. Многие бизнес-процессы претерпят изменения, что окажет серьезное влияние на стили управления, образ жизни, потребительское поведение, МСП, сферу услуг и многое другое.

Список литературы

1. Рослякова Н.А., Дорофеева Л.В. Влияние коронакризиса на динамику потребительских цен в регионах России // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 4. С. 64-75. DOI: 10.15688/re.volsu.2020.4.6
2. Рослякова Н.А., Дорофеева Л.В., 2021. Новая Великая депрессия на фоне коронавирусной пандемии: проверка теории Кейнса для регионов России // Региональная экономика. Юг России. 2021. Т. 9, № 4. С. 26-36. DOI: 10.15688/re.volsu.2021.4.3
3. Рослякова Н.А., Митрофанова И.В., Дорофеева Л.В. Коронакризис и трансформация потребительского спроса в регионах России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Том 10. № 5А. С. 447-467. DOI: 10.34670/AR.2020.46.64.052

Информация об авторе

Фесенко Роман Сергеевич (Санкт-Петербург, Россия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Института проблем региональной экономики РАН (190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38; roman.fesenko@hotmail.com).

Fesenko R.S.

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON CONSUMER BEHAVIOR IN THE REGIONS OF THE NWFD OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The report examines the main trends in consumer behavior under quarantine restrictions and during the period of exit from them, in five clusters of the regions of the Northwestern Federal District of the Russian Federation. The consequences of the global geopolitical confrontation of early 2022 for consumer behavior are discussed separately.*

Key words: *consumption, regions, pandemic, clusters, North-West Federal District Russian Federation.*

Information about author

Fesenko Roman S. (St. Petersburg, Russia) – PhD (Economics), Senior Researcher Institute for Regional Economic Studies RAS (190013, St. Petersburg, Serpukhovskaya st., 38, roman.fesenko@hotmail.com).

Bibliography

1. Roslyakova N.A., Dorofeeva L.V. Influence of the coronacrisis on the dynamics of consumer prices in the regions of Russia // *Regional Economics. South of Russia*. 2020. V. 8, № 4. P. 64-75. DOI: 10.15688/re.volsu.2020.4.6
2. Roslyakova N.A., Dorofeeva L.V. New Great Depression against the backdrop of the coronavirus pandemic: testing Keynes's theory for Russian regions // *Regional Economics. South of Russia*. 2021. V. 9. №. 4. P. 26-36. DOI: 10.15688/re.volsu.2021.4.3
3. Roslyakova N.A., Mitrofanova I.V., Dorofeeva L.V. Coronacrisis and transformation of consumer demand in the regions of Russia // *Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2020. Volume 10. № 5A. P. 447-467. DOI: 10.34670/AR.2020.46.64.052

ОЦЕНКА РЕЗИЛИЕНТНОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ КОРОНАКРИЗИСА

Аннотация. В статье демонстрируется возможность использования коэффициента адаптивности для проведения оценки уровня резилиентности малого и среднего бизнеса региона в условиях коронакризиса. Определено, что повышению резилиентности малых и средних предприятий способствовало использование современных цифровых технологий взаимодействия с потребителями.

Ключевые слова: региональная экономика, резилиентность, устойчивость развития, коронакризис, малый бизнес.

Экономические потрясения коронакризиса повлияли на устойчивость развития предприятий и организаций всех сфер экономической деятельности, но особо уязвимыми к нему оказались малые и средние предприятия. Так, в Ростовской области по данным единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства по состоянию на 10 марта 2020 года насчитывалось 5597 малых предприятий, 381 среднее предприятие и 168694 микропредприятий. По данным на 10 марта 2022 года количество малых предприятий уменьшилось до 5219, микропредприятий – до 166527, количество средних увеличилось до 429¹. Численность работников малого и среднего бизнеса уменьшилась с 174 672 до 172175 чел. Некоторые исследования обнаруживают положительные связи между шоками коронакризиса и развитием малого и среднего бизнеса. Так, во время пандемии стали появляться новые бизнес-модели [4; 5], в том числе, базирующиеся на кооперационных взаимодействиях [2], активно внедряться цифровые инновации [6]. В то же время, ограничения деловой и социальной активности привели к тому, что многие малые и средние предприятия вынуждены были прекратить свою деятельность.

В исследовании проблем устойчивого развития бизнеса в условиях коронакризиса в мировой научной литературе в большей степени используется термин «резилиентность». Это во многом связано с тем, что погружение экономик в «новую реальность», обусловленную влиянием факторов пандемии COVID-19, привело к новому пониманию характеристик и предпосылок устойчивого развития. В отличие от традиционного представления устойчивости как способности восстановиться, вернуться в прежнее докризисное состояние [1], под резилиентностью понимается способность адаптироваться к новым условиям, выйти на новую траекторию развития [3].

В данном исследовании мы будем использовать понятие резилиентность для изучения реакций малого и среднего бизнеса на коронакризис. Для оценки уровня резилиентности малого и среднего бизнеса использовался коэффициент адаптивности [7].

$$ИА = \sqrt{\sum_{i=1}^n \left(1 - \frac{x_i}{x_0}\right)^2},$$

где n – исследуемых количество показателей,

¹ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба. URL: <https://tmsp.nalog.ru>

x_1 – значение показателя на рассматриваемом этапе развития кризисной ситуации для i -й сферы деятельности,

x_0 – базисное значение показателя (значение показателя в соответствующем периоде предшествующего года).

Коэффициент адаптивности показывает, насколько изменилось состояние системы по сравнению с базисным состоянием. То есть оценка резилентности выражается в оценке степени близости исследуемого состояния системы к базисному периоду. Чем больше значение коэффициента адаптивности, тем менее устойчивым было состояние системы.

Объектом исследования являлась Ростовская область. Учитывая, что малый и средний бизнес (МСБ) данного региона сосредоточен в основном в сфере розничной торговли, общественного питания и оказания платных услуг населению, при исследовании уровня резилентности МСБ мы использовали данные, характеризующие эту сферу деятельности:

- оборот розничной торговли;
- оборот общественного питания;
- объем платных услуг населению.

Выбор показателей определялся возможностью их получения из официальных источников. Источником для проведения анализа стали данные Росстата.

В качестве временного периода рассматривался апрель 2020 года – декабрь 2021 года, соответствующим первым четырем волнам пандемии. Данные для анализа брались поквартально за указанный период. То есть, мы рассматривали как менялся уровень резилентности малого и среднего бизнеса по мере развития коронакризиса.

Исходные данные для расчета коэффициента адаптивности МСБ, а также полученные результаты расчета коэффициента адаптивности (ИА) представлены в таблице. Показатели представлены в виде индекса изменения показателя к соответствующему периоду предшествующего года ($\frac{x_i}{x_0}$), выраженные в %.

Исходные данные для проведения анализа (%) и результаты расчета коэффициента адаптивности

Показатель	апрель 2020	июль 2020	октябрь 2020	декабрь 2020	апрель 2021	июль 2021	октябрь 2021	декабрь 2021
Оборот розничной торговли	66,9	100,6	101,5	100,8	160,5	107,2	100,5	100,1
Оборот общественного питания	33,0	92,7	96,0	85,7	310	98,5	95,8	84,6
Объем платных услуг населению	59,6	92,7	92,3	97,1	166,4	106,7	107,2	105,1
Коэффициент адаптивности (ИА)	0,850	0,103	0,088	0,146	2,283	0,099	0,084	0,162
Источник: Рассчитано автором на основе данных Росстата: URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm								

Полученные результаты расчетов показывают, что на начало коронакризиса, определяемом как состояние «первого удара», малый и средний бизнес оказался очень чувствительным к новым условиям деятельности. Как известно, на первом этапе пандемии были введены жесткие ограничения. Деятельность экономических субъектов была практически полностью прекращена. В результате показатели деятельности предприятий малого и среднего бизнеса, как демонстрируют результаты расчетов, отклонились более чем на 85% по сравнению с показателями прошлого года. Далее по мере реализации новых моделей деятельности и снятия ограничений

резилиентность бизнеса повышалась и, как демонстрируют значения коэффициента адаптивности за следующие периоды, отклонение от докризисных показателей колебалось в диапазоне 10-16%. Из данного ряда выбивается значение коэффициента адаптивности в апреле 2021 года. Это связано с тем, что снятие ограничений на деятельность предприятий общепита и в целом значительное улучшение санэпидемиологической обстановки в регионе позволило резко увеличить показатели деятельности в сравнении с «провальным» апрелем 2020 года. Превышение коэффициента адаптивности значения «1», означает, что отклонение произошло в сторону значительного улучшения ситуации. Однако далее, по мере формирования 2-й волны кризиса, положение МСБ в регионе снова ухудшилось.

В целом можно сказать, что малый и средний бизнес региона смог адаптироваться к новым условиям, причем данная адаптация прошла довольно быстро. В сравнении с расчетами уровня региональной резилиентности, проведенными автором и представленными в источнике [7], можно сказать, что относительно высокий уровень резилиентности и относительно быстрая скорость адаптирования бизнеса к факторам коронакризиса была характерна для низкоурбанизированных регионов с диверсифицированной экономикой.

Как показали проведенные исследования, рост резилиентности малого и среднего бизнеса был связан с реализацией новых бизнес-моделей, в числе которых особую эффективность показали следующие:

- цифровизация бизнес-процессов принятия заказа и осуществления доставки товаров;
- виртуализация процессов удовлетворения новых поведенческих моделей населения;
- развитие бесконтактных форм оплаты заказов;
- использование новых программных продуктов, связанных с обслуживанием потребителей;
- автоматизация процессов управления заказами;
- развитие городской системы логистики.

Полученные результаты исследования позволили лучше понять природу воздействия коронакризиса на региональные экономики, выявить факторы, определяющие устойчивость региональных систем к внешним шокам. Заметим, что понимание факторов устойчивого развития во многом предопределяет задачи государственной политики в условиях кризиса.

Список литературы

1. Климанов В.В., Михайлова А.А., Казакова С.М. Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. № 6. С. 164-187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187
2. Чернова О.А., Али Б. Кооперативные бизнес-стратегии предприятий пищевой промышленности в условиях пандемии COVID-19 // Управленец. 2021. Т. 12. №5. С. 277-282. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-5-5
3. Hu X., Li L., Dong K. What matters for regional economic resilience amid COVID-19? Evidence from cities in Northeast China // Cities. 2021. DOI: 10.1016/j.cities.2021.103440
4. Li B., Zhong Y., Zhang T., Hua N. Transcending the COVID-19 crisis: Business resilience and innovation of the restaurant industry in China // Journal of Hospitality and Tourism Management. 2021. Vol. 49. P. 44-53. DOI: 10.1016/j.jhtm.2021.08.024.

5. Markovic S., Koporcic N., Arslanagic-Kalajdzic M., Kadic-Maglajlic S., Bagherzadeh M., Islam N. Business-to-business open innovation: COVID-19 lessons for small and medium-sized enterprises from emerging markets // Technological Forecasting and Social Change. 2021. Vol. 170. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.120883.
6. Saputra N., Sasanti N., Alamsjah F., Sadeli F. Strategic role of digital capability on business agility during COVID-19 era // Procedia Computer Science. 2022. Vol. 197. P. 326-335. DOI: 10.1016/j.procs.2021.12.147.
7. Turgel I.D., Chernova O.A., Usoltceva A.A. Resilience, robustness and adaptivity: Large urban Russian Federation regions during the COVID-19 crisis // Area Development and Policy. 2021. DOI: 10.1080/23792949.2021.1973522

Информация об авторе

Чернова Ольга Анатольевна (Россия, г. Ростов-на-Дону) – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, 88; e-mail: chernova.olga71@yandex.ru).

Chernova O.A.

ASSESSMENT OF THE RESILIENCE OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES OF THE ROSTOV REGION IN THE CONDITIONS OF THE CRISIS COVID-19

Abstract. *The article demonstrates the possibility of using the coefficient of adaptability to assess the level of resilience of small and medium-sized businesses in the region. It is determined that the use of modern digital technologies of interaction with consumers contributed to the increase in the resilience of small and medium-sized enterprises.*

Key words: *regional economy, resilience, sustainability of development, crisis COVID-19, small business.*

Information about author

Chernova Olga A. (Rostov-on-Don, Russia) – Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Gorky str., 88; e-mail: chernova.olga71@yandex.ru).

Bibliography

1. Klimanov V., Mikhailova A.A., Kazakova S.M. Regional resistance: theoretical foundations of the question // Economic Policy. 2018. № 6. 20. P. 164-187. DOI:10.18288/1994-5124-2018-6-164-187
2. Chernova O.A., Ali B. Cooperative business strategies of food industry enterprises in the context of the COVID-19 pandemic // Upravlenets-the Manager. 2021. Vol. 12. № 5. P. 277-282. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-5-5
3. Hu X., Li L., Dong K. What matters for regional economic resilience amid COVID-19? Evidence from cities in Northeast China // Cities. 2021. DOI: 10.1016/j.cities.2021.103440
4. Li B., Zhong Y., Zhang T., Hua N. Transcending the COVID-19 crisis: Business resilience and innovation of the restaurant industry in China // Journal of Hospitality and Tourism Management. 2021. Vol. 49. P. 44-53. DOI: 10.1016/j.jhtm.2021.08.024.
5. Markovic S., Koporcic N., Arslanagic-Kalajdzic M., Kadic-Maglajlic S., Bagherzadeh M., Islam N. Business-to-business open innovation: COVID-19 lessons for small and medium-sized enterprises from emerging markets // Technological Forecasting and Social Change. 2021. Vol. 170. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.120883.

6. Saputra N., Sasanti N., Alamsjah F., Sadeli F. Strategic role of digital capability on business agility during COVID-19 era // *Procedia Computer Science*. 2022. Vol. 197. P. 326-335. DOI: 10.1016/j.procs.2021.12.147.
7. Turgel I.D., Chernova O.A., Usoltceva A.A. Resilience, robustness and adaptivity: Large urban Russian Federation regions during the COVID-19 crisis // *Area Development and Policy*. 2021. DOI: 10.1080/23792949.2021.1973522

СУДЬБЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ И ЖИЗНЕННЫЕ МИРЫ АКТИВНЫХ СЕЛЯН

Аннотация. В статье анализируются положительные и отрицательные тенденции, происходящие с сельским хозяйством и сельскими территориями. Судьбы сельских территорий рассматриваются в связке с жизненным миром и судьбами активных сельян, в качестве которых выступают сельские общественные деятели и предприниматели.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельские территории, жизненный мир, предпринимательство, образ будущего.

Сельское хозяйство является одной из важнейших отраслей экономики, основой жизнедеятельности и воспроизводства здорового общества. От уровня развития отрасли зависит обеспеченность населения качественным продовольствием, отраслей промышленности – сырьём, а государства – продовольственной безопасностью. Представители властных структур осознают важность сельского хозяйства. Для того чтобы уровень развития отрасли оставался высоким, государства оказывают поддержку её производственным акторам, к которым относятся агрохолдинги и мегафермы, сельхоз предприятия и кооперативы, ИП и личные подсобные хозяйства, работниками и главами которых нередко являются представители сельского аграрного социума [2, с. 205].

В последнее время сельская местность перестаёт ассоциироваться только с сельским хозяйством, однако второе плотно сосуществует с первым. Развивая отрасль сельского хозяйства, государства занимаются поддержкой и сельской местности. Опыт России демонстрирует важность государственного внимания к сельским территориям. По разным оценкам, площадь сельских территорий России занимает до 90% площади территории страны¹. Однако качество и условия жизни на селе уступают таковым в городе. Как следствие, в структуре занятых сельским хозяйством возрастает доля граждан пенсионного возраста и снижается доля молодых. Среди сельской молодёжи наблюдается маятниковая трудовая миграция, сельяне стремятся в город. Обозначенные тенденции приводят к деградации сельских территорий, «старению» местного населения, социальному опустыниванию, возрастанию числа сельских населённых пунктов без населения².

Согласно данным Росстата, около 36,9 млн. человек от общей численности населения России (26%) проживают в сельской местности. В период с 1991 г. по 2022 г. наибольшая доля сельского населения в общей численности населения была зафиксирована в 1995 г. После чего данный показатель снижался, расположившись к 1 января 2022 г. на уровне 25,56% (-1,5%)³. Вследствие этого численность сельского населения сократилась более чем на 2,5 млн. человек. Росстат придерживается неу-

¹ Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2020 г. // Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. М., 2021. С 8.; О мерах правительства Российской Федерации по устойчивому развитию сельских территорий // Аналитический вестник. Издание Совета Федерации Федерального Собрания РФ. № 5 (719). М. 2019. С. 5; Нигматуллина Г.Р., Байбулатов А.Р., Гумерова Р.Р. Направления устойчивого развития экономики сельских территорий // Управленческий учёт. 2022. № 1-3. С. 441.

² Румянцев И.Н., Смирнова А.А., Ткаченко А.А. Сельские населенные пункты «без населения» как географический и статистический феномен // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2019. № 1. С. 30.

³ Доля городского населения в общей численности населения на 1 января 2021 г. // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2021.

тешительного прогноза, согласно которому к 2036 г. численность сельского населения сократится еще на 4,6 млн. человек. С 1 января 2008 г. по 1 января 2021 г. число сельских поселений в России снизилось на 18%⁴. Некоторые современные авторы отмечают, что в настоящее время и в обозримом будущем интеграция молодёжи как главного ресурса, обеспечивающего воспроизводство населения, в среду села (в первую очередь в производственную сферу) не представляется возможным и не имеет объективных предпосылок [1, с. 205].

К счастью, сельская территория – это не только сельское хозяйство. В настоящее время она претерпевает и позитивные трансформации. Согласно данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., на территории России числилось около 76 тыс. некоммерческих объединений, которые были созданы преимущественно активными горожанами. Среди них большую часть составляли садовые и дачные объединения (96%), имеющие разрешение на строительство жилых помещений на своих участках. Возникновение пандемии COVID-19 обусловило усиление концентрации подобных объединений всё дальше от городской черты⁵. Помимо этого, пандемия усилила восприятие загородного жилья в качестве второго дома. Активные горожане становятся активными селянами. Также наблюдается рост внутреннего (в т. ч. сельского) туризма⁶. Однако его доля в России едва достигает 2%, а его потенциал раскрывается за счёт внешних условий, связанных с ковидными временами, и не отражает возможностей сельских территорий страны в полной мере [3, с. 165].

Внесём некоторые ограничения в логику рассуждений о сельской тематике и в дальнейшем будем рассматривать судьбы сельских территорий в связке с жизненным миром и судьбами активных селян [2, с. 128]. Ж.Т. Тощенко анализировал понятие жизненного мира и обозначал его как мир, который предполагает осознанность жизненного опыта с учётом исторического контекста социальных форм существования людей [4, с. 8]. Жизненный мир испытывает влияние локальных, национальных и мировых событий и процессов, не сводясь к обыденности. Он помогает человеку учитывать не только повседневный опыт, но и исторический. Это мир рациональности, гармонично сосуществующий со всем многообразием субъективных эмоциональных оценок и отношений к окружающей действительности и происходящими с ней процессами. Кроме того, жизненный мир базируется на целях, действиях и отношениях людей и социальных групп, скоординированных для решения социальных проблем того места, где они живут и работают. Также в понятие жизненный мир включены различные позиции людей по отношению к происходящему во внешнем мире и осознание своего внутреннего предназначения [5, с. 6-9].

В качестве методологической и методической основы исследования выступил подход В. Г. Виноградского, согласно которому в работе были использованы проверенный на местности инструментарий, личный опыт исследователя сельских миров, реальные кейсы и жизненные истории тех, кто непосредственно живёт и трудится на сельских

⁴ Муниципальные образования. Статистический бюллетень на 1 января 2008 г. // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2008; Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации на 1 января 2021 г. // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2008.

⁵ О мерах правительства Российской Федерации по устойчивому развитию сельских территорий // Аналитический вестник. Издание Совета Федерации Федерального Собрания РФ. № 5 (719). М., 2019. С. 20; Петриков А. В. Станет ли пандемия катализатором деурбанизации? // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. № 223 (3). С. 156.

⁶ Летние планы – 2021: аналитический обзор // Всероссийский центр изучения общественного мнения; Покровский Н. Е., Шилова В. А. Динамика «человеческого капитала» в сельских поселениях России: проблемы сохранения и развития // Социологическая наука и социальная практика. 2020. № 4 (32). С. 184

территориях. Эмпирические данные были получены в ходе полевого этапа научно-исследовательского проекта (грант РФФИ № 20-011-00087) в 2020-2021 гг. Методом исследования являются глубинные и экспертные интервью. В выборочную совокупность вошли 40 интервью. 21 интервью было проведено с предпринимательства в отрасли сельского хозяйства (предпринимательство), 19 интервью – с общественно-активными селянами (общественность). Обработка транскриптов осуществлялась с помощью MAXQDA Plus 2022. Рассмотрим фрагменты интервью активными селянами на предмет их высказываний на тему пандемии и образа будущего (таблица).

Нарративы пандемии и образа будущего в интервью с активными селянами

Представители общественности	Предприниматели
Пандемия	
<ul style="list-style-type: none"> • Если за последние 10 лет, то твердая пятерка с минусом [об уровне социально-экономического развития района]. А за последний год – троечка. Имею в виду пандемию, сменное руководство, политиков. Глава давно работает, но у нас бюджет идёт с области (эксперт №55, мужчина); • У нас районное автономное учреждение «Культура». Всего 38 филиалов у нас в общей сложности. Ещё есть у нас экспозиция историко-краеведческого центра «Сибирское подворье». Оно является памятником наследия культуры. Экскурсионная деятельность в связи с пандемией пока ещё закрыта (эксперт №51, женщина); • [Ограничения по коронавирусу потребовали в работе изменений] огромных. Никаких мероприятий не происходит. Про что писать, когда ты сидишь в кабинете? Ничего в других кабинетах тоже не происходит. Выходим из ситуации так, что пишем про людей. Событий нет (эксперт №44, женщина). 	<ul style="list-style-type: none"> • Мы отводим большое внимание детям сотрудников. У нас часто проводятся конкурсы детского рисунка. Нынче был в этом году коронавирус, поэтому дети у нас не посещали детские мероприятия, которые относятся к дню защиты детей (эксперт №56, женщина); • Сейчас у нас 800 млн., 300 млн. наработали сами. В общем, система стала развиваться. Правда, в этом году, конечно, сложно с коронавирусом. Народ какой-то страшно пассивный, боится брать займы, потому что не знает, как отдать (эксперт №30, женщина); • Нельзя заниматься одним видом деятельности. Сейчас в гостинице много выручки, а если в связи с коронавирусом кафе стоит, мы не зарабатываем деньги, у нас мероприятий нет, то есть выручки нет. Поэтому сейчас гостиница нас выручает. Сейчас пандемия, вам посчастливилось прийти покушать. А раньше ты работал на кафе и знал, что у тебя там, то сейчас нет (эксперт №25, женщина).
Образ будущего	
<ul style="list-style-type: none"> • Охота надеяться, что дальше будет развитие, вложение инвестиций в наш район. Строительство, социальная сфера будет развиваться дальше. Молодёжь в большей степени иммигрирует из сельской местности, а приезжают в основном люди с севера, которые уже предпенсионный и пенсионный возраст (эксперт №55, мужчина); • Конечно, за пять лет мы вырастим. Много детей, много новых семей. Будет много застроек. Сейчас действительно очень много пустых территорий, но мы на них строим новые дома, отдаём семьям. За 5-10 лет у нас появится много новых семей. Обязательно достроится спортивный центр. Я думаю, будет интересное развитие в Патрушева. Экопарк есть. Так как наша территория очень близко с городом, жители города заинтересованы именно в отдыхе, поэтому можно задуматься о природных объектах и развлечениях на свежем воздухе (эксперт №46, женщина); • Уезжают люди, молодежи вообще нет. Я 9 лет проработал в школе и ни одного выпускника не осталось в поселении. Никакой перспективы тут нет. Наш год если уедет, это 1955-1965, то всё, деревни, наверное, не станет (эксперт №36, мужчина). 	<ul style="list-style-type: none"> • Дожить бы до этого времени. Может, газ проведут, народ перестанет уезжать. Народу что надо? Чтобы было тепло и светло, вода, чтобы на улице в мороз не бегать, чтобы финансовые возможности были у человека, купить машину и построить новый дом. Не будет условий, тогда будут уезжать отсюда (эксперт №58, мужчина); • Через 5-10 лет я не думаю, что что-то изменится кардинально. Я думаю, оно останется в той же паре. Самое страшное, что пугает – это снижение населения, смертность превышает рождаемость, потому что у нас больше население всё-таки пожилого (эксперт №21, женщина); • На данный момент, если говорить о жизни в сёлах, достаточно высокий уровень безработицы и в то же время достаточная кадровая проблема. Есть районный центр, а есть деревеньки, например, та деревня, в которой у меня находится предприятие, достаточно сложная. Там есть и деревни, в которых рядом на всю улицу два дома жилые, много бабушек, инвалидов, алкашей, воровство и так далее (эксперт №5, женщина).

Выводы

1. Жизненные миры активных селян конструируются вокруг общемировых событий (пандемия COVID-19), региональной специфики развития сельской территории и сельского хозяйства (укрупнение сельских территорий, формирование агрохолдингов) и местных форм существования (активная общественная деятельность, сельскохозяйственное предпринимательство).

2. Говоря об эмоциональном отношении к окружающей действительности и ковидным процессам, предприниматели и общественники воспринимают эффекты пандемии неодинаково. Санитарно-эпидемиологические ограничения подорвали сельский туризм и краеведческое направление, подавив экскурсионное направление. Массовые мероприятия также попали под ограничения, существенно снизив уровень инициативности на селе и число успешных социальных практик. Верхушкой ковидного эффекта стало то, что для сельских СМИ пандемия, с одной стороны, стала ещё одним событием для освещения, но, с другой стороны, она ликвидировала возможности для возникновения многих других событий.

3. Производственные процессы предпринимателей оказались несколько заторможены. На селе реализуются формы привлечения студентов на стажировку, которые были приостановлены ковидом. Напряжённая рыночная ситуация потребовала диверсификации видов деятельности, при которых проблемы в одном направлении могли быть покрыты успехами в другом. Банковская система на селе также испытала трудности, поскольку селяне с осторожностью подходили к займам, беспокоясь о трудностях с возвратом средств.

4. Что касается учёта эмоциональных оценок окружающей действительности, их можно рассмотреть через образ будущего, то есть предположения селян о том, каковы судьбы сельских территорий хотя бы в ближайшие 5-10 лет. В целом, и общественники, и предприниматели в своих оценках едины в одном. Если речь идёт о райцентре или территории, близлежащей к городу, то её ожидает светлое будущее благодаря положительному двустороннему взаимодействию между городом и селом. Если же речь идёт об отдалённых сельских территориях, сельских глубинках, то их ожидает разруха, деградация, отсутствие инвестиций, отток молодёжи и старение населения.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087.

Список литературы

1. Великий П.П., Великая Н.М. Акторы сельского автономного семейного хозяйствования: смыслы и результаты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. № 14 (4). С. 201-215. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.12.
2. Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулина Е.С. Экология сельского мира как предмет социологического исследования // Крестьяноведение. 2020. № 5 (1). С. 125-142. DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-125-142.
3. Гамидова А.Э. Сельский туризм в постпандемийный период // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 1 (127). С. 162-166. URL: https://unecon.ru/sites/default/files/izvestiya_no_1-2021.pdf (дата обращения: 20.02.2022).
4. Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. № 27 (1). С. 7-33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33.

5. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6-17. URL: <http://socis.isras.ru/article.html?id=6011> (дата обращения: 20.02.2022).

Информация об авторах

Шашкин Дмитрий Игоревич (Россия, Тюмень) – магистрант кафедры общей и экономической социологии, лаборант-исследователь Научно-исследовательского центра Финансово-экономического института, Тюменский государственный университет (625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6; e-mail: d.i.shashkin@utmn.ru).

Щетина Валерия Ивановна (Россия, Тюмень) – магистрант кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6; e-mail: shchetina98@mail.ru).

Shashkin D.I., Shchetina V.I.

THE FATES OF THE RURAL AREAS AND THE LIFE WORLDS OF ACTIVE VILLAGERS

Abstract. *The article analyzes positive and negative trends in agriculture and rural areas. The fates of rural areas are considered in connection with the life world and the fates of active villagers, as represented by rural public figures and entrepreneurs.*

Key words: *agriculture, rural areas, lifeworld, entrepreneurship, image of the future.*

Information about authors

Shashkin Dmitriy I. (Tyumen, Russia) – Master-Student of the Department of General and Economic Sociology, Research Lab Assistant of the Research Center of the Institute of Finance and Economics, University of Tyumen (6, Volodarskogo Street, 625003, Tyumen, e-mail: d.i.shashkin@utmn.ru).

Shchetina Valeria I. (Tyumen, Russia) – Master-Student of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen (6, Volodarskogo Street, 625003, Tyumen, e-mail: shchetina98@mail.ru).

Bibliography

1. Velikiy P.P., Velikaya N.M. Actors of rural autonomous family farming: Meanings and results // Economic and Social Change: Facts, Trends, Forecast. 2021. № 14 (4). P. 201-215. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.12.
2. Vinogradsky V.G., Vinogradskaya O.Y., Nikulina E.S. The ecology of the rural world as a subject of sociological research // Krestjanovedenie Peasant Studies. 2020. № 5 (1). P. 125-142. DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-1-125-142.
3. Gamidova A.E. Rural tourism in the post-pandemic period. // St Petersburg University Journal of Economic Studies. 2021. № 1 (127). P. 162-166. URL: https://unecon.ru/sites/default/files/izvestiya_no_1-2021.pdf.
4. Toshchenko Z.T., Velikiy P.P. The main meanings of the life world of rural Russia / World of Russia. Sociology. Ethnology. 2018. № 27 (1). P. 7-33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33.
5. Toshchenko Z.T. Life world and its meanings. // Sociological Research. 2016. № 1. P. 6-17. URL: <http://socis.isras.ru/article.html?id=6011>.

ИВЕНТ-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПОСТ-ПАНДЕМИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. Восстанавливая свою деятельность, ивент-сфера, одна из самых пострадавших за период пандемии, сталкивается с новыми рисками и последствиями ограничений. В статье рассматриваются особенности трех аспектов влияния на событийную индустрию: безопасность, экологичность и цифровизация.

Ключевые слова: event, ивент, бренд, восприятие бренда, индустрия впечатлений.

Ивент-индустрию можно с уверенностью назвать одной из самых пострадавших сфер за период пандемии. Деятельность организаций была подвержена сначала полной заморозке ввиду практикуемых по всей стране локдаунов, затем – необходимости обеспечения во время эпидемиологических мер и ограничений по количеству участников. Постепенно выходя из сложной ситуации в 2022 г., организации сталкиваются с новыми вызовами в условиях изменившихся социально-экономических отношений. К ним относятся безопасность, цифровизация и экологичность. Каждое из этих направлений представляет важное и дискуссионное направление в теоретической и практической разработке применительно к широкому спектру отраслей деятельности, в частности, к ивент-индустрии. Однако, особенное влияние на индустрию мероприятий эти направления развития общественно-экономических отношений могут оказать в своей взаимосвязи. В статье исследуется, как изменяется ивент-деятельность в восприятии пост-пандемийного общества, а также выделяются основные направления влияния на дальнейшую деятельность организации в индустрии встреч.

Интервью со специалистами ивент-сферы из открытых источников позволяют предварительно обрисовать следующую картину в области ивент-деятельности (таблица).

Экспертный прогноз по восстановлению ивент-сферы (г. Екатеринбург)¹

	Падение оборота фирм в 2020г., %	Прогноз на 2022 г.	С чем связан такой прогноз?
1	40	Восстановится с усилением	Будет бум оффлайна, несмотря на риск отмены
2	60		Интегрированный опыт будет в разы эффективней
3	50	Полностью восстановится	Сразу с отменой ограничений, соскучились
4	20		Можно будет комбинировать онлайн/ оффлайн
5	50		Люди страстно хотят оффлайн
6	60	Частично восстановится	Переносы и отмены, уменьшение бюджета
7	70		Привыкли к онлайн
8	60		Классическая модель больше не будет выгодна
9	70		Нужно больше времени для компенсации потерь
10	50	Не восстановится	В прежнем масштабе не восстановится
11	60	Затрудняюсь	Показательный период — лето 2022

¹ Опрос крупнейших ивент-агентств от Event.ru и REMA // Event.ru. URL: <https://event.ru/interviews/opros-kрупнейshih-event-agentstv-ot-event-ru-rema-2-itogi/> (дата обращения 20.03.2022).

Данная информация свидетельствует о сохранении неопределенности в ивент-сфере, а также о большой зависимости возможных направлений развития ситуации от того, как изменилось отношение аудитории к сопутствующим ивент-деятельности факторам внешней среды.

Тенденция безопасности представляет собой то поле, в рамках которого оформляются аспекты цифровизации и экологической ответственности в ивент-индустрии. Далее в тексте будет прослежена цепочка взаимосвязей этих трех направлений и их совокупное и единичное влияние на дальнейшие перспективы развития ивент-деятельности в период пост-пандемии. Тенденция безопасности, очевидно, является прямым следствием коронавирусных ограничений. Пандемия привила людям новые шаблоны поведения, связанные с собственной и общественной безопасностью, по крайней мере, на некоторое время. Каждый будет по-разному выходить из этих шаблонов, кто-то вернется быстро и просто к привычному поведению, а у кого-то будет еще долго сохраняться «коронавирусный страх» [3, с. 117]. В любом случае, безопасность, личная и общественная, продолжает вносить неопределенность в деятельность ивент-организаций и способствовать практике удаленных мероприятий, развитию виртуального сектора индустрии впечатлений.

Это во многом обуславливает возможные риски ивент-деятельности, связанные с социальной спецификой отрасли. Она заключается в высокой значимости сетевого взаимодействия, которому способствуют социальные контакты до, во время и после мероприятия. Мероприятия представляют собой скопление участников из самых различных сфер деятельности, где, помимо общекультурного взаимодействия и обмена опытом, происходит также передача знаний, установление деловых контактов и т. д. Личный контакт, который устанавливается во время таких встреч, «контакт лицом к лицу», имеет решающее значение. Благодаря пространственно-временной ограниченности мероприятия, ивент делают возможными и высоко привлекательными такие контакты. Формирование сети взаимоотношений между различными участниками показывает общий потенциал для инновационных разработок как в бизнесе, так и социально-культурной сфере. При этом крайне важно, чтобы социальные взаимодействия между различными участниками и заинтересованными сторонами вообще имели место [5, с. 262]. В этом отношении, степень, в которой сохранится «коронавирусный страх» в будущем будет иметь значимое влияние на посещаемость мероприятий, и соответственно, на сеть межличностных отношений.

Развитие цифровых технологий, онлайн-среды, может обеспечить посещение ивент-мероприятия без необходимости физического присутствия. В рамках пандемии имело решающее значение, чтобы социальные взаимодействия между участниками мероприятия и заинтересованными сторонами сохранились хотя бы в каком-то виде. В период пост-пандемии преимущества могут быть найдены в том, что возможна экономия времени и финансов на дорогу до места проведения мероприятия, на питание и проживание (для иногородних). С точки зрения организаторов, это может снять необходимость в найме персонала, аренде помещения и других сопутствующих расходах, а также повысить экологичность бизнеса, о чем будет отдельно сказано далее в статье.

За то время, в которое люди жили в условиях постоянной повестки об эпидемиологических угрозах, отношения части аудитории к встречам на многолюдных мероприятиях могло поменяться. Разумеется, пока восстановительные процессы в индустрии встреч еще идут, сложно дать точную оценку, однако учитывать такую вероятность необходимо. Однако, для многих участников именно эти контакты (общение, обмен

опытом и впечатлением, личные и деловые знакомства) имеют большое значение для «успешного» участия во ивент-мероприятиях [1, с. 10]. Это обуславливает двоякую ситуацию на рынке ивент-услуг в отношении изменения или неизменности восприятия мероприятий аудиторией, т. к. личное взаимодействие, без сомнения, является важным элементом успеха любых форматов ивент-мероприятий.

В последнее время также существует мнение о том, что индустрия встреч как элемент экономики впечатлений в будущем будет эволюционировать в экономику виртуальных впечатлений [4, с. 307]. В подавляющем большинстве статей, посвященных дополненной реальности (AR), виртуальной реальности (VR), смешанной реальности (MR), расширенной реальности (XR) отмечается положительная возможность применения в ивенте в части комбинации реального и виртуального опыта с целью повышения эмоционального отклика, что в конечном итоге является целью специального мероприятия.

Если рассматривать ивент-индустрию на фоне услуг-субституттов, то на рынке развлекательных услуг в период с 2019 г. по 2023 г. прогнозируется рост таких сегментов как: виртуальная реальность – 22,2%, киберспорт – 18,3%, видео-трансляции – 13,8%, интернет-реклама – 9,5%, видеоигры – 6,4%². Можно предположить, что этот рост не замедлится и далее, что формирует для ивент-индустрии дополнительную конкуренцию на новом рынке виртуальной реальности. С учетом развития всех сфер в область онлайн-пространства, можно предположить, что стратегия развития ивент-индустрии нуждается в дальнейшей критической оценке с точки зрения открывающихся перспектив и угроз. В каком именно случае такая замена возможна с точки зрения ценностного восприятия услуги потребителем? Очевидно, что в случае, когда она сможет полностью получить все то, что привлекает посетителя на мероприятие оффлайн – в его виртуализированной альтернативе.

Сетевые технологии в первую очередь понимаются как движущие силы экономической динамики и инновационного развития. Использование цифровых платформ в индустрии впечатлений в последние годы, безусловно, привели к всплеску инноваций в индустрии встреч и их ускоренного внедрения в практику организаторов. Однако физические встречи на настоящий момент не подвергаются сомнению либо подвергаются весьма незначительно. Инновационное развитие сопутствующих (цифровых) ивент-технологий рассматривается по большей части как положительное, но недостаточное для замещения. Цифровые инструменты скорее понимаются с точки зрения улучшения или модернизации клиентского опыта, чем в качестве полной замены физических встреч людей на мероприятиях [2, с. 1766]. Однако, на этот аспект может оказать определенное влияние мировая тенденция к экологичности и снижению выбросов.

Тема экологически чистого предпринимательства приобретает все большую популярность на фоне новостей об экологических катастрофах на некоторых территориях земного шара, прогнозов об изменении климата и экологической повестки переработки отходов. В последнее время, она также активизировалась в части компенсации углеродных выбросов, повышения энергоэффективности, сохранения климата и экономии ресурсов. Так, если рассматривать проведение ивентов с экологической точки зрения, то суть мероприятий заключается в том, чтобы «собрать людей в одном месте, потратить на это ресурсы и нанести определенный ущерб окружающей среде... за счет транспортных или логистических затрат» [5, с. 264].

Тем не менее, остается неясным, в какой степени такие стандарты устойчивости событий ориентированы на конкретные задачи мероприятий и как они могут

² Воронина В. Н. Индустрия развлечений в мировой экономике // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 10. С. 22-37. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-10-22-37.

сказаться на сотрудничестве организаторов мероприятий с различными секторами местной экономики. Предполагается, что экологически ответственное ивент-мероприятие должно снижать затраты ресурсов (полиграфия, еда и т. д.) и снижать ущерб окружающей среде (снижение выбросов транспорта для поездки до места проведения, сбор и переработка одноразовых упаковок и т. д.). В этом отношении оно тесно связывается с практикой онлайн-встреч, которые исключают все эти виды воздействия. Тем не менее, ивент-мероприятия являются катализирующей точкой местной экономики, а также важным элементом туристического бизнеса. Более того, следует также заострить внимание на проблемах потери рабочих мест, снижения поставок, уменьшению туристической привлекательности, снижению городских активностей.

Соответственно, тенденцию к «минимизации выбросов CO₂» можно рассматривать двояко с точки зрения влияния на ивент-индустрию в совокупности с факторами безопасности и цифровизации. Интересно также отметить взаимосвязь цифровизации и экологичности. Предполагается, что виртуализация мероприятий будет способствовать экологической устойчивости, т. к. участники не будут путешествовать на транспорте и загрязнять окружающую среду в момент пребывания на мероприятии. Однако, виртуальные мероприятия подразумевают гораздо более широкое использование компьютерной техники, которая также оставляет углеродный след.

Таким образом, перед ивент-организациями поставлен важный вопрос, как следует себя вести далее в условиях цифровизируемого общества, и изменившегося отношения к безопасности. Необходимость принятия взвешенного решения обуславливается тем, что наше восприятие происходящего и планирование дальнейшего может быть искажено влиянием пандемии и изменением социальных отношений. Например, усталость участников от онлайн-мероприятий за два года не свидетельствует об их бесперспективности или невостребованности. Равно как и привычка к онлайн-мероприятиям за те же два года при отсутствии альтернативы не свидетельствует об их эффективности и способности заменить традиционные. Поэтому для дальнейшего развития ивент-сферы крайне важно понять, имеет ли смысл делать упор на восстановлении оффлайн-мероприятий при выработке дальнейшей стратегии и следовать тенденциям безопасности, цифровизации и экологичности лишь частично в некоторых аспектах. Или же сконцентрироваться на виртуализации развлечений досуга, которая позволит одновременно следовать всем трем актуальным тенденциям в управлении деятельностью организации. Дальнейшая качественная и количественная проработка данной тема может способствовать выработке политики устойчивого развития ивент-сферы, которая бы учитывала по возможности большее количество преимуществ и опасностей актуальных направлений развития деятельности организаций в период пост-пандемии, а также предложить определенные практические наработки для смежных или аналогичных сфер деятельности в секторе услуг.

Список литературы

1. Кирьянова О.А. Современные формы проведения корпоративных мероприятий в бизнес организации // Современная наука: актуальные вопросы теории и практики. Серия: познание. 2021. № 7. С. 9–13. DOI: 10.37882/2500-3682.2021.07.01.
2. Кобец М.В. Трансформация бизнес-мероприятий под влиянием миллениалов // Креативная экономика. 2021. № 5 (15). С. 1757–1780. DOI: 10.18334/ce.15.5.112019
3. Максимовская О.А., Чистякова А.Д. COVID-19 как фактор изменения потребительских трендов и развития новых форматов событий на рынке конгрессно-выставочных услуг // Актуальные проблемы развития индустрии гостеприимства: сборник

научных статей XVI Международной практической конференции. С-Пб.: СпбГЭУ. 2020. С. 114–119.

4. Павлова А.А. Технологии организации и проведения онлайн-ивентов для подростков в условиях пандемии // Актуальные проблемы социально-культурной деятельности в современном пространстве московского мегаполиса: сборник научных трудов. Москва. 2021. С. 304–311.
5. Hagen D. Sustainable Event Management: New Perspectives for the Meeting Industry Through Innovation and Digitalisation? // Innovations and Traditions for Sustainable Development. Springer, Cham. 2021. С. 259–275.

Информация об авторе

Шелгинская Виктория Алексеевна (Россия, Екатеринбург) – аспирант кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления – филиала РАНХиГС (Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта 66; ui@ranepa.ru).

Shelginskaia V.A.

EVENT ACTIVITIES IN POST-PANDEMIC CONDITIONS: NEW CHALLENGES

Abstract. *Restoring its activities, the event industry, one of the most affected during the pandemic, is facing new risks and consequences of previous restrictions. The article discusses the features of three aspects of the impact on the event industry: safety, environmental careness and digitalization.*

Key words: *service sector, small business, brand, brand perception, meeting industry.*

Information about author

Shelginskaia Victoria A. (Russia, Yekaterinburg) – postgraduate, Department of Management Theory and Sociology, Ural Institute of Management – a branch of RANEPА (Russia, Yekaterinburg, 8 march st., 66, ui@ranepa.ru).

Bibliography

1. Kirianova O.A. Modern forms of providing corporate events in a business organization // Modern science: actual issues of theory and practice. Series: cognition. 2021. № 7. P. 9–13. DOI: 10.37882/2500-3682.2021.07.01.
2. Kobets M.V. Transforming business events to meet the challenge of millennials // creative economy. 2021. № 5 (15). P. 1757–1780. DOI: 10.18334/ce.15.5.112019
3. Maksimovskaia O.A., Chistiakova A.D. Covid-19 as a factor in changing consumer trends and developing new event formats in the congress and exhibition services market // Actual problems of the development of the hospitality industry: a collection of scientific articles of the XVI International Practical Conference. St. Petersburg.: SPSUE. 2020. P. 114–119.
4. Pavlova A.A. The technology of organizing and conducting online-events for teenagers in the conditions of pandemic // Actual problems of socio-cultural activities in the space of modern Moskow-city: the collection of scientific papers. Moskow. 2021. P. 304–311.
5. Hagen D. Sustainable Event Management: New Perspectives for the Meeting Industry Through Innovation and Digitalisation? // Innovations and Traditions for Sustainable Development. Springer, Cham. 2021. P. 259–275.

ПАНДЕМИЯ КАК КАТАЛИЗАТОР РАЗВИТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СООБЩЕНИЯ КНР

Аннотация. Железнодорожный транспорт в Китае – основной способ недорогой перевозки тяжелых грузов как в стране, так и за границу. Эпидемия COVID-19 открыла новые возможности для железнодорожных перевозок, так как многие компании вынужденно отказывались от автомобильной доставки, тем более на дальнее расстояние.

Ключевые слова: COVID-19, опыт пандемии, железнодорожное сообщение, Китай.

Железнодорожное сообщение в настоящее время является наиболее важным видом транспорта в Китае. Высокоскоростной железнодорожный транспорт постепенно стал основным видом транспорта в современном Китае из-за его удобства и комфорта [1]. Причина, по которой железная дорога выбирается вместо автомобильного пассажиропотока, воздушного, морского или общего пассажиропотока, заключается главным образом в том, что железнодорожный транспорт выполняет большую часть задач по перевозке крупных грузов на дальние расстояния и пассажирских перевозок на средние и дальние расстояния, отличаясь при этом явной дешевизной [2].

Существует большое количество эмпирических исследований, показывающих, что китайская экономика тесно связана с железнодорожными, особенно высокоскоростными железными дорогами Китая. Железнодорожный транспорт стимулировал экономический рост и способствовал региональной экономической конвергенции. Хотя пассажиропоток автомобильных перевозок огромен, в основном это перевозки на короткие расстояния (например, междугородние, региональные перевозки) [3].

Пассажирооборот китайской железной дороги в годовом исчислении вырос на 24,9% в январе 2022 года, что выше предыдущего показателя на 22,2% за декабрь 2021 года. Данные достигли рекордно высокого уровня в 220,1% в мае 2004 г. и рекордно низкого уровня в -86,4% в феврале 2020 г.

Диаграмма пассажирооборота китайской железной дороги с февраля 2021 года по январь 2022 г. представлена на рисунке 1 [4].

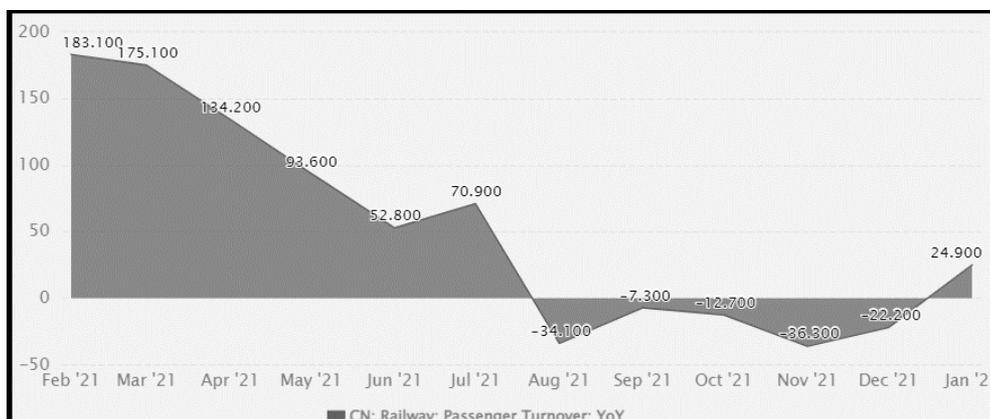

Рис. 1. Пассажирооборот китайской железной дороги

Во-первых, сокращение пассажиропотока, вызванное COVID-19, можно разделить на две части: спонтанное сокращение людей и ограничение правительства. Для спонтанной части естественно оставаться дома в отпуске, чтобы не заразиться. С другой стороны, после вспышки китайское правительство быстро проводит политику реагирования (например, закрытие городов, продление праздников) для борьбы с эпидемией, и эта политика также сокращает транспортные перевозки и останавливает некоторые виды экономического производства. В прошлом году Китай стал единственной крупной экономикой, сохранившей положительные темпы роста ВВП (+2,3%). Стабильная экономическая ситуация и успешная адаптация к специфике экономики в период распространения коронавируса.

Основным строителем железнодорожных путей в Китае является China Railway Construction. Согласно последним финансовым отчетам компании, ее текущий доход составляет 160,17 млрд долларов. В 2020 году выручка компании составила 142,70 млрд долларов США, увеличившись по сравнению с выручкой за 2019 год, которая составила 130,18 млрд долларов США. История доходов компании представлена на рисунке 2. Это говорит о высокой востребованности в дальнейшем развитии отрасли. Тем более компания является консультирующей организацией для иностранных партнеров по вопросу сотрудничества в инициативе «Один пояс, один путь».

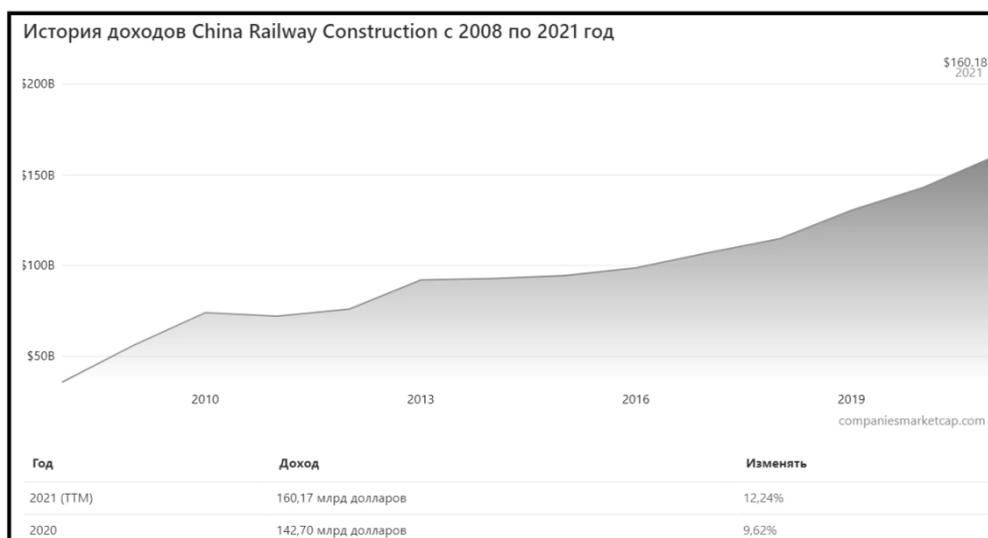

Рис. 2. Финансовые результаты строительной компании железнодорожных путей в Китае

В 2021 году на железных дорогах Китая было совершено более 2,2 млрд пассажирских перевозок, а пассажирооборот составил более 826,6 млрд км. Кроме того, по железным дорогам Китая перевезено более 4,55 млрд тонн грузов, что в 81 раз больше, чем в 1949 году, когда была основана КНР. В тоже время совместное предприятие железных дорог России, Белоруссии и Казахстана, будет выполнять более 80% всех железнодорожных перевозок по широкой колеи Нового Шелкового пути. К середине ноября 2021 года этот показатель составил 573 тыс. TEU, перевезенных из Европы в Китай и обратно. На конец года план составляет 675 тыс. TEU. По итогам 2020 года результат составил 547 тыс. TEU [5].

Объемы контейнерных перевозок по Евразийскому железнодорожному маршруту составили 336,6 тыс. TEU, что на 50% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Среднее количество отправок поездов в сутки увеличилось с 10,6 поездов в 2020 году до 15,3 в 2021 году по сравнению с прошлым годом, а загрузка поездов увеличилась до 115 TEU. Однако ограничения пропускной способности привели к незначительному увеличению времени в пути до 6,84 суток, что выше уровня 2020 года, но близко к показателям прошлых лет.

Состояние других видов транспорта, морского и воздушного, является внешним фактором, влияющим на рост объемов евразийских железнодорожных грузов. Во время кризиса с коронавирусом железнодорожные перевозки зарекомендовали себя как более быстрая и надежная альтернатива морскому транспорту [6].

Список литературы

1. Чжао С. Предварительная оценка основного репродуктивного числа нового коронавируса (2019-nCoV) в Китае с 2019 по 2020 год: анализ на основе данных на ранней стадии вспышки // Международный журнал инфекционных заболеваний. 2020. С. 214-217.
2. Донг Х., Чжэн С., Кан М.Е. Роль скорости транспортировки в содействии высококвалифицированной командной работе в разных городах // Журнал городской экономики. 2020. 115 с.
3. Влияние COVID-19 на экономику Китая: модель прогнозирования на основе статистики железнодорожных перевозок». URL: DOI:10.1111/disa.12476
4. Китайская железная дорога: пассажирооборот. URL: <https://www.ceicdata.com/en/china/railway-industry-overview/cn-railway-passenger-turnover-yoy> (дата обращения: 14.03.2022).
5. 2021 год на Новом Шелковом пути: интеграция инфраструктуры, технологий и опыта. URL: <https://www.utlc.com/en/news/2021-on-the-new-silk-road-integration-of-infrastructures-technologies-and-expertise/> (дата обращения: 16.03.2022).
6. Железнодорожные контейнерные перевозки Евразии и Китая в первом полугодии 2021 года. URL: <https://index1520.com/upload/medialibrary/e3a/ERAI-July-2021-EN.pdf> (дата обращения: 16.03.2022).

Информация об авторе

Шень Суймин (Республика Беларусь, Минск) – аспирант, Белорусский национальный технический университет (Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 65; e-mail: 429452314@qq.com).

Shen Xuiming

PANDEMIC AS A CATALYST FOR THE DEVELOPMENT OF PRC RAILWAYS

Abstract. *Rail transport in China is the main way to transport heavy goods at low cost, both at home and abroad. The development of this industry is closely related to the development of the industrial industry and cooperation with foreign partners. The COVID-19 epidemic has opened up new opportunities for rail transportation, as many companies have been forced to abandon road delivery, especially over long distances.*

Key words: COVID-19, pandemic experience, railway communication, China.

Information about author

Shen Xuiming (Republic of Belarus, Minsk) - PhD student, Faculty of Marketing, Management, Entrepreneurship, Belarusian National Technical University (e-mail: 429452314@qq.com).

Bibliography

1. Zhao S. Preliminary estimate of the main reproductive number of the novel coronavirus (2019-nCoV) in China from 2019 to 2020: an analysis based on data from the early stage of the outbreak // *International Journal of Infectious Diseases*. 2020. P. 214-217.
2. Dong H., Zheng S., Kang M.E. The role of transportation speed in facilitating high-quality teamwork in different cities // *Journal of Urban Economics*. 2020. 115 p.
3. The impact of COVID-19 on the Chinese economy: a forecasting model based on rail traffic statistics. URL: DOI: 10.1111/disa.12476
4. Chinese Railway: Passenger Oborot. URL: <https://www.ceicdata.com/en/china/railway-industry-overview/cn-railway-passenger-turnover-yoy> (accessed 14.03.2022).
5. 2021 on the New Silk Road: integration of infrastructure, technologies and experience. URL: <https://www.utlc.com/en/news/2021-on-the-new-silk-road-integration-of-infrastructures-technologies-and-expertise/> (accessed 16.03.2022).
6. Railway container transportation of Eurasia and China in the first half of 2021. URL: <https://index1520.com/upload/medialibrary/e3a/ERAI-July-2021-EN.pdf> (Accessed 16.03.2022).

МЕТОДЫ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТОМ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» В УСЛОВИЯХ НАПРЯЖЕНИЯ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. Международное сотрудничество в рамках проекта «Один пояс, один путь» является ключевой целью для строительства нового пути торговли. В статье рассматриваются методы антикризисного управления проектом в условиях напряжения в мировой экономике 2022 года.

Ключевые слова: антикризисное управление, международное сотрудничество, Китай, шелковый путь.

Впервые идея формирования нового торгового пути была предложена председателем Китая Си Цзиньпином осенью 2013 года при посещении Казахстана и стран Индонезии. Первоначально китайская инициатива заключалась в создании и развитии партнерских отношений с помощью усиления действующих региональных двухсторонних и многосторонних механизмов взаимодействия с Китаем [1].

Отсюда и появилась идея возрождения Шёлкового пути, который и получил название «Один пояс, один путь», включающий в себя укрепление старого и формирование новых экономических объединений, стимулирование экономического развития вовлечённых стран с учетом культурного обмена и связей во всех сферах между государствами, а также поддержание мира и устойчивого развития.

При реализации «Пояса и пути» сформируется экономический коридор с наибольшим потенциалом развития в мире. Основной маршрут представлен на рисунке 1. Он охватывает население в 4,4 миллиарда человек и ВВП стран в размере 21 триллиона долларов США, что составляет 63% и 29% от мировой численности населения и мирового ВВП соответственно [2].

Рис. 1. Основной и дополнительный маршруты проекта «Один пояс, один путь»

Для поддержания стран-участниц проекта в 2016 году был открыт Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) для финансирования основных направлений инициативы с учетным капиталом в 100 млрд. долларов. По состоянию на 30 сентября 2021 года общее количество утвержденных членов Банка составляет 103 человека, из которых 87 завершили процесс членства и стали членами АБИИ [3].

Цель АБИИ состоит в том, чтобы способствовать устойчивому экономическому развитию, создавать богатство и улучшать связность инфраструктуры в Европе и Азии путем инвестирования в инфраструктуру и другие производственные сектора. На сентябрь 2021 года банк инвестировал сумму около 10 млн. долларов исходя из отчетов организации. [4].

Первые изменения начались в 2020 году с усилением эпидемиологической обстановки. Пандемия коронавируса COVID-19 привела к закрытию границ и снижению пропускной способности, закупок и финансовых инвестиций. Результаты объемов грузоперевозок в TEU (twenty-foot equivalent unit – условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств) представлены на рисунке 2.

Средний темп роста с 2011 до 2017 года составлял 100 и более процентов. Затем снизился до 34% в следствии достижения определенных ограничений по мощностям. Эпидемия 2020 года поначалу увеличила грузопоток по маршруту, а не нарушила его. Отмена морских перевозок и закрытие границ для автомобильных перевозок привели к активному использованию железнодорожных перевозок. Так что, по сути, эпидемия положительно повлияла на евразийские железнодорожные грузоперевозки. Однако этот успех привел к ограничению пропускной способности, что в сочетании с дополнительными пограничными проверками для предотвращения распространения коронавируса привело к перегрузке портов в 2021 году.

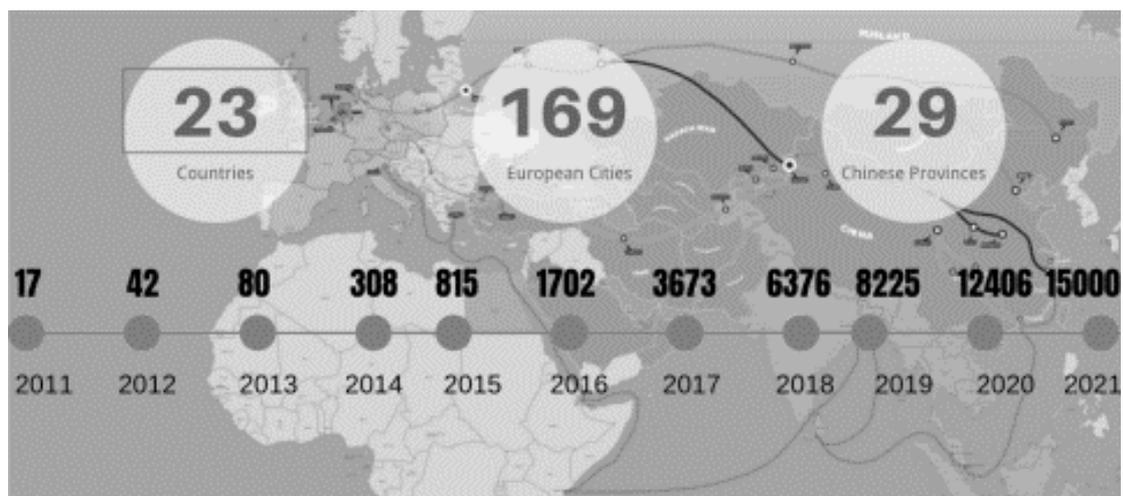

Рис. 2. Объемы грузоперевозок в TEU, млн. шт.

А затем в январе 2022 году начался беспокойный период в Казахстане. Существенного влияния на китайско-европейские поезда, проходящие транзитом через Казахстан, не произошло, но политическая нестабильность неизбежно вызвала тревогу в отрасли. Алматы, наиболее пострадавший от беспорядков, является жизненно важным железнодорожным узлом, через который проходят многие поезда Китай-Европа.

В феврале-марте 2022 обострились напряженные отношения между Украиной и Россией, что также приводит к нестабильному мировому состоянию, которое сильно влияет на проект «Один пояс, один путь». Страны Европы и США вводят санкции по отношению к Российской Федерации, что затрудняет полноценный поток не только для инвестиций, но и финансовых расчетов для Китая и европейских стран-участниц. Через украинский участок перевозилось около 3 % от объема грузов из Китая, что на данный момент заморожено, как и путь дальше.

По этой причине проект «Один пояс, один путь» столкнулся с рядом проблем, которые в срочном порядке необходимо решить. И логичнее всего снизить риски и нагрузку на саму инициативу. Так как сопутствующим проекту является Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, то руководство приняло решение временно приостановить работу с Республикой Беларусь и Российской Федерацией [5].

Такая реакция вызвана нежеланием потерять финансовую опору от европейских партнеров, которые активно принимают определенные позиции по отношению к сложившейся ситуации.

И вот сегодня проект столкнулся с серьезной проблемой на пути укрепления значимости инициативы в Евразийском регионе. Для достижения намеченных целей стоит прибегнуть к поиску альтернатив по сформированным планам. Для принятия антикризисных решений необходимо понять последствия от произошедших событий. Получения ответов занимает время по этой причине в методах управления рассмотрим превентивные способы, а также адаптированные. Превентивный метод состоит из анализа и предположений по дальнейшей обстановке. Адаптивный метод заключается в факте принятых мер мирового сообщества и последующей реакции со стороны участников «Один пояс, один путь». Так как сейчас нельзя отметить в этом разделе актуальных вариантов, поэтому отметим задачи, которые должны быть решены. Рассмотрим основные идеи, представленные в таблице.

Методы антикризисного управления по отношению проекта «Один пояс, один путь»

Превентивные меры	Адаптивные меры
<ol style="list-style-type: none"> 1. Снижение инвестиций в новые проекты на период обострения обстановки 2. Повышение страховых гарантий за грузы для поддержания торгового оборота по коридору 3. Поиск новых выходов железнодорожного движения во время невозможности доставки через Украину 4. Снижение цен для перевозок постоянным компаниям, компаниям, пострадавшим из-за ограничений 5. Поддержание нейтрального статуса, выраженное отсутствием резких информационных заявлений. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Новые маршруты, в случае отказа от дальнейшего транзита от определенных стран по коридору 2. Ограничение финансирования помимо необходимых сфер инициативы «Один пояс, один путь» при резкой критике со стороны стран-участниц 3. Льготы для новых компаний и поддержка старых 4. Повышение мощностей проекта в случае достижения договоренностей и стабилизации ситуации
Источник: собственная разработка автора.	

В заключении необходимо отметить, что любые политические разногласия среди мировых стран приводили к нестабильности и ухудшению общего развития. Мировая экономика взаимозависима и принятие резких решений, отказа от сотрудничества или товаров, замены которым на действующий момент нет, не лучший способ для урегулирования и поиска новых возможностей экономического и политического сотрудничества.

Список литературы

1. Правительство Китая, видения и действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века. URL: www.china.gov (дата обращения 27.02.2022).
2. Государственный совет Китайской Народной Республики. URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/35507/gcyl35511/Document/1529003/1529003.htm> (дата обращения 01.03.2022).
3. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/index.html> (дата обращения 08.03.2022).
4. Годовой отчет финансового баланса Азиатского банка инфраструктурных инвестиций за 2021 год. URL: https://www.aiib.org/en/about-aiib/financial-statements/.content/index/pdf/АИБ_Q3-2021-Financial-Statements.pdf (дата обращения 08.03.2022).
5. Решение Азиатского банка инфраструктурных инвестиций <https://www.aiib.org/en/news-events/news/2022/АИБ-Statement-on-war-in-Ukraine.html> (дата обращения 08.03.2022).

Информация об авторах

Шень Сюймин (Республика Беларусь, Минск) – аспирант, Белорусский национальный технический университет (Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 65. e-mail: 429452314@qq.com).

Гринцевич Любовь Владимировна (Республика Беларусь, Минск) – кандидат экономических наук, доцент, Белорусский национальный технический университет (Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 65; e-mail: grinyaya@mail.ru).

Shen Xuiming, Grintsevich L.V.

METHODS OF ANTICRISIS MANAGEMENT OF THE «ONE BELT, ONE ROAD» PROJECT IN CONDITIONS OF STRESS IN THE WORLD ECONOMY

Abstract. *International cooperation within the framework of the project is a key goal for building a new trade route. This article discusses the methods of anti-crisis management of the «One Belt, One Road» project in the face of tension in the global economy in 2022.*

Key words: *crisis management, international cooperation, China, silk road.*

Information about the authors

Shen Xuiming (Republic of Belarus, Minsk) – PhD student, Faculty of Marketing, Management, Entrepreneurship, Belarusian National Technical University (e-mail: 429452314@qq.com).

Grintsevich Lyubov V. (Republic of Belarus, Minsk) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management of Innovative Projects in Industry of the Belarusian National Technical University (e-mail: grinyaya@mail.ru).

Bibliography

1. Chinese government, visions and actions to jointly build the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road. URL: www.china.gov. (date of the application 27.02.2022).

2. State Council of the People's Republic of China. URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/35507/gcyl35511/Document/1529003/1529003.htm>, (date of the application 01.03.2022).
3. Asian Infrastructure Investment Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/index.html> (date of the application 08.03.2022).
4. Asian Infrastructure Investment Bank Annual Financial Balance Sheet Report 2021. URL: https://www.aiib.org/en/about-aiib/financial-statements/.content/index/pdf/AIIB_Q3-2021-Financial-Statements.pdf (date of the application 08.03.2022).
5. Decision of the Asian Infrastructure Investment Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/news-events/news/2022/AIIB-Statement-on-war-in-Ukraine.html>, (date of the application 08.03.2022).

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ И ГЕОПОЛИТИКИ НА РАЗВИТИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО СЕКТОРА РОССИИ

Аннотация. В исследовании рассмотрено состояние высокотехнологичного сектора экономики России во время пандемии и влияние геополитического фактора на его дальнейшее развитие. На базе информации о доле высокотехнологичных товаров в импорте выявлено существенное влияние санкций на будущее развитие сектора.

Ключевые слова: высокотехнологичный сектор, развитие, пандемия, геополитика, санкции.

Наиболее серьезный спад в экономике Российской Федерации начался после введения ограничительных мер и режима самоизоляции с 30 марта 2020 г. Наибольшие потери за счет введения режима нерабочих дней понесли следующие отрасли: производство автотранспортных средств и оборудования; производство машин и оборудования; производство кокса и нефтепродуктов.

В апреле 2020 г., после введенных ограничений, индекс промышленного производства составил 93% к апрелю 2019 г. и 94% к марту 2020 г. (с исключением сезонного и календарного факторов). В большей степени сократилась обрабатывающая промышленность, в меньшей – добывающая промышленность и энергетика, однако и они продемонстрировали в апреле отрицательную динамику¹.

Промышленное производство пострадало от распространения коронавируса неравномерно: сократилось производство потребительских товаров длительного пользования (бытовые приборы, мебель); проблемы, несмотря на принятые государственные меры по оживлению спроса, испытывало транспортное машиностроение. Многие предприятия в период пандемии начали пересматривать свои инвестиционные программы и урезать расходы, что негативно сказалось в том числе на машиностроительной отрасли [2].

Для ряда отраслей, обеспечивающих существенный вклад в ВВП (металлургия, химия, энергетика и пищевая промышленность), характерно относительно небольшое влияние кризиса. Это связано с тем, что они широко представлены в перечне тех отраслей, которые могли получить государственную поддержку. В списке требующих поддержки широко представлены как отрасли, обеспечивающие существенные объемы добавленной стоимости и занятости (добыча полезных ископаемых, энергетика, пищевая промышленность), так и относительно небольшие в масштабах экономики страны отрасли, отдельные компании которых имеют особое стратегическое значение (предприятия спецхимии, машиностроение, производство транспортных средств, включая авиационную и ракетно-космическую промышленность, производство неметаллической минеральной продукции и радиоэлектронная промышленность).

Если говорить об отрасли информационных технологий, то, несмотря на ее небольшую долю в ВВП страны, она до 2019 года развивалась очень динамично. За период 2010–2019 гг. доля отрасли в ВВП выросла более чем вдвое (с 0,47 до 0,96%), а экспорт отраслевых услуг в долларовом выражении – почти в 3,5 раза, достигнув

¹ Промышленное производство // Росстат. URL: https://gks.ru/enterprise_industrial.

4,5 млрд долл². В число признанных мировых лидеров входят отечественные разработчики решений в сфере информационной безопасности, антивирусной защиты, продуктов на базе технологий искусственного интеллекта и больших данных для различных областей применения, включая распознавание текста, распознавание и синтез речи, биометрию, видеоаналитику, компьютерное зрение³.

Сегодня российский бизнес в основном пользуется отечественными программными продуктами в сфере электронного документооборота, бухгалтерского учета, кассового обслуживания, удаленной работы. Это во многом определяется их лучшей и более быстрой адаптацией к специфике бухгалтерского, налогового законодательства и корпоративных бизнес-процессов. В то же время специфика российской ИТ-отрасли состоит в том, что основной объем продаж приходится не на тиражное программное обеспечение (ПО), а на услуги заказной разработки и ИТ-интеграции. Это около 2/3 внутреннего ИТ-рынка и основная часть экспорта ИТ-услуг.

Развитие цифровых технологий и телекоммуникационной инфраструктуры, как выяснилось с началом пандемии, достигло такого уровня, что буквально за считанные недели удалось значительно смягчить, а в отдельных секторах экономики преодолеть возникшие эпидемиологические барьеры. После введения режима самоизоляции российский бизнес, университеты, органы власти смогли оперативно организовать удаленную работу сотрудников, чему способствовала, в частности, ранее созданная ИТ-инфраструктура. Наиболее востребованными оказались решения для видеоконференций, удаленного доступа, командной работы, облачные хранилища, средства цифровой идентификации и подписи.

Ведущая роль ИТ-отрасли в предотвращении коллапса экономики в острой фазе пандемического кризиса, быстрое распространение отдельных ИТ-решений, обеспечивающих коммуникации в цифровой среде, первоначально создавали впечатление, что спрос на цифровые технологии благодаря пандемии вырос, а ИТ-компании оказались в числе немногих, выигравших от нее. Однако последовавшее падение мирового производства в различных отраслях и негативные для России события на нефтяном рынке развеяли это заблуждение. Сегмент разработки программного обеспечения и интеграции информационных технологий пострадали из-за того, что у их заказчиков снизились доходы от простоя в период самоизоляции. Падение спроса на продукцию привело к урезанию бюджетов на ИТ-развитие. Интернет-компании также понесли потери из-за снижения доходов от рекламы. Однако благодаря диверсификации бизнеса интернет-гигантов давление на рекламную выручку удалось компенсировать за счет роста в других сегментах, таких как игры, онлайн-образование, облачные решения для бизнеса, а также сервисы доставки.

Для поддержки компаний, занимающихся информационными технологиями, были разработаны меры, названные «налоговым маневром». Он включал в себя снижение ставки налога на прибыль, уменьшение уровня страховых взносов и отмену нулевой ставки НДС на реализацию зарубежного программного обеспечения. Однако эффект от этих льгот будет ниже ожидаемого при сохранении кризисных явлений в отечественной экономике в долгосрочном периоде.

Если рассматривать высокотехнологичный экспорт, то в 2020 году произошло его снижение практически на 10% к уровню прошлого года [1]. По данным Россий-

² Индикаторы цифровой экономики - 2020: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2020.

³ Перспективы российских ИТ-разработок на глобальном рынке. Аналитический отчет. SAP, РУССОФТ, АБИТ. 2018.

ского экспортного центра, максимальную долю в структуре экспорта высокотехнологичных товаров в 2020 г. занимали неклассифицированные товары SSSS (25%), к которым относятся вооружение, ядерные и атомные технологии, продукция из неорганической химии и др., механическое оборудование и техника, компьютеры, а также оптика, приборы, медицинская техника.

Распространение пандемии в настоящее время продолжается, хотя и более медленными темпами, но на развитие высокотехнологического сектора уже начал действовать другой негативный фактор – обострение геополитической ситуации. После того, как президент РФ В.В. Путин 24 февраля принял решение о проведении специальной военной операции на территории ДНР и ЛНР, многие страны объявили о введении санкций против России. В списке стран, которые ввели санкции в отношении России – США, Австралия, Новая Зеландия, страны Евросоюза, Великобритания, Канада, Швейцария, Тайвань, Южная Корея и Япония. Власти Евросоюза приняли решение отключить от платежной системы SWIFT семь российских банков, попавших ранее под санкции.

Ряд санкций, вводимых против России, нацелены на создание препятствий функционированию конкретных высокотехнологичных отраслей и предприятий. Так, под санкции от ЕС подпадают АО «Российские железные дороги», «Камаз», «Совкомфлот», Объединенная судостроительная корпорация и ряд ее дочерних структур, а также «Ростех», входящие в него «Оборонпром» и «Рособоронэкспорт» и др. Санкции введены также против ведущих российских авиастроительных холдингов – входящих в Объединенную авиастроительную корпорацию «Иркут», «Сухой», «МиГ» и «Туполев», а также против «Вертолетов России».

ЕС намерен прежде всего блокировать привлечение финансовых ресурсов российскими госкомпаниями и корпорациями. Большинство введенные санкции ограничивают возможность оказания любой финансовой помощи госкомпаниям (с долей государства более 50%) для целей гособоронзаказа⁴.

Так как ситуация вокруг России и Украины продолжает развиваться, то и окончательные последствия введения санкций трудно предсказать, кроме того, не все анонсированные санкции уже введены – их часть начнет действовать с 12 апреля 2022 г.

Президент США Джо Байден 24 февраля заявил об ограничениях высокотехнологического экспорта в Россию из США и их союзников, отметив, что это ударит в том числе по модернизации российской армии и космической отрасли. Пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков в ответ на это заявил, что ограничения на поставки высокотехнологичных товаров в Россию приведут к некоторым проблемам, однако страна адаптировалась к жизни под санкциями и сможет обойти негативные последствия таких запретов⁵.

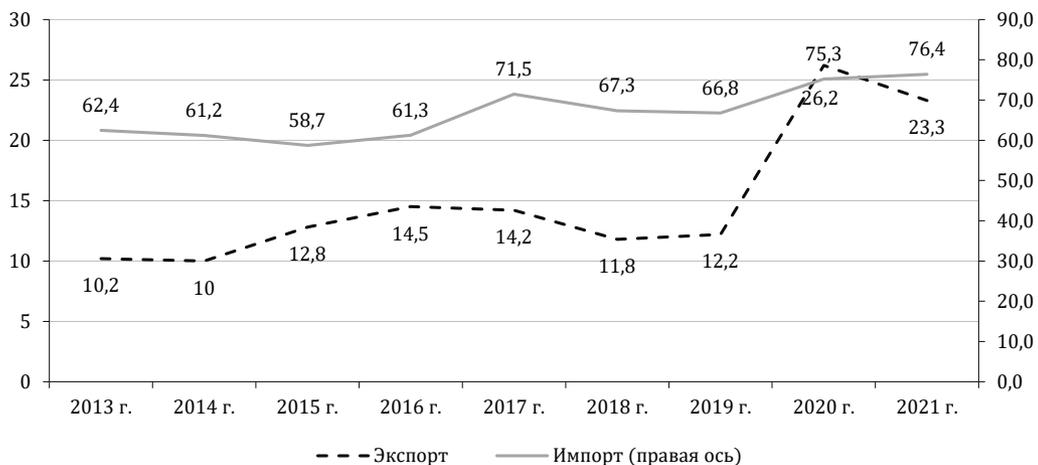
Эксперты в отдельных высокотехнологичных отраслях с пессимизмом смотрят на дальнейшее развитие автомобилестроения, авиации и других высокотехнологичных производств, доля импортных комплектующих в которых не позволит в ближайшее время продолжить их выпуск. Уполномоченный при президенте России по защите прав предпринимателей Борис Титов отметил: «Не каждый понимает, насколько мы завязаны в нашей экономике с другими экономиками в мире. Сегодня мы обсуждали

⁴ Как новые санкции ЕС повлияют на госкомпании и промышленность // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/02/26/911106-sanktsii-protiv-gosstruktur>

⁵ В Кремле оценили последствия ограничений для высокотехнологического экспорта // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/02/25/910940-peskov-nazval-sanktsii-protiv-rossii-reshaemimi>

много вопросов, связанных с импортом, потому что практически встали поставки по импорту. Очень сложно их оплачивать. Импортные поставки – это не обязательно импортные товары в магазинах ювелирных изделий или чего-то дорогостоящего. Это самые базовые вещи, которые необходимы как комплектующие для российских же товаров, которые во многом зависят от импорта комплектующих. Остановится импорт – остановится производство внутри России. Бизнес не может выполнить обязательства перед контрагентами: покупателями, другими компаниями или даже государствами. Начинается волна неплатежей, а соответственно, банкротств»⁶.

Согласно официальной статистике, динамика высокотехнологичного экспорта и импорта в России выглядит следующим образом (рисунок).

Динамика доли высокотехнологичных товаров в экспорте и импорте в РФ (2013–2021 гг.)*, %

* Данные за 2021 год представлены за период январь-ноябрь.

Источник: Росстат.

Перед интерпретацией изменения долей высокотехнологичных товаров в экспорте и импорте необходимо отметить, что данные показатели определяются в соответствии с перечнями высокотехнологичной продукции с учетом приоритетных направлений модернизации российской экономики. В рассматриваемом периоде подсчет индикаторов производился по трем разным перечням, утвержденным в 2013, 2017 и 2020 гг. Этот факт не позволяет точно определить изменение данных показателей, но позволит судить о тенденции произошедших изменений.

Так, даже видимый рост доли высокотехнологичных товаров в экспорте не компенсируется снижением импортных высокотехнологичных товаров. Поэтому введение санкций на поставки оборудования и запчастей в Россию заставляют высказывать обоснованное сомнение в том, что их последствия не окажут значимого влияния на развитие высокотехнологичного сектора в стране.

В это же время директор департамента экономического сотрудничества МИД РФ Дмитрий Биричевский опроверг слухи, что высокотехнологические отрасли России окажутся в изоляции из-за антироссийских санкций. Он заявил, что у страны оста-

⁶ «Начинается волна неплатежей, банкротств». Омбудсмен Титов о последствиях санкций против России для малого бизнеса // RTV. URL: <https://rtvi.com/news/nachinaetsya-volna-neplatezhey-bankrotstv-ombudsmen-titov-o-posledstviyakh-sanktsiy-protiv-rossii-dl/>

ются зарубежные партнеры, которые заинтересованы во взаимовыгодной работе во всех, в том числе высокотехнологичных отраслях экономики⁷.

Резюмируя, подчеркнем, что функционирование высокотехнологичного сектора не остановится полностью даже при серьезной импортной зависимости в ряде отраслей. Однако замедление его развития произойдет и довольно существенное, т.к. налаженные связи с ведущими мировыми производителями будут разрушены, а поставки – сорваны. Российская Федерация станет в еще большей степени изолирована от мировых рынков, что сделает ее продукцию менее конкурентоспособной и увеличит уже существующее технологическое отставание. Развитие геополитической ситуации без мирного урегулирования конфликта усугубит положение высокотехнологичного сектора и усилит проблемы, стоявшие перед ним и до пандемии.

Список литературы

1. Красных С.С. Высокотехнологичный экспорт Российской Федерации в условиях распространения коронавирусной инфекции. Вестник университета. 2021. № 11. С. 130–137. URL: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-130-137>
2. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М.: Дело. 2020. 744 с.

Информация об авторе

Широкова Елена Юрьевна (Россия, Вологда) – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; shir11@bk.ru).

Shirokova E.Yu.

THE IMPACT OF THE PANDEMIC AND GEOPOLITICS ON THE DEVELOPMENT OF HIGH-TECH SECTOR IN RUSSIA

Abstract. *The study examines the state of the high-tech sector of the Russian economy during the pandemic and the influence of the geopolitical factor on its further development. Based on the information on the share of high-tech goods in imports, a significant impact of sanctions on the future development of the sector has been revealed.*

Key words: *High-tech sector, development, pandemic, geopolitics, sanctions.*

Information about author

Shirokova Elena Yu. (Vologda, Russia) – junior research associate, Federal State Budgetary Institution of Sciences Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia; shir11@bk.ru).

Bibliography

1. Krasnykh S.S. High-tech exports of the Russian Federation in the context of the spread of coronavirus infection // Bulletin of the University. 2021. №. 11. P. 130–137. URL: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-130-137>
2. Society and the pandemic: experience and lessons of fighting COVID-19 in Russia. Moscow : Delo. 2020. 744 p.

⁷ МИД опроверг изоляцию высокотехнологичных отраслей России // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/09/hightech/>

ВНЕДРЕНИЕ БЕРЕЖЛИВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ИНСТРУМЕНТА РЕАБИЛИТАЦИИ ЭКОНОМИКИ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье рассмотрены особенности внедрения бережливых технологий в период сложной экономической ситуации. Даны теоретические аспекты категории производительности труда и бережливых технологий. Проведен анализ индекса производительности труда в РФ. Представлены преимущества и вызовы внедрения бережливых технологий.

Ключевые слова: производительность труда, поток создания ценности, конкурентоспособность, lean-технологии.

Период распространения новой коронавирусной инфекции ознаменовался негативными последствиями не только для здоровья человечества, но и для мировой экономики. Наблюдаемые процессы снижения экономической активности населения, товарно-денежного оборота и многих других факторов поставили перед организациями сложную задачу – сохранить прежний уровень получаемой прибыли при вложении минимальных затрат. В сложившейся ситуации одним из решений по реабилитации экономики в постпандемийный период является повышение производительности труда.

В экономической теории данная категория считается одной из самых сложных, носящей во многом противоречивый характер. В самом общем виде производительность труда – это показатель, характеризующий его результативность, отдачу каждой единицы используемого ресурса [2].

Проанализировать влияние пандемийных процессов в экономике на уровень производительности труда можно по индексу производительности труда, методика которого утверждена Приказом Росстата №274 от 28.04.2018. Отношение индекса физического объема ВВП к индексу совокупных затрат труда характеризует изменение производительности труда во времени.

Как видно из данных таблицы 1, в 2020 году наблюдается снижение индекса производительности труда как в целом по экономике, так и по многим отраслям. Наибольшие потери понесла сфера гостиничного бизнеса и общественного питания (83%), связанные с введением режима самоизоляции, ограничительных мер профилактики коронавирусной инфекции, что в свою очередь, повлияло на значительное снижение индекса производительности труда в транспортировке и хранении (90,9%). Однако, наблюдается рост индекса в сферах обрабатывающего производства (103,8%), строительства (103,1%) и ряде других.

Рост производительности труда обуславливается снижением издержек и обеспечивается получением прибыли, необходимой для развития производства. На его уровень оказывает влияние величина экстенсивного использования труда, интенсивность труда, а также технико-технологический и организационно-управленческий уровень производства. Однако, в условиях кризиса совершенствование технологий и запуск более эффективного оборудования затруднителен в связи с большим количеством затрат.

В условиях преодоления последствий пандемии в отраслях экономики реализуемые государственными органами власти меры должны служить целям их разви-

тия, обеспечивать рост качества жизни населения. Для хозяйствующих субъектов повышение производительности труда позволяет, как создавать большой объем добавленной стоимости, так и обеспечивает возрастание потока создания ценности за счет формирования, накопления и реализации конкурентных преимуществ. Процесс создания стоимости мы рассматриваем не только в аспекте генерации добавленной стоимости хозяйствующими субъектами – персоналом, малыми и средними формами бизнеса, платформами и органами публичной власти в отношении сфер экономики. Следует оценивать и генерацию добавленной стоимости за счет реализации полученных конкурентных преимуществ, полученных при использовании современных технологий повышения производительности общественного труда, например, за счет создания большего объема добавленной стоимости при повышении качества человеческого капитала на основе примененных для этого технологических продуктов.

Таблица 1. Динамика индекса производительности труда, %¹

Сферы экономики	2016	2017	2018	2019	2020
В целом по экономике	100,1	102,1	103,1	102,6	99,6
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	102,2	105,3	103,6	106,7	99,5
в том числе:					
Сельское, лесное хозяйство, охота	102,6	105,7	103,3	106,6	99,8
Рыболовство, рыбоводство	91,2	86,4	104,8	104,2	98,2
Добыча полезных ископаемых	101,4	100,8	100,3	101,3	92,4
Обрабатывающие производства	100,4	103,9	103,9	103,1	103,8
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование	102,9	100,0	102,6	100,1	99,6
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	108,7	97,6	101,8	103,1	99,2
Строительство	101,4	97,3	100,1	96,9	103,1
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	96,6	100,4	101,8	101,5	101,9
Транспортировка и хранение	102,4	99,9	100,5	100,7	90,9
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	94,2	102,7	103,2	100,2	83,0
Деятельность в сфере информации и связи	93,3	101,3	104,1	105,5	99,9
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	97,4	103,3	105,9	102,4	102,6
Деятельность профессиональная, научная и техническая	95,5	109,2	104,3	105,6	104,8
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	102,4	100,3	97,8	95,3	94,5

Наиболее распространенным методом повышения труда в условиях ограниченности ресурсов является внедрение бережливых технологий. Успешный опыт Японии и ряда других стран по выходу из кризиса с помощью lean-технологий доказывает эффективность их применения во всех сферах экономики и на любой стадии экономического развития общества [1, с. 600].

Преимущества и недостатки внедрения принципов бережливого производства рассмотрены в таблице 2.

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (дата обращения 20.03.2022).

Таблица 2. Преимущества и вызовы внедрения бережливых технологий

Внедрение бережливых технологий	
Преимущества	Недостатки
Экономия денежных ресурсов за счет оптимизации расходов на каждом производственном этапе.	Сложности внедрения при зависимости от поставщиков. Не всегда последним выгодно привозить малые партии для оптимального хранения запасов на складах.
Контроль качества. Бережливое производство подразумевает контроль качества всех технологических процессов, что сокращает удельный вес брака и улучшает характеристики продукции.	Сопrotивление со стороны персонала. Изменение производственной системы может вызвать стресс и отказ от работы со стороны сотрудников.
Экономия места и, как следствие, улучшение организации управления производством и запасами.	Отсутствие достаточного количества специалистов по внедрению бережливых технологий.
Непрерывное совершенствование – один из основных принципов. Огромный потенциал для улучшения не только производственных процессов, но и операционных, кадровых и т.д.	Остановка после достижения первых результатов. Как показывает практика, при получении первых экономических выгод развитие останавливается. Принцип непрерывного совершенствования не соблюдается. Краткосрочные достижения становятся важнее долгосрочных.

Таким образом, можно отметить, что внедрение бережливых технологий – актуальный способ производительности труда при грамотном руководстве и принципиальном следовании основным правилам концепции.

В Российской Федерации принципы бережливого производства успешно внедряются на предприятиях в рамках национального проекта «Повышение производительности труда и поддержка занятости», региональных проектов. Однако применение данных принципов возможно не только в рамках государственных программ, но и самостоятельно, при участии экспертных групп [3].

Можно выделить 5 основных принципов бережливого производства:

1) определение ценности для потребителя. Верное определение цели покупателя продукта – залог успеха для будущего совершенствования производственных процессов и повышения производительности труда;

2) формирование и визуализация потока создания ценности. Определение процессов, направленных на создание ценности, и потерь, не приносящих полезный эффект от выполнения. Существует восемь основных видов потерь: перепроизводство, ожидание, дефекты, лишняя обработка, лишние запасы, ненужные перемещения и транспортировка, неиспользованный человеческий капитал;

3) построение непрерывного потока создания ценности. Проведенный ранее анализ позволит выровнять процессы, убрать основные потери, обеспечить бесперебойное выполнение операций;

4) вытягивание процессов. Целью системы, основанной на «вытягивании», является ограничение запасов и незавершенного производства (WIP), обеспечивая при этом необходимые материалы и информацию для бесперебойной работы;

5) стремление к совершенствованию, формирование бережливого мышления. Каждый сотрудник должен стремиться к совершенству, предоставляя продукцию в соответствии с потребностями клиента. Компания должна стать обучающейся организацией и всегда находить способы становиться немного лучше каждый день [4, с. 454].

Придерживаясь всех пяти принципов, организация может оставаться конкурентоспособной, увеличивая ценность, предоставляемую клиентам, снижая затраты на ведение бизнеса и повышая их прибыльность. Постпандемейная экономика только начинает свое восстановление. Бережливые технологии могут стать своеобразной

«таблеткой» для достижения прежнего уровня экономического развития и повышения производительности труда предприятий и страны в целом. Данные принципы являются эффективными и проверенными временем.

Таким образом, внедрение принципов бережливого производства в организациях реального сектора экономики, в том числе на предприятиях, социальной сферы, позволяет резко сократить неэффективные расходы и повысить производительность труда, обеспечивает существенное повышение качества оказания услуг населению, и, в итоге, оказывает ключевое влияние на рост качества жизни населения и уровень его благосостояния.

Список литературы

1. Морозов О.В. Бережливое производство как эффективный инструмент повышения производительности труда // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сб. статей по мат-лам 74-й науч.-практ. конф. студентов по итогам НИР за 2018 год. Краснодар: КубГАУ. 2019. С. 599-601.
2. Родин А.В., Шолина Е.А. Инструменты обеспечения роста производительности труда в условиях цифровой трансформации // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: VI науч.-практ. интернет-конференция. Вологда: ВолНЦ РАН. С. 122-127.
3. Царенко А.С. Бережливое государство: опыт и перспективы // Бюджет. 2016. №3. URL: <http://bujet.ru/article/293109.php> (дата обращения: 17.03.2022).
4. Шолин Ю.А. Повышение производительности труда как одно из ключевых направлений современной экономической политики Российской Федерации // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сб. статей по мат-лам XII Всерос. конференции молодых ученых. Краснодар, 2019. С. 454-455.

Информация об авторах

Шолина Екатерина Андреевна (Россия, Краснодар) – магистрант, Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; sichanina.ekaterina@yandex.ru).

Родин Александр Васильевич (Россия, Краснодар) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; mailteor@mail.ru).

Sholina E.A., Rodin A.V.

INTRODUCTION OF LEAN TECHNOLOGIES AS A WAY TO REHABILITATE THE ECONOMY IN THE POST-PANDEMIC PERIOD

Abstract. *The article discusses the features of the introduction of lean technologies during a difficult economic situation. Theoretical aspects of labor productivity and lean technologies are given. The analysis of the labor productivity index in the Russian Federation is carried out. The advantages and disadvantages of implementing lean technologies are presented.*

Key words: *labor productivity, lean technologies, value stream, competitiveness.*

Information about the authors

Sholina Ekaterina A. (Krasnodar, Russia) – Master's student of the Kuban State University (149 Stavropol str., Krasnodar, 350040, sichanina.ekaterina@yandex.ru).

Rodin Alexander V. (Krasnodar, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department, Russia, Krasnodar, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kuban State University” (149 Stavropol str., Krasnodar, 350040, mailteor@mail.ru).

Bibliography

1. Morozov O.V. Lean production as an effective tool for increasing labor productivity / O.V. Morozov, S.N. Sychanina // In the collection: Scientific support of the agro-industrial complex Collection of articles based on the materials of the 74th scientific and practical conference of students based on the results of research for 2018. Krasnodar. 2019. P. 599-601.
2. Rodin A.V., Sholina E.A. Tools for ensuring labor productivity growth in the conditions of digital transformation // VI. Scientific and practical Internet conference “Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions”. Vologda: VolSC RAS. 2021. P. 122-127.
3. Tsarenko A.S. Lean state: experience and prospects // Bujet. № 3. 2016. URL: <http://bujet.ru/article/293109.php> (accessed: 03/17/2022).
4. Sholin Y.A. Increasing labor productivity as one of the key directions of modern economic policy of the Russian Federation // In the collection: Scientific support of the agro-industrial complex Collection of articles based on the materials of the XII All-Russian Conference of Young Scientists. Krasnodar. 2019. P. 454-455.

ПЕРЕХОД СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА НОВЫЕ ПОДХОДЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация. Существующая система функционирования сельского хозяйства требует больших затрат. Объемы образования отходов производства и потребления в сфере сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства за 2009-2019 гг. выросли в 3,3 раза. Утилизировать эти отходы в полном объеме не получается. В результате возникает необходимость сменить устаревшую традиционную модель на новую более рациональную модель производства сельского хозяйства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, отходы, природный капитал, замкнутый цикл производства, циркулярная экономика.

Заданные цели в области устойчивого развития диктуют свои условия и требования для изменения сложившейся ситуации через внедрение новых систем и моделей устойчивого потребления и производства во всех секторах экономики, в том числе и аграрном, где основной целью является повышение эффективности использования ресурсов путем ликвидации связей между экономическим ростом и его влиянием на окружающую среду. Существующая система ведения сельского хозяйства наносят самый большой вред окружающей среде и требует с каждым разом все больше и больше затрат [1]. Ведь увеличение производства продуктов питания, влечет за собой и рост образования сельскохозяйственных отходов, которые требуют утилизации и обезвреживания.

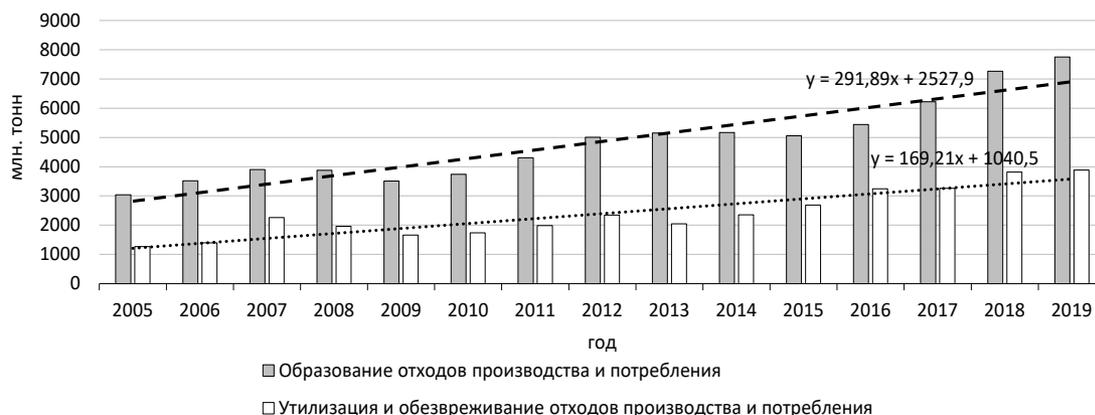

Рис. 1. Динамика образования, утилизации и обезвреживания всех отходов производства и потребления в России за 2005-2019 гг., млн. т

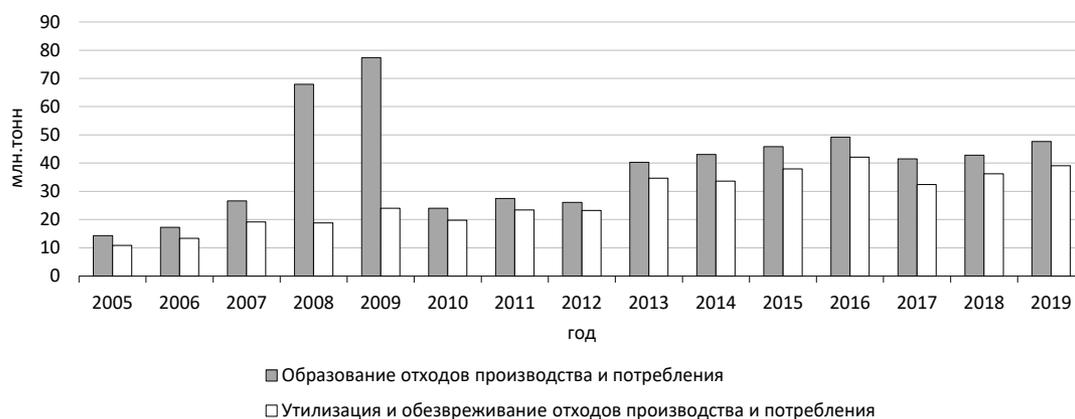

Рис. 2. Динамика образования, утилизации и обезвреживания отходов производства и потребления в сфере сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства России за 2005-2019 гг., млн. т

Примечание к рисункам 1 и 2: До 2009 г. - по данным Ростехнадзора, с 2010 г. - по данным Росприроднадзора, с 2016 г. – по данным Федеральной службы по надзору в сфере природопользования. С 2016 г. включены в расчет рыболовство и рыбоводство. В показателях до 2017 г. учитывалось использование и обезвреживание отходов производства и потребления.

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Раздел «Окружающая среда. Отходы производства и потребления» rosstat.gov.ru

Из представленных рисунков 1 и 2 наглядно видно, что утилизация и обезвреживание отходов производства и потребления в сфере сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства не может полностью справиться с ростом их образования, что требует поиска новых подходов и методов в функционировании сельского хозяйства и всего агропромышленного комплекса. Федеральная служба государственной статистики России приводит данные, показывающие увеличение образования отходов производства и потребления. За 2005-2019 г. их рост составил в 2,5 раза, а в разрезе экономической деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство - в 3,3 раза; обрабатывающие производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака – 1,2 раза. В то время как утилизация и обезвреживание отходов производства и потребления в 2019 г. составила всего 3881,9 млн т, против образования этих отходов в 7750,9 млн. т, по виду экономической деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство 47,7 млн. т и 39,1 млн. т соответственно. За анализируемый пятнадцатилетний период разница между образованием отходов и его утилизацией и обезвреживаем увеличивается по мере роста объемов производства и потребления. Становится очевидно, что необходимо искать новые актуальные подходы к функционированию сельского хозяйства.

Согласно Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г.¹ перспективными направлениями по утилизации и обезвреживанию отходов сельского хозяйства является развитие российских биотехнологий аэробного и анаэробного биотермического компостирования, при использовании которых отходы органического происхождения обезвреживаются и превращаются в ценное органическое

¹ Стратегия развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ от 25.01.2018 № 84-р.

удобрение (биогу́мус, компост), а также получение биогаза, твердого топлива и производство строительных изделий.

Одним из таких новых подходов ведения сельского хозяйства стала концепция циркулярной экономики, направленная на сокращение промышленных отходов и повышения уровня переработки сырья, т.е. переход к модели «замкнутого цикла». Суть циркулярной экономики состоит в том, что процесс рационального использования всех материалов на протяжении всего цикла, от начала производства до конечного потребления, утилизируется или перерабатывается и возвращается обратно в цикл производства. Важной целью замкнутого цикла становится не только сокращения сельскохозяйственных отходов, а умение их использовать для создания нового продукта (новой ценности). В результате циркулярная экономика направлена на повышение экономической и экологической эффективности [2].

К показателям, определяющим уровень перехода к модели замкнутого цикла производства относятся: размер отходов производства, коэффициенты рециркуляции и отношение объема выбросов к объему выпуска продукции, но не все организации готовы рассчитывать эти показатели, позволяющие определить реальную степень перехода его производства к замкнутому циклу из-за сложности их расчетов. Эта проблема связана с тем, что не разработана единая методология оценки ценности экосистем и включения их в полученные результаты экономических расчетов.

По мнению авторов С.И. Каданевой, G. Liobikiene, T. Balazentis, D. Streimkiene, X. Chen показатель «зеленый» ВВП, который рассчитывается как сумма природного капитала региона и его традиционного номинального ВВП. Данный показатель сочетает в себе традиционные экономические показатели и экологическую ценность. Природный капитал региона представляет общую стоимость всех экологических услуг экосистем. Существует достаточно много разных методов оценки экологических услуг, но для расчета «зеленого» ВВП используют:

1. Агрегированная оценка всех выгод, которые можно извлечь из экосистемы в целом.

2. Оценка затрат. Где стоимость экологических услуг определяется расчетом потенциальных убытков или дополнительных расходов, возникающих в случае потери этой экосистемы.

3. Оценка стоимости жилья до и после изменений в экосистеме или в ее качестве, т.к. она отражает скрытую ценность экосистемы для потребителя.

Сегодня отсутствует единое определение и подход к содержанию циркулярной экономики, что позволяет реализовывать разные варианты ее концепции и подхода в развитии сельского хозяйства. Правильный подход может определяться географическим положением сельскохозяйственной организации, природно-климатическими особенностями и культурными характеристиками людей, проживающих на оправленной территории [3;4].

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН также пропагандирует о необходимости сменить устаревшую традиционную модель производства на новую более рациональную модель производства сельского хозяйства по всей продовольственной и пищевой цепочке.

Следовательно, циркулярное сельское хозяйство можно рассматривать как одну из форм устойчивого ведения сельского хозяйства, где все вещества, которые покидают его зону, должны впоследствии туда возвращаться. Для этого фермерам необходимо поддерживать равный отток и приток ресурсов, и их максимально эффективное исполь-

зование. Развитие циркулярной экономики в сельском хозяйстве должно стать одной из форм взаимодействия фермеров, граждан, предприятий, ученых в целях сочетания экологических принципов и современных технологий с новыми экономическими моделями, партнерствами и социальными услугами. В рамках такой формы хозяйствования остатки сельскохозяйственной биомассы и продуктов питания в пищевой системе должны оставаться в качестве возобновляемых источников. Как следствие, потребуются меньше химических удобрений для производства такого же или большего количества продукции при использовании тех же площадей и ресурсов. Оптимальное использование потоков сельхозпроизводства не всегда подразумевает, что циклы будут замкнуты на уровне фермы, это может быть и на региональном уровне [5].

По прогнозам Европейского Союза, переход на циркулярную экономику позволит организациям сэкономить примерно 600 млрд евро в год, что составляет 8 % от общего их оборота, а выбросы парниковых газов сократятся на 2-4 % [6]. Преимущества от внедрения циркулярной экономики в сельское хозяйство: обеспечение большей доступности к сырью; снижение воздействия на окружающую среду; повышение конкурентоспособности; экономический рост.

Выявлено, что, не смотря на востребованность внедрения замкнутого цикла производства в разные сферы экономики, особенно в отрасль сельского хозяйства, до сих пор не сформулировано точное определение «циркулярной экономики» и не определены критерии её оценки от внедрения. Актуальность и востребованность изучения внедрения циркулярной агроэкономики возрастает с каждым годом. В ноябре 2021 г. в Копенгагене прошел саммит «Nordic Circular Summit 2021», который был посвящён циркулярной экономике в северном регионе, где обсудили вопросы о важности и целесообразности внедрения круговой экономики от океанов до продовольственной системы мира [7].

Многие страны понимают, чтобы достичь нужного результата от внедрения нового подхода в сельское хозяйство и избежать ненужных пищевых потерь, необходимо этому обучать детей с самого раннего возраста. Нужно начинать с малого, не выбрасывать остатки хороших продуктов питания, а давать им «вторую жизнь», закупать и производить столько сколько реально необходимо без излишка. Сегодня по имеющимся оценкам ООН и Всемирной организации здравоохранения почти 9 % населения планеты страдают от голода и за пять лет эта цифра увеличилась на 60 млн чел и составила 690 млн. чел. за 2020 год, до начала пандемии [8].

Перейти на циркулярную экономику в сельском хозяйстве потребует больших усилий как со стороны государства, общества, так и самих сельскохозяйственных организаций, где важное значение будет иметь создание соответствующего механизма для его реализации.

Изучено, что концепция циркулярной экономики является в основном концепцией политики и определяется как экономика, в которой стоимость продуктов, материалов и ресурсов поддерживается как можно дольше, а образование отходов сводится к минимуму, и рассматривается как существенный вклад в устойчивую, низкоуглеродную, ресурсоэффективную и конкурентоспособную экономику. Циркулярная экономика предлагает переход от линейных систем к циклическим системам, основанным на новых бизнес-моделях, использующих замкнутые циклы производства и более эффективное использование ресурсов.

Благодарность

Работа выполнена по теме НИР «Устойчивое ресурсопользование северного региона: факторы и модели» (№ государственного учета 121021800128-8).

Список литературы

1. Второй глобальный форум ФАО/ВОЗ по вопросам регулирования безопасности пищевых продуктов. URL: <http://www.fao.org/3/j3255r/j3255r00.htm>
2. Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions // A new Circular Economy Action Plan For a cleaner and more competitive Europe. Brussels. 2020. 20 p.
3. Каданева С.И. Циркулярная экономика: актуальные подходы к содержанию и изменению // Социальные и гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 51-58.
4. Evaluation of bioeconomy in the context of strong sustainable // Sustainable development. Sydney. 2019. Vol.27. №5. P. 955-964.
5. Евдокимова Н.Е. Циркулярная модель экономики от поля до прилавка // Инновационные процессы в пищевых технологиях: наука и практика: материалы Международной научно-практической конференции (19-20 февраля 2019 г., г. Москва). М., 2019. С.135-140.
6. News European Parliament. Circular economy: definition, importance and benefits. 03.03.2021. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/it/headlines/economy/20151201STO05603/economia-circolare-definizione-importanza-e-vantaggi>
7. Nordic Circular Summit 2021. Four Days Exploring the Circular Economy in the Nordic Region. Date Views. URL: www.nordiccircularsummit.com
8. Новости ООН. Глобальный взгляд человеческой судьбы. Доклад. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/07/1381951>

Информация об авторе:

Щербакова Анна Сергеевна (Россия, Сыктывкар) – доктор экономических наук, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра «Кomi Научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (г. Сыктывкар, Россия; e-mail: anita-85_07@mail.ru).

Sherbakova A.S.

TRANSITION OF AGRICULTURE TO NEW APPROACHES OF FUNCTIONING

Abstract. *The existing system of functioning of agriculture is costly. Volumes of production and consumption waste generation in the field of agriculture, hunting and forestry for 2009-2019 increased by 3.3 times. It is not possible to dispose of this waste in full. As a result, there is a need to replace the outdated traditional model with a new, more rational model of agricultural production.*

Key words: *agriculture, waste, natural capital, closed cycle of production, circular economy.*

Information about author

Shcherbakova Anna S. (Russia, Syktyvkar) – Doctor of Economics, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center “Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (Syktyvkar, Russia, e-mail: anita-85_07@mail.ru).

Bibliography

1. Vtoroj global'nyj forum FAO/VOZ po voprosam regulirovaniya bezopasnosti pishchevyh produktov. URL: <http://www.fao.org/3/j3255r/j3255r00.htm>

2. Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions // A new Circular Economy Action Plan For a cleaner and more competitive Europe. Brussels. 2020. 20 p.
3. Kadaneva S.I. Cirkulyarnaya ekonomika: aktual'nye podhody k sodержaniyu i izmereniyu // Social'nye i gumanitarnye nauki. 2020. № 1. P. 51-58.
4. Evaluation of bioeconomy in the context of strong sustainable // Sustainable development. 2019. Vol.27. №5. P. 955-964.
5. Evdokimova N.E. Cirkulyarnaya model' ekonomiki ot polya do prilavka // Innovacionnye processy v pishchevyh tekhnologiyah: nauka i praktika: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (19-20 fevralya 2019 g., g. Moskva). M, 2019. P. 135-140.
6. News European Parliament. Circular economy: definition, importance and benefits. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/it/headlines/economy/20151201STO05603/economia-circolare-definizione-importanza-e-vantaggi>
7. Nordic Circular Summit 2021. Four Days Exploring the Circular Economy in the Nordic Region. Date Views. URL: www.nordiccircularsummit.com
8. Novosti OON. Global'nyj vzglyad chelovecheskoj sud'by. Doklad. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/07/1381951>

СЕКЦИЯ 4
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА
ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ
ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

АНАЛИЗ УРОВНЯ МОЛОДЕЖНОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается определение молодежной безработицы как важного социально-экономического явления, приводятся её основные черты и характеристики. Приведен анализ молодежной безработицы в Российской Федерации за 2021 год. Отмечается снижение уровня занятости и рост безработицы.

Ключевые слова: молодежная безработица, рынок труда, молодёжная рабочая сила, государственное регулирование.

Кризис российского рынка труда, вызванный противоэпидемиологическими ограничениями, мало повлиял на уровень молодежной безработицы в стране. Тем не менее этот уровень по-прежнему остается высоким, особенно если сравнивать с показателями в европейских странах. Это говорит о том, что молодежная безработица продолжает оставаться актуальным на сегодняшний день вопросом, требующим адекватного практического и теоретического осмысления.

В современном мире молодежная рабочая сила выступает в качестве товара, т.к. имеет свойства покупаться и продаваться и представляет собой индивидуальную способность молодежи к труду, которой обладает конкретный молодой человек и используется им в процессе целенаправленной трудовой деятельности. Молодежная рабочая сила как товар обладает рядом отличительных особенностей:

- цена на молодежную рабочую силу относительно низкая;
- социально-демографическая группа общества, т.е. молодежь является собственником и носителем рабочей силы как товара;
- необходимость постоянного совершенствования и непрерывности приложения рабочей силы молодого поколения [1].

Государственное регулирование молодежной безработицы представляет интерес для политологов, социологов, управленцев точки зрения поиска оптимальных механизмов, обеспечивающих эффективную реализацию данного процесса в современных социально-экономических условиях [2].

В настоящее время во всем мире лидирующие позиции занимает «активное» государственное регулирование молодежной безработицы, так как это позволяет стимулировать инициативу самих молодых людей для предотвращения или разрешения проблемы незанятости, кроме того, приносит значительную экономию государственному бюджету.

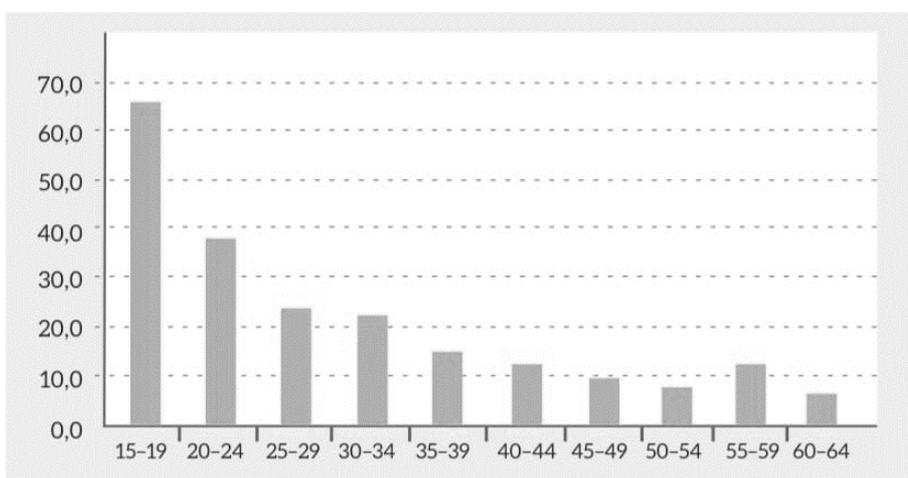
Государственное регулирование молодежной безработицы осуществляется посредством различных механизмов. К ним относятся финансово-кредитные, налоговые, инвестиционные, нормативно-правовые и организационно-управленческие механизмы.

Нормативно-правовые и организационно-управленческие механизмы занимают особое место в государственном регулировании, так как под ними понимается интегрированная система средств, обеспечивающих реализацию государственного регулирования молодежной безработицы на различных уровнях власти: федеральном и региональном [3].

Уровень безработицы определяют, как процент безработного экономически активного населения, показывает степень невостребованности предложения рабочей

силы в стране. Данный показатель иногда также используют в общем смысле как индикатор здоровья экономики, а не только рынка труда. Уровень безработицы среди конкретной категории лиц, например, мужчин, женщин, молодежи, взрослых, по географическим регионам или определенным профессиям и отраслям экономической деятельности, указывает на группы работников, секторы экономики или регионы, наиболее пострадавшие от безработицы.

Безработица, как правило, больше затрагивает молодежь, чем взрослое население. И потому уровень безработицы среди молодых людей почти всегда выше, чем среди взрослых. Это явление можно отследить на рисунке.

Распределение уровня безработицы по возрастам

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики [4] уровень занятости населения в январе 2022 года в Российской Федерации составил 58,5% (см. таблицы 1-2).

Таблица 1. Численность рабочей силы

	Январь 2022 г	2021 г		
		Январь	Декабрь	В среднем в год
Рабочая сила в возрасте от 15 лет и старше	75048	74843	75205	74923
Занятые	70731	71361	70772	70601
Безработные	4317	3482	4433	4321

Таблица 2. Доля рабочей силы

	Январь 2022 г	2021 г		
		Январь	Декабрь	В среднем в год
Уровень участия в рабочей силе	62,1	61,9	62,2	62,0
Уровень занятости	58,5	59,1	58,6	58,4
Уровень безработицы	5,8	4,7	5,9	5,8

Из таблиц 1-2 видно, что уровень занятости населения с января 2021 года по январь 2022 года сократился, а уровень безработицы увеличился, также вырос уровень участия в рабочей силе.

Исходя из рассмотренных данных, можно сделать вывод, что просматриваются положительные тенденции на рынке труда. В январе 2022 года показатель рабочей силы и уровня участия в ней имел значение выше среднего показателя предыдущего года. Кроме того, значение безработицы в новом году вышло на самый маленький уровень по сравнению с прошедшим годом.

Список литературы

1. Бабушкина Т., Гарсия-Исер М. Молодежь на рынках труда и образовательных услуг // Человек и труд. 2011. № 6.
2. Долгова А. Полная и эффективная занятость молодежи - условие повышения конкурентоспособности страны // Человек и труд. 2010. № 8.
3. Стазаева И.В. Безработная молодежь в социальной структуре и политической жизни современного российского общества. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1996. 19 с.
4. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

Информация об авторах

Батыршина Эльвина Ильшатовна (Россия, Уфа) – студент, Башкирский государственный университет (450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: Elvinkaa123@gmail.com).

Бикмаева Алия Динмухаматовна (Россия, Уфа) – кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО Башкирский государственный университет (450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: rakhmatullinaad@gmail.com).

Batyrshina E.I.

ANALYSIS OF YOUTH UNEMPLOYMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article discusses the definition of youth unemployment as an important socio-economic phenomenon, its main features and characteristics are given. An analysis of youth unemployment in the Russian Federation for 2021 is also provided. It is shown that employment declines and unemployment rises.*

Key words: *youth unemployment, labor market, youth labor force, state regulation.*

Information about authors

Batyrshina Elvina I. (Russia, Ufa) – student, Bashkir State University (address: 450076, Russia, Ufa, Zaki Validi st., 32; tel. +7 (347) 229-97-21. E-mail: Elvinkaa123@gmail.com).

Bikmaeva Aliya D. (Russia, Ufa) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (address: 450076, Russia, Ufa, Zaki Validi str., 32; tel. +7 (347) 229-97-21. E-mail: rakhmatullinaad@gmail.com).

Bibliography

1. Babushkina T., Garcia-Iser M. Youth in the labor markets and educational services // Man and Labor. 2011. № 6.
2. Dolgova A. Full and effective employment of youth - a condition for increasing the competitiveness of the country // Man and labor. 2010. № 8.
3. Stazaeva I.V. Unemployed youth in the social structure and political life of modern Russian society. Saratov: Sarat Publishing House. un-ta, 1996. 19 p.
4. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СРЕЗ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа качества трудовой жизни населения Вологодской области в разрезе субъективных оценок мужчин и женщин. Показано, что в условиях пандемии мужчины демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности большинством аспектов трудовой жизни.

Ключевые слова: удовлетворенность трудом, гендерные особенности, регион, оплата труда, условия труда, психологический климат.

В условиях интенсификации экономического роста особую роль приобретает повышение качества трудовой жизни (КТЖ) с учетом половозрастных особенностей работающего населения. Как показал анализ отечественной экономико-социологической литературы, во многих исследованиях сферы труда и занятости, в том числе касающихся качества трудовой жизни, основной акцент делается на оценках женщин [2, 3]. Поэтому возникают закономерные вопросы: имеются ли различия между КТЖ мужчин и женщин и по каким компонентам КТЖ эти различия наиболее существенны?

Эмпирическую базу исследования составили результаты социологических опросов населения «Качество трудового потенциала Вологодской области», проведенных в 2018 и 2020 годах на территории Вологодской области. Объем ежегодной выборки – 1500 человек. Место проведения опросов – крупные города (Вологда, Череповец), городские и сельские территории Бабаевского, Великоустюгского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского, Шекснинского районов. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Способ сбора данных: индивидуальное раздаточное анкетирование. Ошибка выборки не превышает 3%. В выборку для анализа вошли респонденты, занятые только на основной работе, имеющие основную и дополнительную работу, сочетающие основную работу со случайными приработками, не имеющие основной работы и занятые только на приработках.

Качество трудовой жизни представляет собой совокупность свойств, складывающуюся в процессе взаимодействия работников и организации, среди которых оплата труда, условия труда, использование и развитие человеческого потенциала, возможности для карьерного роста, устойчивость занятости, психологический климат в трудовом коллективе, взаимодействие с общим жизненным пространством и социальная значимость труда. Анализ основан на авторской методике покомпонентной и индексной оценки КТЖ [1, с. 12-14].

Согласно выполненным расчетам, в 2020 г. сводный и частные индексы удовлетворенности КТЖ оказались выше у мужчин, тогда как по результатам измерений в 2018 г. оценки удовлетворенности КТЖ были выше у женщин (таблица). Данное ухудшение субъективного самочувствия женщин в период пандемии может свидетельствовать о возросших трудностях в их трудовой жизни, о более уязвимом положении работников женского пола.

Для мужчин и женщин характерен рост сводного индекса удовлетворенности КТЖ в начале трудового пути, и далее планомерное снижение вплоть до наступле-

ния пенсионного возраста. Прослеживается влияние наличия детей на значение индексов удовлетворенности КТЖ. Согласно расчетам, в допандемийный (2018 г.) и пандемийный (2020 г.) период у мужчин с детьми сводный индекс (0,450 ед. в 2020 г.) и все частные индексы удовлетворенности аспектами трудовой жизни выше, чем у мужчин без детей (сводный индекс удовлетворенности КТЖ которых составил 0,314 ед. в 2020 г.). У женщин ситуация иная. В 2018 г. большинство индексов удовлетворенности КТЖ у женщин без детей были незначительно больше, чем у женщин с детьми, за исключением оплаты труда (0,165 против 0,063 у женщин без детей). В 2020 г., наоборот, высокие значения сводного и частных индексов удовлетворенности КТЖ характерны для женщин с детьми. Более высокие уровни удовлетворенности работников-женщин с детьми в период пандемии могут свидетельствовать о лучшей защищенности данной категории занятых по сравнению с работниками-женщинами без детей.

Сводный и частные индексы удовлетворенности КТЖ занятого населения Вологодской области в разрезе мужчины – женщины (2018-2020 гг.)

	Частные индексы удовлетворенности КТЖ								Сводный индекс удовлетв. КТЖ
	Оплата труда	Условия и организация труда	Использование человеческого потенциала	Карьерный рост	Устойчивость занятости	Психологический климат	Жизненное пространство	Социальная значимость	
2018 год									
Все занятое население	0,143	0,227	0,307	0,166	1,196	0,548	0,340	0,369	0,327
Мужчины	0,142	0,173	0,257	0,104	1,142	0,497	0,301	0,367	0,291
Женщины	0,144	0,289	0,364	0,239	1,260	0,607	0,385	0,372	0,370
2020 год									
Все занятое население	0,205	0,296	0,369	0,190	0,901	0,577	0,557	0,530	0,390
Мужчины	0,263	0,296	0,396	0,223	1,011	0,580	0,579	0,537	0,417
Женщины	0,135	0,297	0,336	0,151	0,769	0,572	0,530	0,522	0,357
Источник: расчеты автора по данным социологических опросов «Качество трудового потенциала» / ВолНЦ РАН, 2018-2020 гг.									

Далее рассмотрим отдельные составляющие КТЖ.

Средний размер заработной платы в 2020 г. выше у мужчин (29160 руб. против 23034 руб. у женщин). Среди мужчин наиболее низкий уровень доходов наблюдается в самой молодой возрастной группе (от 16 до 24 лет; 21279 руб.), который постепенно увеличивается к возрасту 30-49 лет (30928 руб.), и далее снижается в предпенсионном и пенсионном возрасте. У женщин уровень заработной платы приблизительно одинаков в разных возрастных группах (19534 руб. в возрасте от 16 до 24 лет; 22538 руб. в возрасте от 25 до 29 лет; 23806 руб. в возрасте от 30 до 49 лет; 22078 руб. в возрасте от 50 лет и старше).

Проблема скудной ресурсной базы усугубляется негативными характеристиками опрошенных в части удовлетворенности оплатой труда (рис. 1). Размером оплаты труда, полнотой социального пакета и системой материального стимулирования удовлетворены менее половины опрошенных мужчин и женщин. Особенности состоят в том, что мужчины по сравнению с женщинами проявляют несколько боль-

шую удовлетворенность различными аспектами оплаты труда (особенно в части размера зарплаты – 48% среди мужчин и 42% среди женщин).

Преобладание мужчин в тяжелых и вредных отраслях предопределяет различия в удовлетворенности санитарно-гигиеническими и безопасными условиями труда представителями различных полов (рис. 2). Удовлетворенность женщин санитарно-гигиенической обстановкой и безопасностью труда заметно выше по сравнению с оценкой данного индикатора мужчинами (58% против 49%). Однако значительна доля тех, кто затруднился ответить относительно восприятия указанных условий труда (почти каждый второй опрошенный среди мужчин и женщин). Схожая тенденция в субъективных оценках отмечена и по технической оснащенности рабочего места: удовлетворенность женщин данной составляющей КТЖ выше (55%), чем у мужчин (50%).

Данные опроса выявили незначительные расхождения мнений мужчин и женщин в оценках удовлетворенностью возможностью участия в принятии управленческих решений и работой профсоюзной либо иной рабочей организации. Низкие оценки респондентов в части реализации вышеназванных компонентов – косвенное подтверждение невысокого уровня трудовой демократии, сложившейся на предприятиях.

Рис. 1. Удовлетворенность мужчин и женщин аспектами оплаты труда

Рис. 2. Удовлетворенность мужчин и женщин условиями и организацией труда

Интересны результаты распределения «мужских» и «женских» оценок относительно их профессиональной квалификации, а также имеющихся способностей и склонностей к основной работе. Большая часть респондентов (68% женщин, 62% мужчин) указывают на соответствие профессии (основной работы) личным способностям и склонностям. Однако доля респондентов, работающих по профильному образованию (полученной специальности), оказалась ниже (55% среди женщин, 52% среди мужчин). Главные причины занятости не по профилю полученной специальности одинаковы для мужчин и женщин, а именно неподходящие условия, предложенные работодателем (13% среди мужчин и 17% среди женщин), изменение профессиональных интересов (14% и 11%), отсутствие спроса на данную специальность на рынке труда (по 11%).

Несоответствие основной работы способностям и склонностям работников отражается на реализации личных профессиональных качеств в трудовой деятельности. Респонденты обеих социальных групп чаще всего в качестве основных причин, ограничивающих реализацию своих способностей в профессиональной сфере, называют низкую оплату труда (14-15%), отсутствие интереса к работе (11%) и проблемы со здоровьем (12%). Различия состоят в том, что семейные проблемы, дефицит профессиональных знаний и напряженная атмосфера в коллективе более негативны для женщин и ограничивают проявление их способностей в трудовой сфере, в то время как личная неорганизованность более пагубно воздействует на реализацию трудового потенциала мужчин.

Важной составляющей КТЖ является удовлетворенность в использовании и развитии человеческого потенциала. Более половины работающих мужчин и женщин удовлетворены содержанием выполняемой работы. Чуть менее половины мужчин и женщин положительно оценивают возможности повышения квалификации. Наименьший уровень удовлетворенности отмечается в отношении творческого характера труда, которым удовлетворены по 40% мужчин и женщин.

Анализ характеристик устойчивости занятости не показал существенных различий в оценках двух социальных групп, за исключением некоторого постоянства и большей приверженности мужчин своему месту работы – за всю трудовую жизнь никогда не меняли место работы 56% мужчин, 44% женщин. Если же в течение трудовой жизни наблюдалась смена места работы, то в качестве главных причин указываются низкая заработная плата (39% среди мужчин, 37% среди женщин), плохие условия труда (17 и 22% соответственно), личные обстоятельства (18 и 20%).

Неотъемлемый аспект КТЖ – психологический климат в организации – оценивался респондентами с позиции удовлетворенности отношений с коллегами внутри коллектива и отношений с руководством предприятия. Большая часть работников удовлетворена психологическим климатом в коллективе (61%) и отношениями с руководством организации (55%). Лишь каждый десятый указал на неудовлетворенность отношениями, сложившимися с коллегами (10%) и руководством (12%). Гендерных отличий в оценке данных компонентов не наблюдается.

Взаимодействие индивида с общим жизненным пространством является продолжением в цепочке составляющих компонентов КТЖ. Возможностью сочетать трудовые и семейные обязанности в равной степени удовлетворены мужчины и женщины (по 58%); треть опрошенных в каждой группе затрудняется с ответом (нейтральная оценка). Аналогично распределение в отношении общественной полезности и социальной значимости труда: данным аспектом в равной степени удовлетворены мужчины (55%) и женщины (54%); треть опрошенных в каждой группе затрудняется с ответом.

Таким образом, определены различия в оценках качества трудовой жизни среди мужчин и женщин. В частности, в условиях пандемии мужчины демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности большинством аспектов трудовой жизни. Они более удовлетворены размером заработной платы и полнотой социального пакета, устойчивостью занятости, возможностями карьерного роста. Женщины, в отличие от мужчин, показывают высокую удовлетворенность в отношении санитарно-гигиенической обстановки, безопасности труда и технической оснащённости рабочего места (т.к. мужчины чаще являются сотрудниками в наиболее тяжелых и вредных отраслях экономики). Одинаково низко мужчины и женщины оценивают удовлетворенность возможностью участия в принятии управленческих решений, работой профсоюзной организации, что косвенно подтверждает невысокий уровень трудовой демократии, сложившейся на предприятиях.

Для мужчин и женщин главными причинами, ограничивающими их реализацию в профессиональной сфере, являются низкая оплата труда и отсутствие интереса к работе. Помимо указанных факторов значимыми ограничениями для женщин выступают семейные проблемы и дефицит профессиональных знаний, для мужчин – личная неорганизованность. По таким аспектам трудовой жизни, как психологический климат, возможность сочетать трудовую деятельность и личную жизнь, общественная полезность труда мужчины и женщины в большинстве своем указывают на высокую удовлетворенность.

Список литературы

1. Белехова Г.В. Субъективистский подход к оценке качества трудовой жизни трудоспособного населения региона // Научные исследования и разработки. Экономика. 2019. № 6. С. 9-19. DOI 10.12737/2587-9111-2019-9-19.
2. Константинова Д.С., Кудяева М.М. Дискриминационные различия в заработной плате в России // Дискуссия. 2019. № 92. С. 38–46.
3. Римашевская Н.М. Гендерные асимметрии в современной России // Народонаселение. 2010. № 3. С. 4-18.

Информация об авторе

Белехова Галина Вадимовна (Россия, Вологда) – научный сотрудник лаборатории исследования проблем развития трудового потенциала отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru).

Belekhova G.V.

GENDER SPECIFICITY OF THE QUALITY OF WORK LIFE OF EMPLOYED POPULATION: REGIONAL SECTION

Abstract. *The article presents the results of analysis of population's quality of working life in Vologda Oblast in the context of subjective assessments of men and women. The article gives a comparison of estimates in the pre-pandemic and pandemic periods. It is shown that in a pandemic, men demonstrate a higher level of satisfaction with most aspects of working life.*

Key words: *job satisfaction, gender specificities, region, salary, working conditions, psychological climate.*

Information about author

Belekhova Galina V. (Russia, Vologda) – researcher of the Way and Standard of Living Researching Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda Region, 160014, Russia; e-mail: belek-galina@yandex.ru).

Bibliography

1. Belekhova G.V. Subjective approach to assessment quality of working life of working-age population of the region // Scientific Research and Development. Economics. 2019. Vol. 7. No. 6. P. 9-19. DOI 10.12737/2587-9111-2019-9-19 (In Russ.).
2. Konstantinova D.S., Kudaeva M.M. Discriminatory wage differentials in Russia // DISCUSSION. Journal of scientific publications on economic. 2019. No. 92. P. 38-46 (In Russ.).
3. Rimashevskaya N.M. Gender asymmetries in modern Russia // Population. 2010. No. 3. P. 4-18 (In Russ.).

ПРОБЛЕМА ВОСТРЕБОВАННОСТИ ФИНАНСОВЫХ МЕНЕДЖЕРОВ НА РЫНКЕ ТРУДА

Аннотация. *Автором проведено исследование работодателей, выявившее основные формы и показатели их коллаборации с вузовской системой. Определены направления совместной деятельности в области организации практики и формирования компетенций финансовых менеджеров.*

Ключевые слова: *финансовые менеджеры, работодатели, практико-ориентированная подготовка, студенты.*

Рынок труда – основная и значительная сфера жизнедеятельности человека, которая не стоит на одном месте. Усовершенствование техники и появление новых технологий оказывают значительное влияние на востребованность профессий, а также на появление новых специалистов в разных сферах деятельности, в частности и в финансовой.

Рынок труда на сегодняшний день невозможно прогнозировать, наше общество все еще находится на этапе реформирования и часто социально-экономическая сфера страдает от несистемных трансформаций. Из-за увеличения информационного потока, глобализации и цифровизации происходят качественные изменения на рынке труда, перевес специалистов одних направлений подготовки при колоссальном дефиците других. Выпускники остаются невостребованными после получения диплома. Безусловно, те специалисты, которые уже имеют высшее образование, встают на траекторию постоянного обучения, но имеющиеся проблемы формируют гигантский провал между сторонами одной системы – вузом, работодателями и самими выпускниками. Часто работодатели проявляют излишне высокие требования к выпускникам. Компетенции будущих финансовых менеджеров формируются иногда без учета потребности в реальном секторе. Потребители системы высшего образования остаются не удовлетворены качеством выпускников, производители не имеют связи со сферой рынка труда для обеспечения нужными компетенциями. Кадровая политика большинства российских организаций ориентирована в основном на достижение текущих результатов, а не на перспективное развитие; вузы же должны строить свой учебный процесс на перспективу, готовя специалистов с ориентацией на опережающий спрос на рабочую силу. Возникает разрыв между двумя системами, которые должны работать в прочной связке. Отсутствует государственное регулирование прямой и обратной связи между рынком образовательных услуг и запросами работодателей. Поэтому данные виды коллаборации необходимо продумывать самим вузам либо работодателям

Для качественной подготовки высококвалифицированных специалистов в процессе реализации основных образовательных программ необходимо тесное взаимодействие вузов, вузов и работодателей. Работодатели и рынок труда должны предъявлять определенные требования к процессу подготовки обучающихся, а вузы, вузы как поставщики образовательных услуг их удовлетворять.

Полноценная подготовка специалистов сводится к освоению ими не только универсальных и общепрофессиональных, но и основных профессиональных компетенций, таких как умение взаимодействовать с потребителями услуг и вовремя

принимать грамотные управленческие решения, влияющие на конечный результат. Все это невозможно без взаимодействия с работодателями и корректировки образовательного процесса с их участием [1, с. 57].

Результаты мониторинга удовлетворенности работодателей качеством подготовки финансовых менеджеров говорят о низком уровне сформированности профессиональных компетенций, необходимых им для дальнейшей профессиональной деятельности, так как часто наблюдается отсутствие обратной связи между потребителями и производителями образовательных услуг [2, с. 96].

Важнейшим показателем качества образования любого учебного заведения системы СПО является, в первую очередь, трудоустройство выпускников и начало их профессиональной деятельности по полученной специальности [3, с. 169].

В последние годы во всем мире ведутся активные поиски в области обновления содержания образования. Прогрессивным подходом для обновления содержания общего и среднего специального образования является грамотный подход, который «предполагает усиление практической направленности образования». Образование должно подготавливать квалифицированных специалистов, которые способны будут к работе по своей специальности, а самое главное к собственному саморазвитию. Благодаря этому наблюдается явное повышение интереса работодателей.

Выпускники СПО настроены самостоятельно решать проблемы, связанные с трудоустройством. Неопределенность ситуации на рынке труда, отсутствие работы для выпускников, переизбыток выпускников некоторых специальностей приводят к тому, что специалист вынужден самостоятельно искать работу. Часто это приводит к тому, что специалист вынужден устраиваться на работу не по специальности и заново обучаться, что ведет к затрате как его личных средств и времени. Несмотря на то, что студент хоть и потратил свое время на получение образования, в котором он не видит перспективы, будущий специалист должен продолжить заниматься и решить данную проблему до тех пор, пока он не приобретет необходимые навыки в цивилизованном рынке труда. [4, с. 60].

Решение данной проблемы проявляется благодаря взаимодействию рынка труда с рынком образовательных услуг.

Проблема качества подготовки финансовых менеджеров кроется в недостаточном или полном отсутствии взаимодействия вузов и предприятий финансовой сферы. В связи с этим, очевидно, что работодателям необходимо принимать участие в образовательном процессе и вносить свои коррективы в формулировку и реализацию профессиональных компетенций, отвечающих как отдельным работодателям, так и рынку труда в целом.

Для повышения качества подготовки финансовых менеджеров в вузах необходимо большую часть времени выделять на проведение практико-ориентированных занятий и организацию отдельных видов практик, предусмотренных учебным планом, с возможностью прохождения практики на предприятиях и в организациях финансовой сферы. Между вузами и работодателями должны быть заключены договора на прохождение практики студентами [5, с. 5].

Наиболее приемлемой моделью коллаборации образовательных учреждений и работодателей финансовой сферы является подготовка обучающихся по целевым запросам предприятий частного и государственного сектора. В каждом конкретном случае финансирование образовательной траектории будет определяться индиви-

дуально. Либо государственным заказом, либо предприятия-заказчики самостоятельно могут финансировать образовательную деятельность будущего финансового менеджера.

Развитие социального партнерства на основе договоров о целевом обучении позволит вузам и работодателям сформировать практико-ориентированное образовательное пространство, работодателям обучить высококвалифицированные кадры и адаптировать их в интересах конкретного вида профессиональной деятельности, а вузы в определенном объеме решат проблему мотивации студентов [6, с. 134].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- работодателям необходимо принимать участие в образовательном процессе и вносить свои коррективы в формулировку и реализацию профессиональных компетенций, отвечающих как отдельным работодателям, так и рынку труда в целом;
- в вузах необходимо большую часть времени выделять на проведение практико-ориентированных занятий и организацию отдельных видов практик, предусмотренных учебным планом, с возможностью прохождения практики на предприятиях и в организациях финансовой сферы. Между вузами и работодателями должны быть заключены договора на прохождение практики студентами;
- привлекать преподавателей-практиков, к проведению практико-ориентированных занятий, в виде деловых игр;
- развивать социальное партнерство на основе договоров о целевом обучении;
- проводить мониторинги удовлетворенности работодателей качеством подготовки выпускников вузов, с целью повышения качества подготовки специалистов-менеджеров.

Необходимо разработать систему практической подготовки финансовых менеджеров, активизировать и внедрить в процесс обучения на всех ступенях новые формы сотрудничества с работодателями.

Список литературы

1. Гирфанова Е.Ю. Компетентностный подход в подготовке финансовых менеджеров в системе непрерывного образования // *Право и образование*. 2021. № 5. С. 57-65.
2. Осипов П.Н., Дулалаева Л.П. Развитие soft skills студентов технического вуза во внеаудиторной деятельности // *Управление устойчивым развитием*. 2020. № 6. С. 95-102.
3. Osipov P., Ziyatdinova J., Girfanova E. Factors and barriers in training financial management professionals // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Т. 916. P. 167-175.
4. Gayazova E.B., Zinurova R.I., Berman S.S. Education management in Russia: theoretical backgrounds // *Managing Sustainable Development*. 2016. № 1 (2). P. 59-64.
5. Осипов П.Н. Обучение в сотрудничестве: плюсы и проблемы // *Право и образование*. 2017. № 10. С. 4-13.
6. Гирфанова Е.Ю. Взаимодействие вузов и работодателей как основа подготовки финансовых менеджеров // *Казанский педагогический журнал*. 2021. № 5(148). С. 132-140.

Информация об авторе

Гирфанова Елена Юрьевна (Россия, Казань) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет (e-mail: Elena-girfanova@mail.ru).

THE PROBLEM OF DEMAND FOR FINANCIAL MANAGERS IN THE LABOR MARKET

Abstract. *The author conducted a study of employers, which revealed the main forms and indicators of their collaboration with the university system. The directions of joint activities in the field of organization of practice and formation of competencies of financial managers are determined.*

Key words: *financial managers, employers, practice-oriented training, students.*

Information about the author

Girfanova Elena Yu. (Russia, Kazan) – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Innovative Entrepreneurship, Law and Financial Management, Faculty of Industrial Policy and Business Administration, Kazan National Research Technological University (e-mail: Elena-girfanova@mail.ru).

Bibliography

1. Girfanova E.Yu. Competent approach in the training of financial managers in the system of continuing education // Law and education. 2021. № 5. P. 57-65.
2. Osipov P.N., Dulalaeva L.P. Development of soft skills of students of a technical university in extracurricular activities // Sustainable development management. 2020. № 6. P. 95-102.
3. Osipov P., Ziyatdinova J., Girfanova E. Factors and barriers in training financial management professionals // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. T. 916. P. 167-175.
4. Gayazova E.B., Zinurova R.I., Berman S.S. Education management in Russia: theoretical backgrounds // Managing Sustainable Development. 2016. № 1(2). S. 59-64.
5. Osipov P.N. Training in cooperation: pros and cons // Law and education. 2017. № 10. S. 4-13.
6. Girfanova E.Yu. Interaction between universities and employers as a basis for training financial managers // Kazan Pedagogical Journal. 2021. No. 5 (148). S. 132-140.

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА: НОВЫЕ СФЕРЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ИНСТИТУТОВ ОБРАЗОВАНИЯ, ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются факторы и тенденции перехода на новую антикризисную адаптивную модель высшего образования в условиях глобальных и региональных вызовов. Обосновано, что мировой кризис оказал общесистемное воздействие на сферы взаимовлияния институтов образования, труда и занятости.

Ключевые слова: высшее образование, мировой кризис, труд, занятость, глобальные вызовы, региональные вызовы, антикризисная адаптивная модель.

На протяжении последних трех десятилетий прослеживается быстрая смена «антикризисных адаптивных» моделей высшего образования в России. Процессы в сфере высшего образования носят закономерный характер и отражают исторически обусловленные кризисные периоды в развитии общества. Переход от советского к постсоветскому периоду в общественном развитии с необходимостью отражает и смену «фундаментальной» модели высшего образования советского времени «поисковой» антикризисной адаптивной моделью 1990-х гг. Как в советский, так и в постсоветский периоды прослеживаются разноуровневые интеграционные процессы в сфере образования, устанавливаются традиционные и новые типы взаимосвязей образования, труда и занятости. В рассматриваемые периоды модели высшего образования также носят адаптивный характер, соответствуя стратегическим целям и задачам государственной политики в сфере высшего образования и социально-экономического развития страны. На всех этапах реализуются приоритетные направления кадровой политики регионов, отражающие сохранение и накопление трудового потенциала и человеческих ресурсов. Отметим, что до конца XX в. мировые процессы и тенденции не имели доминирующего влияния на российскую систему высшего образования. Инновационные образовательные процессы в России во многом отражали модернизацию отечественного образования.

Трансформация цели и ценностей высшего образования в России на рубеже XX-XXI вв. в условиях новых глобальных и региональных вызовов, широкая модернизация его институциональных оснований, новые векторы социально-экономического, социально-политического и социально-демографического развития страны и регионов явились теми основными факторами, которые предопределили выбор новой модели развития образования. Наряду с внутренними вызовами на выбор новой интеграционной модели высшего образования («вхождение в Болонский процесс») повлиял целый ряд факторов. Среди таких факторов огромную роль сыграли уже нарастающие процессы международной кооперации в научно-исследовательской сфере и интернационализация высшего образования, развитие мировых и национальных рынков образовательных услуг. На региональном уровне в нач. 2000-х гг. уже прослеживалась интеграция системы образования и науки с информационными и инновационными центрами мирового уровня. Если в рамках Болонского процесса речь шла о вхождении в европейское научно-образовательное пространство [3], то в последнее десятилетие – в мировое научно-образовательное пространство в целом. Соответственно, характер и направленность инновационных образователь-

ных процессов в России в этот период свидетельствует о выходе на новый этап модернизации и интернационализации высшего образования [4].

На процессы интеграции большое влияние оказало установление новых типов партнерских отношений высшего образования с органами власти и бизнес сообществом [5]. Мировой экономический кризис во многом способствовал актуализации вопросов, связанных с необходимостью повышения эффективности механизмов государственной поддержки «территорий инновационного развития», развития сотрудничества университетов, науки, органов власти, производства и бизнеса.

Исследования мировых финансовых и экономических кризисов по силе и масштабности воздействия на общественное развитие позволяют сделать заключение, что высшее образование как социальный институт и система интеграционных взаимосвязей переживает перманентный мировой кризис. Благодаря выходу на мировой рынок научно-образовательных услуг национальная система образования в настоящее время подвержена многочисленным угрозам и вызовам. Ориентация на международные рейтинги, внедрение показателей эффективности деятельности образовательных организаций с учетом мировых тенденций, повышение статуса вузов и научных институтов до лидеров мировых центров, - создали целую систему взаимозависимостей образовательных и научных организаций, подверженную влиянию глобальных угроз.

Взаимосвязям глобальных и региональных воздействий в развитии современных обществ были посвящены международные научно-практические конференции, проведенные в 2020-2021 гг. на базе Иркутского государственного университета: «Пространства социальной напряженности, глобальные и региональные вызовы и акторы устойчивого развития в современную эпоху: консенсусные стратегические взаимодействия и новые прорывы» (г. Иркутск, 10-11 декабря 2020 г.) [6]; «Взаимосвязь глобальных и региональных воздействий в системе современных обществ: трансформации социальных пространств, социально-демографические изменения и пандемические процессы» (г. Иркутск, 17-18 декабря 2021 г.) [1]. Полагаем, что в последние годы отчетливо прослеживаются тенденции к углублению мирового кризиса, характеризующегося в категориях «глобальной нестабильности». В соответствии с новым глобальным дискурсом на площадках конференций справедливо фокусируется внимание «...на внешних и внутренних факторах и ключевых акторах устойчивого развития «постиндустриальных» обществ нач. XXI века, переживающих, с одной стороны, информационно-технологический, «цифровой» этап, с другой стороны, «пандемическую детерминацию» с непредсказуемыми последствиями для своей эпохи» [2, с. 17]. Речь идет о предпосылках возникновения новых кризисных, а значит конфликтных ситуаций в мировом масштабе. Высшее образование, рынок труда, сфера занятости и миграционные процессы в их взаимосвязи в условиях нарастания социальной напряженности приобретают обостренное звучание на всех уровнях. Поставленные вопросы и их обсуждение на конференциях дали основание для выделения отдельной отрасли социологической науки – «социологии социальной напряженности».

Обострение мирового кризиса, сопровождающегося информационными и экономическими войнами, приводит к стремительному росту глубинных трансформационных процессов и взаимовлияний социальных институтов, в числе которых институты образования, труда и занятости. Современный общесистемный кризис экономики, финансовой сферы, политики, культуры, демографической и других

сфер общества с нарастанием пандемических процессов, с одной стороны, во многом усилил взаимосвязь и взаимозависимости глобальных и региональных воздействий, с другой стороны, способствовал их разрушению и возникновению новых. Как следствие, произошел цивилизационный сдвиг социальных, национальных и территориальных идентичностей.

Таким образом, мы констатируем, что в новых условиях углубления мирового кризиса формируется принципиально новая модель высшего образования в России, которую можно также охарактеризовать как антикризисную адаптивную модель интегративного характера. Среди основных факторов перехода на новую образовательную модель следует выделить: эффективное государственное управление и регулирование (22,1%); эффективность стратегий национальной безопасности, социально-экономического развития, инновационного развития (16,9%); развитие гражданского общества (13,9%); эффективность механизмов борьбы с социальными болезнями, эпидемиями и пандемиями (12,8%); технологии управления новыми вызовами и рисками (9,4%); технологии преодоления социальной турбулентности (8,7%); наличие национальной идеологии (7,7%); стратегии и опыт ведения информационных войн (5,5%) и др. Данные приведены по результатам онлайн опроса населения Иркутской области «Новые кризисы и социально-турбулентные процессы», проведенного Социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» в июле 2020 года (научный руководитель проекта – доктор социологических наук, профессор Т. И. Грабельных). Всего было опрошено 1319 чел., ошибка выборки составила 2,7%. Проведение исследования предусматривало выработку новых критериев достижения социальной устойчивости при нарастании кризисных явлений в обществе в условиях современных вызовов. По данным исследования видно, что на сегодняшний день существует достаточно высокий спрос на эффективную модель общественного развития, позволяющую поддерживать устойчивость социальных взаимосвязей.

Для анализа ситуации в сфере труда и занятости большое значение имеет показатель, отражающий положение экономических секторов в России, наиболее подверженных социальным потрясениям (нарастанию кризисных явлений), в том числе в период пандемии. В рамках проведенного исследования было выявлено, что наиболее подвержен социальным потрясениям малый бизнес (42,6%), средний бизнес (22,6%) и негосударственный сектор (общественные объединения и организации, НКО) (15,4%). На уровне общественного мнения государственный сектор (7%) и крупный бизнес (8%) видятся наиболее устойчивыми социальными структурами, адаптирующимися к современным кризисным явлениям.

Представляют интерес результаты экспертного опроса, проведенного Социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ», среди ведущих работодателей Иркутской области в формате мониторингового исследования в октябре-ноябре 2019 г. В исследовании приняло участие 242 работодателя из более 230 учреждений и предприятий различных форм собственности - как государственных (41,3%), так и бизнес структур различных видов экономической деятельности (44,6%). Также были опрошены руководители социально-ориентированных некоммерческих общественных организаций соответствующего профиля деятельности (14,1%).

Обнаружилось, что на момент проведения исследования оценка качества взаимодействия работодателей с вузами Иркутской области по ключевым вопросам

подготовки кадров достаточно высокая. Так, вариант ответа «высокий уровень взаимодействия, имеют место согласованность и соответствие современным требованиям реального сектора экономики» составил 34,5%; на «средний уровень взаимодействия, когда прослеживается заинтересованность и открытость с обеих сторон, но, в то же самое время, имеют место по ряду вопросов несогласованность и позиционный торг» указали 30,7%; «низкий уровень качества взаимодействия с вузами, во многом не соответствующий современным требованиям и реального сектора экономики» получил 20,0% ответов.

Что касается оценки перспектив выпускников иркутских вузов найти свое место на региональном рынке труда в современных условиях, то они, по мнению работодателей, оцениваются как «скорее высокие, чем не высокие (ситуация осложняется колебаниями между спросом и предложением на региональном рынке труда)» – 39,3%; «средние перспективы (рынок перенасыщен)» – 37,2%; на «высокие перспективы (когда рынок готов принять специалистов такого профиля)» указали только 13,6% опрошенных работодателей. При этом, чуть больше половины работодателей планируют в ближайшее время (до 3 лет) привлекать молодых специалистов на вакантные профессии/должности (54,1%).

Полученные данные свидетельствуют, что в условиях мирового кризиса ситуация на рынке труда и занятости по регионам в аспекте трудоустройства выпускников вузов может быть принципиально разная. Каждый вуз в отдельном регионе проводит свою антикризисную адаптивную политику, соответствующую актуальным государственным задачам.

Таким образом, сегодня мы прослеживаем формирование новой модели высшего образования в России в условиях мирового кризиса как антикризисной адаптивной модели, преимущественно ориентированной на возвращение к национальной системе образования. Российская высшая школа за рассматриваемый период прошла, по меньшей мере, четыре этапа модернизации: 1) «поисковый» антикризисный адаптивный (1990-е гг.); 2) инновационный интеграционный этап («вхождение в Болонский процесс»); 3) новый антикризисный интеграционный этап, связанный с расширением международного сотрудничества в условиях мирового кризиса; 4) этап цифровой модернизации высшей школы, обусловленный пандемическими и другими процессами. В настоящее время складываются предпосылки для перехода на новую национальную модель образования, более устойчивую к глобальным угрозам и мировым кризисам. Следствием этих процессов неизбежно видится установление новых сфер взаимодействия институтов образования, труда и занятости с учетом динамики спроса и предложения на мировом, национальном и региональном рынках труда.

Список литературы

1. Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сборник научных. Иркутск: Издательство ИГУ. 2021. 463 с. DOI: <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463>
2. Грабельных Т.И. Предисловие // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. Иркутск: Издательство ИГУ. 2020. С. 17-19. DOI: <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1882-7.2020.1-537>
3. Ключевые проблемы перехода Иркутского государственного университета на новую модель образования (по результатам социологических исследований). Иркутск: НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН. 2008. 120 с.

4. Новый этап модернизации и интернационализации высшего образования: базовые индикаторы: науч.-метод. Материалы. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2013. 481 с.
5. Подготовка специалистов для экономики и социальной сферы региона: приоритеты инновационной политики в образовании, науке, экономике: сб. науч. трудов. Иркутск: РИО НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН. 2009. 220 с.
6. Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск: Издательство ИГУ. 2020. 537 с. DOI: <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1882-7.2020.1-537>

Информация об авторах

Грабельных Татьяна Ивановна (Россия, Иркутск) – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной философии и социологии, заведующая социологической лабораторией региональных проблем и инноваций Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 3, каб. 105 «В»; e-mail: tagr@bk.ru).

Саблина Наталья Александровна (Россия, Иркутск) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, старший научный сотрудник социологической лаборатории региональных проблем и инноваций Института социальных наук ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 3, каб. 105 «В»; e-mail: nsablina@bk.ru).

Grabelnykh T.I., Sablina N.A.

MODERN MODEL OF HIGHER EDUCATION IN CONDITIONS OF THE WORLD CRISIS: NEW AREAS OF INTERACTION OF INSTITUTIONS OF EDUCATION, LABOR AND EMPLOYMENT

Abstract. *The article discusses the factors and trends of transition to a new anti-crisis adaptive model of higher education in the face of global and regional challenges. It is substantiated that the global crisis had a system-wide impact on the spheres of mutual influence of the institutions of education, labor and employment.*

Key words: *higher education, global crisis, labor, employment, global challenges, regional challenges, anti-crisis adaptive model.*

Information about authors

Grabelnykh Tatyana I. (Russia, Irkutsk) – Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Professor of the Department of Social Philosophy and Sociology, Head of the Sociological Laboratory of Regional Problems and Innovations of the Institute of Social Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Irkutsk State University” (664025, Irkutsk, st. Lenina, 3, room. 105 “B”; e-mail: tagr@bk.ru).

Sablina Natalia A. (Russia, Irkutsk) – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor of the Department of Social Work, Senior Researcher of the Sociological Laboratory of Regional Problems and Innovations of the Institute of Social Sciences of the FGBOU HE “Irkutsk State University” (664025, Irkutsk, st. Lenina, 3, room. 105 “B”; e-mail: nsablina@bk.ru).

Bibliography

1. Global and regional impacts in the system of modern societies: a collection of scientific papers. Irkutsk: IGU Publishing House, 2021. 463 p. DOI: <https://doi.org/978-5-9624-1995-4.2021.1-463>.

2. Grabelnykh T.I. Foreword // Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the XXI century: Sat. scientific tr.. Irkutsk: IGU Publishing House. 2020. P. 17-19. DOI: <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1882-7.2020.1-537>
3. Key problems of the transition of the Irkutsk State University to a new model of education (according to the results of sociological research) / T.I. Grabelnykh, I.N. Gutnik, V.A. Reshetnikov et al. from.
4. New stage of modernization and internationalization of higher education: basic indicators: scientific method. materials: scientific method. materials. Irkutsk: IGU Publishing House. 2013. 481 p.
5. Training of specialists for the economy and social sphere of the region: innovation policy priorities in education, science, economics: collection of scientific papers. Irkutsk: RIO NTs RVH VSNTs SO RAMN. 2009. 220 p.
6. Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the 21st century: Sat. scientific tr. Irkutsk: IGU Publishing House. 2020. 537 p. DOI: <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1882-7.2020.1-537>.

ДУАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ: ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

***Аннотация.** В статье рассмотрен опыт внедрения дуального обучения в высших учебных заведениях. Раскрыта сущность дуального обучения, определены его преимущества и особенности реализации в условиях пандемии. Выявлены основные предпосылки развития дуального обучения.*

Ключевые слова: дуальное обучение, вуз, предприятие, работодатель, учебный план.

Актуальность дуального обучения обусловлена его ориентированностью на практическую подготовку студентов, возможностью прохождения обучения в реальных производственных условиях, более тесной интеграцией теории с практикой, чем традиционное обучение. Это позволяет повысить профессиональную компетентность выпускников, улучшить их востребованность на рынке труда, сократить до минимума период адаптации молодых специалистов на первых рабочих местах. Целесообразность исследования в области дуального обучения обусловлена имеющимися в Республике Беларусь предпосылками для его внедрения в систему высшего образования и преимуществами, которые оно дает вузам, студентам и работодателям. В условиях пандемии дуальное обучение имеет ряд особенностей, которые в отдельных сферах делают его удобной и эффективной формой обучения, а в других сферах – накладывают ограничения на его осуществление.

Целью статьи является анализ опыта внедрения, преимуществ и выявление особенностей дуального обучения в условиях пандемии.

Под дуальной системой образования понимают систему, когда образование молодых людей по признанной профессии происходит согласованно (часто параллельно) в двух организациях – с одной стороны – это вуз, а с другой – обучающее предприятие-партнер. Обучающее предприятие-партнер принимает на работу и дуальное обучение абитуриента (в рамках трехстороннего договора абитуриент-предприятие-вуз), несет до 60% расходов на обучение и, впоследствии, принимает на работу подготовленных таким образом специалистов на должности, соответствующие полученной квалификации.

Оба учреждения (обучающее предприятие-партнер и вуз) являются по отношению друг к другу независимыми партнерами. Учебная программа формируется по заказу и при участии предприятия-работодателя. В роли преподавателей на производстве выступают специально подготовленные сотрудники обучающего предприятия-партнера. Хотя дуальное обучение является составной частью дуального образования, его элементы могут внедряться и в традиционный образовательный процесс в качестве эксперимента по отдельным спецкурсам.

Дуальному обучению посвящено большое число научных работ отечественных и зарубежных ученых. Среди общетеоретических исследований следует выделить фундаментальный обзор «Дуальное профессиональное образование и обучение», выполненный под руководством М. Ягера [6]. В нем рассмотрена сущность дуального образования, ограничения по его внедрению, различные сценарии внедрения системы дуального обучения (в том числе кластеры и инновационные образовательные институты), приведены анкеты для оценки внедрения дуального обучения. Ис-

следование выполнено в мае 2016 года на базе Донорского комитета по дуальному профессиональному образованию и обучению, объединяющему представителей 4 стран – Австрии, Германии, Швейцарии и Лихтенштейна.

Отраслевые исследования показывают, что сферы внедрения дуального обучения могут быть достаточно разнообразны, но в основном это технические и высокотехнологические направления, а также культура и искусство, где практическое обучение имеет наивысшую важность. Среди отраслевых исследований следует отметить работу словацкого ученого С. Козака, в которой рассмотрены особенности обучения мультидисциплинарному направлению – мехатронике и описано применяемое при этом сложное техническое обеспечение, доступное для вуза благодаря дуальному обучению [7]. Р. Холощук, В. Пасичник, Н. Кунанец, Н. Веретенникова разработали ряд информационных моделей (тематическую, семантическую и процедурную предметные модели, функциональную объектную модель) дуального обучения в сфере информационных технологий [5]. Г.И. Егорова, А.Н. Егоров, Н.И. Лосева, Е.Л. Беляк и О.М. Демидова рассматривают вопросы развития профессиональных компетенций бакалавров в инженерно-технологической сфере в условиях дуального образования [4]. С. Сошенко, К. Сизова, А. Шмелева исследовали процесс внедрения элементов дуального обучения при подготовке инженеров-электриков [8].

Помимо технической сферы, важным и актуальным является внедрения дуального обучения в области культуры и искусств, что стало предметом статьи И.Б. Игнатовой и А.Е. Покровской на примере Белгородского государственного института искусств и культуры [3]. «Экспериментальное обучение показало, что ... выпускники вуза, получившие углубленную практическую подготовку по дуальной форме обучения, более востребованы на рынке труда» [3, с. 148]. При этом внедрение дуального образования привело к росту «объёма практической подготовки студентов ... высшего образования – на 60%, магистратуры – на 50%» [3, с. 155].

Авторами настоящей статьи ранее проводились исследования в области дуального обучения в автомобильной промышленности [9], в области информационных технологий [1], а также изучался опыт дуального обучения в отдельных университетах [1-2].

Обзор литературы позволяет сделать следующие выводы. Среди проблем в сфере образования одной из наиболее важных является недостаточная согласованность теоретического и практического обучения, а также ограниченность практической подготовки (особенно по техническим направлениям вследствие ограниченности доступа вузов к дорогостоящему оборудованию).

Дуальное обучение помогает эту проблему решить, оно все шире распространяется в мировом образовательном пространстве, поскольку позволяет более тесно интегрировать теоретическую и практическую составляющие образовательного процесса, проводить обучение студентов и учащихся на реальных рабочих местах и тем самым повысить качество их подготовки и востребованность на рынке труда. Не исследованы особенности и возможности дуального обучения в условиях пандемии.

Преимущества дуальной системы по сравнению с традиционной состоят в следующем:

- дуальная система подготовки специалистов устраняет основной недостаток традиционных форм и методов обучения – разрыв между теорией и практикой;
- дуальная система обучения создает для студентов высокую мотивацию получения знаний и приобретения навыков в работе, т.к. качество их знаний напрямую связано с выполнением служебных обязанностей на рабочих местах;

- учебное заведение, работающее в тесном контакте с заказчиком, учитывает требования, предъявляемые к будущим специалистам в ходе обучения.

В настоящее время элементы дуального обучения широко используются в процессе подготовки специалистов с высшим образованием в различных белорусских вузах, но целостной системы дуального обучения в Республике Беларусь не существует.

В белорусских университетах реализуются следующие элементы дуального образования, которые в перспективе могут стать основой для создания такой системы.

1. Целевая подготовка специалистов. При этом обучение будущего специалиста оплачивается организацией, в интересах которой осуществляется его подготовка. Заключается договор между вузом, предприятием и обучающимся. После окончания обучения выпускник, заключивший договор с организацией обязан отработать в ней срок, указанный в договоре. Такая система взаимодействия реализована в БГУИР.

2. Активное участие организаций-партнеров в подготовке специалистов. Под организациями-партнерами понимаются базовые организации, с которыми вуз заключил договор о взаимодействии. Ежегодно эти организации уточняют свои потребности в специалистах, по соответствующим специальностям. В вузах создаются филиалы кафедр (БГУИР, БНТУ, БГЭУ, ГГТУ им. П.О. Сухого и др). На базе этих филиалов организуются и проводятся плановые занятия (в основном лабораторные и практические), организуется и проводится курсовое проектирование по тематике организаций, проводятся все виды практик, в том числе и преддипломная. Дипломным проектированием руководят работники организаций-партнеров. Преподаватели знакомятся с новыми технологиями и современными разработками. Занятия со студентами частично ведут работники предприятий.

Например, ИООО «ЭПАМ Системз» (партнер БНТУ) имеет свой учебный центр, в котором квалифицированные сотрудники данной компании (в том числе имеющие ученые степени) совмещают работу над реальными бизнес-проектами с преподавательской деятельностью.

3. Совмещение учебы в вузе с работой в организациях-партнерах. Более 30% студентов обучающихся по некоторым специальностям, начиная с третьего курса (с разрешения вуза) работают на часть ставки в организациях-партнерах.

4. Индивидуальный отбор кандидатов при распределении. В настоящее время, при распределении студентов практически все организации и предприятия начали принимать молодых специалистов только после тщательной проверки их компетенций.

Оценка компетенций проводится во время собеседования, испытательного срока, практики, выполнения индивидуальных заданий и другими способами. В настоящее время предприятия уже практически не дают университету на распределение общих заявок с указанием требуемого количества специалистов по той или иной специальности. Большинство предприятий дают заявки, в которых указываются конкретные фамилии выпускников, прошедших оценку своих компетенций.

5. Высокий удельный вес в учебных планах практической подготовки. Например, в Гомельском государственном техническом университете им. П.О. Сухого учебный план специальности 1-51 02 02 «Разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений» обучения содержит продолжительные производственные и преддипломную практики, в сумме на 4-ом и 5-ом курсах количество часов аудиторных занятий примерно соответствует количеству часов практики.

В условиях пандемии единственно эффективной формой обучения является дистанционная. На дуальное обучение это накладывает следующие особенности.

1. И теоретическое обучение в вузе, и практическое обучение на предприятии проходит удаленно. Для предприятий это означает, что студентам не нужно предоставлять рабочие места. С другой стороны, специалисты предприятий, занятые в учебном процессе, по-прежнему должны выделять часть своего рабочего времени на проведение занятий со студентами.

2. Для предприятий, деятельность которых связана с необходимостью нахождения на рабочем месте из-за необходимости работы со специальным оборудованием (например, машиностроение, приборостроение), дистанционное дуальное обучение может оказаться неэффективным.

3. Для предприятий, деятельность которых связана с документооборотом, информационными технологиями, маркетингом, различными услугами, дистанционное дуальное обучение приемлемо и более того, является единственной эффективной формой организации дуального обучения в условиях пандемии.

Для успешного распределения выпускников вузам необходимо готовить специалистов, соответствующих требованиям работодателей. Обучение таких специалистов без участия организаций-работодателей не всегда эффективно. Для предприятий, которые выступают ассоциированными партнерами вузов, практическая значимость состоит в более качественной подготовке будущих сотрудников данных предприятий, их вовлеченности в производственный процесс на этапе получения высшего образования, отсутствии необходимости дообучения или переподготовки прошедших дуальное обучение выпускников.

Список литературы

1. Железко Б.А. Дуальное обучение и ИТ-предпринимательство как перспективы развития образования в области информационных технологий // Экономика. Управление. Инновации. 2018. № 1 (3). С. 112 – 116.
2. Железко Б.А. Первый шаг на пути к организации дуального образования в Республике Беларусь: опыт Белорусского национального технического университета // Проблемы современного образования в техническом вузе: материалы VII Международ. науч.-метод. конф., Гомель, 21–22 окт. 2021 г. Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого. 2021. С. 163 – 165.
3. Игнатова И.Б. Дуальное обучение в вузе искусств и культуры – от теории к практике // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. №1. С. 148 – 156.
4. Dual training as a condition of professional competences development for bachelors' in engineering and technology // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. Vol. 677. P. 101 – 110.
5. Holoshchuk R. Information Modeling of Dual Education in the Field of IT / R. Holoshchuk, V. Pasichnyk, N. Kunanets, N. Veretennikova // Advances in Intelligent Systems and Computing IV. Conference on Computer Science and Information Technologies (CSIT 2019). Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol 1080. Springer, Cham. 2020. P. 637 – 646.
6. Jäger M. Dual Vocational Education and Training as an Option in Development Cooperation: Survey of experts on behalf of the Donor Committee for dual Vocational Education and Training: Final Report. Zürich, Switzerland: Donor Committee for dual Vocational Education and Training 2016. 25 p.

7. Kozák Š. Multidisciplinary Approach and Dual Education in Control Engineering for Mechatronics // IFAC-PapersOnLine. 2016. №49 (6). P. 52 – 56.
8. Soshenko S. Implementation of dual education elements into electrical engineers training / S. Soshenko., K. Sizova, A. Shmeleva // Proceedings of the international conference on modern electrical and energy systems (MEES 2019), Kremenchuk, 23-25 September 2019. Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc. 2019. P. 410 – 413.
9. Zhalezka B.A. Dual education in the sphere of automotive industry // Экономическая наука сегодня. 2020. Выпуск 11. С. 151 – 155.

Информация об авторах

Железко Борис Александрович (Республика Беларусь, Минск) – кандидат технических наук, доцент кафедры, Белорусский национальный технический университет (220013, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 65; e-mail: boriszh@yandex.ru).

Синявская Ольга Александровна (Республика Беларусь, Минск) – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Белорусский государственный экономический университет (220070, Республика Беларусь, г. Минск, Партизанский пр., 26; e-mail: olechka_si@mail.ru).

Zhalezka B.A., Siniauskaya V.A.

DUAL EDUCATION: EXPERIENCE OF IMPLEMENTATION AND PECULIARITIES IN PANDEMIC CONDITIONS

Abstract. *In the paper experience of dual education implementation in higher educational institutions is considered. Content of dual education is described, its advantages and peculiarities in pandemic conditions are defined. Main preconditions of dual education development are revealed.*

Key words: *dual education; higher educational institution; enterprise; employer; curriculum.*

Information about authors

Zhalezka Boris A. (Republic of Belarus, Minsk) – PhD in Technical Sciences, associate professor of the Marketing Department of Belarusian National Technical University (220013, Republic of Belarus, Minsk, Nezavisimosti ave., 65, e-mail: boriszh@yandex.ru).

Siniauskaya Volha A. (Republic of Belarus, Minsk) – PhD in Economic Sciences, associate professor of the Department of Industrial marketing and Communications of Belarusian State Economic University (220070, Republic of Belarus, Minsk, Partisan ave., 26, e-mail: olechka_si@mail.ru).

Bibliography

1. Zhalezka B.A. Dual education and IT-entrepreneurship as prospects of education development in the information technologies area // Economics. Management. Innovations. 2018. № 1 (3). P. 112 – 116.
2. Zhalezka B.A. First step on the way to dual education organization in the Republic of Belarus: experience of Belarusian National Technical University // Problems of modern education in the technical higher educational institution: Proceedings of the VII International scientific-methodical conference, Gomel, 21–22 October 2021. Gomel: Sukhoi State Technical University of Gomel, 2021. P. 163 – 165.

3. Ignatova I.B. Dual education at the university of arts and culture: from theory to practice // Herald of Moscow State University of Culture and Arts. 2020. №1. P. 148 – 156.
4. Dual training as a condition of professional competences development for bachelors' in engineering and technology // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. Vol. 677. P. 101 – 110.
5. Holoshchuk R. Information Modeling of Dual Education in the Field of IT / R. Holoshchuk, V. Pasichnyk, N. Kunanets, N. Veretennikova // Advances in Intelligent Systems and Computing IV. Conference on Computer Science and Information Technologies (CSIT 2019). Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol 1080. Springer, Cham. 2020. P. 637 – 646.
6. Jäger M. Dual Vocational Education and Training as an Option in Development Cooperation: Survey of experts on behalf of the Donor Committee for dual Vocational Education and Training: Final Report. Zürich, Switzerland: Donor Committee for dual Vocational Education and Training 2016. 25 p.
7. Kozák Š. Multidisciplinary Approach and Dual Education in Control Engineering for Mechatronics // IFAC-PapersOnLine. 2016. №49 (6). P. 52 – 56.
8. Soshenko S. Implementation of dual education elements into electrical engineers training / S. Soshenko., K. Sizova, A. Shmeleva // Proceedings of the international conference on modern electrical and energy systems (MEES 2019), Kremenchuk, 23-25 September 2019. Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc. 2019. P. 410 – 413.
9. Zhalezka B.A. Dual education in the sphere of automotive industry // Экономическая наука сегодня. 2020. Выпуск 11. С. 151 – 155.

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Проблема качества трудовой жизни относится к числу важнейших в социально-экономическом и общечеловеческом плане. В работе проведен анализ параметров качества трудовой жизни занятого населения России. Особое внимание уделено вопросам обеспечения благоприятных условий труда.

Ключевые слова: трудовая деятельность, качество трудовой жизни, занятое население, условия труда, оплата труда, травматизм.

Вопросы качества трудовой жизни (КТЖ) населения не теряют своей актуальности, поскольку являются важнейшей составляющей экономики современной России. Снижение уровня материального благосостояния значительной части населения предопределило интенсивное экономическое расслоение общества. Так, в РФ более 7% работающих людей не могут гарантировать себе минимальный достаток и относятся по критериям МОТ к работающим бедным – явление, называемое как «финансовая бедность» [1]. Достаточно высока доля работников организаций, занятых во вредных и (или) опасных условиях труда (38%), особенно это касается шумовых воздействий (более 19% из общего числа работающих во вредных условиях) [2].

Таким образом, проблемы повышения качества трудовой жизни на сегодняшний день занимают доминирующее положение, как для самих занятых, так и для Правительства Российской Федерации. Все это актуализирует проблему данного исследования, целью которого является анализ параметров КТЖ для оценки уровня развития экономики, то есть определения насколько сложившаяся экономическая модель способна соответствовать современным стандартам качества трудовой жизни.

Современная концепция КТЖ базируется на положении о прямой связи между уровнем производительности труда и степенью самореализации работника, удовлетворением его жизненных потребностей через трудовую деятельность [3]. Учитывая это, под качеством трудовой жизни мы понимаем совокупность условий организации труда, обеспечивающих физическое, умственное и социальное благополучие работника, способствующих наиболее полной реализации его трудового потенциала».

Важнейшей характеристикой качества трудовой жизни является надёжность сохранения рабочего места, возможность трудоустроиться вновь при его потере [4]. В контексте данных официальной российской статистики возможности занятости для населения в трудоспособном возрасте характеризуются уровнями занятости, зарегистрированной безработицы, коэффициентом напряженности на рынке труда.

Общую информацию об участии населения трудоспособного возраста в трудовых отношениях дают показатели занятости, уровень которой в Российской Федерации равен 64,9% (табл. 1). Как в федеральных округах, так и в целом по стране, наблюдается тенденция повышения уровня занятости – с 61,3% в 2005 г. до 64,9% в 2019 году. Численность занятых в российской экономике 2019 г. составила 71,5 млн. чел., что на 700 тыс. чел. меньше по сравнению с 2018 г. В то же время снизилось и число безработных — с 3,7 млн. в 2018 г. до 3,5 млн. в 2019 году.

Таблица 1. Уровень занятости в РФ, %

Субъект	2005	2010	2015	2017	2018	2019
Российская Федерация	61,3	62,7	65,3	65,5	65,6	64,9
Центральный федеральный округ	63,8	65,1	68,2	69,0	69,3	68,9
Северо-Западный федеральный округ	65,1	66,6	67,9	68,2	67,8	67,4
Южный федеральный округ	57,3	59,6	62,0	62,8	63,1	62,4
Северо-Кавказский федеральный округ	51,5	53,3	58,0	58,3	59,2	57,8
Приволжский федеральный округ	60,9	62,7	65,6	65,1	64,7	63,7
Уральский федеральный округ	62,8	63,6	66,0	65,6	65,8	65,5
Сибирский федеральный округ	60,1	61,5	62,9	62,4	62,6	62,2
Дальневосточный федеральный округ	60,2	61,2	64,2	64,7	65,1	63,9

Средний показатель уровня безработицы в РФ с каждым годом понижался с 2,5% в 2005 г. до 0,9% в 2019 г. (табл. 2). В органах службы занятости РФ в 2019 г. в качестве безработных было зарегистрировано всего 700 тыс. чел., в т. ч. 600 тыс. получали пособие по безработице.

Таблица 2. Показатели рынка труда в РФ

Субъект	Уровень зарегистрированной безработицы, %				Нагрузка незанятого населения в расчете на одну заявленную вакансию, чел			
	2005	2010	2015	2019	2005	2010	2015	2019
Российская Федерация	2,5	2,1	1,3	0,9	2,5	1,8	1,0	0,5
Центральный федеральный округ	1,1	1,2	0,9	0,6	1,0	1,0	0,7	0,4
Северо-Западный федеральный округ	1,7	1,5	0,9	0,8	1,5	1,3	0,9	0,5
Южный федеральный округ	1,6	1,4	0,9	0,7	1,4	1,2	1,0	0,5
Северо-Кавказский федеральный округ	14,6	8,7	3,7	2,6	33,5	25,7	7,0	3,2
Приволжский федеральный округ	1,6	1,8	1,1	0,8	2,1	1,9	1,0	0,5
Уральский федеральный округ	2,0	2,0	1,4	0,9	2,1	1,8	1,2	0,6
Сибирский федеральный округ	3,2	2,4	1,7	1,2	3,5	2,1	1,1	0,5
Дальневосточный федеральный округ	3,6	2,6	1,7	1,2	4,6	1,0	0,8	0,3

Данные таблиц 1,2 говорят о том, что органам власти субъектов Центрального и Северо-Западного федеральных округов стабильно удается обеспечивать достойный уровень занятости и низкий процент безработицы. Самый высокий уровень безработицы отмечен в Северо-Кавказском федеральном округе – 2,6% в 2019 г., что в 2,9 раза выше, чем в среднем по РФ. Главными причинами высокого уровня безработицы и напряженности на рынке труда в Северо-Кавказском федеральном округе выступают высокая доля теневой экономики, неразвитая промышленность, маленькие зарплаты, недостаточное количество рабочих мест для трудоспособного населения.

Кроме того, специфичной для России является чрезвычайная территориальная дифференциация субъектов РФ в величине оплаты труда, которая обусловлена различиями в налоговой базе, природно-климатических условиях, а также политическими обстоятельствами. Так, в 2019 году максимальная среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников фиксировалась в богатом полезными ископаемыми и имеющем незначительную численность населения регионе – Чукотском автономном округе – 107107 руб., а минимальная – 26835 руб. – в Республике Дагестан (табл. 3).

Таблица 3. Субъекты РФ с лучшими и худшими значениями среднемесячной номинальной начисленной заработной платой работников организаций в 2005 и 2019 гг.

Субъекты РФ с лучшими значениями	
2005 год	2019 год
Чукотский автономный округ (23314 руб.)	Чукотский автономный округ (107107 руб.)
Камчатский край (15477 руб.)	Ямало-Ненецкий автономный округ (101012 руб.)
Сахалинская область (15243 руб.)	Магаданская область (94856 руб.)
Магаданская область (14673 руб.)	г. Москва (94294 руб.)
г. Москва (14425 руб.)	Ненецкий автономный округ (88027 руб.)
Субъекты РФ с худшими значениями	
2005 год	2019 год
Республика Северная Осетия-Алания (4722 руб.)	Ивановская область (27553 руб.)
Карачаево-Черкесская Республика (4710 руб.)	Кабардино-Балкарская Республика (27466 руб.)
Кабардино-Балкарская Республика (4653 руб.)	Республика Ингушетия (27410 руб.)
Республика Калмыкия (4495 руб.)	Карачаево-Черкесская Республика (26955 руб.)
Республика Дагестан (3660 руб.)	Республика Дагестан (26835 руб.)

Нельзя не отметить и внушительных межотраслевых различий в уровне оплаты труда. Самый высокий уровень средней заработной платы отмечается у работников, занятых добычей нефти и природного газа (135364 руб.), финансовой и страховой деятельностью (103668 руб.), а самый низкий – в сфере производства одежды (21065 руб.).

Согласно исследованиям, ВЦИОМ, большинство россиян уверено, что даже, если они будут работать больше или более качественно, их зарплата не увеличится. Так считает 68% респондентов. При этом молодежь в возрасте от 18 до 24 лет (63% от числа опрошенных соответствующего возраста) считают, что вырастет.

Устаревшие индустриальные рабочие места являются не только причиной задержки роста производительности труда, но и представляют опасность жизни и здоровью работников, обуславливают высокий уровень производственного травматизма – важнейшего и наиболее статистически доступного показателя качества трудовой жизни. В течение 2 последних десятилетий в России произошли существенные положительные сдвиги в показателях производственного, в том числе смертельного, травматизма. Численность пострадавших в расчёте на 1000 работающих в течение 2000-2019 гг. снизилась с 5,1 до 1,2 случаев, со смертельным исходом – с 0,149 до 0,053 случаев, при этом существенно – с 2,6 раз до 20% – сократился гендерный разрыв в частоте травматизма на производстве, что нельзя не оценить положительно, однако для травматизма со смертельным исходом этот разрыв сохранился, составив 12 раз (табл. 4).

Таблица 4. Показатели производственного травматизма в РФ

Категории	2000	2005	2016	2017	2018	2019
Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве, тыс. человек						
Всего	151,8	77,7	26,7	25,4	23,6	23,3
Мужчины	116,7	57,3	18,6	17,6	16,6	16,3
Женщины	35,1	20,4	8,1	7,8	7,0	7,0
из них со смертельным исходом						
Всего	4,40	3,09	1,29	1,14	1,07	1,06
Мужчины	4,15	2,88	1,21	1,07	1,00	0,99
Женщины	0,25	0,21	0,08	0,07	0,07	0,06

Категории	2000	2005	2016	2017	2018	2019
Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве на 1000 работающих соответствующего пола						
Всего	5,1	3,1	1,3	1,3	1,2	1,2
Мужчины	7,0	4,2	1,6	1,6	1,5	1,4
Женщины	2,7	1,8	0,9	0,9	0,8	0,8
из них со смертельным исходом						
Всего	0,149	0,124	0,062	0,056	0,054	0,053
Мужчины	0,250	0,211	0,103	0,094	0,089	0,087
Женщины	0,020	0,019	0,009	0,008	0,008	0,007
Число человеко-дней нетрудоспособности у пострадавших на производстве						
всего, млн.	4,3	2,5	1,3	1,2	1,2	1,2
на одного пострадавшего	28,3	32,2	49,0	48,7	49,3	50,6

Статистика фиксирует улучшение ситуации и с распространённостью профессиональных заболеваний [5]. За период с 2005 по 2019 год число лиц с впервые установленными профессиональными заболеваниями и отравлениями в России снизилось, по данным Роспотребнадзора, с 8156 до 5520 человек, то есть на 24%, при этом для мужчин, соответственно, с 6353 до 4809 человек, для женщин – с 1803 до 711 человек. Если в 2005 г. численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом составляла 77,7 тыс. чел., то к 2019 году она снизилась 23,3 тыс. чел. Численность смертельных случаев на производстве, показатель более объективный, за данный период сократилась с 3091 до 1060 чел. Количество погибших традиционно остается наиболее высоким, по сравнению с другими видами экономической деятельности, в строительстве, обрабатывающих производствах, сельском и лесном хозяйстве, в сфере транспорта и связи, добыче полезных ископаемых.

В целом в российской экономике намечается ряд позитивных тенденций, среди них – снижение производственного травматизма, как общего, так и смертельного, сокращение количества нарушений трудового законодательства, однако ситуация в сфере обеспечения условий труда всё ещё остаётся неблагоприятной. Практическая значимость исследования заключается в получении информации о качественном уровне компонент КТЖ в Российской Федерации, что позволит учитывать это при разработке управленческих решений в области активизации трудовой деятельности.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-90047 «Разработка методологических подходов и методического инструментария анализа и оценки качества трудовой жизни занятого населения региона» (Конкурс «АСПИРАНТЫ»).

Список литературы

1. Ашмаров И.А. «Работающие бедные» в современной России // Историко-экономические исследования. 2018. № 4. С. 556-570.
2. Дайхес Н.А. Лечение профессиональной тугоухости // Медицина: целевые проекты. № 29. 2018. С. 20–21.
3. Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Удовлетворенность работой и параметры, ее определяющие // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1 (172). С. 123–130.

4. Попов А.В. От precarious занятости к прекариату // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 155–160.
5. Здравоохранение в России. 2019: Стат.сб./Росстат. М., 2019. 171 с.

Информация об авторе

Ивановская Алена Леонидовна (Россия, Вологда) – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; lelia-iv@mail.ru).

Ivanovskaya A.L.

ANALYSIS OF SOCIO-ECONOMIC INDICATORS OF THE WORKING LIFE OF THE EMPLOYED POPULATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The problem of the quality of working life is one of the most important in the socio-economic and human terms. The paper analyzes the parameters of the quality of working life of the employed population of Russia. Particular attention is paid to the issues of ensuring favorable working conditions.*

Key words: *employment, quality of working life, employed population, working conditions, remuneration, injuries.*

Information about author

Ivanovskaya Alena L. (Russia, Vologda) – junior researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014; lelia-iv@mail.ru).

Bibliography

1. Ashmarov I.A. “Working poor” in modern Russia // Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya. 2018. No. 4. P. 556-570.
2. Daykhes N.A. Lecheniye professional'noy tugoukhosti // Meditsina: tselevyye proyekty. 2018. No. 29. P. 20 – 21.
3. Popov A.V. From precarious employment to the precariat // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2020. No. 6. P. 155-160.
4. Ustinova K.A., Gordievskaya A.N. Job satisfaction and its decisive parameters // Studies on Russian Economic Development. 2019. Vol. 30.No. 1. P. 86-92.
5. Healthcare in Russia. 2019: Stat.sb. / Rosstat. M., 2019. 171 p.

Исупов А.М., Мартышкин С.А., Прохоров Д.В.

ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье показано, что Самарская область обладает достаточной численностью экономически активного населения для успешного социально-экономического развития, хотя динамика ее имеет неустойчивый характер. Показано влияние коронавирусной инфекции на сферу занятости населения региона в 2020-2021 гг.

Ключевые слова: рабочая сила, Самарская область, занятость, безработица, экономическая активность населения, коронавирус.

Данная статья содержит анализ влияния ограничительных мер в связи с распространением коронавирусной инфекции в 2020-2021 гг. на динамику экономической активности населения Самарской области [см. также 1; 2; 8].

Численность рабочей силы в Самарской области за последние 15 лет увеличивалась до 2017 года, после чего началось снижение и в 2020 г. данный показатель составил 1676 тыс. человек, или 63,1% от численности всего населения региона, что выше, чем в Российской Федерации (62,0%) и в Приволжском федеральном округе (60,5%). Среди регионов Приволжского федерального округа область находится на четвертом месте, уступая Нижегородской области (64,5%), Республике Татарстан (63,8%) и Удмуртской Республике (63,4%). Уровень экономической активности населения за эти годы менялся в соответствии с численностью (таблица).

Численность и уровень экономической активности населения Самарской области¹

Показатели	Годы					
	2005	2010	2015	2017	2019	2020
Численность рабочей силы, тыс. человек	1728	1739	1758	1720	1683	1676
Уровень экономической активности населения, %	68,0	68,7	71,0	63,7	63,0	63,1

Поскольку рабочая сила состоит из двух взаимосвязанных частей – занятых и безработных – следует проанализировать динамику двух этих групп населения.

В 2020 г. по сравнению с предыдущими периодами численность занятых и уровень занятости уменьшились. В 2018 г. уменьшилась и безработица по сравнению с 2017 г., но в 2019 г. начался рост численности безработных, который в 2020 г. дошел до максимума в связи с начавшейся пандемией коронавируса (COVID-19).

Следует отметить, что приведенные показатели превышают средние значения по Российской Федерации и по многим субъектам Приволжского федерального округа. Например, уровень занятости населения в РФ за 2019 год – 58,4%, в ПФО – 57,4%, в Самарской области – 60,3%. Это третье место после Республики Татарстан (61,5%) и Нижегородской области (61,5%)². Аналогично выглядит и ситуация с показателем уровня безработицы. В Самарской области уровень безработицы сравнительно не-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 85-87; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 102-104; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 114; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 112.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 143.

высокий. В 2020 г. в РФ он составил 5,8%, ПФО – 5,2%. Область занимает второе место после Республики Татарстан – 3,6%³.

По информации Самарстата, в 2020 году в регионе резко возросла по сравнению с предыдущим периодом численность безработных граждан и составляла в среднем за месяц 45085 человек. В августе 2020 года статус безработного имели 73509 человек, в сентябре – 72911 человек. Нагрузка незанятого населения, состоявшего на учете в организациях службы занятости населения, на 100 заявленных вакансий на конец декабря 2020 года составляла 152 человека.

Причина роста численности безработных – начавшаяся в 2020 году пандемия коронавируса, приведшая к сокращению часов работы, а иногда и закрытию многих организаций, в том числе туристических фирм, торговых точек, культурных, спортивных организаций, парикмахерских, гостиниц и т.д. По той же причине, что и рост численности безработных, в 2020 году в Самарской области вырос уровень безработицы: за период с мая по август он составлял 5,5%⁴.

В октябре 2020 г. наметилась тенденция стабилизации ситуации с регистрируемой безработицей. По состоянию на 01.12.2020 г. численность безработных снизилась на 10,3 тыс. человек по сравнению с началом октября 2020 г. и составила 59,7 тыс. человек, а уровень безработицы – 3,6%. В то же время к численности безработных, сложившейся до распространения коронавирусной инфекции, регион не вернулся: на начало декабря 2020 г. численность безработных была в 4,1 раза выше, чем в начале января 2020 г.

Последствия ограничительных мероприятий в наибольшей степени осложнили деятельность предприятий и организаций сферы услуг. Так, среднесписочная численность занятых в сфере торговли и ремонта автотранспорта за 8 месяцев 2020 г. уменьшилась на 7,1 тыс. человек, в сфере транспортировки и хранения – на 1,4 тыс. человек.

Численность безработных, пришедших в службу занятости населения из сферы торговли и ремонта автотранспорта, к 01.12.2020 г. выросла в 5 раз по сравнению с началом года, из сферы транспортировки и хранения – в 3 раза. Также к 01.12.2020 г. значительно увеличилась численность безработных, пришедших в службу занятости населения из гостиничного бизнеса и общепита – в 6,6 раза по сравнению с началом года.

Пострадал и реальный сектор экономики. В обрабатывающих производствах среднесписочная численность работающих за 8 месяцев 2020 г. уменьшилась на 4,2 тыс. человек, а численность безработных, пришедших в службу занятости населения из обрабатывающих производств, к 01.12.2020 г. выросла в 3,3 раза по сравнению с началом 2020 г.

В условиях сложившейся ситуации еще более уменьшились возможности для занятости отдельных групп населения, недостаточно конкурентоспособных на рынке труда: молодежи, в том числе без опыта работы, выпускников, потерявших работу граждан пенсионного и предпенсионного возраста и ряда других категорий граждан.

В целях восстановления численности занятого населения Самарской области в 2021 году до уровня 2019 года, необходимо было проведение мероприятий активной политики занятости населения, мероприятий экономического и социального бло-

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 162.

⁴ Социально-экономическое положение Самарской области за 2020 год. Раздел X. Занятость и безработица. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Самарской области. URL: Samarastat.gks.ru/statistic (дата обращения 18.03.2022).

ка, а также дополнительных мероприятий по снижению безработицы. Общая сумма финансовых средств регионального бюджета и внебюджетных источников, предусмотренных на эти цели, составила 1345,6 млн. рублей [3].

Население Самарской области отличается активной трудовой позицией: по данным выборочных обследований, в среднем за 2020 год уровень участия в составе рабочей силы и занятости населения превышают аналогичные показатели в среднем по Приволжскому федеральному округу. По показателям занятости и общей безработицы (рассчитанной по методологии МОТ) регион занимает 3-е и 2-е место среди субъектов ПФО соответственно. За 2020 год на крупных и средних предприятиях области создано 9,9 тыс. рабочих мест (105,5% к предыдущему году). Количество высокопроизводительных рабочих мест увеличилось за год на 45,4 тыс. ед. (или на 9,9%) и составило 502,6 тыс. ед. [7].

Поддержка трудовой и предпринимательской инициативы граждан является одним из приоритетных направлений государственной политики в области содействия занятости населения на рынке труда Самарской области. В целях реализации этой политики действует государственная программа Самарской области «Содействие занятости населения Самарской области на 2019-2024 годы» [5].

Созданию правовых, организационных, социально-экономических и информационных условий, способствующих добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, в Самарскую область для постоянного проживания, быстрому их включению в трудовые и социальные связи региона, а также решению других важных для соотечественников вопросов, служит Государственная программа Самарской области «Оказание содействия добровольному переселению в Самарскую область соотечественников, проживающих за рубежом» на 2014-2023 годы [4].

Министерством труда, занятости и миграционной политики Самарской области совместно с центрами занятости населения различным категориям жителей региона оказывается комплекс услуг, направленных на организацию трудоустройства (постоянного и временного), организацию профессиональной ориентации и дополнительного профобучения (включая обучение в другой местности). На постоянной основе организуются ярмарки вакансий и учебных рабочих мест. Предпринимаемые меры принесли свои результаты. Так, в целом за 2021 г. уровень безработицы составил в Самарской области 4,4%⁵. В 2021 году на реализацию подпрограммы «Эффективная занятость» программы «Содействие занятости населения Самарской области на 2019-2023 годы» было направлено 2,16 млрд. рублей. Больше 65 тыс. граждан были оказаны услуги по профориентации, социальной адаптации и психологической поддержке, больше 3,5 тыс. безработных – услуги по профобучению [6].

В целом можно констатировать, что в 2020 году замедление темпов экономического развития в связи с распространением коронавирусной инфекции заметно осложнило ситуацию в сфере занятости населения Самарской области. Тем не менее, принимаемые на федеральном и региональном уровнях меры поддержки предприятий и населения позволили сохранить контроль за развитием ситуации на региональном рынке труда.

Список литературы

1. Исупов А.М. Динамика экономической активности населения регионов Приволжского федерального округа // Проблемы социокультурных исследований и проекти-

⁵ Занятость и безработица. URL: <https://samarastat.gks.ru/employment#> (дата обращения 18.03.2022).

- рования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России: мат-лы XII Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Российский гуманитарный научный фонд. Самара: Самарский университет, 2016. С. 139-143.
- Исупов А.М. Экономическая активность населения регионов Приволжского федерального округа // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2019. Т. 10. № 3. С. 12-17.
 - Комплекс мер по восстановлению численности занятого населения Самарской области в 2021 году. Приложение №1 к Постановлению Правительства Самарской области от 28.02.2021 г. № 34. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6300202102030009?index=2&rangeSize=1> (дата обращения 19.03.2022).
 - Об утверждении государственной программы Самарской области «Оказание содействия добровольному переселению в Самарскую область соотечественников, проживающих за рубежом» на 2014-2023 годы. Постановление Правительства Самарской области от 04.02.2014 г. №48. URL: <http://docs.cntd.ru/document/464008162> (дата обращения: 19.03.2022).
 - Об утверждении государственной программы Самарской области «Содействие занятости населения Самарской области на 2019-2024 годы». Постановление Правительства Самарской области от 04.12.2018 г. № 748. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550268338/titles/13VH5KK> (дата обращения: 19.03.2022).
 - Официальная безработица в Самарской области в декабре 2022 года стала ниже допандемийной. URL: https://www.samru.ru/society/novosti_samara/129020.html (дата обращения: 20.03.2022).
 - Самарская область в цифрах. Министерство экономического развития и инвестиций Самарской области. URL: <https://economy.samregion.ru> (дата обращения: 21.03.2022).
 - Социокультурный портрет Самарской области: эволюция и модернизация региона (1989-2015) / А.М. Исупов, И.В. Карпов, С.А. Мартышкин, Д.В. Прохоров, В.М. Цлаф, Д.М. Шабунин; под ред. С.А. Мартышкина, Д.В. Прохорова, В.М. Цлафа, Д.М. Шабунина. Самара: Развитие, 2016. 371 с.

Информация об авторах

Исупов Андрей Михайлович (Россия, Самара) – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (443086, Самарская обл., г. Самара, ш. Московское, д. 34; e-mail: isupov.am@ssau.ru).

Мартышкин Сергей Алексеевич (Россия, Самара) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (443086, Самарская обл., г. Самара, ш. Московское, д. 34; e-mail: martishkin.sa@ssau.ru).

Прохоров Денис Викторович (Россия, Самара) – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (443086, Самарская обл., г. Самара, ш. Московское, д. 34; e-mail: prokhorov.dv@ssau.ru).

EMPLOYMENT OF THE SAMARA REGION'S POPULATION IN THE AGE OF GLOBAL INSTABILITY

Abstract. *The article shows that the Samara region has a sufficient number of economically active population for successful socio-economic development, although its dynamics is unstable. The influence of coronavirus infection on the employment of the region's population in 2020-2021 is shown.*

Key words: *labor force, Samara region, employment, unemployment, economic activity of the population, coronavirus.*

Information about authors

Isupov Andrei M. (Russia, Samara) – PhD in Economics, Associate professor, Department of State and Municipal Administration, Samara National Research University (443086, Russia, Samara, Moskovskoye shosse 34; e-mail: isupov.am@ssau.ru).

Martyshev Sergey A. (Russia, Samara) – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of State and Municipal Administration, Samara National Research University, (443086, Russia, Samara, Moskovskoye shosse 34; e-mail: martishkin.sa@ssau.ru).

Prokhorov Denis V. (Russia, Samara) – PhD in Sociology, Associate professor, Department of State and Municipal Administration, Samara National Research University (443086, Russia, Samara, Moskovskoye shosse 34; e-mail: prokhorov.dv@ssau.ru).

Bibliography

1. Isupov A.M. Dynamics of Volga federal district's regions' population economic activity // Problems of sociocultural research and design of modernization in the regions and municipalities of Russia: materials of the XII All-Russian scientific and practical conference on the program "Problems of the sociocultural evolution of Russia and its regions". Russian Humanitarian Science Foundation. Samara: Samara University, 2016. P. 139-143.
2. Isupov A.M. Economic activity of the population in the Volga federal district's regions // Bulletin of the Samara University. Economics and Management. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 12-17.
3. A set of measures to restore the number of employed people in the Samara region in 2021. Appendix No. 1 to the Decree of the Government of the Samara Region of February 28, 2021 No. 34. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6300202102030009?index=2&rangeSize=1> (accessed 19.03.2022).
4. On approval of the state program of the Samara region "Providing assistance to voluntary resettlement to the Samara region of compatriots living abroad" for 2014-2023. Decree of the Government of the Samara Region dated February 4, 2014 No. 48. URL: <http://docs.cntd.ru/document/464008162> (accessed 19.03.2022).
5. On approval of the state program of the Samara region "Promotion of employment of the population of the Samara region for 2019-2024". Decree of the Government of the Samara Region dated December 4, 2018 No. 748. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550268338/titles/13VH5KK> (accessed 19.03.2022).
6. Official unemployment in the Samara region in December 2022 became lower than pre-pandemic. URL: https://www.samru.ru/society/novosti_samara/129020.html (accessed: 20.03.2022).

7. Samara region in numbers. Ministry of Economic Development and Investments of the Samara Region. URL: <https://economy.samregion.ru> (accessed 21.03.2022).
8. Sociocultural portrait of the Samara region: evolution and modernization of the region (1989-2015) / A.M. Isupov, I.V. Karpov, S.A. Martyshkin, D.V. Prokhorov, V.M. Tslaf, D.M. Shabunin. S.A. Martyshkin, D.V. Prokhorov, V.M. Tslaf, D.M. Shabunin (Eds.). Samara: Publishing house LLC "Razvitie", 2016. 371 p.

РАЗВИТИЕ НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Аннотация. В статье рассматриваются нестандартные формы занятости, ставшие актуальными видами взаимодействия работодателя и работника в период пандемии. Анализируется процесс перехода от стандартных к нестандартным формам занятости работников, развитие и перспективы нестандартных форм занятости.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, удаленная работа, дистанционная работа, надомная работа, нестандартные формы занятости.

Ситуация, сложившаяся в мире в период пандемии коронавируса, вызывает большой интерес у специалистов в различных областях научной деятельности. Учёные – социологи в настоящее время проводят исследования с целью прогнозирования различных социальных процессов. Начиная с 2020 года по настоящее время, пандемия вносит изменения в социальные практики населения в различных областях деятельности. Распространение COVID-19 и связанные с этим ограничения заставили многих людей отказаться от привычных моделей поведения и пересмотреть традиционные практики взаимодействия [3]. Особенно это относится к социальному взаимодействию в трудовой сфере.

Традиционно в основе положений Трудового кодекса Российской Федерации лежат отношения, связанные со стандартными формами занятости населения. К ним относится взаимодействие работодателя и работника на полной бессрочной рабочей занятости. Эти отношения характеризуются, с одной стороны, полным подчинением работника работодателю в рамках трудового законодательства, а с другой стороны, набором социальных гарантий, которые обеспечивает работодатель работнику [7]. Стандартные формы занятости гарантируют защиту прав работника, при этом для работодателя этот вид взаимодействия обеспечивает кадровую стабильность в организации, привлечение и сохранение талантливых специалистов на рабочих местах, способствует реализации управленческих функций руководителя, внедрению принципов кадровой политики, созданию корпоративной культуры в организации. Но современные технологии позволили разнообразить способы взаимодействия работодателя и работника. В последние десятилетия на мировом и российском рынках труда наблюдается тенденция перехода от стандартных к нестандартным формам труда. Обстоятельства последних двух лет ускорили этот процесс, сформировали определенные правила взаимодействия работодателя и работника в условиях внешних, независимых от сторон трудовых отношений, ограничений. Под нестандартными формами занятости подразумеваются такие формы взаимодействия, которые отличаются хотя бы по одному пункту от общепринятых критериев от стандартных. К нестандартным формам занятости можно отнести временную (срочную) занятость, работа на условиях неполного рабочего времени, надомная работа, дистанционная и удаленная занятость.

События 2020 года, когда весь мир охватила пандемия коронавируса и был введен режим самоизоляции, спровоцировали резкий рост безработицы в России: по данным Федеральной службы государственной статистики, число безработных россиян на момент всеобщего карантина за месяц с апреля по май 2020 года увеличилось на 227 тысяч человек и составило 4,513 млн. На сентябрь 2020 года уровень безработицы составил 6,3% (по оценкам МОТ), 77% из них встали на учет в органах службы занятости, а 69% безработных стали получать пособие [5].

В России начался глобальный процесс перестройки социально-трудовых отношений, и одним из наиболее важных последствий этой трансформации стал переход на нестандартные формы занятости населения. Нестандартные формы занятости стали альтернативным решением возможности трудоустройства в период пандемии коронавируса [1]. Это потребовало принятия мер по закреплению этих форм занятости на законодательном уровне.

Письмом Министерства труда и социальной защиты РФ от 23 апреля 2020 г. № 14–2/10/П-3710 были регламентированы такие формы нестандартной занятости как удаленная, дистанционная, надомная работа и неполное рабочее время. Были прописаны условия, позволяющие организовать эти формы занятости. В настоящее время актуализируется работа в интернете на цифровых платформах, что позволяет выполнять трудовые функции из любого места и в любое время [4].

По данным ВЦИОМ большинство россиян до пандемии работали в основном из офиса или на предприятии (84%). Опыт удаленной работы до пандемии имели всего 4% респондентов и 6% работали частично удаленно. В 2021 году удаленно работали 11% опрошенных ВЦИОМ и 12% находились на комбинированной форме занятости – частично удаленно, частично из офиса. Из них 64% считали, что удобнее трудиться удаленно, в основном это женщины. По оценкам ВЦИОМ более половины работающих россиян предпочли бы в дальнейшем работать в офисе (65%). Чаще об этом сообщали россияне в возрасте от 45 до 59 лет (71%). Преимущественно из дома хотели бы работать 8% респондентов и 23% в комбинированном режиме. К удаленному формату чаще всех склоняется молодежь от 18 до 24 лет (33%). Комбинированный формат удобен для россиян в возрасте от 18 до 44 лет [2]. Таким образом, можно отметить, что предпочтение тех или иных форм занятости зависит от возраста работающих, так как молодым легче приспособиться к новым трудовым условиям, и они обладают необходимыми для этого навыками.

Распространение нестандартных форм занятости требует законодательного закрепления в части социальной защиты прав работника, так как нестандартные формы занятости, по сравнению со стандартными, ассоциируются у граждан как вынужденная мера, работник чувствует себя незащищенным. Трудовой кодекс, федеральное законодательство в части социальной защиты работников не применяется к некоторым категориям трудящихся на нестандартной форме занятости, например, к работникам, которые работают недостаточное часов в неделю, так как делают минимальные отчисления. Они не могут рассчитывать на целый ряд пособий. Ещё одним негативным последствием использования нестандартных форм занятости для граждан может стать постоянное нахождение дома, отсутствие социализации у работника, невозможность разграничения профессиональной и личной жизни, сверхзанятость и как следствие профессиональное выгорание. С другой стороны, самостоятельная работа без посещения офиса, при правильном распределении личностных ресурсов и при высокой степени самодисциплины, способствует профессиональному и личностному росту работника [6].

Таким образом, все эти аспекты следует учитывать при разработке законодательных актов, а также в экономическом планировании и в постпандемийный период при использовании нестандартных форм занятости.

Работодателю в сложившихся условиях необходимо пересмотреть трудовые процессы при применении нестандартных формах занятости, учитывая специфику деятельности организации и личностные особенности работника. С одной стороны,

в этой ситуации он экономит средства (на аренду помещений, коммунальные услуги и т.п.), но с другой стороны, система управления персоналом требует некоторой корректировки, так как отсутствие определенного контроля приводит к снижению качества и производительности труда. Всё это влечет за собой дополнительные затраты со стороны работодателя. Но в долгосрочной перспективе это выгодно и работодателю, и работнику.

Список литературы

1. Богуш Л. Карантин загнал всех на удалёнку. Как правильно наладить процесс работы. URL: <https://biz.liga.net/hr/all/opinion/karantin-zagnal-vseh-na-udalenuku-kak-pravilno-naladit-protsess-raboty> (дата обращения 04.03.2022).
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные опроса о том, как россияне относятся к удаленной работе. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10706> (дата обращения 04.03.2022).
3. Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Регион в период пандемии: состояние и проблемы (на примере Ульяновской области) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: мат-лы VI междунар. науч.-практ. интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда: Изд-во ВолНЦ РАН, 2021. С.109-114.
4. Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 23 апреля 2020 г. № 14–2/10/П-3710 // Информационно-правовой портал Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73861439> (дата обращения 04.03.2022).
5. Рынок труда, занятость и заработная плата. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения 04.03.2022).
6. Симченко Н.А., Волошин А.И., Романюк Е.В. Теоретические аспекты нестандартных форм занятости на рынке труда в современных экономических условиях // Кант. 2018. № 2 (27). С. 337–340.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 04.03.2022).

Информация об авторах

Кадничанская Марина Ивановна (Россия, Ульяновск) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42; e-mail: m-i-kad@yandex.ru).

Пондякова Екатерина Александровна (Россия, Ульяновск) – магистрант, Ульяновский государственный университет (432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42; e-mail: katrina_82@mail.ru).

Kadnichanskaya M.I., Pondyakova E.A.

THE DEVELOPMENT OF NON-STANDARD FORMS OF EMPLOYMENT DURING THE PANDEMIC

Abstract. *The article discusses non-standard forms of employment that have become relevant types of interaction between an employer and an employee during a pandemic. The process of transition from standard to non-standard forms of employment of employees, the development and prospects of non-standard forms of employment are analyzed.*

Key words: *pandemic, COVID-19, remote work, remote work, work at home, non-standard forms of employment.*

Information about authors

Kadnichanskaya Marina I. (Ulyanovsk, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Ulyanovsk State University (432017, Russia, Ulyanovsk, Lev Tolstoy st., d. 42; e-mail: m-ikad@yandex.ru).

Pondyakova Ekaterina A. (Ulyanovsk, Russia) – master's student, Ulyanovsk State University (432017, Russia, Ulyanovsk, Lev Tolstoy st., d. 42; e-mail: katrina_82@mail.ru).

Bibliography

1. Bogush L. Quarantine drove everyone to the remote. How to properly adjust the work process. URL: <https://biz.liga.net/hr/all/opinion/karantin-zagnal-vseh-na-udalenu-kak-pravilno-naladit-protsess-raboty> (accessed 04.03.2022).
2. The All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM) presents survey data on how Russians feel about remote work. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10706> (accessed 04.03.2022).
3. Kadnichanskaya M.I., Galkina E.P. Region during the pandemic: state and problems (on the example of the Ulyanovsk region) / Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. Materials of the VI International scientific and practical Internet conference. in 2 parts. Vologda: VolSC RAS, 2021. P.109-114.
4. Letter of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated April 23, 2020 No. 14-2/10/P-3710 // Information and legal portal Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73861439> (accessed 04.03.2022).
5. Labor market, employment and wages. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (accessed: 04.03.2022).
6. Semchenko N.A., Voloshin A.I., Romanyuk E.V. Theoretical aspects of non-standard forms of employment in the labor market in modern economic conditions // Kant. 2018. №2 (27). P. 337-340.
7. Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ of 30.12.2001 (as amended on 25.02.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (accessed 04.03.2022).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В статье рассмотрены специфика, направленность и характер трансформационных процессов на рынке труда, вызванных пандемией; показаны адаптационные сложности для экономик, предприятий и работников в связи с удаленной работой; проанализировано перспективы долгосрочного влияния пандемии на труд и занятость.

Ключевые слова: рынок труда, трансформация занятости, цифровизация, пандемия, трудовые практики.

Развитие современных обществ во многом определяется цифровизацией. Она радикально изменяет, с одной стороны, облик социума, принципы организации его институтов и характер связи между ними, с другой – коренным образом трансформирует трудовые, повседневные, досуговые, коммуникативные практики людей. Новейшие средства связи и новые медиа, индустрия 4.0, уберизация, «умные» фабрики, блокчейн, Интернет вещей, 3D-печать, нейронные сети, облачные вычисления и когнитивные технологии привели к разрушению алгоритмов и моделей производства, существовавших в доцифровую эпоху.

Цифровизация кардинально трансформирует трудовой ландшафт, приводит к формированию новой архитектуры занятости, ведет к переосмыслению самих понятий труда и работы. Мы становимся свидетелями появления и распространения новых бизнес-моделей, наблюдаем увеличение числа и разнообразия форм занятости, рост ее нетрадиционных и неформальных секторов, исчезновение одних профессий и появление других, распространение краткосрочных и временных трудовых договоров, появление онлайн-бирж труда и платформ для работы. Все эти процессы вызваны проникновением цифровых технологий в сферу труда в течение нескольких последних десятилетий. Это значит, что на момент вспышки COVID-19 весной 2020 года, ставшей началом общепланетарной пандемии, в рамках ряда экономик, отраслей и предприятий уже был накоплен определенный опыт взаимодействия с нетрадиционными формами и алгоритмами занятости.

И тем не менее, большинство стран, отраслей, организаций и бизнесов не были в достаточной мере готовы к резкому и непредвиденному скачку распространенности практик внеофисной работы, вызванному пандемией. Масштабы, в которых пришлось внедрять эти практики, намного превосходили имеющиеся возможности (инфраструктурные, организационные, финансовые), в том числе в технологически развитых странах.

Это объясняется целым рядом причин. К ним относятся, во-первых, отсутствие в большинстве организаций четких инструкций и протоколов, которые позволили бы формализовать, упорядочить и согласовать виртуальные операции и взаимодействия, а значит, повысить эффективность корпоративных усилий в новых условиях.

Дело в том, что до пандемии с практиками дистанционной занятости были знакомы относительно немногочисленные и специфические профессиональные группы работников (программисты, веб-дизайнеры, сотрудники редакций, контент-менеджеры, маркетологи и т.д.), занятых в определенных отраслях (ИКТ, маркетинг, e-commerce, неформальное образование). В остальных случаях эти практики, как

правило, носили эпизодический, экспериментальный характер и внедрялись в качестве дополнения к традиционной офисной работе. Согласно оценкам Еврофонда, доля людей, работающих в режиме домашнего офиса хотя бы часть своего рабочего времени, в странах ЕС выросла с примерно 15% в 2018 году, т.е. накануне пандемического кризиса, до 48,0% в июле 2020 года [5, с. 31]. Всего за три первые недели после вспышки коронавируса – с середины марта до начала апреля 2020 года – доля американцев, работающих дома, увеличилась с 31% до 62%, т.е. вдвое [6]. Что касается России, то, по информации Росстата, в 2019 году дистанционной работой было официально охвачено лишь 30 тысяч из 67,1 миллиона работающих, т.е. менее 0,05% [2]. В мае 2020 года в дистанционные практики было вовлечено уже около 11% занятых, преимущественно в крупных городах. Здесь есть смысл сделать оговорку: если оценки доли вовлеченных в «домашнюю» занятость по Европе и США основаны на данных опросов, то показатели по РФ опираются на статистическую информацию. Однако нельзя игнорировать тот факт, что с началом пандемии многие работники были экстренно переведены в режим работы на дому, и во многих случаях это решение могло носить временный и часто неформальный характер, а потому не получить отражения в рамках статистического учета. Это значит, что фактическая картина может довольно заметно отличаться от того, что видно из материалов статистики.

Итак, в период пандемии речь впервые зашла о массовом переводе работников в режим виртуальной занятости (или, как минимум, о резком скачке распространенности удаленного труда), а перечень отраслей и видов деятельности, затронутых этими трансформациями, значительно расширился. Теперь он включал и отрасли, в которых практики дистанционной работы до этого момента не применялись либо применялись в очень ограниченном виде.

Во-вторых, пытаясь оперативно приспособиться к новым условиям для организации работы многие предприятия стали использовать доступные онлайн-платформы, программы и мессенджеры. В рамках рабочей среды эти инструменты оказывались недостаточно эффективными из-за отсутствия у них необходимого функционала из-за ориентированности, прежде всего, на неформальную коммуникацию и развлекательные цели.

В-третьих, пришлось адаптировать трудовую активность, администрирование, методы оценки результативности труда к специфике онлайн-коммуникации, поскольку с массовым переводом работников в режим удаленной работы несовершенство – а во многих случаях отсутствие – организационных механизмов дистанционного управления рабочими процессами, а также сложности контроля удаленной трудовой активности стали очевидны.

В-четвертых, проблемой стал дефицит цифровых компетенций как работников, так и работодателей, включая сложности с использованием программных пакетов и инструментов, а также недостаточную осведомленность о кибер-рисках в сфере цифровой занятости.

В-пятых, на момент введения локдауна работники нередко имели ограниченный доступ к техническим и инфраструктурным возможностям цифровой занятости.

Итак, массовое движение от традиционной офисной занятости к виртуальной, вызванное пандемией коронавируса, стало серьезным вызовом и толчком к вынужденной импровизации для работников, компаний, отраслей и целых экономик, поскольку опыт массового перевода работников в режим удаленной занятости у многих из них на тот момент отсутствовал. Пандемия COVID-19 стала мощнейшим

катализатором углубления и ускорения цифровой трансформации труда, что, в свою очередь, привело к непредвиденным деформациям институтов и моделей занятости. Это влечет за собой новые, а потому пока не исследованные риски, снижает прогнозируемость и управляемость рынков труда, и так все более стихийных и менее предсказуемых в условиях бурного развития ИКТ в последние десятилетия. В результате актуализируется необходимость оперативного теоретического осмысления и комплексного, междисциплинарного анализа происходящих процессов, поиска методологических и методических инструментов для их эмпирической оценки, составления прогнозов их перспективной динамики и поиска путей их оптимизации.

Какие аспекты занятости пандемия COVID-19 затронула в наибольшей мере? Какими будут ее долгосрочные последствия для рынков труда?

Новая структура отраслей экономики и их соотношение. Существенно изменилась структура отраслей и удельное соотношение занимаемых ими сегментов рынка. В частности, очень заметен рост числа рабочих мест в сфере коммуникаций, онлайн-коммерции, онлайн-маркетинга, цифрового здравоохранения. По прогнозам экспертов, рост спроса на специалистов этих отраслей, возникший в результате вызванных пандемией экономических сдвигов, не только сохранится, но и повысится в долгосрочной перспективе. Этот тренд коснется профессий, связанных с разработкой программного обеспечения, компьютерных технологий, веб-дизайном, созданием онлайн-витрин, конструированием цифровой инфраструктуры удаленной занятости, развитием инструментов виртуального досуга и развлечений, поиском решений проблем кибербезопасности, разработкой и тестированием цифровых приложений для банков, учреждений, музеев, кафе, ресторанов, сервисов доставки.

Ряд отраслей в период пост-пандемии, напротив, ожидает спад. К ним относится, например, сфера розничной торговли. Спрос на продавцов, консультантов и кассиров в местах розничных продаж снизится, поскольку привычки онлайн-шоппинга и нового виртуального образа жизни, сложившиеся под влиянием пандемии, видимо, сохранятся в будущем [4]. Очевидно, что это не единственная отрасль, переживающая кризис и уменьшающая долю своего присутствия на рынке. Аналогичные процессы наблюдаются в сфере внешней транспорта, туризма, гостиничного и ресторанного бизнеса и др. Однако, о дальнейшем развитии этих сфер в долгосрочной перспективе говорить пока рано: возможно, что им удастся со временем выйти на свои докризисные позиции по числу клиентов и объемам прибыли.

Массовое распространение новых паттернов трудовой деятельности и моделей корпоративной коммуникации.

С началом коронавируса многие работники были впервые вовлечены в практики удаленного труда, которому – вынужденно или добровольно – стали уделять хотя бы часть своего рабочего времени. В итоге рабочий процесс, который до этого момента для многих был непрерывным, изменил свою модальность. Теперь сотрудники одной организации, трудового коллектива и т.д. взаимодействовали не постоянно и зачастую не в режиме реального времени, как это обычно происходит в ходе офисной работы. Многим пришлось привыкать не только к тому, что теперь общение было опосредовано технологическими средствами, но и к тому, что обратная связь от коллег, супервайзеров, работодателей часто носила отложенный характер.

За счет ослабления фактической привязки работы к офису организации произошли сдвиги в пространственно-временной модели ее восприятия. Опыт удаленной занятости показал, что работники не обязательно должны находиться в одном

физическом пространстве, работа может выполняться в удаленных локациях разного типа, конфигурации рабочих мест могут быть разнообразными, а работник вполне может эффективно трудиться за рамками официального рабочего времени, оптимизируя режим труда в соответствии со своими потребностями, образом жизни, индивидуальными циклами продуктивности и т.д.

Практики занятости стали, с одной стороны, ассоциироваться с большей гибкостью, с другой – эта эластичность обернулась новой проблемой. Исследования показывают, что работа в режиме “home-office” зачастую приводит к размытию границ персональной и профессиональной сфер, сопровождается ролевыми конфликтами, повышенной усталостью, эмоциональным выгоранием. Так, например, по данным AdecoGroup, на момент исследования 2021 года 54% молодых руководителей страдали от выгорания, а 3 из 10 работников отметили, что их психическое и физическое здоровье ухудшилось за последние 12 месяцев [8].

Исследователи отмечают рост доверия к нетрадиционным формам занятости. Видимо, их внедрение, которое зачастую носило вынужденный характер, тем не менее, не помешало работодателям увидеть, что дистанционный труд может быть эффективным. Однако, и у этой тенденции есть обратная сторона: привычные подходы к контролю работников требуют пересмотра. Если для традиционной офисной работы личное присутствие работника на рабочем месте, его «видимость» нередко воспринимались как подтверждение вовлеченности в рабочий процесс и даже его эффективности, то новые формы работы подталкивают к ориентации на результат, когда индикатором выполненной задачи является конкретный продукт, документ, отчет, презентация и т.д. Иначе говоря, появляется спрос на методы управления, основанные на целеполагании и в меньшей степени – на прямом контроле [3; 7].

Далее. По мере развертывания пандемии стало ясно, что потенциал дистанционной занятости значительно выше того, который использовался ранее. Практика показала, что круг работников, имеющих высокие шансы сохранить производительность труда на нужном уровне, работая удаленно, значительно шире того, который принято было очерчивать до пандемии. Теперь дистанционный труд ассоциировался не столько со специалистами конкретных профессий и отраслей, сколько определялся спецификой деятельности того или иного работника. Специалист, характер труда которого позволяет индивидуально регулировать темп работы и не характеризуется высокой потребностью в личном общении с коллегами и руководством, может быть «отвязан» от офиса – принцип, пожалуй, ставший одним из главных уроков, извлеченных из пандемического кризиса.

Похоже, что тенденция к распространению виртуальных форм занятости сохранится и после пандемии. Согласно исследованию, проведенному AdecoGroup в 2021 году, в среднем 53% работников по всему миру хотели бы после отмены ограничительных мер совмещать офисную и удаленную занятость, и при этом отмечали, что на дистанционную работу должно приходиться не менее половины рабочего времени. Более трех четвертей сотрудников желают сохранить гибкость распределения времени между офисной и удаленной работой. 8 из 10 опрошенных считают, что от такой эластичности выиграют и сотрудники, и предприятия [8]. Доли работников, предпочитающих работать удаленно после пандемии по странам, выглядят так: Япония – 64%, Великобритания – 63%, Канада – 62%, Испания – 59%, США – 54%, Франция – 50%, Австралия – 47%, страны Восточной Европы – 43%, Китай – 23% [8].

Рост безработицы. Развертывание пандемии сопровождалось глобальной рецессией. Экономическая активность одновременно и беспрецедентно «просела» по всему миру, что привело к сокращению потребления, снижению товарооборота, падению прибылей. Многие организации вынуждено сокращали штат, что привело к росту безработицы. Это может негативно отразиться на качестве человеческого капитала. Долго оставаясь за рамками рынка труда, люди сталкиваются с ухудшением своих навыков, чаще страдают от стресса, вызванного неопределенностью своих финансовых, карьерных, профессиональных перспектив. Эти факторы снижают их шансы успешного трудоустройства в будущем [1].

Движение в сторону гибких бизнес-моделей и организационных структур. Пандемия COVID-19 привела к изменению условий ведения бизнеса, некоторые из которых останутся в практике предприятий в долгосрочной перспективе. Модели организации будут развиваться в сторону большей гибкости. Опыт, полученный в ходе пандемии, подтвердил большую адаптивность, эффективность и устойчивость к непредвиденным ситуациям (финансовую, организационную, кадровую) компаний, построенных на сетевой модели (в противовес иерархической) с преимущественно горизонтальными связями и функционально гибкими структурными подразделениями, рабочими группами, отдельными работниками. Существующие бизнес-стратегии, в свою очередь, требуют пересмотра с учетом обострения многих рисков, включая поиск новых подходов к обеспечению безопасности сотрудников, финансовой устойчивости предприятия, надежности цепочек поставок.

Вывод. Пандемия коронавируса открыла новую эпоху в развитии рынков труда и трудовых отношений, поскольку ее последствия будут иметь беспрецедентный и долгосрочный характер для институтов и паттернов труда и занятости. В то же время, целый ряд аспектов виртуальной занятости остается малоизученным, что снижает предсказуемость практик ее внедрения, препятствует верной оценке потенциальных выгод и рисков, а значит, актуализирует потребность в соответствующих исследованиях.

Публикация подготовлена в рамках работы над проектом «Социальные аспекты трансформации труда и занятости в цифровую эпоху», выполняемого в Институте Перспективных Исследований Польской Академии наук в 2021–2022 гг.

Список литературы

1. Кручинин Д. Влияние пандемии и других внешних факторов на рост IT-инфраструктуры в России. 5 августа 2021. URL: <https://vc.ru/services/277085-vliyanie-pandemii-i-drugih-vneshnih-faktorov-na-rost-it-infrastruktury-v-rossii>.
2. Судас Л.Г., Оносов А.А., Бесланеев А.Ж. Конфликтный потенциал дистанционного формата занятости // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnyy-potentsial-dstantsionnogo-formata-zanyatosti>.
3. Cooper C., Kurland N.B. Telecommuting, professional isolation and employee development in public and private organizations. *Journal of Organizational Behavior*. 2002. №. 23. P. 511–532.
4. Employment projections 2020–2030, Bureau of Labor Statistics, US Department of Labor. *Employment Projections 2020-2030*. URL: <https://bls.gov>
5. Eurofound (2020), Living, working and COVID-19, COVID-19 series, Publications Office of the European Union, Luxembourg. *Living, working and COVID-19*. URL: <https://europa.eu>

6. Maes E., Saad L. How Has the Pandemic Affected U.S. Work Life? How Has the Pandemic Affected U.S. Work Life? URL: <https://gallup.com>
7. Pyöriä P. Managing telework: risks, fears and rules, Management Research Review, Emerald Group Publishing, 2011, March. Vol. 34(4). pp. 386–399.
8. Resetting Normal: Defining the New Era Of Work 2021. Report by AdecoGroup. Resetting normal 2021. URL: <https://adecogroup.com>

Информация об авторе

Кройтор Светлана Николаевна (Польша, Варшава) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт перспективных исследований, Польская академия наук (00-238, Польша, г. Варшава, ул. Ярача, 1; e-mail: svetlana.kroitor@yandex.by), докторант, Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2; e-mail: svetlana.kroitor@yandex.by).

Kroitar S.

PERSPECTIVES OF THE LONG-TERM IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON LABOR AND EMPLOYMENT

Abstract. *The specificity, directions and nature of the labor market transformation caused by the pandemic are considered; the adaptation difficulties for economies, enterprises and workers followed by remote work is shown; long-term perspectives of the pandemic's impact on labor and employment are analyzed.*

Key words: *labor market, employment transformation, digitalization, pandemic, labor practices.*

Information about author

Kroitar Sviatlana N. (Poland, Warsaw) – PhD in Sociology, Senior Fellow of the Institute of Advanced Studies, Polish Academy of Sciences (address: 00-238, Poland, Warsaw, Yarcza str., 1; e-mail: svetlana.kroitor@yandex.by), Doctoral Fellow of the Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (Belarus, Minsk, Sorganova str., 1/2; e-mail: svetlana.kroitor@yandex.by).

Bibliography

1. Kruchinin D. Vliyanie pandemii i drugih vneshnih faktorov na rost IT-infrastruktury v Rossii. 5 avgusta 2021. URL: <https://vc.ru/services/277085-vliyanie-pandemii-i-drugih-vneshnih-faktorov-na-rost-it-infrastruktury-v-rossii>.
2. Sudas L.G., Onosov A.A., Beslaneev A.Zh. Konfliktnyj potencial distancionnogo formata zanyatosti / Sudas, L.G. i dr. // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnyy-potentsial-distantsionnogo-formata-zanyatosti>.
3. Cooper C., Kurland N.B. Telecommuting, professional isolation and employee development in public and private organizations. Journal of Organizational Behavior. 2002. No. 23. P. 511–532.
4. Employment projections 2020–2030, Bureau of Labor Statistics, US Department of Labor. Employment Projections 2020-2030. URL: <https://bls.gov>
5. Eurofound (2020), Living, working and COVID-19, COVID-19 series, Publications Office of the European Union, Luxembourg. Living, working and COVID-19. URL: <https://europa.eu>.

6. Maes E., Saad L. How Has the Pandemic Affected U.S. Work Life? How Has the Pandemic Affected U.S. Work Life? URL: <https://gallup.com>.
7. Pyöriä P. Managing telework: risks, fears and rules, *Management Research Review*, Emerald Group Publishing, 2011, March. Vol. 34(4). pp. 386–399.
8. Resetting Normal: Defining the New Era Of Work 2021. Report by AdecoGroup. Resetting normal 2021. URL: <https://adeccogroup.com>.

УСПЕШНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассмотрены гендерные аспекты представлений об успешном руководителе у сотрудников крупной региональной организации. Выявлены сходство и различия мнений и оценок успешности деятельности руководства у работников разных гендерных характеристик.

Ключевые слова: андрогинность, гендер, гендерная идентичность, гендерные стереотипы, лидерство, маскулинность, руководитель, феминность.

Проблема эффективности управленческой деятельности является одной из основных в социологии управления и социологии организации. Наиболее значимыми факторами успешности руководителя признаются личностные и профессиональные качества, которыми должен обладать современный руководитель. При этом у разных исследователей не только перечень личных и профессионально важных качеств руководителя получается разный, но и иерархия этих качеств выстраивается различная. Например, психологи почти всегда при оценке результативности того или иного руководящего работника не забывают упомянуть его личные достижения (занимаемая должность в организации, уровень заработной платы и проч.) [7], а социологи всемерно подчеркивают профессиональные качества, стиль руководства, взаимоотношения и конечный результат деятельности всего коллектива. Подчеркивается, что успешный руководитель должен быть сам мотивирован и эффективно мотивировать сотрудников на достижение общей цели.

В рамках гендерной социологии образ успешного руководителя весьма продуктивно рассмотреть с точки зрения разного стереотипного гендерного поведения (маскулинность, феминность, андрогинность) и попробовать выяснить, насколько особенности мужской и женской полоролевой идентификации отражаются на личной и профессиональной деятельности. При этом гендерные стереотипы рассматриваются как стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям «мужское» и «женское» [2, с. 36] и касаются той роли, которое общество навязывает лицам мужского и женского пола в различных сферах жизнедеятельности [3].

Многие исследователи подчеркивают, что в современном обществе ситуация меняется в направлении усиления позиций гендерного равенства. Например, И.С. Кон отметил радикальную ломку традиционной половой стратификации, ослабление половых различий в поведении (вследствие общей трудовой деятельности и совместного обучения), переход во взаимоотношениях между мужчинами и женщинами от иерархического подчинения к равноправию, изменение культурных стереотипов маскулинности-феминности [4, 5, 6].

Лаборатория социальных исследований Тверского государственного университета провела опрос на тему «Успешный руководитель в гендерном измерении (на примере холдинга «Афанасий»)». Цель – выявление представлений об успешном руководителе у сотрудников крупной региональной организации. В исследовании приняли участие 70 сотрудников. Из них 24 женщины и 20 мужчин – сотрудники, не занимающие руководящие должности, а 13 женщин и 13 мужчин – руководители

разных уровней. Возраст сотрудников от 23 до 42 лет, руководителей – от 26 до 57. Среди опрошенных 55% женщин и 45% мужчин. Выборка сформирована случайным отбором. В каждом отделе опрошено 30% сотрудников. Сбор первичных данных осуществила А.И. Березная, выпускница Тверского государственного университета.

Для выявления представлений о эффективности и успешности руководителя применен опросник «Оценка эффективности деятельности руководителя» [8]. Инструкция модифицирована для возможности оценить целый ряд характеристик, на основании которых может быть составлено представление об эффективности руководителя. Методика составлена по типу полярных профилей и содержит 30 характеристик, оцениваемых по 7-балльной шкале. С помощью данной методики проведено ранжирование наиболее значимых качеств успешного руководителя в представлении сотрудников организации.

Также был разработан опросник «Оценка качеств успешного руководителя», составленный на основе проведенного свободного ассоциативного эксперимента, в котором в качестве стимула выступило понятие «успешный руководитель». В опроснике представлено 25 качеств, которыми должен обладать успешный руководитель [1]. Качества распределены на четыре блока: 1. Личные качества: уверенность в себе, лидерство, независимость, готовность к риску, самостоятельность, самодисциплинированность, дружелюбность, отзывчивость. 2. Деловые качества: ответственность, коммуникабельность, предприимчивость, требовательность, организаторские способности, исполнительность, пунктуальность, дипломатичность, целеустремленность, властность, энергичность, активность. 3. Волевые качества: воля, сила, решительность. 4. Профессиональная компетентность: опыт, образование, профессионализм. С помощью данной методики проведено ранжирование наиболее значимых качеств успешного руководителя.

Для определения гендерных характеристик использован опросник Сандры Бем «Маскулинность-феминность». В методике представлено 60 качеств, на каждое из которых испытуемый отвечает «да» или «нет», оценивая тем самым наличие или отсутствие у себя названных качеств. Респонденты отнесены к одной из 5 категорий: 1) ярко выраженная маскулинность, 2) маскулинность, 3) андрогинность, 4) феминность, 5) ярко выраженная феминность.

Исследование в холдинге «Афанасий» (г. Тверь) показало следующее положение вещей. Наиболее значимыми качествами успешного руководителя сотрудниками, не занимающими руководящие должности, названы: уверенность в себе, лидерство, ответственность, умение правильно организовывать деятельность подчиненных, умение мотивировать работников, профессионализм. А наименее значимыми характеристиками успешного руководителя ими же определены: способность идти на риск, правильное отношение к критике в свой адрес, наличие эмпатии (сопереживание), властность, независимость.

Наиболее значимыми характеристиками успешного руководителя респондентами-руководителями названы: наличие стратегического мышления, стремление к получению новой информации, стремление к личностному росту, гуманное отношение к работникам. Руководители выделили наиболее важные качества, связанные с личностью руководителя: уверенность в себе, лидерство, организаторские способности, образованность.

Разница в позициях простых сотрудников и руководителей состоит в следующем. Сотрудники выделили профессиональную компетентность как наиболее важную ха-

рактическую, а руководители, в отличие от сотрудников, наряду с деловыми, профессиональными, всемерно подчеркивали и личные качества, связывая их с эффективным или не эффективным выполнением функций руководителя. При этом руководители охватили почти весь спектр нужных руководителю качеств. Скорее всего, это связано с должностным положением и с функциональными задачами руководителя, т.к. как он практически ознакомлен со всеми аспектами занимаемой должности.

В ходе исследования были отмечены различия в представлениях об успешном руководителе у сотрудников крупной региональной организации с разными гендерными характеристиками (маскулинность, феминность, андрогинность).

Общее процентное соотношение респондентов-сотрудников с различными психологическими гендерными типами: 64% обладают мужскими и женскими характеристиками (андрогинный тип), у 20% преобладают мужские характеристики (маскулинные), у 16% – женские характеристики (фемининные).

Среди опрошенных сотрудников-мужчин 61% характеризуются андрогинностью, а 39% – маскулинностью. Следовательно, гендерный психотип большинства мужчин не соответствует их биологическому полу.

Среди опрошенных женщин 5% обладают маскулинным гендерным типом личности, 57% имеют андрогинный, а 38% – феминный гендерный тип. Следовательно, у 38% женщин гендерный психотип соответствует их биологическому полу, для 57% присущи «женские» и «мужские» черты характера, и только 5% женщин отличаются маскулинным поведением.

Преобладает андрогинный тип гендерной идентичности. Распространенность андрогинности среди сотрудников намного превышает этот показатель среди руководящего состава организации.

Важно заметить, что среди мужчин и женщин не было выявлено ярко выраженного гендерного психотипа.

Анализ сходств и различий в представлениях об успешном руководителе у сотрудников организации с *разными гендерными характеристиками* показал:

1. Андрогинный тип личности в качестве наиболее важных качеств успешного руководителя отмечает наличие стратегического мышления, четкое понимание и принятие организационных целей, умение принимать управленческие решения, умение правильно организовывать деятельность подчиненных, умение положительно мотивировать работников, высокий уровень профессионализма, уверенность в себе, организаторские способности, лидерство, ответственность, профессионализм.

2. Обладатели маскулинного типа выделяют стремление к получению новой информации, наличие навыков делового общения, последовательность в достижении целей, умение положительно мотивировать работников, умение принимать управленческие решения, наличие управленческих способностей, стремление к личностному росту, лидерство, исполнительность, пунктуальность, целеустремленность, образованность, профессионализм, организаторские способности, лидерство.

3. Феминный тип отметил гуманное отношение к работникам, наличие управленческих способностей, стремление к инновациям, внимание к исполнителям, четкое понимание и принятие организационных целей, умение правильно организовывать деятельность подчиненных, лидерство, исполнительность, решительность, опыт, образованность, профессионализм.

4. Сотрудники с разными гендерными характеристиками имеют представления об успешном руководителе в соответствии с собственной гендерной идентичностью,

т.е. у маскулинных сотрудников успешный руководитель обладает, в основном, характеристиками присущие маскулинному типу и т.д. При этом у мужчин и женщин представление успешного руководителя имеет как маскулинные, так и феминные качества, следовательно, они являются андрогинными.

5. Для феминных сотрудников в руководителе оказались очень важными как личные характеристики, так и ориентированность на рабочий коллектив. Для сотрудников с маскулинным типом личности важными являются деловые качества руководителя, с преобладающей мотивацией на достижение и в большей степени ориентированность на выполнение задач и целей. Для андрогинных сотрудников важными являются личные и профессиональные качества руководителя, т.е. им важно не только выполнение непосредственной задачи, но и направленность на коллектив.

6. Для сотрудников-мужчин успешный руководитель с преобладанием маскулинных характеристик, а женщины, предпочитают тесное, дружеское общение и взаимоотношения с руководителем, бесконфликтность.

Можно сделать основной вывод, что с одной стороны, существуют некоторые различия в представлениях об успешном руководителе у сотрудников различной гендерной принадлежности: из 30 характеристик успешного руководителя 6 оказались различными, а из 25 качеств 2 оказались различными. С другой стороны, полученные результаты говорят о том, что представления об успешном руководителе у лиц с разной гендерной идентичностью в большей степени являются сходными, чем различными.

Список литературы

1. Алексеева М.Г. Образ успешного руководителя в представлениях командиров высшего и среднего звена железнодорожного транспорта // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2013. № 7. С. 112-115.
2. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. 336 с.
3. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2007. 544 с.
4. Кон И.С. Пол и гендер: заметки о терминах. URL: <https://www.nuntiare.org/пол-и-гендер-заметки-о-терминах-кон-и-с/>
5. Кон И.С. Мужская роль и гендерный порядок // Вестник общественного мнения. 2008. № 2 (94). С. 37-43.
6. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
7. Кричевский Р.Л. Психология лидерства: Учебное пособие. М.: Статут, 2007. 542 с.
8. Розанова В.А. Психология управления. Учебное пособие. М.: ЗАО Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1999. 352 с.

Информация об авторе

Михайлов Валерий Алексеевич (Россия, г. Тверь) – доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии, Институт педагогического образования и социальных технологий, Тверской государственный университет (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33; e-mail: Mikhaylov.VA@tversu.ru).

SUCCESSFUL LEADER IN GENDER DIMENSION: SOCIOLOGICAL ASPECT

Abstract. *The article deals with the gender aspects of ideas about a successful leader among employees of a large regional organization. The similarity and differences of opinions and assessments of the success of management activities among employees of different gender characteristics were revealed.*

Key words: *androgyny, gender, gender identity, gender stereotypes, leader, leadership, masculinity, femininity.*

Information about author

Mikhaylov Valery A. (Tver, Russia) – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology of the Institute of Pedagogical Education and Social Technologies of the Tver State University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Department of Sociology; e-mail: Mikhaylov.VA@tversu.ru).

Bibliography

1. Alekseeva M.G. The image of a successful leader in the views of commanders of the highest and middle levels of railway transport // Collections of conferences of the Scientific Research Center «Sociosphere». 2013. No. 7. P. 112-115.
2. Bem S. Lenses of gender: Transformation of views on the problem of gender inequality / Per. from English. M.: «Russian political encyclopedia», 2004. 336 p.
3. Ilyin E.P. Differential psychophysiology of man and woman. St. Petersburg: Piter, 2007. 544 p.
4. Kon I.S. Sex and gender: notes on terms. URL: <https://www.nuntiare.org/пол-и-гендер-заметки-о-терминах-кон-и-с/>
5. Kon I.S. Male role and gender order // Bulletin of Public Opinion. 2008. No. 2 (94). P. 37-43.
6. Kon I.S. A man in a changing world. Moscow: Time, 2009. 496 p.
7. Krichevsky R.L. Psychology of Leadership: Textbook. M.: Statut, 2007. 542 p.
8. Rozanova V.A. Psychology of management. Tutorial. M.: CJSC «Business School «Intel-Sintez», 1999. 352 p.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблемы безработицы в России на современном этапе. Методическую основу составили методы анализа, синтеза, обобщения, сравнения. Представлена оценка специфики проблем занятости в России, приведена динамика безработицы и указаны перспективы ее снижения.*

Ключевые слова: *занятость, безработица, социальная ответственность, перспективы, динамика.*

Безработица стала одной из важнейших проблем современной России. Каждый год из вузов нашей страны выпускается тысячи специалистов, а найти работу по специальности или даже просто близко к профилю очень трудно. Не только молодые специальности имеют проблемы в трудоустройстве. Безработица представляет собой социально – экономическое явление, выраженное в том, что часть экономически активного населения не находит себе работу и становится «лишними». По определению Международной организации труда безработным считается любой, кто на данный момент времени не имеет работы, ищет работу и готов приступить к ней, т.е. только тот человек, который официально зарегистрирован на бирже труда.

Численность безработных в каждый конкретный период зависит от цикла и темпов экономического роста, производительности труда, степени соответствия профессионально-квалификационной структуры рабочей силы существующему на нее спросу, конкретной демографической ситуации. Сегодня экономика России находится в кризисе, причин много санкции, цены на нефть, и другие, все это способствует обострению проблем безработицей.

Выделяют несколько видов безработицы: вынужденная, добровольная, зарегистрированная, маргинальная, неустойчивая, сезонная, структурная, технологическая (таблица).

Виды безработицы

Виды безработицы	Значение
вынужденная	возникает, когда работник может и хочет работать при данном уровне заработной платы, но не может найти работу
добровольная	связана с нежеланием людей работать, например, в условиях понижения заработной платы
зарегистрированная	незанятое население, ищущее работу и официально взятое на учет
маргинальная	безработица слабозащищенных слоев населения (молодежи, женщин, инвалидов) и социальных низов
неустойчивая	вызывается временными причинами (например, при добровольной смене работниками мест работы или увольнении в сезонных отраслях промышленности)
сезонная	зависит от колебаний в уровне экономической активности в течение года, характерными для некоторых отраслей экономики
структурная	обусловлена изменениями в структуре спроса на труд, когда образуется структурное несовпадение между квалификацией безработных и требованием свободных рабочих мест
технологическая	безработица, связанная с механизацией и автоматизацией производства, в результате часть рабочей силы становится либо излишней, либо нуждается в более высоком уровне квалификации
Источник: составлено автором.	

Так же существует фрикционная безработица, она возникает, на рынке полной занятости, связана с затратами времени на поиск новой работы и длится 1-3 месяца.

Согласно статистике безработицы в России, в 1992 году в РФ было 5,9% безработных от общей численности трудоспособного населения. Но уже через 6 лет данный показатель увеличился до 8,9%. Основная причина безработицы на тот момент – перестройка и закрытие многих государственных учреждений и заводов. 1999 год стал для России одним из кризисных. В этот период процент безработных достиг 13% (рис. 1). Основная причина такой ситуации крылась в большом государственном долге РФ и низкой стоимости сырья, которое импортировалось за рубеж [4].

Рис. 1. Уровень безработицы в России, % [5]

С 2000 г. ситуация относительно трудоустройства немного улучшилась. Страна постепенно восстанавливалась после развала СССР, реализовывала крупные проекты, которые начали предоставлять рабочие места россиянам. В 2000 году областей с уровнем незанятости ниже 15% было около 20.

В апреле 2020 года безработица в России на фоне пандемии коронавируса подскочила до 5,8% с 4,7% в марте. Пик безработицы был зафиксирован в августе – тогда она достигла 6,4%, а затем постепенно начала снижаться. В 2021 году снижение продолжилась. В августе текущего года безработица снизилась до 4,4% – минимума за два года. «Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше в сентябре 2021 года составил 4,3% (без исключения сезонного фактора)», – говорится в докладе Росстата за 2021г. Исторический минимум в 4,3% был зафиксирован в августе 2019 года.

Анализ безработицы в России показывает, что самыми кризисными годами в истории РФ были 1992–2000 гг. После этого периода уровень незанятости начал постепенно снижаться. В связи с тем, что рождаемость в годы перестройки снизилась и соответственно сократилось количество трудоспособного населения, стране удалось увеличить занятость граждан, то есть предоставить рабочие места. Среди молодёжи безработица в России достигла максимального предела в конце 90-х гг. Согласно статистике, безработных было около 41 % людей в возрасте до 20 лет и 19% в возрасте от 20 до 24 лет.

Однако, в 2009 г. в период кризиса уровень безработицы вновь увеличился. далее, в 2010-2018 гг. Уровень безработицы держится на относительно стабильном уровне с небольшой тенденцией к снижению [4, с. 143]. Во время пандемии коронавируса уровень безработицы, судя по отчётам Росстата, поднимался не сильно.

Для примера рассмотрим 2017г. Динамика занятости различается в зависимости от географии, демографических показателей региона (рис. 2).

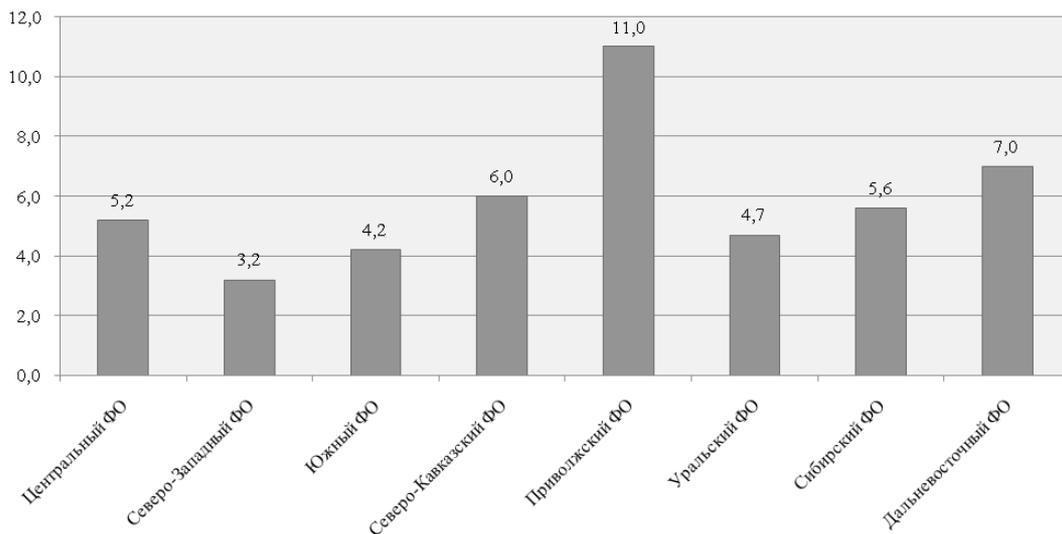

Рис. 2. Уровень безработицы в территориальном разрезе в 2017 г., % [5]

Традиционно невысокую безработицу показывают крупные города федерации, а также высоко урбанизированные регионы. И, наоборот, более 60% всех безработных приходится на деревни, села и мало урбанизированные регионы.

Можно выделить несколько основных причин безработицы в России. Первая причина заключается в технологическом прогрессе. Сегодня многие процессы на предприятиях и заводах выполняет современное оборудование. Если сравнить технологический уровень сегодня и 20–30 лет назад, то можно сделать вывод, что применение новых технологий сокращает потребность в количестве рабочей силы.

Второй причиной является экономический фактор. Во время экономического кризиса работники попадают под сокращение из-за нежелания или невозможности оплаты их труда со стороны руководства, поэтому происходят массовые увольнения трудовых ресурсов. Растёт численность трудоспособного населения. Кроме того, в стране отмечается низкая оплата труда на некоторых производствах, несмотря на официальные данные статистики о средних зарплатах в регионах [1].

Для снижения уровня безработицы государство реализует политику занятости, основными направлениями которой являются:

- обеспечение социальной поддержки безработных граждан. Заключается в реализации программ компенсационной политики занятости – это выплата пособий по безработице, стипендий и материальной помощи в период обучения граждан по направлению службы занятости.
- повышение трудоустройства граждан, ищущих работу.
- развитие организации временного трудоустройства молодежи.

- поддержка малого предпринимательства. Заключалась в оказании содействия развития самостоятельной занятости безработных граждан [3].

Все эти меры в совокупности позволяют сдерживать безработицу на приемлемом уровне.

Таким образом, проблема безработицы является ключевым вопросом в рыночной экономике любой страны. Особенно остро проблема безработицы стоит сейчас перед Россией, так как состояние её экономики нестабильно. Поэтому изучение проблемы безработицы и поиск мер борьбы с ней является важным и очень актуальным вопросом.

Список литературы

1. Зеленина Э.Е. Безработица в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа // Молодой ученый. 2017. №4. С. 437-439.
2. Камаев В.Д. Учебник по основам экономической теории (экономика). М.: Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 2016. 384 с.
3. Кудюрова, А.В. Особенности безработицы в России и государственная политика в области занятости // Молодежный научный форум: электр. сб. ст. по мат. XII междунар. студ. науч.-практ. Конференции, Москва, 2017. URL: <https://nauchforum.ru/studconf/science/12/38214>
4. Плакся В.И. Безработица: теория и современная российская практика. М.: Издательство РАГС, 2017. 384 с.
5. Федеральная служба государственной статистики РФ. М., 2019. URL: <http://www.gks.ru/>

Информация об авторе

Морозов Арсений Аркадьевич (Россия, Петрозаводск) – младший научный сотрудник, Институт экономики, Карельский научный центр РАН (Россия, 185000, г. Петрозаводск, пр. А. Невского 50; e-mail: Morozov589@gmail.com).

Morozov A.A.

MODERN EMPLOYMENT PROBLEMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article is devoted to the study of the problem of unemployment in Russia at the present stage. The methodological basis is the methods of economic analysis, synthesis, generalizations, comparisons. We will evaluate the specifics of employment problems in Russia and the prospects for reducing unemployment.*

Key words: *employment, unemployment, social responsibility, prospects, dynamics.*

Information about author

Morozov Arseniy A. (Russia, Petrozavodsk) – junior researcher at the Institute of Economics, Federal State Budgetary Institution of Scientific Research Center of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Russia, 185000, Petrozavodsk, A. Nevsky Ave. 50; e-mail: Morozov589@gmail.com).

Bibliography

1. Zelenina E.E. Unemployment in the Russian Federation: experience of comparative analysis // Young scientist. 2017. No. 4. P. 437-439.

2. Kamaev V.D. Textbook on the fundamentals of economic theory (economics). M.: Humanit. Ed. center VLADOS, 2016. 384 p.
3. Kudyurova A.V. Peculiarities of unemployment in Russia and state employment policy // Youth scientific forum: electr. Sat. Art. by mat. XII int. stud. scientific-pract. conf. No. 11(12). Moscow, 2017. URL: <https://nauchforum.ru/studconf/science/12/38214>
4. Plaksia V.I. Unemployment: theory and modern Russian practice. M.: Publishing house of the RAGS, 2017. 384 p.
5. Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Moscow, 2019. URL: <http://www.gks.ru/>

АКТУАЛЬНЫЕ ТRENДЫ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: НАРАСТАЮЩИЙ ДЕФИЦИТ МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ

***Аннотация.** В данной статье рассматривается растущий кадровый дефицит медицинского персонала, его вероятные причины, а также возможности стабилизации данной ситуации. Данную проблему необходимо решать не только в масштабе государства, но и на уровне каждого отдельного образовательного учреждения.*

Ключевые слова: здравоохранение, медицинский персонал, качество жизни, студенты-медики.

В России уже традиционно существует дефицит медицинских кадров (особенно в сельских населенных пунктах), поэтому данный момент остается одним из предметов многочисленных споров в организации российского здравоохранения и о котором постоянно говорится последние несколько десятилетий. Существует ряд причин низкой укомплектованности штата и нехватки медицинских кадров. Одной из существенных причин является недостаточный уровень оплаты труда в системе здравоохранения в сравнении с рядом других отраслей экономики. При этом только лишь её значительное повышение не решит проблемы кадрового «голода» в системе здравоохранения, так как это не решает остальные проблемы, связанные с дефицитным состоянием.

Выделяют ещё ряд основных проблем, которые вызывают дефицит кадров в здравоохранении помимо низкого уровня оплаты труда [4]:

- отсутствие «престижности» у профессии врача;
- чрезмерные нагрузки в виде переработок, дежурств;
- не регулирование численности внебюджетных мест при приеме в ординатуру;
- а также недостаточная работа по профессиональной ориентации в образовательных учреждениях.

На последнем пункте хочется сделать особый акцент. В 2019 году на базе Медицинской академии имени С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» проводилось анкетирование студентов с 1 по 6 курс, и были сделаны интересные выводы. Согласно результатам опроса, 77% студентов выбрали свою будущую профессию самостоятельно, 11,9% – под влиянием родственников и 11,1% выразили затруднение с ответом на вопрос. Однако стоит отметить, что при ответе на уточняющие вопросы данные несколько изменились. Лишь 14,1% опрошенных старались собрать достоверную информацию о будущей профессии, в том числе задавая интересующие их вопросы медицинским работникам. В 46,7% случаев способствовали выбору будущей профессии беседы с родственниками (особенно с родителями), 14,8% абитуриентов выбрали медицинскую сферу, вдохновившись художественной литературой о подвигах медиков, фильмами и сериалами, описывающими будущую профессию, остальные 24,4% воздержались от ответа. [3]

На протяжении всех лет обучения студент получает не только теоретические знания, но и практический опыт. Общаясь с преподавателями и пациентами, врачами и медицинскими сестрами, проходя практику, он начинает накапливать достоверную информацию о профессии медицинского работника и размышлять над ней. К сожалению, порой это приводит к сомнениям в верности выбранного жизненного пути.

Стоит также отметить, что работа в медицинской сфере является далеко не самой легкой. Поэтому важно понимать, насколько будущий выпускник готов воспринимать те нагрузки, которые его ожидают. К сожалению, наличие справки №086/у не гарантирует, что выпускник в обозримом будущем сможет работать безопасно как для себя, так и для общества. Возможно, стоит ввести более углубленные медицинские осмотры (хотя для прохождения практики требуется достаточно большой список медицинских обследований), чтобы ответить на вопрос: не будут ли профессиональные вредные факторы негативно сказываться на здоровье будущего специалиста.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о недостаточной профориентационной работе в образовательных учреждениях. Чтобы избежать разочарований, приводящих к дефициту медицинских кадров необходимо усилить просветительную работу среди абитуриентов и, главное, акцентировать внимание на особенностях самой медицинской профессии, её трудностях, а также устраивать встречи в образовательных организациях непосредственно с работниками данной сферы, чтобы молодые люди могли задать интересующие их вопросы. Недостаточная работа по профессиональной ориентации приводит к тому, что такие студенты просто занимают бюджетные места тех, кто действительно хотел и мог бы получить эту профессию.

При проведении социологического опроса, который Вяткина Н.Ю. представила в 2019 году на X Общероссийской конференции с международным участием «Неделя медицинского образования», среди студентов 5-6 курса, ординаторов и аспирантов сложилась логическая цепочка из причин, которые подталкивают молодого специалиста к «уходу» из медицинской деятельности [1].

Причины, подталкивающие молодого специалиста к отказу от работы по медицинской специальности [1]

Причины	%
Низкая оплата труда	69,3
Неудовлетворительные условия труда	50,7
Отсутствие возможности карьерного роста	42,9
Плохое отношение руководства	38,6
Неблагоприятные отношения в коллективе	34,5
Высокий уровень стресса на работе	25,0
Семейные обстоятельства	20,7
Сомнения в своей профессиональной компетенции	14,3
Психологическая неготовность к работе по специальности	10,0
Высокий уровень трудовой нагрузки	9,3

К сожалению, многие из перечисленных причин по-прежнему актуальны на сегодняшний день. В эпоху Интернета много информации можно получить из открытых источников. Поэтому многочисленные новости в СМИ о конфликтах медицинских работников с руководством лечебных учреждений или с родственниками больных достаточно часто мелькают перед будущими специалистами, и их это в некотором роде пугает. К тому же, часть выпускников сомневается в своих профессиональных навыках и квалификации, а также не способны грамотно представить себя обществу (в первую очередь коллегам и пациентам), в связи с этим испытывают стресс в коллективе.

Для существенного облегчения острого дефицита медицинских кадров, можно предложить несколько направлений в организации здравоохранения и учебного процесса:

– устанавливать целевые показатели снижения разрыва в уровне обеспеченности врачами сельской и городской местности. [4] Необходимо создавать привлекательные условия для молодых специалистов (проживание, транспорт, денежные выплаты), в том числе по возможности полностью укомплектовывать лечебные учреждения в сельских местностях. Ведь куда привлекательнее поехать работать в место, где человек не будет полагаться лишь сам на себя, а у него будет крепкий и сплоченный коллектив, а также необходимый медицинский инструментарий;

– установить распределение выпускников медицинских вузов, которые обучались на бюджетной основе. Обострившийся дефицит кадров в системе здравоохранения стал причиной введения в 2020 году в высших учебных заведениях медицинского профиля целевого набора: когда по выбранной специальности доля бюджетных мест по целевому набору составляла от 70% до 100%, что в целом сильно напоминает политику по профессиональной ориентации в СССР [2];

– обеспечить разработку перспективного плана развития кадровых ресурсов с учетом развития регионов. Недостатки планирования в России во многом определяются ограниченными ресурсами для проведения детальной плановой работы, чрезмерной централизацией планирования. Также стоит отметить, что при недостаточном планировании происходит перенасыщение рынка труда по одним специальностям и ещё большему дефициту по другим. В качестве пилотного проекта ввести профессиональный отбор абитуриентов при выборе медицинских специальностей;

– усилить регулирование структуры приема на внебюджетные места в ординатуре. Предлагается внести поправки в закон «Об образовании», предусматривающие установление государственного регулирования приема студентов в ординатуру в медицинских вузах по специальностям на все места обучения независимо от источника его финансирования. Главный механизм этого регулирования – определение структуры ресурсов вузов по отдельным специальностям, в том числе состава учебных кафедр и профессорско-преподавательского состава, т.е. регулирование предложения образовательных услуг [4];

– следует организовать проведение профориентационной работы в образовательных организациях, а также устраивать встречи школьников с медицинскими работниками, на которых ученики смогли бы получить информацию о профессии из «первых рук»;

– реализация социологических исследований для мониторинга текущей ситуации и формирование прогнозов стратегического развития системы здравоохранения [1].

Благодарность

Статья выполнена в рамках государственного задания КарНЦ РАН.

Список литературы

1. Вяткина Н.Ю. Изучение мнений обучающихся медицинских ВУЗов о траектории своего профессионального становления. URL: https://medobr-conf.ru/userfiles/ufiles/02.04_Vyatkina%20N.Yu..pdf (дата обращения 15.03.2022 г.).
2. Залаяев А.В., Шаммазова Е.Ю. Целевое обучение в оценках студентов-медиков: опыт эмпирического исследования // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. 2021. №1 (61). С. 97-102.

3. Козуля С.В., Лахно В.А., Лахно Д.М. Недостаточная работа по профессиональной ориентации как причина кадрового «голода» в медицине // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2019. Т. 10, № 3. С. 36–41.
4. Созарукова Ф.М. Кадровый дефицит специалистов здравоохранения: причины возникновения и пути решения // Вестник экспертного совета. 2018. №4 (15). С. 104-109.

Информация об авторе

Морозова Людмила Руслановна (Россия, Петрозаводск) – аспирант, Институт экономики, Карельский научный центр РАН (185000, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50; e-mail: kryuchkova96@yandex.ru).

Morozova L.R.

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE HEALTHCARE SYSTEM: THE GROWING SHORTAGE OF MEDICAL PERSONNEL

Abstract. *This article discusses the growing shortage of medical personnel, its probable causes, as well as the possibilities of stabilizing this situation. This problem is much deeper than it may seem at first glance, and it needs to be solved not only on a national scale, but also at the level of each individual educational institution.*

Key words: *healthcare, medical personnel, quality of life, medical students.*

Information about author

Morozova Lyudmila R. (Russia, Petrozavodsk) – post-graduate student of the Institute of Economics of the Federal State Budgetary Institution of Scientific Research Center of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (185000, Petrozavodsk, A. Nevsky prospect, 50; kryuchkova96@yandex.ru).

Bibliography

1. Vyatkina N.Yu. Studying the opinions of medical university students about the trajectory of their professional development. URL: https://medobr-conf.ru/userfiles/ufiles/02.04_Vyatkina%20N.Yu..pdf (date of reference 03/15/2022)
2. Zalyaev A.V., Shammazova E.Y. Targeted training in the assessments of medical students: the experience of empirical research // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences. 2021. №1 (61). P. 97-102.
3. Kozulya S.V., Lakhno V.A., Lakhno D.M. Insufficient work on professional orientation as a cause of personnel “hunger” in medicine // Medical education and professional development. 2019. Vol. 10, No. 3. P. 36-41.
4. Sozarukova F.M. Personnel shortage of healthcare professionals: causes and solutions // Bulletin of the Expert Council. 2018. №4 (15). P. 104-109.

КОЛЛЕКТИВИСТСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРЫ ДОВЕРИЯ НА РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию роли коллективистских ценностей в формировании доверия на российских промышленных предприятиях. Показано, что ориентация работников на совместное решение трудовых задач и взаимопомощь выступают ценностными основаниями культуры доверия в современных организациях.*

Ключевые слова: *коллективистские ценности, организационное доверие, промышленные предприятия.*

В современных условиях глобализационных социокультурных рисков, оказывающих влияние на функционирование предприятий и организаций, большое значение приобретает поиск механизмов, способствующих стабильному развитию социально-трудовых отношений. Доверие выступает одним из ключевых параметров, позволяющих социальным системам, в том числе предприятиям и организациям, достигать стабильности и поддерживать безопасность в среде нормативной неопределенности и продуцируемых рисков [5], тем самым расширяя возможности для принятия и инициирования инноваций. Актуальным является обращение к вопросу о факторах, способствующих формированию культуры доверия как результата выработанных трудовым коллективом норм и ценностей [1, 4].

Обзор литературы показывает, что среди многообразия ценностных оснований большую роль в формировании доверия в организациях играют коллективистские ценности: проявление заботы о людях и взаимопомощь [2], нацеленность руководства на общее благо, а не на личный интерес [6], доброжелательность [7]. Исходя из теоретических посылок, в исследовании была выдвинута следующая гипотеза: уровень горизонтального и вертикального доверия позитивно связан с восприятием коллективизма в организации: чем больше работник верит в ориентацию коллег на коллективные действия, тем большее доверие он к ним испытывает. Восприятие коллективизма в настоящем исследовании трактуется как феномен сознания, отражающий убежденность в готовности коллег к позитивным взаимодействиям (обмен информацией и помощью, совместное преодоление проблем и т.п.). Цель статьи – проанализировать роль коллективистских ценностей в формировании доверия на российских промышленных предприятиях.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования выступили результаты формализованного опроса работников крупного промышленного предприятия нефтегазового сектора г. Перми (n= 792 чел.), проведенного в 2021 году. В структуре выборочной совокупности доля основного производственного персонала составила 47%, доля инженерно-технических работников – 53%. Метод выборки респондентов – сплошной отбор присутствующих на рабочих местах работников в подразделениях предприятия.

С целью изучения горизонтального и вертикального доверия в исследовании использовалась методика J. Cook и T. Wall, предполагающая анализ восприятия работниками серии суждений, отражающих два качества доверенных лиц: доброжелательности и компетентности [3], с помощью 7-балльной шкалы суммарных оценок

(шкала Лайкерта). Кроме этого, для измерения вертикального доверия задавался прямой вопрос («Как Вы считаете, насколько руководители предприятия заслуживают Вашего доверия?») об отношении работников к менеджменту разного уровня в структуре управленческой иерархии: линейному, среднему и высшему руководству.

Показатели восприятия коллективизма измерялись с помощью 5-балльной шкалы суммарных оценок. Каждый из показателей вычисляется как среднее арифметическое баллов по двум суждениям: «Большинство моих коллег охотно делятся своими знаниями и умениями друг с другом», «Сложные вопросы мы с коллегами обычно решаем совместно».

С целью проверки гипотезы исследования применялась порядковая регрессия и корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования

Исследование показывает, что доверие работников к руководству организации на обследуемом предприятии довольно высоко. Индекс вертикального доверия, суммирующий оценки работников в отношении показателей доброжелательности и компетентности руководства, составляет 0,71. Поскольку измерение индекса варьируется в границах от 0 до 1, полученный результат свидетельствует о достаточно устойчивом доверительном отношении работников к руководству предприятия. Следует отметить, что персонал практически на одинаковом уровне оценивает, как доброжелательность (значение индекса – 0,75), так и компетентность руководства (значение индекса – 0,69).

В структуре управленческого аппарата наиболее высоким уровнем доверия подчиненных обладают линейные руководители (доля работников, «скорее доверяющих» им, составляет 21% и «полностью доверяющих» – 75%), что объяснимо более тесной коммуникацией, близкими социальными связями, основанными на взаимно разделяемых ценностях и нормах. В то же время, доверие к руководству, занимающему более высокое положение, также достаточно высоко: менеджерам среднего звена «скорее доверяют» 25% опрошенных работников, «полностью доверяют» – 66%; руководителям высшего уровня – 27% и 63% соответственно.

Уровень доверия к линейному руководству на исследуемом предприятии не имеет существенных отличий между разными социально-демографическими группами работников. Однако наблюдаются особенности доверительного отношения среди разных групп персонала к руководству высшего и среднего звена. Так, более склонны доверять руководителям высшего и среднего уровней: женщины (среди них доля «скорее» или «полностью» доверяющих почти достигает максимума, составляя 99% и 97% соответственно); молодежь 18-34 лет (90% и 91% соответственно) и люди среднего возраста 35-49 лет (93% в обоих случаях); работники с более высоким уровнем образования, прежде всего, имеющие высший уровень образования (92% и 93% соответственно) и, закономерно, инженерно-технические работники (94% и 95%). Таким образом, в отличие от доверия к менеджменту высшего и среднего звена, доверие работников к непосредственным руководителям гораздо в большей степени определяется близостью социальных связей и культурой отношений, нежели социально-демографическими факторами.

Согласно полученным результатам, уровень горизонтального доверия на предприятии также очень высок. Индекс взаимного доверия работников друг к другу составляет 0,84, что свидетельствует о сложившихся на предприятии отношениях взаимовыручки, взаимной ответственности, доверия к знаниям и опыту коллег.

Опрос показал, что поддержка коллективистских ценностей и установок в обследуемом коллективе работников промышленного предприятия выражена на высоком уровне: индекс восприятия коллективизма составляет 0,84. В трудовом процессе работники обмениваются своими знаниями и умениями друг с другом, сообща решают сложные производственные задачи, тем самым демонстрируя поддержку ценностей коллективизма.

На первом этапе для проверки гипотезы о связи между доверием и коллективизмом на предприятии использовался корреляционный анализ. Значения коэффициента Спирмена продемонстрировали, что наличествует прямая положительная связь между восприятием работниками коллективизма и доверием на предприятии, оцененном через суммарный индекс (см. таблицу 1). При этом связь горизонтального доверия и коллективизма можно охарактеризовать как высокую (восприятие коллективизма $r_s = 0,786$, $\alpha < 0,01$), а связь вертикального доверия и коллективизма как относящуюся к категории слабых (восприятие коллективизма $r_s = 0,438$, $\alpha < 0,01$).

Таблица 1. Связь организационного доверия с восприятием коллективизма
(коэффициент ранговой корреляции Спирмена, r_s)

Виды организационного доверия	Восприятие коллективизма r_s
Горизонтальное доверие	0,786*
Вертикальное доверие	0,438*
* Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторонняя).	

На втором этапе проверки гипотезы была использована линейная регрессия. Показатели доверия – горизонтального и вертикального – были попеременно включены в модель как зависимые переменные, а восприятие коллективизма – в качестве предиктора.

Результаты линейного регрессионного анализа (см. таблицы 2 и 3) позволяют в целом подтвердить сформулированную на основании теоретических идей исследовательскую гипотезу. Качество полученной модели для показателей горизонтального доверия следует называть приемлемым ($R^2=0,695$), однако для показателей вертикального доверия качество модели невысоко ($R^2=0,184$). Оценка уровня значимости свидетельствует, что ориентация на коллективизм оказывает влияние как на горизонтальное, так и на вертикальное доверие в организации ($\alpha < 0,05$ в обоих случаях). Оценка стандартизированных регрессионных коэффициентов Бета показывает, что коллективистские ценности оказывают наибольшее влияние на горизонтальное доверие ($= 0,834$), нежели на вертикальное ($= 0,429$).

Таблица 2. Влияние восприятия коллективизма на горизонтальное доверие
(регрессионные коэффициенты)

Независимая переменная	Нестандартизированные коэффициенты β	Стандартизированные коэффициенты β	t	α
Константа	0,197		14,143	0,000
Восприятие коллективизма	0,763	0,834	46,939	0,000
Коэффициент детерминации $R^2=0,695$.				

**Таблица 3. Влияние восприятия коллективизма на вертикальное доверие
(регрессионные коэффициенты)**

Независимая переменная	Нестандартизированные коэффициенты β	Стандартизированные коэффициенты β	t	α
Константа	0,322		6,985	0,000
Восприятие коллективизма	0,792	0,429	14,718	0,000
Коэффициент детерминации $R^2=0,184$.				

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о высокой роли коллективизма и коллективистских ценностей в формировании доверительных отношений на предприятиях. Ориентация на совместное решение трудовых задач, взаимопомощь и поддержку, установка на общее благо и солидарность выступают ценностными основаниями культуры доверия в современных организациях. Особенно высока роль коллективизма в формировании доверия на горизонтальном уровне, между коллегами, находящимися на одном уровне производственной иерархии. Следует также отметить, что коллективистские ценности органичны национальному менталитету россиян, входят в культурное ядро российской цивилизации. Отсюда большое значение приобретает развитие корпоративной культуры доверия, базирующейся на коллективистских ценностях и идеях социального партнерства.

Благодарность

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социокультурные условия модернизации российских промышленных предприятий: роль организационного доверия», № 20-011-00488.

Список литературы

1. Пеша А.В. Атмосфера доверия как составляющая корпоративной культуры и ее влияние на организационную эффективность // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Том 9. №2. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/100EVN217.pdf> (дата обращения 19.07.2020).
2. Шо Р.Б. Ключи к доверию в организации: Результативность, порядочность, проявление заботы. М.: Дело, 2000. 272 с.
3. Cook J., Wall T. New work attitude measures of trust, organizational commitment and personal need non-fulfilment // Journal of Occupational Psychology. 1980. № 53. P. 39-52.
4. Fraser W.L. Trust violation and repair: An exploration of the views of work group members: Ph.D. Thesis. Fielding Graduate University. 2010. 174 p.
5. Luhman N. "Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives" in Gambetta, D. (eds) Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Oxford: University of Oxford, 2000. P. 94-107.
6. Mele D. Organizational humanizing cultures: Do they generate social capital? // Journal of Business Ethics. 2003. Vol. 45, pp. 3-14.
7. Pirson M. Facing the Trust Gap: Measuring and Building Trust in Organizations: Ph.D. Thesis. University of St. Gallen, Graduate School of Business Administration, Economics, Law and Social Sciences (HSG). 2007. 249 p.

Информация об авторах

Плотникова Елена Борисовна (Россия, Пермь) – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: plotnikova1958@yandex.ru).

Маркова Юлия Сергеевна (Россия, Пермь) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: julyamarkova@gmail.com).

Plotnikova E.B., Markova Yu.S.

COLLECTIVIST VALUES AS THE BASIS OF A CULTURE OF TRUST IN RUSSIAN INDUSTRIAL ENTERPRISES

Abstract. *The article is devoted to the study of the role of collectivist values in the formation of trust in Russian industrial enterprises. It is shown that the orientation of employees towards the joint solution of labor problems and mutual assistance are the value bases of a culture of trust in modern organizations.*

Key words: *collectivist values, organizational trust, industrial enterprises.*

Information about authors

Plotnikova Elena B. (Russia, Perm) – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Sociology, Perm State National Research University (address: 614990, Perm, Bukireva St., 15; tel. 8 (342) 239-64-35. E-mail: plotnikova1958@yandex.ru).

Markova Yulia S. (Russia, Perm) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, Perm State National Research University (address: 614990, Perm, Bukireva St., 15; tel. 8 (342) 239-64-35. E-mail: julyamarkova@gmail.com).

Bibliography

1. Pешa A.V. Atmosphere of Trust as a Component of Corporate Culture and Its Impact on Organizational Efficiency // Internet Journal “Naukovedenie”. 2017. Volume 9, No. 2. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/100EVN217.pdf> (accessed: 19.07.2020).
2. Sho R.B. Keys to Trust in the Organization: Effectiveness, Decency, Care Manifestation M.: Delo, 2000. 272 p.
3. Cook J., Wall T. New work attitude measures of trust, organizational commitment and personal need non-fulfilment // Journal of Occupational Psychology. 1980. № 53. P. 39-52.
4. Fraser W.L. Trust violation and repair: An exploration of the views of work group members: Ph.D. Thesis. Fielding Graduate University. 2010. 174 p.
5. Luhman N. “Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives” in Gambetta, D. (eds) Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Oxford: University of Oxford, 2000. P. 94-107.
6. Mele D. Organizational humanizing cultures: Do they generate social capital? // Journal of Business Ethics. 2003. Vol. 45, pp. 3-14.
7. Pirson M. Facing the Trust Gap: Measuring and Building Trust in Organizations: Ph.D. Thesis. University of St. Gallen, Graduate School of Business Administration, Economics, Law and Social Sciences (HSG). 2007. 249 p.

ПЯТЬ УРОКОВ ПАНДЕМИИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Аннотация. *Беспрецедентные условия выживания, в которые пандемия поставила малый и средний бизнес, послужили мощным стимулом для ускоренного развития бизнеса. Проведенное всероссийское исследование позволило обозначить несколько уроков, которые извлекли предприниматели из полученного опыта выживания в условиях кризиса.*

Ключевые слова: *уроки пандемии, предприниматели, общественное мнение, развитие бизнеса.*

Известно, что мудрость рождается из опыта, а опыт рождается из совершенных ошибок. Российские предприниматели, «набив шишки» за два года пандемии, сделали для себя выводы, вынесли определенные уроки, которым они намерены следовать в своей дальнейшей деятельности. Об этом они рассказали исследователям из Ассоциации региональных исследовательских центров, которые провели 23 КЭП-сессии с предпринимателями из 23 регионов от Владивостока до Калининграда в конце 2021 года. КЭП-сессии – это фокус-групповые дискуссии с компетентными экспертами-предпринимателями, по сути «выжившими в кризис», а значит, могущими поделиться рецептами выживания. Прозвучали своеобразные декларации о намерениях, которые будут определять судьбы российского малого бизнеса в ближайшей перспективе. Приведем ниже пять уроков, которые извлекли для себя российские предприниматели

1. Подушка безопасности

Фактически все предприниматели согласились с тем, что каждый должен впредь позаботиться о пресловутой «подушке безопасности» – некоторой неприкосновенной сумме денег, отложенной на «черный день», или, как образно они выражались: «если выплывет черный лебедь». Уверения в необходимости «подушки безопасности» звучали из самых разных городов страны и от предпринимателей, представляющих совершенно не схожие сферы деятельности (туризм, стоматология, монтаж светодиодного освещения, кадастровые услуги, розничная торговля, аудит, бьюти-индустрия, типография и др.).

• Информант: «Безусловно, все поняли, что обязательно нужно иметь хоть минимальную какую-то, но подушку безопасности, без этого никак» (Барнаул, туризм).

• Информант: «Я для себя однозначно сделал вывод, что в любом случае требуется иметь резервный портфель так называемый». (Воронеж, кадастровые услуги)

Свободные деньги (как их не назови – «подушкой безопасности» или «резервным портфелем») нужны на все случаи жизни предприятия: платить работникам зарплату, оплачивать аренду, запускать новые проекты, ещё не получив аванс или оплату со стороны клиента. Предприниматели не скупались на эмоции, доказывая необходимость «небольшого стабилизационного фонда»: «Не выпучив глаза, тратить: “О, у меня появились денежки”, нет, пусть эта соточка лишняя полежит, на какую-нибудь аренду, на какой-нибудь крайний случай» (Воронеж, изготовление и установка окон).

С этим были согласны все информанты, расходились лишь в величине суммы и, соответственно, того времени, на которое эта сумма рассчитана. Назывались суммы от ста тысяч рублей до полумиллиона, от 2-х месяцев до полугода: «Очень важ-

но держать определенную сумму, но лучше не меньше полумиллиона, как минимум (Тюмень, исследовательская деятельность). Информант из Волгограда заявил, что имел привычку всегда откладывать деньги с запасом на несколько месяцев, но далеко не у всех бизнесменов существовало такое правило до пандемии. Некоторые предприниматели раньше не делали запасов, не откладывали деньги, потому что были уверены, что завтра смогут их заработать снова, но ситуация с пандемией рассеяла их прежнюю уверенность: «Финансовая подушка все-таки нужна. Я вот 20 лет обходился без нее. Она мне не нужна была абсолютно, потому что я был уверен в завтрашнем дне. А сейчас я абсолютно не уверен, какое будет завтрашнее дно, я не знаю (Казань, розничная торговля). Выходит, что состояние неопределенности, которым чревато сегодняшнее время, предусматривает обязательность «подушки безопасности». Некоторые советовали держать деньги в валюте, которая имеет меньше шансов обесцениться, чем рубли.

Но далеко не все информанты полагали, что это вообще должны быть деньги. Ликвидный товар, который можно продать и быстро выручить необходимые деньги мог бы стать надежной опорой предпринимателей в трудную минуту. Это могут быть и акции, и какие-то альтернативные источники инвестиций, которые ликвидны. Но с одним исключением: «Но ни в коем случае не производство. В моей сфере, если покупаешь новое оборудование, то ты уже, попользовавшись им, даже за половину стоимости будет тяжело его продать (Челябинск, минитипография).

Можно не сомневаться, что российские предприниматели, освоив урок необходимости «подушки безопасности», приложат максимум усилий, чтобы она у них была. Это означает, что часть денег будет изыматься из оборота и откладываться в «кубышки», либо превращаться в валюту, что не является для российской экономики благом. Другой вариант – акции, инвестиции, приносящие проценты выглядят более благоприятным вариантом для экономической ситуации. Российские власти могли бы рассмотреть такие варианты поддержки бизнесменов, которые позволят им чувствовать себя увереннее в завтрашнем дне без ущерба для экономики страны.

2. Онлайн технологии

Один из самых важных уроков пандемии – это урок работы с онлайн технологиями. Это первое, что называли предприниматели на вопрос о том, какие уроки они получили.

- Информант: «С тремя восклицательными знаками – онлайн-формат работы, конечно!!!» (Барнаул, розничная торговля)

Не только предпринимателям, но и всем стало ясно, что переход на онлайн технологии неизбежен, что онлайн – это наше будущее, причем уже самое близкое. Нельзя сказать, что все информанты такому будущему рады, но принимают его как неотвратимость.

Предприниматели понимают, что обратной дороги нет, к прошлым методам вернуться не получится. И причина этому – не столько пандемия и её бесконечные волны, а тот факт, что наступила другая эпоха. Эпоха цифры. «Даже не то, что в период пандемии, а просто уже время другое наступило, время цифровых технологий» (Ставрополь, розничная торговля, стоматология, туризм). Впрочем, люди надеются, что со временем она тоже станет привычной, и новые технологии окажутся не менее удобными, чем прежние.

Респонденты выражали беспокойство лишь по поводу того, что они могут отстать от времени, в чем-то не разобраться, что-то не понять, и тогда их участь – за бортом

корабля, стремительно бегущего цифровому информационному полю; «Надо развиваться, вникать в это все, тоже идти в ногу со временем, где-то использовать в своей среде волей-неволей. Потому что чувствуешь, что если от этого всего отстанешь, то ты вообще окажешься далеко за бортом» (Челябинск, системы отопления). Чтобы «держаться хвост по ветру» предприниматели поставили для себя неотложные задачи – освоить новые технологии сферы IT-индустрии, приобрести программы, нанять продвинутых онлайн-специалистов... Новые вызовы служат толчком развитию, как самих предпринимателей, так и малого бизнеса в целом.

Многие предприниматели уже оседлали цифрового коня и вполне оценили его достоинства: «Если я вела обучения офлайн, то сейчас я ушла на онлайн. И возврат в офлайн я даже не буду рассматривать, потому что действительно онлайн удобен тем, что меньше затрата времени, больше охват аудитории, то есть не только работаешь по Волгограду, ты работаешь по всей стране» (Волгоград, салон красоты).

Правда, у отдельных респондентов имело место сомнение, возможен ли в принципе перевод их бизнеса (например, организация праздников) в сферу онлайн... Возникали дискуссии, можно ли празднование Нового года «пришпилить» к цифре, возможно ли появление Деда Мороза на экране компьютера, а не рядом с новогодней ёлкой, старательно убранной к празднику ребенком... Да и вообще, можно ли перевести офлайн-бизнес в онлайн, не изменив самого бизнеса при этом? Это будет уже новый бизнес: «Я так думаю, что невозможно, на самом деле, перевести существующий офлайн-бизнес в онлайн-режим работы, потому что это совершенно другие бизнес-процессы, совершенно всё по-другому. Поэтому тут можно скорее констатировать смерть офлайн-бизнеса и начало нового онлайн-бизнеса. Даже если у тебя тот же самый продукт по итогу продаётся». (Владивосток, настройка оргтехники)

Таким образом, привычным технологиям офлайн-бизнеса приходит конец. Малый бизнес видоизменяется, и если не ещё полностью переходит на платформу онлайн-технологий, то хотя бы частично ими вооружается. И в итоге становится... новым видом бизнеса... Смерть офлайн-бизнеса не приводит к унынию предпринимателей, поскольку именно с онлайн-бизнесом они связывают своё будущее. Король умер, да здравствует король?!

3. Востребованность новых знаний (знание – сила)

Третий важнейший урок – это потребность в информации (всегда быть в курсе, быть интеллектуально более мобильным, отслеживать возникающие тренды, без усталости учиться всему новому).

• Информант: Я не могу, допустим, в своей сфере, со своим багажом знаний десятилетним что-то делать, мне нужно постоянно что-то изучать новое (Краснодар, автоматизация бухгалтерского управленческого учета)

Предприниматели осознали, что владение информацией – это один из ключевых факторов, помогающих эффективно реагировать на изменения. Бизнесмен просто не имеет права углубиться в свой бизнес и не интересоваться происходящим вокруг, поскольку на нем лежит ответственность за всех, кто зависит от его работы. Нужно быть постоянно в курсе информационной повестки, правовой повестки, потому что в сфере законодательства изменения происходят очень быстро: «Ты работаешь и всё нормально, а на следующий день уже выходит какой-то приказ, и приходится всё сразу менять, думать, что делать (Санкт-Петербург, туризм).

Нужная информация может поступать не только из официальных источников, но и по дружеским каналам личного общения: «Это общение не только с коллегами,

бизнес-партнерами, но и с другими участниками бизнеса, которые имеют доступ напрямую к информационным каналам, прежде всего. Знание – сила, не зря фраза эта (Москва, инжиниринг)

Многие информанты уже определились с тем, каких именно знаний им не хватает, и планируют их пополнить. Конечно, это не значит, что до пандемии респонденты ничему не учились. На самом деле учились, но размеренном режиме, а во время локдауна некоторым «пришлось обморочно обучаться путем каких-то онлайн-школ» (как выразилась респондентка из Самары). Потребность в срочном обучении актуализировалась именно в XXI веке, потому что в прошедших веках знание о профессии могло передаваться от поколения к поколению многие тысячелетия, и этого знания было довольно для овладения профессией. А в настоящем веке изменения происходят слишком быстро, через полгода могут появиться новые технологии, через несколько месяцев – новые продукты.

Зачастую владельцы предприятий были поставлены перед выбором: либо получение новых знаний, либо потеря бизнеса. Стремительно меняющаяся реальность заставляла бизнесменов, предприимчивых по определению, делать все возможное, чтобы «остаться на плаву», тратить деньги не только на свое обучение, но и на обучение собственного персонала. А в случае, если не хватает времени и возможности быстро обучиться самому, то есть другой выход – пригласить в качестве консультанта, либо нанять на работу того, кто обладает нужными знаниями.

Иными словами, без новых знаний никак не обойтись. Есть выбор: либо учиться самим, либо приглашать консультантов, специалистов, обладающих необходимыми знаниями. Большинство предпринимателей предпочитает накачать информацией собственную голову, но некоторые из них готовы пользоваться сторонними услугами. Поэтому услуги IT-консультантов будут весьма востребованы в ближайшие годы. Еще более востребованы будут востребованы обучающие новым технологиям курсы самого широкого профиля. Учиться, учиться и учиться! Похоже, что ленинский призыв актуализировался для сегодняшних предпринимателей.

4. Развитие как способ выживания

Бизнес, как велосипед, должен двигаться вперед, иначе упадет. Развивающийся бизнес – это перманентное явление, это норма. Но в период пандемии это правило актуализировалось в квадрате.

- Информант: Бизнес – это постоянное развитие. Как только ты успокаиваешься и перестаешь развиваться – всё. Ты перестаешь быть готовым к кризисным ситуациям, перестаешь быть способным реагировать на любые кризисные ситуации, становишься ближе к провалу (Москва, организация мероприятий).

Во время кризисных явлений необходимо не просто двигаться вперед, а совершать рывок, не унывать, а «искать пути» - делать что-то новое, как утверждали предприниматели. Трудно выходить из зоны комфорта, но это необходимо. Нужно перенимать успешный опыт коллег и внедрять в свою деятельность. Потому что во время кризиса для получения того же результата прежние усилия нужно умножить.

Те предприниматели, которые во время кризиса «сидели, сложа руки», просто не попали в исследование в качестве информантов, потому что их бизнес «загнулся». Информантами оказались «выжившие», и в своих рассказах о деятельности предприятий они делали акцент на развитие: «Нужно всё время развиваться, двигаться, искать новые пути, чтобы не вы догоняли меняющийся мир, а вы немножко впереди этого мира бежали. Чтобы мир вас догонял». (Москва, производство полимерных

изделий). Развитие предполагает не только внедрение новых «фишек» в управление предприятием, но и расширение своего бизнеса, экстраполяция его на другие регионы. Как ни странно, именно кризис подтолкнул некоторых предпринимателей к масштабированию бизнеса: «Надо здраво понимать, что ты должен масштабировать свой бизнес. Масштабировать бизнес – это значит расширять свою сферу. Мы пошли в другой регион, и мы там выиграли. Мы потеряли здесь, но приобрели в чем-то другом, в другом регионе, мы масштабировались». (Йошкар-Ола, внедрение и сопровождение онлайн-касс).

Именно масштабирование бизнеса на другие регионы помогло предпринимателям выжить и даже улучшить качество своей услуги. Забота о качестве своей услуги неразрывно связана с обучением персонала, и именно кризис способствовал развитию этого направления. Обострилось внимание не только к производительности и интенсивности труда, но и к его качеству: «Если мы в сфере услуг, то у нас должна быть лучшая услуга» (Барнаул, розничная торговля).

Прогнозы предпринимателей весьма оптимистичны: «будет движение вперед, потому что жива сила предпринимательского духа». Осознание своих ошибок в период кризиса мотивирует к их немедленному исправлению. Говорят, что опыт – хороший учитель: хотя берет дорого, зато объясняет доходчиво. Пандемия дала возможность предпринимателям прокачать свои компетенции, проанализировать ошибки, повысить эффективность своей работы, «стать немножко лучше», как выразился один из бизнесменов, потому что рынок погрузился в жесткую конкурентную среду. Прежних знаний, опыта и навыков оказалось недостаточно, чтобы в ней выжить. Пандемия волей-неволей явилась катализатором саморазвития.

Развиваться предприниматели предлагают, получая от этого удовольствие: «заниматься тем, что тебе действительно интересно, не бояться заниматься своими хобби, превращать их тоже в какой-то бизнес». Урок предпринимателей таков – необходимо развивать себя параллельно со своим бизнесом, исправляя ошибки и впитывая все новое. Только развитие – залог выживания в кризисе и признак жизни в стабильное время.

5. Быстрота реагирования

Быстрота реагирования на калейдоскоп сменяющихся друг друга событий – это ещё один урок выживания в период кризиса. Навыки по быстрому принятию рискованных решений, как мягкая адаптации (soft skill), так и жесткая смена направления бизнеса (hard skills) – это то, что может помочь выжить предпринимателю. Сегодня для бизнеса не будет правильным решением зафиксироваться в одной нише (там мой отец работал, я там работаю, мои дети будут там работать). Не будет правильным зафиксироваться в одной и той же тактике (так работали предки, у них получалось – получится и у меня). Увы – нет! Преемственность поколений в плане освоения технологий не работает. Быстрота реакции на возникающие вызовы имеет определяющее значение.

- Информант: Нужно своевременно, быстро и четко принимать решения. (Тюмень, исследовательская деятельность)

- Информант: Нужно учиться быстро реагировать.... Долгосрочные планы не строить, а всегда иметь несколько вариантов планов. (Казань, частные дошкольные учреждения)

Информанты утверждали, что те люди, которые чего-то добились в период пандемии, и даже заработали прибыль – это люди, которые успели быстро перестроить-

ся, адаптироваться и даже поменять образ мышления. Пожалуй, образ мышления поменять быстро сложнее всего – люди весьма консервативны в ментальном отношении. Те предприниматели, которые «оказались на коне», они не ждали, а начали работать он-лайн: «НЕ ЖДАТЬ – это главный урок». (Тула, салон красоты). Многие предприниматели сожалели, что не успели вовремя перестроиться, к примеру, организовать доставку, поскольку спустя некоторое время это была уже слишком дорогостоящая задача в связи с ужесточившейся конкуренцией.

Сожаление об упущенном времени, наверное, самое горькое сожаление на свете, поскольку время необратимо. Бизнес-реальность меняется быстро, постоянно появляются новые вызовы, от которых не стоит отмахиваться, поскольку тебе дорог привычный метод работы. Если привычные методы не работают, то «не стоит пинать дохлую лошадь». Важно вовремя выходить из старого бизнеса и вовремя обучаться новому. Предприниматели советуют быстро протестировать новые ниши, новые сферы: «взяли, попробовали – на немножко денег, не получилось, ну, черт с ним, пристрелили!». А если опыт оказался удачным, то можно масштабировать новые навыки и новый бизнес. Предприниматели в настоящий момент учатся быстро пробовать в стартапах минимально жизнеспособный продукт. Важно – зайти и попробовать. Действовать быстро. И заранее смириться с тем, что что-то может не получиться. Как шутили респонденты, «лишь бы ты не был при этом хирургом или сапером».

Но какая бы ни была быстрая реакция, она все равно следует за событием. Некоторые предприниматели считают, что нужно не только быстро реагировать на меняющуюся ситуацию, но и принимать превентивные меры, работать на опережение: «Способность видеть на два шага вперёд, как у шахматистов, и способность быстро принимать решения» (Владивосток, настройка оргтехники). Если бизнесмен чуть-чуть впереди изменяющейся ситуации («на шаг, даже на полшажочка»), то это дает ему колоссальное преимущество.

Иными словами, предпринимателям следует меняться даже быстрее быстро меняющейся вокруг ситуации. Это напоминает совет Алисе со стороны Черной Королевы из сказки Льюиса Кэрролла: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!». Как это сделать? В частности, можно отлеживать инновации на американском и на европейском рынке, которые «доползают» до России примерно за год. Этот год рассматривать как запас для своего конкурентного преимущества. Или же «включить» собственную интуицию, умноженную на опыт. В любом случае быстрота реагирования для предпринимателя имеет такое же судьбоносное значение как для мчащегося с горы лыжника.

Выводы

Пандемия обозначила для предпринимателей качественно новую полосу жизни. «Именно по этой социальной группе пандемия ударила в первую очередь: каждому третьему пришлось остановить свой бизнес или деятельность, еще столько же говорили о сокращении доходов» [1, с. 135]. Все кризисы, бывшие ранее, после обострения ситуации возвращали её на место, и жизнь текла привычным чередом. В настоящее время бизнес-ситуация оказалась «в третьем измерении», она не вернётся на свое привычное место, и предприниматели это понимают. Наступило время новых решения и выбора новой стратегии, на основе извлеченных из прохождения кризиса уроков. Извлеченные уроки – это не только

практические советы по ведению бизнеса, но и векторы перемены мировоззрения предпринимателей – новые идеи и новые решения.

Это второе всероссийское исследование, проведенное межрегиональной исследовательской группой. Первое состоялось в июне 2020 года, тогда 24 независимых исследовательских центра, используя онлайн-фокус-группы, опросили предпринимателей из 22 регионов, представляющих 30 наиболее пострадавших от коронавируса отраслей с последующей публикацией материалов исследования [2, с. 113-126]. Спустя год на фокус-группы пришли те бизнесмены, которые остались на плаву. Это была беседа с «выжившими», и общий настрой бизнесменов конца 2021 года отличался повышенной бодростью и оптимизмом по сравнению с предпринимателями 2020 года. Бизнесмены осознавали, что времена поменялись кардинально: «Если раньше, образно говоря, предприниматель втыкал в землю палку, и она начинала расти и цвести, то сегодня надо усилием прикладывать в пять раз больше...» (Владивосток, IT-аутсорсинг). Зато тот бизнес, который выживет – он станет просто на голову выше, в два раза сильнее и в три раза устойчивее. А выиграют от этого обычные люди, которые пользуются товарами и услугами, потому что товары и услуги станут лучше. Так считают предприниматели, которые настроены весьма оптимистично. Впрочем, без изрядной доли оптимизма в период кризиса выжить не получается.

Список литературы

1. Социология пандемии. Проект коронаФОМ. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. 319 с.
2. Краш-тест малого бизнеса. Уроки и последствия первой волны пандемии (сб. докладов объединенной межрегиональной группы 24 исследовательских компаний по итогам инициативного исследования состояния малого бизнеса в период самоизоляции). М., 2020. 262 с.

Информация об авторе

Романович Нелли Александровна (Россия, Воронеж) – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры политологии и политического управления, РАН-ХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал); генеральный директор, Институт общественного мнения «Квалитас» (394030, Россия, г. Воронеж, пр. Революции, д. 44; e-mail: nelly@qualitas.ru).

Romanovich N.A.

FIVE PANDEMIC LESSONS FOR RUSSIAN ENTREPRENEURS

Abstract. *The pandemic has placed small and medium-sized businesses in unprecedented survival conditions. Since the restrictive measures were introduced by the authorities not at all with the aim of harming businessmen, but, on the contrary, to help physically survive for themselves and their employees, mutual trust and understanding of the danger of what was happening was assumed. But in reality this was not always observed.*

Key words: *pandemic lessons, entrepreneurs, public opinion, business development.*

Information about author

Romanovich Nelly A. (Russia, Voronezh) – Doctor of Sociology, Professor of the Department of Political Science and Administration of the The Russian Presidential

Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh branch), General Director of the Public Opinion Institute “Qualitas” (394030, Russia; Voronezh, Revolution Avenue, 44; e-mail: nelly@qualitas.ru).

Bibliography

1. Sociology of a Pandemic. Project coronaFOM. Moscow: Institute of Public Opinion Foundation (inFOM), 2021. 319 p.
2. Small Business Crash Test. Lessons and Consequences of the Pandemic First Wave (24 Research Companies Joint Interregional Group Reports Collection Based on the Results of an Initiative Study of the Small Business State during the Period of Self-isolation). Moscow, 2020. 262 p.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУД

Аннотация. *Рассматривается методологическая сущность эффективности государственной пенсионной системы. Представлены результаты расчетов показателей, позволяющих оценить эффективность отечественной пенсионной системы в соответствии с общемировыми принципами, обоснованы предложения по повышению ее эффективности.*

Ключевые слова: *государственная пенсионная система, экономическая эффективность, коэффициент замещения, обязательное пенсионное страхование.*

Общепризнано, что наиболее острыми вопросами развития государственной пенсионной системы традиционно считаются: сокращение бедности пенсионеров, снижение тарифной «нагрузки на бизнес» и нивелирование зависимости бюджета ПФР от трансфертов федерального бюджета. Поставленные вопросы закономерно требуют оценки эффективности пенсионной системы в целом, как системы экономических отношений между ее участниками, так и в частности, каждого из них (застрахованного лица, страхователя и страховщика). Экономические интересы участников государственной системы обязательного пенсионного страхования объективно находятся в антагонистическом противоречии между собой:

- пенсионеры заинтересованы в увеличении размера материального обеспечения при наступлении страхового случая (старости, инвалидности или потери кормильца),

- страхователи-работодатели заинтересованы в экономии на уплате страховых платежей за работников,

- страховщики заинтересованы в долгосрочной бюджетной устойчивости, т.е. финансовой обеспеченности пенсионных обязательств на весь страхуемый период.

Выбор приоритетных интересов участников пенсионной системы в процессе анализа и обосновании управленческих решений непосредственно влияет на оценку эффективности пенсионной системы [1, 2, 5].

Поэтому оценка эффективности пенсионной системы должна в той или иной степени отражать и учитывать интересы каждого участника. Однако, при этом целевым ориентиром такой экономической оценки всей системы должен рассматриваться пенсионер как субъект страхового обеспечения, для которого собственно и создается государственная система обязательного пенсионного страхования.

В международной практике наиболее признанным критерием эффективности государственного пенсионного обеспечения рассматривается показатель «коэффициент замещения», поскольку в нем наиболее полно отражены экономические и социальные интересы главного субъекта пенсионной системы – застрахованного лица. Показатель представляет собой результат соотношения размера пенсии типового пенсионера и его утраченного заработка. По своему социально-экономическому содержанию данный показатель позволяет оценивать адекватность получаемой застрахованным лицом пенсии накопленным пенсионным правам, сформированным благодаря отчислению страховых взносов в течение трудоспособного периода жизни.

Выполненные расчеты долгосрочной динамики показывают, что отмеченная ретроспективная негативная тенденция данного показателя в долгосрочной перспективе усиливается по ряду причин. Во-первых, снижение соотношения страховой пенсии по старости со средней заработной платой в экономике обусловлены тем, что с 2024 года на пенсию начинается период выплаты накопительной пенсии застрахованным лицам, участвовавшим в ее формировании. Следует напомнить, что застрахованные лица формировали накопительные пенсии за счет секвестирования собственных прав в распределительном компоненте (за вычетом 6 п.п. тарифа).

В целях методического обоснования использования данного показателя для оценки эффективности пенсионной системы необходимо конкретизировать исходные параметры самой страховой пенсии и заработной платы. В статотчетности для расчета данного показателя используются среднестатистические характеристики различных видов пенсий и заработков наемных работников, но конкретизируются условия назначения и количество получателей. Учитывая значительные различия размеров пенсий по видам и по численности их получателей показатели соотношения пенсии и заработка будут серьезно отличаться (таблица). Дополнительные различия создает дифференциация условий формирования пенсии для работающих и неработающих пенсионеров, что показывают данные пенсионной отчетности¹.

Прогноз показателя соотношения различных видов пенсий и заработка, %

Соотношение пенсии и заработка	2019	2020	2021	2025	2030	2035	2036	2040
всех пенсий	29,6	29,2	29,0	26,1	24,6	23,3	23,1	22,4
Страховых пенсий	30,4	30,0	29,0	27,0	25,3	24,0	23,7	23,0
По старости	31,4	31,0	30,0	27,7	25,9	24,5	24,2	23,4
По инвалидности	19,4	19,1	18,5	17,3	17,3	17,3	17,4	17,6
СПК	19,8	19,7	19,2	18,5	17,6	17,1	17,1	17,2
Страховой пенсии неработающих	31,2	31,0	30,1	28,4	26,4	25,0	24,8	24,1
По старости неработающих пенсионеров	32,7	32,6	31,2	29,2	27,2	25,4	25,3	24,3

Источник: расчеты автора по данным [1, 2, 5].

При обосновании методов использования данного показателя выполнены расчеты долгосрочной динамики соотношения пенсии и средней зарплаты в стране, анализ которых подтвердил снижение этого показателя на всем прогнозном периоде по всем видам пенсионных выплат. Для прогнозирования использованы демографические данные (прогнозные таблицы смертности), основные макроэкономические параметры [2].

Анализ статистики показывает, что в настоящее время для пенсии по старости 30-летняя продолжительность стажа типового получателя так же, как его гендерный и семейный состав, не являются типичной для России. Так, в частности, средняя продолжительность стажа новых назначений не превышает 28,9 лет (меньше или равный ему имеют 39,8% получателей), а стаж 30 лет при назначении пенсии имели в 2016 г. не более 5,1% получателей (меньше или равный ему – 49,1%). И указанные параметры имеют тенденцию к снижению в долгосрочной перспективе [4, 5].

Проведенный анализ показал необходимость формирования в России для оцен-

¹ Страховой стаж неработающих пенсионеров в среднем не превышает 30 лет, средний размер зарплаты приближается к среднестатистическому размеру, в то время как для работающих пенсионеров эти характеристики существенно выше (форма 94-пенсии годовая).

ки эффективности страховой пенсионной системы интегрального критерия, элементы которого будут отражать уровень страхового возмещения, обеспечиваемого всей пенсионной системой и отдельными ее компонентами при наступлении страхового случая по отношению к уплаченным страховым взносам и заработной плате, с которой они начислялись.

Благодарность

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Список литературы

1. Соловьев А.К. Коэффициент замещения: проблемы теории и практики. М.: Вариант, 2014. 303 с.
2. Gross pension replacement rates (Men, % of pre-retirement earnings): Pensions at a Glance <https://data.oecd.org/pension/gross-pension-replacement-rates.htm#indicator-chart>
3. Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators // OECD. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/pension_glance-2017-en.pdf?expires=1649832771&id=id&accname=guest&checksum=8033B6AF3EDF1021562051BAEBDB7CD9
4. Пенсионный возраст в разных странах мира. URL: <https://kakdobratsyado.ru/pensionnyj-vozrast-v-raznyh-stranah-mira/>
5. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474.

Информация об авторе

Соловьев Аркадий Константинович (Россия, Москва) – доктор экономических наук, заслуженный экономист России, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, (Москва, ул. Шаболовка, 4; e-mail: sol26@100.pfr.ru).

Solovyev A.K.

THE EFFECTIVENESS OF THE STATE PENSION SYSTEM IN RUSSIA IN THE CONDITIONS OF LABOR MARKET TRANSFORMATION

Abstract. *In world practice, the most recognized integral criterion of efficiency is the replacement rate indicator, which provides synergetic accounting of all components of the pension system. The results of the study allow us to assess the effectiveness of the domestic pension system in accordance with global principles, as well as substantiated proposals to improve its efficiency.*

Key words: *insurance pension, state pension system, economic efficiency, replacement rate, compulsory pension insurance.*

Information about author

Solovyev Arkady K. (Russia, Moscow) – Doctor of Economics, Professor of the State University of Finance under the Government of Russia, Honored Economist of Russia (Moscow, Shabolovka str., 4; e-mail: sol26@100.pfr.ru).

Bibliography

1. Solovyev A.K. Replacement Rate: Problems of Theory and Practice. M.: Variant, 2014. 303 p.

2. Gross pension replacement rates (Men, % of pre-retirement earnings): Pensions at a Glance <https://data.oecd.org/pension/gross-pension-replacement-rates.htm#indicator-chart>
3. Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators // OECD. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/pension_glance-2017-en.pdf?expires=1649832771&id=id&accname=guest&checksum=8033B6AF3EDF1021562051BAEBDB7CD9
4. Retirement age in different countries of the world. URL: <https://kakdobrasyado.ru/pensionnyj-voznrast-v-raznyh-stranah-mira/>
5. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 N 474.

ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИЙ Г. ВОЛОГДЫ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы обеспеченности трудовыми ресурсами предприятий г. Вологды. Анализируются причины дефицита и основные каналы поиска работников, а также направления решения кадровых проблем. Обоснована важность повышения взаимодействия всех заинтересованных сторон на рынке труда.

Ключевые слова: рынок труда, трудовые ресурсы, потребность в кадрах, кадровая политика, найм персонала.

За последние несколько десятилетий в России и Вологодской области, в частности, произошло значительное сокращение численности и доли населения трудоспособного возраста, что обострило вопросы обеспечения экономики трудовыми ресурсами [1, 2]. Реализация мер по стимулированию рождаемости и сокращению смертности, а также повышение пенсионного возраста способствовали некоторому улучшению демографической ситуации, в результате чего на первый план вышла проблема дисбаланса между спросом и предложением на рынке труда, обострившая вследствие рассогласования в направлениях подготовки кадров и потребностями экономики, изменения структуры занятости, модернизации производств и т.д.

Одним из барьеров снижения сложившегося дисбаланса является отсутствие конкретной информации о потребностях предприятий и организаций территорий в кадрах. В этой связи в IV квартале 2021 г. ФГБУН ВолНЦ РАН был проведен социологический опрос работодателей муниципального образования «город Вологда». Сбор эмпирических данных осуществлялся посредством рассылки онлайн-анкет на электронные адреса организаций по заранее подготовленной выборке, которая в свою очередь была сформирована на основе открытых источников¹.

Согласно данным опроса, только 19% организаций города Вологды имеет оптимальный уровень обеспеченности трудовыми ресурсами (рис. 1). При этом большая часть предприятий (63%) испытывают незначительный дефицит кадров, а 18% – острый кадровый голод.

¹ Общее количество разосланных писем составило 335 единиц. В связи с низким откликом работодателей, нами были направлены официальные письма на адреса партнерских организаций (Союз промышленников и предпринимателей Вологодской области, Вологодская Торгово-промышленная палата, Центр поддержки предпринимательства АНО «Мой Бизнес» и т.д.) с просьбой оказать содействие в рассылке приглашений к участию в опросе. Это не повлекло за собой кардинальное увеличение выборки, объем которой составил 45 наблюдений.

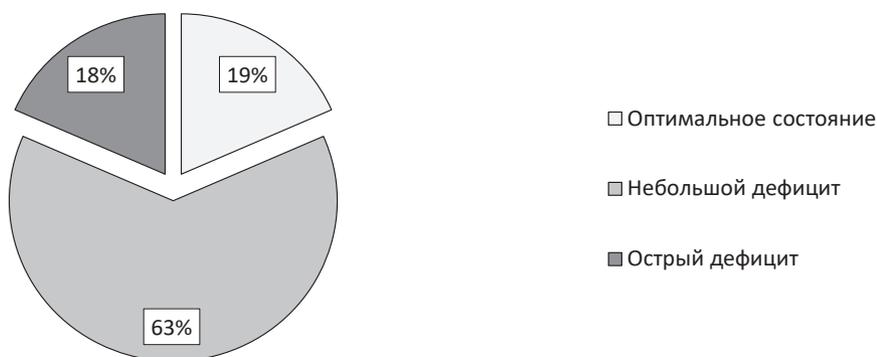

Рис. 1. Уровень обеспеченности организаций трудовыми ресурсами

Источник: здесь и далее – рассчитано авторами на данных опроса «Кадровая потребность хозяйствующих субъектов города Вологды – 2021», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021 г.

В разрезе отдельных категорий работников наибольший дефицит наблюдается среди контингента рабочих (рис. 2). Так, незначительная нехватка квалифицированных рабочих отмечена в 50% организаций, острая нехватка – в 21%, в группе неквалифицированных рабочих – в 29 и 11% соответственно. Около 40% предприятий в той или иной степени испытывают дефицит служащих и технических работников. В большей степени укомплектован штат руководителей различного звена. В настоящий момент потребность в работниках имеется у 71% организаций. При этом 43% из них оценивают ее в количестве до 5 человек, 9% – от 5 до 10 человек, 20% – более 10 человек.

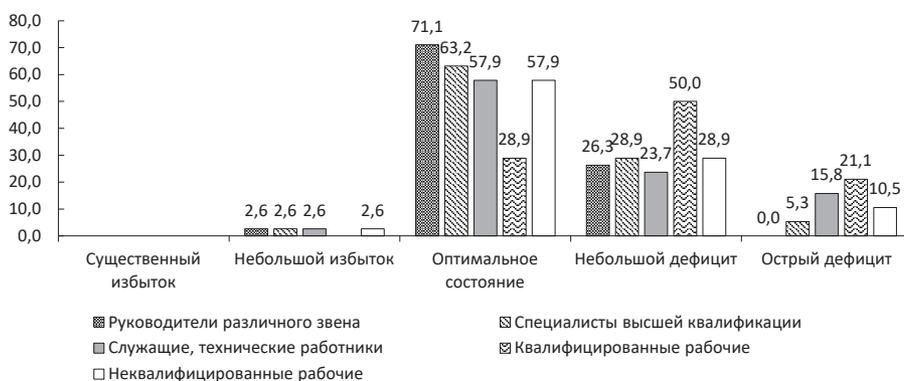

Рис. 2. Уровень обеспеченности организаций трудовыми ресурсами в разрезе отдельных категорий работников

Среди сотрудников определенных профессий, отмеченных работодателями, преобладают рабочие специальности. Наиболее востребованными являются водители, электромонтеры, подсобные рабочие, кондукторы. Единичная потребность отмечается в группах служащих и технических работников (технологи, инженеры, учителя, IT-специалисты, менеджеры). В силу особенностей формирования выборки и периода проведения опроса проблема дефицита медицинского персонала осталась вне фокуса исследования, однако она, безусловно, присутствует на Вологодчине².

² В Вологде обсудили вопросы в сфере здравоохранения в рамках партпроекта «Здоровое будущее». URL: <https://proekty.er.ru/node/116750> (дата обращения: 22.03.2022).

Главной причиной дефицита кадров, по данным опроса, выступает нежелание выпускников работать по полученной специальности (табл. 1). Порядка трети работодателей считают, что образовательные учреждения города выпускают недостаточное количество необходимых им работников, а также отмечают их низкую квалификацию и нежелание трудиться с большой отдачей. Каждая пятая организация подчеркнула отсутствие требуемых им направлений подготовки в городе и регионе и компетенций молодых специалистов для работы на предприятии. Наименее значимым фактором при этом являются тяжелые условия и содержание труда.

Таблица 1. Основные причины дефицита работников

Вариант ответа	%
Нежелание выпускников работать по полученной специальности / профессии	44,7
Недостаточный выпуск учебными заведениями нужных специалистов	28,9
Низкая квалификация работников, нежелание трудиться с большой отдачей	26,3
Отсутствие требуемых предприятию / организации направлений профессиональной подготовки в городе / регионе	21,1
Отсутствие у молодых специалистов необходимых компетенций для работы на предприятия / в организации	21,1
Неконкурентоспособная заработная плата предприятия / организации	13,2
Миграционный отток населения (наиболее способные люди уезжают в поисках более благоприятных условий жизни, высокой заработной платы из-за отсутствия более лучших перспектив в городе / регионе)	10,5
Отсутствие возможностей карьерного роста на предприятии / в организации	7,9
Высокая доля работников предпенсионного и пенсионного возраста	7,9
Высокая текучесть кадров	7,9
Напряженный труд, тяжелые условия и содержание труда	5,3

Поиск сотрудников в компаниях осуществляется, как правило, через объявления на специализированных интернет-порталах, и данный способ, по мнению опрошенных, является наиболее эффективным (рис. 3). Вторым по значимости каналом рекрутинга выступает поиск с помощью коллег, знакомых и родственников, однако его эффективность оценивается на 23,5 п.п. ниже, чем на интернет-порталах (56% против 79%). Здесь важно подчеркнуть, что большинство россиян (54%) предпочитают именно такой вариант трудоустройства, о чем свидетельствует исследование Аналитического центра НАФИ³.

³ Россияне предпочитают искать работу с помощью нетворкинга. URL: <https://nafi.ru/analytics/pochti-tret-rossiyan-ispolzovali-internet-dlya-poiska-raboty/> (дата обращения: 22.03.2022).

Рис. 3. Основные способы поиска работников (белый цвет) и их эффективность (серый цвет)

Заметно реже работодатели прибегают к привлечению выпускников вузов и ссузов на практику/стажировку, объявлениям в СМИ, отбору сотрудников из ранее сформированного кадрового резерва (по всей видимости, в силу его отсутствия), но эффективность в этих случаях также достаточно высока.

На третьем месте по популярности каналом найма персонала являются центры занятости населения, при этом отдача от обращения в них, по мнению работодателей, практически нулевая (6%). Кроме того, вызывает настороженность скептицизм хозяйствующих субъектов в отношении таких практик, как: целевое обучение за счет средств организации, участие в ярмарках вакансий и иных мероприятиях по подбору кадров, а также в профориентационной деятельности общеобразовательных организаций. Все это является следствием низкого уровня взаимодействия между субъектами рынка труда, который зачастую носит весьма формальный характер.

Среди наиболее вероятных мер, которые могут предпринять организации города Вологды для решения своих кадровых проблем, чаще всего отмечались расширение штата и создание новых рабочих мест, а также поиск и найм сотрудников, владеющих современными цифровыми навыками (табл. 2). Около четверти работодателей с высокой вероятностью прибегнут к стимулированию персонала на повышение квалификации, а 16% – к переподготовке штатных сотрудников. Самыми непопулярными направлениями кадровой политики в перспективе являются расширение масштабов удаленной занятости, гибкого графика работы и обращения к услугам фрилансеров.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Оцените вероятность применения вашим предприятием / организацией следующих мер для удовлетворения кадровых потребностей в ближайшие 3 года?», %

Вариант ответа	Вероятность		
	низкая	средняя	высокая
Расширение штата, создание новых рабочих мест	36,8	34,2	28,9
Поиск и найм сотрудников, обладающих современными цифровыми навыками	50,0	21,1	28,9
Стимулирование персонала к повышению квалификации	31,6	44,7	23,7

Вариант ответа	Вероятность		
	низкая	средняя	высокая
Переподготовка штатных сотрудников	42,1	42,1	15,8
Обращение к услугам фрилансеров и другим сторонним работникам, передача части функций внешним подрядчикам	68,4	23,7	7,9
Распространение практик предоставления сотрудникам гибкого графика работы	60,5	34,2	5,3
Расширение возможности использования удаленной занятости на постоянной основе	78,9	21,1	0,0

Таким образом, проведенный анализ показал, что оптимальный уровень обеспеченности трудовыми ресурсами характерен только для 19% организаций. При этом наибольший дефицит кадров наблюдается среди контингента рабочих. В настоящее время потребность в работниках имеется у 71% опрошенных организаций, что в основном объясняется нежеланием выпускников работать по полученной специальности (45%), недостаточным выпуском учебными заведениями нужных специалистов (29%) и низкой квалификацией работников, нежеланием трудиться с большой отдачей (26%). Наиболее вероятными мерами по решению кадровых проблем чаще всего указывались расширение штата и создание новых рабочих мест, а также поиск и найм сотрудников, владеющих современными цифровыми навыками (вероятность их применения как высокая оценена 29% организаций).

Ключевым направлением преодоления имеющихся проблем, в котором важную роль может и должна играть Администрация муниципалитета, представляется налаживание и интенсификация взаимодействия всех заинтересованных сторон на рынке труда. В настоящее время оно развито в недостаточной мере, что подтверждают данные проведенного опроса (выпускники не хотят работать по полученной специальности и что имеет место дефицит выпуска образовательными организациями нужных специалистов). Однако заключение целевых договоров на подготовку специалистов и участие в профориентационной деятельности учебных заведений практикуется редко. Сотрудничество с центрами занятости населения также не считается работодателями эффективным каналом поиска работников. Помимо этого, в ходе исследования были выявлены сложности в сборе информации от предприятий: работодатели неохотно соглашались на прохождение опроса, что говорит об их закрытости по данному направлению взаимодействия. Поэтому для более точного прогнозирования ситуации на муниципальном рынке труда необходимо не только расширение статистической базы, но и повышение заинтересованности и культуры участия работодателей в опросах. Необходима консолидация усилий со стороны всех участников рынка труда, направленная на создание условий для преодоления существующих проблем в сфере кадрового обеспечения экономики.

Список литературы

1. Попов А.В. Проблемы обеспеченности экономики России трудовыми ресурсами // Вестник НГУЭУ. 2017. №1. С. 40-53.
2. Топилин А.В. Трудовой потенциал России: демографические и социально-экономические проблемы формирования и использования // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 7. С. 736-744.

Информация об авторах

Соловьева Татьяна Сергеевна (Россия, Вологда) – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: solo_86@list.ru).

Попов Андрей Васильевич (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com).

Soloveva T.S., Popov A.V.

LABOUR FORCE AVAILABILITY OF VOLOGDA ENTERPRISES: SOCIOLOGICAL ASPECT

Abstract. *The paper deals with the issues of the labor resources availability of Vologda enterprises. The study analyzes the reasons for the shortage of personnel, the main channels for finding employees, as well as the directions for solving staffing problems. It concludes the importance of increasing the interaction of all stakeholders in the labor market.*

Key words: *labour market, labour resources, staffing requirements, personnel policy, recruitment.*

Information about authors

Soloveva Tatiana Sergeevna (Russia, Vologda) – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (address: 160014, Russia, Vologda, Gorky st., 56a; e-mail: solo_86@list.ru).

Popov Andrei Vasilevich (Russia, Vologda) – Candidate of Economics, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (address: 160014, Russia, Vologda, Gorky st., 56a; e-mail: ai.popov@yahoo.com).

Bibliography

1. Popov A.V. Issues of availability of labor resources in Russian economy // Vestnik NSUEM. 2017. Vol. 1. P. 40-53.
2. Topilin A.V. The labor potential of Russia: demographic and socioeconomic problems of formation and usage // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 89(7). P. 736-744.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ УРОВНЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В статье рассмотрены ежемесячные данные уровня безработицы в России за последние пять лет, проанализирована динамика, выявлены сезонные колебания. Для выявления интенсивности сезонных колебаний безработицы произведены расчеты индексов сезонности с использованием метода помесечных переменных.

Ключевые слова: уровень безработицы, уровень заболеваемости COVID-19, статистический анализ безработицы, сезонная компонента уровня безработицы.

Вопросы, связанные с контролем уровня безработицы, являются основополагающими в контексте реализации стратегии государственного развития. Снижение данного показателя в перспективе позволяет обеспечить социально-экономическую стабильность государства, повысить уровень и качество жизни населения, а также конкурентоспособность национальной экономики.

Уровень безработицы, как один из ключевых показателей экономического развития является фактором дестабилизации экономики и общества в стратегически важных отраслях. В современных условиях пандемии COVID-19, а также ужесточением санкционной политики стран Запада в отношении России одними из наиболее актуальных вопросов являются сдерживание роста безработицы и применение мер социальной защиты граждан, лишившихся официального заработка [1, с. 406].

В задачи исследования входит подробное рассмотрение динамики уровня безработицы за последние пять лет, в том числе сопоставление данных в период развития пандемии с данными предыдущих лет, выявление статистической связи уровня безработицы и уровня заболеваемости и возможных факторов, оказывающих на нее влияние.

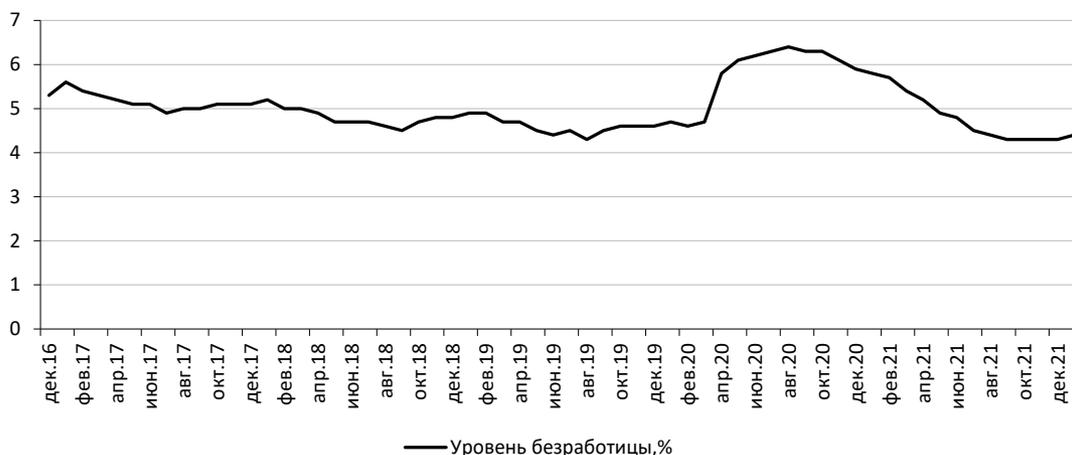

Рис. 1. Динамика уровня безработицы в России за декабрь 2016 – январь 2022 г.

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Анализируя динамику, представленную на графике (рис.1), можно наблюдать наличие скачкообразных колебаний в отдельные месяцы, повторяющиеся ежегодно.

Отчетливо данные изменения прослеживаются на отрезке за декабрь 2016 г. – декабрь 2020 г., что может указывать на сезонную составляющую.

Для выявления интенсивности сезонных колебаний безработицы произведены расчеты индексов сезонности с использованием метода помесечных переменных. Использованы данные по показателю «уровень безработицы в России (в возрасте 15 лет и старше)» (62 наблюдения). Результаты расчетов графически изображены на рисунке 2 и показывают сезонный рост уровня безработицы в следующих месяцах: апрель, октябрь. При этом в первый месяц в 2017-2019 гг. так же наблюдалось незначительное превышение значений показателя по сравнению с предыдущим. Пик безработицы приходится на апрель.

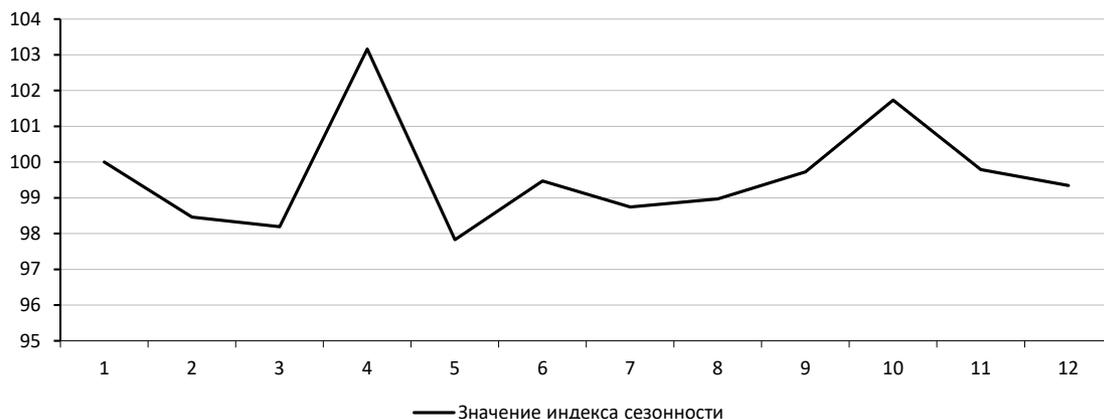

Рис. 2. График сезонной волны уровня безработицы в России

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Отметим, что на отрезке декабрь 2016 г. – декабрь 2020 г. (рис. 1) наблюдается общая (незначительная) тенденция снижения уровня безработицы в динамике, при этом в апреле 2020 г. – июне 2021 г. произошёл рост рассматриваемого показателя, который может быть обусловлен влиянием ограничительных мер, введенных из-за неблагоприятной эпидемиологической обстановки, вызванной пандемией COVID-19 [1, с. 218]. В связи с относительно продолжительным периодом нестабильности на рынке труда, могут возникнуть проблемы с прогнозированием уровня безработицы на перспективу (если использовать прогноз по данным предшествующих периодов). Так же на данный показатель может оказать значительное влияние усилившаяся санкционная политика стран Запада (связанная с военной спецоперацией на Украине), в том числе уход с отечественного рынка иностранных компаний, сопровождающийся сокращениями и увольнением работников. Таким образом, прогнозирование уровня безработицы без учета возможных последствий спада в экономике не представляется целесообразным [3].

Следует обратить внимание на то, что моделирование и прогнозирование (в том числе использование AR, ARIMA, регрессионных и других моделей) состояния безработицы с учетом фактора «уровень заболеваемости» весьма затруднительно и представляется возможным в относительно короткой перспективе. Во-первых, это вызвано несоответствием периодичности (а в некоторых случаях – отсутствием) публикуемой статистической информации по заболеваемости, в связи с волнообраз-

ным характером течения пандемии, а также в связи с адаптацией экономики к различным негативным последствиям ее проявления.

Для определения возможного влияния пандемии на COVID-19 на безработицу проведено исследование статистических связей уровня безработицы и уровня заболеваемости коронавирусной инфекцией с использованием корреляционного анализа. Для исследования было принято использовать пространственные данные по регионам РФ ввиду нестационарности динамических рядов. Таким образом, были выбраны и посчитаны месячные данные по 20 регионам РФ за август 2020 г. – пик безработицы. Коэффициент корреляции показал следующие значения: $r = 0,65$. Из этого следует, что связь между уровнем заболеваемости COVID-19 и уровнем безработицы заметная, при этом на безработицу в большей степени оказало влияние не объем заболеваемости, а меры ограничительного характера, направленные на противодействие распространению инфекции.

На основе проведенного исследования можно констатировать нестабильность показателя «уровень безработицы», на который оказывают воздействие не только сезонные колебания, но и некоторые внешние факторы (экономические, санитарно-эпидемиологическая ситуация и пр.). Влияние пандемии на уровень безработицы в большей степени обусловлено введением ограничительных мер, направленных на сдерживание распространения инфекции. Детальное статистическое исследование влияния различных факторов на безработицу, построение эконометрических моделей позволит осуществлять эффективный контроль над данным явлением, принимать своевременные управленческие решения, направленные на ограничение ее роста и смягчение вызываемых ею негативных последствий.

Список литературы

1. Некрасова С.В. Проблема роста безработицы в мире в условиях пандемии COVID-19 // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. № 4-1. С. 406-412.
2. Терехов А.М. Статистический анализ динамики числа безработных в Нижегородской области в период действия коронавирусных ограничений 2020 г // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы VI междунар. науч.-практ. интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, 2021. С. 217-222.
3. Чудоякова А., Раздерищенко И.Н. Влияние и последствия пандемии COVID-19 на уровень безработицы в ряде стран // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 5-3 (75). С. 183-185.
4. Russia Coronavirus. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/country/russia/> (дата обращения 17.03.2022).

Информация об авторах

Терехова Юлия Сергеевна (Россия, Нижний Новгород) – студент, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет (606340, Нижегородская область, г. Княгинино, ул. Октябрьская, д. 22а; e-mail: juliakovaleva2016@yandex.ru).

Терехов Андрей Михайлович (Россия, Нижний Новгород) – кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Российский государственный университет правосудия (Приволжский филиал) (603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 17а; e-mail: terehoff.t@yandex.ru).

STATISTICAL ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF THE UNEMPLOYMENT RATE IN RUSSIA DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. *The article examines monthly data on the unemployment rate in Russia over the past five years, analyzes the dynamics, and identifies seasonal fluctuations. To identify the intensity of seasonal fluctuations in unemployment, seasonal indices were calculated using the method of monthly variables.*

Key words: *unemployment rate, incidence of COVID-19, statistical analysis of unemployment, seasonal component of the unemployment rate.*

Information about author

Terekhova Yulia S. (Russia, Nizhny Novgorod) – student, Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics (606340, Nizhny Novgorod Region, Knyaginino, Oktyabrskaya str., 22A; e-mail: juliakovaleva2016@yandex.ru).

Terekhov Andrei M. (Russia, Nizhny Novgorod) – candidate of economic sciences, associate professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Russian State University of Justice (Privolzhsky Branch) (603022, Nizhny Novgorod, Gagarin, 17a; e-mail: terehoff.t@yandex.ru).

Bibliography

1. Nekrasova S.V. The problem of unemployment growth in the world in the context of the COVID-19 pandemic // *Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2020. Vol. 10. No. 4-1. P. 406-412.
2. Terekhov A.M. Statistical analysis of the dynamics of the number of unemployed in the Nizhny Novgorod region during the period of coronavirus restrictions in 2020 // In the collection: *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the VI International scientific and practical Internet conference*. In 2 parts. Vologda, 2021. P. 217-222.
3. Chudoyakova A., Razderishchenko I.N. The impact and consequences of the COVID-19 pandemic on the unemployment rate in a number of countries // *Economics and Business: theory and practice*. 2021. No. 5-3 (75). P. 183-185.
4. Russia Coronavirus. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/country/russia/> (accessed: 03/17/2022).

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА КВАЛИФИКАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация. Рассмотрена национальная система квалификаций в ключе формирования и развития человеческого капитала в аграрном секторе. Отражены основные направления ее модификации и выявлены сложности реализации на практике. Изучены возможности внедрения программ МВА в систему аграрного образования.

Ключевые слова: система квалификаций, профессиональные стандарты, человеческий капитал, аграрное образование.

Прорывным решением в развитии человеческого капитала является разработка и реализация Стратегии совершенствования национальной системы квалификаций Республики Беларусь, в рамках которой предусматривается «... создание возможности для получения компетенций, ориентированных на потребности рынка труда, условий для оценки квалификации, полученной не только в рамках системы образования, но и неформального обучения» [1]. Модификация национальной системы квалификаций Беларуси нацелена на усиление прозрачности и соизмеримости профессиональных квалификаций их документального подтверждения; совершенствование институциональной инфраструктуры рынка человеческого капитала; координацию национальной и европейской систем квалификаций; расширение доступа населения к получению новых знаний, квалификаций, востребованных рынком труда, и выбора образовательных-профессиональных траекторий; согласование образовательных и профессиональных стандартов. Реализуемые прорезывания способствовали включению в ее состав новых компонентов, устраняющих разбалансированность между содержательностью образовательных услуг и потребностями рынка труда (рисунок).

Усовершенствованная модель национальной системы квалификаций

Источник: составлено автором на основе [1].

Одним из наиболее значительных преобразований национальной системы квалификаций является включение в ее состав профессиональных стандартов, как наиболее модернизированного компонента, обеспечивающего соответствие формируемых компетенций и спроса на рынке труда. Согласно действующей нормативной правовой документацией под ними понимается «характеристика содержания трудовых функций и требований к квалификации, необходимой для их выполнения» [1–3]. Их отличительной особенностью выступает согласованность с образовательными стандартами, а также нацеленность на формирование востребованных компетенций. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 апреля 2019 г. № 229 создан Совет по развитию системы национальных квалификаций, результатом деятельности которого явилось определение приоритетных видов экономической деятельности в целях разработки профессиональных стандартов. Одними из таковых выступают производство и переработка сельскохозяйственной продукции, а также легкая промышленность и машиностроение, в совокупности формирующими ядро агропромышленного комплекса. По состоянию на начало 2022 г. отмечается отсутствие профессиональных стандартов в области производства и переработки сельскохозяйственной продукции [2]. Исходя из чего, их разработка является одной из первоочередных тактических задач повышения практикоориентированности аграрного образования и обеспечения непрерывности.

Сложившаяся практика взаимодействия участников образовательного процесса в большей степени ориентирована на организацию научно-исследовательского сотрудничества с привлечением акторов производственного сектора. Данная форма реализации сетевого симбиоза является весьма перспективной, действенной и востребованной в условиях глобализации инновационных трендов. Вместе с тем, ее эффективность в аграрной сфере обуславливается необходимостью формирования институциональной синергии субъектов образовательной системы на исходных ступенях формирования и развития человеческого капитала. В дополнении к этому подобная разновекторная интеграция способствует трансформации классических способов социальной селекции в наиболее результативные формы накопления и приращения человеческого капитала в аграрной сфере. В современном контексте прогрессивно-технологического развития общества и инновационного подъема аграрного сектора ее сущность, роль и механизмы реализации существенно трансформируются. В результате границы «естественного» отбора значительно расширяются, дополняясь актуальными и дифференцированными инструментами преобразования человеческого потенциала в высоколиквидный капитал. Действенность социальной селекции в аграрной сфере предопределяется расширением горизонта образовательной кооперации, обеспечивающей достижение наивысших точек роста. Одной из таковых в системе непрерывного образования выступают образовательные программы MBA (Master of Business Administration), являющиеся флагманом дополнительного обучения в области менеджмента, государственного управления, бизнес-администрирования.

Агропромышленный комплекс в современном понимании – это крупнейшая сетевая бизнес-структура, эффективность функционирования которой, обусловлена, в том числе, и действенностью методов управления. Последнее обстоятельство предопределяется образовательным потенциалом кадрового состава, т. е. концентрацией человеческого капитала. Образовательные программы MBA аграрного профиля ориентированы не только на получение новейших знаний в области экономики, управления и бизнеса, но и способствуют формированию нового образа мышления и

налаживанию профессиональных связей. Это официально признанная степень высшей квалификации менеджеров, получение которой обеспечивается синергетическим взаимодействием формальных, неформальных и информальных технологий обучения [4]. Актуализация Кодекса Республики Беларусь об образовании позволила сформировать законодательную среду получения коммерческими организациями всех форм собственности статуса бизнес-школ, что является необходимым условием тактической и стратегической реализации образовательных программ MBA, а также повышения качества человеческого капитала в аграрном секторе.

Список литературы

1. О стратегии совершенствования национальной системы квалификаций Республики Беларусь: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 октября 2018 г. № 764 // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. URL: https://mintrud.gov.by/ru/norm_prav_dok (дата обращения 20.02.2022).
2. Профессиональные стандарты. // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. URL: https://mintrud.gov.by/ru/prof_stand (дата обращения 20.02.2022).
3. Рекомендации по разработке секторальных рамок квалификаций: Приказ Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 14.02.2020 г. № 21 // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. URL: https://mintrud.gov.by/ru/prof_stand (дата обращения 20.02.2022).
4. Международная программа MBA «Агробизнес» // Аккредитация в образовании. URL: https://akvobr.ru/mezhdunarodnaja_programma_mba_agrobiznes.html (дата обращения: 19.02.2022).

Информация об авторе

Тетеринец Татьяна Анатольевна (Республика Беларусь, Минск) – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и организации предприятий агропромышленного комплекса, Белорусский государственный аграрный технический университет (220023, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 99; e-mail: talad79@mail.ru).

Tsetsiarynets T.A.

NATIONAL QUALIFICATIONS SYSTEM AS A TOOL FOR IMPROVING THE QUALITY OF HUMAN CAPITAL

Abstract. *The national system of qualifications in the key of formation and development of human capital in the agricultural sector is considered. The main directions of its modification are reflected and difficulties of implementation in practice are revealed. The possibilities of introducing MBA programs into the agricultural education system have been studied.*

Key words: *qualification system, professional standards, human capital, agricultural education.*

Information about author

Tsetsiarynets Tatiana A. (Republic of Belarus, Minsk) – Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor of the Department «Economy and organization of agricultural enterprises», Belarusian State Agrarian Technical University (220023, Republic of Belarus, Minsk, Nesavisimosti av., 99; e-mail: talad79@mail.ru).

Bibliography

1. O strategii sovershenstvovaniya natsional'noy sistemy kvalifikatsiy Respubliki Belarus': Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus' ot 24 oktyabrya 2018 g. № 764 // Ministerstvo truda i sotsial'noy zashchity Respubliki Belarus'. URL: https://mintrud.gov.by/ru/norm_prav_dok (accessed 20.02.2022).
2. Professional'nye standarty // Ministerstvo truda i sotsial'noy zashchity Respubliki Belarus'. URL: https://mintrud.gov.by/ru/prof_stand (accessed 20.02.2022).
3. Rekomendatsii po razrabotke sektoral'nykh ramok kvalifikatsiy. Prikaz Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity Respubliki Belarus' ot 14.02.2020 g. № 21 // Ministerstvo truda i sotsial'noy zashchity Respubliki Belarus'. URL: https://mintrud.gov.by/ru/prof_stand (accessed 20.02.2022).
4. Mezhdunarodnaya programma MBA «Agrobiznes» // Akkreditatsiya v obrazovanii. – URL: https://akvobr.ru/mezhdunarodnaja_programma_mba_agrobiznes.html (accessed 19.02.2022).

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ СО СТОРОНЫ НАСЕЛЕНИЯ Г. ТВЕРИ

Аннотация. Представлена общая оценка миграционной ситуации в отношении трудовых ресурсов города Твери с точки зрения местного населения. Обозначены диспропорции относительно демографического состава населения города Твери, возможные последствия данной ситуации в отношении рынка труда.

Ключевые слова: рынок труда, мигранты, население, удовлетворенность, мнение.

Тверь – старинный российский город, который сохранил свой исторический облик. Город расположен на живописных берегах старинной русской реки Волги, в том месте, где в нее впадают реки Тверцы и Тьмаки. На сегодняшний день Тверь является крупным промышленным, культурным и научным центром, а также значимым транспортным узлом по пути из Петербурга в Москву. На начало 2020 года в Твери проживает около 420 850 человек. К сожалению, динамика социально-демографических характеристик населения этого города носит негативный характер. Приток населения за счет иммиграции не перекрывает естественную убыль населения, которая происходит из-за того, что показатели рождаемости в Твери в полтора раза меньше показателей смертности.

Численность населения города достигла своей максимальной оценки в 1989 году, в то время в Твери проживало около 449,9 тысяч человек. Далее с 1989 по 2002 год численность начала быстро сокращаться, дойдя до отметки – 412,8 тысяч, потом убыль населения заметно замедлилась. При этом компенсирующим механизмом нисходящей демографической ситуации во многом явился иммиграционный процесс.

Рассматривая структуру населения, следует обратить внимание на возрастные группы, с 1989 года можно заметить повышение процента трудоспособного населения относительно понижения доли лиц нетрудоспособного возраста, что неминуемо приведет к дефициту трудового ресурса на рынке труда в будущем. Так, на 2002 год процент населения моложе трудоспособного возраста, составлял 19,7%, сейчас он равняется 13,5%. Общее число трудоспособных составляло 60%, сейчас 64,2% старше трудоспособного теперь равняется 22,3% [1]. Данная картина подтверждает, что замещение трудового потенциала в полноценном количественном составе только местным населением будет носить проблематичный характер.

В различных возрастных группах наблюдается неравномерная половая структура. В Твери в среднем женская часть населения составляет 57%, тогда как среди подростков (бралась категория от 15 лет и старше) хоть и незначительно преобладают представители мужского пола. Если рассматривать более старшую категорию населения, можно также заметить преобладающий процент женской доли. Среди жителей Твери возрастом от 65-69 лет 67% составляют женщины, а мужчины - оставшиеся 33%. Статистика дает основания для возможности выравнивания подобной диспропорции, однако нестабильность социально-политической, экономической, эпидемиологической и других ситуаций не дает никаких гарантий баланса населения относительно половой принадлежности.

В Твери проживают представители различных национальностей: русские жители (75%), татары, молдаване, армяне, азербайджанцы, чуваша, грузины, таджики и чеченцы (17%) украинцы (5%), белорусы (2%), карелы (1%) [1].

Конечно, в городе превалирует численность русских жителей, но все же 25% составляют другие национальности, большинство из которых являются трудовыми мигрантами. В марте-апреле 2021 года было проведено конкретно-социологическое исследование по выявлению общественного мнения жителей Твери о миграционной ситуации в городе и текущих проблемах, вызванных миграционными процессами.

Миграция оказывает влияние на содержательные и качественные характеристики жизнедеятельности города Твери. Например, меняется этнокультурный облик города.

В этом аспекте интересно понять саму суть миграции, реализацию ее концепции на территории Твери, а также восприятие мигрантов как рабочей силы, в том числе с точки зрения их замещения коренного населения в некоторых сферах трудовой деятельности. Поэтому отправной точкой исследования является общая оценка миграционной ситуации.

В 2021 году стал наблюдаться рост иммигрантских настроений, что можно объяснить возвращением большого числа иммигрантов после небольшого спада экономического кризиса и повышения курса доллара и евро, изменением ситуации относительно ограничений вызванных эпидемиологической ситуацией. Новый приток мигрантов воспринимается неоднозначно местным населением.

Лишь 4,6% опрошенных заявили, что приток людей других национальностей делает Тверь более привлекательным городом для жизни. Причем в 2020 году этот показатель составлял 17,7%. Мнение горожан о том, что ситуация ухудшается, составляет (44,6%), в 2020 этот показатель составил (42,2%). Эмоциональная позиция тех, кто не замечал изменений, составляла в 2020 году 50,8% от опрошенных респондентов, и их количество за год значительно увеличилось, на 10,7%. Это достаточно весомое изменение. Позиция данных показателей эмоциональной составляющей населения Твери отражает внутреннюю неудовлетворенность относительно роста лиц мигрантов другой национальности. Чем же объясняется возрастающая позиция эмоциональной настроенности и неприятия данного феномена местными жителями?

Более половины жителей Твери (56,4%) допускают, что принимать мигрантов можно только на временную работу и только на те работы, на которые сами жители Твери не хотят выполнять. При этом оставшиеся 38,1% граждан придерживаются противоположной точки зрения, «закрывать город для приема мигрантов» и лишь 2,3% затруднились в ответе.

Мысль о том, что каждый имеет право приехать в Тверь, чтобы здесь жить и работать, была негативно воспринята 69,8% респондентов, и лишь 27% респондентов ее поддержали.

Пока нельзя сказать, что жители Твери достигли предела недовольства, и что в ближайшее время возможны какие-либо прямые антииммиграционные протесты. Тем не менее, есть четкая тенденция к ухудшению восприятия миграции в обществе. Значительная часть горожан негативно воспринимает любую информацию, касающуюся мигрантов.

Резкая поляризация мнений жителей Твери по этому поводу, вероятно, вызвана «кумулятивным эффектом», в результате которого в городе преобладает негативное восприятие миграционных процессов. Граждане осознают необходимость присутствия мигрантов, но выступают за привлечение их только в рамках временной вахтовой занятости на непопулярные среди жителей Твери рабочие места.

Одна из объективных причин активной эксплуатации трудовых мигрантов - постоянная нехватка «собственных» трудовых ресурсов. Известно, что мигранты компенсируют избыток невостребованных предложений на рынке труда. Это связано с тем, что город постоянно развивается, население растёт, а значит, востребован тот, кто будет занимать должности в обслуживании, строительстве, а также в таких мало престижных и низкооплачиваемых профессиях, как ремонт дорог, уборка и ландшафтный дизайн и т.д.

Мнение самих горожан по этому поводу разделились. Примечательно, что в 2020 году большинство жителей Твери признали, что в их жилом районе поначалу будет сложно отказаться от рабочих мигрантов, поскольку жилищный сектор адаптирован к низкооплачиваемой работе. Однако в условиях экономической напряженности, и безработицы, вызванной пандемией, в 2021 году мнение горожан изменилось - 58,9% жителей Твери ответили, что город может обойтись без мигрантов. Почти треть горожан заявили, что отказаться от мигрантов, скорее всего, будет сложно, и только 9,9% категорически заявили, что такой сценарий невозможен.

При этом проявляется разная общественная реакция по отношению к разным категориям мигрантов. 66,9% жителей города негативно относятся к мигрантам из южных республик России. Практически такую же реакцию вызывают выходцы из республик Средней Азии – таджики, узбеки, киргизы (64,5% респондентов), а также азербайджанцы (64,6%).

В настоящее время жизнедеятельность населения Твери многогранно завязана на взаимодействии с представителями мигрантов из разных стран и регионов. С ростом миграционных потоков отмечаются культурные и поведенческие различия. Как известно, любые изменения в рамках социокультурного процесса, не носящие естественного характера, воспринимаются болезненно, сопровождаются чувством неудовлетворенности и страха. Подобный эффект возник в сознании жителей города Твери относительно восприятия норм жизнедеятельности все возрастающего потока мигрантов. Однако национальная принадлежность мигрантов в этом вопросе имеет не однозначную позицию среди местного населения.

Жители Твери относительно лояльно относятся к идее привлечения трудовых ресурсов из стран близких к русской культуре, таких как Украина и Молдова. Более 60% респондентов, так или иначе, высказались за привлечение этих мигрантов, и только 38,9% были против. Мигранты из этих стран свободно говорят по-русски и похожи на местное население по фенотипу, религии, поведению и традициям. Конечно, не видя существенных различий, граждане реже воспринимают таких мигрантов через призму «свой - чужой».

Далее следуют такие государства, как Грузия и Армения (55,6%), Китай и Вьетнам – 57,3%.

Нужно отметить, что 27,1% жителей Твери спокойно или равнодушно принимают идею увеличения количества представителей определенных национальностей в рамках трудовой миграции. Это говорит о том, что горожан не испытывают никаких предубеждений по отношению к той или иной этнической группе.

Интересно также отношение жителей Твери к мигрантам, принадлежащим к той или иной религиозной группе. Ответ на этот вопрос подтверждает идею о том, что мигрантов, схожих по культуре и религии, легче принять местным населением.

Значительная часть граждан положительно воспринимает приезд православных мигрантов в Тверь (52,7%). Еще 29%, по крайней мере, не против данного процесса.

И лишь пятая часть опрошенных считает, что даже «христианским» мигрантам нет места в городе.

Однако, есть и противники привлечения мигрантов других конфессий. Противоположная ситуация наблюдается с мигрантами-мусульманами. Только 8,9% респондентов положительно относятся к привлечению мигрантов – мусульман, 57,5% – против. Доля равнодушных среди опрошенных составила 33,2%.

Интересные данные получены о буддийских мигрантах – 44,8% опрошенных были против таких мигрантов. Однако по отношению к этой религиозной группе наибольшее количество и равнодушных жителей Твери (41,1%). При этом доля жителей Твери, положительно относящихся к буддийским мигрантам, сопоставима с количеством респондентов, положительно оценивающих мусульман – 13,7%.

Однако показатель конфессиональной принадлежности не является основополагающим в отношении «принятия-непринятия» трудовых мигрантов с «своим» городом. Главное, чтобы приток мигрантов в Тверь прекратился или хотя бы уменьшился. Тем не менее, есть также устойчивая группа тех, кто в целом спокойно принимает или даже поддерживает миграцию, но таких жителей Твери на порядок меньше.

При ухудшении экономической ситуации может усилиться напряжённость в отношении притока мигрантов, что следует учитывать при планировании миграционных процессов. Жители Твери зачастую не владеют осознанием того, что для развития города необходимо привлекать дополнительную рабочую силу.

Какие же сферы трудовой деятельности допустимы для привлечения мигрантов с точки зрения местного населения города Твери? Респондентам было предложено выбрать из списка сфер социально-экономической жизни города те профессии, в которых мигранты могли бы найти себе место.

Предпочтения жителей Твери распределились следующим образом. Жители Твери не допускают, чтобы мигранты работали в правоохранительных органах: 88,7% опрошенных, так или иначе не одобряют работу мигрантов в этой сфере. При этом большинство однозначно ответили «не одобряю», и только 8,3% поддержали эту идею. Следует отметить, что наем сотрудников из других регионов РФ для работы в правоохранительных органах практикуется достаточно давно.

Несколько меньшее количество людей (86,5%) говорит о неприемлемом характере привлечения мигрантов к муниципальным службам.

С одной стороны, иностранные граждане и так не имеют права работать на муниципальной службе, но горожане также не готовы принять назначение на эти должности внутренних мигрантов. И только 9,2% поддерживают эту идею. Аргументация данной позиции сводится к тому, что мигрант в муниципальной службе не сможет сразу понять реалии жизни в их районе или может начать действовать в своих интересах, чуждых для местного контингента.

Примерно такую же реакцию вызвала идея трудоустройства мигрантов в образовательные учреждения – 85,5% отрицательной оценки. Такая работа требует специальной подготовки, высокой квалификации и хорошего знания русского языка, традиций, культурных норм и т.д. Однако, следует признать, что труд мигрантов в этом случае используется довольно активно, особенно в частных учреждениях. Такая же установка присутствует в отношении учреждений здравоохранения, 80% опрошенных не допускают возможности работы мигрантов в подобных учреждениях.

Сфера бизнеса и финансов находится на одном уровне: 80,1% граждан против работы мигрантов в этой сфере. Начиная со сферы общественного питания, нега-

тивное восприятие мигрантов горожанами уменьшается, но, тем не менее, остается высоким. 74,4% горожан отрицательно относятся к включению трудовых мигрантов в сферу работы в общепите. В то же время 22,8% заявили, что одобряют привлечение мигрантов для работы в этой сфере, если речь идет о заведениях, предлагающих национальную кухню, и мигранты имеют соответствующую квалификацию, а также допуск к подобной деятельности. Кроме того, 70,3% горожан считают, что приезжие не могут работать в общественном транспорте. В сфере быстрой торговли и услуг 62% респондентов также не допускают возможности для работы мигрантам.

Наиболее спокойно относятся жители Твери к занятости трудовых мигрантов в строительстве и перерабатывающей промышленности – 53,7% против («за» – 44%), а также в сфере коммунальных услуг и ремонтных работ – 40,7% «против» и 57% «за». Это единственная сфера общественной жизни, в отношении которой количество граждан, поддерживающих трудоустройство мигрантов, превышает количество сторонников противоположной точки зрения.

При этом надо понимать, что среди респондентов есть устойчивая группа тех, кто вообще против привлечения мигрантов на работу в Твери. Поэтому последние два варианта можно считать компромиссом общества по данному вопросу.

Таким образом, можно сделать вывод, что горожане против того, чтобы мигранты занимали должности, где в процессе профессиональной деятельности им придется принимать общественно значимые решения, и, наоборот, допустимо относятся к работе приезжих в различных секторах сферы услуг с применением физических сил и выносливости.

По мнению горожан, привлечение мигрантов выгоднее государственным служащим, участвующим в распределении бюджетных средств – 73%, так как подобный подход позволит, за счет более низкой оплаты труда, экономить бюджетные средства в пользу развития города. 51,4% респондентов считает, что уровень заработной платы жителей Твери за выполнение одних и тех же работ выше, чем за аналогичную работу трудового мигранта. 30,4% считают, что зарплатные ожидания примерно одинаковые у данных категорий работников. И только 3,5% респондентов считают, что зарплатные ожидания выше у мигрантов.

По всем представленным показателям жители Твери считают преимущественным труд местных рабочих. Треть горожан ответили, что у рабочих из Твери высокая дисциплина труда (имеется в виду непрерывность рабочего процесса, интенсивность работы в течение рабочего дня, чувство ответственности за выполняемую работу). 45,4% респондентов считает, что качество работы рабочих из Твери лучше. Только 4,4% ответили, что качество выполняемой работы выше среди мигрантов, а 35,2% сказали, что оно примерно одинаково.

По мнению жителей Твери, местные работники по личным качествам превосходят приезжих. Однако работодатель стоит перед выбором между дисциплиной труда и качеством работы у жителей Твери, и более высокой заработной платой у них же. В массовом сознании жителей города главным преимуществом трудовых мигрантов является дешевизна их труда.

Таким образом, мигранты, проигрывая в личных качествах перед законопослушным и образованным местным населением, выигрывают в готовности выполнять более тяжелую работу. В то время как трудовая дисциплина и у первых, и у вторых находится примерно на одинаковом уровне.

Список литературы

1. Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru>

Информация об авторе

Тупик Елена Сергеевна (Россия, г. Тверь) – старший преподаватель кафедры социологии, Тверской государственной университет (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33; e-mail: Tupik.ES@tversu.ru).

Tupik E.S.

ATTITUDE TO LABOR MIGRANTS FROM THE SIDE POPULATION OF TVER

Abstract. *A general assessment of the migration situation in relation to labor resources in the city of Tver from the point of view of the local population is presented based on the materials of a specific sociological study. The disproportions concerning the demographic composition of the population of Tver, the possible consequences of this situation for the labor market are outlined.*

Key words: *labor market, migrants, population, satisfaction, opinion.*

Information about author

Tupik Elena S. (Russia, Tver) – Senior Lecturer, Department of Sociology, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33; e-mail: Tupik.ES@tversu.ru).

Bibliography

1. Website of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. URL: <http://www.gks.ru>

БИФУРКАЦИИ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА: 2020–2022 ГОДЫ

Аннотация. Рассмотрены три фазы бифуркаций российского рынка труда, сменявшиеся с 2020 по 2022 год под воздействием внешних и внутренних факторов. Фазы условно названы как пандемическая, восстановительная и санкционная. Дан анализ причин трехкратной инверсии рынка труда и последствий для работников.

Ключевые слова: рынок труда, занятость, безработица, фазы бифуркаций.

За неполные два года – с весны 2020 до весны 2022 года – на российском рынке труда трижды произошли радикальные изменения, которые в корне, то есть не количественно, а качественно меняли происходившие на нем процессы. Таких «кульбитов» на российском рынке труда еще никогда не было. Чтобы охарактеризовать и проанализировать столь быстрые и глубокие перемены на российском рынке труда мы выбрали понятие «бифуркации». Данный технический термин, взятый из неравновесной теории термодинамики, определяется, с одной стороны, как «качественная перестройка различных объектов при изменении параметров, от которых они зависят», а с другой, как – раздвоение (от лат. *bifurcus* «раздвоенный»). Такое раздвоение происходит в «точках бифуркации», когда система, в нашем случае – рынок труда – больше не может следовать прежнему сценарию или траектории и должна выбрать один из двух новых вариантов развития. Для рынка труда, определяемого в значительной мере спросом и предложением рабочей силы, два варианта – это или «сжатие», то есть уменьшение спроса на рабочую силу, которое характеризуется сокращением числа рабочих мест и безработицей; или «расширение», когда спрос на работников растет, в связи увеличением числа рабочих мест и в результате происходит развитие рынка труда и рост благосостояния работников.

В обозначенном аналитическом периоде (2020-2022 гг.) могут быть выделены три фазы бифуркации или инверсии российского рынка труда, когда курс его развития трижды кардинально менялся. Присвоим каждой из этих трех фаз условные названия: первая – «пандемическая фаза», вторая – «восстановительная», третья – «санкционная фаза», а затем, на основе анализа статистики рынка труда кратко охарактеризуем каждую из них, а также покажем, как это отражалось на занятости и благополучии работников. Кроме того, при анализе кардинальных перемен на российском рынке труда будет особо отмечена гендерная составляющая процессов бифуркации, в каждой из выделенных фаз.

Первая «пандемическая фаза» кардинальных изменений на российском рынке труда имеет четко обозначенную точку бифуркации – это начало весеннего локдауна: 30 марта 2020 года в России из-за пандемии начались нерабочие дни и в страну пришла практически тотальная самоизоляция. Карантин продлился до 11 мая 2020 года, ударив по занятости и доходам россиян вследствие коренных изменений ситуации на российском рынке труда. То есть пандемическая фаза бифуркации российского рынка труда имела глубокие негативные последствия для занятости и благополучия россиян. Поскольку анализу воздействия пандемии на рынок труда и занятость населения посвящено достаточно много научных исследований, в том числе опубликованных в научных статьях автора данных тезисов [1], то здесь мы коротко охарактеризуем лишь наиболее важные особенности данной фазы.

Во-первых, в результате весеннего локдауна 2020 года произошло сильное сжатие российского рынка труда, что было обусловлено закрытием предприятий непроизводственной сферы и ростом безработицы. Во втором-третьем кварталах 2020 года, которые характеризовались наиболее негативными процессами на рынке труда, в России был отмечен пятикратный рост официально зарегистрированной безработицы¹ и увеличение почти на 75% безработицы, рассчитываемой по методологии МОТ². Исследования, проведенные в период локдауна и анализ статистики того периода показали, что наряду с открытой безработицей в стране в ещё более значительной мере возросла скрытая безработица, при которой работники хотя и сохраняли за собой рабочие места, но из-за простоев и административных отпусков (частично оплачиваемых и без оплаты) у них значительно сократился уровень заработной платы. Во-вторых, сокращение доходов и уровня оплаты труда в связи с COVID, явилось результатом, с одной стороны, роста безработицы, в том числе скрытой, а, с другой – сокращения числа малых и средних предприятий (МСП), что привело к снижению доли предпринимательского дохода в общей структуре доходов населения, а также нанесло серьезный урон малому и среднему бизнесу. По данным РБК, со ссылкой на Росстат, «доходы россиян во втором квартале 2020 года, на который пришелся основной удар пандемического кризиса, упали на 8% в годовом выражении – это рекордное падение с 1999 года»³. Наемные работники сферы услуг (включая занятых в МСП), где подавляющее большинство занятых традиционно составляют женщины, оказались наиболее пострадавшими от коронавируса, в результате чего по данным Росстата впервые в XXI веке уровень безработицы женщин превысил безработицу мужчин⁴. Данные Росстата и наших социологических опросов свидетельствуют о том, что бремя пандемии непропорционально тяжело легло на женщин. Это было подтверждено в исследовании Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), проведенном в 2020 году в 33 странах. В нем отмечалось, что «последствия COVID непропорционально сильно затрагивают женщин. Уровень безработицы среди женщин рос быстрее, чем общий уровень безработицы в период пандемии. Кроме того, женщины подвергались более высоким рискам потери работы и чаще мужчин отправлялись в отпуск за свой счет»⁵. И эта гендерная асимметрия занятости и безработицы может быть отмечена как третья особенность пандемической фазы российского рынка труда. В-четвертых, важной характеристикой рынка труда в первой пандемической фазе стал бурный рост удаленной занятости работников. На удаленку перешли работники сферы образования, некоторые госслужащие, а также работники многих частных и государственных фирм, в результате чего дистанционная работа превратилась из исключения в норму. По данным ВЦИОМ, доля россиян, работавших удаленно, во время режима са-

¹ Социально-экономическое положение России – 2020 г. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_01/main.htm (дата обращения 18.03.2022).

² Там же.

³ Реальные располагаемые доходы россиян рекордно упали из-за пандемии. Их сокращение стало рекордным в XXI веке. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/07/2020/5f119dad9a79475dd1458eeb> (дата обращения: 17.03.2021).

⁴ Росстат: безработица в августе выросла до 6,4%. URL: <https://finance.rambler.ru/money/44899800-rosstat-bezrabotitsa-v-avguste-vyroslo-do-6-4/> (дата обращения 17.03.2022).

⁵ РwC описала нанесенный COVID-19 ущерб работающим женщинам. URL: <https://www.rbc.ru/society/04/03/2021/6040e64e9a79473562411a26> (дата обращения 21.03.2022).

моизоляции весной 2020 г. возросла в восемь раз: до пандемии удаленно трудились только 2%, а в период локдауна на удаленку полностью или частично перешли уже 16% работников⁶. И, наконец (last but not least), одной из важнейших особенностей пандемической фазы было то, что самоизоляция затронула не все сферы экономики, а лишь преимущественно непродуцированную сферу занятости (услуги, образование, культуру и т.п.), в то время как в производственных отраслях многие работники продолжали трудиться практически в обычном режиме.

Продолжительность пандемической фазы на российском рынке труда может рассматриваться примерно до конца 2020 года, хотя некоторые социальные и экономические последствия самой пандемии в других сферах жизнедеятельности россияне ощущали вплоть до последнего времени. Уже летом 2020 года были отмечены первые признаки восстановления российской экономики: «С июня 2020 года экономика России начала демонстрировать восстановление. Об этом 10 сентября заявил президент страны Владимир Путин». По словам президента «восстановление экономики ускорили своевременные меры правительства по поддержке населения, предприятий и целых отраслей⁷. Однако осенью 2020 ситуация с COVID вновь обострилась, что затормозило едва начавшийся экономический рост, хотя всеобщего локдауна в этот раз удалось избежать. Таким образом, по нашему мнению, 2020 год (начиная с весны) целесообразно отнести к пандемической фазе, а отсчет восстановительной фазы рынка труда целесообразно начинать с 2021 года.

Точку бифуркации, с которой началась «восстановительная фаза» российского рынка труда, явно определить невозможно. Однако в качестве основных критериев и маркеров восстановительной фазы могут служить данные о возвращении на докризисный уровень таких важнейших показателей, как уровень безработицы, рост ВВП, а также повышение спроса на рабочую силу. Например, пик безработицы пришелся на август 2020 года (6,4%), но по данным Росстата уже в июле 2021 г. безработица вернулась на докризисный уровень⁸. Валовой внутренний продукт (ВВП) вышел на докризисный уровень также летом. Это позволило констатировать по итогам семи месяцев 2021 г., что «Спад, вызванный эпидемией коронавируса, полностью преодолен»⁹. Однако наиболее ярко восстановительная фаза российского рынка труда в 2021 году проявилась в повышении спроса на рабочую силу. Так по данным кадрового агентства HeadHunter (НН), рост вакансий в мае 2021 г. составил 130% по сравнению с маем 2020 г. Исследования НН показали, что уже весной 2021 года в связи с восстановлением экономики и рынка труда в стране начал ощущаться кадровый голод, когда спрос на рабочую силу в ряде отраслей превышал ее предложение. На пути расширения занятости в период восстановительной фазы оказался демографический фактор, обусловленный резким сокращением притока на рынок труда молодежи и мигрантов. По данным Росстата, в 2021 году на рынок труда вышла самая

⁶ ВЦИОМ: число работающих удаленно россиян во время пандемии возросло в восемь раз. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8478435> (дата обращения 20.03.2022).

⁷ Цегоев В., Иванов В., Свинова Е. «Эксперты говорят, что кризисный этап позади»: Владимир Путин заявил о начале восстановления экономики России в июне. Российская газета 10 сентября 2020. URL: <https://ru.rt.com/grgq> (дата обращения 20.03.2022).

⁸ Что происходит на российском рынке труда. 19.10.2021. URL: <https://rg.ru/2021/10/19/chto-proishodit-na-rossijskom-rynke-truda.html>? (дата обращения 20.03.2022).

⁹ Путин заявил о полном восстановлении экономики России после пандемии. Российская газета 21 сентября 2021. URL: <https://rg.ru/2021/09/21/putin-zaiavil-o-polnom-vosstanovlenii-ekonomiki-rossii-posle-pandemii.html>? (дата обращения 20.03.2022).

малочисленная когорта молодежи в возрасте до 30 лет – это те, кто родился в 90-х годах, когда рождаемость сократилась до минимума и образовалась демографическая яма. Нехватка молодежи в 2021г. особенно остро ощущалась в таких отраслях как ИТ и строительство, где эти категории работников всегда были наиболее востребованы. Также по данным НН в российской экономике повсеместно не хватало «синих воротничков». Все эти профессиональные группы работников – строители, ИТ и промышленные рабочие относятся к категориям преимущественно «мужской» занятости. И хотя восстановление сферы услуг в 2021 году также происходило, но проблемы занятости женщин оставались. Данная ситуация была характерна не только для российского рынка труда, но и во всем мире. Согласно отчету Международной организации труда (МОТ) 2021 года, пандемия коронавируса углубила неравенство в трудовой сфере между мужчинами и женщинами: «В 2021 году количество женщин, которые будут иметь работу уменьшится на 13 млн. по сравнению с 2019 годом, а занятость мужчин вернется к докарантинному уровню»¹⁰.

В связи с тем, что спрос на рабочую силу рос, а ее предложение было низким, в период восстановительной фазы в стране резко изменилась конъюнктура на рынке труда. Вместо «рынка работодателей», которые диктовали свои условия 2020 г. в период пандемической фазы, в 2021 году начал складываться «рынок работников». Теперь, ставшая дефицитной рабочая сила начала диктовать работодателям свои условия, прежде всего по режиму труда (например, предпочтение удаленной занятости) и по увеличению заработной платы. Это наиболее явно в 2021 г. проявилось в сфере строительства и ИТ, где значительно выросла заработная плата. Несмотря на сложную кадровую обстановку, сложившуюся в 2021 г. в восстановительной фазе, а может быть, и благодаря ей, (по принципу «нет худа без добра»), специалисты кадровых агентств отмечали наряду с ростом заработной платы работников, также появление ряда других позитивных трендов на российском рынке труда. В условиях превышения спроса над предложением, а также резкого сокращения численности молодежи и мигрантов, работодатели вынуждены были пересмотреть свое отношение к работникам старших возрастов и к женщинам. Эйджизм и сексизм начали постепенно уходить из трудовых отношений, а российский рынок труда становится более цивилизованным. Однако все эти позитивные тренды в российской сфере труда, не успев развиваться в полной мере, были прерваны в конце февраля 2022 года.

Для третьей «санкционной фазы» точку бифуркации определить не составляет труда, поскольку вслед за началом 24 февраля 2022 года спецоперации на Украине, западные экономические санкции последовали незамедлительно и во все нарастающих масштабах. Российский рынок труда, совершив уже третий за неполные два года социально-экономический «кульбит», вновь оказался в фазе сжатия и кризиса, для которой характерны такие негативные явления как закрытие предприятий и роста безработицы. Основной особенностью кризиса, начавшегося в 2022 г. на российском рынке труда, является то, что в отличие от пандемической фазы 2020 года, наибольший урон санкции нанесли производственной сфере, в которой трудится более 30% россиян, преимущественно мужчин. Хотя с начала санкционной фазы прошел всего месяц, но сокращение занятости в строительстве уже началось: «40% компаний заморозили на

¹⁰ После пандемии женщины не смогут вернуться на работу наравне с мужчинами – МОТ. URL: fakty.com.ua, (дата обращения 21.03.2022).

неопределенное время стройки»¹¹. В нефтегазовом секторе запрет на импорт российской нефти в США, Канаде и Австралии привел к тому, что «добыча нефти может снизиться уже в апреле на 16%», а «за первую половину марта российские НПЗ сократили объемы переработки на 6% относительно февраля и, скорее всего, снижение продолжится»¹². В автомобилестроении «к началу марта объём производства сократился на 45%»¹³. Список пострадавших из-за санкций отраслей производства может быть продолжен, но даже из приведенных примеров видно, насколько глубоко и всесторонне начавшийся в 2022 г. кризис российской экономики и рынка труда, который происходит в ситуации полной неопределенности по срокам его завершения.

Список литературы

1. Хоткина З.А. Актуальные вызовы рынка труда и их гендерные последствия для занятости // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 136-148. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.12

Информация об авторе

Хоткина Зоя Александровна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории гендерных проблем, Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) (117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, 32; e-mail: zoya-alex2012@yandex.ru).

Khotkina Z.A.

BIFURCATIONS OF THE RUSSIAN LABOR MARKET: 2020-2022

Abstract. *Three phases of bifurcations of the Russian labor market, which changed from 2020 to 2022 under the influence of external (pandemic, sanctions) and internal (economic recovery) factors, are considered. The phases are provisionally named pandemic, recovery and sanctions. An analysis is given of the reasons for the threefold inversion of the labor market and the consequences for workers.*

Key words: *labor market, employment, unemployment, bifurcation phases.*

Information about author

Khotkina Zoya A. (Russia, Moscow) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Laboratory of Gender Problems. The Institute of Socio-Economic Problems of Population is a separate division of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISEPN FNISTC RAS) (32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russian Federation, e-mail: zoya-alex2012@yandex.ru).

Bibliography

1. Khotkina Z.A. Actual challenges of labor market and their gender implications for employment // Population. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 136-148. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.12>

¹¹ На твердую недостройку. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5272146?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 21.03.2022).

¹² В горячих точках по контракту. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5270906> (дата обращения 21.03.2022).

¹³ Попрощались, но остались: Автомобильные бренды, которые передумали уходить из России. URL: <https://life.ru/p/1481404?ysclid=117vtbeak1> (дата обращения 21.03.2022).

АКТИВНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация. *В структуре некогнитивных компонентов человеческого капитала важное место может занимать агентность. Российские работники, которые ценят и проявляют самостоятельность являются референтными группами для других. Успех на рынке труда зависит от развития самостоятельности с университетской скамьи.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, некогнитивный, когнитивный, навыки, агентность, рынок труда, образование.*

Сегодня изменяются требования, которые рынок труда и работодатели предъявляют сотрудникам: увеличивается спрос на творческие умения, не поддающиеся упрощению, автоматизации и замене машинами; повышается значимость личной активности, проявляющейся в самообучении и способности улучшать привычные виды деятельности.

На текущем этапе развития теория человеческого капитала отказывается от интерпретации образования как единственного источника обеспечения дохода и производительности труда. Стремления дополнить теорию актуализируют микро-уровневые исследования, в меньшей степени ориентирующиеся на формальные показатели (число лет обучения, наличие диплома, опыт работы), а вместо этого фокусирующиеся на особенностях поведения. В анализ включаются индикаторы, нацеленные на качественное изучение способностей человека. Поскольку значительная часть несоответствий в способности достигать экономических результатов и лично значимых целей остаётся сложно объяснимой, экономико-социологическая наука начинает включать в свой дискурс индикаторы, нацеленные на измерение не только традиционных компонентов человеческого капитала, но и других индивидуальных ресурсов, в том числе некогнитивных [1, 2, 3].

Использование понятия «некогнитивный» является проблематичным, поскольку в прямой интерпретации оно подразумевает, что в какой-то части человеческое поведение может быть лишено познавательных функций. Это не соответствует психологической теории, которая рассматривает все процессы функционирования восприятия и личности по своей сути когнитивными, поскольку речь всегда идет о той или иной форме обработки информации. Несмотря на это, понятие регулярно используется в англоязычной научной литературе последнего десятилетия и начинает активно осваиваться в русскоязычном академическом дискурсе. Как пишет А. Дакворт, «все ненавидят этот термин, но каждый прекрасно понимает, что он обозначает» (everybody hates this term but everyone knows roughly what you mean when you use it)». Принципиально, «некогнитивными» можно характеризовать те компоненты человеческого капитала, которые не являются знаниями и навыками в прямом смысле слова, а представляют собой предрасположенности, установки, личностные особенности, влияющие на капитализацию знаний и навыков [7].

Чтобы определить место, которое некогнитивные навыки занимают в поведении человека, можно обратиться к разделению «врождённого и выращённого» («nature versus nurture»). Новые доказательства свидетельствуют о том, что в долгосрочной перспективе достижения зависят от усердия (nurture) ничуть не меньше, чем от талан-

та и интеллектуальных способностей (nature). Некогнитивные навыки проявляются в совокупных усилиях, прикладываемых к выполнению лично значимых задач [8].

Необходима постепенная интеграция когнитивных и некогнитивных навыков в единую концептуальную рамку, поскольку уже сейчас понятно, что синергизм этих двух групп навыков позволяет индивиду создавать доход и другие полезные эффекты не только для себя, но и для работодателя, общества в целом [9].

Личностные особенности влияют на способность использовать (проявлять) свои профессиональные знания и компетентности на работе. Например, самоконтроль сказывается на качестве и скорости исполнения индивидуальных задач, а инициатива выражается в предприимчивости и способности к независимым действиям. Некогнитивные атрибуты являются важным фактором, определяющим производительность труда, а также значимо влияют на возможность назначения на руководящую должность. В частности настойчивость (grit) является детерминантом лидерства, опережая мотивацию к обучению и социальное доверие [11].

В структуре человеческого капитала и его некогнитивных компонентов важное место может занимать агентность. Агентность определяется как активная самостоятельность, связанная со способностью к трансформации социальных структур и институтов, преобразованию мира к лучшему в конструктивном взаимодействии с окружающими, включая создание новых видов и форм деятельности. Активная самостоятельность имеет ключевое значение для редизайна и создания новых рабочих мест, имплементации новых технологических решений в трудовую деятельность [10].

Социологический взгляд оптимален для попыток интеграции и систематизации полидисциплинарного дискурса вокруг агентности. Концептуальным «стержнем» может выступить базовая для социологии и универсальная для любых сфер общественной жизни рамка «структура-действие», которая позволяет поставить прямой вопрос о трансформационном потенциале «действия» по отношению к «структуре». Агентность в данном контексте рассматривается как часть человеческого капитала и понимается как способность самостоятельно принимать решения, исходя из личных побуждений, а не вследствие внешнего давления. Агентность может проявляться в 1) противостоянии вводимым в организационных иерархиях изменениям или инновациям через отстаивание собственной автономии; 2) подстраивании под себя существующих норм на рабочем месте. Важной чертой, отличающей многие работы по данной проблематике, выполненные с концептуальных позиций социологии, является тенденция к рассмотрению одновременно «объективных», внешних трансформаций в социальных средах, и «субъективных» характеристик личности, позволяющих действовать проактивно в различных контекстах [5].

Межстрановые исследования свидетельствуют о том, что россияне демонстрируют низкий уровень самостоятельности в работе, который может представлять собой постоянную социокультурную характеристику трудовой культуры. Наибольшим дифференцирующим потенциалом обладает принадлежность к двум полярным типологическим категориям: 1) ценящим и обладающим самостоятельностью в работе и 2) не ценящим самостоятельность и не обладающим ею в работе. Российские работники по показателям самостоятельности тяготеют к ее ролевым проявлениям в европейской корпоративной культуре, что не позволяет говорить о незыблемости самостоятельности в работе как особом российском социокультурном феномене. Работники с выраженными проявлениями наличия и ценности самостоятельности в работе являются референтными группами для всех остальных в России [6].

Важность развития агентности для рынка труда уже с университетской скамьи подчёркивается в российских исследованиях. Сорокин и Зыкова пишут, что развитие «агентных навыков» у учащихся может, с одной стороны, позволить улучшить образовательные результаты на различных степенях образования, с другой – подготовить ответственных и проактивных граждан, имеющих высокие шансы преуспеть в достижении индивидуального успеха [4].

Будущие исследования могут быть направлены на детальную проработку концепции агентности (активной самостоятельности), выявление чётких поведенческих индикаторов.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 19-29-07131 «Моделирование и измерение человеческого капитала и формы его проявления в контексте цифровизации экономики: ресурсы, потоки, институты»).

Список литературы

1. Аникин В.А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 120-156. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156
2. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные. Издательский Дом Высшей школы экономики, 2020. 46 с.
3. Попов Д.С. Человеческий капитал в России: точность измерения и ограничения подхода // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 27-38. DOI: 10.31857/S013216250010466-5
4. Сорокин П.С., Зыкова А.В. Развитие «агентности» как задача образовательной политики в хх веке: мировой опыт исследований и разработок // Мониторинг экономики образования. Информационно-аналитические материалы по результатам статистических социологических обследований. 2020. № 37. С. 1-5.
5. Сорокин П.С., Зыкова А.В. Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в ХХI веке: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 216-241. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858
6. Темницкий А. Л. Социокультурный феномен самостоятельности в работе россиян в межстрановом сравнении // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 37-49. DOI: 10.31857/S013216250005480-1
7. Duckworth A. L., Yeager D. S. Measurement Matters. Educational Researcher. 2015. No. 44(4). pp. 237-251. DOI: 10.3102/0013189x15584327
8. Duckworth A. L., Eichstaedt J. C., Ungar L. H.. The Mechanics of Human Achievement. Social and Personality Psychology Compass. 2015. № 9(7). 359-369. DOI :10.1111/spc3.12178
9. Heckman J. J., Kautz T. Hard evidence on soft skills. Labour Economics. 2012. № 19(4). 451-464. DOI: 10.1016/j.labeco.2012.05.014
10. Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I. Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. Foresight and STI Governance. 2019. vol. 13. № 2. P. 19-41. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.19.41
11. Tong T., Li H., Greiff S. Human capital and leadership: the impact of cognitive and noncognitive abilities. Applied Economics. 2019. P. 1-12. DOI: 10.1080/00036846.2019.1619022

Информация об авторах

Хузяхметов Роман Ренатович (Россия, Тюмень) – младший научный сотрудник, аспирант, Тюменский государственный университет (625003, г. Тюмень ул. Володарского, 6; r_o_m_a_n_14@mail.ru).

Ромашкина Гульнара Фатыховна (Россия, Тюмень) – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет (625003, г. Тюмень ул. Володарского, 6; gr136@mail.ru).

Khuziakhmetov R.R., Romashkina G.F.

AGENCY IN THE STRUCTURE OF HUMAN CAPITAL

Abstract. *Agency can occupy an important place in the structure of noncognitive components of human capital. Russian workers who value and show agency are reference groups for others. The development of agency since the university is necessary for success in the labor market.*

Key words: *human capital, non-cognitive, cognitive, skills, agency, labor market, education.*

Information about authors

Khuziakhmetov Roman R. (Russia, Tyumen) – junior researcher, postgraduate student, University of Tyumen (6 Volodarskogo St., 625003 Tyumen, Russia, r_o_m_a_n_14@mail.ru).

Romashkina Gulnara F. (Russia, Tyumen) - Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Economic Security, System Analysis and Control, University of Tyumen (6 Volodarskogo St., 625003 Tyumen, Russia, gr136@mail.ru).

Bibliography

1. Anikin V. Human Capital: Genesis of Basic Concepts and Interpretations // Journal of Economic Sociology. 2017. vol. 18. № 4. P. 120-156. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156.
2. Gimpelson V.E., Zudina A.A., Kapeliushnikov R.I. Non-cognitive components of human capital: Evidence from Russian data // Voprosy Ekonomiki. 2020. № 11. P. 5-31. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-11-5-31 (In Russian).
3. Popov D.S. Human Capital in Russia: Measurement Accuracy and Limitations of the Method // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2020. № 11. P. 27-38. DOI: 10.31857/S013216250010466-5.
4. Sorokin P.S., Zykova A.V. The development of «agency» as a goal of educational policy in the 21st century: the world experience of research and design. Monitoring of Public Opinion. Information and analytical materials on the results of statistical sociological surveys. 2020. № 37. P. 1-5.
5. Sorokin P.S., Zykova A.V. «Transformative Agency» as a Subject of Research and Development in the 21st Century: A Review and Interpretation of International Experience. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021. № 5. P. 216-241. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858.
6. Temnitskiy A.L. The Sociocultural Phenomenon of Self-dependence in Russian Citizens' Work in an International Comparison. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2019. № 6. P. 37-49. DOI: 10.31857/S013216250005480-1.
7. Duckworth A.L., Yeager D.S. Measurement Matters. Educational Researcher. 2015. No. 44(4). P. 237-251. DOI: 10.3102/0013189x15584327

8. Duckworth A.L., Eichstaedt J.C., Ungar, L.H. The Mechanics of Human Achievement. *Social and Personality Psychology Compass*. 2015. № 9(7). P. 359-369. DOI :10.1111/spc3.12178
9. Heckman J.J., Kautz T. (2012). Hard evidence on soft skills. *Labour Economics*, № 19(4), P. 451-464. DOI: 10.1016/j.labeco.2012.05.014
10. Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I. Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. *Foresight and STI Governance*. 2019. vol. 13, № 2, P. 19-41. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.19.41
11. Tong T., Li H., Greiff S. Human capital and leadership: the impact of cognitive and noncognitive abilities. *Applied Economics*. 2019. P. 1-12. DOI: 10.1080/00036846.2019.1619022

ПРОБЛЕМА АКТУАЛЬНОСТИ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ В МЕНЕДЖМЕНТЕ СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ VUCA-МИРА

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема наличия традиционно сложившейся трудовой гендерной сегрегации как в мировом, так и в российском менеджменте. На основе выявленных стереотипов о возможности женщин занимать руководящие посты сделан вывод об актуальности их пересмотра в условиях VUCA-мира.

Ключевые слова: менеджмент, цифровая экономика, гендерная асимметрия, VUCA-мир.

В настоящее время мы живем в VUCA-мире, мире четвертой промышленной революции. Термин «VUCA» ввели еще в начале 1990-х годов американские военные. VUCA – это аббревиатура из четырех английских слов: Volatility (нестабильность), Uncertainty (неопределённость), Complexity (сложность) и Ambiguity (неоднозначность). Если расшифровать смысл данного акронима общими словами, то VUCA-мир – это новая реальность: нестабильная, хаотичная, неоднозначная и гарантий на выживание нет ни у кого. Чтобы быть успешным, эффективным, производительным и выжившим в этом мире, необходимо стать быстрым, динамичным, способным постоянно меняться и постоянно обучаться.

Также современная эпоха обозначается отечественными и зарубежными исследователями как Дизрапт – эпоха, когда подрывные инновации, способны изменить ситуацию таким образом, что старые технологии выходят из конкурентной гонки. Дизрапция рынков (англ. disruption) – это изменения «правил игры» и распределения сил на рынке новыми игроками за счет использования неизвестных ранее технологий и/или бизнес-моделей [1].

Как следствие, возникает понятие Технологической сингулярности — это вероятное взрывное ускорение научно-технического прогресса, которое приведет к полному изменению общества, морали и самого человека [2].

В этих неотвратимых современных условиях перемены перемен во многих странах просматривается тенденция к продвижению женщин практически уже во многих сферах деятельности. Однако проблемы и процессы использования женского труда в менеджменте остаются для российских условий непривычными и за гранью понимания [3].

Методология исследования. В Конституции РФ [4] закреплен принцип равноправия и равных возможностей. В частности, в п. 3 ст. 19 говорится: «Мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». К сожалению, это положение далеко не всегда подтверждается практикой.

Мнение о женщинах-руководителях или занимающих высокопоставленные должности основано на стереотипах и мнениях со стороны.

Женщина вынуждена постоянно доказывать себе и окружающим, что она способна выполнять свою работу и соответствует должности, что не требуется от мужчины. И всё же, женщины-руководители – это реальность, однако попытки осознания этой реальности пока не носят объективный характер. В данной ситуации авторы хотели бы затронуть некоторые стереотипы, которые существуют на поверхности и чаще всего используются для оправдания гендерной асимметрии в отноше-

нии женщин, которое влияет на их уровень заработных плат и их профессиональное развитие. В качестве доказательной базы авторы статьи будут опираться на доказательство «от противного» (лат. *contradictio in contrarium*), или апагогическое косвенное доказательство – вид доказательства, при котором «доказывание» некоторого суждения (тезиса доказательства) осуществляется через опровержение отрицания этого суждения – антитезиса.

Стереотип 1: руководители-мужчины результативнее и эффективнее, нежели руководители-женщины. В России руководителей женского пола до сих пор воспринимают с усмешкой и чуть снисходительно. Без вопросов предполагается, что лидер-мужчина лучше управляет своим предприятием. В России велика сила стереотипов о роли полов: как правило, от людей ожидают, что они будут вести себя определенным образом в зависимости от того, к какому полу они принадлежат. При этом существует тенденция занижения любых способностей человека, если ожидания не оправдываются, не обращая внимание на то, насколько он в действительности был эффективен как лидер. Женщин и мужчин наделили определенными качествами, которые они должны показывать и доказывать, а если у тебя другие видения ведения дела: более эмоциональное, более требовательное, то ты уже автоматически не подходишь под стереотипную культуру. Это приводит к необходимости предъясвлять ежедневные доказательства всем вокруг, что персона достойна того выбора, который она транслирует обществу.

Стереотип 2: агрессивный характер российского бизнеса и неспособность женщин выживать в этой среде. Управленческие технологии женщин, несмотря на кажущуюся им самим мягкость, отличаются рациональностью и последовательностью, сопоставимыми с мужским хаотичным менеджментом. Большая психологическая гибкость позволяет женщинам не только начать собственное дело, но и удерживаться в нём, несмотря на агрессивность внешней среды. В России женское лидерство продолжает оставаться на достаточно низком уровне. И в основном это связано с культурной инерцией, которая сдерживает вытеснение патриархальных стереотипов и влияет на толщину «женской прослойки» в менеджменте. Женщины обладают большей пластичностью в творении своего менеджмента, в управлении опираются на комбинированные стратегии, включающие в себя большой набор техник.

Стереотип 3: высокие достижения и женственность несовместимы. У женщин-руководителей совмещение сфер семья и работа чаще происходит по модели – работа вторгается в семейную сферу. Также традиционно считается, что женщинам-руководителям не просто подобрать себе достойную пару. К тому же самолюбие многих мужчин не позволяет им жениться на дамах, социальный статус которых выше их собственного. Также считается, что женщина-руководитель менее женственная, властная и имеет высокую самооценку о себе, что давит на мужчин и на их эго. Нет однозначной оценки качества управления женщины-руководителя и сложности работы под её началом, как и у мужчин. Порой женщины получают даже более высокий рейтинг как руководители именно из-за качеств, необходимых для преуспевания в век глобальной информации, когда важны умение работать в команде и партнёрство.

Что касается заработных плат, по данным Международной организации труда (МОТ), в среднем женщины зарабатывают примерно на 20% меньше, чем мужчины (при прочих равных характеристиках работников).

Заключение. Объективным же ответом на вопрос о том, какой руководитель более эффективен – мужчина или женщина, могут служить данные исследова-

ний, свидетельствующие, что успешный менеджмент не имеет пола: как мужчины, так и женщины могут быть и прекрасными руководителями, и никуда не годными. Анализируя специфику женского и мужского стиля руководства, следует отметить: у каждого человека свое индивидуальное восприятие конкретного руководителя.

«Женщины, как и везде в России, заведомо поставлены в неравные условия, и, чтобы доказать свою успешность, вынуждены работать в два раза лучше и больше. Женщины более амбициозны и целеустремленны по сравнению с мужчинами, а значит — и более успешны» [5]. Развитие цифровых сервисов открывает новые возможности для развития женского бизнеса, стирая гендерный фильтр. Об этом заявила Вероника Никишина, генеральный директор АО «РЭЦ» (входит в ВЭБ.РФ) на сессии «Цифровой мир. Точки роста и возможности для женщин» Евразийского женского форума 2021.

Также она добавила – «В новом цифровом мире для женщин открылись новые перспективы. Если женщина хороший специалист в своей сфере и способна ставить для самой себя конкретные цели, то их реализация через цифровые сервисы делают ее абсолютно равной по сравнению с мужчинами» [6].

Список литературы

1. Назарова Н. Дисрапция: как победить конкурентов и захватить рынки, используя разрушительные инновации. URL: <https://vc.ru/growth/171265-disrapciya-kak-pobedit-konkurentov-i-zahvatit-rynki-ispolzuya-razrushitelnye-innovacii> (дата обращения 16.02.2022).
2. Никонова Я.И., Лунина Т.А. Цифровая трансформации экономических процессов в ОАО «РЖД»: теоретические концепции и практика их реализации // Концептуальные проблемы экономики и управления на транспорте: взгляд в будущее. Труды международной научно-практической конференции. 2019. С. 215-219.
3. Шатунова Т.Е., Кузнецова Е.М. Проблемы реализации карьерной стратегии молодыми специалистами в современных условиях // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: Мат-лы VI международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2021. С. 319-320.
4. Конституция РФ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 27.02.22).
5. Чехова О., Березовская Н., Кий Т. Быть женщиной – значит быть лидером! // Справочник по управлению персоналом. 2006. №3. С. 108-110
6. Никишина: цифровизация поможет стереть гендерную дискриминацию в бизнесе // URL: <https://ria.ru/20211015/nikishina-1754712246.html> (дата обращения: 22.02.22).

Информация об авторах

Шатунова Татьяна Евгеньевна (Россия, Новосибирск) – старший преподаватель кафедры «Менеджмент на транспорте», Сибирский государственный университет путей сообщения (630049, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 191; e-mail: shatun678@mail.ru).

Герасимова Ирина Сергеевна (Россия, Новосибирск) – студент 3 курса, направление 38.03.01 Экономика, профиль «Экономика предприятий и организаций», Сибирский государственный университет путей сообщения (630049 г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 191; e-mail: irochka.gerasimova.10@mail.ru).

Нестерова Алиса Егоровна (Россия, Новосибирск) – студент 3 курса, направление 38.03.01 Экономика, профиль «Экономика предприятий и организаций», Сибирский государственный университет путей сообщения (630049 г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 191; e-mail: ft.jodie@bk.ru).

Shatunova T.E., Gerasimova I.S., Nesterova A.E.

PROBLEMS OF THE RELEVANCE OF GENDER ASYMETRY IN MODERN MANAGEMENT IN VUCA-WORLD CONDITIONS

Abstract. *The article deals with the actual problem of the presence of traditionally established labor gender segregation in both world and Russian management. On the basis of the identified stereotypes about the possibility of women to hold leadership positions in organizations, a conclusion was made about the relevance of their revision in the conditions of the VUCA world.*

Key words: *management, digital economy, gender segregation, VUCA-world.*

Information about authors

Shatunova Tatyana E. (Russia, Novosibirsk) – Senior Lecturer of the Department of Transport Management, Siberian State University of Railways (630049 Novosibirsk, D. Kovalchuk st., 191, shatun678@mail.ru).

Gerasimova Irina S. (Russia, Novosibirsk) – 3rd year student, direction 38.03.01 Economics, profile “Economics of enterprises and organizations”, Siberian State University of Railways (630049 Novosibirsk, D. Kovalchuk st., 191).

Nesterova Alisa E. (Russia, Novosibirsk) – 3rd year student, direction 38.03.01 Economics, profile “Economics of enterprises and organizations”, Siberian State University of Railways (630049 Novosibirsk, D. Kovalchuk st., 191).

Bibliography

1. Nazarova N. Disruption: how to defeat competitors and capture markets using disruptive innovations. URL: <https://vc.ru/growth/171265-disrapciya-kak-pobedit-konkurentov-i-zahvatit-rynki-ispolzuya-razrushitelnye-innovacii> (date of access 02/16/2022).
2. Nikonova Ya.I., Lunina T.A. Digital transformation of economic processes in Russian Railways: theoretical concepts and practice of their implementation // In the collection: Conceptual problems of economics and management in transport: a look into the future. Proceedings of the international scientific-practical conference. 2019. P. 215-219.
3. Shatunova T.E., Kuznetsova E.M. Problems of implementation of career strategy by young specialists in modern conditions // In the collection: Problems of economic growth and sustainable development of territories. Materials of the VI International Scientific and Practical Internet Conference. Vologda, 2021. P. 319-320.
4. The Constitution of the Russian Federation. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (date of access: 27.02.22).
5. Chekhova O., Berezovskaya N., Kiy T. Being a woman means being a leader! // Handbook of personnel management. 2006. No. 3. P. 108-110.
6. Nikishina: digitalization will help erase gender discrimination in business // URL: <https://ria.ru/20211015/nikishina-1754712246.html> (date of access 02/22/22).

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ТРУДА: ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье показано, что рост применения интеллектуальных систем в профессиональной деятельности человека ведёт к трансформации условий труда, способов осуществления трудовой деятельности, что требует от человека постоянного приращения профессиональных компетенций.

Ключевые слова: труд, технологизация, компетентность, тенденции, информационное общество.

Под воздействием повсеместной глобальной информатизации, цифровизации и технологизации происходит смена существующих в обществе ценностных систем, формируется новое видение социального поведения, при этом отмечается смещение вектора движения в сферу человеческого капитала, процессов гуманизации. Общественные интересы и мнение, повседневная деятельность людей все в большей степени влияют на экономику, адаптируют её под свои потребности. Это связано, в первую очередь, с ростом значения знаний и расширением сферы услуг, с информатизацией и виртуализацией многих процессов и видов деятельности. Данные процессы ведут к формированию нового глобального технологизированного общества с соответствующей ему экономикой, построенной с учетом трансформации характера труда, встает также необходимость перераспределения временных, социальных, трудовых и материальных ресурсов человека. [2, с. 9].

Мнения экспертов относительно влияния цифровизации и технологизации на рынок труда распределились по двум противоположным полюсам: первая позиция подразумевает, что работники, чьё место на рынке труда займут современные технологии, будут вынуждены менять свою квалификацию и искать новую работу. В данном случае внедрение новых способов производства рассматривается как стимул для создания новых отраслей, связанных с развитием человеческих способностей, его исследовательской и творческой деятельностью. Согласно второй позиции, повсеместное внедрение цифровых технологий приведет к возникновению массовой безработицы и усилению различного рода неравенств, и как следствие, к политическому, экономическому и социальному кризису [7, с. 32].

В тоже время очевидно, что процессы технологизации не остановить, в связи с чем в ближайшие годы экономическая система, система организации труда претерпят ряд серьезных изменений. Многие ученые сходятся во мнении, что уже к 2050 году около 47% рабочих мест будут автоматизированы, а миллионы людей станут безработными. В тоже время прогнозируется увеличение спроса на специальности, связанные с разработкой и использованием новейших технологий: программисты, ИКТ-проектировщики, робототехники. Однако, уменьшится занятость специалистов по техобслуживанию, ремонту оборудования на 8% в год, офисных работников – на 6,2%. По оценке McKinsey, уже к 2040 году до 50% рабочих операций в мире могут быть автоматизированы, при этом делается оговорка, что в самой ближайшей перспективе полностью возможно автоматизировать лишь 5% существующих профессий, что связано с высокой стоимостью современного производственного роботизированного механизма и программного обеспечения к нему. Оставшиеся 95% специальностей подвержены лишь частичному внедрению технологических инноваций [4, с. 3].

Так или иначе, важность профессиональной переподготовки только возрастает, поэтому важно развивать и адаптировать систему классического образования, а также расширять применение сектора дополнительного образования. Модернизация, технологизация производства в идеальных условиях должны происходить параллельно с переобучением работников всех направлений и подготовкой новых кадров.

Таким образом, технизация трудовой сферы одна из актуальных проблем человеческого существования в условиях возрастающей сложности современного информационного общества.

Технизация в сфере труда часто понимается как растущая рационализация и «алгоритмизация» трудового практического пространства и создание специализированных каналов коммуникации. Общественный смысл технизации трудовой сферы нередко усматривается в возрастании эффективности упорядоченности. Так, Н. Луман, трактуя технику, видит «сущность технического в разгрузке смыслообразующих процессов переживания и действия от восприятия, формулирования и коммуникативной экспликации всех вытекающих смысловых отношений» [5, с. 52]. Технизация, таким образом, способствует сохранению устойчивости профессионального пространства, а рационализация профессиональной системы может служить ответом на вызовы интенсивно усложняющихся условий труда, а также позволяет повысить производительность труда и снизить энергозатраты.

Вместе с тем, важным моментом является тот факт, что в период осуществления трудовой деятельности происходит не только развитие и совершенствование социального капитала личности, формируется ответственное поведение, складывается доверие человека самому себе и окружающим, появляется уверенность в будущем, раскрывается творческий потенциал личности, но также со стороны технологической системы организации труда происходят процессы её интеллектуализации и гуманизации [3, с. 6]. Поэтому крайне значимым представляется изучение таких взаимовлияющих тенденций последних лет, как интеллектуализация техносреды трудовой сферы человека и, противоположной ей по смыслу, технизации социального пространства.

Основанная на теориях интеллектуализации и информатизации трактовка познавательной деятельности, состоящая в том, что субъект понимается как совокупность инстанций по переработке информации, а познание рассматривается как процесс поиска, отбора, получения, обработки и передачи информации, позволила сопоставить интеллектуальную деятельность человека с информационными возможностями технических средств. Социализация современного человека, его профессиональное становление и трудовая деятельность в значительной степени стали определяться интеллектуальными информационно-коммуникационными технологиями [1, с. 19]. Повсеместное применение интеллектуальных технологизированных систем, поддерживающих различные виды деятельности человека, ведет к формированию смешанного типа рациональности, познавательной и трудовой деятельности, на основе взаимодействия интеллекта человека с искусственным интеллектом. Непосредственно уровень развития и степень эффективности данного типа интеллектуального взаимодействия в трудовой сфере становится фактором, во многом определяющим качество экономических преобразований, инновационное развитие общества.

Таким образом, можно говорить о том, что интеллектуальная деятельность в трудовой сфере в условиях технологизации представляет собой сложную систему, основанную на способности трудящегося к развитию, целеполаганию, организа-

ции, творчеству, эффективном взаимодействии с техносредой рабочего пространства, а результатом интеллектуальной трудовой деятельности является внедрение в практику инноваций, формирование основы для новых разработок. Очевидно, что личность, способная осуществлять трудовую деятельность на подобном высоком уровне, должна быть заинтересована в приращении своего интеллектуального потенциала и реализации своих профессиональных компетенций через использование ресурсов всех типов: социальных, информационных, коммуникативных, интеллектуальных технологий. Таким образом, крайне важно изучать факторы, как способствующие, так и препятствующие, максимальному развитию и интеллектуализации трудовой деятельности.

Актуальность данной проблематики для Беларуси обусловлена необходимостью обеспечения высокого качества жизни населения, а также необходимостью решения поставленной правительством задачи развития инновационной экономики. Становление инновационной экономики невозможно без интеллектуального развития личности, которое на данном этапе во многом отождествляется с овладением основными информационными технологиями.

Уровень развития человеческого потенциала определяется, с одной стороны, готовностью населения к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности и повседневной жизни, с другой стороны, наличием высококвалифицированных специалистов, обеспечивающих выполнение научных исследований и разработок в сфере ИКТ, безопасную эксплуатацию информационных систем [6].

В данном ключе было проведено социологическое исследование степени влияния интеллектуализации на социально-экономическое развитие общества, а также изучено навыков использования информационных технологий различными группами населения.

В результате анализа уровня ИКТ-компетентности граждан Беларуси в трудовой сфере было определено, что согласно самооценкам лишь 7% опрошенных отнесли себя к числу продвинутых пользователей ПК; 23,8% респондентов являются уверенными пользователями ПК; базовый уровень имеют 23,7%; основными навыками владеют 25,6% опрошенных, 15,3% респондентов не владеют такими навыками. Согласно полученным данным можно предположить, что пятая часть населения не идентифицирует себя в качестве пользователей современных технологий и коммуникаций.

Анализ также показал, что значимость компетенций в сфере информационных технологий как ресурса, способного повысить уровень самообразования, среди населения страны недостаточно высока. Так, при ответе на вопрос об основных преимуществах владения ИКТ-навыками только 30,5% населения отметили, что оно даёт возможность самообразования, самореализации, оставшаяся часть респондентов не рассматривает ИКТ-компетенции в этом ключе.

Результаты исследования показали, что среди населения Республики Беларусь наблюдается низкая активность по развитию своих навыков владения компьютерной техникой, электронными сервисами и программами – лишь 16,9% опрошенных отметили, что предпринимают в этом направлении определенные попытки, а 79,6% – не предпринимает никаких действий для развития своих навыков владения компьютерной техникой, электронными сервисами, программами и др.

Среди тех, кто проявляет активность по развитию своих навыков владения компьютерной техникой, электронными сервисами и программами, 80% самостоятельно

повышает свой уровень владения ИКТ, 20% прибегают к различного рода помощи: из них треть пользуются программами формальных институтов (курсы, обучение в вузе, академии), остальные прибегают к помощи друзей, родственников, коллег (неформальные институты).

В соответствии с вышеизложенными данными можно предложить следующие меры повышения уровня ИКТ в сфере трудовой деятельности, профессиональной подготовки, переподготовки и самообразования:

1) формирование личности с высокой степенью готовности к постоянному непрерывному повышению уровня профессиональных компетенций, как в рамках формальных, так и неформальных образовательных институтов, таких как семья, школьно-студенческие коллективы, профессиональные сообщества;

2) в рамках государственной политики обеспечение доступности профессионально-образовательных программ, реализуемых на курсах повышения квалификации при службах развития персонала и в институтах повышения квалификации;

3) эффективное вовлечение в процесс подготовки и переподготовки всего многообразия средств информатизации: методика интерактивного обучения, компьютеры, планшеты, программное обеспечение, средства онлайн и офлайн коммуникации и др.

Становление информационного общества трансформирует привычные практики коммуникации, образования, работы, развлечения, гражданской активности, оказывает существенное влияние на различные стороны жизни людей. Формируются новые, базирующиеся на интернет-технологиях, образцы поведения в повседневной жизни, что обусловлено многообразием сфер жизнедеятельности, в которых они применяются.

Очевидно, что освоение инновационных практик требует не только определенных материальных возможностей, но и интеллектуальных усилий, готовности к непрерывному обучению в сфере их применения. Именно такие требования предъявляет к современному человеку информационное общество, в котором интернет-технологии становятся повседневным инструментом. Сегодня под влиянием информатизации кардинально меняются характеристики качества и образа жизни. Сокращается время на выполнение целого ряда работ. Исчезает необходимость во многих операциях, связанных с перевозками, появляется возможность телеворкинга и гибкого распределения рабочего времени. Игнорируя данные обстоятельства, упуская возможности к освоению ИКТ-компетенций, человек может потерять определённые связи с обществом, его конкурентоспособность на рынке труда снизится.

Таким образом, актуальность изучения распространённости электронных практик, степени их усвоения и применения только возрастает, при этом крайне важно рассматривать проблему в контексте социальной дифференциации общества, что позволит разработать более эффективные меры по улучшению ситуации при переходе к информационному обществу.

Список литературы

1. Гусар С.А. Проблемы интеллектуализации предпринимательской деятельности в условиях экономики, основанной на знаниях // Экономический потенциал и перспективы России и стран СНГ. Краснодар: АНО «Центр социально-политических исследований «Премьер», 2012. 216 с.
2. Жеребин В.М. Социальные аспекты информатизации. М.: Экономическое образование. 2013. С. 9.

3. Лекторский В.А., Кудж С.А., Никитина Е.А. Эпистемология, наука, жизненный мир человека // Вестник МГТУ МИРЭА. 2014. № 2 (3). С. 1-12.
4. Лишние люди: как роботы оставят без работы «синих» и «белых воротничков». URL: <https://www.rbc.ru/business/19/01/2017/58806fe19a794712678e210> (дата обращения 20.03.2022).
5. Луман Н. Власть. М.: Праксис. 2001. 256 с.
6. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016-2022 годы. URL: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody> (дата обращения 08.03.2022).
7. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. С. 32.

Информация об авторе

Яковлева Наталья Ивановна (Республика Беларусь, Минск) – научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси (220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова 1, к. 2; e-mail an.nata.an@gmail.com).

Yakauleva N.I.

TECHNOLOGIZATION IN THE FIELD OF LABOR: TRENDS, PROSPECTS

Abstract. *The article shows that the growth of application of intelligent systems in professional human activity leads to the transformation of working conditions, ways of carrying out labor activity, which requires from a person a constant increase in professional competencies.*

Key words: *labor, technologization, competence, trends, information society.*

Information about author

Yakauleva Natallia I. (Republic of Belarus, Minsk) – researcher, Institute of Sociology The Academy of Sciences of Belarus (address: 220072, Republic of Belarus, Minsk, Surganova st., 1, k. 2; tel. +375 17 284-18-65; e-mail an.nata.an@gmail.com).

Bibliography

1. Gusar S.A. Problems of intellectualization of entrepreneurial activity in a knowledge-based economy // Economic potential and prospects of Russia and CIS countries. Krasnodar: ANO “Center for socio-political research” Premier “. 2012. 216 p.
2. Zherebin V.M. Social aspects of informatization. M.: Economic Education. 2013. P. 9.
3. Lectorsky V.A., Kudz S.A., Nikitina E.A. Epistemology, science, human life world // Bulletin of Moscow State Technical University MIREA. 2014. № 2 (3). P. 1-12.
4. Superfluous people: how robots will leave “blue” and “white collar” without work URL: <https://www.rbc.ru/business/19/01/2017/58806fe19a794712678e210> (accessed 20.03.2022).
5. Luhmann N. Power. Moscow: Praxis. 2001. 256 p.
6. Strategy of informatization development in the Republic of Belarus for 2016-2022 years. URL: <http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty/strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody> (accessed 08.03.2022).
7. Schwab K. The fourth industrial revolution. Moscow: Eksmo. 2016. P. 32.

СЕКЦИЯ 5
ГРАЖДАНСКАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ
ПАНДЕМИИ COVID-19:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

РОЛЬ МАЖОРИТАРНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В БОРЬБЕ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ПАНДЕМИИ COVID-19: КЕЙС РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ФИЛИППИН

Аннотация. На примере Римско-Католической Церкви Филиппин (РКЦФ) раскрывается роль мажоритарной религиозной организации в процессе реализации мер, направленных на борьбу с последствиями пандемии COVID-19. Фиксируется модель конструктивного сотрудничества христианского института с государством.

Ключевые слова: Римско-Католическая Церковь, Филиппины, социальная ответственность, COVID-19, пандемия.

Беспрецедентный до этого времени процесс борьбы с последствиями пандемии коронавирусной инфекции, растянувшийся на несколько лет, охватил все страны и регионы мира, заставив мобилизовать и объединить для достижения этой цели усилия самых разных государственных и общественных организаций и объединений. В перечне последних религиозным отводится существенная роль, особенно если речь идёт о случаях, когда в структуре населения высока численность и доля адептов вероучения, а Церковь сохраняет авторитет, выполняет культуuroобразующую и иные общественно значимые функции.

Ограничения, наложенные на законодательном уровне на работу большинства организаций во время пандемии, как в начальный нерабочий период, так и в условиях введения некоторых послаблений режима изоляции, повлияли на экономическую и социальную сферы. Религиозные институты не остались в стороне и на их функционировании всесторонне отразились новые реалии.

Не случайно специалисты стали касаться данного вопроса в научных публикациях буквально вскоре после того, как проблема обозначилась. На отдельных примерах были подробно рассмотрены модели церковно-государственного сотрудничества и обозначены виды мероприятий, проводимых религиозными организациями в период пандемии в рамках реализации деятельности в области социальной ответственности [4, с. 101–107].

Актуальность обращения к зарубежному опыту в этом отношении высока. Приходится констатировать, что в России со стороны иерархов и иных представителей структурных подразделений крупнейшей по численности последователей религиозной организации – Русской Православной Церкви Московского Патриархата (РПЦ МП), имели место самые разнообразные реакции на происходящее. Среди таковых фиксируются как ориентированное на содействие государственно установленным мерам предотвращения распространения заболевания при оказании посильной помощи пострадавшим, так и «дегуманизированное отношение к болезни, недоверие к научным данным об эпидемии и санитарным мероприятиям» [3, с. 179]. Одна из основных причин столь ультраконсервативных проявлений, которые объективировались и в деструктивные модели поведения, является утрата религиозных традиций во взаимодействии с органами власти в советский период.

Следует отметить, что попытки вести обсуждения сложившейся ситуации и поисков путей для реализации своих функций Церковью в пандемию предпринимались [2, с. 63–74]. Тем не менее, неоднозначные мнения по разным вопросам в этом

отношении до сих пор имеют место. Одна из возможностей выработки конструктивной поведенческой стратегии – обратиться к опыту зарубежных религиозных организаций.

Раскрывая обозначенную тему, учёные чаще всего избирали в качестве кейсов национальные христианские Церкви зарубежной Европы. Например, детально рассматривались мажоритарные религиозные организации Румынии, Италии и др. [4, с. 101–107]. Между тем, репрезентативным примером в данном отношении может выступать и Римско-Католическая Церковь Филиппин (РКЦФ) – крупнейшая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и занимающая по численности адептов третью позицию в мире после РКЦ Мексики и Бразилии [1, с. 179–193].

Все христианские церкви страны приняли посильное участие в борьбе с последствиями пандемии, поддержав обеспечением предметами первой необходимости 4,5 млн семей, но именно мажоритарному религиозному институту здесь принадлежит ведущая роль¹.

Первые случаи заболеваний COVID-19 были зафиксированы в стране в январе 2020. Затем последовало стремительное распространение инфекции среди населения.

При том, что Филиппины более века являются примером светского государства, почти 80% граждан республики декларируют свою принадлежность к РКЦФ, а регулярно посещают богослужения и участвуют в религиозных обрядах около половины. Поэтому временное закрытие приходских храмов в перечне правительственных мер по борьбе с нераспространением и последствиями пандемии затронуло очень многих филиппинцев.

В самый сложный период жёсткость ограничений была сведена запрету на посещение храмов в богослужебное и вне богослужебного времени (с 15 марта 2020 г.). Во многих храмах страны совершение месс и проповеди духовенства были перенесены на онлайн платформы.

В зависимости от сложности характера протекания эпидемиологической ситуации, в разных регионах страны в отдельные периоды действовали свои правила. Где-то храмы были закрыты для проведения богослужений и прекращалась любая культовая деятельность, а где-то из религиозных обрядов позволялись к совершению только погребальные. В мае 2020 г. некоторые послабления достигли разрешения присутствия при богослужениях от 5–10 человек до числа, составляющего 50% от вместимости молитвенного зала.

В июле 2020 г. было дозволено открытие храмов в стране исключительно для совершения богослужений. Все остальные проводимые мероприятия пока следовало приостановить. При этом, в процессе совершения месс, обрядов и таинств требовалось обязательное соблюдение социальной дистанции, использование гигиенических средств защиты органов дыхания (медицинских масок), перчаток, дезинфекторов кожных покровов рук.

К февралю 2021 г., к началу периода Великого Поста, когда традиционно посещаемость богослужений высокая, храмовые здания могли быть наполнены уже на 50%. Но чуть больше, чем через месяц, незадолго до празднования Пасхи, на котором ожидалось большое скопление народа, вновь последовал запрет на проведение мероприятий, предполагающих большое количество участников. Религиозным организациям запретили проводить общедоступные для прихожан богослужения.

¹ CBCP to transform churches to vaccination sites // CBCP TO TRANSFORM CHURCHES TO VACCINATION SITES | Department of Health website. URL: doh.gov.ph

В крупных городах определенной проблемой в период пандемии стало то, что традиционно несколько католических праздников в году собирали большое количество людей, а некоторые предполагали массовые шествия (Пасха, Рождество и т. д.). В связи с этим к храмовым зданиям отправлялись наряды полиции, которые должны были следить за исполнением надлежащего порядка.

Существенные коррективы пандемия внесла в сами богослужебные практики. Когда по католическому календарю выпал Вход Господень в Иерусалим, то церковное руководство призвало отказаться от шествия по улицам с пальмовыми ветвями, ограничившись передачей словесного благословения пастве. Для празднования Рождества 2021 г. традиционное время торжественных богослужений было перенесено с ночного периода на 18.00 по причине комендантского часа, установленного в ряде регионов. Кроме того, правящие епископы призывали духовенство проводить несколько месс, чтобы желающие на них присутствовать могли равномерно распределиться в помещениях храмов. Предлагались для осуществления и выездные богослужения в населённые пункты для совершения на открытом воздухе.

Один из самых ярких религиозно-национальных праздников для филиппинцев – День Черного Назарянина, широко справлявшийся ежегодно 09 января традиционным 6-километровым шествием с деревянным скульптурным изображением Иисуса Христа, в 2021 г. также прошёл гораздо скромнее, чем обычно, ограничившись мессами и возможностью желающим совершить религиозное поклонение с удалённых смотровых площадок. И все же, в нем приняло участие около 400 тыс. чел.

Ковидная пандемия стала причиной того, что сам факт празднование 500-летия принятия католической веры населением Филиппин, приходящийся на 2021 г., прошёл практически незамеченным, хотя это компенсируется перенесением ряда мероприятий на весну 2022 г.

Следует отметить, что структуры РКЦФ в целом поддерживали все предписания и рекомендации национального Департамента здравоохранения, а в ряде случаев еще до их официального декларирования брали на себя инициативы по сдерживанию скопления большого количества людей в храмовых зданиях. Конференция католических епископов Филиппин также выпустила документ, регламентирующий поведение духовенства и паствы в период пандемии. Его содержание коррелирует с санитарными мерами, которые были введены Департаментом здравоохранения.

Дальнейшее сотрудничество РКЦФ с государством в борьбе с распространением коронавирусной инфекции оставалось очень тесным весь период, пока это требовалось. Так, в январе 2021 г. члены Конференция католических епископов Филиппин приняли решение о предоставлении помещений храмовых зданий под места, оборудованные для проведения всеобщей вакцинации². Данное предложение, исходящее от Церкви, особенно было ценно для периферийных муниципалитетов. Важное значение имела и проводимая просветительская работа на приходах, ориентированная на формирование у населения доверия к решению о необходимости всеобщей вакцинации³.

В перечне наиболее существенных видов помощи, оказанной структурами РКЦФ населению в период распространения COVID-19, – финансовая, материальная, психологическая.

Так, например, руководство митрополии РКЦФ Липа, территориально совпадающей с провинцией Батангас, сразу после того, как обозначилась масштабная пробле-

² Там же.

³ Search Results for “COVID-19” – Page 13 – The Roman Catholic Archdiocese of Manila. URL: rcam.org.

ма, связанная с массовой заболеваемостью, объявило о том, что силами ее структур будет оказываться содействие нуждающимся, предоставляя им бесплатные горячие обеды, питьевую воду, психологическую поддержку⁴.

В столичной архиепископии Манила пики массовой заболеваемости как весной 2020, так и в 2021 г. приходились на период Великого Поста перед Пасхой. В обоих случаях от правящего архиепископа звучали призывы к сбору средств от прихожан РКЦФ в пользу нуждающихся. Затем эти средства были распределены на нужды социально уязвимых категорий граждан, многодетных и нуждающихся семей, пострадавших от последствий распространения COVID-19⁵.

С начала введения ограничений на многих католических приходах Манилы получила поддержку инициатива «Кладовая благословений» по добровольному сбору продуктов питания и предметов первой необходимости для дальнейшей организации их передачи малоимущим и потерявшим работу по причине пандемии⁶.

Кроме того, на официальных электронных ресурсах архиепископии объявлялся сбор средств в пользу старейшего в Маниле детского дома, который патронируется архиепископией, где ввиду массовой заболеваемости ощущалась острая нехватка в медикаментах, продуктах питания, средствах гигиены.

Итак, РКЦФ – один из примеров христианской религиозной организации, руководство, сотрудники и члены которой успешно консолидировались в борьбе с последствиями пандемии COVID-19. Национальная РКЦ на Филиппинах с первых дней введения ограничений, направленных на предотвращение распространения коронавирусной инфекции, солидаризировалась с государственными органами власти и внесла необходимые изменения в порядок своей деятельности, осуществив практику богослужений в режиме онлайн, регулярно в лице представителей высшего иерархического духовенства обращаясь к прихожанам с призывами следовать необходимым предписаниям и ограничениям.

Кроме того, за счёт финансовых и иных средств РКЦФ оказывалась действенная материальная помощь и поддержка малоимущим и иным группам населения, пострадавшим от последствий пандемии. Немаловажной является и разъяснительная просветительская работа, направленная на популяризацию вакцинации, а также предоставление помещений храмовых и иных зданий, принадлежащих религиозной организации, для этой цели.

Список литературы

1. Балабейкина О.А. Роль Римско-Католической Церкви в социальной политике Филиппин: региональный уровень // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени : сборник научных статей по итогам III Всероссийской (национальной) научной конференции, Санкт-Петербург. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 179–182.
2. Красноперов Д.В. Организация приходского служения в условиях пандемии: литургический аспект // Церковь и пандемия: сборник статей по материалам всероссийского круглого стола, Нижний Новгород, 21 ноября 2020 года. Нижний Новгород: Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего об-

⁴ <https://www.facebook.com/LASACInc/posts/3717128101694497>

⁵ Be the Face of Christ through Almsgiving this Lent – The Roman Catholic Archdiocese of Manila. URL: rcam.org.

⁶ Parishes in the Archdiocese of Manila setup “Community Pantry” during Pandemic. The Roman Catholic Archdiocese of Manila. URL: rcam.org)

разования «Нижегородская духовная семинария Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)», 2021. С. 63–74.

3. Поповкин А.В., Поповкина Г.С. Русская православная церковь перед лицом коронавирусной пандемии // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2021. Т. 33. С. 179–193. DOI 10.24412/2658–5960-2021-33-179-193.
4. Шиманская О.К. Социальная деятельность Православной Церкви Румынии на фоне борьбы с коронавирусом // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. №3. С. 101–107. DOI: 10.15211/vestnikieran32020101107

Информация об авторах

Балабейкина Ольга Александровна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат географических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Россия, Санкт-Петербург; e-mail: olga8011@yandex.ru).

Болотова Анна Андреевна (Россия, Санкт-Петербург) – бакалавр регионоведения, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Россия, Санкт-Петербург; e-mail: ann.bolt.work@yandex.ru).

Balabeikina O.A., Bolotova A.A.

THE ROLE OF THE MAJORITY RELIGIOUS ORGANIZATION IN THE FIGHT AGAINST THE CONSEQUENCES OF THE COVID-19 PANDEMIC: THE CASE OF THE ROMAN CATHOLIC CHURCH IN THE PHILIPPINES

Abstract. *Using the example of the Roman Catholic Church of the Philippines (RCCF), the role of the majority religious organization in the implementation of measures aimed at combating the consequences of the COVID-19 pandemic is revealed. The model of constructive cooperation of the Christian institute with the state is being recorded.*

Key words: *Roman Catholic Church, Philippines, social responsibility, COVID-19, pandemic.*

Information about authors

Balabeykina Olga A. (St. Petersburg, Russia) – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia, olga8011@yandex.ru).

Bolotova Anna A. (St. Petersburg, Russia) – Bachelor of Regional Studies, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia; ann.bolt.work@yandex.ru).

Bibliography

1. Balabeikina O.A. The role of the Roman Catholic Church in the social policy of the Philippines: the regional level // Humanities and challenges of our time: a collection of scientific articles on the results of the III All-Russian (National) Scientific Conference, St. Petersburg, March 11–12, 2021. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, 2021. pp. 179-182.
2. Krasnoperov D.V. Organization of parish service in the conditions of a pandemic: a liturgical aspect / D.V. Krasnoperov // The Church and the pandemic: a collection of articles based on the materials of the All-Russian round table, Nizhny Novgorod, November 21, 2020. Nizhny Novgorod: Religious organization - spiritual educational organization of higher education “Nizhny Novgorod Theological Seminary of the Nizhny Novgorod Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)”, 2021. P. 63-74.

3. Popovkin A.V., Popovkina G.S. The Russian Orthodox Church in the face of the coronavirus pandemic // Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the FEB RAS. 2021. Vol. 33. P. 179-193. - DOI 10.24412/2658-5960-2021-33-179-193.
4. Shimanskaya O.K. Social activity of the Orthodox Church of Romania against the background of the fight against coronavirus // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2020. No.3. P. 101-107. DOI: 10.15211/vestnikieran32020101107

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. *Сегодня добровольчество – это сложившееся направление в организации деятельности общества, повышающее качество жизни. С каждым годом появляется все больше новых добровольческих инициативных групп, которые активно привлекают граждан страны. Данное течение всегда развивалось, и сейчас в период пандемии появляется острая необходимость в этом.*

Ключевые слова: добровольцы, волонтеры, помощь, деятельность, волонтеры-медики, онлайн-волонтеры.

В последние годы к проблемам других людей общество стало в большей степени проявлять заинтересованность, в связи с этим стали организовываться различные социальные движения, которые образуются добровольно. В современном мире такие движения в настоящее время развиваются, в России насчитывается их уже более тысячи. Одним из социальных добровольческих движений является волонтерское движение.

На современном этапе развития общества волонтерство рассматривается как социальный феномен, добровольный труд, основанный на безвозмездной помощи нуждающимся в ней людям, а также животным и природе. Феномен волонтерства в России представлен достаточно широко и охватывает большое количество людей, касаясь практически всех слоев, общностей и групп населения. Волонтерство становится одним из важных направлений деятельности в студенческом самоуправлении и деятельности молодежных объединений. Многие представители студенческой молодежи рассматривают общественную деятельность как способ самореализации своего творческого потенциала.

Волонтерство является общественно полезной деятельностью, которая должна быть полезна обществу, а также государству. Для осуществления поставленных задач и проблем государства, волонтеры активно участвуют в общественных делах.

Волонтерство является высшим проявлением развитого гражданского общества и элементом социальной ответственности. Для сферы образования волонтерство является важным ресурсом. Оно формирует и развивает у детей и молодежи основы духовно-нравственного и трудового воспитания, а также помогает реализовать профессиональные интересы, особенно в части получения опыта общения в коллективе и получения специальных знаний и навыков.

Рассматривать феномен добровольчества лучше всего с точки зрения институционального подхода. Так, по мнению М.В. Певной обозначения понятия добровольчества через этот подход включает в себя оценку добровольчества через институт гражданского общества, выделение в этом явлении ролей, статусов, правил и норм, регулирующих сферу социального взаимодействия [6].

В.С. Басюк в своих работах опирался на системный подход к определению понятия. По его мнению, добровольчество – это система взаимодействующих структур, функционирующих в контексте социальных, экономических, политических отношений, базирующихся на принципах, помощи, солидарности, безвозмездности.

Основной целью добровольчества является реализация всех социальных проектов, их реальной реализации и практической пользы, направленной на помощь

окружающим, а также укрепления единства, сплоченности, социализацию, трансляцию социокультурных ценностей, нравственности.

В молодежной среде становится все более популярна деятельность добровольца. Именно вовлечение молодежи в добровольчество – одна из ключевых задач всех федеральных проектов по развитию будущего поколения. По данным НКО «Росмолодежь» на 2021 волонтерской деятельности принимало участие 3 640 335 молодых людей в возрасте 14-30 лет, что свидетельствует о явно выраженном интересе к данной деятельности среди подрастающего поколения [8].

Во всем мире молодежное добровольческое движение уже получило широкое распространение, а его роль в социальном развитии оценена на международном уровне. Организация Объединенных Наций признает добровольчество источником энергии, навыков, местных занятий. Правительства многих стран используют ресурс добровольчества, финансируя его проекты, в реализации государственных программ по поддержке молодежи, в решении общественных проблем.

Во Всемирной Декларации Добровольчества, принятой в январе 2001 года (объявленного Годом Добровольцев), отмечается, что добровольчество - фундамент гражданского общества, оно приносит в жизнь потребность в мире, свободе, безопасности, справедливости. В Декларации подчеркивается, что добровольчество - способ сохранения и укрепления человеческих ценностей, реализации прав и обязанностей граждан, личностного роста, через осознание человеческого потенциала [6].

В 2012 году Общественная палата Российской Федерации объявила о намерении принять законопроект о волонтерской деятельности в качестве реакции на спонтанную волонтерскую активность во время наводнения в Крымске. И вот в 2018 году законопроект был подготовлен в одностороннем порядке, без участия общественности и открытых дискуссий по данному вопросу. Помимо других положений, законопроект обязывает волонтеров всегда заключать договор с принимающей организацией. Он также не разделяет различные формы волонтерской деятельности. Данный законопроект воспринимается только как лишняя бюрократическая ноша, особенно когда дело касается спонтанной волонтерской активности во время чрезвычайных ситуаций. Более того, он вводит требование обязательной регистрации волонтеров в органах местной власти, что может быть воспринято как намерение государства контролировать участие граждан в волонтерской деятельности. Особенно беспокоит наделение государственных властей правом регулировать действия волонтеров и мониторить волонтерскую активность.

Добровольческая деятельность, осуществляется в целях социальной поддержки и защиты граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальную реабилитацию безработных, инвалидов и иных лиц, которые в силу своих физических интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств неспособны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы.

В начале 90-х годов XX века добровольчество в нашей стране постепенно начинает возрождаться, на каждом шагу сталкиваясь с множеством проблем, которые, в общем-то, не известны волонтерству за границей. Одна из наиболее острых - разобщенность и безынициативность современного российского общества, особенно молодежи, отторгнутой от традиционных культурно-исторических ценностей: пустота, которую стремятся заполнить преходящие фетиши западного индивидуализма. Это дискредитация основ коллективизма и взаимовыручки, которые слишком уж насильственно и рьяно насаждались у нас в годы советской власти. Это и всеобщее

недоверие, особенно среди тех, кому волонтеры оказывают поддержку, ведь проявления бескорыстия в нынешнем эгоцентрическом бездуховном обществе многих настораживают. Сегодня добровольцем быть престижно, волонтерство в Москве, волонтерство в Санкт-Петербурге и многих других городах России развивается и возрождается стремительно

Принципы волонтерской деятельности (по конструкции авторов Т.Н. Арсеньевой, Н.В. Виноградской) [2, с. 43]:

- принцип самоотбора — при формировании волонтерских групп принимают всех желающих, но часть уходит, кому сама деятельность не подходит;

- принцип неформальности — работа носит неформальный характер (нет трудовых договоров, лишь в некоторых случаях есть соглашения договор о добровольческой деятельности);

- принцип социального партнерства – формируются социальные взаимодействия между волонтерами в лице лидера (координатора) как субъекта трудовой деятельности, и субъектами государства (муниципальными образованиями, образовательными учреждениями и т.д.), определяющие направления деятельности и «фронт работ»;

- принцип событийности — характеризует этап становления волонтерских движений в России, так как волонтерская деятельность в большинстве регионов России проходит в виде акций, проектов, не носит постоянного характера, однако является достаточно напряженной. Так, большинство волонтеров работают не более одного двух раз в неделю, а некоторые — один раз в месяц, остальные — еще реже.

Основные сферы привлечения волонтеров в России являются: социальная сфера, сфера здравоохранения, экологическая сфера, культурная сфера, спортивная сфера, помощь поисково-спасательная деятельность, событийное, корпоративное волонтерство.

Социальная сфера деятельности волонтеров (помощь детям, оставшимся без попечения родителей), которая в России привлекает большое количество волонтеров. Это и разовые акции по сбору новогодних подарков и одноразовых подгузников для малышей (закупки которых, к слову, не предусмотрены для домов ребенка), и длительное регулярное сопровождение воспитанников детских домов, не прекращающееся и после выпуска детей из учреждений государственного попечения, и организация анимационных программ, и помощь в лечении и обучении детей. Волонтеров ждут и в приютах, и в центрах временного содержания трудных подростков, все больше появляется благотворительных организаций, оказывающих юридическую и психологическую помощь усыновителям - самая «разрекламированная» отечественная беда многих порядочных и добрых людей не оставляет безучастными.

Поисково-спасательная деятельность имеет определенное значение для общества. Такая деятельность связана с поиском пропавших людей в связи со стихийными бедствиями, природными катаклизмами и не только. Добровольцы-медики рискуя своим здоровьем и жизнью, решаются спасти большое количество пострадавших, оказать первую медицинскую помощь.

Сфера здравоохранения не остается без внимания волонтеров. В медицинских учреждениях, где традиционно не хватает младшего персонала. Помощь в уходе за больными, чтение вслух, общение, дежурство рядом с тяжело больными детьми, по разным причинам, находящимся на лечении без родителей (в больнице всегда требуются внимательные и ответственные помощники). Еще один вид волонтерской

деятельности - это фандрайзинг, организация некоммерческого фонда для сбора средств на лечение конкретного больного (обычно – ребенка) для помощи пациентам, страдающим конкретным заболеванием. Зачастую фандрайзеры собирают средства на дорогую операцию по все стране буквально по копейкам [4, с. 26]. Одно из самых развитых добровольческих движений в этой сфере – «Даниловцы». Большинство волонтеров ходят в больницы, ездят к детям в детские дома, работают с семьями, то есть общаются непосредственно с благополучателями. В рамках проекта «Быть рядом» существуют направления – «Социобег» и «Дистанционное обучение». Волонтеры «Социобега» проводят по выходным тренировки с детьми из московских детских домов. В «Дистанционном обучении» учителя через скайп занимаются с детьми из областных детских домов. Это совместный проект с центром «Вверх».

Экология - еще одна проблема, обсуждение которой не смолкает на телеэкранах и не сходит со страниц газет. Экологическое волонтерство – одно из самых интересных видов добровольческой деятельности. В России он стал более популярным, когда был объявлен Год экологии в 2017 году. Эковолонтеры работают с заповедниками и организациями, занимающимися охраной природы. Они помогают в уборке и обустройстве территорий заповедных земель, проведении исследований и многом другом. Также эковолонтеры принимают участие в различных субботниках, а иногда просто следят за чистотой своего города, района даже двора. Не менее важным аспектом их деятельности является работа с населением. Волонтеры учат людей, как жить в гармонии с природой, рассказывают о проходящих экологических акциях же правильной утилизации мусора. Самая знаменитая и, наверно, самая одиозная из них – это интернациональный «Гринпис», однако если его масштабные проекты не привлекают вас, то в любом городе найдется группа добровольцев, заботящихся о ближайшем парке, пляже лесном массиве. Уборка мусора, патрулирование в пожароопасный период, посадка деревьев - простые, но необходимые действия, без которых любой мегаполис начнет задыхаться уже через пару лет. ТОС (территориальное общественное самоуправление), может принимать довольно серьезные решения, касающиеся благоустройства микрорайона - организовать сквер, детскую площадку площадку для выгула собак, а главное, как юридическое лицо, претендовать на гранты и иную материальную поддержку от местной администрации.

Волонтерство в области культуры сегодня еще мало распространено у нас в стране. Однако у этого направления очень широкие перспективы. Это и помощь при реставрации архитектурных памятников, и работа по пополнению экспозиционного фонда, и организация экскурсий, и работа с туристическими группами - последнее особенно востребовано в дни проведения крупных культурных и спортивных праздников [6]. Это направление появилось не так давно, по сути в конце 2014 года. Весь 2015 год оно развивалось как в столице, так и во всей стране. Его отделение в качестве особого направления связано с тем, что во-первых появилось много событий, связанных с искусством, культурой и кинематографом. Например, в 2015 году в России был год литературы, 2016 год – год российского кинематографа – темы, напрямую связанные с культурой. И во-вторых, сами площадки – музеи, библиотеки, парки – они тоже видят, что волонтеры способны оказать им очень большую помощь, поэтому они открывают свои двери и приглашают волонтеров.

Говоря о современном волонтерстве нельзя не упомянуть о спортивном волонтерстве. Год из года наша страна становится хозяйкой крупных спортивных и культурных мероприятий. Самые крупные соревнования, которые проходили в нашей

стране стали летняя Универсиада в Казани 2013, в которой приняли участие 20000 волонтеров, зимняя сочинская Олимпиада насчитывала более 25000 добровольцев. Последним спортивным событием был Чемпионат мира по футболу, где приняли около 15000 волонтеров со всей России.

Сейчас в мире организованное волонтерское движение быстро набирает обороты. Об этом говорит тот факт, что в каждое десятилетие прибавляется по 10 миллионов волонтеров. На сегодняшний день более 110 миллионов человек участвуют в различных добровольческих проектах, программах, инициативах. Приводится такая статистика: 56% американцев, 34% немцев, 33% ирландцев, 19% французов включились в волонтерское движение [5].

Отметим так же функции волонтерства как социального института: 1) интегративная (функция воспроизводства общественных отношений, ретрансляции социально значимых ценностей); 2) регулятивная (предполагает соблюдение волонтерами определенных норм и правил); 3) коммуникативная (предполагает коммуникативные связи и социальное взаимодействие членов общности волонтеров); 4) экономическая (удовлетворение потребностей общества за счет собственных ресурсов волонтеров); 5) функция социализации.

По мнению Л.А. Кудринской, основными функциями добровольческого труда выступают: участие в формировании и развитии гражданского общества, трансляция социетальных ценностей, традиций; гражданская социализация отдельного индивида; интеграция общества через ассоциации граждан, создание социального капитала; кооперация усилий для защиты прав и интересов индивидов; самоуправление и коллективное решение проблем сообщества на основе социальных инноваций; поддержка незащищенных групп, их социальная адаптация; свободное самовыражение и социальное творчество людей [3].

В настоящий момент волонтерство развивается в России очень хорошо. Все больше людей хотят вступить в ряды добровольцев. Существуют различные виды деятельности в России, которые охватывает волонтерство это: помощь в медицинских учреждениях, помощь детям-сиротам, спортивное волонтерство, культурное волонтерство, помощь в защите природных ресурсов и другие.

На территории России большое количество добровольческих центров, готовых оказывать поддержку нуждающимся, такие как Российское движение школьников, Ассоциация волонтерских центров, «Волонтеры Победы», «Волонтеры-медики», Поискное движение России, «Волонтеры Культуры».

Одним из основных направлений в волонтерской деятельности является социальное волонтерство. Цель данного направления заключается в помощи социально незащищенными слоям населения, нуждающимся содействию, например, детям, оставшимся без попечения родителей, людям с ограниченными возможностями, ветеранам и одиноким пожилым людям.

Одно из приятных преимуществ волонтерства может выражаться в возможности бесплатно попасть на эксклюзивные мероприятия, стать частью исторического события, например, Олимпийские игры или Чемпионаты мира, это относится к событийному волонтерству. Событийные волонтеры помогают с навигацией гостей мероприятия, консультируют по основным вопросам, следят за тем, чтобы гостям было комфортно.

Многочисленным направлением в сфере добровольчества являются волонтеры культуры (71 416 участников движения на конец 2020 года и 203090 на конец

февраля 2022 года). Основные направления работы: с учреждениями культуры, сохранение культурного наследия, восстановление памятников истории и культуры, реализация творческих и социокультурных проектов, организация волонтерских программ крупных культурных событий, организация туристических маршрутов и культурных пространств в городах.

Самая значимая платформа по добровольческой деятельности «Добровольцы России» за все время насчитывает около 3 153 381 волонтеров [1].

По данным ВЦИОМ 2017 года, населения страны занимаются волонтерством с целью досуга и получения нового опыта (48% опрошенных), с целью профессионального развития и развития карьеры (47%), потребность в общении и солидаризации (26%) [6].

По данным 2019 года в России насчитывалось около 715 241 добровольца (77% женщин и 23% мужчин). Средний возраст составит 21 год (от 18-24 лет 50 % всех волонтеров). Самые массовые и основные направления работы: дети и молодежь (29 701), спорт и события (29 610), культура и искусство (28 065), здравоохранение и ЗОЖ (23 556). Направления деятельности, которые выбирали волонтеры на 2019 год: участвовали в событийном волонтерстве (53%), участвовали в спортивном волонтерстве (40%), и очень маленький процент тех, кто участвовали в волонтерстве в медицине (10%) [8].

Однако, в период вспышки новой коронавирусной инфекции с 2020 год и по сегодняшний день немало важным является и сфера деятельности в области здравоохранения, что пошатнула прежнюю деятельность добровольцев. Число волонтеров на 2020 год стало 911 192 (в период вспышки коронавирусной инфекции) с 2019 на 2020 год увеличилось на 200 000 человек.

Начали создаваться множество организаций взаимопомощи гражданам во время кризисных ситуаций, например, проект #МЫВМЕСТЕ, за 2020 год присоединились около 180 000 добровольцев, а помощь получили 4 500 000 нуждающихся. Волонтеры помогали перевозить врачей в условиях нехватки скорых, раздавали маски, перчатки и антисептики, сидели с детьми медиков, приносили продукты жизненной важности пожилым людям и тем, кому не разрешалось выходить. «Волонтеры-медики» работали в больницах и на вызовах.

Появилось новое направление онлайн-волонтерство. Добровольцы обзванивали зараженных людей, врачи консультировали больных дистанционно, также оказывалась и психологическая помощь. Через онлайн-формат волонтерство вышло на новый уровень — появились программы так называемого инклюзивного волонтерства, предполагающего включение в добровольческую деятельность людей с ограниченными возможностями здоровья. Как во время карантина, так и после него волонтеры работали над повышением осведомленности о вирусе и распространяли важные социальные послы посредством онлайн-платформ. Именно онлайн волонтерство можно назвать новым витком развития в добровольческой деятельности в новой социальной реальности.

Список литературы

1. Аналитика волонтерства России. // Добро.ру. URL: https://dobro.ru/analytics?utm_source=dobroru&utm_medium=organic&utm_campaign=promo&utm_content=headerservices (дата обращения: 17.03.2022).
2. Базарная Г.А. Волонтерское движение и библиотеки: метод, рекомендации. Благовещенск: Амур. обл. науч. биб. им. Н. Н. Муравьева-Амурского. 2017. 28 с.

3. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: опыт теоретической реконструкции: автореф. дис. канд. соц. наук. М.: МГУ, 2014. 31 с.
4. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер. 2015. 672 с.
5. Мировой рейтинг благотворительности / Фонд поддержки и развития филантропии «КАФ». URL: http://www.caf-russia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_1
6. Певная М. В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та. 2016. 434 с.
7. Слово о волонтерстве // Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. URL: <https://grans.hse.ru/news/563434580.html> (дата обращения: 17.03.2022).
8. Статистика // РосМолодежь. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения 17.03.2022).
9. Что вдохновляет волонтеров? // ВЦИОМ. URL: (дата обращения 17.03.2022).
10. Шульц Э.Э. Теория социальных движений: проблемы теории и практики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2014. №4. С. 23-30.

Информация об авторах

Власова Наталья Владимировна (Россия, Ульяновск) – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Ульяновский государственный университет (432010, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; e-mail: vla-nataly@yandex.ru).

Слипченко Вероника Александровна (Россия, Ульяновск) – студентка 3-го курса направления подготовки «Социология», Ульяновский государственный университет (432010, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; e-mail: nikaslip08@mail.ru).

Vlasova N.V., Slipchenko V.A.

VOLUNTEERING IN THE NEW SOCIAL REALITY

Abstract. *Today, volunteerism is an established direction in the organization of society's activities that improves the quality of life. Every year there are more and more new volunteer initiative groups that actively attract citizens of the country. This trend has always developed, and now, during the pandemic, there is an urgent need for this.*

Key words: *volunteers, volunteers, assistance, activity, medical volunteers, online volunteers.*

Information about authors

Vlasova Natalia V. (Ulyanovsk, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Ulyanovsk State University (432010, Ulyanovsk, L. Tostogo str., 42, vla-nataly@yandex.ru).

Slipchenko Veronika A. (Ulyanovsk, Russia) – is a 3rd-year student of the field of study “Sociology”, Ulyanovsk State University (432010, Ulyanovsk, L. Tostogo str., 42, nikaslip08@mail.ru).

Bibliography

1. Analytics of volunteering in Russia. // Goodness. URL: https://dobro.ru/analytics?utm_source=dobroru&utm_medium=organic&utm_campaign=promo&utm_content=headerservices (date of reference: 03/17/2022).

2. A word about volunteering. // Center for Research on Civil Society and the Non-Profit Sector of the Higher School of Economics. URL: <https://grans.hse.ru/news/563434580.html> (accessed: 03/17/2022).
3. Bazarnaya G.A. Volunteer movement and libraries: method, recommendations / G.A. Bazarnaya. Blagoveshchensk: Amur region. scientific. b-ka named after N. N. Muravyev-Amursky. 2017. 28 p.
4. Kudrinskaya L.A. Volunteer work: the experience of theoretical reconstruction: abstract of the dissertation of the Candidate of Social Sciences. M.: MSU, 2014. 31 p.
5. McClelland D. Human motivation. St. Petersburg, 2015. 672 p.
6. Pevnaya M.V. Volunteer management: international experience and local practices: monograph; Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Federation, Ural. feder. un-t
7. Statistics. // RosMolodezh. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (date of application: 03/17/2022).
8. What inspires volunteers? // VTSIOM. URL: (accessed: 03/17/2022).
9. World Charity Rating / Fund for Support and Development of Philanthropy "KAF". URL: http://www.caf-russia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_1
10. Schultz E.E. Theory of Social movements: Problems of theory and practice / E.E. Schultz // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. 2014. No. 4. P. 23-30.

ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В настоящем исследовании представлен сравнительный анализ протестных настроений жителей нескольких муниципальных образований Северо-Западного федерального округа, а именно городов Петрозаводск, Калининград, Мурманск, Вологда, Череповец в условиях кризисных процессов, связанных с пандемией COVID-19. Выявлены социально-демографические особенности горожан, склонных к участию в протестах.

Ключевые слова: потенциал протеста, город, общественное мнение, материальное положение, общественно-политические настроения.

Кризис 2020 г., связанный с распространением COVID-19, оказал негативное влияние на все сферы жизнедеятельности мирового сообщества. Наиболее существенный ущерб был нанесен социально-экономическим системам стран и регионов. В 2020 г. в развитии экономики и социальной сферы России отмечались негативные тенденции: произошло снижение объёмов промышленного и сельскохозяйственного производства, ухудшение ситуации на рынке потребительских товаров и услуг, снижение реальных денежных доходов населения, рост уровня зарегистрированной безработицы.

В условиях кризисных тенденций в социально-экономическом развитии территорий и материальном благосостоянии населения актуализируется проблема социально-психологического климата в обществе, обострения внутренних противоречий и конфликтов [2]. Одной из форм выражения конфликта является социальный протест. В современных условиях наибольшую научную и практическую значимость приобретает изучение потенциальной протестной активности населения, которая изучается путем анализа эмпирических данных. Вологодский научный центр РАН отслеживает основные тенденции динамики протестных настроений жителей региона в рамках регулярного мониторинга общественного мнения, проводимого на территории Вологодской области.

В настоящем исследовании представлен сравнительный анализ данных опросов общественного мнения жителей нескольких муниципальных образований Северо-Западного федерального округа, а именно городов Петрозаводск, Калининград, Мурманск, Вологда, Череповец. Проанализирован актуальный уровень потенциала протеста жителей данных территорий в условиях кризисных процессов, связанных с пандемией COVID-19. Выявлены социально-демографические особенности потенциальных протестующих.

Информационно-эмпирическая база исследования включает в себя данные Федеральной службы государственной статистики, результаты мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, проводимого ВолНИЦ РАН на территории региона, данные тематического опроса «Коллективные действия и социальный капитал».

Для изучения протестных настроений в регионе был использован метод мониторинговых исследований общественного мнения. Для обработки социологической информации и анализа протестных настроений населения региона был использован индексный метод.

Как было указано выше, в исследовании принимали участие пять муниципальных образований Северо-Западного федерального округа России: Петрозаводск,

Калининград, Мурманск, Вологда, Череповец. Эти города существенно отличаются друг от друга по самым разным показателям: историческим и социокультурным особенностям становления, уровню и качеству экономической базы, состоянию городской коммунальной, инженерной и социальной инфраструктуры, уровню жизни населения, структуре трудовых ресурсов и экологической обстановке. В последние годы особенности социально-экономического развития данных территорий во многом определялись последствиями эпидемиологического и последовавшего за ним экономического кризиса. Так, по данным официальной статистики, в 2020 г. в условиях кризисных процессов в рассматриваемых регионах, как и в большинстве субъектов СЗФО, наблюдалось существенное ухудшение показателей социально-экономического развития (табл. 1).

Таблица 1. Основные показатели социально-экономического развития регионов СЗФО, в %

Регион / Показатель	Индекс промышленного производства		Объём розничной торговли		Индекс потребительских цен		Реальная начисленная заработная плата		Численность безработных	
	2019	2020	2019	2020	2019	2020	2019	2020	2019	2020
Северо-Западный федеральный округ	103,1	97,0	101,3	99,5	102,5	105,3	105,3	101,0	90,2	141,1
Республика Карелия	99,0	102,2	101,8	100,2	102,6	106,9	108,1	103,9	83,7	114,9
Республика Коми	102,0	93,0	100,1	98,5	102,6	106,1	105,7	101,4	90,8	110,6
Архангельская область	97,7	92,2	99,4	99,3	102,4	105,3	106,8	100,9	94,8	115,2
Вологодская область	101,9	102,3	101,9	99,3	102,6	106,1	107,8	104,5	86,8	137,8
Калининградская область	102,7	93,5	101,7	98,2	102,4	105,4	105,1	100,4	96,0	131,2
Ленинградская область	104,6	98,6	104,0	106,5	102,3	104,4	105,8	99,8	94,6	138,0
Мурманская область	104,5	98,2	100,0	96,0	103,2	105,2	107,9	103,9	79,1	139,0
Новгородская область	103,4	98,4	100,2	97,1	102,6	106,3	104,0	99,5	84,3	152,5
Псковская область	104,1	98,9	103,5	100,6	101,6	105,6	108,3	103,3	88,4	121,9
Санкт-Петербург	104,8	98,2	100,9	98,0	102,6	105,2	104,1	100,5	94,6	213,1

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

Обстоятельства становления и развития городов, а в особенности современная ситуация в экономической и социальной сфере оказывают существенное влияние на социальное самочувствие, общественно-политические, в том числе и протестные настроения жителей, которые находят отражение в результатах опросов общественного мнения.

По результатам социологических опросов в условиях пандемии COVID-19 и связанных с ней карантинных ограничений во всех рассматриваемых муниципальных образованиях фиксируются низкие оценки экономической ситуации в стране и регионе, собственного материального положения (табл. 2). Так, во всех городах индексы оценки экономического положения в стране и области располагаются ниже нейтральной отметки в 100 пунктов, что свидетельствует о перевесе негативных мнений. Наиболее неблагоприятная ситуация наблюдается в Петрозаводске (66 и 65 п. соответственно), Вологде (69 и 56 п.), Череповце (75 и 74 п.). Самые низкие оценки материального благополучия населения фиксируются в Вологде (69 п.), покупательной способности доходов – в Мурманске (85 п.), Вологде (81 п.).

Таблица 2. Индексы оценки экономической ситуации и материального положения семьи (в пунктах)*

Показатель	Индекс оценки экономического положения в стране	Индекс оценки экономического положения в области	Индекс оценки материального положения семьи	Индекс оценки покупательной способности доходов
Петрозаводск	66,0	64,5	115,8	109,4
Калининград	84,7	96,6	105,7	106,3
Мурманск	96,9	99,6	108,4	84,9
Вологда	68,6	56,3	68,5	80,7
Череповец	75,0	73,5	107,9	101,7

* Величина индекса рассчитывается в пунктах. Для расчета из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.
Источник: рассчитано автором на основе данных мониторинга ВолНЦ РАН.

В период пандемии на всех рассматриваемых территориях, по самооценкам, наблюдалось падение заработной платы и иных доходов населения (табл. 3). Наиболее высокое представительство горожан, указавших на снижение доходов, отмечается в Вологде (59%), Череповце (51%), Калининграде (42%).

Таблица 3. В период пандемии, что из перечисленного произошло с Вами или членами Вашей семьи? (в %)

Показатель	Петрозаводск	Калининград	Мурманск	Вологда	Череповец
Потеря работы	10,4	12,8	9,9	15,4	9,8
Понижение в должности	3,4	6,0	1,6	7,3	3,3
Падение зарплаты	22,7	24,5	16,7	40,4	22,5
Падение иных/дополнительных доходов (не по основному месту работы)	10,7	17,4	11,5	18,7	28,8
Заболевание COVID-19	45,4	29,9	25,0	43,2	30,8
Другое	2,1	1,8	0,0	1,0	1,0
Ничего из вышеперечисленного	38,4	38,0	53,1	26,6	28,8

Источник: данные мониторинга ВолНЦ РАН.

Традиционно городские жители считаются одним из наиболее протестных по своему настрою сегментов российского общества. Проблема недовольства ситуацией в обществе особенно актуализируется в условиях меняющейся социальной реальности под воздействием пандемии и связанных с ней карантинных ограничений [5]. Однако социологические опросы на территории муниципальных образований показали, что в сложившихся условиях большинство жителей городов не рассматривают вероятности массовых акций протеста в месте их проживания в ближайшие месяцы и указывают на то, что в подобных мероприятиях приняло бы участие немного людей (35-45%; табл. 4). О вероятности многочисленных акций протеста чаще других заявляли жители Калининграда (26%), Череповца (24%), Вологды (21%). Самая низкая возможность массовых протестных выступлений фиксируется в оценках жителей Мурманска (5%). Эти данные коррелируют с результатами общероссийских исследований фонда «Общественное мнение», согласно исследованиям которого массовых акций протеста в месте проживания ожидают 23-25% россиян [4].

Таблица 4. Если бы в ближайшие месяц-два там, где Вы живете, прошли митинги, демонстрации, акции протеста, то, как Вы думаете, много или немного людей приняли бы в них участие? (в %)

Вариант ответа	Петрозаводск	Калининград	Мурманск	Вологда	Череповец
Много	17,4	25,5	5,2	20,8	24,3
Немного	45,1	33,3	37,8	34,3	34,0
Никто не принял бы участия	9,1	13,5	16,1	10,3	9,3
Затрудняюсь ответить	28,4	27,6	40,9	34,8	32,5

Источник: данные мониторинга ВолНЦ РАН.

Склонность к участию в протестных выступлениях и возможность личного участия в акциях высказывали в среднем от 24 до 42% горожан (табл. 5). Наиболее высокие показатели протестных настроений демонстрирует Калининград (42%), самые низкие – Мурманск (24%). При этом большинство городских жителей не готовы объединяться с другими людьми, чтобы протестовать (65-75%). По данным ФОМ, лично готовы участвовать в протестах 18-20% россиян [4].

Таблица 5. Готовы ли Вы объединяться с другими людьми, чтобы протестовать против неправильных действий властей? (в %)

	Петрозаводск	Калининград	Мурманск	Вологда	Череповец
Да	10,2	15,4	7,1	6,0	3,3
Скорее да	25,2	26,8	16,8	29,1	24,6
Скорее нет	34,4	31,0	28,0	29,5	34,8
Нет	30,2	26,8	48,2	35,5	37,4

Источник: данные мониторинга ВолНЦ РАН.

В качестве причин отказа от участия в митингах, демонстрациях, акциях протеста большинство горожан (28-38%) называют неуверенность в возможности решения существующих проблем с помощью подобных методов (табл. 6). В качестве сдерживающих факторов жители Петрозаводска и Калининграда чаще других указывают на опасения привлечения к ответственности (30 и 31% соответственно), жители Вологды, Калининграда и Петрозаводска обеспокоены возможными провокациями (26, 27 и 22%), калининградцы чаще других озабочены неприятными последствиями на работе (25%).

Таблица 6. Если бы Вы решили не принимать участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста, с чем это могло быть связано? (в %)

Вариант ответа	Петрозаводск	Калининград	Мурманск	Вологда	Череповец
Это бесполезно, так существующих проблем не решить	26,9	32,7	38,1	37,4	32,2
Участников акций могут привлечь к ответственности	30,3	31,4	18,6	20,5	23,1
Меня бы осудили, не поняли родные, близкие, друзья	4,2	12,9	6,0	8,8	12,0
Могут быть неприятные последствия на работе	16,1	25,3	11,0	13,3	15,0
Могут быть провокации	22,4	27,4	10,0	26,0	16,5
Не интересуют такие мероприятия	48,0	32,7	56,7	38,3	43,0
Другое	0,8	1,3	0,3	0,3	0,3

Источник: данные мониторинга ВолНЦ РАН.

Анализируя социально-демографический портрет лиц, которые имеют предрасположенность к активным действиям в случае возникновения конфликтной ситуации, можно констатировать, что в гендерном разрезе в Петрозаводске, Калининграде и Череповце намерение участвовать в акциях протеста примерно в равной степени выражено у представителей мужского и женского пола (в среднем по 50%; табл. 7). В Мурманске и Вологде женщины более склонны к проявлению протестных настроений, чем мужчины (55% против 45% и 56% против 44% соответственно). В распределении по возрастным группам во всех городах склонность к участию в протестных акциях в большей степени свойственна представителям возрастной категории от 30 до 55 лет (50-59%). В зависимости от уровня образования в Петрозаводске и Калининграде наиболее высокий показатель социального недовольства отмечается среди лиц с высшим образованием (53 и 57%), в Мурманске и Череповце – среди лиц со средним специальным образованием (62 и 47%), в Вологде – количество «протестующих» примерно в равной степени распределяется между этими двумя образовательными группами (46 и 44% соответственно).

Таблица 7. Социально-демографический портрет потенциальных участников акций протеста (в %)

Готовы ли Вы объединяться с другими людьми, чтобы протестовать против неправильных действий властей? (варианты ответа «Да» и «Скорее да»)					
	Петрозаводск	Калининград	Мурманск	Вологда	Череповец
Пол					
Мужской	50,4	50,3	45,1	43,8	48,2
Женский	49,6	49,7	54,9	56,2	51,8
Возраст					
до 30 лет	27,4	19,5	13,2	11,7	20,0
30-55 лет	51,9	55,3	49,5	59,1	52,7
старше 55 лет	20,7	25,2	37,4	29,2	27,3
Образование					
Н/среднее и среднее	20,0	13,2	8,8	10,3	20,9
Среднее специальное	26,7	30,2	61,5	44,1	47,3
Н/высшее и высшее	53,3	56,6	29,7	45,6	31,8
Источник: данные мониторинга ВолНЦ РАН.					

Сравнительный анализ группы лиц, склонных к проявлению протестных настроений, и «остальных» жителей рассматриваемых муниципальных образований показывает, что доля негативных оценок различных аспектов личной и общественной жизни в группе «протестующих» выше, чем среди остальной части населения (табл. 8).

Вместе с тем, можно наблюдать достаточную условность границы между этими двумя группами. Наименьшее соотношение показателей «протестующих» и «остальных» наблюдается в оценках политической ситуации в стране и области, в разрезе муниципальных образований – в Калининграде, Мурманске, Череповце. Это еще раз подтверждает вывод о том, что в случае ухудшения обстановки число потенциальных участников протестных акций может увеличиться.

Таблица 8. Доля лиц с негативными оценками экономической ситуации, материального положения в группе потенциала протеста и среди остальной части населения (в %)

Готовы ли Вы объединяться с другими людьми, чтобы протестовать против неправильных действий властей?									
Петрозаводск		Калининград		Мурманск		Вологда		Череповец	
Да, скорее да	Нет, скорее нет	Да, скорее да	Нет, скорее нет	Да, скорее да	Нет, скорее нет	Да, скорее да	Нет, скорее нет	Да, скорее да	Нет, скорее нет
Доля населения, негативно оценивающего экономическое положение страны									
54,1	35,8	45,9	30,3	26,4	25,8	51,8	39,2	54,5	33,6
Доля населения, негативно оценивающего экономическое положение области									
51,9	43,5	32,7	22,0	30,8	15,1	54,7	45,1	57,3	38,5
Доля населения, негативно оценивающего материальное положение семьи									
31,1	19,5	39,0	32,1	36,8	31,9	70,1	62,7	63,6	39,2
Доля населения, негативно оценивающего политическое положение страны									
48,4	41,5	43,6	42,8	27,8	25,3	47,5	41,6	54,5	52,3
Доля населения, негативно оценивающего политическое положение области									
25,9	18,7	27,0	19,3	18,7	11,3	29,9	26,7	48,2	42,0
Доля населения, не доверяющего Президенту РФ									
59,3	37,4	50,9	36,2	43,0	30,8	63,5	49,8	24,5	24,4
Доля населения, не доверяющего губернатору области									
63,0	43,1	54,7	44,0	58,2	47,4	67,1	61,3	45,5	33,6
Источник: данные мониторинга ВолНЦ РАН.									

В результате социологических измерений было выявлено, что в условиях кризисных процессов на фоне пандемии и роста социального недовольства протестный потенциал жителей муниципальных образований составляет от 24 до 42%. Наиболее высокий уровень протестных настроений наблюдается в Калининграде (42%), самый низкий – в Мурманске (24%). Во всех рассматриваемых городах потенциал протеста превышает среднероссийские показатели (18-20%).

В целом, можно предположить, что пандемия могла стать фактором консервации протестных установок. В кризисный период значительная часть недовольных склонна скорее к адаптационной деятельности, чем к протестной активности [1; 3]. В условиях ухудшения материального положения под воздействием различных проявлений кризиса большинство горожан стремится найти дополнительные источники дохода, сократить расходы, экономить на потреблении дорогостоящих товаров, т.е. главным способом решения личных материальных проблем в условиях кризиса люди считают не участие в акциях протеста, а поиск дополнительных заработков и других источников доходов. Однако сохраняющаяся близость показателей экономического положения и политических настроений представителей группы протеста и «остальных» жителей городов свидетельствует о наличии потенциальных предпосылок для сохранения протестных настроений, а также создает опасность роста социальной напряженности в случае ухудшения социально-экономической ситуации.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 20-011-00326 «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

Список литературы

1. Гурылина М.В. Динамика протестных настроений в российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 119-121.

2. Дементьева И.Н. Протестные настроения в комплексе трендов общественного развития // Проблемы развития территории. 2014. № 4 (72). С. 67-81.
3. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40-53.
4. Протестные настроения. Уровень недовольства властями и готовность протестовать. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11090> (дата обращения: 15.02.2022).
5. Руденкин Д.В. Карантинные ограничения как фактор роста протестных настроений российской городской молодежи: проверка гипотезы // В сб.: Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 30-летию факультета социально-политических наук ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2021. С. 37-41.

Информация об авторе

Дементьева Ирина Николаевна (Россия, Вологда) – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: irinika_74@mail.ru).

Dementieva I.N.

THE POTENTIAL OF URBAN PROTEST IN A PANDEMIC

Abstract. *This study presents a comparative analysis of the protest moods of residents of several municipalities of the Northwestern Federal District, namely the cities of Petrozavodsk, Kaliningrad, Murmansk, Vologda, Cherepovets in the context of crisis processes associated with the COVID-19 pandemic. The socio-demographic features of citizens who are inclined to participate in protests are revealed.*

Key words: *the potential of protest, the city, public opinion, financial situation, socio-political sentiments.*

Information about author

Dementieva Irina N. (Russia, Vologda) – Research Associate at the Department for Studies of Lifestyles and Standards of Living, Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VolSC RAS) (160014, Russia, Vologda, Gorky Str., 56a, irinika_74@mail.ru).

Bibliography

1. Gurylina M.V. Dinamika protestnykh nastroyeniy v rossiyskom obshchestve // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 10. P. 119-121.
2. Dement'yeva I.N. Protestnyye nastroyeniya v komplekse tendentsiy obshchestvennogo razvitiya // Problemy razvitiya territorii. 2014. № 4 (72). P. 67-81.
3. Petukhov V.V. Dinamika sotsial'nykh nastroyeniy rossiyan i formirovaniye zaprosa na peremeny // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2018. № 11. P. 40-53.
4. Protestnyye nastroyeniya. Uroven' nedovol'stva tsenami i gotovnost' protestovat'. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11090> (data obrashcheniya: 15.02.2022).
5. Rudenkin D.V. Karantinnyye prognozy kak faktor rosta protestnykh nastroyeniy rossiyskikh gorodskikh: proverka gipotezy // V sb.: Sovremennoye rossiyskoye obshchestvo: sotsial'no-politicheskiye trendy i vyzovy molodezhi. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s uchastiyem, posvyashchennoy 30-letiyu fakul'teta sotsial'no-politicheskikh nauk YarGU im. P.G. Demidova. Yaroslavl', 2021. P. 37-41.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ В ОТВЕТ НА АКТУАЛЬНЫЕ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ (НА ПРИМЕРЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ)

Аннотация. В данной статье рассматривается трансформация институтов социальной поддержки населения. Авторы предлагают выделить наиболее влиятельные факторы психического благосостояния граждан на примере домашнего насилия. По итогам проделанной работы в рамках статьи предлагается профилактика домашнего насилия на основе трансформации институтов социальной поддержки населения.

Ключевые слова: пандемия, трансформация институтов, домашнее насилие, психическое состояние, социальная поддержка, изоляция.

На основе анализа динамики трансформации институтов социальной поддержки населения авторы выделяют наиболее значимые причины изменения психического благосостояния граждан, основываясь на статистических данных по проблеме домашнего насилия. Новизна представленной работы заключается в анализе причин актов домашнего насилия и их систематизация на основе значимости. В данной статье установлена общая тенденция роста количества обращений о домашнем насилии среди женщин. Данная тенденция позволяет определить необходимые условия профилактики домашнего насилия, которые должны быть выполнены со стороны институтов социальной поддержки населения.

В период пандемии институты социальной поддержки претерпели существенные изменения. В первую очередь, это связано с изменившимися экономическими политическими условиями. Для поддержки населения Правительством РФ, начиная с конца 2019-го года, принимались глобальные изменения в социальной политике. Сюда относятся социальные рекламы, кредитные программы помощи малому бизнесу. Ключевые меры социальной поддержки были приняты в сфере здравоохранения. С начала пандемии значительно вырос уровень материальной поддержки медицинских работников. Для персонала, специализирующегося на пациентах с COVID-19, были введены дополнительные социальные выплаты.

Особо высокий уровень заболеваемости и нехватка медицинских работников стали факторами приостановки планового функционирования медицинских учреждений. Также «Было обнаружено уменьшение общего количества госпитализаций весной 2020 года» [1]. Остальные отрасли сферы здравоохранения стали претерпевать определенный уровень ограничений. Данное заключение можно сделать, основываясь на динамике госпитализаций.

Наблюдаемое явление можно считать неизбежным. Но также необходимо обратить внимание на новую общественную ситуацию, являющуюся менее освещаемой в силу меньших социальных последствий. Ключевой этап для наиболее благополучного принятия новых правил и норм в период пандемии COVID-19 можно считать пройденным. Экономическая ситуация в мире сегодня находится на стадии стабилизации. Таким образом, институтам социальной поддержки необходимо продолжать претерпевать новые трансформации. В первую очередь это касается сферы здравоохранения. И первые необходимые шаги уже сделаны. Возобновилось плановое функционирование медицинских учреждений. Это значит, что отрасли здра-

воохранения, не специализирующиеся на пациентах с COVID-19, должны стать следующей целью институтов социальной поддержки. В первую очередь это касается доступности психотерапевтической и психиатрической помощи населению. Чтобы определить необходимые условия социальной поддержки данной отрасли, первоначально нужно установить основные трансформации не только самих институтов социальной поддержки населения, но и условий изменившейся общественной жизни. В рамках данной статьи авторы предлагают акцентироваться на факторе самоизоляции. Это новое условие существования в период пандемии является одним из ключевых на уровне с необходимостью дистанционного ведения работы, обучения и лечения, ростом зависимости от облачных технологий и интернета в целом. Любые изменения, которые принесла нам пандемия отражаются на общем уровне тревожности населения. Это можно продемонстрировать на примере анализа роста актов домашнего насилия.

Домашнее насилие или по-другому семейно-бытовое насилие подразумевает под собой форму поведения одного человека по отношению к члену (членам) своей семьи или к лицу, с которым состоит (состоял) в интимной связи. Чаще всего случаи домашнего насилия встречаются в семьях, построенных по принципу авторитарной власти главы дома. Жертвами домашнего насилия как правило становятся женщины. Данный факт объясняется тем, что они не могут оказать должного сопротивления, потому что физиологически женщины слабее мужчин. Семейно-бытовое насилие может быть двух видов: психологическим и физическим, они неразрывно связаны, так как зачастую женщинам приходится терпеть психологические угнетения из-за страха физической расправы. Необходимость длительного пребывания в замкнутом помещении является естественным катализатором для психического давления. Статистику роста актов домашнего насилия можно считать прогнозируемой. Но фактически в период самоизоляции при анализе социального поведения специалисты столкнулись с отсутствием сопутствующих мер со стороны институтов социальной поддержки населения. Данный негативный для нашей страны социальный опыт нельзя сослать на нехватку средств реагирования из-за условий пандемии. Как было сказано ранее, сегодня экономически и политически общественная жизнь находится в состоянии стабилизации. В сфере здравоохранения происходит возвращение к необходимому уровню регулирования отраслей, которые не специализировались на пациентах с COVID-19. Но в вопросах домашнего насилия динамика улучшения ситуации не наблюдается. В сфере психотерапевтической помощи все еще фиксируется прирост обращений по поводу домашнего насилия.

Рассматривая фундаментальные причины отсутствия положительной тенденции в решении данной социальной проблемы, в первую очередь, стоит обратиться к российскому законодательству. На сегодняшний день уголовная ответственность за домашнее насилие не предусмотрена. Женщины не чувствуют защиты со стороны государства, а значит и со стороны институтов социальной поддержки, в частности. Во-вторых, период самоизоляции контролировался каждым субъектом РФ по отдельности. Следовательно, можно заключить об отсутствии глобальной социальной политике по вопросам домашнего насилия. Кроме этого, социологи сталкиваются с трудностями для определения общей динамики домашнего насилия. В данном вопросе необходимы дополнительные социально-политические и социально-экономические данные в рамках глобального исследования.

В связи с эпидемиологическими условиями возросло количество обращений, по причине увеличения актов домашнего насилия по отношению к женскому полу. Согласно статистическим данным газеты «Коммерсантъ», в 2020 году количество обращений стало в два раза больше по сравнению с 2019 годом. Например, информационный проект «Ты не одна» сообщает о 1352 обращениях с просьбами о помощи в апреле 2020 года и уже о 2-х тысячах обращений в мае того же года.

Данное явление имеет множество причин и факторов. Самыми распространенными из них являются: социальная напряженность, которая возникает из-за социально-экономической и политической нестабильности в обществе; негативные социальные явления, такие как алкоголизм, наркомания, проституция; деградация нравственности в современном мире; внедрение негативных образцов поведения средствами массовой информации; безнаказанность большинства актов семейно-бытовых преступлений, которая способствует их росту. Домашнее насилие порождает психологические проблемы, которые нередко превращаются в хронические заболевания, или же становятся стимулом для проявления асоциального поведения.

Профилактика домашнего насилия представляет собой комплекс мер государственного, социального, медицинского и организационно-воспитательного характера, для предотвращения и нейтрализации случаев домашнего насилия. Данная система мер включает следующие элементы: мероприятия по формированию общественного мнения о домашнем насилии; методико-информационная деятельность органов правопорядка и служб социальной поддержки, направленная на противодействие домашнему насилию; гарантия взаимодействия медицинских организаций с органами правопорядка и службами социальной поддержки; утверждение мер, предполагающих уголовную ответственность за семейно-бытовое насилие; формирование работы службы психологической поддержки.

Вопрос профилактики стал очень актуален в связи с эпидемиологической обстановкой, породившей бессистемные профилактические меры. Однако, только с помощью комплексного характера данных мероприятий можно эффективно бороться со случаями домашнего насилия.

В заключение статьи можно отметить хорошие показатели у социальной политики по оказанию поддержки населения в период пандемии COVID-19. Для их достижения были предприняты решения для необходимых трансформаций соответствующих институтов. Анализируя социальную политику Правительства РФ в особо тревожный период для населения, можно более наглядно отследить как позитивные, так и негативные тенденции, уже долго существующие в российском обществе. На основе их анализа можно выработать наиболее подходящую стратегию для нововведений в последующей правительственной социальной политике.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены негативные и позитивные факторы, определяющие общую тенденцию для отдельного явления домашнего насилия. На основе динамики их изменения, а также анализа непосредственно самой динамики относительно других сфер общественной жизни в статье была предложена необходимая профилактика домашнего насилия для преодоления последствий эпидемиологического вызова COVID-19.

Список литературы

1. Ёлкина М.В., Паутов А.Д. Специфика социальной рекламы в условиях пандемии коронавируса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-sotsialnoy-reklamy-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa>

2. Зяблов В.А., Гусев М.А., Чижиков В.С. Клиническая картина манифестных психотических состояний в период пандемии COVID-19, 2021 год. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/clinical-features-of-first-episode-psychoses-during-the-covid-19-pandemic>
3. Пахомова Я.А. Пока все дома: домашнее насилие в период пандемии COVID-19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poka-vse-doma-domashnee-nasilie-v-period-pandemii-covid-19>

Информация об авторах

Дмитриева Анастасия Алексеевна (Россия, Иркутск) – студент, Институт социальных наук Иркутского государственного университета (664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; e-mail: dmitrieva880@mail.ru).

Попова Арина Вячеславовна (Россия, Иркутск) – студент, Институт социальных наук Иркутского государственного университета (664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; e-mail: arihapopova02@gmail.com).

Федченко Алёна Евгеньевна (Россия, Иркутск) – студент, Институт социальных наук Иркутского государственного университета, (664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; e-mail: alyonaf2002@bk.ru).

Dmitrieva A.A., Popova A.V., Fedchenko A.E.

TRANSFORMATION OF INSTITUTIONS OF SOCIAL SUPPORT OF THE POPULATION IN RESPONSE TO CURRENT EPIDEMIOLOGICAL CHALLENGES (ON THE EXAMPLE OF DOMESTIC VIOLENCE)

Abstract. *This article discusses the transformation of institutions of social support of the population. The authors propose to identify the most influential factors of mental well-being of citizens on the example of domestic violence. Based on the results of the work done, the article proposes the prevention of domestic violence based on the transformation of institutions of social support of the population.*

Key words: *pandemic, transformation of institutions, domestic violence, mental state, social support, isolation.*

Information about author

Dmitrieva Anastasia A. – student, Institute of Social Sciences of the Irkutsk State University (664003, Russia, Irkutsk, st. Karl Marx 1, E-mail: dmitrieva880@mail.ru).

Popova Arina V. – student, Institute of Social Sciences of the Irkutsk State University (664003, Russia, Irkutsk, st. Karl Marx 1, E-mail: arihapopova02@gmail.com).

Fedchenko Alyona E. – student, Institute of Social Sciences of the Irkutsk State University (664003, Russia, Irkutsk, E-mail: alyonaf2002@bk.ru).

Bibliography

1. Elkina M.V., Pautov A.D. The specifics of social advertising in the conditions of the coronavirus pandemic. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-sotsialnoy-reklamy-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa>
2. Pakhomova Y.A. While everyone is at home: domestic violence during the COVID-19 pandemic. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poka-vse-doma-domashnee-nasilie-v-period-pandemii-covid-19>
3. Zyablov V.A., Gusev M.A., Chizhikov V.S. Clinical picture of manifest psychotic states during the COVID-19 pandemic. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/clinical-features-of-first-episode-psychoses-during-the-covid-19-pandemic>

ДУХОВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье на основе результатов конкретного социологического исследования проанализированы представления о духовных практиках и их использование в реальной жизни студенчеством вузов Москвы и Московской области. Показано, что к духовным практикам студенты обращаются чаще всего по мере необходимости.

Ключевые слова: духовность, духовные практики, социальный капитал, личность.

Духовное развитие осуществляется на протяжении всей жизни человека, хотя в настоящее время духовные аспекты существования человека и являются наименее изученными. Духовность позволяет личности преодолеть свою эгоистическую природу и воспринимать мир, добровольно подчиняясь системе высших ценностей [1, 7]. Духовность – это способ интеграции, определяющий содержание, качество и направленность человеческого существования [2, 5]. Когда мы говорим о духовности, нам неизбежно приходится задумываться о таких понятиях как потребности, ценности, отношения и анализировать свое поведение, привычки, мотивы. Человек может преуспевать либо в материальном плане, либо в духовном развитии. Если совместить материальное и духовное, можно добиться гармоничного развития личности, но ни в одной из этих областей нельзя добиться абсолютного успеха.

Попадая в тяжелые жизненные ситуации, в том числе и различные болезненные состояния, не стоит также забывать о духовном аспекте всего происходящего. Через некоторое время, когда здоровье и социальные связи начинают восстанавливаться, возникают вопросы: Куда идти дальше? Для чего я живу? В чем смысл моей жизни? Всем ли нужно становиться духовно развитыми людьми или для многих, может быть, достаточно не забывать о духовном и жить ценностями материальными? В этот момент на первый план выходит поиск духовного смысла жизни [6, 8]. Человеку необходимо думать о высших ценностях, осознавать их, их придерживаться, служить им, и у него появится великий смысл жизни.

Современная духовная ситуация не только в России, но и во всём мире, достаточно противоречива. С одной стороны, мы живем с надеждой на лучшее, а с другой стороны, – столько тревог и опасений! Отдельный человек в современном мире чрезвычайно одинок. И противоречия нарастают в процессе того, как развивается наука, техника, увеличивается финансовое могущество. С той стремительностью, с которой меняется окружающий мир в условиях всеобщей цифровизации и глобализации, стремительно меняются и традиции, культура, духовно-нравственные ориентиры человечества. Все это неизбежно сказывается на системе воспитания и образования. В связи с этим становится актуальным вопрос: можем ли мы согласиться с тем, что духовно-нравственные ориентиры искажаются с появлением новых технологий и трендов? Осознаются ли духовность и духовные практики в современном мире техники и технологий важнейшей составляющей социального капитала личности?

Нам показалось интересным исследовать представления о духовности современной студенческой молодежи. С этой целью под руководством Е.В. Каргаполовой в октябре 2021 г. среди студентов вузов Москвы и Московской области было реализовано социологическое исследование методом анкетирования «Наша духовность» (N=1950). Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выбор-

ки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на выборочную совокупность либо использоваться как справочные. Однако количество опрошенных позволяет сделать предположения, сформулировать гипотезы. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0.

В нашем исследовании респондентам был задан вопрос «Какие духовные практики Вы применяете?». Среди вариантов ответов были йога, аффирмации, дыхательные техники, практики визуализации, которые в той или иной мере используют около 90% опрошенных. Только примерно каждый десятый не считает их применение духовной практикой. Интересно, что ответ «никогда» не выбрал ни один из опрошенных. Чаще всего данные практики студенчество использует по мере необходимости: 56,6% респондентов йогу, 53,2% – практики осознанности, медитации, 50,1% – дыхательные техники, 36,2% – практики визуализации, 26,3% – аффирмации. Постоянно применяет аффирмации каждый пятый, визуализацию – каждый шестой-седьмой, медитации и дыхательные техники – каждый десятый. Йогой постоянно занимаются 6% опрошенных. Заинтересованность духовными практиками у молодежи можно объяснить тем, что при стрессах хочется очистить разум, отвлечься от насущных проблем и сделать свое эмоциональное состояние устойчивым. Несомненно, что многообразие применения духовных практик – это своеобразный вызов кризису социокультурной системы [3].

Молодежь также следит за своим психологическим состоянием. 60,5% респондентов тогда, когда это необходимо, обращаются к психологу. Часто прибегают к самоанализу 26,8% опрошенных, всегда – 36,7%. Также 34,1% всегда слушают свою душу, а 26% делают это часто. Можно сделать вывод о том, что молодежь напрямую связывает духовность со своим внутренним состоянием и не пренебрегает возможностью сделать себя и окружающий мир лучше.

Каждый пятый всегда испытывает благодарность за все, произошедшее за день, также каждый пятый чувствует благодарность не всегда, но часто, каждый третий – по мере необходимости. Такие результаты можно связать с принадлежностью опрошенных к какому-либо вероисповеданию, так как в религиозных представлениях каждый день – это дар Всевышнего [9]. Здесь также можно затронуть помощь окружающим людям, которая в нашем исследовании позиционировалась как духовная практика. Каждый третий делает это часто, каждый четвертый – всегда. Это говорит о высоком уровне духовности и культуры среди этой группы респондентов. Данная духовная практика также имеет место в религии. В одной из молитв сказано: «Помоги ближнему своему и тебе воздастся».

Среди вариантов ответов мы предложили провокационный вариант «вымещаю агрессию в компьютерных играх». 36,9% опрошенных делают это по мере необходимости, 6,3% – часто, 7,6% – всегда, но 40,8% респондентов не считают это духовной практикой. Таким образом, последняя группа четко дифференцирует развлечения, не связанные с духовным развитием, и собственно духовность.

Мы предложили также вариант ответа «ничего не делаю, живу, как живется», к которому каждый четвертый прибегает по мере необходимости, каждый шестой-седьмой – часто и иногда, каждый пятый – всегда. Это можно объяснить отсутствием мотивации, тяжелой стрессовой ситуации, когда заниматься чем-либо данной группе опрошенных просто не представляется возможным. Но каждый четвертый не считает это духовной практикой. Можно сделать вывод, что безделье данная группа опрошенных не связывает с духовностью. Вероятно, что по мнению представителей данной группы человек – это своеобразный сосуд и если он наполнен внутри, то все, что происходит в его жизни, зависит только от него. Свою судьбу он создает сам, если готов двигаться вперед. Если же свою жизнь «пустить на самотек», то в какой-то момент она превратится в обезвоженный пруд, который высохнет [4].

Таким образом, духовность личности – это не только ее способность подняться на уровень вечных истин и вечных ценностей. В настоящее время духовность напрямую связана с ответственностью человека за свою жизнь и за судьбу окружающих нас людей. Результаты нашего эмпирического исследования позволяют нам сделать вывод о том, что молодёжь активно занимается саморазвитием и стремится к высокому, к духовному равновесию. Саморазвитие и уверенность в том, что студенты могут нести ответственность за свою жизнь, – стандарт для молодых людей.

Список литературы

1. Анарбек Н. Практики повседневности как социокультурный механизм воспроизводства духовных ценностей // Социологический альманах. 2020. № 11. С. 90–98.
2. Борисов Б.Ю. Образование и духовность в прошлом и настоящем России // Социально-антропологические проблемы современного образования: мат-лы Междунар. науч.-методич. конф. 2020. № 1. С. 42–45.
3. Веницкая Н.В., Доценко Т.Э. Реализация современных практик духовно-нравственного воспитания молодежи: вызов кризису социокультурной системы (на примере алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина) // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сб. мат-лов VIII Междунар. науч.-практ. конф. 2021. № 1. С. 97–103.
4. Воробьева Л.И. «Духовность» в психологии: философско-методологический анализ // Культурно-историческая психология. 2019. № 3. С. 32–40.
5. Коневских Л.А. Духовность и духовные аспекты формирования личности // Вестник Пермского государственного технического университета. Культура, история, философия, право. 2012. № 2. С. 3–15.
6. Макушкин А.Н., Казенкина Е.В. Философия духовности как метод коррекции зависимого поведения // Актуальные направления социально-психологических исследований личности в онтогенезе: сб. мат-лов Межвузовской науч.-практ. конф. 2019. № 1. С. 87–90.
7. Меньшиков В.М. Духовность и развитие личности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 1 (49). С. 108–117.
8. Мордвинова Е.А., Плютникова Н.А. Культурные практики как средство духовно-нравственного воспитания современных школьников // Воспитание в современном культурно-образовательном пространстве: сб. статей V Всерос. науч.-практ. конф. 2017. № 1. С. 151–159.
9. Сердюкова А.С. От формы к содержанию в процессе воспитания духовности молодежи в эпоху тотальной цифровизации // Проблемы духовно-нравственного воспитания в условиях цифровизации образования: сб. мат-лов регионального науч.-практ. семинара. 2020. № 1. С. 141–145.

Информация об авторах

Каргаполова Екатерина Владимировна (Россия, Москва) – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Москва, Стремянный пер., 36; k474671@list.ru).

Алексеева Софья Александровна (Россия, Москва) – студентка 3 курса направления «Социология», Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Москва, Стремянный пер., 36; alexeeva.sofya2016@yandex.ru).

SPIRITUAL PRACTICES AS AN ELEMENT OF THE SOCIAL CAPITAL OF THE INDIVIDUAL

Abstract. *Based on the results of a specific sociological study, the article analyzes the ideas about spiritual practices and their use in real life by students of universities in Moscow and the Moscow region. It is shown that students turn to spiritual practices most often as needed.*

Key words: *spirituality, spiritual practices, social capital, personality.*

Information about author

Kargapolova Ekaterina V. (Russia, Moscow) – Doctor of Sociology, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Stremyanny Lane, 36, k474671@list.ru).

Alekseeva Sofya A. (Russia, Moscow) – 3rd year student of the direction “Sociology”, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Stremyanny Lane, 36, alexeeva.sofya2016@yandex.ru).

Bibliography

1. Anarbek N. Practices of everyday life as a socio-cultural mechanism of reproduction of spiritual values // Sociological Almanac. 2020. No. 11. P. 90-98.
2. Borisov B.Yu. Education and spirituality in the past and present of Russia // Socio-anthropological problems of modern education. Materials of the International Scientific and Methodological Conference. 2020. No. 1. P. 42-45.
3. Vinitzkaya N.V., Dotsenko T.E. Implementation of modern practices of spiritual and moral education of youth: a challenge to the crisis of the socio-cultural system (on the example of the Altai State Humanitarian Pedagogical University named after V. M. Shukshin) // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. 2021. No. 1. P. 97-103.
4. Konevskikh L.A. Spirituality and spiritual aspects of personality formation // Bulletin of Perm State Technical University. Culture, history, philosophy, law. 2012. No.2. pp. 3-15.
5. Makushkin A.N., Kazenkina E.V. Philosophy of spirituality as a method of correction of dependent behavior // Current directions of socio-psychological research of personality in ontogenesis. Collection of materials of the Interuniversity scientific and practical conference. 2019. No. 1. P. 87-90.
6. Menshikov V.M. Spirituality and personal development // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2019. No. 1 (49). P. 108-117.
7. Mordvinova E.A., Plutnikova N.A. Cultural practices as a means of spiritual and moral education of modern schoolchildren // Education in the modern cultural and educational space. Collection of articles of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. 2017. No. 1. P. 151-159.
8. Vorobyeva L.I. “Spirituality” in psychology: philosophical and methodological analysis // Cultural and historical psychology. 2019. No. 3. P. 32-40.
9. Serdyukova A.S. From form to content in the process of educating youth spirituality in the era of total digitalization // Problems of spiritual and moral education in the conditions of digitalization of education. Collection of materials of the regional scientific and practical seminar. 2020. No. 1. P. 141-145.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Аннотация. *Исследование направлено на научное обоснование и формирование практических рекомендаций по организации институтов развития третьего сектора на региональном уровне на основе межсекторного социального партнерства. Выявлены особенности и проблемы функционирования региональных ресурсных центров инфраструктурной поддержки некоммерческих организаций.*

Ключевые слова: *третий сектор, некоммерческие организации, межсекторное социальное партнерство, институты развития, регион.*

Понятие «третий сектор» является устоявшимся в научно-практическом обороте, и выступает тождественным понятию «некоммерческий сектор», представляющему собой совокупность негосударственных некоммерческих организаций разнообразных форм деятельности. Функционирование этих организаций направлено на рост эффективности экономики регионов, сохранение и приумножение ресурсного потенциала, достижение общественной пользы, удовлетворение социально значимых потребностей населения, консолидацию гражданского общества, повышение уровня конструктивного, просоциального гражданского участия, организацию коллективных действий индивидов.

С 2010 года российское законодательство выделяет в особую группу – социально ориентированные некоммерческие организации (СОНКО), которые занимаются решением социальных проблем и оказанием услуг. Органы государственной власти и органы местного самоуправления наделяются дополнительными полномочиями по их поддержке. Чаще всего выделяют следующие инструменты поддержки: налоговая поддержка, контрактация (контракты на закупку услуг), гранты, предоставление займов и займовых гарантий, ваучеры, кредиты, возмещение затрат. По средствам данных инструментов СОНКО становятся объектами государственного управления, который обладает своей спецификой, заключающейся в том, что органы власти РФ, ее субъектов и органы муниципального управления выступают в отношениях на равных началах с некоммерческими организациями. Поэтому требуется создание особых институтов развития некоммерческого сектора, обеспечивающих эффективное взаимодействие между властью и НКО. При этом государственные формы регулирования должны иметь достаточную гибкость в соответствии не только с общими целями социальной политики, но также с местными особенностями и потребностями населения регионов. Взаимодействие должно основываться на сочетании единства государственного управления и множества интересов других субъектов, действующих в социальной сфере на принципах сотрудничества.

Цель исследования состоит в обосновании и формировании рекомендаций по организации институтов развития третьего сектора на региональном уровне на основе межсекторного социального партнерства.

Международная научная литература содержит ряд теоретических подходов к проблемам взаимодействия некоммерческих организаций с государством. Так, суть концепции «провалов рынка/государства» состоит в том, что появление и развитие

некоммерческих организаций связано с неспособностью рынка и государства обеспечить эффективное распределение ограниченных ресурсов (М. Крашински, И. Илман, Г. Хансман). Государство компенсирует «провалы рынка» в предоставлении общественных благ, а некоммерческий сектор заполняет «провалы государства», фактически покрывая часть совокупного спроса на общественные блага и услуги. По мнению сторонников теории «социального происхождения», некоммерческий сектор является производной социальной системы государства (Г. Эсприн-Андерсен, Л. Саламон, В. Соколовски). Как следует из концепции «субсидирования», субсидии (налоговые льготы, государственные ассигнования, частные пожертвования и др.) дают некоммерческим организациям дополнительные преимущества в конкурентной борьбе среди коммерческих, государственных структур и являются основным побудительным мотивом их появления и развития (М. Дженсен, Э. Фам). Обсуждаемые теоретические подходы дополняют концепцию «непрямого государственного управления». Представители этой школы утверждают, что недостатки в деятельности государственного управления преодолеваются путем внедрения подходов и практик, заимствованных из частного сектора, таких как стратегическое планирование, управление по целям и др. Идеологи «непрямого государственного управления» предлагают передавать государственные услуги, в том числе социальные, частным и некоммерческим организациям через контракты и соглашения (Л. Саламон, С. Топлер).

Решение проблем в части создания институтов развития третьего сектора видят в русле теорий «межсекторного социального партнерства» (МСП). Сущность его состоит в конструктивном взаимодействии организаций государственного, бизнес- и некоммерческого секторов при решении социальных проблем, выгодном населению территорий и каждой из сторон, обеспечивающем синергетический эффект от сложения ресурсов [4]. МСП позволяет не только получить дополнительные ресурсы, но и является инструментом повышения эффективности властных решений, увеличения доверия к органам управления со стороны населения. В 2021 году Президент РФ подписал указ, утверждающий показатели оценки эффективности деятельности губернаторов и органов исполнительной власти регионов: «доверие к власти» со стороны населения находится на первом месте¹. Инструменты МСП дают возможность государственным структурам своевременно улавливать запросы со стороны населения и производить коррекцию управленческих решений. В выстраивании конструктивного сотрудничества в рамках МСП некоммерческому сектору отводится роль инициатора и координатора, так как он максимально ориентирован на решение социальных проблем, а также рассматриваемые организации наиболее полно понимают потребности целевых аудиторий и объединяют различных участников процесса социальных изменений, способствуют устойчивому развитию.

В результате обобщения исследований по проблеме инфраструктурной поддержки негосударственных некоммерческих организаций и внедрения межсекторного социального партнерства, выявлено, что ресурсные центры (РЦ) рассматриваются как комплексный механизм развития некоммерческого сектора, который

¹ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 г. № 68.

является эффективным в условиях российских регионов [4]. Ресурсный центр выступает в качестве института развития со сформированной организационной структурой и определенными функциями подкрепленными ресурсами под их реализацию. Полученный вывод подтверждается в работах авторов В.Ю. Кульковой [2], А.В. Соколова [3], А.Г. Дыганова, Р.Л. Фейфер [1].

Ориентиры на решение задачи развития организации инфраструктурной поддержки некоммерческого сектора в регионах определены федеральной исполнительной властью. Министерством экономического развития РФ разработаны Методические материалы по формированию и поддержке в субъектах РФ ресурсных центров СОНКО². Документ закрепляет определение, функции, перечень получателей услуг, приоритетные направления деятельности, критерии оценки работы региональных ресурсных центров (РРЦ), формы государственной поддержки. Согласно п. 2 данного документа «Региональный ресурсный центр поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций является ключевым элементом формирования инфраструктуры поддержки СОНКО».

Организационно-правовая форма региональных ресурсных центров в документе конкретно не прописывается. На наш взгляд, можно предложить следующее определение. Региональный ресурсный центр является специализированной негосударственной инфраструктурной организацией, созданной для поддержки СОНКО в организационно-правовой форме в соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях». Цель деятельности РРЦ – содействие развитию некоммерческого сектора региона, распространение новых технологий и передовых практик работы в социальной сфере с учетом приоритетов регионального развития.

Обобщение практик деятельности региональных ресурсных центров и положений методических рекомендаций Минэкономразвития РФ позволили выявить следующие функции РРЦ:

- мониторинг деятельности СОНКО, выполнение аналитических работ по оценке мероприятий, проектов, программ содействия развитию некоммерческого сектора;
- привлечение внебюджетных ресурсов в некоммерческий сектор экономики;
- укрепление экономического потенциала СОНКО с целью увеличения их доли на рынке социальных услуг путем обеспечения доступа к бюджетным средствам;
- преодоление несогласованности и устранение межведомственных барьеров в части оказания финансовой и иной поддержки СОНКО;
- организация информационного сопровождения;
- имущественная поддержка;
- оказание услуг по образованию сотрудников СОНКО, организация стажировок;
- координация региональных и муниципальных программ поддержки, привлечение к участию в разработке и реализации этих программ предпринимателей на основе долевого софинансирования;
- совершенствование деятельности экспертных и конкурсных комиссий с целью повышения качества принимаемых к финансированию проектов и контроля целевого использования средств;

² Методические материалы по формированию и поддержке в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456052661>

- проведение экспертизы социальных проектов НКО, участвующих в конкурсах на получение субсидий, грантов из регионального бюджета;
- координация работы, организационная поддержка муниципальных ресурсных организаций;
- развитие взаимодействия между СОНКО и органами исполнительной власти региона, местного самоуправления, бизнесом;
- разработка новых механизмов и технологий поддержки НКО³.

Органы власти в субъектах РФ содействуют созданию и деятельности региональных ресурсных центров поддержки СОНКО за счет бюджета. Согласно отчету о реализации регионами механизмов инфраструктурной поддержки сектора социальных НКО за 2019 г. в 57 субъектах финансировалась деятельность 157 РРЦ (сумма направленных средств 1,46 млрд руб.). Для сравнения: в 2018 г. 163 РРЦ и 1,31 млрд руб. Основной применяемый инструмент – целевая субсидия или субсидия на конкурсных началах. Данные свидетельствуют, что за два года наблюдается тенденция сокращения числа РРЦ, при увеличении объема бюджетных ассигнований. Распределение числа РРЦ субъектов СЗФО, получивших финансовую поддержку выглядит следующим образом: всего в СЗФО действуют 32 РРЦ, из них 12 в г. Санкт-Петербурге и 7 в Вологодской области. В остальных регионах РРЦ для СОНКО значительно меньше 1-2 ед.

Таким образом, на основе изучения отчета о реализации регионами механизмов инфраструктурной поддержки СОНКО и практик деятельности РРЦ в СЗФО, выявлены следующие особенности и проблемы их функционирования.

Во-первых, наблюдается дифференциация регионов относительно общего количества действующих РРЦ, получивших бюджетные средства, и отсутствие прямой зависимости количества РРЦ от численности действующих в регионе организаций. Например, в Вологодской области зарегистрировано 1386 СОНКО при семи действующих РРЦ, а в Архангельской на 1427 зарегистрированных организаций приходится лишь два РРЦ, то есть в 3,5 раза меньше.

Во-вторых, анализ официальных сайтов РРЦ, включая годовые финансовые и публичные отчеты, позволил установить, что не все РРЦ, получающие финансирование из бюджета, обладают достаточной ресурсной базой для осуществления деятельности и оправдывают статус инфраструктурной организации, которая может в полном объеме оказывать содействие в развитии сектора СОНКО. В частности, в Вологодской области не имеют собственных источников финансового обеспечения деятельности, материальной и имущественной базы (возможность предоставления помещений) более 50% РРЦ. Штат постоянных квалифицированных сотрудников сформирован только у четырех РРЦ. Ресурсы информационного сопровождения отсутствуют у двух РРЦ. В тоже время в перечень входит Благотворительный фонд «Дорога к дому», который относится к отраслевому типу РРЦ, так как работает только с целевой группой определенных организаций, занимающихся поддержкой семей в кризисных ситуациях. Большинство организаций из-за отсутствия полного набора собственных ресурсов выполняют лишь 2–3 функции из приведенного выше перечня (таблица). Поэтому возникают проблемы эффективности использования бюджетных средств и оправдания статуса РРЦ, его способности обеспечивать выполнение всех функций на надлежащем уровне.

³ Там же.

Ресурсное обеспечение деятельности региональных ресурсных центров для СОНКО (на примере Вологодской области)

Наименование показателя ресурсной обеспеченности	Кол-во РРЦ, ед.
Всего РРЦ в регионе	7
Из них обеспечены:	
нормативно-правовой базой (устав, учредительные документы)	5
ресурсами для информационного сопровождения деятельности СОНКО	5
штатом постоянных квалифицированных сотрудников	4
собственными источниками финансового обеспечения деятельности	3
собственной материальной и имущественной базой (возможность предоставления помещений)	3
Источник: Составлено автором с использованием анализа официальных сайтов ресурсных центров, включая годовые финансовые и публичные отчеты.	

В-третьих, специфика работы РРЦ обусловлена тем, что выделение субсидий из регионального бюджета, как правило, производится на конкурсной основе и на срок не более одного года. В случае отклонения конкурсных заявок и при отсутствии собственных источников финансирования это приводит к нестабильной работе или полной приостановке деятельности организации, а также потере квалифицированных кадров.

В-четвертых, в действующих нормативных документах РРЦ не выделены в отдельную организационно-правовую форму некоммерческих организаций. В Методических материалах по формированию и поддержке в субъектах РФ ресурсных центров СОНКО, разработанных Министерством экономического развития РФ в 2016 г., содержится указание на форму создания в виде негосударственных некоммерческих организаций. При этом документ носит рекомендательный характер. Поэтому на практике РРЦ создаются в организационно правовой форме фондов, автономных некоммерческих организаций и партнерств, общественных организаций, государственных и муниципальных учреждений, или структур при органах власти

Выводы

Состояние ресурсной базы РЦ Вологодской области (обеспеченность помещениями, специальным оборудованием, квалифицированными специалистами, и др.), а также анализ финансовой устойчивости РРЦ позволяют сделать вывод о неполном соответствии ряда инфраструктурных организаций установленным требованиям к номенклатуре и качеству предоставляемых услуг. Деятельности таких организаций, которые самоопределяются как ресурсные центры, ориентирована на получение грантов и субсидий, которые, как известно, даются только под конкретный проект и на непродолжительные сроки, что не позволяет достичь устойчивости организации и стабильности квалифицированного кадрового состава. В связи с этим считаем необходимым применить инструмент государственного регулирования при определении статуса ресурсного центра с помощью процедуры сертификации, что позволит вычленил наиболее квалифицированные и стабильно функционирующие организации, способные оказывать эффективную инфраструктурную поддержку некоммерческому сектору региона.

Список литературы

1. Дыганов А.Г. Концепция развития деятельности межмуниципальных ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (опыт Республики Татарстан) // Журн. иссл. соц. политики. 2020. № 3. С. 539–549.

2. Кулькова В.Ю. Организация инфраструктурной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций сферы услуг в государственном управлении в РФ // Вопросы управления. 2019. № 2 (38). С. 58–65.
3. Соколов А.В. Особенности функционирования ресурсных центров некоммерческих организаций в России // Власть. 2015. № 6. С. 52–57.
4. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // Власть. 2018. № 4. С. 15–25.

Информация об авторе

Косыгина Ксения Евгеньевна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sene4ka.87@mail.ru).

Kosygina K.E.

FORMATION OF INSTITUTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF THE THIRD SECTOR: REGIONAL PRACTICES

Abstract. *The study is aimed at scientific substantiation and formation of practical recommendations for the organization of institutions for the development of the third sector at the regional level on the basis of intersectoral social partnership. The features and problems of the functioning of regional resource centers for infrastructural support of non-profit organizations are revealed.*

Key words: *third sector, non-profit organizations, intersectoral social partnership, development institutions, region.*

Information about author

Kosygina Ksenia E. (Russia, Vologda) – Candidate of Economic Sciences, Researcher of «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (160014, Vologda, Gorky St., 56A, sene4ka.87@mail.ru).

Bibliography

1. Kulkova V.Yu. Organization of infrastructure support for socially oriented non-profit organizations in the public administration in the Russian Federation // Management Issues. 2019. No. 2 (38). P. 58–65.
2. Sokolov A.V. Features of the functioning of resource centers of non-profit organizations in Russia // Power. 2015. No. 6. P. 52–57.
3. Dyganov A.G. The concept of development of the activities of intermunicipal resource centers for supporting socially oriented non-profit organizations (the experience of the Republic of Tatarstan) // Zhurn. research social politicians. 2020. No. 3. P. 539–549
4. Yakimets V.N., Nikovskaya L.I. Mechanisms and principles of intersectoral social partnership as a basis for the development of public administration // Power. 2018. No. 4. P. 15–25.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В работе рассматривается вопрос региональной идентичности населения в период коронавирусной инфекции. За счет условий тревоги, незащищенности, угрозы безопасности состояние населения претерпевает социально-психологические изменения, в силу данного населения рассчитывает на поддержку государства и органов самоуправления, что оказывает влияние на самоопределение горожан. В новых реалиях региональная идентичность переходит в виртуальный формат и приобретает новый характер «цифровой региональной идентичности».

Ключевые слова: идентичность, региональная идентичность, цифровая региональная идентичность, коронакризис, COVID-19.

Пандемия COVID-19 затронула все сферы жизнедеятельности и сформировала новую социальную реальность, под ее влиянием оказались медицинские учреждения, малый и средний бизнес, образ жизни горожан и их неопределенность в будущем, были затронуты как социально-экономические аспекты жизнедеятельности, так и социально-психологические. В этой связи претерпел изменениям вопрос идентичности горожан, поскольку в период возрастающей нестабильности и незащищенности состояние индивид претерпевает социально-психологические изменения, что сказывается на его самоопределении или идентификации как на микроуровне (самоопределение себя), так и на макроуровне (самоопределение к социальным группам). В нашем случае коронакризис оказал деструктивное воздействие на регионы страны, самоизоляция, коммуникация, рабочие связи перешли в онлайн-формат, закрытие предприятий, культурных центров, все это оказало влияние на развитие региона, что в свою очередь повлияло на территориальную идентичность человека.

С августа 2019 года общее число малых и средних предпринимателей (СМС) в России сократилось на 245 тыс. и составляет 5,6 млн. Многие малые предприятия не пережили кризис, вызванный падением спроса из-за карантинных мер. Количество закрытых организаций превысило количество организаций, открытых в подавляющем большинстве регионов, увеличившись только в нескольких, таких как Чукотский автономный округ (плюс 23 муниципалитета) и Ленинградская область (172 новых специалиста)¹. За время пандемии пострадало 42 вида деятельности, в которых было занято около 6 млн. человек, вследствие чего люди испытывали депрессию и чувство тревоги. К данным видам деятельности относятся: транспортная деятельность, деятельность музеев, зоопарков, деятельность в области демонстрации кинофильмов, торговля, физкультурно-оздоровительная деятельность и спорт, деятельность туристических агентств и прочих организаций, гостиничный бизнес и другие². Поддержку получили только треть пострадавших предприятий, около 10% всех компаний России³.

¹ В России за год закрылся 1 млн малых и средних компаний. URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.dw.com%2Fru%2Fv-rossii-za-god-zakrylsja-1-mln-malyh-i-srednih-kompanij%2Fa-54569088&cc_key= (дата обращения 17.03.2022)

² Перечень отраслей пострадавших от коронавируса: постановление Правительства с ОКВЭД в последней редакции. URL: https://nalog-nalog.ru/spravochnaya_informaciya/perechen-otraslej-postradavshih-ot-koronavirusa-postanovlenie-pravitelstva-s-okved-v-poslednej-redakcii/ (дата обращения 17.03.2022)

³ РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/05/2020/5ecf711b9a7947324d1448cf> (дата обращения 16.03.2022)

В условиях пандемии региональная идентичность перешла в цифровой формат. Цифровая региональная идентичность определяется как набор культурно-исторических признаков субъекта региональной идентичности, которые транслируются за счет онлайн-платформ, сайтов, форумов, электронных библиотек и других интернет-площадок [2, с. 747]. Поскольку региональная идентичность формируется подобно социальной, то следует выделить три составляющие: когнитивный, оценочный, эмоциональный аспекты. Касаемо когнитивного аспекта можно сказать, что культурно-просветительные центры, которые позволяют индивиду познать регион, перешли в онлайн-формат, создавались онлайн-экспозиции, предоставлялись видеоматериалы с выставок и виртуальные туры в приложениях. На оценочный и эмоциональный аспекты повлияла обстановка в регионе, работа органов власти, медицинских учреждений.

Хоть COVID-19 понес за собой большие потери, но с точки зрения социологии он позволил рассмотреть, как компоненты социальной системы смогут быстро отреагировать и работать в непредвиденных обстоятельствах.

Польский исследователь М. Шмытковска приходит к выводу, что в целом самоизоляция и другие ограничительные меры, которые были введены во время COVID-19, помогли населению обратить внимание на социальные процессы и проблемы. После постепенного налаживания эпидемиологической ситуации в странах, горожане стали все более заинтересовываться средой, в которой они проживают, поскольку в психологически трудное время появилась необходимость расслабиться. Таким образом, горожане стали интересоваться соседством и его ценностями, что приводит к возрождению локальной и региональной идентичностей [3, с. 204].

В Тюменской области, как и во всех субъектах Российской Федерации, оказывалась поддержка населению в период пандемии. К ней относились: контроль/сдерживание цен на продукты и лекарства; обеспечение работающих граждан услугами дошкольного образования; содействие/организация волонтерской помощи нуждающимся; мониторинг и содействие занятости. Бизнесу оказывалась следующая поддержка: отсрочка по аренде, налогам, страховым взносам, коммунальным платежам; содействие в получении субсидии; содействие в получении кредита, микрозайма по льготной ставке; содействие закупки⁴. Поскольку в условиях тревог и угрозы безопасности состояние население ухудшается, то проводимые органами местного самоуправления мероприятия по поддержке населения и бизнеса оказали существенную социальную поддержку. Данный аспект сказывается на эмоциональном состоянии населения, что в свою очередь влияет на их идентичность.

Исследования, проведенные до начала пандемии COVID-19, показывают позитивную общероссийскую идентичность, с 2005 по 2018 год она выросла, соответственно с 65% до 79%. Опрос, проведенный в сентябре 2020 года Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 22 субъектах Российской Федерации, выявил, что идентичность упала до 75%. Исследователи указывают, что на данное снижение повлияли вызовы пандемии, ограничительные меры и состояние населения в данных условиях.

Что же касается Тюменской области, то на 2021 год можно проследить, что в сравнении с 2017 годом идентичность не претерпела сильных изменений. Горожане все также в целом рады и довольны, что живут на данной территории. Данный показатель устойчив.

⁴ Регионы, муниципалитеты и местные сообщества против COVID-19. Мониторинг Общероссийского Конгресса муниципальных образований. М.: ОКМО, 2020. 39 с.

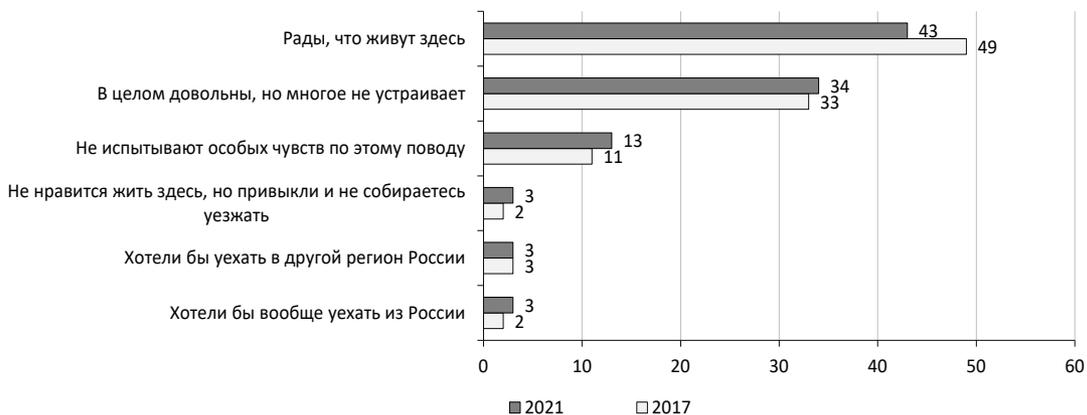

Рис. 1. Отношение жителей Тюменской области к их месту проживания за 2017, 2020 годы, % от числа опрошенных

Динамика позитивной региональной идентичности прослеживается и по различным типам поселения. Так, «рады, что живут здесь» и «в целом довольны» отметили соответственно 43% и 38% сельского поселения, 40% и 35% жители небольших городов, 44% и 31% жители крупных городов. Стоит отметить, что позитивная идентичность снижается в малых городах.

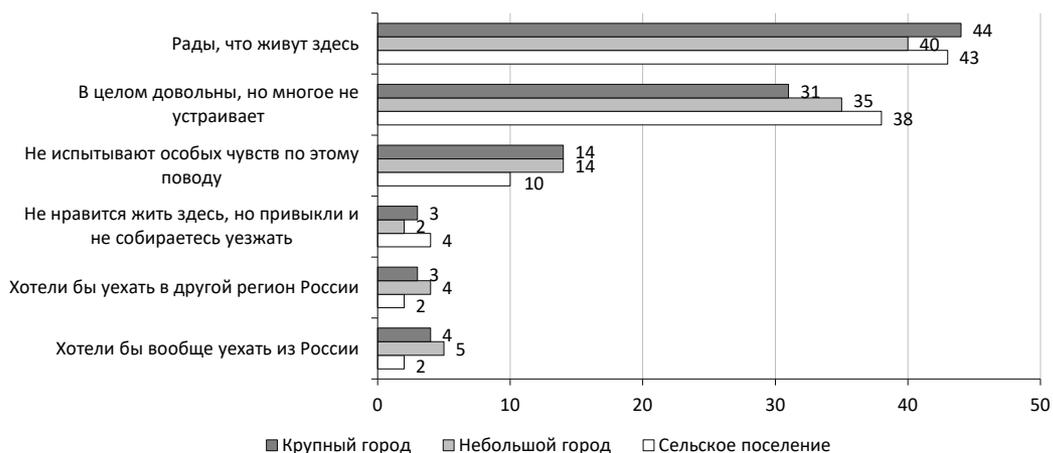

Рис. 2. Отношение к месту проживания жителей, распределение по типу поселений, Тюменская область 2021 г., % от числа опрошенных

Таким образом, в целом можно говорить о том, что на идентичность жителей Тюменской области пандемия COVID-19 и ее последствия повлияли в меньшей степени. Органами власти были предприняты меры по стабилизации ситуации и снижения риска негативного развития как в эпидемиологическом, экономическом, так и в социальном аспекте.

Выводы:

Непосредственно пандемия COVID-19 оказала влияние на многие сферы жизнедеятельности. Подвергла риску не только экономический сектор, но и социальный. Население подверглось мощному социально-психологическому давлению из-за ка-

рантинных мер, которые создали новую социальную реальность, и привычный образ жизни ушел за рамки реального.

Региональная идентичность жителей Тюменской области по истечению пандемии осталась неизменной, т.е. позитивной. Горожане, как и прежде, рады и довольны, что живут здесь.

Меры по сохранению и развитию региональной идентичности необходимы для социально-экономического развития региона, поэтому целесообразно включить данное направление, как приоритетным в региональной политике. Стоит отметить, что мероприятия могут быть не только в оффлайн-формате, но и в онлайн. Как показала практика COVID-19, население быстро и качественно перешло в онлайн-общение, онлайн-работу, онлайн-образование.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00087.

Список литературы

1. Межнациональные отношения и российская идентичность в сложных условиях пандемии COVID-19: информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2021. № 1. 58 с. DOI: 10.19181/INAB.2021.1
2. Коровникова Н.А. Региональная идентичность в цифровом измерении. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=18388> (дата обращения 16.03.2022).
3. Szmytkowska M. (2020) Consequences of the pandemic and new development opportunities for Polish cities in the (post-)COVID-19 era. R-economy, 6(3), 196–207. DOI: 10.15826/recon.2020.6.3.017.

Информация об авторах

Кошкина Анастасия Александровна (Россия, Тюмень) – магистрант кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6; e-mail: anastasiyakoshkina1999@mail.ru).

Терентьев Артем Валерьевич (Россия, Тюмень) – магистрант кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6; e-mail: a.v.terentyev13@gmail.com).

Koshkina A.A., Terentyev A.V.

REGIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE COVID-19

Abstract. *The paper considers the issue of regional identity of the population during the period of coronavirus infection. Due to the conditions of anxiety, insecurity, security threats, the state of the population undergoes socio-psychological changes, due to this population counts on the support of the state and self-government bodies, which affects the self-determination of citizens. In the new realities, regional identity is moving into a virtual format and acquires a new character of “digital regional identity”.*

Key words: *identity, regional identity, digital regional identity, coronacrisis, COVID-19.*

Information about authors

Koshkina Anastasiya A. (Tyumen, Russia) – Master-Student of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen (625003, Russia, Tyumen, 6 Volodarskogo Street, e-mail: anastasiyakoshkina1999@mail.ru).

Terentyev Artem V. (Tyumen, Russia) – Master-Student of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen (625003, Russia, Tyumen, 6 Volodarskogo Street, e-mail: a.v.terentyev13@gmail.com).

Bibliography

1. Informacionno-analiticheskij byulleten' (INAB). Mezhnacional'nye otnosheniya i rossijskaya identichnost' v slozhnyh usloviyah pandemii COVID-19. 2021. vol. 1. 58 p. DOI: 10.19181/INAB.2021.1.
2. Korovnikova N.A. Regional'naya identichnost' v cifrovom izmerenii. URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=18388> (data obrashcheniya: 16.03.2022).
3. Szmytkowska M. (2020) Consequences of the pandemic and new development opportunities for Polish cities in the (post-)COVID-19 era. *R-economy*, 6(3), 196–207. DOI: 10.15826/recon.2020.6.3.017

МЕДИАВОЛОНТЕРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. *Востребованность медиаволонтеров особенно активно проявилась в период перехода населения на самоизоляцию из-за распространения COVID-19. Медиаволонтерство – это значимый воспитательный ресурс и один из важнейших инструментов формирования у школьников активной гражданской позиции и ответственности.*

Ключевые слова: *волонтерство, добровольческая деятельность, медиаволонтерство, волонтерский проект, гражданское воспитание.*

Федеральный закон Российской Федерации «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» № 135-ФЗ¹ четко определяет понятие «доброволец» как «физическое лицо, осуществляющее благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности)». В настоящее время для обозначения добровольного труда применяется термин «волонтерство» (Volenteerism), подчеркивая, что это добровольное участие людей вне зависимости от возраста, расы, пола и вероисповеданий в мероприятиях, целью которых выступает решение социальных, культурных, экономических, экологических общественных проблем, не связанных с извлечением прибыли. В эту деятельность в мире вовлечены миллионы человек разных национальностей, вероисповеданий и возрастов. Готовность к участию в жизни других людей, солидарность и партнерство с теми, кто нуждается в социальной помощи, поддержанное силой личного решения, собственной инициативы и уверенности в целях добровольчества, делают волонтеров важными участниками решения различных проблем [2, с. 14].

Чаще всего волонтерство осуществляется в виде оказания помощи в поддержке социально-незащищенных граждан (инвалидов, престарелых); в процессе спортивных мероприятий (как внутреннего, так и международного масштаба); в сохранении и защите флоры и фауны; в проведении масштабных мероприятий (например, дня города); в общественной безопасности, миротворчестве и т.д.

Реалии современной цифровой эпохи наиболее полно отражает совсем молодой вид добровольчества – медиаволонтерство. А действительность современности такая, что любое хорошее дело требует информационной поддержки для развития и популяризации. Средства массовой информации, как правило, пишут о социальных проблемах, но мало говорят об их решении или о людях, которые их решают. Кроме того, не достаточно качественного контента о социальных проектах. В связи с этим, медиаволонтерство направленно:

- на формирование информационного поля вокруг общественно значимых событий;

- на оказание информационной поддержки социальных и добровольческих проектов, мероприятий корпоративного волонтерства и программ корпоративной социальной ответственности (КСО);

- на разработку и создание медиаконтента и распространения его в СМИ и социальных сетях, мессенджерах, аккаунтах, сервисах, YouTube и др.

¹ Федеральный закон Российской Федерации «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» № 135-ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru>

Для этого волонтеры, или как их называют – медиаволонтеры на бескорыстных началах выступают в качестве фотографов, журналистов, текстовиков, SMM-специалистов, блогеров, видеооператоров. Очень часто, человек, делая ссылку или репост на запись того или иного события, выступает медиаволонтером (иногда, не зная об этом) обратив внимание общественности на важную проблему.

Примечательной чертой медиаволонтерства является то, что им можно заниматься дистанционно. Тем самым, даже людям с ограниченными физическими возможностями или другими трудностями, которые не позволяют им стать волонтерами в «реальной жизни», предоставляется возможность принять участие в добровольной помощи.

За последние годы открываются школы и движения медиаволонтеров, проводятся форумы. Это связано с тем, что медиаволонтер должен владеть определенными навыками: не только правильно воспринимать и доносить информацию, но и уметь ее отфильтровывать, просеивая информационный мусор и концентрируя внимание на чем-то действительно важным.

Известно, что научно-педагогическое сообщество уделяет большое внимание медиаобразованию школьников, а именно: организации детских медиа, пресс-центров, освоению навыков работы в социальных сетях, участию в онлайн конкурсах и конференциях. Все понимают, как важно в настоящее время противостоять угрозам в интернете, кибербуллингу. Поэтому деятельность школьных медиа также может быть направлена на популяризацию социально-значимых инициатив и волонтерских проектов через создание позитивного медиаконтента. Так, к примеру, в школах деятельность такой команды может быть направлена на мультимедийное сопровождение всех крупных школьных мероприятий: праздников, фестивалей, конкурсов, спектаклей, вечеров и т.д.

Для этого работа со школьниками должна включать:

1. Создание команды медиаволонтеров;
2. Обучение школьников:
 - обработке информационного материала;
 - монтированию видеоклипов;
 - ведению блогов;
 - работе в социальных сетях, мессенджерах;
 - разработке сюжетов для написания статей, например, в школьные СМИ или на сайт школы;
 - созданию видеороликов, фильмов и т.д.

Возглавить работу по такому модулю может любой взрослый (педагог или инициативный родитель), включенный в эту тему.

В настоящее время многие социально ориентированные некоммерческие организации направлены на создание условий для удобного, быстрого и эффективного участия человека в волонтерской деятельности. Среди организаций, приглашающих школьников участвовать в различных волонтерских проектах и дающих им возможность создания позитивного контента, можно назвать «Ассоциацию волонтерских центров» (АВЦ), «Российское движение школьников» (РДШ), «Союз пионерских организаций – Федерацию детских организаций» (СПО-ФДО), детское экологическое движение «Зеленая планета» и др.

Так, на базе «Ассоциации волонтерских центров» создана единая информационная система (ЕИС) «Добровольцы России», которая служит информационной плат-

формой для волонтеров и волонтерских организаций, на ней размещаются самые актуальные новости из жизни российского добровольчества, предложения и запросы о помощи, информация о проектах и конкурсах. На платформе можно знакомиться с другим добровольцами, общаться, делиться опытом, оставлять отзывы и комментарии – система обладает всеми принципами социальной сети.

Общероссийская общественно-государственная детско-юношеская организация «Российское движение школьников» за период самоизоляции во время распространения COVID-19 создала 19 онлайн-проектов. Так, благодаря проекту «Задача со звездочкой», виртуальные помощники помогали обучающимся 5-11-х классов, выведенным на дистанционное обучение, разобраться в сложных темах. Помощь и поддержка от волонтеров осуществлялась через специальную беседу «ВКонтакте» (при этом для каждого региона России была создана отдельная группа), где нужно было просто задать вопрос. Молодые волонтеры из проекта «Лига вожатых» в этот непростой период выступили в роли сказочников, читая по вечерам малышам сказки по телефону. Запрос осуществлялся по звонку на контактный номер проекта. Также в условиях самоизоляции выпускники школ смогли принять участие в нескольких празднованиях «Последнего звонка», которые подготовили медиаволонтеры РДШ, запустив в «ТикТоке» флешмоб «К празднику готов!» [1].

Так, медиаволонтерство – это и способ гражданского воспитания ребенка, вовлечение его в новые виды гражданских практик и социальных активностей, через включенность школьников в социокультурные проекты местного сообщества.

Как отмечает Х.Т. Загладина, в этом случае медиаволонтерство предоставляет большие возможности и выступает:

- как фактор личностного развития подрастающего поколения, помогающий воспитанию патриотизма, любви и уважения к Отечеству, развивающий таких качеств личности как ответственность за собственные дела и поступки, любознательность, инициативность, настойчивость в достижении целей и др.;

- как инструмент развития цифровой культуры детей и подростков;

- как средство профилактики рисков в детско-подростковой среде, так как волонтерство в сфере медиа-пространства под руководством наставников и педагогов учит детей правилам разумного и полезного использования цифрового пространства;

- как путь в будущую профессию, средство профессиональной ориентации и профессионального самоопределения личности, медиаволонтерство позволяет попробовать себя в разных ролях и профессиях, сопровождающих информационно-медийную индустрию современного общества;

- как площадка для формирования ключевых компетенций XXI века, таких как критическое мышление и творческое мышление (креативность), умение общаться и работать в команде (коллективе), совместная деятельность и сотрудничество, умение действовать в ситуации неопределенности и т.д.

- как образовательно-воспитательная технология, способствующая вовлечению школьников в добровольческое движение, которое в настоящее время становится трендом современной общественной жизни [1].

Таким образом, медиаволонтерство, в том числе и школьное медиаволонтерство, вносит существенный вклад в оказание информационной поддержки социальных и добровольческих проектов, разработку и создание медиаконтента и распространения его в СМИ и Интернете.

Список литературы

1. Загладина Х.Т. Медиаволонтерство: путь из виртуальности в реальность // ПроДоД. 2021. №4 (34). С. 23-33.
2. Крутицкая Е.В. Компетентностный подход к организации волонтерской деятельности молодежи в высшей школе // Волонтер. 2013. № 1-2. С. 11-21.
3. Федулова И.В. Трансформация молодежного волонтерства в эпоху пандемии // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 9-3. С. 78-81.

Информация об авторе

Кулакова Анна Борисовна (Россия, Вологда) – младший научный сотрудник отдела исследований влияния интеграционных процессов в науке и образовании на территориальное развитие, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Комсомольская, д. 23а, e-mail: coolepik@yandex.ru).

Kulakova A.B.

MEDIA VOLUNTEERING AS A TOOL FOR CIVIC EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN

Abstract. *The demand for media volunteers was especially active during the transition of the population to self-isolation due to the spread of COVID-19. Media volunteering is a significant educational resource and one of the most important tools for shaping an active citizenship and responsibility among schoolchildren.*

Key words: *volunteering, volunteering, media volunteering, volunteer project, civic education.*

Information about author

Kulakova Anna B. (Russia, Vologda) – Junior researcher of the Department of research on the impact of integration processes in science and education on territorial development of the Vologda scientific center of the Russian Academy of Sciences (160014, Russia, Vologda, 23a Komsomolskaya str., e-mail: coolepik@yandex.ru).

Bibliography

1. Zagladina Kh.T. Media volunteering: the path from virtuality to reality // ProDoD. 2021. No. 4 (34). P. 23-33.
2. Krutitskaya E.V. Competence-based approach to the organization of volunteer activities of youth in higher education // Volunteer. 2013. N. 1-2. P. 11-21.
3. Fedulova I.V. Transformation of Youth Volunteering in the Era of the Pandemic // International Research Journal. 2021. No. 9-3. P. 78-81.

САМООРГАНИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. *В тезисах раскрывается изменение принципов гражданской самоорганизации студентов Уральского государственного медицинского университета: переход от индивидуального социального участия к групповому, появление студенческих организаций, созданных по инициативе самих студентов. Данные изменения рассматриваются как маркер позитивных изменений как в самой студенческой среде (повышение ее вовлеченности в социальные процессы и уровня мотивации в освоении профессиональных и иных компетенций, формирование социального капитала), так и в сфере здравоохранения, которая получит специалистов высокой квалификации.*

Ключевые слова: *студенческая молодежь, социальное участие, здравоохранение, COVID-19.*

Пандемия, вызванная распространением коронавируса SARS-CoV-2 (далее: пандемия COVID-19) стала фактором, который одновременно нанес большой ущерб человечеству, а с другой стороны – дал мощный толчок для развития социальных и экономических процессов. В частности, в здравоохранении активизировались процессы гражданской самоорганизации студентов.

В силу того, что значительная часть медицинских вузов подчиняется Министерству здравоохранения Российской Федерации, а не Министерству высшего образования и науки, гражданская самоорганизация среди студентов-медиков имеет свои особенности: замкнутость на сфере будущей профессиональной деятельности и практическая ориентация деятельности. К такой деятельности относится помощь персоналу больниц, которая позволяет расширить возможности практики, освоить практические навыки, нарастить объем теоретических знаний, получить психологическую подготовку, необходимую для дальнейшей работы по профессии, приобрести личные связи, которые могут помочь при трудоустройстве. Сами студенты, сотрудники вузов, персонал больниц воспринимают это как расширение возможностей получения образования. Но по внешним признакам и структуре мотивации мы видим, что это настоящее социальное участие.

Особенности гражданской самоорганизации студентов-медиков, о которых мы говорили выше, закладываются еще на этапе выбора профессии. Чаще всего в медицинский вуз идут по велению души или по семейной традиции (среди врачей много представителей профессиональных династий). Также значим фактор традиционно низкой оплаты труда начинающих специалистов, что уменьшает вероятность поступления в медицинские вузы абитуриентов, ориентированных на быстрый карьерный рост и высокую стартовую зарплату. Таким образом, речь идет о студентах, активно вовлеченных в образовательный процесс, заинтересованных в получении практических навыков. Пандемия COVID-19 сделала помощь студентов необходимостью. Инфекционные госпитали испытывают кадровый голод даже в условиях значительных выплат. Именно во время пандемии стали активно говорить о волонтерстве в системе здравоохранения, и значительная часть студентов включилась в эту работу. Об этом говорит, например, исследование Омельченко А.С. [3]

Помимо потребности самой системы здравоохранения в помощи активистов, на развитие гражданской самоорганизации студентов-медиков повлияли общие процессы актуализации волонтерской деятельности, основанные на Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года [2]. В качестве примера рассмотрим Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Екатеринбург (далее: УГМУ). В настоящий момент в УГМУ работает десять студенческих организаций без учета студенческих научных обществ, привязанных к кафедрам. Из них пять созданы и получили активное развитие во время пандемии COVID-19.

В 2019 году создано добровольное общественное объединение студенческий медицинский отряд «Пульс», он сходит в состав молодежной общественной организации «Свердловский областной студенческий отряд». Организация создана по инициативе министра здравоохранения Свердловской области и ректора УГМУ. Ее цели соответствуют приоритетным направлениям развития государственной молодежной политики Российской Федерации.

В сентябре 2019 года двумя студентками шестого курса организовано Тьюторское движение УГМУ. На данный момент движением руководят студенты 3 курса. Целевая аудитория – студенты 1-2 курсов. В движении участвуют активисты с каждого факультета. Студенты не только помогают младшекурсникам, но и обучаются в выбранном направлении. В 2020 году активисты Тьюторского движения посетили мероприятие «Школа организаторов Тьюторского Движения» по улучшению тьюторских навыков среди медицинских университетов России (РНИМУ им. Пирогова). В период с 23 по 29 августа 2021 года впервые в стенах УГМУ в дистанционном формате была организована «Школа Тьюторского Движения», целью которой являлись набор и обучение новых тьюторов. Программа Школы включала в себя лекции с теоретическим материалом и тренинги. На данный момент в движении работают более 70 студентов, преимущественно с лечебно-профилактического факультета. Нужно отметить, что с 2014 года в УГМУ работает студенческий педагогический отряд «Панацея», но появление нового движения говорит о том, что отряд закрывает не все потребности студентов первых курсов.

Одновременно с Тьюторским движением появился студенческий пресс-центр, освещающий деятельность студенческих организаций, внутренние события вуза и новости, важные для сообщества УГМУ. В задачи пресс-центра входит также проведение медиа-школы (мероприятия, которое направлено на обновление и расширение штата пресс-центра, обучение студентов работе с информационными источниками, созданию контента.) Фактически это медиаволонтеры УГМУ.

В 2020 году по инициативе студентов создан студенческий медицинский отряд «Эндорфин». От отряда «Пульс» его отличает основная цель деятельности – взаимодействие с Молодежным правительством Свердловской области, организация взаимодействия с иностранными студентами и обмен опытом со студентами зарубежных вузов.

С сентября 2021 года работает Совет студенческих организаций УГМУ. Организатор – инициативная группа студентов при поддержке администрации вуза. Целевая аудитория - студенты, ординаторы, аспиранты, абитуриенты вуза. Основные мероприятия:

«Пекус-квест» (мероприятие, направленное на знакомство первокурсников с учебными корпусами вуза в формате квеста);

«Тайный Санта УГМУ» (сбор и обмен подарками, между участниками. На внутривузовском уровне, участниками могут быть и преподавательский состав, и члены администрации вуза);

День белого халата (мероприятие, направленное на раскрытие творческих способностей обучающихся, в соревновательном формате между факультетами).

Проект развивает гражданско-патриотическое воспитание обучающихся. Даёт опыт написания первых научных статей в Студенческих Научных Обществах, воспитывает будущих лидеров, привлекает абитуриентов в вуз, разрабатывает предложения по разработке и совершенствованию образовательных программ.

Помимо работающих объединений студентов к гражданской самоорганизации привлекает студентов «Центр компетенций УГМУ» - структурное подразделение, отвечающее за развитие SoftSkills. С марта 2022 года центр проводит сбор предметов первой необходимости для оказания гуманитарной помощи в рамках акции #МыВместе.

На наш взгляд, важно не количество студенческих организаций в вузе, а факт создания и устойчивого существования коллективов, созданных по инициативе самих студентов. Это маркер укоренения самих принципов гражданской самоорганизации, распространения добровольческих практик, готовности развивать собственный социальный капитал и социальный капитал отдельных целевых групп (студенты начальных курсов, сообщество вуза, отдельные социальные группы, нуждающиеся в поддержке и т.д.). Меняется сам подход к социальному участию: происходит переход от индивидуального действия к коллективному. Помимо этого, происходит формирование новых управленческих команд, появляются люди, которые ориентированы на управленческую деятельность в рамках своего профессионального поля. Иванов Р.В. отмечает это как один из перспективных эффектов волонтерской деятельности [1]. Гражданская самоорганизация предполагает серьезное долгосрочное участие студентов в заявленных проектах и подготовку смены кадров перед выпуском. Высокий уровень включенности в деятельность организаций связан с мотивацией на образовательную и профессиональную успешность, формирование репутации в профессиональном сообществе, формирование компетенций и навыков, лежащих за границами образовательных программ. На наш взгляд, такая динамика развития гражданской самоорганизации студентов-медиков должна привести к изменению системы здравоохранения за счет выхода в профессиональную деятельность высокомотивированных специалистов с широким профилем общегуманитарной подготовки.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00471.

Список литературы

1. Иванов Р.В. Активизация участия молодежи в волонтерской деятельности // Социология. 2022. № 1. С. 101-122.
2. Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р. // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/985421faba1da8d5a7dd327f05ae6cd5f9aa2c4c/ (дата обращения 24.03.2022).
3. Омельченко А.С. Социальное медицинское добровольчество как средство формирования культуры личности студента-медика в современных условиях // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6 (74). С. 168-174.

Информация об авторе

Кульминская Алина Владимировна (Россия, Екатеринбург) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.v.kulminskaja@urfu.ru).

Kulminskaya A.V.

SELF-ORGANIZATION OF THE URAL STATE MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS DURING THE COVID-19 PANDEMIC¹

Abstract. *The article reveals the change in the principles of civil self-organization of the Ural State Medical University students: the transition from individual social participation to group, the emergence of student organizations created on the initiative of the students themselves. These changes are considered as a marker of positive changes both in the student environment itself (increasing its involvement in social processes and the level of motivation in the development of professional and other competencies, the formation of social capital), and in the healthcare sector, which will receive highly qualified specialists.*

Key words: *student youth, social participation, healthcare, covid-19.*

Information about author

Kulminskaya Alina V. (Russian Federation, Yekaterinburg) – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University. the first President of Russia B.N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg, st. Mira, 19. a.v.kulminskaja@urfu.ru).

Bibliography

1. Ivanov R.V. Activation of youth participation in volunteer activities. – Text: direct // Sociology. 2022. No. 1. P. 101-122.
2. The concept of the development of volunteering (volunteering) in the Russian Federation until 2025. Approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated December 27, 2018 No. 2950-r // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/985421faba1da8d5a7dd327f05ae6cd5f9aa2c4c/ (date of access: 03/24/2022).
3. Omelchenko A.S. Social medical volunteerism as a means of forming the culture of the personality of a medical student in modern conditions // Society: philosophy, history, culture. 2020. No. 6 (74). P. 168-174.

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-00471

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ПАНДЕМИЯ COVID-19

Аннотация. В данной статье рассматривается значение социального капитала в условиях пандемии. Проводится анализ эмпирических показателей, иллюстрирующих эффекты пандемии коронавируса среди респондентов с разным типом социального капитала, который в свою очередь, определяется посредством вычисления авторского индекса измерения данного феномена.

Ключевые слова: социальный капитал, пандемия, коронавирусная инфекция, эпидемия, уровень социального капитала.

Начиная с декабря 2019 года распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 (от англ. COronaVIrusDisease 2019) быстро превратилась в глобальную пандемию. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и многие правительства объявили сложившуюся ситуацию чрезвычайной проблемой всемирного масштаба и настояли на введении карантинных мер с целью замедлить распространение вируса. Любая крупная эпидемическая вспышка вызывает негативные последствия как для отдельных людей, так и для общества в целом, охватывая практически все стороны жизнедеятельности.

В одном из своих научных трудов П. Сорокин обращается к теме эпидемии. Автор отмечает, что в качестве ее основных причин выступают следующие условия: обязательные (распространение инфекции) и дополнительные (сочетание космических, биологических и социокультурных условий) [2, с. 224]. Если их сопоставить, то иерархию предопределяет невнимательное поведение людей: несоблюдение санитарной безопасности, личной и общественной гигиены, интенсивные связи с очагами заражения, недостаточное внимание к развитию науки, медицины и пр. Подхватить инфекцию, делал заключение ученый, люди могут разными путями: непосредственным контактом с больным, контактами с иными ее носителями и многими другими способами. Характерным признаком распространения COVID-19 стала легкость передачи и высокий уровень его восприимчивости населением.

Следует отметить, что изменения, которые несет эпидемия довольно многочисленны и разнообразны. При этом, чем больше масштаб бедствия – тем глубже эти изменения, такой вывод сформулирован П. Сорокиным в своих исследованиях. Автор также предпринимает попытку выделить фундаментальные воздействия эпидемии, условно обобщая все внесенные ею изменения. «Все мыслительные процессы, как правило, начинают все больше и больше концентрироваться на бедствии и тех явлениях, которые оно непосредственно или косвенно вызывает, что сопровождается ростом нечувствительности (начиная с ощущения и восприятия) к посторонним элементам» [2, с.28].

Обязательной мерой борьбы с эпидемией П. Сорокин считал прививку. Ее он рассматривал как дополнительное условие противоположного свойства, нейтрализующее результаты обязательной причины инфекции. Вакцинированию большое значение придается и в настоящее время. Изначально были определены три уровня сфер деятельности, сотрудники которых должны быть привиты от ковида: работники медицинских, образовательных организаций, социального обслуживания и МФЦ, а также люди с хроническими заболеваниями. На данный момент поставлена задача вакцинировать большую часть населения (80%), за исключением людей, имеющих медицинские противопоказания к вакцине, с целью выработки коллективного иммунитета.

Коллектив исследователей (J.F. Helliwell, H. Huang, S. Wang) в своей статье «Социальный капитал и благополучие в условиях кризиса» указывают, что в обществе, где социальный капитал выше, люди больше заботятся о других. Во время эпидемии забота выражается в первую очередь в социальном дистанцировании и гигиенических практиках. Людям с меньшим количеством социальных связей труднее самостоятельно пройти кризисные явления и получить доступ к ресурсам – от финансов до психологической поддержки. Социальный капитал похож на нити, связывающие людей вместе, и работает как двигатель, помогающий обществу пережить кризис и восстановиться. [3].

В целях изучения социального капитала в условиях пандемии в Вологодской области, обратимся к анализу данных исследования, которое было проведено в рамках гранта РФФИ №.20-011-00326 «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» в 2020 году. Опрос проводился в Вологде и Череповце, также среди 8 районов области. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с половозрастной структурой взрослого населения городов – участников опроса. Объем выборки – 1918 человек.

На первом этапе нашего исследования вычислялся индекс социального капитала с использованием формулы, которая составлена коллективом авторов и опубликована в монографии «Региональный социальный капитал в условиях кризиса» [1].

$$\text{ИСК} = (\text{И}_{\text{доверие}} + \text{И}_{\text{сети}} + \text{И}_{\text{ценности}}) / 3$$

Исходя из расчетных индексов, все респонденты были разбиты на пять групп в зависимости от уровня накопленного социального капитала. Люди с самым низким уровнем социального капитала, которые при ответе на вопросы в основном выбрали позицию типа «не доверяю»/ «не участвовал»/ «никак не могу повлиять» и т.п., вошли в первую группу, которую мы обозначили как минимальный социальный капитал ($1 < \text{ИСК} < 2$). Условное обозначение – Тип 1. Во вторую группу вошли люди с более высоким индексом, которых мы обозначили как люди с социальным капиталом низкого уровня ($2 < \text{ИСК} < 2,5$). Условное обозначение – Тип 2. В третью группу вошли респонденты, у которых $2,5 < \text{ИСК} < 3$, соответствующий социальному капиталу среднего уровня. Условное обозначение – Тип 3. Индекс $3 < \text{ИСК} < 3,8$ соответствует относительно высокому уровню социального капитала. Условное обозначение – Тип 4. Респонденты, у которых $\text{ИСК} > 3,8$, были отнесены к группе социального капитала высокого уровня. Условное обозначение – Тип 5.

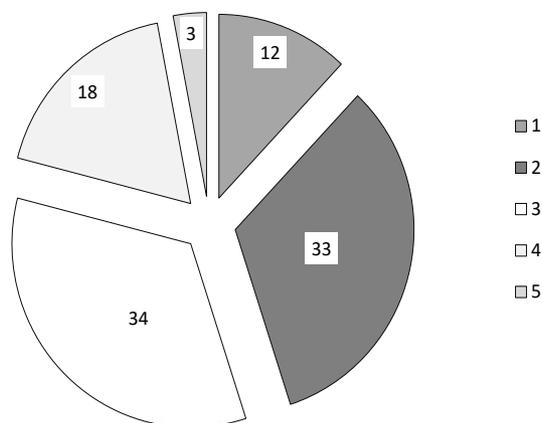

Рис. 1. Распределения населения Вологодской области по типам социального капитала (в % от числа опрошенных)

Более подробно обратимся к анализу данных, иллюстрирующих эффекты пандемии коронавируса в мнениях респондентов с разным уровнем социального капитала.

На рисунке 2 отражены данные, которые иллюстрируют как респонденты с разным уровнем социального капитала оценивают влияние пандемии на уровень сплоченности людей в их непосредственном окружении. Среди опрошенных отрицают влияние коронавируса на уровень сплоченности в большей степени люди 1 и 2 типа социального капитала, в среднем 51% выразили такое мнение. Респонденты, обладающие высоким уровнем социального капитала (4 и 5 тип) заявляют, что их окружение стало более сплоченным. Негативную тенденцию демонстрируют более трети носителей 1 типа социального капитала, они склонны считать, что уровень сплоченности снизился.

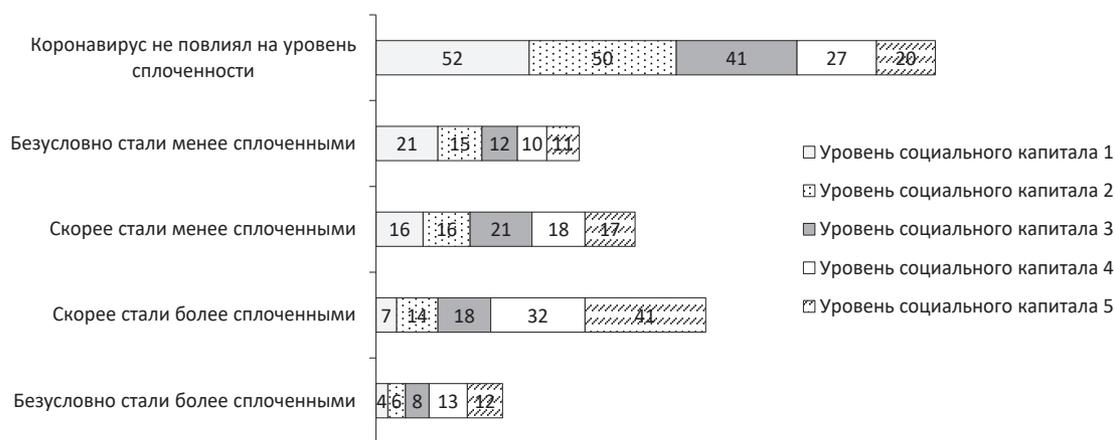

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Скажите, в вашем непосредственном окружении за период пандемии коронавируса люди стали более сплоченными или менее сплоченными?» (в зависимости от уровня социального капитала, в %)

Далее респондентам предлагалось оценить как пандемия повлияла на готовность людей к объединению для совместных действий. В данном вопросе обнаруживается некоторое сходство основных тенденций с предыдущим вопросом. Чем выше уровень социального капитала, тем более высоко оценивается готовность к объединению. Например, среди опрошенных 4 и 5 типа социального капитала преобладает мнение, что люди стали больше объединяться для совместных действий во время пандемии. Некоторые изменения мы наблюдаем в настрое респондентов с самым низким уровнем социального капитала. В этом вопросе более половины (56%) данной категории опрошенных отмечают, что коронавирус не оказал влияния на готовность к объединению.

Пандемия является сложным периодом в жизни любого общества, в это время как никогда актуализируются вопросы взаимовыручки, поддержки и помощи другу. Среди вологжан с 1 и 2 типом социального капитала преобладает мнение, что распространение коронавирусной инфекции не повлияло на готовность людей помогать друг другу. Респонденты с высоким уровнем социального капитала (тип 4 и 5), напротив заявляют, что пандемия повысила готовность людей помогать друг другу (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «По вашему мнению, во время пандемии люди стали помогать друг другу с большей готовностью или с меньшей готовностью, чем до нее?» (в зависимости от уровня социального капитала, в %)

Решение общественных проблем всегда вопрос сложный и многозадачный. Часть населения считает, что решением подобных вопросов должны заниматься соответствующие организации и органы власти. Однако есть граждане, которые занимают активную жизненную позицию, и принимают непосредственное участие в решение такого рода проблем. Данные опроса, представленные на рисунке 4, раскрывают нам позиции респондентов с разным типом социального капитала относительно того, как пандемия повлияла частоту объединения людей для решения общественных проблем.

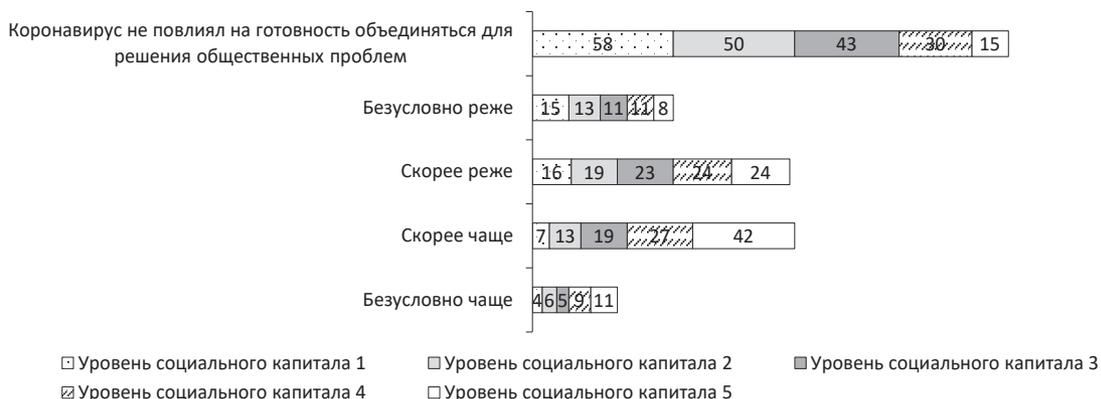

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, во время пандемии люди стали объединяться для решения общественных проблем чаще или реже, чем до нее?» (в зависимости от уровня социального капитала, в %)

Жизнь в условиях пандемии претерпевает значительные изменения. Вводятся особые ограничительные меры: самоизоляция, запрет или ограничение на работу организаций, которые предполагают скопление людей (кинотеатры, концертные залы, заведения общепита, рестораны и т.п.), соблюдение дистанции в общественных местах, использование средств индивидуальной защиты, удаленный режим работы.

Среди самых соблюдаемых мер по борьбе с коронавирусом можно выделить масочный режим, его соблюдает две трети респондентов независимо от уровня социального капитала. Безусловно данный факт обусловлен тем, что не соблюдение масочного режима может привести к привлечению административной ответственности. Однако, обнаруживается некий парадокс, который заключается в том, что в среднем только 15% опрошенных считают данную меру оправданной, то есть верят в ее действенность. Соблюдение режима самоизоляции и удаленной работы по мнению вологжан являются наиболее оправданными методами в борьбе с пандемией. Такой выбор может быть обусловлен, тем, что это самые комфортные для соблюдения меры, хотя и носят ограничительных характер. Мнение о том, что та или иная ограничительная мера является излишней, чаще высказывали представители 1 типа социального капитала. Данные в таблице 1 показывают, что респонденты с высоким уровнем социального капитала более ответственно подходят к соблюдению перечисленных мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции.

Анализ данных опроса показал, что носители высоких уровней социального капитала чаще демонстрируют позитивный тренд в своих мнениях. Несмотря на сложный пандемийный период они отмечают увеличение уровня сплоченности, взаимовыручки, включенности в общественную деятельность. Более ответственная позиция у данной категории населения выражается и в соблюдении новых правил жизнедеятельности в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки.

Выявленные тенденции позволяют полагать, что сообщества с высоким уровнем социального капитала лучше организованы, люди в них действуют более слаженно и лучше справляются со сложными вызовами. Это делает социальный капитал важным сравнительным преимуществом, в кризисные периоды, в частности во время эпидемий.

Благодарность

Тезисы подготовлены при поддержке РФФИ, грант «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» Проект № 20-011-0032.

Список литературы

1. Гужавина Т.А. Региональный социальный капитал в условиях кризиса. Череповец, гос. ун-т. Череповец: ЧГУ. 2018. 220 с.
2. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В.В. Сапова. СПб.: Мир, 2012. 336 с.
3. Helliwell J.F. Social Capital and Well-Being in Times of Crisis. *Journal of Happiness Studies* 2014. № 15. P. 145-162. URL: <http://corkfits.net/temporary-domain.com/Articles/files%5CHellinger2014.pdf>

Информация об авторе

Ластовкина Дарья Александровна (Россия, Вологда) – старший лаборант с высшим образованием, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Россия, Вологда, ул. Горького 56а; e-mail: dashyta.88@mail.ru).

SOCIAL CAPITAL AND THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. *This article discusses the importance of social capital in a pandemic. An analysis is made of empirical indicators illustrating the effects of the coronavirus pandemic among respondents with different types of social capital, which, in turn, is determined by calculating the author's index for measuring this phenomenon.*

Key words: *social capital, pandemic, coronavirus infection, epidemic, level of social capital.*

Information about the authors

Lastovkina Daria A. (Russia, Vologda) – Senior laboratory assistant with higher education, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (160014, Vologda, Russia, Gorky street 56a, E-mail: dashyta.88@mail.ru).

Bibliography

1. Guzhavina T.A. Regional'nyy sotsial'nyy kapital v usloviyakh krizisa. Cherepovets. gos. un-t. Cherepovets : ChGU. 2018. 220 p.
2. Sorokin P.A. Chelovek i obshchestvo v usloviyakh bedstviy: Vliyanie voyny, revolyutsii, goloda, epidemii na intellekt i povedenie cheloveka, sotsial'nuyu organizatsiyu i kul'turnuyu zhizn' Per. s angl., vstup. st. i primech. V.V. Sapova. SPb.: Mir. 2012. 336 p
3. Helliwell John F Social Capital and Well-Being in Times of Crisis. Journal of Happiness Studies, 2014. № 15. P. 145-162. URL: <http://corkfits.net/temporary-domain.com/Articles/files%5CHellinger2014.pdf>.

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ДОСТУПНОСТИ И ИНКЛЮЗИВНОСТИ КУЛЬТУРНЫХ СЕРВИСОВ И ПРОДУКТОВ

Аннотация. *Целью исследования является оценка доступности и инклюзивности культурных сервисов и продуктов. Рассматриваются отдельные группы населения (люди с ограниченными возможностями здоровья и мигранты). Результаты показали, что уровень комфортности услуг в сфере культуры соответствует требованиям получателей услуг.*

Ключевые слова: *доступность культурных сервисов, инклюзивность, социологический опрос, люди с ограниченными возможностями здоровья, мигранты.*

Введение. В современных условиях для обеспечения развития человеческого потенциала, важное значение отводится формированию и функционированию социально-культурного сервиса. Направление социальных и культурных услуг является формой с помощью, которой происходит процесс реализации потребностей членов общества. Значимость развития социальных и культурных мероприятий определяется в государственной программе Российской Федерации «Социальная поддержка граждан», которая рассматривает социально-культурные услуги как необходимое средство для обеспечения потребности граждан. Исследователи отмечают, что в большинстве стран мирового сообщества имеют низкий уровень развития социальных и культурных услуг, что является причиной снижения качества жизни и уровня благосостояния [1].

Цель исследования определяется как анализ степени доступности и инклюзивности культурных сервисов и продуктов для отдельных групп населения (людей с ограниченными возможностями здоровья и мигрантов). Работа проводилась в рамках проекта «Создание новых устойчивых инклюзивных культурных сервисов для особых целевых групп» финансируемого в рамках Программы приграничного сотрудничества «Карелия» (“CULTURE OPEN” КА 3018). Целевыми группами проекта являлись социальные группы населения – люди с ограниченными возможностями, мигранты.

Методика и методология. На современном этапе сервисное направление становится одной из наиболее активно развивающихся отраслей экономики. Сервис, как производственная деятельность хозяйственного субъекта, формируется для удовлетворения потребительских запросов различных слоев населения, общества, отдельного индивидуума. В рамках социального взаимодействия, в результате процессов производства, потребления и распределения благ и услуг, формируются потребности экономических и хозяйственных субъектов [5].

В ходе изучения процессов развития сервисного направления отмечается наличие влияния фактора географического расположения. В ряде регионов Российской Федерации складываются благоприятные условия для функционирования данного направления, к таким территориям можно отнести регионы с благоприятной финансово-экономической обстановкой – г. Москва, г. Санкт-Петербург и т.д. [8].

В результате проведения оценки активности развития сервисных и социально-культурных услуг учеными отмечается региональная зависимость. Одни регионы имеют высокий уровень активности предпринимательского сектора, в частности

социальных и культурных услуг, другие, наоборот, имеют незначительную активность в данном направлении. Основной причиной признается заинтересованность региональных властей и направленная работа на стимулирование развития социально-культурного сервиса [9].

В рамках проведения работ были использованы механизмы экспертной оценки, в частности, экспертиза доступной среды объектов культуры, сбор данных по доступности культурных сервисов (проведение анкетирования) у представителей целевой группы (людей с ограниченными возможностями здоровья).

В рамках работы проведен социологический опрос, позволяющий оценить доступность социально-культурной сферы для разных слоев населения

Анкетный опрос проводился методом раздаточного анкетирования опрошенных – 41% и онлайн анкетирования – 59%.

Интернет опрос позволил охватить территориально разнообразные объекты, большой объем различных респондентов. Анкетирование проводилось с целью сбора, обобщения и анализа информации о качестве, доступности и привлекательности социально-культурных сервисов для отдельных групп населения. Акцент делался на отдельную социальную группу людей - людей с ограниченными возможностями здоровья и мигрантов. Выбор данной целевой группы определялся высоким уровнем ограничений и барьеров при получении культурных сервисов и продуктов.

Анкетные вопросы предполагают получение информации о различных сферах жизнедеятельности респондентов: от общих вопросов о респонденте до удовлетворения качеством и возможностями получения культурных сервисов и продуктов.

Проведение социологического опроса позволило исследовать уровень доступности и инклюзивности культурных сервисов и продуктов. Исследовательские результаты дали возможность проанализировать ситуацию с доступностью социально-культурного сервиса для отдельных групп населения, выявить основные проблемы и определить пути возможного их разрешения.

Результаты. Анкетирование проводилось по стандартизированному бланку в ходе личных встреч и онлайн анкетирования. Всего в опросе приняли участие 120 респондентов - получателей услуг, из них по гендерному признаку – женщины (4 %) и мужчины (19,6 %).

В качестве объекта исследования рассматривались особые социальные группы населения (люди с ограниченными возможностями, мигранты), в широком возрастном диапазоне: от детей до 18 лет до людей старше 80 лет, 58,2 % респондентов имеют статус инвалида, 41,8 % являются мигрантами.

Таблица 1. Распределение респондентов, возрастная структура

Возрастная группа	%
дети до 18 лет	19,8 %
молодежь от 18 до 30 лет	20,8 %
люди в возрасте от 30 до 45 лет	24,5%
люди в возрасте от 45 до 60 лет	15,1%
пожилые люди от 60 до 80 лет	17,9%
старше 80 лет	1,9%
*Источник: составлено авторами.	

Следующий блок вопросов анкеты определяет уровень социальной активности личности. В рамках данного направления рассматривается степень проявления воз-

можностей и способностей человека как члена социума, устойчивое активное отношение личности к отдельным общностям или обществу в целом. В ходе анализа ответов отмечен выраженный уровень активности, который характерен для 73,9% респондентов (ответ на вопрос «да» – 34,6%, и «скорее да» – 39,3%), ответ «скорее нет» характерен для 21,5% отвечавших на анкету и скорее отражает фрустрированность личности в определении позиции, которая не позволяет определить «социальную зону» активности. К неактивным людям отнесли себя лишь 4,6%.

Рис. 1. Ощущение активности

Анализ спроса на культурные сервисы оценивался по показателю активности посещаемости культурных мероприятий. Вопрос о частоте посещения мероприятий, практически половина респондентов ответили, что посещало их один - два раза в год (44,9%), 36,8% - один - два раза в месяц (данный выбор характерен для группы респондентов возрастной группы от 30 до 45 лет, что отражает в целом активную позицию данной возрастной группы населения). При этом отмечается незначительная категория респондентов с очень высокой активностью – 9,1% и не посещающих культурные мероприятия – 9,2% (данная группа представлена в основном мигрантами (94%)).

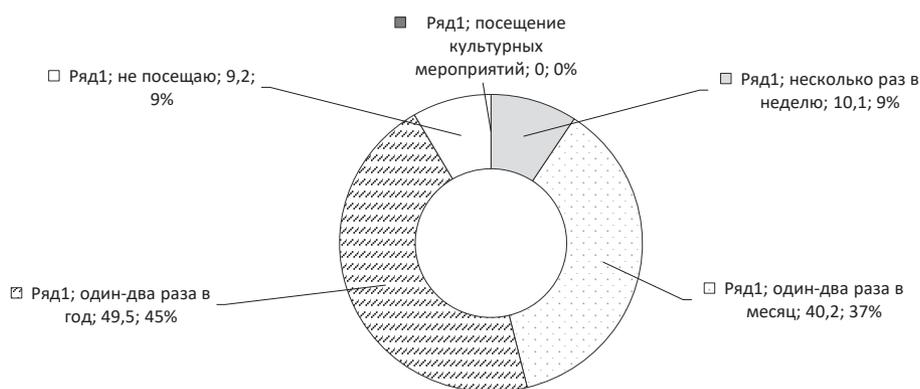

Рис. 2. Частота посещения культурных мероприятий

Анализ результатов опроса показал, что лишь половина респондентов с особыми социальными потребностями являются активными пользователями культурных

сервисов и проводят досуг, посещая учреждения культуры и культурные мероприятия. Исследование позволило выявить потенциальный спрос на культурный продукт — посещать учреждения культуры и мероприятия хотели бы 50,3% горожан.

Количество ежедневных/регулярных Интернет-пользователей составило более половины опрошенных (68,5%). Число тех, кто остается практически неиспользования Интернет-ресурсов, составляет 6,5%. Как показал результат опроса дети и молодежь масштабно охвачена «всемирной паутиной», и даже представители предпенсионного возраста пользуются Интернетом достаточно активно.

Рис. 3. Активность использования интернет-ресурсов

Социальная изоляция, обуславливающая трудности в общении людей с ограниченными возможностями и мигрантов, наносит непоправимый ущерб личностному развитию. Именно поэтому данная сфера межличностных отношений является приоритетной для нашей целевой группы. Анализ полученных данных подтвердил, что основной потребностью является общение с окружающими, близкими и друзьями – 83,2%. Тревожным является тот факт, что у 16,8% опрошенных данная потребность не удовлетворяется полностью.

Половина респондентов (59,2%) отметили высокую зависимость от степени доступности окружающей среды. Категория «мигранты» отмечала языковые ограничения и незначительные культурные, связанные с культурными традициями барьеры.

Таблица 2. Доступность культурных объектов и услуг

Изменилась ли доступность культурных объектов и услуг с учетом Ваших потребностей за последнее время	%
изменилась в лучшую сторону	44,9
изменений не произошло	26,1
затрудняюсь ответить	29

Ответ на данный вопрос вызвал затруднения у части опрошенных, относящихся к категории «мигранты» (29%), которые отметили, что у них, либо нет возможности отследить эту динамику («нет с чем сравнивать»), либо доступность культурных сервисов не связана для них с физической доступностью, как отмечалось уже ранее. Большинство респондентов 44,9% отмечают положительную динамику в изменении средовой доступности, и 26,1% опрошенных положительной динамики не отследили.

Выводы. Таким образом, результаты исследования показали, что уровень комфортности условий предоставления услуг в сфере культуры и их доступность соответствуют требованиям получателей. Выявлено, что отдельным направлениям необходима структурная модернизация, которая может быть проведена через систему мероприятий. Определено, что условия пребывания в организациях культуры требуют повышения уровня комфортности, а также в более тщательной проработке нуждается организация безбарьерной среды. В результате проведенного исследования определены недостатки пользования электронными сервисами.

Выявленные проблемы доступности и комфортности культурных сервисов и их устранение позволит увеличить активность включения различных социальных групп населения. Развитие и использование информационно-коммуникативных технологий даст возможность увеличить объем услуг и повысить уровень доступности культурных сервисов.

Благодарность

Работа выполнена в рамках государственного задания Института экономики КарНЦ РАН «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Список литературы

1. Асанова Э.С., Крынина О.Ю. Социально-культурный сервис современной России: генезис и тенденции развития // Вестник адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnyy-servis-sovremennoy-rossii-genezis-i-tendentsii-razvitiya> (дата обращения 29.09.2020).
2. Козлович М.С. Предпринимательская деятельность в сфере социально-культурного сервиса // Научный журнал. 2018. № 5 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskaya-deyatelnost-v-sfere-sotsialno-kulturnogo-servisa> (дата обращения 09.10.2020).
3. Предпринимательская активность в регионах России: насколько пространственные и временные эффекты детерминируют развитие малого бизнеса // Журнал новой экономической ассоциации. № 1(37). С. 145-165.
4. Хангельдиева И.Г. Парадоксы коммерциализации культуры. 2009. 224 с.

Информация об авторах

Морошкина Марина Валерьевна (Петрозаводск, Россия) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН (185030, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50; e-mail: maribel74@mail.ru).

Утицына Марина Николаевна (Петрозаводск, Россия) – преподаватель, директор, Центр дистанционного образования, Петрозаводский государственный университет, (185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33; e-mail: utitsyna@krimel.karelia.ru).

ASSESSMENT OF ACCESSIBILITY AND INCLUSIVENESS OF CULTURAL SERVICES AND PRODUCTS

Abstract. *The aim of the research is to assess the accessibility and inclusiveness of cultural services and products. Separate groups of population (people with disabilities and migrants) are considered. The results showed that the level of comfort of cultural services meets the requirements of service recipients.*

Key words: *Availability of cultural services, inclusiveness, sociological survey, people with disabilities, migrants.*

Information about authors

Moroshkina Marina V. (Petrozavodsk, Russia) – Ph.D. in Economics, Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Center RAS - Federal State Budgetary Scientific Institution, Subdivision of Karelian Research Center of Russian Academy of Sciences (185030, Petrozavodsk, 50, Ave. Nevsky, maribel74@mail.ru).

Utitsyna Marina N. (Petrozavodsk, Russia) – Lecturer, Director of Distance Education Center of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Petrozavodsk State University” (185910, Petrozavodsk, Lenin av. 33 utitsyna@krimel.karelia.ru).

Bibliography

1. Asanova E.S., Krynina O.Yu. Socio-cultural service of modern Russia: genesis and trends of development // Vestnik adygei state university. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnyy-servis-sovremennoy-rossii-genezis-i-tendentsii-razvitiya> (date of accession 29.09.2020)
2. Kozlovitch M.S. Entrepreneurial activity in the sphere of socio-cultural service // Scientific Journal. 2018. № 5 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskaya-deyatelnost-v-sfere-sotsialno-kulturnogo-servisa> (date of reference: 09.10.2020).
3. Entrepreneurial activity in the regions of Russia: how much spatial and temporal effects determine the development of small business // Journal of the New Economic Association. №1(37). P. 145-165.
4. Khangeldieva I.G. The paradoxes of commercialization of culture. 224 p.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ДИАСПОРЫ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ НА РОДИНЕ

Аннотация. В статье анализируется участие диаспоры на Родине в кризисных ситуациях, в частности ее роль в социальных и экономических процессах. В данной работе качестве кризисная ситуация рассматривается эпидемия коронавируса, которая создала особые условия для сотрудничества Родина – диаспора.

Ключевые слова: диаспора, вовлечение, участие, COVID-19, социально-экономические процессы.

В настоящее время постепенный отказ от термина «использовать» в пользу термина «включать» в новейших диаспоральных теориях и государственной политике имеет менее директивное и менее потребительское значение.

Более общая политика широкого включения диаспоры позволяет игнорировать пространство, формальные границы и ограничения и включиться в социально-экономическую систему национального государства и/или родины, создавая транснациональное пространство. Последний удачно вписывается в трансграничную модель международного пространства. Подход широкого включения предполагает формирование более свободного поля выбора, где работа на национальное государство никоим образом не противоречит работе на страну проживания или третью страну, где можно установить реальные связи, независимо от физического присутствия.

В этом контексте важно учитывать два фактора: социально-экономическая деятельность по своему характеру становится все более взаимозависимой, и транснациональные социальные сети, международные корпорации, диаспоры обладают огромным потенциалом и проявляют большую субъектность, чем раньше. Это явление особенно проявляется в кризисных ситуациях. Поэтому необходимо по-новому взглянуть на вопрос участия диаспоры на родине.

Диаспоры, разбросанные по всему миру и уже укоренившиеся на местах, имеют значительное влияние на родине. Инвестиции из диаспоры в своих незначительных масштабах могут иметь системное влияние на родине.

Сегодня диаспора стала тем посредником, через которого стала возможной передача новых социальных, экономических систем и культур из страны проживания на родину, минуя путь их постепенного развития.

Яркий тому пример – участие армянской диаспоры во время кризиса COVID-19, который мы попытаемся проанализировать ниже.

С самого начала распространения COVID-19 мы стали свидетелями противэпидемических стратегий разных стран мира в действии. Мы с ужасом следили за неудачными попытками и наблюдали за успешными шагами в разных странах, одновременно пытаясь применить их в наших. Однако добиться этого в условиях всеобщего карантина, в сжатые сроки, с учетом особенностей социальных, здравоохранительных, экономических, управленческих систем и инфраструктур разных стран – сложно.

На этом фоне армянская диаспора продемонстрировала беспрецедентную мобилизацию, в том числе с привлечением представителей так называемой «новой диа-

споры»¹ и временных армянских мигрантов вокруг повестки армянского кризиса. Они ставили разные задачи, от самых простых проблем до системных.

Достаточно ли в Армении медицинского и технического персонала для разработки и реализации стратегии борьбы с эпидемией? Насколько устойчива инфраструктура здравоохранения Армении, способна ли система выдержать масштабную вспышку? Каковы возможности Армении «увеличить свой потенциал»? Каковы ресурсы Армении, и достаточно ли в стране лекарств и медицинского оборудования для обслуживания большого количества пациентов? Какую роль может сыграть диаспора не только в обеспечении материальными ресурсами, но и в предоставлении опыта и высококвалифицированных специалистов? Как страна может привлечь экспертов диаспоры по эпидемиологическому менеджменту для разработки долгосрочной стратегии реагирования? Примечательно, что в основных вопросах диаспора имела общие видения с общественностью Армении, но были и вопросы, которые указывались только из диаспоры. Учитывая, что новый тип коронавируса является одновременно кризисом и чрезвычайной ситуацией, он вызывает беспокойство у армян во всем мире. В этой статье рассмотрим некоторые из них.

Роль диаспоры в управлении процессом и последствиями эпидемии коронавируса

Трудно переоценить роль армянской диаспоры в борьбе с коронавирусом в Армении. Под руководством управления верховного комиссара по делам диаспоры (Управление уполномоченного по делам диаспоры) правительство Армении координирует сотрудничество со своими партнерами из диаспоры. Отношения Родина – диаспора сейчас координируются по трем направлениям.

Первый. Офис уполномоченного по делам диаспоры является основным связующим звеном между потребностями в Армении и «реагированием на эти потребности с помощью партнеров из диаспоры».

Второй путь – межведомственное согласование. Армяне диаспоры обращаются в различные министерства и пытаются найти механизмы помощи Родине. Аппарат уполномоченного по делам диаспоры объединяет все эти ходатайства и затем официально направляет их в профильные министерства. Кроме того, Офис уполномоченного стремится координировать поддержку диаспоры через партнерские организации. Например, отдельные врачи или доноры медицинского оборудования не связываются с правительством Армении, а направляют благотворителей в соответствующие диаспорские организации, которые уже являются партнерами, имеющими опыт работы с родиной.

Третий путь – согласование действий при непосредственном участии Офиса уполномоченного по делам диаспоры.

Таким образом, в управлении распространением эпидемии в Армении участвуют не только армянские эпидемиологи и заместители министров здравоохранения, но и Верховный комиссар по делам диаспоры, эпидемиологи из Великобритании и США.

Участие медицинских специалистов из диаспоры в противоэпидемическом контроле в Армении

Консультативные органы диаспоры действуют на транснациональном уровне, а эксперты диаспоры работают в этих признанных правительством Армении ор-

¹ Новую диаспору составляют армяне из других стран в разные годы, которые активно не участвуют в общественной жизни диаспоры. В отличие от классической диаспоры, корни которой в институционализации диаспоры, мигрировавшей в другие страны в результате геноцида.

ганизациях, которые, в свою очередь, консультируют и поддерживают армянское государство. Эти учреждения координируют свою официальную деятельность через Управление уполномоченного по делам диаспоры. В сфере здравоохранения, и особенно в условиях кризиса, роль консультаций диаспоры может быть решающей в устойчивом развитии здравоохранения в Армении и укреплении системы здравоохранения. В качестве примера рассмотрим текущее состояние борьбы с коронавирусом.

На уровне «услуг» диаспора, например, может доставлять другие предметы первой необходимости. Это, конечно, не долгосрочный модульный подход. Однако, переведя работу в сторону укрепления системы, диаспора под эгидой совещательного органа может улучшить управление цепочкой импорта в Армении, оказать помощь в разработке политики. Такая поддержка улучшит управление стихийными бедствиями, поможет в разработке соответствующих правил борьбы с инфекционными заболеваниями на местном уровне, примет участие в реализации и оценке этих правил и будет способствовать увеличению финансирования здравоохранения.

Диаспоральные структуры являются недостающим звеном в цепи, берущей на себя функции транснационального координирующего органа. Несомненно, участие диаспоры в несрочных ситуациях (например, в улучшении онкологической помощи в Армении) может увеличить возможности диаспоры сделать Родину более благополучной. И, что не менее важно, гораздо более заинтересованным бенефициаром может стать диаспора.

Системные перспективы участия диаспоры в условиях кризиса

Отношения Армения – диаспора имеют тенденцию к укреплению во время кризисов и чрезвычайных ситуаций, так как потребности одной стороны и возможности другой совпадают в контексте необходимости справляться с кризисами. Более того, есть направления, требующие конструктивной критики и экспертных советов.

Во время нынешнего кризиса готовность представителей диаспоры оказывать государственную помощь была положительной. Нынешние усилия более чем когда-либо подразумевают тенденцию обхода правительства и прямой поддержки общества. Кроме того, благотворители диаспоры работают с государством, чтобы укрепить способность страны справиться с кризисом. Однако проблема двусторонняя. Подход диаспоры ситуативен и несистемен, кроме аппарата уполномоченного по делам диаспоры, отсутствуют какие-либо институциональные или межгосударственные органы, которые позволили бы формально организовать участие диаспоры. Устранение этих двух ограничений имеет решающее значение для увеличения и развития способности диаспоры оказывать более эффективную помощь во время кризиса.

После обретения независимости подход диаспоры, по понятным причинам, заключался в оказании «гуманитарной помощи» «в обход правительства».

Теперь, когда доверие к правительству возросло, диаспоре пора перейти от «гуманитарной помощи» к «устойчивому развитию», что возможно только через «укрепление системы» и «партнерство с правительством». Таким образом, для улучшения ситуативных, несистемных подходов к реагированию на кризис участие диаспоры должно быть институционализировано как устойчивое партнерство с государством.

Опыт борьбы с коронавирусом может и должен стать основой для разработки долгосрочных и институциональных механизмов антикризисного управления.

Особенности экономической инклюзии из диаспоры на родине

Экономический потенциал, желание и возможности сотрудничества диаспоры с родиной различается от общины к общине. Ключом к пониманию и оценке этого потенциала является внутренняя мотивация каждого армянина диаспоры к созданию либо поддержанию материальных связей с Арменией. Очевидно, здесь высока роль этнического сознания, как фактора связи с родиной в экономическом взаимодействии родина – диаспора. Говоря об экономической деятельности диаспоры, мы будем подразумевать не ее место в экономике страны проживания, но любую ее экономическую деятельность (денежные переводы, благотворительность, инвестиции и т.д.), направленную в Армению.

В данной статье также рассматривается влияние армянской диаспоры на экономическое развитие Армении, поскольку она неизбежно стала одним из основных источников экономического развития. Сюда входят финансовые вложения диаспоры, релокации предприятий, благотворительность, а также денежные переводы (трансферты). Диаспора также оказывает немалое влияние на миграционные процессы, реагируя на состояние рынка труда в Армении и динамику доходов населения. Через диаспору осуществляется интеграция национальной экономики в мировое хозяйство, реализуются отдельные бизнес-идеи, армянской бизнес включается в глобальные сетевые структуры.

Однако инициатива включения диаспоры в экономику Армении не всегда принадлежит государству или какому-либо государственному органу. Часто диаспора сама создает систему сетевых отношений, где историческая родина становится звеном в цепи межнациональных отношений.

В относительно стабильных условиях возможна рациональная и предсказуемая политика эффективного сотрудничества экономических отношений Родина – диаспора.

Однако в основе этих отношений стоят люди, предприниматели, которые находятся в разных социально-экономических условиях, и важно понять, как они поведают себя в нестабильных ситуациях.

Общеизвестно, что кризисные ситуации в первую очередь сказываются на экономической деятельности, инвестициях, бизнесе. Однако в некоторых ситуациях социальные правила могут отодвигать экономические приоритеты на второй план. Одним из таких случаев являются экономические отношения Родина – диаспора, которые имеют большую эмоциональную составляющую. В кризисных ситуациях, когда необходимо свести к минимуму риски принятия нерациональных решений, наблюдается интересная закономерность в сфере экономической деятельности диаспоры армян, где интенсифицируются эмоциональные решения.

Именно по этой причине предпринимательство и денежные переводы² из диаспоры в Армению во время кризиса COVID-19 носили в основном благотворительный характер. Естественно, эти потоки были направлены в основном на сектор здравоохранения, борьбу с эпидемией, а также сектор МСБ и сферу услуг как наиболее пострадавшие отрасли экономики.

В этом плане многое зависит от того, какая специальная политика в разных странах разрабатывается в отношении представителей диаспоры, какой особый

² Однако вопрос денежных переводов следует рассматривать отдельно в контексте трудовой миграции. Трудящиеся-мигранты столкнулись с проблемами во время кризиса COVID-19, так как их занятость была в основном в сфере услуг, которая подвергалась жестким карантинным ограничениям.

подход применяется к местным, к представителям диаспоры и иностранным инвесторам и какие методы применяются для различения прямых иностранных инвестиций от инвестиций из диаспоры.

В связи с этим возникает вопрос, какова мотивация экономической инклюзивности у диаспоры, особенно в отличие от иностранных предпринимателей?

Для инвесторов из диаспоры сопоставление рейтингов стран для выбора страны инвестирования носит второстепенный характер, поскольку их «диаспоральный» статус уже предопределяет выбор в пользу Родины.

Наряду с вышеперечисленными явными факторами для иностранных инвесторов существует так же неопределенность в отношении институциональной среды Армении. В этой связи следует отметить коренное различие иностранных инвесторов и представителей диаспоры в отношении к проблеме неопределенности. Если иностранные инвесторы готовы к вложению капиталов только после основательного исследования институциональной среды страны с целью уменьшения своей неопределенности, являющейся следствием информационной асимметрии, то, как ни парадоксально, представители диаспоры в большинстве своем этой неопределенности в силу своих связей с соотечественниками не имеют, и именно отсутствие неопределенности удерживает их от желания инвестировать. Т.е. первые не инвестируют из-за своей неинформированности, а вторые, наоборот, от своей достаточной информированности.

Заключение

Кризисы Родина – диаспора не новы. Как бы ни был предан один другому, остаются нерешенные вопросы. Тот факт, что вину обычно можно возложить на первого, может быть очень простым подходом, но он также содержит зерно истины. В этом контексте формирование транснациональных структур диаспоры и включение этих структур в процесс транснационального управления должно стать следующим этапом в развитии отношений Армения – диаспора. Общеизвестный факт, что старые модели сотрудничества больше не работают, поэтому государственно-ориентированный подход транснационального государственного управления диаспорой сделает сотрудничество Родина – диаспора эффективным во всех сферах.

Наиболее эффективным и целесообразным методом привлечения огромных ресурсов диаспоры в кризисных ситуациях было бы создание советов безопасности диаспоры в различных координационных центрах армянской диаспоры. Кроме того, можно разработать комплексные планы действий на случай непредвиденных ситуаций, которые позволят каждому координатору полностью раскрыть свой потенциал.

Информация об авторе

Нерсисян Сона Араиковна (Армения, Ереван) – научный советник, Национальный институт труда и социальных исследований; кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии НАН РА (e-mail: sona.nersisyan2006@gmail.com).

Nersisyan S.A.

SOCIO-ECONOMIC PARTICIPATION OF DIASPORA IN CRISIS SITUATIONS IN THE HOMELAND

Abstract. *The article analyzes the participation of the Diaspora in the homeland in crisis situations, in particular, its role in social and economic processes. In this work, the coronavirus*

epidemic is considered as a crisis situation, which has created special conditions for Homeland-Diaspora cooperation.

Key words: *Diaspora, involvement, participation, COVID-19, socio-economic processes.*

Information about authors

Nersisyan Sona A. (Armenia, Yerevan) – Scientific Advisor National Institute of Labour and Social Research Ph.D, Senior Researcher Institute of Archeology and Ethnography NAS RA (sona.nersisyan2006@gmail.com).

ПРОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ВОЛОНТЕРОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются процессы трансформации просоциальных практик в организационной, технической, структурной, информационной или любой иной сфере. Приводятся результаты исследования просоциальных практик в общественных организациях, а также делается вывод о вовлеченных в водовороте общественных организаций.

Ключевые слова: просоциальные практики, волонтеры, общественные организации, межсекторное пространство, социальное взаимодействие.

Межсекторное партнерство в условиях пандемии COVID-19 приобрело новые условия, так как старые механизмы взаимодействия перестали работать в силу ограничения взаимодействия, переноса многих социальных акций и проектов в виртуальность и возможность организации дистанционной коммуникации. Следствием этого стала невозможность одних общественных организаций функционировать, а для других раскрылись новые условия для социальной коммуникации и это стало точкой их новых ориентиров развития.

Качественно изменились и процессы реализации общественными организациями своих социальных услуг. Просоциальные практики волонтеров общественных организаций стали носить не только реальный, но и виртуальный характер. Особенно четко это прослеживается в работе таких некоммерческих организаций, которые строятся на оказании информационных услуг (консультаций психологического, юридического, экономического и другого характера для разных категорий граждан). Эти изменения изучаются в работах А.Н. Пружинина [4], П.А. Трескина [6,7] и других.

Просоциальные практики – практики, ориентированные во вне, имеют целью не личные, а социальные ориентиры и помогают регулировать общественные процессы социального взаимодействия. Просоциальные практики – это социальное взаимодействие, направленное на реализацию конкретных действий в отношении другого человека или группы людей, приводящие к удовлетворению потребностей других.

Волонтерская деятельность сама по себе – ориентирована на интересы других. Но именно в период пандемии усилилась тенденция к реальным действиям, способствующим социальной трансформации положения определенной группы людей или решения конкретной ситуации. Просоциальные практики волонтеров становятся формой самоорганизации сообщества для решения актуальных социальных вопросов.

Рассматривая данную проблематику, мы провели опрос волонтеров общественных организаций, вовлеченных в данную деятельность перед пандемией (для того, чтобы можно было сравнить с особенностями просоциального взаимодействия во время пандемии). Поэтому, в исследовании приняло участие 1654 человека, имеющих опыт волонтерской деятельности от 3х лет и более, в возрасте от 21 года до 65 лет (участники до 18 лет занимающиеся волонтерством не участвовали в исследовании). Всего 54% женщин и 46% мужчин, проживающих в разных субъектах РФ. Опрос проводился через платформу google.com.

В результате исследования мы установили, что увеличилось количество и качество оказания услуг. Если до пандемии чаще применялись информационно-просветительские и образовательные услуги, то во время ее стали использоваться техниче-ски-организационные и материально-технические (привезти, найти, сделать и т.д.), а также образовательные (но с учетом расширения виртуальной и дистанционной коммуникации) (табл. 1).

Таблица 1. Количество, качество и сфера просоциальных практик волонтеров (в %)

Сфера	До пандемии	Во время пандемии
Информационно-просветительские	52,2	38,9
Образовательные	45,7	62,2
Технически-организационные	24,7	59,1
Материально-технические	22,6	56,3
Иные	8,2	16,3

Сами волонтеры субъективно считают, что количество и качество работы (ока-зания просоциальных услуг) за время пандемии возросло (64,3%), осталось таким же (25,6%), уменьшилось (10,1%). Та же оценка видна и при их восприятии качества оказываемых услуг: за время пандемии возросло (54,2%), осталось таким же (33,2%), уменьшилось (12,6%).

За время пандемии увеличилось количество и сами потенциальные возможно-сти организации волонтерской деятельности, а также появилось больше возмож-ностей получать материальную и информационную поддержку со стороны органов власти и бизнеса, СМИ и образования. Это прежде всего реализуется через гранто-вую поддержку разных социальных институтов (Фонд Президентских грантов для НКО, Президентский фонд культурных инициатив, Гранты Губернского Собрания и т.д.). Это все позволяет говорить об усилении институтов гражданского общества и развития системы межсекторного взаимодействия.

Участие в просоциальных практиках во время пандемии для волонтеров полезно разными состояниями, так как помогает понять мотивы участия в общественной деятельности: увеличению уровня коммуникации и социального взаимодействия, повышение возможностей развития социального капитала волонтеров, социальной идентичности, социальной консолидации и т.д. Более подробно см. таблицу 2.

Таблица 2. Мотивы вовлечения в просоциальные практики волонтеров (в %)

Сфера мотивации	До пандемии	Во время пандемии
Коммуникация	36,7	68,8
Социальное взаимодействие	27,3	53,2
Социальный капитал	28,9	64,5
Социальная идентичность	26,5	52,3
Социальная консолидация	24,4	49,7
Иная	5,5	3,2

Сфера мотивации, как видно из таблицы 2, формируется с опорой на разные стра-тегии мотивации вовлечения и активной работы в рамках просоциальных практик общественных организаций. Во многом это является результатом изменения качества жизни россиян в период пандемии. На этот же факт указывают исследования Р.В. Ива-нова [1,2] и В.А. Скуденкова [5]. То, что жизнь в период пандемии поменялась, а вме-сте с тем, и условия и особенности работы волонтеров в общественных организациях. Этот факт остается неоспоримым (некоторые аспекты затронуты в работе автора [3]).

Таким образом, во время пандемии COVID-19 произошло увеличение количества и качества оказания услуг и просоциальных практик волонтерами общественных организаций. Сами волонтеры так воспринимают свою работу. Также расширились возможности привлечения ресурсов (грантов) для реализации общественных инициатив в рамках просоциальной деятельности. И это стало точкой развития институтов гражданского общества на новом уровне, а также развитию межсекторного взаимодействия между различными институтами гражданского общества.

Просоциальные практики волонтеров общественных организаций выступают инструментом социального моделирования, а также способствуют разнообразию форм общественного воспроизводства. Просоциальные практики начинаясь как личная инициатива, организованная через вовлечение в общественную организацию, превращаются в реальные инструменты воздействия на общественные настроения и социальные представления. Понимание этого способствует к выработке более продуманной государственной политики в сфере регулирования просоциальной активности волонтеров.

Список литературы

1. Иванов Р.В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сб. мат-лов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный – Махачкала, 2020. С. 161-165.
2. Иванов Р.В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М., 2020. С. 44-46.
3. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в постпандемическом обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: мат-лы VI Междунар. научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, 2021. С. 20-23.
4. Пружинин А.Н. Управление институтами гражданского общества через призму человеческого капитала // В поисках социальной истины: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 137-141.
5. Скуденков В.А. Переживание неопределенности при пандемии // В поисках социальной истины: мат-лы II Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 426-429.
6. Трескин П.А. Особенности адаптации некоммерческих организаций к удаленной занятости в период пандемии // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 371-374.
7. Трескин П.А. Социально-психологические условия формирования мотивации сотрудников общественных организаций // Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 74-78.

Информация об авторе

Полюшкевич Оксана Александровна (Россия, Иркутск) – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета (664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса 1, 303).

PRO-SOCIAL PRACTICES OF VOLUNTEERS OF PUBLIC ORGANIZATIONS

Abstract. *The article deals with the processes of transformation of pro-social practices in organizational, technical, structural, informational or any other sphere. The results of a study of pro-social practices in public organizations are given, and a conclusion is made about the public organizations involved in the whirlpool.*

Key words: *prosocial practices, volunteers, public organizations, intersectoral space, social interaction.*

Information about author

Polyushkevich Oksana A. (Russia, Irkutsk) – Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Public Administration of the Institute of Social Sciences of the Irkutsk State University (664003, Russia, Irkutsk, st. Karl Marx 1, 303).

Bibliography

1. Ivanov R.V. Virtual interaction: truth and falsity // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International scientific-practical conference. Grozny. Makhachkala, 2020. P. 161-165.
2. Ivanov R.V. Quality of life in the virtual world // Influence of the quality of life on the formation of the value structure of the population of Russia. All-Russian scientific conference with international participation: Collection of materials. Moscow State University M.V. Lomonosov. Moscow. 2020. P. 44-46.
3. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior in a post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the VI International Scientific and Practical Internet Conference. In 2 parts. Vologda, 2021. P. 20-23.
4. Pruzhinin A.N. Management of civil society institutions through the prism of human capital // In Search of Social Truth. materials of the III International scientific-practical conference. Irkutsk, IGU. 2021. P. 137-141.
5. Skudencov V.A. Experience of uncertainty during a pandemic // In search of social truth. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2020. P. 426-429.
6. Treskin P.A. Features of the adaptation of non-profit organizations to remote employment during the pandemic // Global and regional impacts in the system of modern societies. collection of scientific papers. Irkutsk, IGU. 2021. P. 371-374.
7. Treskin P.A. Socio-psychological conditions for the formation of motivation of employees of public organizations // Health Philosophy: an integral approach. Interuniversity. collection of scientific papers. Irkutsk, IGU. 2021. P. 74-78.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В РАЗВИТИИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. *Вновь появившиеся инновации позволяют улучшить взаимодействие органов власти и населения в регионах России. Социально-политическое взаимодействие российских пользователей сети демонстрирует новые открытые формы политического участия, мобилизационные практики (инициативные обращения, петиции), а также технологии удаленного доступа. Увеличение числа инициатив и рост онлайн сообщества, участвующие в обсуждении и корректировке результатов инновационной деятельности, требуют использование формата больших данных. Спрос на открытые инновации на основе принципов прозрачности социальных и политических взаимодействий обновляется в период пандемии COVID-19. Данное исследование направлено на оценку эффективности открытых социальных и политических инноваций в период пандемии COVID-19.*

Ключевые слова: *гражданское общество, COVID-19, открытые инновации, исполнительная власть, общественные инициативы.*

В 2000-х годах в политической повестке многих стран стал активно использоваться термин «социальная инновация», данный термин описывал новые практики межотраслевого взаимодействия органов власти и населения для решения первичных социальных проблем и удовлетворения социальных потребностей общества. В первую очередь социальные инновации коснулись таких отраслей, как здравоохранение и социальные услуги, образование и структурная безработица, старение населения, занятость молодежи, сокращение бедности и повышение качества жизни населения и т.д. Сегодня же практика гражданского общества и социального участия населения изменяется. Традиционные управленческие политические решения, нацеленные на будущее, требуют гибкость и учет политических настроений людей и отношения к ним. В настоящее время социальные инновации являются эффективным инструментом трансформации взаимодействия между государством и гражданским обществом.

В 2020 году количество пользователей социальных сетей выросло более чем на 12% по всему миру [8]. Контент социальных сетей в России также изменился в 2020 году. В российских социальных СМИ количество активных пользователей составило 64 млн человек, написавших более 1,2 миллиарда публичных сообщений (посты, репосты и комментарии) [9]. В целом с 2011 г. темпы роста пользователей социальных сетей увеличились до 39% (с 12% в 2011 году до 51% в 2020), по данным Левада-центра [8].

Рост цифровой активности граждан, их вовлеченность в цифровую политическую жизнь, отношений, можно проиллюстрировать динамикой зарегистрированных пользователей Единого портала Госуслуги в России, первая версия которой появилась в 2009 г. До 2012 г. прирост зарегистрированных пользователей составил с 0,09 до 3,6 млн. человек, затем число счета ежегодно удваивались и в 2020 г. достигли 126 млн человек [7].

Пандемия коронавируса привела к переносу некоторых социальных, экономических и политических взаимодействий в виртуальную сеть. Эта ситуация трансформировала

формы гражданской активности. В условиях вынужденной изоляции повседневного общения «лицом к лицу» население и власти были вынуждены рассмотреть возможность виртуальных коммуникаций. Важно отметить, что власти устанавливают новые формы связи в текущих условиях. Граждане, в свою очередь, формируют свои собственные социальные и политические сети коммуникации. Формируются новые «горизонтальные» связи, к ним относятся мессенджеры, социальные сети с ресурсами для обеспечения непрерывной и адресной передачи контента и получение онлайн-отзывов [6].

Концепция «субполитики», предложенная Ульрихом Беком, объединяет участников в социальные и политические взаимодействия в точке сборки горизонтальных гражданских отношений и вертикальных политических решений, образуя открытую, практически равноудаленную сферу, представляющую интересы и возможности взаимодействующих сторон [4]. Новые коммуникации между властью и населением позволяют ускорить обсуждение и подготовку решений насущных проблем, одновременно увеличивая частоту отзывов участников, что приводит к эффективному взаимодействию между населением и властью. Нововведения внедряются с учетом возможностей конкретных регионов. То есть, публичный дискурс между населением и властью в масштабах региональных отношений может свидетельствовать об эффективности инноваций. Увеличение количества деструктивных сообщений и протестные оценки действий/бездействия властей активизируют широкие конвенциональные методы взаимодействия, увеличение количества «официальных точек связи», сокращение времени реагирования на гражданские обращения. В то время как методы гражданской дискуссии и обмена остаются нераскрытыми, интроспективный анализ пользовательских рейтингов и обращений с использованием цифровых маркеров инновационного взаимодействия может продемонстрировать профессиональные, национальные, культурные, и политические предпочтения пользователей социальных сетей [2].

В условиях глобальной пандемии (COVID-19) традиционное общение системы функционируют не полностью [63]. Сетевые площадки для сбора и обсуждения информационные, используемые для построения диалога между населением органами государственной власти, становятся инновационными формами взаимодействия. Открытые цифровые коммуникации помогли отправлять или дублировать обращения граждан, определять актуальные темы, искать и запрашивать информацию, необходимую для поддержки повседневной жизни. Изменения в общественно-политических взаимодействиях в формировании направлений реализации открытых инноваций в регионах Российской Федерации.

С практической точки зрения, рассмотрение того, что является пониманием важности открытых инноваций за пределами высокотехнологичных отраслей, а также иллюстрации того, как организации (компании, регионы) умеют внедрять открытые инновации на практике.

В настоящее время открытые инновации, открывают новые возможности для социально-политического взаимодействия власти и населения регионов России. Все стороны принимают новые инструменты социальной и политической коммуникации с осторожностью: дифференцированный подход жителей к применению инноваций, учитывая интересы «центр-периферия» фиксируются, а тематическая определенность проявляется в транслируемых обращениях и ходатайствах.

Анализ общественных инициатив на федеральном уровне выявляет стремление граждан к реализации запросов, которые могут быть реализованы только при уча-

стии властей, и подчеркивают статус и роль заявителя, при этом преобладают запросы жителей конкретной территории.

Сегодня инновационная активность регионов зависит от их открытости (готовности) к разработке новых идей и их расположение относительно авторитетных и других типов ресурсов.

Следующим фактором является физическое расположение региона (центр–граница–периферия). влияние на эффективность открытых инноваций в регионах. Значение инициатив не сбалансировано относительно ресурсов территориального образования. Оценка эффективности открытых социально-политических инноваций показывает зависимость инициативы по ее реализации на федеральном, региональном или муниципальном уровнях в условиях пандемии COVID19.

На сегодняшний день основные проблемы открытых инноваций в социальном и политическом взаимодействии в пространстве российских региональных сетевых сообществ должно отметить, что трансформация коммуникативных практик, активный переход общественно-политическое взаимодействие участников с цифровыми платформами было инициировано в первую очередь организационные, управленческие и политические инициативы государственных служащих. Однако, гражданскую активность и участие в инновациях демонстрирует рост цифровых присутствие в повседневной деятельности, участие граждан в сети и «облаке» (мобильном, беспроводных платформ, в том числе самоорганизующихся) сообществ, формирование сетевая среда цифрового взаимодействия с государственными структурами.

Ограничением данного исследования является то, что трансформация коммуникативных практик, активный переход участников общественно-политического взаимодействия на цифровые платформы (даже в период COVID-19) были инициированы, прежде всего, организационными, управленческими и политическими инициативами государственных служащих. Однако гражданская активность и участие в инновации демонстрируют увеличение цифрового присутствия в повседневной деятельности, участие граждан в сетевых и «облачных» (мобильных, беспроводных платформах, в том числе самоорганизующихся) сообществ, а также формирование сетевой среды для цифрового взаимодействия с государственными органами. Важно учитывать стремительный и реактивный характер такого социально-политического взаимодействия. Исходя из этих ограничений, развитие динамической модели оценки инновационных процессов станет приоритетом для дальнейших исследований. В дальнейшие развития темы исследования можно предусмотреть рассмотрение сетевых протестных оценок реализации инновационных проектов в регионах Россия.

Список литературы

1. Андрюшевич О.А.; Денисова И.М. О некоторых парадоксах российской инновационной инфраструктуры. Экономическая наука современной России. 2019. (1). С. 49–69.
2. Гохберг Л.М. Инновационная таблица регионов России. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2020.
3. Игнатовский Ю.Р. Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста. Власть 2021. № 29. С. 84–89.
4. Попова С.М. Скрытая эксплуатация пользователей цифровых платформ как норма технологического мира: К постановке проблемы для социальных исследований // Конфликтология / nota bene. 2020. № 2. С 11–25.

5. Пырма Р.В. «Погружение» граждан в цифровую среду коммуникаций // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 69-76.
6. Рейтинг инновационных регионов России. Ассоциация инновационных регионов России. Версия 2018. URL: <https://i-regions.org/upload/iblock/e8f/airr18.pdf> (по состоянию на 17 марта 2022 г.).
7. Российский медиаландшафт. Левада-Центр¹, 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandshaft-2020/> (по состоянию на 15 марта 2022 г.).
8. Социальные сети и цензура: плюсы и минусы. Каждый второй респондент в России высказывается в поддержку цензуры в соц. сети. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analitheskiy-obzor/socialnye-seti-i-cenzura-za-iprotiv> (дата обращения: 17 марта 2022 г.).
9. Суховой А.Ф.; Голова И.М. Дифференциация стратегий инновационного развития регионов для повышения эффективности Социально-экономическая политика в Российской Федерации. Экономика региона. 2020. т. 16. № 4. С. 1302–1317.
10. Черный В. Социальные сети в России: цифры и тренды. 2020. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020> (по состоянию на 15 марта 2022 г.).

Информация об авторах

Рангин Владимир Юрьевич (Россия, Иркутск) – аспирант, Байкальский государственный университет (664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: rangin.vova2011@mail.ru).

Большина Яна Анатольевна (Россия, Иркутск) – магистрант, Иркутский государственный университет (664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса. 1; e-mail: yana.bolshina@mail.ru).

Rangin V.Y., Bolshina Y.A.

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL AND POLITICAL INNOVATIONS IN THE DEVELOPMENT OF AUTHORITIES AND THE POPULATION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. *Newly appeared innovations make it possible to improve the interaction between the authorities and the population in the regions of Russia. The socio-political interaction of Russian network users demonstrates new open forms of political participation, mobilization practices (initiative appeals, petitions), as well as remote access technologies. The increase in the number of initiatives and the growth of the online community participating in the discussion and adjustment of the results of innovation activities require the use of a big data format. The demand for open innovation based on the principles of transparency in social and political interactions is renewed during the COVID-19 pandemic. This study aims to assess the effectiveness of open social and political innovation during the COVID-19 pandemic.*

Key words: *civil society, COVID-19, open innovations, executive branch, public initiatives.*

Information about authors

Rangin Vladimir Y. (Russia, Irkutsk) – 1st year postgraduate student of the full-time form of study at the Baikal State University, direction: Political institutions, ethno-political, conflictology, national and political processes and technologies (address: 664003, Russia, Irkutsk, st. Lenin 11, rangin.vova2011@mail.ru, 8-950-09-003-09).

¹ Левада-Центр внесен в реестр иностранных агентов.

Bolshina Yana A. (Russia, Irkutsk) – 2nd year student of the magistracy of the correspondence course of the Irkutsk State University, direction: state and municipal management (address: 664003, Russia, Irkutsk, st. K. Marx 1, yana.bolshina@mail.ru, 8-908-669-75-57).

Bibliography

1. Andryuskevich O.A., Denisova I.M. About some paradoxes of the Russian innovation infrastructure. *Economic science of modern Russia*. 2019. (1). P. 49–69.
2. Black V. Social networks in Russia: numbers and trends, Autumn. 2020. Available online: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020> (accessed March 15, 2022).
3. Gokhberg L.M. *Innovation table of Russian regions*; Publishing house of the Higher School of Economics: Moscow. Russia. 2020.
4. Ignatovsky Yu.R. The role of digitalization in the transformation of Russian political protest. *Power* 2021. № 29. P. 84–89.
5. Popova S.M. Hidden exploitation of users of digital platforms as the norm of the technological world: To the formulation of a problem for social research // *Confliktology/Nota Bene* 2020. №2. P. 11–25.
6. Pyrma R.V. “Immersion” of citizens in the digital environment of communications // *Power*. 2021. Vol. 29. №. 1. P. 69-76.
7. Russian media landscape. Levada Center, 2020. Available at: <https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandshaft-2020/> (accessed March 15, 2022).
8. Rating of innovative regions of Russia. Association of Innovative Regions of Russia. Version 2018. Available online: <https://i-regions.org/upload/iblock/e8f/airr18.pdf> (accessed March 17, 2022).
9. Social networks and censorship: pros and cons. Every second respondent in Russia speaks out in support of censorship in social networks. *networks*. 2021. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/socialnye-seti-i-cenzura-za-iprotiv> (accessed 17 March 2022).
10. Sukhovey A.F., Head of I.M. Differentiation of Strategies for Innovative Development of Regions to Increase Efficiency Social and Economic Policy in the Russian Federation. *Economy of the region*. 2020. Vol. 16. № 4. P. 1302–1317.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ИЗОЛЯЦИОНИЗМ КАК ФАКТОР ДЕФОРМАЦИИ СОЗНАНИЯ

Аннотация. *Актуальность проблемы воздействия информационных технологий на сознание молодежи, на формирование и усиление оппозиции в условиях геополитической нестабильности, выдвигает на передний план роль гуманитарных наук. Искажение информации, направленное на создание ложных представлений о мироустройстве, о преувеличении значения отдельных стран в сохранении мировой стабильности, приводит к неправильной оценке происходящих событий. В ходе анализа различных источников информации, исторических фактов, приходим к выводу о необходимости повышения знаний об обществе, истории страны и основных этапов экономической истории, реально отражающей события и процессы в переломные периоды.*

Ключевые слова: *информационные технологии, искажение информации, блокирование российских СМИ, информационная война, роль образования, гуманитарная наука, экономическая история.*

В переломные периоды истории особенно критичным становится правильное осознание событий. Именно в эти периоды наблюдаются расколы в общественном сознании, расхождение взглядов, формируются разного рода фобии. В век технологических возможностей охвата глобального информационного поля и высоких скоростей передачи информации по всему миру трудно ориентироваться и определять достоверность потоков лжи или правды. Мы столкнулись с широкомасштабной русофобией, которой в мире никогда не наблюдалось ни в прошлом, ни в современной истории. И связано это с воздействием на сознание через распространение ложной информации о достижениях демократии, свободах выбора, и высокой миссии США в сохранении мира и стабильности на земле. При этом за ложной вывеской благородства скрываются далеко идущие планы устранения России с мировой политической арены.

Именно в этой связи YouTube и Meta блокируются российские средства массовой информации (ТАСС, RT, Sputnik и др.), но не удаляют деструктивные контент. YouTube блокирует каналы российских СМИ, финансируемые государством по всему миру. Информация о спецоперации на Украине подается односторонне, где все террористические методы украинских националистических группировок представлены как злодеяния, творимые российской армией. Сформированный украинскими учебниками истории в течение 30 последних лет образ врага в лице русских, дополненный нынешними событиями и подачей через западные СМИ искаженной информации все больше и шире способствует русофобии, перекраиванию социальной психологии.

Казалось бы, что информационная война запада вполне достигла своего эффекта. Однако, видимо после концерта на стадионе в Лужниках в честь 8-летия возвращения Крыма в состав России, западные политики заволновались, увидев такую массу народа и такое единодушное единение. Буквально на следующий день 19 марта Дж. Болтон (бывший советник президента Трампа по национальной безопасности) назвал стратегической ошибкой США перед началом спецоперации России недостаточное информационное воздействие, считая необходимым выработать новый

подход к РФ, заложенный в «стратегии Рональда Рейгана». А она заключалась в сочетании жесткой позиции к России и поддержки оппозиции. По мнению Дж. Болтона, сейчас «недостаточно делать ставку на устаревшие технологии 60-х годов только на технологии 1960-х с такими радиостанциями, как “Радио Свобода” [признана в РФ СМИ-иноагентом]. Мы должны сделать все, чтобы предоставить особенно молодежи в России доступ к нового типа информации».

Такой информационный фон не только в западных странах, но и в России, несомненно, может влиять на переформатирование сознания молодежи, хотя люди и вполне зрелого возраста неадекватно оценивают положение дел. Многие говорят, что современное поколение выросло в благополучии, не зная какое напряжение сил потребовалось российским гражданам, чтобы пережить переломный период 90-х годов прошлого века. Поэтому не понимает и не оценивает всех благ, которые есть на сегодняшний день, а хотят лучшего. Но разве можно вызвать сочувствие к своим родителям, а также к более старшему поколению, прошедшему этот этап нашей современной истории просто укором – «вы не жили в 90-е»? С одной стороны, мы сейчас переосмысливаем и понимаем, что наши учебники истории требуют проверки на предмет фальсификации и искажения событий прошлого, что нам нужно давать более глубокие знания истории своей страны причем не только студентам истфаков, но и обучающимся по другим специальностям.

Минобрнауки РФ планирует введение единого курса истории для всех студентов не только в творческих, но и в отраслевых вузах. Сейчас на непрофильных факультетах преподавание истории сильно сокращено, а то и исключено. Также предполагается увеличение числа выпускников истфака, в том числе за счет приема на исторические специальности на бюджетной основе в ряде регионов РФ. А председатель Российского исторического общества (РИО) и директор Службы внешней разведки Сергей Нарышкин сказал, что профессиональный историк – это универсальный аналитик. По его мнению, «историк, работающий в органах муниципальной и государственной власти, СМИ или даже в органах госбезопасности, трудится по специальности». Безусловно, это очень важный шаг, поскольку на нашу страну уже давно обрушился, а сейчас усилился просто шквал информации, перекраивающий нашу историю, ломающий представление о наших национальных традициях и ценностях.

В то же время, необходимо более детально изучать курс экономической истории, где больше внимания следует уделить важным этапам развития российской экономики, тем более при подготовке специалистов для муниципальной и государственной службы. Ведь когда скептики считают избалованным нынешнее студенческое поколение, не знавшее тягот 90-х, то нужно посмотреть на данную проблему (если мы считаем действительно это проблемой) с позиции – а кто дал знания о состоянии российской экономики этого периода? Привычной для сознания является критика М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, управлявших тогда страной. Но при этом никто не оценивает российскую экономику «ножек Буша». С большой долей вероятности можно утверждать, что стратегия и тактика Джорджа Буша (старшего) и являлась реализацией стратегии Рональда Рейгана, направленная на разрушение России (тогда СССР). Именно при нем Джордж Буш был вице-президентом США (1981-1989гг.), а затем стал президентом (1989-1993гг.), кроме того, был и директором Центральной разведки. Для краткости хотелось бы остановиться только на одном факте, и раскрыть понятие «ножек Буша». В тот трагический для истории России период товарная экспансия огромных партий дешевых куриных ножек просто убила наше птицеводство, причем это были крупные

современные птицефабрики, которые в большинстве своем обанкротились. Демпинговые цены на американскую продукцию сделали нашу продукцию неконкурентоспособной. Свободная торговля разрушила и другие отрасли. Этот небольшой пример, но надо бы облечь его в более обширный учебный материал в масштабе всей структуры российской экономики. Именно на осмыслении конкретных фактов студенты экономических специальностей могут строить свои суждения о дне сегодняшнем и о трудностях инновационных преобразований в стране, чтобы ее экономика была конкурентоспособной и обеспечивающей социальные нужды.

Поэтому нельзя говорить, что, к сожалению, история нас не учит. Нет, это мы не хотим изучать свою историю во всех ее реалиях. Также и правильно доносить до сознания молодежи реалии сегодняшней социально-экономической жизни с ее проблемами и достижениями должно быть в приоритете преподавателей вузов. Относительно даже прошлого десятилетия, за текущее десятилетие произошло достаточно фундаментальных преобразований, при оценке которых можно гордиться своей страной, сумевшей преодолеть разруху после развала СССР, после кризиса 1998 г. и 2008 г. и последующих геополитически неблагоприятных годов. Также, как и в сложный период, связанный с борьбой с COVID-19, Россия в числе всего 4-х стран мира успешно разработала несколько видов вакцин.

В то время как в настоящее время имеются доказательства, ставящие под сомнение природное происхождение этого смертельно-опасного вируса в связи с раскрытием тайн американских биологических лабораторий, работавших в Украине. Также в открытом доступе можно найти информацию, подтверждающую, что США давно работали в этом направлении. Так, в докладе «Global Trends 2030: Alternative Worlds» (декабрь 2012 г.), размещенном на сайте директора национальной разведки (DNI)¹ в качестве одной из угроз для мира обозначено следующее: «Никто не может предсказать, какой патоген следующим начнет распространяться среди людей, а также когда и где произойдет такое развитие событий. Легко передаваемый новый респираторный патоген, который убивает или выводит из строя более одного процента своих жертв, относится к числу наиболее разрушительных событий из возможных. Такая вспышка может привести к страданиям и смерти миллионов людей во всех уголках мира менее чем за шесть месяцев» [1, с.7]. Глобальные тренды, обозначенные национальной разведкой США (опубликованы также в других докладах этого ведомства в 2017 и в 2021 годах), расставили приоритеты этой страны, где Россия отменена как страна-партнер, объявлена главным врагом, угрожающим миру.

Строя свой альтернативный мир, стратеги США приводят следующие аргументы: «В ожидании падения доли США, Японии и Европы в производстве мирового продукта с сегодняшних 56 процентов до почти половины к 2030 году, видят для себя большую угрозу и в том, что в 2008 Китай обогнал США и стал крупнейшим в мире обладателем золотовалютного запаса. Будут ли США способны работать с новыми партнерами в перестройке международной системы – один из наиболее важных вопросов. Считая, что уровень международного сотрудничества Соединенных Штатов относительно понизится, но вес США, скорей всего, будет возрастать, предположительно к 2030 году США останутся «первыми среди равных» в числе великих держав. Это произойдет по ряду причин: большие финансовые и материальные ресурсы, огромная территория и традиционная роль мирового лидера» [1].

¹ DNI – это высокопоставленная государственная должность, возглавляющая разведывательное сообщество США. DNI назначается президентом и утверждается Конгрессом.

Когда же мы обращаемся к мнению всем известного американского журналиста Оливер Стоун, то он видит другие стороны и считает, что американской молодежи необходимы знания истории: «Понимание исторических процессов определяет весь менталитет человека, формирует его идеалы и жизненные цели». Признавая мифом донесение искаженной истории, внушающей американцам со школьных лет их благородство, великодушие, национальную исключительность, их приверженность идеям свободы и справедливости, журналист считает, такое однобокое представление истории опасным и даже тлетворным. Из-за этих ложных представлений «американцы не только не способны понять отношение остального мира к США, но вследствие ограниченности познаний не способны и мир изменить к лучшему». Вскрывая как нарыв многие темные стороны в книге «Нерассказанная история США», он говорит, что именно мрачные страницы истории США относятся к их политическим неудачам. Все захватнические операции во многих странах разными способами и средствами нельзя назвать не иначе как рэкетом. Много вопросов стоит перед современными историками, в том числе так важен ответ на вопрос, заданный в книге: «Почему ничтожному меньшинству состоятельных американцев позволяют оказывать такое мощное влияние на внутреннюю и внешнюю политику США и средства массовой информации, в то время как широкие народные массы страдают от снижения уровня жизни, а их голос в политике слышен все слабее?» [3, с. 12]

На нашу страну в разные исторические периоды обрушалось мировое зло, когда обнажалось истинное лицо настоящих врагов, несущих угрозу человечеству. История ни одной страны не знает примеров такой концентрации общественных сил, как беспрецедентный масштаб переброски основных производительных сил в начале Великой отечественной войны из европейской части в глубь страны, когда в течение короткого времени демонтировались заводы и передислоцировались в тыл. Наши победы доставались слишком дорогой ценой человеческих жизней. И в то же время, говоря словами русского философа И. Ильина, Россия предстала перед всем миром как цельный организм. «Этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями – духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшие миру свою волю и способность к самообороне; он есть суший оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия» [2].

В заключении хотелось сделать вывод о том, что в условиях практической информационно-блокады и глобального противостояния донести до прогрессивного мирового сообщества реальность происходящего трудно. Мы видим сейчас много несправедливости, лжи, искажения всех исторических моментов. Нам кажется страшным сном видеть в совсем недавно благовидном западном обществе возродившийся фашизм. Именно поэтому на нас, в первую очередь представителей российской науки и всей системы образования, ложится ответственность за формирование патриотического сознания. Мы не можем быть молчаливыми созерцателями происходящих событий и должны выстроить свою позицию в соответствии с историческим моментом, направить все наши усилия на сплочение общества, способного противостоять тем глобальным вызовам, которые вновь встали перед Россией. И эта позиция должна базироваться на историческом познании.

Список литературы

1. Ильин И.А. О грядущей России: избранные статьи. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
2. Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. URL: <https://www.libfox.ru/510634-3-oliver-stoun-nerasskazannaya-istoriya-ssha.html#book> (дата обращения 17.03.2022 г.)

3. Global Trends 2030: Alternative Worlds. URL: https://www.dni.gov/files/documents/GlobalTrends_2030.pdf (дата обращения 12.02.2022 г.)

Информация об авторе

Розанова Людмила Ивановна – (Россия, Петрозаводск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научно-исследовательского центра Российской академии наук (Россия, Республика Карелия, Петрозаводск).

Rozanova L.I.

INFORMATION ISOLATIONISM AS A FACTOR OF CONSCIOUSNESS DEFORMATION

Abstract. *The relevance of the problem of the impact of information technologies on the consciousness of young people, on the formation and strengthening of the opposition in the context of geopolitical instability, brings to the fore the role of the humanities. The distortion of information aimed at creating false ideas about the world order, the exaggeration of the importance of individual countries in maintaining global stability, leads to an incorrect assessment of the events taking place. In the course of analyzing various sources of information, historical facts, we come to the conclusion that it is necessary to increase knowledge about society, the history of the country and the main stages of economic history, which really reflects events and processes in critical periods.*

Key words: *information technologies, distortion of information, mass media blocking, information war, the role of education, humanitarian science, economic history.*

Information about author

Rozanova Lyudmila I. (Russia, Petrozavodsk) – PhD in Economics, Senior Researcher at the Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia).

Bibliography

1. Ilyin I.A. About the coming Russia: Selected articles. M.: Military publishing, 1993. P. 368
2. Stone O., Kuznik P. The Untold history of the USA. URL: <https://www.libfox.ru/510634-3-oliver-stoun-nerasskazannaya-istoriya-ssha.html#book>
3. Global Trends 2030: Alternative Worlds. URL: https://www.dni.gov/files/documents/GlobalTrends_2030.pdf

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ТЕХНОЛОГИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается общественное мнение через практики социального творчества. Определяются технологии изучения общественного мнения как инструмента общественного контроля. Акцентируется внимание на технологиях социального творчества и общественное мнение в условиях цифровизации.

Ключевые слова: общественное мнение, творчество, социальное творчество, технологии социального творчества, цифровизация, глобализация.

Глобализация мирового сообщества становится одним из факторов институционализации общественного мнения. Справедливо утверждение Т.И. Грабельных, Н.А. Саблиной и Е.В. Лесниковской о возрастании роли общественного мнения: «...В разные эпохи опора на общественное мнение представляла ключевой интерес государства. С развитием института общественного мнения повышался и статус социологической науки. В современном обществе в числе социологических проблем изучения общественного мнения выделяется большая группа проблем, отражающих как позиции субъекта, так и объекта общественного мнения, с точки зрения их способностей к выстраиванию отношений в различных сферах интеллектуальной деятельности, доминантных для становления новой эпохи...» [1, с. 64]. Важность инструментов изучения общественного мнения в условиях глобализации обуславливается необходимостью иметь представление о мнении мирового сообщества и отдельного государства. В этой связи необходимо понимать значение понятия «общественное мнение».

В определении общественного мнения существует около пятидесяти дефиниций. У.Ф. Дэвисон в своей статье об общественном мнении (1968 г.) писал: «Не существует общепринятого определения «общественного мнения» [2]. Однако существует две концепции общественного мнения, являющимися основополагающими. Представители первой концепции интерпретируют общественное мнение в качестве рационального основания. В данной концепции общественное мнение используется как демократический инструмент в процессе формирования и принятия решений управленческого характера. Представители второй подразумевают под общественным мнением вид социального контроля. В связи с чем роль общественного мнения состоит в содействии социальной интеграции и в обеспечении достаточного уровня общественного согласия, на которое могут опираться действия и решения. В социологии понятие «общественное мнение» представляет собой отражение реакций представителей различных групп одного общества на происходящие события, отношение к фактам реальности. Социальное творчество как способ выражения общественного мнения имеет свои особенности. Поскольку технологии социального творчества предполагают общественную активность, направленную на создание новых форм социального взаимодействия, то в контексте общественных изменений появляется реакция общественности, оценивающая трансформации.

Технологии социального творчества представляют собой инструменты выражения общественного мнения через виды социальной коммуникации: научно-образовательные конференции, бизнес-форумы, политические дебаты. Наибольшее

влияние на распространение общественного мнения оказывают СМИ, обладающие «властью» над общественностью через референтные группы и лидеров общественного мнения. С развитием цифровых технологий появились новые способы и технологии изучения общественного мнения. Цифровизация стала повседневной практикой современного общества.

Использование общественного мнения в социальных целях предполагает не только воздействие на него, но и точное прогнозирование, изучение. В значительной мере это обеспечивается регулярными опросами, мониторингами общественного мнения. Изучение общественного мнения в отношении социального творчества в условиях реализации национальных проектов происходит через технологии массовых опросов в условиях мгновенной передачи информации. ВЦИОМ использует специальные программы для регистрации ответов респондентов в разных регионах России. Такой способ удобен для анкетеров и исключает возможность перекосов выборки. Последнее десятилетие показало, что информационные потоки общественного мнения составляют коммуникативные сети, которые изучают социологи. В эпоху информационных технологий прикладная социология развивается в цифровой сфере, чтобы изучение общественного мнения происходило по общепринятым принципам и с комфортом для респондентов. Современные онлайн-платформы для проведения опросов значительно повышают качество ответов респондентов и обработку результатов. Сервисы автоматически составляют базы, исключая ошибки, которые могут возникнуть при ручном вводе данных [3].

Таким образом, изучение общественного мнения позволяет составить прогнозы для реализаций творческих проектов социального характера в условиях глобализации с применением цифровых технологий. Средства массовой коммуникации являются наиболее эффективным инструментом управления общественным мнением в современном мире. Глобализация определяется как основополагающая тенденция в эволюции современных технологий управления общественным мнением. С развитием средств массовой коммуникации и иных современных технологий, а также в связи с глобализацией экономических и политических процессов управления общественным мнением перестало ограничиваться пределами одного государства. На сегодняшний момент общественное мнение обуславливается различными факторами международной социально-экономической и политической среды, что способствует проявлению его турбулентного состояния.

Список литературы

1. Дарити мл. У.А. Международная энциклопедия социальных наук. США: Справочник Macmillan. 2008. 365 с.
2. Грабельных Т.И. «Интеллектуализация» общественного мнения в условиях становления цифрового общества // Интеллектуальный капитал в XXI веке: сб. науч. тр. ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск: Оттиск, 2019. С. 64
3. Общественное мнение // Информационный портал «ИНТУИТ». URL: <https://intuit.ru/studies/courses/2296/596/lecture/21192> (дата обращения: 02.03.2022).

Информация об авторе

Рыбак Наталья Станиславовна (Россия, Иркутск) – студент, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет (664025, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 3; e-mail: nirk2k@gmail.com).

PUBLIC OPINION IN THE TECHNOLOGIES OF SOCIAL CREATIVITY IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION AND DIGITALIZATION

Abstract. *The article examines public opinion through the practice of social creativity. The technologies for studying public opinion as a tool of public control are determined. Attention is focused on the technologies of social creativity and public opinion in the context of digitalization.*

Key words: *public opinion, creativity, social creativity, social creativity technologies, digitalization, globalization.*

Information about the author

Rybak Natalia S. (Russia, Irkutsk) – student, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University (664025, Irkutsk, Lenin str., 3, e-mail: nirk2k@gmail.com).

Bibliography

1. Darity Jr. W.A. International Encyclopedia of Social Sciences. USA: Macmillan Handbook, 2008. 365 p.
2. Grabelnykh T.I. «Intellectualization» of public opinion in the conditions of the formation of a digital society // Intellectual capital in the XXI century: collection of scientific tr. / FGBOU VO “IGU”. Irkutsk: Ottisk, 2019. P. 64.
3. Public opinion // Information portal “INTUIT”. URL: <https://intuit.ru/studies/courses/2296/596/lecture/21192> (accessed 02.03.2022).

ВОЛОНТЕРСТВО КАК АДАПТАЦИОННАЯ ПРАКТИКА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В статье определяется место и роль волонтерства в период пандемии COVID-19. Рассматриваются основные формы волонтерской активности, предметы и цели данной деятельности, а также основные причины отказа от данной практики. Проводится сравнительный анализ поведенческих стратегий волонтерства, как адаптационной практики.

Ключевые слова: COVID-19, волонтерство, формы волонтерской деятельности, социальная ответственность, социальная практика, поведенческие стратегии адаптации, население Республики Беларусь.

Мировая пандемия COVID-19 как вызов благосостоянию и здоровью человечества породила ряд ответных феноменов. Одной из необходимых форм ответа населения на данный вызов явились антиковидные социальные практики, которые определяются как целенаправленные действия индивидов по преобразованию социального мира, повседневные и привычные поступки. Коронавирусная инфекция выступила фактором всестороннего преобразования социальной среды, что привело к формированию стратегий адаптации. В этом смысле социальной адаптацией к COVID19 является приспособление населения к мерам профилактики заболевания, снижение стрессовости и напряжения в отношении угроз распространения инфекции, частичное принятие текущей социальной ситуации как «новой нормальности» социального пространства [1].

Типологию стратегий социальной адаптации к коронавирусной инфекции можно рассматривать в контексте трех основных моделей поведения: COVIDпанической, COVIDнормальной и COVIDдиссидентской. Каждая из обозначенных стратегий обладает собственным набором атрибутивных характеристик, которые формируют основание модели типологии социальных адаптаций в условиях распространения COVID19 и включают в себя набор таких показателей, как уровень тревожности, самоидентификация с типом реакции, периодичность отслеживания информации о COVID19; разнообразие выполняемых мер профилактики. Сопоставление идеально-типически поведенческих моделей с другими показателями исследования позволяет судить об особенностях социального портрета приверженцев различных стратегий. Способность населения к социальной адаптации – процессу приспособления социального агента к новым условиям социальной среды – является необычайно ценным ресурсом современного общества.

Волонтерство как один из наиболее важных институтов гражданского общества беспрецедентно демонстрирует свою значимость в условиях COVID-19. Начало пандемии показало, насколько человечество нуждается в помощи волонтеров. Борьба с эпидемией сплотила миллионы равнодушных людей. Волонтерство представляется как социальная активность, как устойчивое свойство личности и совокупность социально значимых действий, направленных на осознанное взаимодействие с социальной средой.

Институтом социологии НАН Беларуси в 2021 г. производилось два замера общественного мнения населения Республики Беларусь по вопросам распространения

COVID-19 (март и ноябрь). Данные были получены посредством республиканского телефонного опроса, проведенного с помощью системы автоматизированного компьютеризированного телефонного интервью CATI (объем выборки – 1050 респондентов с контролем квот полу, возрасту, типу населенного пункта, образованию; ошибка выборки – ± 3 %). В двух исследовательских волнах рассматривалась роль волонтерства в условиях пандемии. Анализ волонтерской помощи в медицинской сфере и к населению позволил рассмотреть данную социальную услугу как одну из практик, на которую эпидемиологическая ситуация оказала влияние. При сравнении двух замеров заметно, как меняется отношение к волонтерской помощи, как социальному аспекту во время пандемии.

По мнению 16,6 % населения мартовского опроса волонтерство входит в четверку наиболее эффективных мер по борьбе с распространением коронавируса (уступая отмене массовых мероприятий, самоизоляции и переводу на удаленную работу или дистанционное обучение). Спустя полгода, в ноябрьском опросе, эта социальная практика понижает свои позиции более, чем в два раза (7,5 % по республике). Несмотря на то, что данный вид социальной практики снижает свои позиции в оценках общества, волонтерство как вид социальной помощи присутствует, изменяя свою актуальность и нагрузку.

В мартовском исследовании данная практика выделяется в основном у COVID-нормальной группы, где наблюдается более активная тенденция к одобрению. Но в ноябрьском замере этого не наблюдается. Что не может подтвердить постоянство выбора данной практики населением, но свидетельствует о косвенном влиянии на нее коронавирусной инфекции.

По результатам двух исследовательских замеров подтверждается, что волонтерство находит больше отклик у представителей COVID-диссидентской группы, где отмечается рост его положительной оценки (от 15,7 до 17,0 %). Соответственно у представителей COVID-панической и COVID-нормальной стратегий роль социальной помощи оценивается ниже. Но и количество затруднившихся с определением эффективных мер уменьшается в этих группах в отличие от представителей диссидентской группы, в которой увеличивается.

Следует отметить, что волонтерство как форма социальной активности приобретает в период распространения COVID-19 особое значение и по отношению к сфере медицины. В исследовании данная форма поведения населения рассматривалась как оказание финансовой и иной помощи медикам. По результатам ноябрьского замера оказание финансовой и социальной помощи медикам по борьбе с COVID-19 отмечается наименьшим количеством респондентов (2,5 % по республике) по сравнению с другими показателями изменения поведения в связи с распространением пандемии. Следует отметить, что данный показатель уменьшился в три раза по сравнению с мартовским замером (7,0 %). Весомых изменений среди поведенческих стратегий не отмечается.

В ноябрьском исследовании замерялись проявления социальной и добровольной помощи. По мнению опрошенных, больше всех нуждаются в волонтерской помощи пожилые люди (70,0 %), медицинские работники (42,4 %) и люди, потерявшие близких из-за коронавируса (38,9 %). Каждый третий (31,7 %) добавил к перечню и категорию лиц, тяжело перенесших заболевание. Всего 1 % высказали мнение, что никто из населения не нуждается в социальной помощи.

При сравнении по трем группам поведенческих стратегий выявляется, что выбор и последовательность категорий людей отличается. Так представители COVID-па-

нической стратегии выделяют пожилых людей, потерявших близких из-за коронавируса, медицинских работников. Для данной группы характерно внимание к людям тяжело перенесшим коронавирус. Для представителей двух других стратегий порядок одинаков: пожилые люди, медицинские работники и люди, потерявшие близких из-за коронавируса.

В целом по республике оказание волонтерской помощи группам населения выглядит в таком же порядке, как определение нуждающихся групп для данной услуги. Показатели намного ниже, но приоритетная последовательность повторяется. Принимающие участие в волонтерской или социальной помощи чаще отмечают содействие в доставке продуктов питания и других необходимых вещей (57,6 %) и оказание финансовой помощи (30,1 %). Реже помощь проявлялась в быту (16,3 %) и в уходе за больными и переболевшими коронавирусом (11,7 %). Участники волонтерской помощи в основном оказывают помощь в доставке продуктов питания и других необходимых вещей: 55,2% среди представителей COVID-нормальной стратегии, 53,4 % – COVID-диссидентской, 72,7 % – COVID-панической.

Оказание финансовой помощи на втором месте по частоте оказания волонтерами. У группы COVID-диссидентов эта поддержка отмечается у 33,9 %, в то время как у представителей COVID-панической стратегии не более 26,1 %. Помощь в уходе за больными и переболевшими коронавирусом проявляется только у представителей COVID-панической стратегии. Бытовую помощь оказывают активнее представители двух других стратегий.

По результатам опроса выяснилось, что большинство (74,2 %) респондентов никому не оказывало помощь в сложившейся эпидемиологической ситуации. Соответственно и при рассмотрении поведенческих стратегий этот ответ присущ каждой группе в равной мере. При этом для представителей COVID-панической стратегии характерно оказание волонтерской помощи для пожилых людей, тяжело переболевших и потерявших близких из-за коронавируса. Для представителей COVID-диссидентства свойственно помогать медицинским работникам и пожилым людям. Но при этом не проявлять добровольную и социальную помощь тяжело переболевшим и потерявшим близких из-за коронавируса.

Основными аргументами среди респондентов, не оказавшихся в роли помощников-волонтеров, отмечается отсутствие доступной информации о нуждающихся в оказании услуги (30,4 %), финансовые возможности (25,9 %) и отсутствие времени для социальной помощи нуждающимся (24,6 %). При этом 12,2 % опрошенных признаются, что сами являются нуждающимися в волонтерской помощи. А 6,8 % считают, что каждый должен самостоятельно справляться с проблемами в условиях распространения коронавируса. Менее 1,5 % считают волонтерскую помощь малоэффективной.

Сравнительный анализ трех поведенческих стратегий адаптации демонстрирует основные отличия по причинам отсутствия помощи. Для представителей COVID-панической стратегии отсутствие финансовых возможностей и доступной информации является основными аргументами. При этом данная группа является более слабой и ранимой в период пандемии. Поэтому для них свойственно признание, что они также нуждаются в оказании помощи. Представители COVID-нормальной стратегии объясняют отсутствие волонтерской помощи со своей стороны отсутствием доступной информации о нуждающихся, времени и только потом финансовыми затруднениями. В отличие от представителей других

стратегий у них действует принцип не оказания социальной помощи, если она не была оказана им (97,1 %).

Как показывает практика, волонтеры работают в разных направлениях: психологическая поддержка, материальная помощь, помощь с бытовыми делами, покупка продуктов и лекарств. Все это и многое другое делают добровольцы – они берутся за всё, о чем их попросят нуждающиеся. Проведенный анализ демонстрирует, что волонтерство способствует по мере возможностей борьбе с коронавирусной инфекцией в период пандемии.

Помощь оказывается максимально разными способами, и даже самая незначительная, на первый взгляд, поддержка может сыграть немалую роль в той или иной ситуации. Волонтерство как социальная адаптационная практика заметно актуализируется в период «растущего ковида». Проявление и влияние данного поведения можно описать волнообразно.

По данным официальных источников в пиковые периоды роль волонтерства возрастала в оценках и мнениях населения. А при ослаблении вирусологизации акцент на данную социальную услугу снижается. Поэтому практика социальной и добровольной помощи есть в любой период вне зависимости от кризиса и заболевания. Волонтерство адаптирует целенаправленные действия индивидов по преобразованию социального мира, повседневные и привычные поступки в условиях COVID-19. Пандемия позволила данной практике интериоризироваться и обрести новый социальный контекст её необходимости.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта №Г21КО-ВИД017 «Стратегии социальной адаптации населения Республики Беларусь в условиях распространения инфекции COVID-19».

Список литературы

1. Безнюк Д.К. Социальные практики адаптации населения Беларуси к ситуации в обществе // Дзяржава і творчая асоба. Матэрыялы XII Міжнароднай канферэнцыі, 16 красавіка 2021 г. Мінск: БДАМ, 2021. С. 22–26.

Информация об авторе

Сахарова Екатерина Владимировна (Республика Беларусь, Минск) – заведующий сектором информационного обеспечения, Центр оперативных исследований, Институт социологии НАН Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск 220072, ул. Сурганова, 1; e-mail: kating@rambler.ru).

Sakharava K.V.

VOLUNTEERING AS AN ADAPTIVE PRACTICE IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. *The article defines the place and role of volunteering during the Covid19 pandemic. The main forms of volunteer activity, the objects and goals of this activity, as well as the main reasons for abandoning this practice are considered. A comparative analysis of behavioral strategies of volunteering as an adaptive practice is carried out.*

Key words: *COVID-19, volunteering, forms of volunteer activity, social responsibility, social practice, behavioral adaptation strategies, the population of the Republic of Belarus.*

Information about author

Sakharova Katsiaryna V. (Minsk, Republic of Belarus) – sector manager, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (220072 Minsk. Surganova st., 1, building 2, room 211; e-mail: kating@rambler.ru).

Bibliography

1. Beznyuk D.K. Social practices of adaptation of the population of Belarus to the situation in society // *Dzyarzhava i creative asoba. Materyaly XII Mizhнародnai kanferencyi*, 16 krasavika 2021. Minsk: BDAM. 2021. P. 22-26.

ПОИСК ПУТЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И БАЛАНСА ГОСУДАРСТВА, БИЗНЕСА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ И ВОЛОГОДСКОГО ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО БАНКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Поиск путей взаимодействия и баланса государства, бизнеса и гражданского общества в современный период невозможно понять без изучения исторического прошлого. Поэтому важным является изучение опыта взаимодействия Городской Думы, Вологодского Городского общественного банка и общества во второй половине XIX – начале XX века.

Ключевые слова: Вологодская губерния, Городской общественный банк, Городская Дума, учетный комитет, ревизионная комиссия, ликвидационные комиссии.

Первый в России городской общественный банк был образован в Вологде в 1788 г., работа с клиентами началась 15 июня 1789 г. Созданием банка преследовались, по крайней мере, две основные цели: содействие «размножению коммерции», т.е. развитие торговли и промышленности, кредитование, главным образом, мелких и средних предпринимателей и выделение денежных средств на городские нужды, в т.ч. благотворительность, куда направлялась значительная часть прибыли, полученная от доходов банковских операций. Деятельность Вологодского городского общественного банка была обширной: прием вкладов от населения, учет векселей, выдача ссуд под залог ценных бумаг, а также под залог недвижимости и драгоценностей.

После реформ 60-70-х годов XIX в. все городские общественные банки передавались в ведение городских дум. Вологодский городской общественный банк начал действовать под руководством городской думы в 1874 г. Дума оказывала большое влияние на деятельность банка: выбирала из числа своих гласных директора на трехлетний срок; назначала бухгалтера и кассира; определяла смету расходов по управлению банком, устанавливала размеры жалования, премий служащим, списывала долги неплательщиков. Гласные городской Думы присутствовали на торгах при продаже заложенной в банке недвижимости. Дума выбирала из числа гласных членов учетного комитета (для учета векселей) и оценочной комиссии (оценка драгоценностей, недвижимости, предлагавшихся банку в качестве залога), которые работали безвозмездно.

Городская Дума была заинтересована в эффективной работе банка, т.к. девять десятых годовых прибылей от его оборотов за покрытием необходимых расходов и отчислением от 10 до 20 % в основной и резервный капитал распределялось по усмотрению думы. Реализацией же этих чистых доходов занималась Городская Управа, имевшая в банке свой счет. На городские нужды: ремонт мостовых, строительство водопровода, освещение, озеленение города, а также на благотворительность отчислялись немалые средства. Только в 1907 г. на содержание городских училищ и выдачу субсидий казенным учебным заведениям – 23093 руб., на общественные богадельни – 1150 руб. Кстати, суммы, направлявшиеся на благотворительные цели, не облагались промысловым налогом [1].

Городская Дума обсуждала и утверждала отчеты общественного банка. С этой целью избиралась ревизионная комиссия из числа гласных, от банка в нее входили

директор, бухгалтер и кассир. Ревизионными комиссиями проверялись данные по вкладам, ценным бумагам, движению имущества; отчет банка сверялся с подлинными документами. После утверждения отчет высылался в министерство финансов, министерство внутренних дел. Отчеты печатались в «Вологодских губернских ведомостях», «Московских» и «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Биржевых ведомостях». Как правило, результаты проверок ревизионными комиссиями были положительными. Однако в 1875 г. комиссия нашла результаты ревизии Вологодского городского общественного банка неудовлетворительными, и свои замечания представила на рассмотрение городской думы, обязав правление банка учесть замечания и принять меры по их устранению. В целом же Дума благодарила правление общественного банка за работу, награждала его членов, благодарила и гласных за проделанную работу. В процессе проверки деятельности банка министерством финансов в 1893 г. было установлено, что «положение дел в банке не внушает опасения». В состав ревизионной комиссии от городской Думы вошли два гласных А.П. Осокин и П.А. Лоцилов.

В мае 1788 г. общим собранием городского общества было принято, разработанное городской думой Положение о банке, которое было утверждено Вологодским наместническим правлением. Основной капитал банка был образован из суммы превышения городских доходов над расходами и сбора записей семей вологжан во вновь создаваемую городскую обывательскую книгу. С каждой тысячи рублей, объявленного купцами капитала, собирали по 50 копеек, а с мещан и цеховых – по 10 копеек с души, что в итоге составило 1690 рублей ассигнациями. Всего же было собрано около 4000 руб. [2].

Целями деятельности банка являлись: содействие «размножению коммерции», т.е. развитию торговли и промышленности, и оказание помощи городу в проведении благотворительных мероприятий, куда направлялась часть прибыли.

К началу 1880-х годов большую роль в деятельности банка играло кредитование. В Вологодском отделении кредитовался Городской общественный банк, а в 1913 г. был открыт кредит и для Вологодского отделения Русского для внешней торговли банка. Но прежде, чем открыть кредит для того или иного лица, банк собирал о нем очень подробную, в том числе и секретную, информацию, ведь кредит иногда пытались выписать на несуществующих или некредитоспособных лиц. В таких случаях говорили о «пустом», или «дудом», векселе. Отделение интересовало подробные сведения об имущественном положении и торговых делах векселедателя; с какого времени и какими товарами производится торговля; приблизительная цифра годового оборота; в каком из страховых обществ от огня застраховано имущество; стоимость недвижимого имущества; где и в какой сумме оно заложено; у кого покупают и кому продают товары; векселя каких лиц предлагают предъявить к учету; местожительство.

Кроме того, интересовались репутацией кредитующихся в банке лиц среди населения. Подобные сведения излагались податными инспекторами, волостными старшинами и другими лицами в письменном виде. Например, в документах можно найти характеристику следующего вида: «Репутация Войкова среди местного населения хорошая» или «Крестьянин Василий Александрович Соколов пользуется репутацией состоятельного и честного лица» [4, с. 216].

Согласно отчетам, банк принимал вечные, срочные и бессрочные вклады. Проценты с капиталов на вечные времена (с вечных вкладов) выделялись на благоотво-

рительные цели. Одними из самых крупных благотворителей были потомственный почетный гражданин купец В.И. Грудин; московский, бывший вологодский, купец, мануфактур-советник, потомственный почетный гражданин И.А. Колесов; купец И.В. Шапошников. По их духовным завещаниям проценты с капиталов соответственно в 20, 33, 10,5 тысяч рублей поступали на разные благотворительные цели: «на платежи за бедных здешних мещан, малоприходским церквям г. Вологды» и др. Через банк проходили и коллективные пожертвования. Так, в 1861 г. от лиц городского сословия было пожертвовано на призреваемых в общественных богадельнях 2580 рублей. В банке находились вклады по опекам, принадлежавшие несовершеннолетним наследникам. В 1832 г. таких счетов насчитывалось более двадцати [5].

Прибыли банка составляли проценты от операций по учету векселей, выдаче ссуд, проценты от ценных бумаг запасного капитала, доходы от продажи процентных бумаг. Часть прибыли по операциям шла на содержание правления, выдачу процентов по всем вкладам и др. Остальная сумма прибыли банка распределялась следующим образом: 10% отчислялось в резервный капитал, 10% – в основной, 20% прибыли шло на городские нужды, 60% – на дела благотворения и воспитания. При этом прибыль, употребленная на благотворительные дела, освобождалась от налогообложения. Для этого данная сумма должна была быть выяснена в отчете, а в Положении банка должен был существовать отдельный пункт, указывающий, что банк отчисляет средства на благотворительность. В период с 1841 г. по 1878 г. от банка на содержание богаделен было выделено более 62 тыс. руб., бедным гражданам – более 19 тыс. руб., учебным заведениям – более 24 тыс. руб., церквям и монастырям – более 10 тыс. руб. и на содержание членов сиротского суда – более 2 тыс. руб. [1].

Социально-направленная деятельность банка также выражалась в том, что часть прибыли могла направляться на покрытие протестованных векселей, в случае признания должников неплатежеспособными. По решению городской думы за период с 1841 по 1914 г. было списано со счетов «по безнадежности» 175 тыс. руб.

После Октябрьской революции 1917 г. декретом ВЦИК было монополизировано банковское дело в России, т.е. проведена национализация банковских кредитных учреждений. В декабре 1918 г. выходит постановление Народного Комиссариата финансов, подписанное народным комиссаром финансов Н. Кретинским о ликвидации к 1 февраля 1919 г. городских общественных банков, в связи с чем, было предписано организовать ликвидационные комиссии [3]. В 1919 г. Вологодский городской общественный банк, который оказал большое влияние на развитие города, был ликвидирован.

На наш взгляд, такие муниципальные банки должны существовать и в современной России, т. к. они способствуют развитию торговли, промышленности; банком выделялись значительные средства на благотворительность, производились отчисления на городские нужды. Своевременное проведение ревизий помогало банку совершенствоваться и улучшать работу, выявлять недостатки для ее дальнейшего улучшения.

Городской банк имел на своей стороне симпатии общества, решал важные проблемы городского населения: содействовал развитию коммерции, строительству, пополнял городской бюджет, занимался благотворительной деятельностью. Услуги банка пользовались большим спросом, так как многие городские жители, особенно малоимущие, с помощью кредитов, учета векселей решали свои насущные пробле-

мы. Данная проблема является актуальной и сегодня, так как социально-направленная деятельность банка может и сейчас служить хорошим примером взаимовыгодных отношений общества, властей и кредитных учреждений.

Список литературы

1. Отчеты о действиях Вологодского городского общественного банка за 1874-1918 гг. // Вологодские губернские ведомости. URL: www.booksite.ru
2. Отчеты о действиях Вологодского городского общественного банка за 1867-1903 гг. // Вологодские губернские ведомости. 1870. № 8; 1871. № 6; 1872. № 4; 1878. № 47; 1881. № 32; 1896. № 36; 1903. № 31.
3. Постановление народного комиссариата финансов о ликвидации городских общественных банков от 2 декабря 1918 г. // Известия Вологодского Губернского Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов» от 29 января 1919 г. № 237.
4. Смирнова, Н.С. Роль Вологодского отделения государственного банка во второй половине XIX – начале XX века в повышении качества жизни населения / Н.С. Смирнова // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы V междунар. науч.-практ. интернет-конф. Ч. 1. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. С. 215-218.
5. Старая Вологда. XII – начало XX в.: сб. документов и материалов. Вологда 2004. С. 281.

Информация об авторе

Смирнова Наталья Сергеевна (Россия, Вологда) – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и мировой политики, Вологодский государственный университет (Россия, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: NS_history@mail.ru).

Smirnova N.S.

SEARCH FOR WAYS OF INTERACTION AND BALANCE OF THE STATE, BUSINESS AND CIVIL SOCIETY IN THE VOLOGDA PROVINCE ON THE EXAMPLE OF INTERACTION OF THE CITY DUMA AND THE VOLOGDA CITY PUBLIC BANK IN THE SECOND HALF OF THE XIX– EARLY XX CENTURY

Abstract. *The search for ways of interaction and balance between the state, business and civil society in the modern period cannot be understood without studying the historical past. Therefore, it is important to study the experience of interaction between the City Duma, the Vologda City Public Bank and the society in the second half of the XIX – early XX century.*

Key word: *Vologda Province, City Public Bank, City Duma, accounting Committee, audit commission, liquidation commissions.*

Information about author

Smirnova Natalia S (Russia, Vologda) – candidate of historical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of General history and world politics, Federal state budgetary educational institution of higher education Vologda state University (Russia, 160000, Vologda, Lenina street, 15, NS_history@mail.ru).

Bibliography

1. Reports on the actions of the Vologda City Public Bank for 1874-1918 // Vologda provincial Vedomosti (access mode www.booksite.ru)
2. Reports on the actions of the Vologda City Public Bank for 1867-1903. // Vologda provincial Vedomosti. 1870. № 8; 1871. № 6; 1872. № 4; 1878. № 47; 1881. № 32; 1896. № 36; 1903. № 31.
3. Resolution of the People's Commissariat of Finance on the liquidation of city public banks of December 2, 1918 // News of the Vologda Provincial Executive Committee of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies" of January 29, 1919. No. 237.
4. Smirnova, N.S. The role of the Vologda branch of the State Bank in the second half of the XIX – early XX century in improving the quality of life of the population / N.S. Smirnova // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions: materials of the V International Scientific-practical. Internet conference Part 1. Vologda : FSBI VolSC RAS, 2020. P. 215-218.
5. Old Vologda. XII – early XX century. // Collection of documents and materials. Vologda 2004. P. 281.

МЕТОДЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВА И ОБОРОТА АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В статье рассматриваются основные методы государственного контроля в сфере производства и оборота алкогольной продукции в современной России. В статье предпринята попытка рассмотреть изменения, произошедшие в рассматриваемой сфере на фоне пандемии коронавируса.

Ключевые слова: государственное регулирование, производство и оборот алкогольной продукции, контроль, пандемия, коронавирусная инфекция.

В условиях пандемии COVID-19 в большинстве стран мира были приняты решительные меры в целях прекращения распространения коронавируса среди населения. В Российской Федерации также были введены ограничительные меры для предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции, затрагивающие большинство сфер общественной жизни. Особого внимания заслуживает проблема оборота алкогольной продукции в период пандемии COVID-19. Согласно рекомендациям Всемирной организации здравоохранения, в период пандемии необходимо воздержаться от употребления алкоголя, так как заболевание, вызванное новой коронавирусной инфекцией, может протекать тяжелее у людей, употребляющих алкоголь. В данной ситуации анализ методов федерального государственного контроля (надзора) в области производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции представляется актуальным и перспективным для изучения.

Методы государственного регулирования в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции получили законодательное закрепление в федеральном законе № 171-ФЗ, в который за последние два года было внесено ряд существенных поправок [6].

Анализ норм законодательства позволяет сделать вывод о том, что существующая система административно-правового регулирования производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции преимущественно связана с применением административных методов контроля и не всегда учитывает особенности рыночной экономики.

Государство осуществляет достаточно жесткую и централизованную политику. В последнее десятилетие можно наблюдать тенденцию к концентрации управления в руках государства, а также значительное сокращение полномочий субъектов Российской Федерации и повышение роли федеральных органов государственной власти в сфере регулирования, производства и оборота алкогольной продукции. По мнению ряда исследователей, сокращение роли субъектов Российской Федерации в регулировании алкогольной отрасли могут негативно сказаться как на качестве алкогольной продукции, так и на масштабе распространения фальсифицированного алкоголя. Это связано с тем, что за период определенной децентрализации управления субъектами Российской Федерации были созданы системы контроля, не позволяющие проникать фальсифицированной продукции на внутренние рынки регионов.

Преобладание административных инструментов регулирования (лицензирование производства и оборота алкогольной продукции; установление государствен-

ных стандартов качества (ГОСТ); государственный контроль за перемещением алкоголя посредством введения в действие системы ЕГАИС; установление требований к размеру минимального уставного капитала для предприятий, производящих и реализующих алкогольную продукцию) над экономическими (закрепление законом минимальных цен на алкогольную продукцию, а также регулирование экспорта, импорта, ставок акцизов, таможенных пошлин) позволяют некоторым исследователям утверждать, что в настоящее время в России представлен «отраслевой рынок с преобладанием институциональных барьеров».

Для обеспечения эффективности предпринимательской деятельности в рыночных условиях хозяйствования необходимо обеспечение организационно-правовых основ предпринимательской деятельности; создание правовых условий функционирования рыночного механизма хозяйствования и условий свободного предпринимательства; установление и соблюдение рыночных правил и этико-правовых норм предпринимательства; обеспечение повышения эффективности производства хозяйствующими субъектами; развитие предпринимательской инфраструктуры; обеспечение социально-экономических основ предпринимательства. Таким образом, необходимо обеспечить разумное сочетание административно-правового регулирования и экономических механизмов рынка, в частности следует определить правовое положение субъектов хозяйственной деятельности, ослабить бюрократический контроль, выработать корпоративные правила деятельности. Однако на практике имеется немало сложностей в решении этой проблемы в России.

Наиболее распространенными и действенными экономическими методами государственного регулирования экономики в западных странах являются: политика ценообразования, таможенная и налоговая политика, участие предприятий с государственной формой собственности в качестве рядовых игроков на рынке алкоголя, государственное среднесрочное общенациональное планирование. Так или иначе, все эти методы представлены в России, однако, в связи со спецификой российского рынка действуют они не столь эффективно, как в западных странах.

Политика ценообразования в западных странах, как правило, заключается в том, что государство устанавливает чрезвычайно высокую цену на крепкие алкогольные напитки, что в совокупности с ограничением числа точек продажи такой продукции неизбежно приводит к уменьшению потребления алкоголя в обществе [2, с. 89]. Например, североевропейские страны смогли справиться с тяжелой алкогольной эпидемией, установив высокие цены на водку. Если в России бутылка водки (0,75 л.) стоит примерно 3,67 доллара, то в Швеции тот же объем крепких алкогольных напитков обходится в 23,8 доллара, в цена 0,5 литра водки «Финляндия» в магазине Alko составляет 25 долларов, а в Норвегии – в 33,6. В скандинавских странах алкогольные напитки (как правило, с содержанием спирта выше 4,7-5%) продаются только в государственных магазинах, за исключением обслуживания в барах. Цены в государственных магазинах достаточно высоки, особенно на крепкие напитки, эти магазины работают только в дневное время, количество таких торговых точек ограничено. Преимуществом такого подхода к розничной продаже алкогольных напитков заключается в том, что эти меры позволяют минимизировать коммерческий интерес, который в данной сфере, как правило, является социально деструктивным и противоречит интересам общества [5].

Указанный действенный в европейских странах способ, к сожалению, не применим в России. Даже относительно небольшая среднерыночная цена в три

доллара за стандартную бутылку водки в подавляющем большинстве случаев оказывается совершенно неприемлемой для среднего российского потребителя. Установление по аналогии со скандинавскими странами цены на водку приведет к банкротству всех легальных производителей алкоголя и распространению самогонварения и продажи различных алкогольных суррогатов. Эксперты считают, что установление минимальных цен поставки и розничной продажи алкогольной продукции позволяет сократить объемы продаж контрафактного алкоголя. Так, согласно Приказу Росалкогольрегулирования с 1 января 2011 года были установлены фиксированные минимальные цены на водку и коньяк [4]. Законодатели определили цену для всей торговой цепочки: цена завода-производителя, минимальная оптовая цена, розничная цена. Минимальная цена также была установлена на шампанское, бренди и другую алкогольную продукцию свыше 28%, произведенную из винного, виноградного, плодового, коньячного, кальвадосного, вискового дистиллятов, за исключением коньяка. По оценкам специалистов, такая мера позволяет снизить риск появления дешевой, а значит нелегальной алкогольной продукции. Также установление фиксированной минимальной цены на алкоголь позволяет контролирующим органам через систему ЕГАИС выявлять факты продажи фальсификата.

Верная таможенная политика государства также может привести к положительным изменениям на алкогольном рынке страны. Однако в России, легальные производители алкоголя зачастую сталкиваются с ситуацией, когда импортеры алкогольной продукции находятся в более привилегированном положении, чем национальные предприятия. Налоговая политика также является эффективным экономическим инструментом регулирования рыночной экономики. Грамотная налоговая политика, в том числе налоговые льготы, благодаря которым может быть понижена цена на алкогольную продукцию, а значит увеличена доля потребления легальной алкогольной продукции, может существенно повлиять на снижение уровня криминальной обстановки в рассматриваемой сфере.

Одним из наиболее действенных и перспективных способов государственного регулирования рыночной экономики является государственное среднесрочное общенациональное программирование. Важность единой государственной политики регулирования рынка алкогольной продукции неоднократно подчеркивалась не только в научных работах, но и в заявлениях политиков. В 2015 г. распоряжением Правительства Российской Федерации от 26.11.2015 «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по стабилизации ситуации и развитию конкуренции на алкогольном рынке» был принят план развития алкогольного рынка России. Согласно данному документу предполагается повышение ответственности за нарушение законов, регулирующих алкогольный рынок, усиление контроля за рынком алкогольной продукции, в частности посредством ЕГАИС.

В период пандемии COVID-19 в Правительство РФ неоднократно поступали предложения об ограничении времени продажи алкогольной продукции, вплоть до полного запрета продажи алкоголя на время борьбы с распространением коронавируса. Данные инициативы не были поддержаны Правительством Российской Федерации. Стоит отметить, что по данным Росалкогольрегулирования, по сравнению с 2019 годом объемы продаж алкогольной продукции в 2020 году выросли на 2%. В 2021 году продажи алкоголя выросли всего в двух десятках регионов. Например,

почти в полтора раза больше алкоголя стали пить в Чечне, Карачаево-Черкесии, Ненецком автономном округе и Калининградской области [1]. В результате, каких-либо серьезных ограничений в сфере производства и оборота алкогольной продукции в связи с пандемией коронавируса на территории Российской Федерации не последовало. Вместе с тем, в целях поддержки субъектов предпринимательства в условиях пандемии коронавирусной инфекции и минимизации ее последствий в апреле 2020 г. было утверждено постановление Правительства Российской Федерации от «О продлении действия разрешений и иных особенностях в отношении разрешительной деятельности в 2020 году»[3], предусматривающее в том числе продление на 12 месяцев действия лицензий на производство и оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции (в том числе лицензий на розничную продажу алкогольной продукции и розничную продажу алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания), сроки действия которых истекают или истекли в период с 15 марта по 31 декабря 2020 года.

Библиографический список

1. Антонов С. Как пандемия повлияла на продажи алкоголя в России. URL: <https://journal.tinkoff.ru/stat-no-alco/> (дата обращения 16.03.2022).
2. Мартынов А.С. Административно-правовое регулирование производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции: проблемы совершенствования методов государственного управления: дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Мартынов. М., 2008. 206 с.
3. О продлении действия разрешений и иных особенностях в отношении разрешительной деятельности в 2020 году: Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 № 440. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355202/ (дата обращения: 16.03.2022).
4. Об установлении и введении с 1 января 2011 года минимальных цен на коньяк и внесении изменений в приказ Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка от 20 апреля 2010 г. № 29н: Приказ Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка от 28.10.2010 № 61н // Российская газета. 2010. № 5356.
5. Соколова Т.Л. Международный опыт государственного регулирования производства и оборота алкогольной продукции (на примере стран Северной Европы) // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты: мат-лы IX Всерос. науч.-практ конф. с междунар. участием. Вологда, 2021. С. 328-335.
6. О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 145-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351160/#dst100008 (дата обращения 14.02.2022).

Информация об авторе

Соколова Татьяна Леонидовна (Россия, Вологда) – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, ВИПЭ ФСИН России (160002, Вологодская область, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2; e-mail: vipe@35.fsin.su).

METHODS OF FEDERAL STATE CONTROL (SUPERVISION) IN THE FIELD OF PRODUCTION AND TRAFFIC OF ALCOHOLIC AND ALCOHOL-CONTAINING PRODUCTS UNDER THE CONDITIONS OF THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. *The article discusses the main methods of state control in the production and circulation of alcoholic beverages in modern Russia. The article attempts to consider the changes that have taken place in this area against the backdrop of the coronavirus pandemic.*

Key words: *state regulation, production and circulation of alcoholic products, control, pandemic, coronavirus infection.*

Information about author

Sokolova Tatiana L. (Russian Federation, Vologda) – Candidate of Historical Sciences, assistant professor of the department of state and legal disciplines Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (Vologda, Shchetinina str., 2. E-mail: vipe@35.fsin.su).

Bibliography

1. Antonov S. How the pandemic affected alcohol sales in Russia URL: <https://journal.tinkoff.ru/stat-no-alco/> (Accessed: 03/16/2022).
2. Martynov A.S. Administrative and legal regulation of the production and turnover of ethyl alcohol, alcohol and alcohol-containing products: problems of improving public administration methods: diss. ... cand. legal Sciences. Moscow: 2008. 206 p.
3. Federal Law “On Amendments to Article 16 of the Federal Law “On State Regulation of the Production and Turnover of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products and on Limiting the Consumption (Drinking) of Alcoholic Products” dated April 24, 2020 No. 145-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351160/#dst100008 (date of access: 02/14/2022).
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 440 dated April 3, 2020 “On the extension of permits and other features in relation to permitting activities in 2020”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355202/ (date of access: 03/16/2022).
5. Sokolova T.L. International experience of state regulation of production and turnover of alcoholic products (on the example of the countries of Northern Europe) // Strategy and tactics of socio-economic reforms: national priorities and projects. Materials of the IX All-Russian scientific-practical conference with international participation. Vologda. 2021. P. 328-335.
6. Order of the Federal Service for Regulation of the Alcohol Market dated October 28, 2010 No. 61n “On the establishment and introduction of minimum prices for cognac from January 1, 2011 and amendments to the order of the Federal Service for Regulation of the Alcohol Market dated April 20, 2010 No. 29n” // Russian newspaper. 2010. No. 5356.

ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА РАЗВИТИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация. *Рассмотрено влияние COVID-19 на развитие добровольческого движения. Приведены статистические данные по России и миру, намечены дальнейшие перспективы развития.*

Ключевые слова: *личность, гражданское сознание, объединение, осознанность, доброволец.*

Пандемия COVID-19 негативно отразилась на всех сферах жизнедеятельности людей. Она вырвала нас из привычного образа жизни, изменила приоритеты, привычный уклад. Под ударом оказались сферы бизнеса, экономики, туризма, но всё это несравнимо с человеческими потерями.

Если мы обратимся к статистике, то увидим, что по данным Росстата в 2020 году COVID-19 стал основной причиной смерти более 144 тысяч, а в 2021 году более 390 тысяч человек в России [1]. Как мы видим, цифры с каждым годом увеличиваются. Естественная убыль населения по итогам прошлого года превысила 700 тысяч человек, а это рост почти в 2 раза по сравнению с показателями прошлого года. В первую очередь риску подвержены пожилые люди и люди, имеющие хронические заболевания.

Если же обратиться к мировой статистике, то по данным GOGOV в мире зафиксировано больше шести миллионов смертей от COVID-19. Смертность в России составляет 2,1 %, а в мире 1,3%.

Как мы видим цифры смертности и в России, и в мире внушительные. Наверно каждому пришло осознание, что нет ничего дороже человеческой жизни. Ведь как говорил В. Белинский: «Без здоровья невозможно и счастье». Казалась бы, такая масштабная эпидемия не может иметь положительных последствий, но они были. Такой сильнейший стресс и потрясение для всего человечества, как пандемия, способствовало сплочению людей. Колоссальная нагрузка в больницах, госпиталях показала крайнюю необходимость волонтеров. По данным РИА новости за сутки от COVID-19 умирают 429 пациентов. Именно неравнодушные люди, волонтеры протянули руку помощи в этот сложный для всех период.

Само слово волонтер в переводе с латинского означает «доброволец». Если говорить простым языком, то это люди, которые, добровольно занимаются общественно-полезным трудом. Их главная цель – это принести пользу и помощь каждому, кто нуждается в этом. Волонтерские организации, волонтеры – эти понятия неразрывно связаны с формированием гражданского общества, становлением особых отношений между человеком, сообществом и государством [2].

В Распоряжении Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. №2950-р говорится, что «Добровольчество (волонтерство) является деятельностью в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях решения социальных задач в таких сферах, как образование, здравоохранение, культура, социальная поддержка и социальное обслуживание населения, физическая культура и спорт, охрана окружающей среды, предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций» [3].

В целом добровольческое движение очень обширно. Последние три года до пандемии оно активно развивалось в России. Волонтеры оказывали широкий спектр помощи. Кто-то помогал природе, кто-то животным, кто-то приютам, кто-то оказывал помощь пожилым людям. Невозможно перечислить все сферы, в которых трудились волонтеры. Однако пандемия внесла некие коррективы в их привычный уклад. Ситуация, в которой оказался мир, способствовала тому, что волонтером нужно было, в первую очередь, оказывать помощь медикам и людям, которые оказались на самоизоляции. Сотни и тысячи неравнодушных граждан помогали согражданам с ограниченными возможностями, пенсионерам, врачам, которые ежедневно боролись за жизни пациентов. В своей речи президент России, Владимир Владимирович Путин отметил, что больше 15 млн. граждан приняли участие в добровольческих проектах в период эпидемии.

1) Движение «Волонтеры-медики». Его основателем был Сергей Зихов, врач из Северной Осетии. Сегодня ВОД «Волонтеры-медики» является одной из крупнейших добровольческих организаций в сфере здравоохранения в Европе. Партнерами ВОД «Волонтеры-медики» выступают более пяти тысяч медицинских, образовательных, общественных и других организаций по всей России.

2) #МЫВМЕСТЕ. Это акция, которая была направлена на поддержку пожилых, маломобильных граждан и медицинских сотрудников во время пандемии [4].

3) «Молодёжка ОНФ» — это молодёжное общественное движение, созданное на базе Общероссийского Народного фронта. Основная цель данного движения – это осуществление общественно полезной деятельности и быстрая помощь населению.

Безусловно, таких организаций и общественных движений, созданных в период COVID-19 гораздо больше. Хочется отметить, что все они имели огромную важность и внесли большой вклад в борьбе с пандемией.

Пандемия способствовала не только росту волонтерского движения, но с подвигла изменение «портрета» добровольца. Волонтерами становились не только молодёжь, но и люди среднего возраста (выше 35 лет). Как отметил Виктор Потуремский, директор Института социального маркетинга по политическому анализу: ««Волонтерство – один из главных феноменов этого года. Никогда россияне не были такими социально активными и заинтересованными во взаимопомощи. Слово «доброволец» широко шагнуло через возрастные рамки. Поддержку друг другу готовы оказывать все: от школьников до людей категории 70+».

Важно в момент роста добровольческого движения поддерживать волонтеров на государственном уровне. Создаются условия для реализации себя в рамках этой деятельности, также обсуждаются вопросы развития инфраструктуры волонтерства, выделяются деньги на стипендии студентам и аспирантам, занимающимся добровольческой деятельностью. Все эти льготы и меры поддержки направлены, в первую очередь, на укрепление и дальнейшее развитие данного движения, а также формирования активной социальной позиции населения [5].

Таким образом, следует отметить, что сложности объединяют людей. Пандемия COVID-19 не стала исключением. В такой сложный не только для России, но и для всего мира период нашлись и сплотились люди, которые безвозмездно трудились во благо жизни других. Главное подготовить хорошую почву для этого и стараться всячески поддерживать неравнодушных людей, чтобы число добровольцев увеличивалось, и этот опыт стал хорошим примером для подрастающего поколения. Ведь, когда люди объединяются для общего дела, они становятся увереннее в себе и им не страшны любые невзгоды.

Список литературы

1. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Фатхуллина Л.З., Алексеев С.А. Особенности формирования социальной активности и гражданской позиции у студенческой молодежи // Управление устойчивым развитием. 2018. № 3. С. 45-49.
2. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. №2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 г» URL: <http://static.government.ru/media/files/e6LFLgABRP4MyQ8mW7HClCGR8esYBYgq.pdf> (дата обращения: 22.03.2022).
3. Сайт волонтерского движения #МЫВМЕСТЕ. URL: <https://мывместе2020.рф/> (дата обращения 22.03.2022).
4. Фатхуллина Л.З. Воспитательные функции спортивного волонтерства в студенческой среде. В сборнике: Актуальные психолого-педагогические проблемы в науке и практике. Сборник научных статей V Международной научно-практической конференции. Омск, 2014. С. 413-417.
5. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 22.03.2022).

Информация об авторах

Тазиева Гулия Мансуровна (Российская Федерация, г. Казань) – студентка группы 3201-65, Казанский национальный исследовательский технологический университет (420015, г. Казань, ул. К.Маркса, 68, guliatazieva@yandex.ru).

Юнусова Алия Айратовна (Российская Федерация, г. Казань) – студентка группы 3201-65, Казанский национальный исследовательский технологический университет (420015, г. Казань, ул. К.Маркса, 68, Unusovaalia9@gmail.com).

Истиева Эльвина Ильдаровна (Российская Федерация, г. Казань) – студентка группы 3201-65, Казанский национальный исследовательский технологический университет (420015, г. Казань, ул. К.Маркса, 68, istieva04072002@gmail.com).

Tazieva G.M., Yunusova A.A., Istieva E.I.

THE IMPACT OF COVID-19 ON THE DEVELOPMENT OF THE VOLUNTEER MOVEMENT IN RUSSIA

Abstract. *The influence of COVID-19 on the development of the volunteer movement is considered. Statistical data on Russia and the world are given, further development prospects are outlined.*

Key words: *personality, civic consciousness, association, awareness, volunteer.*

Information about author

Tazieva Guliya M. (Kazan, Russian Federation) – student of group 3201-65, Kazan National Research Technological University (420015, Kazan, st. K. Marks, 68, guliatazieva@yandex.ru).

Yunusova Aliya A. (Kazan, Russian Federation) – student of group 3201-65, Kazan National Research Technological University (420015, Kazan, st. K. Marks, 68, Unusovaalia9@gmail.com).

Istieva Elvina I. (Kazan, Russian Federation) – student of group 3201-65, Kazan National Research Technological University (420015, Kazan, st. K. Marks, 68, istieva04072002@gmail.com).

Bibliography

1. Zinurova R.I., Tuzikov A.R., Fatkhullina L.Z., Alekseev S.A. Features of the formation of social activity and citizenship among students // Management of sustainable development. 2018. No. 3. P. 45-49.
2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2950-r dated December 27, 2018 "On approval of the Concept of Development of volunteerism (volunteerism) in the Russian Federation until 2025" URL:<http://static.government.ru/media/files/e6LFLgABRP4MyQ8mW7HCICGR8esYBYgq.pdf> (accessed 03/22/2022).
3. The website of the volunteer movement #MYPLACE. URL: <https://мывместе2020.рф/> (date of address 03/22/2022).
4. Fatkhullina L.Z. Educational functions of sports volunteering in the student environment. In the collection: Current psychological and pedagogical problems in science and practice. Collection of scientific articles of the V International Scientific and Practical Conference. Omsk, 2014. P. 413-417.
5. Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (date of application 03/22/2022).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОЦИУМА

Аннотация. В статье обосновывается необходимость междисциплинарного подхода в изучении экономического поведения социума. Проведен теоретический обзор существующих теорий и моделей поведенческой экономики, приведены примеры поведения людей в различных жизненных ситуациях, объясняемые социально-психологическими факторами.

Ключевые слова: экономическое поведение, социум, поведенческая экономика, факторы.

Важным вопросом, с которым сталкивается современная экономическая наука, является стремление рассмотреть психологический элемент в изучении экономических процессов. Эта необходимость становится все более высокой из-за тенденции к чрезмерной фрагментации хозяйственной деятельности. Экономическое мышление нуждается во все большей интегративности, междисциплинарности подходов к установлению связей наблюдаемых явлений.

Стремление к точности в экономическом анализе часто способствует игнорированию таких важных психологических аспектов, как индивидуальные и социальные желания, поведение и контролирующие мотивы экономического оператора.

Самый обсуждаемый человек в традиционной экономике, рациональный человек (*Homo economicus*), эгоист (в узком смысле), использующий свои неограниченные когнитивные ресурсы для принятия решений, максимизируя функцию полезности с устойчивыми и четко определенными предпочтениями. Считается, что люди, ведущие себя рационально, действуют в своих интересах, и поэтому их оценки обоснованно считаются наилучшими для них самих. Поэтому в традиционной экономической теории полезность измеряется индивидуальным выбором и предпочтениями, принятыми на основе рациональных допущений, что означает измеримость полезности с точки зрения потребления.

Однако поведенческие факторы подразумевают, что люди не всегда делают оценки, отвечающие их интересам. Значительные отклонения от рациональности в поведении человека обнаружено поведенческой экономикой, пытающейся объяснить, почему люди не всегда ведут себя эгоистично, почему не всегда поступают наиболее логично с экономической точки зрения или почему они придают большее значение определенным объектам, чем другим, имеющим ту же реальную стоимость. Более того, поведенческая экономика пытается давать как можно более подходящие ответы на вопросы неэгоистичного поведения (например, альтруизма, духа справедливости, вкусов и т. д.), которые игнорировались в традиционной теории.

Экономическое поведение является предметом дискуссий в свете рационального агента, выбирающего лучшее решение из альтернатив. С психологической точки зрения необходимо выявлять мотивацию, нарушающую принцип рациональности, отражающую и объясняющую ход и смысл современной экономической жизни. Поведенческие экономисты предлагают расширить и улучшить традиционные идеи на основе междисциплинарного подхода, а точнее - моделей принятия решений, заимствованных из психологии. По мнению психологов, люди по-разному подвержены влиянию страха неудачи, угрызений совести, и часто отказываются от некоторых

преимуществ, просто чтобы избежать даже небольшого риска почувствовать, что они потерпели неудачу. Кроме того, люди часто находятся под влиянием внешних сигналов. Например, некоторые ученые утверждают, что мы видим вещи вокруг нас по отношению к другим, и у нас нет автономии в мышлении; у нас есть неконтролируемые реакции на определенные входы; нам трудно принять рациональные решения, когда мы сталкиваемся с ситуациями, требующими соблюдения определенных комбинаций социальных стандартов (дружеские просьбы, услуги, привязанность) и экономических правил (оплата счетов, цены) [1].

Поведенческая экономика пытается объяснить, почему люди часто делают иррациональный выбор и почему их поведение не следует в точности схеме, предсказанной неоклассическими моделями. В развитие данной теории свой вклад внесли различные известные ученые.

Например, эмпирические исследования Kahneman, D. и Tversky, A. поставили под сомнение предположение о рациональности инвесторов. Согласно результатам его исследований, инвесторы не склонны рисковать небольшими потерями, игнорируя при этом небольшой шанс очень большой потери, что не совместимо с общепринятым пониманием экономической рациональности. Кроме того, в своих исследованиях они обнаружили, что большинство людей не склонны к риску, когда речь идет о потенциальных доходах, в то же время, при столкновении с потенциальными потерями, те же люди становятся более склонны к риску, подобно игроку, повышающему ставки в надежде нивелировать проигрыш. Они нашли объяснение целому ряду «иррациональных» парадоксов, наблюдаемых в экономической практике: стремлению сохранить акции, стоимость которых снизилась и, наоборот, склонность продавать акции, стоимость которых возросла; возможность меньше рисковать после выигрыша и больше после проигрыша [2].

Как утверждает поведенческая экономика, опирающаяся на широкий спектр данных и результаты психологических экспериментов, люди часто страдают от пристрастия к настоящей ситуации, корыстным предубеждениям, видению иллюзорных паттернов, эталонных стандартов, денежной иллюзии и стадности [3].

Согласно модели «поведенческого жизненного цикла», люди не рассчитывают нормы сбережений и расходов, чтобы поддерживать постоянный уровень потребления в течение жизни. Вместо этого они обнаруживают, что люди предпочитают немедленное удовлетворение, а не потребление и расходы, сбалансированные в долгосрочной перспективе [4]. Роль эмоций и установок, определяющих процесс принятия решений, начинает возрастать. Больше учитываться в контексте поведенческой экономики с упором на концепцию эмоционального интеллекта и возможность индуцировать покупательское поведение с помощью эмоций или аффективные состояния, лежащие, в основном, в основе когнитивного диссонанса.

В соответствии с искажением настоящего, также называемым гиперболическим дисконтированием, люди склонны сосредотачиваться на настоящем, то есть на «сейчас», и недооценивать будущее, что приводит к принятию необдуманных решений, о которых впоследствии приходится сожалеть. Например, люди могут откладывать неприятное решение, планируя сделать его в будущем, но, когда будущее наступит, они передумают и снова откладывают неприятное решение, что в последующем может вызвать сожаление о несвоевременном решении проблемы. Решаясь на значительные затраты на длительный период в будущем, приобретая товары в кредит, или оформляя банковский кредит, человек может чувствовать себя готовым согла-

ситься на сокращение потребления в будущем. Однако, позже наступает время, обнаруживающее, что в реальности это достаточно сложно. Такое поведение, возникающее в результате принятия сфокусированных решений, описывается как непостоянное во времени, облегчающее кредитование.

Люди склонны имитировать жесты и решения других людей. Существует так называемое «социальное давление», вынуждающее подстроиться под толпу. Такое поведение отмечается даже среди профессионалов и аналитиков финансового рынка. Эффект стада имеет тенденцию минимизировать сожаление, поскольку подражание поведению других вызывает у людей чувство комфорта, а также отказ от принятия ответственности [5]. При стадном поведении принимаемые решения становятся более однородными. Склонность людей идти с толпой также способствует игнорированию повышенных рисков, поскольку это оправдано тем, что они в своих действиях не одиноки. В результате возникает необходимость защиты людей от самих себя.

Кроме того, как признают и экономисты, и психологи, люди иногда делают неоптимальный с экономической точки зрения выбор, а их рациональность ограничена когнитивными способностями [6]. Человек часто действует под влиянием эмоций, исходя из заботы о благополучии других и справедливости, поскольку по своей природе он не способен жить изолированно от общества, то и принимаемые им решения часто зависят от социальных факторов. В обычной жизни даже повседневные покупки, осуществляемые людьми, совершаются порой не просто для удовлетворения физиологических потребностей, а для удовлетворения таких желаний, как, например, получение статуса.

Согласно модели «поведенческого жизненного цикла», большинство людей не рассчитывают нормы сбережений и расходов для поддержания постоянного уровня потребления в течение жизни, а сбалансированным в долгосрочной перспективе расходам и потреблению предпочитают немедленное удовлетворение своих желаний [1].

Большинство стандартных экономических моделей изображают людей как лиц изолированных, принимающих решения отстраненно от окружающей среды. Поэтому весьма важно оценить влияние различных социальных аспектов жизни на личность человека, восприятие им результатов, а также принимаемых решений в ситуациях, требующих координации действий, способности конкурировать и принимать решение за других.

Теория двойного процесса утверждает, что решения являются результатом взаимодействия интуитивных и сощательных процессов. Первые представляют собой суждения, основанные на интуиции и чувствах, вторые - суждения, основанные на расчете. Согласно эвристике аффекта, эмоциональный опыт, полученный в процессе принятия решений, может препятствовать сощательной обработке и привести к решениям, основанным на интуитивных процессах. Напротив, решения, принимаемые экономическими агентами, рассчитаны на максимизацию полезности. Однако экономисты-бихевиористы признают, что поскольку размышления обходятся порой дорого, люди оптимизируют уровень когнитивных усилий, затрачиваемых на задачу с относительной полезностью, которую они могут извлечь. Возможно, потенциальная выгода полезности выше, когда индивид решает для себя, чем для другого человека, так как ее последствия напрямую влияют на его денежный выигрыш. Это приводит к большей когнитивной обработке, т. е. более длительному обдумыванию при принятии решения для себя, чем при принятии решения от имени других. Это доказывают результаты исследований: люди тратят меньше времени, имеют меньше ограничений и получают меньше информации при принятии решений за других.

Роль эмоций и установок, определяющих процесс принятия решений, начинает возрастать, больше учитываться в контексте поведенческой экономики с упором на концепцию эмоционального интеллекта и возможность индуцировать покупательское поведение с помощью эмоций или аффективного состояния, лежащего в основе когнитивного диссонанса. Аналогичные закономерности обнаруживаются при сравнении интуитивного и обдуманного принятия решений. Считается, что решение за других требует меньше усилий и требует менее обширного обдумывания.

Люди ведут себя по-разному в ситуациях выбора, связанного с денежными результатами и с социальными последствиями. Например, некоторые индивиды готовы пойти на больший риск в социальном контексте, нежели в финансовом. Делая выбор, люди в первую очередь создают свои мысленные представления о решаемой проблеме, т. е. ведут мысленный учет ментальных суждений, составляющих основу для принятия решений. Понимание того, как люди осуществляют подобный мысленный учет, является важным шагом в оценке их выбора.

По мнению ученых-психологов, человеческий мозг эволюционировал, решая сложные социальные проблемы, в результате чего, поведение людей меняется по мере изменения обстоятельств, нарушая привычную упорядоченность. Подобную непоследовательность нельзя назвать недостатком, скорее ее следует определить, как способность, позволяющую действовать в сложных социальных ситуациях. Как признают психологи и нейробиологи, в определенных обстоятельствах эмоции и влечения могут радикально контролировать мышление, изменение предпочтений, склонности к риску, степень эмпатии, восприятие полезности. Более того, бессознательное поведение является относительно предсказуемым.

Многочисленные экспериментальные исследования выявили определенные закономерности, объясняющие иррациональное поведение, связанное с принятием экономических решений, и определяя его в некоторой степени предсказуемым. Нерациональное поведение противоречит собственным интересам отдельных экономических агентов и считаются «ловушками», не характерными для рационального человека. Среди них теорией когнитивного диссонанса выделяются четыре особенно важных для лучшего понимания спекулятивных пузырей финансового кризиса:

- склонность переоценивать людьми собственные способности: снижение диссонанса между идеализированным представлением о собственных способностях и реальных возможностях;

- склонность уделять больше внимания информации, которая поддерживает принятое решение, чем к информации, которая ставит его под сомнение, что заставляет исправлять ошибки слишком поздно («диссонанс после принятия решения»);

- склонность уделять больше внимания убыткам, нежели прибыли. предотвращение диссонанса между ценностью до и после совершения действия («эффект эндаумента»);

- склонность к ощущению того, что мы знали, что событие должно было произойти, даже если мы не могли этого знать, что это должно было случиться: сокращение диссонанса между ожиданиями и реальными событиями («проклятие знания», «эффект заднего числа», «эффект всезнайки»). Она заставляет переоценивать способность предсказывать события, мешает учиться от предыдущих ложных предсказаний, в силу правильности предыдущих предсказаний, путем изменения наших ожиданий задним числом, чтобы они соответствовали реальности.

Долгосрочная поведенческая экономика должна стать решением многих проблем в условиях кризиса, проявлением заботы о человеке и его роли в экономике. Следует

признать, что в соответствии со стандартной экономической моделью люди действуют в контексте полной информации, они знают свои предпочтения, их выбор всегда рационален. Стандартная модель должна дополняться прогнозами поведенческой экономики, учитывающей все колебания человеческой рациональности, которая может быть ограничена эмоциями, стадным духом, маркетинговыми манипуляциями или неспособностью людей оценивать различные вероятности. Поэтому необходимо обеспечить защиту людей от их собственных решений, побуждая к долгосрочному и более беспристрастному взгляду на свои способности, уделяя большее внимание к происходящим глобальным изменениям, избегая эталонных стандартов поведения. Это еще раз доказывает необходимость регулирования экономического поведения социума на основе междисциплинарного подхода, поскольку мотивами действий людей могут выступать социально-культурные нормы поведения, общественные ценности, национальные традиции, психологические особенности индивида.

Список литературы

1. Gradinaru A. Behavioral Economics and the Need of Psychology in Economic Research. The USV Annals of Economics and Public Administration. 2014. Vol. 14, № 1(19).
2. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, 1979. 47(2), P. 263-292.
3. Mc.Donald I.M. The Global Financial Crisis and Behavioural Economics. *Economic papers*, 2009. Vol. 28. №. 3.
4. Posadzy K. Social and Economic Factors in Decision Making under Uncertainty Five Essays in Behavioral. Doctoral thesis. 10.3384/diss.diva-143035.
5. Urse L. Lecturi si reflectii pe marginea unei probleme si a unei dezbateri // *Calitatea vietii*. 2009. 20 (3-4). P. 399-403.

Информация об авторе

Тлеубердинова Айжан Тохтаровна (Республика Казахстан, Алматы) – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт экономики Комитета науки Министерства науки и образования Республики Казахстан (Республика Казахстан г. Алматы, ул. Шевченко, 29; e-mail: tat404@mail.ru).

Tleuberdinova A.T.

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO REGULATION OF ECONOMIC BEHAVIOR OF SOCIETY

Abstract. *The article substantiates the need for an interdisciplinary approach in the study of the economic behavior of society. A theoretical review of existing theories and models of behavioral economics is carried out, examples of people's behavior in various life situations, explained by socio-psychological factors, are given.*

Key words: *economic behavior, society, behavioral economics, factors.*

Information about author

Tleuberdinova Aizhan T. (Republic of Kazakhstan, Almaty) – Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan (the Republic of Kazakhstan, Almaty, st. Shevchenko, 29, e-mail: tat404@mail.ru).

Bibliography

1. Gradinaru A. Behavioral Economics and the Need of Psychology in Economic Research. The USV Annals of Economics and Public Administration. 2014. Vol. 14. № 1(19).
2. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*. 1979. 47(2). P. 263-292.
3. Mc. Donald I.M. The Global Financial Crisis and Behavioural Economics. *Economic papers*. 2009. Vol. 28. P. 3.
4. Posadzy K. Social and Economic Factors in Decision Making under Uncertainty Five Essays in Behavioral. Doctoral thesis. 10.3384/diss.diva-143035.
5. Urse L. Lecturi si reflectii pe marginea unei probleme si a unei dezbatere // *Calitatea vietii*. 2009. 20 (3-4). P. 399-403.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «СОЮЗ АРМЯН ВОЛОГОДЧИНЫ»)

***Аннотация.** Целью настоящей работы выступает выявление роли национальных сообществ как субъекта гражданского участия в России. Исследование осуществлено на материалах общественной организации, действующей на территории Вологодской области – «Союз армян Вологодчины» посредством качественной методологии социологического анализа.*

***Ключевые слова:** гражданское участие, национальные сообщества, общественные организации, диаспора.*

Вопросы гражданской самоорганизации, участия населения в процессах социальных преобразований сегодня, социокультурной интеграции общества находятся в фокусе внимания не только научного дискурса, но и широкой общественности, а также лиц, принимающих стратегические решения на всех уровнях власти. Особую значимость эта проблематика приобретает в кризисных условиях пандемии COVID-19, а также международной политической напряженности. Поиск новых путей и моделей развития гражданского участия требует дальнейших научных дискуссий и обсуждений. Особую актуальность в обозначенном проблемном поле представляет анализ гражданского участия как нематериального ресурса на уровне сообществ – наиболее приближенному к повседневным проблемам.

Следует констатировать, что в научных кругах к настоящему времени не сложилось единого понимания к трактовке «гражданское участие». В политическом дискурсе гражданское участие рассматривается как политическая вовлеченность (political participation). В рамках этого подхода авторы акцентируют внимание на деятельности отдельных граждан, групп, организаций, направленной на прямое или косвенное влияние в отношении политики различных уровней власти [2; 5]. В социальном контексте получает распространение подход к участию как социальной/общественной деятельности (social/public participation). В научной литературе оно названо «дополитическим» или «скрытым политическим» участием, из-за отсутствия явного политического намерения [4]. Учитывая сложность и неоднозначность феномена участия, в своем исследовании мы придерживаемся комплексного подхода и трактуем под гражданским участием как вертикальное взаимодействие, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством, так и горизонтальное – в процессе повседневности с целью решения общественно значимых задач [3].

Целью настоящей работы выступает выявление роли национальных сообществ как субъекта гражданского участия в России. Под национальными сообществами понимаются общественные объединения (организации), образованные по национально-территориальному принципу. Работа осуществлена на материалах общественной организации, осуществляющей свою деятельность на территории Вологодской области – «Союз армян Вологодчины» посредством качественной методологии социологического анализа (в 2019 году проведены глубинные интервью, N = 27) [1].

В результате ширококомасштабной миграции огромные массы людей перемещаясь в другие страны и на другие континенты, оказавшись за пределами своей родины, в новой, непривычной для них среде, стремятся либо влиться в уже существовавшие иммигрантские сообщества, либо создать новые. На территории Вологодской области деятельность подобных сообществ осуществляется в рамках государственной программы по развитию гражданского общества и ее подпрограммы «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Вологодской области», направленной на укрепление межнационального и межконфессионального мира и согласия в регионе¹.

Согласно действующей программе Департамент внутренней политики Правительства области совместно с областным центром молодежных и гражданских инициатив «Содружество» с целью создания условий для реализации эффективной государственной национальной политики, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений на территории области осуществляют мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений и социологических исследований в Вологодской области; проводят конференции и форумы по вопросам реализации государственной национальной политики, поддерживают деятельность национальных общественных объединений и организаций.

Как демонстрируют статистические данные в Вологодской области проживает более 100 национальностей, 7 этнических диаспор, 141 религиозная организация. По состоянию на 2021 года в Вологодской области зарегистрировано 17 национальных общественных объединений (14 – в г. Вологде, 3 – в г. Череповце)².

С 2003 года в области осуществляет свою деятельность вологодская региональная общественная организация «Союз армян Вологодчины». Изначально в организации насчитывалось больше 160 человек. Как прописано в Уставе основными целями «Союза армян Вологодчины» являются сохранение и развитие культуры и традиций армянского народа на территории Вологодской области, содействие государственным и общественным организациям в решении этих задач. Для достижения целей организация в соответствии с действующим законодательством РФ осуществляет следующие виды деятельности:

- вовлечение граждан, поддерживающих культуру и традиции армянского народа в члены общественной организации;
- содействие в трудоустройстве лицам, поддерживающих культуру и традиции армянского народа;
- организация изучения истории армянского народа;
- развитие искусства армянского народа;
- организация изучения литературы армянского народа;
- проведение семинаров, лекций по вопросам, связанными с изучением культуры, традиций и истории армянского народа и народов России;
- организация различных мероприятий, направленные на поддержку контактов между лицами, поддерживающими культуру и традиции армянского народа и др.³

¹ Государственная программа «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2021-2025 годы», утвержденная постановлением Правительства области от 27.05 2019 г № 491 (в редакции постановления Правительства области от 6 декабря 2021 года № 1355).

² Официальный сайт Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/o_regione/pasport-vologodskoy-oblasti/ (дата обращения: 20.03. 2022 г.)

³ Официальный сайт вологодской региональной общественной организации «Союз армян Вологодчины». URL: <https://www.sarinfo.org/about/Ideology/goals/> (дата обращения: 20.03. 2022 г.)

В ходе эмпирического исследования, проведенного посредством встреч и интервью с местным армянским населением, стоящих у истоков формирования «Союза армян Вологодчины», стало возможным составить комплексное и обобщенное представление об эффективности и упущениях деятельности общественной организации.

Проведенный анализ материалов интервью выявил полярность мнений респондентов относительно деятельности организации. Те, кто изначально владеет обобщенной информацией о деятельности организации, более критично выражали свою точку зрения.

«Община должна быть единой, сплоченной, все-таки живешь в другой стране и нужен какой-то консолидирующий орган. Да, конечно, через организацию, чем могли, помогали соотечественникам, для кого-то решали вопрос квот, для кого-то вопросы здравоохранения. Она была не такой уж большой, но про нас знали, обращались с уважением, в день памяти жертв геноцида (24 апреля 1915 г.), в день памяти жертвам землетрясения (7 декабря 1988 г.) с нами у Хачкара собирались много русских депутатов, другие госслужащие. И в других мероприятиях тоже они участвовали» (Атом Григорян 50 лет, строительная фирма, Вологда).

«Да, знаю что есть организация, она не большая. Там раньше работал, помогал армянам мой муж. Даже если кто-то обращался за помощью, мы всегда готовы были и готовы представить помощь – материальную, финансовую, с работой, в первое время жильем, что в наших силах и возможностях мы готовы сделать. Жена моего брата там работает учительницей танцев. Считаю деятельность организации позитивной. Они представляют армянскую культуру, гастролируют в России. Армянскую нацию в Череповце очень уважают и любят» (Эльмира Аветисян, 54 лет, домохозяйка, Череповец).

Находящиеся в чужой стране армянские мигранты, сталкиваясь с трудностями организационного характера, которые не могли решить в одиночку, просили помощи у местной организации.

«Вот например, кто умирает из всех армян собирают деньги, чтоб перевести тело в Армению» (Мария, 31 лет, менеджер, Череповец).

Однако основу деятельности организации составляют не только социальные проблемы. В центре внимания деятельности организации – воплощение в жизнь ценностных устремлений людей.

«Я сюда приехал один, иногда ко мне приезжал мой младший сын, помогал мне, участвовал в мероприятиях местной диаспоры (организации). У сына была мечта – подняться на вершину Библейского Арарата. С помощью Соса Аветисовича (тогдашний председатель «Союза армян Вологодчины») мы помогли ему финансово и материально, чтоб поднялся на Арарат. Он на вершине поставил флаг Армении, а кусок флага подарил Сосу, которая до сих пор находится в местной диаспоре. Местная диаспора не большая, но все мы как-то пытаемся поучаствовать в ее жизни, помогаем, чем можем. Думаю, это очень важная организация для здесь находящихся армян» (Манвел Хачатрян, 58 лет, ювелир, Сокол).

Эмпирическое исследование выявило, что среди респондентов значительная доля тех, кто знает о существовании организации, однако особо не осведомлены о проводимых мероприятиях и ее деятельности в целом.

«Да тут есть армянская маленькая диаспора («Союз армян Вологодчины»), но про их деятельность особо не осведомлен, что делают, зачем не моего ума дело» (Артур, 47 лет, сапожник, Череповец).

«Да я знаю, что тут есть армянская диаспора. Организуются какие-то собрания, но я в этом не участвую» (Евгения, 41 лет, продавец, Череповец).

Различные мероприятия, проводимые организацией «Союз армян Вологодчины», более детальное представление культуры собственного народа, выступают не только связующим звеном для информирования населения принимающей страны об особенностях национальных обычаев и традиций мигрантов, но и условием для своеобразного средства коммуникации.

«Да про организацию осведомлена. Даже бывает, меня приглашают организовать фуршет. Недавно был юбилей 150-летия известного армянского композитора Арама Хачатуряна. Были приглашены гости из Армении. Я была приглашена – организовать фуршет. Иногда участвовала в различных мероприятиях как представительница армянской кухни. Думаю, деятельность диаспоры очень важна, потому что у нас есть нехватка информации. А они и информируют, и организуют, что важно для единства и сплоченности армян, живущих за рубежом» (Лусине Варданян, 63 лет. Шеф-повар, Сокол).

«Да я знаю, что тут есть армянская диаспора. Она, правда, не очень большая, но помогает армянам чем может, детям помогают различные выступления организовать, финансируют, чтоб дети по России ездили. Мы с друзьями участвуем в организованных мероприятиях, где выступают дети с армянскими национальными танцами. Я доволен их деятельностью. Даже есть крупные бизнесмены, которые тоже оказывают свою поддержку» (Геворг, 30 лет, изготовитель ключей, Череповец).

Не случайно, что «Союз армян Вологодчины», подчеркивая важность сохранения армянства и идентичности соотечественников, проживающих в диаспоре, поставил перед собой задачу организации изучения армянской культуры, литературы, истории.

«Да я знаю что тут есть армянская диаспора. Она правда не очень большая, но помогает армянам чем может. Ее роль, по-моему, в укреплении национальных связей. Они достигают положительных результатов – есть армянская воскресная школа, проводятся много различных мероприятий» (Варздат, 31 лет, бизнесмен, Череповец).

Полученные данные в ходе авторского исследования свидетельствуют о взаимосвязи организации с местной властью в решении национальных вопросов. Как показывает анализ отчетной документации организации, представители «Союза армян Вологодчины», подчеркивая важность владения среди армян национального языка, знание истории, культуры и традиций своих предков, официально обратились в Вологодскую городскую думу с просьбой посодействовать в организации изучения армянского языка в общеобразовательной школе. В ответ на обращение сообщили, что за счет части учебного плана, формируемой участниками образовательного процесса, учреждение имеет возможность вводить учебные курсы, обеспечивающие реализацию интересов обучающихся и их родителей, в том числе и этнокультурных, при наличии в учреждении соответствующих кадровых, методических, материально-технических, финансовых условий.

На протяжении многих лет «Союз армян Вологодчины» способствует установлению межнациональных контактов на культурном и социальном уровне, поддерживая традиции и сохраняя элементы армянской культуры в Вологде и Вологодской области. Обращая внимание на наследие, которое оставила в жизни родного края народный художник Российской Федерации, армянка по происхождению,

Джанна Таджатова Тутунджан руководство «Союз армян Вологодчины» официально обратилась к городским властям для увековечения имени известной вологодской художницы в форме установления мемориального объекта (мемориальной доски). Все затраты взяв на себя, «Союз армян Вологодчины» на доме №37 по ул. Воровского г. Вологда установила мемориальную доску.

Сочувствие, протягивание руку помощи соотечественникам, оказавшимся на чужбине, не ограничивается рамками национальной принадлежности. Не будучи безразличными к проблемам окружающих, «Союз армян Вологодчины» проявляет готовность содействовать людям, оказавшимся в кризисных ситуациях, протягивая руку помощи их семьям и детям, о чем свидетельствует ряд благодарственных писем, полученных в ходе авторского исследования.

«Муниципальное бюджетное учреждение «Территориальной центр социальной помощи семье и детям г. Вологды» выражает Вам искреннюю признательность за оказанную благотворительную помощь в виде обуви на сумму 340.000 рублей. Ваша высокая гражданская позиция в деле благотворительности служит достойным примером для подражания. Благодаря оказываемой Вами помощи многие жители Вологды смогли найти выход из трудной жизненной ситуации».

Постепенно пройдя этап адаптации и аккультурации, представители организации начали интегрироваться в принимающее общество и государство, становясь одновременно активными участниками социально-политических процессов, выдвигая свои требования и разрабатывая средства достижения поставленных целей. Протокольные решения собрания членов региональной общественной организации «Союз армян Вологодчины», полученные в ходе авторского исследования, констатируют факт о рекомендации кандидатуры армянского представителя правительству Вологодской области для включения в новый состав Общественной палаты Вологодской области. Данные из другого протокольного решения свидетельствуют, что представители «Союза армян Вологодчины» предлагали поддержать подписями следующую идею: рассмотрение в Госдуме Российской Федерации законопроект «Об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, фашизма и отрицания Геноцида армян в Османской Турции в виде лишения свободы или штрафа».

Подчеркивая неоспоримую роль и вклад «Союза армян Вологодчины», правительство Вологодской области, в «День народного единства», выразили свою благодарность армянскому сообществу и отметили важность, что и впредь они будут вносить свой достойный вклад в сохранение мира и согласия в Вологодской области, укрепление культурных нравственных устоев Вологодчины, в совершенствовании духовно-нравственного воспитания молодежи, в развитии плодотворного межнационального и межконфессионального диалога.

Духовное единство народов и объединяющие их моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Общество способно ставить и решать масштабные национальные задачи лишь тогда, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и культурным ценностям к памяти своих предков, к каждой странице отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны, служит основой повседневной жизни, фундаментом для политических и экономических отношений. Уровень сплоченности определяется многовековым историческим опытом совместного проживания различных народов. Безусловно, большая заслуга руководителей

этих объединений в том, что общественно-политическая ситуация в области на протяжении многих лет остается стабильной.

В целом авторское исследование на примере конкретной организации показало, что национальные сообщества выступают значимым субъектом гражданского участия в российском обществе.

Список литературы

1. Айрапетян Э.М. Транснациональная миграция как условие возвратности (на примере армянской диаспоры в Вологодской области) // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 5. DOI: 10.15838/sa.2021.5.32.7. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29138>
2. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. 2017. № 6. С. 43–60.
3. Уханова Ю.В. Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 3. С. 25–50.
4. Amna E. How is civic engagement developed over time? // Journal of Adolescence. 2012. Vol. 35 (3). P. 611–627.
5. Berger B. Political Theory, Political Science and the End of Civic Engagement. Perspectives on Politics. 2009. Vol. 7 (02). P. 335–350.

Информация об авторах

Уханова Юлия Викторовна (Россия, Вологда) – кандидат исторических наук., зав. лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, старший научный сотрудник ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ukhanova4@rambler.ru).

Айрапетян Эдгар Мурадович (Армения, Ереван) – соискатель Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (22.00.08 «Социология управления»), главный специалист Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Армения (0096, г. Ереван, ул. Д. Маляна, д. 24 e-mail: e-hayrapetyan91@mail.ru).

Uhanova Y.V., Hayrapetyan E.M.

NATIONAL COMMUNITIES AS A SUBJECT OF CIVIC PARTICIPATION (BASED ON THE MATERIALS OF THE PUBLIC ORGANIZATION “UNION OF ARMENIANS OF VOLOGDA REGION”)

Abstract. *The purpose of this work is to identify the role of national communities as a subject of civic participation in Russia. The study was carried out on the materials of a public organization operating in the Vologda region - the Union of Armenians of Vologda region through a qualitative methodology of sociological analysis.*

Key words: *civic participation, national communities, public organizations, diaspora.*

Information about authors

Ukhanova Yuliya V. (Russia, Vologda) – Candidate of Historical Sciences, Head of the Laboratory for the Study of Social Processes and the Effectiveness of Public Administration, Senior Researcher at the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (160014, Vologda, Gorky St., 56A, ukhanova4@rambler.ru).

Hayrapetyan Edgar M. (Armenia, Yerevan) – Candidate of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics (22.00.08 “Sociology of Management”), Chief Specialist of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Armenia (0096, Yerevan, D. Malyana str., 2, e-hayrapetyan91@mail.ru).

Bibliography

1. Hayrapetyan E.M. Transnational migration as a condition of return (on the example of the Armenian Diaspora in the Vologda Oblast) // *Social Space*. 2021. Vol. 7. No. 5. DOI: 10.15838/sa.2021.5.32.7 URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29138>
2. Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. Civic participation: features of discourse and trends of real development // *Polis*. 2017. No. 6. P. 43-60.
3. Ukhanova Yu.V. The phenomenon of civic participation in scientific discourse: theoretical and methodological foundations of research // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 25-50.
4. Amna E. How is civic engagement developed over time? // *Journal of Adolescence*, 2012. vol. 35 (3). P. 611–627.
5. Berger B. Political Theory, Political Science and the End of Civic Engagement. *Perspectives on Politics*. 2009. vol. 7 (02). P. 335–350.

ЗАЩИТА ГОРОДСКИХ ЗЕЛЕННЫХ ЗОН В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: МЕЖДУ ОСПАРИВАЕМОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ И ЦИФРОВЫМИ ПЛАТФОРМАМИ

***Аннотация.** В статье критически оценивается значение цифровых платформ для низового городского активизма в условиях пандемии. Опираясь на материалы качественного исследования, автор демонстрирует, что локальность и материальность приоритетны для активистов, тогда как цифровая коммуникация используется инструментально: как ресурс коллективного действия.*

***Ключевые слова:** городской локальный конфликт, оспариваемые зеленые зоны, цифровые платформы, коллективное действие, коннективное действие.*

Развитие современных российских городов подчинено логике «неолиберального урбанизма», в которой коммерческие интересы городских элит безусловно доминируют над потребностями и интересами горожан [2]. Недовольство жителей может выливаться в городские локальные конфликты, где сталкиваются различные представления о «хорошей» и «благоустроенной» городской среде и конкурирующие идеи о развитии городских территорий, а сами горожане самоорганизуются, чтобы заявить свое «право на город» [3] и выступить против нежелательного (ре)девелопмента. Широкое распространение получают, в частности, конфликты, связанные с экологической повесткой [6], например, с вырубкой и коммерческой застройкой зеленых зон. Такие конфликты с участием городских активистов, местных жителей и гражданских экспертов нередко характеризуются самым широким репертуаром инструментов оспаривания неблагоприятных решений о судьбе зеленых зон и использованием большого количества офлайн- и цифровых публичных арен борьбы [7].

Цифровые платформы приобретают все большее значение для городских активистов, которые используют их для рекрутинга сторонников, поиска союзников из числа экспертов, политиков и представителей активистских групп, сформировавшихся для защиты других городских территорий, и опосредованной коммуникации с оппонентами. В динамической перспективе они становятся пространствами архивирования истории конфликта, формирования (де)политизированных контр-дискурсов, аккумуляции социального капитала участников, (вос)производства их коллективной протестной идентичности, принятия стратегических и тактических решений, а некоторых случаях – даже ядром институционализации активистского сообщества [4; см. также 7]. Считается, что по мере того, как низовой активизм все больше становится онлайн-овым, меняется сама природа социальных действий участников: из коллективных эти действия становятся «коннективными» [1], то есть предельно индивидуализированными, основанными на персональном создании и потреблении цифрового контента, снижающими личные издержки участников и зависимыми не столько от солидарности этих участников, сколько от возможностей и ограничений самой цифровой инфраструктуры. Коннективные действия можно считать беспрецедентно детерриторизированными: они не зависят ни от местоположения участников, ни даже от их (не)способности собраться в одном месте. В то же время, если низовые активисты самоорганизуются для защиты конкретных городских территорий, именно локальность, привязка к месту с его уникальной историей, памятью, инфраструктурами и практиками, становится символическим ядром протеста, даже если основная его часть разворачивается онлайн [5].

Пандемия COVID-19 вносит новые ограничения в низовой городской активизм, делая невозможными или затрудненными многие формы офлайн-активности участников, такие как различные форматы уличной политики, перформансы, фестивали, мастер-классы, экскурсии и пр. Означает ли это, что на пике самоизоляции городской активизм практически полностью переходит в онлайн-пространство, а коллективное протестное действие окончательно заменяется коннективным? Можно ли утверждать, что в условиях пандемии материальность оспариваемых территорий становится менее значимой, а локальные городские конфликты – менее локальными?

В поиске ответов на эти вопросы я обращаюсь к материалам исследования, осуществленного с использованием стратегии кейс-стади. В фокусе моего анализа находится конфликт вокруг масштабной реконструкции Приокского парка «Швейцария», крупнейшего парка культуры и отдыха Нижнего Новгорода. Эмпирическую базу исследования составляет серия полуформализованных интервью с нижегородскими активистами, а также представителями дружественных им экспертных и гражданских инициатив, вовлеченных в конфликт. Также в анализе использованы данные, полученные из четырех онлайн-групп социальной сети «ВКонтакте»: «Попечительский совет парка «Швейцария»» (на март 2022 около 500 подписчиков, далее Группа 1), «Спасём Приокский парк «Швейцария»» (369 участников, далее Группа 2), «СпасГрад – Нижний Новгород» (1120 участников, далее Группа 3) и «42 – я имею право!» (1657 подписчиков, далее Группа 4).

Посты, собранные из первых двух групп, были закодированы сплошным образом; в третьей группе, объединяющей защитников нижегородских памятников истории и культуры, и четвертой группе, созданной нижегородским экологическим центром «ДронТ» для реализации проекта по защите экологических прав граждан, были отобраны посты, посвященные борьбе против реконструкции парка. Полученные в ходе интервью нарративы также были подвергнуты процедурам открытого, осевого и выборочного кодирования.

Еще в 2019 г. стало известно о планах нижегородской администрации в рамках реконструкции разместить на территории парка «Швейцария» ряд объектов капитального строительства (центр для инвалидов, экошколу, детский центр, коворкинги), вырубив для этого значительную долю зеленых насаждений. 1 ноября того же года состоялись публичные слушания «Об утверждении изменений в Правила землепользования и застройки города Нижнего Новгорода», где, к возмущению горожан, обсуждалась возможность изменения статуса части территории парка для легализации капитального строительства. Однако разгар конфликта пришелся на 2020 г., когда, в преддверии восьмисотлетнего юбилея города, на реконструкцию парка были выделены значительные средства из федерального бюджета (по официальным данным, проект должен был обойтись в 3.7 млрд. руб.), а Городская Дума без какого-либо публичного обсуждения приняла решение об исключении из границ муниципального парка земельных участков общей площадью более 35 тыс. кв. м. Активисты не только считали строительство на территории парка прямым нарушением регионального закона 100-3 «Об охране озелененных территорий Нижегородской области», но заявляли, что помимо прямых вырубок деревьев и кустарников реализация проекта приведет к повреждению корней других зеленых насаждений и масштабному уничтожению плодородного слоя почвы.

Начавшийся еще до пандемии конфликт продолжился весной 2020 г. на фоне жестких ограничений, сопряженных с режимом самоизоляции. Доступ к оспариваемой территории парка был сначала ограничен (26 марта администрация пар-

ка сообщила, что в нем «приостановлено до особого распоряжения проведение досуговых, развлекательных, зрелищных, культурных, физкультурных, спортивных, выставочных, просветительских, рекламных и иных подобных мероприятий с очным присутствием граждан, а также работа аттракционов и объектов общественного питания»), а затем, с установлением 30 марта в Нижегородской области режима самоизоляции, полностью заблокирован. С 15 июля парк был закрыт на реконструкцию, причем горожане были лишены возможности осуществления контроля за ходом строительных работ (Группа 1). Ушли в прошлое локализованные в пространстве парка инициативы защитников, такие как бесплатные экскурсии для активистов и местных жителей. В своих постах участники онлайн-групп изредка артикулируют связанные с пандемией проблемы, однако считают, что их власть имущие оппоненты злоупотребляют требованиями безопасности, чтобы воспрепятствовать протестующим. Так, одна из защитниц парка публикует ироничный рассказ о том, как, отправившись на одиночный пикет против застройки «Швейцарии», она случайно пообщалась о будущей реконструкции с заместителем Главы администрации города по строительству и архитектуре, после чего он «ушел в офис обсуждать проект с общественностью. Правда, общественность в виде меня осталась за дверью, ибо как, меры против коронавируса же приняты!» (Группа 1, 25.03.2020). А летом, планируя очередную протестную акцию, организаторы предупреждают: «Все предосторожности в связи с ковидной опасностью должны быть при этом соблюдены. Однако спекуляции правительства на тему пандемии с целью ограничения наших прав никого не останавливают!» (Группа 1, 28.07.2020). Колоссальный бюджет проекта активисты контрастируют с дефицитом ресурсов, с которым столкнулась система здравоохранения в период пандемии, называя реконструкцию парка «пиром во время чумы» (Группа 1, 27.01.2020).

В условиях самоизоляции протест действительно временно перемещается на цифровые платформы. Защитники парка анализируют доступную им документацию о реконструкции парка, отчитываются о переписке с различными инстанциями, снимают просветительские ролики о рисках реконструкции для экосистемы парка и фиксируют экологические нарушения при проведении работ (Группа 4), а также запускают онлайн-петицию «Защитим «Швейцарию» от застройки!» на ресурсе Change.org. Примечательно, однако, что инициатива в онлайн-коммуникации принадлежит преимущественно ограниченному кругу активистов, многие из которых обладают предыдущим опытом оспаривания городских территорий. Относительно стабильный состав активистского ядра, объединяющего городских градозащитников, экологических активистов и правозащитников, вообще является отличительной особенностью активистского движения в Нижнем Новгороде. Фактически эта плотная сеть активистов и дружественных экспертов переходит на цифровые платформы, но их действия, медиированные цифровыми кодами, остаются коллективными. Именно активисты просвещают, убеждают и призывают к действию других участников, предоставляя им готовые рецепты борьбы (поддержка электронной петиции, составление сообщений о нарушениях по подготовленному шаблону и пр.). Между тем, коннективные действия периферийных участников зачастую сводятся к эмоциональным комментариям о печальной судьбе парка и несистематическим наблюдениям о ходе работ.

Более того, сами представители активистского ядра амбивалентно оценивают роль цифровых платформ в своей борьбе. С одной стороны, они признают, что при-

сутствие на таких платформах является неотъемлемым условием видимости протеста, его публичного признания: «Да чего это? Да кто ты вообще такой? Мы вот знаешь уже сколько лет протестуем?! Вот мы уже столько раз протестовали!» А где про это написано? Где, так сказать? «А чего писать-то? Мы вот протестуем». То есть, понимаете, если этого нет в интернете – этого нет [вообще]» (Интервью 1). С другой стороны, они обеспокоены перспективой редуцирования протеста к онлайн-коммуникация, заявляя, что такая коммуникация зачастую является лишь имитацией гражданского участия, отвлекающей заинтересованных горожан от более эффективных, но и чреватых более значительными издержками форм оспаривания: «Вот с появлением соцсетей... я даже не знаю, хорошо это или плохо, может быть, даже плохо. Огромное количество горожан, которые могли бы подключиться, ушли в триндение в соцсетях. Не было бы соцсетей, ну, может быть, 10% из них приняли бы участие, что-то сделали. А так, они сидят там: “А-а, все гады, все сволочи!” И что? Это кухня, получилась та же самая советская кухня, которую мы проходили» (Интервью 2).

Поэтому неудивительно, что при первой возможности активисты возвращаются в физическое пространство находящегося под угрозой парка, тактически минуя ковидные ограничения. В частности, они запускают серию еженедельных публичных акций, в ходе которых живой цепью окружают парк по границе, причем участники акций (на пике протеста их насчитывается до нескольких сотен) с фонариками в руках поддерживают между собой должную социальную дистанцию. Текстуальные и фотоотчеты об этих «молчаливых протестах» затем публикуются на цифровых платформах (Группы 1-2), а перепосты оперативно появляются в других оппозиционных группах (3-4). «Живые цепочки» окружали парк целый год, всего было проведено 58 акций. Активисты специально подчеркивают, что эти акции делали варварскую реконструкцию парка видимой для широких городских публик и порождали широкий коммуникативный резонанс: «И весь ужас происходящего становится очевиден не только нам, но и всем пассажирам общественного транспорта, проезжающего вдоль проспекта Гагарина. Наверное, поэтому с самого начала цепей и сейчас особенно активно нам мигают водители автобусов, троллейбусов и маршруток. Они-то уже давно наблюдают «благоустройство» с высоты своего водительского места. Спасибо большое всем, кто поддерживает защитников и, проезжая мимо, сигналист и светит в ответ фонариками из машин» (Группа 1, 16.03.2021). Такая обратная связь становится возможной исключительно при помещении протеста в живые декорации оспариваемой территории.

Впоследствии активисты используют другие форматы борьбы, также укорененные в материальности парка и связанные с эмоциональным переживанием трансформаций его экосреды. Так, они проводят «рейды общественного экологического контроля» в разных парковых зонах, фиксируя многочисленные нарушения правил благоустройства: повреждения зеленых насаждений и почв, завал растительности снежными массами и пр. Свои рапорты участники «экологических дозоров» публикуют на цифровых платформах, а также направляют в областное Министерство экологии и Управление административно-технического контроля.

Итак, хотя цифровые платформы чрезвычайно важны для градозащитников и экоактивистов в изученном кейсе, цифровая коммуникация не представляется им самодостаточной, а лишь является отражением и одновременно пространством применения усилий активистского ядра. Коннективные действия здесь не вытесня-

ют коллективные, а уступают им, выполняя комплементарную функцию. Несмотря на глобальные тенденции цифровизации протестов и вызовы пандемии, защитники парка «Швейцария» стремятся максимально укоренить протест в локальном материальном контексте и тем самым сделать его более зримым и символически нагруженным. Благодаря акциям на территории парка и по его границам представители активистского ядра и их сторонники получают эмоционально нагруженный опыт сопричастности к судьбе оспариваемой зеленой зоны, связанный с формированием эмоциональной привязанности к парку через практики взаимодействия с его материальностью и пространственные тактики защиты.

Сведения об информантах

Интервью 1: м., нижегородский активист, участник ряда городских локальных конфликтов вокруг защиты исторических зданий и зеленых насаждений.

Интервью 2: м., эколог, ведущий нижегородский эксперт, гражданский активист.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10054-П) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

Список литературы

1. Запорожец О., Чернышева Л. Глава 5. Локальное коннективное действие: случаи защиты городских зеленых зон // Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / отв. ред. Е. В. Тыканова. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 121-150.
2. Семенов А.В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 29-37.
3. Хохлова А.М., Тыканова Е.В. Цифровые арены городских локальных конфликтов: нарративы активистов и экспертов // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения 12-14 ноября 2020 года / отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 233-234.
4. Bennett L.W., Segerberg A. The logic of connective action // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15. No 5. P. 739-768.
5. Gerbaudo P., Treré E. In search of the 'we' of social media activism: introduction to the special issue on social media and protest identities // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18. No 8. P. 865-871.
6. Harvey D. Neo-liberalism as creative destruction // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. 2006. Vol. 88. No 2. P. 145-158.
7. Harvey D. The right to the city // New Left Review. 2008. Vol. 2. No 53. P. 23-40.

Информация об авторе

Хохлова Анисья Михайловна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, доцент факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; старший научный сотрудник, Социологический институт ФНИСЦ РАН (191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9 подъезд; e-mail: a.khokhlova@spbu.ru, anisya_khokhlova@mail.ru).

THE PROTECTION OF URBAN GREENFIELD SITES IN THE PANDEMIC: BETWEEN THE CONTESTED TERRITORY AND THE DIGITAL PLATFORMS

Abstract. *The paper critically assesses the value of digital platforms for grassroots urban activism under the conditions of the pandemic. Based on the materials of her qualitative research, the author demonstrates that locality and materiality do matter for the activists, while digital communication is used instrumentally as a resource of collective action.*

Key words: *urban local conflict, contested greenfield sites, digital platforms, collective action, connective action.*

Information about author

Khokhlova Anisya M. (Russia, St. Petersburg) – Ph.D./candidate of science (sociology), associate professor, St. Petersburg State University, faculty of sociology; senior research associate, the Sociological Institute of the RAS – the Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Smolnogo str., 1/3, entrance 9, 191124, St. Petersburg, Russia; a.khokhlova@spbu.ru, anisya_khokhlova@mail.ru).

Bibliography

1. Zaporozhets O., Chernysheva L. Chapter 5. Local connective action: the cases of protection of urban greenfield sites // *The Cities of Forking Streets: Trajectories of Development of Local Urban Conflicts in Russia* / Ed. by E. Tykanova. Moscow, St. Petersburg, 2021. P. 121-150.
2. Semenov A. Grassroots: patterns of grassroots urban mobilization in Russia // *Sociological Researches*. 2019. No 12. P. 29-37.
3. Khokhlova A., Tykanova E. Digital arenas of urban local conflicts: narratives of activists and experts // *Digital Society – A New Format of Social Reality: Structures, Processes and Trends*. Proceedings of the XIV All-Russian Conference “Kovalevsky Readings”, 12-14 November 2020 / Ed. by N.G. Skvortsov and Yu.V. Asochakov. St. Petersburg: Skifia-Print, 2020. P. 233-234.
4. Bennett L.W., Segerberg A. The logic of connective action // *Information, Communication & Society*. 2012. Vol. 15. No 5. P. 739-768.
5. Gerbaudo P., Treré E. In search of the ‘we’ of social media activism: introduction to the special issue on social media and protest identities // *Information, Communication & Society*. 2015. Vol. 18. No 8. P. 865-871.
6. Harvey D. Neo-liberalism as creative destruction // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 2006. Vol. 88. No 2. P. 145-158.
7. Harvey D. The right to the city // *New Left Review*. 2008. Vol. 2. No 53. P. 23-40.

Научное издание

Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений

Материалы VII международной научно-практической
интернет-конференции
(г. Вологда, 28 марта–1 апреля 2022 г.)

Электронное издание

Редактор Н.В. Степанова
Оригинал-макет В.В. Ригина

Материалы публикуются в авторской редакции

Подписано к использованию 10.11.2022. Тираж 300 экз. Заказ № 57.

Электронный текст.дан. (8,5 Мб).

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Тел. (8172) 59-78-10, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-547-1

9 785932 995471 >